

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ

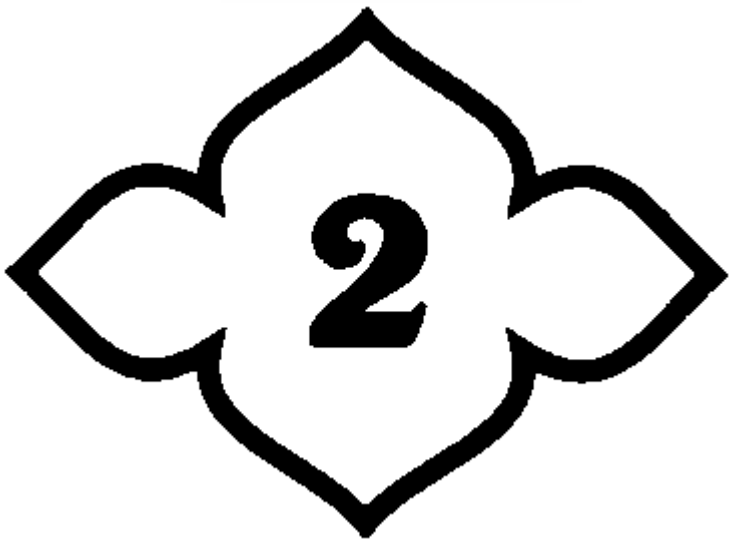
Ш. Ш. УӘЛИХАНОВ АТЫНДАҒЫ ТАРИХ ЖӘНЕ ЭТНОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

Ә. Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

ҚАЗАҚСТАН тарихы

КӨНЕ ЗАМАННАН БҮГІНГЕ ДЕЙІН

БЕС ТОМДЫҚ

Алматы «Атамұра» 2010

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ НАУКИ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ЭТНОЛОГИИ ИМ. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А. Х. МАРГУЛАНА

История КАЗАХСТАНА

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

В ПЯТИ ТОМАХ

Алматы «Атамұра» 2010

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**АСЫЛБЕКОВ М.Х., АЛДАЖУМАНОВ К.С.,
БАЙПАКОВ К.М., ИСМАГУЛОВ О.И.,
КОЗЫБАЕВ М.К. (главный редактор),
КОШАНОВ А.К., КУЛ-МУХАММЕД М. А.,
КУМЕКОВ Б.Е., НУРПЕИС К.Н.,
РОМАНОВ Ю.И., САГАДИЕВ К.А.**

От редколлегии: Предпринятое издание многотомной «Истории Казахстана», как показал выход в свет первого тома, вызвало большой интерес широких кругов читателей, положительно оценено научным миром. Учитывая это обстоятельство, а главное, происходящие радикальные изменения в становлении суверенного Казахстана, реформирование всех сфер жизни общества, рост национального самосознания, набирающий в обществе силу процесс формирования исторического сознания, основой которого является познание объективной истории, редколлегия издания приняла решение расширить настоящее издание с четырех до пяти томов. Заключительный пятый том хронологически охватит период истории становления и развития суверенного Казахстана.

ТОМ 2

КАЗАХСТАН В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)
И 90

И 90 **История Казахстана (с древнейших времен до наших дней).** В пяти томах. Т. 2. – Алматы: "Атамұра", 2010. 624 с., илл.

ISBN 978-601-282-024-9, т.2
ISBN 978-601-282-022-5

В книге освещается история Казахстана в эпоху позднего средневековья с середины XIII до начала XVIII века. На основе комплекса письменных источников и археологических изысканий рассмотрены процессы становления и развития Казахского ханства, сложения казахской народности, формирования этнической территории, социально-экономические отношения в казахском обществе.

Значительное место занимают вопросы политической истории Казахского государства, его внешняя политика, взаимосвязи с соседними государствами и народами, государственная деятельность Жаныбека, Касым-хана, Хакназар-хана, Тауекеля, Есима, Жангир-хана, Тауке, Абулхайра, Абылай-хана и др.

Рассмотрены важнейшие проблемы развития духовной культуры, городской цивилизации, торговли, денежного обращения. Книга содержит карты, иллюстрации, научный аппарат, указатели.

Рассчитана на обществоведов, преподавателей вузов, школ, колледжей, гимназий и лицеев, студентов, а также всех интересующихся историей Республики Казахстан.

РЕДКОЛЛЕГИЯ ТОМА:

К. М. БАЙПАКОВ, М. К. КОЗЫБАЕВ,
Б. Е. КУМЕКОВ, К. А. ПИЩУЛИНА

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)

ISBN 978-601-282-024-9, т.2.
ISBN 978-601-282-022-5

© «Атамұра», 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй том пятитомной «Истории Казахстана» посвящен проблемам позднесредневековой истории и охватывает период с середины XIII в. до начала XVIII в. Как и предшествующий первый том (1996 г.), данное издание имеет под собой прочную источниковую базу, основанную на письменных памятниках Востока, археологических и антропологических материалах, данных лингвистики и устного народного творчества. В нем нашли отражение новые подходы в освещении тех или иных проблем средневековья, даны системные исторические знания с учетом достижений отечественной и зарубежной науки.

Народы и племена Казахстана вкупе с многими сопредельными и отдаленными этносами и странами Евразии в первой половине XIII в. вошли в состав Монгольской империи. На современном этапе развития исторической науки последствия монгольского завоевания трактуются неоднозначно. Прежде всего очевидны отрицательные последствия монгольского нашествия для социально-политического, хозяйственного, этнического и культурного развития края. Вместе с тем создание в столь обширном геополитическом пространстве Монгольской империи, в частности Золотой Орды, привело к формированию единой политической системы, в рамках которой наблюдалось развитие торговых, международных связей, а также получали распространение идея централизованной власти, важные элементы государственности и фискальной службы. На территории Казахстана монгольская знать, породнившаяся с тюркской и присвоившая все прерогативы политической власти, постепенно поглощалась и ассимилировалась в тюркской, прежде всего в кыпчакской среде. В борении двух культур – монгольской и кыпчакской – восторжествовала более развитая кыпчакская культура, тем самым кыпчакская традиция возобладала над монгольской. На этой почве идеи, связанные с государственным устройством кыпчаков, оказались настолько прочными, что они проявились вновь в период образования в конце XIII в. Кок-Орды (Ак-Орда), первого автохтонного государства на кыпчакской этнической основе.

Междоусобная династийная борьба, а также многократные военные походы повелителя великой империи Тимура на территорию Казахстана привели к распаду Кок-Орды на Узбекское ханство и Ногайскую Орду. Этнический состав в созданных этносоциальных образованиях в основном совпадал, отличие между ними заключалось лишь в количественных и качественных параметрах. Так, господствующим племенем в Кок-Орде явились кыпчаки, в Моголистане были дулаты, а в Ногайской Орде – мангыты. Восходящая, интегрирующая линия в этнических процессах постепенно возобладала. В XIV–XV вв. завершился процесс сложения казахской народности из различных тюркских и тюркизированных монгольских этнических групп. Само имя «казак», претерпевшее сложный ход трансформации от первоначального со-

циального значения до этнического содержания, становится именем народа, известного не только духом воинственности, но и высоким уровнем самодостаточной экономики, самобытной культуры.

Специфической чертой этнической истории казахского народа являются жузы. В основе жузов, очевидно, лежали закрепленные традицией территории жизненно важных пастбищ и маршруты кочевий, веками складывавшиеся традиции государственных образований и родоплеменных конфедераций, трансформировавшиеся в конечном счете в этнотерриториальные объединения. Строгая регламентация родоплеменной структуры в жузах, находившая четкое проявление на бытовом, социальном и военном уровнях, обеспечивала устойчивость этой структуры и повышенную сопротивляемость внешним ударам.

Возникновение Казахского ханства (1466 г.) стало закономерным итогом этнополитических и социально-культурных процессов, происходивших на территории Казахстана в XIV—XV вв. Казахская государственность есть продукт длительного исторического развития, уходящая корнями в древность, она способствовала консолидации казахской народности, формированию и укреплению целостности ее этнотерритории, развитию духовной и материальной культуры казахского народа.

При Касыме, Хакназаре, Тауекеле, Есиме, Тауке Казахское ханство было централизованным государством, единым политическим организмом, прошедшим этапы укрепления и возвышения, игравшим заметную роль в Центральной Азии.

В XV—XVII вв. была создана прочная экономическая система, базировавшаяся на двух взаимодополняющих хозяйственно-культурных типах — кочевом скотоводческом и оседло-земледельческом, городском. Урбанизация явилась одним из определяющих факторов средневековой истории казахов. Не случайно между казахскими и среднеазиатскими ханами шла упорная борьба за сырдарьинские города. Великолепные сооружения и монументальные постройки украшали многие города.

В условиях степной цивилизации развивалась самобытная культура казахского народа. В ней органически слились культурные ценности предшествующих поколений и народов на территории Казахстана.

Прекрасные произведения традиционных ремесел, домашних промыслов, прикладного искусства ярко свидетельствуют о высоком уровне своеобразной материальной культуры народа. Широко, на традиционной благодатной почве развивалось устное народное творчество казахов, в том числе устная историософия. Из поколения в поколение передавались многие произведения героического эпоса, социально-бытовые поэмы, слагались обрядовые песни и сказки. Талантливые музыканты создавали инструментальные произведения (кюи) на эпические, исторические сюжеты, отражая и бытовые темы. В XVI—XVII вв. письменная литература на казахском языке была распространена в виде книг религиозного и историко-легендарного содержания, создавались историческая литература и генеалогии (шежіре). Ислам в этот период глубоко укоренился в казахском обществе, в особенности, среди правящей казахской элиты.

Настоящий том с очевидностью показывает общие закономерности и специфические особенности образования казахской народности, возникновения и развития Казахского ханства, в их многообразных торговых, полити-

ческих и культурных взаимосвязях с сопредельными и отдельными этносами и странами.

Текст второго тома «История Казахстана» написан следующими авторами: предисловие – Кумековым Б. Е., глава «Источники, историография позднесредневекового Казахстана» – Пищулиной К. А., Кумековым Б. Е. (1), текст по китайским материалам написан Хафизовой К. Ш., по западным источникам – Есмагамбетовым К. Л.; Пищулиной К. А. (2).; Байпаковым К. М. (3). Раздел I, глава I – Султановым Т. И. и Кадырбаевым А. Ш. (1–2), Пищулиной К. А. (3). Глава 2 – Пищулиной К. А. (1–6), Мингуловым Н. Н. (2, 7); глава 3 – Пищулиной К.А. (1–3), Байпаковым К.М. (4–6); глава 4 – Каскабасовым С. А. (1), Мустафиной Р. М. (2), Байпаковым К. М. (3); глава 5 – Исмагуловым О., Сихимбаевой К., Исмагуловой А. О. (1), Пищулиной К. А. (2–4), Кумековым Б. Е. (4, 5), Мукановым М. С. (6); глава 6 – Пищулиной К. А. (1–5). Раздел 2, глава 1 – Султановым Т. И. (1,3–4), Пищулиной К. А. (2); глава 2 – Абусеитовой М. Х. (1–2); глава 3 – Абусеитовой М. Х. (1), Галиевым В. З. (2), Кумековым Б. Е. (3), Валихановым Е. Ж. (4); глава 4 – Султановым Т. И., Кумековым Б. Е. (1); Мукановым М. С. (2), Султановым Т. И., Кумековым Б. Е. (3), глава 5 – Пищулиной К. А. (1), Байпаковым К. М. (2); глава 6 – Султановым Т. И., Кумсковым Б. Е. (1), Пищулиной К. А. (2–3); глава 7 – Каскабасовым С. А. (1), Кайдаровым А. Т. (2), Аргынбаевым Х. А. (3), Мустафиной Р. М. (4).

Иллюстрации к тому подготовили К. М. Байпаков, Б. Е. Кумеков. Карты-схемы подготовили К. А. Пищулина, Б. Е. Кумеков, техническое выполнение – К. А. Власова, рисунок «Казахские воины» – К. С. Ахметжанова. Составительская работа проведена А. Т. Капаевой и Ю. И. Романовым. Указатель историко-географических и топографических названий составлен А. А. Кайдаровой, указатель имен – А. Т. Капаевой, указатель этнонимов – Н. А. Атыгаевым, хронологический указатель – Ю. И. Романовым.

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО КАЗАХСТАНА

1. ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Персидские источники. Исследование истории позднесредневекового Казахстана базируется главным образом на материалах письменных источников, созданных авторами из сопредельных и отдаленных стран Востока. Важнейший материал содержится в нарративных сочинениях: исторических, мемуарных, географических, написанных прежде всего на персидском (фарси) языке, их дополняют труды, созданные на чагатайском, староузбекском (тюрки), а также на арабском языках. Степень информативности этих источников различна, наиболее осведомлены авторы из соседней Средней Азии (Мавераннахра), а также Ирана, Восточного Туркестана, причем более объемные и точные сведения их относятся к Южному и Юго-Восточному Казахстану. Нет источника, специально посвященного истории Казахского ханства, в отличие, например, от Могулистана.

Сведения по Казахстану представлены в сочинениях восточных авторов фрагментарно, касаются главным образом политической истории, истории взаимоотношений его народа и правителей с населением соседних государств, приведены родословные ханов различных династийных линий. Есть и разрозненные сведения по этническому составу, хозяйственным занятиям, элементам духовной и материальной культуры. Материалы восточных источников дополняются сообщениями западноевропейских, позднее – русских путешественников, посланников, ученых, а также сведениями из русских летописей и архивов.

Монгольское завоевание вызвало к жизни обширную литературу на разных языках. Главным источником для изучения монгольских завоеваний в Южном Казахстане, как и в Средней Азии, является труд Ала ад-дина Ата-Малика Джувейни «Тарих-и джахангуша» («История миропокорителя»)[1]. Сочинение закончено в 1260 г. Автор лично посетил Туркестан, Уйгурию, Монголию, пользовался устными рассказами монголов. Джувейни сообщает об осаде Отрара, разгроме других городов на Сырдарье, приводит данные о размещении юртов Чагатая, Джучи, Угэдэя на территории Казахстана, усобицах и смутах в середине XIII в. в Чагатайском улусе.

Исторический труд Фазлаллаха Рашид ад-дина –«Джами ат-таварих» («Сборник летописей», окончен в 1310–1311 гг.) является наиболее значительным источником по истории монгольских и тюркских племен и народов XII–XIII вв. В основе сочинения Рашид ад-дина официальные монгольские хроники, исторические сочинения из разных стран, завоеванных монголами, материалы информаторов – участников событий. Разнообразны сведения о нравах и обычаях, религиозных верованиях, кочевом быте, о расселении тюркских и монгольских племен. Во втором томе «Сборника летописей» содер-

жатся данные по этническому составу племен, топонимике, исторической географии, политической истории Казахстана времени вхождения его в состав монгольских улусов, сведения по истории улуса Орда-Еджена, генеалогии его потомков, других Джучидов[2].

Сведения Рашид ад-дина служили основой для многих авторов, развивавших эти темы для последующего времени. Среди них следует отметить «Музз аль-ансаб фи шаджарат салатин могул» неизвестного автора, составленный в 1426 г. по поручению Тимурида Шахруха и содержащий генеалогическое древо Джучидов, в частности родословие Урус-хана и его потомков[3].

Нарративные исторические труды средневековых авторов, раскрывающие историю Средней Азии и Казахстана в XIV—XV вв., представлены главным образом сочинениями тимуридского круга (согласно принятой условной классификации по династиям). В них отражена не только политика Тимура и Тимуридов по отношению к соседним странам и народам, но и значителен материал по их внутриполитической, хозяйственной, этнокультурной жизни. Для второй половины XV—XVI вв. основными являются источники могульского и шайбанидского происхождения.

Несмотря на широкую известность в историографии Евразии, в востоковедении в целом тимуридских источников «Зафар-наме» Низам ад-дина Шами, «Зафар-наме» Шараф ад-дина Али Йазди, «Матла' ас-са'даин ва маджма' альбахрайн» Абд ар-Раззака Самарканди и целого ряда других, исследователи истории Средней Азии, Ирана, сопредельных стран вновь и вновь возвращаются к ним, справедливо отмечая, что первоисточники эти не изучены с достаточной полнотой и последовательностью, настолько в них многообразен материал. Этот вывод относится и к сведениям по истории Казахстана, содержащимся в сочинениях тимуридской эпохи.

Первоисточники об эпохе Тимура исследователи делят на две группы[4]. К первой относятся источники, созданные по велению Тимура или его правивших потомков. Таковы сочинения Низам ад-дина Шами, Шараф ад-дина Али Йазди, рисующие его мудрым, справедливым государственным деятелем. Вторая группа сочинений написана нейтральными авторами — к таковым относятся, например, Рюи Гонзалес де Клавихо и другие путешественники из Западной Европы, а также авторами из стран, покоренных эмиром Тимуром, отразившими в своих трудах его захватническую политику (армянские, грузинские источники). К последней группе относятся арабские авторы Ахмад ибн Мухаммад ибн Арабшах, аль-Айни, аль-Асади, давшие отрицательную характеристику политике Тимура[5]. Клавихо в дневнике своего путешествия[6] в 1403—1406 гг. отметил грандиозные строительные работы в Самарканде, изобилие товаров в нем, в том числе привезенных из Руси и «Татарии», как он называет Казахстан, из Китая и других стран. Эмир Тимур и Тимуриды, завоевав основные торговые пути, уделяли много внимания развитию торговых и дипломатических отношений со многими странами.

Первым по хронологии сочинением, положившим начало целому ряду повествований о деяниях эмира Тимура, является труд Низам ад-дина Шами «Зафар-наме», доведенный до 806 г.х. (1403—1404 гг.). Автор перешел на службу к Тимуру после взятия последним Багдада, сопровождал его в походах, нес канцелярскую службу. Для своего труда он использовал официальные документы, реляции о победах Тимура, устные рассказы участников событий той эпохи, хроники, написанные уйгурскими секретарями Тимура. Сведения Шами

о событиях в Казахстане второй половины XIV в. касаются в основном борьбы эмира Тимура против Урус-хана и Тоглук-Тимур-хана, правителей Ак-Орды и Могулистана. Приводятся данные по состоянию хозяйства в Восточном Дешт-и Кыпчаке и Жетысу, есть материалы для изучения исторической географии края. Персидский текст сочинения Низам ад-дина Шами издан Ф. Тауэром[7]. Второй том содержит комментарии к его труду, а также извлечения из сочинения Хафиз-и Абру «Зубдат ат-таварих»[8].

«Зафар-наме» Шараф ад-дина Али Йазди является наиболее полной официальной историей жизни и деятельности эмира Тимура, написанной на основе труда Низам ад-дина Шами, тюркоязычной хроники «Манзума-йи тюрки», дневников, официальных документов, свидетельств очевидцев событий[9]. Йазди, как и Шами, не умалчивал о жестоких действиях Тимура в покоренных странах, но, в отличие от Шами, он не уставал восхвалять эти действия. Средневековые завоеватели, такие, как Чингиз-хан, эмир Тимур, разрушавшие города и уничтожавшие массы людей, угонявшие их из родных мест, не скрывали своей жестокой политики по отношению к соседним народам, а придворные авторы восхваляли в своих сочинениях их военные победы. Хотя труд Йазди написан при Ибрахим-султане, сыне Шахруха, между 1419—1425 гг., он является панегириком Тимуру. В такое сочинение по заказу попали только те события, память о которых Тимур или его потомки хотели сохранить для будущих поколений. Соответствующей была интерпретация событий. Поэтому было бы неправильно говорить о соответствии «исторической правде» всего написанного Йазди и его предшественником, как это делалось в отечественной литературе уже в давние годы[10]

В сочинении Шараф ад-дина Али Йазди (ум. в 858 г.х./1454 г.) приводятся подробности политических событий в Южном Казахстане и Жетысу последней трети XIV в., маршруты завоевательных походов эмира Тимура в эти районы и на Тянь-Шань. В отличие от Низам ад-дина Шами и Хафиз-и Абру, именовавших государство в Юго-Восточном Казахстане Могулистаном, «Илем могулов», «Могульским улусом», Шараф ад-дин Али Йазди называет его только пренебрежительным термином «Джете». Йазди неоднократно говорит о завоевательных стремлениях Тимура в стране Джете, подчеркивает, что Тимур ставит своей целью обезлюдить и разорить этот край, что должно было привести местные правящие круги к покорности. Автор дает много материала, характеризующего отсутствие единой власти как в Ак-Орде, так и Могулистане. И это помогало Тимуру легко одерживать верх в сражениях с местным кочевым и полукочевым населением. Приводятся данные, характеризующие скотоводческое хозяйство Казахстана, военную организацию акордынских и могульских ханов и другие стороны жизни коренного населения Восточного Дешт-и Кыпчака и Жетысу.

Ценным источником для исследования истории Казахстана является труд Му'ин ад-дина Натанзи «Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини». Это сочинение под названием «Аноним Искендера» введено в научный оборот В. В. Бартольдом, посвятившим ему несколько статей[11]. По истории Восточного Дешт-и Кыпчака, в частности, Ак-Орды, материалы из него приведены в издании В. Г. Тизенгаузена[12]. Издатели отметили оригинальность «многих ценных данных» этого источника, их достоверность, подтверждаемую сравнением с данными русских летописей.

Труд Му'ин ад-дина Натанзи написан в 815—816 г.х. (1412—1414 гг.) по

просьбе внука эмира Тимура Искандера. В. В. Бартольд пишет, что хотя автор жил в Фарсе, он был хорошо знаком со среднеазиатскими преданиями, обычаями и взглядами, и что он использовал монгольские и уйгурские источники[13]. Это видно из оригинального характера сведений, сообщаемых им по истории Восточного Дешт-и Кыпчака, Жетысу, Восточного Туркестана. Сочинение Натанзи не повторяет канвы изложения событий в период правления Тимура, принятой в вышеупомянутых сочинениях, он не был связан официальной версией истории Тимура.

«Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини» содержит оригинальный материал по истории Юго-Восточного Казахстана, Киргизстана и Восточного Туркестана, не повторяющийся в других источниках[14]. Интересны данные о борьбе племенной верхушки против центральной ханской власти в Могулистане, особенно эмира Камар ад-дина дуглата, о некоторых моментах экономической политики хана Хызр Ходжи и другие сведения. Персидский текст сочинения Му'ин ад-дина Натанзи издан в 1957 г. в Тегеране[15].

В 1423 г. Хафиз-и Абру по заказу внука Тимура Мирзы Байсункара была начата всеобщая история «Маджма' ат-таварих» в 4-х томах. К истории Казахстана имеют отношение материалы четвертого тома, имеющего специальное название «Зубдат ат-таварих-и Байсункари»[16]. Он посвящен истории Тимура, изложенной на основе сочинений Шами и Натанзи, но для последующей четверти века, до 1428—29 гг., т.е. для времени первых тимуридов, оно оригинально. Представляют интерес сведения о походе Улугбека в Могулистан против Мухаммад-хана, а также о посольстве Тимурида Шахруха в Китай, проследовавшем в 20-х годах XV в. через юг и юго-восток Казахстана. Описание пути через Могулистан содержит данные по исторической географии края, дает возможность судить о внутриполитическом положении Могулистана в тот период[17].

В ряду важных произведений историографии тимуридской эпохи особое место занимают сочинения второй половины XV в. Среди них сочинение Абд ар-Раззака Самарканди «Матла' ас-са'дайн ва маджма' аль-бахрайн». В нем изложена история Хулагуидов и Тимуридов Ирана и Средней Азии с 1304 по 1471 гг. Несомненный интерес имеют сведения о событиях в Восточном Дешт-и Кыпчаке времени упадка Ак-Орды на рубеже XIV—XV вв., о действиях хана Барака по предотвращению распада государства, о взаимоотношениях Могулистана и Мавераннахра времени Улугбека и другие данные[18].

Достаточно объемный материал по истории Южного и Юго-Восточного Казахстана, начиная с 20-х гг. XV в., содержится в шестом томе всеобщей истории Мухаммад Хавенд-шаха Мирхонда (1433—1498 гг.) «Раузат ас-сафа». В. В. Бартольд привлек его данные для характеристики упомянутого выше похода Улугбека в Могулистан. Более ранние известия Мирхонда из этого тома, а он посвящен Тимуру и Тимуридам, повторяют данные об их политике на территории Казахстана, уже известные по трудам ранних авторов тимуридской историографии. Различия касаются написания имен собственных, топонимов, названий этнических групп. Имеющиеся разночтения в трактовке событий, например, в описании того же похода Улугбека в Могулистан и в освещении внутреннего положения этого государства, более подробные, нигде не повторяющиеся, говорят об использовании Мирхондом каких-то утраченных первоисточников[19]. Известия из сочинения Хондемира «Хабиб ас-сийар»[20] по истории Казахстана конца XIV — первой половины XV вв. повторяют

в основном сочинения Шами, Йазди и Мирхонда, оригинальны они лишь для конца XV – начала XVI вв. Представляет интерес для исследователей казахстанского средневековья географическое приложение Хондемира, содержащееся в рукописи Государственной публичной библиотеки Санкт-Петербурга под названием «Та'рих-и Джахан-наме».

Сочинение Абу-л-Хасана Сайида Али аль-Джурджани (ум. около 1476/77 гг.) «Масалик аль-мамалик» также дает материал для исследователей исторической географии Южного и Юго-Восточного Казахстана[21]

В тимуридской историографии есть и труды, составленные представителями этой династии. Это – «Уложение Тимура» на тюрки, приписываемое эмиру Тимуру[22] и «Улус-арба'» (или «Тарих-и арба'» улус»), т.е. история четырех монгольских улусов.

Второе сочинение составлено под руководством и при участии Улугбека-мирзы. На этот исторический труд великого ученого-астронома имеются неоднократные ссылки в сочинениях многих авторов XVI–XVII вв., также писавших об улусах Чингизидов. Материалы об улусах Джучи и Чагатая касаются непосредственно истории позднесредневекового Казахстана. Улугбеком приведены имена 28 ханов в улусе Чагатая и 39 ханов в улусе Джучи. Особо ценными являются, по мнению Б. А. Ахмедова, сведения о возникновении термина «узбек» уже в начале XIV в., о его бытовании в восточной части Дешт-и Кыпчака в XIV в. как этнонима[23].

Таков спектр материалов по Казахстану XIV–XV вв. в сочинениях тимуридской историографии, разнообразных по тематике, освещающих как военные, политические, так и культурные события, например, строительство в присырдарьинских городах, предпринятое степными ханами, и, конечно, эмиром Тимуром великолепного мавзолея над могилой Ходжи Ахмеда Ясави.

Истории Могулистана, одного из крупных государств, существовавших на территории Казахстана и соседних территорий в XIV – начале XVI в., специально посвящено сочинение известного историка и литератора XVI в. Мирзы Мухаммада Хайдара Дуглата «Тарих-и Рашиди». Этот труд является важнейшим первоисточником и для исследования истории Казахского ханства. Хотя и предельно кратко, но последовательно в нем изложена история казахских ханов за девять десятилетий.

Мирза Мухаммад Хайдар ибн Мухаммад Хусайн Дуглат (1499–1551 гг.), принадлежавший к высшим кругам знати, происходил из одного из крупнейших племен Могулистана. Предки Мирзы Мухаммад Хайдара – эмиры и беки племени дуглат – играли большую роль в политической истории Юго-Восточного Казахстана, Киргизии, Восточного Туркестана, входивших в государство Могулистан; они занимали важнейшую государственную должность – были улусбеками.

Родился Мирза Мухаммад Хайдар в 905 г.х. (1499/1500 гг.) в Ташкенте, бывшем в то время под властью могульских ханов. Его мать являлась младшей дочерью хана Могулистана Султана Юнуса, он доводился двоюродным братом известному государственному деятелю, историку и поэту Захир ад-дину Бабуру и хану Могулистана Султан-Сайиду. При дворе Султан Сайид-хана Мирза Мухаммад Хайдар находился с 1512 по 1533 гг., был воспитателем наследника правителя Абд ар-Рашид-султана. В 1533 г. Абд ар-Рашид-хан, опасаясь возвышения дуглатов, обрушил на них репрессии. Мухаммад Хайдар

бежал в Кашмир, которым правил от имени правителей Индии, Великих Моголов до 1551 г., когда был убит в одном из сражений.

Мирза Мухаммад Хайдар получил хорошее образование, был осведомлен о политических событиях и деятелях своей эпохи. Хотя он писал и литературные сочинения на тюрки, но в мусульманскую историографию он вошел как автор исторического труда «Тарих-и Рашиди». Сочинение написано на среднеазиатском фарси в 1542–1546 гг. в Кашмире. Состоит из двух частей – дафтаров.

Дафтар I содержит историю могульских ханов-чагатаидов, изложены события в Могулистане со времени возведения эмиром Пуладчи дуглатом на ханский трон в 1348 г. Тоглук-Тимур-хана и до начала правления в Кашгарии (Могулии) в 1533 г. Абд ар-Рашид-хана, в честь которого, наряду с другими мотивами, Мухаммад Хайдар-мирза и назвал свое сочинение.

Дафтар II представляет собой мемуары, доведенные автором до 1541 г. В этой части, помимо автобиографического и биографического материала о многих исторических лицах той эпохи, содержатся дополнительные к изложенным в первой части сведения о борьбе Султан Сайид-хана за власть в Могулистане, захвате им в 1514 г. дуглатских эмиров Кашгарии и основании государства Могулия, попытках восстановления власти Чагатаидов на бывших территориях Могулистана – в Жетысу и Притяньшанье. Во II дафтаре освещены многие исторические события рубежа XV–XVI столетий, происходившие в Средней Азии, Восточном Туркестане, Афганистане, Индии.

Мухаммад Хайдар-мирза основывает свой труд на устных преданиях, известных среди могулов, и в частности, среди его предков – дуглатских эмиров, официальных государственных документов, к которым имели доступ улус-беки-дуглаты. Важное место среди источников «Тарих-и Рашиди» занимают рассказы «заслуживающих доверия лиц» – свидетельства современников и участников событий. Мухаммад Хайдаром использованы многие исторические труды его предшественников – Джамаль ад-дина Карши, Джувейни, Рашид ад-дина, Хамдаллаха Казвини, Абд ар-Раззака Самарканди, Шараф ад-дина Али Йазди и многих других.

«Тарих-и Рашиди» – основной первоисточник по истории не только ханов-чагатаидов Могулистана второй половины XIV – начала XVI в. и Кашгарии первых десятилетий XVI в., но и по истории правления знатных лиц из дуглатов в части Восточного Туркестана (Манглай-Субе). Это сочинение содержит уникальные материалы по истории могулов, других племен и народов, населявших в позднее средневековье Жетысу, Восточный Дешт-и Кыпчак, регион Тянь-Шаня, Восточный Туркестан, а именно – киргизов, уйгуров, узбеков, ойратов и других. В нем впервые в историографии сообщается об откочевке казахских ханов Жаныбека и Гирея, (откочевка – своеобразная форма самоопределения, волеизъявления нового казахского ханства), высказывается суждение о причинах принятия казахами их этнического самоназвания, рассказывается о взаимотношениях казахских ханов с Шайбанидами, могульскими ханами, правителями киргизов, ногайцев, калмаков (ойратов).

Сочинение Мухаммад Хайдара широко известно в медиевистике. Как первоисточником им пользовались многие восточные авторы XVI–XVII вв. и современные исследователи истории Центральной, Средней Азии позднего средневековья[24]

Рукописи «Тарих-и Рашиди» сохранились во многих списках на персидском языке, в переводах на тюркские языки. Опубликованы переводы на английский и русский языки[25].

Первоисточником по истории казахско-могульских отношений в XVI—XVII в. при казахских ханах Буйдаше, Хакназаре, Тауекеле, Есиме и его сыне Джахангире является сочинение Шах-Махмуд Чураса «Тарих» («Хроника»)[26]. Как и «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммад Хайдара Дуглата, «Хроника» Шах-Махмуда Чураса относится к группе источников, посвященных чагатаидам Восточного Туркестана (Могулистана и с 1514 г. — Могулии). Шах-Махмуд Чурас посвятил свой труд истории своего родного племени чурас, по примеру Мирзы Хайдара, написавшего историю дуглатов. Компилятивная часть составлена на основе «Тарих-и Рашиди», до времени Абд ар-Рашид-хана (1533—1560) или, точнее, до времени завершения «Тарих-и Рашиди». Последующая часть, до 70-х годов XVII в. оригинальна, основана на рассказах очевидцев и сведениях автора. Эта часть независима и от трех более ранних сочинений, носящих характер всеобщих историй, энциклопедий, в которых также есть сведения о правителях могольского государства в Восточном Туркестане. Эти сочинения — «Хафт иклим» Амин Ахмада Рази (написано в 1593—94 гг.), «Тарих-и Хайдари» Хайдара ибн Али Рази (1611/12—1618—19 гг.) и «Бахр аль- асрар» Махмуда ибн Вали (завершено ок. 1640—41 гг.). Сочинение Шах-Махмуд Мирзы Фазила Чураса написано около 1676—77 гг. Оно отражает отдельные эпизоды казахско-могульских взаимоотношений XVI—XVII вв.[27].

Сведения эти похожи, но они не совпадают (в датах, именах ханов, местах сражений и др. деталях) со сведениями указанных выше источников. Они касаются попыток Абд ар-Рашид-хана восстановить власть могульских правителей в центральном и западном Могулистане, в Жетысу, вытеснить из этих мест казахов. Сообщает Шах-Махмуд Чурас об участии Ишим-хана (Есим-хана) в борьбе правителя Чалыша и Турфана Абд ар-Рахима против центрального яркендского правителя. Представляют интерес сведения о дипломатических отношениях Казахского ханства с Могулией — о посольстве, возглавляемом казахским ханом Джахангиром, в котором принял участие его сын Тауке-султан, будущий знаменитый хан казахов[28].

В XVI в. в Средней Азии написано большое число сочинений шайбанидской историографии, освещающих деятельность прежде всего Мухаммад Шайбани-хана и его деда Абулхайр-хана, а во второй половине века — Абдаллах-хана. Завоевав у Тимуридов Мавераннахр, Мухаммад-Шайбани поручил перешедшим на его сторону деятелям тимуридской школы литераторов, историков запечатлеть на страницах исторических сочинений его подвиги, деяния его предков — Шайбанидов. Помимо анонимного сочинения на тюрки «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», авторство которого приписывается самому Мухаммаду Шайбани, тюркоязычной стихотворной поэмы Мухаммад Салиха «Шайбани-наме», важное место в среднеазиатской историографии начала XVI в. занимают сочинения на таджикско-персидском языке (фарси) Камал ад-дина Бинаи и Молла Шади.

Камал ад-дин Бинаи (1453—1512 гг.) — литератор, «один из искуснейших мастеров таджикского стиха»[29]. Жил в Герате, Ираке, Самарканде и Бухаре, перешел на службу к Мухаммаду Шайбани-хану, между 1504—1510 гг. написал для него два исторических труда — «Шайбани-наме» и «Футухат-и хани» (второе сочинение — расширенный вариант первого). Камал ад-дин Бинаи

рассказал и о жизненном пути Мухаммада Шайбани, начиная с молодых лет до падения государства Тимуридов в Мавераннахре (до 1502—1503 гг.). Он показал, что причинами краха Тимуридов были не столько военная мощь и полководческий талант Мухаммада Шайбани, сколько междоусобицы и распри среди прежних правителей и знати Средней Азии.

Многочисленны и важны сведения Камал ад-дина Бинаи о казахах и Казахстане. Они, безусловно, сопоставимы со сведениями упомянутого труда «Таварих-и гузида», которому в источниковедении отводится роль первоисточника для других сочинений шайбанидской историографии начала XVI в.[30]. Однако исследователи (П. П. Иванов, А. М. Мирзоев, Р. Г. Мукминова, С. К. Ибрагимов, Б. А. Ахмедов и другие) признают значение труда Бинаи как источника.

Бинаи сообщает о положении в Восточном Дешт-и Кыпчаке после Абулхайр-хана, о потере власти его сыном Шайх Хайдар-ханом («люди и войско не собрались» в ответ на его приказы и призывы), о противостоянии ему Джучидов, и в их числе Жаныбека и Гирея, казахских ханов, а также мангытских мурз, о борьбе за влияние в регионе присырдарьинских городов. Ценны материалы об этих городах Туркестана — Отраре, Сыгнаке, Сауране, а также сведения о племенах Дешт-и Кыпчака кушчи, конграт, кыйат, найман, курлаут, мангыт и других, вошедших в состав узбекского, казахского, башкирского и других тюркоязычных народов[31].

Стихотворная поэма Молла Шади «Фатх-наме» («Книга победы») на фарси излагает события до 1501 г., написана по поручению Мухаммад Шайбани-хана. Содержание ее соответствует плану изложения событий в «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме». Характер сведений по истории Казахстана периода утраты власти Шайбанидами на его территории во многом аналогичен материалам Бинаи. Имеется, однако, и ряд сведений, отсутствующих в других сочинениях шайбанидского круга, например, сообщение о правлении Йадгар-хана в Восточном Дешт-и Кыпчаке после Абулхайра. Переводчик и исследователь текста поэмы В. П. Юдин предполагает, что Молла Шади использовал для своего труда дополнительные источники информации, в частности, устные рассказы самого хана и его сподвижников, или более полную, еще не отредактированную рукопись «Таварих-и гузида»[32].

В ряду шайбанидской историографии особое место занимает труд Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфахани «Михман-наме-йи Бухара» («Книга бухарского гостя»), важнейший первоисточник по истории Средней Азии и Казахстана. Родился он в 862 г.х./1457—58 г. н.э. в Иране. Детство и юность Ибн Рузбихана прошли в Ширазе и Исфахане. В Хиджазе и Египте он приобрел большие познания в науках того времени, стал видным богословом и литератором. Впоследствии Ибн Рузбихан занимал высокое положение при дворах ряда правителей Ирана и Средней Азии конца XV — начала XVI в. Написал историческое сочинение «Тарих-и аламара-йи Амини», посвященное истории династии Ак-Коюнлу в Азербайджане. После погрома суннитов войсками Шаха Исмаила Сефеви в 1504 г. Ибн Рузбихан покинул Иран и отправился в Мавераннахр ко двору Мухаммад Шайбани-хана. Сопровождал его в походах, принимал участие в богословских диспутах и беседах с ханом.

В казахстанской и среднеазиатской историографии Ибн Рузбихан известен как автор «Книги бухарского гостя». Сочинение посвящено подготовке и походу Мухаммад Шайбани-хана против казахов зимой 1508—1509 г. По суще-

ству оно является живым свидетельством современника, непредвзято характеризующего многие стороны социально-экономической, культурной и политической жизни казахов и кочевых узбеков на рубеже XV–XVI вв. Уникальны сведения Ибн Рузбихана о быте, хозяйстве казахов, этническом составе населения Восточного Дешт-и Кыпчака, торгово-экономических связях населения Казахстана и Средней Азии, политических взаимоотношениях правителей Казахского ханства и Шайбанидов.

Представляют большой интерес историко-географические материалы по Дешт-и Кыпчаку и Туркестану. Исключительно важны сведения о присырдарьинских городах Южного Казахстана. Многим из них – Туркестану, Сауран, Аркуку и другим – он посвятил целые страницы своего труда. В 1962 г. сочинение Ибн Рузбихана издано в Тегеране Манучихром Сутуде[33]

Важное место среди шайбанидской исторической литературы занимает всеобщая история Масуда ибн Усмана Кухистани «Тарих-и Абулхайр-хани», а именно ее оригинальная часть, посвященная истории хана кочевых узбеков Абулхайра, правившего в Восточном Дешт-и Кыпчаке в 1428–1468 гг. История Чингиз-хана и его преемников, как и история Тимура и Тимуридов, изложена на основе упомянутых выше рукописей авторов XIV–XV вв. Сочинение написано на таджикском языке (среднеазиатском фарси) ок. 1543–1544 гг. по поручению Шайбанида Абд аль-Латиф-хана (внука Абулхайр-хана), правившего в Самарканде в 1540–1551 гг. До службы этому хану Масуд ибн Усман Кухистани был секретарем у сына Абулхайра Суйунч-Ходжа-хана и от него и потомков других сподвижников хана Абулхайр получал информацию о событиях в Дешт-и Кыпчаке и Туркестане XV в.

Сведения Масуда Кухистани о времени Абулхайр-хана обширны и разнообразны: о начале его правления, войнах с многочисленными его противниками Джучидами в степных районах Казахстана, завоевании Хорезма и присырдарьинских городов, взаимоотношениях с Тимуридами Мавераннахра. Следует отметить, что в труде Масуда Кухистани, как и в других прошайбанидских сочинениях, весь материал подобран со значительной долей тенденциозности, он должен был свидетельствовать о славе Шайбанидов, о законности их притязаний не только на степные территории, но и на города Туркестана, на Хорезм, Мавераннахр. Тем не менее, исследователи используют эти источники, учитывая их одностороннюю этнополитическую ориентацию (например, о правах казахских владетелей на земли Восточного Дешт-и Кыпчака и Туркестана они ничего не говорят). Большое значение имеют данные Масуда Кухистани по родоплеменному составу населения Восточного Дешт-и Кыпчака, социальной терминологии – то и другое при упоминании имен эмиров и беков – сподвижников хана кочевых узбеков, – данные по исторической географии и другие сведения[34].

Высоко ценят исследователи позднесредневековой истории Средней Азии мемуары Зайн ад-дина Васифи «Бадаи' аль-вакаи'» («Удивительные события»), представляющие собой важнейший первоисточник по многим сторонам общественной, культурной жизни, быту разных слоев населения региона в первой половине XVI в. Содержатся в сочинении Васифи важные сведения и по истории Казахстана – о походе шайбанидского хана Убайдуллы на казахов и «Реляция о победе над казахами» (в 1537 г.). Но особенно важны его известия о разных сторонах жизни сырдарьинских городов, например, о строительстве медресе в Сауране, о системе орошения в окрестностях этого города, о вакф-

ных землях и т.д. Он был в этих местах, жил в Сауране у Сейида Абдаллаха, по прозвищу Мир-и Араб, был в Туркестане, Ташкенте[35].

Для исследования истории Казахстана второй половины XVI в. большое значение имеет широко известный в среднеазиатской историографии этого времени труд Хафиз Таныша ибн Мир Мухаммада Бухари «Шараф-наме-йи шахи» («Книга шахской славы»). Автор находился на службе у Шайбанида Абдаллах-хана II, подробно записывал его деятельность, военные походы, события, происходившие в Средней Азии и соседних районах. В его борьбе за объединение шайбанидского государства Абдаллах использовал военные силы соседних правителей, в частности, казахского хана Шигая, его сына Тауекеля. Представляют интерес сведения о борьбе казахов за присырдарьинские города. Различный материал об экономическом положении городов, как и степной территории, этногеографические данные можно получить из описания похода Абдаллах-хана на казахскую территорию вплоть до Сарысу[36].

Исследованию хозяйства казахов, социальной структуры, этнополитических вопросов содействуют материалы турецкого автора XVI в. Сейфи-Челеби, собранные в его сочинении «Китаб-и падишахан-и вилайет-и Хинд ва Хитай ва Хотан ва Кашмир»[37].

Многообразные и весьма ценные материалы по истории позднесредневекового Казахстана содержатся в энциклопедическом труде Махмуда ибн Эмира Вали «Бахр аль-асрар фи манакиб аль-ахйар» («Море тайн относительно доблестей благородных»). Автор жил в I-й половине XVII в., родился в Балхе, много путешествовал, бывал в Индии, собрал массу научных сведений из книг, бесед с образованными людьми. Написал ряд поэтических сочинений. По поручению Аштарханида Надир Мухаммед-шаха создал свой основной труд – «Бахр аль-асрар» в 7 томах по космографии, географии, всеобщей истории.

В томе VI излагается история Чингиз-хана и его потомков. История Чагатаидов в Мавераннахре, Могулистане и Восточном Туркестане содержится во втором отделе тома[38]. Сведения «Тарих-и Рашиди» об этой династии продолжены на сто лет, до 1640–41 гг. История Джучидов Дешт-и Кыпчака содержится в третьем разделе, Аштарханидов – в четвертом. Многие материалы последнего раздела имеют отношения к истории Казахстана, особенно по истории взаимоотношений со Средней Азией в первых десятилетиях XVII в. Сведения Махмуда ибн Вали основаны на рассказах очевидцев и участников событий. Представляют интерес материалы о противоборстве казахских султанов Есима и Турсуна, о походе Есима против ойратов, пожаловании Имам-Кули-ханом Ташкента и Туркестана Есиму и другие данные[39].

Многие сведения Махмуда ибн Вали по истории Джучидов и Чагатаидов уникальны, они взяты им, очевидно, из недошедших до нас первоисточников. Эти сведения касаются истории Ак-Орды, ханства Абулхайра, Могулистана, Казахского ханства; большой интерес представляют материалы по исторической географии, в частности, характеристике городов в бассейне Средней Сырдарьи. Впервые в научный оборот этот источник ввел В. В. Бартольд[40]

Подробные сведения о взаимоотношениях казахских ханов и султанов с Шайбанидами, а затем с Аштарханидами Мавераннахра на исходе XVI в. и в начале XVII в. содержатся в группе источников, привлеченных М. Х. Абусеитовой для исследования истории Казахского ханства во второй половине XVI в. Ею дана характеристика этих источников, среди них: «Мусаххир альбилад» Мухамадйа ибн Араб катагана, «Тарих-и Сайид Раким» Муллы Шараф

ад-дина, «Тарих-и аламара-йи Аббаси» Искандера Мунши, «Ахсан ат-таварих» Хасан-бека Румлу и другие сочинения позднесредневековых авторов Средней Азии и Ирана[41].

Следует отметить известия о противостоянии казахских и узбекских (бухарских) правителей по поводу важных торгово-экономических центров Южного Казахстана и Ташкента в XVII в., о жестоком подавлении восстания в Ташкенте Имам-Кулиханом, содержащиеся в сочинении Мухаммад Юсуфа Мунши «Тарих-и Муким-хани»[42].

Тюркоязычные источники. Важное место среди нарративных источников по истории Казахстана эпохи позднего средневековья занимают памятники тюркоязычной литературы, объединенные с персоязычными сочинениями на почве общей традиции и культуры и составленные главным образом в Средней Азии и Восточном Туркестане. Они содержат значительные сведения, освещающие исключительной важности период истории средневекового Казахстана, связанный с образованием казахского народа, возникновением и развитием Казахского ханства, а также воссозданием картины жизни казахского общества в XV – нач. XVIII в.

Абдаллах бен Мухаммаду, по другим источникам известному как Абдаллах Балхи (конец XV – нач. XVI в.), принадлежит сочинение по всеобщей истории «Зубдат аль-асар» («Сливки летописей»). В начале XVI в. был на службе у Тимуридов вплоть до окончательного завоевания Хорасана ханом кочевых узбеков Мухаммадом Шайбани. Затем он оказывается в услужении у Шайбанидов. Свой труд Абдаллах Балхи написал по поручению правителя Шахрухии, позже Ташкента – Кельди Мухаммад-султана. В сочинении, представляющем компилятивную хронику, излагается история мусульманских династий. Описание событий доводится до 1525 г. Труд, как первоисточник, имеет значение лишь для первой четверти XVI века. События этого времени переданы автором на основании собственных впечатлений и информации, полученной от современников и участников событий. В «Зубдат аль-асар» содержится фактический материал по политической истории казахов и их правителей. Рассказывается о походе Мухаммад Шайбани-хана на казахов в 1510 г., закончившемся поражением узбеков. Приводятся также наряду с другими данными сведения, связанные с походом Касым-хана на Туркестан и Ташкент[43].

К одному из замечательных историко-литературных памятников средневековья относится труд историка, поэта, правителя – основателя империи Великих Моголов в Индии – Бабура (1483–1530), известного в историографии как «Бабур-наме» («Записки» Бабура»). В раннем возрасте Бабур был наследным правителем Ферганы. Со временем принимал активное участие в междоусобной борьбе за создание централизованного государства Тимуридов в Средней Азии. Однако, пришедший из Дешт-и Кыпчака Мухаммад Шайбани положил конец династии Тимуридов. Это обстоятельство вынудило Бабура направиться в 1504 г. в Афганистан, откуда он совершал походы на Среднюю Азию и Индию. В 1526 г. Бабур основал династию Великих Моголов, где правил до 1530 г.

Бабур был не только свидетелем, но и непосредственным участником многих событий той эпохи. «Записки» представляют собой весьма ценный источник по истории Средней Азии, Афганистана и Индии. В этой книге дана наиболее полная картина нравов того времени.

Для истории Казахстана особенно значимы сведения Бабура о могулах Жетысу, государстве Абулхайра в Восточном Дешт-и Кыпчаке, об участии в политических перипетиях Мухаммада Шайбани, об институте казакования, исторической географии Южного Казахстана и Жетысу, этнической истории казахов, равно как узбеков, киргизов и других тюркоязычных народов Средней Азии[44]

В XVI в. было создано ценное историческое сочинение «Чингиз-наме». Его автор — хивинский историк Утемиш-хаджи ибн Маулана Мухаммад Дост, выходец из влиятельной семьи, бывшей в услужении у Ильбарс-хана (1512–1525). Предки же его были подданными Ядгар-хана Шайбанида, улус которого в 80-х годах XV в. располагался в низовьях Сырдарьи. Сам же Утемиш-хаджи служил вначале у Ильбарс-хана, по-видимому, в должности дворцового писаря.

Сведения «Чингиз-наме» представляют важное значение для решения проблем политической, этнополитической, хозяйственной, социально-культурной жизни населения средневекового Казахстана. Произведение Утемиш-хаджи охватывает время правления Чингиз-хана и Чингизидов и содержит сведения о ханах Золотой Орды. Оригинальность труда, основанного во многом на устных преданиях, представляет несомненный научный интерес для исследователей Золотой Орды, и в частности, для изучения Казахстана XIV в.[45]

Ко второй половине XVI в. относится анонимное агиографическое сочинение «Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф» («Жизнеописание Ходжа Мухаммад Шарифа»), посвященное известному в Кашгарии суфийскому деятелю Ходжа Мухаммад Шарифу. Он был родом из Сайрама на Сырдарье. Образование получил в медресе Самарканда. После окончания учения отправился в Кашгар, где жил при мазаре караханида Сатук Богра-хана, который в Восточном Туркестане почитался как святой, обративший в ислам тюрков-кочевников. Умер в Яркенде в 1656/1666 г. «Тазкира», относящееся к жанру житийной литературы, в первой своей части легендарно и проникнуто духом суфийского благочестия, достоверные исторические известия содержатся во второй части сочинения, где, в частности, сообщается о набеге Абд аль-Латифа, сына Чагатаида Абд ар-Рашид-хана на киргизов и о последующей его гибели. Из других сочинений, сведения которых относятся к этому событию, известно, что Абд аль-Латиф погиб от казахов и киргизов, выступавших под руководством казахских ханов[46].

Поэт и ученый Мухаммад Салих является автором официальной истории Шайбани-хана. В его сочинении, известном как «Шайбани-наме» («Книга о Шайбани»), повествуется о политических событиях, происходивших на территории Казахстана (Восточном Дешт-и Кыпчаке) и Мавераннахра, начиная от рождения Шайбани-хана и до завоевания им вместе с кочевыми узбеками Мавераннахра и Хорезма (1500–1509 гг.), в частности, взаимоотношения Шайбани-хана с Гиреем и Жаныбеком, Бурундук-ханом и Касымом, борьба за сырдарьинские города. Наряду с этим имеются сведения социально-экономического характера, данные о государственном устройстве кочевых узбеков, о военном строе и состоянии их войска. Большой интерес представляют ценные географические сведения, позволяющие судить о составе тюрко-монгольских племен, впоследствии явившихся одним из этнических компонентов казахского, узбекского народов[47].

Как считают современные востоковеды-медиевисты, по всей вероятнос-

ти, сам Шайбани-хан был автором исторического труда «Таварих-и гузидайи нусрат-наме» («Избранные истории книги побед»). В династийной истории излагается история Чингиз-хана и его потомков, царствовавших в Монголии, Дешт-и Кыпчаке, Средней Азии, история Шайбани-хана. В «Таварих-и гузиде» говорится также о положении, сложившемся в степях Восточного Дешт-и Кыпчака после смерти Абулхайр-хана, о действиях Гирея и Жаныбека в этих степях. Особенно подробно освещается борьба Шайбани-хана с казахскими и могульскими ханами за обладание городами на Сырдарье. Вместе с тем ценны сведения о походе Жаныбек-султана в Среднюю Азию, о военном строе и тактике кочевых узбеков, о их военно-административной системе, о годах «казачества» Шайбани-хана[48]

Юридические документы (всего их три) из области Сыгнака фиксируют земельно-водные права одного хозяйства на протяжении трех веков со второй половины XVI в. Благодаря им в какой-то мере прослеживается эволюция земле- и водопользования типичного вакфного хозяйства, каких было немало в области Туркестан. Грамоты содержат значительный материал, в особенности, для обозначения различных налогов и повинностей. Ценны сообщения о пожаловании ханами званий и привилегий тарханов. Немаловажным является также и упоминание в документах многих географических названий, которыми до сих пор именуются ряд пунктов. Значение документов для изучения истории землевладения в округе Сыгнака вряд ли можно переоценить[49].

Представитель казахского племени жалаир Кадыр Али-бек (Кадыргали. 1530–1605 гг.) создал первый дошедший до нас исторический труд, условно названный «Жами ат-таварих» («Сборник летописей»). Это сочинение составлено на основе устных исторических преданий и исторического свода Рашид ад-дина (XIV в.). Известный бий Кадыр Али-бек служил Ондан-султану, а затем его сыну Ураз-Мухаммаду. После смерти Ондан-султана от рук калмыков Кадыргали вместе с Ураз-Мухаммадом переселились в Сибирское ханство под покровительство Кучум-хана. Здесь он служил советником сибирских ханов. В 1588 г. сибирский воевода Д. Чулков обманным путем пленил Ураз-Мухаммада со всеми его родственниками и свитой и отправил их вместе с Кадыргали в Москву в качестве аманата. В 1592 г. царь Федор Иванович выделил Ураз-Мухаммаду земли в Касимовском ханстве. А в 1600 г. Борис Годунов поставил его ханом-правителем города Касимова, где Кадыргали в 1602 г. написал свое произведение, в котором приводится краткое изложение отдельных разделов труда Рашид ад-дина, связанных с историей Чингиз-хана и его преемников. Самостоятельное и весьма ценное значение имеет вторая часть книги, которая во многом проливает свет на историю казахских ханов. Значительный интерес представляют данные о Казахском ханстве XV–XVI вв., основанные на надежных местных источниках, указывающие на существование в Казахском обществе изустной историографической традиции, живого интереса к генеалогиям и вопросам политической истории[50].

Перу известного хана Абулгази (1603–1664 гг.) принадлежат два исторических сочинения: «Шаджара-йи тюрк» («Генеалогия тюрков») и «Шаджарайи таракима» («Родословная туркмен»). Абулгази родился в Ургенче. В результате междоусобной борьбы бежал в Бухару. Затем возвратился в Хорезм и получил в удел Ургенч. В 1627 г. в результате политического соперничества между узбеками (во главе с Абулгази) и туркменами (во главе с его братом

Исфендияром) вынужден был покинуть Хорезм и бежал к казахам, где был принят Есим-ханом в Туркестане. Затем в течение двух лет жил у ташкентского хана Турсуна. В 1643 г. узбеки Арала провозгласили Абулгази своим ханом.

«Генеалогия тюрков» содержит значительную информацию о политической, социально-экономической истории, этнографии и исторической географии многих областей центральноазиатского региона. Заслуживают внимания сведения об истории государства кочевых узбеков, династии Шайбанидов в Казахстане и Средней Азии, Мангытской (Ногайской) Орде. Ценный справочный материал содержится по истории монгольских улусов, о ханстве Кучума, обычае подношения даров из девяти предметов и его сути[51] и т.д. Другое сочинение — «Родословная туркмен» является не только важным историческим источником, но и значительным литературным памятником, в котором мастерски излагаются многие народные предания, легенды, народная этимология этнонимов, нравы и обычаи, пословицы и поговорки, в своем большинстве характерные для тюркского мира эпохи средневековья[52].

В XVIII в. Шир-Мухаммадом Аваз-бием, по прозванию Мунис, было написано историческое сочинение «Фирдаус аль-икбал» («Райский сад счастья»). Мунис принадлежал к узбекской аристократии из племени юз. Он был придворным историком, поэтом, государственным деятелем. «Фирдаус аль-икбал» не было закончено Мунисом (умер в 1829 г.). Завершил хронику его племянник Агахи, который был не только преемником Муниса на ханской службе, но и его учеником. Обширный труд Муниса — Агахи написан на чагатайском языке. Компилятивный характер носит первая часть этого произведения. Но большая часть сочинения является оригинальной в части изложения событий, по годам, относящихся к XVIII в. Наряду с богатой информацией о внутриполитической истории Хивы в «Фирдаус аль-икбал» заключены обширные известия о политических и прочих связях и отношениях Хивы с казахами, туркменами и др. Большой интерес представляют данные, раскрывающие участие в исторической жизни Хивы казахских родовых подразделений и казахских ханов и султанов, которых местные правящие лица и группировки использовали в качестве подставных ханов[53].

Во второй четверти XVII в., по всей вероятности, создано сочинение «Тарих-и Кашгар» («История Кашгара») в Восточном Туркестане. Имя автора неизвестно. По содержанию и в структурном отношении «Тарих-и Кашгар» является образцовым произведением восточно-туркестанской и среднеазиатской средневековой историографии. На основе предшествующих письменных источников излагается предание об Огуз-хане, история Чингиз-хана и его преемников. Дана довольно подробная история Чагатая и Чагатаидов. Значительный интерес представляет история Могулистана и Могулии. Изложение событий после 1670 г. является в полном смысле оригинальным[54]. Обращает внимание то, что аноним сообщает вполне самостоятельные версии сражений могулов с казахами по сравнению с письменными известиями, заключенными в более ранних нарративных сочинениях. Последним известием о казахах в «Тарих-и Кашгар» является сообщение о приглашении Даниал-ходжой в начале XVII в. казахского султана Есима как Чингизида на трон Яркенда в смутный период, когда в Восточном Туркестане была уничтожена династия Чагатаидов.

Более подробные известия о действиях Есим-султана в Восточном Турке-

стане содержатся в сочинении «Тазкира-йи ходжаган» («Жизнеописание ходжи»), написанном Мухаммед-Садыком Кашгари. Данный труд содержит материал для изучения отдельных аспектов взаимоотношений казахов с калмаками Джунгарии, также политических связей между казахами и могулами, в частности, приводятся известия об убийстве Хакназар-ханом Абд аль-Латифа-султана и ответном походе хана Могулистана Абд ар-Рашид-хана[55].

Некоторые интересные сообщения по истории казахов позднего средневековья имеются в историческом сочинении «Тарих-и амнийа» («История спокойствия и безопасности»), принадлежащем перу Молла Муса Айса ходжа Сайрами, уроженца Южного Казахстана, города Сайрама. В этом труде, написанном в Восточном Туркестане, излагается история этого региона от Нуха до XIX в. Молла Сайрами в своем произведении приводит данные, в том числе из истории казахско-калмакских отношений, сообщение о переселении калмаками жителей Сайрама в свои кочевья в Восточный Туркестан. Самостоятельную ценность представляет текст грамоты Убайдаллах-хана, заключенный в «Тарих-и амнийа»; содержание грамоты способствует лучшему пониманию истории присырдарьинских городов Южного Казахстана XVI века[56].

Значительный интерес для разработки проблемы этногенеза и этнической истории казахского народа представляют памятники народного творчества (шежіре). Как показывает опыт исследования башкирских генеалогических преданий, метод сопоставления шежіре с данными письменных источников может оказаться весьма плодотворным[57]. Генеалогические предания трех жузов казахского народа представляют собой кладезь ценной информации по истории, расселению и культуре различных этнических компонентов, вошедших в состав народа. Основная трудность введения в научный оборот шежіре казахов заключается в выработке методики их обработки и интерпретации[58].

В период позднего средневековья значение арабоязычных источников для истории Казахстана несравненно уступает персоязычной и тюркоязычной историографии. Тем не менее, можно указать ряд арабоязычных произведений, в которых содержится в той или иной степени подробности интересующий нас фактический материал.

Прежде всего следует указать на историческое сочинение «Мулхакат ас-сурах» («Прибавления к словарю ас-сурах»), написанное в начале XIV в. Жамалем Карши, известным филологом, историком и путешественником. Родился он в Алмалыке в 1230–31 г., свой труд написал в Кашгаре. Его отец был одним из ученых города Баласагуна. Жамаль Карши был близок к тюркской династии в Алмалыке, приводит довольно подробные сведения об алмалыкской династии XIII в. Много путешествовал по областям улуса Чагатаидов. Встречаются интересные данные о монгольских ханах и их сподвижниках. В «Мулкахат ас-сурах» впервые упоминается термин «жете», которым последующие авторы XV и XVI вв. обозначали население Могулистана. В 1273–74 гг. он был в Барчкенде (в низовьях Сырдарьи) и в Дженде, где в то время умер знаменитый шейх Кемаль ад-дин аль-Хорезми ас-Сыгнаки, для которого Жамаль Карши сочинил надгробную эпитафию. Везде он старался познакомиться с местными шейхами, которых перечисляет в своем труде[59].

Важным географическим сочинением является труд «Масалик аль-абсар фи мамалик аль-амсар», написанный ученым и путешественником аль-Омари (1301–1349), уроженцем города Дамаска. Встречающиеся в его исторических

разделах описания последствий монгольского нашествия позволяют пополнить сведения о жизни многих народов, в том числе Казахстана и Средней Азии, о городах и торговых путях в Жетысу, о расселении и этнографических особенностях кыпчаков. Чрезвычайно ценна констатация аль-Омари процесса ассимиляции татаро-монголов в кыпчакской среде[60]. Этот исторический факт указывает на то, что в конце XIII – начале XIV в. исторически сложившаяся кыпчакская общность проявилась вновь, одержав верх над монгольской традицией.

Другими аутентичными источниками являются лингвистические труды, в которых с арабским толкованием или в прямом переводе приводятся многие кыпчакские термины и лексические обороты, отражающие хозяйственные, социальные, этнические и культурно-бытовые реалии, существовавшие в общетюркской среде той эпохи. Из произведений этого круга следует отметить словарь «Китаб маджму тарджуман тюрки ва аджами ва мугули ва фарси» («Книга собрания толковых слов тюркских, неарабских, монгольских и персидских»), составленный в 1245 г. в Египте. В основу его положен кыпчакский язык. В этом анонимном словаре впервые упоминается термин «казак» со значением «бездомный», «скиталец», «изгнанник»[61], т.е. носит не этнический, а социальный характер.

Одним из важных источников по истории Дешт-и Кыпчака являются путевые заметки знаменитого путешественника Ибн Баттуты (1304–1377), объехавшего почти весь обитаемый мусульманский мир. Описание путешествия Ибн Баттуты «Тухфат ан-нуззар фи гараиб аль-амсар ва аджаиб аль-афсар» («Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах путешествий») фактически не является его сочинением, а представляет литературную обработку его рассказов, сделанную в 1356 г. аль-Калби. Неоценимое значение имеют приведенные в «Тухфат» подробности поездок Ибн Баттуты в Северо-Кавказские степи, Волжскую Булгарию и Золотую Орду через Крым и оттуда в Хиву, Бухару и Афганистан. Особенно ценны картины повседневного быта в Золотой Орде, сведения о социальном устройстве, хозяйстве, торговых путях, степных поселениях и городах и многое другое, касающееся истории тюркских народов[62].

Значительный фактический материал о связях султанов Мамлюкского государства с ханами Дешт-и Кыпчака в свете их этнической, политической истории и духовной культуры можно почерпнуть в энциклопедических трудах Ибн аль-Фурата (1334–1405 гг.), аль-Калкашанди (1355–1418 гг.), аль-Макризи (1364–1442), Ибн Тангриберди (1411–1465), Ибн Ияса (1448–1524) и др.

Следует также упомянуть знаменитого биографа Тимура Ибн Арабшаха (ум. 1450 г.), арабского историка и литератора, перу которого принадлежит труд «Абжаиб аль-макдур фи наваиб Тимур» («Чудеса предопределения в бедствиях, [причиненных] Тимуром»). Следя за различными этапами жизни Тимура, он сообщает немало важных сведений о разных странах и народах, в частности, Казахстане. Сведения эти, в большинстве случаев основанные на впечатлениях очевидца, имеют большую ценность.

Автором значительного труда «Джами ад-дувал» («Собрание династий») является Мунаджжим-баши (ум. в 1702 г.), турок, родом из Салоник. Одно время он был, очевидно, астрологом, но последние годы провел под опалой в Мекке и Медине. При написании этого сочинения турецкий историк использовал широкий круг источников на арабском, персидском и тюркском язы-

ках и охватил историю от легендарных событий до 1672 г. Книга содержит важный материал об эпохе Золотой Орды, мусульманских династиях, средневековых государственных объединениях и исторической географии Казахстана XIV–XV вв.[63]

Китайские источники. В Китае после почти пятисотлетнего правления неханьских домов воцарилась династия Мин (1368–1644), которая также уступила трон «чужеземцам», на этот раз маньчжурам. В Центральной Азии Минская империя вела борьбу против усиливающегося с каждым годом Джунгарского ханства, за право контролировать участки Шелкового пути, пролегающие через Хэсиский коридор и по Притяньшанью до владений эмира Тимура. Этноним «казах» в китайских источниках обнаружен пока лишь в связи с международными отношениями китайского государства в Центральной Азии на исходе XVII века.

Отдельные территории Казахстана до образования Казахского ханства входили в состав различных государств и вовлекались в орбиту внешнеполитических связей китайских империй Мин и Цин по мере расширения их владений.

Основными источниками указанного периода являются: «История династии Мин» («Мин ши»), «Правдивые записи правления династии Мин» («Мин шилу») и «Сводное обозрение империи Мин» («Мин хой яо»). Остальные источники: записки китайских послов, разведчиков и дорожников, купцов в Могулию, Могулистан, в государство Тимура и другие страны Центральной и Южной Азии; сведения, полученные от среднеазиатских посольств и мусульманских купцов, являются вспомогательным материалом. Кроме того, в обработанном виде они вошли во все главные китайские официальные труды, особенностью которых является то, что составлены они после гибели Минской империи[64].

«Мин ши» является одной из 25 китайских династийных историй – уникального памятника мировой культуры. Она написана коллективом авторов и охватывает 1645–1735 годы. Последний раздел многотомного труда, включающий 220 из 332-х глав – свитков (цзюань) содержит исторический, этнографический, географический материал о государствах Центральной Азии (Си юй). Несмотря на то, что государства Центральной Азии по размерам своих территорий, политическому значению и военной мощи не только не уступали, но и зачастую представляли серьезную угрозу китайскому государству, в источнике они тенденциозно представлены его «торговыми вассалами».

«Мин шилу» является хроникой правления многих императоров с записями об их деятельности изо дня в день. Отображены вопросы подготовки и хода военных действий китайских войск против народов Центральной Азии. приемы их послов при дворе.

В настоящее время в Китае публикуются извлечения из «Мин шилу», собранные по географическому признаку[65], либо относящиеся к одному владению региона[66]

«Мин хой яо» – это тип компилятивной исторической работы, построенной по тематическому признаку. В ней содержатся сведения об иноземных странах, их местоположении, городах, нравах и обычаях народов, посольских связях. Цзюани 79 и 80 посвящены странам, расположенным к северу, северо-западу и западу от Минской империи: государствам Средней Азии. Вос-

точного Туркестана и Монголии. Этот источник также характеризуется тенденциозностью и китаецентризмом при изложении событий[67].

Китайские источники существенно дополняют известные мусульманские источники своей системностью, продолжительностью во времени и разносторонностью[68].

Русские источники. Важное значение для исследования истории позднесредневекового Казахстана имеют русские документы и архивные материалы XIV–XVII вв. Летописи периода подчинения русских земель Золотой Орде зафиксировали многие стороны взаимоотношений русских князей с ордынскими властями. Сообщается в них о внутреннем, общественно-политическом состоянии Орды, в частности, о междоусобной борьбе различных группировок ордынской знати в 60–70 гг. XIV в. («И бысть в Орде замятня велика»)[69] Многообразен материал, относящийся ко времени Мамая, Тохтамыша, Едыге, эмира Тимура и характеризующий попытки этих правителей повлиять на судьбы распадающейся Золотой Орды и вместе с тем помешать Московской Руси, Литве, Польше в их борьбе за государственную централизацию. В летописи заносились сведения о хозяйстве, населении, указывалось, например, что за владениями Батыя были расположены земли кангитов (хвалиссов). Сообщались географические данные, более точные для западной части улуса Джучи, порой весьма приблизительные – для восточной. Отмечалось, например, что Большая или Золотая Орда имела столицей город Сарай; в то же время под названием «Синяя Орда» имелись в виду все земли за Яиком (р. Урал) с центром в Самарканде[70]. Синяя Орда называлась среди «земель и царств», которые «попленил Темир Аксак», но среди них назван и Китай[71], чего на самом деле не было.

Важным источником по истории северной части Казахстана являются сибирские летописи: Строгановская летопись (около середины XVII в.), «Сибирская летопись» С. Есипова (1687 г.) и «Ремезовская летопись» (конец XVII – начало XVIII в.). В них есть сведения о расселении племен на этой территории и в Сибири, в том числе кераитов (кереев), о правлении на этих землях, в Сибирском юрте, Тайбугинской династии из кереев, затем ханов из династии Шайбанидов в Сибирском ханстве[72]. Материалы и документы, хранящиеся в архивах России, как центральных (ЦГАДА, АВПР), так и местных, отражают не только политику России по отношению к Ногайской Орде, Сибирскому ханству, Джунгарии, ханствам на территории Казахстана и Средней Азии, но и содержат обширную информацию о внутренней жизни этих государств, их взаимоотношениях. Среди этих материалов, опубликованных и неопубликованных, – грамоты и послания ханов и царей, отчеты глав дипломатических миссий, записки, дневники, «сказки», «расспросные речи», росписи и т.д.

Наиболее обширна дипломатическая переписка русских князей и царей с ногайскими биями и мурзами, начиная с 1489 г., когда было отправлено посольство ногайского правителя Ивака и мурз в Москву[73], и до середины XVII в., а также с правителями Джунгарии. Известны посольства Данилы Губина в Ногайскую Орду в 1534–35 гг. (он сообщал: «...казаки дополна хотят итти нагаи воевать... казаки сильны, и колмаки им предались»[74]), Семена Мальцева в 1569 г., Бориса Доможирова в 1577 г.[75].

В конце XVI в. появились известия о казахско-русских посольских связях. В 1594 г. в Москву был отправлен посол хана Тауекеля Кул-Мухаммед с целью заключения дружественных отношений и получения помощи в борьбе

против бухарского хана. В 1595 г. в ставку Тауекель-хана на Сырдарье с ответной грамотой прибыл Вельямин Степанов[76]. Через казахские степи в XVII в. проследовало более четырех десятков посольств из Бухары и Хивы в Россию и 9 русских посольств в Среднюю Азию[77]. Материалы Сибирского приказа содержат сведения о казахско-русских переговорах в конце XVII в. при хане Тауке. Большой интерес представляют сведения экспедиции Федора Скибина в 1696–97 гг., представившей «Роспись городков Казачьей Орды от Тобольска до Туркестана...» и «Расспросные речи»[78].

Отчеты посольств, материалы торговых миссий, экспедиций отражали политические события в крае, экономические реалии, давали этнографический материал, сведения о размещении на территории Казахстана в разное время ногайцев (границы Ногайской Орды доходили до Тюмени), башкир, каракалпаков. К концу XVII в. казахские жузы занимали обширную территорию от Тобола и Иртыша на севере до Сырдарьи и Ташкента на юге, от реки Эмиль на востоке до Яика на западе, их правители владели упомянутыми выше «городками» числом свыше тридцати. Все это зафиксировано богатым картографическим материалом, накопленным к рубежу XVII–XVIII вв.

Чертежи и росписи посольских, торговых миссий и экспедиций с разнообразными географическими реалиями легли в основу «Большого Чертежа», первой официальной русской сводной карты, созданной в конце XVI в. «Большой Чертеж» был утрачен, но сохранилась «Книга Большому Чертежу», где сведения о казахских землях составляют почти целую главу[79]. Созданию чертежа предшествовали большие картографические работы в России в XVI в.[80].

Если на ранних иностранных картах – Петра Висконти (1320 г.). Каталонской карте (1375 г.), Фра Мауро (1459 г.) – почти не отражались земли Казахстана, показаны лишь земли Нижнего Поволжья и вдоль северо-восточного побережья Каспийского моря, то на картах С. Герберштейна (1546 г.) и А. Вида (1555 г.), в которых использовался русский картографический материал, уже показана территория до Яика. Прибавила географических сведений о Казахстане карта А. Дженкинсона (1562 г.), который в 1558 г. из Москвы, по поручению английской «Московской компании» отправился с торговыми целями в Среднюю Азию[81]. В описании его путешествия есть сведения о казахах и ногайцах. На карте казахи показаны им на р. Сыр, а на Яике размещены ногаи.

«Большой Чертеж» по информационной насыщенности превосходит предшествующие ему карты как раз в отражении географических реалий казахских степей и городов на Сырдарье. Составители чертежа использовали при работе над ним главным образом русские картографические материалы XVI в. В свою очередь «Большой Чертеж» и его описание использовались русскими картографами XVII в.

В конце XVII в. все картографические материалы о Казахстане и Средней Азии были обобщены С. Ремезовым, выдающимся русским ученым. Ему было поручено «написать степи от Тобольска до Казачьей Орды и до Бухареи Большей, и до Хивы, и до Еика, и до Астрахани» с указанием всех возможных географических объектов – гор, рек, урочищ, переправ, колодцев, а также населенных пунктов, расстояний между ними.

Итогом работы С. Ремезова стала «Чертежная книга Сибири», содержащая историко-географические сведения по территории Казахстана[82]. На этой карте впервые Арал назван своим именем и показан как самостоятельный бассейн[83].

Значимость русского документального материала для изучения истории народов Казахстана и смежных территорий Центральной Азии все более возрастает в XVII в. И сами эти народы становятся к концу этого века более известны русским, чем прежде[84].

Западные источники. В XIV–XVII вв. путешествия и поездки дипломатов, торговцев, миссионеров в азиатские страны и Московию (Гонзалес де Клавихо, Сигизмунд Герберштейн, Иософат Барбаро, Амброджо Контарини, Антоний Дженкинсон, Филип Авриль, Адам Олеарий)[85] и др. лиц, в числе которых были и военнопленные (Ганс Шильтбергер), послужили базой для создания новых нарративных источников, содержащих историко-этнографические сведения об этнополитических объединениях на территории нынешнего Казахстана, военно-политических событиях в период правления Тимура и его взаимоотношениях с Тохтамышем и Едиге, союзнических отношениях ногайцев и казахов.

Степные жители под общим названием «татары» занимают значительное место в книге венецианского дипломата И. Барбаро «Путешествие в Тану и Персию». Помимо описаний религиозных верований, судопроизводства, военного дела, торговли, ремесла и земледелия он освещает и некоторые исторические события периода правления ханов Едыге и его сына Муртазы, Улуг-Мехмеда, царевича Кичик-Мехмеда, Жаныбека (1343–1357). Упоминает разрушительный поход Тимура по городам Южного Дешт-и Кыпчака в 1395–1396 гг., память о котором еще была жива среди жителей, И. Барбаро посетил эти земли в 50-х годах XV в. А. Контарини, побывавший в Персии в 1474–1477 гг., выделяет различные группы «татар», в том числе тех, которые «живут по ту сторону Волги и кочуют в сторону северо-востока и востока».

Сообщения дипломата С. Герберштейна также касаются «различных орд татаров», в числе которых он указывает и казахов (Cassaki). А на карте «Россия, Московия, Татария», составленной А. Дженкинсоном в 1562 г., между Волгой и Яиком обозначены места обитания ногаев, восточнее их – территория «Казахии» (Cassakia). Дневник путешествия английского купца А. Дженкинсона – первый европейский источник, в котором запечатлены события периода становления Казахского ханства, в том числе войны хана Хакназара за присырдарьинские города.

Из числа европейских трудов XVII в., в которых содержатся известия о Средней Азии и Казахстане, наибольшую ценность имеет книга голландского географа Н. К. Витсена «О северной и восточной Татарии»[86], представляющая собой огромное собрание географических, этнографических и лингвистических сведений. Она охватывает все страны, которые в то время были известны под общим названием «Татария» – от берегов Каспийского моря, Волги, Камы и к востоку до берегов Тихого океана. Отдельные сведения о казахах, киргизах и других тюркоязычных народах почерпнуты из неопубликованных дневников европейцев, а также из арабских источников и, по словам голландца, путем расспросов у «татар всех родов».

Нарративная литература в XVII в. обогатилась трудами голландцев Яна Стрейса, Корнелия де Бруина, шведского врача и дипломата Энгельберта Кемпфера, французов Жан Батиста Тавернье, А. Мотрэ, англичан Самюэля Коллинза, Джона Перри и др., написанными в результате их поездок в Китай, Индию и Иран[87]. Степень информативности этих источников, освещающих те

или иные аспекты истории и этнографии казахского народа, неодинакова. Характерна в этом отношении книга шведского военнопленного Филипа Иоганна Страленберга «Историко-географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии», где более всего уделено внимание систематизации известных до начала XVIII в. материалов о Сибири и «Великой Татарии»[88], которую составляют узбеки, туркмены, киргизы, а также каракалпаки и Казахская Орда (Kosachi Hordae). Ему впервые удалось достать «у бухарцев» в Тобольске рукопись «Родословная тюрок» Абулгази и организовать ее перевод с «татарского» на русский и с русского на немецкий язык, тем самым положив начало вводу в научный оборот местных источников.

Краткий обзор письменных памятников позволяет заключить, что в научный оборот введено значительное число нарративных средневековых восточных и западных источников. Однако на современном этапе развития исторической науки назрела необходимость привлечения всего круга известных нам письменных нарративных источников прежде всего персо-тюрко-арабского круга, в особенности той части из них, которая хранится в зарубежных книгохранилищах и библиотеках с целью осмысления истории средневекового Казахстана на новом качественном уровне и адекватного определения их места на арене прошлого исторического процесса.

Непосредственное изучение персоязычных, тюркоязычных и арабоязычных памятников во всем их многообразии и полноте, равно как системный подход в изучении историко-источниковедческих проблем, позволяет прийти к важным выводам не столько по частным, сколько по самым общим вопросам истории казахского народа.

2. ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО КАЗАХСТАНА

В XVIII в. продолжалось накопление русскими исследователями известий о казахах этого периода, главным образом этнографических – о быте, хозяйстве, обычаях, верованиях, родоплеменном составе жузов, расселении, изучались легенды о происхождении народа. Среди этих исследователей П. И. Рычков, И. Г. Георги[89]. Материал этот, дающий характеристику положения казахов, современного авторам, отражает жизнь народа в предшествующие столетия. В 1750 г. вышла в свет «История Сибири» Г. Ф. Миллера[90], в ней впервые освещена история Северного Казахстана в составе Сибирского ханства. Сведения о казахах позднего времени содержатся в труде В. Н. Татищева[91], широко использовавшего русский архивный и летописный материал, а также собственные наблюдения (он был астраханским губернатором).

Началась публикация первоисточников, в которых содержатся сведения о позднесредневековой истории Казахстана. В 1768 г. переведен на русский язык с французского издания труд по истории и этнографии тюркских народов «Шаджара-йи турк» Абулгази. Чагатайский текст издан в 1825 г. в Казани. В 1854 г. сочинение Абулгази было издано И. Н. Березиным в серии «Библиотека восточных источников»[92]. Широкой известностью у исследователей пользуется этот труд, переведенный на русский язык Г. С. Саблуковым в 1906 г.[93]. И. Березин издал также «Шейбаниаду» анонимного автора[94]. Общие сведения по Казахстану XV в. совпадают с материалами «Таварих-и гузида-йи нусратнаме». «Шейбаниада» является одним из сокращенных списков «Тавариха», но с дополнительными сведения о Мухаммаде Шайбани-хане. Одновременно с изда-

нием источников велась исследовательская работа. В 1834 г. вышел в свет насыщенный документальным материалом труд Иакинфа Бичурина об ойратах (калмыках), история которых с XV в. имела прямое соприкосновение с историей Юго-Восточного Казахстана, а с XVII в. – Северного и Западного[95]

Первым фундаментальным монографическим исследованием по географии, истории и этнографии казахского народа является труд А. И. Левшина (1797–1879) «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей», опубликованный в 1832 г.[96]. В первой части книги освещены природные условия жизни казахского народа, во второй – собраны исторические сведения о казахах с древнейших времен до конца XVIII в. В третьей части, особенно ценной, представлены данные о родоплеменном устройстве, образе жизни, обычаях, религиозных верованиях, многих сторонах экономической и социально-культурной жизни казахов, известной автору по личным наблюдениям и информациям знакомых ему видных представителей местного населения. История казахского народа в XVI – начале XVIII вв. изложена автором в главе «О начале киргиз-казаков и состоянии их до вступления в подданство России или до 1730 года». Ранние этапы освещены бегло и не отличаются точностью, в этом сказалось недостаточное знание восточных источников. Достоверность приведенных сведений возрастает к XVII–XVIII вв. А. И. Левшин представил свое мнение об имени народа – это «первая постановка в науке проблемы этногенеза казахского народа»[97]. Труд А. И. Левшина получил высокую оценку его современников, по многим проблемам более поздние исследователи обращались к его труду. Новое издание сочинения А. И. Левшина осуществлено в Алматы в 1996 г.

В России со второй половины XIX в. исследование истории Казахстана позднесредневекового времени приобретает прочную базу – восточные источники. В этот период оно связано с именами В. В. Вельяминова-Зернова и Ч. Ч. Валиханова. Выдающийся ориенталист В. В. Вельяминов-Зернов (1830–1904) впервые в своем четырехтомном историческом труде «Исследование о Касимовских царях и царевичах» обратился к истории Казахстана в XV–XVI вв.[98], имея в руках надежную источниковую базу. Во второй части труда он последовательно изложил историю Казахского ханства, высказал мнение об образовании этого государства, связав его с откочевкой ханов Гирея и Жаныбека в Жетысу, осветил внешнеполитические связи казахских ханов с правителями ногайцев, могулов. Автор предложил свое понимание факта разделения казахов на жузы, отнеся его к XVII в. и объяснив хозяйственной, социально-экономической особенностью образа жизни разных групп народа: полуоседлых, обитавших в районе Туркестана и Ташкента, и кочевых на остальной территории. Для своего исследования по истории казахского народа и государства В. В. Вельяминов-Зернов, помимо русских архивных и литературных материалов, впервые привлек оригинальные сведения из восточных первоисточников, опубликовав большие отрывки, извлечения из них. Среди этих источников – сочинения Мирзы Мухаммада Хайдара Дуглата «Тарих-и Рашиди», Кадыра Алибека Жалаира «Жами ат-таварих», Хафиза Таныша «Абдулла-наме» («Шараф-наме-йи Шахи»), Захир ад-дина Бабура «Бабур-наме» и др. Труд В. В. Вельяминова-Зернова долгое время являлся источником для последующих исследователей. Он первым из русских ученых в 1858 г. избран действительным членом Академии наук, что отметил В. В. Бартольд в статье о задачах Академии в области изучения Востока[99].

Во второй половине XIX в. русское востоковедение успешно развивалось. Труды В. В. Григорьева, П. И. Лерха, Н. И. Березина, В. Г. Тизенгаузена, Н. И. Веселовского, В. В. Радлова, В. Р. Розена означали «возникновение русской историко-востоковедной школы, которая заняла почетное место в мировом востоковедении»[100].

Среди имен русских востоковедов видное место занимает Ч. Ч. Валиханов (1835—1865), первый казахский ученый-историк, востоковед, этнограф, географ. Он исследовал вопросы истории Казахстана, Средней Азии, Восточного Туркестана, историю киргизов, ногайцев, узбеков, уйгурского народа. Проблемы этногенеза казахов, образования жузов, родоплеменного состава, расселения казахов исследованы Ч. Ч. Валихановым во многих его работах: «Киргизское родословие», «Записки о киргизах», «О кочевках киргиз». Он высказал мнение об этнической близости казахов и ногайцев. В ряде работ дана историко-этнографическая характеристика казахов Старшего жуза («Очерки Джунгарии», «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды»); писал он также о генеалогии казахских ханов, политических отношениях Казахского ханства и Ногайской Орды.

В своих исследованиях Ч. Ч. Валиханов широко использовал казахский и ногайский эпос, легенды, исторические предания, разнообразный фольклорный материал. Он придавал большое значение письменным восточным источникам, первым, еще до издания работы В. В. Вельяминова-Зернова, обратился к важнейшим из них для исследования истории позднесредневекового Казахстана. Им сделаны выписки из «Жами ат-таварих» Кадыргали Жалаири, «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммад Хайдара. Русское Географическое общество выпустило в 1904 г. сборник произведений Ч. Ч. Валиханова. В 60-х годах Академией наук Казахской ССР было подготовлено и издано, а в 80-х годах переиздано полное собрание трудов выдающегося казахского ученого, просветителя, мыслителя-демократа[101]

История Казахстана XIII—XIV вв. являлась частью истории монгольских улусов и государств, в частности, Золотой Орды, государства Чагатаидов и потомков Угэдэя. Число исследований, посвященных истории монголов, истории Золотой Орды, не только в Западной Европе (Ж. Дегинь — XVIII в., д'Оссон — 30-е гг. XIX в., Х. Ховорс — конец XIX в., Л. Каэн — 1896 г. и др.), но и в русской историографии достаточно велико. Они затрагивали многие стороны жизни и Казахстана. Еще в 30-х годах XIX в. Российской Академией наук был объявлен конкурс на сочинение по истории Золотой Орды. Существенный вклад в исследование внутреннего строя этого государства, структуры административного аппарата внесло исследование Н. И. Березина, на основе ханских ярлыков, указов, других восточных источников показавшего сочетание, сосуществование кочевой и оседлой форм общественной жизни в Золотой Орде[102].

Об отношениях ногайцев с казахами, о переходе в период междоусобиц в Ногайской Орде в XVI в. отдельных мурз с подвластными им родами за Яик к казахским правителям писал Г. Перетяткович, исследователь истории региона Поволжья и Западного Казахстана периода после распада Орды[103].

Большое значение для изучения истории Казахстана в монгольское время имело издание двухтомного собрания извлечений из восточных источников, содержащих сведения по Золотой Орде. Издание первого тома, включающего

материалы из трудов арабских историков и географов, осуществлено выдающимся востоковедом В. Г. Тизенгаузеном (1825–1902 гг.), собравшим эти материалы во многих книгохранилищах Европы[104]. Во второй том вошли извлечения из персидских сочинений, также отобранных В. Г. Тизенгаузеном, изданных в обработке А. А. Ромаскевича и С. Л. Волина почти шесть десятилетии спустя[105]. Издатели отметили в предисловии оригинальность, хронологическую последовательность представленных материалов, зависимость источников последующих от предыдущих. Указали, что ранние персидские источники, как и арабские, в первом томе, характеризуют больше события в западной части Золотой Орды, а более поздние, написанные в восточной части Ирана и в Средней Азии, хорошо знают события в восточной части улуса Джучи, т.е. историю казахов и кочевых узбеков. Среди них упомянутые выше сочинения Низам ад-дина Шами, Шараф ад-дина Йазди, Му'ин ад-дина Натанзи, Абд ар-Раззака Самарканди, Хайдара Рази и другие.

Сборник материалов по истории Золотой Орды на многие десятилетия и до нынешних дней остается надежным источником сведений по истории Казахстана XIII–XV вв.

К концу XIX в. в России появились работы, посвященные важнейшим проблемам истории тюрко-монгольских народов Центральной Азии. Среди них работы Н. А. Аристова и первые крупные труды В. В. Бартольда. Н. А. Аристов на основе восточных источников, переведенных на западноевропейские и русский языки, а также на базе русских архивных материалов, фольклорных, этнографических данных создал труды по этническому составу тюркских народов[106]. Более обстоятельно представлена им этническая структура казахского народа. В составе его жузов, показывает Н. А. Аристов, есть племена «канглы, кипчак, чу (дулат), аргын, найман, кирей и алчин» и другие роды и племена. Сохранение родовых и племенных названий у казахского народа на столь позднем этапе его развития, в конце XIX в., исследователь объяснил влиянием кочевого образа жизни, для поддержания которого, функционирования в привычных хозяйственных формах родоплеменная организация населения предоставляла большие возможности, испытанные веками.

В 90-х годах огромная работа над множеством восточных первоисточников была проведена крупнейшим востоковедом В. В. Бартольдом (1869–1930 гг.). В 1898 г. он издал «Очерк истории Семиречья»[107], в котором собран весь известный автору исторический материал по Жетысу с древнейших времен до падения государства калмыков в 1758 г., в состав которого входила область с XVII в. Освещена история края в период монгольского улуса Чагатая, в составе Могулистана. Это первый исторический труд, специально посвященный одному из важных регионов Казахстана.

В 1898 г. была издана первая часть фундаментального труда В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (извлечения из источников), а в 1900 г. издано само исследование[108]. Позднесредневековому периоду истории Туркестана посвящена последняя глава «Чингиз-хан и монголы». Сам В. В. Бартольд, выдающийся представитель русской востоковедной школы, академик (с 1913 г.), называл себя «преимущественно историком Средней Азии», хотя многие его работы относятся к истории стран Ближнего и Среднего Востока. Но все работы по Средней Азии, по истории тюрко-монгольских народов так или иначе раскрывают проблемы истории казахов и Казахстана в позднее средневековье. Среди них: «История Туркестана» (1920 г.),

«История турецко-монгольских народов» (1927 г.), «Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии» (1926 г.) и многие другие.

Все работы В. В. Бартольда основаны на глубокой проработке восточных источников. В круг источников он вводил также данные нумизматики, эпиграфики, этнографии, археологии. Он был в постоянном поиске материалов в хранилищах рукописей Средней Азии, Европы, в частных коллекциях и библиотеках, о чем свидетельствует, например, «Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью». Переводы, описания, оценка материалов рукописей, извлечения из впервые вводимых им в научный оборот источников даны во многих его работах. Для последующих исследователей работы В. В. Бартольда служили источниковедческой базой, а также образцом критического анализа материалов письменных источников.

Исследование истории позднесредневекового периода Казахстана получило надежную основу после девятитомного издания трудов академика В. В. Бартольда в 60—70-х годах[109]. Оно послужило для казахстанских историков ориентиром не только в привлечении обширного круга письменных источников на персидском и тюркских языках, но и в постановке и разработке многих проблем средневековья.

Авторы предисловий к сочинениям В. В. Бартольда (И. П. Петрушевский. В. А. Ромодин и др.) отмечали переоценку им значения в исторических судьбах стран и народов географических условий их жизни, роли торговых путей, культурных влияний и заимствований как результат образования больших и малых империй, в частности, империи Чингиз-хана. Отмечали чрезмерное внимание В. В. Бартольда к жизнедеятельности правителей (ханов, эмиров); подчеркнули недооценку им разрушительных последствий монгольского завоевания. Однако новые подходы к историческому прошлому народов на современном этапе позволяют во многом согласиться с оценками этого выдающегося историка-востоковеда тех или иных явлений культурно-исторического прошлого тюрков и монголов.

В. В. Бартольд собрал огромное количество материалов из источников, касающихся городов Южного Казахстана, системы орошения, торговых путей[110].

Особенно важны извлеченные им из восточных рукописей данные и его собственная их интерпретация по проблемам этнической истории тюрко-монгольских племен. В его трудах масса сведений о племенах, вошедших в состав казахского народа. Последний фигурирует нередко у него под этническими терминами: «узбеки», «узбекский народ», «узбеки-казаки», т.е. под тем именем, которым называют источники XIV—XV вв. население Восточного Дешт-и Кыпчака. В работе «История изучения Востока в Европе и России» Бартольд В. В. отметил, что уже в начале XVI в. «узбецкие казаки были могущественным народом, имевшим своих ханов». Разделение казахов на три жуза («орды») он связал с географическим фактором, отметив, что кочевья их «располагались в порядке с востока на запад по старшинству родов»[111].

В. В. Бартольд не обошел и проблемы социальных отношений у народов Центральной Азии. Он стремился показать новые черты монгольской государственности, причины ее возникновения. Постепенно, в итоге своей творческой работы в статье «Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов» (1929 г.) он пришел к выводу о возможности возникновения кочевых государств в связи с имущественным неравенством, соци-

альным расслоением общества и классовой борьбой, что отвечало идеологическим установкам времени. Это было время становления марксистско-ленинского понимания истории, основным стержнем которого было признание классообразования в общественном развитии и классовой борьбы как движущей силы истории. И на эту точку зрения переходили многие ученые-историки.

По проблемам социальной (феодальной) организации народов Средней Азии, а также Золотой Орды, как и политической ее истории, написал ряд статей, а позднее – монографическое исследование А. Ю. Якубовский[112]. Исследование это – фактически первый обобщающий труд по Золотой Орде.

Оценка уровня общественной организации кочевников и, в частности, казахов менялась неоднократно на протяжении времени становления кочевниковедческой историографии[113]. Как известно, вначале утвердилось признание бесклассовости, социальной аморфности кочевых обществ, имевших «врожденную и неизменную» родоплеменную структуру, «патриархально-родовой уклад», как считали, например, Н. А. Аристов в XIX в., А. П. Чулошников – в 20-х годах XX в. Считалось, что эти общества не могут самостоятельно, без завоевания оседло-земледельческих стран и народов, создать свою государственность (В. В. Григорьев, В. В. Бартольд на ранних этапах творчества). В советское время утвердилось мнение о классовом расслоении кочевого общества, возможности достижения кочевниками феодальной стадии развития, феодальной государственности, эту точку зрения развивал С. П. Толстов. Б. Я. Владимирцов ввел в науку понятие «кочевой феодализм».

С. П. Толстов в своих исследованиях, увенчавшихся созданием капитального труда «Древний Хорезм»[114], на основе письменных источников и археологических материалов разработал периодизацию истории народов Средней Азии и Казахстана, показал, что кочевые народы прошли в своем развитии такие же социально-экономические формации, какие проходили большинство других народов, а именно первобытнообщинную и феодальную. Исследование Б. Я. Владимирцова долгое время оказывало большое влияние на историков, занимавшихся проблемами социальной организации кочевых и полукочевых тюркских народов[115].

В 20–30-е годы появляются исследования, посвященные специально истории Казахстана, в том числе созданные представителями национальной казахской интеллигенции. Это работы А. П. Чулошникова (1924 г.), М. Тынышпаева (1925 г.), С. Д. Асфендиарова. На более раннем этапе, на рубеже XIX–XX вв., среди исследователей истории и культуры казахского и других тюркских народов стали известны казахские имена: С. Бабаджанов, М. Чорманов, Т. Сейдалин, А. Джантурин, С. Нурмухамедов и др. Работы их получили оценку в историографии как краеведческие[116]. Следует отметить сочинение поэта и философа Шакарима Кудайберды-улы «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий»[117]. Шежире издано на казахском языке в 1911 г. в Оренбурге. Это была вполне удачная попытка воссоздать историю образования казахского народа на родном языке на основе трудов Абулгази, Н. А. Аристова, В. В. Радлова. Изложены родоплеменной состав жузов, шежире отдельных родов, их тамги, генеалогия ханских династий.

А. П. Чулошников был первым председателем «Общества изучения Казахстана», он создал обобщающий труд, в котором освещались политическая и хозяйственная жизнь казахского народа до 30-х годов XVIII в., вопросы

этнической истории[118]. Приводит примеры, характеризующие хозяйственные занятия казахов не только как «чистых» кочевников-скотоводов, но и знакомых с оседлой жизнью, земледелием. Автор показывает обусловленность этих занятий природными, географическими факторами, многообразными на обширной территории Казахстана. Свои представления о характере социально-экономических отношений в казахском обществе автор подверг критике в другой своей работе «К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII–XVIII вв.» (1936 г.).

В 1925 г. была издана работа М. Тынышпаева «Материалы к истории киргиз-казакского народа»[119], в 1926 г. Обществом изучения Казахстана издана его работа «Киргиз-казаки в 17 и 18 веках». В «Материалах» даны этнический состав казахских жузов, легенды и предания о происхождении казахов, тамги и ураны казахских родов, для характеристики истории каждого из племен подобран исторический материал. Однако он допускает ошибки, прибегая к ненаучным методам: лингвистические созвучия географических названий, исторических имен принимает за доказательство древности племен казахского народа; он видит их в алазонах Геродота, касогах Святослава, черкесах и т.д. и расселяет их на территории от Аргуни на Дальнем Востоке до Дуная и Закавказья.

На ошибки М. Тынышпаева – удревнение и безграничное расширение территории расселения казахских племен – указал С. Д. Асфендиаров, в 1935 г. издавший свою «Историю Казахстана (с древнейших времен)».

Образование жузов М. Тынышпаев относит ко времени Батыя и Орда-Ичена (соответственно их владения, – по его мнению – это Средний и Старший жузы); Младший жуз связывается им с именем младшего сына Джучи, Тука-Тимура, а территориально – с Кавказом, Крымом и западными землями улуса Джучи. Политическое разделение населения, местного и мигрировавшего, в эпоху завоеваний Чингиз-хана и в самом деле определенно воздействовало на обособление племен и этнических групп в различных историко-географических областях (Жетысу, Туркестан, Сарыарка, Западный Казахстан, Приаралье и др.), издавна формировавшихся в силу естественно-географических условий и исторически складывавшихся хозяйственных связей населения. Однако никаких данных о казахах, их жузах в XIII в. и связи их с упомянутыми автором территориями и именами в источниках им не обнаружено.

С. Д. Асфендиаров уже с середины 20-х годов занимался историей, был организатором науки, возглавлял ряд научных структур на этапе становления исторической науки в Казахстане. Он – первый казах-профессор истории, был заместителем председателя созданной в марте 1932 г. Казахстанской базы Академии наук, до этого возглавлял историко-археологический сектор Казахского НИИ национальной культуры, позднее был ректором Казахского педагогического института им. Абая[120]. Вместе с профессором П. А. Кунте С. Д. Асфендиаров подготовил и издал в 1935 г. сборник материалов из античных, восточных и летописных источников, содержащих сведения по истории Казахстана и Средней Азии[121]. Сборник дополнил известные к тому времени сведения об историческом прошлом казахов, послужил базой для реконструкции истории, культуры и быта казахов, их экономических, политических и культурных связей с соседними народами и государствами. Описание истории казахов, попытка решения этих проблем осуществлены ученым.

В монографии С. Д. Асфендиарова отвергнута концепция о неисторично-

сти кочевых народов, их отсталости, оценка их общественного строя как родового. Общественная структура казахского кочевого общества показана как классовая, феодальная, присущая и другим народам, оседлым и кочевым. Особенностью феодальных отношений у кочевых народов автор считал сохранение родовых пережитков, используемых в целях классовой эксплуатации. По мнению автора, тип хозяйства – кочевое скотоводство – не дает возможности развиваться индивидуальному хозяйству; при частной собственности на скот сохраняется общинная форма пользования пастбищем. Хозяйственная необходимость ведет к сохранению рода, родовой общины, патриархальной семьи. Но эти родовые институты в корне изменились, они отражали давно народившиеся классовые отношения.

В это время в союзной исторической науке шла дискуссия о социально-экономическом строе восточных обществ, «азиатском способе производства». С. Д. Асфендиаров внес в историографию свое понимание дискуссионных проблем, показал несостоятельность концепции особого пути Востока, остановился на неправильном истолковании понимания К. Марксом «азиатского способа производства». Не согласился он и с «неудачным», на его взгляд, определением Б. Я. Владимирцовым общественного строя Монголии как «монгольский кочевой феодализм»[121]. В последующее время теория «кочевого феодализма» была подвергнута критике.

Точка зрения С. Д. Асфендиарова на общественный строй кочевников-казахов находила многих последователей, хотя на нее не ссылались, поскольку книга на долгие годы оказалась в спецхране. Проблемы происхождения казахского народа и возникновения казахского государства С. Д. Асфендиаров рассматривал в связи с такими же проблемами в развитии других тюркских народов. Образование трех жузов он доказательно объяснил историческими условиями кочевого хозяйства, развивавшегося в трех естественно-географических областях, что мешало политическому объединению.

В справедливой попытке опровергнуть как великодержавные домыслы ряда русских авторов о «неисторичности» кочевых народов, о том, что они не преодолели в своем развитии уровня родового строя и первобытного хозяйства, так и точку зрения местных авторов об исключительности исторических путей казахского общества, об отсутствии в нем классового антагонизма, «великой роли тюрко-монгольской расы»[123] С. Д. Асфендиаров, в свою очередь, в полемическом ключе особо подчеркивал негативные стороны жизни кочевников, которая, по его мнению, была заполнена лишь грабежами и эксплуатацией народных масс феодально-родовой верхушкой, кровавой борьбой между родовыми объединениями.

Правильно опровергая попытки М. Тынышпаева удревнить происхождение казахов, этнических групп, составивших народ, беспредельно расширить занимавшуюся ими территорию, С. Д. Асфендиаров уклонился в другую сторону и отнес «начало самостоятельной истории казахов» лишь к концу XVI – началу XVII в.[124], что, безусловно, ошибочно.

Новый этап развития исторической науки Казахстана в 40–50-е годы определил, наряду с исследованием всех других проблем, и рост уровня исследований по проблемам позднесредневековой истории. В 1943 г. был открыт исторический факультет в КазГУ, затем – исторические факультеты в педагогических институтах. В 1945 г. в Академии наук Казахской ССР открылся Институт истории, археологии и этнографии. Готовились национальные на-

учные кадры историков. Большую помощь в их подготовке оказывали, как и прежде, ученые из Москвы и Ленинграда – А. Н. Бернштам, С. П. Толстов, А. Ю. Якубовский, А. М. Панкратова и др.

Развивались исследования средневековой истории Казахстана. Особое внимание уделялось проблемам развития общественного строя казахской государственности, происхождения народа. В 1941 г. была издана обобщающая работа М. П. Вяткина «Очерки по истории Казахской ССР»[125] – систематическое изложение истории казахов с древнейших времен до середины XIX в. известного издателя «Материалов по истории Казахской ССР». Вопросы образования Казахского ханства занимали, наряду с другими, внимание автора. Как и предшествующие исследователи, большую роль в его образовании автор отводил откочевке, возглавленной первыми казахскими ханами. Несомненно преувеличенной показана вассальная зависимость их от могульских ханов. М. П. Вяткин поддержал мнение В. В. Бартольда и С. Д. Асфендиарова о естественно-географической обусловленности разъединения казахских жузов в трех регионах, но добавил кроме этого фактора и влияние политической их обособленности. В монографии М. П. Вяткина впервые дан общий обзор литературы и источников по истории Казахстана до середины XIX века.

Ранее, чем в других республиках Средней Азии, в историографии истории Казахстана появились сводные научные труды коллективов историков.

В 1943 г. вышел в свет первый коллективный обобщающий труд –«История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней)»[126]. Книга была создана в короткий срок коллективом авторов – группой научных сотрудников Института истории АН СССР во главе с академиком Б. Д. Грековым, членом-корреспондентом А. М. Панкратовой и местными историками. В результате большой научно-исследовательской работы были систематизированы данные не только опубликованных источников по истории Казахстана, но и материалы по региональной истории, истории других тюркских народов[127], содержащие сведения и по средневековому Казахстану, особенно политической истории, казахско-среднеазиатским связям. Тем не менее масса нерешенных проблем, неизученность многих разделов исторического прошлого народа ставила сложные задачи перед авторским коллективом. Большое место было отведено именно политической истории, организующей деятельности ханов и батыров, борьбе казахского народа за независимость; значительная роль в складывании и развитии казахской народности отводилась татаро-монгольскому завоеванию. А материал по социально-экономическому состоянию, положению трудового народа просто отсутствовал. Но положительное в освещении истории народа превращалось в устоявшихся канонах идеологизированной советской историографии в прямую противоположность. В последовавшем постановлении ЦК КП республики (14 августа 1945 г.) о подготовке 2-го издания «Истории Казахской ССР» отмечались допущенные в первом издании ошибки, идеализация феодального прошлого, недооценка губительной роли татаро-монгольского нашествия, недостаточность показа эксплуатации трудового народа; указывалось, что вопреки историческим фактам прочным и могущественным было охарактеризовано в книге Казахское государство XV–XVIII вв.[128]

Первое коллективное издание стало важной вехой в историографии, вызвало большой научный интерес, поиск новых исторических источников, дис-

куссии по важнейшим проблемам. В 1949 г. вышел первый том двухтомной «Истории Казахской ССР». Однако вновь в решениях руководящих органов республики отмечались «идеализация феодального прошлого казахского народа, некритическое отношение к его культурному наследию..., воспевание ханов и султанов»[129].

В 1957 г. вышел первый том нового двухтомного издания «История Казахской ССР»[130]. Истории XIII–XVII вв. в ней было отведено четыре главы: Казахстан в период монгольского господства; Образование казахской народности и казахских ханств; Социально-экономические отношения и политический строй Казахстана в XV–XVII вв.; Культура казахского народа в XV–XVII вв. Среди авторского коллектива по этим основным проблемам истории Казахстана позднесредневекового времени были видные ученые: Н. Г. Аполлова, М. О. Ауэзов, Г. Ф. Дахшлейгер, А. Х. Маргулан, В. Ф. Шахматов и др. Учтены были пробелы и «ошибки», действительные и вымышленные, прежних изданий. Освещены вопросы хозяйства и социально-экономических отношений, культура казахского народа. Но многое, к сожалению, из-за недостатка источников базировалось на материалах последующих двух столетий, нового времени. В книге показано значение для образования казахской народности общности многих тюркских племен, ее составивших, типа хозяйства, материальной культуры, быта, языка; отмечена многовековая протяженность процесса этногенеза народа, сложение народности к середине XV – началу XVI вв., разъяснялось происхождение термина «казах». Выявлены социально-экономические и политические причины образования казахских ханств, исследована их конкретная история. Казахское общество показано как общество классовое, феодальное, с присущими кочевой среде патриархальными чертами. Время становления феодальной формации на территории Казахстана отнесено к VI–VII вв. (времени Тюркского каганата), а возникновение элементов государственности – ко времени усуней и канглы на рубеже новой эры.

Анализ упомянутых выше проблем и предложенные в томе выводы базировались не только на достижениях историографии прошлых десятилетий, но и на большой работе казахстанских историков непосредственно в 50-е годы, на исследованиях истории тюркских и других кочевых народов в соседних республиках[131].

Мнение о феодальном характере социально-экономических отношений у кочевников утвердилось в советской историографии 30–50-х годов. Расхождения исследователей касались лишь оценки базисной основы феодальных отношений у кочевников, главных средств производства в кочевом скотоводческом типе хозяйства. Разногласия и споры вылились в середине 50-х годов в дискуссию о сути и специфике патриархально-феодальных отношений в условиях казахского кочевого скотоводческого хозяйства. В ходе дискуссии выявились две точки зрения. Одни исследователи считали, что в условиях кочевого скотоводства основным средством производства был скот, земля же была лишь условием производства. Эксплуатация основного производителя, рядового кочевника, осуществлялась на основе собственности на скот. Земля находилась в общинном владении, частная же собственность на землю появилась лишь после перехода кочевников к оседлости.

Сторонники второй точки зрения считали, что и в условиях кочевого, в частности, казахского общества земля является не только условием, но и

средством производства. При сохранении общинной формы пользования землей (пастбищами), обусловленной нормами обычного права, крупные собственники скота распоряжались кочевьями, фактически владели лучшими пастбищами; эксплуатация осуществлялась не только на основе собственности на скот, но и на землю. По-разному характеризуя производительные силы, средства производства и собственность на них, сторонники обеих точек зрения не расходились в главном – в классовой оценке общественно-экономических отношений у кочевников.

Итоги дискуссии были подведены Объединенной научной сессией АН СССР и академий союзных республик Средней Азии и Казахстана в Ташкенте в 1954 г.[132]. В целом был принят вывод о том, что кочевые племена и народы шли в общем русле исторического развития человечества, в своей эволюции достигли классовых отношений. В дискуссии закрепилась оценка формационного уровня казахского общества XV–XVIII вв. как патриархально-феодального. Эта оценка и отражена в «Истории Казахской ССР» (1957 года издания). В развитие точек зрения, выявленных в ходе дискуссии, был подготовлен на материалах Казахстана ряд крупных статей и монографий[133].

Исследовались и проблемы политической истории позднего средневековья. Историю казахской государственности, этническую и социальную историю Казахстана XV–XVII вв. начал исследовать С. К. Ибрагимов (1929–1960)[134]. Выдающийся советский востоковед, исследователь истории Средней Азии А. А. Семенов, широко известный публикацией восточных первоисточников, опубликовал работы, в которых исследуются история узбекских племен на территории Казахстана и история династии Шайбанидов в XV в., ее взаимоотношения с казахскими ханами в конце XV– начале XVI вв.[135].

В 50-х годах встала проблема расширения базы письменных источников, подготовки кадров востоковедов. В Академии наук КазССР был создан сектор востоковедения, преобразованный затем в отдел истории сопредельных стран зарубежного Востока Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Позднее группа востоковедов была сосредоточена в отделе древней и средневековой истории Казахстана этого Института. С. К. Ибрагимов одним из первых казахстанских востоковедов приступил к выявлению и переводу восточных источников. Он внес большой вклад в выявление, публикацию и изучение персидских и тюркских трудов – основных источников по истории позднесредневекового Казахстана. С. К. Ибрагимов выявил и опубликовал в источниковедческих обзорах и статьях отрывки из сочинений восточных, главным образом, среднеазиатских, авторов (Мас'уда бен Усмана Кухистани, Фазлаллаха Ибн Рузбихана Исфахани, Камал ад-дина Бинаи и др.), содержащих значительное число конкретных сведений по этнической, политической и социально-экономической истории Казахстана XV–XVI вв.[136].

В начале 60-х годов при содействии ЛО ИВ АН СССР в Институте истории, археологии и этнографии АН КазССР была начата работа по созданию свода материалов из восточных источников по истории казахских ханств XV–XVIII вв. План издания был разработан С. К. Ибрагимовым, подготовившим для него переводы из сочинения Мас'уда бен Усмана Кухистани и часть текста из рукописи Бинаи. Работа была продолжена группой составителей свода (Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин) под общим руководством В. П. Юдина и при участии ленинградских востоковедов О. Ф. Акимушкина и М. А. Салахетдиновой и завершена в конце 60-х годов[137]. В сборник вошли в

переводе на русский язык фрагменты из основных первоисточников по истории казахских ханств – персоязычных и тюркоязычных сочинений XV–XVIII вв.: «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», «Фатх-наме», «Шайбани-наме», «Тарих-и Абулхайр-хани», «Тарих-и Рашиди», «Тарих-и Кыпчаки», «Бахр ал-асрар фи манакиб аль-ахйар» и др. Кроме нарративных сочинений и жизнеописаний ханов и духовных лиц, хроник исторических событий и мемуаров придворного литератора, в сборник включены четыре вакфных документа из Сыгнака.

Ко всем переводам даны справки с необходимой информацией о сочинениях, их авторах и характере имеющихся материалов. Составители сопроводили тексты научными комментариями, справочным аппаратом. Издание корпуса переводов письменных источников расширило источниковедческую базу исследований основных проблем истории Казахстана XV–XVIII вв. В научный оборот были введены новые оригинальные известия об этническом составе населения и этнических процессах на территории Восточного Дешт-и Кыпчака, Жетысу и Туркестана (Южного Казахстана) на завершающем этапе консолидации казахской народности, материалы по социально-экономической и внутриполитической истории казахских ханств, о взаимоотношениях с сопредельными государствами, по исторической географии региона, времени завершения формирования этнической территории казахского народа и развития его государственности. «Материалы по истории казахских ханств» до сих пор остаются единственным опубликованным сводом извлечений из восточных источников по истории позднесредневекового Казахстана и вместе с первым томом документов о казахско-русских отношениях в XVI–XVIII вв., а также двухтомным изданием «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды» они послужили хорошей основой при подготовке разделов второго тома пятитомной «Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней»[138], ряда монографических работ по истории позднесредневекового Казахстана и настоящего издания.

В последующие годы источниковая база казахстанской медиевистики пополнялась как усилиями исследователей, разрабатывавших конкретные проблемы истории средневекового Казахстана, так и трудами известных востоковедов, работающих за пределами Республики Казахстан.

Ценным для исследования истории Казахстана является изданный Институтом востоковедения АН СССР и Институтом истории АН КиргССР под редакцией В. А. Ромодина сборник переводов извлечений из арабских, персидских и тюркских исторических и географических сочинений X–XIX вв., содержащих сведения по истории киргизов и Киргизии[139]. Извлечения из персидских источников XIV–XVI вв. – сочинений Низам ад-дина Шами, Шараф ад-дина Йазди, Му'ин ад-дина Натанзи и Абд ар-Раззака Самарканди дают значительный материал для изучения политической истории рубежа XIV–XV вв. на территории Южного и Юго-Восточного Казахстана.

В последние десятилетия изданы отдельные сочинения восточных авторов, содержащие материалы по сопредельным странам Средней Азии и Восточного Туркестана и по средневековому Казахстану. Изданы тексты (на языке оригинала, наборные и факсимильные) сочинений Зайн ад-дина Васифи, Абд ар-Раззака Самарканди, Шараф ад-дина Али Йазди[140]. В переводе на узбекский язык С. Мирзоева и на русский язык М. А. Салахетдиновой с обстоятельными научными комментариями издано сочинение Хафиза Таныша «Шараф-наме-йи шахи»[141]. Оригинальную часть труда Шах Махмуд Чураса «Та-

рих» издал в тексте, в переводе на русский язык О. Ф. Акимушкин, сопроводив ее источниковедческим исследованием рукописи и комментариями[142]. Б. А. Ахмедов издал в переводе на русский географическую часть «Бахр ал-асрар фи манакиб аль-ахйар» Махмуда ибн Вали[143].

Опубликован важнейший источник для исследования хозяйства, быта казахов, этнической, социальной, политической жизни Казахстана на рубеже XV–XVI вв. – сочинение Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфахани «Михман-наме-йи Бухара» (переведен на русский язык Р. П. Джалиловой). Издание содержит также персидский текст сочинения, историко-филологическое исследование и примечания[144].

В начале 60-х годов было завершено издание перевода сочинения историографа монгольских ханов Рашид ад-дина «Сборник летописей»[145]. Были изданы многие другие сочинения, содержащие материалы по этнической истории средневекового Казахстана: сочинения Абулгази, «Бабур-наме» (Записки Бабура), «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгари на узбекском языке, Юсуфа Баласагуни[146] и др. Опубликованы касающиеся внешнеполитической истории Казахстана рубежа XVI–XVII вв. и распространения исламских верований среди казахов отрывки из сочинений Искандера Мунши и Мухаммеда Аваза[147]. Издан перевод сочинений Утемиша Хаджи «Чингиз-наме»[148]. Переиздавались материалы западных авторов[149].

Особую ценность представляют немногочисленные для позднего казахстанского средневековья введенные в научный оборот актовые документы, жалованные грамоты, в которых содержатся материалы о земельно-водных отношениях, данные о социальной дифференциации городских жителей, налоговой системе, топографии оросительных каналов и другие сведения[150]. Выявленные и частично опубликованные в последние годы документы из города Туркестана касаются, в основном, позднего времени, XVIII–XIX вв.[151]

Важнейшие сведения, извлеченные из более чем 50 персоязычных и тюркоязычных сочинений, о социально-экономической, политической и культурной жизни, этнической истории народов Средней Азии и Казахстана, их политических, торговых и культурных взаимоотношениях приведены в источниковедческом труде известного узбекского востоковеда Б. А. Ахмедова[152]. Очерк-справка по каждому источнику характеризует степень изученности сочинения, дает информацию об авторе, списках рукописи, публикациях, раскрывает содержание материалов источника. Исследование Б. А. Ахмедова представляет большой интерес и для казахстанских медиевистов, как и другие публикации первоисточников, осуществленные в Узбекистане[153].

В 1996 г. в Ташкенте изданы в переводе на русский язык сочинения Мирзы Мухаммад Хайдара «Тарих-и Рашиди»[154]. Перевод выполнен А. Урунбаевым, Р. П. Джалиловой, Л. М. Епифановой с обстоятельным введением и примечаниями.

Опубликованы русские архивные, китайские, монгольские документы и материалы по международным отношениям в Центральной Азии в XVII–XVIII вв., освещающие политику России, Китая и Джунгарии в отношениях между собой и с другими государствами, в том числе с казахскими ханствами[155].

Источниковая база письменных свидетельств исторического прошлого позволила значительно продвинуть исследование многих проблем, главным образом политической истории, истории взаимоотношений казахов и их пред-

ков с сопредельными странами и народами. В меньшей степени разрабатывались проблемы социально-экономических отношений, этнических процессов, культурно-идеологического развития, поскольку соответствующего материала в источниках сравнительно мало.

Эти проблемы рассматривались в статьях и монографиях, появившихся в 60—80-х годах и посвященных истории Казахстана в позднее средневековье. В монографиях, как правило, они затрагивались комплексно, преобладающим в них был материал по политической, этнополитической истории. Отличительной чертой работ этого времени является разработка всех проблем на базе широкого круга письменных источников с привлечением данных археологических исследований, этнографии, лингвистики, литературоведения.

Развитие государственности на территории Казахстана было предметом исследования историков в последние десятилетия. Появление государственности перестали связывать только с возникновением Казахского ханства или Монгольской империи и монгольских государств на этой территории.

Стало очевидно, что развитие государственности на территории Казахстана имеет глубокие корни. Истоки ее восходят к зарождению и последующей эволюции политических объединений многочисленных племен и народов, обитавших здесь в древности и средневековье, дотюркское, тюркское и монгольское время[156]. Воспреемники Монгольской империи – Золотая Орда (улус Джучи) и государство Хайду (государство потомков Чагатая и Угэдэя) оказали непосредственное влияние на развитие государственности в Восточном Дешт-и Кыпчаке и Жетысу. После распада этих государств в рамках определенных историко-географических регионов обширной территории Казахстана и смежных землях Притяньшанья, Алтая, Южной Сибири, Поволжья, Приаралья на местной этнической основе сложилась государственность формировавшихся народностей казахов, узбеков, киргизов, сибирских татар, башкир, ногайцев, каракалпаков.

Историография Золотой Орды пополнялась новыми исследованиями. Г. Ф. Федоров-Давыдов, М. Г. Сафаргалиев, И. Б. Греков, Н. Мухамедьяров, В. Л. Егоров и другие исследовали проблемы хозяйства, общественного строя, политической истории, исторической географии Золотой Орды[157]. Показаны развитие государственного управления, формирование улусной системы, постепенно приведшей к дроблению государственной структуры, история распада Золотой Орды, влияние этого процесса на политические, этнические процессы в Дешт-и Кыпчаке, дробление суперэтноса, каковыми были кыпчаки Золотой Орды (или татары — по русским источникам) на отдельные этносы, будущие народности ногаев, башкир, крымских татар, кочевых узбеков, казахов и др. К распаду вела не только улусная система организации Золотой Орды, но и внутренние процессы общественного развития, происходившие на фактически самостоятельных территориях, составлявших эти улусы (числом свыше десятка, как показано в исследовании В. Л. Егорова). Эти территории были фактически независимы в экономическом плане, добивались постепенно политической самостоятельности, все более четкой становилась этническая обособленность их населения. Большую роль в усилении экономической самостоятельности отдельных регионов, отмечают исследователи, играли многочисленные города Золотой Орды, издревле развивавшиеся на включенных насильственно в Орду территориях Крыма, Северного Кавказа, Причерноморья, Поднепровья, Поволжья, Хорезма, Южного Казахстана.

Характеризуя развитие городов, в том числе новых городов в Нижнем Поволжье, В. Л. Егоров показывает постепенное ухудшение экономического потенциала Золотой Орды в целом, запустение степных территорий в силу ухудшения демографической ситуации, уменьшения численности кочевников, не в последнюю очередь по причине постоянной агрессивной внешней политики ордынских ханов и беспрерывных внутренних усобиц.

Историки рассматривают и другие причины упадка Золотой Орды, в их числе – борьба русского народа за независимость, сплочение русских земель в противостоянии Орде, ускорившем образование централизованного русского государства. Отмечено, что подчинение Золотой Орде повлияло на утверждение деспотизма власти на Руси[158]. Однозначна роль политики эмира Тимура в падении Золотой Орды.

Исследованы многие вопросы истории улуса Джучи времени союзных отношений правителя Ак-Орды (или Кок-Орды), а затем и Золотой Орды, чингизида хана Тохтамыша с Тимуром, а затем их противоборство, окончательно сокрушившее Золотую Орду.

Оценка золотоордынского периода истории Дешт-и Кыпчака и присоединенных, упомянутых выше, исторически самостоятельных областей, как и самого монгольского завоевания, менялась со временем от однозначно отрицательной (в смысле оценки установленного монголами порядка и Орды как государства агрессивного, искусственно созданного оружием и державшегося на оружии) до более объективной оценки, принимающей во внимание положительные аспекты влияния истории Золотой Орды на судьбы формировавшихся на ее территории и смежных землях самостоятельных народов и государств.

Как в оценке последствий монгольского завоевания, так и в оценке Золотой Орды учитывается, при всех разрушениях городов, регрессе в сельском хозяйстве и ремесленном производстве, и положительное влияние: стимулирование развития торговли, привнесение в степь идеи централизованной власти, соединение различных экономических укладов, способствовавшее долговременному стабильному существованию Золотой Орды.

Отмечается как положительный фактор в развитии народов, включенных в орбиту Золотой Орды, и терпимость ее правителей в первое время в конфессиональных отношениях[159]. Эта терпимость дала возможность, например, на Руси церкви и христианской религии укрепляться и усиливать свое влияние, стать идеологической опорой в деле государственного объединения русских земель. А принятие мусульманства впоследствии в самой Орде – иметь такое же положительное воздействие на развитие ее собственной государственности.

Монографически исследована В. В. Трепавловым проблема государственности Монгольской империи XIII в. По-новому рассмотрена проблема развития тюркских кочевых традиций, преемственности древнетюркской государственности в монгольское время, как в строительстве самой Монгольской империи, так и социально-политическом устройстве государств, образовавшихся после ее распада[160], т.е. Золотой Орды, Ак-Орды, Кок-Орды.

Много внимания уделялось исследователями проблемам истории Казахстана XIV–XV вв., когда на его территории существовало несколько крупных политических объединений, образовавшихся в ходе распада Золотой Орды

и государства Хайду: Ак-Орда (Кок-Орда), ханство Абулхайра (государство кочевых узбеков), Могулистан, Ногайская Орда. Эти государства были известны в историографии средневекового Казахстана и Средней Азии, волжских кочевых племен и Киргизии XIII–XV вв. О них писали историки-востоковеды В. В. Бартольд, П. П. Иванов, А. Ю. Якубовский, А. А. Семенов, К. И. Петров, М. Г. Сафаргалиев и другие исследователи Золотой Орды. Немало страниц о Белой и Синей Орде в своих размышлениях о судьбах тюрков и монголов в эти века написал Л. Н. Гумилев[161]. Сведения об Ак-Орде, Ногайской Орде, ханстве Абулхайра и Могулистане, как определенном этапе развития государственности на территории Казахстана, нашли отражение, хотя и в очень кратком виде, в «Истории Казахской ССР» (1957).

Тем не менее споров о них в литературе было много. Одни исследователи видят в них ряд разрозненных владений, эфемерных политических образований, другие выявляют определенные связи этих владений, их внутриполитическое единство, государственно-административную оформленность, экономическую обособленность, определенность этнического состава населения. Если государственный статус Ногайской Орды признавался исследователями со времен Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. В. Вельяминова-Зернова, Г. Перетятковича, а Могулистана – с первых работ В. В. Бартольда, то в отношении Ак-Орды и ханства Абулхайра определенности было меньше.

Так С. К. Ибрагимов считал, что никакого «Узбекского ханства» и «даже союза узбекских племен» в Дешт-и Кыпчаке не было[162]. О том, что «Белая и Синяя Орды превратились в политико-правовые абстракции» еще в XIII в., «почти сразу же после смерти Бату (1255) и Орда Эджена (1280)», утверждал В. П. Юдин[163]. Дискуссия об «Ак-Орде» и «Кок-Орде» (об ошибке Му'ин ад-дина Натанзи в применении этих названий)[164] не только переросла в диспут о времени возникновения и исчезновения «Ак-Орды», но и поставила под сомнение само существование Ак-Орды как фактически независимого государства[165]. В. П. Юдин рассмотрел этимологию названия «орда» и применения его в источниках как к крупным государственным образованиям, так и мелким политическим и этническим единицам. Идентифицировать, соотнести с действительностью разрозненные сведения источников о политических, этнополитических или этнических образованиях на территории Дешт-и Кыпчака времени ослабления и распада Золотой Орды, а в его восточной части, т.е. в степях Казахстана, и в более раннее время, на исходе XIII и в XIV вв., действительно очень трудно. Ведь в источниках вплоть до XVI–XVII вв. (в трудах Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфахани, Абулгази, Махмуда ибн Вали и многих других) эти объединения называются по именам ханов, правивших в «улусе Джучи» (как и в «улусе Чагатая») или в «Дешт-и Кыпчаке» (как и в «Мавераннахре», «Туркестане», «Хорезме»), т.е. в «стране» (в источниках мамлакат, замин, эль). Особенно это характерно для Восточного Дешт-и Кыпчака, где более шести веков не прерывалась власть Чингизидов и в восприятии восточных авторов, тем более в передаче «степной устной исторической традиции», т.е. в устных рассказах, события происходили неизменно в «улусе Джучи», позднее – в «Узбекском улусе» (или в «улусе Узбека»), где и возникают многочисленные «орды», в которых оспаривают власть представители различных династийных линий Джучидов, и каждый хан имеет свою «орду» – ставку. В действительности же Чингизиды возглавляли давно уже самостоя-

тельные государства, в рамках которых оформлялись народности или их составные этнические ветви.

История степной части Казахстана эпохи распада улуса Джучи, в XIV–первой половине XV вв. отражена в упомянутых выше работах по Золотой Орде, в работах Т. И. Султанова[166]

Монографически исследованы история ханства Абулхайра, или государства кочевых узбеков (Б. А. Ахмедов)[167], государства Могулистан (К. А. Пищулина)[168], Ногайской Орды (Б.-А. Б. Кочекаев)[169]. Проблемы Могулистана исследованы также в трудах по истории средневековой Киргизии[170]. Рассмотрены вопросы государственного устройства, этнических процессов в рамках этих политических образований, состояния хозяйства, социальной структуры, общественных отношений, внутриполитической истории, взаимоотношений с соседними народами и государствами.

Показано, что эти государства объединяют общность условий возникновения, общие судьбы исторического развития, протекавшего подчас в условиях противостояния внешней агрессии; их образование, становление и развитие связано с ростом влияния аристократии крупных племен (кыпчаков, мангытов, дуглатов и др.), нередко подчинявшей своей воле Чингизидов, но и традиционно сохранявших (в большей части этих государств) их верховную власть, хотя бы и номинальную.

Это было время, когда самостоятельное казахское политическое объединение еще не сложилось, еще не завершилось формирование казахской народности, но процессы политогенеза и этногенеза на территории Казахстана шли в этом направлении, как и на соседних территориях происходили аналогичные процессы в развитии других тюркских народов.

В период жизнедеятельности упомянутых государств, как раскрывается в названных выше работах, на основе подъема экономики, обусловленного взаимодействием различных хозяйственных структур, включая и городскую, оседло-земледельческую, на базе социокультурного развития, стабилизации внутриполитической жизни укреплялась местная государственность, а в ее рамках получали новую направленность этнические процессы: из различных этнических групп, тюркских и отуреченных монгольских племен и родов, их частей и осколков, смещенных со своих мест и перемешанных в ходе бурных событий XIII в., постепенно складывались новые этнополитические, этнотерриториальные группировки – могулов, ногайцев, татар, узбеков, узбек-казахов.

Внутри этих государств, как показывают упомянутые выше авторы, на протяжении полутора веков интеграционные процессы приобретали стабильность, ускорялось объединение родов и племен в этнически более определенные устойчивые этносы. Завершалось сложение ногайской, киргизской народностей. Определилось сложение казахской народности, при этом она формировалась в трех жузах, не в последнюю очередь в связи с длительным протеканием завершающего этапа этого процесса в рамках Ак-Орды и ханства кочевых узбеков, Могулистана, Ногайской Орды[171].

Достаточно подробно и объективно отражена история этих четырех политических объединений, их роль в развитии казахской народности и государственности на территории Казахстана во втором томе пятитомной «Истории Казахской ССР»[172]. Значимость независимых государств Ак-Орды, ханства Абулхайра («государства кочевых узбеков») в системе тюркских гос-

дарств на территории позднесредневекового Казахстана признают исследователи и на современном этапе[173].

Проблемы развития собственно казахской государственности, история Казахского ханства в XV—XVII вв. были предметом многих исследований в 60 — начале 90-х годов. Рассматривались этапы образования и становления, развития и упадка Казахского ханства, его общественно-политическое устройство, социальная структура казахского общества, изучались степное законодательство в позднее средневековье, состояние экономики, вопросы культуры и религии.

Следует отметить, однако, что в тот период особое внимание уделялось политической, этнополитической истории Казахского ханства, как и предшествующих государств. Политической истории отдавалось заметное предпочтение в отечественной исторической науке в целом, наряду с повышенным вниманием к закономерностям общественного развития, формационной его характеристике. Но если последнее объясняется общими идеологическими уставновками того времени, то первое — конкретным состоянием источниковой базы позднесредневекового Казахстана: во-первых, шел процесс накопления материалов из письменных источников, во-вторых, в источниках этих, как отмечалось выше, содержатся сведения главным образом по политической истории этих государств, более того — в основном по внешнеполитической истории, отношениям с соседними государствами, где и создавались эти источники, отражавшие весьма искаженную картину жизни другого народа.

Одним из важнейших вопросов истории Казахского государства является вопрос о времени его образования. И речь шла не только о конкретной дате его возникновсния, но и о первоначальной его территории, этнической базе, степени прочности, устойчивости, было ли это одно государство или несколько разрозненных владений. Необходимо было учитывать, что процесс становления и развития собственно казахской государственности тесно связан с этнической консолидацией народности.

С. К. Ибрагимов отнес время образования самостоятельного казахского государства к 30—40-м годам XVI в., а казахские улусы XV — начала XVI вв., связанные с именами ханов Жаныбека, Бурундука, сыновей Жаныбека Махмуда, Иренчи, определил как отдельные феодальные владения[174]. Б. А. Ахмедов считал, что Казахское ханство образовалось в 80—90-х гг. XV в., когда все более реально обозначились процессы разделения населения Восточного Дешт-и Кыпчака и миграции части «кочевых узбеков» этого региона в Мавераннахр[175].

Т. И. Султанов вполне обоснованно отнес образование Казахского ханства к более раннему времени — началу 70-х годов. Посвятив этой проблеме несколько своих работ, он остановился на дате 1470—1471 гг. (875 г.х.) и связал это событие с положением в Восточном Дешт-и Кыпчаке[176]. Автор акцентирует внимание на смене династий в степной части Казахстана, в «Узбекском улусе» послс смерти хана Абулхайра: вместо династии Шайбанидов к власти приходит династия казахских ханов из потомков Тука-Тимура, образовалось Казахское ханство.

Высказана была другая точка зрения (К. А. Пищулина): принимая во внимание ход событий не только в Узбекском улусе, но и в Могулистане, фактически оказавшемся после Есен-Буга-хана, умершего в 1462 г. в состоянии безвластия и упадка, особенно в Жетысу, а также учитывая поддержку Жаны-

бека и Гирея местными родами и племенами фактически сформировавшегося казахского Старшего жуза, можно вполне согласиться с датой образования Казахского ханства, названной Мухаммад-Хайдаром Дуглатом – 870 г.х. (1465–1466). Правление первых казахских ханов в Западном Жетысу еще до кончины Абулхайра вполне очевидно. С этой датой соглашались многие исследователи, начиная с В. В. Вельяминова-Зернова. Последующие события последней трети XV в. в Южном Казахстане (Туркестане), связанные с задачей объединения казахских родов и племен в едином государстве, объединения и защиты этнической территории на юге и юго-востоке, постепенное распространение власти казахских ханов на степные районы, не дают основания говорить об одномоментном акте смены династии в «Узбекском улусе»[177]

Показано, что Казахское ханство вплоть до XVII в. было единым государством. Поэтому нет оснований говорить о «казахских ханствах» для XV–XVI вв. Хотя территория влияния политической (государственной) власти хана не совпадала с этнической территорией казахов и нередко была меньше последней, а границы ханства часто менялись в зависимости от военных успехов ханов и внешнеполитических обстоятельств, тем не менее в каждый данный период вполне выявляется в источниках власть главного (верховного, старшего) правителя[178].

О Казахском ханстве, как едином государстве, пишет и Т. И. Султанов, высказавший известную фразу, содержащую важное заключение для конца XVII в.: «Окончилась история Казахского ханства. Началась история Казахских ханств»[179]. В работах Т. И. Султанова затрагивается почти весь спектр проблем истории Казахского ханства. Основательно, на материале многих восточных источников освещены вопросы состояния казахского кочевого скотоводческого хозяйства, социальной структуры казахского общества, административного устройства государства, взаимоотношений с соседними странами[180].

В историко-археологических исследованиях, касающихся региона евразийских степей, в последние десятилетия рассматривалась проблема взаимодействия кочевой скотоводческой и оседло-земледельческой, городской культур. В историографию позднесредневекового Казахстана еще в 60-х годах была введена тема истории южных земель Казахстана, присырдарьинских городов, начались и крупномасштабные археологические раскопки. Показано значение этих городов для укрепления экономического, политического положения Казахского ханства; на материалах письменных восточных источников было раскрыто состояние городов бассейна средней Сырдарьи, формы землепользования в оазисах Туркестана, социальная стратификация населения и другие вопросы[181]. Значимость городской культуры Южного Казахстана для развития и укрепления казахской государственности убедительно подтверждена многолетними археологическими исследованиями в Отраре (см. раздел ниже). Историческая реальность состояла в том, что казахский этнос и его предшественники не были «чистыми» кочевниками, они знали полуоседлое и оседлое земледелие, городскую культуру, а экономической основой развития казахской государственности было комплексное хозяйство[182].

Тема взаимодействия кочевой скотоводческой и оседло-земледельческой, городской культуры, состояние городской культуры Южного Казахстана и Жетысу на протяжении всего средневековья, ее роль в многовековом процессе государственности в Казахстане, в частности, роль в укреплении эконо-

мики, централизации власти в Казахском ханстве нашли отражение в пятитомной «Истории Казахской ССР» (т. II). Понимание важности этой проблемы и ее разработка, как и раскрытие в этом томе других проблем, связанных с историей казахской государственности, получили одобрение научной общественности[183].

Политическая история Казахского ханства 2-й половины XVI в. исследована на материалах персоязычных источников в монографии и многих статьях М. Х. Абусеитовой[184]. Рассмотрены внешнеполитические связи и отношения казахских ханов Хакназара с Ногайской Ордой и могулами Восточного Туркестана (Могулии), Шигай-хана и Тауекель-султана с Шайбанидом Абдулла-ханом. Подробно освещены события 1598–1599 гг. на юге Казахстана, переход под власть казахских ханов сырдарьинских городов и Ташкента. Затрагиваются вопросы социально-экономической жизни Казахстана, распространения ислама. А. Исин, исследуя историю Казахского ханства в XVI в., особенно времени Касым-хана, использовал материалы русских архивов, посольских приказов[185]. Проблеме казахско-могульских отношений в XVI–XVII вв. посвятил несколько работ, основанных на оригинальных материалах источников, О. Ф. Акимушкин, им же составлена хронология ханов Могулистана[186]. Казахско-русские отношения в XVI–XVII вв. исследованы в работе В. Я. Басина[187]. Освещены внутренняя и внешняя политика казахских ханов, мотивы их внешнеполитической ориентации, их взаимоотношения между собой, попытка найти союзников в соседних государствах — России, среднеазиатских ханствах, Джунгарии, интересы которых все более смыкались на землях Казахстана. Взаимоотношения Казахстана с Джунгарским ханством в XVII в. исследованы в монографии В. А. Моисеева[188]. Рассмотрены вопросы продвижения западных монголов-ойратов на земли Могулистана, государств Средней Азии, Казахского ханства. Освещена борьба казахского народа против агрессии джунгар в XVII в. В «Истории Джунгарского ханства» И. Я. Златкина[189] показаны экономические причины их вторжений на территорию Казахстана.

Продолжалась разработка проблем этногенеза казахской народности, завершающего этапа ее сложения в позднесредневековый период. Как и прежде, вызывало интерес историков происхождение этнонима «казак», «казах», время появления самоназвания народа[190]. Но само сложение народа исследователи перестали связывать с фактом появления в источниках термина «казах». Начали изучаться ранние этапы этногенеза казахов, этнические процессы на территории Казахстана в древности и раннее средневековье, их связь с эволюцией хозяйственных форм, с крупнейшими политическими событиями, развитием общественных отношений.

В исторической науке в 60–70 гг. утвердился комплексный подход к изучению этногенетических проблем с использованием достижений этнографии, археологии, филологии, фольклорных и других данных. Он стал учитываться в исследованиях по истории этих проблем и в Казахстане. Появились теоретические работы по проблемам этногенеза; общие проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана рассматривались на конференциях[191]

В исследованиях по этническим проблемам позднесредневекового Казахстана все больше стал учитываться тот факт, что этнополитическая история Казахстана развивалась в едином русле, в непосредственной взаимосвязи с

историей других тюркских народов. Общность происхождения и этнический состав многих групп племен, участвовавших в этническом формировании узбеков, киргизов, башкир, каракалпаков, алтайцев, ногайцев, сибирских татар, однотипность в целом хозяйства, близость языков, многих черт быта, материальной и духовной культуры определяют то большое влияние, которое оказывали на исследование проблем этногенеза и этнической истории казахской народности монографические работы ведущих историков, востоковедов, этнографов по этнической, этнополитической истории этих народов – С. М. Абрамзона, С. Г. Агаджанова, Т. А. Жданко, Р. Г. Кузеева, Л. П. Потапова, Б. Х. Кармышевой, К. Шаниязова и др.[192]. Эти работы важны не только как пример постановки и решения проблем этногенеза и этнической истории родственных народов, но и с точки зрения исследования ряда проблем, имеющих непосредственное отношение к истории Казахстана. Такой проблемой является, например, история узбеков, кочевых узбеков, а также могулов на территории Казахстана.

Истории Узбекского улуса, происхождению термина «узбек», этническому составу узбекских племен на территории Казахстана в XIV–XV вв., их политической истории посвящена глава «Очерков по истории Средней Азии» известного исследователя истории региона Центральной Азии, истории каракалпаков П. П. Иванова[193]. Этнический состав кочевых узбеков исследовал Б. А. Ахмедов[194]. О проблемах разделения узбеков Дешт-и Кыпчака на узбеков, ушедших в Мавераннахр и ставших одним из последних слагаемых узбекского народа, и узбеков-казахов, затем казахов, писали вышеупомянутые авторы, а также А. А. Семенов, К. Ш. Шаниязов[195] и др. Переселившиеся в Мавераннахр кочевые узбеки длительное время, вплоть до XIX – начала XX вв. сохраняли, как показали этнографические исследования Б. Х. Кармышевой, кочевые традиции и представление о родстве с казахами[196]. Исследователи отошли от устоявшегося в литературе мнения о происхождении термина «узбек» от Узбек-хана и показали, что этот термин носил характер политонима, а не этнонима, и что он существовал в Дешт-и Кыпчаке еще в конце XIII в., задолго до появления хана Узбека и относился и к западной части этого государства[197].

Этническая история тюркоязычных племен Восточного Дешт-и Кыпчака и Туркестана, фактически история казахского народа рассмотрена в книге Т. И. Султанова «Кочевые племена Приаралья»[198]. Исследован родоплеменной состав населения Казахстана в XV – начале XVIII в. и казахско-узбекские этнические связи на основе анализа, сопоставления ранних списков узбекских племен Восточного Дешт-и Кыпчака, встречающихся в рукописях – с одной стороны, и более поздних традиционных списков 92 узбекских племен, или «племен илатийа» («племена-кочевники»), – с другой.

Этнической истории казахов специально посвящены монографические исследования казахстанских этнографов М. С. Муканова, В. В. Острова[199]. В них рассматривается этнический состав казахских жузов и расселение племен в более позднее время (XIX – начало XX в.). Представленный в этих монографиях и глубоко проанализированный материал отражает и более ранние этапы этнической истории основных казахских родов и племен, начиная с древности и позднего средневековья. Выявлено время их появления на территории Казахстана, на основе сопоставления мнений литературных источников показана тюрко-

язычность ряда племен (найманов, киреитов, конгратов), прежде считавшихся монголоязычными.

Раннесредневековые этапы истории тюркских племен кыпчаков, канглы, карлуков и других, их роль и место в общественной, военной, политической жизни Монгольской империи и империи Юань, перемещение этих племен на территорию Казахстана (по китайским источникам) отражены в серии работ А. Ш. Кадырбаева[200]. Группе родов и племен XIV–XVII вв., известной в источниках под именем могулов Могулистана и Могулии, посвящена статья востоковеда В. П. Юдина, показавшего этнические связи могулов с формировавшимися народностями казахов, киргизов, уйгур, с лобнорцами. В. П. Юдин высказал мнение о том, что термин «могулы» носил характер этнонима, как и, по его мнению, термин «узбеки» – на территории от Дуная до Иртыша, т.е. означал народность[201].

Вопросы этнической истории Могулистана и Жетысу, и в частности, история племен на этой территории, их роль на завершающем этапе сложения казахской народности рассмотрены в упомянутой работе К. А. Пищулиной. Выявлено место населения Юго-Восточного Казахстана в этнических процессах, протекавших в позднее средневековье в рамках этнической территории казахских племен. Высказаны суждения о ходе этнических процессов и на степной части территории Казахстана, а также в Туркестане; сделан вывод о фактическом завершении формирования казахской народности в XIV–XV вв.[202].

Этнические, культурные взаимосвязи ногайцев с казахским народом показаны в работе Б.-А. Б. Кочекаева и в специальном историко-этнографическом исследовании о ногайцах. Выявлены общие этнические корни, народные обычаи, верования, формы хозяйства, общие (например, о Едыге) предания, эпические произведения у казахов и у ногайцев[203]

Много сделали казахстанские этнографы[204] в плане изучения этнических проблем. Этнографические исследования хозяйства и быта казахов, материальной культуры, традиций и обычаев, культов и верований казахского народа выполнены ими не только на материалах полевых исследований, но и на свидетельствах письменных исторических источников. Историко-этнографический материал исключительно важен для исследования этнических процессов в позднее средневековье, он отражает этническое, национальное своеобразие казахов, служит индикатором этноинтегрирующих процессов, этнической, этносоциальной общности, о чем пишут авторы в своих исторических очерках при характеристике типов хозяйства и быта, ремесел и обычаев[205]. Н. Е. Масанов определил кочевой образ жизни как главный этнообразующий фактор в процессе формирования казахов в этнокультурную общность[206].

Больших успехов достигли казахстанские антропологи, раскрывающие сложный процесс этногенеза казахов и других тюркских народов региона точными методами своей науки[207]. В исследовании проблем этнической истории народа использовались достижения литераторов, языковедов, фольклористов, исследователей шежире.

Археологический материал, полученный казахстанскими археологами в последние десятилетия[208], показывает непрерывность развития материальной культуры тюркских народов, населявших Казахстан в древности и средневековье, дает возможность проследить пути и время миграций отдельных тюркских и монгольских племен, взаимодействие кочевой и оседлой куль-

тур, большую роль оседлой и городской культуры в развитии комплексной хозяйственной основы протекавших на территории Казахстана этнических процессов. Археологический материал, полученный при раскопках древних городов на юге Казахстана, характеризует традиционный тип материальной культуры, генетически тесно связанный с культурой казахов XIX – начала XX в., исследованной этнографами, что говорит об участии в этногенезе казахов населения Южного Казахстана с его городской культурой. Уделялось внимание проблеме этнической территории казахского народа; показано, что ее формирование в основном завершилось в XVI–XVII вв.[209]. Итоги определенного этапа исследования этнической истории казахского народа в позднее средневековье нашли отражение во втором томе пятитомной «Истории Казахской ССР»[210]

В историографии кочевых народов в 70–80-е годы наиболее сложной и до конца не разработанной была проблема общественных отношений, социальной структуры традиционного номадизма. Вновь поляризовались концепции о характере общественно-экономического строя у кочевых народов. Споры велись уже не о том, что было главным средством производства у кочевников и на чем основывалась эксплуатация рядовых скотоводов, собственность на землю или скот была основой феодальных (или патриархально-феодальных) отношений, которые признавались фактически всеми участниками дискуссий 50 – начала 60-х годов. Теперь, в 70 – начале 90-х гг. речь шла о самих параметрах формационного, стадиального развития кочевников: могут ли они в своем общественном развитии достигнуть классового уровня, является ли тип кочевого скотоводческого хозяйства по своей социальной роли классообразующим типом хозяйств, способны ли кочевники создать свою государственность[211]. Определились две основные точки зрения, две концепции. Одна из них – признание наличия классовых отношений и государственности в кочевом обществе, ее сторонники придерживались основных принципов исторического материализма. Другая концепция: кочевое общество останавливается в своем социально-экономическом развитии на раннеклассовом или даже доклассовом, догосударственном уровне. Это положение смыкается с существовавшей в западной историографии концепцией многих последователей А. Дж. Тойнби, считавшего, что «общество кочевников является обществом, у которого нет истории» и отнесшим его к «задержанным», неразвившимся цивилизациям[212].

Большинство исследователей средневековой истории конкретных народов, стран, регионов с преимущественно кочевым населением учитывали, что специфические особенности общественного развития кочевых обществ не отменяют действия общих законов исторического развития. Они признавали феодальный (патриархально-феодальный) характер общественных отношений у номадов, разделение кочевых обществ на классы, показывали возможность достижения кочевниками в своем развитии государственности. При этом одни исследователи выявляли эксплуататорский характер отношений фактической собственности на землю (С. З. Зиманов, А. Е. Еренов, Л. П. Потапов, И. Я. Златкин, Г. А. Федоров-Давыдов, Б. А. Ахмедов и др.); другие видели базу эксплуатации основных производителей в кочевом обществе в собственности на скот (В. Ф. Шахматов, С. Е. Толыбеков, К. И. Петров и др.)[213]. Вывод о феодальном характере социально-экономических отношений у кочевников, образ жизни которых не рассматривался в абстрактном «чистом» виде, а

принимался в постоянной взаимосвязи с оседлой земледельческой и городской культурой, как это было в действительности, – отражен в обобщающих трудах по истории республик с кочевым в прошлом населением: «История Казахской ССР» (т. II, 1979), «Истории Киргизской ССР» (т. I, 1984) и др., а также «Истории Монгольской республики» (Москва, 1967).

Сторонники концепции раннеклассовых отношений у кочевников (А. И. Першиц, А. М. Хазанов, Ю. И. Семенов) считали, что кочевники в своем общественном развитии достигают лишь стадии раннеклассовых, раннефеодальных отношений, или уровня недоразвитых отношений («классовые структуры выступали у кочевников в недоразвитом виде» – Г. Е. Марков)[214]. Общественные отношения характеризуются отсутствием отношений собственности на землю, монопольной собственностью на скот, хотя и признается классообразующий характер частной собственности на скот и основанная на ней эксплуатация рядового общинника-скотовода. Считается, что самостоятельно кочевники не могут достигнуть уровня государственности, которая может появиться у них только с завоеванием оседлых областей и эксплуатацией оседло-земледельческого населения.

Обсуждение проблемы социально-экономического развития кочевых обществ в 60–80-х годах проводилось как часть общей дискуссии о докапиталистических общественно-экономических формациях в развитии всемирно-исторического процесса в целом и об особом пути развития Востока в особенности[215]. Новые факты исторической науки противоречили «пятичленной» схеме развития истории человечества, она была подвергнута убедительной критике. Выяснилось, что многие народы минуют целые стадии развития, заимствуя материальную культуру, хозяйственный опыт, формы политического устройства, идеологию более цивилизованных народов.

Вновь встал вопрос об «азиатском способе производства», при этом различалось два типа азиатских структур: ирригационный или аграрно-ирригационный и скотоводческий (кочевой скотоводческий); выдвигалась теория кабального способа производства, включавшего в себя и кочевые общества (Ю. И. Семенов)[216]. Рентный способ эксплуатации предложил В. П. Илюшечкин, он сделал вывод о существовании «единой докапиталистической классово-антагонистической формации»[217] Точка зрения о единой общественно-экономической формации в докапиталистический период не расходится с марксовым пониманием этого этапа развития общества.

Известным кочевниковедом Г. Е. Марковым была выдвинута концепция «номадного» способа производства. Отмеченные выше общественные отношения с раннеклассовыми («недоразвитыми») структурами характеризуют этот способ производства. Позднее Г. Е. Марков вместе с Б. В. Андриановым, исследовав соотношение хозяйственно-культурных типов (ХКТ) со способами производства, выдвинули гипотезу о наличии особой, «варварской общественно-экономической формации», к которой они отнесли и номадный ХКТ и способ производства. Всего в предложенной структуре общественных отношений докапиталистического периода авторами выделено четыре общественно-экономических формации и девять способов производства[218]. Н. Е. Масанов определил номадизм как «специфический способ производства в рамках аграрной цивилизации»; в его характеристике находится место и классовому делению кочевого общества: оно состоит из «класса богатых скотовладельцев» и «класса непосредственных производителей»[219]. Приведенная

автором убедительная характеристика положения и общественной роли этих классов показывает, что «кочевое» общество далеко ушло вперед в своем развитии от «раннеклассового» уровня. Тем более, что не в абстракции, а в реальной жизни чисто кочевое общество являлось редкостью.

Попытки найти замену термину «феодализм» для определения докапиталистической эпохи (вместе с отвергнутой «пятичленной схемой» ввиду ее недостаточности для раскрытия путей развития человечества) продолжаются не только в «кочевниковедческой» историографии, но и в историографии Востока. Впрочем, в мировой историографии этот термин широко применяется не для определения формации, а как синоним «средневековья», под которым понимается период истории, характеризующийся политической раздробленностью, иерархией власти, вассалитетом, удельной системой организации управления, междоусобицами и другими «феодальными» чертами. На Востоке средневековье, по определению Л. С. Васильева, – это период от начала новой эры и до рубежа XV–XVI вв., т.е. до начала колониального периода истории[220]. Историография подтверждала, что формационные рамки определения этапов общественного развития только по способу производства и производственным отношениям недостаточны. Они не учитывают формы политического развития, государственности, гражданского состояния общества, культуры, религии, идеологии, других сторон жизни,что входит в понятие цивилизации.

Перед отечественной исторической наукой стоят задачи более глубокого и объективного, с использованием новых методов, без идеологизированных рамок и установок, раскрытия истории народа. Необходимы новые подходы к исследованию проблем развития государственности в Казахстане. Только в 1996 г. по этим проблемам в республике проведены две научно-теоретические конференции, «круглые столы»[221]. Ведется монографическая разработка истории государственности на территории Казахстана в эпоху древности и средневековья. Исследуются вопросы преемственности традиций тюрко-монгольской государственности, развития собственно казахской государственности; определяются место и роль Казахского ханства в системе государств Центральной Азии и Евразии. Большого внимания требует дальнейшее исследование проблем сложения казахской нации и формирования ее этнической территории, культурологических аспектов истории народа. Многое из этих проблем находит отражение в современной публицистике.

Определенные результаты исследований этих и многих других тем, с учетом итогов исследовательской работы целого ряда поколений историков прошлого времени, отражены в настоящем издании.

3. ИСТОРИОГРАФИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КАЗАХСТАНА XIV – НАЧАЛА XVIII ВВ.

Отношение исследователей к возможностям археологии в изучении позднесредневековых этапов истории до недавнего времени оставалось неоднозначным. В свое время А. Ю. Якубовский писал, что период исторического развития Средней Азии позднее XV в. «выходит за пределы прямых интересов археологии, последняя свое главное внимание сосредоточивает на древней и раннесредневековой истории Средней Азии»[222]. Этот постулат находился в прямой зависимости с конкретными исследованиями археологов Сред-

ней Азии и Казахстана, которые, как правило, не шли дальше изучения тимуридской керамики, архитектурного декора и памятников архитектуры[223].

Наряду с охарактеризованной тенденцией развивалась и другая, направленная на изучение позднесредневекового города. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция, руководимая М. Е. Массоном, исследуя городище Нису, включила в сферу своих интересов и объекты XIII–XVIII вв.[224].

Однако прорывом в изучении позднесредневекового города следует считать работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции на городище Ургенч по уровню слоев XVI–XVII вв.[225]. Раскопки были проведены на комплексе южных ворот городища Таш-Кали и на участке, занятом, как выяснилось, торгово-ремесленным кварталом XV–XVII вв.[226] Впервые была получена совершенно новая информация, характеризующая жизнь позднесредневекового города Средней Азии, хозяйство и быт горожан. Исследования экспедиции в низовьях Сырдарьи также включили в число изучаемых городища и поселения позднего средневековья, в том числе поселения казахов и каракалпаков XVIII–XIX вв.[227].

Если рассматривать проблему археологического изучения позднесредневековых городов и поселений Южного Казахстана и Жетысу, то следует отметить констатацию исследователями упадка городской и оседлой культуры в послемонгольское время[228]. Конкретных исследований городищ по уровню слоев XIII–XVIII вв. не проводилось. И лишь в начале 60-х годов археологи Казахстана приступили к конкретным поискам и раскопкам памятников позднесредневековой оседлой и городской культуры, хотя справедливости ради надо отметить раскопки членов Туркестанского кружка любителей археологии А. К. Кларе и А. А. Черкасова в 1904 г. верхних слоев городища Отрар, которые, как выяснилось уже после широких раскопок Отрара, относятся к XVI–XVIII вв.[229]. Вначале исследовались памятники XIII–XVIII вв. в Таласской и Чуйской долинах, на северных склонах Каратау. Уже первые работы в этом направлении изменили представление о масштабах и характере городской жизни в послемонгольское время. Был выделен культурный комплекс XIII–XVIII вв.[230].

Отрарская археологическая экспедиция в 1969–1970 гг. провела исследования городищ долины Арыси, левобережья Сырдарьи, Туркестанского и Отрарского оазисов. Стратиграфический шурф на Отраре вскрыл слои XIII–XVIII вв.[231]. Планомерные поиски и разведывательного характера раскопочные работы с применением аэрометодов выявили большую группу городищ, жизнь на которых, как показали исследования, интенсивно продолжалась в XIII–XIV вв., в период сложения Казахского ханства. Удалось отождествить их с конкретными городами, названными в источниках Карасаманом, Йаканкетом на Арыси, Чиликом в Отрарском оазисе. В Туркестанском оазисе были локализованы города Сури, Йунка, Шага, Карачук, на левобережье Сырдарьи – Сюткент, Аркук, Куджан, Анкурган, Узген. Открытия нового для казахстанской археологии пласта городской культуры совпало с введением в научный оборот письменных источников по истории казахов и казахских ханств XV–XVIII вв. и аналитических статей о городах, их роли в позднесредневековой истории Казахстана[232]. Все это стимулировало научный интерес к позднесредневековой городской и оседлой культуре. Как следствие этого, начиная с 1971 г., на юге Казахстана разворачивает исследования Южно-Ка-

захстанская комплексная археологическая экспедиция. Основным объектом ее раскопок было выбрано городище Отрар[233]. С тех пор в течение 25 лет на нем изучаются слои городища по уровню XIII–XVIII вв. В итоге выявлена городская застройка, исследованы жилище, общественные постройки, проанализированы функции города – ремесло, торговля, сельское хозяйство[234] Изучена позднесредневековая ирригация Отрарского оазиса,[235] кяризное орошение позднесредневекового Саурана[236]. Крупные по масштабу раскопки в 70-е гг. проводились на городище Туркестан по уровню слоев XVII–XIX вв.[237].

Расширение археологических исследований на позднесредневековых городищах, количественное накопление материалов и выявление больших потенциальных возможностей этих материалов в вопросах выявления многих проблем позднесредневековой истории в конечном итоге привели к признанию специалистами нового направления в науке – «позднесредневековой археологии». На совещании в Алма-Ате в 1981 г. новый раздел археологии был признан официально[238]. Таким образом было доказано, что возможности археологии в изучении исторического процесса в Казахстане и других регионах, в исследовании материальной культуры, социальных отношений распространяются и на период XIII–XIX вв.

Многолетние раскопки позднесредневековых городов Южного Казахстана и Жетысу дали большой материал, который публиковался, анализировался в монографиях и многочисленных статьях, диссертационных исследованиях. Обзор этих публикаций позволяет дать представление о некоторых итогах археологического изучения позднесредневековых городов Казахстана, выделить основную проблематику и направления исследований. Раскопки, проведенные на городище Отрар XIII, позволили получить представление о казахстанском городе этого времени и городе позднего средневековья в динамике. Жилые постройки конца XIV – начала XV в. исследовались на площади 1500 кв. м. В целом на раскапываемом в течение ряда лет участке прослежена традиционная на протяжении 400 лет застройка, формировавшаяся в твердых границах квартала при подвижной планировке и площади отдельных домовладений. Кварталы XVI – начала XVIII в. в основном совпадают с кварталами более раннего периода. Сохранилась преемственность и в типах жилищ.

Исследование пригородной территории позволило установить динамику ее развития в послемонгольское время. Выяснилось, что к концу XIII – началу XIV в. город занимал всю площадь в границах домонгольского рабада. Сокращение ее начинается во второй половине XV в.

В пригороде Отрара раскопаны гончарные мастерские, общественная баня. Она представляет собой прямоугольную постройку с четко читаемой в плане фигурой креста[239].

Существуют две точки зрения о времени возрождения городов Средней Азии и Казахстана в послемонгольское время. По мнению В. В. Бартольда, поворотным пунктом в подъеме экономики Средней Азии и юга Казахстана явилась денежная реформа Кебека[240]. Иных взглядов придерживается Е. А. Давидович. Она считает, что переломной и наиболее важной денежной реформой в Средней Азии, на юге Казахстана и в Жетысу была реформа купца-правителя Масудбека, начатая в 1271 г. и «не вторую четверть XIV в., а последнюю четверть XIII в. можно считать временем, когда для частичного восстановления городской жизни и денежной торговли Средней Азии созре-

ли прочные и достаточно благоприятные условия»[241]. Рост в Отраре и в других сырдарьинских городах ремесленного производства в последнюю треть XIII в. подтверждает именно эту точку зрения.

Материальная культура городов Казахстана, известная по коллекциям керамики, изделий из металла, кости, камня, показывает, что в XIII–XIV вв. они являлись высокоразвитыми центрами ремесла и торговли[242]. В XIII–XIV вв. монету чеканили Кенджде, Тараз, Дженд, Барчкент, Сыгнак.

Одним из важнейших социологических аспектов изучения средневековых городов и поселений является демографическое исследование населения определенного города. Широкие раскопки Отрара позволяют определить количество жителей его достаточно уверенно, а затем эти данные экстраполировать и на другие города Южного Казахстана[243].

Одним из направлений исследований является изучение древней ирригации и орошаемого земледелия, составляющих основу оседлой цивилизации и городской культуры Южного Казахстана. Ставились вопросы, связанные с изучением динамики развития орошаемого земледелия в разные исторические периоды, его связи с политической, социально-экономической и культурной жизнью области.

В Отрарском оазисе ирригация базировалась на Арыси, дельтовые протоки которой первоначально использовались в качестве источников водоснабжения.

Новые материалы, полученные по ирригации Туркестанского оазиса, районам Саурана и Сыгнака, вкупе со сведениями письменных источников, позволяют конкретизировать представление об уровне развития орошаемого земледелия, его особенностях в долинах Сырдарьи, в горных ущельях[244]. Так, например, земледелие на северных и южных склонах Каратау основывалось на использовании воды горных рек. Одним из интересных открытий следует считать остатки кяризов XVI в. в районе Саурана. Этот тип орошения и водоснабжения, характерный для южных районов Средней Азии, как выяснилось, использовался и в Казахстане[245]

В результате систематических раскопок Отрара и других южно-казахстанских городищ была собрана коллекция монет, которые вместе с находками прежних лет и случайно найденными кладами послужили основой нового направления для казахстанской науки – нумизматики. Монеты исследовались не только как датирующий материал, но и как источник для изучения политической и экономической истории Казахстана в средние века, экономических и торговых связей области с другими культурно-историческими областями Центральной Азии.

Как показывает анализ монет восстановление экономики и торговли области произошло в сравнительно короткий срок, и уже с середины XIII в. здесь была налажена регулярная чеканка монет. Выяснилось, что Отрар – единственный из городов Средней Азии и Казахстана, выпускавший монеты трех номиналов (динары, дирхемы и фельсы). О широких международных связях города и области свидетельствует находка серебряного денежно-вещевого клада, содержащего в составе серебряные изделия и вещи из Малой Азии, Крыма, Поволжья и Восточного Туркестана. Клад был накоплен до реформы Масудбека.

Многочисленные находки медных монет в раскопках на Отраре, чеканенные в Самарканде, Бухаре, свидетельствуют о значительном подъеме эконо-

мики и товарно-денежных отношений в сырдарьинском регионе во время вхождения Отрара, Сыгнака, Туркестана, Саурана и других городов в состав империи Тимура. Еще более значительным в развитии экономики сырдарьинских городов был период с середины XV – первой четверти XVI в. Медные монеты, выпущенные в Самарканде, Хисаре, Ташкенте, Кундузе, распространены в монетных материалах с Отрара и других городских центров Южного Казахстана.

На следующем этапе до середины XVII в. в денежном хозяйстве Отрара преобладает медный чекан Туркестана, Ташкента. Монеты медные, некачественной чеканки. Этот период (XVI–XVIII вв.), связанный с историей Казахского ханства, пока наиболее слабо изучен ввиду некачественности монет, их малой информативности. Интересен для периода второй половины XVII в. отмеченный факт проникновения на городские рынки Южного Казахстана медных копеек с именем царя Алексея Михайловича, чеканенных в 1655–1663 гг.[246]

Результативными были палеоэтнографические исследования материальной культуры казахов XV–XVIII вв.

Следует отметить длительное сохранение традиций оседло-земледельческой и городской культуры в Южном Казахстане. Сейчас, благодаря новым данным, можно с уверенностью отметить, что многие элементы планировки казахского жилища, детали его интерьера, система отопления тандыром или печью с дымоходом, хранение продуктов в ямах, погребах, ящиках из сырцового кирпича, глины, камня уходят корнями в городское домостроительство XIII–XV вв. Многие культурные достижения поры средневековья составили основу материальной культуры казахов. Городское население Южного Казахстана также участвовало в этногенезе казахского народа[247]

Второе направление в средневековой археологии Казахстана связано с изучением кочевых цивилизаций XIII–XVIII вв. соответственно памятников кочевых кыпчаков, монголов, казахов – могильных, надгробных сооружений, культовой архитектуры. Памятники XIII–XIV вв. Казахстана имеют ряд общих элементов культуры, особенно в области вещевого инвентаря с памятниками степного пояса Евразии, начиная от Саяно-Алтая и юга Западной Сибири до Дуная, что было обусловлено монгольскими завоеваниями и связанным с ними передвижением и смешением племен в пределах Монгольской империи, а впоследствии ее улусов[248]. Это был период массовой «кыпчакизации» населения, в том числе и монголов, осевших в степных и земледельческих районах Казахстана. Именно эти обстоятельства как бы нивелировали материальную культуру, известную по археологическим материалам, полученным главным образом при раскопках могильников и одиночных захоронений. Если в Центральном и Восточном Казахстане на юге курганы кыпчаков XIII–XIV вв. пока единичны, то в Западном найдены и обследованы многочисленные могильники. Исследователи их полагают, что на западе Казахстана, входившего в среду политического и экономического владения Золотой Орды, в условиях стабилизации границ государства, а также благоприятной экологии, связанной с увлажнением степных районов, увеличивается кочевое население и как следствие этого появляются многочисленные погребения[249]. Однако основной причиной, объясняющей пока малочисленность могильников XIII–XIV вв. в остальных районах Казахстана, является скорее всего слабая археологическая изученность его именно в аспекте изучения культуры позднесредневековых кочевников.

Одним из первых, кто обратил внимание на изучение материалов позднесредневековых кочевников, был А. Н. Бернштам. Он переопубликовал и охарактеризовал группы случайных находок из Семиречья, среди которых чаша с выступом-ручкой, украшенная растительным орнаментом, и серебряные бляхи, происходящие скорее всего из захоронения[250]. Эти материалы исследователь использовал для решения вопросов этногенеза казахов и кыргызов.

Тему кочевников, в том числе и позднесредневековых, применительно к Тянь-Шаню, намеченную А. Н. Бернштамом, продолжил и развил Табалдиев К. Ш. Он изучил группу курганов XIII–XIV вв.[251]

Вслед за А. Н. Бернштамом он считает, что племена XIII–XIV вв. вошли в состав кыргызов. Однако, бесспорно одно, что поздние кочевники Тянь-Шаня входили в состав государства Могулистан, которое сыграло важную роль в истории кыргызов и казахов.

Наиболее изучены памятники XIII–XIV вв. в Восточном Казахстане, в Прииртышье. Это курганы в могильниках Ждановском, Качирском, Леонтьевском. По мнению Ф. Х. Арслановой, эти захоронения принадлежат кимако-кыпчакским племенам[252]. Этого же мнения придерживался С. М. Ахинжанов, проанализировавший материалы раскопок аналогичных памятников в зоне затопления Шульбинской ГЭС[253]

Отдельные захоронения кыпчаков XIII–XIV вв. были открыты в Жетысу[254] и Центральном Казахстане[255]

В Западном Казахстане, как уже отмечалось, обнаружены и обследованы многочисленные погребальные памятники XIII–XIV вв.[256].

С распространением ислама в степных районах Казахстана, среди кочевников в конце XIV–XV вв. меняется погребальный обряд, в степи появляются наземные архитектурные сооружения – мавзолеи (мазары) из сырцового и реже жженого кирпича, на западе Казахстана – стелы-кулпытасы, надгробия-койтасы, ящики-саркофаги – сандыктасы, насыпи, наброски, у погребенных исчезает сопровождающий инвентарь, одежда заменяется саваном, преобладающей становится северо-западная ориентировка лицом на юг. История этих новых памятников погребально-культовой архитектуры составляет особый раздел историографии[257].

[1]The History of World-Conqueror by Ala-ad-Din Ata-Malik Juvainy. Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, vol. I-II. Manchester, 1958.

[2] *Рашид ад-дин.* Сборник летописей, т. II. Перевод с персид. Ю. П. Верховского. Примечания Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова. М.-Л., 1960.

[3] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.-Л., 1941, с. 61-62.

[4] *Якубовский А. Ю.* Тимур. – «Вопросы истории», 1946, № 8-9.

[5] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.

[6]*Рюи Гонзалес де Клавихо.* Дневник путешествия ко двору Тимура. СПб, 1881.

[7] Histoire des Conquetes de Tamerlan intitulee Zafarnama par Nizamuddin Sami avec des additions empruntees au Zubdatu-t-tavarih-i Baysunguri de Haviz-i Abru. Ed. critique par F. Tauer, t.I: Texte Persan zu Zafarnama. Praha. 1937; t. II. Introduction, commentaire, index. Praha, 1956.

[8] *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Соч., т. V. М., 1968, с. 167.

[9] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1, М., 1963, с. 102.

[10] *Муминов И.* Роль и место Амира Тимура в истории Средней Азии в свете данных письменных источников. Ташкент, 1968, с. 8-9.

[11] *Бартольд В. В.* Определение «анонима Искендера». Соч., т. VIII. М., 1973, с. 481–482; *Он же.* Еще об анониме Искендера. Соч., т. VIII, с. 491–503.

[12] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II, с. 104–105, 126–138.

[13] *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций..., с 166; *Он же.* Туркестан ..., с. 103.

[14] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI вв. (Вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата, 1977, с. 24 и далее.

[15] Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини мансуб ба Му'ин ад-дин Натанзи ва маруф ба «Аноним Искандера» ба тасхих Жан Обен. Тегеран. 1336 (1957 г.).

[16] *Бартольд В. В.* Хафиз-и Абру и его сочинения. Соч., т. VIII, М., 1973, с. 94, прим. 103.

[17] *Буриев А. Б.* Сведения Хафиз-и Абру о взаимоотношениях Средней Азии с Китаем в XV в. // Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана XV–XIX вв., Ташкент, 1987, с. 24-37.

[18] Матла'ас-са'дайн та'лиф-и Абд ар-Раззак Самарканди. Лахор, т. I, 1360 (1941 г.), т. II, 1368 (1949 г.); Абдураззок Самарканди. Матлаъи саъдайн ва мажмаъи бахрайн. Форс-тожик тилидан таржима, кириш суз ва изохли луғатлар А. Урин-боевники. Тошкент, 1969.

[19] *Бартольд В. В.* Улугбек и его время. Соч., т. II, ч. 2, с. 178-196.

[20] *Хондемир.* Тарих-и хабиб ас-сийар фи ахбар-и афрад-и башар. Тегеран, 1954, т. III-IV.

[21] *Миклухо-Маклай Н. Д.* Некоторые персидские и таджикские исторические, библиографические и географические рукописи Института востоковедения Академии наук СССР. // «Ученые записки ИВ», т. XVI, 1958, с. 270.

[22] Уложение Тимура. Ташкент, 1968.

[23] *Ахмедов Б. А.* Улугбек и его исторический труд «Тарих-и арба' улус». // Из истории науки эпохи Улугбека. Ташкент, 1979.

[24] *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья. Соч., т. II, ч. 1. М., 1963 и другие его работы; *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX вв.). М., 1958, *Азимджанова С. А.* К истории Ферганы второй половины XV в. Ташкент. 1957; *Петров К. И.* Очерки феодальных отношений у киргизов в XV–XVIII вв. Фрунзе, 1961; *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI вв.; *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992, с. 224–226 и др.

[25] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. Часть вторая. СПб, 1864; The Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlat. A History of the Moghuls of Central Asia. An English vers. Ed. by N. Elias, transl. by E. Denison Ross. London, 1895; Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений), Алма-Ата, 1969, с. 185–231; *Стори Ч. А.* Персидская литература. Био-библиографический обзор. Переработал и дополнил Ю. Э. Брегель, т. II, М., 1972, с. 1202–1206; *Мирза Мухаммад Хайдар.* Тарих-и Рашиди. Введение, перевод с персидского А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой, Л. М. Епифановой. Ташкент, 1996.

[26] *Шах Махмуд Чурас.* Хроника. Критический текст. Перевод, комментарии, исследование и указатели О. Ф. Акимушкина. М., 1976.

[27] *Шах Махмуд. Чурас.* Хроника. С. 13, 112–115 и др.

[28] Материалы по истории казахских ханств. С. 385.

[29] *Мирзоев А. М.* Камал ад-дин Бинаи. М., 1976, с. 399.

[30] Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. С. 92.

[31] *Ахмедов Б. А.* Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. Письменные памятники. Ташкент, 1985, с. 17–22; Материалы по истории казахских ханств. С. 96–127; *Стори Ч. А.* Персидская литература. С. 1116–1119.

[32] Материалы по истории казахских ханств. С. 44–53.

[33] *Михман-наме-йи Бухара.* Та'лиф-и Фазлаллах ибн Рузбихан би ихтимам-и Манучихр Сутуде. Тегеран, 1341 (1962 г.).

[34] Материалы по истории казахских ханств. С. 135–171.

[35] *Болдырев А. Н.* Зайнаддин Васифи – таджикский писатель XVI в. Сталинабад, 1957 г.; *Стори Ч. А.* Персидская литература. С. 1123–1127.

[36] *Хофиз Таниш.* Абдулланома. Шарафномайи шохий. Тошкент, 1966–1969, ж. I–II; Материалы по истории казахских ханств. С. 237–312.

[37] *Султанов Т. И.* Краткое описание сочинения Сейфи (XVI в.) // Известия АН КазССР, серия общественная, 1970, № 1, с. 46–50.

[38] *Пищулина К. А.* «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали как источник по социально-экономической истории Восточного Туркестана XVI–XVII вв. // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1983, с. 34–88; Материалы по истории казахских ханств. С. 329–368.

[39] Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Книга 2, М., 1989 (с. 244–246, перевод Б. А. Ахмедова).

[40] *Бартольд В. В.* Отчет о командировке в Туркестан. Соч., т. VIII, М., 1973, с. 170–196.

[41] *Абусеитова М. Х.* Казахское ханство во второй половине XVI в. Алма-Ата, 1985, с. 12–32.

[42] *Мухаммад Юсуф Мунши.* Мукимханская история. Перевод с таджикского, предисловие, примечания и указатели А. А. Семенова. Ташкент, 1956.

[43] Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. Алма-Ата, 1969, с. 128–134; *Ахмедов Б. А.* Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. Письменные памятники. 1985, с. 30–33; *Ибрагимов С. К.* Некоторые данные к истории казахов XV–XVI веков. // Изв. АН КазССР, серия ИЭФП, вып. 3, 1956, с. 107–113.

[44] *Бабур-наме.* Записки Бабура, пер. М. Салье. Ташкент, 1958; *Ахмедов Б. А.* Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв., с. 150–154; Султанов Т. И. «Записки» Бабура как источник по истории моголов Восточного Туркестана и Средней Азии // Turcologica. 1986, Л., 1986, с. 253–267; *Бабур Захир ад-дин Мухаммед.* Бабырнама. Орыс тілінен ауд. Б. Қожабеков, Алматы, 1990.

[45] *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме. Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследования В. П. Юдина, Алма-Ата, 1992.

[46] *Мугинов А. М.* Описание уйгурских рукописей Института народов Азии. М., 1962; Материалы по истории казахских ханств, с. 232–236.

[47] *Мухаммад Салих.* Шайбани-наме. Джамагатайский текст. Посмертное издание П. М. Мелиоранского. СПб., 1908; *Ахмедов Б. А.* Историко-географическая литература Средней Азии, с. 22–26.

[48] «Таварих-и гузида – Нусрат-наме». Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблицы сводных оглавлений А. М. Акрамова. Ташкент, 1967; *Ибрагимов С. К.* Некоторые источники по истории Казахстана XV–XVI вв. // Вестник АН КазССР, 1956, № 9; Материалы по истории казахских ханств, с. 9–43.

[49] Материалы по истории казахских ханств, с. 313–319.

[50] Сборник летописей. Текст. Библиотека восточных историков. Казань, 1854, т. 2, ч. 1; *Сыздықова Р., Қойгелдиев М.* Қадырғали би Қосымұлы және оның жылнамалар жинағы. Алматы, 1991; *Қадырғали Жалаир.* Шежірелер жинағы. Дайындаған Минғулов Н., Көмеков Б., Өтениязов С. Алматы, 1997.

[51] Histoire des Mongols et des Tatares par Aboul-Ghazi Behadour Khan, publiee, traduite et annotee par le Baron Desmaisons, t. I, Texte, St.-Pbg., 1871; t. II. Traduction, St.-Pbg., 1874.

[52] *Кононов А. Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.-Л., 1958.

[53] Материалы по истории казахских ханств, с. 431–475.

[54] *Ибрагимов С.* Некоторые данные к истории казахов XV–XVI веков, с. 112–113; Материалы по истории казахских ханств, с. 398–418.

[55] *Дмитриев Л. В., Мугинов С. Н.* Описание тюркских рукописей Института востоковедения, II. М., 1975, с. 51–55.

[56] *Тихонов Д. И.* Уйгурские исторические рукописи конца XIX и начала XX вв. // Уч. зап. Ин-та востоковедения, т. IX, М.-Л., 1954; Материалы по истории казахских ханств, с. 476–492.

[57] *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974.

[58] *Қозыбаев М., Көмеков Б., Мұқанов М.* Шежіре ата-баба мұрағаты. // Ана тілі, 1993, № 39.

[59] *Бартольд В. В.* Мулхакат ас-Сурах. Сочинения, т. VIII, М., 1973, с. 98–102; *его же.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Тексты, ч. I, СПб., 1898, с. 128–152.

[60] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I, Извлечения из сочинений арабских, СПб., 1884, с. 540–542.

[61] Ein Turkisch-arabisch glossar. Leiden-Brill, 1894; *Курышжанов А. К.* Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата, 1970.

[62] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I; *Ибрагимов Н.* Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1968.

[63] *Мунаджджим-баши.* Сахаиф аль-ахбар. Т. I–III, Стамбул, 1868.

[64] Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. А., 1994. См. также: *Зотов О. В.* Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв. М., 1991; *Хафизова К. Ш.* Китайская дипломатия в Центральной Азии: XIV–XIX вв. А., 1995.

[65] Миндай Хами, Тулуфань цзыляо хойбянь (Сборник материалов о Хами и Турфане периода правления династии Мин). Урумчи, 1984.

[66] Цин шилу чжуньгээр шиляо чжайбянь (Сборник исторических материалов о джунгарах из «Правдивых записей правления династии Цин»). Урумчи, 1987.

[67] *Лун Вэньбин.* Мин хойяо. Пекин, 1956.

[68] Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969; Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. Ташкент, 1988.

[69] Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ), т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863, вып. I, с. 69.

[70] *Федчина В. Н.* Как создавалась карта Средней Азии. М., 1967, с. 24.

[71] ПСРЛ. т. XI. Никоновская летопись. СПб., 1861, с. 85; *Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии XV – начала XVI в. М., 1974, с. 12.

[72] Сибирские летописи. СПб., 1907; Муканов М. С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974, с. 10, 28–36 и др.

[73] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турцией, т. I, Сб-к Русского ист. об-ва, 1884, с. 82, 89 и др.

[74] ЦГАДА, ф. Сношения России с ногайскими татарами. Кн. 1, л. 62, 63; *Вельяминов Зернов В. В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2, СПб., 1864, с. 326; *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. М., 1983, с. 309, прим. 18.

[75] Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. I, М., Алма-Ата, 1935, с. 93; Продолжение Древней российской Вивлиофики, т. XI, СПб., 1801, с. 186.

[76] Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Сборник документов и материалов, Алма-Ата, 1961, с. 3–6; Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Т. I, Л., 1932, с. 293 (далее: МИУТТ).

[77] *Маслова О. В.* Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Ч. I, Ташкент, 1955, с. 5.

[78] МИУТТ, вып. 3, 1933, с. 262–265.

[79] «Книга Большому Чертежу». Подготовка к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.-Л., 1950; *Макшеев А.* Географические сведения «Книги Большого Чертежа» о киргизских степях и Туркестанском крае. Изв. имп. Русского географ. об-ва, т. XIV, СПб., 1878.

[80] *Татищев В. Н.* История российская. М.-Л., 1962, т. I, с. 348.

[81] Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М., 1937.

[82] «Чертежная книга Сибири», составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. СПб., 1882.

[83] *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России. Сочинения. Т. IX, М., 1977, с. 392.

[84] *Его же.*

[85] *Клавихо Рюи Гонзалес.* Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1402–1406 гг. Пер. с исп. И. И. Срезневского. СПб., 1881; Записки о Московских делах. Пер. и примеч. А. И. Малеина. СПб., 1908; *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Примеч. и пер. А. М. Ловягина. СПб., 1906; Early voyages and travels to Russia and Persia by Ant. Jenkinson and other Englishmen /Ed. by D. Morgan. L., 1986; *Avril Ph.* Voyage en divers etate d' Europe et d'Asie. Avec une discription de la Grand Tartarie et des difference peuple qui I'habitant. P., 1692; *Barbaro J.* Travels to Tana and Persia. L., 1873 etc.

[86] *Witsen N. K.* Noord en Oost Tartarye. Amsterdam, 1692.

[87] *Есмагамбетов К. Л.* Что писали о нас на Западе. А.–А., 1992, с. 24–25.

[88] *Stalenbergh F.* An historical-geographical description of the North and Eastern parts of Europe and Asia, but more particularly of Russia, Siberia and Great Tartary. L., 1738.

[89] *Рычков П. И.* История Оренбургская, по учреждению Оренбургской губернии. СПб., 1759; Переизд.: История Оренбургская. Оренбург, 1896; *Его же.* Топография Оренбургская. СПб., 1762; Переизд.: Топография Оренбургской губернии (сочинение П. И. Рычкова, 1762 г.), Оренбург, 1887; *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. II. О народах татарского племени. СПб., 1799.

[90] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. СПб., 1750, *его же.* Т. I, М.-Л., 1937, т. II, 1940.

[91] *Татищев В. Н.* История российсская. М., 1769, кн. I, ч.I.

[92] История Абулгази. «Книга родословия тюркского». Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным. Т. III, Казань, 1854.

[93] Родословное древо тюрков. Сочинение Абул-Гази, хивинского хана. Перевод и предисловие Г. С. Саблукова с послесловием и прим. Н. Ф. Катанаева. Казань, 1906. Переизд. в 1996 г. См. прим. № 146.

[94] Шейбаниада. История монголо-тюрков. Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным. Т. I, Казань, 1849.

[95] *Бичурин И. Я.* Историческое обозрение ойратов, или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834.

[96] *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. СПб., ч. I–III. 1832.

[97] *Ерофеева И. В.* А. И. Левшин и его труд «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей» // *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996, с. 578.

[98] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. II, СПб., 1864. Труды Вост. Отд. Имп. Русского археолог. об-ва (т. X).

[99] *Кумеков Б., Султанов Т.* Вклад русских и советских ученых-востоковедов Академии наук в изучение средневековой истории Казахстана // Известия АН КазССР, 1974, № 2, с. 16; *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. IX, М., 1977, с. 581.

[100] Введение к изданию Сочинений академика В. В. Бартольда. Сочинения. Т. 1, М., 1963, с. 5.

[101] *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений. В 5-ти томах. Алма-Ата, 1961–1968. *Его же.* Собрание сочинений. Т. 1–5. Алма-Ата, 1984–1985.

[101] *Березин И. Н.* Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. ТВОРАО. Т. VIII, 1864

[102] *Перетяткович Т.* Поволжье в XV и XVI веках. М., 1877.

[103] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.

[104] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.-Л., 1941.

[105] *Аристов Н. А.* Опыт выяснения состава киргиз-казахов Большой Орды и каракиргизов // «Живая старина», вып. 3–4, 1894; *Его же.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народов и сведения об их численности. СПб., 1897 («Живая старина», вып. III–IV, 1896).

[106] *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья. // «Памятная книжка Семиреченского областного стат. комитета за 1898 г.». П. Верный, 1898, с. 74–175; Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963, с. 21–106.

[107] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. I. Тексты, СПб., 1898; Ч. II. Исследование. СПб., 1900; Сочинения. Т. I, М., 1963.

[108] *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. I–IX, М., 1961–1978 гг.

[109] *Бартольд В. В.* Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века. Т. III, М., 1965; *Его же.* К истории орошения Туркестана. Т. III, с. 210–233.

[110] *Его же.* Сочинения. Т. IX. М., 1977, с. 405.

[111] *Якубовский А. Ю.* Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X–XV веках. ТИАИ, т. 8, вып. 3, ч. I, Л., 1933; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950.

[113] Историография проблемы социальной организации кочевников-скотоводов региона Евразии рассмотрена в работах: *Хазанов А. М.* Социальная история скифов (Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей). М., 1975, с. 32–35; *Першиц А. И.* Некоторые особенности классообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // Становление классов и государств. Сб. ст., М., 1976, с. 290–297; *Федоров-Давыдов Г. Ф.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, с. 4–23 и др. работы.

[114] *Толстов С. П.* Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. Известия ГАИМК. 1934, вып. 103; Его же. Древний Хорезм. М., 1948.

[115] *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

[116] *Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А.* Востоковедные исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1989, с. 7–8.

[117] *Шакарим Кудайбердыулы.* Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий.

[118] *Чулошников А. П.* Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Оренбург, 1924. ч. I.

[119] *Тынышпаев М.* Материалы к истории киргиз-казакского народа. Ташкент. 1925; *Его же.* Киргиз-казаки в 17 и 18 веках. Кзыл-Орда, 1926.

[120] *Масанов Э. А.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966; *Дахшлейгер Г. Ф.* Историография Советского Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 38–40; *Сулейменов Р. Б.* Асфендиаров С. Д. и становление советской исторической науки в Казахстане // Великий Октябрь и социально-экономический прогресс Казахстана. Алма-Ата, 1987.

[121] Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. I (V в. до н.э. – XVIII в. н.э.). Москва – Алма-Ата, 1935.

[122] *Асфендиаров С. Д.* История Казахстана (с древнейших времен). А., 1993, с. 56–69.

[123] Там же, с. 16.

[124] Там же, с. 99.

[125] *Вяткин М. П.* Очерки по истории Казахской ССР. Т. I. С древнейших времен по 1870 г. М., 1941.

[126] История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1943.

[127] Материалы по истории Узбекской, Туркменской и Таджикской ССР. М.-Л., 1932. Т. I, вып. 3; Материалы по истории Башкирской АССР. ч. I, М.-Л., 1936; ; Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2 (XVI—XIX вв.). М.-Л., 1938.

[128] О подготовке 2-го издания «Истории Казахской ССР» // Известия Каз. филиала АН СССР. Серия историческая, 1946, № 2, с. 3.

[129] Дахшлейгер Г. Ф. Историография Советского Казахстана. С. 59.

[130] История Казахской ССР. Т. 1, Алма-Ата, 1957.

[131] Шахматов В. Ф. К вопросу об этногенезе казахского народа // Известия АН КазССР, серия историческая, 1950, вып. 6, с. 80—99, *Адильгереев Х. М.* К истории образования казахского народа // Вестник АН КазССР, 1951, № 1; *Юшков С. В.* Основные вопросы истории казахского государства // Известия АН КазССР. Серия юридич. 1951, вып. 3; *Зиманов С. З.* К вопросу о праве феодальной собственности в Казахстане // ВАН КазССР, 1952, № 4; *Потапов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. // Вопросы истории, 1954, № 6; *Шахматов В. Ф.* К вопросу о сущности и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане // Вестник АН КазССР, 1951, № 7; *Зиманов С., Еренов А.* О характере феодальной собственности на землю в Казахстане // Труды Алма-Атинского юридического института. Т. I, Алма-Ата, 1955.

[132] Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955; О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов (к итогам обсуждения) // Вопросы истории, 1956, № 1.

[133] *Зиманов С. З.* Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958; *Толыбеков С.* Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1959; *Еренов А. Е.* Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961; *Шахматов В. Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964.

[134] *Ибрагимов С. К.* Некоторые данные к истории казахов XV—XVI вв. // Известия АН КазССР. Серия историческая, 1956, вып. 3; *Его же.* Новые материалы по истории Казахстана XV—XVI вв. // «История СССР», 1960, с. 152—158.

[135] *Семенов А. А.* К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 1, Сталинабад // Труды АН Тадж. ССР. Т. 12, с. 3—37; *Его же.* Шейбани-хан и завоевание им империи тимуридов // Там же, с. 39—83; *Его же.* Первые шейбаниды и борьба за Мавераннахр // Там же, с. 109—150.

[136] *Ибрагимов С. К.* Некоторые источники по истории Казахстана XV—XVI вв. // Вестник АН КазССР, 1956, № 8; *Его же.* Сочинение Мас'уда бен Усмана Кухистани «Тарих-и Абулхайр-хани» (перевод). // Известия АН КазССР, 1956, вып. 3; *Его же.* «Шейбани-наме» Бинаи как источник по истории Казахстана XVI в. // Труды сектора востоковедения АН КазССР, т. I, 1959; *Его же.* «Михман-наме-и Бухара» Рузбихана как источник по истории Казахстана XV—XVI вв. //Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8, 1960; *Султанов Т. И.* С. К. Ибрагимов и его историко-востоковедческие исследования // Страны и народы Востока. Средняя и Центральная Азия. М., 1971, с. 241—248.

[137] Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Составители: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата, 1969.

[138] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. Сборник документов и материалов. Составители: В. Я. Басин, Б. С. Сулейменов, Т. Ж. Шоинбаев. Алма-Ата, 1961; История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Алма-Ата, 1977—1981.

[139] Материалы по истории киргизов и Киргизии. Редактор В. А. Ромодин. Выпуск I, М., 1973.

[140] *Зайн ад-дин Васифи.* Бадаи' ал-вакаи'. Критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырева. Т. I–II, М., 1961; *Абдурраззок Самаркандий.* Матлаъи саъдайн ва мажмаъи бахрайн (форс-тожик тилидан таржима ... А. Уринбоевники). Тошкент, 1969; *Шарафаддин Али Йазди.* Зафар-наме. / Подготовка к печати, предисловие, примечания и указатели А. Урунбаева. Ташкент, 1972.

[141] *Хофиз Таниш ибн Мухаммад Бухорий.* Абдулланома (Шарафномайи шохий) / I жілд. Форсчадан С. Мирзаев таржимаси, нашрга тайёрловчи, суз боши ва изохлар муаллифи Б. А. Ахмедов. Тошкент, 1966; II жілд, 1969; Шараф-наме-йи Хафиз-и Таниш Бухара / Факсимиле, рукописи, перевод с персидского, введение, примечания и указатели М. А. Салахетдиновой. Ч. I, М., 1983.

[142] *Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас.* Хроника. Критический текст, перевод, комментарии, исследование и указатели О. Ф. Акимушкина. М., 1976.

[143] *Махмуд ибн Вали.* Море тайн относительно доблестей благородных (География). Введение, перевод, примечания, указатели Б. А. Ахмедова. Ташкент, 1977.

[144] *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). Перевод, предисловие и примечания Р. П. Джаликовой, под ред. А. К. Арендса, М., 1976.

[145] *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. Т. I, кн. 1 / Перевод с персидского Л. А. Хетагурова, ред. и примечания А. А. Семенова. М.-Л., 1952; т. I, кн. 2 / Перевод с персидского О. И. Смирновой, прим. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой, ред. А. А. Семенова. М.-Л., 1952; т. II / Перевод с персид. Ю. П. Верховского, прим. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевского. М.-Л., 1960; т. III / Перевод с персидского А. К. Арендса, ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бартельса и А. Ю. Якубовского, М.-Л., 1946.

[146] *Кононов А. Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.-Л., 1958; Абулғозий Баходир-хан. Шажарайи турк. Масъул мухаррир во суз боши муаллифи Б. А. Ахмедов. Тошкент, 1992; Бабур-наме. Записки Бабура / Перевод М. Салье. Ташкент, 1958; *Махмуд Кашгарии.* Туркий сузлар девони (Девону луготит турк.). Т. 1–III, Тошкент, 1960–1963; *Юсуф Баласагуни.* Благодатное знание / Изд. подготовил С. Н. Иванов. М., 1983; Абул-Гази-Багадур-хан. Родословное древо тюрков. *Иакинф.* История первых четырех ханов Дома Чингисова. *Стэнли Лэн-Пуль.* Мусульманские династии. Москва – Ташкент – Бишкек, 1996. Изд.: «Ассамблеи культур народов Центральной Азии» (Узбекистан, Ташкент). Составление, подготовка и обработка текста академика Р. Рахманалиева.

[147] *Абусеитова М. Х.* Из истории казахско-среднеазиатских отношений: События 1598–1599 гг. // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981, с. 124–141; *Юдин В. П.* Известия «Зийа ал-кулуб» Мухаммед Аваза о казахах XVI века. // Вестник АН КазССР. Алма-Ата, 1966, № 5 (263), с. 71–76.

[148] *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме. Перевод с тюркского В. П. Юдина. Алматы, 1996.

[149] *Джиованни дель Плано Карпини.* История монголов. *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны / Ред. М. П. Шастиной, М., 1957; «Книга Марко Поло» / Перев. И. П. Минаева, М., 1955. Переиздано: Алма-Ата, 1990; Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. Вступительная статья, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской, с. 147, 223 и др.

[150] *Пищулина К. А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств XV–XVI вв. // Казахстан в XV–XVIII вв. (Вопросы социально-экономической истории). Алма-Ата, 1969, с. 3–49.

[151] *Кумеков Б. Е., Настич В. Н., Шуховцов В. К.* Письменные документы из Южного Казахстана // Вестник АН КазССР, 1977, № 8, с. 70–73; Шуховцов В. К. Письменные документы из города Туркестана // Казахстан в эпоху феодализма Алма-Ата, 1981, с. 164–165.

[152] *Ахмедов Б. А.* Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. Письменные памятники. Ташкент, 1985.

[153] Таварих-и гузида нусрат-наме / Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений А. М. Акрамова. Ташкент, 1967; Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. / Отв. ред. Б. А. Ахмедов. Ташкент, 1988; Материалы по истории, истории науки и культуры народов Средней Азии / Под ред. П. Г. Булгакова и У. И. Каримова. Ташкент, 1991.

[154] *Мирза Мухаммад Хайдар.* Тарих-и Рашиди. Введение, перевод с персидского А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой, Л. М. Епифановой. Примечания и указатели Р. П. Джалиловой и Л. М. Епифановой. Отв. ред. А. Урунбаев. Ташкент, 1996.

[155] Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 1–2, М., 1989. Составители: Гуревич Б. П., Моисеев В. А. Ответ. ред. Б. П. Гуревич, Г. Ф. Ким; Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. Отв. ред. Г. С. Садвакасов. Алматы, 1994.

[156] История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В пяти томах, т. I, Алматы, 1977.

[157] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники, М., 1966; *Его же.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973; *Его же.* Общественный строй кочевников в средневековую эпоху / Вопросы истории, 1976, № 8; *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960; *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985; *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975.

[158] Наше отечество. Опыт политической истории. Том I. М., 1991; История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX вв. М., 1991.

[159] Русь между Востоком и Западом. Культура и общество в X–XVII вв. Ч. I, М., 1991, с. 46–49; *Сочнев Ю. В.* Русь и Золотая Орда: некоторые аспекты конфессиональных взаимоотношений // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1993, с. 279–291.

[160] *Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. М., 1993.

[161] *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1992, с. 607–675.

[162] *Ибрагимов С. К.* Новые материалы по истории Казахстана XV–XVI вв. / «История СССР», М., 1960, № 4, с. 155.

[163] *Юдин В. П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1983, с. 128.

[164] *Федоров-Давыдов Г. А.* «Аноним Искандера» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда» // История, археология и этнография Средней Азии. К 60-летию со дня рождения С. П. Толстова. М., 1968; *Его же.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, с. 141–144; *Султанов Т. И.* К вопросу о терминах Ак-Орда, Кок-Орда и Йуз-Орда // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1970, с. 94–96; *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992, с. 189–195.

[165] *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985, с. 66, 160–161.

[166] *Султанов Т. И.* К истории Казахстана 70-х годов XIV в. // Известия АН КазССР, серия обществ. наук, 1976, № 5; *Его же.* О терминах Ак-Орда, Кок-Орда и Йуз-Орда // Известия АН КазССР, серия обществ. наук, 1972, № 3; *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий, с. 189–212.

[167] *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1865.

[168] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI вв. (Вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата, 1977.

[169] *Кочекаев Б.-А. Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988, с. 19–108.

[170] *Петров П. И.* Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе, 1963; Его же. Киргизстан в XIII–XV вв. // История Киргизской ССР. Т. 1, Фрунзе, 1984, с. 393–407, 430–434; *Бейшембиев Э. Д., Джунушалиев Д. Д., Мокрынин В. П., Плоских В. М.* Введение в историю кыргызской государственности. Курс лекций для вузов. Бишкек, 1994, с. 55–67.

[171] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан, с. 222–245; История Казахстана. Очерк. Алматы, 1993, с. 138–141.

[172] История Казахской ССР. В пяти томах. Том II, Алма-Ата, 1979.

[173] *Акишев К. А.* Государства тюркоязычных народов // Эволюция государственности Казахстана. Материалы международной конференции. г. Алматы, 3–5 апреля 1996 г., Алматы, 1996, с. 16–21.

[174] *Ибрагимов С. К.* К истории Казахстана в XV в. // Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока. М., 1961, с. 172–180.

[175] *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков, с. 150–151.

[176] *Султанов Т. И.* Некоторые замечания о начале казахской государственности. // Известия АН КазССР, 1971, № 1; *Его же.* О первом казахском государстве (к 525-летию Казахского государства // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1995, вып. 8–9, СПб., с. 31–38; *Его же.* О дате образования казахского государства // Эволюция государственности Казахстана. Материалы международной конференции. Алматы. 3–5 апреля 1996, Алматы, 1996, с. 73–74.

[177] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в XIV – начале XVI вв., с. 246–262; Казахское ханство во взаимоотношениях с Могулистаном и шайбанидами в последней трети XV в. // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981, с. 96–123.

[178] Там же. с. 263; История Казахстана. Очерк, с. 144–156.

[179] *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992, с. 356.

[180] *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья (Вопросы этнической и социальной истории). М., 1982; *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись...

[181] *Пищулина К. А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV–XVII веках // Казахстан в XV–XVIII веках: Вопросы социально-политической истории. Алма-Ата, 1969, с. 5–49; *Ее же.* Письменные восточные источники о присырдарьинских городах Казахстана XIV–XVII вв. / Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983, с. 165–176.

[182] *Пищулина К. А.* Государственность казахов позднего средневековья. // Материалы международной конф. «Культурно-исторические процессы в Центральной Азии в средние века». Информационный бюллетень. Спецвыпуск. М., с. 65–68.

[183] *Кычанов Е. И., Литвинский Б. А.* Рец. на: История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2, Алма-Ата, 1979 // Народы Азии и Африки. М., 1981, № 6, с. 188–194.

[184] *Абусеитова М. Х.* Казахское ханство во второй половине XVI в. Алма-Ата, 1985.

[185] *Исин А.* Новые источники по истории Казахстана первой четверти XVI в. // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук, 1985, № 3, с. 45–49; *Его же.* Материалы посольского приказа Русского государства о Казахском ханстве XVI – начала XVII в. // Вопросы историографии и источниковедения Казахстана. Алма-Ата, 1988, с. 161–170.

[186] *Акимушкин О. Ф.* К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства с узбеками и казахами в 30-х годах XVI – 60-х гг. XVII вв. // «Палестинский сборник». М.-Л., вып. 21, 1970, с. 233–248; *Его же.* Могольско-узбекский союз против казахов в середине XVI в. // Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока. Л., 1969, с. 37–40; *Его же.* Хронология правителей восточной части Чагатайского улуса (линия Туглук Тимур хана) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984.

Басин В. Я. Россия и Казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1971.

Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи. XVII–XVIII вв. Алма-Ата, 1991.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. Изд. 2-е, М., 1983.

Ибрагимов С. К. Еще раз о термине «казах» // Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8, 1960.

Гафуров Б. Г., Литвинский Б. А. Узловые проблемы этногенеза и этнической истории Средней Азии и Казахстана (Теоретический аспект). Тезисы. М., 1976; *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983; *Его же.* Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987; *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера земли. М., 1990; Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989, 1990.

Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971; *Жданко Т. А.* Каракалпаки Хорезмского оазиса. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. 1952, т. I; История Каракалпакской ССР. Ташкент, 1974; *Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии. IX–XIII вв. Ашхабад, 1969; *Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969; *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа. Историко-этнографическое исследование на материалах кыпчакского компонента. Ташкент, 1974.

Иванов П. П. Очерк истории каракалпаков // Материалы по истории каракалпаков // Труды ИВ АН СССР. М.-Л., 1936, т. 7; *Его же.* Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX вв.). М.-Л., 1958.

Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков.

Шаниязов К. Ш. Некоторые вопросы этнической динамики и этнических связей узбеков XIV–XVII в. // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986, с. 83–93.

Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976, с. 209–226.

[197] История Узбекистана. Ташкент, 1993, с. 21.

Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья.

Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.). Алма-Ата, 1968; *Муканов М. С.* Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974.

[200] *Кадырбаев А. Ш.* Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. Алма-Ата, 1990; *Его же.* Очерки истории средневековых уйгуров, джалаиров, найманов и киреитов. Алма-Ата, 1993.

Юдин В. П. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахскими и другими соседними народами (XIV–XVII вв.) // Известия АН КазССР, 1965, вып. 3; *Его же.* Орды: Белая, Синяя, Золотая.

[202] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан. С. 222–240.

Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.-М. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988.

Муканов М. С. Казахские домашние художественные ремесла. Алма-Ата, 1979; *Его же.* Казахская юрта. Алма-Ата, 1981; *Масанов Н. Э.* Экологические аспекты этногенеза кочевников Казахстана // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984; *Его же.* Этногенез казахов: проблемы и метод // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 2; История и археология. М., 1990.

[205] Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, 1980; Казахи. Историко-этнографическое исследование. Алматы, 1995.

[206] *Масанов Н. Э.* Кочевая цивилизация казахов. Алматы–Москва, 1995, с. 245–247.

[207] *Исмагулов О.* Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-

Ата, 1970; *Его же.* Этническая антропология Казахстана. Алма-Ата, 1982; *Исмагулов О., Сихимбаева К. Б.* Этническая одонтология Казахстана. Алма-Ата, 1989.

[208] *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972; *Они же.* Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1981; *Они же.* Отрар в XIII–XV вв. Алма-Ата, 1987; *Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986. История Казахстана. В пяти томах, т. I, Алматы, 1996.

[209] *Муканов М. С.* Этническая территория казахов в XVIII – начале XX вв. Алма-Ата, 1991; *Пищулина К. А.* Территория: формирование казахской этнической территории в древности и средневековье // Казак, Алматы, Білім, 1994 (на каз. яз.), с. 47–65.

[210] История Казахской ССР. В пяти томах, т. II, Алма-Ата, 1979.

[211] Историография проблемы, дополнительно к упомянутым в № 113 работам, представлена в трудах: *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976, с. 280–310; *Крадин Н. Н.* Социально-экономические отношения у кочевников в советской исторической литературе. Владивосток, 1987. Рукопись депонирована в ИНИОН, № 29892; *Сулейменов Р. Б.* Формационная природа кочевого общества: проблема и метод // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989, с. 89–102. *Цинман М. З.* Методологические проблемы типологии отношений собственности у кочевников. Научно-аналитический обзор. Алма-Ата, 1992; Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов. С. 199–200, 213–224.

[212] *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. Сборник. М., 1991, с. 181–186.

[213] Помимо названных выше работ упомянутых авторов см. также: *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII – начале XX вв. Алма-Ата, 1971; *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй кочевников в средневековую эпоху // Вопросы истории. М., 1976, № 8, с. 39–48; *Петров К. И.* Очерки феодальных отношений у киргизов XV–XVIII веков. Фрунзе, 1961; *Златкин И. Я.* Концепции истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность // Современная историография стран зарубежного Востока. Проблемы социально-политического развития. М., 1971, с. 131–193; *Его же.* А. Тойнби об историческом прошлом и современном положении кочевых народов // Вопросы истории. 1971, № 2.

[214] *Першиц А. И.* Некоторые особенности классообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // Становление классов и государств. Сб. статей. М., 1976, с. 280–313; *Марков Г. Е.* Кочевники Азии; *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975; *Семенов Ю. И.* Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // Советская этнография, 1982, № 2.

[215] Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971; *Качановский Ю. В.* Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971, *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1977; *Алаев А. Б.* К типологии феодализма на Востоке // Народы Азии и Африки, 1977, № 4; *Кушибеков Д.* Кочевое общество: генезис, развитие, упадок. Алма-Ата, 1984.

[216] *Семенов Ю. И.* Проблема социально-экономического строя древнего Востока // Народы Азии и Африки. 1965, № 3.

[217] *Илюшечкин В. П.* Рентный способ эксплуатации в добуржуазных обществах древности, средневековья и нового времени. М., 1971; *Его же.* Проблемы формационной характеристики сословно-классовых обществ. М., 1986; Его же. Сословно-классовое общество в истории Китая. М., 1986.

[218] *Марков Г. Е.* Кочевники Азии; *Андрианов Б. В., Марков Г. Е.* Хозяйственно-культурные типы и способы производства // Вопросы истории. 1990, № 8, с. 3–15.

[219] *Масанов Н. Э.* Кочевая цивилизация казахов. С. 210–224.

[220] *Васильев Л. С.* История Востока. Т. I, М., 1994, с. 245–251.

[221] Эволюция государственности Казахстана. Материалы международной конференции. Алматы, 3–5 апреля 1996 г., Алматы, 1996.

[222] *Якубовский А. Ю.* Вопросы периодизации Средней Азии в средние века (VI–XV вв.) // КСИИМК. Вып. 28. 1949, с. 43.

[223] *Пугаченкова Г. А.* Искусство Туркменистана. М., 1967, с. 163–166; *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* Очерки искусства Средней Азии. М., 1982, с. 207–208; *Бяшимова Н. С.* Художественная глазурованная керамика Южного Туркменистана IX–XIV вв. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1985.

[224] *Массон М. Е.* Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ, 1946). Труды ЮТАКЭ. Т. I. Ашхабад, 1949, с. 9, 12.

[225] *Толстов С. П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. // Труды ХАЭЭ, т. II. М., 1958, с. 224–232; *Бактурская Н. Н.* Раскопки городища Ургенч в 1952 г. // Труды ХАЭЭ, т. II. М., 1958, с. 467–494.

[226] *Туркгенев-Амитиров А. Г.* Раскопки комплекса южных ворот и крепостной стены Таш-калы. // Труды ХАЭЭ, т. II, М., 1958, с. 494–504; *Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки ремесленного квартала XV–XVII вв. на городище Таш-кала в Ургенче // Труды ХАЭЭ, т. II. М., 1958, с. 505–528.

[227] *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 273–294, 306–314.

[228] *Агеева Е. И., Пацевич Г. И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 5. 1958, с. 214; *Агеева Е. И.* Общий обзор находок. Археологические исследования на северных склонах Каратау // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 14. 1962, с. 201–204.

[229] *Кларе А. К., Черкасов А. А.* Древний Отрар и раскопки, проведенные в развалинах его в 1904 г. // ПТКЛА, год IX. Ташкент, 1904, с. 13–35.

[230] *Ерзакович Л. Б.* Оседлая культура Южного Казахстана в XIII–XVIII вв. Автореф. канд. дисс. Л., 1966; *Он же.* О позднесредневековом городище Аспара // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 85–97; *Он же.* О позднесредневековом городище Сузак // Известия АН КазССР, сер. обществен. № 3. 1966, с. 66–69; *Он же.* Некоторые черты оседлой культуры позднего средневековья // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 98–106.

[231] *Байпаков К. М.* О локализации позднесредневековых городов Южного Казахстана. СА, № 2. 1977, с. 201–209.

[232] Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1970; *Пищулина К. А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств XV–XVII вв. // Казахстан в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1969, с. 5–49.

[233] *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Новое в средневековой археологии Южного Казахстана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 5–42; *Они же.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.

[234] *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Позднесредневековый Отрар (XVI–XVIII вв.). Алма-Ата, 1981; *Они же.* Отрар в XIII–XV вв. Алма-Ата, 1987.

[235] *Грошев В. А.* Ирригация Южного Казахстана в средние века. Алма-Ата, 1985.

[236] *Акишев К. А., Байпаков К. М.* Кяризы Саурана // Вестник АН КазССР. 1974. № 4, с. 76–78.

[237] *Сенигова Т. Н.* Керамика городища Туркестан из верхнего строительного горизонта (XVII–XVIII вв.) // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978, с. 171–187; *Смагулов Е. А., Настич В. Н.* Гончарные штампы с надписями XIX в. из Туркестана // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. 1983. № 2, с. 45–50.

[238] *Тулепбаев Б. А.* Вступительное слово. Резолюция. Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата. 1983, с. 3–5, 229.

[239] *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Отрар в XIII–XV вв., с. 112–123.

[240] *Бартольд В. В.* История Туркестана. Соч. Т. II, ч. 1. М., 1963, с. 152.

[241] *Давидович Е. А.* Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в. М., 1972, с. 125.

[243] *Байпаков К. М., Настич В. Н.* Клад серебряных вещей и монет XIII в. из Отрара // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981, с. 20–62.

[244] *Байпаков К. М.* Проблемы археологических исследований позднесредневековых городов Казахстана. Алма-Ата, 1990, с. 37–42.

[245] *Грошев В. А.* Основные моменты динамики оросительной сети Отрарского оазиса в XIII–XV вв. // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978, с. 140–150; *Он же.* Ирригация Южного Казахстана в средние века. Алма-Ата, 1985.

[246] *Акишев К. А., Байпаков К. М.* Кяризы Саурана // Вестник АН КазССР. 1973. № 4, с. 76–78.

[247] *Бурнашева Р. З.* Два клада джанидских тенег XVII в. с территории Южного Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 59–80; *Она же.* К вопросу денежного обращения Отрара в XV в. // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана. Алма-Ата, 1986, с. 144–148; *Она же.* Клад чагатаидских монет второй половины XIII в. с городища Отрар. Алма-Ата, 1980, с. 83–94; *Она же.* К вопросу об экономическом положении позднесредневекового Туркестана и области (XV–XIX вв.) // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983, с. 52–61; *Байпаков К. М., Настич В. Н.* Клад серебряных вещей и монет XIII в. из Отрара. // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981, с. 20–60; *Настич В. Н.* Новые факты из истории монетного производства и денежного обращения в Южном Казахстане (XIII–XVIII вв.) // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983, с. 143–152.

[248] *Жолдасбаев С.* Материальная культура казахов XV–XVIII вв. (по археологическим данным). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Алма-Ата, 1975; *Он же.* Типы оседлых поселений казахов по данным археологических исследований Южного и Центрального Казахстана (XV–XVIII вв.) // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 46–58; *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1981, с. 190–194.

[249] Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981, с. 194–200.

[250] *Иванов В. А., Кригер В. А.* Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М., 1988, с. 4–6.

[251] *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА. 26. М.-Л., 1952, с. 173, рис. 73.

[252] *Табалдиев К. Ш.* Эволюция погребального обряда кочевников внутреннего Тянь-Шаня в средние века. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Новосибирск, 1984, с. 16–17, 21.

[253] *Арсланова Ф. Х.* Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 110–111; *Она же.* Погребение в золотоордынское время в Павлодарской области // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 54–59.

[254] Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987, с. 243–246.

[255] *Максимова А. Г.* Погребение воина XIV в. // Вестник АН КазССР. 1965. № 6, с. 85–91.

[256] *Маргулан А. Х.* Раскопки погребения воина XIV в. в долине р. Нуры. // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 7. 1959, с. 248–261; *Массон М. Е.* Серебряные монеты XIV в. из погребения могильника в бассейне реки Нуры // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 7. 1959, с. 262–265; *Кадырбаев М. К., Бурнашева Р. З.* Погребение кыпчака первой половины XIV в. из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 42–53.

[257] *Кушаев Г. А.* Этюды древней истории степного Приуралья. Уральск, 1993, с. 105–109.

[258] *Аджигалиев С. И.* Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана. Алматы, 1994.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

СЛОЖЕНИЕ КАЗАХСКОЙ НАРОДНОСТИ. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КАЗАХСКОГО ГОСУДАРСТВА

Глава первая

ЗОЛОТАЯ ОРДА

1. ОБРАЗОВАНИЕ УЛУСОВ

Огнем и мечом создав огромную империю, Чингиз-хан выделил каждому из четырех своих сыновей уделы: младший сын Тулуй получил коренной юрт Чингиз-хана – собственно Монголию, а также 101 тысячу из 129 тысяч человек монгольской регулярной армии. Обширные территории, завоеванные к западу от Монголии, были поделены между старшими сыновьями, причем каждому из них было пожаловано по 4 тысячи человек из регулярной армии. Третьему сыну Чингиз-хана, Угэдэю, была выделена Западная Монголия, район Верхнего Иртыша и Тарбагатая, где разместился центр его улуса[1]. После своего провозглашения великим ханом (1228/29–1241) Угэдэй жил на Орхоне, в Каракоруме.

Владения второго сына Чингиз-хана, Чагатая, простирались от Южного Алтая до Амударьи и «от границ области уйгуров до Самарканда и Бухары»[2], т.е. включали Восточный Туркестан, большую часть Жетысу и Мавераннахр. По Джамалю Карши, область, составлявшая основную часть владений Чагатая, называлась Иль-Аларгу; главным ее городом был Алмалык. Летней резиденцией Чагатая была местность Куяш в долине реки Или. Ставка его преемников, согласно Джувейни, была известна под тюркским названием Улут-Иф (Ив), т.е. «Большой дом»,[3] а по нумизматическим данным – Орду аль-Азам. В состав владений Чагатая и его преемников входили также области Балх и Хорасан[4].

Удел старшего сына Чингиз-хана, Джучи, занимал обширные земли к западу от Иртыша и «от границ Каялыка и Хорезма до мест Саксин и Булгар, вплоть до тех пределов, куда доходили копыта татарских коней»[5], охватывая, таким образом, северную часть Жетысу и весь Восточный Дешт-и Кыпчак до Нижнего Поволжья включительно. Согласно Рашид ад-дину, орда Джучи находилась на Иртыше, хотя по другим источникам известно, что он похоронен недалеко от Сарысу, «в стране кыпчаков». На Иртыше, около оз. Алаколь, в середине XIII в., по свидетельству Плано Карпини, жил сын Джучихана Орда-Еджен (Орда Ичен). С образованием Золотой Орды центр политической жизни улуса Джучи переместился на Нижнюю Волгу.

Таким образом, территория Казахстана вошла в состав трех монгольских улусов: большая (степная) часть – в состав улуса Джучи, Южный и Юго-Восточный Казахстан – в улус Чагатая, северо-восточная часть Жетысу – в улус Угэдэя.

При жизни Чингиз-хана земли, отведенные сыновьям, служили для них только источником дохода, они оставались подчиненными главе империи.

Чингиз-хан. 1162–1227

После его смерти положение изменилось. Обширность монгольской державы, удаленность местопребывания улусных владетелей от общеимперского центра на Орхоне вели к тому, что действительной властью стала только власть на местах. Династийное начало удельной системы, переход фактической власти в улусах к потомкам сыновей Чингиз-хана возбуждали у улусных Чингизидов, в распоряжении которых находилась значительная военная сила, стремление сделать свою династию полностью самостоятельной, а улус — независимым владением. Постепенно в руки улусных правителей перешла вся полнота власти, империя распалась на несколько самостоятельных государств. Главными причинами ее распада явились борьба народных масс против монгольского ига, непрочность, конгломератность империи, силой оружия вобравшей в себя многие страны и народы, постоянные междоусобицы, отсутствие экономических связей, культурных исторических традиций.

Улус Чагатая. Чагатай как старший в ханском роде после смерти отца и старшего брата Джучи пользовался большим авторитетом. В 1228–1229 гг. он стоял во главе царевичей, провозгласивших великим ханом Угэдэя. Будучи знатоком «Ясы, биликов и правил, как блюсти царство», Чагатай

обладал такой властью, что даже сам великий хан Угэдэй не принимал сколько-нибудь важных решений без одобрения своего старшего брата[6].

Чагатай с согласия великого хана назначил своим преемником Кара-Хулагу, старшего из детей своего старшего сына Мутугэна. В 1241 г. умер Угэдэй, а вскоре и Чагатай. В Монгольской империи начался смутный период пятилетнего междуцарствия. Только в 1246 г. на курултае великим ханом был провозглашен Гуюк, старший сын Угэдэя. По приказу Гуюка в Чагатайском улусе вместо Кара-Хулагу был поставлен личный друг нового хана Есу-Мунке, сын Чагатая. Но вскоре после смерти Гуюка (1248 г.) началась борьба за власть между потомками Угэдэя и Тулуя. При поддержке Батыя в 1251 г. главой империи был провозглашен старший сын Тулуя Мункэ.

Приход к власти нового великого хана начался с репрессий: царевичи из рода Чагатая и Угэдэя, обвиненные в заговоре против Мункэ, были умерщвлены или изгнаны, и значение рода Чагатая на некоторое время было сведено на нет. Но формально улусы продолжали существовать: вдова Гуюка оставалась в его орде на Эмиле, а правительницей улуса Чагатая с согласия великого хана сделалась Оркына, вдова скончавшегося незадолго перед этим Кара-Хулагу. В 1254 г. она как властительница улуса Чагатая встретила в Алмалыке направлявшееся в Иран войско Хулагу, брата великого хана Мункэ.

Фактически в середине XIII в. империя была поделена между потомками Тулуя и Джучи. Граница между сферами влияния великого хана Мункэ и главы улуса Джучи Батыя, по свидетельству Рубрука, проходила в степи между реками Талас и Чу. Жетысу, таким образом, в 50-е годы XIII в. было подчинено великому хану, а Мавераннахр, который не принадлежал уделу Джучи, временно подпал под влияние Джучидов.

В 60-х годах XIII в. единству Монгольской империи был нанесен окончательный удар. После смерти Мункэ в 1259 г. началась междоусобная война, вызванная борьбой за престол между двумя его братьями: Ариг-Бугой и Хубилаем. В 1260 г. оба они одновременно были провозглашены великими ханами.

Оба хана вознамерились подчинить себе Восточный Туркестан, Жетысу и Среднюю Азию. Хубилай отправил своего ставленника Чагатаида Абишку (внука Мутугэна) с тем, чтобы он взял власть в улусе Чагатая, однако по дороге Абишка был схвачен воинами Ариг-Буги и убит. Ариг-Буга, в свою очередь, отправил на запад Алгуя, внука Чагатая, выдав ему «ярлык быть государем Чагатаева улуса и охранять те рубежи от войска Кубилай-каана и войска дома [Чагатая]»[7].

Алгуй в короткое время подчинил своей власти все бывшие владения своего деда. Отвоевав у Джучида Берке-хана Отрар, он захватил также входивший ранее в Золотую Орду Хорезм и северную часть Афганистана. Сначала он действовал от имени Ариг-Буги, потом отделился от него. Ариг-Буга в 1264 г. был разбит Хубилаем, который был провозглашен ханом империи. Западные улусы не подчинялись ему: Хулагу в Иране, Берке во владениях Джучидов, Алгуй и затем Хайду в улусе Чагатая были, по существу, независимыми правителями[8].

После смерти Алгуя политическая обстановка в Чагатайском улусе снова обострилась. В результате усобиц власть перешла от Чагатаидов к потомку Угэдэя, его внуку Хайду, поддержанному Берке-ханом.

Чагатаидское государство. При Хайду государство чингизидов в Средней Азии получило окончательное оформление[9]. Весной 1269 г. на берегу Таласа

состоялся курултай, на котором было провозглашено государство под владычеством Хайду (1269–1301), независимое от владений великого хана. Пределы нового государства то расширялись, то сужались в зависимости от военных успехов или неудач. В него входили южноказахстанские земли по Сырдарье, включая оазисы Дженда и Узгенда, и Жетысу. В Восточном Туркестане часть территории, принадлежавшей ранее Чагатаидам, перешла во владение Хубилая. Судя по тому, что Чапар, старший сын Хайду и его преемник на среднеазиатском престоле, был провозглашен ханом на Эмиле – во владениях своих предков, границы между улусами потомков Угэдэя и Чагатая не были четко установлены.

В начале XIV в. роль династии Чагатаидов в Средней Азии и Жетысу восстановилась. Вскоре после смерти Хайду, около 1306–1307 гг., власть в государстве перешла к сыну Барак-хана, правнука Чагатая, Туве (Дуве), который, по оценке В. В. Бартольда, являлся «подлинным основателем чагатайской державы»[10]

Среди монгольских феодалов еще при Чингиз-хане наметились два противоположных политических направления. Первое стояло за сохранение завоевателями кочевого быта и степных патриархальных традиций, за беспощадное, хищническое ограбление населения покоренных стран, вплоть до его истребления и превращения завоеванных территорий в пастбища. Представители второго направления ставили своей целью создать государство с сильной ханской властью, с опорой на местную феодальную верхушку, на традиции завоеванных оседло-земледельческих стран. Наиболее упорными проводниками первого направления были Чингиз-хан, а из его потомков – Чагатай и Гуюк (1246–1248), их поддерживали правители улуса Чагатая, Оркынахатун, Барак-хан и др.

Ханы Угэдэй (1228/29–1241), Мункэ (1251–1259) и улусный хан Джучи были приверженцами сильной центральной власти и некоторого урегулирования отношений с покоренными народами. Суть спора представителей названных двух направлений касалась, таким образом, вопроса о методах эксплуатации населения завоеванных территорий, а также «вопроса о слиянии с феодальной верхушкой покоренных стран, о принятии их феодальной государственности, идеологии и культурных традиций»[11].

Экономическая разруха, развал Монгольской империи и, в частности, государства Чагатаидов все более диктовали неизбежность выбора второго метода. В XIV в. в деятельности ханов улуса Чагатая определился поворот в сторону централизации и сближения с населением Мавераннахра. Наиболее заметный шаг в этом отношении был сделан сыном Тувы Кебек-ханом (1318–1326). Порвав с кочевыми обычаями, он переселился из долины Или в Мавераннахр, содействовал восстановлению некоторых городов. Им была проведена денежная реформа, ему приписывают также административную реформу, существенно изменившую систему управления улусом.

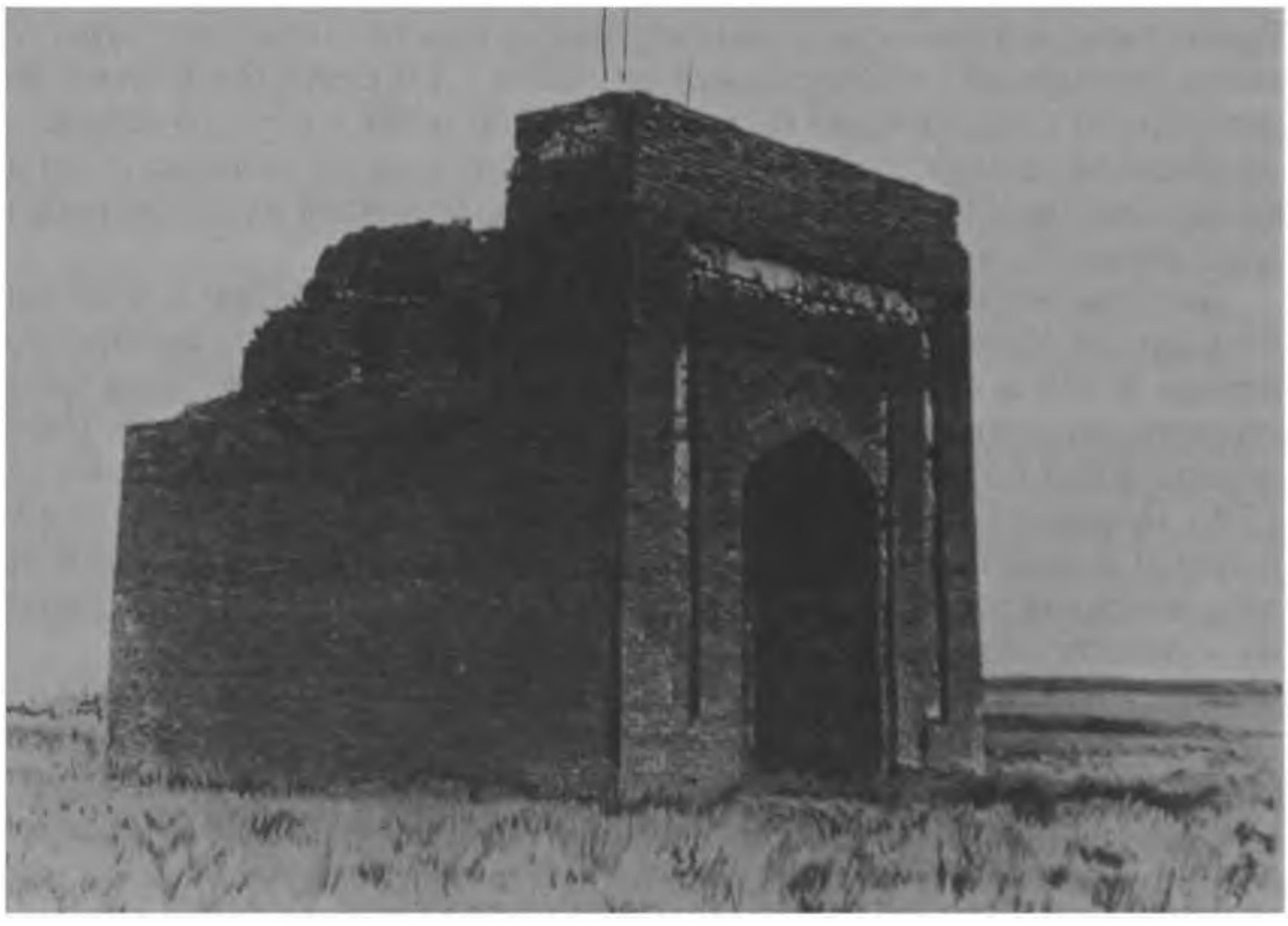
Преемник Кебек-хана, его брат Тармаширин (1326–1334), продолжил централизаторскую политику. Он, как и Кебек, жил в Мавераннахре, принял имя Ала ад-дина и сделал ислам официальной религией Чагатаидского государства[12]. Однако борьба сторонников указанных выше направлений продолжалась. Принятие ислама и пренебрежение кочевыми обычаями вызвало у военно-кочевой знати недовольство, вылившееся в открытое восстание. Тармаширин был убит. Возобновились феодальные смуты, продолжавшиеся более десяти лет.

В 1346 г. в борьбе с кочевыми феодалами погиб продолжатель линии Кебека – Тармаширина хан Казан. В конце 50-х годов XIV в. западная часть государства Чагатаидов распалась на полтора десятка владений во главе с представителями тюрко-монгольской военно-кочевой знати и местных феодалов. В долине Кашкадарьи усилились барласы, в районе Ходженда – джалаиры, в Северном Афганистане – арлаты, в верховьях Амударьи – каучины; глава каждого из этих родов был самостоятельным правителем в своей области[13]. Кроме того, еще в 1346 г. от Чагатаидского государства отделились северо-восточные территории, получившие название Могулистан.

Улус Джучи. Казахстан в составе Золотой Орды. Старший сын Чингизхана Джучи стремился сделать свой улус независимым государством, и только его смерть зимой 1227 г. помешала войне между ним и отцом. Преемником Джучи стал его сын Батый. Кровавые походы Батыя на Русь и другие земли к западу от Волги превратили улус Джучи в обширное государство с центром на Нижней Волге, простиравшееся от Алтая до Дуная. За этим государством в исторической литературе утвердилось название Золотая Орда[14]. Столицей Золотой Орды был Сарай-Бату (около совр. Астрахани), позже столица была перенесена в Сарай-Берке (выше Сарай-Бату по Волге).

Понятие «Золотая Орда» неоднозначно: в одном случае под Золотой Ордой понимались личные владения Батыя и его преемника Берке, т.е. Поволжье и Северный Кавказ, в другом – улус Джучи в целом.

Батый (1227–1255) пользовался большим авторитетом и фактически делил обладание империей с великим ханом Мункэ, возведенным на престол при его поддержке. Однако ни Батый, ни его преемники на золотоордынском престоле не были правителями единого государства. Улус Джучи распадался на уделы – улусы его многочисленных сыновей. В Золотой Орде, в свою оче-

Мавзолей Джучи-хана (XIV в.). Центральный Казахстан

редь, складывалась улусная система. По преданию, приведенному у Абулгази (XVII в.) без ссылки на источник, Батый после возвращения из семилетнего похода в «северные страны» – Восточную Европу (1236–1242 гг.) – сказал своему брату Орда-Еджену: «В этом походе ты содействовал окончанию нашего дела, поэтому тебе отдается народ, состоящий из десяти тысяч семейств»[15], в другом переводе добавлено: «в том месте, где жил отец твой»[16], т.е. в верховьях Иртыша[17]. Подчиняясь обычаям, Батый жаловал уделы и другим своим братьям.

Правители улуса Орда-Еджена фактически были независимыми и не ездили на курултай к золотоордынским ханам, хотя номинально признавали себя их подданными. «С самого начала не бывало случая, – пишет Рашид ад-дин, – чтобы кто-либо из рода Орды, занимавший его место, поехал к ханам рода Бату, так как они отдалены друг от друга, а также являются независимыми государями своего улуса. Но у них было такое обыкновение, чтобы своим государем и правителем считать того, кто является заместителем Бату, и имена их они пишут вверху своих ярлыков»[18]. В улус Орда-Еджена входили земли северо-восточной части Жетысу, обширный район бассейна Иртыша, степи до Улутау и Каратау. Территория улуса постепенно расширялась. Уже во второй половине XIII в. место пребывания внука Орда-Еджена – Коничи зафиксировано в источнике в пределах Дженда и Узгенда на Средней Сырдарье, куда переместился политический центр улуса[19].

Фактически с середины XIII в. улус Орда-Еджена стал самостоятельным государством, получившим в восточных источниках наименование Ак-Орда. Его правители были наделены титулом хана, с ними считались не только хан Батый и его преемники, но и верховные ханы всей империи. Правда, нередко ханы Золотой Орды выдавали претендентам на трон в Ак-Орде ярлык на правление, но этим дело и ограничивалось, а реальное вмешательство в дела государства не имело места. Ханы Ак-Орды на рубеже XIII-XIV вв. поддерживали дипломатические связи с Хулагуидами, обменивались посольствами, хотя Золотая Орда находилась в постоянных враждебных отношениях с правителями Ирана[20].

К западу от улуса Орда-Еджена лежали владения Шайбана. О выделении улуса Шайбана сообщает Махмуд ибн Вали: «...Шайбан-хан, сын Джучи-хана, сына Чингиз-хана, в семилетнем походе при завоевании стран асов, русов, черкесов и булгар проявил старание и получил от брата Бату-хана в качестве вознаграждения четыре омака»[21]. В «Зубдат аль-асар» даны названия этих «омаков» – племен: кошчи, найман, буйрак и карлук[22]. О территории удела Шайбана сообщает Абулгази: «Шайбан кочевал летом на обширном пространстве между предгорьями Урала и реками Тобол, Яик, Иргиз, а зимой – в бассейне Аральского моря, по рекам Чуйсу, Сарысу и в низовьях Сырдарьи»[23]

История Золотой Орды второй половины XIII – начала XIV в. заполнена беспрерывными войнами с русскими княжествами (только в последней четверти XIII в. монголы совершили 15 походов на Русь)[24], с Хулагуидами Ирана, у которых Берке (1257–1266) и его преемники пытались оспаривать право на Азербайджан и другие земли Южного Прикаспия. При Менгу-Тимуре (1266–1280) Золотая Орда окончательно обособилась от центра Монгольской империи, он впервые стал чеканить монеты от своего имени, поддержал Хайду в его борьбе с великим ханом за укрепление власти Чагатаидов в Средней Азии и Жетысу.

При Узбек-хане (1312–1342) и его сыне Жаныбеке (1342–1357) Золотая Орда добилась своего наибольшего могущества. Узбек-хан стремился вернуть потомков Орда-Еджена к прежней вассальной зависимости, в Сыгнаке он посадил ханом своего сына Тыныбека, который, однако, был вскоре убит, и власть вновь перешла к потомкам Орда-Еджена.

2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Монгольское завоевание хотя и не изменило в целом социально-экономического строя народностей покоренных стран, но внесло существенные изменения в их общественно-политическую жизнь и быт. Духовенство, купцы, крупные феодалы в оседло-земледельческих областях и кочевая знать тюрков превратились в опору монгольских ханов и феодалов, а трудящиеся попали под двойной экономический и политический гнет.

Монгольская империя считалась собственностью ханского рода Чингизидов, совместно владеющего ею как своей вотчиной. «Хотя по видимости правление и страна вверены одному лицу, наделенному ханским достоинством, — писал Джувейни, – в действительности все потомки и дядья по отцу сообща владеют землей и общественным богатством»[25]

Главой Чингизидов был великий хан, являвшийся верховным властителем державы. Он носил титул «каан» («каган», «хакан»), который был единственным атрибутом его верховной власти[26]. Права великого хана как главы государства заключали в себе военную, законодательную и административную власть. Идея единства верховной власти в первые десятилетия существования империи нашла отражение в монетной чеканке. Монеты, выпускавшиеся в городах разных улусов, в том числе и среднеазиатские, как правило, были анонимны, значительно реже на них помещались имя или личная тамга великого хана. Судя по тому, что иноземные послы, посещавшие Золотую Орду, отсылались в Каракорум, великому хану принадлежало право ведения переговоров с иностранными государями.

Дирхемы Тараза и Кенджде (последняя четверть XIII – начало XIV вв.). Увеличено в 1,5 раза

Курултай. Большую роль в политической жизни Монгольской империи играл курултай (хурилтай, хурилта) – общеимперское собрание Чингизидов и монгольской кочевой знати.

Формально курултай являлся высшим органом верховной власти, на ку-

рултае решались вопросы, связанные с крупными военными предприятиями, вопросы внутренней политики, распределения областей между Чингизидами. На курултае происходил акт провозглашения хана и торжественного его восшествия на престол. Курултай созывался главой империи, улуса или старшим членом царствующего рода. Время его созыва определялось заранее и оповещалось по улусам через гонцов. В назначенный срок (обычно весной) и в определенное место (обычно на берегу реки) со всех концов империи съезжались «царевичи, зятья, царевны, нойоны-темники и тысячники ...являлись туда и покорные им цари и султаны с большими дарами и приношениями»[27].

Курултай являлся, по сути, собранием Чингизидов, военачальников и деятелей гражданской администрации для принятия к сведению и исполнению заранее принятых решений кагана и его ближайшего окружения, и он не ограничивал власть повелителя империи. После смерти Мункэ-кагана в 1259 г. общемонгольские курултаи не созывались.

Съезды Чингизидов и военно-кочевой знати собирались также и в улусах. Согласно Ибн Баттуте, в улусе Чагатая такое собрание носило тюркское название «той» (пир, пиршество, праздник) и созывалось ежегодно. Отказ хана созвать «той» (курултай) считался нарушением установившегося обычая и мог служить основанием для оправдания восстания против него. На «той», по словам Ибн Баттуты, съезжались потомки Чингиз-хана, военачальники, правители областей и знатные женщины.

Одной из целей улусных курултаев было предупреждение усобиц (Таласский курултай 1269 г., курултай 1309 г.). Однако феодальные распри между Чингизидами не прекращались, и поведение каждого из царевичей определялось на деле не решением курултая, а его военной мощью.

Яса. Образование Монгольского государства в начале XIII в. вызвало необходимость выработки общих, закрепленных письменно правовых норм и законодательных уложений для управления государством. Для этой цели было приспособлено обычное право, подвергшееся кодификации и изменениям, отвечавшим новым условиям. Свод законов и установлений получил название «Великая Яса» Чингиз-хана[28].

Яса (более полная форма ясак, монг. — дзасак) означает «постановление», «закон». По словам Джувейни, законы и постановления Чингиз-хана были написаны на свитках («тумар») и хранились у наиболее авторитетных царевичей — знатоков Ясы[29]. Яса не сохранилась в подлиннике и известна лишь в отрывках и сокращенных изложениях. Наиболее подробные сведения о постановлениях Ясы даны у Джувейни и у арабского писателя XV в. Макризи (издано в переводе И. Березина)[30]. Продолжительное время Яса оставалась для монгольских государей высшим авторитетом[31]. Члены ханского рода, отступившие от Ясы, строго наказывались в соответствии с изречениями Чингиз-хана, называвшимися тюркским словом «билик» (знание).

Созданная Чингиз-ханом система права отвечала запросам и потребностям феодализирующегося монгольского общества. В ней законодательным путем были закреплены лишь те из прежних норм обычного права, которые соответствовали интересам феодально-кочевой знати, а также вновь созданные.

Яса Чингиз-хана регламентировала лишь нормы кочевой жизни. В большинстве покоренных монголами стран, в частности, в Средней Азии, где издревле существовала своя правовая традиция, подчинить население новому

праву было чрезвычайно трудно. Правовая система монголов, выработанная на основе обычного права кочевников и преимущественно для кочевников, в иных условиях оказывалась крайне неудобной. Многие стороны социально-бытовой и общественной жизни, в частности юга и юго-востока Казахстана, оставались вовсе не регламентированными Ясой, а отдельные ее положения вступали в противоречие с мусульманским религиозным правом и обычаями местного населения. На этой почве возникали столкновения между блюстителями Ясы и местным населением, оборачивавшиеся, как правило, трагедией для последнего.

Однако с течением времени Чингизиды и военно-кочевая знать все больше воспринимали традиции мусульманской культуры и государственности и все менее следовали в своей жизни предписаниям Ясы. По словам Хамдаллаха Казвини, «у монголов нет обычая обитать в городах, и это противно Ясаку Чингиз-хана»[32]. Между тем именно это требование наиболее часто нарушалось самими Чингизидами, как в улусе Джучи, так и в улусе Чагатая.

Государственно-административное устройство улусов. Как говорилось выше, Монгольская империя считалась владением всего ханского рода. Каждый представитель правящего дома получал определенное число ремесленников и земледельческий район из общей территории империи, доходы с которых служили для удовлетворения потребностей двора и войска. При этом Чингизиды должны были жить со своими улусными людьми в отведенных им юртах – территориях для летних и зимних кочевий. Они не могли вмешиваться в управление оседлыми областями и собирание податей с населения, эта обязанность возлагалась на особое лицо, назначаемое великим ханом, а затем местным правителем.

Высшее сословие в государствах, образованных монголами, составляла тюрко-монгольская кочевая знать во главе с Чингизидами. Военная власть первоначально была отделена от гражданской власти, которая в улусах находилась, как правило, в руках представителей местной знати. Как при Чингиз-хане, так и при его преемниках, монголы пользовались услугами образованных иноплеменников в качестве чиновников. Делопроизводство государственных канцелярий, даже после принятия ханами Золотой Орды и Чагатайского улуса ислама, в значительной степени функционировало на тюркском, точнее средневековом уйгурском письме[33].

Гражданское управление оседлыми областями улуса Чагатая было поручено мусульманскому купцу Махмуду Ялавачу, уроженцу Хорезма. Несмотря на все перевороты, происходившие в собственно Монголии и улусе Чагатая, семейство Махмуда Ялавача сумело сохранить в своих руках гражданское управление оседлыми областями Средней Азии до начала XIV в. При Масуд-беке, сыне Махмуда, в государстве Чагатаидов были осуществлены меры по упорядочению денежного хозяйства[34].

В Жетысу Чингизиды до начала XIV в. оставались предводителями кочевников и не вмешивались непосредственно во внутреннее управление Мавераннахром.

В отдельных областях и городах (Бухара, Отрар, Шаш, Ходженд, Фергана, Алмалык и др.) во главе гражданского управления стояли местные правители из тюркских династий домонгольского происхождения, носившие арабский титул «малик»[35]. Наряду с маликами в покоренных городах сидели монгольские даруги (даругачи). В первое время после завоевания даруги представляли

военную власть победителей на местах, впоследствии на них были возложены такие обязанности, как проведение переписей населения, регулярно проводившихся в фискальных целях, набор войска, устройство почтовых сообщений, сбор податей и доставка ко двору дани[36]. Такой порядок управления в основе своей сохранился до начала XIV в.

В XIV в. в государственно-политической жизни Чагатаидского государства произошли значительные перемены. Приписываемыми Кебек-хану реформами, направленными на политическую централизацию государства, были упразднены автономные права местных маликов, страна была разделена на мелкие административные единицы — туманы, во главе которых стали представители тюрко-монгольской кочевой знати[37].

В результате денежной реформы, проведенной в 1321 г. с учетом состояния денежного хозяйства в государстве, а также опыта организации денежных систем в хулагуидском Иране и Золотой Орде, была введена новая общегосударственная серебряная монета – динар «кебеки», чеканившаяся от имени правящего Чагатаида[38]. Однако феодальные распри, ослабление ханской власти свели последствия реформ Кебек-хана почти на нет. Фактически управление страной находилось в руках местных властей, с той лишь разницей, что прежних правителей заменили в системе административного управления предводители кочевых тюрко-монгольских племен.

В Золотой Орде сохранились основные начала государственного строя улуса Джучи. Государство потомков Джучи по политическому устройству представляло собой типичное кочевое государство, разделенное на улусы, дробившиеся, в свою очередь, на более мелкие уделы – владения.

В системе внутреннего управления Золотой Орды важное место занимал административно-чиновничий аппарат, представленный служилыми людьми, а также военно-кочевой знатью[39], среди которых наиболее заметна была роль выходцев из тюркских народов — кыпчаков, средневековых уйгуров, волжских булгар. Для непосредственного руководства армией и внутренними делами государства были учреждены особые должности, и хан из потомков Джучи обычно, «не входя в подробности обстоятельств», «довольствовался тем, что ему доносили, но не доискивался частностей относительно взимания и расходования»[40]. Всеми военными делами от имени хана заведовал беклар-бек, а главой гражданской власти являлся везир.

Беклар-бек как представитель военной власти стоял по рангу выше «советника царей и султанов» – везира; он ведал также дипломатическими сношениями с другими государствами и, возможно, в качестве главного эмира сосредоточивал в своих руках высшую судебную власть при решении гражданских дел[41]. Беклар-бек входил в состав четырех главных улусных эмиров, возглавлявших административно-территориальные единицы. Везир был главой исполнительной власти центрального правительства, советником хана в делах гражданского управления государством. Согласно аль-Омари, везир отдавал приказания наместникам и, как «настоящий султан, единовластно распоряжался денежной частью, управлением и смещением даже в самых важных делах (точно так), как беклар-бек распоряжается единолично в деле войсковом»[42]

Важное место в системе управления золотоордынским государством занимали даруги и баскаки. Даруги занимались, главным образом, сбором подати, баскаки осуществляли военный контроль над коренным населением,

выполняя и функции управления. В отдельных местностях они выступали и как откупщики налогов.

Центральный орган исполнительной власти – диван – имел в своем подчинении финансовое, налоговое и другие ведомства, в диване были секретари, которые назывались битикчи.

Появление чиновничьего аппарата, приобщение военно-кочевой знати к государственным и административным делам содействовали оттеснению некоторых потерявших свое значение в новых условиях кочевнических обычаев и традиций, но не изменили в целом военно-кочевого характера золотоордынского государства, соответствовавшего все более укреплявшимся феодальным отношениям.

Золотоордынские правители, захватившие огромные территории, не имели опыта управления в областях земледельческой и городской культуры. Поэтому ханы Золотой Орды с самого начала вынуждены были создавать огромный чиновничий аппарат из грамотных и подготовленных людей, которыми в их владениях были в основном мусульмане (хорезмийцы, иранцы, тюрки-булгары, кыпчаки, карлуки, канглы) или буддисты (средневековые уйгуры, тибетцы, китайцы). Основную часть подданных Золотой Орды составляли тюркские народы, покоренные монголами кыпчаки-половцы Казахстана, Поволжья и Причерноморья, жители Хорезма и Волжской Булгарии и обитатели русских княжеств, среди которых преобладали восточные славяне и частично ассимилированные ими угро-финны. Сами монголы, из которых состояли знать и немногочисленные элитные войска, довольно быстро подпали под влияние своих более культурных подданных, восприняв уже к концу XIII в. их тюркский язык, а затем и религию ислам.

Историки до сих пор расходятся в оценке роли Золотой Орды в истории и даже в определении ее названия. До недавнего времени в отечественной историографии бытовало негативное отношение к Золотой Орде, к ее роли в истории. Хотя были и другие мнения, в частности, такого крупного востоковеда, как В. В. Бартольд. Более того, разные наблюдатели отмечали возникновение гораздо большей, чем до монгольских завоеваний, политической устойчивости во всей Евразии – от Восточной Европы до Китая[13]. Известны религиозные искания правящей золотоордынской элиты, проявлявшей терпимость к конфессиям покоренных народов. Религиозную терпимость ханы Золотой Орды проявляли и после своего обращения в ислам.

Золотая Орда не оставалась неизменной, многое заимствуя у мусульманского Востока: ремесла, архитектуру, бани, изразцы, орнаментальный декор, расписную посуду, персидские стихи, арабскую геометрию и астролябию, нравы и вкусы, более изощренные, чем у простых кочевников. «Ордынская культура приобрела определенный мусульманско-средиземноморский отпечаток», считает известный западный востоковед К. Босворт, чему способствовали широкие и тесные связи Золотой Орды с Анатолией, Сирией и Египтом во 2-й половине XIII в. и I-й половине XIV в.

Сарай – столицу Золотой Орды и другие ее города населяли представители многих народов. Здесь сталкивались разные религии и культуры, при золотоордынском дворе устраивались диспуты между миссионерами разных вероисповеданий, активными участниками которых были приверженцы Мухаммеда, Христа, Будды. Искусные умельцы-ремесленники, угнанные ордынцами в плен из завоеванных стран, принимали участие в строительстве зо-

лотоордынских городов и создании синкретической культуры Золотой Орды.

Характерно, что вплоть до конца XVII в. правители Казахского ханства и московские великие князья и цари, чьи государства возникли на руинах Золотой Орды, вели официальную переписку с мусульманскими государями в золотоордынских протокольных традициях, что свидетельствовало об органичном, привычном использовании ими ордынской символики, не воспринимавшейся как нечто чуждое[44].

Наследие империи Чингиз-хана в целом, а Золотой Орды и Чагатайского улуса в частности, проявилось и в Казахском ханстве XVI–XVIII вв., а также в тюркских государствах Средней Азии, Сибири. Поволжья, Северного Кавказа, Крыма этого периода. В частности, это нашло отражение в общественно-политическом устройстве казахского общества, где высшее сословие султанов составляли потомки Чингиз-хана по мужской линии – Чингизиды, имевшие монопольное право на ханский престол. При этом сфера действия этого права Чингизидов не зависела от существовавших этнических и государственных границ: каждый Чингизид мог претендовать на ханский титул в любом месте, где сохранялись в какой-то мере традиции империи Чингиз-хана. Поэтому казахские Чингизиды оказывались то в роли падишаха каракалпаков и кыргызов, то в роли ханов Бухары и Хивы.Политическая по своему содержанию и характеру власть Чингизидов, основанная лишь на «генеалогическом праве», не имела, видимо, национального значения.

Некоторые традиционные нормы народного обычая, вошедшие в свое время в состав Ясы Чингиз-хана – свода монгольских законов – и не потерявшие смысла в условиях казахского общества XVII в., возможно, стали частью законодательного памятника казахов «Жеты-Жаргы» («Семь установлений», «Уложение» или «Законы» хана Тауке).

Казахская государственность, несомненно, развилась на собственной основе и явилась плодом возрожденных традиций древнетюркской государственности[45]. Золотая Орда – наглядное тому подтверждение. Можно говорить о неоднозначности воздействия Золотой Орды на ход истории, в первую очередь истории Казахстана и России, многообразии, противоречивости и протяженности во времени ордынских влияний, породившие, в свою очередь, споры в отечественной и мировой историографии о значении периода Золотой Орды для истории указанных стран[46].

3. ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАВОЕВАНИЙ

Нашествие Чингиз-хана отрицательно сказалось на экономическом, политическом, социальном, этническом и культурном развитии многих народов.[47] Монгольское завоевание сопровождалось разрушением производительных сил, массовым истреблением людей, многие города были преданы огню, уничтожались материальные и культурные ценности, десятки тысяч искусных мастеров и ремесленников угонялись в рабство. Арабский историк Ибн аль-Асир писал о монгольском завоевании как об «огромном несчастии, которому подобного не производили дни и ночи, и которое охватило все создания..., летописи не содержат ничего сколько-нибудь сходного и подходящего»[48].

Разрушение городов. Чтобы подавить сопротивление местного населения, Чингиз-хан применял методы массового насилия, опустошения целых райо-

нов. Первыми жертвами этих методов стали присырдарьинские города и селения Южного Казахстана, лежавшие на пути Чингиз-хана в Среднюю Азию. Огнем и мечом расчищали себе путь монгольские войска. Арабские и персидские источники приводят наименования почти трех десятков городов разных стран, население которых было вырезано монголами почти полностью[49], в их числе три южноказахстанских города – Отрар, Сыгнак и Ашнас.

Шестимесячное сопротивление жителей Отрара и его гарнизона было жестоко отмщено – монголы разграбили город, разрушили цитадель и крепостные стены, вырезали большую часть оставшихся в живых горожан. Лишь небольшая часть жителей Отрара, из тех, «которые избежали меча», была взята в плен и угнана под Самарканд для использования при осаде города. Захватив после семидневного непрерывного штурма Сыгнак, захватчики полностью истребили его население[50]. Такая же участь постигла население Ашнаса в низовьях Сырдарьи. В других городах этого района – Дженде, Узгенде и Барчынлыгкенте – такого массового истребления населения не было, но и эти города были отданы на разграбление монгольским войскам[51]. Пострадало население и других оседло-земледельческих центров Южного Казахстана. Об этом свидетельствуют наблюдения Плано Карпини, посла папы Иннокентия IV к хану Гуюку, проезжавшего в 1245-1247 гг. через Южный и Юго-Восточный Казахстан. В частности, в районе Сырдарьи он и его спутники нашли бесчисленные истребленные города, разрушенные крепости и много опустошенных селений[52]. Пострадало от нашествия население не только городов и сельской округи, но и кочевых и полукочевых районов. Тот же Плано Карпини отметил: «Мы въехали в землю кангитов ...В этой земле, а также в Комании мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащие на земле подобно навозу... Эти люди, как команы, так и кангиты, не обрабатывали землю, а питались только скотом, они не строили также домов, а помещались в шатрах. Их также истребили татары и живут в их земле, а те, кто остался, обращены ими в рабство»[53]. Такова была участь населения, боровшегося против монгольских завоевателей.

Упадок хозяйства в Жетысу. Тяжкие последствия установления господства монгольских феодалов сильно сказались и на Жетысу, хотя его земли были захвачены почти без боя. Население этого субрегиона, разоренного непрерывными войнами еще до нашествия Чингиз-хана, не смогло оказать сопротивления завоевателям. Непосредственного уничтожения городов поэтому в момент нашествия, очевидно, не предпринималось. Однако письменные источники и археологические свидетельства фиксируют значительное разрушение в Жетысу городской и оседло-земледельческой культуры и превращение освоенных под пашни земель в пастбища уже в первые десятилетия после утверждения монгольского господства в крае.

Рубрук, посол французского короля Людовика IX к монгольскому хану Мункэ, проезжавший через территорию Казахстана всего лишь немногим более трех десятков лет спустя после монгольского нашествия, в 1253-1255 гг., одним из первых оставил свидетельства о разрушении земледельческой культуры, об исчезновении городов Жетысу, в частности Илийской долины. Вот что он писал: «Мы въехали на очень красивую равнину, имеющую справа высокие горы, а слева некое море или озеро, тянущееся на 25 дней пути в окружности. И эта равнина вся прекрасно орошена стекающими с гор водами, которые все впадают в упомянутое море. Летом мы возвращались с север-

ного бока этого моря (т.е. Балхаша – Ред.), где равным образом были горы. На вышеупомянутой равнине прежде находилось много городов, но по большей части они были разрушены татарами [монголами], чтобы иметь возможность пасти там свои стада, так как там были наилучшие пастбища»[54]

Некогда цветущая, густонаселенная территория юго-востока Казахстана с развитой городской культурой и оседло-земледельческим и скотоводческим хозяйством быстро теряла свое былое экономическое, политическое и культурное значение. Причин этому было несколько.

В силу своего географического положения Юго-Восточный Казахстан оказался важным стратегическим узлом для монгольских завоевателей. Этот район стал центром трех наиболее крупных монгольских улусов, возникших на захваченных землях, а его территория оказалась разорванной на части между этими улусами: к улусу Джучи отошла часть Жетысу, прилегавшая к Балхашу; долина р. Или, Чу-Таласское междуречье вместе с южно-казахстанскими земледельческими оазисами вошли в состав улуса Чагатая; северо-восточная часть Жетысу составила важную, хотя и окраинную часть улуса Угэдэя, ставка которого располагалась в районе Тарбагатая.

Главные ставки Джучи и Чагатая с их многолюдными «орду», т.е. двором, свитой, с многочисленными войсками также находились в Жетысу. В течение нескольких десятилетий сюда стекались массы монголов-кочевников, утверждавших «приоритеты кочевого скотоводства» на завоеванных землях[55]. Инфильтрация больших масс кочевников в Жетысу после образования улусов вызвала резкое сокращение посевных, обрабатываемых площадей, усилила кочевой скотоводческий сектор экономики за счет оседлого. Разрушение селений, потравы скотом посевов, уничтожение садов, ирригационных систем, истребление и рассеивание оседло-земледельческого населения, сужение экономических связей с Южным Казахстаном, – все это подрывало экономическую основу существования городов в Жетысу. Земледелие было вытеснено кочевым скотоводством, без земледелия пришли в упадок города[56].

Нестабильная политическая обстановка в монгольских улусах, особенно в Чагатайском, также способствовала упадку хозяйства в Юго-Восточном Казахстане. Завоеватели не смогли установить ни твердой власти, ни законности, ни прочного мира. В Чагатайском улусе, причем главным образом на территории Жетысу, шли бесконечные войны между претендентами на власть хана не только из числа Чагатаидов, но и Джучидов и потомков Угэдэя. Рашид ад-дин отмечал, что в 60-х годах XIII в. воины Ариг-Буги до такой степени притесняли народ, что в Илийской долине наступил голод, от которого погибло много народа[57]. После образования на территории Чагатайского улуса независимого от великого хана государства Хайду в 1269 г., само появление которого означало восстановление известного влияния местной феодальной верхушки, были предприняты попытки (на курултае, состоявшемся на Таласе) оградить местное оседло-земледельческое население от дальнейшего разорения, но они оказались безрезультатными[58]. Махмуд ибн Вали писал об этих междоусобных войнах: «В то время... много людей погибло, области были опустошены, владения (икта) были превращены в мираж, а земля на пашнях иссохла. Нигде никакое важное дело не продвигалось вперед и не завершалось. Кроме того, в [междоусобных] битвах и сражениях обе враждующие стороны потеряли много воинов; верховые и вьючные животные обессилели

и изнемогли. Казна у тех и других [потомков Хайду и Дувы] опустела, города и строения разрушены, а люди покинули их и превратились в бродяг»[59]

К середине XIV в. Юго-Восточный Казахстан с его древней городской и оседло-земледельческой культурой превратился (за исключением юго-западных районов) в регион преимущественно кочевого и полукочевого скотоводства. Свидетельство очевидца, арабского географа первой половины XIV в. Аль-Омари, достаточно красноречиво говорит об этом: «В Туркестане теперь можно найти только развалины, более или менее сохранившиеся. Издали видишь хорошо построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей зеленью. Приближаешься к нему в надежде встретить жителей, но находишь дома совершенно пустыми. Все жители страны – кочевники и нисколько не занимаются земледелием»[60]. Мирза Мухаммад Хайдар Дуглат позднее отмечал, что на огромных просторах Могулистана не сохранилось ни одного сколько-нибудь значительного города или селения, что все сведения о ранее существовавших здесь городах можно было получить в его время только из книг или преданий, а местоположение того или иного города уже не было никому известно[61].

Значительным городом в бассейне р. Или до монгольского нашествия являлся город Алмату (Алматы), расположенный на месте современного Алматы у подножия Заилийского Алатау.[62] В сочинении Захир ад-дина Бабура говорится: «...Что же касается севера (т.е. на север от Ферганы – Ред.), то хотя прежде с этой стороны и существовали города, как например, Алмалык, Алмату и Янги, название которого пишут в книгах Тараз, однако в наши времена они разрушены монголами и узбеками, так что не осталось там никакой оседлости»[63]. В. В. Бартольд предполагает, что Алмату упоминается путешественниками и историками, писавшими до Бабура, под другими названиями[64] Мухаммад Хайдар относит Алмату к одному «из известнейших мест» в крае, имея в виду, очевидно, поселение, оставшееся на месте прежнего города Алмату, о разрушении которого говорит Бабур. Городом уже не называет Алмату и Шараф ад-дин Али Йазди. Этот автор, как и другие тимуридские историографы, описывая события в Жетысу конца XIV в., не упоминает и бывший столичный центр Чагатаидов – Алмалык. К середине XIV в. он также утратил свое значение.

Нет в источниках применительно ко второй половине XIV–XV вв. упоминаний о городах Койлыке, Эквиусе[65] (последний отождествляется В. В. Бартольдом, А. Н. Бернштамом и др. с Илибалыком), лишь указывается, что Вайс-хан в 20-х годах XV в., в период борьбы с калмаками (ойратами), перенес свою ставку «в Илибалык» – возможно в район древнего города, к рубежу XIV–XV вв. уже не существовавшего; в других же сочинениях говорится, что в области Илибалыка «нет ни городов, ни строений, все жители ее – кочевники»[66]. Это подтверждается и сочинениями эпохи Тимуридов – ни одно из них не говорит об этом городе. Не сообщает о нем и Мирза Хайдар. Очевидно, как и другие города Жетысу, Илибалык прекратил свое существование задолго до XV в.

Несколько иначе в XIII–XIV вв., по письменным источникам, нумизматическим данным[67] и археологическим материалам, обстояло дело в юго-западной части Жетысу, хотя и здесь упадок хозяйства был значительным. В этом районе, некогда бывшем центром развитой оседло-земледельческой культуры, где в домонгольское время существовало около 200 населенных пунктов,

в XIII–XIV вв. оставалось не более двух десятков небольших поселений. В частности, из семи поселений в Чуйской долине после XIV в. продолжала функционировать только Аспара[68].

Неоднократно упоминается в источниках, описывающих события XIV в., Янги-Тараз, но чаще не как город, а местность, вилайет[69]. Аль-Омари, написавший свой труд в первой половине XIV в., пояснил, что название Янги относилось к четырем городам: «Йанги – это четыре города. Между каждым из них и другим один фарсах, каждый город имеет свое название. Один Йанги, другой Йанги-Балык, третий Кенджек, последний Тараз»[70]. Это сообщение арабского географа относится, конечно, и к более раннему периоду – к XIII в., так как название Янги («Новый»), по Мухаммаду Хайдару, появляется при монголах[71]. Постепенное затухание жизни в Таразе относится к XIV-XV вв. При Улугбеке в этой местности были расквартированы тимуридские войска, и с населения собирался тагар (подать на содержание войска), но писавшие об этих событиях Мирхонд и Абд ар-Раззак Самарканди не называют Янги (или Янги-Тараз) городом. Уже приводились сведения Захир ад-дина Бабура (начало XVI в.) о том, что Тараз, как и другие города Юго-Восточного Казахстана, разрушен и там «не осталось никакой оседлости». Мухаммад Хайдар, писавший позднее Бабура, повторил его слова: «Йанги, название которого в исторических книгах пишут Тараз» и дополнил их пояснением, показывающим, что уже в XVI в. нельзя было определить точно, где находился Тараз: «Могулы называют Тараз «Йанги». Йанги – известная местность в Могулистане. Много выходцев из этого города – их называют йангилыками – встречается в Мавераннахре. В степях, которые они называют Йанги, встречается много развалин городов; сохранились от них остатки куполов, минаретов, ханака и медресе, но неизвестно, какие из этих развалин был [город] Йанги и как назывались другие города»[72].

Исчез крупнейший древний город в долине Чу Баласагун. Мухаммад Хайдар пишет, что «теперь неизвестно даже место, к которому относится название Баласагун, не ясно, где развалины его»[73]. По мнению В. В. Бартольда, Баласагун был известен еще в начале XIV в., но вскоре разрушен окончательно вместе с другими городами в период междоусобных войн[74].

Последствия гибели городской и оседло-земледельческой культуры на большей части территории Жетысу и Притяньшанья не были преодолены, в отличие от Южного Казахстана, на протяжении почти пяти последующих столетий. Без каких-либо резких природных, климатических изменений этот край превратился в ареал кочевого и полукочевого скотоводства, как будто он вдруг стал зоной сухих степей и полупустынь.

Социальные последствия монгольского завоевания. Именно социально-политические факторы: нашествие монгольских завоевателей, расселение на территории юго-востока Казахстана значительного числа кочевников, установление политического господства аристократии, наконец, постоянные усобицы в монгольских улусах, в особенности в Чагатаидском государстве, во второй половине XIII – первой половине XIV вв. – привели к упадку городской культуры, в корне изменили хозяйственную структуру региона.

Монгольское завоевание отрицательно сказалось не только на состоянии хозяйства, оно задержало и общественное развитие, на первых порах вызвало определенный регресс в социально-экономическом строе завоеванных стран, в том числе и Казахстана. В общественных отношениях закрепились

самые отсталые формы, широко распространился рабовладельческий уклад (в рабов были обращены многие тысячи пленных). Заторможенность процесса социального (феодализационного) развития явилась следствием резкого упадка земледелия и городской культуры, увеличения удельного веса в хозяйстве экстенсивного кочевого скотоводства.

Монголы не внесли особых новшеств в общественные отношения в завоеванных странах земледельческой культуры, в частности, в Средней Азии и Южном Казахстане, где феодализм с развитой системой уделов, условных земельных пожалований господствовал еще при Караханидах. Убедившись со временем в невозможности продолжать ничем не ограниченную эксплуатацию населения покоренных оседло-земледельческих областей, монгольские правители (особенно представители упомянутого выше второго направления) вынуждены были заимствовать у него, как заимствовали они постепенно многое в области организации государства и эксплуатации оседлого населения, и многие формы землевладения и землепользования. Среди них — институт икта, постепенно переросший в сойургал, вакф (земли мусульманского духовенства), мильк (частнособственническая форма землевладения) и другие. Варварские даннические формы эксплуатации постепенно заменялись экономическими, вводилась система урегулированного налогообложения.

В степных скотоводческих районах монгольское завоевание привело к укреплению и консервации раннеклассовых, раннефеодальных отношений. На завоеванные территории была распространена десятичная система административно-военной организации населения, своеобразная система вассалитета. «Каждый нойон, получив в наследственное владение «сотню», «тысячу», «тьму», являлся прежде всего вассалом царевича, владельца одного из улусов-уделов, на которые делилась Монгольская империя, а затем был вассалом монгольского императора, как главы империи и войска монгольского»[75] Кочевое и полукочевое население покоренных стран тоже вошло в улусы Чингизидов и было разделено на десятки, сотни, тысячи, десятки тысяч. Они составляли новые уделы (лены) монгольской аристократии и новые войсковые единицы[76]. Деление было произведено с учетом родоплеменной структуры местного населения, и это явилось немаловажным фактором, способствовавшим закреплению ее на долгое время.

Покоренное население считалось принадлежащим ханскому дому, оно облагалось тяжелыми податями и повинностями. Исключительно обременительной была воинская повинность — в соответствии с упомянутой выше системой десятичной организации население обязано было поставлять ратников для монгольского войска. Трудовое население отрывалось от производительного труда, несло большие расходы на военное снаряжение. Военной службой обязано было и оседлое население (также по принципу: один воин от десяти домов), оно составляло пехоту и использовалось монголами для осады крепостей.

В пользу ханского двора и своих непосредственных господ кочевое скотоводческое население обязано было платить купчур. Этот налог при Мункэхане, пытавшемся как-то регламентировать поборы с разоренного до крайности населения, был установлен в размере 1 головы со 100 голов скота; на практике это соотношение постоянно нарушалось. Купчур был распространен и на оседлых крестьян и горожан и превратился в подушную подать (с

мужчин)[77]. Оседлое население платило также поземельный налог (харадж). Был установлен тагар – сбор для снабжения войск зерном, скотом и пр., «чрезвычайный налог» (авариз) и множество других. Исследователи насчитывают не менее 20 видов установленных монголами податей, взимавшихся повсеместно[78]. Взимание налогов отдавалось на откуп, откупщики беспощадно взыскивали с населения налоги, завышали их установленные нормы, проводили повторные поборы. Система откупов тяжким бременем ложилась на плечи трудящихся.

Тяжелыми были почтовая повинность, связанная с содержанием ямов (почтовых станций), и постойная. Их несли и кочевники, и жители оседло-земледельческих районов. Население было обязано по особым ярлыкам предоставлять проезжающим ханским гонцам (ильчи), чиновникам, купцам транспорт, жилище, продовольствие. На население возлагалась также обязанность снабжать одеждой и продовольствием стоявшие в данной местности монгольские военные отряды. Злоупотребления усиливали тяжесть этих повинностей. Монголы не довольствовались определенными нормами поставки для ямов лошадей, фуража, продовольствия, но и забирали все это, особенно лошадей в кочевьях, без всякого ограничения.

Тяжелый налоговый гнет приводил к массовому разорению населения. Рашид ад-дин писал об этом: «...насилие и вымогательство все увеличивались, и земледельцы, особенно [страдавшие] от множества причитавшихся сборов, повинностей и поборов, дошли до того, что урожая хлебов у них не хватало на удовлетворение половины причитавшихся сборов»[79].

Завоевательная политика Чингиз-хана и монгольских феодалов явилась бедствием не только для покоренных народов, но и для самих монголов. Бесконечные войны не приносили массе монгольских аратов ничего, кроме обнищания из-за дополнительных расходов на сборы в далекий путь, изнурительные тяготы и лишения походной жизни и смерть на чужбине[80]. Войны Чингиз-хана и его преемников привели к упадку производительных сил не только завоеванных стран, но и самой Монголии.

Распределение этнических групп и народов, обитавших издавна на территории Казахстана, и их земель по трем монгольским улусам закрепило давнее их пребывание в рамках разных политических образований, тем самым продлило разобщенность населения в этническом, хозяйственном, культурном плане.

В то же время образование Монгольской империи, затем Золотой Орды и государств Чагатаидов и Угэдэевичей (государство Хайду) дало возможность развития интеграционных процессов в более широком, чем в территориальных рамках одного Казахстана, плане, т.е. в плане взаимодействия и взаимовлияния носителей евразийской степной культуры и оседло-земледельческой культуры покоренных монголами стран. Более того, оно дало возможность широкого общения населения Казахстана с мусульманским Востоком, Европой, Китаем. Монгольские власти стимулировали развитие торговли, международных связей, повсеместно ввели систему почтовой и ямской службы. Были установлены торговые и культурные связи между прежде далекими народами. По территории улусов двигались торговые караваны, дипломатические миссии, путешественники отправлялись в дальние края и привозили в Европу сведения о далеких странах и народах ранее неведомой Азии. Монголы привнесли в степь идею централизованной власти, объединили прежде

неорганизованные племена, ввели в действие степное законодательство, приспособленное к новым условиям. Многие нормы социальной организации и формы государственности были использованы впоследствии в государствах на территории Казахстана в послемонгольское время.

[1] The Ta'rikh-i-Jahan-qusha of Ala'ud-din Ata Malik-i-Juwayni. Ed. with anintroduction, notes and indices from several old MSS by Mirza Muhammad ibn Abdul-Wahhab-i-Qazwini, pt. I, containinq the history of Chinqiz Khan and his successors. Zeyden-Zondon, 1912 (Далее: Джувейни, изд. Казвини, т. I), с. 31; *Рашид ад-дин.* Сборник летописей, т. II. Пер. с перс. Ю. П. Верховского. Под ред. И. П. Петрушевского, М.-Л., 1960, с. 43; *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия, с. 460.

[2] Джувейни, изд. Казвини, т. 1, с. 31.

[3] *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья, с. 60.

[4] *Oliver E. E.* The Chagatai Mughals. // «The Journal of the Royal Asiatievol. Society», XX. London, 1888, p. 77.

[5] Джувейни, изд. Казвини, т. I, с. 31.

[6] *Рашид ад-дин.* Сборник летописей, т. II, с. 96.

[7] *Рашид ад-дин.* Сборник летописей, т. II, с. 97. См. также: *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия, с. 573-576.

[8] *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья, с. 66-67; Он же. Чагатай-хан. Соч., т. II, ч. 2. М., 1964, с. 541. См. также: *Далай Ч.* Борьба за великоханский престол при Хубилае и его преемниках. Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977, с. 326-329.

[9] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия, с. 578.

[10] *Бартольд В. В.* Чагатай-хан, с. 541.

[11] *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII-XIV веков. М.-Л., 1960, с. 51.

[12] *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972, с. 462, *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана. Соч., т. II, ч. 1. М., 1963, с. 264; Он же. Чагатай-хан, с. 543.

[13] *Бартольд В. В.* История Туркестана. Соч., т. II, ч. 1. М., 1963, с. 153–154; Он же. Улугбек и его время. – Соч., т. II, ч. 2. М., 1964, с. 34-35; *Гафуров Б. Г.* Таджики, с. 463.

[14] Термин «Золотая Орда» имеет позднее происхождение. Русские летописцы по отношению к государству, основанному Батыем, употребляют выражения «в татары», «из татар», «к Батыю». В летописных сводах XV-XVI вв. прочно утверждается термин «Орда», заменивший прежние выражения более древних документов. Название «Золотая Орда» в русских источниках зафиксировано впервые лишь в конце XVI в., и первые случаи его употребления связаны с обозначением столицы Батыя – города Сарая. Происхождение понятия «Золотая Орда», по мнению исследователей, связано с ханской ставкой, парадной юртой великого монгольского хана, описания которой содержатся в источниках XIII–XIV вв. (Там [т. е. около Каракорума] разбили такой большой шатер, что в нем помещалась тысяча человек... Скрепы его были золотые, внутренность его была обтянута тканями. Его называли «Золотая ставка [Орда]» (Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. II, с. 41). По свидетельству Плано Карпини, «Золотой Ордой» монголы называли шатер, где происходила церемония коронации великого хана Гуюка (Плано Карпини. История монголов... Перевод А. И. Малеина. СПб., 1911, с. 54).

Позже «Золотой Ордой» стали называться и ставки улусных ханов. Так, например, названа в источнике (Вассаф) ставка-орда Шаха, брата Чапара, которая располагалась в долине Таласа и в 1305 г. подверглась разорению чагатайскими

царевичами. Первоначальное определение ставки ханов улуса Джучи на Нижней Волге, города Сарая как «Золотой Орды» с течением времени стало обозначать государство Джучидов и превратилось из географического понятия в политический термин. См.: *Егоров В. Л.* Государственное и административное устройство Золотой Орды. // «Вопросы истории», 1972. № 2, с. 33-34; *Богатов Г. А.* Золотая Орда. // «Русская речь», 1970, № 1, с. 74-75; *Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи. М., 1992.

[11] Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghazi Behadour Khan. Publiee, traduite et annotee par le Baron Desmaisons, t. I, Texte, St.-Pbg., 1871, p. 181 (Далее: Абулгази).

[12] Родословное древо тюрков. Сочинение Абулгази, хивинского хана. Перевод и предисловие *Г. С. Саблукова.* Казань, 1906, с. 159.

[13] По более раннему источнику (Рашид ад-дину), Орда-Еджен получил удел не из рук Батыя; вместе со своими братьями Удуром, Тука-Тимуром и Шингкумом он владел восточной частью улуса Джучи еще при отце и, напротив, сам способствовал приходу к власти Батыя: «Орда был согласен на воцарение Бату, и на престол на место отца [именно] он его возвел. Из войск Джучи-хана одной половиной ведал он, а другой половиной – Бату» (Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. II, с. 66).

[14] *Рашид ад-дин.* Сборник летописей, т. II, с. 66.

[15] *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья, с. 72.

[20] Там же, с. 67-68. См. также: *Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П.* и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958, с. 187-200.

[21] *Махмуд ибн Вали.* Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар. Рук. ИВ АН Узбекистана, № 1375, л. 115а; Материалы по истории казахских ханств в XV-XVIII веках (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969, с. 347.

[22] *Абдаллах бен Мухаммад бен Али Насраллахи.* Зубдат ал-асар. Рук. Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Д. 104, л. 88 а. 119 б.

[23] Абулгази, с. 101, 173, 181.

[24] *Черепнин Л. В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.). // Татаро-монголы в Азии и Европе, с. 186-206.

[25] *Джувейни*, изд. Казвини, т. I, с. 30-31.

[26] Монгольским правом запрещалось давать монгольским правителям и знати «многообразные цветистые титулы, как то делают другие народы, в особенности мусульмане» *(Вернадский Г. В.* О составе Великой Ясы Чингиз-хана. С приложением главы о Ясе из истории Джувейни в переводе В. Ф. Минорского, Брюссель, 1939, с. 15, 43, 54.

[27] *Патканов К. П.* История монголов по армянским источникам. Вып. I. СПб., 1873, с. 16.

[28] Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Изд. С. А. Козина (введение, перевод, тексты, глоссарии). Т. I, М.-Л., 1941, с. 182; *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия, с. 89.

[29] *Джувейни*, изд. Казвини, т. I, с. 17-18; Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, с. 89.

[30] *Березин И.* Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. СПб., 1863, С. 25-31.

[31] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия, с. 457.

[32] *Хамдаллах Казвини.* Та'рих-и гузиде. Рук. СПб ЛГУ, № 153, л. 472.

[33] *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII-XIV вв. Л., 1978; *Султанов Т. И.* Письма золотоордынских ханов. Тюркологический сборник. М., 1975, С. 234-285; *Усманов М. А.* О тугре в официальных актах и посланиях Джучидов. Бартольдовские чтения. М., 1990, с. 70.

[34] *Гафуров Б. Г.* Таджики, с. 459-461.

[35] *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана, с. 262.

[36] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия, с. 468.

[37] *Гафуров Б. Г.* Таджики, с. 462-463.

[38] *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана, с. 263; *Гафуров Б. Г.* Таджики, с. 461.

[39] *Федоров-Давыдов Г. Е.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

[40] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб, 1884, с. 230 (Далее – СМИЗО, т. I.).

[41] *Егоров В. Л.* Государственное и административное устройство Золотой Орды, с. 38, 39.

[42] СМИЗО, т. I, с. 249.

[43] *Ланда Р. Г.* Ислам в истории России. М., 1995, с. 44-45.

[44] *Босворт К. Э.* Мусульманские династии. М., 1971, с. 191, 203-296; *Трепавлов В. В.* Статус «Белого царя»: Москва и татарские ханства в XV-XVI вв. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1993, с. 306-308; *Бартольд В. В.* Ислам и культура мусульманства. М., 1992, с. 133.

[45] *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан – летопись трех тысячелетий. Алматы, 1992.

[46] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. II. М., 1960, с. 284-288; *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. II. М., 1957, с. 43; Хара-Даван. Чингис-хан как полководец и его наследие. Белград, 1929; *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978, с. 24, 28, 33-34.

[47] *Петрушевский И. П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219-1224 гг. и его последствия. // Татаро-монголы в Азии и Европе, с. 131.

[48] СМИЗО, т. I, с. 2.

[49] *Петрушевский И. П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219-1224 гг. и его последствия, с. 122.

[50] The History of the World-Conqueror by, 'Ala ad-Din 'Ata-Malik Juvaini/ Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, vol. I. Manchester, 1958. p. 62-67.

[51] Ibid., p. 67-80; *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия, с. 482, 483; *Петрушевский И. П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219-1224 гг. и его последствия, с. 124.

[52] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Ред., вступит. статья и прим. Н. П. Шастиной. М., 1957, с. 126.

[53] Там же.

[54] *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. Введ., пер. и примеч. *А. И. Малеина.* СПб., 1911, с. 105; См. также: *Бартольд В. В.* К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане. Соч., т. IV. М., 1966, с. 105.

[55] *Бейшембиев Э. Д., Джунушалиев Д. Д., Мокрынин В. П., Пловских В. М.* Введение в историю кыргызской государственности. Бишкек, 1994, с. 52.

[56] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI века (вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата, 1977, с. 37-38, 130-132.

[57] *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. Т. II, с. 164.

[58] *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана, с. 257, 258; *Он же.* К истории орошения Туркестана. – Соч., т. III. М., 1965, с. 233; *Он же.* Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей. Соч. т. V. М., 1968, с. 464.

[59] *Махмуд ибн Вали.* Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар. Рук. ИВ АН Узбекистана. № 7418, л. 159б.

[60] СМИЗО, т. I, с. 230. Бартольд В. В. История Туркестана, с. 153.

[61] *Мирза Мухаммад Хайдар б.* Мухаммад Хусайн гурган Дуглат. Тарих-и Рашиди. Рук. ИВ АН Узбекистана, № 1430, л. 124б. (Далее: Тарих-и Рашиди); *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893-1894 гг Соч., т. IV. М., 1966, с. 56.

[62] *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. I, Алма-Ата, 1961, с. 396, 399; *Городецкий В. Д.* Остатки древнего поселения к югу от города Алма-Аты (б. Верный). // Икд ал-Джуман. В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927, с. 23; *Макшеев А.* Карта Джунгарии, составленная Ренатом в 1716-1743 гг. ЗИРГО, т. XI. СПб., 1881, с. 606; *Койчубаев Е. К.* Казахские географические названия с формантами ты и сы. //: Топонимика Востока. Исследования и материалы. М., 1969, с. 143-144.

[63] *Захир ад-дин Бабур*. Бабур-наме. Ташкент, 1960, с. 22. В рукописи, по которой выполнен этот перевод, ошибочно дано «Отрар» вместо «Тараз». См.: *Пантусов Н. Н.* Фергана по «Запискам» Султана Бабура. // ЗИРГО, 1880, т. IV, с. 180; *Хасанов Х. Х.* Отрар или Тараз? // Топонимика Востока, с. 161, 162.

[64] *Бартольд В. В.* К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане, с. 106.

[65] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 205-210. *Рашид ад-дин.* Сборник летописей, т. II, с. 19, 64, 138.

[66] *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья, с. 86; *Он же.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893-1894 гг., с. 85, 86.

[67] *Давидович Е. А.* Денежное хозяйство и частичное восстановление торговли в Средней Азии после монгольского нашествия. // Народы Азии и Африки. 1970, № 6, с. 57-67; *Гафуров Б. Г.* Таджики, с. 460.

[68] *Ерзакович Л. Б.* О позднесредневековом городище Аспара. // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 94-96; *Он же.* Некоторые черты оседлой культуры позднего средневековья в Таласской долине. // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 98-106.

[69] Та'рих-и Рашиди. Л. 38а, 45б; *Абд ар-Раззак Самарканди.* Матла' ас-са'даин фи маджма' ал-бахраин, т. I, Лахор, 1360/1941, с. 202; Мирхонд. Раузат ас-сафа, т. VI. Приложние персидского текста. // *Бартольд В. В.* Соч., т. II, ч. 2, с. 182.

[70] *Волин С. Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах. ТИИАЭ АН КазССР, 1960, т. 8, с. 91.

[71] *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893-1894 гг., с. 35-36; *Он же.* Тараз. Соч., т. III, с. 495-496; Он же. История Туркестана, с. 153.

[72] Та'рих-и Рашиди, л. 124а.

[73] Та'рих-и Рашиди, л. 124б.

[74] *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893-1894 гг., с. 55-56; *Он же.* Баласагун. Соч., т. III, с. 355-357.

[75] *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, с. 104.

[76] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды, с. 140, 241.

[77] *Петрушевский И. П.* Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов (1256-1353 гг.) // Татаро-монголы в Азии и Европе, с. 244.

[78] Там же.

[79] *Рашид ад-дин.* Сборник летописей, т. II, с. 141.

[80] *Тихвинский С. Л.* Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе. // Татаро-монголы в Азии и Европе, с. 12; *Мункуев Н. Ц.* Новые материалы о положении монгольских аратов в XIII-XIV вв. Там же, с. 412, 413.

Глава вторая

ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА В XIV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВВ.

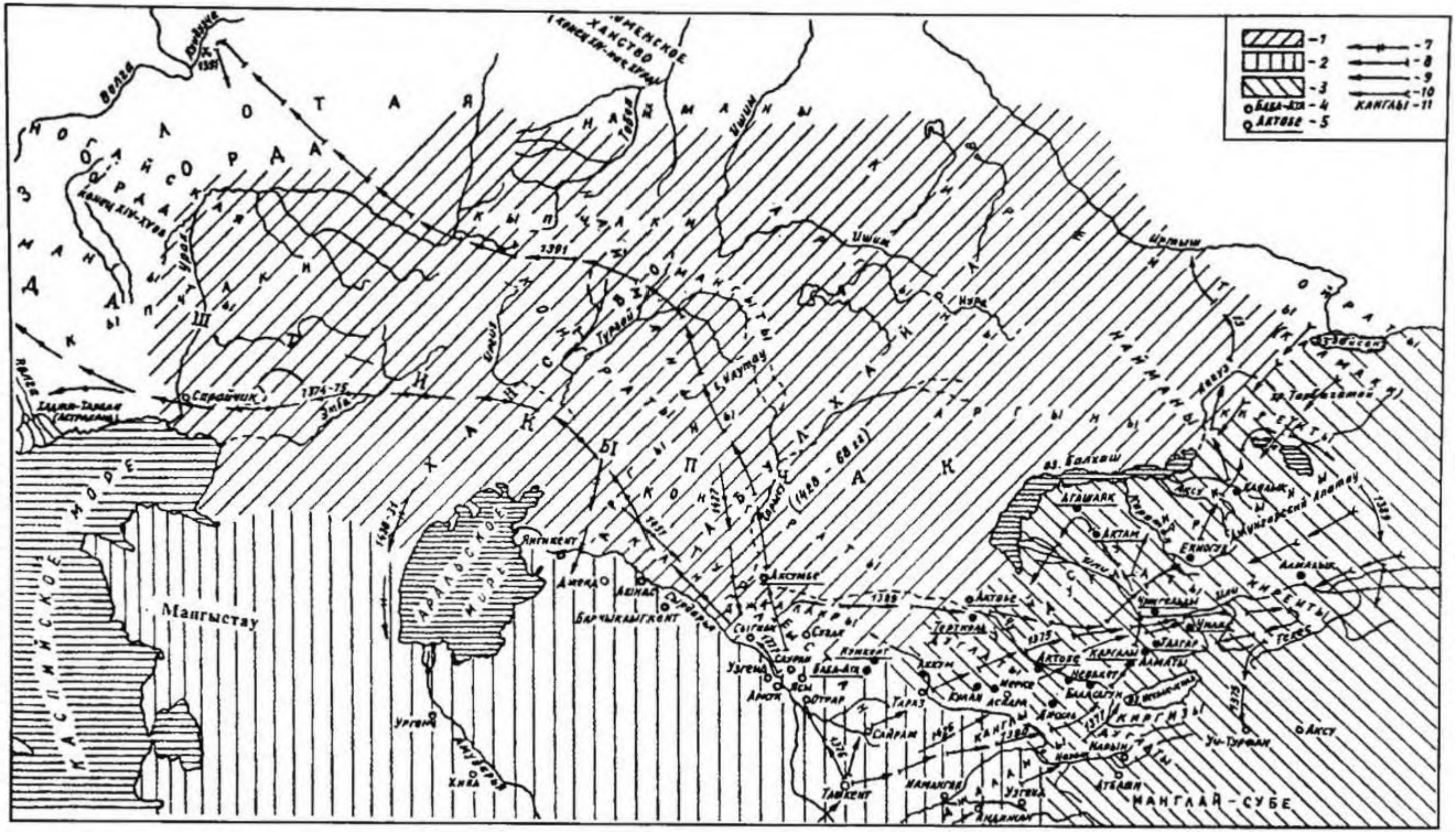
1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ В ВОСТОЧНОМ ДЕШТ-И КЫПЧАКЕ И ЖЕТЫСУ В XIV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВВ.

Развитие государственности на территории Казахстана имеет глубокие корни. Она связана с историей многочисленных племен и народов, обитавших здесь в древности и средневековье, в дотюркское, тюркское и монгольское время. Становление и развитие собственно казахской государственности в исторической литературе принято связывать с эпохой Казахского ханства. Однако его ханы в сложных отношениях с правителями соседних государств и народов собирали воедино казахские этнические группы и их земли, уже давно подготовленные к единой государственности многовековым этнополитическим и хозяйственно-культурным развитием населения Казахстана.

Одним из важных этапов развития был послемонгольский период – XIV–XV вв. В это время завершалась этническая и политическая консолидация кочевого, полукочевого и оседло-земледельческого населения Восточного Дешт-и Кыпчака (степной части Казахстана), Жетысу и Туркестана (так называлась в источниках позднего средневековья территория Южного Казахстана). Завершался процесс сложения казахской народности, восстанавливалась государственность на местной этнической основе. Развитие исторического процесса в эти столетия по пути формирования единой народности и ее государственности протекало в трудных условиях преодоления политической раздробленности региона.

Начальный этап этого сложного периода в истории Казахстана характеризуется распадом монгольских улусов – владений Чингизидов в Дешт-и Кыпчаке и Средней Азии (Мавераннахре); конечный – образованием собственно казахского государства, Казахского ханства. Эволюция форм политической жизни населения региона в это время шла через обособление на его территории нескольких государств – Ак-Орды (или Кок-Орды), Могулистана, Ногайской Орды, а также на более позднем этапе – государства кочевых узбеков или ханства Абулхайра.

Монгольские улусы-государства в Средней Азии, Дешт-и Кыпчаке, в том числе в его восточно-европейской части, в Поволжье, Западной Сибири, Восточном Туркестане, интегрировавшие области с различным хозяйственно-социальным, политическим, культурно-историческим уровнем развития, не отличались стабильностью, прочностью экономического положения. Населенные разнородными этническими общностями, они со временем дроби-

Ногайская Орда
Золотая Орда
Ногайские степи
Каспийское море
Мангыстау
Ак-Орда
Могулистан
Дешт-и Кыпчак
Серайчик
Янгикент
Сыгнак
Сауран
Отрар
Сайрам
Ташкент
Узгенд
Ходжент
Баба-ата
Актобе
Аксу
Алмалык
Кайлык
Екиогуз
Кенгирды
Манглай-Субе
Ертыш
Ишим
Нура
Тобол
Урал
Сырдарья
Чу
Или
Каялык
Алмалык
Кенгирды
Текес
Кыргызы
Алтышар
Балхаш
Каратал
Алматы
Кайлык
Ак-Тогай
Ак-Тобе
Ак-Там
Ак-Суй
Ак-Сай
Ак-Булак
Ак-Кум
Ак-Кудук
Ак-Кала
Ак-Кала
Ак-Кала

лись на политические образования с более определенной, исторически обусловленной, хозяйственной и этнической основой. Этому способствовали постепенное восстановление производительных сил, определенные сдвиги в развитии общественных отношений, рост консолидационных тенденций в этнических процессах. Возрастала роль местной феодальной знати, стремившейся к утверждению своей политической власти. Так было не только в евразийской части завоеванных монголами территорий, но и в странах древней оседло-земледельческой цивилизации Азии. Феодальная управляемость подвластной им территории сошла на нет.

В середине XIV в. закончилась власть монгольских правителей Хулагуидов в Иране: в 1353 г. на смену ильханам пришли Джалаириды. В Китае с 1368 г. утвердилась династия Мин, в 1369 г. монголы были вытеснены из северных провинций[1].

В Средней Азии за 70 лет XIV в. сменилось около 20 ханов. Чагатаидские ханы Кебек, Тармаширин стремились укрепить свою власть путем сближения с местной феодальной знатью Мавераннахра, принять ислам, упорядочить налоговую систему. Но эта политика вызвала сопротивление большей части монгольской кочевой знати, стремившейся к неограниченной власти в завоеванных областях. Противоречия в кругах правящей знати ускорили распад сначала Чагатайского улуса, затем государства Хайду, в середине XIV в. в его восточной части образовалось ханство Могулистан.

В западной части, Мавераннахре, в 50—60-х гг. XIV в. разгорелась ожесточенная борьба между вождями крупных тюрко-монгольских племен. Усобицы показали неспособность потомков Чагатая и Угэдэя управлять полиэтничным государством, состоявшим из могулов, тюрков, таджиков. Чагатаидам больше удавалось властвовать в степных районах бывшего Чагатайского улуса и владений Угэдэя — в Могулистане. Крупная знать и высшие торговые круги Мавераннахра понимали, что стране нужна твердая власть. Такую власть сконцентрировал в своих руках эмир Тимур, сумевший организовать сильное государство.

В улусе Джучи (Золотая Орда, Ак-Орда, Кок-Орда) монголы составляли незначительное меньшинство. В Золотой Орде были собраны многие племена и народы, объединенные в единую систему путем завоевания. Мощным это государство было недолгое время, пока в нем правили сильные и энергичные ханы. Но уже при одном из них — Узбек-хане (он правил с 1312 г.) — произошли события, потрясшие устойчивость государства: приняв мусульманство, он уничтожил десятки представителей рода Чингизидов и всех нойонов, отказавшихся принять новую религию и пожелавших сохранить веру отцов.

После убийства в середине 50-х годов хана Жаныбека его старшим сыном Бердыбеком началась двадцатилетняя междоусобица — известная, по определению русской летописи, «великая замятня»[2] (1359—1379 гг.). Западная часть Золотой Орды распалась на несколько владений. В Поволжье, Астрахани, Крыму, Сарайчике утвердились местные владетели, в Причерноморье — темник Мамай. Отдельным ханам-джучидам и предводителям крупных племен удавалось объединить их на время, но уже в XV в. эти владения стали независимыми ханствами — Казанским, Астраханским, Крымским, Большой Ордой. На степной территории Казахстана и Туркестана укреплялась местная власть.

На территории Восточного Дешт-и Кыпчака с середины XIII в. существовало государство Ак-Орда. Преемники Орды были фактически самостоятель-

ными правителями, по словам Рашид-ад-дина «независимыми государями своего улуса»[3], лишь номинально признававшими себя вассалами потомков Бату-хана.

В XIV в. власть правителей из рода Орда-Ичена распространилась и на улус Шайбана. Ряд современных исследователей относит к этому государственному образованию на территории Казахстана название «Кок-Орда» (Синяя Орда). Ак-Ордой они называют владения Бату-хана к западу от реки Яик, включая и улус Шайбана. Возможно, что после вхождения улуса Шайбана в состав владений потомков Орды название «Ак-Орда» перешло на все объединенное государство. С конца XIV в. владения ханов Ак-Орды стали называться в источниках Узбекским улусом.

Политическая история Ак-Орды характеризуется борьбой за утверждение самостоятельной власти ханов на территории Восточного Дешт-и Кыпчака, независимой от Золотой Орды, позднее – вмешательством ак-ордынских ханов в усобицы в распадавшейся Золотой Орде, затем – отражением агрессии правителя Средней Азии эмира Тимура.

Обособление Ак-Орды от Золотой Орды относится ко второй четверти XIV в. при Ерзене и Мубарак-ходже. Значительно укрепилась она при хане Урусе, правившем в 60-70-х гг. XIV в. На него пала основная тяжесть борьбы за независимость Ак-Орды в этот период против Тимура. Позднее власть в Ак-Орде захватил ставленник Тимура Джучид Тохтамыш, нашедший поддержку у местной знати. Опираясь на материальные и военные ресурсы Ак-Орды, Тохтамыш завоевал западную часть Золотой Орды, на время остановив ее распад. Но в 90-х годах Орда была разгромлена Тимуром.

В условиях тяжелой внешнеполитической ситуации и внутренних усобиц в конце XIV – начале XV в. происходит значительное ослабление Ак-Орды. На некоторое время в двадцатых годах власть своей династии восстановил Барак-хан, внук Урус-хана. В конце 20-х годов правление на территории большей части Восточного Дешт-и Кыпчака перешло к Шайбаниду Абулхайру. Потомки Урус-хана и Барака во второй четверти XV в. сохраняли свою власть в южных районах Казахстана.

Территория Юго-Восточного Казахстана в середине XIV – начале XVI вв. входила в государство Могулистан. Оно образовалось на северо-востоке Средней Азии, в Жетысу и Восточном Туркестане, входивших в монгольское время в улус Чагатая. Кочевая знать во главе с вождем крупного племени дуглатов эмиром Пуладчи в период его распада поставила ханом в 1348 г. Чагатаида Тоглук-Тимура.

Политическая история Могулистана заполнена войнами и усобицами, отражением нападений со стороны соседних государств. Первые могулистанские ханы Тоглук-Тимур и Ильяс-Ходжа сделали попытки в 60-х годах восстановить власть Чагатаидов в Мавераннахре. Но уже в 70–80-х годах правителям Могулистана хану Хызр-ходже (1388–1389), эмиру Камар ад-дину Дуглату, Енге-торе и другим пришлось вести долгую и упорную борьбу против вторжений войск Тимура в Жетысу и Кашгарию. В ходе этой борьбы была предпринята попытка объединения сил с Ак-Ордой. Совместная борьба против эмира Тимура имела большое значение для установления политических, хозяйственных контактов населения Восточного Дешт-и Кыпчака и Жетысу. В итоге походов среднеазиатского правителя Могулистан временно распался на уделы. Хызр-ходжа-хан вынужден был признать себя вассалом Тимура.

Тимуриды в I-й половине XV в. не оставляли притязаний на земли Юго-Восточного Казахстана и Киргизстана.

При упомянутом выше хане Абулхайре в конце 50-х – начале 60-х годов в западную часть Могулистана переместилась из Восточного Дешт-и Кыпчака и Туркестана часть племен во главе с казахскими ханами Жаныбеком и Гиреем. После смерти Абулхайр-хана его государство распалось.

Одним из крупных государственных объединений, возникших в ходе распада Золотой Орды, была Ногайская Орда. В XIV–XV вв. в нее входила территория Западного Казахстана. С конца XIV в. это объединение племен между Уралом и Волгой называлось «Мангытским юртом», по названию одного из наиболес крупных его племен. Обособление Ногайской Орды началось при Едыге, фактически полтора десятка лет державшем в своих руках власть в Золотой Орде (1396–1411). Едыге воевал с Тохтамышем, ставил ханов в Золотой Орде в период феодальных смут и усобиц, много сделал для усиления Ногайского улуса. Позднее вожди мангытов ориентировались на восточных соседей, были союзниками Абулхайр-хана, затем казахских ханов. К середине XV в. Ногайская Орда стала независимым государством.

Такова была политическая ситуация на территории Казахстана и в соседних землях в XIV – I-й половине XV вв. в канун образования и укрепления собственно казахского государства – Казахского ханства. Исторические судьбы Золотой Орды, ее постепенное ослабление и распад, а также деятельность могущественного среднеазиатского завоевателя эмира Тимура влияли на политические судьбы народов и племен Казахстана и соседних территорий. Они оказывали определенное воздействие и на пути их хозяйственного, этнокультурного развития.

В рамках государств Ак-Орды, ханства Абулхайр-хана, Ногайской Орды и Могулистана появились более благоприятные, чем то было в монгольских улусах, условия для политического, хозяйственного и социального развития населения Восточного Дешт-и Кыпчака и Жетысу, взаимообшения и взаимодействия его во всех формах общественной жизни. Политически объединив этнические территории племен, улусы и владения, возникавшие в результате усобиц и войн в Золотой Орде и Чагатаидском государстве при их распаде, упомянутые государства, каждое на своей территории, явили собой более прочную, этнически обособленную государственную организацию, обеспечившую входившим в него племенам и родам территориальное и политическое единство, возможность развития экономики, культуры, мирных контактов населения различных районов Казахстана.

Известно, что важным условием слияния племен в народность является развитие хозяйства, экономических связей. Именно при кочевом и полукочевом скотоводстве с особой необходимостью устанавливались хозяйственные связи со смежными территориями оседло-земледельческой и городской культуры в силу самой природы разноотраслевой экономики этих территорий. Создавался единый экономический регион с устойчивыми связями населения как в хозяйственном, так и в этнокультурном, этнополитическом плане; устанавливались разнообразные контакты не только между представителями близкородственных этносов, но и других этнических групп.

В XIV – первой половине XV вв., в период Ак-Орды, Государства кочевых узбеков, стабилизируется этнический состав племен на территории Казахстана,унифицируются некоторые культурно-бытовые особенности тюрк-

ких, монгольских племен, устанавливается общность этнических черт разных племенных объединений. Эти государства включали в себя множество родов и племен, сливавшихся в народности; при этом этнический состав населения Ак-Орды, Государства кочевых узбеков, Ногайской Орды был в основном идентичным. Их населяли тюркоязычные племена, известные в письменных источниках того времени под собирательным этнополитическим термином (этнополитонимом) «узбек»: кыпчаки, уйсуни, конграты, киреиты, мангыты, аргыны, карлуки, найманы. Кроме них, источники называют племена и роды буркутов, кыятов, кенегесов, курлаутов и многих других. Часть из них вошла в состав казахских Среднего и Младшего жузов, другая часть на рубеже XV—XVI вв. ушла в Среднюю Азию и унесла туда имя «узбек». В Ногайской Орде складывавшаяся народность также включала в себя части племен кыпчаков, канглы, найманов, уйсуней и конгратов, наряду с мангытами, алшинами, кытай, ас и другими.

Все это были тюркские и тюркизированные племена и роды, общие для целого ряда тюркских народов Средней Азии и Казахстана, разбросанные и перемешанные на огромной территории региона бурными событиями XIII в. В рамках упомянутых государств процессы этнополитического развития были во многом общими для узбеков, ногайцев, каракалпаков, сибирских татар, казахов. Эти народы формировались в эпоху позднего средневековья практически одновременно, формирование их происходило не изолированно, а в тесных контактах этнических групп, в политических связях государственных объединений, хозяйственном и культурном взаимообщении населения.

Аналогичные процессы происходили и в Могулистане. Его населяли племена, известные в средневековых источниках под собирательным этнополи-

тическим термином «могулы»: дуглаты (дулаты), киреиты (киреи), канглы (бекчики), карлуки, барласы, чорасы, джалаиры, калучи, булгачи и другие. Основная часть этих родов и племен вошла в состав другой ветви казахского народа — Старшего жуза. Могулы Восточного Туркестана стали составной частью уйгуров, этнические группы, обитавшие в Притяньшанье, вошли в состав киргизов.

Относительно стабильное существование в политических рамках государств XIV—XV вв. на территории Казахстана создавало отдельным крупным этническим группам определенные возможности для самосохранения и развития. Ак-Орда (Кок-Орда), ханство Абулхайра, Могулистан и Ногайская Орда подготовили условия для последующего возникновения этнически однородных государств в регионе, для консолидации в их политических структурах крупных народностей, ставших позднее современными нациями.

Итогом полуторавекового функционирования упомянутых государств на землях Казахстана и сопредельных территориях междуречья Яика (Урала) и Волги, Южной Сибири и Алтая, Притяньшанья и Приаралья явилось изменение этнического мира этого региона. Вместо кыпчаков и татар Золотой Орды, могулов Чагатайского улуса, объединявших великое многообразие племен и родов домонгольского и монгольского времени, появились новые этносы-народности и этнополитические общности: ногайцы (мангыты), башкиры, кочевые узбеки, казахи, киргизы, сибирские татары, уйгуры, каракалпаки и др[4]. В это время за ними закреплялись определенные этнические территории.

Обособление названных выше государств, стабилизация политической жизни в регионе способствовали подъему хозяйства, укреплению торгово-

экономических связей между кочевым скотоводческим и оседло-земледельческим населением. Это содействовало общению близких по материальной и духовной культуре тюркоязычных групп, ускоряло их интеграцию в более конкретных этнотерриториальных и политических рамках. Особенно отчетливо протекали эти процессы в регионе Южного Казахстана и Жетысу, наиболее важных центрах становления казахской государственности. В этих районах, на стыке оседло-земледельческого мира с кочевой степью, на перекрестке магистральных торговых путей происходили культурные, экономические контакты соседних народов Казахстана, Средней Азии, Восточного Туркестана.

Объективно существовавшая заинтересованность народов в хозяйственных и культурных связях свидетельствует об ошибочности представления об отношениях казахов-кочевников и их племен с земледельческим населением Средней Азии, как о непрерывной цепи военных столкновений. Временами так и было, например, в эпоху эмира Тимура; он предпринял в 70—90 годах XIV в. более десятка военных походов на территорию Ак-Орды и Могулистана, значительно ослабив их. Известна роль эмира Тимура и в разгроме Золотой Орды: были разрушены ее города (Сарай-Берке, Астрахань, Азов и др.), что подорвало хозяйственную жизнь на ее территории, в том числе и Западного Казахстана, транзитную торговлю. Погибла масса населения, значительная его часть была перемещена в Мавераннахр, разграблены материальные ценности, угнано большое количество скота. Формально степные территории Казахстана не были присоединены к империи Тимура, но жизненно важный для кочевников Восточного Дешт-и Кыпчака район Южного Казахстана с его городами Сыгнаком, Отраром, Саураном, Ясы, Сайрамом был потерян. Самостоятельности Ак-Орды и Могулистана был нанесен ощутимый удар.

История войн эмира Тимура, его попытки создания мировой империи многократно освещены как в средневековых источниках, так и в исторической литературе. И следует отметить, что с точки зрения его современников эти набеги, в частности, на территорию Могулистана, имели некую законность, «историческую оправданность». Для авторов восточных источников, писавших о событиях XIII—XV вв. в Дешт-и Кыпчаке, характерно восприятие улуса Джучи, как и улуса Чагатая, как неразделимых государственных единиц. В этом отразилось традиционное отношение монголов к империи (к государству) как к собственности, достоянию всего правящего рода Чингизидов в целом, Джучидов, Чагатаидов в отдельности, хотя на деле эти улусы-государства давно уже распались на части. Такое восприятие действительности современниками и самими Чингизидами позволяло ханам Золотой Орды в пору ее могущества, например, хану Жаныбеку (1342—1357 гг.), ставить в Ак-Орде своих лиц, хотя Ак-Орда была уже фактически независимой, а ханам Ак-Орды в период развала Золотой Орды – добиваться власти на золотоордынском троне. Также было и в улусе Чагатая: могулистанские ханы-чагатаиды стремились восстановить власть Чагатаидов (в своем лице) в Мавераннахре. И Улугбек в своем труде «Улус-и арба'-йи Чингизи» включает в перечень 28 имен ханов-чагатаидов, правивших в «улусе Чагатая», и хана Могулистана Тоглук-Тимура[5]. А эмир Тимур барлас, вовсе не Чингизид, а лишь «зять Чингизидов» – «гурган» — считал себя вправе через подставных ханов-чагатаидов домогаться законной для него власти в Могулистане и Кашгарии, поддерживать своих ставленников в казахских степях (Узбекском улусе).

Но время монгольских улусов и государств к исходу XIV в. ушло: на их месте формировались новые государства, складывались народности. И в результате эти, якобы законные, претензии на власть на этих территориях превращались в обыкновенные захватнические войны и грабежи.

Следует вновь подчеркнуть, что в едином этнокультурном пространстве тюркского мира, мира других соседних народов военное противостояние правителей сменялось длительным мирным общением населения, взаимообменом культурными ценностями. Хозяйственные, торговые связи населения соседних областей Казахстана и Средней Азии взаимно способствовали укреплению экономического положения, росту городов и развитию земледелия, скотоводческого хозяйства. Они способствовали заимствованию кочевниками и земледельцами друг у друга элементов материальной культуры, быта, хозяйственных навыков, социальных норм, форм государственной организации, военного искусства и оружия, вели к культурному обмену. Мирные добрососедские контакты помогали распространению среди степной аристократии мусульманской культуры, письменности, книжного образования. А среднеазиатских, иранских и других деятелей, в частности историков и хронистов, эти контакты знакомили с жизнью и бытом, культурой казахов, что нашло отражение в письменных источниках.

С именем эмира Тимура связаны дальнейшее распространение ислама и в Казахстане, появление на его земле такого великолепного памятника архитектуры, как мавзолей Ходжа Ахмада Ясави в г. Туркестане. По словам средневекового автора Фазлаллаха Ибн Рузбихана Исфахани, этот мавзолей — «одно из достопримечательных построенных в мире зданий и удивительных творений сынов человеческих»[6]. Подъем культуры в Средней Азии в эпоху эмира Тимура и Тимуридов в XV в. положительно сказывался и на развитии культуры населения Казахстана.

Политические, хозяйственные, этнокультурные процессы на территории Казахстана в XIV — I-й половине XV вв. подготовили условия для дальнейших интеграционных тенденций в развитии его населения. Государственное объединение во второй половине XV—XVI вв. основных этнических групп казахской народности и ее этнической территории ускорило процесс завершения ее национальной консолидации. В Казахском ханстве впервые после монгольского завоевания будут объединены в одно государство практически все тюркские роды и племена Восточного Дешт-и Кыпчака, Туркестана и Жетысу.

2. АК-ОРДА В XIV ВЕКЕ

Возвышение Ак-Орды*. Тяжкие последствия монгольского завоевания со временем постепенно преодолевались. На юге и юго-востоке Казахстана в XIV в. возрождались городская культура, земледелие, ремесленное производство. Восстанавливались торговые связи степных районов центра Казахстана и Жетысу с оазисами юга Казахстана и Средней Азии.

В условиях хозяйственного возрождения, укрепления феодальных отношений усиливались позиции местной тюркской и тюркизированной феодальной верхушки. Используя недовольство народных масс монгольским правопорядком, тюркская знать в улусах Джучи и Чагатая вела борьбу за установ-

* Текст о соотношении Ак-Орды и Кок-Орды написан К. А. Пищулиной.

ление своей политической власти в Восточном Дешт-и Кыпчаке и в Жетысу. В результате на территории Северо-Восточного, Центрального и Южного Казахстана в XIV в. окончательно обособилась от Золотой Орды Ак-Орда, на территории Юго-Восточного Казахстана и Киргизии возник Могулистан.

В начале XIV в. западная часть владений Джучидов (правое крыло), включавшая степи Поволжья, земли к западу от Волги, Крым, Северный Кавказ и северную часть Хорезма, по-прежнему составляла Золотую Орду; восточная часть улуса Джучи (левое крыло), охватывавшая обширную территорию современного Казахстана (без Жетысу) к востоку от р. Урала и к северу от Аральского моря и Сырдарьи, входила в состав Ак-Орды. В Золотой Орде правили в основном потомки хана Батыя, в Ак-Орде – потомки Орда-Еджена. В обеих частях улуса правили также потомки Тука-Тимура, 13-го сына Джучи.

Как упоминалось выше, территория Казахстана, расположенная между владениями Орда-Еджена и Золотой Орды, находилась в подчинении Шайбана и его потомков. В XIV – начале XV вв. эта территория у восточных авторов именуется то Ак-Ордой, то Кок-Ордой. Объясняется это тем, что власть представителей династии Орда-Еджена распространилась и на эту территорию, о чем свидетельствуют хронологические таблицы мусульманских династий.

Таким образом, под Ак-Ордой XIV – начала XV вв. источники понимали огромную территорию казахстанских степей от р. Урал до Западно-Сибирской низменности, включая низовья и среднее течение Сырдарьи, т. е. земли улусов Орда-Еджена и Шайбана. В русских летописях, где Золотая Орда именовалась просто «Ордой» или «Волжской Ордой», степная территория на юго-восток от р. Урал фиксировалась под названием «Синей Орды» или «Заяицкой Орды», а понятие «Ак-Орда» в русских летописях не использовалось[8].

Ак-Орда – первое крупное государственное образование на местной этнической основе в послемонгольский период на территории Казахстана. Она была населена тюркоязычными племенами, искони обитавшими на этих землях и входившими еще задолго до монгольского завоевания в состав кыпчакского объединения, а также переместившимися во время нашествия Чингизхана из восточных и юго-восточных районов Казахстана и Алтая. Наряду с кыпчаками здесь обитали найманы, уйсуни (ушуны), карлуки, киреиты (киреи), а также конграты, мангыты и др.

Хронологические таблицы мусульманских династий приводят имена ханов Ак-Орды в следующей последовательности: Орда-Еджен, Сартак, Кончи, Байан[9], Сасы-Бука, Ерзен, Мубарак, Чимтай, Урус-хан, Койричак и Барак.

С начала XIV в. шла борьба потомков Орда-Еджена с Чагатаидами за присырдарьинские города и за пастбища Жетысу. Одновременно усиливалась тенденция к восстановлению торгово-экономических отношений между кочевниками и полукочевниками степных районов и населением оседлых районов присырдарьинского оазиса. Не случайно правители Ак-Орды перенесли административный центр к южным окраинам своих владений, в город Сыгнак.

Сохраняя и поддерживая экстенсивное скотоводческое хозяйство на степных просторах от Иртыша до Сырдарьи и от Алтая до Улутау и Арала, закрепив сложившийся порядок кочевок на летние и зимние пастбища с учетом традиций, ханы Ак-Орды предприняли шаги к восстановлению хозяйствен-

ной и культурной жизни в оседло-земледельческих оазисах среднего течения Сырдарьи, Таласа, Чу и Улутауской степи. Му'ин ад-дин Натанзи сообщает, что один из ханов Ак-Орды, Ерзен, благоустроил Сыгнак и построил немало зданий в Отраре, Сауране, Дженде, Барчкенде[10]. В XIV в. ханы Ак-Орды чеканили монеты уже только от своего имени.

Превращение Южного Казахстана в центр Ак-Орды со столицей в Сыгнаке[11] способствовало расширению контактов с оседлыми районами Средней Азии и Хорезма. Существенно сказались на этих контактах угасание городской жизни в центре Золотой Орды – Поволжье – и перемещение торговых путей.

На основе укрепления экономического и политического положения местной тюркской и тюркизированной феодальной верхушки правители Ак-Орды, начиная с Мубарак-Ходжа-хана (1320–1344)[12], окончательно порвали даже с номинальной зависимостью от Золотой Орды.

Ак-Орда в период распада Золотой Орды. После смерти хана Жаныбека в Золотой Орде началась очередная полоса смут и дворцовых переворотов, на престол претендовало одновременно по нескольку ханов, каждый из которых чеканил свою монету[13]. Усилились центробежные тенденции, стали образовываться независимые владения, во главе которых стояли свои правители. Активное участие в борьбе за верховную власть в золотоордынском государстве приняли феодалы левого крыла, и, начиная с Хизр-хана (1359–1361), на золотоордынский трон один за другим, а то и одновременно восходили представители восточной ветви Джучидов, в частности, Тимур-Ходжа, Орда-Шейх, Мурид и др. Верхушка Ак-Орды стремилась использовать сложившуюся в Золотой Орде ситуацию, хотела объединить обе части улуса Джучи в одно политическое целое под своей властью. Официальное приглашение занять трон в Сарае после смерти хана Бердибека было сделано, например, хану Ак-Орды Чимтаю (1344–1361 гг.), который его не принял, но его сыновья, особенно Урус, активно участвовали в борьбе за золотоордынский престол[14].

Урус стал ханом Ак-Орды в 1368 г. Кадыр-Али Джалаири, Му'ин ад-дин Натанзи характеризуют его как сильного и могущественного правителя с решительным характером[15]. При Урусе ханская власть в Ак-Орде усилилась, он стал активно добиваться золотоордынского престола. В 1368 г. при поддержке «столпов державы и вельмож двора» Урус-хан предпринял поход в сторону Поволжья. В 1374–1375 гг. он овладел Сараем, осаждал Хаджи-Тархан (Астрахань), подчинил на время земли камских булгар, в источнике названные «урусхановским юртом»[16].

Медный пул Сыгнака. XIV в.

Однако успех Урус-хана был кратковременным, и уже в следующем году он вынужден был покинуть Поволжье. Урус-хан оказался не в силах устранить с пути временщика Золотой Орды Мамая, которому в период междоусобицы при поддержке феодалов западной части Золотой Орды удалось добиться значительной власти. В 1375–1376 гг. Урус-хан возвратился на берега Сырдарьи, где на южных границах Ак-Орды развернул свои агрессивные действия правитель Средней Азии эмир Тимур.

Политику объединения восточной и западной частей улуса Джучи продолжил Тохтамыш, с помощью Тимура узурпировавший власть в Ак-Орде. С его именем связано временное возрождение Золотой Орды. Провозгласив себя ханом Ак-Орды в Сыгнаке и опираясь на ее материальные и военные ресурсы, Тохтамыш в 1380 г. завоевал западную часть улуса Джучи. Войны с Тимуром, набеги Тохтамыша на Русь и в Среднюю Азию, усобицы в Ак-Орде характеризуют время его правления в Сарае и Сыгнаке. В 1395 г. Тохтамыш потерпел сокрушительное поражение от Тимура и бежал в Сибирь.

Смуты и усобицы, освободительная борьба русского народа, а также набеги Тимура потрясли могущество Золотой Орды, низведя ее на положение второстепенного государства. Тимур сажал в Золотой Орде своих ставленников из дома Урус-хана (Койричака, Тимур-Кутлука), но они не могли восстановить ее былое величие. Главную роль в Золотой Орде стал играть мангытский эмир Едыге, на протяжении полутора десятилетий являвшийся ее фактическим правителем. Он возвел в 1399 г. на престол Золотой Орды Шадибека, брата Тимур-Кутлука, и на некоторое время несколько стабилизировал положение. В 1406 г. Едыге предпринял поход в Сибирь против Тохтамыша, затем вступил в борьбу со своим ставленником Шадибеком и вынудил его бежать. Ханом Золотой Орды Едыге поставил в 1408 г. Пулата, сына Тимур-Кутлука. Однако уже в 1411 г. Пулат был изгнан крымским ханом.

Продолжавшиеся смуты, усобицы между эмиром Едыге и зависимыми от него ханами привели к гибели в 1419 г. и самого Едыге. Золотая Орда, по существу, перестала быть государством с центральной властью и к середине XV в. окончательно распалась; на ее территории возникли Казанское, Астраханское, Крымское ханства, а Хорезм вошел в состав государства Тимуридов.

Краткий обзор истории Ак-Орды будет продолжен в последующих разделах. Здесь же следует остановиться на названии этого государства, ибо в литературе последних десятилетий велись широкие дискуссии о нем (названии).

«Ак-Орда» и «Кок-Орда». Две проблемы вызвали особо оживленные споры в историографии улуса Джучи и его потомков, правивших в евразийских степях в XIII—XV вв. Во-первых, как называлось государство Джучидов в восточной части Дешт-и Кыпчака, т.е. на территории Западного, Центрального и Южного Казахстана, — Ак-Ордой (Белой Ордой) или Кок-Ордой (Синей Ордой). Во-вторых, каков государственный статус этого политического образования, степень его самостоятельности или зависимости по отношению к ханам западной части Дешт-и Кыпчака (или улуса Джучи), т.е. государства, которое в русской и западно-европейской историографии и источниках в течение последних четырех столетий известно под названием «Золотая Орда». Важным вопросом истории государства в Восточном Дешт-и Кыпчаке XIV — начала XV в. является вопрос о генеалогии его правителей, т.к. именно они стали основателями династии казахских ханов.

Выше, в первой главе, было сказано, что улус Джучи был разделен на два крыла: левое (сол-қол) и правое (оң-қол). Каждое крыло было самостоятельным владением двух старших сыновей Джучи: левое возглавлял Орда (Орда-Еджен, Орда-Ичен), правое — Бату. Окончательное оформление двух улусных крыльев относится к 30-м годам XIII в., когда Орда и Бату воцарились в своих владениях[17].

В письменных источниках, близких к тому времени, левое и правое крылья (монг. джунгар и барунгар) улуса Джучи не имели никаких цветовых обо-

значений, кроме определений по именам ханов: Улус Орды, Улус Бату. Плано Карпини (40-е годы XIII в.) отметил: «В этой земле около некоего моря [Алакуль, в верховьях Иртыша] живет Орду – старший над Бату... там имеется также орда или двор его отца...»[18]. Марко Поло (книга написана в конце XIII в.), проследовавший по улусу хана Кончи, внука Орда-Еджена, и сказавший о нем: «Царь их никому не подвластен», не называет его владений ни Ак-Ордой, ни Кок-Ордой. Многие страницы Марко Поло посвятил «царям западных татар», начиная от Саина (Бату) и до хана Тохты (1290–1312), которого он назвал «царем Запада»[19].

Рашид ад-дин (начало XIV в.) определял крылья улуса Джучи через имена ханов: «Улус Бату», «Баян, правитель улуса Орды» и т.д. О местонахождении ставки Джучи «в пределах Иртыша» Рашид ад-дин сообщил следующее: «Джучи-хан через Хорезм (т.е. после взятия Хорезма) направился в сторону Иртыша, где находились его обозы, и присоединился к своим ордам»[20]. Сведения Рашид ад-дина об Орде и его потомках (их генеалогический ряд: Джучи-Орда-Сартактай-Куинджи-Баян) закончились периодом правления современника автора – Баяна, правнука Орды, сведения очень подробные и достоверные. Об упомянутом выше Кончи (у него – Куинджи) историк сообщил, что он был «долгое время правителем Улуса Орды». О Баяне он сказал несколько раз, что «сейчас он государь Улуса Орды», что «он по-прежнему ведает улусом отца». Сообщает автор, в частности, о дружественных отношениях его с Газан-ханом, правителем Ирана, где и писал свой труд Рашид ад-дин[21]. Он отлично знал современную ему ситуацию в Восточном Дешт-и Кыпчаке. Но о цветовых обозначениях крыльев улуса Джучи Рашид ад-дин не сообщает.

Вассаф (первая половина XIV в.), сведения которого о Джучидах во многом повторяют предыдущего историка, также не знает цветовых обозначений. Он приводит имена семи сыновей Джучи, сообщает, что четыре личных тысячи войска Джучи были переданы под управление Хорду, старшего брата Бату[22].

К 40-м годам XIV в. относится, возможно, первое упоминание названия «Ак-Орда». Т. И. Султанов подробно остановился на этом факте: «Самым ранним по времени написания источником, где встречается термин «Ак-Орда», является, по-видимому, «Хосрау и Ширин» Кутба»[23]. Он привел подробные сведения из источников о Тыныбеке, сыне Узбек-хана, побывавшем после отца на золотоордынском троне в течение нескольких месяцев. В связи с именем жены Тыныбека и упомянута Ак-Орда («Ак-Орда – ее царство, она – украшение трона»). Но известно, что поэма написана в Сыгнаке в 1340–1342 гг.[24]. Датой смерти Узбек-хана, по сведениям, приведенным Т. И. Султановым, источники называют шаввал 742 г. (март –апрель 1342 г.) и 743 г.х. (июнь 1342 – май 1343)[25]. Возможно, что поэма написана до кончины Узбек-хана, а Кутб преподносил свою поэму Тыныбеку в Сыгнаке, куда отправил Узбек-хан своего сына, пытаясь подчинить улус потомков Орды. Об этом высказывал предположение исследователь поэмы Кутба Э. Н. Наджип. Г. А. Федоров-Давыдов посчитал это предположение «маловероятным», потому что в левом крыле, т.е. в улусе потомков Орды, «весьма успешно» правил в это время хан Эрзен (720 г.х./ П.1320–1.1321–745 г.х. / V.1344–V.1345 г.)[26]. Об этом успешном, 25-летнем правлении хана Эрзена как раз и сообщает Му'ин ад-дин Натанзи. По сведениям же Лэн Пуля Стэнли, в 1320–1344 гг. в «Восточном Кыпчаке» («Доме Орды») правил Мубарак-ходжа[27]. Эти разногласия сведений о

всегда неустойчивом положении в улусах вполне допускают пребывание в Сыгнаке в какой-то момент и Тыныбека.

Вот там, в Сыгнаке, возможно и «украшала трон Ак-Орды» жена Тыныбека Хан-Мелек, а слова о «подающем большие надежды шахе» относятся к разряду художественной риторики, столь характерной для восточной лирической поэмы.

Не применяют цветовых обозначений к государствам улуса Джучи авторы тимуридской историографии (конец XIV—XV вв.). Низам ад-дин Шами, Шараф ад-дин Йазди, Абд ар-Раззак Самарканди при описании событий к северу от Мавераннахра в эпоху Тимура, Улугбека для обозначения государственных образований в Дешт-и Кыпчаке используют термины «улус», «дийар» (страна), «вилайет» (область), «мамлакат» (государство) в сочетании с именами ханов и, главным образом, с этнополитонимом «узбек». Например, Абд ар-Раззак Самарканди пишет, что «Барак-оглан захватил орду Мухаммад-хана и большая часть Узбекского улуса покорилась и подчинилась ему»; этот же автор называет эмира Едыге, его брата Исабека, ханов Шадибека, Фулада, Улуг-Мухаммада «правителями Дешт-и Кыпчака и вилайета узбеков» (падишахан-и Дешт и Кыпчак ва вилайат-и узбек)[28].

Му'ин ад-дин Натанзи (начало второго десятилетия XV в.) в сочинении «Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини», изложив по Рашид ад-дину историю потомков Джучи до событий в Дешт-и Кыпчаке в самом начале XIV в., связанных с борьбой между ханом Золотой Орды Тохтой и Ногаем, закончившейся гибелью последнего в 1300 г.[29], сообщил о разделении улуса Джучи на Ак-Орду и Кок-Орду: «После этого улус Джучи разделился на две части. Те, которые относятся к левому крылу, т.е. пределы Улуг-Тага, Секиз Ягача и Каратала до пределов Туйсена, окрестностей Дженда и Барчкенда, утвердились за потомками Ногая, и они стали называться султанами Ак-Орды; правое же крыло, к которому относятся Ибир-Сибир, Рус, Либка, Укек, Маджар, Булгар, Башгирд и Сарай-Берке, назначили потомкам Токтая, и их назвали султанами Кок-Орды»[30]. В другом месте своего рассказа Натанзи прибавил к этому перечню географических и этнополитических реалий город Сыгнак — в «Ак-Орду» и Хаджи-Тархан и другие пункты — в «Кок-Орду»[31]

Далее автор перечисляет правителей Кок-Орды и Ак-Орды, начиная с Сасы-Буки, с изложением многих исторических деталей о делах ханов, в особенности левого крыла улуса Джучи. Этим сведениям отдают должное исследователи, обращающиеся к этому источнику, отмечающие оригинальность материалов, хорошую осведомленность автора, ценность его сведений для изучения истории восточной части улуса Джучи по позднемонгольскому периоду и времени Тимура[32].

Для Му'ин ад-дина Натанзи отмеченное выше применение цветовых обозначений двух частей улуса Джучи не является случайностью, оговоркой. К наименованию «Ак-Орда» в отношении левого крыла он прибегает неоднократно. Так, рассказывая о правлении на троне Сарая по приглашению группы эмиров «Кок-Орды» (— по его сведениям — правого крыла улуса Джучи) в 60-е годы XIV в., в период «великой замятни», упомянутых выше выходцев из династийных линий левого крыла, т.е. потомков Орды, Тука-Тимура, а также Шайбана (Шейбана), Му'ин ад-дин привел слова одного из противников упомянутой группы проакордынских эмиров, «в порыве невежества» (по ремарке Натанзи) воскликнувшего: «Как это урук султанов Ак-Орды станет влас-

тителем трона царей (падишахан) Кок-Орды!»[33]. Проявляя явную симпатию к ханам восточной части улуса Джучи, Натанзи показал отношение современников событий к приоритету власти правителей двух улусов, из которых правители его «Кок-Орды» (т.е. Золотой Орды) были выше по политическому статусу.

При характеристике событий последующего времени, с 70-х годов XIV в., Натанзи, как и упомянутые выше тимуридские авторы, все чаще прибегает к названию «Узбекский улус» – сначала применительно к территории Восточного Дешт-и Кыпчака, а затем и западной части улуса Джучи, где на троне Сарая оказываются ханы левого крыла (Урус, Тохтамыш и др.). Нижеследующее применение Му'ин ад-дином Натанзи названия «Ак-Орда» может быть истолковано двояко – и как административная, политическая часть Узбекского улуса, и как наименование воинского контингента (туманов) левого крыла: «В то время, когда царство (султанат) Узбекского улуса досталось Тимур Малик-хану, управление туманами левого крыла (сол-кол), которые именуются Ак-Ордой, он передал своему племяннику Мухаммад-оглану»[34]. Ко времени Едыге относится у Натанзи применение названия «Узбекский улус» к западной части Дешт-и Кыпчака; сообщается, что после Тимур-Кутлук-хана, посаженного в Сарае эмиром Тимуром, «снова государство пришло в беспорядок, и Улус узбекский по своему обычаю стал искать славного улуга Чингизханова». Едыге нашел его в лице хана Шадибека[35].

Применение Му'ин ад-дином Натанзи цветовых обозначений «Ак-Орда» и «Кок-Орда» для разных частей улуса Джучи и послужило основой для упомянутых выше споров в историографии этого улуса.

Анонимный источник XV в. (1426 г.) «Му'изз аль-ансаб» содержит сведения для характеристики генеалогических линий Джучидов, основанные главным образом на данных второго тома «Джами'ат-таварих» Рашид ад-дина. Есть и дополнения по сравнению с этим превосходным первоисточником по монгольскому времени Евразии: сообщив сведения Рашид ад-дина о согласии Орды на воцарение Бату, автор «Му'изза» добавил, что «сыновей и уруг его [Орды] называют Кок-Ордой»[36]. Этот автор, как и Натанзи, писал при дворе Тимуридов. Он мог знать работу Натанзи и как-то прокомментировать его сведения. Оба автора использовали, как отмечают исследователи[37], в качестве источников какие-то тюркские (уйгурские) рукописи, а также устные сообщения монгольских эмиров, состоявших на службе у тимуридов Омар-Шейха, Искандера и Шахруха. Об этом говорит множество тюркских и монгольских слов в персидском тексте их сочинений, а также неточная передача переписчиками рукописей названий тюрко-монгольских племен, географических названий, имен собственных.

Известно, что версия Му'ин ад-дина Натанзи об «Ак-Орде» и «Кок-Орде» как наименованиях левого и правого крыльев улуса Джучи и их ханах, принята рядом авторов XVI–XVII вв. Среди них – Кази Ахмад Гаффари Казвини («Нусах-и джаханара», закончена в 1564–65 гг.), Хайдар Рази («Тарих-и Хайдари», закончена в 1618–1619 гг.), «Тарих-и Шах Увайс» и др. В них повествуется отдельно, как и у Натанзи, о ханах Кок-Орды и Ак-Орды, причем изложение материала организовано так, что улус Джучи представлен как единое целое, и не только для времени Золотой Орды, но и времени казахских ханов. В частности, о Барак-хане и Касыме говорится в одном ряду, как о правителях улуса Джучи[38].

Следует отметить, что для автора начала XVI в. Фазлаллаха Рузбихана Исфахани события рубежа XV–XVI вв. развиваются в «улусе Джучи», «Узбекском улусе», «Узбекистане», «улусе узбеков» и «улусе казахов». Эта же терминология используется и Мухаммад Хайдар Дуглатом. Цветовых обозначений нет ни на этот период, ни в ретроспекции событий столетней давности.

Вновь встречаются термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда» как обозначения для улусов в Восточном Дешт-и Кыпчаке у двух авторов XVII в. — Абулгази-Багадур-хана и Махмуда ибн Вали.

Абулгази-Багадур-хан в сочинении «Шаджарат ал-атрак» о Кок-Орде пишет недостаточно конкретно: «Напомним, что резиденция Джучи-хана была в Дешт-и Кыпчаке, в стране, которая называется Синяя Орда (Кок-Орда)»[19]. Выше упоминалось, что ставка Джучи находилась в верховьях Иртыша. Этот район и ассоциируется у автора с Кок-Ордой. Об Ак-Орде автор сообщает в связи с событиями XIII в. следующее: «После смерти Берке-хана (в 1266–67) стал ханом Менгу-Тимур-хан и занялся управлением народа в своем уделе; в отношении родственников своих, как старших, так и младших в роде, он действовал согласно распоряжениям Бату-хана, а потому владение в Белой Орде отдал он Багадур-хану, сыну Шибан-хана»[40]. Похоже, что Белая Орда (Ак-Орда) здесь никак не является синонимом правого крыла, т.е. владений сарайских ханов, называемых с XVI в. в историографии Золотой Ордой.

Упомянутые Абулгази события, связанные с передачей Багадур-хану владений в Ак-Орде, выглядят в другом источнике — «Бахр аль-асрар» Махмуда бен Вали — иначе. По сведениям этого автора, сын Шайбана Багадур сам, без повеления хана правого крыла, отправляется в Ак-Орду как в уже принадлежащее ему владение. «Что касается Бахадура, сына Шайбан-хана... он вместо отца [после его смерти] стал главенствовать над элем и улусом. Повелев собраться близким родственникам, племенам и четырем каучинам, он выбрал для зимовок и летовок Ак-Орду, которая известна также как Йуз-Орда»[41]. Под каучинами здесь имеются в виду четыре омака (кушчи, найман, карлык и буйрак), выделенные Бату-ханом Шайбану после западного похода. Известна и территория улуса Шайбана, выделенного брату Бату-ханом. Абулгази необычайно подробно, если иметь в виду реалии четырехвековой давности, описывает территорию этого удела: «Юрт (область), в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата Ичена. Летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз-сувук, Орь, Илек до гор Урала; а во время зимы живи в Ара[л]-Куме, Кара-Куме и по берегам реки Сыр, при устьях рек Чуйсу и Сарысу»[42]. Поскольку Менгу-Тимур-хан «владение в Ак-Орде отдал Вахадуру «согласно распоряжениям Бату-хана», а другого распоряжения, кроме вышеприведенного, не было, то под этой территорией имеется в виду «Ак-Орда».

Таким образом, оба автора, Абулгази и Махмуд ибн Вали, говорят об Ак-Орде на территории Восточного Дешт-и Кыпчака (Казахстана).

Если же предполагать, что речь идет об Ак-Орде вне территории степного Казахстана, и относить это наименование к правому крылу улуса Джучи, то получается, что золотоордынский хан Менгу-Тимур отдал Бахадуру собственное владение, в правом крыле, чего быть не могло. Это отметил исследователь истории монгольской государственности этого времени В. В. Трепавлов.

Таким образом, термин «Ак-Орда», как реальность XIII столетия, в представлении упомянутых двух авторов XVII века, представлении, почерпнутом

из каких-то тюркских рукописей, в передаче устной степной «историографии» относится к территории Восточного Дешт-и Кыпчака, но к улусу Шайбана (Шейбана). Речь у них идет о владении в этой Ак-Орде Шайбанидов, а не потомков Орда-Еджена, как это показано у Натанзи на начало XIV в.

Надо сказать, что Му'ин ад-дин Натанзи был более объективен в отношении джучидских династий, чем Абулгази и Махмуд ибн Вали. Оба эти автора весьма тенденциозны. Сочинение Абулгази написано с позиций шайбанидской историографии (кстати, история Шайбанидов занимает половину текста его сочинения, посвященного общетюркскому родословию, в то время как казахским ханам из «рода Тукай-Тимура» отведен всего один абзац). Вот почему так подробно описана территория юрта Шайбана XIII в.: такой ее хотели видеть его потомки в последующие века, постоянно оспаривавшие власть в Восточном Дешт-и Кыпчаке сначала у ближайших потомков Орда-Еджена, затем у казахских ханов.

Тенденциозен и Махмуд ибн Вали (в пользу Тука-тимуридов). В «Бахр ал-асрар» отмечено, что упомянутый Шайбанид Багадур «считал обязательным для себя повиноваться потомкам Тугай-Тимура, получившим прозвание «ханских сыновей», и в течение всей своей жизни не выходил из повиновения им»[43]. Это положение, конечно, опровергается в шайбанидских сочинениях.

В одном из них это проявилось особенно очевидно. Речь идет о «Чингиз-наме» Утемиша Хаджи (XVI в.) и часто цитируемом сообщении этого автора о передаче верховной власти в завоеванном Дешт-и Кыпчаке Бату и о поставленных Чингиз-ханом юртах для своих внуков, сыновей умершего Джучи (белая юрта – для Бату, синяя – для Орда-Еджена и серая – для Шайбана). Тем самым были определены политический ранг и место каждого из них в их взаимоотношениях. При этом Утемиш Хаджи подчеркивает, что «огланы Шибан-хана гордятся и возвеличивают себя» перед потомками Тука-Тимура, 13-го сына Джучи, а к ним относит шайбанидская историография Урус-хана и казахских ханов: «Для вашего [же] отца он не поставил даже и [крытой] телеги» (в переводе В. В. Бартольда – «палатки»)[44]. Этот «явно легендарный рассказ», по определению исследователя сочинения Утемиша Хаджи В. П. Юдина, сделанному им вслед за такой же оценкой В. В. Бартольда («Исключительно легендарный интерес»), служит часто внушительным аргументом в споре об Ак-Орде и Кок-Орде, к какой части улуса Джучи они относятся и какая Орда главнее. Тенденциозность этих источников должна в этом споре учитываться, и совершенно прав В. П. Юдин, отметивший, что шайбанидская историография «непомерно» возвеличила Шайбана и его потомков[45] Роль других династий Джучидов в Восточном Дешт-и Кыпчаке оказалась приниженной и запутанной, в частности династия казахских ханов и их предшественников, в то время как роль Шайбана оказалась в источниках – а они в основном шайбанидские – чрезвычайно завышенной, как и преувеличенной показана территория его улуса не только на обширных землях Западного Казахстана и степных районах к северу от Сырдарьи, но и в Южной Сибири.

Таковы данные восточных источников о применении терминов «Ак-Орда» и «Кок-Орда» в Восточном Дешт-и Кыпчаке.

Выше отмечалось, что в русских летописях имеются наименования «Синяя Орда» в отношении к этой части улуса Джучи, но с весьма приблизительными очертаниями (типа «близ Индеи»).

Практически в источниках нет применения наименования «Ак-Орда» к той части улуса Джучи, которая позднее получила в русских источниках название «Золотая Орда». В восточных источниках, как уже говорилось выше, западную часть улуса Джучи (правое крыло) называли именем правившего хана (улус Бату, улус Берке, улус Узбека и т.д.). В русских документах (летописях) она называлась сначала описательно — («в татары»), потом все чаще — «Орда» — в значении «государство, держава», а также «Великий Улус». Это название — «Улуг Улус» — фигурировало в крымских ярлыках, в письме Тохтамыша Ягайлу; оно ошибочно в русских текстах было переведено как «Белая Орда». В оригинале нет наименования этого государства «Ак-Орда», есть «Улуг Улус»[46].

В исследовательской литературе были давно уже отмечены противоречия источников в размещении «Ак-Орды» и «Кок-Орды» на территории улуса Джучи и их соотнесении с государственными образованиями в Дешт-и Кыпчаке в XIII—XV вв. (А. Ю. Якубовский, В. В. Бартольд)[47]. Тем не менее традиция применения наименования «Ак-Орда» к этнополитическим, государственным образованиям на территории Восточного Дешт-и Кыпчака к улусу Орда-Еджена и его потомков, к объединенным в одном государстве улусам потомков Орды и Шайбана оказалась весьма длительной (со времени Му'ин ад-дина Натанзи, т.е. с начала XV в.) и устойчивой.

Первым выразил сомнение в правильности применения этим автором названий «Ак-Орда» и «Кок-Орда» в отношении левого и правого крыльев улуса Джучи М. Г. Сафаргалиев[48]. Он показал, что наименование «Ак-Орда» должно относиться к правому крылу, а «Кок-Орда» — к левому. Основанием для этого служили упоминания Ак-Орды или Кок-Орды в следующих источниках: «Хосров и Ширин» Кутба; «Муизз аль-ансаб»; Абулгази Бахадур-хан (о расположении ставки Джучи в «Кок-Орде»); упоминание в русском переводе письма Тохтамыша «Белой Орды» (но в оригинале — «Улуг Улус»). Его доводы поддержал и развил Г. А. Федоров-Давыдов[49]. Имея в виду ошибку Натанзи, приписавшего основание династии Ак-Орды потомкам сына Ногая. Г. А. Федоров-Давыдов высказал мнение о вторичном разделении улуса Бату на два крыла — между Тохтой и Ногаем (первым было разделение улуса Джучи между Ордой и Бату): «В таком случае «аноним Искандера» [т.е. Натанзи] правильно употребил значение терминов «Ак-Орда» и «Кок-Орда», но только к улусам этого вторичного деления». Исправили ошибку Му'ин ад-дина Натанзи и стали называть левое крыло (улус Орды) Кок-Ордой, а правое крыло — Ак-Ордой В. Л. Егоров, В. П. Юдин, Т. И. Султанов[50] и другие. Расширялась аргументация, приводились подробности из текста упомянутых четырех источников плюс легендарные рассказы Утемиша Хаджи. Золотую Орду стали называть Ак-Ордой[51] и Улуг-Улусом[52].

В ходе обсуждения решались вопросы об улусе Шайбана, о принадлежности его к правому или левому крылу. Особый интерес у исследователей вызвало сообщение Махмуда ибн Вали о Йуз-Орде как синониме Ак-Орды (по контексту — современном автору синониме). Появились мнения о соотнесении этого названия с казахскими жузами (Т. И. Султанов, Г. А. Федоров-Давыдов, В. П. Юдин). Вместе с тем постепенно «Ак-Орда» возвращалась исследователями — после долгих обоснований ошибки Натанзи на территорию Восточного Дешт-и Кыпчака. «В таком случае [имея в виду связь «Йуз-Орды» с жузами — Ред.] название «Ак-Орда» оказывается отнесенным к территории

современного Казахстана, т.е. к территории древнего улуса правого крыла, которым владел Шибан», – пришел к заключению Г. А. Федоров-Давыдов[53]. Т. И. Султанов полагает, что термин «Ак-Орда» относится к области, которая составляла основную часть владений Шайбана, а позднее это название перешло на весь Казахстан, включая юрт потомков Орды. Об объединении двух улусов Шайбана и Орда-Еджена в одном государстве Ак-Орда писали К. И. Петров и К. А. Пишулина[54]

Мнение о вторичном делении правого крыла (Ак-Орды) и левого крыла (Кок-Орды) на новые крылья с такими же названиями и о появлении на территории Казахстана новой «Ак-Орды» развил В. В. Трепавлов, столкнувшийся с упомянутым выше противоречием в хорошо выстроенной системе двух крыльев улуса Джучи. Противоречие связано именно с соотнесением цветовых обозначений («Ак» и «Кок») с правым и левым крыльями, поскольку сведения Абулгази и Махмуда бен Вали явно говорили об «Ак-Орде» на территории Восточного Дешт-и Кыпчака: сарайский хан Менгу-Тимур не мог передать Багадуру, сыну Шайбана, свои владения в западной Ак-Орде (Золотой Орде). Пришлось «искать в Деште еще одну Белую Орду»[55]. И она была найдена.

Изучая дуальную систему территориально-административной структуры монгольских улусов, делившихся на крылья, В. В. Трепавлов пришел к выводу о вторичном делении на крылья не только улуса Бату (между ханом и беклярбеком), но и улуса Орды (Кок-Орды) на новые «Ак-Орду» и «Кок-Орду». И эту новую Ак-Орду (правое крыло) и получил Шайбан. «Если принять положение о вторичном раздвоении Кок-Орды, а также гипотезу Г. Е. Грум-Гржимайло и В. Л. Егорова о границе [между крыльями – Ред.] по Яику, то версия Натанзи оказывается правильной. Ибир-Сибир и Башкирия (владения Шайбанидов) в самом деле сформировали правое крыло, но в государстве Орду-Эджена»; причем Шайбан был «передан» в Улус Орды еще в начале 40-х годов XIII в.[56] Эта обширная территория Восточного Дешт-и Кыпчака (Западный Казахстан, часть Центрального и Южного), которую при вторичном делении Кок-Орды получил Шайбан и которая стала правым крылом («Ак-Ордой»), уже за десять лет до этого, на рубеже 20—30-х годов XIII в. должна была (и могла) также именоваться «Ак-Ордой». Тогда, при первоначальном делении улуса Джучи между двумя его старшими сыновьями, его западные границы не выходили еще за пределы Яика. И на этой территории был удел Бату, западный удел, западная ставка – «Ак-Орда». А на востоке, в верховьях Иртыша, был удел Орды – восточный удел, восточная ставка – Кок-Орда. «У азиатских кочевников было широко распространено цветовое обозначение сторон света: красный – юг, черный – север, голубой – восток, белый – запад, желтый – зенит»[57]. Самым почитаемым цветом у тюрков и монголов был «кок» – голубой, синий и зеленый (цвет молодой зелени), цвет неба и воды, почитаемой кочевниками как главная жизненная сила.

Упомянутые выше цветообозначения первичных крыльев улуса Джучи, как и в дальнейшем, после завоеваний Бату, когда «Ак-Орда» и «Кок-Орда» сместились в западном направлении, были неофициальными, они не попадали еще в письменные документы, бытовали в рассказах современников событий, в тюрко-монгольских преданиях, сохранялись в основном «в степной устной исторической традиции»[58]. Лишь спустя столетие–полтора они были зафиксированы в упомянутых выше источниках. Понятна форма передачи

этих сведений у Абулгази: владение Шайбаниду Бахадуру выделялось «в Ак-Орде», а ставка Джучи находилась «в стране, которая называется Кок-Ордой», т.е. в определенных географических районах, куда пришли завоеватели и по-своему нарекли их, причем широко применялись именно тюркские наименования.

Но ко времени, когда эти традиционные, но неофициальные цветообозначения по сторонам света завоеванных Джучи и Джучидами территорий становились обозначением государственных образований, держав, положение в Восточном Дешт-и Кыпчаке коренным образом изменилось. Улус потомков Орды (и его четырех братьев, в числе которых был и Тука-Тимур) уже во второй половине XIII в. расширяется в западном направлении — на земли Сарысу, область Каратау, бассейн Средней Сырдарьи, ее низовья, Приаралье, т.е. на земли Ак-Орды. В его владениях значатся города Сыгнак, Сайрам, Дженд, Барукенд. Шайбаниды смещаются с территории Западного и Южного Казахстана в северо-восточном направлении, на Средний Иртыш, в Сибирь.

Му'ин ад-дин Натанзи и зафиксировал территорию (и улус) первоначальной «Ак-Орды» за династией левого крыла — потомками Орда-Еджена, хотя изначально они были уруком Кок-Орды. За сотню лет, к середине XIV в., небольшая прежде монгольская «Кок-Орда» Орда-Еджена превращается в крупную, на местной этнической основе, державу —Ак-Орду, вобравшую в себя, вместе с именем, большую часть обширных территорий и улуса Шайбанидов. Со второй половины XIV в. она еще стала называться в источниках Узбекским улусом.

Государственный статус этого политического образования, на протяжении полутора столетий трижды менявшего свои неофициальные названия (Кок-Орда — Ак-Орда — Узбекский улус), а на официальном уровне называвшегося улусом Орды, улусом ханов из его потомков, также не оставался неизменным на разных этапах.

Источники и исследователи отмечают, что улус Орда-Еджена в соответствии с государственным устройством Монгольской империи (Еке Монгол улус), с самого начала считался старшим по отношению к улусу Бату. Свидетельства Рашид ад-дина о том, что Орда и Бату и их потомки (уруки) «являются независимыми государями своего улуса», приведены выше, в I главе. В ярлыках Мункэ-кагана, из Каракорума, посылавшихся в западные улусы, впереди ставилось имя Орды, а затем Бату. Неоднократно отметил самостоятельность владений двух ханов исследователь исторической географии Золотой Орды В. Л. Егоров: «Улус Джучи разделился на два крыла, что фактически соответствовало двум государственным образованиям»[59].

Но вскоре улус Бату стал фактически сильнее «в конкретной ситуации»[60] того времени, а именно в итоге больших завоевательных походов, подчинения улусу новых стран и народов. Определилась зависимость и своих родичей-джучидов. Рашид ад-дин отметил, что у потомков Орду «был такой обычай, что они признают царями и правителями своими преемников Бату и имя их пишут на ярлыках своих сверху»[61]

Тем не менее эта зависимость в XIII в. улуса потомков Орды от правящих потомков Бату-хана была формальной. «Оба владения, по сути дела, представляли собой самостоятельные государства с разным кругом внешнеполитических и экономических интересов», — пишет В. Л. Егоров; отмечает он и «полную экономическую независимость» Кок-Орды[62]

Особый круг внешнеполитических связей и интересов проявился, например, в союзнических отношениях Баяна с Хулагуидами Ирана, в то время как западные Джучиды вели затяжные войны с ними за обладание Закавказьем. К союзу с Ираном Баян прибегал в его длительной борьбе за земли Жетысу и Туркестана с Чагатаидами и Угэдэевичами (Хайду и Дувой), а также со своим родственником Кублуком, с которым ему пришлось сражаться 18 раз[63]. Борьба с Чингизидами соседних улусов заставила потомков Орды передвинуться к Сыгнаку, на Сырдарью[64].

Но более важной причиной этого перемещения столицы правителей Кок-Орды была экономическая необходимость, само притягивающее влияние старых хозяйственных торговых центров. В такие развитые экономические центры постепенно сдвигались ставки кочевых правителей монгольских улусов, как и столицы возникавших на месте монгольских улусов новых независимых государств. Так передвинулся не только центр улуса потомков Орда-Еджена с Алаколя и Иртыша на земли Южного Казахстана, но и центр Чагатайского улуса из Жетысу в Мавераннахр. Здесь, в Ак-Орде, постепенно концентрировались, обособлялись кыпчакские и другие этнические группы, около столетия носившие собирательное политическое имя (этнополитоним) «узбеки», а со временем ставшие крупной этнической единицей — Средним жузом казахов.

Все дальше расходились пути развития государственности в двух крыльях улуса Джучи. Если государство в западном крыле (т.е. Золотая Орда, или Улуг-Улус) после ста лет подъема и стабильности постепенно ослаблялось со 2-й половины XIV в., то государство в восточном крыле (Ак-Орда, или первоначальная Кок-Орда, объединившая в XIV в. улусы и юрты уделов потомков Орда-Еджена и Шайбана) со временем укрупнялось, стабилизировалось. С середины XIV в. оно покончило и с формальной зависимостью, выражавшейся, например, до того в утверждении ханов левого крыла специальным ярлыком золотоордынского хана. Начали чеканить свои монеты ханы Ак-Орды (Мубарак-ходжа в 728 г.х./1327–28 и 729 г.х./1328–29). Особенно укрепилась местная государственность в Восточном Дешт-и Кыпчаке при Урус-хане. Обширные сведения из источников о происхождении и деятельности Урус-хана, его сыновей и особенно внука Барака приведены в работе Т. И. Султанова[64]. Урус-хан, а за ним и Тохтамыш, посаженный на трон Ак-Орды (Узбекского улуса) эмиром Тимуром, попытались реанимировать Золотую Орду, но особого успеха не имели: время этого громадного объединения многих завоеванных стран и народов завершилось окончательным развалом в I-й половине XV в. Самостоятельная, на прочной этнической основе государственность в Восточном Дешт-и Кыпчаке продолжала набирать силу, хотя и переживала смену династий: власть переходила от потомков Орда-Еджена к потомкам Тука-Тимура (Тохтамышу), затем снова возвращалась к наследникам Урус-хана, переходила к потомкам Шайбана.

Выше речь шла о линии ханов от Орда-Еджена: до Баяна включительно — по сведениям Рашид ад-дина, от Сасы-Буки — по сведениям Му'ин ад-дина Натанзи и монетным данным. С именем хана Сасы-Буки связана некоторая неясность, т.к. Натанзи посчитал его потомком Ногая, что ошибочно. У Рашид ад-дина среди сыновей Баяна назван Сасы-Бука (Саты-Бука). Исследователи учитывают это свидетельство о наследнике хана Баяна,[65] так что линия ханов Ак-Орды из рода (уруга) Орда-Еджена имеет основание быть при-

знанной, с учетом всей сложности прав наследования ханской власти как по линии исчисления старшинства в роде, так и по линии прямого наследования от отца к сыну. Данные Натанзи о правлении ханов от Сасы-Буки до Уруса и его потомков зафиксировали время перехода от одной системы наследования к другой. Претензии других линий Джучидов на власть осложняли этот процесс. Но самостоятельная государственность на территории Казахстана тем не менее развивалась, как бы ни был запутан в источниках и литературе вопрос с ее наименованием.

Ряд источников, главным образом прошайбанидских, показывает происхождение Урус-хана и его ближайших предков от Тука-Тимура, 13-го сына Джучи. Подробнее сведения об этом приводятся ниже, в разделе о первых казахских ханах.

3. ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН В СОСТАВЕ МОГУЛИСТАНА

Образование Могулистана. Образование Могулистана связано с распадом Чагатаидского государства, с момента своего возникновения не представлявшего собой единого целого в политическом и экономическом отношении. Монголы, завоевавшие Мавераннахр, под влиянием местной оседло-земледельческой и городской традиции приспосабливались к обстановке и переходили к оседлости. Монголы же, оставшиеся в Жетысу,хотя и здесь в значительной степени тюркизированные, сохранили в основном кочевой быт, более того, часть земледельцев и полукочевников из местного населения переходила к кочевому образу жизни.

Бесконечные войны и усобицы держали страну в состоянии глубокого хозяйственного упадка, а попытки ханов, осевших в Мавераннахре, вывести его из такого положения вызывали недовольство кочевой части тюркской и тюркизированной монгольской верхушки. К середине XIV в. Чагатаидское государство распалось на западную и восточную части, ставшие независимыми государствами. Кочевая знать восточных областей бывшего Чагатаидского государства, получивших название Могулистан, поставила ханом в 748 г.х./ 1347–1348 гг. Чагатаида Тоглук-Тимура. Ведущую роль в политической жизни в середине XIV в. здесь стали играть вожди племени дуглат, возглавившие движение за отделение от Мавераннахра. Дуглаты были в этот момент одним из наиболее крупных тюркских племен Жетысу и занимали значительную территорию.

Феодальная верхушка дуглатов в XIV в. владела и оседло-земледельческими оазисами в Восточном Туркестане. Мирза Мухаммад Хайдар пишет, что свое владение (икта) в Восточном Туркестане знать из племени дуглат получила еще в XIII в. «Когда Чагатай-хан разделял свое государство (на уделы), он дал Уртубу (Урту-Бараку), деду эмира Пуладчи, [область] Манглай-Субе... Восточная граница ее – Кусан (Куча) и Тарбукур; западной его границей является Самгар и Джакишман, а он расположен на окраине вилайета Ферга-на; северная граница – Иссык-Куль, а южная – Черчен и Сары-Уйгур. Всю означенную территорию, которой владел эмир Пуладчи, называют Манглай-Субе. В те времена в этой стране было несколько городов. Самые большие из них: Кашгар, Хотан, Яркенд, Кашан, Ахсикент, Андижан, Аксу, Ат-Баши, Кусан. Из числа этих городов эмир Пуладчи выбрал в качестве своей резиденции Аксу»[66]. Впоследствии этот район временами играл роль опорной базы

власти правителей Могулистана. Манглай-Субе Мирза Хайдар перевел как «солнечная сторона».

Сведения о возвышении эмиров из племени дуглат еще в XIII в. преувеличены автором «Тарих-и Рашиди». Он хотел обосновать претензии своих предков на власть, на главенство над другими племенами древностью рода, традиционной близостью к ханам. Это подчеркнул еще В. В. Бартольд на основе мнения Рашид ад-дина, который, упомянув о дуглатах, заметил, что из этого племени «в тот век (XIII в.) и ныне[67] никто не известен, кто был бы почтен и славен»[68]. Однако во второй половине XIV в. приоритет дуглатов имел место и факт, что именно эмир из дуглатов возглавил борьбу за создание ханства, зафиксирован источниками.

Эмир Пуладчи, глава верхушки дуглатов, намереваясь основать обособленное от Мавераннахра ханство, надеялся упрочить свое главенствующее положение и ослабить феодальные распри, о которых источники писали: «Могульский улус остался без хана, среди могульского народа каждый стал сам себе главой, беспорядок возник в улусе», «каждый могульский эмир стал претендовать на независимость и самовластие, поднял знамя противодействия и распрей»[69]

Хотя могульская знать в лице дуглатских вождей добилась укрепления своей власти в Жетысу и Восточном Туркестане, она, подобно феодалам соседнего Мавераннахра и Ак-Орды, не рискнула нарушить установившуюся традицию и низложить Чингизидов. Пуладчи решил возвести на трон подставного хана и свой выбор остановил на 18-летнем Тоглук-Тимуре, внуке Чагатаида Дува-хана: «В [летописи] на могульском языке говорится, что эмир Пуладчи привез хана в шестнадцатилетнем возрасте... В восемнадцатилетнем возрасте [Тоглук-Тимур] стал ханом, в двадцать четыре года стал мусульманином, а в тридцать четыре умер»[70]. В сложной, политически неустойчивой обстановке именно этому хану удалось утвердить свою власть и основать новую, довольно устойчивую династию могульских ханов, правившую до начала XVI в. в Могулистане, а затем в Кашгарии (государство Могулия).

Утверждая ханом своего ставленника, дуглатские эмиры пытались не только укрепить свое влияние внутри страны, но и оградить свои владения от нападений со стороны Ферганы и Мавераннахра, где шла ожесточенная борьба тюркских эмиров за власть, более того, вмешаться в дела соседней страны.

Территория и население. Новое государство стало называться именем, утвердившимся еще до этого за восточной частью владений Чагатаидов, т.е. Могулистаном («Моголистаном»). Границы Могулистана, согласно «Та'рих-и Рашиди» Мирзы Мухаммада Хайдара, были следующими: «...та территория, которая теперь называется Могулистаном, имеет в длину и ширину [протяженность] 7-8 месяцев пути. Восточная окраина [Могулистана] примыкает к землям калмаков и [включает в себя] Барскуль[71], Эмиль и Иртыш. На севере его граница проходит по Кокча-Тенгизу (Балхашу), Буму и Караталу; на западе [Могулистан] граничит с Туркестаном и Ташкентом; на юге – с вилайетом Фергана, Кашгаром, Аксу, Чалышем и Турфаном»[72], т.е. значительную часть Могулистана составляла территория Юго-Восточного Казахстана и Киргизии. «Протяженность [южной границы] составляет трехмесячный путь торгового каравана и имеет девяносто дневных переходов». И далее Мухаммад Хайдар продолжает: «В Могулистане имеется много крупных рек, по величине равных Джейхуну (Амударье), среди них Или, Эмиль, Иртыш, Чуй-

лик (Чу) и Нарын. Эти реки ничуть не меньше Сейхуна (Сырдарьи). Большая часть этих рек вливается в озеро Кокча-Тенгиз, которое расположено между Могулистаном и Узбекистаном (Восточным Дешт-и Кыпчаком) и разделяет их»[73].

Границы Могулистана не были постоянными, они изменялись на протяжении полуторавекового периода его существования. В состав государства первого хана Тоглук-Тимура входил собственно Могулистан и на правах вассального владения часть Восточного Туркестана (удел дуглатского эмира Пуладчи Манглай-Субе). Впоследствии Восточный Туркестан входил в государство Тимуридов, вновь попадал под власть правителей Могулистана; с 80-х годов XV в. в состав владений могулистанских ханов вошли Ташкент и Сайрам, но отпало Жетысу. Ко времени распада Могулистана в начале XVI в. власть его ханов ограничивалась только Кашгарией.

Историко-географический термин «Могулистан», как и название государства, образован от этнонима «могул», «могол», так в Средней Азии писалось и, очевидно, произносилось слово «монгол». Уже в XIV в. переместившиеся сюда монгольские роды и племена были поглощены местным тюркским населением[74]. Могульские племена выступают в источниках как тюркские, в основе своей автохтонные по происхождению. Основное население Юго-Восточного Казахстана во время существования здесь Могулистана было тюркоязычным[75].

Могулистан в исторических сочинениях средневековых авторов представляет собой государственно-политическое объединение местных тюркских и тюркизированных монгольских племен, прошедших к моменту образования государства длительный процесс смешения и слияния в этнополитическую общность с названием «могулы». Источники относят к могулам крупные племена, носившие и тюркские, и монгольские названия: дуглаты (дулаты), канглы (бекчики), киреиты (киреи), аргинуд (аргенут), баарины, арлаты, барласы, булгачи и др. Некоторые названия племен (например, уйсуни) не попали в источники, но нет сомнения в том, что они продолжали здесь жить, несмотря на все военно-политические события того времени[76]

Появление на политической карте Центральной Азии в середине XIV в. государства Могулистан с центром в Жетысу явилось, наряду с образованием и укреплением Ак-Орды на территории Восточного Дешт-и Кыпчака важным событием в истории Казахстана.

Первые могульские ханы. По «Та'рих-и Рашиди», Тоглук-Тимуру удалось в некоторой степени стабилизировать положение, объединить под своей властью всю территорию Могулистана[77]; его ставка находилась в Алмалыке[78]. Первый могульский хан сохранил улусную систему; наследственная должность верховного улусного бека (улусбеги) была закреплена им за главой дуглатов[79]. Некоторые меры были приняты для упорядочения сбора налогов.

По примеру ханов Мавераннахра, где Тармаширин-хан сделал ислам официальной религией государства, Тоглук-Тимур решил укрепить свою верховную власть испытанной на средневековом Востоке идеологической опорой — мусульманской религией. Хотя ислам был знаком местному населению еще со времени Караханидов[80], ханы-чагатаиды, как и многие их подданные, оставались язычниками. При Тоглук-Тимуре были приняты решительные меры по распространению мусульманства в Могулистане. По сообщению Мирзы Хайдара, только за один день было обращено в ислам 160 тыс. человек[81]. Это,

возможно, преувеличение, но оно верно отражает ход насаждения ислама. К тем, кто отказывался принять ислам, применялись строгие меры – прибивали к голове чалму подковным гвоздем[81].

Тоглук-Тимур пытался распространить свою власть и на Мавераннахр[82]. Своими внешнеполитическими военными акциями он хотел утвердить собственный авторитет и упрочить свое государство. Перспективы легкого захвата добычи и пленных в соседних земледельческих областях способствовали сплочению вокруг хана кочевой знати. В первый свой поход Тоглук-Тимур выступил из Жетысу в феврале-марте 1360 г. Остановившись с войсками недалеко от Ташкента, Тоглук-Тимур-хан выслал вперед отряд, который, переправившись через Сырдарью, двинулся по направлению к городу Шахрисябзу. Расчет Тоглук-Тимура на то, что враждующие между собой местные эмиры не окажут ему сопротивления, оправдался. Один из них – будущий правитель Средней Азии эмир Тимур – выразил покорность Тоглук-Тимуру, за что получил в управление город Кеш с уделом[83]. Политика могульского хана облегчила эмиру Тимуру путь к власти.

Дальнейшему продвижению могульских войск помешала несогласованность действий самих военачальников Тоглук-Тимура. Среди них в источнике названы эмиры и беки племен киреит, аргинуд, канглы; они возвратились сначала в ставку хана, а затем, подняв мятеж, ушли в Могулистан. Могульский хан вынужден был оставить дальнейшие попытки подчинения Мавераннахра. Подавив мятеж эмиров, Тоглук-Тимур весной 1361 г. вновь выступил на Мавераннахр. Один из крупных эмиров Мавераннахра Хаджи Барлас бежал в Хорасан; Тимур вновь заявил о своей покорности и получил подтверждение на владение областью Кеша. Тоглук-Тимур прошел через всю территорию Мавераннахра на юг до Кундуза, провел там весну и лето, а осенью вернулся в Самарканд. Временному утверждению Тоглук-Тимура в Мавераннахре способствовала политическая обстановка в крае, где уже почти два десятилетия, в 40-е и 50-е годы XIV в., не было центральной власти. От внутренних войн и иноземных вторжений страдали мирные жители городов и селений: «Его [Тоглук-Тимур-хана] войска, – рассказывается в «Зафар-наме», – разграбили владения и разорили народ тех территорий и районов до горных круч Гиндукуша...»[84]

Оставив наместником в Мавераннахре своего сына Ильяс-Ходжу, Тоглук-Тимур возвратился в Могулистан. Могульские военачальники вели себя как завоеватели и заботились лишь о собственной наживе. Пользуясь возмущением народных масс и раздорами в стане завоевателей, эмир Тимур стал добиваться власти в Мавераннахре. Смерть Тоглук-Тимур-хана заставила Ильяса-Ходжу покинуть Мавераннахр, чтобы заняться делами престолонаследия[85]. Но на обратном пути Ильяс-Ходжа вынужден был принять бой с объединенным войском Тимура и эмира Хусайна. Потерпев поражение, он попал в плен, но был отпущен в Могулистан[86]. Тимур преследовал разбитое могульское войско до Ташкента.

Став ханом Могулистана в 764 г.х./1362–1363 гг., Ильяс-Ходжа предпринял в 1365 г. новую попытку объединить бывшие чагатаидские владения. Тимур со своим войском встретил его между Чиназом и Ташкентом на берегу Сырдарьи. Происшедшая здесь известная «Грязевая битва» («Джанг-и лой») имела большое значение для обеих сторон. Во время сражения начался сильный ливень, затруднивший боевые действия войск. Более привычные к суро-

Фрагмент рукописи Мухаммад Хайдара

Дуглата «Тарих-и Рашиди», XVI в.

вому климату Могулистана и лучше экипированные войска Ильяса-Ходжи сумели выстоять в этой битве. Подошедшее свежее могульское войско эмира Шамс ад-дина дуглата заставило Тимура повернуть назад, причем в «панике бегства много людей было затоптано в грязи и глине», «на поле гибели пало около десяти тысяч человек»[87].

Победа открыла дорогу могульскому войску в Мавераннахр. Му'ин ад-дин Натанзи сообщает о грабежах могулов по пути на Самарканд: «После победы могулы протянули руки грабежа и насилия в стране ислама, занялись убийством и разбоем»[88]. Тимур и Хусайн оставили Самарканд и ушли за Амударью. Но взять город могулам не удалось: население Самарканда, руководимое участниками движения сербедаров, центр которого находился в Хорасане, оказало ожесточенное сопротивление[89]. Продолжительная осада обессилила войско, «на лошадей [войска] Джете (т.е. Могулистана) напала конская чума, от которой погибло столько лошадей, что на четырех всадников не осталось и одной лошади»[90]. Могулам пришлось отступить от города. Главная причина отхода могулов заключалась в героической борьбе населения Самарканда.

Так окончились попытки первых ханов Могулистана восстановить власть Чагатаидов в Средней Азии.

Распад Чагатаидского государства был закономерным явлением, обусловленным экономическими и политическими причинами. Оседло-земледельческое и городское население Мавераннахра, в глазах которого ханы Могулистана отождествлялись с бывшими ханами-чагатаидами, упорно боролось за независимость. Стремление ханов Могулистана завоевать соседние земли обусловливалось интересами кочевой знати, ставленниками которой они были, и поддержку которой могли обеспечить лишь успехами в завоеваниях. Но в глазах современников, и соответственно, в исторических сочинениях главным мотивом внешнеполитических акций ханов Могулистана в Мавераннахре (как Урус-хана в Золотой Орде) были династийные притязания на всю территорию бывшего чагатайского улуса (а у Урус-хана – на трон Золотой Орды).

Могулистан накануне вторжения Тимура. Недолгое правление Ильяса-Ходжа-хана отмечено борьбой с сепаратистскими устремлениями группировок знати. Ханская власть в Могулистане была весьма слабой, ограниченной волей родоплеменной верхушки. Ханы были фактически бессильны перед знатью. Это видно на примере Ильяс-Ходжи после его поражения в Мавераннахре. Конкретные обстоятельства падения власти и гибели Ильяса-Ходжа-хана освещены в источниках весьма противоречиво. Обычно они связываются с выступлением эмира Камар ад-дина, одного из видных представителей знати дуглатов. Камар ад-дин, по сообщению Мухаммада Хайдара[91], попытался захватить верховную власть в Могулистане сразу же после того, как умер Тоглук-Тимур-хан. Причиной его давнего враждебного отношения к хану, по Мухаммад Хайдару, был отказ Тоглук-Тимура передать ему высшую в администрации могульского государства наследственную должность улусного бека (улусбека). После смерти Пуладчи улусбеком по указу Тоглук-Тимура был назначен малолетний сын и наследник Пуладчи Худайдад, а не старший из оставшихся вождей дуглатов Камар ад-дин. Отказ Тоглук-Тимура предоставить должность улусбека Камар ад-дину объясняется желанием избавить себя от опеки всесильного правителя улуса, что было вполне понятным в условиях борьбы хана с сепаратизмом знати.

По мнению Му'ин ад-дина Натанзи, Камар ад-дин и его брат Шамс ад-дин дуглат сначала посадили Ильяса-Ходжа-оглана на ханский трон[92], но спустя год, видя, что новый хан не может остановить распри и усобицы, Камар ад-дин поднял мятеж. Мухаммад Хайдар сообщает, что Камар ад-дин уничтожил якобы всех членов ханской семьи, за исключением последнего отпрыска Тоглук-Тимур-хана, малолетнего Хизр-Ходжа-оглана, которого улусбек эмир Худайдад дуглат надежно спрятал[93]

Подчинить феодально-племенную знать Могулистана для Камар ад-дина было нелегким делом. В стране наступила полная дезорганизация политической и хозяйственной жизни[94]. Вожди крупных племен не хотели допустить дальнейшего усиления дуглатов, которые занимали самые высокие административные посты и пользовались особыми привилегиями. Однако Камар ад-дину все же на некоторое время удалось подчинить себе значительную часть могульских племен.

Наряду с представителями знати дуглатов в лице Камар ад-дина и его братьев источники упоминают в это время в Могулистане имена глав ряда других племен. Шараф ад-дин Али Йазди пишет о раздробленности, противоречиях и раздорах внутри правящих кругов Могулистана. «Между эмирами Джете, — сообщает он, — случилась вражда. Камар ад-дин, который был из омака дуглат, Кебек-Тимур и Ширавул с частью войск объединились против Хаджибека аргинуда» (У Шальи-Широгул с частью могульских войск)[95].

Границы владений отдельных племен и улусов Могулистана часто менялись, продолжалась борьба за обладание лучшими пастбищами и захват добычи. Бесконечные междоусобицы, все усиливавшийся гнет вызвали недовольство народных масс. Такова была обстановка в Могулистане в целом, в Юго-Восточном Казахстане в частности, накануне вторжения войск эмира Тимура[96].

Образование Могулистана было шагом вперед на пути к возникновению этнически однородного государственного объединения на территории Казахстана (как и Киргизии), вместе с тем оно на время политически отделило тюркоязычное население Жетысу от родственного населения остальной территории Казахстана и сказалось на процессе формирования казахской народности.

4. ВОЙНЫ ЭМИРА ТИМУРА НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОГО ДЕШТ-И КЫПЧАКА И ЖЕТЫСУ

Большую опасность для хозяйственной и политической жизни населения Казахстана последней трети XIV — начала XV вв. представляли завоевательные, грабительские походы Тимура.

Противоречия в интересах и действиях тюркской и монгольской кочевой и местной оседлой знати завоеванных стран, отсутствие политической и экономической прочности монгольских государств (Золотой Орды, Чагатаидского государства, государства Хулагуидов в Иране), народно-освободительная борьба покоренных монголами областей привели эти государства к ослаблению и распаду. В западной части Чагатаидского государства — Мавераннахре — в 50—60-х годах. XIV в. продолжалась междоусобная борьба между вождями крупных тюрко-монгольских племен. Усобицы, тяжело отражавшиеся на положении трудовых масс, крестьян и ремесленников, вынесших на

себе все тяготы монгольского завоевания, а также походы ханов Могулистана в Мавераннахр, пытавшихся возродить старую, исторически обреченную государственность в прежних территориальных рамках Чагатайского улуса, вызвали сопротивление народных масс, вылившееся в подлинно патриотическое движение сербедаров. Угроза народного восстания заставила знать и высшие торговые круги Мавераннахра найти себе руководителя, который мог бы ослабить народно-освободительное движение сербедаров и установить твердую политическую власть. Такого руководителя они нашли в лице эмира Тимура (1336–1405 гг.), сына бека Тарагая из тюркизированного монгольского племени барлас. Честолюбивый, волевой, целеустремленный эмир Тимур рвался к власти любой ценой, используя поддержку захватчиков, предавая бывших союзников, подавляя народное движение, наживаясь на грабежах и разорении населения соседних территорий. В 1370 г. Тимур захватил власть в Мавераннахре. 35 лет единоличного правления Тимура (1370–1405 гг.) заполнены захватническими, грабительскими походами в соседние области и страны, попытками создать мировую империю. Большие завоевательные войны велись им самыми жестокими, варварскими методами. Эти войны Тимур вел для того, чтобы упрочить свою власть среди господствующей верхушки Мавераннахра, удержать кочевую знать от мятежей и усобиц, предоставив ей возможность обогащаться за счет ограбления населения завоеванных стран. Жестокость Тимура при завоевании соседних стран, массовое уничтожение им населения отмечалась даже его придворными летописцами.

Объединение Тимуром Средней Азии продолжалось 18 лет (Хорезм, например, был покорен только в результате пяти походов), оно шло одновременно с грабительскими, захватническими набегами на территорию Казахстана и Киргизии – в Восточный Дешт-и Кыпчак, Жетысу и на Тянь-Шань. Гегемонистские устремления Тимура наталкивались на все еще могущественную, хотя и сотрясавшуюся усобицами 1360–1370 годов, Золотую Орду. Но прежде чем сломить ее, Тимур обрушил меч на ближайших своих соседей – Ак-Орду и Могулистан, которые оказались первыми объектами агрессии Тимура за пределами Средней Азии. Стремясь помешать укреплению хозяйственной и политической независимости Ак-Орды и Могулистана, Тимур предпринял в 70–90 гг. более десятка походов на территорию этих государств.

Инициатива военных действий между правителем Ак-Орды и Тимуром принадлежит последнему. К Тимуру бежал из Ак-Орды Тохтамыш – сын казненного Урус-ханом за отказ принять участие в завоевании золотоордынской столицы Сарая удельного владетеля Мангышлака Джучида Туй-Ходжа-оглана[97]. Пока Урус-хан был в Золотой Орде, Тимур воспользовался удобным случаем для вмешательства в дела своего северного соседа, снабдил Тохтамыша войсками для утверждения в Ак-Орде. Первая попытка Тохтамыша в 776 г.х. (1374–75 гг.) была неудачна, хотя в бою с ним под Саураном погиб один из сыновей Урус-хана Кутлуг-Бука. Тохтамышу пришлось бежать к своему покровителю в Самарканд. Получив еще раз от Тимура войско, Тохтамыш дошел до Саурана, но вновь был разбит старшим сыном Урус-хана Тохтакией.

Действия Тимура на юге Ак-Орды, его вмешательство во внутридинастические раздоры и усобицы вынудили Урус-хана спешно покинуть Сарай и вернуться в свой коренной юрт. Тимур в третий раз снарядил Тохтамыша с войском для похода в Ак-Орду. В это время, зимой 1375-76 гг., прибыл посол от Урус-хана с требованием выдать Тохтамыша и с извещением о движении

войск Урус-хана к Туркестану. В ответ Тимур сам перешел Сырдарью и расположился с войском около Отрара. Урус-хан остановился в Сыгнаке. Однако оба войска так и не сблизились, простояв около 3 месяцев в указанных пунктах[98]

После ухода Урус-хана из Сыгнака эмирам Тимура удалось разбить 10-тысячное войско сына Урус-хана Тимур-Мелик-оглана. В 1377 г., по сведениям Низам ад-дина Шами и Шараф ад-дина Йазди, Урус-хан умер. Вскоре умер и его сын и преемник Тохтакия. Тимур посадил в Сауране Тохтамыша, «пожаловав ему царство всего Дешт-и Кыпчака и Джучиева улуса»[99], пока еще не завоеванного, сам же вернулся в Мавераннахр.

Новый акордынский хан сын Урус-хана Тимур-Мелик (1376—79 гг.) разбил в 1377 г. Тохтамыша у Саурана. В 1378 г. Тимур вновь посылает Тохтамыша со своими военачальниками против Ак-Орды. Тохтамыш захватил Сыгнак — столицу Ак-Орды. Остальная территория Туркестана оставалась в руках Тимура. В 1379 г. Тимур, зорко следивший за ответными действиями хана Ак-Орды, не смирившегося с потерей Сыгнака, приказал Тохтамышу отправиться на Каратал и разбить зимовавшего там Тимур-Мелика. Осуществив это, Тохтамыш мог считать себя владыкой Ак-Орды. Многие эмиры Ак-Орды перешли на его сторону. В 1380 г. Тохтамыш захватил Сарай, Хаджи-Тархан, Крым, Орду Мамая. Успех Тохтамыша объясняется разгромом Мамая Дмитрием Донским на Куликовом поле в 1380 г. Для Золотой Орды это был главный удар, означавший начало освобождения Руси от монгольской зависимости. Золотая Орда становится ареной противоборства двух бывших партнеров — Тимура и Тохтамыша[100]

Одновременно с утверждением своей власти в Туркестане и поддержкой своего ставленника в Дешт-и Кыпчаке, претендента на ханский престол Ак-Орды Тохтамыша, Тимур вел захватнические войны на территории Юго-Восточного Казахстана, Киргизии и Кашгарии.

Тимур поставил перед собой задачу ослабить могульских правителей, которые могли бы помешать его целям создания мощного централизованного государства в бывших владениях Чагатаидов. В течение двух десятилетий он систематически организовывал набеги на Юго-Восточный Казахстан и Киргизию, чередуя их с походами на Дешт-и Кыпчак, Хорезм, страны Ближнего и Среднего Востока. В 1371—1372 гг. Тимур послал войско в Могулистан, которое дошло «до пределов Алмалыка», разбило киреитов и вернулось[101]. В этом же году он лично выступил в поход на Могулистан, дойдя при этом до Сегиз-Игача в Прииссыкулье. Захватив большое число пленных и добычу, «выходящую за пределы исчисления», войско Тимура вернулось. Это были разведывательные походы Тимура, окончившиеся захватом добычи и пленных и демонстрацией своей силы. После этого последовала серия походов 1375—1377 гг. против эмира Камар ад-дина Дуглата, который был в это время наиболее крупным феодальным правителем Могулистана.

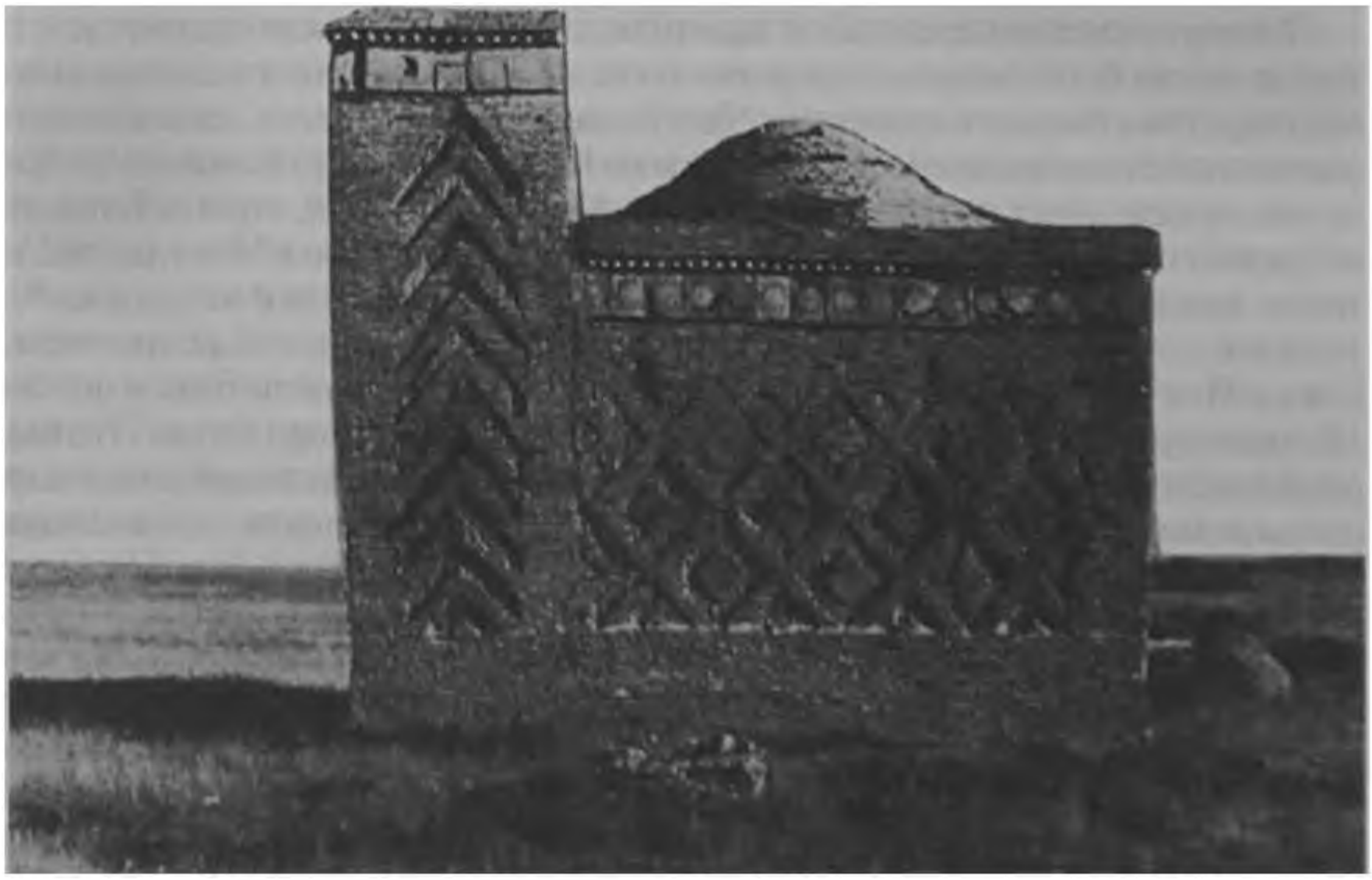
В 1375 г. войска Тимура дошли до Или. Путь завоевателей проходил через Сайрам, Таласскую долину в глубь Жетысу. В ущелье на р. Чарын произошло сражение с Камар ад-дином передового отряда (манглай) тимуридского войска во главе с Джахангиром. Могулы обратились в бегство. Тимур отправил в погоню большой отряд, он гнался за могулами до р. Или и вдоль нее: «Когда настигли вражеский иль, разграбили его, захватили все имущество, скот, а «тысячи» (хазареха), которые составляли иль, разделили на курени и отпра-

вили в Самарканд»[102]. Факт угона массы захваченных в плен людей показателен для набегов Тимура на Могулистан.

Весной 1376 г., занятый завоеванием Хорезма, Тимур послал в Могулистан против Камар ад-дина эмира Сар-Бугу кыпчака, Адил-шаха и других эмиров с 30-тысячным войском. Однако эмиры не пошли в Могулистан, а, пользуясь уходом самого Тимура на Хорезм, подняли мятеж и, собрав своих людей из джалаиров и кыпчаков, выступили на Самарканд. Потерпев неудачу, они бежали в Дешт-и Кыпчак, рассчитывая на поддержку хана Ак-Орды Уруса. Затем эмиры ушли в Могулистан к Камар ад-дину, призывая его воспользоваться отсутствием в Мавераннахре Тимура и послать туда войска и поддержать их, эмиров, в противодействии Тимуру. Однако вернувшийся в Мавераннахр Тимур нагнал Камар ад-дина у Атбаши (в долине Нарына) и разбил. Захватив большую добычу, Тимур вернулся в Мавераннахр[103].

В 1377 г. Камар ад-дин был разбит дважды: первый раз в предгорьях Каратау; второй — в Боамском ущелье, на пути из Чуйской долины к озеру Иссык-Куль[104]. Боеспособность его войск, как отмечают источники, оказалась полностью подорванной; вместе с «неисчислимой добычей» Тимуром было взято в плен огромное число людей. Пленники были доставлены в Мавераннахр и проданы в рабство. Камар ад-дин потерял свои основные военные силы, да и весь могульский улус долгое время не мог оправиться от разгрома.

В 1383 г. войско, отправленное Тимуром в Могулистан, разбило военный отряд из племени ба'арин. Глава Могульского улуса Камар ад-дин успел уйти на север Жетысу, а немного позже ушел к Тохтамышу в Дешт-и Кыпчак.

Мавзолей Жуздена (XIV–XV вв.). Центральный Казахстан

Развязав себе на время руки в Могулистане, Тимур вернулся в Мавераннахр, где наряду с захватническими планами в Хорезме и в Иране завоевателя ждали все более осложнявшиеся отношения с его бывшим ставленником в Ак-Орде Тохтамышем.

Опираясь на ту часть аристократии Ак-Орды, которая хотела восстановить власть Джучидов на всей территории Золотой Орды и в XIV в. неоднократно посылала своих претендентов на золотоордынский трон, а также используя разгром Мамая Дмитрием Донским, с одной стороны, и занятость Тимура завоевательными акциями в Хорезме, Иране, Могулистане, с другой стороны, Тохтамыш захватил власть в Золотой Орде. Великодержавные устремления Тохтамыша вызвали отпор Тимура, которому усиление объединенных под одной сильной властью Золотой Орды и Ак-Орды было крайне нежелательно. Началась ожесточенная продолжительная борьба Тимура с Тохтамышем.

В 1387 г. Тохтамыш потерпел поражение от Тимура на Кавказе на реке Куре, но в Средней Азии союзные Тохтамышу войска Камар ад-дина и Енгетора разорили окрестности Самарканда и Бухары. Тимур окончательно разгромил Хорезм и, стерев с лица земли его столицу город Ургенч, весной 1389 г. переправился через Сырдарью. Тохтамыш бежал в глубь степей, однако Тимур, миновав Каратау, не стал его преследовать за пределами Туркестана, а повернул в Жетысу, чтобы сначала разбить могулистанских союзников Тохтамыша.

Сложившийся к концу 80-х гг. политический союз правителей Могулистана и Ак-Орды против Тимура, в который входили Камар ад-дин, Енге-тора, а с 1389 г. — новый глава Могулистана Хизр-Ходжа-хан и Тохтамыш, способствовал объединению разрозненных политических и военных сил Ак-Орды и Могулистана против единого врага. Коалиция была направлена против попыток Тимура поставить в зависимость население Казахстана и Киргизии, помешать укреплению хозяйственной и политической независимости государств на территории Дешт-и Кыпчака, Жетысу и Притяньшанья.

В ответ на объединение сил правителей Ак-Орды и Могулистана Тимур предпринял два наиболее тяжелых по своим последствиям для коренного населения Казахстана грабительских похода: в 1389 г. в Могулистан и в 1390—91 гг. в Ак-Орду и Золотую Орду.

Противником Тимура в Могулистане в период похода 1389 г. были Енгетора и Хизр-Ходжа-хан. В Могулистан войско Тимура шло мимо северных склонов Каратау, затем вдоль реки Чу. После переправы через реку Или достигли Аягуза, где Тимур разделил свое войско на две части. Сам Тимур пошел в Кара-Гучур, в западной части Тарбагатая. Омар-Шайх с другой группой войск дошел до реки Кобук, где в большом сражении разбил Енге-тора. Могульский предводитель бежал за Иртыш, а победителям достались «неисчислимые добыча и богатство»: «много лошадей, верблюдов, а также пленных»[104]

Находясь сам в Тарбагатае, Тимур разослал в разные концы Могулистана 5 отрядов общей численностью до 120 тыс. человек. Затем основные войска во главе с Тимуром направились из района Эмиля на Йулдуз, равнину в междуречье Кунгеса и Текеса, по пути разбив племя булгачи[106].

Один из отрядов натолкнулся на Хизр-Ходжа-хана. Оба войска два дня простояли, не рискнув начать сражение, и разошлись. Тимур с Йулдуза про-

шел через горный проход Каратур в местность Карабулак в Восточном Туркестане, настиг войско Хизр-Ходжи, обратил его в бегство и преследовал до Чалыша. «Не осталось у него [Хизр-Ходжа-оглана] ни царства, ни добра, ни войска», – отметил источник[107].

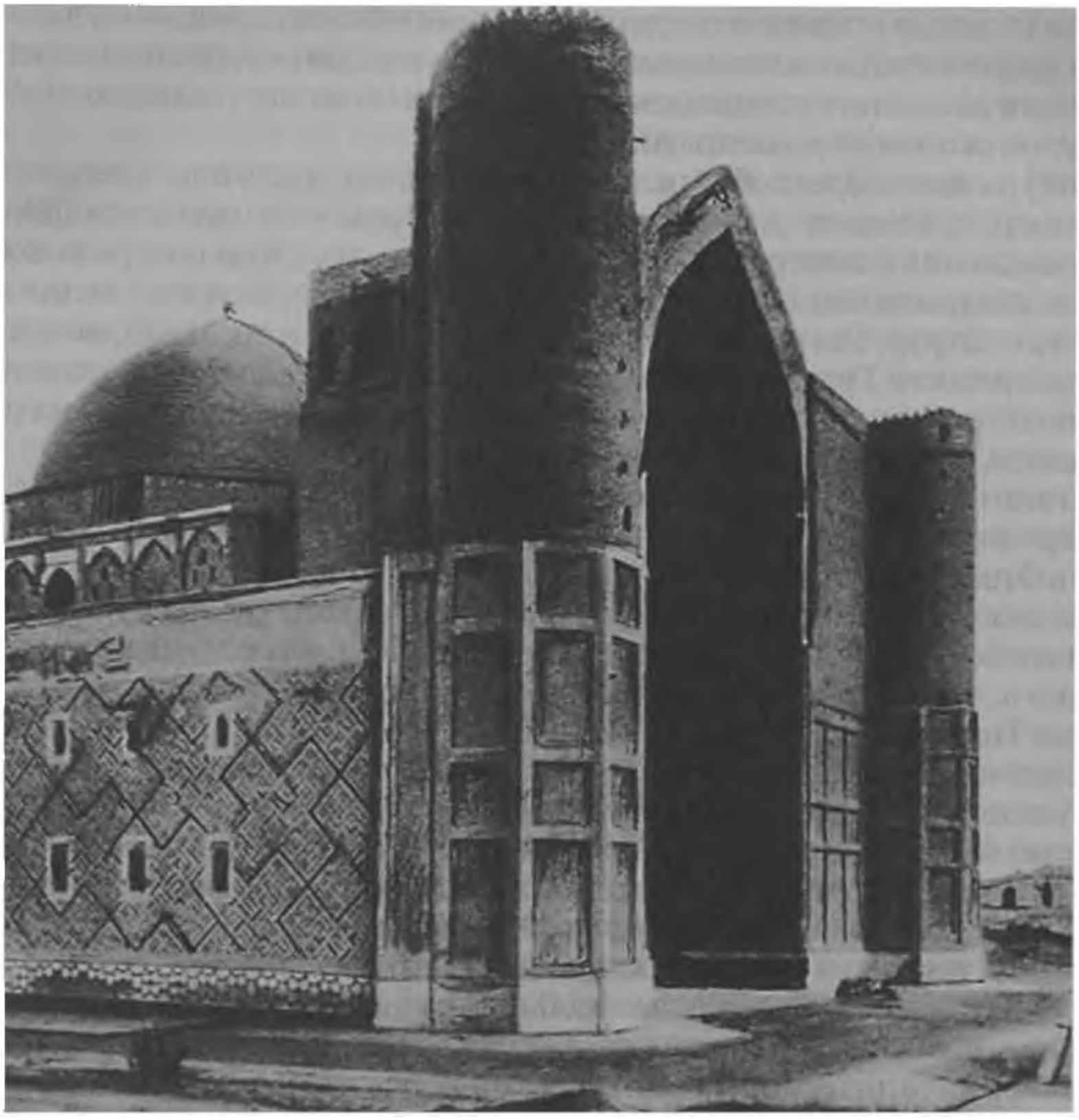
Несколько дней пробыв на Йулдузе, где собрались все отряды, 8 августа 1389 г. Тимур выступил в обратный путь на Самарканд.

В следующем, 1390 году войско Тимура проследовало к Иссык-Кулю, затем на Кок-Тобе, миновало Алмалык, переправилось через р. Или и настигло Енге-тора на Каратале. Здесь произошла битва одного из передовых отрядов войска с Камар ад-дином, который ушел за Иртыш. Часть войска тимуридских эмиров гналась за ним налегке, без обоза. Камар ад-дин бежал в сторону Алтая. В знак подчинения Тимуру этих территорий было произведено клеймение и тамгование лесов[108]. Источники, описывающие походы Тимура в Могулистан, неоднократно отмечают огромное количество добычи, захваченной его войсками, главным образом, коней и овец, многочисленных пленных.

Опустошив Могулистан и разогнав его правителей, Тимур вернулся к решению аналогичной задачи в Дешт-и Кыпчаке, то есть уничтожению могущества Тохтамыша и его объединенного государства. 21 января 1391 г. Тимур выступил с 200-тысячным войском в поход. Миновав Отрар, Ясы, Карачук, Сауран, в апреле войско прибыло на Сары-Су (Сары-Узен) и подошло к Улу-Тагу. Далее войско Тимура пересекло реки Джиланчик, Тобол, Сакмара, Урал (Яик). Войско Тохтамыша было настигнуто в местности Кундурча. 18 июня 1391 г. здесь произошло сражение, в котором Тохтамыш потерпел поражение[109]. С огромной добычей Тимур вернулся назад, обратный путь его лежал несколько южнее: через Яик, Сауран и Отрар. Этот поход Тимура лег огромной тяжестью на население Южного, Центрального и Западного Казахстана, через которые пролегал маршрут. На своем пути войска Тимура грабили и уничтожали все, что попадалось. Бесчисленная добыча: лошади, овцы, всякого рода имущество, пленные – были захвачены не только в результате поражения Тохтамыша, но и на обратном пути. Многие акордынские улусы, не успевшие вовремя уйти, были разграблены. «Обилие добычи и скота доходило до того, что пешие нукеры возвращались обратно с 10 и 20 головами лошадей, а одноконные – со 100 лошадьми и больше... Баранов же и прочих видов скота /даже/ нельзя было сосчитать», – отметил Низам ад-дин Шами так сказать, «вещественные итоги похода»; «Эмир Тимур истребил много народа», – заключил Абулгази свое сообщение об этом походе, оценивая его результаты в демографическом плане[110].

Тохтамыш лишь в 1393 году временно восстановил свою власть в Золотой Орде, но большая часть Ак-Орды осталась вне его власти: здесь Едыге объявил ханом Джучида Тимур-Кутлука, их поддержали многие представители акордынской аристократии[111].

В 1395 г. произошло новое сражение между Тимуром и Тохтамышем на Северном Кавказе, в долине р. Терек. Тохтамыш потерпел полное поражение. Преследуя его, Тимур вторгся в русские пределы (дошел до Ельца), затем устроил погром золотоордынских городов: захватил и разрушил столицу Золотой Орды Сарай-Берке на Волге. Были разрушены крупные города в Поволжье и Крыму – Астрахань, Каффа, Азак и др. Золотой Орде был нанесен окончательный удар. В ее развитии наступил новый период – «фактически назревшего политического краха и территориального развала»[112].

Портал Мавзолея Ходжа Ахмада Ясави. Конец XIV в.

В результате многочисленных походов и завоеваний к концу 90-х годов XIV в. Тимуру удалось образовать огромную империю, в которую входили не только Мавераннахр, Хорезм, прикаспийские области, территории современного Афганистана, но и Иран, часть Индии, Ирак, частично Закавказье, ряд стран Западной Азии.

Неисчислимые бедствия местному населению принесли и походы Тимура на территорию Казахстана и Киргизии. В историографии сложилось ошибочное мнение, что в Дешт-и Кыпчак и Юго-Восточный Казахстан, в Киргизию и Восточный Туркестан Тимур ходил только для того, чтобы отразить нападения живших здесь кочевников на оседлые районы Средней Азии. Походы в Ак-Орду, Золотую Орду, Могулистан и Кашгарию носили откровенно грабительский, захватнический характер, чему есть свидетельства в источниках. «Ради интереса управления могульскими илями [Тимур] принял решение отправиться в поход в те области», — говорится в одном из них[113]. Деятельность Тимура сыграла в истории народов Казахстана и Киргизии негативную роль. Грабительские набеги отрицательно сказались на демографи-

ческом и экономическом положении Восточного Дешт-и Кыпчака и особенно Юго-Восточного Казахстана: значительно уменьшилась численность населения, частью угнанного в плен, частью погибшего, пришли в упадок остатки древней оседло-земледельческой культуры Жетысу, пострадавшей еще до этого в результате установления господства монголов; понесло тяжелейший урон скотоводческое хозяйство[114].

Тимур ставил перед собой целью и прямой захват здесь новых территорий, например, присырдарьинских владений Ак-Орды — ее городских центров, присоединения к империи Жетысу и Кашгарии. Ак-Орда потеряла южные города, центры экономической, административной, культурной жизни государства — Отрар, Сауран, Ясы (Туркестан), Сайрам и др. Прибрав к рукам города-крепости Туркестана, Тимур использовал их в качестве форпостов на северных границах своего обширного государства, в частности, на них он базировался, организуя свой последний грандиозный поход на Китай.

Итогом заключительных походов Тимура в Могулистан 1389-1390 гг. явилось признание Хизр-Ходжа-ханом вассальных отношений. Лишь смерть Тимура в Отраре в начале 1405 г. сняла угрозу окончательного подчинения Могулистана. После смерти Тимура созданная им силой оружия империя в результате вспыхнувшей сразу же династийной борьбы распалась на части. Однако потомки его еще некоторое время удерживали в своих руках захваченные Тимуром территории.

Следствием агрессии Тимура в отношении Казахстана и Киргизии явились упадок Ак-Орды в первой четверти XV в., обособление Ногайской Орды и ханства Абулхайра, усиление раздробленности в Могулистане в это же время.

В обоих государствах еще более ослабла центральная ханская власть, расширились усобицы, в конечном счете — затормозился процесс этнического сплочения тюркских племен Восточного Дешт-и Кыпчака, Жетысу и Тянь-Шаня в народности. Феодальные усобицы, распад государства на отдельные владения, особенно в условиях вторжения вражеских войск, отрицательно сказались на этнической и политической консолидации тюркских племен Казахстана и Киргизии.

5. ВОСТОЧНЫЙ ДЕШТ-И КЫПЧАК И ЖЕТЫСУ В I-Й ПОЛОВИНЕ XV ВЕКА

К исходу первой половины XV в. в западной части евразийских степей завершилась двухсотлетняя история огромной Ордынской державы. Пережило это государство в своем развитии период мощного подъема в I-й половине XIV в., при Узбек-хане и — в меньшей степени при Жаныбек-хане, когда оно достигло наивысшего военно-политического могущества и экономического расцвета, выразившегося в росте городов, международных связей, внешней торговли, принятии ислама, развитии культуры[115]. Пройдя еще в течение полустолетия (2-я половина XIV в.) период «великой замятни», упадка, попытку восстановления улуса Джучи Тохтамышем при щедрой поддержке его эмиром Тимуром, а затем разгрома государства этим завоевателем, Орда распалась на несколько самостоятельных государств.

Она распалась прежде всего в силу внутренних факторов ее развития, среди которых главными были: обособление улусов и усиление децентрализации власти в государстве; обострение династийной борьбы, междоусобицы,

сепаратизм знати родов и племен, кочевой и оседлой; формирование новых народностей, особенно на окраинах громадной территории Золотой Орды.

Постепенный рост и укрепление экономической самостоятельности крупных улусов, которые сложились на базе насильственно объединенных в XIII в. в Орде монгольскими ханами естественно и исторически обособленных территорий, превратили постепенно Золотую Орду в комплекс полусамостоятельных и самостоятельных улусов» (Среднее и Нижнее Поволжье, Поднепровье, Крым, Северный Кавказ, Хорезм, Восточный Дешт-и Кыпчак).

Золотая Орда распалась на отдельные части в силу самой улусной организации ее государственной структуры, которая могла функционировать лишь при очень сильном правителе. Экономическая мощь правящих улусных вождей, многих представителей аристократии, основанная на собственном улусе и юрте, на доходах от военных грабежей, внешней торговли, неуплаты налогов в центральную казну, наконец, на доходах от занимаемых крупных государственных должностей (улусбеков, беклярбеков, темников-военачальников, командующих 10-тысячным войском и др.), делала улусных правителей фактически независимыми от центральной власти. Группировки феодалов, аристократии поддерживали своих сторонников среди претендовавших на ханскую власть Джучидов, способствовали разжиганию междоусобиц между ними[116]

В сущности в Золотой Орде происходили те же процессы, что и в других монгольских улусах (государствах), например, в Чагатайском (в Мавераннахре), приводившие их к полному политическому развалу. Сепаратизм знати усиливался при слабых ханах, постепенно превращавшихся в безвольных марионеток; он завершался стремлением к созданию самостоятельных ханств (государств). Поднимаются политические и экономические авторитеты вождей местных племен (дуглатов – в Могулистане, мангытов – в Ногайской Орде и т.д.). В конечном счете это способствовало появлению новых государств, формированию новых этносов-народностей.

На судьбы Золотой Орды повлияла и изменившаяся геополитическая обстановка в прилегающих к Великой Степи регионах. Рядом с Ордой, на ее границах поднимались и крепли мощные силы, большие и малые государства, – империя эмира Тимура и Тимуридов – на юге и юго-востоке, новые политические образования в Восточной Европе: Московское княжество (Русское государство), Польско-Литовское государство, Молдавское, Венгерское княжество. Таких соседей в предшествующее столетие–полтора у Золотой Орды не было[117]. Происходило ослабление зависимости покоренных в XIII в. монголами народов, сложение их в крупные народности. Активизация борьбы за независимость, главным образом, русского народа, успешное начало которой было положено на Куликовом поле московским князем Дмитрием Донским, с одной стороны, с другой стороны, поражение Тохтамыша в попытках противостояния агрессии Тимура ослабили Золотую Орду. Преднамеренное разрушение Тимуром ордынских городов Поволжья и Крыма имело целью окончательно подорвать хозяйственную жизнь наиболее развитых районов Орды, уничтожить транзитную торговлю, поддерживавшую жизнь в этих городах, сокрушить военную мощь государства, развалить его на части.

Все эти факторы привели на рубеже XIV–XV вв. великое государство к упадку, постепенному политическому развалу. После тимуровских погромов отдельными его частями-улусами (самая большая из них – Большая Волжс-

кая Орда) стали управлять в самом конце XIV – начале XV вв. соперничавшие друг с другом ханы Койричак, Тимур-Кутлук[118], беклярбек Едыге и др.[119] Попытки Едыге удержать под единой властью более значительную часть территории Золотой Орды, преодолеть нараставшую в Орде политическую анархию были уже безуспешны, как безуспешны были и попытки помешать развитию закономерно возникших тенденций в историческом движении Московской Руси, Польско-Литовского государства по пути к централизации.

В первой половине XV в. Золотая Орда развалилась на части[120], во главе которых стали Джучиды различных линий. Аль-Айни писал в связи с этим, что «каждый из них (лиц из рода Джучи) правил своим краем, и ни у одного из них дело не шло на лад»[121]. В 1438 г. образовалось Казанское ханство в Среднем Поволжье, в нем утвердился Улуг-Мухаммад, внук Тимур-Кутлуга, в начале XV в. занимавшего трон в Хаджи-Тархан (Астрахань)[122]. В степях Восточной Европы, на Дону и Нижнем Поволжье во 2-й четверти XV в. правил хан Золотой Орды Киши (Кичи)-Мухаммад, брат Улуг-Мухаммада, сын Тимура. Оба брата длительное время сражались за власть в Золотой Орде. В 1443 г. выделилось Крымское ханство; в 1466 г., уже после Киши-Мухаммада, отделилось Астраханское ханство, а на оставшейся части Золотой Орды, между Волгой и Доном и в Сарае стал править сын Киши-Мухаммада хан Ахмад. Его государство называлось Большой Ордой. Именно он стал союзником казахского хана Жаныбека в борьбе против Шайбанидов.

Упадок Ак-Орды. События в распадавшейся Золотой Орде находили непосредственное отражение в судьбах восточной части улуса Джучи. Территория и границы Ак-Орды постоянно изменялись, особенно на юге, в районе присырдарьинских городов. Многие Джучиды, боровшиеся за власть в Золотой Орде, опирались на Ак-Орду, ее хозяйственный и военный потенциал, но тем самым они ослабляли ее, и не только экономически, но и подрывали основу государственной организации Ак-Орды.

Первый и решающий удар по территориальной целостности, политической и экономической самостоятельности Ак-Орды нанесла, как отмечено выше, агрессивная политика среднеазиатского завоевателя эмира Тимура. Но и действия отдельных ее собственных правителей, в частности Джучида Тохтамыша, усугубили ослабление Ак-Орды. Своими бесконечными войнами за золотоордынский трон, агрессивными действиями на русских землях, в Закавказье и Крыму, в Хорезме и Поволжье Тохтамыш истощил материальные и людские ресурсы Ак-Орды. Другой представитель крупной военно-кочевой аристократии, эмир Едыге, основатель обособившейся на Яике в конце XIV в. Мангытской (Ногайской) Орды (Мангытского или «Ногайского юрта»), также на рубеже XIV–XV вв. взял на себя роль объединителя Золотой Орды и восточной части улуса Джучи. Возводя одного за другим на сарайский трон Джучидов из Ак-Орды – потомка Тука-Тимура Тимур-Кутлука, его двоюродного брата Шадибека, сына Тимур-Кутлука Пулада, он сам управлял Золотой Ордой от их имени, продолжая владеть уделом на Яике, пока не погиб в 1420 г. в борьбе со своими же ставленниками. В Ак-Орде же при этом не оставалось никакой реальной центральной власти.

Удалился в Золотую Орду и внук Тимур-Кутлука Улуг-Мухаммад, захвативший было власть в Ак-Орде в 1419 г. Внук Урус-хана Барак-хан, в результате больших усилий отвоевавший власть своих предков в Ак-Орде, в частно-

сти, в борьбе с Улуг-Мухаммадом, в 1423–25 гг. тоже устремился вслед за ним в Золотую Орду, одолел там ряд претендентов на ордынский трон, взял Сарай, а затем Казань, которая некоторое время называлась «Юртом Барак-хана»[123]

Всю первую четверть продолжались смуты и неурядицы в Узбекском улусе (Ак-Орде), вызванные династийной борьбой Джучидов трех линий: потомков Орда-Еджена, Шайбана, Тука-Тимура. Многие из них, как видим, устремлялись в Сарай; только за 17 лет (1400–1417) там сменилось 8 ханов, в основном сыновья Тохтамыша (потомки Тука-Тимура). Их имена назвали Ахмад Гаффари и Хайдар Рази: «Джалал ад-дин, Керим-Берды, Кепек-хан, Джаббар-Берды, Мухаммад-хан и другие огланы, вроде Чаку, сына Дервиш-оглана, сына Алаху; Гийас ад-дина, сына Шадибека»; «Все они недолгое время правили»[124]

Тука-тимуриды в конечном счете преуспели в западной части бывшего улуса Джучи: они возглавили несколько улусов Золотой Орды, ставших упомянутыми выше самостоятельными государствами («татарскими» ханствами). На их права никак не повлиял факт, отмеченный автором «Бахр аль-асрар», что они были «хан оглы» («ханскими сыновями»), по мнению В. П. Юдина, не имевшими права на власть[125].

В Восточной части Дешт-и Кыпчака власть также делят представители всех трех династий. Шайбаниды приходят к власти на большей территории Узбекского улуса к концу 20-х годов. Гаффари писал об этом: «Так как держава дома Орды вследствие вражды детей Тохтамыша совсем ослабла, то некоторые из потомков Шибана, сына Джучи, сына Чингиз-хана, найдя случай удобным, склонили на свою сторону некоторых и восстали».[126]

Но пока четверть века власть в своих наследственных владениях отстаивают потомки Урус-хана. Перед одним из них, Барак-ханом, встали особенно сложные задачи по отвоеванию южных земель улуса.

До 1409–1410 гг. в Ак-Орде правил сын Урус-хана Куйручук-оглан, еще в 1395 г. поставленный Тимур-ханом в Золотой Орде. Однако он был изгнан оттуда мангытским эмиром Едыге, возводившим на трон своих ставленников – Чингизидов. Источники почти ничего не сообщают о времени пребывания Куйручука у власти в Ак-Орде.

Следующий правитель (он назван «Чингиз-огланом из Ак-Орды») упомянут Абд ар-Раззаком Самарканди[127] как владетель Сайрама и Янги (Тараза), в последние годы борьбы мятежного эмира Шайх Нур ад-дина с Шахрухом и Улугбеком (в 1409–1411 гг.). Вместе с Шайх Нур ад-дином он вмешивался в борьбу Тимуридов. Очевидно Чингиз-оглана призвал в упомянутые города Шайх Нур ад-дин, враждовавший с их прежним владельцем Худайдадом Хусайни, эмиром из Мавераннахра.

В 1416 г. Чингиз-оглан был свергнут в Ак-Орде сыном Тохтамыша Джаббар-Берды, но уже с 1418–1419 гг. разгорелась борьба за власть в степи между внуком Урус-хана, сыном Куйручук-хана Барак-огланом и Улуг Мухаммадом, внуком Тимур Кутлук-хана, правителя Золотой Орды. Улуг Мухаммад одержал сначала верх, Барак-оглан бежал на Сырдарью и в мае 1419 г. прибыл в Самарканд просить помощи у Улугбека против своего соперника. Улугбек оказал ему поддержку, надеясь в будущем иметь в его лице послушного ставленника в Восточном Дешт-и Кыпчаке и тем обезопасить свои владения в Туркестане и на Таласе.

Именно здесь были личные владения Улугбека. Еще в 1404 г. эмир Тимур передал захваченные им области в Узбекском улусе и Могулистане своим внукам: он пожаловал Улугбеку «Сайрам, Йанги (Тараз), Ашпару и вилайет Джете (Могулистан) – до пределов Китая, а Ибрахим-султану – Андижан, Ахсикет и Кашгар, до Хотана»[128].

Тимур заложил основу долгого, на два столетия, противостояния степных ханов Восточного Дешт-и Кыпчака и правителей Мавераннахра. Предметом спора были города Туркестана (Южного Казахстана) и западной части Жетысу (Чу-Таласской долины). С потерей присырдарьинских городов Ак-Орда (или Узбекский улус) лишилась не только стратегической базы в этом противостоянии, но и жизненно важного для экономики государства региона, просто лишилась государственного центра. Еще в Кыпчакском ханстве его правители отстаивали здесь свою столицу от хорезмшахов. Ханы Ак-Орды в XIV в. также имели здесь свою столицу, заботились о благоустройстве городов. По сведениям Му'ин ад-дина Натанзи, в Сыгнаке и Сауране хоронили ханов Ак-Орды, это было знаком владения территорией. На города Туркестана опирались те из Джучидов, кто искал власти не только в восточной части улуса Джучи, но и в западной.

Многие объединители Золотой Орды и всего улуса Джучи опирались в своих действиях в борьбе за ханский трон в Сарае на Ак-Орду и ее городские центры, на аристократию Ак-Орды и торговую верхушку в городах Туркестана. Кризис городского хозяйства, упадок городов, торговли и ремесла, политические смуты в Золотой Орде в последней трети XIV в. в низовьях Волги[129] и в то же время – устойчивый подъем городов на юге Казахстана в середине XIV в. при ханах Ак-Орды, о чем сообщают письменные источники и археологические материалы, оказали большое воздействие на ход политических событий в Золотой Орде и Ак-Орде. Разложение государственности Золотой Орды, упадок ее политического единства происходили в последней трети XIV – первой четверти XV вв. при постоянном вмешательстве в ее дела феодальной знати и Джучидов Ак-Орды. Именно они продлили на некоторый срок видимость единства этого государства.

Причем все претенденты на власть в Золотой Орде опирались на города Ак-Орды, вели за них ожесточенную борьбу со своими внутренними противниками и отбивались от притязаний на эти города со стороны среднеазиатских правителей.

Значительная часть феодально-кочевой аристократии Ак-Орды стремилась к сближению с городской жизнью, к превращению городов в опорные базы своей власти, что могло способствовать централизации управления государством. Характерно, что Ак-Орда была достаточно прочным и единым государством именно тогда, когда в управлении улусами Орда-Еджена и Шайбана, объединенными в Ак-Орде, главенствовали те круги знати, которые были связаны с городами на Сырдарье, имели здесь свои владения (сойургалы), вели торговые операции. Они поддерживали ханов в их борьбе за централизацию государства, отпоре Тимуру и его преемникам, стремившимся захватить города Туркестана; они поддерживали ханов Ак-Орды, в частности Урус-хана, Тохтамыша, позднее Барак-хана, в их поисках союзнических отношений с правителями Могулистана в целях отражения агрессивной политики среднеазиатских владетелей[130].

Но эти круги акордынской аристократии поддерживали своих ханов до тех пор, пока ханы стремились к упрочению власти, к установлению сильной государственности в самой Ак-Орде. Когда же ханы удалялись в Золотую Орду, пытаясь восстановить единство улуса Джучи, то многие из акордынской знати отворачивались от них и поддерживали нового претендента на власть в восточной части Дешт-и Кыпчака. Так, после того как Урус-хан углубился в дела западной части улуса Джучи, «завладел троном и государством Узбек-хана», многие из эмиров и беков Ак-Орды отвернулись от него и поддержали Тохтамыша. Когда же и Тохтамыш, укрепившийся после Урус-хана в Ак-Орде, захватил власть в Золотой Орде, он в свою очередь лишился поддержки акордынской аристократии (среди менее известных, чем Тохтамыш, Едыге, Тимур-Кутлук, лиц из ее рядов источники и исследователи называют имена эмиров Али-бека, Урук-Тимура, Кунче-оглана, Иса-бека — брата Едыге и др.)[131], значительная часть которой поддержала эмира Тимура в его противодействии Тохтамышу. Она надеялась на установление им твердой власти в степи, покровительство городам Туркестана. Когда же Тимур захватил присырдарьинские владения Ак-Орды и нависла угроза подчинения им и всего государства, угроза утраты акордынской знатью своей самостоятельности, она выступила против ставленников Тимура и против него самого и сплотилась вокруг эмира Едыге и выдвинутого им на ханский трон Тимур-Кутлука. Но и при Едыге вновь все повторилось — уход его на территорию Золотой Орды лишил его поддержки со стороны феодальной знати восточной части улуса Джучи и ослабил его в борьбе с многочисленными противниками за сарайский трон.

Целостность государственно-политической организации Ак-Орды зависела от того, в руках каких группировок военно-кочевой знати находилась власть, какие из группировок знати, более тесно связанные с городами или с кочевой степью, оказывают влияние на очередного хана. На внешние завоевания, в частности, на амбициозные действия в Золотой Орде толкали ханов группировки кочевых феодалов, заинтересованных в войнах, набегах, грабежах соседних территорий. В период развала Золотой Орды на рубеже XIV—XV вв. именно сюда, на запад, были направлены устремления этой части знати Восточного Дешт-и Кыпчака, так как на юге выросло мощное государство эмира Тимура, который сам вел захватнические войны на территории Туркестана, Жетысу, Токмака (так называли в Средней Азии и в источниках степи Восточного Дешт-и Кыпчака) и Кашгарии.

Тимуридские завоевания южной части территории Ак-Орды, притом самой развитой в хозяйственно-культурном отношении ее части, нарушили функционирование традиционно сложившихся торгово-экономических связей населения степных скотоводческих и оседло-земледельческих районов Ак-Орды, нарушили сложившееся сочетание кочевого уклада населения степи и торгово-ремесленной деятельности городов. Лишившись городов, аристократия Ак-Орды потеряла возможность найти пути к централизации государства. С утратой городов Туркестана сократились элементы оседлости и в комплексном скотоводческо-земледельческом хозяйстве прилегающих районов Каратау, Чу-Таласской долины, Сарысу. Усилились кочевнические тенденции в феодальных кругах Ак-Орды; верх в них стали одерживать группировки, связанные с кочевой степью; с потерей городов не стало сил, стремившихся к укреплению твердой государственной власти в ханстве.

Но со временем явилась возможность отвоевать присырдарьинские города, вернуть земли Туркестана. Это стало главной задачей правителей Узбекского улуса. Ее решению могла содействовать изменившаяся обстановка в государстве Тимура; оно уже не было таким мощным, каким было при его основателе.

Потомки Тимура в отношении к Туркестану, Восточному Дешт-и Кыпчаку и Могулистану пытались продолжать его политику. Они старались не выпускать из своих рук присырдарьинские города, а в степи поддерживать своих сторонников, различных отпрысков джучидского рода, искавших у них покровительство во время ожесточенных междоусобиц, разгоревшихся в это время в ослабленных Тимуром Могулистане и Ак-Орде. Но в первое время, время усобиц и у самих Тимуридов, ряд городов Присырдарьи отпал от их владений. Их захватили мятежные эмиры, ранее подчинявшиеся Тимуридам. Ясы и Сауран захватил Бердыбек, бывший наместник в Отраре. Сайрам вместе с Ташкентом, Янги (Таразом) и рядом областей Мавераннахра (Ходжент, Фергана) был захвачен эмиром Худайдадом Хусайни и Шайх Нур ад-дином Кыпчаком[132]. Первый был атабеком Тимурида Халид-султана, наследника Тимура. Последний был сыном крупного тимуровского эмира Сар-Буга-йи Кыпчака, который изменил в свое время Тимуру и бежал от него к Урус-хану, а затем в Могулистан[133].

Постепенно в борьбу за территорию оазисов Средней Сырдарьи вмешиваются ханы Могулистана. Худайдад Хусайни заключил мир с могульским ханом Шам'и Джаханом, тимуридские войска по этому договору покинули крепость на Иссык-Куле и Ашпару. Но продолжались их стычки за Янги (Тараз) и окрестные земли.

Опираясь на захваченные территории, новые владельцы Туркестана вмешивались в дела Тимуридов в Мавераннахре, вступали то во враждебные, то в союзные отношения с могульскими ханами Шам'и Джаханом, Мухаммадом, враждовали между собой.

Один из них, эмир Шах-Малик осадил Сауран, где за высокими крепостными стенами с большими силами укрылся Шайх Нур ад-дин. В результате переговоров Шайх Нур ад-дин вышел из крепости, но был убит[134]. Сауран вместе со всей территорией Туркестана, включая Сыгнак, вошел в 1411 г. в состав владений Улугбека (1409–1447 гг.). Тимуриды, таким образом, восстановили свою власть в Присырдарье. Правителем этой области был поставлен эмир Арслан-Ходжа-тархан.

Со стороны степных владетелей, правивших в первой четверти XV в. в Ак-Орде, предпринимались попытки воспользоваться смутами у Тимуридов и восстановить власть в Туркестане.

Упомянутому выше Чингиз-оглану удалось на время взять Сайрам и Янги-Тараз. Другой претендент на власть в Ак-Орде, внук Урус-хана Барак-оглан, получил военную помощь от Мирзы Улугбека.

Вслед за войском, ушедшим с Бараком, Улугбек и сам в том же, 1419 году, выступил на север, перешел через Сырдарью, но вскоре повернул назад, получив известие о победе Барака над своим противником. Борьба соперников в степных районах продолжалась несколько лет и завершилась переходом власти в 1422–1423 гг. в большей части «Узбекского улуса» в руки Барак-хана[135]. Некоторое время интересы Барак-хана были сосредоточены в западной части улуса и в г. Сарае, где в числе его противников источники называют еще

несколько Джучидов (кроме Улуг-Мухаммада, среди них были Худайдад, Давлат-Берды и др.).

Но уже к 1425 г. Барак-хан вернулся в казахстанские степи и в 1426 г. пришел с войсками «в область Сыгнакскую к пределам владений мирзы Улугбека», имея намерение отвоевать у Тимурида территории по Сырдарье и бывшую столицу Ак-Орды город Сыгнак.

Надежды Тимуридов на то, что Барак будет послушным их ставленником и верным исполнителем их воли в степи, не оправдались. Барак-хан стремился к самостоятельности, вел борьбу за объединение земель Ак-Орды под единой властью, за укрепление ее политической независимости и самостоятельности. Естественно, это не могло быть осуществлено без того, чтобы в состав государства были включены земли по Сырдарье, уже два столетия принадлежавшие Джучи и его потомкам.

Барак-хан, вслед за своим дедом Урус-ханом, предпочел борьбе за призрачную власть в распадавшейся Золотой Орде укрепиться на собственных землях Ак-Орды на Нижней и Средней Сырдарье, захваченных эмиром Тимуром и Тимуридами.

Эмир Арслан-Ходжа-тархан, наместник Улугбека в сырдарьинских вилайетах, призвал на помощь своего повелителя, говоря, что «нукеры его (Барака) опустошают эту страну, считают себя неограниченными правителями и нагло притязают на верховную власть»[136]. Это заявление тимуридского эмира прямо говорит, что поход Барака имел не столько грабительские цели, сколько должен был утвердить в присырдарьинских городах его власть. Барак открыто заявил в своем послании Улугбеку о своих правах, как потомка Урус-хана на наследие своего деда на бывшие владения Ак-Орды: «Пастбища Сыгнака по закону и обычному праву принадлежат мне, так как дед мой Урус-хан проживал в Сыгнаке и воздвиг там постройку»[137]. И речь здесь идет, конечно, не только о пастбище, сельскохозяйственной округе Сыгнака, но и о самом городе, важном торговом центре и хорошо укрепленной крепости. Мотивировка Барак-ханом своих действий очень важна, так как в ней подчеркивается традиционное право степных владетелей претендовать на власть в присырдарьинских оазисах, фактическую принадлежность их Ак-Орде. Ценные сведения о действиях Барак-хана привел исследователь взаимоотношений Улугбека с узбеками Восточного Дешт-и Кыпчака Б. А. Ахмедов (их сообщает автор XVI в. Абд аль-Карим ибн Мухаммад ат-Тамдахи): «...Барак-хан повел туда [в Туркестан] бесчисленные войска, хорошо вооруженные и снабженные осадными орудиями-камнеметами». Вслед за войском откочевали из Узбекского улуса пять тысяч семей и прибыли к окрестностям Сыгнака»[138]

Арслан-Ходжа-тархан вынужден был в 1427 г. сдать Сыгнак Барак-хану. Хан Ак-Орды получил возможность, опираясь на этот важный стратегический пункт, начать борьбу и за другие города Туркестана, захваченные Тимуром. Тем временем, узнав о притязаниях Барака, Улугбек двинулся из Самарканда с войском к Сыгнаку, уведомив Шахруха о своем выступлении. Шахрух послал к Улугбеку на помощь Мухаммада Джуки с войском. Однако оба они были разгромлены Барак-ханом и бежали в Самарканд, оставив богатую добычу – оружие, коней, продовольствие, разные ценности в руках противника. «Войско Барак-оглана в разных краях владений Мавераннахра и Туркестана занялось грабежом страны и мучением людей и не делало ни малейшего упущения по части опустошения и разорения»[139], – констатировал летопи-

сец последующие события, связанные с преследованием Бараком тимуридского войска до самого Самарканда. Победа Барака в 1427 г. и последовавший за ней набег привели не только к ограблению ряда городов и селений на пути к столице Улугбека, но и вернули под его власть часть туркестанских городов. Получив помощь от Шахруха, Улугбек выступил было со свежими войсками вслед за Бараком, но дошел только до Ташкента, откуда повернул назад, узнав, что Барак вернулся в степь. При этом в источниках не сказано, кто же остался в Туркестане, сумел ли Улугбек оставить там своих наместников (хакимов, даруг), как это было раньше, до прихода Барак-хана. Смуты в Ак-Орде вынудили Барака, не задерживаясь в Присырдарье, уйти в Дешт-и Кыпчак. Но уже в следующем, 831 г. х. (1427–1428 гг.) он пал в междоусобной борьбе. Эту дату сообщают аль-Гаффари и Хайдар Рази.

Точные обстоятельства гибели Барак-хана неизвестны. По сведениям Абд ар-Раззака Самарканди, он погиб в 832 г. х. (1428–1429 гг.) где-то в «стране могулов». Обстоятельства междоусобной борьбы в Восточном Дешт-и Кыпчаке заставили, возможно, Барак-хана искать союзника в Могулистане, где в 1425–1429 гг. правил Вайс-хан, но там тоже не затихали мятежи и усобицы удельных владетелей и вождей племен. Распространялась ли власть Барак-хана на западные районы Жетысу или действительно он пришел туда искать помощь у могульских владетелей против своих противников в Восточном Дешт-и Кыпчаке, сказать трудно: среднеазиатские тимуридские источники этого времени умалчивают о событиях в столь отдаленных районах, если эти события не были связаны непосредственно с действиями в этих районах Тимуридов, а Мухаммад Хайдар писал об этом периоде лишь по смутным, отрывочным преданиям и легендам.

В 1429 г., по сведениям Абд ар-Раззака Самарканди, Шахрух получил известие от Улугбека о том, что Барак-хан убит «в стране могулов» неким Султан Махмуд-огланом. Этот последний в свою очередь был скоро убит Мухаммадом-гази[140]

Хотя Барак-хан не успел воспользоваться результатами своих успешных действий в Туркестане, взятием Сыгнака, но они в дальнейшем послужили закреплению степных владетелей из его родственников в Сыгнаке и прилегающих районах. Правда В. В. Бартольд пишет, что Барак «не расширил своих владений за счет государства тимуридов» и что «Саганак (Сыгнак) остался в руках Улугбека и был завоеван узбеками только 20 лет спустя, при новом хане Абулхайре»[141], но, во-первых, в источниках нет указаний, в чьих руках были эти два десятилетия города Туркестана, в их числе и Сыгнак, а во-вторых, источники не говорят об успехах Тимуридов на северных рубежах их владений. Паническое бегство тимуридского войска из Туркестана в 1427 г. и поход Барак-хана в Мавераннахр, по словам самого же В. В. Бартольда, «наложили отпечаток на все дальнейшее царствование Улугбека». За поражение, нанесенное ему Барак-ханом, Шахрух даже на время лишил Улугбека его наместничества в Самарканде. «В течение следующих двадцати лет он (Улугбек) лично не совершал никаких походов; действия посылавшихся им отрядов не отличались успешностью, и к концу этого периода как моголы, так и узбеки могли безнаказанно совершать набеги на его государство»[142]. События на южных рубежах Узбекского улуса и на западных границах Могулистана в рассматриваемое время, действия тех, кто отвоевывал свои или завоевы-

вал чужие земли в ту смутную эпоху средневековья требуют непредвзятой оценки.

На наш взгляд, Барак-хан, как в свое время Урус-хан, а позже Абулхайр, затем казахские ханы, не «расширял свои владения за счет государства Тимуридов». Он восстанавливал обоснованное вековой традицией территориального размещения племен сложившимися этническими и культурными связями, самим историческим развитием края, правом Ак-Орды на владение не только ее столицей Сыгнаком, но и другими городами Средней Сырдарьи и их округой, захваченными четверть века назад эмиром Тимуром.

В. В. Бартольд и ряд других исследователей[143] недооценивают агрессивной политики самих Тимуридов и основателя их династии эмира Тимура, а позже - Шайбанидов Мавераннахра. Конечно, грабительские набеги хорошо вооруженных мобильных конных войск степных вождей, особенно в пору смут и усобиц в стране, совершались довольно часто (В. В. Бартольд приводит сведения Наршахи о том, что набеги кочевников совершались чаще в зимнее время[144]). Но не менее часто предпринимались набеги, походы, организовывались войны правителями Мавераннахра. Как и во время завоевательных войн Тимура, эти войны в основном велись на землях Ак-Орды (в том числе и Туркестана), Могулистана и Манглай-Субе (Кашгарии), как и на землях собственно Мавераннахра[145]. И Тимуриды также обладали подвижной и многочисленной конницей, под их властью находились многие кочевые племена Средней Азии, Хорезма, Афганистана, Хорасана, из которых формировались тимуридские конные войска. Как раньше Тимур, так и теперь, в первой половине XV века, Тимуриды не столько «сдерживали набеги кочевников», сколько сами вторгались на их территорию, стремились закрепить их за собой, строили там укрепленные пункты, размещали в них гарнизоны, ставили своих наместников и собственных ставленников на местный ханский трон.

Правители, феодальная знать оседло-земледельческих и кочевых скотоводческих областей всячески стремились ослабить друг друга, разжигали рознь и усобицы в соседних странах, захватывали новые территории и новых подданных или, по меньшей мере, разоряли ближайшие районы, отчего страдали в первую очередь народные массы и оазисов, и степных краев. От мирного производительного труда в равной степени отрывались и кочевники, и земледельцы. Нередко к войнам вынуждала ханов, правителей государств воинственная знать. Под давлением жаждущей наживы верхушки Мавераннахра организовывал свои неудачные военные мероприятия, например, даже такой далекий от политики правитель, каким был великий ученый астроном Улугбек.

Видимо, в руках Улугбека в Туркестане оставались только города южной части, т. е. Ясы и Отрар, а со стороны Могулистана его владения простирались не далее Сайрама, так как именно на него нападали могулы в 30-40-х годах как на ближайшие к ним владения Тимуридов. В источниках не говорится прямо, кто владел в эти десятилетия северной частью Туркестана и Каратау, Сузаком, Сыгнаком, Саураном, Ак-Курганом и другими городами, т. е. теми городами, которы, позднее, в 1446 г., взял хан Восточного Дешт-и Кыпчака Абулхайр. Сопоставление сведений источников позволяет заключить, что здесь, на юге Казахстана, на обширной территории присырдарьинских и приаральских степей, в предгорьях Каратау до середины 40-х годов XV в. оставались непобежденными Абулхайр-ханом его противники из потомков ханов Ак-Орды. Приход к власти Барак-хана, его энергичные меры по возвра-

щению акордынских владений в Туркестане хотя не восстановили былую мощь Ак-Орды, но все же привели к определенному изменению политической обстановки на юге Казахстана, сохранив здесь на ближайшие десятилетия владения потомков ханов Ак-Орды как из рода Орда-Еджена, так и Тука-Тимура[146].

Могулистан в I-й половине XV в. Неустойчивое внутриполитическое положение Могулистана способствовало тому, что Тимуриды Средней Азии не оставляли и в дальнейшем притязаний на Юго-Восточный Казахстан. В итоге борьбы за власть между четырьмя сыновьями Хызр-Ходжа-хана — Шам'и-Джаханом, Мухаммад-огланом, Шир-Али и Шах-Джаханом, «вилайет пришел в упадок, а люди разбежались», государство (мамлакат) Могулистан распалось на несколько частей[147]. Пользуясь фактическим безвластием, внук Тимура Искандер, правитель Ферганы, разграбил в 1402–1403 гг. пограничные города Уч-Фирман, Аксу, затем продвинулся вглубь и разорил окрестности городов Бай, Куча (Кусан), Тарим, Хотан. Как и прежде, при Тимуре, применялась тактика обезлюдения завоеванной территории. Взятое в плен население переселялось в Мавераннахр. Источники отмечают огромную добычу, захваченную Тимуридом. Разграбив Кашгарию, Искандер прошел на территорию Жетысу, «до самых отдаленных пределов Могулистана», «до Алмалыка и Бишбалыка». Могульская правяшая верхушка не сумела оказать сопротивление. Улусбек дуглат эмир Худайдад бежал в горы, отступил и новый хан Шам'и-Джахан, одержавший верх в междоусобной борьбе с братьями.

Этот хан (1399—1408 гг.), а после него Мухаммад-хан (1408—1416 гг.) пытались освободить захваченную еще во время подготовки Тимуром похода в Китай западную часть Могулистана (район Ашпары, Йанги-Тараза). Постепенно укрепив свое политическое и военное положение (а по сведениям Муин ад-дина Натанзи[148] число подданных первого из них составляло девяносто туманов, т.е. до 900 тысяч человек), эти ханы в свою очередь вмешивались в междоусобную борьбу в государстве Тимуридов, в частности, оказывали поддержку войсками мятежным тимуридским эмирам, укрепившимся в крепостях Туркестана и на Таласе (Йанги-Тараз и Ашпара). Не покинувший в соответствии с условиями заключенного мира занятые области Худайдад Хусайни был убит могулами около 1408—1409 гг., но Янги (Тараз) и Сайрам еще около двух лет были в руках сына Худайдада Абулхалика, принявшего на себя звание и обязанности наместника Тимуридов.

С Шайх Нур ад-дин Кыпчаком, до 1411 г. остававшимся правителем захваченной территории и не признававшим верховной власти Шахруха и Улугбека, связан интересный факт, раскрывающий родственные связи Джучидов с тюркской знатью. Мирза Хайдар сообщает, что к Шайх Нур ад-дину в Туркестан бежал Вайс-оглан, могульский претендент на трон, который вел борьбу со своим дядей Шир Мухаммадом (хан Могулистана 1418—1425 гг.). Шайх Нур ад-дин Кыпчак отдал за Вайс-оглана свою дочь Даулат-Султан Сакандж (будущую мать Юнус-хана) и помогал ему в борьбе за могулистанский трон[149] В свою очередь еще до этого Шайх Нур ад-дин пользовался поддержкой правителя Могулистана Мухаммад-хана.

Сразу же после смерти в 1411 г. наместника Тимуридов в Янги (Таразе) и Сайраме Абдалхалика Мухаммад-хан выступил с войсками в эту область. Посланный им вперед 15-тысячный отряд во главе с его братом Шах-Джаха-

ном осадил Сайрам и продвинулся до Карасамана в окрестностях Отрара. Но в это же время другой тимуридский эмир Шах-Малик послал войско к Янги на р. Талас, оно разбило оставшиеся там могульские отряды, разграбило обозы. Из захваченной добычи Шах-Малику было отослано 6 тыс. коней. Сам Мухаммад-хан был в это время где-то на пути к Саурану. Поражение под Янги (Таразом) заставило его отозвать свое войско из-под Сайрама и Отрара и заключить перемирие с Шах-Маликом, пообещав ему не поддерживать Шайх Нур ад-дина. Последний обязался не трогать Янги (Тараз).

При Мухаммад-хане Могулистан стал фактически независимым от Тимуридов[150]. Этот хан преуспел не только в освобождении от власти Тимуридов западных районов Могулистана, Чу-Таласской долины, но и стремился пробиться дальше, чтобы получить выход к земледельческим оазисам Туркестана и Ферганы.

Удачная внешняя политика в некоторой степени укрепила внутриполитическое положение; уменьшились феодальные распри. Как отмечал Мухаммад Хайдар Дуглат, Мухаммад-хан упорядочил управление страной. К приведенным выше сведениям, характеризующим внешнюю политику Могулистана при Мухаммад-хане, следует добавить сведения источников, характеризующие внутреннюю жизнь страны. Автор «Та'рих-и Рашиди» говорит о дальнейших успехах пропаганды ислама среди кочевого населения Юго-Восточного Казахстана. Попытка опереться на мусульманское духовенство предпринималась Мухаммад-ханом в целях укрепления своей власти, ее централизации, преодоления сопротивления кочевых феодалов. «Мухаммад-хан был могущественным правителем, хорошим, справедливым мусульманином. Он приложил много усилий для того, чтобы большая часть улуса могулов в его благословенное время приняла ислам. Он проявлял чрезмерную строгость в деле распространения ислама». Выше упоминались меры Мухаммад-хана по исламизации своих подданных; жестокость этих мер не оправдывает даже ссылка на мрачную средневековую эпоху. «Такого рода усилий он приложил много», — заключает Мухаммад Хайдар[151]. В результате этих усилий со стороны правителя государства уже спустя несколько лет улусбек эмир Худайдад Дуглат имел основание говорить Тимуриду Улугбеку в ответ на просьбу последнего обучить его тора (т.е. основному своду обычаев, законов, которыми руководствовались правители кочевого населения со времен Чингиз-хана): «Мы полностью отказались от тора Чингиз-хана и стали следовать шариату»[152]

Однако после Мухаммад-хана смуты и неурядицы в Могулистане вспыхнули вновь, чем не замедлили воспользоваться правители Мавераннахра. Кашгария была в 1414 г. вновь присоединена к тимуридским владениям. В 20-х годах Улугбек предпринимает шаги к распространению влияния Тимуридов и в собственно Могулистане, т.е. на территории Жетысу, на Северном Притяньшанье. Вмешательство в междоусобные распри и поддержка своего ставленника — обычный для этого способ. Аналогичные цели, как уже было упомянуто, ставил правитель Мавераннахра в этот период и в отношении Ак-Орды, которую также расшатывали внутренние усобицы. На два года власть в Могулистане взял Накш-Джахан, внук хана Хызр-Ходжи и сын хана Шами-Джахана, поддержанный знатью Кашгарии и установивший добрососедские отношения с Мавераннахром. Он был убит в 821 г.х. (1418 г.) Вайс-огланом, тоже внуком Хызр-Ходжи-хана, сыном Шир-Али-оглана. В разгоревшейся

борьбе за власть Вайса с его дядей Шир-Мухаммадом первого поддержал улусбек эмир Худайдад Дуглат, и тот на время одержал верх.

В 1418–1421 гг. власть в Могулистане удерживал Вайс-хан. По просьбе другого претендента на могульский трон Шир-Мухаммада в поход в Могулистан в июне 1421 г. выступил сам Улугбек, но дошел только до Кара-Булака и повернул назад, не рискнув пока ввязываться в распри в Могулистане. Заслуживает интереса в плане характеристики междоусобиц в этой стране рассказ Хафиз-и Абру о движении через территорию Могулистана посольства Тимурида Шахруха в Китай. Посольство двигалось через северную дорогу, т.е. через Юго-Восточный Казахстан, по маршруту Ташкент–Сайрам–Ашпара – «могульский иль», т.е. Могулистан. «Получили известие, что Увайс-хан (Вайс-хан) начал войну с Шир-Мухаммад-огланом, улус находится в состоянии разброда»[153]. Миновав местность Бильгуту, послы прибыли в удельные владения одного из беков, Мухаммад-бека. Источник называет его «хакимом улуса», правителем обширных владений. После переправы через реку Кунгур прибыли на Юлдуз, а оттуда «в иль Шир-Бахрама» и далее «через весь Могулистан в Турфан»[154]. Обратный путь из Китая послы предпочли проделать по южной дороге: через Хотан–Кашгар–Андижан «по причине неспокойствия на дорогах Могулистана» из-за продолжавшихся междоусобиц.

В 1421 году при поддержке Улугбека Шир-Мухаммаду удалось захватить власть в стране. Часть могульских эмиров и беков поддержала его, другая часть осталась на стороне Вайс-хана. Став ханом Могулистана, Шир-Мухаммад перестал оказывать повиновение Улугбеку, что явилось поводом для похода Тимурида на Могулистан в 1425 г.[155].

Политика Тимуридов в отношении территории Южного и Юго-Восточного Казахстана была и в I-й половине XV в. не столько «сдерживающей набеги кочевников» из этих областей, сколько наступательной на эти территории. Тимуридами были захвачены города Туркестана. Приведенное выше требование Барак-хана вернуть бывшую столицу Ак-Орды г. Сыгнак вызвал поход Улугбека против Ак-Орды в 1427 г. Выше указывался факт занятия тимуридскими войсками Таласской долины уже после Тимура. Борьба Улугбека за Жетысу и Кашгарию продолжала завоевательную политику его деда. Как минимум, Тимуриды стремились иметь на территории Казахстана своих ставленников, через которых можно было бы направлять внешнюю политику этих соседних государств в удобное для правителей Мавераннахра русло. Использовался малейший повод для очередного набега. Так непосредственным поводом для похода 1425 г. Улугбека в Могулистан был отказ Шир-Мухаммада выдать Улугбеку бежавшего от него мятежного эмира.

Перед походом тимуридскими войсками были заняты районы Южного и Юго-Восточного Казахстана с городами Сайрам, Отрар, Сауран, Йанги-Тараз[156]. Маршрут движения войск, а их было около 80-100 тысяч человек, судя по составу отдельных отрядов, численностью до 20 тысяч каждый, проходил сначала по Южному Казахстану. В Отраре и его районе расположился на зиму левый фланг войска Улугбека[157]. В Юго-Восточном Казахстане маршрут движения войск Улугбека пролегал через Ашпару, откуда были посланы отряды на Талас, Кзылсу (между Аксу и Боамским ущельем), на Улуг Кемин, далее на Чилик. Сам Улугбек шел из Ашпары на реку Чу, далее названы в источнике Текелик – Ак-Чилик–Буралгу, прошел в район между Чиликом и Чарыном на равнину Абиш. Там была переправа через Чарын, затем пунк-

тами его маршрута названы Таш-Буйнак, далее Коктобе – река Богуту (недалеко от гор Кетмень), далее – через Текес, Кунгес на равнину Йулдуз. Обратный путь в Мавераннахр проходил вдоль северных берегов Иссык-Куля (упоминается крепость Иссык-Куль).

С населения упомянутых оседло-земледельческих районов Южного Казахстана был взыскан тагар (специальный налог на содержание воинских частей) – мера, с одной стороны, важная для завоевателей экономически, а с другой – имевшая и политический оттенок: сбором налога подтверждалось подданство населения этих территорий Тимуридам. Тагара было собрано, по сообщению источников, в количестве, достаточном для обеспечения передвижения такого значительного по размерам войска туда и обратно, т.е. на все время пути. Движение войска несло разорение местному населению.

Материал источников, рассказывающих о маршруте военного похода Улугбека, дает представление о раздробленности в Могулистане, интересен он для конкретного представления о размещении отдельных могульских улусов, уделов феодальной знати.

Первое столкновение тимуридских военных отрядов с могулами произошло в районе Йанги-Тараза. Во время зимовки перед походом Улугбека в Шахрухии, Отраре и на Ашпаре[158] могулы забрали у Тимуридов земли по Таласу. В числе могулов, находившихся в Таласской долине в это время, источник называет киреев (кираит) во главе с Ибрахимом, сыном Тук-Тимура, сальдузов во главе с Улджайту Тимуром и ба'аринов во главе с Иразаном[159]. Они передвинулись сюда вместе с семьями (куч) и обозами (боне). Ближайшие кочевья (дома, кибитки-ханеха, бойут) были разграблены, но тимуридские войска нагнали отступивших могулов на упомянутой выше реке Кзылсу, «начали забирать в плен людей, захватили большую добычу: отары овец, табуны лошадей, много имущества и разных вещей в безграничном количестве и беспредельном множестве»[160]. Подобные характеристики грабительских целей похода «оседлых» правителей Мавераннахра на кочевое и полукочевое население Юго-Восточного Казахстана многократно приводятся Мирхондом, подробно описавшим этот поход Улугбека. «Войску было дано разрешение убивать всех, кто из его (Джаханшаха дуглата, сына эмира Камар ад-Дина) подданных попадет [в руки]; женщин и детей забирать в плен, все имущество того народа (джома'ат) отдать на грабеж и расхищение»[161]

Материалы первоисточников о военных походах правителей Мавераннахра на территорию Казахстана представляют большой интерес для выяснения демографических моментов средневековой истории Казахстана. Понятно, что в этих материалах нет точных цифр, а в приведенных описаниях грабежей и физического уничтожения населения можно предположить известную степень преувеличения (в целях возвеличивания «успехов» покровительствовавшего средневековому историку патрона-правителя), тем не менее эти сведения нельзя игнорировать. Тимуриды продолжали политику своего предка, великого завоевателя эмира Тимура, по ослаблению соседних государств на территории Казахстана. Одним из главных средств для этого было физическое уничтожение населения, угон его в плен, лишение правителя соседнего государства основной его силы – подданных. И об этом неоднократно и настойчиво пишет Мирхонд: «Сейчас правильный образ действия состоит в том, чтобы мы обратились к их (могулов) уничтожению. С тем, чтобы сломить их силу и могущество, мы захватим гурты скота, стада, вещи и домашнюю ут-

варь, прочий скарб и имущество тех людей, которые переправились через реку Текес» (речь идет об обозах и людях могульского хана Шир-Мухаммада). Всюду, где проходили войска Тимуридов, «население истреблялось, сеялись бедствия и несчастье». Отряды Тимуридов «ограбили и разорили несколько улусов Джете (т.е. Могулистана). Победоносное войско захватывало, убивало племена (кабаил) Джете, которые укрывались в округе Кунгеса в неприступных местах или за высокими горами. В той стране не осталось населения»[162]. Таковы результаты набега тимуридского войска на Юго-Восточный Казахстан в 1425 г.[163].

Состояние хронической децентрализованности Могулистана приводило к тому, что эмиры и беки — главы «племен», «улусов», «илей» и прочих удельных владений действовали каждый сам по себе, не оказывая помощи ни предводителю соседнего улуса, племени, ни хану. Мирхонд называет несколько могульских феодальных владетелей, действовавших против Тимуридов разрозненно и поэтому терпевших поражение за поражением. Упомянутые выше эмир Ибрахим со своими киреями, Иразан-бек с ба'аринами, разбитые на Таласе, бежали к Иссык-Кулю, где находился йурт бека Джаханшаха дуглата. Здесь киреи и ба'арины, преследовавшиеся тимуридским войском, вновь были разбиты на р. Кзылсу около Боамского ущелья. С большим трудом Ибрахиму удалось уговорить дуглата Джаханшаха, который собирался было уже отступить со своим племенем (коум), пойти на тимуридское войско, чтобы отнять захваченных людей, скот и имущество. В происшедшей на р. Аксу битве могулы были разбиты, Ибрахим киреит и Улджайту сальдуз погибли. Джаханшах с дуглатами бежал на Большой Кемин. Тимуридские военачальники, пользуясь разобщенностью сил могульских эмиров и беков, не дали их войскам соединиться. Против Джаханшаха дуглата на Большой Кемин был послан 5-тысячный отряд. Некоторое время спустя, когда Джаханшах ушел в свои владения (йурт) на Иссык-Куле и собирался, как доложили Улугбеку, объединиться с двумя другими могульскими эмирами, Садр ал-Исламом и Малик ал-Исламом, Тимуриды воспрепятствовали этому: против Джаханшаха был срочно брошен отряд Султан Увайс барласа, который разгромил улус дуглатов, и предводитель улуса снова спешно отступил.

Владения упомянутых выше эмиров Садр ал-Ислама и Малик ал-Ислама были расположены в местности на Алтун-Куле, по другим рукописям — на Улуг-Куле, т.е. на «Большом озере», по предположению В. В. Бартольда — на Балхаше[164]. Когда Улугбек был на Чарыне, эти могульские эмиры пришли с войсками на р. Или (она названа в этом источнике «Ак-Куйаш») с намерением направиться к Шир-Мухаммад-хану. Против них Улугбек высылал 20-тысячный отряд, но они успели к этому времени перейти р. Текес. Упомянуто в источнике еще одно большое сражение: на равнине Абиш (между реками Чарын и Чилик) столкнулся с ба'аринами отряд Арслан-Ходжа тархана. Он был отправлен против Джаханшаха дуглата на Большой Кемин. Часть племени была перебита, многие взяты в плен. В руки тимуридского эмира попало «все, что те имели из имущества»[165]

Наиболее крупным владением был иль самого могульского хана того времени Шир-Мухаммада, на которого двинулись основные тимуридские войска во главе с Улугбеком по маршруту от Ашпары через р. Чу, по направлению к упомянутой равнине Абиш, «которая с давних времен была местом пребывания дома ханов Джете (Могулистана) и местом отдыха их войска». К моменту

прихода сюда тимуридского войска Шир-Мухаммад стянул войска и племенные ополчения с разных «сторон и районов своего вилайета» в район Кетменьских гор. Семьи, стада, обозы, гурты скота, различное имущество, принадлежащие лично хану – все это было переправлено за реку Текес[166].

Смуты и раздробленность в стране помогли Тимуридам и на этот раз разбить войска могульских предводителей по частям. Но в целом военный поход Улугбека в 1425 г. на территорию Юго-Восточного Казахстана, хотя и принес местному населению много бедствий, существенных последствий для целостности Могулистана, как государства, не имел. В этом отношении он был безрезультатным. Улугбеку не удалось поставить своего ставленника на могульский трон, он не сделал территориальных приобретений в Жетысу. Могулистан сохранил свое значение как самостоятельное государство[167]

В 1428 г. Улугбек вновь послал в Могулистан войско во главе с Сатук-ханом. Вайс-хан встретил Тимуридов около оз. Иссык-Куль в местности Бакабулунг. В завязавшемся сражении могульский хан был убит. Однако тимуридское войско, натолкнувшись на сопротивление местного населения, покинуло Жетысу из-за «невозможности его пребывания на этой территории», как оценил ситуацию Мухаммад Хайдар.

В I-й половине XV в. Юго-Восточный Казахстан неоднократно становился ареной распрей и усобиц. Отдельные периоды временной стабилизации внутриполитического положения и централизации власти в Могулистане при Хызр-Ходжа-хане, Мухаммад-хане, Вайс-хане сменялись новыми волнами феодальной борьбы, вторжений на территорию Жетысу Тимуридов с запада и ойратов с востока. Часть могульских феодалов для закрепления своей самостоятельности прибегала к строительству собственных городков-крепостей (кал'а), что подчеркивает Мухаммад Хайдар: «Каждый из могульских эмиров, что отделились от [Есен-Буга] хана, построил себе крепость. Все они не повиновались хану надлежащим образом. Хан тоже не противодействовал им, надеясь, что может быть они снова вернутся к нему»[168]. Но это строительство совсем не означало перехода на оседлость, крепости нужны были этой части знати именно для усиления самостоятельности как внутри, так и вне государственных границ. Опора на оседло-земледельческие центры, на города-крепости предоставляла ей возможность воспользоваться гораздо большими экономическими, военными преимуществами, чем в условиях господства только над кочевыми и полукочевыми районами.

Значительная часть аристократии кочевых племен стремилась к получению добычи во время грабительских набегов на соседние города и селения. Этой цели служили и упомянутые Мухаммад Хайдаром строившиеся могульской знатью собственные укрепления, опорные базы: Мир Карим-Берды «совершал набеги и нападения на Андижан и на мусульман». Мир Хакк-Берды бекчик «занимался разорением Туркестана и Сайрама». Усобицы, внутриполитическая неустойчивость, безвластие приводили к учащению набегов и грабительских походов отдельных предводителей племен и улусов на соседние земледельческие оазисы.

Не только при внешних вторжениях, но и при обострении феодальной междоусобной борьбы происходили значительные изменения в демографической ситуации. Рассеивание населения Могулистана по соседним странам шло самым интенсивным путем, от смут и неурядиц бежали и к друзьям, и к недругам. Мирза Мухаммад Хайдар сообщил, что «эмиры [племени] чорас и

племени барин ушли к сыну Исан-тайши Амасанджи-тайши, к калмакам. Другая группа племен – калучи, булгачи и некоторые другие отправились к Абулхайру в Узбекистан. Эмиры кончи и некоторые другие поднимали беспорядки и сеяли смуту в степях Могулистана»[169]. Это происходило в то время, как и упомянутое строительство крепостей эмирами, когда после гибели Вайс-хана верх одержали верхушка племени дуглат во главе с улусбеком Мир Мухаммад-Шахом и поддерживавшая ее группа представителей других племен. Ханом Могулистана около 1433–1434 гг. был поднят ими 13-летний Есен-Буга. Вторая группировка во главе с феодальной знатью племен барин (ба'арин, байрин) в лице уже упоминавшегося главы этого племени Ерзена и племени чорас, поддерживавшая Йунуса, ушла из Мавераннахр вместе с тридцатью тысячами могульских семей (не менее 150 тыс. человек). В Мавераннахре главы этих семей были перебиты, а остальные превращены в пленников[170]. Это было сделано с ведома Улугбек-мирзы. Йунус-оглан был отправлен на учебу и воспитание к Шараф ад-дину Али Йазди.

Несколько лет спустя новый хан Есен-Буга, выполняя требования могульской кочевой знати, совершает опустошительные набеги на Сайрам, Туркестан, Ташкент. Маршрут его следований на присырдарьинские владения Тимуридов через Жетысу и Таласскую долину говорит о том, что ему в это время был подчинен северный Могулистан. Тимурид Абу Са'ид-мирза преследовал в один из набегов Есен-Бугу до Йанги (Тараза), но могулы бежали вглубь страны, не приняв боя. В следующий раз Есен-Буга дошел до Андижана и осадил крепость[171]. Как и набеги эмира Тимура в прошлом, так и Тимуридов в XV в., феодальные войны, усобицы самих могульских ханов опустошили в экономическом смысле и обескровили страну, ухудшив ее состояние в демографическом плане, ослабили политически. Численность населения Юго-Восточного Казахстана значительно сократилась, что отрицательно сказалось в дальнейшем на истории этого края. Это выразилось, в частности, во все возраставшем давлении на эти земли со стороны ойратов (калмаков или джунгар).

Последствием войн и усобиц была и оторванность казахских племен Жетысу от центральных и южных районов, замедленность процесса этнического сплочения племен в народность (как это было и в целом по Казахстану). Усобицы вели к потере производительных сил, в том числе и людских ресурсов, вели к общему хозяйственному упадку, неустойчивости внутриполитического положения, ослабляли государство перед лицом неблагоприятных внешнеполитических ситуаций.

Ойраты на территории Казахстана в XV в. Такая ситуация неоднократно складывалась из-за ойратов на протяжении XV в. на восточных границах Казахстана – в Жетысу и Могулистане в целом. И далее, до начала XVIII в., они будут постоянно тревожить своими набегами местное население. Первые набеги ойратов на территорию Могулистана начались с конца XIV в. Ойраты – западная ветвь монголов улуса Угэдэя Монгольской империи – занимали в XV в. территорию, ограниченную «западными склонами Хангайских гор на востоке, гобийскими песками на юге, Могулистаном на западе, верховьями Иртыша и Енисея на севере»[172]. Соседние тюрко- и персоязычные народы называли их калмаками (калмак), монголы называли их «джунгар» («левое крыло»). Уже во время правления Шами'-и Джахана (1399–1408 гг.) ойраты заняли район Бишбалыка. При Вайс-хане (с 1418 по 1428, с перерывом на

«казакование», по определению Мухаммад Хайдар Дуглата, в период правления Шир-Мухаммада) натиск ойратов на восточные границы Могулистана усиливается. Сначала захватнические интересы ойратских и могулистанских кочевых феодалов сталкивались только в юго-восточном направлении, где Вайс-хан захватил в 1422 г. город Турфан и превратил его в свою столицу, а ойраты напали на г. Хами. Всего, по Мухаммад Хайдару, Вайс-хану пришлось выдержать за десять лет 61 сражение с калмаками, что говорит о настойчивости и силе ойратского давления на Могулистан. Всего только один раз Вайс-хану удалось выиграть сражение, дважды он попадал в плен к калмакам[173]. Одно из сражений произошло в местности Мын-Булак где-то «на окраине Могулистана», второе — в местности Биштобе (Биш-Каба) в верховьях Или, в фарсахе (ок. 5—6 км) от берега. Тем не менее в 20-х годах XV в. ойратам не удалось продвинуться к границам Жетысу (тимуридские историки, описывавшие поход Улугбека 1425 г., не упоминают калмаков на этой территории). Но они потеснили Вайс-хана с восточных окраин Могулистана. Он перенес свою ставку из Турфана в центральный район Могулистана — на берег Или, в местность Илибалык, в Жетысу с намерением быть «подальше от калмаков». «С тех пор под этим названием (Илибалык) стала известной у китайцев вся страна»[174]. В 30-х гг., пользуясь отсутствием централизованной власти в Могулистане, ойраты (калмаки) возобновили свои набеги на Жетысу и, не встречая сопротивления, доходили через северо-восточную его часть (Джунгарские ворота) до района Иссык-Куля, о чем сообщает Мирза Хайдар; с ними, в частности, имел столкновение эмир племени бекчик (канглы) Мир Хакк-Берды, построивший крепость на одном из островов Иссык-Куля в местности Кой-Суй для обороны от калмаков.

В 50-х гг. XV в. Юго-Восточный Казахстан вновь подвергается нашествию ойратов, объединенных сильным правителем Есен-тайшой[175]. В 1452 году они пришли на территорию Могулистана, достигли берегов р. Чу. Есен-Буга-хан, занятый междоусобными делами в Кашгаре, не оказал им серьезного сопротивления.

В 1457 г. ойраты (калмаки), пройдя через восточную часть Могулистана, хан которого Есен-Буга и на этот раз находился в Кашгарии (в Аксу), не встретив сопротивления, прошли Жетысу и устремились в Туркестан. Оставив обозы и семьи у берегов Чу, они налегке направились к Сыгнаку, где находился хан Абулхайр. Он выслал им навстречу войско. В местности Кок-Кашане (в 8 км от Сыгнака) произошло сражение. Войска Абулхайр-хана потерпели поражение и были рассеяны, погибло несколько джучидских султанов (Бахтийар-султан, Ахмад-султан и др.). Абулхайр бежал с поля боя и укрылся в Сыгнаке, не сумев организовать оборону города. Брошенные на произвол судьбы присырдарьинские города были разграблены. Калмаки опустошили всю долину средней Сырдарьи, захватив как у степняков, так и у тимуридских наместников, а главным образом у местного городского и земледельческого населения огромную добычу: «Войско противника занялось грабежом и разорением [населения]..., воины ханов калмаков еще раньше, до [заключения] мира и согласия, разграбили окраины Туркестана, Шахрухии и жителей окрестностей Ташкента, племена и крестьян того вилайета»[176]. Абулхайр-хан вынужден был заключить мир с военачальником калмаков Уз-Тимур-тайши на унизительных условиях: Уз-Тимур-тайши увел с собой в качестве аманата (залога) внука Абулхайра Махмуд-султана (и он пробыл в Джун-

гарии 7 лет), тем самым подчеркивалось, что Абулхайр признавал верховную власть над собой ойратского тайши. «После заключения мира [с Абулхайр-ханом] Уз-Тимур-тайши направил поводья решимости и могущества через Сайрам в сторону реки Чу, где находились его обозы и домочадцы... Оттуда со всем [своим] войском направился в сторону [страны] Калмак, которая являлась наследственным уделом его»[177].

Это сообщение Мас'уда бен Усмана Кухистани показывает, что набеги калмаков на Жетысу и в 50-х гг., как и ранее, при Вайс-хане в 20-х годах XV в. в целом на Могулистан, еще не привели к территориальным захватам ойратов на территории Казахстана, хотя цель эта стояла перед ойратскими феодалами, систематически подвергавшими набегам территорию Могулистана с 20-х годов, а район Туркестана — с 50-х годов. Около 1469—1470 г. в Жетысу появился 300-тысячный улус Амансанджи-тайши, от которого потерпел жестокое поражение хан Могулистана Юнус. В конце 80—90-х гг. с калмаками в восточной части Жетысу упорно сражался Ахмад-хан, правитель киргизов, получивший прозвище «Алача-хан».

Феодально-кочевую знать ойратов (калмаков) привлекали обширные территории Могулистана, в том числе и Жетысу; здесь они стремились захватить прекрасные пастбищные угодья для подвластных им кочевых родов и племен, здесь проходили удобные торговые пути, а в те смутные времена феодальных войн и усобиц они были путями для набегов на оседло-земледельческие оазисы Южного Казахстана и северо-восточных окраин Средней Азии[178]. Набеги ойратов повторялись неоднократно в XV в. Они ослабляли Могулистан, и как раз для отражения ойратов намеревался использовать прибывших в конце 50-х годов в Западное Жетысу казахов Жаныбека и Гирея хан Могулистана Есен-Буга. Фактически, особенно с середины 60-х годов, казахские ханы оберегали от ойратов свои собственные владения в Жетысу.

Набеги ойратов на казахские земли в Жетысу и Туркестане в XV в. были уже началом великого бедствия, которое обрушилось на них с востока в следующие века.

6. ХАНСТВО АБУЛХАЙРА («ГОСУДАРСТВО КОЧЕВЫХ УЗБЕКОВ»)

В конце 20-х годов XV в. на большей части степной территории Ак-Орды, еще с XIV в. объединившей население (улусы) и земли (юрты), подвластные потомкам Орда-Еджена и Шайбана, происходит смена правящей династии: власть в результате ожесточенной борьбы Чингизидов и кочевой знати переходит от наследников первого к наследникам второго. Возникновению и расширению этой борьбы способствовали ослабление и упадок Ак-Орды, обусловленные многими причинами политического и социально-экономического порядка. Среди первых были главными: продолжавшийся со 2-й половины XIV в. распад Золотой Орды и агрессивная политика эмира Тимура и Тимуридов. Среди вторых важнейшее место занимала утрата городов на Сырдарье. Средневековый автор Махмуд ибн Вали вполне правильно поставил факт прихода Шайбанидов к власти в Ак-Орде в связь с развалом Золотой Орды в целом: «Так как с начала 758 года хиджры (1356-1357 гг. н. э.), который был крайним пределом времени завершения [жизни] Жаныбека-хана, и до середины 835 г. хиджры (1431-1432 гг. н. э.), явившегося началом выступления Шайбанидов, трон государства Дешт-и Кыпчака оставался лишенным умного па-

дишаха и энергичного правителя, по этой причине возник беспорядок в устройстве дел религии и государства, нить, [связывающая]) общество на той территории, порвалась, и единство исчезло»[179]. Сами Шайбаниды не правили на золотоордынском троне, о чем и упомянул Махмуд ибн Вали: «И с того дня [т.е. со времени выделения Бату-ханом его брату Шайбан-хану четырех омаков и территорий для кочевья] все лица, происходящие от Шайбан-хана, опоясавшись поясом повиновения потомкам Бату-хана, не позволяли себе преступного желания и стремления оставить обычаи подчинения»[180]

В отличие от ханов Ак-Орды Шайбаниды не растрачивали свои материальные и людские ресурсы в погоне за ордынским троном, не приходилось им и отбиваться от захватнических притязаний Тимура и его преемников, которых в первую очередь интересовали в этом районе города-крепости бассейна Сырдарьи. Все это обеспечило Шайбанидам возможность предъявить права на власть на территории Ак-Орды в противовес ханам из династийной линии Орда-Еджена и Тука-Тимура и изменить политическую карту Восточного Дешт-и Кыпчака и позднее – Туркестана. Вначале на степной части территории Ак-Орды укрепляются два политических объединения. Первое из них – ранее обособившаяся на Яике (Урале) и к западу от него почти до Итиля (Волги), а к северо-востоку в направлении к Тюмени – Ногайская (Мангытская) Орда. К востоку же от Яика, по Иргизу, Илеку, Тургаю, Сарысу, верховьям Тобола и Ишима, усиливаются сначала, в 20-х годах, многочисленные Шайбаниды: Джумадук-хан между Сарысу и Эмбой, в степях северного Приаралья; Махмуд-Ходжа-хан – между Тоболом и Атбасаром, правым притоком Ишима; Мустафа-хан на левом берегу Атбасара и Ишиме; вожди племени буркут – в районе города Тара и др. Затем, в длительной борьбе с ними, занявшей почти два десятилетия, Шайбанид Абулхайр основывает ханство[181].

Шайбаниды сохраняли свои владения в период подъема Ак-Орды, составляя в ней обособленный удел в пределах улуса Шайбана. Выше говорилось о его территории в Западном и Центральном Казахстане с выходом на низовья Сырдарьи и северного Приаралья. Махмуд ибн Вали перечисляет Шайбанидов, правивших в своем улусе (Бахадур, Джучи-Бука, Бадагул-оглан, Минг-Тимур, Пулад, Ибрахим, Даулат-Шайх)[182], и говорит, что все они повиновались «ханам того времени», сначала правителям Золотой Орды, потом, в период ее упадка, – ханам Ак-Орды. Когда же в первой четверти XV в. смуты и усобицы охватили и Ак-Орду, Шайбаниды вышли из-под власти Ак-Орды и стали править независимо. После смерти Даулат-Шайха власть захватил Суфи-хан, затем его сын Джумадук-хан (1425-1428 гг.). Хан Ак-Орды Барак как раз в это время пытался на Сырдарье вернуть наследственные владения и не имел возможности противодействовать Шайбанидам в степи.

В пору смут и усобиц в улусе Шайбанидов и Ак-Орде попытались расширить свои владения в сторону Центрального Казахстана и Приаралья, подчинить своей власти часть местного кочевого населения правители Ногайской Орды. Вожди мангытов постоянно участвовали в событиях в ханстве Абулхайра, в том числе и на Сырдарье.

Войны и усобицы, разгоревшиеся в I-й четверти XV в. на территории Восточного Дешт-и Кыпчака, выдвинули потомка Шайбана, сына Даулат-Шайха – султана Абулхайра, который после гибели Шайбанида Джумадук-хана в 1428 г. в урочище Джайтар-Джалкин в битве с мангытскими эмирами и Джучидом Хаджи-Мухаммадом, был провозглашен в 833 г.х. (1428-1429 гг.) ханом

в области Тура (Западная Сибирь)[183]. По сведениям Махмуда ибн Вали, юного Абулхайра (ему было 17 лет) поддержало около 200 крупных представителей родов и племен. Хотя Абулхайр-хан пришел к власти в улусе Шайбана при поддержке господствующей верхушки значительного числа племен – в источниках неоднократно приводятся их наименования: кыпчаки, найманы, мангыты, карлуки, кунграты, канглы, уйылуны, курлауты, кенегесы и др. – однако усобицы не прекращались в его государстве в течение всех сорока лет его правления (1428–1468 гг.). Территория Восточного Дешт-и Кыпчака оставалась политически раздробленной. Разбив другого претендента на шайбанидский трон – Махмуд-Ходжа-хана (в 1430 г. в сражении на Тоболе), мангытского эмира Ваккас-бия, внука эмира Едыге, и других противников, Абулхайр-хан только к середине 40-х годов XV в. присоединил к своим владениям степные территории бывшего улуса Орда-Еджена, вплоть до Иртыша и Северо-Западного Прибалхашья. Наибольших усилий и времени потребовало от Абулхайра подчинение территорий Ак-Орды в ее южных районах – Присырдарье, районе Каратау, где сохранилась власть потомков ханов Ак-Орды, а в низовьях Сырдарьи, степях Северного Приаралья, в междуречье Эмбы и Урала, в районе Хаджи-Тархана находились самостоятельные владения – улусы потомков Тука-Тимура Ахмад-хана и Махмуд-хана, сыновей упомянутого выше Киши-Мухаммад-хана. Они были связаны с потомками Урус-хана и Барак-хана по генеалогической линии.

Потомки Урус-хана и Барак-хана султаны Жаныбек и Гирей находились в той самой южной части Ак-Орды, где в 20-х годах наиболее прочной была власть Барак-хана и куда последующие два десятка лет не мог продвинуться Абулхайр-хан. Они унаследовали власть Барака на этой территории и являлись союзниками Ахмад-хана и Махмуд-хана в борьбе с Абулхайром против его притязаний на их земли.

Для похода против тука-тимуридов Абулхайр-хан собрал значительные войска. В перечне его военачальников в этом походе приводятся имена эмиров из мангытов, буркутов, кыйатов, кунгратов, кытаев, тангутов, кушчи, уйгуров, дурманов, чимбаев, уйсуней, украш-найманов, кенегесов[184]. Главной причиной похода Абулхайр-хана в район нижней Сырдарьи была не только династийная борьба, но и необходимость занять зимние пастбища в районе Сырдарьи и Приаралья. Захват низовий Сырдарьи мог открыть дорогу к городам Туркестана, столь важным для укрепления могущества кочевого государства.

Сражение произошло в 1431 г. в местности Икри-Туп. По рассказу Мас'уда бен Усмана Кухистани, тука-тимуриды потерпели полный разгром, «Махмуд-хан и Ахмад-хан... отказались от [дальнейшего] сражения и, бросив [всякое] притязание на верховную власть и государство, обратились в бегство от войска [Абулхайра]»[185]. Было захвачено большое число пленных и добычи («беспредельное богатство и многочисленное имущество», среди которого автор перечисляет «быстроногих лошадей, вереницы верблюдов, палатки и шатры на повозках, оружие»)[186]. Абулхайр овладел Орду-Базаром (так назывались ставки ханов). Отмечено, что в этом месте был «трон Саин-хана» (т.е. Бату-хана). Здесь была прочитана хутба (проповедь, читаемая в мечети в знак признания его ханом) на имя Абулхайра и выбиты монеты с его именем. У Мас'уда Кухистани речь идет не о Сарае (где был «трон Саин-хана»), а о местности на территории казахстанских степей к северо-западу от Аральского моря, где был улус Ахмад-хана[187].

Следующая победа Абулхайра, которую подробно описал его историограф, была одержана только через 15 лет, в 1446 г., над Мустафой-ханом в районе Атбасара.

Вполне очевидно, что победа Абулхайра в Икри-Тупе была непрочной, и неповиновение ему тука-тимуридов и наследников Барак-хана, а также целого ряда шайбанидских султанов (например, Ибак-хана, Буреке-султана) продолжалось все это время. Махмуд бен Вали сообщает, что уже вскоре после поражения в 1431 г. Ахмад-хан и Махмуд-хан «вновь взошли на унаследованный престол»[188], т.е. на землях части Большой Орды – Астраханского ханства, низовьях Урала, Эмбы, в северном Приаралье.

Но пути на запад, в распавшуюся Золотую Орду, Абулхайр-хана уже не привлекали. Связи населения Восточного Дешт-и Кыпчака с ее бывшими центрами ослабевали все больше. Внимание Абулхайра было обращено на юг и юго-восток (Жетысу), особенно притягивал его Мавераннахр.

Утвердив власть в степных районах, Абулхайр в угоду поддерживавшей его феодально-кочевой знати стал совершать военные походы на южные области и страны с целью захвата и покорения новых земель. В 1430 г. он на короткое время взял Хорезм, разграбил Ургенч. В 1446 г., узнав, что Улугбек, вопреки своему обычаю, занятый делами престолонаследия, удалился на юг Мавераннахра и в Хорасан, Абулхайр отменил перекочевку на летовку (яйлак) и пустился в набег на Самарканд и Бухару[189], разграбив их окрестности, захватив при этом некоторые города в районе Средней Сырдарьи. Сыгнак сдался добровольно: «Когда хаким [города] Сыгнака увидел многочисленность и величественность войска хакана [Абу-л-Хайр-хана], то, выйдя к нему с повиновением и послушанием, вручил город эмирам и слугам хакана, подобного Сатурну, и Ак-Курган, и Аркук, и Сузак, и Узгенд также подчинились деснице власти и завоевания [его] наместников»[190].

Источник умалчивает, у кого были взяты эти города, возможно – часть у своих противников из потомков ханов Ак-Орды, другие – у тимуридских наместников. Абулхайр-хан также, как раньше Барак-хан, понимал важность подчинения своей власти южных, экономически наиболее важных районов Ак-Орды. Сырдарьинские города и для него, как раньше для Ак-Орды, могли послужить фактором сплочения, удержания в его власти степных районов государства. Взятие сырдарьинских городов – ремесленных и торговых центров, к которым тяготело население кочевых районов казахстанских степей, могло существенно способствовать усилению ханства Абулхайра.

Объясняется столь быстрое занятие Абулхайром сырдарьинских городов тем, что он опирался на значительные силы своих сторонников в Дешт-и Кыпчаке, на свою мощь, накопленную им за два десятка лет властвования над степью. Кроме того, следует сказать, что правящая верхушка этих городов, постоянно испытывавших на себе все тяготы длительной борьбы правителей Мавераннахра с владетелями Восточного Дешт-и Кыпчака, привыкла лавировать между соперниками и, переходя от поддержки одной стороны к другой, тем самым хоть как-то обеспечивать своим городам безопасность.

Города были пожалованы в управление эмирам и султанам: Сузак со всеми прилегающими землями – Бахтийар-султану (после его гибели в битве с калмаками в 1451 г. его владение Сузак перешло к его сыну Алике-султану); Сыгнак – Мане-оглану табгуту, а Узгенд – Ваккас-бию мангыту[191]. Отрар, Ясы, Сауран и Сайрам оставались во власти наместников Улугбека, затем

других Тимуридов (Абдаллаха, Абу-Са'ида). Сыгнак стал столицей ханства Абулхайра.

Враждебные отношения между родственными племенами улуса Шайбана и улуса Орды в связи с передвижением Абулхайра в район Присырдарьи еще более усугубились, так как занятие Абулхайром городов и их оазисов задевало интересы Жаныбека и Гирея и их подданных казахов, кочевавших в Присырдарье и районе Каратау. Это послужило немаловажной причиной обострения борьбы между ними и последующей откочевки казахских султанов и подвластных им родов и племен.

В дальнейшем Абулхайр охотно вмешивался в династические распри Тимуридов, чтобы иметь своего ставленника в Мавераннахре. Он предпринимал неоднократные попытки оказать давление на правителей Средней Азии как вооруженным путем (походы на Хорезм, захват городов Туркестана в 1446 г., поход 1451 г. на Самарканд), так и путем поддержки кого-либо из враждующих Тимуридов. Успеху экспансии Абулхайра способствовало соглашение его с местными феодалами, одному из Тимуридов Абу Са'иду он помог в 1451 г. захватить власть в Самарканде[192]

Около 1456–57 гг. Абулхайр, потерпев жестокое поражение от калмаков под Сыгнаком, вынужден был оставить разоренные области Туркестана и уйти в Дешт-и Кыпчак, где «долго потом пришлось ему успокаивать и приводить в порядок свои степи, столь сильно пострадавшие от такого погрома»[193] Только в начале 60-х годов Абулхайру вновь представилась возможность продвинуться в Присырдарью и занять захваченные им здесь прежде города.

Причина поражения Абулхайр-хана от калмаков заключается главным образом во внутренней слабости его государства. Постоянные династийные распри и междоусобицы Чингизидов, сепаратизм кочевой знати родов и племен, обострение противоречий между феодальной верхушкой и массами рядовых кочевников и полукочевников, внутренние и внешние войны привели государство в состояние полной расшатанности и развала. В 1468 г. Абулхайр умер во время похода в Жетысу. С образованием и укреплением Казахского ханства власть Шайбанидов на территории Восточного Дешт-и Кыпчака прекратилась.

Государственная территория ханства Абулхайра в течение 40 лет его властвования в Восточном Дешт-и Кыпчаке претерпела ряд изменений, и к концу его правления она простиралась от южных рубежей Западной Сибири до правобережья Сырдарьи и предгорий Каратау, где он удерживал города Сыгнак, Узгенд, Ак-Курган, Сузак, и от Яика (Урала) до Иртыша и северной части Прибалхашья, т.е. в пределах этнической территории кочевых узбеков и казахов. Столицей этого государства в последние два десятилетия был Сыгнак, а до этого г. Тура (Чимги-Тура), позже – Орду-Базар.

Что касается названия государства, созданного Абулхайр-ханом, то в источниках оно обычно именуется по традиции «Узбекским улусом», а также «улусом Шайбана», «улусом Абулхайра», термин «улус» иногда применяется в источниках вместе с термином иль (эль) и с именем собственным: «иль ва улус-и Абулхайр-хан», или с обобщенным этнополитическим названием подвластного населения «иль ва улус-и узбек» и т.д. Применяется также последнее название и в сочетании с географическим понятием «дийар» – страна (Дийар-и узбек). В исторической литературе государство Абулхайр-хана именуется «Узбекским ханством», «Государством кочевых узбеков», «Ханством

Абулхайра». Последнее наименование представляется более нейтральным, так как на территории ханства обитали не одни только кочевые узбеки, в смысле будущего компонента узбекской народности в Средней Азии, но главным образом казахи, мангыты, о чем пишет весьма информированный автор начала XVI в. Рузбихан Исфахани[194]. По наименованию одной из крупнейших этнических групп, обитавших на территории, вошедшей в государство Абулхайра, последнее имеет основание называться также Кыпчакским ханством.

7. НОГАЙСКАЯ ОРДА, СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН И ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ В XIII-XV ВЕКАХ

Ногайская Орда. Одним из крупных государственных образований, возникших на территории Казахстана в ходе распада Золотой Орды и ослабления Ак-Орды, была Ногайская Орда.

Обособление Ногайской Орды произошло в конце XIV в. при эмире Едыге и завершилось при его сыне Нур ад-дине (1426—1440). Господствующим племенем в Ногайской Орде были мангыты. Термины «ногаи», «ногайцы», «Ногайская Орда» впервые появились в литературе только в начале XVI в., сами ногайцы называли себя мангытами, а свой улус — «Мангытским юртом». Под этими наименованиями их знали соседние народы.

Историки Б.-А. Б. Кочекаев, И. Х. Калмыков и другие приводят мнения известных исследователей о монголо-кыпчакском происхождении ногайцев; многие из них (С. Е. Малов, Р. Г. Кузеев и др.) связывают происхождение основного населения Ногайской Орды с племенами, в XIII в. входившими в состав войск Ногая, золотоордынского темника из рода Джучи[195].

Основная территория Ногайской Орды находилась в степях между Волгой и Яиком (р. Урал), ее центр — в низовьях Волги или в районе Сарайчика (на Урале). На востоке ногаи кочевали по левобережью Урала, на северо-востоке — до Западно-Сибирской низменности, на северо-западе их кочевья доходили до Казани, на юго-западе — до района Приаралья и севера Прикаспия, иногда они достигали Мангышлака и Хорезма[196].

В середине XV в. ногайцы (мангыты) временами доходили до среднего течения Сырдарьи и захватывали города-крепости на Сырдарье. В 1446 г., например, Ваккас-бий мангыт владел городом Узгендом[197]

Действительным основателем Ногайской (Мангытской) Орды считается Едыге. Биографические сведения о нем содержатся у многих восточных авторов: Му'ин ад-дина Натанзи, Абд ар-Раззака Самарканди, Ибн Арабшаха, Абулгази, Кадыр-Али Джалаири. Появившись в конце XIV в. на политической арене и став известным временщиком Золотой Орды, Едыге в течение 15 лет (1396—1411гг.) держал в своих руках почти всю власть в Золотой Орде[198] Возглавляемый им «Мангытский юрт» был одним из значительных независимых владений, обособившихся от Золотой Орды. По словам Клавихо, «Едыгей имел постоянно в своей Орде более двухсот тысяч всадников»[199]. Управляя Золотой Ордой через подставных ханов, Едыге, носивший титул «беклярбеги», или «великий эмир» (амир аль-умара), пользовался огромной властью и оказывал большое влияние на жизнь соседних улусов. Ибн Арабшах сообщает, что у него было около двадцати сыновей, из которых каждый был «царь владычный, имевший (свой) особый удел, войско и сторонников»[200]

В Ногайской Орде вся политическая власть и экономическая жизнь находились фактически в руках мангытских эмиров – потомков Едыге и наследовалась в порядке родового старшинства. Существовала традиция, по которой без согласия потомков Едыге возведение ханом кого-либо из Чингизидов на территории ряда владений, вычленившихся из Золотой Орды, считалось недействительным[201]. Большую роль в политической жизни Восточного Дешт-и Кыпчака в XV в. играли потомки Едыге – Ваккас-бий, Муса-мирза, Ямгурчи и др.

В состав Ногайской Орды наряду с мангытами входили кунграты, найманы, аргыны, канглы, алчины, кыпчаки, кенгересы, карлуки, алаш, тама и другие. Между их предводителями происходила постоянная борьба за власть и территорию кочевий. Ногайская Орда, как и другие объединения, возникшие на развалинах Золотой Орды, являлась не этническим образованием, а преимущественно политическим. Племена, населявшие Ногайскую Орду, непосредственно участвовали в сложном этническом процессе формирования казахской народности.

О близком родстве населения Ногайской Орды и Казахского ханства говорил Ч. Ч. Валиханов. Он называл «двумя родными ордами» ногайцев и казахов, которые при первом казахском хане Жаныбеке жили в дружественных отношениях[202]. Сохранялись такие отношения и позднее, например, в середине XVI в. при Хакназар-хане, которого называют в источниках «ханом казахов и ногаев»[203]. В казахских преданиях сохранилась память об этом времени. Но союзнические отношения существовали не всегда.

В XVI в. постепенно устанавливаются торгово-экономические и политические связи Ногайской Орды с Русским государством. Во второй половине XVI в., после присоединения Казанского и Астраханского ханств к России, Ногайская Орда распалась на несколько самостоятельных владений, в процессе ее распада часть населения вошла в состав Младшего жуза.

Северный Казахстан и Западная Сибирь в XIV-XV вв. Многочисленные тюркские племена издревле обитали на бескрайних землях Сибири. Население районов Западной Сибири находилось в постоянном контакте с населением Северного, Центрального, отчасти Восточного Казахстана. На рубеже XIII в. в связи с возвышением и походами Чингиз-хана на территории Западной Сибири нашли прибежище многие племена. Они осели на богатых пастбищами землях среднего течения Иртыша и Оби[204]. Приток и перемещение более мелких племенных групп не прекращались, и в последующее время часть их ассимилировалась местным населением.

Основным ядром казахстанских племен, соседствовавших с племенами Западной Сибири и оказавших на них значительное влияние, являлись кыпчаки[205]. Кыпчаки Тургайской и Ишимской степей Прииртышья подразделялись на объединения: кулан-кыпчаки, хытай-кыпчаки, сагал-кыпчаки, торайгыр-кыпчаки и маджар (мадьяр)-кыпчаки. На территории от Тобола до Улутау и Сырдарьи обосновалась значительная часть других племен, среди них найманы, киреиты, меркиты и онгуты.

Одним из самых крупных этнополитических образований в Западной Сибири было объединение тюркоязычных племен на территории Среднего Иртыша, Тобола, Ишима и Туры, в котором главенствующую роль играли киреиты. Время возникновения этого объединения народные предания и авторы «Сибирских летописей» относят к XIII в. Основателем объединения и созда-

Фрагмент рукописи Кадыр-Али Джалаири «Джами ат-таварих».
Начало XVIII в.

телем местной династии был Тайбуга. О его происхождении в «Сибирских летописях» нет единого мнения, но все они сообщают о его приходе на р. Туру из казахстанских степей, о владении им землями Западной Сибири и возведении им города Чинги-Тура, или Чимги-Тура (город Тюмень). Один из первых исследователей Сибири Г. Ф. Миллер отмечал, что потомки Тайбуги владели теми же землями, что и он, а последним правителем из рода Тайбуги был Сейдак (Сейид-Ахмад)[206]

После монгольского нашествия территория Западной Сибири вошла в состав улуса Джучи и номинально принадлежала западной ветви Шайбанидов, хотя управление было оставлено в руках местной тюркской династии тайбугинцев, представители которой, не будучи Чингизидами, не могли официально именоваться ханами.

Все, что происходило в Золотой Орде, непосредственно отражалось на положении Западной Сибири. Потерпев поражение в 1398 г. от Едыге, захватившего всю полноту власти в Золотой Орде, Тохтамыш бежал в Западную Сибирь. Ему удалось найти поддержку среди тайбугинцев и получить здесь удел. Автор «Джами' ат-таварих» сообщает о юрте Тохтамыша, лежавшем в междуречье Оби, Томи и Чулыма[207], а в одной из летописей говорится о гибели Тохтамыша «в Сибирской земле», близ Тюмени[208]. После смерти Тохтамыша тайбугинцы вновь признали власть Едыге, хотя формально. После Едыге в восточных владениях улуса Джучи развернулась междоусобная борьба за власть между представителями династии Шайбанидов, в нее вмешались ханы Ак-Орды. Шайбанид Махмуд-Ходжа, вытесненный из Восточного Дешт-и Кыпчака ханом Ак-Орды Бараком, бежал в Западную Сибирь, где в начале 20-х годов XV в. при поддержке мангытов (ногайцев) был провозглашен ханом. Кадыр-Али Джалаири по этому поводу писал: «Мансур-мирза (сын Едыге) поднял Махмуд-Ходжу ханом. Один из них стал ханом, другой – бием»[209]. Столицей ханства была Кызыл-Тура[210]. Район Туры находился в подчинении феодалов Адаб-бека буркута и Кепек-бия мангыта.

В 1428 г. Абулхайр-хан выступил в поход на Туру. Адаб-бек и Кепек-бии сдали город Абулхайру[211]. В 1430 г. Абулхайр-хан выступил против Махмуд-Ходжа-хана. Сражение произошло на побережье Тобола, Махмуд-Ходжа-хан был взят в плен и убит[212]. В сражении принимали участие представители многих племен, объединившихся под знаменем Абулхайра. За заслуги в победе над Махмуд-Ходжа-ханом на должность даруги вилайета Чимги-Тура и других земель были назначены: из найманов – Суфи-бек, из уйгуров – Ходжа-Лак-бахадур, из курлаутов – Йумадук-бахадур и другие. Улус Махмуд-Ходжа-хана был присоединен к владениям Абулхайра.

После смерти Абулхайр-хана в 1468 г. большая часть территории Западной Сибири перешла к Шайбаниду Ибак-хану, противнику дома Абулхайра. О времени прихода Ибака в Западную Сибирь сведений в русских летописях нет, можно, однако, предполагать, что это произошло на рубеже 60–70-х годов XV в. Имя Ибака часто встречается в источниках, освещающих события в Восточном Дешт-и Кыпчаке в период распада государства Абулхайра в конце 60-х – начале 70-х годов. Вместе с ногайскими мурзами (эмирами) Мусой и Ямгурчи, правнуками Едыге, Ибак вступил в коалицию с ханами Жаныбеком и Гиреем против преемника Абулхайра Шайх-Хайдара. Убив Шайх-Хайдара, Ибак осадил укрывшегося в Астрахани Мухаммада Шайбани. Пос-

леднему удалось бежать из крепости. Вскоре Мухаммад Шайбани напал на орду Ибака, из которой в то время ушло ополчение, и разграбил ее[213]

С утверждением власти Жаныбека и Гирея в степи Ибак был вынужден покинуть Дешт-и Кыпчак. В Западной Сибири при помощи ногайских мурз Ибаку удалось сохранить свою власть. Женившись на дочери знатного тайбугинца Мара, Ибак вступил в родство с тайбугинскими правителями. Вскоре он отстранил тайбугинцев от власти и стал править единолично в Чимги-Туре и прилегающих районах Тобола и Иртыша[214].

Основным ядром Сибирского ханства, как стало именоваться владение Ибака, вначале были земли по среднему течению Иртыша и рекам Тары, Тобол и Тура, где жило основное тюркоязычное население Западной Сибири[215]. Постепенно границы ханства несколько расширились, в него вошли степные районы Притоболья.

При Ибаке были установлены связи Западной Сибири с Русским государством. Дважды, в 1481 и 1483 гг., Ибак посылал к Ивану III посольства с предложением заключить договор о дружбе и союзе, установить торговые отношения, на что получил согласие[216]. Однако местные феодальные круги, недовольные правлением Ибак-хана, собрав значительные силы во главе с тайбугинцем Мухаммадом, внуком Мара, в 1495 г. неожиданно напали на г. Чимги-Тура и убили Ибак-хана. Правителем Западной Сибири был провозглашен тайбугинец Мухаммад, внук Мара. После смерти Мухаммада управление оставалось в руках тайбугинцев[217].

Развитие государственности местного населения в XIV–XV вв. шло в Восточном Дешт-и Кыпчаке и Жетысу на основе постепенного восстановления хозяйства, городов и земледелия на юге Казахстана, в условиях определенного развития общественных отношений, на местной этнической основе, хотя и под эгидой Чингизидов, удерживавших власть на обширной территории Казахстана в течение более пяти столетий. Но в отличие от монгольских улусов, объединивших множество разнородных этнополитических организмов, племен и народностей, в эти столетия пришла государственность, основанная на более определенной этнической основе, на базе формировавшихся народностей. Образование государств Ак-Орды, ханства Абулхайра, Могулистана, Ногайской Орды, Сибирского ханства было значительным этапом в развитии государственности местного населения, в конечном счете – казахской народности, но наряду с ней – и других народов, формировавшихся частью и на территории этих государств. Оно способствовало созданию условий для последующего генезиса этнически однородных феодальных государств в регионе, для более полной консолидации этнических общностей – народностей казахской, ногайской, киргизской, отчасти узбекской, уйгурской, народности сибирских татар.

[1] *Васильев Л. С.* История Востока. Т. I, М., 1994, с. 297, 381.

[2] ПСРЛ, т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863, вып. I, с. 69; *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975, с. 49–51.

[3] *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. Т. II. Перевод с персидского Ю. П. Верховского. М.-Л., 1960, с. 66.

[4] *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи.

Л., 1971; *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, с. 172–176; *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974; *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа. Историко-этнографическое исследование на материалах Кыпчакского компонента. Ташкент, 1974; *Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.* Ногайцы. Черкесск, 1988, с. 11–19; Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992, с. 454.

[5] *Ахмедов Б. А.* Улугбек и его исторический труд «Та'рих-и арба' улус». //Из истории науки эпохи Улугбека. Ташкент, 1979, с. 35.

[6] *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). Перевод, предисловие и примечания Р. П. Джалиловой. М., 1976, с. 141.

[7] *Трофимов М. И.* Хронологическая таблица мусульманских династий. Ташкент, 1897; *Лэн-Пуль Стэнли.* Мусульманские династии. СПб., 1899; *Босворт К. Э.* Мусульманские династии. М., 1971.

[8] ПСРЛ, т. IV, с. 82–83; т. XI, с. 27, 173.

[9] *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. Т. II, с. 67.

[10] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузером и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.-Л., 1941 (далее: СМИЗО, т. II), с. 129.

[11] СМИЗО. Т. II, с. 130; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение, с. 305–315.

[12] Так по данным Стэнли Лэн-Пуля и монетному материалу. По «Анониму Искандера», в эти годы правил Ерзен-хан, а Мубарак-ходжа правил только шесть месяцев после 745 г.х. (1344–1345 г.н.э.). См. *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение, с. 310–315.

[13] *Савельев П. С.* Монеты джучидов, джагатаидов, джалаиридов и другие, обращавшиеся к Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. Вып. 2. СПб., 1858, с. 227–229.

[14] *Кадыр-Али Джалаири.* Джами' ат-таварих. Рук. Научной библиотеки Казанского гос. университета № 5028, л. 61а; *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды, с. 151–152.

[15] *Кадыр-Али Джалаири.* Джами' ат-таварих. Л. 63а; *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992, с. 199.

[16] *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, с. 130.

[17] *Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. М., 1993, с. 99.

[18] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. с. 73.

[19] Книга Марко Поло. Алма-Ата, 1990, с. 206–217.

[20] *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. Т. II, с. 78.

[21] Там же, с. 66–68.

[22] СМИЗО, т. II, с. 84.

[23] *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись..., с. 192.

[24] См. гл. IV настоящего издания.

[25] *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись..., с. 193.

[26] *Наджип Э. Н.* «Хосрау и Ширин» Кутба и его язык // Тюркологический сборник. М., 1966, с. 81, 82; *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды, с. 141–142.

[27] *Стэнли Лэн-Пуль.* Мусульманские династии. В кн.: *Абуль-Гази-Багадур-хан.* Родословное древо тюрков. *Стэнли Лэн-Пуль.* Мусульманские династии. *Иакинф.* История первых четырех ханов дома Чингисова. Москва – Ташкент – Бишкек 1996, с. 452.

[28] СМИЗО. Т. II, с. 196, 256; История Узбекистана. Т. II, Ташкент, 1993. с. 38.

[29] *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. Т. II, с. 86–87, 105.

[30] СМИЗО, т. II, с. 127, перс. текст, с. 232–233.

[31] *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись..., с. 194.

[32] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды, с. 106 (прим. 195).

139; Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973, с. 112; *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Летопись..., с. 194.

[33] СМИЗО. Т. II, с. 130, перс. текст, с. 235

[34] Там же, с. 132, перс. текст, с. 236.

[35] Там же, с. 133.

[36] Там же, с. 41.

[37] *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись..., с. 193–194; *Султанов Т. И.* «Му'джам ал-ансаб» и чингизиды «Киже» //Восток, М., 1994, № 6, с. 83.

[38] СМИИЗО, т. II, с. 211, 215.

[39] *Абуль-Гази-Багадур-хан.* Родословное древо тюрков (в изд. 1996 г.), с. 99.

[40] Там же.

[41] Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Составители: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата, 1969 (далее: МИКХ), с. 347.

[42] *Абуль-Гази-Багадур-хан.* Родословное древо тюрков. В изд. 1996, с. 104.

[43] МИКХ, с. 551, прим. 81; *Бартольд В. В.* Отчет о командировке в Туркестан. Сочинения, т. VIII. М., 1973, с. 192.

[44] *Юдин В. П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... //Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1983, с. 122–123; *Бартольд В. В.* Отчет о командировке в Туркестан, с. 167–168.

[45] *Юдин В. П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая..., с. 126, 130–131.

[46] *Березин И. Я.* Ярлык хана Золотой Орды к польскому королю Ягайлу. Казань, 1850, с. 61; *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды, с. 118–119; Егоров В. Л. Государственнос и административное устройство Золотой Орды //Вопросы истории, 1972, № 2, с. 35.

[47] *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение; *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья. Соч., т. II, ч. I. М., 1963, с. 70; *Его же.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Соч., т. V. М., 1968, с. 138–139.

[48] *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды, с. 158.

[49] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 242; *Его же.* Аноним Искандера и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда» //История, археология и этнография Средней Азии. К 60-летию со дня рождения С. П. Толстова. М., 1968; *Его же.* Общественный строй Золотой Орды, с. 141–144.

[50] *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды XIII–XIV вв. М., 1985, с. 160–161; *Юдин В. П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая..., с. 126–127; *Султанов Т. И.* К вопросу о терминах Ак-Орда, Кок-Орда и Йуз-Орда //Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1970, с. 94–96; *Его же.* О терминах Ак-Орда, Кок-Орда и Йуз-Орда //Известия АН КазССР, 1972, № 3; *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись..., с. 189–197.

[51] *Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в., с. 86–94.

[52] *Кузембайулы А., Абилев Е.* История Казахстана. Алматы, 1996.

[53] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды, с. 144.

[54] *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись..., с. 195. *Петров К. И.* Киргизско-кыпчакские отношения. К вопросу об этногенезе и переселении киргизов //Известия АН КиргССР. Серия обществ. наук. Т. 3, вып. 2, Фрунзе, 1961, с. 94, 102; *К. А. Пищулина.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI в. (Вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата, 1977, с. 231.

[55] *Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи, с. 92.

[56] Там же, с. 93, 129, прим. 118.

[57] *Кононов А. Н.* Семантика цветообозначений в тюркских языках //Тюркологический сборник, 1975. М., 1978, с. 160, 170–173.

[58] *Юдин В. П.* Орды..., с. 124, 125.

[59] *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды..., с. 160.

[60] *Трепавлов В. В.* Государственный строй, с. 87.
[61] *Рашид ад-дин.* Сборник летописей, т. II, с. 66.
[62] *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды, с. 60, 161.
[63] *Рашид ад-дин.* Сборник летописей, т. II, с. 78.
[64] *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись..., с. 198–212.
[65] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды, с. 105, 142.
[66] *Мирза Мухаммад Хайдар Дуглат.* Та'рих-и Рашиди. Рук. ИВ АН РУз. № 1430, л. 6а; *Акимушкин О. Ф.* Хронология правителей восточной части Чагатайского улуса. //Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984, с. 156–157; *Мирза Мухаммад Хайдар.* Та'рих-и Рашиди. Перевод с персидского А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой, Л. М. Епифановой. Ташкент. 1996, с. 26.
[67] Сочинение Рашид ад-дина Фазлаллаха Хамадани «Джами ат-таварих» (Сборник летописей) завершено около 1310 г.
[68] *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. Соч., т. IV, М., 1968, с. 62.
[69] Та'рих-и Рашиди, л. 5а, 5б; *Махмуд ибн Вали.* Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар. Рук. ИВ АН РУз, № 1385, л. 173а.
[70] Та'рих-и Рашиди, л. 11б; *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья. – Соч., т. II. ч. 1. М., 1963, с. 79–80.
[71] Барскуль – оз. Баркуль в Восточном Туркестане, севернее г. Хами и восточнее Турфана, «в 15 днях караванного пути» от последнего (Та'рих-и Рашиди, л. 237а).
[72] Та'рих-и Рашиди, л. 237а; *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV– начале XVI вв., с. 12–15. Написание «Могулистан» дано в соответствии с правилами транскрипции-транслитерации И. Ю. Крачковского и А. А. Ромаскевича. МИКХ, с. 6.
[73] Та'рих-и Рашиди, л. 237б.
[74] *Бартольд В. В.* История турецко-монгольских народов. Соч., т. V, М., 1968. с. 212.
[75] Там же. *Бартольд В. В.* Улугбек и его время. Соч., т. II, ч. 2. М., 1964, с. 35.
[76] *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 26–52; *Востров В. В., Муканов М. С.* Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX вв.). Алма-Ата, 1968, с. 29, 56–60, 67–72; *Юдин В. П.* О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами. //Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук, 1965, вып. 3, с. 59.
[77] Та'рих-и Рашиди, л. 6а–9б.
[78] *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, с. 80. Махмуд ибн Вали сообщает, что Тоглук-Тимур-хан умер в Алмалыке (Бахр ал-асрар. л. 176а). Пантусов Н. Город Алмалык и мазар Туглук-Тимур-хана. //Кауфманский сборник. М., 1910, с. 162–188.
[79] Та'рих-и Рашиди, л. 7а, 22б, 34б.
[80] *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972, с. 345.
[81] Та'рих-и Рашиди, л. 2б, 5б–8а; *Мирза Мухаммад Хайдар.* Тарих-и Рашиди. Ташкент, 1996, с. 86.
[82] *Бартольд В. В.* Народное движение в Самарканде в 1365 г. Соч., т. II. ч. 2. М., 1964, с. 369; *Шараф ад-дин Али Йазди.* Зафар-наме. Рук. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина ПНС, с. 234, л. 11б.
[83] *Шараф ад-дин Али Йазди.* Зафар-наме, л. 12б; Та'рих-и Рашиди, л. 9а.
[84] Там же. Л. 15б; Та'рих-и Рашиди, л. 10б.
[85] *Шараф ад-дин Али Йазди.* Зафар-наме, л. 22б; Та'рих-и Рашиди, л. 13б.
[86] Та'рих-и Рашиди, л. 13б, 15а.
[87] *Шараф ад-дин Али Йазди.* Зафар-наме, л. 26б; Та'рих-и Рашиди, л. 21а.
[88] *Му'ин ад-дин Натанзи.* Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини. Рук. СПбО ИВАН России, с. 381, л. 248б.

[88] *Бартольд В. В.* Народное движение в Самарканде в 1365 г., с. 362–379; *Строева Л. В.* Сербедары Самарканда. //Ученые записки ЛГУ, 1949, № 98, вып. I, с. 270–281; *Гафуров Б. Г.* Таджики..., с. 477–481; История Самарканда. Т. I. Ташкент, 1969, с. 158–162.

[90] *Шараф ад-дин Али Йазди.* Зафар-наме, л. 28б; Рук. ИВ АН РУз № 4472, л. 113б.

[91] Та'рих-и Рашиди, л. 22а.

[92] Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, л. 248а.

[93] Та'рих-и Рашиди, л. 36б; Бахр ал-асрар, л. 180а; *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья, с. 82.

[94] Та'рих-и Рашиди, л. 22б, 23а.

[95] *Шараф ад-дин Али Йазди.* Зафар-наме, л. 44б.

[96] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI вв., с. 41–61.

[97] СМИЗО, т. II, с. 61–62, 129–132; *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды, с. 149.

[98] *Низам ад-дин Шами.* Зафар-наме //СМИЗО, т. II, с. 107.

[99] *Шараф ад-дин Али Йазди.* Зафар-наме // СМИЗО, II, с. 149.

[100] *Греков И. В.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды, с. 208–215.

[101] *Мирза Мухаммад Хайдар Дуглат.* Та'рих-и Рашиди, л. 23а.

[102] Там же, л. 25а.

[103] *Шараф ад-дин Али Йазди.* Зафар-наме, л. 66б, 68а; *Му'ин ад-дин Натанзи.* Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, л. 270а.

[104] *Хафиз-и Абру.* Зубдат ат-таварих. В изд. Ф. Тауэра, т. II, с. 41.

[105] Там же, с. 71; *Низам ад-дин Шами.* Зафар-наме, с. 114.

[106] *Мирхонд, Мухаммад Хавенд-шах.* Раузат ас-сафа. Лакнау, 1891, т. VI, с. 66.

[107] *Шараф ад-дин Али Йазди.* Зафар-наме //Материалы по истории киргизов и Киргизии, с. 141.

[108] Там же, с. 143–144.

[109] *Греков Б. А., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение, с. 339–361.

[110] *Низам ад-дин Шами.* Зафар-наме. В изд. Ф. Тауэра, с. 120, *Абуль-Гази-Багадур-хан.* Родословное древо тюрков. В изд. 1996 г., с. 94.

[111] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды, с. 156–157.

[112] *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды, с. 229.

[113] *Му'ин ад-дин Натанзи.* Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, л. 268б.

[114] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан..., с. 62–87.

[115] *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды, с. 47–48.

[116] Там же, с. 57–58.

[117] Там же, с. 46–50; *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды, с. 51–52.

[118] По сведениям Лэн-Пуля Стэнли, Тимур-Кутлук происходит из дома Орды (сын Тимур-Малика и внук Урус-хана). По «Му'иззу» и «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», он относится к потомкам 13 сына Джучи Тука-Тимура (отец – Тимур-бек, или Тимур-хан, дед Кутлук-Тимур). Умер в 1401 г. (Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии //В изд. 1996 г., с. 458; *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965, с. 37; МИКХ, с. 40). Противоречивые мнения источников о происхождении Тимур-Кутлука следует иметь в виду и при упоминании в тексте лиц, связанных родством с этим ханом.

[119] *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды, с. 174–175; *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды, с. 238–239.

[120] *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды, с. 262–268; *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды, с. 165–168.

[121] СМИЗО, т. I, с. 533; *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков, с. 40.

[122] СМИЗО, т. II, с. 133.

[123] Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды, с. 165.

[124] СМИЗО, т. II, с. 212, 214.

[125] *Махмуд ибн Вали.* Бахр ал-асрар. //МИКХ, с. 551; *Юдин В. П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая..., с. 136.

[126] СМИЗО, т. II, с. 212.

[127] *Абд ар-Раззак Самарканди.* Матла'ас-са'дайн фи маджма ал-бахрайн, т. II, л. 65а–67а.

[128] *Шараф ад-дин Али Йазди.* Зафар-наме, л. 59б; *Бартольд В. В.* Улугбек и его время, с. 70.

[129] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды, с. 148–154.

[130] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV– начале XVI в., с. 72–74.

[131] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды, с. 154–158.

[132] *Бартольд В. В.* Улугбек и его время, с. 80.

[133] *Мирза Мухаммад Хайдар.* Та'рих-и Рашиди. Ташкент, 1996, с. 72–73.

[134] *Бартольд В. В.* Указ. соч., с. 93–95; *Ахмедов Б. А.* Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра первой половины XV в. // Из истории эпохи Улугбека. Ташкент, 1965, с. 28–29.

[135] Матла'ас-са'дайн, л. 290б; СМИЗО, т. II, с. 196–197; *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков, с. 40.

[136] СМИЗО, т. II, с. 197, 256.

[137] Там же. Матла'ас-са'дайн, т. II, л. 172б; *Бартольд В. В.* Улугбек и его время, с. 111; *Ахмедов Б. А.* Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра, с. 53.

[138] *Ахмедов Б. А.* Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра, с. 53–54.

[139] СМИЗО, т. II, с. 198, 257–258.

[140] Матла'ас-са'дайн, л. 238а; *Бартольд В. В.* Улугбек и его время, с. 116; *Ибрагимов С. К.* К истории Казахстана XV в. // Вопросы философии и истории стран советского и зарубежного Востока. М., 1961, с. 176.

[141] *Бартольд В. В.* Улугбек и его время, с. 116.

[142] Там же, с. 113.

[143] *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX вв.). М., 1958; *Семенов А. А.* Первые шайбаниды и борьба за Мавераннахр. //МИТУСА, вып. I, ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XII, 1954.

[144] *Бартольд В. В.* Улугбек и его время, с. 116.

[145] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI вв., с. 80–83, 103–104, 110–111.

[146] Там же, с. 231, 254–256.

[147] *Низам ад-дин Шами*, т. I, с. 213; Хафиз-и Абру в изд. Тауэра, т. II, с. 156–157.

[148] Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини, л. 250а.

[149] *Мирза Мухаммад-Хайдар Дуглат.* Тарих-и Рашиди, л. 38а, 38б; МИКХ, с. 192.

[150] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI вв., с. 97.

[151] Тарих-и Рашиди, л. 35б. В изд. 1996 г., с. 86; *Бартольд В. В.* Киргизы. Исторический очерк. Соч., т. II, ч. 1, с. 513.

[152] Там же, л. 41а. *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан..., с. 97–98.

[153] *Абд ар-Раззак Самарканди.* Матла'ас-са'адайн, с. 479–480.

[154] Там же, с. 527; *Амин Азмад Рази*, «Хафт иклим», лл. 138б–139а.

[155] Матла'ас-са'адайн, с. 540–541.

[156] *Бартольд В. В.* Улугбек и его время. С. 106, 111; Мирхонд. Раузат ас-сафа. Приложение персид. текста, с. 179, 191, 195.

[157] Раузат ас-сафа, с. 180.

[158] Так по Хафиз-и Абру и Самарканди (Матла'ас-са'адайн, с. 543); По В. В. Бартольду, на Ашпаре зимовали могулы, с. 106.

[159] Раузат ас-сафа, с. 182; Матла'ас-са'адайн, с. 544.

[160] Раузат ас-сафа, с. 182; Матла'ас-са'адайн, с. 546.

[161] Там же, с. 185.

[162] Там же, с. 152–153.

[163] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан..., с. 104–111.
[164] Раузат а-сафа, с. 183–185; *Бартольд В. В.* Улугбек и его время, с. 107.
[165] *Мирхонд.* Раузат ас-сафа. Прилож. персид. текста, с. 185, 189.
[166] Там же, с. 187, 191.
[167] *Бартольд В. В.* Улугбек и его время, с. 113. *Его же.* Двенадцать лекций по истории тюркских народов, т. V, с. 179–180.
[168] Тарих-и Рашиди, л. 45а; МИКХ, с. 194.
[169] Там же.
[170] Там же, л. 43а, 47а; МИКХ, с. 375; Бабур-наме, с. 40.
[171] Тарих-и Рашиди, л. 45б.
[172] *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964, с. 42.
[173] Тарих-и Рашиди, л. 38б, 39б; МИКХ, с. 192–194.
[174] *Bretschneider E.* Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. London, 1910, t. II, p. 44, 241; *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг. Соч., т. IV. М., 1966, с. 86.
[175] Тарих-и Рашиди, л. 45б; МИКХ, с. 194, 375, 522; *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства, с. 65.
[176] *Мас'уд бен Усман Кухистани.* Та'рих-и Абу-Хайр-хани, л. 338б.
[177] Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, л. 66б; МИКХ, с. 17; Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани, л. 338б, 339а; МИКХ, с. 170.
[178] *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства, с. 100–102; *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан..., с. 112–114, 124–126 и др.; *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII–XVIII вв. М., 1979, с. 22–23.
[179] *Махмуд ибн Вали.* Бахр-ал-асрар фи манакиб ал-ахйар. Рук. ИА АН РУз № 1375, л. 115а; МИКХ, с. 346.
[180] Там же, л. 115а.
[181] *Мас'уд бен Усман Кухистани.* Тар'их-и Абу-л-хани, л. 309аб, 312б, 315аб, 324б, 325а; *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков, с. 43–48, 51–52, 55–56.
[182] Бахр ал-асрар. Л. 115а–116а; МИКХ, с. 347–349.
[183] Бахр ал-асрар. Л. 117а; Та'рихи Абу-л-Хайр-хани. Л. 312б; МИКХ, с. 144, 352; Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков, с. 46.
[184] Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани, л. 321б–322а; Бахр ал-асрар, л. 114б.
[185] Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани, л. 322б.
[186] Там же, л. 323а–323б.
[187] *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков, с. 52.
[188] Бахр ал-асрар, л. 122б–123а.
[189] Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани, л. 326б–327а.
[190] Там же, л. 326а; МИКХ, с. 159.
[191] Там же, л. 326а, б; МИКХ, с. 159.
[192] Там же, л. 327б–336а; МИКХ, с. 161–167.
[193] *Семенов А. А.* К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. МИТУСА. Труды ИИАЭ Тадж.ССР. Т. XII, 1954, с. 26.
[194] *Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-ий Бухара. Рук. ИВ АН РУз, № 1414, л. 22аб, 73б.
[195] *Кочекаев Б. – А. Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988, с. 24–26; *Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.* Ногайцы. Черкесск, 1988, с. 18–23.
[196] *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды, с. 201.
[197] МИКХ, с. 159.
[198] *Бартольд В. В.* Отец Едигея. Соч., т. II, ч. 1, М., 1963, с. 797.
[199] *Клавихо, Рюи Гонзалес де.* Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг. Перевод с испанского И. И. Срезневского. СПб., 1881, с. 341.
[200] СМИЗО, т. I, с. 474.
[201] *Камал ад-дин Али Бинаи.* Шайбани-наме. Рук. ИВ АН РУз № 844, л. 8а; МИКХ, с. 104.

[202] *Валиханов В. В.* Собр. сочинений. Т. I. Алма-Ата, 1961, с. 218.

[203] *Иванов П. П.* Очерк истории каракалпаков // Материалы по истории каракалпаков. Труды Института востоковедения АН СССР, т. VII. М.-Л., 1935, с. 30.

[204] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. М.-Л., 1937, с. 195–196.

[205] *Бояршинова З. Я.* Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960, с. 75.

[206] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I, с. 190–191, 475.

[207] *Кадыр-Али Джалаири.* Джами'ат-таварих, л. 79а.

[208] *Кузнецов С. К.* Отчет об археологических раскопках в окрестностях Томска, произведенных летом 1889 г. // Труды Томского общества естествоиспытателей. Т. I, Томск, 1890, с. 170.

[209] *Кадыр-Али Джалаири.* Джами'ат-таварих, л. 64б.

[210] *Бояршинова З. Я., Степанов Н. Н.* Западная Сибирь в XIV–XVI вв. // Материалы по истории Сибири. Улан-Удэ, 1964, с. 479.

[211] *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков, с. 48.

[212] Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани, л. 315б, 316б, 317а; МИКХ, с. 146–148.

[213] Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, л. 96а; МИКХ, с. 20.

[214] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I, с. 196.

[215] *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. Т. III. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. М., 1955, с. 53.

[216] История Сибири. Т. I. Древняя Сибирь. Л., 1968, с. 364–366.

[217] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I, с. 208–209.

Глава третья

ЭКОНОМИКА КАЗАХСТАНА В XIV–XV ВЕКАХ

1. СОСТОЯНИЕ СКОТОВОДСТВА И ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Общей тенденцией эволюции хозяйственной деятельности населения существовавших на территории Казахстана в XIV–XV вв. государств был рост производительных сил, торговых отношений, культурных и хозяйственных взаимосвязей с соседними регионами. В русле этой тенденции протекали следующие процессы: некоторые сдвиги претерпела хозяйственная организация скотоводческого хозяйства, что нашло выражение в изменении соотношения кочевого и полукочевого скотоводства в сторону возрождения домонгольской структуры животноводческого хозяйства, повышение товарности стада; важное место в хозяйственном развитии населения края, особенно на юге и в некоторой степени на юго-востоке Казахстана вновь, как и до монгольского нашествия, заняло земледелие; на юге Казахстана возрождались разрушенные монголами города.

Скотоводство. Главной отраслью хозяйственной деятельности населения Восточного Дешт-и Кыпчака и Жетысу в XIV–XV вв., как и в предшествующие столетия, оставалось скотоводство.

С древних времен в силу специфики естественно-географических условий обширной территории Казахстана здесь сложилось три типа скотоводства: оседлое, полукочевое и кочевое[1].

Оседлое или пастушеское, отгонное скотоводство развивалось на юге Казахстана, в долине Сырдарьи и ее многочисленных притоков, стекающих с южных склонов Каратау. Скотоводство здесь сочеталось с орошаемым и богарным земледелием и отчасти рыболовством, при прочной оседлости населения, жившего в городах и многочисленных селениях. Сезонные выпасы стад производились пастухами, удалявшимися с ними на близлежащие пастбища. Оседлое скотоводство на юге Казахстана развивалось рядом с полукочевым. Аулы, откочевывавшие на весенне-летний сезон в степи Восточного Дешт-и Кыпчака, возвращались на зимовку к Сырдарье, в том числе и на территорию Туркестана (бассейн Средней Сырдарьи). Это сочетание зафиксировано в исторических документах, в частности, в грамотах из Сыгнака XV–XVI вв., где среди жителей, проживавших в его окрестностях, упомянуты аймаки, «живущие [постоянно] в селениях (дихнишин), [полуоседло] в кишлаках (кишлакнишин) и кочующие (сахранишин)»[2].

Полукочевое и кочевое скотоводство подразделялось в свою очередь на несколько вариантов, различавшихся дальностью маршрутов, продолжительностью кочевания и составом кочующих скотоводов (всем родом, семьей или только частью их)[3].

Чисто кочевых скотоводческих групп населения, родов с непрерывным «таборным» кочеванием, при котором они в поисках пастбищ для прокорма стад переходят в течение круглого года с места на место, не имея постоянных жилищ, было очень мало; главным образом они обитали в пустынных зонах и сухих степях Мангыстау, Приаралья[4].

Самым распространенным в Казахстане, как это видно по многочисленным данным путешественников и историографов XIII—XV вв. (Плано Карпини, Вильгельма Рубрука, Ибн Баттуты, аль-Омари, И. Барбаро и др.), был полукочевой тип скотоводства, при котором кочевники-скотоводы в той или иной степени занимаются земледелием или сенокошением, заготовкой корма для скота и имеют места постоянной оседлости, к которым возвращаются на зиму, завершив цикл весенне-летне-осеннего кочевания. Этот тип характерен для Центрального, отчасти Западного, Южного Казахстана и Жетысу. Скотоводческое население Жетысу имело наиболее короткий радиус кочевания, при котором скотовод прочнее был привязан к месту оседлости, месту постоянного зимнего жилища, где он имел возможности для занятия земледелием, хотя в монгольский период оно стало занятием второстепенным, подсобным. Скотоводческое хозяйство с большими радиусами кочевания было более близко к кочевому типу скотоводства. Для скотоводов степных районов Восточного Дешт-и Кыпчака были характерны длинные маршруты перекочевок, с юга на север и обратно в меридиональном направлении. Они пролегали от Северного Приаралья, среднего и нижнего течения Сырдарьи и

Каменная фигура архара. Мангыстау (XIV–XV вв.)

предгорий Каратау, где были расположены зимовья (кишлаки), до возвышенных равнин Улутау, долин Тургая, Иргиза, Тобола, где находились летние пастбища (яйлаки). Наиболее известные из них — Сары-арка.

О скотоводстве, как основном занятии населения Казахстана в XIV—XV вв., говорят косвенные данные источников, повествующих о походах Тимура и Тимуридов в Дешт-и Кыпчак и Жетысу. Как правило, в перечне захваченной тимуридскими войсками добычи называются овцы, лошади, мулы, верблюды. Военная добыча (и главное — прекрасные кони) была одной из основных целей набегов соседей на территорию Казахстана. Еще Джучи, по словам Абулгази, отправил отцу в подарок сто тысяч коней из Дешт-и Кыпчака, по двадцать тысяч каждой масти — серых, сивых, гнедых, вороных и чубарых[5]. Чаще авторы тимуридских хроник пишут о составе награбленного кратко — «имущество, всякое добро и скот», с добавлением многих эпитетов, свидетельствующих о немалых размерах добычи («бесчисленный», «многочисленный», «бессчетный»). Приводятся и более подробные характеристики захваченной добычи, позволяющие судить о хозяйственных занятиях кочевого и полукочевого населения Казахстана, о видах разводившегося скота. Сообщается, например, что у феодального владетеля Могулистана Енге-тора было захвачено много «лошадей, верблюдов и мулов»; вместе с многочисленными пленниками лошади и овцы доставлены были Тимуру в виде пишкеша (подарка) Джангиром; разграбив могульские обозы и семьи, оставленные в вилайете Йанги-Тараз ушедшим на Сайрам могульским войском, тимуридские воины «перевернули вверх дном кибитки (ханеха), захватили огромную добычу и привели шесть тысяч лошадей»[6]. Такого рода сообщения авторов тимуридских хроник сопровождают почти каждое известие о набеге войск Тимура в конце XIV в. Подобный же перечень военной добычи, доставшейся «в безграниченном и неисчислимом количестве» тимуридскому войску в 1425 г., приводит Мирхонд: мелкий скот (агнам), т. е. бараны и козы, стада крупного рогатого скота (сава'им), верховые и вьючные животные (дабааб), т. е. кони, верблюды[7].

Все эти сообщения хроник говорят о скотоводческом направлении хозяйства населения Казахстана XIV-XV вв. Главными отраслями скотоводства были овцеводство и коневодство. Крупный рогатый скот разводился лишь в местах постоянной оседлости на юге и юго-востоке Казахстана. О масштабах развития овцеводства свидетельствует Мухаммад Хайдар, сообщивший о том, что улусбек эмир Сайид Али дуглат оставил в наследство трем своим сыновьям до 500 тыс. овец.

Источники свидетельствуют о кочевом и полукочевом образе жизни скотоводов, постоянно готовых к военной угрозе. Их авторы сообщают, что при появлении тимуридских отрядов местное население, в частности, в Жетысу могло легко сняться с места и спешно отправиться вглубь страны или укрыться в труднодоступном месте. Часто откочевывал со всем имуществом, обозами (бонеха) и скотом только агрук — невоинский состав рода или племени (женщины, дети, старики и сопровождающие их лица), а вооруженный мужской состав племени, составлявший ополчение вождя племени (эмира и бека), задерживал наступление противника и принимал на себя его удар. Так, сообщая о нападении войск Тимурида Улугбека на Шир-Мухаммад-хана, Мирхонд пишет, что гурты овец, табуны лошадей, обозы с различным имуществом вместе с семьей, слугами и прочей челядью (куч ва хашам) — все это

было переправлено в безопасное место за реку Текес[8], а сам хан вступил с оставшимся при нем войском в сражение с Тимуридами.

В то же время сведения путешественников подтверждают стабильность использования, несмотря на часто возникавшую военную обстановку, давно установившихся кочевых маршрутов с юга на север и обратно. Летом скот пасся в северной прохладной зоне, а к зиме возвращался на юг, в районы Сырдарьи и Таласской долины. Вильгельм Рубрук оставил упоминание о том, что когда он проезжал через Сарысу и Улутау в октябре 1253 г., то не застал там никого, так как с наступлением зимы скотоводы «спустились к югу»[9]. Наиболее подробно описание кочевого пути с юга на север и обратно оставил для XV – начала XVI вв. Ибн Рузбихан Исфахани. Касаются эти сведения не только казахов, но и узбеков Великой степи XV века. «Эта обширная степь, – писал он о Восточном Дешт-и Кыпчаке, – является летним пастбищем, становищем узбеков... казахский народ занимает места по окраинам, по сторонам и рубежам степи. Вследствие множества скота и нужды в пастбищах они занимают всю эту обширную степь, и каждый из их султанов имеет в своем владении и подчинении определенную местность этой области... Численность стад их овец и коров, счет табунов их лошадей никто, кроме всевышнего... не знает... Когда наступает осенняя пора, погода в той стране становится холодной и выпадают обильные снега, казахи для зимовки направляются из степи на зимние стойбища... Таким образом, как упомянуто о способе их передвижения, они из пределов [Кыпчакской] степи и области реки Адил (Волги), которую называют Итиль, ежедневно кочуя ... через два месяца прибывают на зимние стойбища. Местом их зимовья является побережье реки Сейхун, которую называют рекой Сыр»[10].

Нарисованная Ибн Рузбиханом Исфахани картина дальних перекочевок относится и к ногайцам (к «узбекам» он относил не только «казахов», но и «мангытов» – ногайцев). Их кочевья доходили временами – под давлением военных событий, политической ситуации – до берегов Аральского моря и низовий Сырдарьи. Основные же кочевья ногайцев располагались летом в речных долинах Урала, Эмбы, Волги, по берегам озер, в степях; зимовки – у дельт и протоков этих крупных рек[11].

При многомесячном кочевании в местах зимовок скотоводы находились недолго и не могли заниматься заготовкой кормов, и тем более земледелием. Но на местах зимовок оставались на летние месяцы обедневшие члены рода, которые ухаживали за посевами, занимались заготовкой кормов для богатых сородичей. Такого рода организацию труда у кочевников отмечают многие исследователи[12].

Существовали в Центральном, Южном и Западном Казахстане и короткие маршруты кочевания с замкнутым циклом кочевания в степях, в долинах рек, на берегах озер, в предгорьях, с обязательным возвращением на зимовья (кишлаки) в защищенные от ветров и снежных заносов места с камышовыми и другими зарослями, с небольшими посевами на местах зимовок.

О такого рода подсобных занятиях земледелием скотоводов Дешт-и Кыпчака писал ал-Омари (первая полов. XIV в.): у татар «посевов мало и меньше всего пшеницы и ячменя... чаще всего встречаются у них посевы проса – им они питаются»; далее он отметил, что во владениях татарских ханов жители кочуют и имеют скот, однако у них нет заботы о посевах[13]. Но уже для середины XV в. другой путешественник увидел такого рода заботу – Иосафат

Барбаро писал в середине XV в., о земледельческих занятиях скотоводов Дешт-и Кыпчака (западных его районов): «В исходе февраля месяца по всей Орде громогласно возвещают желающим делать посев, дабы они заблаговременно приготовили все для того нужное, ибо в такой-то день марта предположено отправиться к тому месту, для посева избранному... Все желающие немедленно делают приготовления свои... и отправляются с рабочим скотом, женами и детьми, или только с частью своих семейств к назначенному месту... тут остаются они до тех пор, пока вспашут землю, посеют хлеб и окончат полевые работы»[14]. Совмещение кочевого скотоводства с земледелием вблизи полуоседлых поселений имело место и во многих районах Восточного Дешт-и Кыпчака.

В Жетысу в XIV–XV вв. перекочевки имели такой же характер, как и в последующие века: с регулярной сменой сезонных пастбищ, от зимовий в предгорьях или в камышовых плавнях рек и прибрежьях Балхаша и от весенних пастбищ в степях до высокогорных летних джайляу в горах и предгорьях юго-восточных горных цепей[15]. В силу географических особенностей края, богатого пастбищами и плодородными землями, пригодными для обработки, для скотоводческих хозяйств Жетысу был характерен и более интенсивный, по сравнению с другими районами, характер использования земельных угодий. В Жетысу преобладал полукочевой тип скотоводческого хозяйства с полуоседлым богарным земледелием. Наряду с последним развивалось и поливное земледелие у земледельческих групп населения, главным образом, в Западном Жетысу. В источниках названы несколько джайляу, где неоднократно застывали или искали Тимуриды могулов (походы предпринимались в основном в весенне-летние месяцы). Такими местами были долины Текеса и Кунгеса, ценившиеся кочевниками за превосходные пастбища[16]. Здесь находились «наилучшие пастбища той страны» — Йулдуз (Большой — «Улуг Йулдуз» и Малый — «Кичик Йулдуз»)[17]. «Исан-Буга-хан ушел в это время на Йулдуз Могулистанский, который лежит на восточной границе (Могулистана), на летние пастбища (йайлак)»[18]. Большой известностью пользовались пастбища (алафхвар) равнины Абиш между Чарыном и Чиликом, «которая была с древних пор местом пребывания ставки ханов Джете, т.е. Могулистана и местом отдыха их войск»[19]. Упоминаются летовки (йайлак) и зимовки (кишлак) на берегах Иссык-Куля и в других местах.

Скотоводство давало населению основные продукты питания — мясо, молоко, жиры, кумыс. В «Та'рих-и Рашиди» имеется превосходное описание праздника – тоя по поводу появления первого кумыса, отметившегося «по старому обычаю и закону могулов» Хизр-Ходжа-ханом и знатью в начале весны 1405 г. в «известной в Могулистане местности Кок-тобе»[20]. Скотоводство же доставляло сырье для изготовления одежды, обуви, различной домашней утвари. В письменных источниках имеются сведения об изделиях, изготовленных из шерсти и кожи. Например, упоминаются великолепно изготовленные непромокаемые шерстяные плащи и попоны (намадха), предохранившие в битве 1365 г. от ливня могульских воинов, их вооружение и коней, что помогло им одержать верх над тимуридским войском[21]. О домашних промыслах по изготовлению одежды из шерсти есть сведения в «Та'рих-и Рашиди»[22].

Скотоводство давало и основные средства передвижения, лошадей для войска, которое полностью формировалось из конного состава. Лошади в Дешт-

и Кыпчаке составляли важный предмет торговли. Ибн Баттута отметил в 30-х годах XIV в., что у татар много лошадей, и они дешевы, а в отправлявшихся на продажу караванах было до 6 тысяч коней. О торговле лошадьми («выводят лошадей из Орды и гонят в различные страны»), рогатым скотом («крупными быками»), верблюдами сообщил И. Барбаро[23]. Дешт-и кыпчакских лошадей покупали в Персии, Индии, России. В конце XV в. (1474 г.) в Москву, по сведениям «Московского летописного свода», было доставлено на продажу более 40 тыс. коней[24].

Подсобной отраслью хозяйственной деятельности – дополнительным источником питания (мясо) и получения сырья (шкуры, мех) для домашних промыслов – была охота на диких зверей, птиц. В источниках не раз встречается описание массовой облавной охоты, предпринимавшейся ханами или крупной знатью, отчасти для забавы или обучения военным навыкам, а иногда и по экономической необходимости. Мухаммад Хайдар рассказывает об охотах, устроенных Тоглук Тимур-ханом, Вайс-ханом, улусбеком Худайдад дуглатом и др. Сведения об охоте содержатся в тимуридских хрониках, в труде Ибн Рузбихана Исфахани. Охота и рыбная ловля были обычным видом хозяйственной деятельности у ногайцев.

Отмеченные выше типы кочевого и полукочевого скотоводства в Казахстане не были чем-то неизменным во времени и привязанным к определенным регионам обширной территории Казахстана. В XIII-XIV вв. в состоянии скотоводческого хозяйства происходили определенные изменения. В результате установления монгольского господства резко возрос удельный вес скотоводства в Жетысу[25], почти полностью утратившего свою городскую культуру и в значительной степени земледельческую. Возрос в XIII в. удельный вес скотоводства и в Южном Казахстане, городское и земледельческое хозяйство которого также потерпело урон. Об этом говорят приведенные выше сведения источников. При монголах изменилась и структура стада – преобладало овцеводство и коневодство (завоевательные войны Чингизидов требовали непрерывного роста поголовья лошадей). Причем монголы принесли в эти регионы кочевую форму скотоводства, нарушившую местные традиции. Однако постепенно под действием местных естественных условий и жизненных потребностей и по мере восстановления земледелия в XIV –XV вв. установились здесь традиционные формы полукочевого и оседлого скотоводства, в составе стада появился крупный рогатый скот.

По мере укрепления хозяйственного положения Ак-Орды и Могулистана росло поголовье скота в скотоводческих районах и увеличивалась его товарность.

Земледелие. С глубокой древности в жизни населения Южного и Юго-Восточного Казахстана важную роль играло земледелие.

Восстановление земледелия на юге Казахстана связано с возрождением присырдарьинских городов. В XIV в. наблюдался хозяйственный подъем в Ак-Орде, наметившийся еще в конце XIII в. Постепенно восстанавливались города Сыгнак, Ясы, Сауран, Отрар, Сайрам и другие, оживилось земледелие, ремесленное производство, рос торговый обмен.

Восстановлению городской и оседло-земледельческой жизни в Ак-Орде способствовало перемещение сюда политического центра независимого государства, правители которого стремились удалить свой административный и экономический центр подальше от ставок монгольских ханов Золотой Орды

и Чагатаидского государства и поближе к крупным земледельческим оазисам. Вместе с ним переместилась (а точнее, восстановилась) на юг, на города Туркестана и экономическая ориентация населения Восточного Дешт-и Кыпчака[26]. Жизненно важная необходимость экономических связей скотоводческих районов с оседло-земледельческими в целях получения необходимых для жителей степных районов продуктов ремесленного и земледельческого производства и в целях сбыта продуктов расширявшегося скотоводческого хозяйства послужила одной из главных причин восстановления городов и земледелия в оазисах Южного Казахстана.

Стабилизация положения в Ак-Орде в XIV в. содействовала также хозяйственному подъему: росло поголовье скота, увеличивались возможности сбыта продукции животноводства. Понимая необходимость укрепления Ак-Орды, ее правители Ерзен-хан, Мубарак-хан, Урус-хан, Барак-хан поддерживали рост городов и земледельческого хозяйства на юге государства, осуществляли в них строительство, организовывали торговые караваны и отстаивали города от притязаний Чагатаидов и Тимуридов[27]. Но самым важным фактором быстрого восстановления городов и сельскохозяйственного производства в оазисах Туркестана были традиционность, глубокие корни городского и земледельческого хозяйства на юге Казахстана. Присырдарьинские города Ак-Орды имели длительную историю, связанную с внутренним экономическим развитием оазисов Южного Казахстана, и этим они отличались от эфемерных городов Золотой Орды в Поволжье, возникновение которых связано лишь с политической властью Джучидов, «искусственно стимулировавших» строительство новых городов «на базе развития принудительного труда и использования массы захваченных во время завоевательных войн пленников»[28].

Из всей многогранной жизни присырдарьинских городов XIV – XV вв. здесь следует отметить лишь одну ее сторону – роль городов как центров земледельческих оазисов. Одним из таких оазисов был район Сыгнака. Возрожденный после разрушения его монголами, Сыгнак стал в XIV в. столицей Ак-Орды. Этому способствовало выгодное расположение города – на самой окраине Туркестана, там, где оседло-земледельческая территория непосредственно соприкасается с кочевыми районами Восточного Дешт-и Кыпчака. Отстроенный Ерзеном и особенно Урус-ханом[29], Сыгнак в XIV – XV вв. восстановил свое значение крупного торгово-ремесленного центра, хорошо укрепленной крепости. Он стал культурно-экономическим и политическим средоточием жизни государства, обособившегося в пределах Восточного Дешт-и Кыпчака. В начале XV в. город на время отошел к владениям Улугбека. В 1446 г. Сыгнаком овладел Абулхайр-хан и сохранял его под своей властью до конца жизни. Здесь он похоронен так же как и другие ханы Восточного Дешт-и Кыпчака.

Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани, посетивший Сыгнак в начале XVI в., писал, что «в старину он был очень большим цветущим городом», что «вся эта область весьма благоустроена и возделана, и всему тому краю содействовали всякого рода блага и спокойствие... в прежние времена и предшествующие эпохи в этом благоустроенном владении и обильной радостями стране было много жителей и обитателей...»[30]. Население города и окрестных селений занималось поливным земледелием. Огородническими культурами, бахчами и садами были заняты возделанные участки, далее располагались пахотные орошаемые и богарные земли, занятые посевами. По свидетельству Ибн

Рузбихана, «оросительные каналы обработанных полей [вокруг Сыгнака] все выведены из реки Сейхун»[31]. Один из них – Тумен-арык. Этот древний магистральный канал не только снабжал водой город и ближние земли, но и орошал довольно значительную окрестную территорию. Другой арык, Бузгил-Узак, снабжал город и окрестности паводковой водой, заполнявшей во время разлива Сырдарьи озеро Бузгил-Узак. Оба этих арыка (они упомянуты в жалованной грамоте от 803 г. х. /1400 – 1401 гг., приписываемой Тимуру)[32], подходя к окрестностям города, разветвлялись на многочисленные мелкие арыки, орошавшие возделанные участки земли. Земли, расположенные с северо-западной и северной окраины города, орошались арыками, выведенными из горных речек, стекавших с Каратау. В вакфных грамотах упомянуты эти арыки: Орда-Кент, Кызыл-Тал, Кельта-Чалгийа, Арсланды, Джулек. В грамотах упомянуты источники Тохтамыш, Хараш, Хисарчук. Первый из них, судя по названию, введен в действие не позднее XIV в.[33].

С XIV в. особенность положения Сыгнака заключалась в том, что он был крайним северным городским поселением по Сырдарье[34]. О расположенных в прошлые времена ниже по течению Сырдарьи городах Дженде, Янгикенте и Барчынлыгкенте, разгромленных в период установления монгольского господства в XIII в., источники XIV – XV вв. уже не говорят. Это особенно подняло роль Сыгнака как ближайшего крупного торгового центра в жизни населения казахских степей.

Город Ясы был центром еще одного большого земледельческого округа, обеспечивавшего зерном и другим продовольствием не только собственные нужды, но и поставлявшего его на рынки Туркестана. О наличии большого числа возделанных и орошенных участков земли вокруг самого города и его селений говорится в вакфной грамоте Тимура, пожалованной им мавзолею Ходжа Ахмала Ясави на рубеже XIV–XV вв. Кроме основного участка земли, орошаемого арыком Йангича, вытекающим из родника Ходжа-Тумаси, этой грамотой передавались мавзолею и некоторые другие по «два коша земли с водою»[35] от всех участков, орошаемых арыками, «сколько бы арыков в ведении Туркестана ни было». Некоторые из этих арыков указаны в грамоте: арыки Мир-Карасу, Сыгнак и Чорнак, Кара-Булак, Сазат-Булак, Ак-Тебе, Ур-Йар, а также арыки, вытекающие из родника Кок-таш; названы также арыки Кийа-Джук, Бохарчук, Шат-Дарваза, Ташанак, Чага и Куш-Курган[36].

Часть этих арыков орошала земли, отданные в вакф различным духовным лицам или мазарам, на которые не было недостатка в Ясы. Перечисленные в грамоте орошенные участки составили лишь некоторую часть пахотных угодий сельской округи Ясы (Туркестана). Эти данные позволяют судить о значительной площади возделанных земель вокруг этого города в XIV–XV вв.

Как следует из указанной грамоты, на поливных землях выращивались зерновые культуры, в частности, пшеница, ячмень, огородные и бахчевые, разводились сады. Об одном из них, расположенном на землях, орошенных арыком Ходжа-Тумаси, как о вакфе мечети Ходжа Ахмала Ясави, упомянуто в вакф-наме Тимура. Хотя и высказано мнение, что эта грамота является поздней подделкой, но историко-географический материал в ней соответствует реальности. Для своего времени грамота была действующим документом, и она подтверждалась, как это было и принято, последующими правителями, например, Шайбанидом Абдаллахом в конце XVI в.[37]

Крупными очагами земледелия являлись также Сауранский, Сайрамский и Отрарский оазисы. О прекрасном климате Сауранского оазиса, благоприятном для основанного на орошении земледелия, писал Рузбихан: «Я нашел, что это чрезвычайно приятный город. Он основан на ровной открытой степи, очень красивой и свежей. Воздух его очень приятный, животворящий, /такой/, что вселяет в сердце радость и силу. По окраинам его пасутся, словно овцы, стада диких коз; во всех окрестностях (нахийа) растут деревья /разных/ пород»[38]. Для орошения полей и снабжения водой Саурана использовались речки и ручьи, стекавшие со склонов Каратау, и подземные воды, выводимые на поверхность с помощью кяризов.

Расположенный на месте древнего Испиджаба город Сайрам был крупным торгово-ремесленным пунктом, центром богатого земледельческого оазиса. Благодаря своему географическому положению город находился в XIV–XV вв. в самом узле переплетавшихся здесь, противоположно направленных интересов правителей кочевого Восточного Дешт-и Кыпчака и Туркестана, Западного Могулистана и среднеазиатского государства Тимуридов. Во всех персо- и тюркоязычных сочинениях, содержащих сведения об их взаимоотношениях, упоминания о Сайраме, как предмете их спора, встречаются очень часто. Исследователи отметили глубокую древность земледельческой культуры в Сайраме. Значительная площадь возделанных земель внутри огороженного двумя линиями стен пространства была занята садами и другими древесными насаждениями. За линией стен располагались обширные поля, занятые посевами зерновых[39].

Вся возделанная в Сайрамском районе площадь орошалась при помощи арыков, отведенных из многочисленных речек, стекающих с южных отрогов Каратау и Таласского Ала-Тау. Некоторые из этих рек, сохраняющие и поныне свои названия, упомянуты в источниках: Арысь, Сайрамсу, Аксу, Бугунь, Чайан (Чаян), Арсланлык (Арыстанды) и др.[40]. Сайрамский округ был крупнейшим центром сельскохозяйственного производства на юге Казахстана.

Древнейший присырдарьинский город Отрар, разрушенный почти до основания в начале XIII в. монголами, постепенно был восстановлен. Во второй половине XIII в. его роль в экономической жизни стала заметной.

Произведенные казахстанскими археологами раскопки культурных слоев Отрара XIII–XVIII вв. и памятников земледельческой округи Отрара, ирригационной системы оазиса (полученные материалы охарактеризованы ниже), показывают, что Отрар XIV–XVI вв. представлял собой крупный торгово-ремесленный центр Южного Казахстана и центр земледельческого оазиса[41].

Земледельческое хозяйство Южного Казахстана в XIV–XV вв. вполне изжило, вместе с восстановлением городов, следы разрухи, причиненной ему в первой половине XIII в.

Несмотря на тяжелейшие последствия упомянутых выше социально-исторических факторов, приведших к уничтожению в Юго-Восточном Казахстане городов и земледелия, как одной из главных отраслей хозяйства местного населения, в незначительном размере земледелие все же сохранилось, в большей степени на юго-востоке, в долинах Чу и Таласа, в меньшей – на северо-востоке. Археологи отмечают следы земледельческой жизни в Таразе, Садыр-Кургане, Аспаре и других городищах и после XV в.[42]. Шараф ад-дин Али Йазди, а также Мухаммад Хайдар отмечают, что в самом начале XV в. «территория между Китаем и Мавераннахром (т.е. Могулистан и Восточ-

ный Туркестан) мало заселена и неблагоустроена»[43]. Скорее всего, это наблюдение фиксирует состояние разрухи, вызванной завоевательными походами Тимура, в результате которых значительно сократилась численность населения, что еще более усугубило тяжелое состояние хозяйства монгольского периода.

Тем не менее о наличии земледелия в крае говорят некоторые прямые и косвенные данные. Тимур перед походом в Китай шлет могулистанскому хану Хизр-Ходже повеление «приложить усилия к [развитию] земледелия (зара'ат) и подготовить для [его] армии продовольствие»[44]. У местного населения должны были сохраниться и поддерживаться навыки в обработке земли, выращивания продовольственных и фуражных культур, иначе невозможно было бы выполнить это распоряжение, как и другие.

Сведения о культурах, которые выращивали в то время, очень скудны. Это касается не только Жетысу, но и оседло-земледельческих районов Южного Казахстана и Мавераннахра; чаще всего зерновые культуры называются в источниках одним словом — «зерно» (галле). Тем ценнее те немногочисленные данные, которые касаются непосредственно территории Юго-Восточного Казахстана. Во время похода 1389 г. Тимур где-то в районе Или выделил пяти своим эмирам владения (юрт) и повелел им срочно заняться там хозяйственными делами: «В соответствии с приказом они остались там и занялись благоустройством и земледелием (амарат ва зара'ат)»[45]. В «Зубдат ат-таварих» Хафиз-и Абру есть дополнительные сведения об этом факте, указываются конкретные причины предпринятых Тимуром шагов по развитию земледелия, названы и зерновые культуры: просо (арзан) и джугара (зоррат)[46]. Далее сообщается, что эмиры, «оставленные для занятия земледелием», окончив свое дело, присоединились к Тимуру. Трудно предположить, что тимуридские наместники в Могулистане могли в короткие сроки решить столь сложную продовольственную и хозяйственную задачу, имея перед собой «чистых» кочевников. Этот факт интересен потому, что свидетельствует о сохранении многовековой местной традиции выращивания здесь названных культур. Земледелием продолжало заниматься по традиции местное полукочевое население. Оно издревле знало земледелие, выращивало необходимые для собственного потребления и для сбыта продукты земледелия, о чем для предшествующего домонгольского времени сведения многочисленны. В то время, когда земледельческие оазисы в Юго-Восточном Казахстане еще не пришли в запустение, долина реки Или, пишет В. В. Бартольд, основываясь на письменных и археологических источниках, славилась выращиванием пшеницы. Здесь возделывались «все пять родов хлеба»[47]. И хотя в рассматриваемый период из-за указанных выше социально-исторических факторов скотоводство стало в Юго-Восточном Казахстане преобладающим занятием, частично сохранилось и земледелие, в том числе выращивались и зерновые культуры. Описывая охоту, устроенную улусбеком эмиром Худайдад дуглатом, Мухаммад Хайдар сообщает, что всем участникам охоты эмир выдавал содержание в виде пшеничной муки (ард), мяса (гушт), а также фураж для коней — ячмень (алик). В охоте, продолжавшейся почти по три месяца каждую зиму, у него участвовало до трех тысяч человек[48]. Вполне очевидно, что не вся мука и ячмень, необходимые улусбеку для указанной цели, поступали из оседлых районов Кашгарии. Какая-то часть их поставлялась и подвластным ему могулистанским населением.

Вместе с земледелием на юго-западе Жетысу сохранилась в некоторой степени и городская жизнь. В этом сказались более древние и более устойчивые традиции оседло-земледельческой и городской жизни на этой территории Казахстана. В конце XIII—первой половине XIV вв. еще оставался центром земледельческого округа город Тараз. Археологи отмечают некоторое оживление экономической жизни в юго-восточной части Таразского округа, где функционировало несколько небольших городов (Шельджи и другие), что способствовало поддержанию и земледельческого хозяйства.

В ходе укрепления Ак-Орды, Могулистана и других государств на территории Казахстана в XIV—XV вв. возрождались и становились все более прочными хозяйственные, политические связи, взаимообщение и взаимовлияние тюркских и отюреченных монгольских племен и родов, оседло-земледельческого и скотоводческого населения внутри Казахстана. Это происходило в результате частых миграций племен, в ходе совместной борьбы против чужеземных завоевателей, особенно против захватнической политики эмира Тимура и Тимуридов, ойратских тайши, вынужденных откочевок на соседние, порою иногосударственные территории. Устанавливались связи и в процессе торгового обмена.

Натуральное хозяйство средневекового общества, безусловно, консервировало замкнутость родов и племен, и это было характерно не только для кочевого и полукочевого населения степных районов Казахстана, но и населения земледельческих оазисов Южного Казахстана и соседних районов Средней Азии. Оно ограничивало развитие как внутренних, так и внешних взаимосвязей формирующихся народностей. Тем не менее эти связи как внутри государств на территории Казахстана XIV—XV вв., так и с соседними областями Средней Азии имелись. Они становились все более прочными по мере восстановления и роста хозяйства в Ак-Орде и Могулистане. Причина этого — в самой объективной необходимости этих связей. Хозяйственные связи со смежными территориями оседло-земледельческой и городской культуры возникали с особой необходимостью именно при кочевом и полукочевом скотоводческом хозяйстве в силу самой природы разноотраслевой экономики этих сфер производства.

По территории Южного Казахстана и Юго-Западного Жетысу проходил рубеж двух хозяйственных зон, двух культур — оседло-земледельческой и кочевой, полукочевой скотоводческой; эта территория издавна была средоточием хозяйственно-политических и культурно-этнических контактов населения как различных районов Казахстана между собой, так и Казахстана и Средней Азии. Не случайно население всех трех пространственно очерченных, исторически обособленных, экономически самостоятельных районов Казахстана — Юго-Восточного, Центрального и Западного Казахстана, — как и его (населения) руководящая прослойка, в поисках решения своих хозяйственных, военных, политических проблем постоянно выходили на территорию Южного Казахстана (Туркестана).

Как раз в условиях контактных зон, на стыке кочевого и оседлого мира хозяйственное взаимообщение, торговые связи, обмен произведенной продукцией были важнейшим условием производства в обеих хозяйственных сферах. В силу разнохарактерной хозяйственной деятельности кочевого скотоводства и оседлого земледелия и ремесленного производства кочевое и оседлое население никогда не жило изолированно друг от друга, а было связано

нитями взаимного экономического, политического, культурного влияния. Между кочевым и оседлым укладами не было резкой границы. С древнейших времен на территории Казахстана существовали кочевой скотоводческий и оседло-земледельческий типы хозяйства, развивалась комплексная экономика. Взаимодействие и взаимосвязь кочевых и оседлых народов, кочевых и оседлых групп внутри одного народа, в первую очередь выражалось в поддержании мирных торговых отношений, необходимость которых вызывалась самим характером производства, особенно у кочевников-скотоводов. Сбыт продуктов животноводческого производства в обмен на зерно, ткани и другие предметы ремесленного производства был необходим для кочевого хозяйства. Хозяйство кочевых и оседлых жителей не было антагонистичным, оно являлось взаимодополняющим. Развитие оседло-земледельческого хозяйства, особенно в контактной зоне, также не в меньшей степени зависит от развития спроса со стороны кочевников, чем расширение скотоводческого хозяйства зависит от возможности сбыта его продуктов в оседлые районы. Этот взаимный спрос стимулировал развитие хозяйства в обеих сферах производства.

Взаимодействие оседлой и кочевой культуры имеет важное значение в процессе этнического развития казахской народности. Политическое, культурное, социальное и этническое взаимодействие, взаимовлияние различных в хозяйственном отношении подвижных скотоводческих и оседлых земледельческих групп населения в рамках одной формирующейся народности содействовали процессу ее консолидации. Этот процесс развивался на территории Казахстана в период существования здесь Ак-Орды, ханства Абулхайра, Могулистана, Ногайской Орды – государств, базировавшихся на кочевой скотоводческой и оседло-земледельческой экономике.

2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Социальная структура. XIV–XV столетия были особым периодом в жизни средневекового Казахстана и в области развития социально-экономических отношений. По мере нормализации хозяйственной жизни укреплялись формы феодального землевладения на юге Казахстана, продолжался процесс феодализации в кочевых скотоводческих районах. Феодальные отношения составляли основу общественного строя государств, существовавших на территории Казахстана в этот период. Как показано в предыдущем томе[49], феодальные отношения возникли раньше и развивались быстрее в Жетысу и Южном Казахстане, чем в других областях Казахстана. Этому способствовал более высокий уровень развития производительных сил, оседло-земледельческой и городской культуры в этих районах. Феодальные отношения развивались здесь и в последующее время более быстрыми темпами, чем на остальной территории Казахстана. Большое влияние оказывали на развитие края по пути феодализма экономические и политические контакты с оседло-земледельческими районами соседней Средней Азии и Кашгарии с их более развитыми общественными отношениями.

Вместе с отвергнутой «пятичленной схемой» формационного развития общества подвергнута критике в литературе последних лесятилетий и феодальная формация (в марксистском понимании как способ производства). В европейской и мировой историографии период средневековья, докапиталистический этап истории также называется периодом феодализма. Но под фео-

дализмом в этой историографии понимаются не столько социально-экономические отношения, сколько социально-политическая организация общества. Она характеризуется наличием системы феодов (или уделов) как наследственных владений аристократии – вассалов правителя государства, так и полученных ее представителями на условиях выполнения государственной службы – военной, административной и т.д. С вассально-ленной системой отношений связаны другие «феодальные» институты: иерархия власти, вассалитет, раздробленность государства на уделы, постоянные военные столкновения и междоусобицы[50], превалирование власти, силы над законом. Многие из этих атрибутов «феодализма» имеются и в истории средневекового Казахстана, хотя и с массой особенностей, прежде всего в кочевой среде. Понимание феодализма в широком смысле как совокупности взаимосвязанных социальных, политических, экономических и духовных институтов, а не одних лишь производственных отношений, дает возможность применять этот термин для характеристики общественных отношений в позднесредневековом Казахстане.

Социальная структура населения Казахстана в XIV-XV вв. была сословно-классовой по своему характеру. Господствующую верхушку составляла знать различных категорий, прежде всего – представители династии Чингизидов и вожди племен и крупных родов. Ханы – верховные правители Ак-Орды, Могулистана и других государств, существовавших на территории Казахстана, а также многочисленные султаны и огланы (неправившие члены династии Чингизидов) вели свое происхождение от Джучи-хана и Чагатай-хана. Они опирались на поддержку аристократии племен и родов, состоявшей из эмиров, беков, биев, баев. Предводители тюркских племен Ак-Орды, ханства Абулхайра и Могулистана чаще всего именуются в источниках эмирами, в Ногайской Орде – мурзами. Но в тюркоязычной среде этих государств более широко употреблялся древний тюркский термин «бек». Это можно видеть по многочисленным случаям употребления данного титула в названиях должностей военного и государственного аппарата и при именах собственных знатных лиц. Например, в Восточном Дешт-и Кыпчаке и Жетысу в XIV-XV вв. представители феодальной аристократии занимали должность улусного бека – улусбеги и другие должности в государственном аппарате Ак-Орды, Могулистана, ханства Абулхайра (туменбеги, минбеги, тугбеги, ордабеги, учбеги и т.д.). Эти титулы и звания давались представителям тюркской знати, занимавшим верхние ступени социальной и служебной иерархии. В Могулистане это были Мухаммад-бек, Кепек-бек, Хаджи-бек и др. эмиры Могулистана[51]. В Ак-Орде –Али-бек, эмир Урус-хана, Исабек, брат Едыге, и др. В ханстве Абулхайра – Мухаммад-бек конграт, Суфи-бек чат, Суфи-бек найман и др[52]

Термин «бий», как и «бек», был широко распространен в XV в. в Ногайском улусе (например, этот титул носил известный предводитель мангытов Ваккас-бий), в государстве Абулхайр-хана (Бузунджар-бий кытай, Суйунч-бий и др.), позднее в Казахском ханстве среди представителей знати[53].

Термин «бай», как отмечал Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани, обозначал у дештикыпчакских и могульских племен «богатого человека, владельца большого количества скота»[54]. Он имел и социальный смысл, служил для обозначения представителей класса степных феодалов (Кылыч-бай бахадур, Кунчур-бай кушчи – сподвижники Абулхайр-хана и др.). Со времени установления монгольского господства термин «бахадур» (в первоначальном зна-

чении — «богатырь», «герой») также являлся одним из титулов феодальной иерархии в кочевой степи. Многочисленных бахадуров упоминает в своем сочинении Мас'уд бен Усман Кухистани и другие авторы. Что же касается распространившегося после нашествия Чингиз-хана монгольского термина «нойон» (равнозначного тюркскому «бек» и арабо-персидскому «эмир»), то в источниках XIV-XV вв. отмечены лишь единичные случаи применения его у тюрок Могулистана и Ак-Орды.

Масса оседлого и кочевого населения Ак-Орды, ханства Абулхайра и Могулистана обозначалась термином «карачу» («простолюдины», «чернь»)[55]. Презрительно называет улусбек эмир Худайдад могульский народ: «аразил», т.е. «подонки». Авторы придворных хроник также унизительно говорят о тех, кто противостоит аристократии: «низкие, недостойные люди»[56].

Обычно же в источниках зависимое от знати население, как оседлое, так и кочевое, носит название «утба» в значении «подданные», «податная масса». Так обозначалось в средневековье зависимое, податное население в Средней Азии, на Ближнем и Среднем Востоке, наряду с термином «ра'ийат».

Представляют большой интерес сведения Мухаммад Хайдара Дуглата о социальной структуре населения Могулистана (его южной части): «Все жители Кашгара и Хотана делятся на четыре группы. Первую называют «туман», что означает «подданные — ра'ийаты», они принадлежат хану и ежегодно платят ему налог. Другая называется «каучин», что означает войско... Следующая — «аймаки», каждый из которых получал доход в виде зерна, материи и других [вещей]... Четвертая группа — обладатели шариатских должностей и распорядители благотворительными местами, вакфами... и [обладатели] многих земельных владений»[57]. В сущности здесь раскрыта роль каждой общественной группы (сословия, класса — по В. В. Бартольду[58]): одни платят налоги, другие составляют военную силу государства; вожди кочевых племен (аймаков) за военную или государственную службу получают в условное владение определенные территории, города и их округи; чиновники и духовенство выполняют свои общественные функции, имея доходы от земельных владений разных видов (вакфы, мильки и др.). Источники показывают, что подобная социальная структура населения имела место и в других государствах на территории Казахстана в XIV—XV вв.

Земельные отношения. Политическая власть знати Ак-Орды, ханства Абулхайра, Могулистана, начиная с хана и кончая вождем рода, базировалась на экономической мощи, основой которой являлось традиционное право распоряжения, фактическое владение как пастбищными территориями (йурт), на которых кочевали подвластные феодалам племена и роды, так и обрабатываемыми участками в местах зимовок и в оседло-земледельческих оазисах — в Туркестане, в Западном Жетысу и других местах, а также владение громадными стадами скота.

Недостаток фактического материала в источниках не дает возможности четко выделить категории землевладения и определить его особенности в условиях кочевого и полукочевого скотоводческого хозяйства. Имеющиеся данные по истории общественной жизни Ак-Орды, государства Абулхайр-хана и Могулистана XIV-XV вв. позволяют лишь наметить эти категории.

В целом формы землевладения в этих государствах были аналогичны формам, существовавшим в улусах и государствах Джучидов и Чагатаидов XIII-XIV вв. Население этих ханств во многом еще сохраняло социальные инсти-

туты, существовавшие при монголах на территории Казахстана и Средней Азии, как в свое время кочевники-монголы при завоевании оседло-земледельческого населения воспринимали его более развитое социальное устройство.

Некоторые установившиеся при монголах и сравнительно долго сохранявшиеся формы реализации феодального права на землю находят прямые аналогии с существовавшими здесь ранее категориями землевладения. Так, например, земли верховного правителя и его семьи, тип монгольского инджу существовали и раньше, в частности, в Иране и Средней Азии. Наряду с этим, на базе существовавших ранее феодальных владений, например, икта эпохи Караханидов, развивается система условных земельных пожалований (сойургал). Сохранились и существовавшие с домонгольских времен вакфные и мильковые земли.

В Монгольской империи, в состав которой входил и Казахстан, великий хан, как глава правящей династии, считался верховным собственником всей земли[59]. Но при этом все государство являлось коллективным владением правящего ряда Чингизидов, и каждый его член имел право на получение инджу — части этого владения, т.е. земли (юрт) и обитавших на ней людей (улус). Такое положение сохранялось и в монгольских улусах, а в послемонгольское время — в возникших на их развалинах государствах, во главе которых стояли Чингизиды. Верховная собственность государства на землю была общей чертой социального строя средневекового общества на Востоке[60]. Однако это не меняло феодальной сущности земельной собственности, поскольку земли раздавались Чингизидам и аристократии в виде инджу и земельных пожалований, а та часть доходов, которая поступала в виде налогов (если пожалование не было «обелено» и не имело тарханных прав), шла на содержание не только ханского двора, но и господствующих слоев общества в целом.

Инджу. В государствах XIV-XV вв. на территории Казахстана, как и в монгольских улусах, имелась категория земель инджу. Термином «инджу» (первоначальное его значение в монгольском языке — «приданое») обозначались «удельные владения царевичей», членов рода Чингизидов[61].

Под инджу подразумевали не только людей, то есть улус, отданный в удел члену ханского рода, но также и юрт этого улуса, т.е. его территорию. Получаемый с этого владения доход также назывался инджу. В инджу входили территории как кочевого, так и оседло-земледельческого населения. Часть земель инджу вместе с населением, кочевавшим или жившим оседло, передавалась улусным ханом своим вассалам в качестве пожалования за службу.

Выделенные Чингиз-ханом трем старшим сыновьям войска (по 4 тыс. воинов каждому) являлись их личным наследственным владением — инджу. Вместе с семьями каждое из этих инджу составило улус примерно в 20 тыс. человек. Землями инджу, соответствовавшими этим инджу — улусам, были юрты этих сыновей Чингиз-хана в захваченном ими северо-восточном Жетысу[62], т.е. инджу Джучи, Чагатая и Угэдэя занимали лишь часть их огромных уделов (улусов). В отличие от инджу, уделы в первое время не были независимыми владениями, т.к. верховным собственником всех завоеванных территорий считался глава монгольской империи – великий хан. Но уже с середины XIII в. уделы (улусы) Чингизидов тоже превратились в независимые владения.

Ханские земли (инджу) находились, как правило, там, где был центр улусов. Центр Чагатаидского государства до 20-х годов XIV в. находился в Жетысу. Здесь, в долинах Чу, Или, Таласа находились и ханские земли (инджу). Инджу ханов Золотой Орды (Бату и др.) находились в Поволжье[63]. Правители монгольских улусов (Орда-Еджен, Шайбан и др. Джучиды) на территории Казахстана в свою очередь выделяли инджу членам своих семей. Причем их уделы, как и наследственные инджу, также постепенно становились независимыми. И они в свою очередь раздавали уделы своим родственникам и вассалам. Феодальный институт инджу, как и удельная система в целом, вел к дроблению сначала Монгольской империи, а затем и улусов на более мелкие владения.

Система инджу сохранилась и в последующее время в Ак-Орде и ханстве Абулхайра. Собственно ханские земли (инджу) Орда-Еджена и его потомков были сначала на Иртыше (на северо-восточной окраине Жетысу), а затем в Южном Казахстане (с центром в Сыгнаке). Относительно инджу в Могулистане имеются известия в уйгурских документах[64]. Сидевшие на землях инджу земледельцы или скотоводы поставляли средства на содержание двора, войска, челяди, многочисленных вассалов владельца инджу.

Система вассалитета, основанная на институте инджу, как и улусная (удельная) система была широко распространена и в самой Монголии, где «утвердился феодализм в классическом, политическом смысле этого слова... с характерным для него вассалитетом и другими институтами»[65]. И эта система вассалитета инджу была, очевидно, тесно связана с военно-административным устройством монгольских государств.

Условное землевладение. Как и в монгольских улусах, в частности в Золотой Орде и Чагатаидском государстве, в Ак-Орде, ханстве Абулхайра и Могулистане тюрко-монгольская аристократия разделялась на две категории: военную аристократию (военачальники, начиная с правителей — держателей улусов, улусбеков, темников (туманбеги), эмиров тысяч (минбеги) и кончая предводителями сотен (юзбеги) и десятков — онбеги) и служилую гражданскую аристократию (начальники дафтаров — финансовых, налоговых и прочих государственных ведомств, атабеки, аталыки, правители городов — даруги и др.)[66]. Вместе с должностью представители этой аристократии получали в уделы улусы, или аймаки, и их земли (юрты), города и селения.

В Ак-Орде, ханстве Абулхайра, Ногайской Орде и в Могулистане действовала древняя тюрко-монгольская военная десятичная система организации населения с иерархией должностей кочевой знати, эмиров (беков) туманов, тысяч и др. Каждый военачальник владел земельным пожалованием, доходы с которого шли на содержание соответствующей войсковой единицы. Рубрук писал, что у монголов всякий начальник знает границы пастбищ, которыми пользовались подчиненные ему скотоводы, и места кочевий в разные времена года[67]. Эта иерархическая система сохранялась и позже. Основанная на условном пожаловании улусов и юртов, она служила обогащению господствующих слоев государств в лице ханов, султанов, предводителей племен и родов. Она гарантировала обеспечение государства вооруженной силой, содержавшейся за счет доходов, полученных от эксплуатации трудовых масс.

Зависимость кочевого улуса, как и оседло-земледельческого населения, от хана, султана, эмира, бека и других представителей знати определяла власть

феодала на землю, на пастбища этого улуса – юрт (йурт). В источниках имеются свидетельства о принадлежности того или иного юрта определенному владетелю: так, Каракол, был юртом Енге-торе; земли около Иссык-Куля в районе Кочкара-Джумгала – юртом эмира Джаханшаха дуглата. Юрт составлял собственность правителя улуса или предводителя племени. Власть над илем, т.е. народом, данным в удел, фактически определяла и владение юртом. Подчиненные этим представителям кочевой аристократии рядовые кочевники, объединенные в общину, как и земледельцы в оседло-земледельческих оазисах, считались лишь временными держателями того или иного пастбища или участка земли. Вожди племен фактически распоряжались всеми делами племен: вопросами перекочевок, борьбы с другими племенами, поддержки или оппозиции центральной ханской власти. Они располагали административно-политической властью в районе обитания племени. Рядовой кочевник, хотя и владевший скотом на правах собственности, в использовании пастбищ, в выборе маршрутов кочевок зависел полностью от воли фактического владельца пастбищных угодий – хана или феодала.

Рядовые члены племени, у которых было мало скота, пользовались общинными пастбищами в меньшей степени; не имевшие скота вообще исключались из числа пользователей «общинных пастбищ». Зажиточные же скотовладельцы фактически пользовались как своей собственностью лучшими землями, пастбищами и посевными угодьями. Господствующая верхушка племен Золотой Орды, Ак-Орды, обладавшая огромным количеством скота, исчислявшимся иногда, по словам путешественников XIV в., несколькими десятками тысяч единиц, фактически распоряжалась всеми пастбищами, обрабатываемыми землями, водными источниками. Большим количеством скота обладал, например, дуглатский эмир Сайид-Али, распоряжавшийся и пастбищами как своей собственностью. Только в личной дружине Сайида-Али состояло до трех тысяч человек, на содержание которых (куналга) шли доходы с его владений, поставлявшиеся в виде налогов подвластным ему населением[68]. Эти пастбища и пахотные земли названы в источниках термином «икта» – земельным пожалованием, полученным его дедом Худайдадом за военную службу. По существу они уже стали наследственной земельной собственностью потомков Худайдада. В повиновении самого эмира Худайдада дуглата находилось до 64 тысяч семей – около 300 тыс. человек.

В праве распоряжаться кочевьями, регулировать кочевание зависимых скотоводов, присваивать себе лучшие из пастбищных и обрабатываемых земель реализовывалась фактическая собственность на землю[69]

Условные пожалования за военную службу назывались в Золотой Орде илями и улусами. В XIV в. к этим формам владения все более стал применяться уже в Золотой Орде, затем в Ак-Орде, ханстве Абулхайра, как и в тимуридских государствах Средней Азии и Ирана, термин сойургал. В Могулистане условные земельные пожалования также имели характер сойургала.

Сойургал представлял собой развитие давнего вида условного пожалования, появившегося в Средней Азии и Юго-Восточном Казахстане еще при Караханидах и сохранившегося при монголах, – икта. Владелец икта (иктадар) имел право на землю, воду, людей пожалованной территории. Нередко иктадар обладал налоговым иммунитетом. Владение икта не передавалось по наследству. Сойургал стал формой господства кочевой аристократии над скотоводами и оседло-земледельческим населением. Владелец сойургала обла-

дал не только налоговым, но и судебно-административным иммунитетом[70]. В условное владение в качестве сойургала за военную службу отдавалась земля как с кочевым, так и с оседлым населением, в сойургал жаловались и должности правителей улусов, вилайетов. О сойургалах в Золотой Орде в значении условного пожалования известно по ярлыкам Тохтамыша и Тимур-Кутлуга[71].

В 20-х гг. XIV в. правитель Ак-Орды Ерзен-хан принимал меры по упорядочению раздачи удельных владений, в виде пожалований сойургального типа своим родственникам – джучидским султанам и знати кочевых племен. Му'ин ад-дин Натанзи сообщал об этом: «Около 700 человек своего уруга он сделал участниками общих милостей и приготовил для каждого из них удел (куби, монг. хуби – доля, удел) и область (субе)... и никто из великих не притеснял меньшего...»[72]

Сойургалы существовали в Ак-Орде и во второй половине XIV в. Низам ад-дин Шами сообщает, что когда один из военачальников хана Ак-Орды Уруса, эмир Урук-Тимур бежал в 1377–78 гг. вместе с Тохтамышем к Тимуру в Самарканд, Урус-хан отдал принадлежавший ему удел в сойургал другому лицу, Тойче[73]. Раздавались в уделы типа сойургал членам ханского рода и представителям кочевой знати и города Южного Казахстана в период правления Абулхайр-хана. В 1446 г., отобрав некоторые из этих городов у Джучидов и Тимуридов, Абулхайр-хан отдал Сузак в удел Бахтийар-султану, Сыгнак – Манедан-оглану, Узгенд – Ваккас-бию мангыту[74]. Все они имели под своей властью и кочевое население. Предоставление ханами Ак-Орды, позднее казахскими ханами, Тимуридами, Шайбанидами городов Туркестана в уделы феодальной знати практиковалось весьма широко. Характер сойургального пожалования имели феодальные условные держания и в Могулистане. В «Та'рих-и Рашиди», «Бахр аль-асрар» и других источниках часто говорится о пожаловании городов и их земледельческой округи ханами Могулистана в удельные владения членам ханского рода и представителям военной аристократии на завоеванных территориях в Южном Казахстане, в районе Ташкента, в Восточном Туркестане (города Аксу, Бай, Куча и др.). Пожалования давались в виде вознаграждения за оказанную военную и материальную помощь или на условиях несения военной или административной службы[75]. Объектом пожалования служили не только населенные оседлыми земледельцами (например, в Чу-Таласской долине) районы, а также города, крупные поселения на зависимых от Могулистана территориях, но и кочевые районы Казахстана, т.е. северо-восточного Жетысу и Притяньшанья. Наиболее подробные сведения имеются в источниках о феодальном владении представителей аристократии племени дуглат в лице улусбеков.

Улусбеки-дуглаты стояли почти на вершине должностной лестницы в Могулистане. Они были фактическими правителями при имевших иногда лишь номинальную власть ханах. Им принадлежало крупнейшее наследственное владение – удел Манглай Субе. Улусбек являлся непосредственным руководителем армии и распорядителем многих внутренних дел государства. Он осуществлял руководство чиновничьим аппаратом, контроль за сбором налогов, податей, расходованием финансовых средств. Длительное время должность улусбека принадлежала дуглатам – эмиру Худайдаду и его потомкам, в числе которых Мухаммад Хайдар называет эмира Сайида-Али, своего деда Мухаммад Хайдара и отца Мухаммад Хусайн-мирзу[76]. По рассказам Мухам-

мад Хайдара, вероятно преувеличенным, якобы еще при Чингиз-хане эмирам дуглатов была предоставлена часть Кашгарии (Манглай Субе), а вместе с земельными владениями еще семь «пожалований» (или «привилегий» — мансаб). При Тоглук Тимур-хане и Хизр-хане число пожалований улусбеку было увеличено до двенадцати, а вместе с ним выросли и права улусбека. Наиболее значительными из них были следующие. Глава дуглатов являлся главным «эмиром всего могульского улуса» и в фирманах (ханских указах) его имя писали как «сардар могульского улуса», т.е. главнокомандующий всеми войсками, который имел право «без того, чтобы докладывать об этом хану, отстранять от должности или определять на должность (любого) из эмиров кошунов», т.е. войсковых подразделений. Все указы скреплялись печатями хана и улусбека, при этом печать последнего ставилась ниже печати хана.

Должность улусбека была наследственной привилегией рода дуглат; все двенадцать «пожалований» передавались вместе с нею и с уделом Манглай Субе — крупным земельным владением дуглатов — из поколения в поколение главе этого племени по прямой линии наследования.

В отношении владений дуглатов Манглай Субе Махмуд Хайдар изредка употребляет термин «икта». Но это скорее дань историко-литературной традиции, так как права феодальной знати дуглатов были гораздо шире, чем то могло обеспечить икта в его классической форме[77]. Улусбеки владели Манглай Субе на правах сойургала, который имел явную тенденцию к превращению в независимое владение.

Феодальными уделами в составе могульского государства, нередко весьма крупными, владельцы которых добивались почти полной независимости от центрального правительства, были и другие условные пожалования. Таков, например, удел Ахмад-султана в Восточном Жетысу в конце XV в., которым он правил сначала при своем отце Йунус-хане, затем брате Махмуд-хане, удел Абд ар-Рашид-султана в Могулистане, предоставленный ему в управление Са'йид-ханом в нач. XVI в.[78] и др. Пожалованные территории (город, земледельческий округ или юрт кочевого племени) обычно считались переданными в управление, т.е. земельное пожалование сочеталось с административными правами наместничества (хакимства). Владелец области, города или территории обитания кочевого племени должен был отдавать хану часть налоговых поступлений с трудового населения, а часть оставлять на свои личные расходы, на нужды управления, содержание войска, с которым он участвовал в военных действиях или походе.

Пожалования кочевых улусов вместе с земельными территориями предоставлялись ханами отдельным феодалам, вождям родов и племен не только за постоянную службу, но и за отдельные военные подвиги, за личные заслуги перед ханом. В источниках упоминаются многие факты таких пожалований. В «Та' рих-и Рашиди», например, рассказывается, что во время битвы с калмаками (ойратами) на р. Или в Жетысу могульскому хану Вайсу оказал помощь служивший у него дуглат эмир Сайид-Али, который дал ему своего коня и переправил через Или. В благодарность за это хан пожаловал ему пять аймаков[79] (кочевых родов, племен), три из которых находились в области Хотана (местонахождение двух других не указано). Хотя этот факт относится к Восточному Туркестану, но он важен и для истории Казахстана. Восточный Туркестан и Могулистан (Жетысу и При-

тяньшанье) входили, как известно, в государство могульских ханов, на территории которого действовали единые правовые нормы и структуры. Сам же факт интересен тем, что кочевые роды и племена были привязаны к вполне определенной территории и что в названное условное пожалование входила земля вместе с кочевым населением, на ней обитавшим, пользовавшимся пастбищными и пахотными угодьями этой территории.

В вассальных отношениях ханов с феодалами в Могулистане, Ак-Орде, ханстве Абулхайра и Ногайской Орде довольно широко практиковалась система тарханных пожалований. Получивший такое пожалование феодал освобождался от налогов в пользу государства, имел право на свободный доступ к хану, не делился ни с кем военной добычей, освобождался от наказаний до девяти раз.

Одна из упомянутых выше привилегий улусбека Могулистана давала ему тарханные права. О «праве на девять преступлений» имеются подробные сведения в труде Мухаммада Хайдара: «Из поколения в поколение любого из потомков эмира Пуладчи пусть не наказывают до тех пор, пока не совершит девять преступлений. Когда же он совершит десятое преступление, пусть его привозят в место суда верхом на белом коне-двухлетке, под ноги коня пусть бросят девять белых кошм для возвеличения [всадника]. Его слова пусть передает хану [эмиру] барлас, а слова хана доводит до него с возвышения [где сидит хан] другой эмир барлас. Когда таким образом будет произведен допрос и его преступление окажется заслуживающим смертной казни, то после подтверждения девяти преступлений пусть сделают кровопускание из вен...»[80]. Земельные владения эмиров-дуглатов освобождались от уплаты налогов.

Тарханство получило широкое распространение в монгольских улусах. Сохранились два тарханных ярлыка, выданных в Золотой Орде и Ак-Орде в конце XIV в. Тохтамышем (794 г.х.) и Тимур-Кутлугом (800 г.х.), внуком Урус-хана[81]. Ярлык Тохтамыша освобождал от повинностей и налогов в государственную казну владения кочевого феодала Бек-Ходжи, грамотой Тимур-Кутлуга подтверждаются иммунитетные права некоего Мухаммада. Тарханство переходило по наследству, для подтверждения его новыми ханами давались подтвердительные грамоты. Тарханные (иммунитетные) грамоты выдавались ханом или улусным правителем-султаном представителям феодальной знати (улусбекам, бекам, эмирам, мусульманскому духовенству), предоставлялись они иногда и городам. Тарханными правами обладал владелец «иля» и «вилайята» в Ак-Орде Кунчек-оглан, потомок Урус-хана[82]. Среди сподвижников Абулхайр-хана многие эмиры и беки получали права тарханов[83]. Тарханами были Йахши-бек, Кепек-ходжа и др. беки, владевшие в ханстве Абулхайра уделами. Таким образом, тарханные права феодалов кочевых и оседло-земледельческих районов Казахстана конца XIV-XV вв. были довольно широко распространены. Они давались как владельцам условных пожалований различных категорий, так и другим лицам, которые до получения тарханных (иммунитетных) прав несли повинности в пользу государства.

Условные земельные пожалования, дававшиеся за военную или административную службу, имели тенденции к превращению сначала в условные наследственные земельные владения, а затем и в безусловные. Примеров передачи земельных владений по наследству в источниках много. Власть над частью дуглатов, имевших кочевья на территории Жетысу (в долинах Чу и Таласа) наследовал после эмира Камар ад-дина его сын Джаханшах. Собствен-

ность эмира Хак-Берды Бекчика, владевшего землями на берегах Иссык-Куля и построившего там укрепления, наследовал его племянник Мир Ибрахим Бекчик и т.д.

Помимо государственных земель, постепенно превращавшихся в условные и безусловные владения членов правящей династии и крупной родоплеменной аристократии, имелись земли, находившиеся в безусловной наследственной собственности (мильк). В мильковые земли нередко превращались условные земельные владения феодальной аристократии, добивавшейся права передачи земель по наследству, в мильки также обращались земли, захваченные силой во время феодальных усобиц, в том числе и кочевья с обитавшими на них скотоводами других, более мелких и слабых родоплеменных подразделений. Собственность на землю закреплялась строительством укреплений, небольших населенных пунктов, в том числе и в кочевых скотоводческих районах. Частновладельческие земли получали иногда тарханные права, т.е. полностью освобождались от налогов. Таковы владения феодальной верхушки дуглатов, превратившиеся фактически в наследственную собственность с тарханным иммунитетом. В связи с вопросом о существовании в Казахстане в XIV-XV вв. владельческих прав на кочевья, водные источники и земледельческие поселения представляет большой интерес уже упоминавшееся сообщение Абд ар-Раззака Самарканди о мотивах борьбы хана Ак-Орды Барака за сырдарьинские города и окрестные пастбища.

В оседло-земледельческих оазисах и городах Юго-Западного Жетысу (например, в районе Тараза при мечетях и мавзолеях), а также на всей территории городов Южного Казахстана – в Сыгнаке, Ясы (Туркестане), Отраре и других, т.е. в тех районах Казахстана, где было сильно влияние мусульманского духовенства, в большом числе имелись вакфы, т.е. земли мусульманских религиозных учреждений, а также собственные земли служителей мусульманского культа.

Феодальные отношения в Казахстане не существовали в чистом виде. Застойный характер экономики скотоводческого хозяйства приводил к сохранению родоплеменной структуры кочевников. Традиционная родоплеменная и военная организация скотоводов использовалась знатью в своих интересах. Племенное устройство фактически маскировало феодальный строй[84]. Роды и племена внешне выступали владельцами пастбищной земли, пахотных участков, но фактически право собственности на все земли было в руках правящей элиты в лице хана (верховного владельца всей земли), султанов (правителей уделов), баев, эмиров, беков (глав родов и племен).

Родоплеменная знать распоряжалась не только землями своих соплеменников, но нередко владела и землями других групп. Удельная система управления, земельные пожалования знати со стороны верховных правителей, практиковавшиеся в Ак-Орде, Узбекском ханстве и в Могулистане, как и в других государствах, возглавлявшихся кочевой знатью, были удобны для реализации ее власти не только над подчиненными ей родами и племенами, но и над входившим в удел населением оседло-земледельческих районов. В то же время эта система ослабляла центральную власть, приводила к частым войнам и усобицам, что наносило большой ущерб экономическому и культурному развитию страны, этническому сплочению населения, отрицательно сказывалось на положении трудовых масс.

Налоги и повинности. Трудовое население Ак-Орды, Могулистана, ханства Абулхайра, Ногайской Орды несло многочисленные повинности и уплачивало налоги в пользу знати и государства. Большинство из них сохранилось со времени монгольских государств. Население платило *тагар, калан, купчур, зякет* и другие налоги. Тагар — натуральный сбор для снабжения войск продовольствием. Его взимали при Улугбеке с Саурана, Сайрама, Отрара и Янги-Тараза, т.е. с тех областей Жетысу и Южного Казахстана, где находились его войска. Тагар взимали со своих оседлых подданных и могулистанские ханы на юго-западе Жетысу и в Кашгарии. Размер тагара не был фиксированным, он зависел от усмотрения хана и других феодалов.

Наряду с тагаром взимались налоги купчур и калан. Этот последний означал поземельную подать в отличие от подушной подати — купчур[85]. Купчур был основным налогом, взимавшимся с кочевого населения, он также был установлен в Казахстане после монгольского завоевания. В XIII-XIV вв. купчур был распространен во всех монгольских государствах, в том числе в Золотой Орде и в Чагатайском улусе; термином «купчур» в сущности обозначались два прямых налога, взимавшихся и с кочевников-скотоводов (в размере1% от поголовья скота), и с оседло-земледельческого населения городов и селений в виде подушной или поголовной подати. Налог предназначался для содержания войск, почты, чиновничьего аппарата[86]. В Казахстане купчур взимался с кочевого населения и позже.

О налоге калан говорится в жалобе хану Могулистана Тоглук-Тимуру, поданной ему жителями оседлой части его государства — Кашгарии. «При всех прежних ханах, начиная с домонгольской эпохи, при распределении калана с жалобщиков — владельцев садов, [сидящих на землях] инджу, калана не взимали, а теперь, в тяжелые для них времена, требуют от них уплаты двойной дани»[87]. Это конкретное известие источника относится к входившим в Могулистан оседлым областям. Оно говорит об усилении налогового гнета в связи с осуществлением Тоглук-Тимуром завоевательных планов, требовавших больших расходов на содержание войска. И это касается населения не только земледельческих, но и скотоводческих районов Жетысу.

Кочевники были обязаны платить зякет — основанный на шариате налог со скота в пользу хана и султанов[88]. Зякет взимался также с ремесленников и торговцев в городах Южного Казахстана. Оседло-земледельческое и городское население Туркестана обязано было платить и другие подати (*харадж, бадж, малвад-жихат* и др.), исполнять трудовые повинности: гужевые, почтовые, по содержанию проезжающих чиновников, ханских гонцов (*джамалга, куналга* и др.).

Рядовые кочевники в степных районах выплачивали также натуральные налоги и подати; несли повинности и отработки (*согум, сыбага, савари, пишкеш, саун* и др.)[89] Трудовая масса кочевников и полукочевников Ак-Орды, ханства Абулхайра и Могулистана обязана была также нести воинскую повинность: службу в войсках предводителя племени, который должен был являться к хану с военным отрядом, по численности соответствовавшим числу подданных; эмир «тысячи» — амир- и хазара должен был являться с воинским отрядом в тысячу человек и т.д. Эта повинность ложилась тяжелым бременем на рядовых членов племени, так как была связана с большими расходами и отрывала рядовых кочевников от производительного труда в скотоводческом хозяйстве.

С развитием феодальных отношений росло социальное, имущественное неравенство, усиливалась эксплуатация земледельцев и скотоводов. В условиях постоянных войн и усобиц в Ак-Орде, Могулистане, в ханстве Абулхайр-хана и Ногайской Орде резче проявлялось сопротивление народных масс, выражавшееся в различных формах. В источниках упоминаются откочевки того или иного рода или племени, или части его, из-под власти главы государства либо удельного правителя. Такие откочевки происходили из-за незаконного захвата пастбищ, налоговых поборов, прямых конфискаций имущества в период войн, смут и т.д. Недовольство народных масс использовалось оппозиционной частью знати в борьбе против того или иного хана или султана.

На развитие социальных отношений в Ак-Орде и Могулистане оказывал влияние фактор вхождения в состав этих государств районов с развитой городской и оседло-земледельческой культурой на юге Казахстана и в Восточном Туркестане. Источники дают материалы о постоянном стремлении правителей упомянутых государств найти выход (военный или мирный) к земледельческим и городским центрам Южного Казахстана и Восточного Туркестана. Здесь происходило оседание части кочевников. Исследователь истории кочевников Восточного Дешт-и Кыпчака XIV-XV вв. П. П. Иванов писал: «Внутри кочевых обществ во все времена их существования наблюдались более или менее значительные группы пауперизовавшихся сородичей, для которых одним из возможных выходов из обострившегося в силу различных социальных условий хозяйственного кризиса был переход к оседлости и земледельческому труду в оседлых районах. Значительная часть неимущего и малоимущего степного населения находилась в экономической зависимости от состоятельных членов своего племени и была вынуждена поэтому связывать свою судьбу с этими богатыми сородичами»[90]. Рост богатства (главным образом численности стад) кочевой знати приводил к прочному закреплению пастбищ в руках верхушки родов и племен; собственность на скот влекла за собой фактическое правовладение землей, в первую очередь пастбищами. С другой стороны, рядовые члены кочевого племени с потерей скота теряли и права пользования общинными пастбищами. Однако переход к оседлости и полуоседлости не освобождал их от зависимости, так как власть кочевого феодала, обладателя икты или сойургала распространялась и на обрабатываемые земли, на обитавшее в оазисах население.

Политическая история Казахстана XIII-XV вв. заполнена постоянными усобицами, борьбой ханов и претендентов на ханскую власть из числа многочисленных Чингизидов и знати за расширение подвластной им территории. Войны эти были главным средством увеличения земельного богатства и податного населения. Правители монгольских улусов, Ак-Орды, Ногайской Орды, Узбекского ханства и Могулистана вели завоевательную политику. Их интересовали не только набеги с целью захвата добычи. Они стремились захватить новые земли и увеличить число своих подданных, с которых можно было бы взимать соответствующую дань, налоги. Правители Ак-Орды и Абулхайр-хан в постоянной борьбе с Тимуридами Мавераннахра пытались удержать за собой сырдарьинские города, окрестные земледельческие оазисы и территории зимних кочевий вдоль Сырдарьи. Ногайские мурзы доходили в своих набегах до этих территорий. Некоторые из них получали здесь уделы (за поддержку, например, хана Абулхайра). Могульские правители стара-

лись расширить границы Могулистана на запад, где пытались завоевать Туркестан и Фергану, и это частично удалось осуществить в 70-х годах XV в. Юнус-хану (он взял Ташкент, Сайрам и надолго укрепился здесь), и на восток, где могулы сражались с ойратами за Хами и Турфан.

Не только ханы, но и удельные владетели, правители племен, улусов тоже стремились увеличить число своих подданных и земель. Кочевые феодалы, как и оседлые, вели перманентные войны между собой за земли и пастбища, пахотные участки, водные источники. Ожесточенной борьбой за землю между предводителями племен насыщена история Ак-Орды, Узбекского ханства, Могулистана. Право собственности на захваченные феодальной знатью племен отдельные районы, большие участки земли закреплялось строительством крепостей[91].

Сосредоточение в руках знати значительных богатств вело к усилению ее политического могущества, подогревало ее стремление к независимости. В условиях постоянной борьбы Чингизидов различных линий за власть, хронической децентрализации политической власти в государствах на территории Казахстана XIV-XV вв. самостоятельность отдельных владетелей еще более усиливается. Аристократия племен была носительницей центробежных стремлений, противилась объединению, постоянно развязывала междоусобные войны, чувствуя себя совершенно независимой в своих удельных владениях.

Ханы Ак-Орды, Могулистана, ханства Абулхайра стремились создать себе опору среди кочевой знати, удачными войнами удовлетворяя ее жажду наживы. Помимо захвата военной добычи, увеличения территории за счет завоевания новых земель они привлекали ее к себе и различными пожалованиями, в том числе земельными. Сильная родоплеменная знать в своем стремлении к независимости не всегда являлась надежной опорой ханской власти. Поэтому ханы старались окружить себя людьми, обязанными своим положением именно данному правителю. Таким путем формировались новые слои знати, служившей верой и правдой хану; им предоставлялось пожизненное владение земельной собственностью, переходившей по наследству с пожалованными титулами. С такой целью было сформировано, например, окружение хана Могулистана Хизр-Ходжи. За оказанную ему помощь в период захвата власти эмиром Камар ад-дином Хизр-Ходжа-хан возвысил двенадцать человек из «простолюдинов», предоставив им высокие должности, уделы, каждый из них стал эмиром. Политики противопоставления старой кочевой верхушке новой служилой знати придерживались многие ханы, что вызывало недовольство крупных родовичей[92].

Большую роль в развитии общественных отношений в Казахстане играла идеология ислама, в котором господствующие слои общества находили себе опору и поддержку для управления обществом и государством.

Все большая социальная дифференциация населения Казахстана в XIV-XV вв., обострение противоречий между имущими и неимущими слоями общества, господствующими и бесправными его членами, заинтересованность части аристократии в создании и укреплении государственной власти, которая охраняла бы ее интересы, и в то же время – стремление другой ее части к постоянному противодействию верховной власти, к разжиганию междоусобиц – все это характеризует социально-политическую жизнь феодальных государств, существовавших на территории Казахстана в период, непосредственно предшествовавший образованию собственно казахского государства.

3. ГОСУДАРСТВЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО АК-ОРДЫ, МОГУЛИСТАНА, ХАНСТВА АБУЛХАЙРА, НОГАЙСКОЙ ОРДЫ

В источниках XIV-XVI вв. государства Ак-Орда, Могулистан, ханство Абулхайра, Ногайская Орда называются по традиции улусами, как ранее назывались владения Чингизидов в составе Монгольской империи. Улусы считались удельными владениями членов правящей династии в рамках империи, но наряду с таким значением понятие «улус» приобрело значение «государства». Так, самостоятельными государствами стали улусы Джучи, Чагатая. Владения Джучидов в XIII-XIV вв. в Дешт-и Кыпчаке именовались «Улусом Бату», «Улусом Берке», «Улусом Узбека»[93]. Ак-Орда называлась во второй половине XIV в. тоже по имени хана —«улусом Урус-хана». Улусом называлось государство Могулистан, также в сочетании с именем правящего хана: «Улус Тоглук-Тимур-хана», «Улус Хизр-Ходжа-хана». Применялось в источниках и этнополитическое название «Улус-и могул»[94].

Большое распространение имело старое тюркское понятие «иль» (эль), самостоятельно или со словом «улус» («иль-и узбек», «иль-и могул», «иль ва улус-и могул»)[95]. Понятие «иль» так же, как и «улус», нередко использовалось для обозначения государства, страны, населения государства, но чаще для обозначения племени, как «главного подразделения кочевых народов»,[96] в частности Юго-Восточного Казахстана. Синонимами определений «иль», «улус» в значении «кочевое население» выступают и другие термины, обозначающие понятие «народ»: «мардом», «коум» мн. ч. «аквам» (коум-и джете, коум-и могул, аквам-и могул, мардом-и джете), а также специальный термин для обозначения кочевых племен «ахшам» (ахшам-и могул). При всем многообразии встречающихся в источниках наименований государств на территории Казахстана XIV-XV вв. наиболее употребительными являются названия Ак-Орда (Кок-Орда), ханство Абулхайр-хана и Могулистан, под этими наименованиями они вошли в историческую литературу.

Население государств на территории Казахстана в XIV-XV вв. подразделялось на несколько больших этнотерриториальных групп и племенных объединений. Этнический состав таких объединений Дешт-и Кыпчака в Ак-Орде, в улусах Шайбанидов, в ханстве Абулхайра, был более или менее однороден; вместе с тем части одних и тех же племен и племенных объединений входили и в разные государственные образования, а иногда перемещались из одного в другое[97].

Для обозначения этнотерриториальных групп и племен в источниках употреблялось несколько различных терминов. Причем часто авторы исторических сочинений (нередко и один автор на страницах одного сочинения) одну и ту же группу называют иль или улус, т.е. крупным объединением, а также кабиле, урук, оба, т.е. мелкими объединениями. Многообразие терминологии для обозначения этнических единиц, родоплеменных подразделений — улус, иль (ель), аймак (омак), тайфа, коум, табака, уруг (урук) и другие — характерно для территории Казахстана, входившей в улусы Джучидов и Чагатаидов. Некоторые из них — иль (ель), тайфа (тайпа), ру (уру, урук) — сохранились у казахов и в более позднее время[98].. При этом термин «тайфа» (тайпа) употреблялся для обозначения самой малой ступени этнического подразделения (подрод). Однако в средневековых восточных источниках, в том

числе и по Казахстану, арабский термин «тайфа» обозначает крупное этническое объединение — племя. Неопределенность и неустойчивость в употреблении этнических терминов объясняется неустойчивостью и самого этнического состава весьма подвижного и еще находившегося на стадии этногенеза населения, а главным образом пережиточным характером, расплывчатостью самой родоплеменной структуры общества кочевников.

Ак-Орда, Могулистан, государство Абулхайра, Ногайская Орда имели во многом одинаковое государственное и административно-политическое устройство. Главой государства являлся хан (в Ногайской Орде — бий), власть которого считалась наследственной по прямой линии или передавалась старшему представителю правящей династии. Но по традиции соблюдался акт провозглашения, избрания хана родоплеменной знатью — беками, эмирами — и от их воли зависело, будет ли «поднят ханом» прямой наследник, старший в роде или какой-либо иной претендент. В «Та'рих-и Рашиди», например, сообщается, что улусбек Худайдад-дуглат организовал избрание, «поднятие на ханство шести ханов».

Правление и реальная власть хана также почти всегда зависели от воли аристократии — многочисленных Чингизидов и родоплеменной верхушки. Источники постоянно упоминают о совещаниях ханов «со своей знатью и приближенными»[99] по поводу различных государственных дел. Так, в «Та'рих-и Рашиди» подробно рассказано о совете Хизр-Ходжа-хана со знатью по поводу политических и экономических притязаний Тимура. Упоминаются «совещания и советы» со знатью Абулхайр-хана.

Правители улусов, племенных объединений находились в вассальном подчинении по отношению к хану, как главе государства. Управляя от имени хана племенем или несколькими племенами, они должны были выставлять в случае войны определенное число воинов в виде ополчения, отдавать хану часть взимавшихся ими с подвластного населения налогов. Хан имел личную дружину из нукеров. Но главной военной силой были упомянутые ополчения[100].

Представители знати в своем лице совмещали политические, судебно-административные функции и экономическую власть над зависимым населением. Имея значительные военные силы в виде ополчения, знать нередко не подчинялась хану, а крупнейшие ее представители сами стремились к захвату государственной власти, выдвигали из своей среды претендентов на ханский трон и поддерживали их. Обычно после смерти хана начиналась борьба между его наследниками, и эти усобицы также поддерживались различными группировками знати.

Ханский совет состоял из приближенных и знати. В Могулистане он назывался маджлисом[101]. Есть также упоминание о существовании в Могулистане и ханстве Абулхайра дивана, как главной государственной канцелярии, и дафтаров (финансовых ведомств, налоговых управлений, канцелярий).[102] Важнейшую роль в делах государства играл улусбек, который активно влиял на решение вопросов о престолонаследии, командования армией, дипломатических отношений с соседними государствами. В Ногайской Орде вторым лицом после бия был Нур ад-дин, его административные функции были аналогичны функциям Улусбека в Могулистане. Имелись другие высшие должностные лица, в частности, атабек (воспитатель, дядька наследника), обладавший большими полномочиями при хане, кукельдаш («молочный брат» ханс-

ких сыновей). Лицо, имевшее титул кукельдаша, по своему положению было равно атабеку или аталыку. В ханстве Абулхайра и в Могулистане кукельдаш выполнял обязанности атабека (аталыка), т.е. воспитателя наследника ханского трона. Когда же ханский отпрыск становился самостоятельным правителем, кукельдаш продолжал оказывать большое влияние на своего воспитанника[103].

В высшей служебной иерархии Могулистана можно отметить еще должность наиба. Так, по «Та'рих-и Рашиди», наиб выполнял роль регента при малолетнем Исан-Буга-хане[104]. Значительную роль играли также ясавулы – должностные лица, обеспечивавшие соблюдение порядка и церемоний на собраниях, празднествах. Церемониал при ханском дворе соблюдался строго («люди сидели, каждый в отведенном ему месте»)[105]. Источники называют еще целый ряд должностей в государствах на территории Казахстана: ички, или ишик-ага-баши (руководителя дворцовой службы), инаков (ханских советников), миршикара (начальника охоты) и т.д.

Важным административным лицом был даруга – правитель, ханский наместник в городе, области, управляющий делами города. В его обязанности входили сбор дани и прочих налогов и присмотр за порядком[106]

Государственная документация скреплялась печатями (например, известные указы Абулхайр-хана, Урус-хана, фирманы, выданные дуглатам). Периодически проводилась перепись войск.

Государственный аппарат, как и административная власть в улусах (совмещенная, как правило, в лице предводителя племени, улуса, владетеля удела, сойургала), состоял из той же самой аристократии, которая являлась и экономически господствующей верхушкой. Именно она была фактическим владельцем пастбищных и пахотных угодий и собственником основного поголовья скота.

Совмещение в руках правящего сословия административных функций и военно-политической власти является характерным для кочевых и ряда оседлых стран средневекового Востока.

Основная часть войск комплектовалась на базе ополчения вассалов хана. Но эти войска были ненадежны, так как их военачальники в любое время могли увести подчиненные им отряды.

Представляют интерес данные источников о боевом строе войск Ак-Орды и Могулистана. Урус-хан и ханы Могулистана использовали двухфланговое боевое построение. Как показывает источник, «вражеское войско [войско могулов], которое находилось в Таш-Ариги, было таким же образом разделено на два фланга (кул), тюрки их называют барунгар и джувангар. Левым флангом (майсара) командовал Ильяс Ходжа-хан и эмир Хамид, правым флангом (маймана) – эмир Туктимур и эмир Бикчик[107]. Мирхонд отмечает, что тимуридское войско делилось на три части, а могульское – на две части. В битве 1365 г. упоминаются также два фланга могульского войска (барунгар и джувангар). Войско Могулистана в начале XV в. имело в своем составе и другие подразделения, в частности, каравулы –передовые отряды, которые во время передвижения войска шли впереди центра (манглай). В сражениях Тимуридов с могульскими ополчениями упомянут помимо двух флангов и центр[108]; трехчленная система боевого порядка могульского войска отмечена также при описании сражений могульского правителя Шир-Мухаммад-хана с Улугбеком в 1425 г.

Ак-Орда, Могулистан, ханство Абулхайра, Ногайская Орда представляли собой достаточно устойчивые политические структуры, их государственно-административная система была направлена на защиту интересов правящей верхушки. Сложившаяся военно-ленная система с ее иерархией обеспечивали ей возможность эксплуатации рядовых скотоводов и зависимых оседлых крестьян. Но вместе с тем она обеспечивала возможность сохранения целостности государства, защиты его территории во взаимоотношениях с соседними государствами, как это было в период реализации агрессивных устремлений их соседей — в лице эмира Тимура и Тимуридов, калмакских (ойратских) тайшей.

4. ГОРОДА, ГОРОДСКИЕ И СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Состояние городов, их количество. Монгольское нашествие прервало поступательное развитие оседлой и городской культуры в Казахстане. Письменные источники рисуют разительную картину упадка городов и культурной жизни, запустение обширных, ранее цветущих земледельческих районов и прежде всего Жетысу. В долине Или городская культура гибнет в конце XIII—XIV вв., в Таласской и Чуйской долинах пустеет большинство известных городов, но в ряде из них жизнь возобновляется и даже достигает высокого уровня.

Иная ситуация сложилась на юге Казахстана, в бассейне реки Сырдарьи, на северных и южных склонах Каратау, в предгорьях Таласского хребта. Здесь городская жизнь стала восстанавливаться уже к середине XIII в.

Среди монгольских ханов и аристократии наметились две тенденции в отношении оседлого и городского населения. Одни стремились к децентрализации государства, выступали против оседлости и готовы были бесконечно грабить горожан. Другие вместе с основной частью местной знати, купечества и духовенства выступали сторонниками установления сильной власти, ограждающей горожан и оседлых жителей оазисов от произвольных поборов, разорения, без чего была невозможна их усиленная эксплуатация. Выразителями последней тенденции являлись Мункэ-хан и купец-правитель Масудбек[109]. При Мункэ-хане были отменены ненормированные подати и налоги, регламентирован подушный налог, декретирован чекан золотых динаров.[110] В 1269 г. на берегах Таласа состоялся курултай, на котором царевичи обязались ограничиться фиксированными налогами с оседлого населения и горожан, избегать грабежей, не трогать пашен[111].

Введенная в 1271 году денежная реформа Масудбека обеспечила государство серебряной монетой и создала предпосылки для развития городской жизни и денежной торговли[112]. Дальнейшему экономическому подъему способствовала денежная реформа Кебек-хана в 1321 г.

Постепенное хозяйственное возрождение городов сопровождалось укреплением экономического и политического положения местной тюркской феодальной верхушки. Используя недовольство народных масс монгольским игом, тюркская феодальная знать в улусах Джучи и Чагатая боролась за установление своей политической власти. В результате в конце 50-х годов XIV в. Чагатаидское государство распалось на несколько владений. Господство над районами Средней Сырдарьи захватили ханы Ак-Орды, а Жетысу вошло в состав Могулистана, сформировавшегося на территории Юго-Восточного

Казахстана[113]. Правитель Могулистана Тоглук-Тимур-хан пытался распространить свою власть на юг Казахстана и Среднюю Азию, в связи с чем предпринял несколько походов. В своих притязаниях на эти земли он столкнулся с правителем оседло-земледельческой Средней Азии Тимуром, который в свою очередь осуществил несколько опустошительных походов в Жетысу[114].

В 70-х годах началась война ханов Ак-Орды с Тимуром. Поводом послужило бегство к Тимуру претендента на ак-ординский престол Тохтамыша. Вначале Тохтамыш, заручившись поддержкой Тимура в борьбе за власть в Ак-Орде, действовал неудачно, но в 1379 г. он сумел утвердиться в Ак-Орде и Золотой Орде, после чего в 1387 г. выступил уже против Тимура. В ходе феодальных войн в первую очередь страдали города и оседлое сельское население, подвергавшееся разорениям и грабежам. В 1387–1388 гг. Тохтамыш послал в Мавераннахр войско, которое, соединившись с отрядом могулистанского эмира Камар ад-дина, прошло через Сыгнак, осадило Сауран, разорило окрестности Ташкента, Сайрама, Самарканда и Бухары, ограбило Ясы[115]. Ответные действия Тимура, его походы в глубь Дешт-и Кыпчака, в свою очередь, вылились в ограбление мирного населения Ак-Орды[116].

Вновь борьба за сырдарьинские города разгорелась после смерти Тимура. Весной 1405 г. Отрар захватил шейх Нур ад-дин и удерживал его четыре года, затем городом овладел Халил-Султан[117]. В 1410 г. могульские отряды под предводительством Шах-Джахана осадили Сайрам, Карасаман, Отрар[118]. В 20-х годах обострилась борьба за сырдарьинские города между Улугбеком и Бараком, и лишь помощь Шахруха сохранила власть первого над сырдарьинским регионом. К середине XV в. города Туркестана подчинились кочевым узбекам Абулхайр-хана.

Как уже отмечалось, в середине XIII в. происходит оживление городской жизни на юге Казахстана, и хотя ее масштабы не идут в сравнение с тем, что было накануне, возрождаются города, восстанавливаются экономические связи районов, ряд городов вовлекается в орбиту международных торговых и дипломатических связей. В письменных источниках этого времени упоминаются сырдарьинские города Отрар, Зернук, Сауран, Ясы, Сыгнак. В маршрутнике армянского царя Гетума I, следовавшего в 1256 г. через Южный Казахстан, названы города Пергант, Сухулхан, Уросоган, Кайкант, Хузак, Сыгнак, Харчук, Асон, Саври, Отрар, Зурнух[119], в которых нетрудно узнать Барчкент, Сугулкент, Уросоган, Кумкент, Сузак, Сыгнак, Карачук, Ясы, Сури, Отрар, Зернук. Создается впечатление, что оживление караванного пути, проходившего по северным склонам Каратау, способствовало подъему каратауских городов. К концу XIII – первой половине XV вв. в источниках упоминаются города Кенджде, Чилик, Сюткент, Дженд.

Археологические исследования свидетельствуют о возобновлении в середине – второй половине XIII в. жизни на городищах Сайрам, Тортколь Боролдайский, Караспан, Актобе, Отрар, Куйруктобе, Туркестан, Сауран, Сыгнак, Сюткент, Кауган-ата, Майрам-тобе, Ак-Курган, Узгенд, Ашнас, Джанкала, Джанкент, Кыз-кала. Темпы восстановления городских центров не были одинаковыми. Несмотря на разгром, быстро поднимались Кенджде, Отрар, Сауран, Дженд, Сыгнак. Здесь чеканилась монета, проходили караванные пути. Сауран и Сыгнак, кроме того, являлись в XIV в. центрами Ак-Орды.

По поводу начала и определяющего момента в преодолении последствий монгольского нашествия существуют различные точки зрения. По утверж-

дению В. В. Бартольда, поворотным пунктом в подъеме экономики Средней Азии и юга Казахстана явилась денежная реформа Кебека[120]. Это мнение разделяет большинство авторов[121]. Иного взгляда придерживается Е. А. Давидович. Она считает, что значение реформы Кебека (1321 г.) явно преувеличено, наиболее важной в Средней Азии, на юге Казахстана и в Жетысу была денежная реформа купца-правителя Масудбека, начатая в 1271 г. Поэтому «не вторую четверть XIV в., а последнюю четверть XIII в. можно считать временем, когда для частичного восстановления городской жизни и денежной торговли Средней Азии созрели прочные и достаточно благоприятные условия»[122] Мнение Е. А. Давидович подтверждается материалами последних раскопок южноказахстанских городищ. Отрарская кирпичеобжигательная мастерская начала функционировать в конце XII в. Именно в это время в городе развернулось широкое строительство, потребовавшее большого количества строительного материала. В конце XIII в. из жженого кирпича здесь была возведена общественная баня, построена городская стена. К концу XIII – первой половине XIV вв. относится начало новой застройки города. Однако прежняя планировочная схема в основных своих чертах сохранялась вплоть до XVII в. Интенсивно начинает обживаться рабад. В восточной его части возникает «квартал» гончаров. Причем мастерские нижнего горизонта датируются до 70-х годов XIV в., а мастерские верхнего горизонта последней четвертью XIV – первой третью XV вв.

В подъеме экономики края и городской культуры бесспорно важную роль сыграл и тот факт, что в начале XIV в. юг Казахстана вошел в состав Ак-Орды – первого крупного государственного образования на местной этнической основе в послемонгольское время. Правители Ак-Орды, стремясь к восстановлению экономических связей кочевников и оседлого населения, сделали своей столицей город Сыгнак. В этот период, особенно при хане Ерзене, велось интенсивное строительство в Сыгнаке, Дженде, Сауране, Отраре, Барчкенте[123].

Стабилизация политической обстановки при ханах Сасы-Буке, Ерзене, Мубараке и Чимтае способствовала экономическому подъему городов. Об этом говорят слои XIV в., сохранившиеся почти на всех городищах, отождествляемых с известными в домонгольское время городами. Правда, прежний уровень развития городской жизни так и не был достигнут, и многие города, несмотря на некоторый подъем в XIV в., пустеют и прекращают существование в первой половине XV в.

В Жетысу, судя по сообщениям послов, путешественников, положение в первые годы после монгольского нашествия было относительно благополучным. Города Янги-Балык, Янги-Талас, Кенжак, Баласагун в Таласской и Чуйской долинах[124], Ики-Огуз, Кайлак, Илибалык в Илийской долине остаются торгово-ремесленными и культурными центрами. Однако уже в середине XIII в. здесь начинается упадок земледельческой и городской жизни. В то время как сырдарьинские города Отрар, Сыгнак, Дженд возрождаются, семиреченские Тараз, Баласагун, Каялык гибнут. Причины гибели последних различны, и помешать этому не смогли ни древние традиции оседлости, ни попытки сохранить городскую культуру, предпринимавшиеся центральной властью, ни проходившие через Жетысу торговые и дипломатические пути. Большую роль сыграло то, что территория Жетысу оказалась политически разорванной на три части. Кроме того, сюда переселились большие массы кочевого

населения, которое при покровительстве верховной власти варварски относилось к горожанам и оседлому сельскому населению. В интересах кочевой знати под пастбища отводились земли, использовавшиеся под посевы, огороды, сады[125]. Такое отношение к оседло-земледельческим традициям вообще было характерно для монголов. Проезжавший через Илийскую долину в 1253 г. Вильгельм Рубрук писал: «...прежде там находилось много городков, но по большей части они были разрушены татарами, чтобы иметь возможность пасти свои стада, так как там были наилучшие пастбища»[126]. О многочисленных развалинах в Чуйской долине сообщал в 1259 г. китайский путешественник Чан Дэ[127]

Непосильные налоги, дорожные поборы, различного рода повинности разоряли оседлое население. Не случайно в одном из указов Менгу-хана говорилось: «Насилия и притеснения достигли высшей степени, причем особенно доведены до крайности земледельцы множеством всякого рода тягот — взысканиями и бременем чрезвычайных налогов, так что польза, получаемая ими, не равнялась и половине взыскания (в виде повинностей)»[128].

Таким образом, упадок оседлой культуры в Жетысу начинается сразу же вслед за монгольскими завоеваниями, и если крупные города, будучи центрами транзитной торговли и ремесленного производства, в середине XIII в. еще внешне выглядят благополучно, то питавшая их земледельческая округа интенсивно разрушается, что и приводит вскоре к гибели самих городов[129]

Катастрофические последствия монгольского завоевания очевидны при оценке состояния городской культуры в Жетысу по археологическим данным[130]. В Таласской долине лишь немногим больше десяти поселений продолжали функционировать, два из них — в низовьях р. Талас, остальные — в ее верховьях, в области Шельджи, где продолжалась интенсивная разработка серебряно-свинцовых рудников[131]. В Илийской долине в XIII в. жизнь продолжается лишь в восьми городищах из шестидесяти шести[132].

Аналогичная картина запустения в еще большем масштабе наблюдалась и в Чуйской долине. Рашид ад-дин назвал только два больших селения в области Чу: Тарсакент и Каргалык. В источниках тимуридского времени упоминается лишь крепость Аспара. Археологическими исследованиями зафиксировано семь поселений, где жизнь функционировала и после монгольского завоевания. Однако и здесь прослеживаются явные черты упадка[133].

Последующие войны и столкновения способствовали общему экономическому и политическому упадку Жетысу[134]. Однако в ряде районов Жетысу оседлая культура сохранялась. Очаги ее оставались в Таласской долине, через которую проходил торговый путь, соединявший Южный Казахстан и Жетысу с Ферганой. В Таразе, Садыр-Кургане, Шарвашлыке отмечаются следы обживания в XVI—XVIII вв.[135] Так, известны коллекция керамики из раскопок городища Тараз, остатки построек XVI—XVIII вв.[136] Таким образом, несмотря на запустение городов, оседлое население здесь сохранялось, продолжая традиции городской культуры предшествующего времени.

Городская и сельская застройка. Как и прежде, города представляли собой организованный комплекс жилых, общественных и культовых построек, окруженных стенами с башнями. Массивы застройки рассекали магистральные улицы, соединявшие городские ворота. От улиц отходили внутриквартальные улочки-тупики, вокруг которых группировались дома отдельных

кварталов. Внутри городов имелись площади с выходящими на них фасадами мечетей.

Загородная территория была занята кварталами и постройками ремесленников, усадьбами горожан с садами и бахчами. Пригороды также зачастую окружались стенами. Вблизи городов на орошаемых землях располагались усадьбы земледельцев. Сельская застройка образовывала отдельные поселки, группы поселков, а также усадебную застройку. Все земледельческие поселения были привязаны к магистральным каналам, откуда выходили оросительные каналы, подводившие воду к полям и усадьбам. Примером такого расселения является Отрарский оазис, где в XIII—XV вв. на площади около 50 кв. км в четырехугольнике городищ Отрар – Куйрук-тобе – Алтын-тобе – Куик-мардан вдоль каналов сплошными полосами шла застройка сельских поселений и ремесленных поселков.

Крупным центром городской и сельской жизни был Сайрамский оазис в предгорьях Таласского Алатау. За двумя рядами стен концентрировалось городское население, а за их пределами на землях, орошенных Сайрамсу, располагались пашни, сады, огороды, усадьбы и селения сельских жителей[137]. Оазисы городской и сельской жизни сформировались вокруг Сыгнака и Саурана. Каналы, выведенные из Сырдарьи, снабжали водой Сыгнак и его округу и орошали водой окрестные земли[138].

Крупным центром становится город Ясы, получивший позднее название Туркестан. Вокруг города находились большие массивы орошаемых земель. Земледельческие районы сохранялись при Тимуре и его преемниках и в Жетысу, в долине Таласа, Чу и Или[139].

Археологические исследования и раскопки Отрара, Куйрук-тобе, сельских поселений Отрарского оазиса позволили получить представление о застройке городов XIII – первой половины XV вв., городском и сельском жилище; общественных и культовых постройках; фортификации. Города были плотно застроены кварталами. Квартал XIII—XIV вв. в юго-западной части шахристана Отрара занимал площадь 1500 кв. м и включал в себя улочку длиной 32 м и шириной 2—2,5 м. Все 9 домов квартала выходили на внутриквартальную улочку и небольшой тупичок в северной части квартала. Задние стены домов глухие и в плане образуют линию спрямленных очертаний. Квартал погиб от пожара[140]. Необходимо подчеркнуть, что кварталы XIII в. не наследуют планировку городских кварталов более раннего времени, застройка города полностью изменилась, от прежней сохранились лишь магистральные улицы. Зато постройки более позднего времени XIV – первой половины XV вв. в основном наследуют планировку кварталов «монгольского» времени. Меняется лишь планировка домов внутри кварталов. Так, на этом же месте в конце XIV – начале XV вв. формируется новый квартал, несколько меньшей площади – 1200 кв. м. Он состоял из 11 домов, располагавшихся вдоль улочки длиной 40 м[141]. Рабад Отрара характеризовался, как показывают раскопки, разреженной застройкой, тяготевшей к водохранилищу. Здесь же находились кварталы гончаров, мастерские кирпичников, отдельные усадьбы и крупные жилые комплексы.

Городское жилище. Формирование новых типов городского жилища. Во второй половине XIII – первой половине XIV вв. появляются новые типы городского жилища.

К первому относятся двух или трехкамерные дома с двориком, располо-

женные на одной оси. В качестве примера анфиладной планировки дома следует охарактеризовать жилище гончара в рабаде Отрара. Оно состояло из двух жилых помещений и открытого дворика, который соединялся с внутриквартальным тупичком. Интересные данные получены при раскопках жилого дома этого же типа второй половины XIV – начала XV вв. на центральном бугре Отрара. Дом погиб при пожаре, рухнувшая кровля придавила и законсервировала лежавшую на суфе чиевую циновку, поверх которой были постелены кошма и ватные одеяла, от которых сохранились достаточно крупные фрагменты.

Ко второму типу домов относятся жилища, состоящие из четырех помещений, расположенных на пересекающихся осях. Это крестообразная или четырехчастная схема, когда дом имеет подквадратный план, а кладовые расположены слева и справа от айвана, двора или жилой комнаты с тандыром. Вариантов этой схемы несколько. Различаются дома, у которых жилое помещение с очагом-тандыром находится во втором порядке помещений, считая от улицы; в составе дома одно жилое помещение; в доме две жилых комнаты; в жилом помещении один тандыр; в жилой комнате два тандыра. Количество помещений в таком доме может быть больше, чем четыре, пять и шесть. Площади домов от 40 до 60 кв. м.

К третьему типу относятся дома, состоящие из двух или более секций. Каждая секция дома состоит из двух или трех помещений, одно из которых обязательно жилое. В таких домах могло быть до 15 помещений, а площадь составляла до 200 кв. м.

Для планировки домов указанного хронологического этапа характерны сохранение и развитие двух более ранних домонгольских типов жилища – анфиладного и крестовидного. Новый тип дома – многосекционный.

В интерьере жилищ наблюдаются существенные изменения. Узкая суфа вдоль стен «Г» или «П»-образной формы уступает место суфе, которая занимает большую часть помещения. Если в домах с анфиладной, крестовидной планировкой XI–XII вв. суфа занимала угол, половину помещения, то теперь она занимает три четверти комнаты. Небольшая площадка перед тандыром, обычно вымощенная кирпичом, определяет уровень пола. Наличие в центре помещения по краю суфы остатков вмазанной плахи, бревна, кирпичной вымостки, каменной плиты свидетельствует о том, что кровля опиралась на одну стоящую в центре помещения деревянную колонну. Четырехстолпное перекрытие, распространенное в предшествующее время, исчезает. Нет в описываемое время стеновых очагов. Но по-прежнему встречаются прямоугольные открытого типа очаги с бортиком. Тандыр берет на себя функции универсального очага. Он служит средством отопления и очагом для приготовления пищи и выпечки хлеба. Первый, традиционный, тип тандыров представляет собой круглую цилиндрической формы емкость, вмазанную в суфу. В такой тандыр топливо закладывалось сверху, а сам он топился «по-черному»: дым из него выходил в помещение. Второй тип тандыров характеризуется появлением дымохода – «кана», проложенного в суфе обычно по самому короткому отрезку до стены дома, где он соединялся с вертикальным колодцем, по которому дым выходил наружу. Для третьего типа тандыров следует отметить появление топки в передней части, имеющей вид арочного отверстия, открытого на обязательную в таких случаях площадку-ташнау: участок пола, заглубленный относительно суфы, вымощенный жженым кирпи-

чом или плотно утрамбованный. Новые археологические материалы свидетельствуют о том, что постройки с такими тандырами в южноказахстанских городах относятся ко времени не раньше XIII в.

Между дымоходами отрарских тандыров и классическими канами есть существенная разница. Каналы первых всегда делались предельно короткими, они в подавляющем большинстве не превышают 1,5–2 м. Первоочередная задача таких дымоходов – вывести наружу дым, тогда как настоящие каны, проложенные по периметру помещения, делались для того, чтобы дольше задерживать под суфой дым и обогревать помещение[142]. О разнице классических канов в домах горожан золотоордынских городов и отрарских тандыров с дымоходами пишет Г. А. Федоров-Давыдов[143]. Тандыр с дымоходом был, возможно, занесен на юг Казахстана в XIII– XIV вв. населением семиреченских городов, которое переселилось сюда и в Среднюю Азию в период междоусобных войн Чингизидов и под давлением пришедших в Жетысу кочевых племен. Именно в Жетысу в XI – начале XIII веков широко использовался в отоплении жилища тандыр с коротким дымоходом. Таким образом, следует отметить, что в XIII – первой половине XV вв. формируются новые типы городского жилища, из которых два – с анфиладной и крестовидной планировкой – имеют прототипы в предшествующем времени.

Новым в жилище является тип отопления универсальным тандыром с дымоходом, увеличение площади суфы, что было присуще городскому жилищу не только Южного Казахстана, но и Хорезма и Золотой Орды. Такое явление свидетельствует об общих процессах в развитии общества, об этнокультурных связях районов.

Сельское жилище. Изучение поселений XIII – первой половины XV вв. в Отрарском оазисе позволило представить, как выглядела сельская усадьба богатого земледельца. Так, на поселении Байылдыр, расположенном в 3 км восточнее Отрара и состоящем из 45 усадеб, разбросанных на площади 4 кв. км, был раскопан сельский дом, имеющий центрический план, площадью 360 кв. м, где все двадцать жилых и хозяйственных помещений были расположены вокруг центрального дворика, имевшего сверху навес, опиравшийся на центральную колонну. Размер его 36 кв. м. В жилых помещениях расчищены тандыры с канами, проложенными под полом, или напольные открытые очаги; в других хранились запасы продовольствия, зерна. Были среди них производственные комнаты. Стены дома были сложены из квадратного жженого кирпича, внешние имели толщину 1 м. К дому примыкал дворик со следами построек, а сам дом был окружен участком земли площадью около 1 гектара, где выращивались зерновые, располагались сад, огород и бахча. Датируется усадьба и все поселение XIV–XV вв.[144]. Планировка дома и усадьбы традиционна для районов Южного Казахстана и Жетысу более раннего времени. Похожие усадьбы известны и в соседних районах Средней Азии.

Городские укрепления. По свидетельству письменных источников, монголы, захватив город, в первую очередь разрушали его укрепления. Установлено, что полностью были разрушены стены Отрара и цитадель, такая же участь постигла Сыгнак и Ашнас[145]. Монголы препятствовали возрождению городов как крепостей. Марко Поло писал о том, что при монголах «городам не позволено иметь стены и ворота, дабы не могли препятствовать вступлению войск.

Так взнузданные народы остаются спокойны и не возмущаются»[146]. И лишь постепенно города вновь стали окружаться стенами.

Видимо, в каждой из завоеванных монголами областей этот процесс зависел прежде всего от политической ситуации. В Отраре новая городская стена была выстроена лишь в конце XIII – начале XIV вв. Разрез стены показал, что она представляет собой вырубленный в культурном слое останец, содержащий материал XI–XII вв., обложенный футляром из сырцового кирпича размерами 30–32х20–22х8–10 см. Ширина основания стены 4,8 м, сохранившаяся высота снаружи 2 м, изнутри – 3,2 м. Внешний фас стены, расчищенный на протяжении почти 400 м, представляет собой извилистую линию, то поднимающуюся к гребню городища, то опускающуюся вниз. На юго-западном и юго-восточном углах имелись башни, имевшие вид полукруглых монолитных выступов. Ширина их 5 м, расстояние от крайней точки до линии стены 3 м. На ряде участков прослежены следы ремонтов, утолщений, замена обломанных кирпичей новыми. Хорошо сохранился участок стены вблизи ворот «Дарваза-и Суфи»[147]. В отличие от стены, конструктивно состоявшей из футляра кирпичей, которыми был обложен вырубленный останец культурного слоя, стена на указанном участке представляла собой монолит из сырцового кирпича. Наиболее максимальная высота стены от основания до бруствера – 6,1 м. Основанием для нее служили блоки стены IX–XI вв. и надстилающий слой мусора и золы. Стена имеет трапециевидную в разрезе форму. Ширина основания 4,5 м, в верхней части бруствера – 2,6 м. Она сложена из сырцового кирпича размерами 32х20х10 см. Бруствер сложен из сырцового кирпича такого же, как и у стен, размера.

Время возведения стены вокруг Отрара, видимо, следует связать с периодом усиления борьбы за сырдарьинские города между Джучидами и Джагатаидами в конце XIII в. Закрепившись в городах, Джагатаиды позаботились об их обороне, и думается, что постройку стен Отрара и, видимо, других городов можно связать именно с утверждением здесь Джагатаидов. По времени это совпадает также с периодом экономического подъема города. Стена вокруг Отрара, возведенная в XIII в., неоднократно ремонтировалась и реконструировалась. Следы ремонтов отмечены в конце XIV в. при Тимуре. Ремонтные вставки выполнялись из голубоватого кирпича, характерного и для жилых построек этого времени.

Некрополи. Рядом с городами и поселениями располагались некрополи – кладбища. Оседлая и часть кочевого населения, принявшего ислам, хоронили своих покойников по мусульманскому обряду, в грунтовых ямах с подбоем, склепах из сырцового кирпича, в вытянутом положении головой на северо-запад, лицом в сторону Мекки. Инвентаря в них нет. Над могилами насыпали небольшой холмик земли, над захоронениями уважаемых и знатных людей сооружали мазары из сырцового либо жженого кирпича. Этот обряд стал преобладающим в XIV–XV вв. В отличие от захоронений мусульман кочевники, сохранившие древние языческие традиции, над могилой насыпали курган, а вместе с покойником в могилу клали оружие, посуду, украшения. Такие захоронения, датированные XIII–XIV вв., раскопаны в разных регионах Казахстана: в Сары-Арке, в Прииртышье, в Западном Казахстане и в Жетысу[148]. В хронологическом отношении все известные погребения делятся на две хронологические группы с XIII по начало XIV вв. и XIV–XV вв., когда степные кочевники приняли мусульманство. В это время курганные

захоронения сменяются погребениями в кирпичных склепах, в мазарах. Умерших хоронили в саванах, ориентировали головой на север и северо-запад, а лицом на юг в сторону Мекки. Погребения кочевников представлены одиночными курганами и группами курганов с земляной или каменной насыпью. Преобладают простые прямоугольные ямы, ямы со ступенькой и ямы с подбоем. Могилы перекрывались деревянными плахами. Вместо туши коня в могилу или сверху на насыпь помещали чучело коня или его шкуру с ногами и головой. Самих покойников укладывали в могилу в вытянутом положении, на спине, иногда их хоронили в дощатых гробах и колодах. Вместе с покойниками в могилу клали оружие, конское снаряжение, монеты. В мужских захоронениях встречены ножи в деревянных ножнах, сабли, реже копья, луки и колчаны со стрелами, кресала. На некоторых воинах были надеты кольчуги, пластинчатые доспехи, шлемы. Интересны колчаны, которые изготавливались из бересты и украшались костяными накладками, покрытыми геометрическим, растительным и зооморфным орнаментами.

Женские захоронения сопровождаются костяными или деревянными гребнями, ножницами, бронзовыми зеркалами. Украшения и мужчин, и женщин представлены серебряными кольцами, серьгами в виде «знака вопроса», бусами. Одежда украшалась нашивками, бляшками, бубенчиками.

Конское снаряжение – это железные удила, стремена, остатки седел, бляхи от ремней, подпружные пряжки. Сохранились остатки деревянной посуды. В некоторых захоронениях обнаружены остатки одежды – шелковых халатов, штанов из овчины, кожаных нагрудников, остатков кожаных бескаблучных сапог. Монеты чекана конца XIII–XIV вв. иногда находились во рту похороненного.

Одно из захоронений в кургане, раскопанном в Жамбылской области, позволило реконструировать одежду и амуницию степного воина начала XIV в. На нем были овчинные штаны, заправленные в кожаные сапоги, расшитые узором из цветных ниток. Сверху надевался халат из шелковой ткани ярких золотистых или красноватых тонов, подпоясанный широким кожаным поясом с железной пряжкой и украшенный бляхами и подвесками. На поясе висели железная сабля в ножнах и кинжал. Слева на боку к поясу крепился берестяной колчан, обтянутый кожей и украшенный инкрустацией из разноцветных кусочков бересты. Бортик и швы колчана украшал кант в виде шнурка. Колчан был заполнен стрелами длиной 0,7–0,8 м с железными наконечниками разных типов: ромбовидными, треугольными, конусовидными, плосколопастными. К ремню крепилась сумочка для кресала.

5. РЕМЕСЛО

Ремесла позднесредневековых городов Казахстана до недавнего времени оставались малоизученными, поскольку письменные источники почти ничего не сообщают о хозяйстве городов и их функциях. Отсутствие источников в изучении гончарства восполняют материалы из раскопок.

Гончарство. Раскопки Отрара, Культобе, Туркестана и других городских центров позволили выявить и исследовать места концентрации гончарного ремесла, технику и технологию производства, ассортимент керамики.

На Отраре гончарная слобода занимает площадь около 2 га. Выявлено два строительных горизонта, из которых нижний датируется второй половиной

XIII – первой половиной XIV вв. Комплекс монет, связанный с постройками этого горизонта, представлен, главным образом, джагатаидскими дирхемами второй половины XIII – первой половины XIV вв. Верхний строительный горизонт датируется монетами Тимура и Тимуридов первой половины XV в.

По уровню нижнего строительного горизонта раскопано шесть мастерских. Остановимся на характеристике одной из них. Мастерская имеет площадь 157 кв. м, из которых 89 кв. м занимает производственная часть, а остальную – жилье. Производственная часть состоит из двух помещений. В первом, перекрытом навесом, опиравшемся на деревянный столб, каменная база которого расчищена в центре помещения, находились сложенный из жженого кирпича закром для глины, колодец и рядом керамическое корыто для воды. Весь восточный угол вымощен жженым кирпичом – здесь готовилась глиняная формовочная масса. Второе помещение имело площадь около 40 кв. м. Перекрывалась лишь одна его половина, вторая была открытой. Пол помещения под навесом вымощен жженым кирпичом. В восточном углу находился сложенный из жженого кирпича ящик для сырья, в западном устроено место для гончарного станка, а рядом справа в пол был вкопан широкогорлый сосуд, куда наливалась вода для смачивания рук гончара во время работы на гончарном станке. Напротив располагалась тумба для сформованной посуды. Печь для обжига керамики, расположенная в северо-восточном углу помещения, двухъярусная. Топка имела сферическую форму. Диаметр ее 1,6 м, глубина 1,6 м. Свод топки служил основанием пода обжиговой камеры, в нем имелись 12 продухов, расположенных двумя концентрическими кругами. Лаз в топочную камеру имел в разрезе арочную форму, дымоход был выведен колодцем в стену двора и, видимо, для усиления тяги, имел кирпичную трубу, от которой сохранилось выложенное из прямоугольных кирпичей основание.

Жилой комплекс мастерской – это двухкомнатный дом с двориком. Характеристика других мастерских приведена в таблице. Все мастерские в целом однотипны.

№№ пп	общая площ., кв. м	площ. произв. части	площ. жилья	кол-во печей	продукция
I	157	89	68	1	водоносные кувшины (92%)
II	67	22,5	44,5	1	двуручные горшки, чираги
III	75	27,5	47,5	1	штампованная керамика
IV	110	55	55	1	кумганы, кружки, поливная керамика
V	114	58	56	2	поливная керамика, чаши
VI	80	36	44	–	полуфабрикаты

Характеристика мастерских и производимой в них продукции. Из особенностей, присущих мастерским, следует отметить, что в одной из них не было гончарной печи, ее заменяла площадка для активной сушки керамики с жаропроводом по периметру. Вместе с четвертой мастерской она объединялась общим тупичком. Такое же объединение тупичком характерно для первой и второй мастерских. Постройки первого горизонта сохранились плохо, стены их выветрены и размыты. Выявлены остатки печей для обжига керамики, вымостки из жженого кирпича, жилье. Удалось вычленить остатки двух мастерских. В них было по одной печи. От них остались лишь огневые камеры

диаметром 155–160 см и глубиной 80–90 см. Жилые дома при мастерских – двухкомнатные. Более полное представление о характере мастерской этого времени дает раскоп на центральном бугре Отрара, который частично вскрыл гончарную мастерскую, сохранившую детали, дополняющие характер устройства мастерских пригорода.

Два производственных помещения могут быть охарактеризованы следующим образом. В одном имелась земляная печь в виде ямы, заполненной белым кристаллическим порошком, полученным при сжигании камыша, – необходимым компонентом при получении глазури. У западной стены под навесом стояли два закрома с запасами минеральных красителей в виде порошковидных масс зеленого, серого, розового и белого цвета. Во втором находился тандыр. Помещение разрушилось в результате пожара. Под слоем сгоревшего камыша и прокаленной земли расчищены стоявшие на суфе сосуды, раздавленные рухнувшей кровлей. Среди них поливные чаши, кувшины. Складывается представление, что в помещении осуществлялась сушка керамики перед обжигом. При раскопках мастерской собрано большое количество керамики, главным образом, поливной. Анализ керамики показывает, что мастер, работавший здесь, специализировался на выпуске высокохудожественных изделий. Датируется мастерская монетами Тимура и фрагментами рукописи на бумаге, почерк которой, по мнению специалистов, может быть отнесен к концу XIV – началу XV вв.

Письменные известия содержат мало сведений об организации ремесла в средневековом городе Востока, Средней Азии и Казахстана[149]

Наиболее характерной фигурой позднего средневековья считается мелкий ремесленник, владелец средств производства и сам непосредственный производитель продукции. Несмотря на целый ряд повинностей, свободный ремесленник, видимо, являлся центральной фигурой производства.

По мнению исследователей, в странах Востока индивидуальное производство экономически самостоятельного мелкого товаропроизводителя – ремесленника, работавшего в своей мастерской на базаре или дома, выполнявшего работу собственными силами или при содействии членов семьи и учеников с помощью собственных средств и орудий труда, возникло еще в древних городах. Оно, частично вытесняя несвободный труд, расшатывало экономическую и социальную структуру, основанную на натуральном и кооперативном ремесле. В средневековом городе мелкотоварное производство становится преобладающим[150]. Наряду с ним сохранялось и натуральное производство, которое концентрировалось в казенных мастерских – корхана. О таком производстве в Иране и Индии сообщают письменные источники[151].

Известно о подневольных ремесленниках в золотоордынских городах, причем есть и археологические подтверждения наличия корхана на Царевском городище (Сарай-Берке), где раскопками выявлены богатые аристократические усадьбы и при них землянки подневольных ремесленников[152]

Отрарские мастерские дают представление, в первую очередь, об индивидуальном производстве самостоятельного товаропроизводителя-гончара, работающего в своей мастерской при доме. Наблюдается концентрация ремесла как в центральной части города, так и в пригородах, где существовали отдельные поселения и кварталы гончаров. В расположении самих мастерских отмечена преемственность на протяжении нескольких веков, что придавало самому ремеслу и производству традиционность, хорошо прослежива-

мую на продукции – керамике. В среде ремесленников наблюдается имущественное расслоение, что заметно по размерам мастерских, количеству печей, степени использования жженого кирпича в интерьере помещений.

Одним из сложных является вопрос о существовании в городе цеховых организаций ремесленников. Первые упоминания о цехах в Средней Азии встречены в источниках XIV–XV вв.[153]. Однако, по мнению А. Ю. Якубовского, ремесленники городов Средней Азии были объединены в цеха уже в X в.[154]. О. Г. Большаков считает, что раскопанные в Мерве мастерские XII – начала XIII вв. свидетельствуют о появлении небольших мануфактур[155]. С. Б. Лунина по материалам тех же раскопок Мерва пишет о существовании здесь товарищества (кооперации) двух мастеров-керамистов[156].

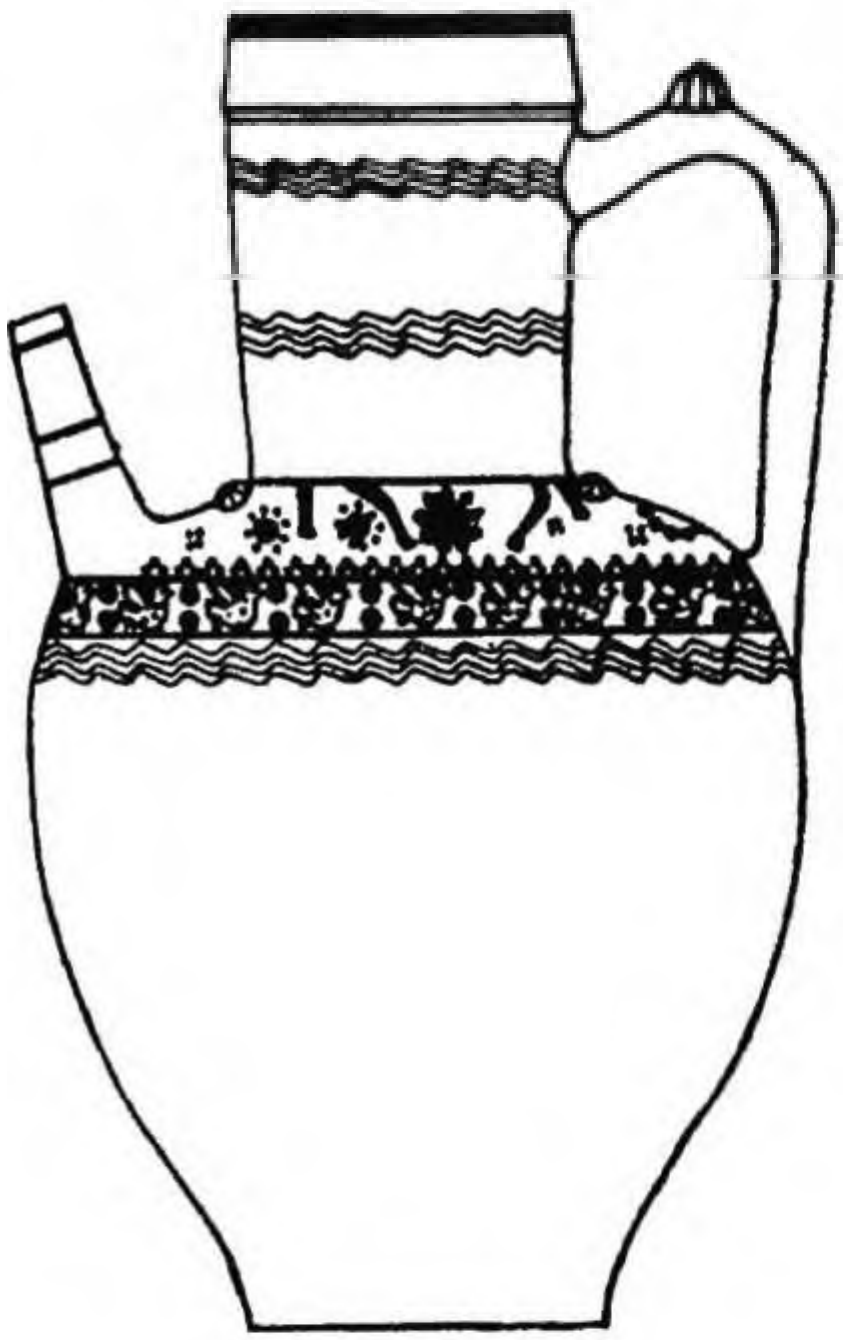
Материалы раскопок мастерских Отрара дают основание предположить наличие здесь и товариществ, и цеховых объединений. Уже отмечалось объединение мастерских пригорода в пары. Они, как например, мастерские IV и VI, I и V, имели общие тупички, через которые осуществлялась связь с магистральными улицами. Вполне вероятно видеть в этом факт родственных отношений мастеров (мастер-отец и отделившийся мастер-сын). Однако не исключен и кооперативный характер такой застройки.

Кооперация возможна в производстве посуды двух расположенных рядом мастерских IV и VI. В последней находилась площадка для активной сушки изделий. Вероятно, здесь осуществлялся промежуточный процесс – сушка изделий и передача полуфабрикатов в мастерскую IV для последующего обжига в печах. По этнографическим материалам известна группа гончаров, работавших начерно, изготавливавших керамику без поливы, тогда как разрисовка, покрытие и восстановительный обжиг производились другими мастерами[157]. В пользу такой специализации мастерской IV свидетельствует и большее, чем в других, количество фрагментов необожженных сосудов.

Анализ производимой в мастерских Отрара керамической продукции, главным образом керамики из ям, заполненных браком и боем, а также керамики, по ряду обстоятельств не доведенной до кондиционного состояния (необожженной; расписанной, но не обожженной; керамики из обжиговых камер), позволяет говорить о специализации мастеров. На Отраре в мастерской I 92% всего производства составляли водоносные кувшины и кумганы, в мастерской II мастер специализировался на производстве двуручных горшков средних размеров и чирагов, в третьей мастерской изготавливалась штампованная керамика – фляги, а также поливная посуда; в мастерской IV выделывались водоносные кувшины и поливная керамика. Таким образом, новые археологические материалы позволяют не только представить внешний характер производства в XIII – первой половине XV вв., но и наметить пути к решению вопросов внутренней организации этого ремесла.

Керамика. В рамках второй половины XIII – первых трех четвертей XIV вв. выделяется своеобразный комплекс керамики, отличный от более позднего, относящегося к 80-м годам XIV – первой половины XV вв.

Керамика XIII – первой половины XIV вв. по сравнению с предшествующим периодом претерпела значительные изменения. Сократилось производство лепных сферических крышек, украшенных оттисками штампов, налепами, резьбой. Наряду с дастарханами стали распространяться столики на трех выпуклых ножках. Вся керамика изготавливалась на гончарном круге из плотного серого, желтого, светло-коричневого или красноватого в изломе теста.

Сосуд и блюдо XIII–XIV веков из городища Отрар

Снаружи покрывалась светлым ангобом. Красный ангоб покрывал обычно чаши, тарелки, тагора, реже кувшины. Широко использовалась окраска черным и красным ангобами в виде потеков, мазков. В кухонной керамике сохранялись традиционные формы горшков с манжетовидными налепами, плоскими ручками.

Основными видами неполивной керамики являлись хумы, хумчи, тагора, широкогорлые и узкогорлые кувшины столовые и водоносные, кумганы, водолеи. Орнаментация кувшинов — прочерченные волнистые и концентрические линии. Распространяется группа водоносных и столовых кувшинов с реповидным туловом, коленчатой, пластинчатой в сечении ручкой и манжетовидным налепом на горле. Часть кувшинов, кумганов расписывается темно-коричневой краской по плечикам и тулову. Это солярные знаки, растительные розетки, спирали, зигзаги, волнистые и струйчатые линии. Появляются фляги, у которых невысокое горло с двумя ручками и выпуклое тулово, украшенное штампованным орнаментом геометрического и растительного характера. Его элементы — S-видные завитки, звездочки, спирали. Такой орнамент наносился с помощью форм-калыбов, имеющих вид тарелок различного размера, на внутренней поверхности которых вырезался орнамент.

Значительные изменения происходят в производстве поливной керамики. Можно считать, что середина XIII в. является рубежом различных керамических стилей. Исчезает керамика с прозрачной свинцовой поливой, поло-

Фрагмент блюда. **Городище Отрар**

женной на белый ангоб, и с подглазурными росписями коричневым, зеленым, красным; керамика, покрытая темно-коричневой (шоколадной) поливой. Дисковидные поддоны чаш уступают место кольцевым и кольцевым с выступом. Ангобы – красный, желтый, розовый. Полива прозрачная и окрашенная в желтый, зеленый, розовый, голубой и синий цвета. Росписи растительные, геометрические, буквенные. Сочетание ангобного покрытия и поливы позволило выделить несколько групп керамики. Это посуда с желтой поливой и подглазурной росписью по светлому кремовому ангобу. Роспись зеленым, коричневым, красным. Рисунок в виде радиальных лучей, сетки, в виде треугольников, ромбов, точек, штриховки. Снаружи полива чуть захватывает стенки. Под поливой по светлому ангобу роспись в виде арок. Керамика с зеленой поливой. Орнамент, если он есть, выполнен техникой подглазурной гравировки. Его элементы – завитки, спирали, образующие растительно-геометрические композиции. Посуда с разноцветной двусторонней поливой, одна сторона которой покрыта зеленой, другая – желтой поливой. Встречаются изделия с прозрачной поливой, положенной на красно-коричневый ангоб. Подглазурные росписи монохромные, выполнены зеленой или желтой краской. Элементы росписи – квадратные медальоны, геометризованные виньетки. С зеленой поливой поверх красного ангоба. Керамика с бесцветной поливой либо розовой поверх красного ангоба. Посуда, покрытая поливой болотного цвета, без подглазурной росписи. Керамика с черной глухой поливой; с синей поливой и росписью черной и коричневой краской, с прозрачной поливой и росписями синим и марганцем.

Некоторые из названных групп имеют аналоги в соседних регионах. В среднеазиатских городах производилась керамика с зеленой и желтой глазурью и подглазурной гравировкой, с бесцветной поливой с мраморовидной и пятнистой росписями, с синей и голубой глазурью и с черной росписью[158]. Однако такого многообразия цвета полив в сочетании с красным ангобом, кроме как в городах Южного Казахстана, пока нигде не встречено. Одной из характерных черт керамики является отсутствие изделий из кашина. Как известно, кашинская посуда должна была заменить привозной дорогостоящий фарфор[159]. В Средней Азии она получила распространение в XIII в. и позднее. Своеобразна, как уже отмечалось, форма поддона у чаш типа пиалы и кесе. Если в среднеазиатских изделиях преобладает кольцевой поддон, то для южноказахстанских характерен поддон кольцевой с выступом в центре. Преобладает, как уже говорилось, геометрический орнамент или геометрический в сочетании с растительным узором. Редки росписи зооморфного типа.

Поливная керамика второй половины XIV – первой половины XV вв. имеет сходство с тимуридской керамикой Средней Азии, хотя по-прежнему отсутствуют изделия из кашина. Керамика покрывалась прозрачной поливой по светлому фону, рисунок выполнялся росписью кобальтом, марганцем. Расписывались обе поверхности изделия, но основной рисунок у чаш, блюд, тарелок располагался внутри. Распространены отвесные композиции, а также рисунок, основным элементом которого является круг, овал или спираль.

В росписях керамики используются, главным образом, растительные мотивы. По-прежнему была распространена керамика, покрытая желтой поливой и росписью коричневым, зеленым, красным; керамика с желтой поливой поверх красного ангоба; керамика с голубой или синей поливой и росписью черным. Большая группа чаш, найденная в мастерской гончара, датируемой

концом XIV – началом XV вв., дает представление о формах изделий, цветах глазурей и росписях, орнаментальных композициях. Технологическое изучение керамики этого периода показало, что использовались свинцовые поливы. Чаще встречаются свинцово-известковые поливы, более сложные по технологии приготовления, но дающие более качественное глазурное покрытие. В качестве красителей использовались окиси меди, хрома, никеля, железа, сурьмы[160]. Отмечая инновации в искусстве керамического производства, следует отметить преемственность между керамикой XIII–XV вв. и керамикой домонгольского времени. Это использование традиционных элементов в росписях, таких, как «вихревая» розетка, спирали, геометрические рисунки. Отмечено также использование красного ангоба, который широко применялся в Казахстане с эпохи раннего средневековья.

Как и прежде, распространена керамика с изображением традиционного сырдарьинского образа – барана. Это поливные и неполивные навершия крышек в виде фигурок барана, выполненных в реалистической манере, слива водолеев. Чаще всего фигурки покрыты коричневым и зеленым ангобом с росписью желтым[161].

Второй традиционный образ на керамике – птица. Это фигурки, как правило, выполненные в реалистической манере.

Керамика Чуйской долины делится на неполивную и небольшую группу глазурованной. Посуда представлена котлами, кувшинами, кумганами, мисками, чашами. Есть глиняные столики на ножках. Поливная керамика немногочисленна – это несколько обломков чаш, пиал, чирагов, покрытых толстым слоем голубой, зеленой, желтой и желто-коричневой поливы. Характерны полусферические чаши с полукольцевым поддоном, имеющие аналоги в керамике южноказахстанских городов[162]

Керамический комплекс XIII – начала XIV вв. из Северо-Восточного Жетысу выделен на Талгарском городище. Отличительным признаком хумов является распространение венчика, скошенного наружу. По-прежнему самым распространенным видом посуды являются котлы, которые не изменяются. Формовка кувшинов несколько огрубляется, заметна небрежность в формовке тулова и особенно венчика. Чаши составляют значительный процент в керамике XIII в. Поддон у чаш дисковидный или переходного типа от дисковидного к кольцевому. Основную группу поливной керамики составляет посуда, украшенная некачественной зеленой глазурью и глазурью болотного цвета. Наиболее характерны чаши и чираги с длинным желобчатым сливом, петлевидной ручкой и небрежно граненным туловом. Полива зеленая (болотного цвета) положена поверх серого ангоба. В целом керамика здесь продолжает традиции предшествующего времени[163].

Кирпичеобжигательное ремесло. Кирпичеобжигательная мастерская была обнаружена на южной окраине Отрара. Центром ее была кирпичеобжигательная печь, вокруг которой группировались жилые и производственные помещения. В существовании мастерской выделено три строительных периода со второй половины XIII до середины XIV вв. Кирпичеобжигательная печь функционировала с ремонтами все это время. Она двухъярусная, прямоугольная в плане. По внешнему обводу ее размеры 5,7х7,7 м. Топочная камера печи выложена из жженых кирпичей. Размеры печи 2,9х4,7 м. Топка перекрыта пятью арками. Высота от уровня пола до замка арок 2 м. Между арками – продухи, разделенные перемычками. По длинной оси топки по центру про-

ходил дымоходный желоб. Он соединялся с четырьмя выведенными вертикально дымоходами, которые одновременно служили регуляторами температурного режима печи. Дымоходы в верхней своей части прогорали, разрушались, и тогда старые каналы заменялись новыми. Размеры обжиговой камеры 5,5х4 м. Видимо, высота обжиговой камеры достигала, как обычно, 3,5 м[164]. С западной стороны от печи идут два ряда помещений. Ближний к печи ряд насчитывает три связанные проходами комнаты. В одной из них на полу находился земляной очаг, в двухсливное устройство – ташнау с устьями, перекрытыми жженым кирпичом с проделанным в центре отверстием. Следующий ряд помещений, их тоже три, сохранился плохо. В двух из них были суфы и вмазанные в них тандыры. В устье одного из них был вставлен железный котел. Эти постройки были связаны с производственными процессами. Слева от печи находился двухкомнатный дом.

Комплекс кирпичеобжигательной мастерской – первый полностью раскопанный объект такого рода в Средней Азии и Казахстане. Печи же, подобные отрарской, известны. Аналогичная печь этого времени, очень похожая на отрарскую печь, раскопана в Самарканде[165], еще одна на городище Талайхан-Ата в Хорезме. Датируются они концом XIV – началом XV вв.[166]. Еще три кирпичеобжигательные печи были раскопаны в разных местах предместья Отрара. Они датируются XIII–XV вв. Аналоги этим печам многочисленны – это печь XIII в. в Сарайчике[167], печи XIII–XIV вв. в Мерве и других среднеазиатских городищах[168].

При сопоставлении печей Отрара между собой и с печами других городов выявляется общий принцип их устройства. Все печи двухъярусные, их топки перекрыты арочными конструкциями, которые выполняют роль пода. Дым выводился через отверстие в своде или же по специальному дымоходу. Разная ширина верхних плоскостей арок позволяла получать разноформатный кирпич. Так, в печи мастерской наряду со стандартным размером 22–25х22–25х4–5 см обжигался кирпич крупных размеров 40х40х5 см. Сложное устройство вывода дыма и терморегулирующая система позволяли производить в этой печи обжиг поливных изразцов и плит, используемых в строительстве. Большое количество кирпичеобжигательных печей в мастерских свидетельствует о размахе строительных работ в Отраре в описываемый период. К ремеслу, связанному со строительством, относилось производство кыра – алебастра. Остатки такой мастерской, где обнаружены сложенные из жженого кирпича ванны, кирпичные вымостки, емкости с алебастром, раскапывались в Отраре.

Медницкое и бронзолитейное ремесло. Накопленный археологический материал – продукция медников – в известной мере характеризует уровень развития и этого вида ремесла. Как отмечают исследователи, в монгольское и послемонгольское время наблюдается значительное расширение производства бронзовых зеркал. Это связывается с перемещением населения при монголах и прежде всего ремесленников. Появляются новые центры производства зеркал, в том числе и в Срелней Азии[169]. Одним из них, видимо, стал Отрар. Бронзовые зеркала из южноказахстанских городов, судя по грубости отливок, сглаженности рельефных выступов, изготавливались в самом городе, хотя, бесспорно, большинство из них являются копиями привозных зеркал. Все зеркала отливались в формах из сплава оловянистой бронзы со свинцом. Качественный и количественный состав сплава зеркал однообразен, что

также подтверждает вывод об их местном производстве. Зеркала с растительным орнаментом на оборотной стороне представлены изделиями в виде дисков диаметром до 7,5–8 см с бортиком и петелькой в центре оборотной стороны. Рельефный орнамент характеризуется наличием в центре розетки, а вокруг нее – сложный растительный орнамент из переплетающихся трилистников на изогнутых стеблях и сердцевидных фигур. Похожие зеркала встречены в половецких захоронениях XIII–XIV вв.[170].

Зеркала с растительно-геометрическим орнаментом имеют те же размеры. У одного из них рельефный орнамент на оборотной стороне состоит из четырех (двух больших и двух малых) кругов, заполненных шестигранниками. В пространствах между кругами вписаны цветы лотоса. Похожие цветы лотоса изображены на зеркале XI–XIII вв., найденном в Сибири[171]. У зеркала с солярной орнаментикой на оборотной стороне в центре изображен солнечный круг, от которого отходят лучи в виде сложных переплетающихся отростков. Аналоги зеркалу достаточно распространены[172]. Группа зеркал имеет на оборотной стороне зооморфный орнамент. От нескольких зеркал сохранились обломки, украшенные изображением рыбы в обрамлении растительных побегов. Одно из зеркал диаметром 14,2 см украшено изображением «звериного гона». Различаются лев, олень и, видимо, собака. Животные изображены в переплетении растительного орнамента. Следующие две полосы заполнены растительным орнаментом. Зеркала этого типа датируются XI–XIII вв.

Интерес представляет зеркало диаметром 6,5 см грубой отливки с краями разной толщины. Это зеркало сделано по отливке с китайского оригинала. По внешнему краю зеркала идет круг из 8 медальонов, по внутреннему – из четырех. В каждом из них – изображение животного. В медальонах внешнего круга различаются кабан, собака, птица (петух), барс; во внутреннем – лошадь, баран. В промежутках между медальонами нанесено десять иероглифических циклических знаков. Зеркало, помимо своего утилитарного назначения, выполняло роль календаря с распространенным на Востоке 12-летним животным циклом[173].

Из бронзы и меди изготавливались различного рода украшения. Например, важной находкой является литой бронзовый медальон с рельефными изображениями на обеих сторонах. На одной из них скачущий всадник с натянутым луком и бегущей под брюхом коня собакой; на другой – свернувшийся дракон. Сейчас известно несколько совершенно идентичных медальонов с территории Средней Азии, Южного Казахстана и Жетысу[174]. Эти изображения имеют многочисленные аналоги в памятниках прикладного искусства XIII–XIV вв. При раскопках собраны коллекции различных медных и бронзовых поделок – крючков, заклепок, обломков различных предметов. Найдены куски бронзовых чаш. Большое число этих изделий – свидетельство важной роли этого направления городского ремесла.

Ювелирное ремесло. Большой интерес для вопросов, связанных с технологией производства изделий из серебра, ассортимента и характера украшений описываемого времени, представляет Отрарский клад серебряных вещей, датированных 60-ми годами XIII в.[175]. Часть ювелирных изделий из клада была сделана ремесленниками южноказахстанских городов. Это спиралевидные браслеты, прототипы которых известны в районах Южного Казахстана, Жетысу и северных районах Средней Азии еще в XI в. При изготовлении браслетов использован серебряный дрот различного сочетания и скань. Отрарские

гладкие браслеты делались из серебряного круглого бруска, обернутого серебряной же рубашкой, но из более высококачественного серебра. Интересны серьги в виде знака вопроса, определяемые исследователями как кыпчакские: массивные серьги с многогранником на конце и «З»-образные височные подвески. Перстни и пластинчатые браслеты клада украшены гравировкой и чеканкой. На ряде изделий имелась позолота. Из цветного камня изготавливались бусы, подвески, вставки для перстней.

Стеклоделие. По-прежнему в городах было развито производство посуды из стекла. Цвет стекла – зеленый с различными оттенками, синий, голубой, красный, желтый и темно-коричневый. Ассортимент изделий достаточно широк – это крышки, чаши, бокалы, рюмки, графины. Часть изделий украшалась рельефным, образующимся при вдувании в форму, узором в виде вдавлений, кругов, ромбов, другая становится более нарядной благодаря наварным нитям, спиралям, манжетам из стекла этого же или другого цвета. В целом же, характеризуя стеклоделие XIII – первой половины XV вв., следует отметить уменьшение количества стеклянных изделий. Из стекла изготавливали также украшения – браслеты, украшенные глазками, браслеты из разноцветных стеклянных нитей, бусы, бисер.

В городах было развито **косторезное ремесло,** традиционное для казахстанских городов. Среди находок – ручки ножей, украшенные циркульным орнаментом, пуговицы и застежки. Из длинных берцовых костей лошадей и коров делали лощила для обработки шерсти, из лучевых костей баранов и коз – шилья и проколки. В качестве сырья использовались рога домашних и диких животных – сайги, джейранов, оленей.

Из камня изготавливали жернова, различные отбойники, песты, терочники, точильные бруски. К сожалению, сохранилось мало того, что свидетельствовало бы о **ткачестве, ковроделии** и других городских ремеслах, но они, бесспорно, были развиты. Находки, например, коробочек хлопка, напрясел в домах горожан могут быть использованы как аргументы в пользу факта развития ткачества.

6. КАРАВАННЫЕ ПУТИ, ТОРГОВЛЯ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Разгром городов, опустошение земледельческой полосы и степной зоны во время монгольских завоеваний отрицательно сказались на торговле города и округи, города и степи. Однако международные торговые пути продолжали функционировать[176]

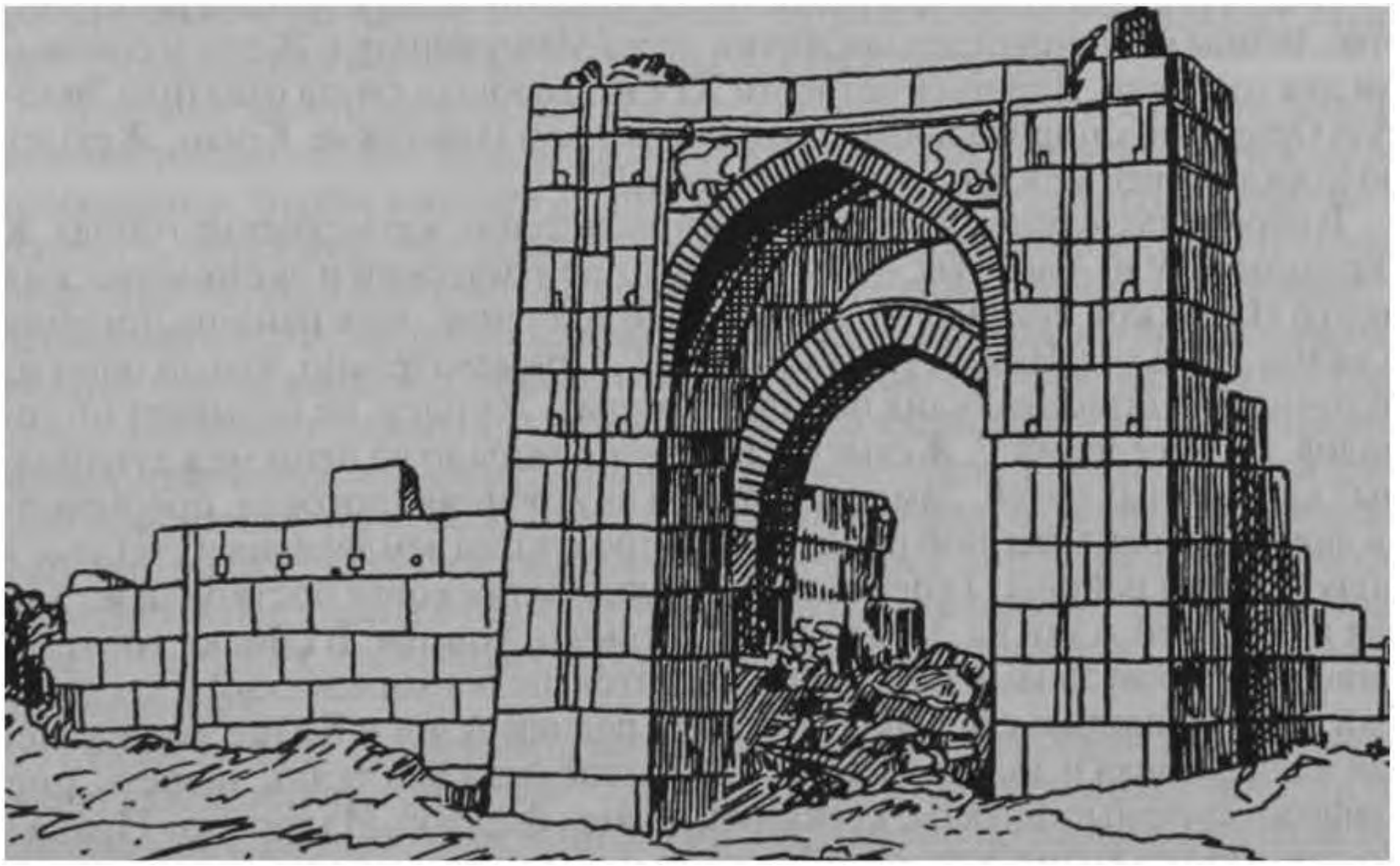
По-прежнему оживленным был Великий Шелковый путь, соединявший Китай, Монголию со Средней Азией, Средним и Ближним Востоком и Европой. Так, в 1221 г. китайский монах Чан-Чунь через Монголию, Кульджинский край и Жетысу попал в Самарканд, Кеш и оттуда проследовал в ставку Чингиз-хана. В 1223 г. этим же путем он вернулся назад[177]

В 1246–1247 гг. по названному пути в столицу монголов Каракорум проехал армянский полководец Самбат Спарапет[178]. В 1259 г. через долину Или, Жетысу и Среднюю Азию в Хорасан проследовал Чан Дэ. В числе последних в 1278 г. по этому маршруту прошли два несторианских монаха – Мар Яббалахи III и Раббан Саума. Они отправились в путь из Ханбалыка, пришли в Тангут, затем в Кашгар, а оттуда через Жетысу, сделав остановку в Таласе (Таразе), попали в Среднюю Азию, в Хорасан и далее на Кавказ[179].

При монголах важное значение приобрел дипломатический и караванный путь, соединявший Европу с Азией и пролегавший через южнорусские степи, Поволжье на Урал, далее в Хорезм, на Сырдарью и через Жетысу в Алмалык и Монголию. В 1246 г. Плано Карпини через Киев проследовал в ставку Бату Сарай-Бату, а оттуда через Хорезм, Жетысу и Тарбагатай прибыл в Каракорум. В отчете путешественника упоминается Сырдарья и множество разрушенных городов, среди которых Янкент, Бархин и Орнас (Янгикент, Барчкент и Ашнас). Затем Плано Карпини прошел через Жетысу, переправился через Или, обогнул озеро Алакуль с юга и через Омал (Омыл) достиг Каракорума[180] Частично путь Плано Карпини повторила в 1249 г. миссия Андре де Лонжюмо – посла Людовика IX к Гуюку. Через Акку и Мосул, вдоль южного берега Каспийского моря она пришла в Хорезм, оттуда через Жетысу прибыла в Омыл[181].

В 1253 г. этим же путем отправилась миссия Людовика IX к хану Мункэ, возглавляемая Рубруком. Из Константинополя Рубрук морским путем достиг крымского города Сохдак (Судак), оттуда он прибыл в ставку хана Сартака, расположенную в трех переходах от Волги, затем через заволжские степи достиг р. Урал и через Приаральские степи добрался до низовьев Таласа. Поднимаясь вверх по течению реки, он проехал город Кинчат. Миновав Талас, миссия Рубрука прошла по семиреченскому участку Великого Шелкового пути в Илийскую долину. После переправы через р. Или Рубрук проехал города Эквиус, Каялык – «столицу области», обогнул Алакуль, перевалил Тарбагатай и достиг Каракорума[182].

В 1254 г. в Каракорум из Килийской Армении направлялся армянский царь Гетум I. Из ставки Батыя Гетум поехал на восток, переправился через р. Айех (Яик – Урал) и прибыл в Ор. Потом он, видимо, пересек степи Центрального Казахстана и, переправившись через Ертич (Иртыш), достиг Мон-

Караван-сарай Белеули XIV в.

голии. Обратный путь Гетума в Далас (Тараз)[183] проходил через города Восточного Туркестана Алмалык, Илибалык. Таким образом, Гетум проехал южно-илийским путем, которым за тридцать с лишним лет до него проследовал Чан-Чунь. Из Тараза Гетум отправился домой не коротким путем – через Среднюю Азию, а свернул на север, решив посетить ставку Сартака. Через Хутутчин и Паркет он проехал по маршруту, соединявшему города северных предгорий Каратау, достиг ставки Сартака, расположенной севернее Согнаха (Сыгнака), вновь вернулся в Сыгнак и оттуда через Савран (Сауран) и Асон (Ясы) доехал до Отрара, переправился через Сырдарью в Зурнук (Зернук) и по ханской дороге, минуя Самарканд, Бухару, Тус, попал в Армению.

После смерти хана Мунке на востоке и западе Монгольской империи разразились междоусобные войны[184]. Стал опасным сквозной путь из Тебриза в Ханбалык через Среднюю Азию и Жетысу. Поэтому в 1291 г. миссия Монтекорвино отправилась в Ханбалык уже не освоенным путем, а кружным, через Индию[185]. Купцы и миссионеры предпочитали этому долгому пути налаженную дорогу по сухопутью из Каффы в Тану, Старый или Новый Сарай, в Ургенч, Отрар, Алмалык и Ханбалык. По расчету Бальдуччи Пеголотти (1340), этот путь длился 290 дней[186]. Еще один путь проходил через Сарайчик, Ургенч, Бухару, Кашгар[187]. Обстановка, сложившаяся на этой трансазиатской магистрали в 20–30-х годах XIV в., благоприятствовала международной торговле. Это в значительной мере было вызвано подъемом Золотой Орды, ростом Сарая-Бату и Сарая-Берке[188], а также расцветом экономической и культурной жизни в городах Ак-Орды.

Последним торгово-миссионерским предприятием европейцев в XIV в. в странах Востока стало путешествие Джованни Мариньоло, продлившееся 15 лет (1338–1353). Из Каффы через Тану он проследовал в Новый Сарай, оттуда – в Ургенч и Алмалык[189].

К 1370 г. вся система трансазиатских путей пришла в полное расстройство. Войны на востоке сделали дороги через Мавераннахр и Жетысу опасными для торговли. В третьей четверти XIV в. всеобщая смута охватила Золотую Орду. Опустошительные походы Тимура в Поволжье, Крым, Жетысу положили конец международной торговле[190]

В первой половине XIV в. пришли в запустение жетысуйские города. К середине XIV в. Алмалык – важнейший политический и экономический центр Илийской долины – утратил свое значение, еще раньше погибли Каялык, Тальхиз, Ики-огуз, Илибалык[191]. Примечательно, что ни один из источников, описывающих походы Тимура в Жетысу, не называет ни городов, ни поселений[192]. Жетысуйское звено выпало из цепи международных караванных путей. Замирает здесь и внутренняя торговля, прерывается движение ремесленной продукции и продукции земледелия в степные и полустепные районы. Теперь шелк, предметы роскоши поступали из Китая и Средней Азии на Запад через Ургенч и Хорезм. В списке товаров, вывозимых генуэзцами из Каффы, значатся шелка хорезмский и ургенчский.[193] По свидетельству Пеголотти, в Средней Азии и Китае закупались также шелковая и золотая парча, хлопчатобумажная ткань, шерсть, рис, шафран, сушеные фрукты, керамика, фаянс, фарфор. Из городов Ирана и Востока везли художественный металл, украшения, драгоценные камни, сандаловое дерево, жемчуг, из Европы – полотняные ткани. Сохранились свидетельства, что Пеголотти советовал купцам брать с собой полотня-

ные ткани, продавать их в Ургенче и запасаться сомами – слитками серебра, имевшими хождение в «татарских» странах[194]. Именно такие слитки обнаружены в денежно-вещевом кладе Отрара, датированном 40–60-ми годами XIII в. Самый крупный из них – овальной формы, с загнутыми концами, размером 119x147 мм, весом 1410 г. Два брусковидных слитка имеют закругленные края (часть одного из них обрублена); еще два сделаны в виде конических палочек и несут следы проковки[195]. Такого типа серебряные палочки длиной 4–6 см и диаметром 2–3 см широко представлены в материалах золотоордынского времени из Поволжья[196].

Все перечисленные товары, конечно, частично оседали в городах Южного Казахстана. Подтверждением широкой международной торговли может служить названный выше серебряный клад, где представлены монеты Алмалыка, Эмиля, Пулада, Дженда, Крыма, Сиваса. Часть изделий клада происходит из Средней Азии, Восточного Туркестана, Малой Азии, например, детали наборного пояса и пластинки с уйгурской надписью. Пряжка близка бронзовой пряжке, найденной на Царевском городище и датируемой XIV в.[197] Накладки и кольцо сходны по форме с серебряными бляшками поясного набора из монгольского погребения в Самарканде[198]. Таким образом, клад содержит своего рода «визитные карточки» областей и стран, через которые проходил трансазиатский путь.

Среди бронзовых зеркал XIII–XV вв. Отрара есть подражания зеркалам ближневосточного и китайского производства. На одном из них изображен гон зверей, на другом – фигуры крылатых львов с человеческими лицами с членистыми хвостами с шипом на конце. Такие зеркала изготавливались мастерами Средней Азии и Ирана[199]

В товарно-денежные отношения этого периода была втянута кочевая периферия. Об этом свидетельствуют находки монет в кладах и погребениях кочевников, в частности в захоронении XIII–XIV вв. неподалеку от Тараза[200], захоронении кыпчаков из Центрального Казахстана[201].

В первые десятилетия после монгольского завоевания состояние хозяйства настолько ухудшилось, что говорить о денежной торговле в это время не приходится. Чтобы вывести страну из разрухи, восстановить хозяйство и оживить денежную торговлю, требовалась централизованная внутренняя политика. Начало реформаторской политике положил Менгу-хан, провозглашенный в 1251 г. великим ханом. Источники приписывают ему ряд мероприятий, продиктованных заботой о благосостоянии государства. При нем был строго регламентирован подушный налог, ограждавший население от произвольных повинностей, декретирован регулярный чекан золотых динаров одинаковой пробы, что способствовало восстановлению и оживлению денежной торговли[202]. Одним из вдохновителей и практическим проводником политики Менгу-хана в Мавераннахре и за его пределами стал купец-правитель Масудбек, сын Махмуда Ялавача – первого правителя Средней Азии при монголах.

Согласно Е. А. Давидович, денежное хозяйство империи Джагатаидов подразделяется на три этапа[203]. Первый этап – это четверть столетия от завоевания Средней Азии монголами и примерно до середины XIII в. На этом этапе более или менее регулярный выпуск монет осуществляли два города – Самарканд и Бухара. Применение этих монет было узколокальным, и поэтому они не способствовали ликвидации денежного кризиса.

Второй этап характеризуется регулярным чеканом низкопробной (60% золота) анонимной золотой монеты, имевшей хождение во всем Джагатаидском государстве, независимо от места выпуска. Проба монет специально была назначена низкой, чтобы приблизить золотые монеты к уровню и объему реальной торговли того времени. При мелких расплатах могли использоваться фрагменты золотых монет, принимаемых на вес. Работали монетные дворы Бухары, Самарканда, Ходжента и Отрара. Оживилась и более мелкая денежная торговля. В Отраре с 649 г. х./1251–52 г. по 662 г. х./1264–65 гг. почти ежегодно выпускались медные посеребренные дирхемы одного типа с надписями «менгу-хани» или «хани», указывающими, что монета ханская.

Медные дирхемы и фельсы Отрара (третья четверть XIII в.)

Недавно обнаружена еще одна разновидность монет с надписью «йарли хани»[204] Эти монеты обслуживали торговлю не только Отрара и его округи, но и районов Южного Казахстана, Ташкента и Ферганы. Клады медных посеребренных дирхемов с чеканом Отрара довольно часто встречаются и на территории Средней Азии.

В 1972 г. на Отраре найден клад посеребренных медных дирхемов (190 экз.), чеканенных в 50–60-х годах XIII в. В нем оказались и медные фельсы отрарской чеканки этого же периода (19 экз.), аналогичные посеребренным дирхемам и отличающиеся от них только размерами[205]. В денежном обращении Отрара они выполняли функцию мелкой разменной монеты, что, безусловно, связано с расширением торгово-денежных отношений во второй половине XIII в. Этот факт очень важен, поскольку до сих пор считалось, что на втором этапе реорганизации денежного хозяйства Джагатаидов только столичный город Алмалык выпускал одновременно золотую, серебряную и медную монеты. На-

личие в кладе монет с именем Масуда аль-Хорезми – сына Махмуда Ялавача – свидетельствует о большей значимости экономической власти Масудбека в Мавераннахре, чем это представлялось[206].

Третий этап начинается с денежной реформы Масудбека[207]. Она была декретирована в 670 г. х. (1271–72 гг.), но для полного ее осуществления потребовалось еще два десятилетия XIII в. Реформа вводила регулярный чекан настоящих серебряных монет во многих городах и областях Средней Азии, юга Казахстана и Жетысу. Любое частное лицо могло принести на монетный двор серебро для отливки в монету за определенную плату. Сейчас известно более 15 монетных дворов, работавших в последней четверти XIII в. Среди них монетные дворы Отрара, Тараза, Кендже (Кенджде), Дженда.

Серебряные монеты первым после Алмалыка стал выпускать Отрар (с 670 г. х./1271–72 гг.), затем Тараз и еще несколько городов. С 677 г. х./1278–79 гг. стал выдавать монетную продукцию Кендже.

Пореформенный чекан серебряных монет является важнейшим источником для сравнительной характеристики экономического состояния разных областей и районов Средней Азии. Нумизматические данные позволяют заключить, что с точки зрения денежной торговли в наиболее благополучном положении находились юг Казахстана и юго-западное Жетысу.

Серебряные динары Отрара середины XIV в. с именем Буянкули-хана.

Реформа Масудбека обеспечила государство серебряной монетой и дала гарантии (вес, проба) штучного обращения их независимо от места выпуска. Кроме того, был налажен регулярный чекан медных фельсов во многих городах, прекращен выпуск медных посеребренных дирхемов, которые изымались из обращения. Именно с успешным проведением денежной реформы 1271 г. можно связать ощутимый подъем во всех областях городской жизни. Этот подъем был закреплен новой денежной реформой Кебек-хана (1321 г.), которая ввела в оборот новые серебряные монеты – «кебеки».

Находки на Отраре медных и серебряных монет первой половины XIV в. свидетельствуют о функционировании монетного двора в городе. В коллекции имеются кружки, чеканенные при ханах Тармаширине (1326–1334), Дженкши (1334–1338), Есен-Тимуре (1338–1341) и Баянкули (1348–1358)[208]

При Тимуре и Тимуридах с последней четверти XIV в. и до середины XV в. в Отраре по-прежнему продолжался выпуск монеты[209]. В денежном обращении, судя по находкам, находились также медные монеты, выпущенные во второй половине XIV – первой половине XV в. в Самарканде, Шахрухие, Бухаре, Андижане. Эти монеты обслуживали межобластную и местную тор-

говлю. Показателем широких внешнеторговых связей Отрара может служить клад серебряных монет «танга-и шахрухи» (219 экз.), привезенный в Отрар из Ирана или Хорасана после 1430–1431 гг. Он состоял из монет Астрабада, Герата, Йезда, Кашана, Кума, Сабзевара, Шираза. Несколько монет относятся к эмиссиям Тимура и Махмуда, Мухаммеда Джахангира и Искандера Кара-Коюнлу[210]

Еще большего расцвета достигли экономика и торговля отрарского оазиса в середине XV – первой половине XVI вв. В это время наблюдается максимальное развитие товарно-денежных отношений в Средней Азии[211], а также, как свидетельствуют многочисленные находки монет, в Отраре, Туркестане и других городах на юге Казахстана.

[1] *Руденко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. // Материалы по отделению этнографии Географического общества СССР. Вып. I. Л., 1961, с. 2–15; Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Алма-Ата, 1980, с. 38–41, 81–87.

[2] Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969, с. 318. (далее: МИКХ).

[3] *Руденко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства... С. 3; Хозяйство казахов..., с. 83–86.

[4] Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства...С. 4; Хозяйство казахов..., с. 37, 86–87.

[5] *Абуль-Гази-Багадур-хан.* Родословное древо тюрков. *Стэнли Лэн-Пуль.* Мусульманские династии. Иакинф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Москва – Ташкент – Бишкек. 1996, с. 78–79.

[6] Histoire des conquetes de Tamerlan intitul Zafarnama par Nizamuddin Sami. Ed. critique par F. Tauer, t. I. Texte persan du Zafarnama. Praha, 1937. (далее: Шами. Зафар-наме. Изд. Тауэра), с. 69, 70; 114–116 и др.; Шараф ад-дин Али Йазди. Зафар-наме. Рук. ГПБ им. Салтыкова-Щедрина ПНС 234, л. 63б, 72а; *Мухаммад Хавенд-шах Мирхонд.* Раузат ас-сафа. Литограф. изд. Лакнау, 1891, т. VI, с. 35.

[7] *Мухаммад Хавенд-шах Мирхонд.* Раузат ас-сафа. Приложение персидского текста в кн.: Бартольд В. В. Соч., т. II, ч. 2. М., 1964, с. 182.

[8] Там же, с. 190.

[9] *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Введ., перевод и прим. А. И. Малеина. СПб, 1911, с. 103.

[10] *Фазлалах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йи Бухара. Перевод, предисл. и прим. Р. П. Джалиловой. М., 1976, с. 93–94.

[11] *Кочекаев Б.-А. Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVШ вв. Алма-Ата. 1988, с. 29–32; *Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.* Ногайцы. Черкесск. 1988, с. 30–35, 61 и др.

[12] *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана. // Соч., т. II, ч. I. М., 1963, с. 120; *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии. М., 1958, с. 50; *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965, с. 77–80; *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1992, с. 469.

[13] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884, с. 230–233 (далее: СМИЗО, т. I).

[14] Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина. Пер. с

итальянского В. Семенова. // Библиотека иностранных писателей о России. Т. I, СПб., 1836, с. 36–37; см. так же: Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Вступ. статьи, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971, с. 150, 174.

[16] *Аболин Р. И.* Основы естественно-исторического районирования Советской Средней Азии. // Труды САГУ, серия 12. География. Ташкент. 1929, вып. 2, Он же. От пустынных степей Прибалхашья до снежных вершин Хан-Тенгри // Труды Ин-та почвоведения и геоботаники САГУ. Казахстанская серия. Л., 1930, вып. 5; *Никольский А. М.* Путешествие на озеро Балхаш и в Семиреченскую область. // Записки Зап.-Сибирского отд. ИРГО, Омск, 1885, кн. VII, вып. I, с. 16–26.

[17] *Бартольд В. В.* Или. Соч., т. III, М., 1965, с. 443.

[18] *Абд ар-Раззак Самарканди.* Матла ас-са дайн ва маджма ал-бахрайн. Изд. Мухаммада Шафи, т. I, Лахор, 1949, с. 480, 550; *Шами.* Зафар-наме, с. 117; *Мирхонд.* Раузат ас-сафа, т. VI, с. 66.

[19] *Мирза Мухаммад Хайдар.* Та'рих-и Рашиди. Рук. ИВАН РУз, № 1430, Л. 48б.

[20] Раузат ас-сафа. Прилож. перс. текста, с. 186–187.

[21] Та'рих-и Рашиди, Л. 33б.

[22] *Йазди.* Зафар-наме. Л. 26а.

[23] Та'рих-и Рашиди. Л. 40а.

[24] СМИЗО, т. I, с. 286, 287; Барбаро и Контарини о России, с. 149.

[25] Барбаро и Контарини о России, с. 174 (Коммент. Е. Ч. Скржинской).

[26] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI вв., Алма-Ата, 1977, с. 37–38, 150–151.

[27] Там же, с. 215.

[28] *Му'ин ад-дин Натанзи.* Мунтахаб ат-таварих-и Му'ни (Аноним Искандера) // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.-Л., 1941 (далее: СМИЗО, т. II), с. 129–130, 134; Бартольд В. В. Улугбек и его время. Соч., т. II, ч. 2, с. 111.

[29] *Федоров-Давыдов Г. А.* Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XIII–XIV вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983, с. 217.

[30] СМИЗО, т. II, с. 125, 130, 195, 197, 211 и др.; *Якубовский А. Ю.* Развалины Сыгнака (Сугнака). // «Сообщения ГАИМК», т. II, Л., 1929, с. 130, 133.

[31] *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йи Бухара, с. 116.

[32] Там же.

[33] МИКХ, с. 317.

[34] МИКХ, с. 317–319; *Якубовский А. Ю.* Развалины Сыгнака..., с. 159; *Бартольд В. В.* Отчет о командировке в Туркестан // Соч., т. VIII, М., 1973, с. 202; *Агеева Е. И., Пацевич Г. И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. // ТИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1958, т. 5, с. 150.

[35] *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йи Бухара, с. 116–117.

[36] Кош – количество пахотной земли, которое могла обработать за сезон пара быков.

[37] *Пищулина К. А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV–XVII веках. // Казахстан в XV–XVIII вв. (Вопросы социально-политической истории). Алма-Ата. 1969, с. 20.

[38] *Массон М. Е.* Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. Ташкент, 1930, с. 8.

[39] *Михман-наме-йи Бухара.* Рук. ИВАН РУз № 1414, Л. 112б.

[39] *Бартольд В. В.* Отчет о командировке в Среднюю Азию. Соч., т. III, М., 1965, с. 222–226; *Массон И. Е.* Старый Сайрам // «Известия Средазкомстариса», Ташкент, вып. 3, 1928, с. 37.

[40] *Хафиз Таныш.* Шараф-наме-йи шахи. Л. 334б, 335а и др. // МИКХ, с. 268, 269 и др.

[41] *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар, Алма-Ата, 1972; *Они же.* Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1981; *Они же.* Отрар в XIII–XV веках. Алма-Ата, 1987; *Грошев В. Н.* Ирригация Южного Казахстана в средние века. Алма-Ата, 1985.

[42] *Бернштам А. Н.* Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, с. 65; *Ерзакович Л. Б.* О позднесредневековом городище Аспара. // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 96; *Сенигова Т. Н.* Средневековый Тараз, Алма-Ата, 1972, с. 169 и др.

[43] Та'рих-и Рашиди, л. 33б.

[44] *Там же.*

[45] *Шами.* Зафар-наме, с. 116.

[46] *Хафиз-и Абру.* Зубдат ат-таварих. //Изд. Шами Ф. Тауэра, т. II, с. 73.

[47] *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг. // Соч. т. IV, с. 84.

[48] Та'рих-и Рашиди, л. 44б.

[49] История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Том I. Алматы, 1996, с. 280, 300–303, 403–407 и др.

[50] *Блок Марк.* Феодальное общество. // Марк Блок. Апология истории. М., 1973, с. 115–169; *Февр Люсьен.* Бои за историю. М., 1991, с. 146–158; *Васильев Л. С.* История Востока. Т. I, М., 1994, с. 242–246.

[51] Та'рих-и Рашиди, л. 15а, 35б и др.; МИКХ, с. 212, 215, 413 и др.

[52] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, с. 158, 159; *Мас'уд бен Усман Кухистани.* Та'рих-и Абулхайр-хани, л. 312а, 312б, 318а и др. // МИКХ, с. 143, 144, 146, 149 и др.

[53] Таварих-и гузида-йи нусрат-наме // МИКХ, с. 16–20, 23–28; Камал-ад-дин Али Бинаи, Шайбани-наме // МИКХ, с. 96–97 и др. Мас'уд бен Усман Кухистани. Тарих-и Абу-л-Хаир-хани // МИКХ, с. 137, 143, 144, 149.

[54] *Фазллалах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йи-Бухара, Рук. ИВ АН РУз, № 1414, л. 74а.

[55] СМИЗО, т. II, с. 302, прим.; *Викторова Л. Л.* Становление классового общества у древнемонгольских кочевников. Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, с. 573.

[56] Раузат ас-сафа, с. 187, «Та'рих-и Рашиди», л. 66а, МИКХ. с. 207.

[57] *Мирза Мухаммад Хайдар.* Та'рих-и Рашиди. Ташкент, 1996, с. 373–374.

[58] *Бартольд В. В.* Соч., т. V. М., 1968, с. 171.

[59] *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране в XIII–XIV вв. М.-Л., 1960, с. 236.

[60] *Алаев А. Б.* К типологии феодализма на Востоке // Народы Азии и Африки № 4, 1977; *Васильев Л. С.* История Востока, с. 241–252.

[61] *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, с. 100; *Березин И. Н.* Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева, ТВОРАО, т. VIII, СПб, 1864, с. 426; *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Соч., т. V, с 146; *Он же.* Чингиз-хан. Соч., т. V, с. 627.

[62] *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций..., с. 145, 146; *Он же.* Очерк истории Семиречья, с. 58–59.

[63] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды, с. 60–61.

[64] *Бартольд В. В.* Персидская надпись на стенс анийской мечети Мануче. Соч., т. IV, М., 1966, с. 330.

[65] *Мункуев Н. Н.* Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977, с. 393.

[66] *Березин И. Н.* Очерк устройства внутреннего улуса Джучиева, с. 437–448 и др., *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, с. 89–103. *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков, с. 98–105; *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан, с. 155–169, 197–202.

[67] Путешествия в восточные страны, Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, с. 91.

[68] Та'рих-и Рашиди, л. 36а; *Махмуд ибн Вали.* Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар. Рук. ИВ АН РУз № 7418, л. 185а.

[69] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды, с. 110–113.

[70] *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношсния в Иране в XIII–XIV вв. М.-Л., 1960, с. 272–274; *Гафуров Б. Г.* Таджики. М., 1972, с. 466.

[71] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды..., с. 114–115.

[72] СМИЗО, т. II, с. 129, 130.

[73] *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков, с. 93.

[74] *Мас'уд бен Усман Кухистани.* Та'рих-и Абулхайр-хан, л. 326а, б, МИКХ, с. 159.

[75] Та'рих-и Рашиди, Л. 45а, 50б и др. Бахр ал-асрар, рук. ИВ АН № 7418 (рук. Джурабека), л. 173а, 226а, б, 227б, 228б, 231а, б, 235а, 238а и др.

[76] Та'рих-и Рашиди, л. 35б; Бахр ал-асрар, л. 184б, 197а и др., *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан..., с. 166–169.

[77] Та'рих-и Рашиди, л. 35а.

[78] Там же, л. 62б, 67а, 68б; МИКХ, с. 203, 208–210.

[79] Там же, л. 39а.

[80] Там же, л. 34б. Феодальные права тарханов на основе сведений «Зафар-наме» Низам ад-дина Шами исследовал Н. Махмудов в работе «Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии в XIV–XV вв.» Душанбе, 1966.

[81] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды, с. 125.

[82] СМИЗО, т. II, с. 18.

[83] *Мас'уд бен Усман Кухистани.* Та'рих-и Абулхайр-хани, л. 132а. МИКХ, с. 137, 144, 149.

[84] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды..., с. 168.

[85] *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения, с. 98, 384.

[86] Там же, с. 360–364; *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. О налоге купчур (купчур, кубджур, букв. монг. «пастбище») есть большая литература. Помимо указанных работ И. П. Петрушевского, Б. А. Ахмедова характеристика этого налога дана в работах Якубовского А. Ю., Бартольда В. В., Али-Заде А. А., Тихонова Д. И. и других.

[87] *Бартольд В. В.* Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче, с. 330.

[88] *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков, с. 95.

[89] Там же; *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI в., с. 185.

[90] *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии (XVII – середина XIX вв.). М., 1958, с. 31.

[91] Та'рих-и Рашиди, л. 45а; МИКХ, с. 194.

[92] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI в., с. 164–165.

[93] *Егоров В. Л.* Государственное и административное устройство Золотой

Орды. «Вопросы истории», 1972, № 2, с. 32. *Его же.* Историческая география Золотой Орды, М., 1985.

[94] *Низамад-дин-Шами*, Зафар-наме, с. 17. Зубдат ал-асар, в изд. Шами, т. П, с. 77; Та'рих-и Рашиди, л. 25а.

[95] Та'рих-и Рашиди, л. 25а и др.

[96] *Бартольд В. В.* Улугбек и его время. Соч. т. П, ч. 2, М., 1964, с. 49–51; *Его же.* Церемониал при дворе узбецких ханов в XVII в. Соч. т. П, ч. 2, с. 394, прим. 21; *Его же.* Чингиз-хан, т. V, с. 627; МИКХ, с. 494, прим. 13, 17.

[97] *Петров К. И.* Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе, 1963; *Юдин В. П.* О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии, с. 52–61.

[98] *Востров В. В., Муканов М. С.* Родоплеменной состав и расселение казахов, Алма-Ата, 1968, с. 38; *Аристов Н. А.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов. // Живая старина, год IV, СПб, 1894, вып. Ш–IV, с. 68.

[99] Раузат ас-сафа, т. VI, с. 5, 208 и др.

[100] *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии, с. 35.

[101] Та'рих-и Рашиди, л. 34а.

[102] Там же, л. 66а; МИКХ, с. 207; *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков, с. 100–101.

[103] Раузат ас-сафа, т. VI, с. 190; *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков, с. 100; МИКХ, с. 18, 22, 98, 312 и др.

[104] Та'рих-и Рашиди, л. 45а; МИКХ, с. 194.

[105] Там же, л. 33б.

[106] *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков, с. 100–102.

[107] Та'рих-и Рашиди, л. 15а; Раузат ас-сафа, т. VI, с. 11.

[108] Та'рих-и Рашиди, л. 18б.

[109] *Гафуров Б. Г.* Таджики, с. 467.

[110] *Давидович Е. А.* Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в. М., 1972, с. 33–36.

[111] *Бартольд В. В.* Соч., т. II. Ч. 1, с. 69.

[112] *Давидович Е. А.* Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в., с. 96–114, 141–151.

[113] *Пищулина К. А.* Юго-восточный Казахстан. С. 33–40.

[114] Там же, с. 62–87.

[115] СМИЗО, Т. П, с. 154, 157.

[116] *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950, с. 339–361.

[117] *Бартольд В. В.* Соч., М., 1964. Т. П. Ч. 2, с. 80.

[118] Там же, с. 93.

[119] *Гандзакеци Киракос.* История Армении / Пер. с др.-арм., пред. и коммент. Л. А. Хандарян. М., 1976, с. 224.

[120] *Бартольд В. В.* Соч. Т. П. Ч. 1, с. 152–153.

[121] История народов Узбекистана. Ташкент, 1950. Т. 1, с. 339; *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV вв. С. 48–52; *Массон М. Е.* Исторический этюд по нумизматике джагатаидов: (по поводу таласского клада монет XV в.) //Труды САГУ. Новая серия. 1950. Вып. Ш. с. 78–100.

[122] *Давидович Е. А.* Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в., с. 125.

[123] СМИЗО. Т. П, с. 129.

[124] *Бартольд В. В.* Соч. Т. П. Ч. 1, с. 572.

[125] *Бартольд В. В.* Соч. Т. 1, с. 538.

[126] *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. СПб., 1911, с. 112.

[127] *Бартольд В. В.* Соч. Т. 1, с. 426.

[128] *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. М.-Л., 1960. Т. 2, с. 141.

[129] *Байпаков К. М.* Периодизация городской и оседлой сельской жизни в Илийской долине // Бартольдовские чтения. Год 4-й. М., 1978, с. 8–10.

[130] *Ерзакович Л. Б.* Некоторые черты оседлой культуры позднего средневековья в Таласской долине // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 98.

[131] *Бубнова М. А.* Добыча серебро-свинцовых руд в Шельджи в IX–XII вв. // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, с. 242.

[132] *Байпаков К. М.* Городища типа «торткуль» // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978, с. 96.

[133] *Ерзакович Л. Б.* О позднесредневековом городище Аспара // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 85–97.

[134] *Пищулина К. А.* Юго-восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI вв., с. 80–87.

[135] Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, с. 65; *Ремпель Л. И.* Археологические памятники в дальних низовьях Таласа // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. 1956. Т. 1, с. 70.

[136] *Сенигова Т. Н.* Средневековый Тараз, с. 201–202; *Ерзакович Л. Б.* Некоторые черты оседлой культуры позднего средневековья в Таласской долине, с. 103–106.

[137] *Массон М. Е.* Старый Сайрам, с. 37.

[138] МИКХ, с. 317; *Якубовский А. Ю.* Развалины Сыгнака (Сугнака), с. 159.

[139] *Пищулина К. А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств XV–XVII вв., с. 20; *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья. Соч., т. II, ч. 1. М., 1963, с. 67.

[140] *Ерзакович Л. Б.* Раскопки городского квартала в Отраре. АО 1982. М., 1984, с. 454.

[141] *Ерзакович Л. Б.* Раскопки на центральных развалинах Отрара. АО 1980. М., 1981, с. 453.

[142] *Викторова Л. Л.* Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980, с. 146. Примеч. 5.

[143] *Федоров-Давыдов Г. А.* Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XIII–XIV вв., с. 220.

[144] *Жолдасбаев С.* Мечеть XIV–XV вв. в окрестностях Отрара // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980, с. 177–182.

[145] *Петрушевский И. П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию (татаро-монголы в Азии и Европе). М., 1977, с. 124.

[146] Книга Марко Поло. М., 1956, с. 280.

[147] *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 48.

[148] *Маргулан А. Х.* Раскопки погребения воина XIV в долине р. Нуры. Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 7. 1959, с. 248; *Кадырбаев М. К., Бурнашева Р. З.* Погребение кыпчака первой половины XIV в. из могильника Тасмола. // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 54–59; *Иванов В. А., Кригер В. А.* Курганы кыпчакского времени на Южном Урале. М., 1988.

[149] *Якубовский А. Ю.* Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X–XV вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1932, с. 8; *Пигулевская Н. В.* К вопросу о городах Ирана в раннем средневековье. // СВ, 1955. № 6, с. 76.

[150] *Ашрафян К. З.* Феодализм в Индии. М., 1977, с. 117.

[151] Там же, с. 118–119.

[152] *Федоров-Давыдов Г. А.* Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // Поволжье в средние века. М., 1970, с. 70–71.

[153] *Беленицкий А. М.* Организация ремесла в Самарканде в XV–XVI вв. КСИИМК. 1940, с. 190.

[154] *Якубовский А. Ю.* Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X–XV вв., с. 9, 33.

[155] *Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 283–284.

[156] *Лунина С. Б.* Гончарное производство в Мерве. Тр. ЮТАКЭ. 1962, с. 407.

[157] *Пещерева Е. М.* Гончарное производство в Средней Азии. Труды ИЭ. Т. XIII, М., 1959, с. 208.

[158] *Сайко Э. В.* Среднеазиатская глазурованная керамика XII–XV вв., Душанбе, 1969, с. 22–73.

[159] *Пугаченкова Г. А.* Самаркандская керамика XV в. // Труды САГУ, 1950, с. 121.

[160] *Тепловодская Т. М.* Некоторые результаты изучения технологии позднесредневековой керамики Отрара (Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии). Алма-Ата. 1983, с. 200.

[161] *Байпаков К. М.* Культ барана у сырдарьинских племен // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980, с. 37, рис. 4.

[162] *Ерзакович Л. Б.* О позднесредневековом городище Аспара. // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 89–92, рис. 3.

[163] *Савельева Т. В.* Оседлая культура северных склонов Заилийского Алатау. Алматы, 1994, с. 113–114, рис. 36.

[164] *Пругер Е. Б.* Кирпичеобжигательное производство средневекового Мерва. Тр. ЮТАКЭ. 1969, с. 238.

[165] *Шарахимов М.* Кирпичеобжигательная печь средневекового Самарканда. 1974, с. 84–89.

[166] *Вишневская О. А.* Раскопки караван-сараев Ак-яйла и Талайхан-ата. Тр. ХАЭЭ. 1958, с. 462–466.

[167] *Пацевич Г. И.* Раскопки на территории древнего города Тараза в 1940 г. ТИИАЭ АН КазССР. 1956, с. 221–224.

[168] *Пругер Е. Б.* Кирпичеобжигательное производство средневекового Мерва. Тр. ЮТАКЭ. 1969, с. 227–241.

[169] *Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975, с. 32.

[170] *Кригер В. А., Железчиков Б. Ф.* Позднекочевнические погребенья у поселка Рубежка и Алебастрово Уральской области. СА, 1980, рис. 2.1.

[171] *Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975, с. 65, рис. 49, 50.

[172] *Арсланова Ф. Х.* Памятники Павлодарского Прииртышья. Алма-Ата. 1968, с. 110, рис. 150; *Кригер В. А., Железчиков Б. Ф.* Позднекочевнические погребенья у поселка Рубежка и Алебастрово Уральской области, рис. 33.

[173] *Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины, с. 42, рис. 12–13.

[174] *Буряков Ю. Ф.* Медальоны XIII–XIV вв. из Ташкента. ОНУЗ. 1983, с. 43–45.

[175] *Байпаков К. М., Настич В. Н.* Клад серебряных вещей и монет XIII в. из Отрара. Алма-Ата, 1981, с. 47, табл. 104.

[176] После Марко Поло. Путешествие западных чужеземцев в страны трех Индий / Пер., введ., прим. Я. М. Света. М., 1968, с. 24.

[177] Си-ю-цзи, или описание путешествий на Запад / Пер. с кит. и прим. архимандрита Палладия // Труды членов русской духовной миссии в Пекине. СПб., 1886. Т. IV, с. 307, 308, 336.

[178] Армянские источники о монголах: Извлечение из рукописей XIII–XIV вв. / Пер., пред., прим. А. Г. Галстяна. М., 1962, с. 7, 48.

[179] История Мар Ябаллахи Ш и Раббан Саумы. М., 1958.

[180] *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в Восточные страны, с. 24, 51.

[181] После Марко Поло, с. 22–23.

[182] Подробно см.: *Бернштам А. Н.* Памятники старины Алма-Атинской области // Изв. АН КазССР. Сер. археол. 1948. Вып. 1, с. 79–91; *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг.,Соч. Т. IV, с. 77–87, *Маргулан А. Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950, с. 55–62; *Байпаков К. М.* О локализации городов северо-восточного Семиречья. // Вестник АН КазССР. 1968. № 7, с. 21–25.

[183] *Гандзакеци Киракос.* История Армении, с. 222–224.

[184] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия, с. 573–584.

[185] После Марко Поло, с. 74–85.

[186] *Лубо-Лесниченко Е. И.* Великий Шелковый путь, с. 371–373.

[187] *Бадян В. В., Чиперис А. М.* Торговля Каффы в XIII–XIV вв. // Феодальная Таврика. Киев, 1974, с. 184.

[188] *Греков Б. Д., Якубовский Ю. А.* Золотая Орда. М., 1937, с. 157.

[189] После Марко Поло, с. 122.

[190] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI вв., с. 41–89.

[191] *Байпаков К. М.* Периодизация городской и оседлой сельской жизни в Илийской долине // Бартольдовские чтения. Год 4-й. М., 1978, с. 8–10.

[192] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI вв., с. 136–137.

[193] *Старокадомская М. К.* Солхат и Каффа в XIII–XV вв. // Феодальная Таврика. Киев, 1974, с. 168–169.

[194] *Бартольд В. В.* Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XIV в. // Соч. М., 1965. Т. Ш, с. 59.

[195] *Байпаков К. М., Настич В. Н.* Клад серебряных вещей и монет из Отрара, с. 29–30.

[196] *Смирнов А. П.* Волжские булгары. М., 1951, с. 120.

[197] Коллекция Гос. Эрмитажа. Сар-13.

[198] *Буряков Ю. Ф., Крамаровский М. Г.* Поясной набор XIII в. из Самарканда // СА, 1974. № 2, с. 258–263.

[199] *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1961, с. 162–163, рис. 193, 194.

[200] *Максимова А. Г.* Погребение воина XIV в. // Вестник АН КазССР. 1965. № 6, с. 85–91; *Массон М. Е.* К вопросу об изучении языческих курганных погребений // Там же. 1965, № 1, с. 82–83.

[201] *Маргулан А. Х.* Раскопки погребения воина XIV в. в долине р. Нуры // ТИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. 7, с. 248–261; *Массон М. Е.* Серебряные монеты XIV в. из погребений кочевников в бассейне р. Нуры // Там же, с. 261–265; *Кадырбаев М. К., Бурнашева Р. З.* Погребение кыпчака первой половины XIV в. из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата. 1970, с. 42–53.

[202]*Гафуров Б. Г.* Таджики, с. 458.

[203]*Давидович Е. А.* Денежное хозяйство Средней Азии в XIII веке. М., 1972.

[204]*Настич В. Н.* Новые факты из истории монетного производства и денежного обращения в Южном Казахстане // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983, с. 146.

[205]*Байпаков К. М., Настич В. Н.* Новые данные по истории Отрара X–XIII вв. // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1978. № 2, с. 49–50.

[206]*Бурнашева Р. З.* Клад чагатаидских монет второй половины XIII в. с городища Отрар // История материальной культуры Казахстана. Алма-Ата. 1980, с. 85, 90–92; *Она же.* Монетные находки с городища Отрар-тобе // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978, с. 163; *Настич В. Н.* Новые факты из истории монетного производства и денежного обращения в Южном Казахстане, с. 147–149.

[207]*Давидович Е. А.* Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в., с. 141–142.

[208]*Массон М. Е.* Исторический этюд по нумизматике Джагатаидов: по поводу таласского клада монет XIV в. // Труды САГУ. Археология Средней Азии. 1957. Вып. III, с. 50–63; *Настич В. Н.* К периодизации монетной чеканки Отрара и ее роли в денежном хозяйстве города и области // Ближний и Средний Восток: Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980, с. 168.

[209]*Кочнев Б. Д.* Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 3 (Караханиды, Масудбек, Чагатаиды, Тимуриды, Джаниды) // ИМКУз. 1981. Вып. 16, с. 83–85; *Настич В. Н.* Новые факты из истории монетного производства и денежного обращения в Южном Казахстане, с. 149–151.

[210] *Настич В. Н.* К периодизации монетной чеканки Отрара и ее роли..., с. 167–168.

[211] *Давидович Е. А.* О времени максимального развития товарно-денежных отношений в средневековой Средней Азии. (К постановке проблемы) //Народы Азии и Африки. М. 1965, № 6, с. 89–91.

Глава четвертая

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА. РЕЛИГИЯ. ИСКУССТВО

1. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КАЗАХСТАНА В XIII-XV ВВ.

Духовная культура этого периода характеризуется тесным взаимодействием на территории Дешт-и Кыпчака исконно тюркской, монгольской и исламской культурных традиций. Она бытовала и развивалась главным образом в формах фольклора, устной народной поэзии, письменной (рукописно-книжной) литературы и музыкально-поэтического искусства.

Фольклор. Основной частью духовной культуры большинства населения Золотой Орды было устное народное поэтическое творчество. Оно имело древние и глубокие традиции. Многие фольклорные сюжеты, возникшие в эпоху родового строя и Тюркского каганата, получили дальнейшее развитие уже в условиях феодального общества. Широко бытовали в народе мифы и сказки, легенды и предания, часть которых подвергалась обновлению и переделывалась, другая же часть либо входила в состав других жанров, либо функционировала в законсервированном виде. Наряду со старыми слагались новые эпические произведения о событиях, происходивших в это время в бескрайних степях Дешт-и Кыпчака, и о личностях, принимавших в них активное участие и сыгравших судьбоносную роль в дальнейшем существовании государства Чингизидов в целом, Джучидов – в особенности.

Древнейшими образцами фольклора того периода были разнообразные мифы космогонического, тотемистического, этиологического и эсхатологического характера. В них рассказывалось о возникновении Космоса и Земли из Хаоса, о происхождении Солнца, Луны и других небесных светил. Мифы повествовали также о том, как появились на свет первые люди и животные, каким образом возникли горы, озера, реки и другие природные объекты. Они объясняли, почему у зверей такой вид, такое поведение и повадки. В них излагалась и мифическая история рода и племени, возводящая их генеалогию к тем или иным животным, – к тотемным предкам. Все эти мифы выполняли своеобразную «познавательно-информативную» функцию и наивно, порой превратно, объясняли устройство мира, природные явления, человеческие поступки и повадки зверей. В то же время в связи с возрастанием влияния исламской монотеистической религии происходило разложение древней мифологии. При исламе прежние верования объявлялись ересью и подвергались преследованию, в результате чего многие архаические мифы не успели систематизироваться и войти в фольклорный цикл. Они стали разрушаться и превращаться в другие жанры, не теряя при этом полностью своей познавательной функ-

ции. Эти мифы не образовали стройной системы и философско-эстетической целостности, что было присуще мифологии древних рабовладельческих государств.

В рабовладельческих государствах, как известно, первобытные родовые мифы не только циклизировались, но и заново разрабатывались соответственно новому общественному строю. Происходила новая мифологизация, при которой циклизированные архаические мифы переосмыслялись и приспосабливались к новым, теперь государственным условиям, сформировавшим и утвердившим политеизм. Благодаря этому была создана стройная, цельная мифология, которая выполняла тогда не только познавательную, но и художественно-идеологическую функцию и играла такую же роль, как фольклор в жизни феодального общества, но не имела, как прежде, чисто прикладного или же этиологического характера[1].

Среди жанров фольклора наиболее распространены были обрядовые песни, сказки, героические сказания, пословицы и поговорки. Они выполняли социально-бытовую функцию. Обрядовые песни носили преимущественно утилитарно-прикладной характер и сопровождали всевозможные семейно-бытовые обряды, обычаи и игры, а также календарно-трудовые процессы. Большое значение придавалось обрядовым песням во время свадебных и похоронных ритуалов, поскольку рождение, женитьба и смерть каждого человека считались событиями большой важности и должны были сопровождаться особыми действами и песнями.

Сказки, в отличие от обрядовых песен, рассказывались в воспитательно-развлекательных целях, поэтому в народе большой популярностью пользовались сказки волшебно-героического и назидательного содержания («Құламерген-Жоямерген», «Жерден шыккан Желім батыр», «Желкілдек», «Ер Төстік», «Керкұла атты Кендебай», «Хан Шентей», «Еркем Айдар», «Аязби» и др.). В них нашли отражение многие мифологические представления и религиозные верования более древних обществ, а также элементы действительности сравнительно поздних эпох. Самые архаические сказки повествуют об аңшы-мергене (охотнике-богатыре), истребляющем различных чудовищ и очищающем землю от демонов и других злых сил. В процессе устного бытования в течение столетий сказки видоизменялись и впитывали реалии разных эпох. К таковым относятся сказки, в которых рассказывается о ханском государстве, об умных и мудрых людях ханства, о справедливых правителях и везирях («Аяз би»)[2].

Не менее широко бытовали среди населения общевосточные сказки и апологи нравоучительно-новеллистического характера. Если волшебно-героические сюжеты были в основном исконно тюркские, то новеллистические и апологические имели большей частью индо-иранское и арабское происхождение («Панчатантра», «Хитопадеша», «Калила и Димна», «Тоты-нама», «Тысяча и одна ночь» и др.).

В этот период старые, в некоторой мере разрозненные сказания об Алпамысе, Кобланды, Саине, Козы Корпеше циклизировались и превратились в эпические повествования с многоходовыми фабулами и многочисленными героями. Первоначальный сюжет «Алпамыса», возникший в VI—VIII вв. на Алтае, к XIII в. прошел фольклорную циклизацию и из мифологического превратился в героический эпос о батыре, защищающем честь не только своей семьи, как это происходит в алтайском «Алып-Манаше», а всего племени коныpат.

Архаические основы эпоса о Кобланды-батыре также возникли в VIII–IX вв., в огузско-кыпчакскую эпоху, а в XIII–XIV вв. старый сюжет претерпел историческую циклизацию и, пополнившись многими эпизодами, стал эпическим произведением о совместных действиях кыпчаков и кыятов, которые до Золотой Орды входили в состав огузов, против кзылбашей и калмыков. В процессе расширения и обновления в старый сюжет проникли имена исторических лиц времени Золотой Орды: Алшагир, Казан, Караман, Айбак и др.

Подобным же образом оформлен эпос «Ер Сайын». Древний сюжет разработан в духе эпической традиции XIII–XIV вв., и в него включен Сайын, отождествляемый иногда в источниках с Бату[3]. Однако эпический Сайын далек от исторического, а его эпическая биография описана наполовину в мифологическо-сказочном плане. Эпос «Ер Сайын», несмотря на самостоятельно развивающуюся фабулу, выглядит как часть эпоса о Кобланды батыре. Чудесно родившегося и растущего Сайына в поход ведет Кобланды, который выступает здесь как старший и известнейший батыр. По существу, в эпосе описан только один поход Сайына на калмыков, и этот поход возглавляет Кобланды, который затем, после гадания на лопатке, отказывается вступить в бой и уговаривает Сайына не воевать, но тот не слушается. Сайын воюет один и погибает, а его жена Аю-Бикеш находит мертвого батыра и чудесным образом воскрешает его.

В XIV–XV вв. особенно расцветает историко-героический эпос ногайлинского цикла («Ер Тарғын», «Ер Едіге», «Қарасай-Қазы», «Орақ-Мамай», «Ер Көкше», «Ер Қосай» и др.), дошедшего до нашего времени как в виде отдельных жыров, так и в эпическом цикле «Қырымнын қырық батыры» («Сорок богатырей Крыма). Этот цикл включает в себя большое количество эпизодов героических спевов, в которых действуют и реальные деятели Золотой Орды, и вымышленные персонажи. Благодаря различным формам фольклорной циклизации (сюжетной, биографической, генеалогической, исторической и географической) эпос превратился в устную народную эпопею, охватывающую события нескольких веков и рассказывающую о деяниях нескольких правителей-батыров, участвовавших в какой-либо форме в политической жизни Золотой Орды, Ногайской Орды и Казахского ханства.

Эпопея начинается с повествования о батыре Аншыбае – эпическом предке всех ногайлинских богатырей. Затем поочередно повествуется о его потомках: Парпарие, Куттыкие, Едыге, Нурадыне, Мусахане, Ораке, Мамае, Карасае, Казы. Конечно, эпическая традиция не может точь-в-точь воспроизвести исторические события, описать в точности конкретные деяния реальных лиц, поэтому в эпосе имеются довольно значительные отклонения от исторических фактов и реальной биографии действующих лиц.

В эпопее «Қырымнын қырық батыры» произошло смещение событий и исторических лиц, в отдельных случаях довлеет художественно-фольклорная поэтика, что придает ей некоторую условность. Прежде всего, к ногаям отнесены не только реальные ногайские богатыри. Ногайцами являются все, начиная от Аншыбая и кончая батыром Кобланды: здесь Нарык батыр с сыном Шора, Ер Кокше и его сын Ер Косай. Вообще похоже, что время ногайлинского цикла – это время эпи-

ческое и поэтому многие события и деяния батыров перенесены в эпоху Ногайской Орды, а сами батыры, будь они конратцами или таминцами, названы ногайцами.

Центральным в ногайлинском цикле произведением является эпос об Едыге, знаменитом эмире Золотой Орды, который в 1396—1412 гг. был фактическим правителем. Эпические сказания о нем сложились в Ногайской Орде, вероятно, еще при его жизни. Этому в большой степени способствовали его личные качества и высокий авторитет как полководца и правителя, сумевшего на какое-то время восстановить политическое единство Золотой Орды и установить порядок в стране, что не удавалось ни Мамаю, ни Тохтамышу. В народном сознании он воспринимался как поборник независимости своего государства и его защитник от набегов завоевателей. Едыге стал идеализироваться, о нем слагались различные предания и легенды. Так была создана его сильно мифологизированная эпическая биография, по которой Едыге рождается чудесным образом от брака святого Баба Тукти Шашты Азиза с дочерью Пери, которая жила под водой и исчезла, когда ее муж нарушил ее три важных запрета, а ребенка оставила в безлюдном месте, отчего отец дал сыну имя Едыге. Рождение героя в необычайных обстоятельствах как бы подчеркивало его исключительность и особое предназначение.

Тем не менее, следует отметить, что эпос об Едыге отражает в своеобразной форме основные моменты борьбы между ним и Тохтамышем: бегство Едыге от Тохтамыша к Тимуру, его поход вместе с Тимуром против Тохтамыша, гибель Тохтамыша и месть его сыновей. Мотивировка же вражды между Тохтамышем и Едыге, обстоятельства их гибели изложены в эпосе в духе фольклорной поэтики и эстетики: защита и идеализация невинно гонимых. Это проявляется в жыре в форме мотива необоснованной подозрительности со стороны хана по отношению к Едыге, приведшей последнего к вынужденному бегству. В некоторых же вариантах эпоса Едыге выставляется как незаслуженно обездоленный человек: он с малолетства остается сиротой, проводит свое детство в бедности, занимается пастушеством. А это типичное для фольклора возвышение «низкого» человека. В то же время «низкое» положение будущего богатыря как бы подчеркивало его близость к народу, показывало его выходцем из низов.

Конечно, в возникновении таких эпических сюжетов и идеальных образов велика роль дружинных певцов — первых создателей песен о событиях, очевидцами или участниками которых они являлись. Их имена забывались при объединении отдельных песен в большой эпос и их исполнении сказителями-жыршы, которые в последующем выделились из среды дружинных певцов и стали профессиональными исполнителями богатырских и романических эпосов.

Устная индивидуальная поэзия. В культурной жизни Дешт-и Кыпчака XIII—XV вв., наряду с коллективным и анонимным устным народным творчеством, существовало и развивалось индивидуальное искусство слова, которое проявлялось и функционировало весьма своеобразно: импровизационное сочинение, устное исполнение и устная передача. Для него были характерны авторство, относительная устойчивость текста, конкретность его содержания, наличие адресата, а также личностное начало, попытка выразить свое «я».

Самые ранние, дошедшие до нас образцы авторской поэзии, датируются

XIII–XV веками. Это фрагменты песен акынов Кетбуга (XIII в., именуемого в источниках Улы жыршы – Великий певец), Котана (XIV в.) и Сыпыра-жырау (XIV–XV вв.). Сведения об их биографии и творчестве крайне скудны и весьма легендарны. Тексты по содержанию и жанру разные и свидетельствуют о том, что в ту эпоху в художественном творчестве золотоордынского общества преобладали акыны и жырау.

Наиболее древний из этих типов творцов – акыны, прошедшие путь от өленші (песенника) в семье и дружинного певца в роду до общепризнанного мастера импровизации как на семейно-бытовые, так и на общественно значимые темы. Они заслуживали звания акына лишь после участия в нескольких айтысах (поэтических состязаниях) и победы над одним из именитых акынов. В то время акыны участвовали и в военных походах, и в общественных делах, а также как знатоки обычаев и традиций руководили и сами совершали различные обряды, связанные с важными этапами жизни человека, слагали песни о важных событиях и вехах в истории народа, о знаменитых людях и т.д. Среди таких импровизаций бывали и хвалебные посвящения, и воинские призывы, и похоронные причитания, и личные размышления и т.п.

Одна из таких песен-извещений (естірту) принадлежит акыну Кетбуге, жившему во времена Чингиз-хана. Текст песни в отрывках записан в XIII в. арабским историком Ибн аль-Асиром[4]. Она дана в форме поэтического диалога между великим певцом Кетбуга и великим правителем Чингиз-ханом. Кетбуга, как положено было по обычаю, в иносказательной форме сообщает Чингиз-хану о гибели его старшего сына Джучи:

Море загрязнилось от истоков,
Кто же очистит, о хан мой?!
Тополь рухнул с корнями,
Кто же поднимет, о хан мой?!

На это Чингиз отвечает:

Если море загрязнилось от истоков,
Очистит его сын мой Джучи ведь!
Если тополь рухнул с корнями,
Поднимет его сын мой Джучи ведь!
Из глаз твоих текут слезы,
На душе у тебя не печаль ли?
Песня твоя заставляет плакать душу,
Джучи не мертв ли?

Тогда Кетбуга поет:

Я не волен говорить,
Ты сам сказал, о хан мой!
Твое веление – тебе ответ,
Что задумал, о хан мой!

И Чингиз-хан заключает:

Словно кулан, потерявший жеребенка,
Я лишился своего жеребенка!
Словно разлученные лебеди,
Я лишился моего храброго сына.

В этих строках обнаруживается высокая поэтичность. Трагедийное событие излагается не прямым текстом, а метафорами и символами. И погибший герой изображается образно, называется «тополем», «жеребенком», «лебедем». Состояние же человека, потерявшего сына, схвачено точно и описывается с помощью психологического параллелизма, метафор, эпитетов и сравнений. Здесь присутствуют художественные образы и автора, и безвременно погибшего героя, и отца, безутешно горюющего. Налицо также элементы лирического психологизма. Все это характеризует приведенный текст как произведение индивидуального творчества.

Примечательно, что эта песня без больших изменений и в более подробной форме и в наши дни бытует среди казахов Жезказганской области, которые свою генеалогию возводят именно к Кетбуге и считают его автором вышеизложенной песни[5]. Имя Кетбуги как признанного бия своего времени упоминает также прославленный жырау Доспамбет, живший в XV–XVI вв. («Кетбұғадай билерден кенес сұрар күн кайда?» — «Где же те дни, когда просили совета у биев, подобных Кетбуге?»).

Одним из известных акынов Дешт-и Кыпчака был Котан, который, согласно генеалогическим преданиям, является родоначальником племени аргын, а по другим источникам Котан (варианты: Кодан, Кодян, Котян) — один из половецко-кыпчакских ханов[6] (кстати, одного из предводителей мадьяров, возглавлявших их миграцию в Венгрию, также звали Котян[7]). О том, что Котан был выдающимся поэтом, говорит знаменитый акын Жанак, живший в XIX веке:

В древности жил праотец Аргын одаренный,
Он был человеком особым,
Прародителем Аргына был акын Котан,
Кто в поэзии был намного даровитее нас[8].

Из творчества Котана сохранилось несколько строк, представляющих собою отрывок его песни-плача по поводу гибели сына Акжола (вариант Дайыркожа) от рук каракыпчакского батыра Кобланды:

С каракыпчаком Кобланды
Зачем ты связался, мой жеребеночек?
Когда мне перевалило за восемьдесят
И скоро будет девяносто,
Оборвался мой спинной мозг,
Что я не в силах встать.
[Когда] блуждающих сынов ногайских
Мы на верный путь вывели,
Мой текущий ручей, мой светоч яркий,
Ты погас в один день!
Ну зачем же с каракыпчаком Кобланды
Ты связался, мой жеребеночек?[9]

В песне выразительно передано состояние престарелого отца, который оплакивает сына и изливает свое горе, называет сына ласковым словом «жеребеночек» и выражает разные чувства, разом охватившие его: переживание и сожаление, упрек и жалость к себе.

Известно, что Акжол (он же — Дайыркожа) был при хане Абулхайре знатным бием, прозванным Акжолом за то, что решал все споры справедливо.

Умер он в 1456 году. Если учесть, что его отцу Котану в это время было под девяносто лет, то можно предположить, что акын Котан родился в 1370-х годах.

В XIII—XIV вв. творил один из известнейших певцов Дешт-и Кыпчака – Сыпыра-жырау Сургантайулы. «Народные предания сообщают, что Сыпыра-жырау жил очень долго, до глубокой старости. Он пережил нескольких ханов, царствовавших в степях Дешт-и Кыпчака, поэтому он хорошо знал все события, происшедшие в степи за 200 лет... Будучи уже глубоким старцем, он последний раз выступает в ставке Тохтамыша по его приглашению...»[10].

Устная литературная традиция донесла до наших дней несколько его толгау-монологов, адресованных тогдашним правителям Золотой Орды, которые в трудные минуты обращались к нему за советами. В этих толгау-монологах он давал характеристику самому правителю, его предкам и ближайшему окружению, оценивал ситуацию и предсказывал будущее, а затем давал советы. Известны его толгау, спетые им с целью примирения враждующих батыров с ханами, которые, оказавшись в затруднительных ситуациях, просят помощи у Сыпыра-жырау. Эти толгау свидетельствуют о том, что Сыпыра-жырау выступал в основном как вещий певец и миротворец. Классическим образцом его толгау является песенное обращение к хану Тохтамышу, запечатленное в эпосе об Едыге. В нем Сыпыра-жырау сперва представляет себя и говорит, что он видел и знал восемь предков Тохтамыша, в том числе и Чингиз-хана, дает каждому из них соответствующую характеристику. Затем он поет о том, что бегство Едыге от Тохтамыша не случайно и что Едыге может образовать с Тимуром союз и прийти с войной обратно. При этом он красочно рисует картину разоренного улуса Тохтамыша и судьбы его полоненных дочерей и жен. Чтобы не допустить этого, Сыпыра-жырау советует Тохтамышу отправить посланника к Едыге и примириться с ним, а потом обманом убить его.

Толгау Сыпыра-жырау полон метких поэтических характеристик и образных выражений. Жырау ярко описывает местности, по которым должен проходить Едыге, дает сочные определения действующим лицам. Этот толгау, высказанный перед Тохтамышем, был последним в жизни Сыпыра-жырау и произнесен предположительно в 1390 г. Если полагаться на предания, что певцу в это время было 180 лет, то есть основание считать примерным годом рождения Сыпыра-жырау – 1210 год. Это значит, что он действительно мог видеть Чингиз-хана, о чем он сам говорит.

В культурной жизни Дешт-и Кыпчака XIV—XV вв. заметную роль играл выдающийся жырау Хасан Сабитулы, известный в народе и источниках под именем Асан Кайгы (Асан Скорбящий). Он родился предположительно в 1370-х годах на берегу Едиля в семье знатного сокольничьего и получил неплохое для того времени образование. Его знания и природный талант помогли ему стать популярным в обществе, и он, в конце концов, оказывается во дворце правителей. Как говорят источники, Асан уже в зрелые годы стал одним из самых приближенных и влиятельных сановников хана Улуг-Мухаммеда, с которым он не порывал связи и тогда, когда тот был свергнут и изгнан из Орды. Вместе с Улуг-Мухаммедом Асан жил некоторое время в Казани, являлся его советником и вернулся в Дешт-и Кыпчак после смерти своего покровителя Улуг-Мухаммеда, правившего Казанью. Вернувшись в Дешт-и

Кыпчак, он оказался в гуще событий политической борьбы между правителем Абулхайром и его противниками Жаныбеком и Гиреем, занял сторону оппозиционеров и был с ними до конца своих дней, сопровождая мятежных султанов, отделившихся от Орды и основавших Казахское государство.

Из поэтического наследия Асана Кайгы до нас дошло несколько его толгау-размышлений о жизни, о судьбе народа, об обществе и взаимоотношениях хана и народной массы. Широкую популярность имело поэтическое обращение Асана к хану Жаныбеку, в котором жырау поднимает проблемы общественного бытия и показывает себя выразителем интересов и чаяний народа. В этом толгау впервые в устной словесности того периода высказана оппозиционная мысль по отношению к правителю и его политике. Этим Асан Кайгы положил начало традиции, ставшей одной из главных черт поэзии жырау XVI–XVIII вв. Асан Кайгы открыто выразил свое отрицательное отношение к тому, что Жаныбек и Гирей отделились от Ногайской Орды. Жырау был за прочный союз казахов и ногайцев, за сохранение единства и дружелюбных отношений родственных племен. Асан ратовал за сохранение традиций эпического хана Орманбета[11], время правления которого считал «золотой эпохой» казахско-ногайской совместной жизни. Это нашло отражение в том, что Асан в своем толгау, осуждая перекочевку, которая к тому же была длительной и изнурительной, противопоставляет новую землю, куда они перекочевали, исконной родине, идеализирует прошлую жизнь на берегах Едиля и Жайыка, на Приаралье, приукрашивает родные места, озера и реки:

В родной степи было много зверья,
В озерах – играющих рыб,
А в зарослях наших лесов всегда
Мы пищу найти могли б...[12]

Оппозиционное отношение Асана к Жаныбеку послужило почвой для возникновения легенд об Асане, который, будучи недовольным недальновидными и непродуманными поступками хана, решает покинуть пределы ханства и искать «обетованную землю» Жеруюк. Так в казахской устной традиции зарождаются социально-утопические легенды мессианского характера, отчего Асан получает прозвище «кайгы» (скорбящий, печальный, горемычный).

Для поэзии Асана не характерен панегирический стиль, присущий творчеству жырау в целом, особенно в XVI–XVIII вв. В его поэтическом наследии большей частью звучат несогласие с ханом и тревога за будущее народа, за судьбу государства, хотя надо сказать, что Асан так же, как и другие жырау, назидает, советует и пророчествует:

Эй, Жаныбек, задумайся,
Не наступит ли безвременье?
Щука, что живет в воде,
Не заберется ли на макушку ели?[13]

Одним из ярких представителей устной индивидуальной поэзии XV в. был Казтуган-жырау Суюнишулы. Считается, что он родился в 30-х годах XV в. на территории современной Астраханской области и принадлежал к военной

аристократии. По неизвестной причине во второй половине XV в. он покинул родные края и переехал в Казахское ханство со всеми родами и племенами, которые были в его подчинении. Других, более точных, биографических сведений о нем нет. Из его литературного наследия до нас дошла очень малая часть, но и она вполне характеризует Казтугана как поэта-певца незаурядного дарования. Его поэзия резко выделяется своим содержанием и стилем. В ней нет дидактики, позирования и пророчества, но зато ощущается какой-то бунтарский дух, непокорность, наблюдается удивительное сочетание воинственной и лирической настроенности. Весьма оригинальна поэтическая самохарактеристика Казтугана-жырау, построенная полностью на художественных определениях и изложенная, в отличие от подобных приемов предшествующих авторов, от третьего лица.

В песнях Казтугана-жырау создан образ воина, решительного и категоричного, и образ человека, тонко чувствующего движения души, образ сына, любящего родителей и свою родину. Казтугану, видимо, несладко жилось на родине, которую пришлось покинуть. Он трогательно поет о родной земле, нежно прощается с нею, идеализирует ее, щедро используя для описания гиперболические приемы.

Таким образом, творчество Асана Сабитулы и Казтугана Суюнишулы показывает, что в культуре и в поэтической традиции XIII–XV вв. зародилось устное авторское творчество с характерным индивидуальным началом. Оно являлось детищем своего времени и было тесно связано с ним, разрабатывало темы, продиктованные эпохой. Путем творческого соединения прежней фольклорной поэтики с новой, зарождающейся, индивидуальная поэзия по-своему отобразила события в Дешт-и Кыпчаке этого периода, по-своему создала литературные образы исторических лиц и вымышленных персонажей. Главной для нее была идея сохранения единства народа Дешт-и Кыпчака и защиты его независимости.

Письменная литература. Эпоха Золотой Орды характеризовалась не только разрушениями, но также ростом городов, активизацией внешнеполитической и торговой деятельности, развитием письменности и литературы[14]. Происходило возрождение прежних культурных традиций и формирование новой культуры, единой для всех этнических групп Дешт-и Кыпчака, Средней Азии и Поволжья, включая Северный Кавказ. В этот период имело место официальное монгольско-кыпчакское двуязычие, но кыпчакский язык был более распространен[15]. Широкое применение имели также арабский и персидский языки. В Золотой Орде и мамлюкском Египте художественная литература создавалась преимущественно на кыпчакском языке.

Наиболее значительные литературные произведения писались в основном в придворной среде талантливыми поэтами, которые, как правило, находились на государственной службе или при правителях и нередко свои творения посвящали либо приносили им в дар.

Из общего количества созданных в тот период произведений можно выделить такие безымянные памятники, как «Кодекс Куманикус», «Огуз-наме», а также авторские творения «Мухаббат-наме» Хорезми, «Хосров и Ширин» Кутба, «Гюлистан би-т-тюрки» Сайфа Сараи, «Жусуп – Зылиха» Дурбека, «Киссас уль-анбия» Рабгузи и другие.

«Кодекс Куманикус» (XIV в.) – классический образец научно-учебной (и частично художественной) литературы периода господства кыпчаков (куманов) на огромной территории от Джунгарских ворот до Дуная. Это, как показывает его содержание и структура, – специальный словарь и в некоторой мере учебник кыпчакского языка, предназначенный для европейцев, приехавших в Орду с разными целями и знавших латынь, а также для кыпчаков (видимо, и для персов), желавших овладеть латынью. Словарь состоит из двух разделов, которые, как полагают тюркологи, написаны разными авторами в разных целях. Первый раздел, составленный, очевидно, итальянцами, представляет собой хорошо продуманный трехъязычный латинско-персидско-кыпчакский (куманский) словарь и охватывает 110 страниц рукописи. Слова даны в столбовом порядке:

Фрагмент рукописи Джамала Карши «Мульхакат ас-сурах» (начало XIV в.)

audio – mesnoem – eziturmen (есітермін)
audis – mesnoy – esitursen (есітерсін)
audit – mesnoet – esitur (есітер)...[16]

Далее на нескольких страницах даются разные формы слова «audio» («слышать»), и это говорит о том, что словарь составлен человеком, хорошо знавшим принципы лексикографии и преследовавшим сугубо практическую цель: помочь тем, кто, попадая в Дешт-и Кыпчак, испытывал языковые трудности. По мнению ученых, составитель первого раздела очень хорошо знал латынь, чего нельзя сказать относительно куманско-кыпчакского языка[17]

Второй раздел «Кодекса Куманикуса» состоит, главным образом, из фольклорных материалов: местных сказок, сказаний, пословиц, поговорок, загадок и переведенных на кыпчакский язык христианских проповедей и легенд о жизни девы Марии, Христа и его апостолов. Раздел занимает 161 страницу рукописи и составлен, вероятно, немцами с миссионерской целью. В этом разделе немалое количество слов дано в куманско-немецком переводе, а иные лексические единицы – в смешанном куманско-латинском виде. Приведенные в качестве примеров тексты, а также словарная лексика характеризуют не только язык того времени, но и художественную культуру Дешт-и Кыпчака. Многие загадки, пословицы и поговорки, афористические и метафорические выражения, не говоря уже о словах и словосочетаниях, сохранились в современном казахском языке и фольклоре.

В начале XIV в. появилась рукописная книга Насреддина Рабгузи «Кисса-и Рабгузи», больше известная в народе под названием «Кисса-сульанбия». Рукопись в течение веков неоднократно переписывалась и во многих списках разошлась в разные страны. Самый ранний список, относящийся к XV в., хранится в Британском музее. Он издан в Ташкенте в 1990-1991 годах[18]. Автор родился в Мавераннахре, в местности Рабати Огуз (отсюда и его псевдоним Рабгузи).

Книга посвящена описанию жизни и приключений пророков до Мухаммеда, жизнеописанию самого Мухаммеда и мусульманских халифов. В ней содержатся мифологические рассказы о сотворении мира, о всемирном потопе и начале новой жизни на Земле, различные легенды, сказки и апологи. Отдельные сказания восходят к историческим хроникам раннего средневековья, например, «Истории» ат-Табари.

По идейно-тематическому содержанию произведения, включенные в «Кисса-и Рабгузи», можно подразделить на три группы: а) повествования о возникновении мира, неба, земли, о происхождении человека, животных, демонов и других существ; б) сказания о пророках и халифах, жития святых, восточные притчи, народные легенды и сказки; в) хроника основных событий первых десяти лет хиджры, сведения о названиях годов, месяцев и дней, о знаменательных датах мусульманского календаря. Все это излагается с позиций ислама, но здесь явственно проступают народное мировосприятие и фольклорная идеализация героев. «Киссас уль-анбия» – не только популярное прозаическое переложение коранических сюжетов, проповедей и изречений. В книге немало дидактических рассказов и стихов, свидетельствующих о большом поэтическом даровании автора. Особенно показательны в этом отношении стихотворные строки любовного характера в хикаяте о Жусупе и Зылихе. Сюжеты же коранических сказаний и легенд изложены увлекательно, понят-

ным простым людям языком. Они носят не только религиозный, но и познавательный характер, в них много бытовых реалий и примет времени. В книге содержатся также сведения об обычаях не только тюркских, но и других народов, о которых рассказывается в повествованиях.

Одно из значительных произведений эпохи Золотой Орды – дастан «Хосров и Ширин», автором которого является поэт Кутб, кыпчак по происхождению, подробных сведений о жизни которого нет. Известно лишь, что он в 1330–1340 гг. жил в г. Сыгнаке – столице Ак-Орды и там написал свой дастан, посвятив его правителю Тыныбеку и его жене Малике-хатун. Вероятно, оригинал своего произведения автор подарил повелителю, поскольку сам обратился к нему с просьбой принять его на службу, и тот исполнил желание Кутба. Однако Тыныбек правил страной недолго, по одним данным с 1337 по 1340 гг., а по другим – с марта 1342 г. до начала 1343 г. В результате дворцового переворота Тыныбек был убит своим братом Жаныбеком, а как сложилась судьба Кутба – неизвестно[19]

Общепринято считать, что Кутб завершил свой дастан в 1341–1342 годах. Рукопись, по всей видимости, имела несколько списков. Один из них был увезен кыпчакским поэтом Берке Факихом (Берке ибн Беракез ибн Едгу Кыпчаки) в Египет, где он в 1383 г. по просьбе своего родственника Кутлыкожа переписал дастан, рукопись которого ныне хранится в Парижской национальной библиотеке под номером 312. Каким образом она попала в Париж, остается загадкой. Вполне возможно, что рукопись, находившаяся в Алеппо (Александрии), могла быть увезена во время наполеоновских экспедиций в Северную Африку. Именно эта рукопись и введена учеными в научный оборот в XX в. и изучается поныне.

Дастан Кутба «Хосров и Ширин» написан в духе назиры по мотивам одноименной поэмы Низами. Кутб сохранил всю фабулу поэмы Низами, оставил без изменения основные эпизоды и главных действующих лиц. Как Низами, он тоже разрабатывает в своем дастане две темы: беспредельной чистой любви и идеального правителя. Обе темы опираются на идею о том, что всепоглощающая любовь – основной ключ к совершенствованию человека и общества, что любовь не только очищающее и облагораживающее, но и преобразующее человека чувство.

Идея справедливого правителя и идеального (благодетельного) общества издавна выдвигалась в народных утопических сказаниях и в научных трактатах ибн Сины, аль-Фараби и других мыслителей. Художественное воплощение она находила у Фирдоуси, Кул-Гали, Низами. Непосредственным же источником для Кутба была поэма Баласагуни «Кутадгу билик», и у них концепция идеального правителя и справедливого общества перекликается. По мнению Кутба и Баласагуни, народом должен править мудрый и справедливый человек, который обязан заботиться прежде всего о благе народа, вести жесткий контроль над своими приближенными, сановниками и чиновниками и безжалостно наказывать их за злоупотребления. Если властелин не будет таким, его ждет проклятие народа (иль-каргышы).

Кутб не во всем следует Низами в поэтической разработке сюжета. В отличие от него Кутб сжато дает диалоги героев, а также заменяет иранские реалии тюркскими: показывает жизнь и быт не сасанидских правителей, а ханов Золотой Орды, описывает пейзажи Дешт-и Кыпчака. И образы своих героев, в особенности женские персонажи, Кутб рисует в соответствии с

тюркским пониманием роли женщины в жизни, с реальным общественным положением женщины в эпоху Золотой Орды.

Замечательным образцом художественной литературы XIV в. является лирическая поэма «Мухаббат-наме» («Любовные послания») Хорезми-Равани. Сведения об авторе и истории создания поэмы имеются в самом произведении. В нем сообщается о том, что Хорезми много путешествовал, бывал в Руме (Византия) и Шаме (Сирия) и, живя в Белой Орде, завершил «Мухаббат-наме» на берегу Сырдарьи в 754 г. (хиджры – С. К.), т.е. в 1353–1354 гг. Как пишет сам автор, поэма написана по просьбе конратского бека Мухамедкожа, который приходился родственником хану Жаныбеку, который занял престол, совершив переворот в 1342 г. и убив брата Тыныбека. Он правил страной в 1342–1357 гг.

Рукописи Хорезми, дошедшие до наших времен, являются копиями. Исследователи до недавнего времени считали, что сохранились два списка «Мухаббат-наме»: один на арабском шрифте, а другой – на уйгурском, и оба хранятся в Британском музее (A 7914; OK 8193)[20].

Однако в обобщающем труде турецких ученых сообщается, что имеются еще две копии «Мухаббат-наме», которые находятся в библиотеке в Стамбуле[21]

«Мухаббат-наме» – новое по форме и содержанию произведение в тюркской средневековой литературе. Поэма написана в форме посланий страстно любящего юноши к своей возлюбленной. Она включает несколько частей: обращение к всевышнему, восхваление бека Мухамедкожа, заказавшего поэму, любовные стихи-послания, повторное обращение к богу с просьбой о прошении, самохарактеристика и рассказ о себе. Между любовными посланиями и отдельными частями даются авторские обращения к слушающим и виночерпию. Содержание поэмы чисто любовное. Лирический герой посылает 11 поэтических писем, в которых красочно описывает свою любимую и изливает свои чувства к ней, рисует ее внешний облик и характеризует ее поведение.

Язык поэмы отвечает традициям поэтики и стиля восточной классической лирики, в которой герой восторженно говорит о той, кто заставляет его страдать. Это свидетельствует о том, что Хорезми хорошо знал творчество великих поэтов Востока и синтезировал в своем произведении арабо-персидскую и тюркскую поэтику.

Как показывают содержание, построение и язык поэмы, Хорезми был, очевидно, общепризнанным выдающимся поэтом, создавшим, вероятно, большое количество произведений, и в период, когда писал «Мухаббат-наме», находился в зените славы и вращался в аристократическом обществе Ак-Орды. Он, рассказывая об истории появления поэмы, воссоздал атмосферу «салонной» жизни дворца, где собиралась интеллектуальная публика, и с чашей вина люди вели беседу о поэзии и искусстве, поэты сочиняли и декламировали стихи с обращениями к далекой любимой и виночерпию как к спасителю его страждущей любви души.

Поэма «Мухаббат-наме» Хорезми явилась началом зарождения в духовной культуре Дешт-и Кыпчака новой литературы, воспевающей высокое чувство обычного человека.

Музыкальное искусство. Наряду с устным народным творчеством, индивидуальной поэзией и письменной литературой, в духовной жизни общества в XIII–XV вв. большую роль играла музыка: вокальная и инструментальная.

Широкое распространение имело песенное творчество, выполнявшее утилитарно-практическую и художественно-эстетическую функции. Оно было многообразно в жанровом и тематическом отношениях. Наиболее древними жанрами были трудовые и лирико-бытовые песни, в которых отражались скотоводческо-кочевой образ жизни и семейно-бытовой уклад людей Дешт-и Кыпчака. Большинство песен сопровождало трудовые процессы и семейно-бытовые ритуалы и обряды. Изготовление кошмы и войлока, ковра и ткани, выделка кожи и изготовление сбруи, доение и стрижка животных – все это делалось в сопровождении песни. В оседлых же зонах пелись песни о сеянии пшеницы, о колосьях, о жатве и зерне, и каждый этап ухода за урожаем имел свою песню. По характеру и типу деятельности людей различались песни табунщиков и пастухов, хлебопашцев и кузнецов.

Весьма массовыми были лирико-бытовые песни на семейные, житейские и любовные темы. Женитьба, рождение ребенка, его взросление, смерть – все имело специальные песни. Свадебные песни той бастар, жар-жар, бета-шар, похоронные причитания жоқтау, песни-утешения естірту, көніл айту и жұбату были одновременно частью быта и произведениями искусства.

Лирические песни разнообразны не только по тематике, но и по содержанию. «В них тонко передаются волнующие чувства любви, воспевается женская красота, отражаются страдания молодых людей. С глубокой поэтичностью, сквозь призму личных переживаний воспевается природа родного края. В лирических песнях отражаются и горестные размышления о безвозвратно ушедшей молодости, сожаления о гибели любимого коня или ловчей птицы»[22].

Большой популярностью в народе пользовалось музыкально-песенное исполнение больших эпических произведений. В XIII–XV вв. ногайлинский эпос героического характера и романические сказания любовного содержания исполнялись, в основном, профессиональными сказителями-жыршы. В то время пелись «Алпамыс батыр», «Қобыланды батыр», «Едіге» и другие эпические сказания. Ученые-музыковеды считают, что «для героического эпоса (батырлар жыры) были характерны песенно-речитативная и музыкально-завершенная инструментальная форма, а для лиро-эпического (тұрмыс-салт жырлары) – песенно-речитативная и музыкально-иллюстративная формы воплощения, при этом чаще в вокальном исполнении»[23].

Не меньше вокального искусства ценилась инструментальная музыка, называемая кюй (состояние, настроение). Они также разнообразны по тематике и содержанию. Были кюи-раздумья о быстротечности жизни и бренности мира, кюи о скакунах и ловчих птицах, кюи о покинутом родном крае и т.д. Создавались и исполнялись также кюи на исторические, богатырские и любовные темы. В народе до наших дней сохранились кюи «Ескендір» («Александр Македонский»), «Қамбар батыр», «Қобыланды батыр», «Шора батыр» и другие.

Из инструментальной музыки эпохи Золотой Орды до нас дошло несколько кюев-легенд (күй аныздар): «Жошы ханның жортуылы» («Поход хана Джучи»), «Ақсақ құлан» («Хромой кулан»), «Әмір Ақсақ» («Эмир Хромой»), «Ел айырылған» («Разъединение народа»), «Сағыныш» («Ностальгия»). Часть их – безымянна, а некоторые из них народная память приписывает Кетбуге («Ақсақ құлан»), Асану Сабитулы («Ел айырылған»), Казтугану Суюнишулы («Сағыныш»)[24]

Кюи-легенды – это инструментальные пьесы, сопровождаемые при ис-

полнении рассказами, поясняющими содержание кюйя. Они слагались преимущественно на исторические и важные общенародные темы и проблемы. Самая ранняя фиксация кюйев-легенд относится к XIV в. В «Codex Cumanicus» учеными обнаружена квадратная нотная запись, при расшифровке которой оказалось, что ее «начальный раздел (такты 1, 2, 3) ассоциируется с интонационным строем древнего кюйя «Аксак құлан» и с более поздней исторической песней «Елім-ай»[25]. Как известно, кюй-легенда «Аксақ құлан» связывается с именами Чингиз-хана и его сына Джучи. В нем музыкальным языком излагается история гибели Джучи во время охоты на куланов и показывается реакция Чингиза на эту трагедию. Смерть Джучи раньше отца – факт исторический, и это нашло отражение в кюйе-легенде.

Совпадение первых тактов музыки, записанной в XIV в., с началом известной песни «Елім-ай» может быть свидетельством того, что мелодия этой песни возникла еще в то время, как отзвук ухода народа с родных мест, а в XVIII в. при аналогичных ситуациях она использована по-новому, возможно, с другими словами. В эпоху больших исторических перемен, судьбоносных событий прежние песни, кюи, эпосы подвергались новым обработкам, циклизировались и перепевались наравне с вновь созданными произведениями. Каждый раз, когда народ и общество испытывали трудности, возникали новые произведения, разрабатывавшие, подобно обновленным старым творениям, актуальные проблемы времени. Таковыми были кюи-легенды «Ел айырылған» Асана Сабитулы и «Сағыныш» Казтугана Суюнишулы, в которых снова звучала идея единства народа, выраженная в «Елім-ай» в XIV в., и нашли отражение события откочевки казахов из Ногайской Орды в XV в. и народное понимание этих событий, приведших к образованию самостоятельного Казахского государства.

2. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ. ИСЛАМ В XIV–XV ВВ.

Изучение истории ислама, его распространения в Казахстане в рассматриваемый период затрудняется из-за крайне ограниченного круга письменных источников, в частности восточных нарративных сочинений, к которым относятся и рукописи агиографического содержания. Новые материалы по истории средневекового Казахстана, вводимые в научный оборот, приобретают особое значение. Такое значение имеет недавно изданное тюркоязычное историческое сочинение «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи (XVI в.), воссоздающее наряду с политической и социально-экономической историей Дешт-и Кыпчака XIV в. идеологию, культуру и быт средневекового Казахстана. Сочинение, основанное на устной традиции, «степной устной историографии», содержит ценные сведения по истории Золотой Орды и Казахстана и, в частности, материалы о распространении ислама на территории Казахстана[26]. Важное значение имеют сведения автора сочинения Утемиша-хаджи о времени распространения ислама на территории Золотой Орды. По свидетельству автора «Чингиз-наме», население Дешт-и Кыпчака было обращено в ислам во времена правления Берке-хана (652/1255–664/1266). «Когда вилайет Дешта подчинился Берке-хану – пишет он, – то большую часть неверных он обратил в ислам...». Берке-хан способствовал возведению мечетей и медресе. Он окружил себя теологами, учеными-богословами. Правда, как отмечает далее автор сочинения,

«после него [же] оно (племя – Р. М.) обратилось опять в [племя] отступников и стало неверным»[27]. Это свидетельствует о прерывистом, дискретном характере процесса исламизации кочевников Дешт-и Кыпчака. Новая волна приобщения кочевников к исламу наблюдается в первой половине XIV в. во времена Узбек-хана (712/1312–741/1340).

В рассказах, основанных на преданиях, нашла отражение борьба ислама с древними культами кочевников. В рассказе о принятии ислама Узбек-ханом отмечается, что одно только присутствие рядом с ним мусульманина обрекло на неудачу чудотворную силу приближенных ему языческих колдунов. Для подтверждения чудесной неуязвимости мусульманина одному из языческих колдунов и святому Баба-Тукласу (Баба-Тукты-Шашты-Азиз – Р. М.) было предложено войти в раскаленную печь (танур). Неверного колдуна пламя поглотило тотчас, а Баба-Туклас будто бы невредимым вышел из танура. Как увидели все это люди с ханом во главе, так вцепились тут же в подолы шейхов и «стали [все] мусульманами»[28].

Постепенно мусульманское вероучение становилось господствующим не только в среде кочевой элиты. По мнению современников, во второй половине XV в. население Могулистана являлось мусульманским. В распространении ислама в Могулистане активную роль сыграл Чагатаид Тоглук-Тимур, который вскоре после избрания его ханом в 1348 г. принял ислам. При Мухаммад-хане (1408–1416) мусульманами стало большинство могульских племен[29].

Согласно многочисленным археологическим материалам, под влиянием ислама происходила трансформация древних погребальных обрядов, постепенное вытеснение архаичных воззрений, связанных с потусторонним миром. Наряду с курганными насыпями стали появляться надмогильные сооружения из камней в виде мусульманских надгробий «сагана», возникали мусульманские некрополи с монументальными культовыми постройками. Предполагается, что традиционные захоронения были вытеснены исламом в XVI–XVII вв. Значительную роль играл ислам в идеологии городского населения.

Распространение ислама в Казахстане, в значительной степени, связано с суфизмом (мусульманским мистицизмом). Близость некоторых идей и элементов обрядности суфизма местным доисламским верованиям и культам позволила суфизму завоевать популярность у широких слоев населения.

Из значительных суфийских конгрегаций (братств, орденов), возникших на среднеазиатской почве, наиболее известными были три – йасавийа, кубравийа, накшбандийа. Широкая известность ордена йасавийа (султанийа), одного из ответвлений конгрегации накшбандийа, связана с именем знаменитого мистика Ходжа Ахмада аль-Йасави (XII в.) (далее – Ходжа Ахмад Ясави), считающегося основателем тюркской традиции мусульманского мистицизма. Ареал кубравийа достигал Закаспия. Одной из самых влиятельных являлась могущественная конгрегация ходжагон-накшбандийа, представителем которой был, например, Ходжа Исхак Вали (XVI в.), прославившийся миссионерской деятельностью среди казахов, киргизов и калмаков (джунгар). С белыми повязками поперек высоких черных папах (белый цвет – орденский цвет) дервиши ордена накшбандийа разъезжали по кочевьям казахов, киргизов, туркмен, проникая на Мангыстау, в бассейн Эмбы, Урала и Волги, в Кызылкумскую пустыню.

Котел из мавзолея Ахмада Ясави

О широком распространении и влиянии суфизма в Казахстане свидетельствуют петроглифы и орнаменты сакральных сооружений на Мангыстау, которые «одухотворены за счет синтеза суфизма (привнесенного шихами еще в средневековье из Туркестана и Северного Хорасана) и живого наследия шаманской культуры евразийского ареала»[30].

Несмотря на то, что название ордена связано с именем Бахааддина Накшбанди, известного в среднеазиатском суфизме как «имам тариката пир хакиката и образец, достойный подражания в знании шариата», троекратное паломничество к могиле которого стоило далекого путешествия к Каабе, традиция накшбанди не считает Бахааддина основателем ордена. Его историю, согласно некоторым источникам, связывают с Абу Йакубом Йусуфом аль-Хамадани (ум. 1140). Молчаливый (тайный) зикр был возведен в число основных положений учения накшбандийа Абдалхаликом ал-Гиждувани (ум. 1220)[31]. Характерная для этого учения практика оказалась близка местному населению, так как была созвучна местным домусульманским традициям. Муридов этого могущественного в свое время ордена можно было встретить по всему мусульманскому миру. Обширная дервишская корпорация оказывала значительное влияние на политическую жизнь Средней Азии и Казахстана в XV–XVI вв.

В рассматриваемый период наблюдался расцвет суфийских орденов и распространение такого явления, как культ святых (почитание могил святых — вали, аулийа, святых мест), который в раннем исламе рассматривался как ширк («многобожие», «язычество»).

Мусульманский культ святых, занимавший важное место в религиозной

жизни многих народов, сложился под влиянием архаичных идей, хранивших представления о многочисленных божествах, которые в исламе приобрели новое толкование в соответствии с духом новой религии. По свидетельству арабского путешественника Ибн Баттуты (XIV в.), культ святых в Центральной Азии, несмотря на отрицательное отношение к нему официальной теологии и сунны, по существу являлся реальной, конкретной формой, в которой проявлялось религиозное сознание народа. В данный период культ святых не считали противоречащим Корану и не воспринимали как ширк, что свидетельствует о глубоком проникновении его в систему ислама[32]

В XIV—XV вв. наряду с исламом в среде кочевого и оседлого населения Казахстана важную роль играли домусульманские воззрения и культы. Казахи наряду с исламом продолжали почитать верховное божество Тенгри (Тәңірі). Идея верховного божества Тенгри (Тәңірі) – Небо возникла в мировоззрении многих тюркских народов, в том числе и у предков казахов, задолго до внедрения в их среду ислама. Некоторые исследователи считают, что культ Тенгри был уже вполне оформившейся религиозной системой, что способствовало принятию привнесенной исламом идеи единого бога Аллаха[33].

Общественная и семейная жизнь, которая по-прежнему регулировалась установлениями обычного права (адат), прочно хранила реликты ранних форм религии – магии, культа природы и плодородия, почитания огня и очага, культа предков, демонологических представлений, шаманства и др.

У казахов, как и у других народов, практическая трудовая деятельность с глубокой древности была тесно связана с различными верованиями и обрядами.

Покровителем лошадей считался Камбар-ата или Жылкышы-ата, овец – Шопан-ата, верблюдов – Ойсыл-кара, крупного рогатого скота – Зенги-баба, коз – Сексек-ата[34]. Покровителем земледелия и земледельцев в южных земледельческих районах Казахстана почитался Дикан-баба. Дарителем всевозможных благ, изобилия, богатства, счастья считался пророк Кыдыр.

Важное место в сельскохозяйственной обрядности принадлежало Наурызу – Новому году – празднику пробуждения и воскресения природы, знаменовавшим начало сельскохозяйственных работ. Обычай празднования Нового года восходит к древнеиранской традиции (перс. Ноуруз), получившей широкое распространение у народов Передней и Средней Азии. У казахов известно несколько дат празднования Наурыза – 1 марта, 9 марта, 12—13 марта – Казыбек наурыз, который признавался всеми казахами.

Наиболее часто наступление Нового года связывали с днем весеннего равноденствия – 21—22 марта. Согласно преданиям, Наурыз – предок казахов, одинокий старец, в память о котором люди готовили жертвенную трапезу, неизменно состоявшую из 7 пищевых компонентов. Число «семь», с которым казахи связывали благополучие в течение всего года, имеет математическо-астрономическое объяснение, основанное на его взаимосвязи с фазами и циклами Луны (семь дней недели – половина лунной фазы). Образ Наурыза явно связан с традицией почитания предков. Кочевники- скотоводы в Наурыз обращались к духам предков, совершали им жертвоприношения, возжигали светильники на могилах умерших предков[35].

В комплексе обрядов, сопровождавших хозяйственную деятельность казахов, важное место занимал обычай жертвоприношения по случаю засухи – тасаттык. Обычай вызывания дождя восходит к древнему представлению тюр-

кских народов о «дождевом камне» – джеде, таш, яда, еде, суу-таш, жай-тас, бытовавших у среднеазиатских народов с раннего средневековья до конца XIX века[36].

В казахской народной традиции значительное место занимали представления о древних образах доисламского пантеона и пандемониума: аруахи, покровительствующие духи умерших предков; албасты/марту, которая в древности, очевидно, исполняла роль богини рождения, но исламом низведенная до злого демона; пери, наделенные противоречивыми чертами и в шаманской практике выступавшие в качестве духов-покровителей; дивы (диу), также игравшие важную роль в казахском шаманстве, и др.

Важную роль в религиозной жизни казахов играло шаманство. Шаманство принято считать ранней формой религии, возникшей на определенном этапе развития анимистического мировоззрения. Мировоззрение шаманства основано на вере в необходимость посредников между людьми и духами, населяющими окружающий их мир. Основной функцией казахского шамана (баксы) являлась целительная. За помощью к баксы обращались люди с нервными заболеваниями – «одержимые духами» («пері алған»), его приглашали в случае тяжелых родов, он присутствовал и на свадебных пиршествах, как прорицатель будущего молодых. Сила баксы зависела от того, какие духи подвластны ему, от их разнообразия и количества.

Сакральными атрибутами казахского шамана являлись: кобыз (струнно-смычковый инструмент), плеть (камча), домбра (струнно-щипковый инструмент). Камлание казахи часто называли «ойнау» («игрой»), «шақыру» («призывание»). Очевидно ислам сыграл большую роль в размывании в казахском шаманстве представлений о «верхнем мире» – обители духов, куда прежде шаман совершал свои восхождения. Реликты исчезнувших представлений о поездке шамана в иной мир на чудесном коне сохранились в преданиях и обрядах. Очевидно посох, которым пользовался казахский шаман, представлял собой модель космического дерева, дававшего ему возможность вступать в контакт с представителями других миров[37].

Реликты древних доисламских традиций играли значительную роль в жизни казахского общества. Так же, как и у многих других народов, у казахов с глубокой древности широко использовались амулеты (обереги) «тумар» в надежде оградить себя от всевозможных жизненных бед: сглаза, наговора и т. д. Важную роль в жизни казахов играли народные лекари – балгеры – сыныкшы (костоправы), тамыршы (лекари, определяющие болезни по пульсу) и многие другие.

Домусульманские религиозные традиции играли важную роль в семейном быту – обрядах и обычаях, связанных с жизненным циклом семьи (свадьбой, рождением, смертью). Свадебная обрядность у казахов на всех ее этапах сохраняла древние домусульманские черты. Важную роль в ней играла религиозно-магическая практика, тесно связанная с культом плодородия и культом предков и направленная на осуществление главного предназначения брака – продолжение рода[38]

По-прежнему наиболее сильно сохранялась связь с древним традиционным порядком обрядовых церемоний в поминально-погребальной обрядности. Похоронно-поминальная обрядность пронизана анимистическими воззрениями. Казахи считали, что существует три вида души. Один

из видов души – дух рухи жан – после смерти тела до года жил среди живых в «заместителях» умершего – тул. Душу умершего кормили, оплакивали. Через год устраивали прощальные обряды и провожали покойника в «мир мертвых». Смысл обрядов – кормление души умершего, обеспечение покойника всем необходимым в другом мире и, наконец, проводы его в иной мир. Через год установленную в юрте найзу (копье) переламывали, а обломок устанавливали на могиле умершего. По копью душа восходила на небо. Этот обряд связан с кругом представлений о древе жизни, «универсальной концепцией, которая в течение длительного времени определяла модель мира человеческих коллективов старого и нового света»[39].

В домусульманских традициях у казахов важную роль играл культ огня. Огонь считался домашним святилищем, покровителем жилища. Огонь в очаге большого (родительского) дома называли от ана – огонь-мать. Невеста, вступая в новую семью, должна, входя в юрту отца, принести в жертву огню ложку масла. Казахи верили в очистительную силу огня: оставляя зимовку, разжигали костры и прогоняли между ними скот и кочевой караван, чтобы злые духи не преследовали их на летовках. Возвращаясь на зимовку, также окуривали ее огнем и дымом. Огонь играл решающую роль и в целительных обрядах.

В семейном обрядовом цикле ярко выражены элементы фетишизма, анимизма и магии: 1) ведовство, вредоносные обряды, 2) знахарство, 3) эротические обряды, 4) погребальный культ, 5) семейно-родовой культ святынь и покровителей, 6) патриархальный семейно-родовой культ предков, 7) шаманство.

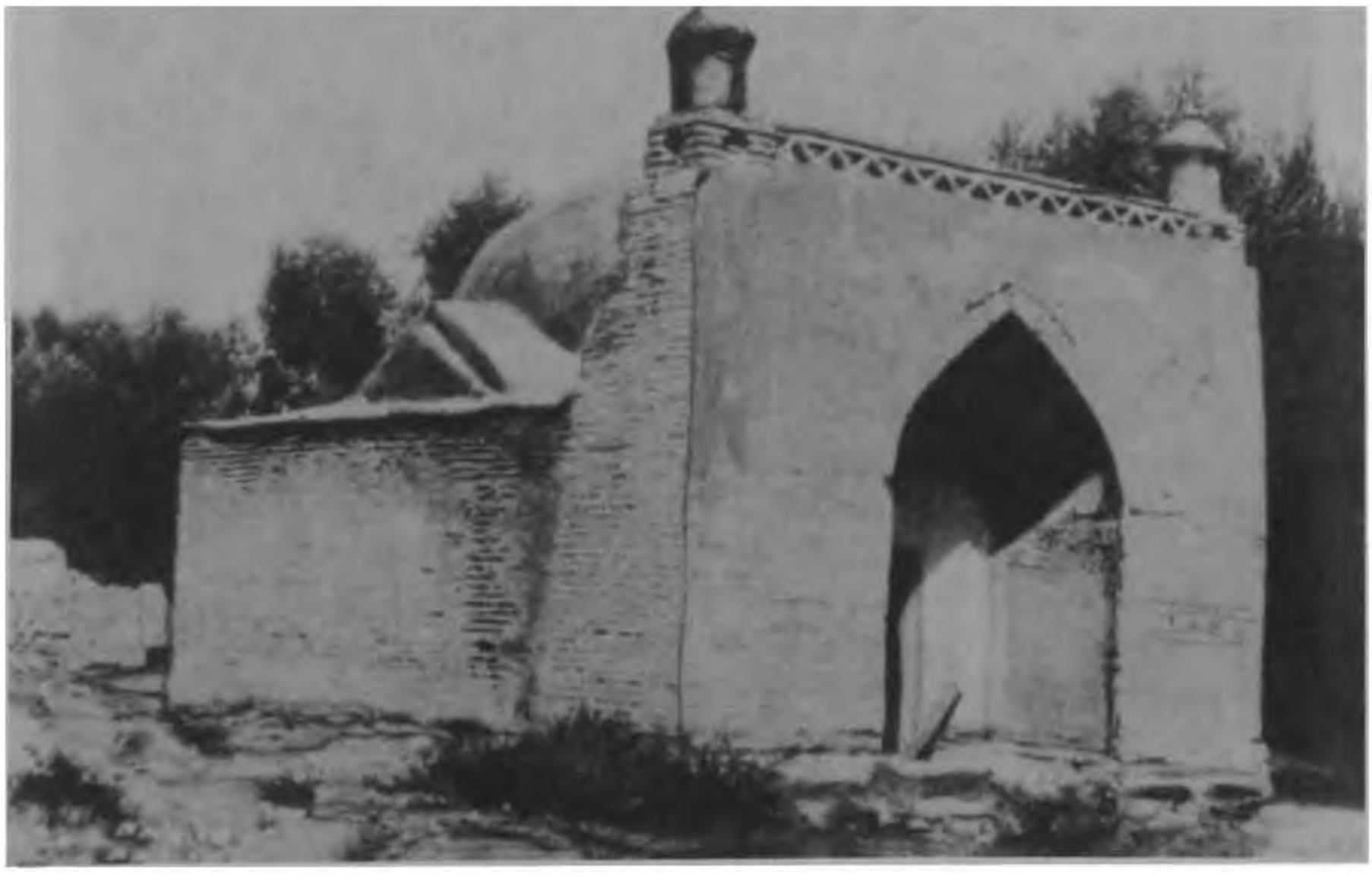
Наряду с исламом, шаманизмом в XIII–XIV вв. продолжали существовать буддизм и христианство. В Жетысу обнаружены надгробные камни, принадлежавшие жившим и похороненным здесь в XIII–XIV вв. тюркам-несторианам. На берегу Иссык-Куля имелся католический монастырь, активно велась пропаганда католицизма. В Алмалыке была выстроена церковь, где в 30-х годах XIV в. проповедовали епископ Ричард из Бургундии, монахи Франциск и Раймонд Руф из Александрии. Гонения на христиан произошли при Али Султане. В 1339 г. были убиты католические миссионеры и пострадали несториане[40].

В результате переплетения и взаимодействия древних доисламских и исламской традиций у казахов постепенно складывались весьма своеобразные синкретические религиозные формы, характеризовавшие реальную религиозную жизнь казахского общества. В этой связи представляется необходимым обратиться к очень важному аспекту идеологической жизни кочевников XIV–XV вв. – к мировоззренческому синкретизму, названному В. П. Юдиным чингизизмом. «Предания о происхождении Чингиз-хана, его рода, предков были... включены в мусульманские представления о происхождении человечества и тем самым в мусульманскую картину мира. История происхождения рода человеческого в мусульманских исторических сочинениях, начинаясь, как обычно, с сотворения человека и истории пророков, была дополнена циклом преданий об Огузе, генеалогиями тюрко-монгольских племен, генеалогией рода Чингиз-хана и дальнейшим развствлением родов, племен и народов кочевого мира»[41].

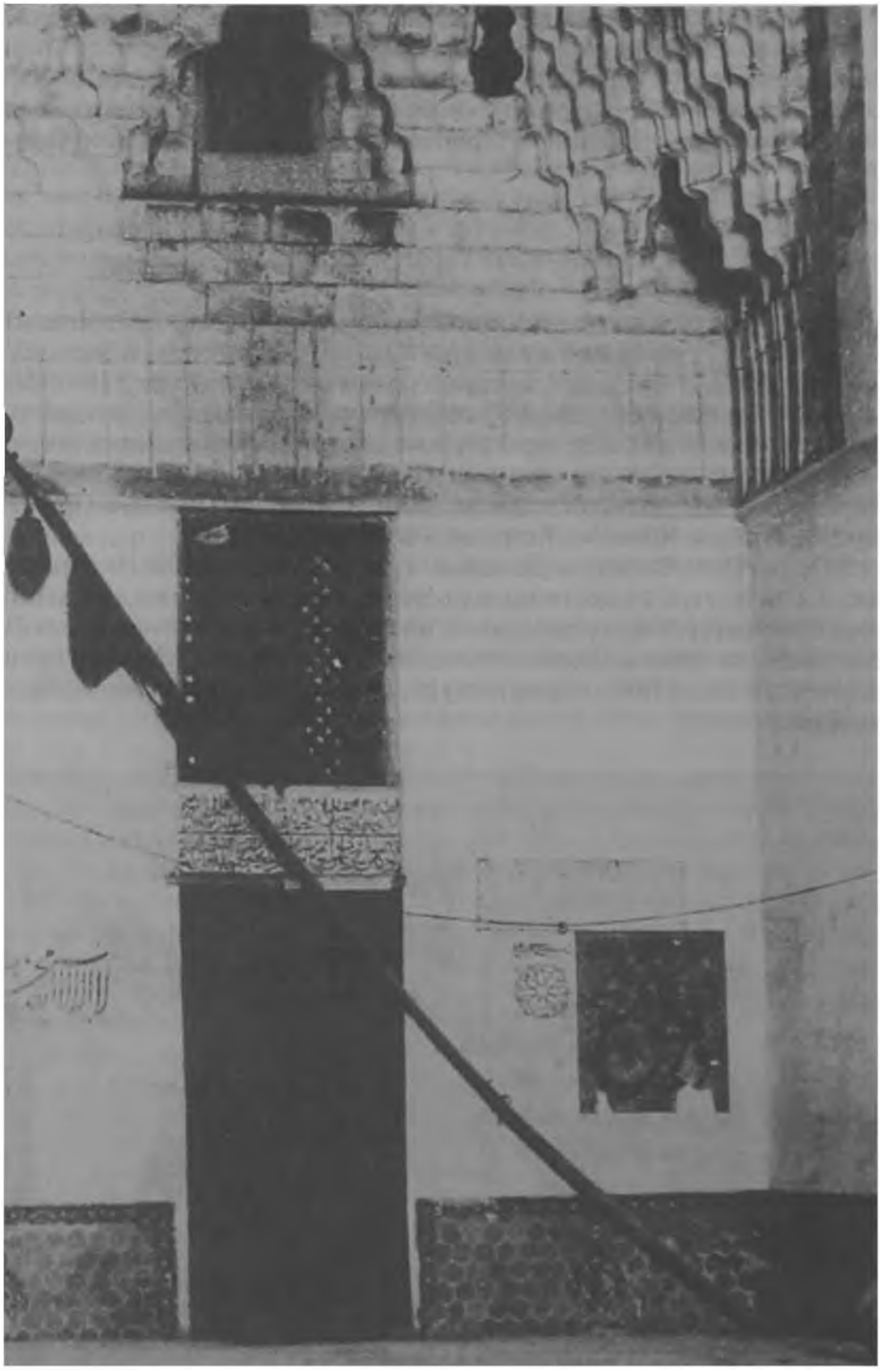
В результате взаимодействия шаманистских, зороастрийских, буддистских, мусульманских и других концепций и чингизидской доктрины в кочевом обществе сложилась новая идеология, овладевшая всеми слоями общества. Этот мировоззренческий и религиозный синкретизм характеризует своеобразие идеологической жизни на территории Казахстана в рассматриваемый период.

3.АРХИТЕКТУРА И ИСКУССТВО

Несмотря на опустошения, произведенные монголами, традиционные линии развития городской культуры Южного Казахстана и Жетысу не были прерваны. Инновации, которые появились в культуре XIII–XV вв., не означали разрыва в динамике развития культуры предшествующего периода. Такое явление было характерно и для других завоеванных монголами территорий с развитыми городами. Очень верно подметил разницу между синкретической культурой золотоордынских городов Нижнего Поволжья и городов Крыма, Хорезма, Волжской Булгарии, попавших под власть Золотой Орды, Г. А. Федоров-Давыдов. Там, где в отличие от Нижнего Поволжья, считает он, существовала древняя оседлая и городская традиция, города и в культурном, и социальном, и территориальном отношениях были продолжением домонгольских городов[42]. На юге Казахстана это прослеживается повсеместно и в архитектуре, в монументальном и прикладном искусстве.

Мавзолей Дауд-бека (XIV в.). Тараз

Мавзолей Ходжа Ахмада Ясави. Интерьер казанлыка

Высокого уровня достигает архитектура XIV–XV вв., которую исследователи называют одним из наиболее ярких явлений мирового зодчества. Ведущие мастера архитектуры являлись носителями и передатчиками опыта поколений, но никогда не замыкались в рамках лишь этого опыта, обогащая его находками первооткрытий[43]. В конце XIV – начале XV вв. строится мав-

Деревянная резная дверь из мавзолея Ходжа Ахмада Ясави

золей Ахмада Ясави. Комплекс Ахмада Ясави представляет собой огромное портально-купольное сооружение размерами 46,5х65,5 м. Здание имеет огромный портал с шириной пролета 50 м и арки пролетом в 18,2 м. Высота здания от пола до верхней точки купола центрального зала равна 37, 5 м. Сам купол имеет диаметр 18,2 м .

Внутрь мавзолея обычно попадали через главный центральный вход с навешенными дверями. Переступив порог, посетитель попадает в центральное, самое большое помещение комплекса, размер его 18,5х18,5 м. Две глубокие ниши у входа и в противоположной стене придают залу крестообразную форму. Купол изнутри покрыт сталактитами, сохранившими следы орнаментальных росписей. В центре зала стоит огромный в рост человека бронзовый казан, отчего зал называется казанлык. На нем имеется рельефная надпись, сохранившая имя мастера, который сделал казан – это Абд аль-Азиз, сын Сарвар ад-Дина из Тебриза, и время отливки – 25 июля 1399 г.

Вокруг центрального зала группируются 35 помещений различного назначения. Среди них «китап-хана», где, по преданию, располагались библиотека, малый Ак-сарай, где на полу лежало шесть надгробных плит, в том числе плита над могилой внука Абулхайра Кул Мухаммед Султана. Погребения были и в большом Ак-сарае. В западном углу комплекса находилось помещение малой мечети, куда попадали по коридору Джолбарс-хана, поскольку здесь находилась его могила. Комната, где находится погребение Ахмада Ясави, отделена забранной решеткой дверью. Надгробие над могилой сложено из гладких плит светло-зеленой яшмы. Снаружи мавзолей облицован поливными кирпичами и майоликой, образующими геометрический, растительный и эпиграфический орнамент. Изумительной красотой отличается облицовка северного портала[44]. «Тонкий политический расчет руководил при этом великим эмиром, – писал М. Е. Массон, один из исследователей мавзолея Ахмада Ясави, – польстить чувству кочевников вниманием к их национальной святыне, подчеркнуть духовное единство народов, исповедующих ислам, воздействовать на впечатлительного номада грандиозностью замысла, а его исполнением дать представление о мощи империи – вот те практические цели, которые имелись в виду при возведении на окраине государства в конце XIV столетия первоклассного памятника среднеазиатского зодчества».

Официальная история Тимура «Книга побед» связывает повествование о закладке здания с событиями 1397 г. В этот год Тимур женился на дочери могулистанского хана Хызр-Ходжа-хана – Таукель-ханым. В ожидании своей супруги Тимур в сентябре месяце поехал в город Ясы поклониться могиле Ходжи Ахмада. Тогда-то он, видимо, отдал приказ о начале строительства. Воля заказчика была закреплена указом, предусматривающим общий план и основные размеры сооружения: «Сорок одному гязу должен был быть равен диаметр главного купола.» Предусматривался высокий арочный портал с двумя минаретами. За ним большое купольное квадратное помещение со сторонами в тридцать гязов и с вылитым, как и дверные петли, из сплава семи металлов водоемом (хаузом) посредине. Дальше комната со сторонами в двенадцать гязов, под меньшим куполом которой выложенное мраморными плитами из Тебриза надгробие самого шейха. Справа и слева от усыпальницы два помещения (чарсуфы) для устройства собраний. Кроме того, предполагалось несколько других помещений, а также худжр для прибывающих на поклонение

Мавзолей Алаша-хана (XIV–XV вв.). Центральный Казахстан

памятнику. Купола и стены, как того требовали архитектурные вкусы эпохи, должны были быть одеты изразцами. Таковы были задания, осуществление которых было возложено на Мавляна Убайдулла Садра[45].

Известный ученый М. Е. Массон заметил: «У созданного могучего мавзолея по плану и по замыслу нет преемников в Средней Азии. Он уникален. Но в его вознесшейся мощной громаде за традиционными формами, выработанными искусством ислама, невольно чувствуются отголоски созвучных эпохе настроений, почерпнутых, быть может, интуицией из царственного стиля Персеполя эпохи сасанидов и архитектуры императорской Византии. Дворцы Ктесифона и Фурузабада нашли свое отражение в характерной форме плана в виде буквы П; грандиозный свод аудиенц-зала сасанидских царей (Тек-и Кесра) — прообраз величественного портала. Более четко влияние Византии, где существовавшая еще в сасанидской Персии идея воплошения в архитектуре «единства царя небесного и единовластия земного государя» расцвела и нашла пышное выражение в константинопольском храме Святой Софии. Зависимость этого мирового памятника, опередившего на много веков в значительной степени архитектуру не только прославленного Востока, но и мусульманской Турции, в мавзолее Ходжа Ахмада настолько ярко выражена, что его с полным основанием можно назвать мусульманской Айя-Софией»[46]

На территории туркестанского средневекового некрополя, в 60 м к юго-востоку от ханаки Ахмада Ясави находится мавзолей Рабиги Султан Бегим. Памятник дошел до нас в сильно руинированном состоянии, сейчас реставрирован. Мавзолей включает: центрально расположенный 8-гранный зал, два

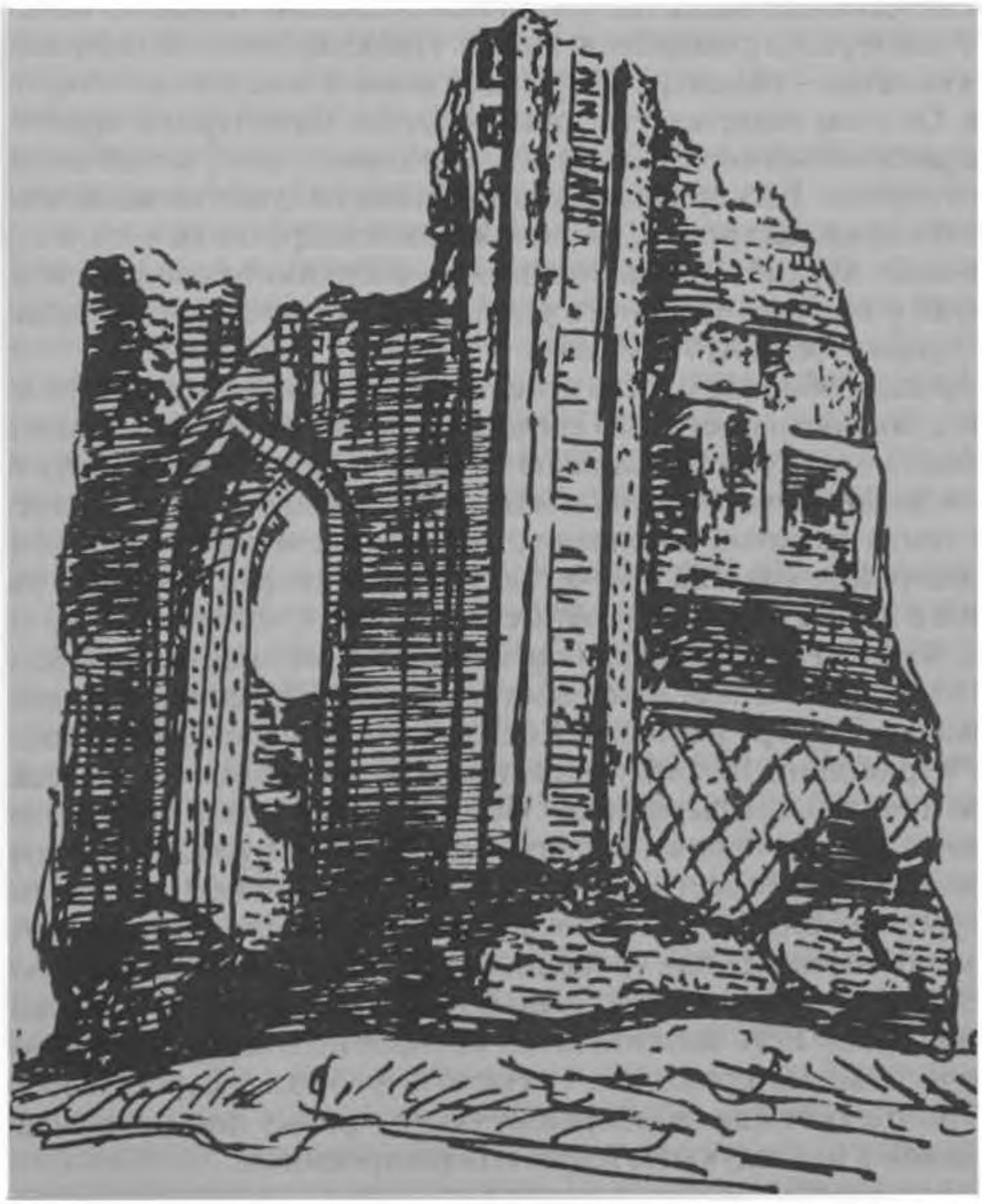
квадратных в плане и два прямоугольных, вытянутых в плане, помещения. Главный фасад здания решен в виде портала с глубокой входной нишей, перекрытой высокой стрельчатой аркой, обращенной в сторону ханаки Ахмада Ясави. Другие фасады решены в виде аркады с 5-ю нишами на каждом фасаде. Центральная часть здания перекрывалась куполом на высоком цилиндрическом барабане. Архитектурное изучение памятника позволило обнаружить близкую аналогию между куполами мавзолея Рабиги Султан Бегим и усыпальницы ханаки Ахмада Ясави (первый купол без ребер). Большое количество майоликовых и глазурованных плиток, найденных при археологическом обследовании мавзолея, позволяет предположить, что памятник сплошь покрывался полихромными облицовками. В юго-восточной стене мавзолея обнаружен вход в склеп. 8-гранный в плане склеп расположен в центральной части памятника. Низкий купол склепа опирается на 8 невысоких стрельчатых арок. На полу при вскрытии склепа обнаружено несколько деревянных, обтянутых кожей ящиков с костями, в том числе и детскими. Среди надгробных камней, перенесенных под своды ханаки Ахмада Ясави, находится камень Рабиги Султан Бегим со следующей эпитафией: «Это место успокоения благородной, прощенной (богом), помилованной, добродетельной Рабиги Султан Бегим, дочери умершего мученической смертью, могущественного, великого султана Улугбека Гурагана; сына могущественного эмира Тимура Гурагана. Да осветит бог все их могилы до дня суда. Случилось же это отбытие от жилища временного в обитель вечную в один из месяцев 890 года (т.е. 1485 г.) новолунной эры бегства избранного пророком — да будет с ним милосердие и мир»[47].

Из архитектурных построек XV в. известен ныне разрушившийся мавзолей Кок-Кесене в Сыгнаке. Это парадная купольно-шатровая усыпальница, возведенная в середине XIV в., хана Абулхайра. Мавзолей квадратный в плане, склеп находится под полом. Вход выделен стройным порталом со стрельчатой аркой. Главный объем его имел вид квадратной призмы, затем шли переходной восьмигранник, шестнадцатигранный барабан и конический купол-шатер. Снаружи мавзолей был облицован белыми, синими и голубыми кирпичами, образующими геометрический узор, и многоцветными мозаиками. Внутри под купол проходила арабская надпись. По мнению исследователей, композиция Кок-Кесене со стройными пропорциями и шатровым куполом восходит к традициям хорезмской архитектуры XIV в., самым блистательным образцом которой является мавзолей Тюрябек-Ханым в Куня-Ургенче[48]. К концу XIV в. относится перестройка мавзолея Арслан-Баб вблизи Отрара. К настоящему времени он полностью перестроен.

Благодаря археологическим раскопкам стали известны новые памятники монументальной архитектуры XIV—XV вв. Это соборная мечеть и баня. Мечеть находится в юго-восточной части «центрального бугра» городища Отрар. Сохранность ее плохая, однако общие принципы планировки и оформления ее понятны. Датируется постройка мечети концом XIV — началом XV в.[49]

Постройка размером 60x22 м длинной осью вытянута по линии восток — запад. Вход в центре северного фасада оформлен в виде выступающего за линию стены портала с прямоугольными в плане пилонами размером 2,7x1,35 м. Пролет между опорами портала около 6 м. Западный пилон сохранился на высоту до 1,7 м, восточный почти полностью разобран на кирпичи. На углах портала были поставлены цилиндрические по основа-

нию минареты диаметром 2 м. Внутри минаретов имелись винтовые лестницы, на которые попадали с внутренней стороны портала через входной проем шириной 1х1 м. Сохранились первые четыре ступеньки лестницы на западной стороне портала. Фронтальная композиция здания включает четыре сквозные галереи, образованные тридцатью столбами квадратного сечения (1,35х1,35 м), поставленными в три ряда. Проем между опорами перекрытия равнялся 3,7 м. На оси входа находились два зала. Опоры перекрытий практически полностью разобраны. Сохранился столб прямоугольного сечения размером 3,3х1,65 м на западной стороне первого от входа зала. Частично сохранились два передних столба главного зала с михрабной нишей. Можно полагать, что столбы имели сложное сечение. Задние опоры выглядят как квадратные пилоны по обеим сторонам михраба. В михрабной стене здания имеется дверной проем с высоким порогом, который открывался в сторону улицы и жилой застройки у крепостной стены города с южной стороны. Стены мечети толщиной 1,35 м, углы главного фасада оформлены в виде пилястр.

Мавзолей Кок-Кесене близ Сыгнака. XVв.

Участок под строительство мечети был тщательно снивелирован. Основания столбов заглублены на 15—20 см в сплошной котлован, заполненный ленточной пахсой, в которую добавлены угольки в качестве изолятора от почвенных солей. Общая толщина лессового фундамента 1,1 м. Это традиционный способ предотвращения осадки монументальных построек, широко применявшийся в средневековой архитектуре Средней Азии и Казахстана[58]. Несущие конструкции — стены, столбы, пилоны портала — сложены из жженого кирпича хорошего качества, квадратной формы со стороной 25—28 см, целого или половин. Кирпичи уложены строго регулярно — вперевязку — на ганчевом растворе. Кое-где на стенах сохранился тонкий первоначальный слой ганчевой штукатурки.

Интересным был архитектурный декор мечети, в котором, судя по находкам в жилых помещениях перекрывающего слоя, важную роль играли керамические облицовки: цветные глазурованные кирпичи и изразцы синего и голубого цветов, полихромные майолики в виде квадратных и прямоугольных плиток с орнаментальными и фантастическими зооморфными сюжетами в росписях. Основная масса глазурованной облицовки найдена в помещениях на месте зала и стены с михрабной нишей. Найдены фрагменты керамических решеток на окнах — панджара. Перед нами именно соборная мечеть, а не квартальная. Об этом свидетельствуют ее размеры, характерные строительные материалы (жженый кирпич, изразцы, майолики), присутствие минаретов и мощного портала. Есть признаки, указывающие на существование еще одной монументальной постройки, расположенной напротив мечети, к северу от нее. Признаки ансамблевой застройки юго-восточного района города свидетельствуют о ведущей роли этого участка в структуре общегородской застройки Отрара рубежа XIV—XV вв.

Отрарская соборная мечеть относится к постройкам столбно-купольного типа, хорошо известным в средневековой архитектуре Средней Азии. Столбовые конструкции сближают отрарскую мечеть с куйруктобинской, хотя последняя построена значительно раньше, в X в., и являет собой ранний этап в развитии типологии столбовых мечетей[51]. Можно полагать, что перестройка участка с мечетью в жилой квартал не была рядовым событием в жизни города. Духовные учреждения, «святые места» (мечети, медресе, мазары) веками сохраняли неприкосновенность имущества и доходов с него, жалованных вакфными грамотами. Известна, например, вакфная грамота Тимура мавзолею Ходжи Ахмада Ясави и некоторым мазарам в г. Туркестане. Последующие правители города подтверждали, как это было принято, вакфы мазара[52]. Несомненно, в жизни Отрара произошли какие-то важные перемены, связанные со сменой власти. Мечеть функционировала, скорее всего, недолго, поскольку никаких следов ремонта, нового уровня пола здесь не прослеживается. После городского пожара здание использовалось как временное укрытие, судя по остаткам кострищ и гумуса, а затем было перестроено под жилье, здесь сформировался городской квартал. Есть также мнение, которое подтверждается новыми археологическими материалами, что мечеть не была достроена до конца, и именно поэтому ее как незавершенную постройку постигла участь быть разобранной в последующее время и перестроенной.

В числе общественных построек, составлявших архитектурные доминанты городов XIII — первой половины XV вв., как и в предыдущее время, были

бани. Баня, датируемая последней четвертью XIII – началом XV вв., раскопана также на Отраре[53]. Она расположена в 200 м западнее южного въезда, на берегу водохранилища, на месте бани XI–XII вв. Сохранилась прежняя ориентировка бани углами по сторонам света, новая баня лишь сдвинута западнее, вход в нее находился с юга-восточной, а не с северо-западной, как ранее, стороны. Баня представляет собой прямоугольную постройку – с четко читаемой в плане фигурой креста. Удалось проследить два строительных периода. Первоначальные размеры бани по внешнему обводу стен составляли 13,5x16,5 м. Центральный зал в это время имел размеры 22 кв. м, все остальные, кроме помещения с цистернами для воды, имели площадь по 7,2 кв. м. Второй период характеризуется расширением бани. На два метра была отодвинута юго-восточная стена, а юго-западная – на 1,5 м. Общие размеры бани увеличились до 163,5 кв. м. (17x15,5 м). Баня имела 10 помещений. Среди них раздевалка (люнги-хана), центральный зал с двумя бенъюарами, служивший паровой и массажной. Из зала открывались входы в помещение для мытья – «иссык-хана» (горячие) и «саук-хана» (холодные).

Первоначально в Отрарской бане было два горячих помещения в западном углу и одно прохладное в восточном. В помещении для отдыха находился хауз в виде круглого до 2 м в диаметре резервуара. Пол его был выложен голубыми изразцами различного формата.

Водоснабжение бани осуществлялось при помощи водопровода, выведенного из водохранилища. Ряды труб уложены в подземной галерее. Водопровод подходил к помещению бани, где находились цистерны для холодной и горячей воды. В этом же помещении обнаружено 4 резервуара, которые имели вид длинной цистерны, разделенной на четыре отсека. Понять их назначение помогает сообщение ибн Сины, который, описывая влияние бани на организм, называет несколько употребляемых при купании растворов. Некоторые из них получались путем кипячения растений, серы, золы, другие названы им железными, солеными, кварцевыми и купоросными[54]. Сточные воды по желобам отводились в каналы и через них в каналы за пределы бани в поглощающие колодцы.

Отрарская баня отапливалась топкой, от которой отходил жаропровод, затем системой столбиков и направляющих стенок жар разделялся на потоки, обогревавшие полы всех помещений. Дым выводился через вертикальные дымоходы, проложенные в толще стен. Они служили одновременно регуляторами температуры. Стены бани были сложены из жженого квадратного кирпича, полы – из кирпича и плит размерами 40x40x10 см. В ряде помещений для выкладки полов использовались глазурованные кирпичи и плитки. Близки отрарской бане аналогичные сооружения XIII–XVI вв., изученные в городах Средней Азии, Поволжья, Кавказа и Крыма. Особенно много общего обнаруживается при сопоставлении ее с банями золотоордынского города Булгара (Поволжье), известных как «Белая и Красная Палаты»[55].

В строительстве монументальных сооружений по-прежнему широко используется сырцовый и жженый кирпич. Форма кирпича квадратная, с размерами сторон 24–28 см, реже до 40 см при толщине 4–6 см. Последний имеет исключительно высокие технологические свойства. Лабораторная проверка его свидетельствует, что он соответствует и даже в чем-то превосходит уровень современных нормативов прочности. То же самое относится к глазурям, которые широко использовались в изготовлении поливных плиток и кирпи-

чей, используемых в декоре зданий. Реже использовался камень, он применялся в фундаментах в качестве оснований колонн. При облицовке панелей зданий использовались мраморные плиты. В качестве скрепляющего раствора брали глину (лесс), ганч, реже известь. Дверные и оконные блоки, потолочные конструкции делали из дерева. Для колонн и балочных перекрытий брали карагач, арчу, тутовник; в резных и сборных деталях потолка, дверей, оконных и ограждающих решеток-панджара употребляли мягкие породы дерева – тополь, тал. Во внешних облицовках использовались выкладки из кирпичей синего, голубого, белого, зеленого и черного цветов. В отделке стен зданий использовались полихромные майолики на плитках. В интерьерах использовались росписи, рельефные орнаменты.

Высокий прогресс был достигнут в использовании таких конструкций, как арки, своды, купола. Наиболее интересные открытия были достигнуты в системах купольных перекрытий, основанных на разного рода парусах. Распространяются купола с двойной и даже с тройной оболочкой. Широко использовались колонные композиции, как это отмечено в Отрарской мечети и комплексе Арслан-Баб. Сохранились резные деревянные колонны из Арслан-Баба и Туркестана. Колонны из Арслан-Баба имеют длину около 3,5 м. Стволы круглые, венчались капителями квадратного сечения. Ниже их располагался восьмигранный пояс, украшенный геометрическим орнаментом – треугольниками, ромбами, восьмиугольными звездочками[56]. Искусство резьбы по дереву было традиционным видом искусства для сырдарьинского региона, о чем свидетельствуют резные балки перекрытия и потолка, а также доски резного фриза из раннесредневекового дворца городища Куйруктобе. Примером продолжения такого вида художественного искусства могут быть названы двери из мавзолея Ходжа Ахмада Ясави. Входная дверь украшена двухплановой резьбой и инкрустацией костяными пластинками. Дверь, ведущая в усыпальницу, также была покрыта резным геометрическим орнаментом в сочетании с костяной инкрустацией. Ажурная пара бронзовых петель на дверях украшена надчеканкой серебром и золотом. С их шарнира «глядят» три львиные головы. Дверная же коробка оббита железными пластинами с нанесенными на них надписями золотом. Петли двери, как явствует из надписей, были изготовлены мастером Изз-ад-дином Исфагани в 1394–95 гг.

Прекрасными произведениями мастеров, выполненными с высочайшим художественным вкусом, являются: казан с десятью массивными петлями и 30 выпуклыми шишками, орнаментальным поясом; подсвечники, люстра, которые украшали интерьер мавзолея[57]. Они демонстрируют высочайший уровень искусства.

[1] *Каскабасов С. А.* Казахская несказочная проза. А.-А., 1990.

[2] Сюжет сказаний об Аязе С. П. Толстов связывает с историей крепости Аязкала//*Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л., 1948, с. 22.

[3] *Валиханов Ч. Ч.* Извлечения из «Джами-ат-таварих //Собр. соч. В 5-ти томах. А-А., 1961, т. 1, с. 144; *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985, с. 98.

[4] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. В 2-х т. М.-Л., 1941, т. 2, с. 202-204, 263-264. (Перевод подстрочный – С. К.).

[5] *Мәшһүр Жүсіп Көпейұлы.* Казак шежіресі. А., 1993. 14-б; Шакарим Құдайбердыұлы. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. А-А., 1990, с. 45-46, 78; *Маргулан А. О.* О носителях древней поэтической культуры казахского народа. – В кн.: *Ауэзов М. О.* Сб. статей в честь его 60-летия. А.-А., 1959, с. 79; *Мағауин М.* Қобыз сарыны. А., 1968, 7-б.; *Сейдімбеков А.* Күнгір-күнгір күмбездер. А., 1981, 217-б.

[6] Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина. А.-А., 1972, с. 70.

[7] Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977, с. 211.

[8] *Мәшһүр Жүсіп Көпейұлы.* Там же; *Шакарим Кудайбердыұлы.* Там же; *Маргулан А.* Указ. работа, с. 78-79. (Перевод подстрочный – С. К.).

[9] *Мағауин М.* Кадым заман ккуәгері. – Вст. статья в книге «Алдаспан». А.-А., 1971, 7-б.

[10] *Маргулан А.* Указ. работа, с. 75.

[11] В исследовательской литературе есть суждения, отождествляющие эпического хана Орманбета с историческим ханом Улуг-Мухаммедом.

[12] Поэты Казахстана. Л., 1978, с. 73. Перевод Вс. Рождественского.

[13] XV–XVIII ғасырлардағы казак поэзиясы. А.-А., 1982, 66-б. (Перевод подстрочный. – С. К.).

[14] *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. М., 1966; *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975; *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв.

[15] *Федоров-Давыдов Г. А.* Культура и общественный быт золотоордынских ханов. М., 1964. С. 10; *Григорьев А. П.* Официальный язык Золотой Орды XIII–XIV вв. //Тюркологический сборник. 1977, М., 1981, с. 81-89.

[16] Codex Cumanicus. Edited by G.Kuun. Budapest. 1981, s. 1.

[17] Қазак әдеби тілінің тарихи көздері. А., 1989,171-б.

[18] *Носируддин Бурхонуддин Рабгузи.* Кисаси Рабгузий. Биринчи китоб, Ташкент, 1990; Екинчи китоб. Ташкент. 1991.

[19] *Ибатов А.* Кутбтың «Хусрау уа Шырын» поэмасының сөздігі. А., 1974; *Наджип Э. Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. Кн. 1. М., 1979, с. 31-38; Татар әдебиетінің тарихы. 6 томдық. Қазан. 1984, т. 1. 170-196-бб.; История всемирной литературы. В 9-ти томах. М., 1985, т. 3, с. 575; *Келімбетов Н.* Қазак әдебиетінің ежелгі дәуірі. А., 1986. 178-184-бб.; Turk Dunyasi el Kitabi. Ueuncu Cilt. Edebiyat. Ankara, 1992, 71-73 b.

[20] *Шербак А. М.* Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959; Хорезми. Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э. Н. Наджипа. М., 1961; Татар әдебиетінің тарихы. Қазан, 1984. Т. 1. 196-208-бб.; *Оғыз-наме.* Мухаббат-наме. Текстерді баспаға дайындаған, қазақ тіліне аударған және зерттеген К. Дербісәлин, М. Жармұхамедов, Ө. Күмісбаев. Алматы, 1986; *Келімбетов Н.* Қазак әдебиетінің ежелгі дәуірі. Алматы. 1986.

[21] Turk Dunyasi el Kitabi. Ucuncu Cilt. Edebiyat. Ankara, 1992, 7 b.

[22] *Ерзакович Б. Г.* Музыкальное наследие казахского народа. А.-А., 1979, с. 66.

[23] Там же, с. 4.

[24] *Ерзакович Б. Г.* Музыкальное наследие казахского народа. А.-А., 1979; Тарақты Акселеу. Күй шежіре. А., 1992.

[25] *Ерзакович Б. Г.* Указ. работа, с. 111.

[26] См.: *Утемиш-хаджа.* Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследования В. П. Юдина. Алма-Ата, 1992. (Далее – Чингиз-наме).

[27] Там же, с. 99, 107.

[28] Там же, с. 105–107.

[29] *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья // Соч., т. II, ч. 1, с. 77–80; *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI веков (Вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата, «Наука», 1977, с. 43, 47, 97–98.

[30]*Медоев А.* Ориентиры древности // Декоративное искусство СССР. 1980. № 8, с. 37.

[31]*Тримингем Дж. С.* Суфийские ордены в исламе. Пер. с англ. под ред. и с предисл. О. Ф. Акимушкина. М., 1989, с. 61. О суфизме в Казахстане см. Мустафина Р. М. Представления, культы, обряды у казахов (в контексте бытового ислама в Южном Казахстане в конце XIX–XX вв.). Алма-Ата, «Қазақ университеті», 1992 (Далее – Представления, культы, обряды...).

[32]*Ибрагимов Н.* Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. Москва, 1988, с. 65.

[33]См.: *Кармышева Дж. Х.* Путь в мир вечный. (Рукопись в печати), с. 15–16.

[34]Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, 1980, с. 127.

[35] См. *Кармышева Дж. Х.* Земледельческая обрядность у казахов // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М., 1986. С. 49–55; *Мустафина Р. М.* Представления, культы, обрялы..., с. 115–119.

[36]См. *Малов С. Е.* Шаманский камень «яда» у тюрков Западного Китая // СЭ. 1947. № 1, с. 154.

[37]*Мустафина Р. М.* Представления, культы, обряды... С. 131–133; Каскабасов С. Колыбель искусства. Алма-Ата, 1992, с. 59.

[38]См. *Аргынбаев Х. А.* Қазақ халқындағы семья мен неке. Тарихи-этнографиялық шолу; *Толеубаев А. Т.* Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIV – начало XX вв.). Алматы. «Гылым». 1991.

[39]*Топоров В. Н.* О структуре некоторых архаичных текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева» // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1971. Вып. 284. № 5, с. 9.

[40] *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья. Соч., т. II, ч. 1, с. 77–79.

[41]*В. П. Юдин.* Орды: белая, синяя, серая, золотая // Чингиз-наме, с. 16.

[42] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 209.

[43]*Пугаченкова Г. А.* Зодчество Центральной Азии в XV в. Ташкент. 1976, с. 6–7.

[44] *Массон М. Е.* Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави. Ташкент, 1930, с. 15–19.

[45] *Массон М. Е.* О постройке мавзолея Ходжи Ахмеда в городе Туркестане // Известия Среднеазиатского географ. об-ва. 1929. Т. 19, с. 39–45.

[46]*Массон М. Е.* Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави, с. 12.

[47] *Проскурин А. Н., Туякбаева Б. Т.* Мавзолей Рабиги Султан Бегим.Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994, с. 277–278.

[48] *Пугаченкова Г. А.* Зодчество Центральной Азии XV века, с. 80–81.

[49] *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Отрар в XIII–XV вв. Алма-Ата, 1986, с. 103–112.

[50]*Пугаченкова Г. А.* Зодчество Центральной Азии XV в. Ташкент, 1976, с. 16.

[51] *Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII вв.). Алма-Ата, 1986, с. 139.

[52] *Пищулина К. А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV–XVII веках// Казахстан в XV–XVIII веках. Алма-Ата, 1969, с. 8.

[53]*Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Отрар в XIII–XV вв. с. 112-124.

[54] *Абу Али ибн Сина.* Канон врачебной науки. Ташкент, 1954. С. 198.

[55] *Смирнов А. П.* Волжские булгары. Труды ГИМ, с. 210–223, табл. XIII.

[56] *Воронина В. Л.* Колонны из Отрара. Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, с. 70–74.

[57] *Басенов Т.* Комплекс мавзолея Ахмеда Ясави. Алма-Ата, 1982.

Глава пятая

СЛОЖЕНИЕ КАЗАХСКОЙ НАРОДНОСТИ

1. ЭТНОГЕНЕЗ КАЗАХСКОГО НАРОДА ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ

В общеисторическом плане любая этнокультурная целостная общность современных человеческих популяций представляет собой результат многовекового процесса естественно-исторического развития в конкретной географической среде обитания. Объективное изучение этого многогранного явления, как известно, является прерогативой многих отраслей знания и не одного поколения ученых. В этом отношении этноантропологическая общность казахского народа не составляет исключения.

Изучая историю народа, следует помнить о том, что реальным творцом, носителем и проводником ценностных ориентаций всего этнокультурного наследия в различные исторические эпохи был сам человек. Биологически люди различаются по второстепенным, третьестепенным и т. д. признакам. По выражению известного английского биолога и философа Д. Холдена, человек – самый полиморфный, то есть многовариантный вид на Земле. Биологическая совокупность людей, связанная с определенной территорией и единством происхождения, условно составляет расу, или антропологический тип. Такая общность обычно определяется на основе физических и генетических характеристик. Правда, не все физические наследственные особенности могут считаться расовыми, а лишь те, которые имеют известную территорию их распространения и со специфической частотой встречаются у разных региональных групп. Следовательно, важнейшим условием признания физического признака расовым является наследственная обусловленность и наличие реальной области географического распределения. Поэтому расовая принадлежность, или антропологический тип более устойчив по своей сущности, чем такие социальные явления, как культура, язык и этнос. Последние могут мигрировать относительно легко из одной области (страны) в другую без изменения антропологического типа, так как физический облик и характерные морфологические черты людей не распространяются без непосредственного контакта или смешения.

Установлено, что в силу географических и исторических причин в отдельных этнических группах частота проявления наследуемых признаков варьирует по-разному, и она обусловливает многовариантность фенов-маркеров в популяции. Именно характер распределения тех или иных генов и морфологических черт представителей определенной общности людей может много рассказать об этнической истории народа, его контактах, смешениях или обособлениях в разные культурно-исторические пе-

риоды, т. е. проливать свет на генезис этнических и антропологических образований современных народов.

В настоящее время в Национальной академии наук Республики Казахстан собран обширный уникальный антропологический материал, который составляет чрезвычайно ценную основу для комплексного изучения проблемы этногенеза и расогенеза казахов в тесной связи с историей этносов и культурных традиций древнего населения Казахстана. Эти материалы без особой хронологической прерывности охватывают около четырех тысячелетий (от современности до эпохи бронзы включительно). Есть основания полагать, что древние племена здесь являли собой цельное антропологическое ядро с единой этнотерриториальной и хозяйственно-культурной общностью. Они в конечном счете и составили дальнюю предковую основу для последующего направления этно- и расогенетического развития местных союзов племен, включая казахскую народность в целом. В этом убеждает вся совокупность культурологических и антропологических данных об их преемственности.

Основные аспекты этого сложного процесса в биологической истории современных и древних человеческих совокупностей того или иного региона обычно рассматриваются по отдельным разделам физической антропологии, таким как антропометрия (измерения головы и тела) живых индивидумов; серология (группы крови); одонтология (зубная морфология); дерматоглифика (рельеф кожи на ладонях и пальцах рук); краниология (морфология черепа); палеоантропология (ископаемые костные останки) древнего населения и др.

В целом их показатели представляются достаточно информативными для познания биологических предпосылок, детерминирующих расогенетические процессы в этнической истории казахского народа.

Антропологическая характеристика казахов

Поскольку современная региональная антропологическая общность людей подобно этнической составляет продукт длительного исторического процесса, то ее морфофизиологическая характеристика, несомненно. заслуживает обстоятельного рассмотрения на основе имеющихся материалов, в частности, по антропологии современных казахов. Именно среди них следует искать сохранившиеся близкие и дальние предковые черты, установление которых пока остается уделом только антропологической науки.

Здесь можно вполне определенно отметить, что в антропологическом отношении казахи изучены наиболее комплексно и основательно в масштабе народов Центральной Азии. За последние 30 лет общее количество собранных антропологических материалов среди современных казахов по комплексной программе составило более 50 тыс. человск. Правда, в экспедиционных условиях по объективным причинам не всегда удавалось, чтобы каждый обследуемый был пригоден для прохождения по всей комплексной программе. Все они без исключения живут в сельской местности и осознают себя исконными ее жителями, т. е. являются реальной частью этноисторически сложившегося народонаселения на исторической родине. Можно без преувеличения сказать, что эти репрезентативные данные о современных казахах являются уникальными, так как они собраны одними исследователями по еди-

ной программе и унифицированной методике и в большинстве случаев среди одних и тех же индивидуумов или представителей одной локальной популяции. Кроме того, весь комплекс накопленных сведений относится к одному поколению генодемографической структуры казахской популяции. Такие фундаментальные экспериментальные данные по конкретной этнической группе и региону — серьезное подспорье в разработке сложных проблем современной антропологии как локального, так и глобального масштаба. Такова в общих чертах источниковедческая база по расовой соматологии, серологии, дерматоглифике, одонтологии, краниологии и другим морфофизиологическим фенам-маркерам современных казахов. Основные места антропологических исследований казахов в Центральной Азии показаны в прилагаемой схеме-карте (рис. 1).

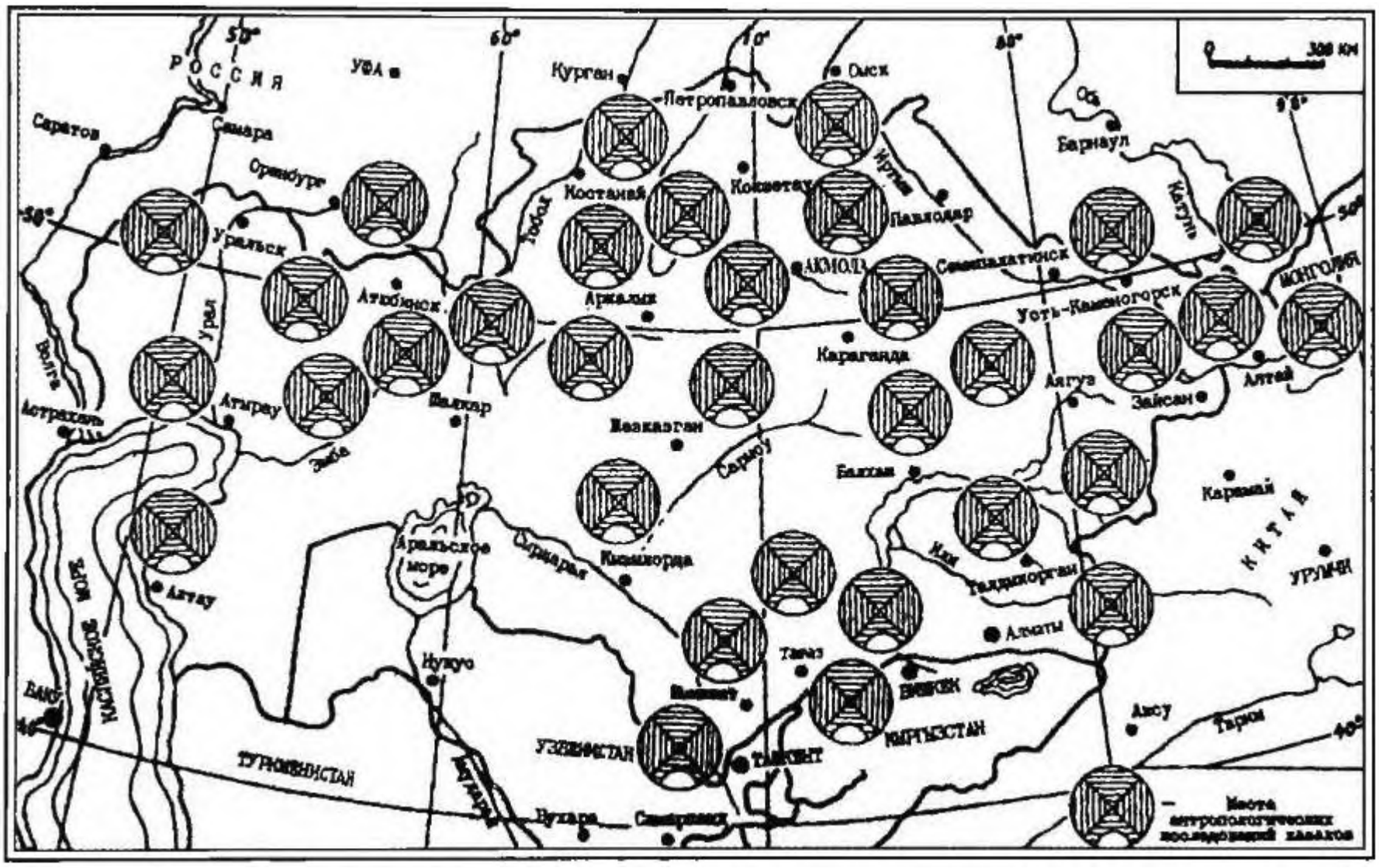

Рис.1. Схема-карта локализации изученных групп современных казахов в масштабе Центральной Азии по комплексной антропологической программе (соматологии, серологии, одонтологии и дерматоглифике, представленных в виде четырех сегментов в круге)

С учетом вышеизложенных обстоятельств обратимся к важнейшим результатам комплексных антропологических исследований по современным казахам. Именно комплексный подход может помочь воссоздать обобщенный антропологический фенооблик и генетический портрет казахов под углом зрения их расогенеза в этнообразовательном процессе. При этом авторы осознают, что локальные особенности и темпы регионального расообразования на различных этапах этноисторического развития Казахстана были чрезвычайно сложными, детализация их связана с накоплением новых материалов.

Антропометрия и антропоскопия. По данному классическому разделу антропологии обследовано свыше 40 локальных групп казахов обоего пола общей численностью более 4 тыс. человек. Возраст изученного контингента в диапазоне 18–60 лет у мужчин и 18–55 лет у женщин.

Основные полученные результаты по расовой соматологии современных казахов свидетельствуют, что они характеризуются темным цветом волос и глаз, относительно светлым оттенком кожи, умеренным ростом третичного волосяного покрова на лице и теле, средневыступающими носовыми и скуловыми костями, высоким (128,5 мм для мужчин и 121,3 мм для женщин) и широким (соответственно 148,3 и 139,3 мм) лицевым отделом, выраженной брахикефалией, т. е. широкой головой (индекс 85,0), средним ростом (166,2 см для мужчин и 153,6 см для женщин) и соответственно весом 67,1 и 53,4 кг. По этим и другим антропометрическим и антропоскопическим показателям на всей территории своего расселения казахи в целом обладают достаточно выраженной гомогенностью. Вместе с тем нетрудно заметить, что для большинства антропометрических и антропоскопических признаков характерна определенная вариабельность, хотя в масштабе всей казахской популяции она проявляется довольно слабо. В целом по данным материалам в этнической общности казахов мы больше сталкиваемся с гомогенностью популяций, чем с их локальной изменчивостью. В пользу этого говорит обнаруженная тенденция к низкой вариабельности между различными территориальными группами и историческими комплексами у казахов, к числу которых прежде всего относятся диалектный, этнографический и субэтнический. Географически основное направление морфологических различий связано с казахами западной части республики. Такое же морфологическое отличие прослеживается по отдельным комплексам. Так, по изученным признакам высокого таксономического значения носители западной диалектной группы отличаются от представителей других диалектных образований казахского языка. Жители, говорящие на восточном диалекте, занимают как бы промежуточное положение между носителями двух других диалектных зон — северо-центральной и южной. Аналогичная тенденция наблюдается при сопоставлении потомков бывших трех казахских жузов. При этом по величине суммарного расстояния морфологических признаков уроженцы бывшего Младшего жуза обнаруживают наиболее заметное расхождение с остальными жузами. По данной системе полиморфных признаков антропологические различия между потомками бывших Старшего и Среднего жузов носят умеренный характер.

Основные причины этих явлений следует искать в самой истории развития местных популяций. Антропологические аспекты этого сложного процесса обусловлены взаимодействиями многообразных факторов исторического и биологического порядка и раскрыть их на уровне современных требований весьма трудно, но о них всегда следует помнить во избежание односторонности в решении проблем этногенеза и расогенеза в этнической истории региона. Таким образом, внутригрупповой анализ собственно морфологических признаков изученного этнического массива не оставляет сомнений в том, что современному казахскому народу свойствен исключительно единый антропологический фенооблик.

В соответствии с четкой региональной локализацией в пределах современной территории Казахстана это расообразование можно назвать казахстанским вариантом смешанной тураноидной (южносибирской) расы[1]. В составе этой расы, кроме указанного выше варианта, специалистами выделяются еще два локальных: притяньшаньский и алтае-саянский, типичными представителями которых признаны кыргызы и хакасы. Согласно морфологичес-

ким показателям межгрупповых сопоставлений оба эти варианта тураноидной расы отличаются от казахстанского усилением элементов восточного расового ствола. Следовательно, современные казахи вполне определенно обладают сформировавшимся антропологическим фенообликом, который дифференцируется от наиболее близких представителей этнических образований кыргызов и хакасов.

Наиболее рельефно морфологические особенности казахов и их антропологическое самостоятельное положение обнаруживаются при сопоставлении с этническими группами ближнего и дальнего зарубежья. Как видно из рис. 2, по сумме измерительных и описательных признаков головы и лицевого

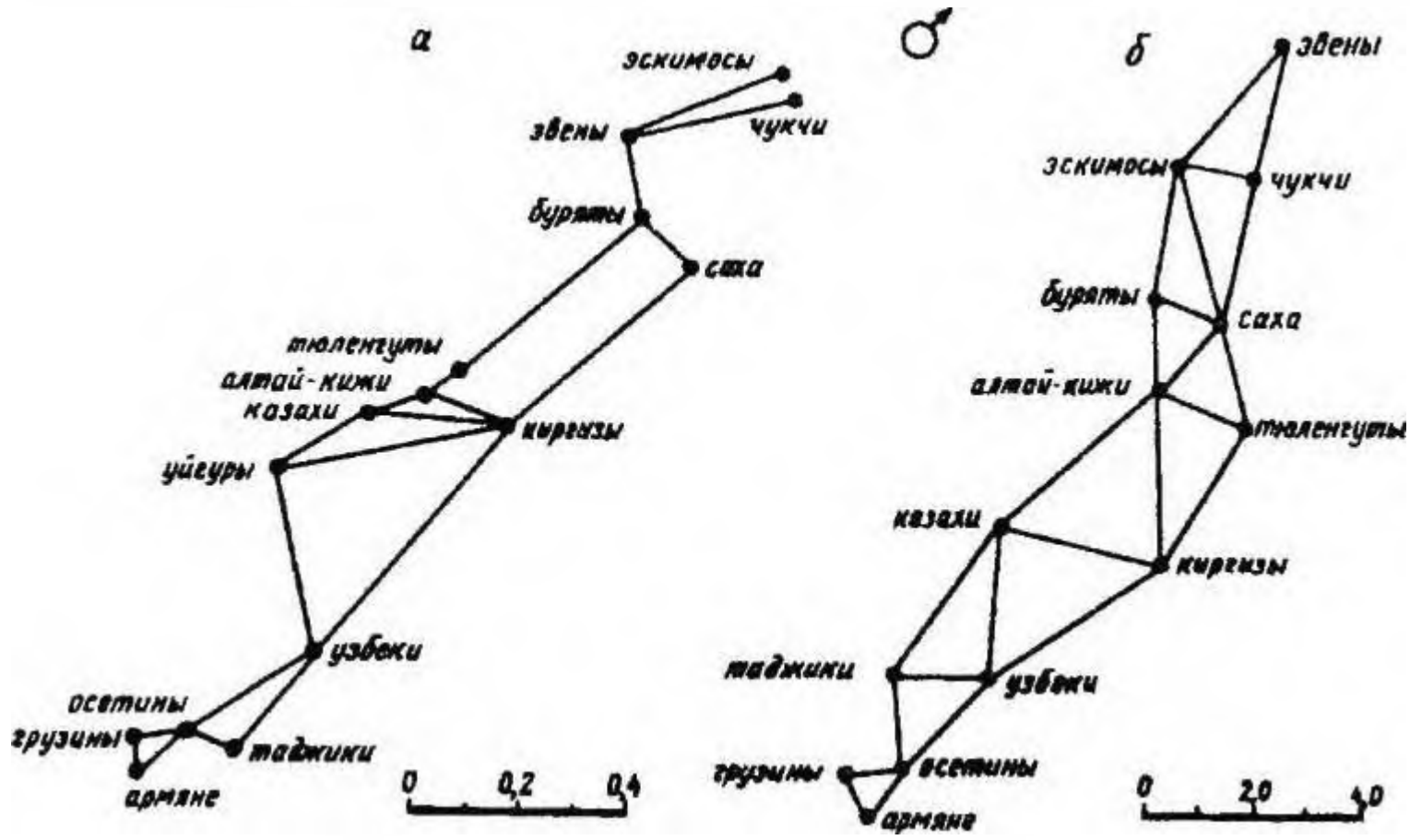

Рис.2. Взаиморасположение казахов и некоторых народов Азии и Восточной Европы по сумме количественных (а) и качественных (б) признаков головы и лицевого отдела

отдела, имеющих высокое таксономическое значение, выраженность антропологического статуса казахов не вызывает сомнения в масштабе самых различных этнических образований всей Азии и Восточной Европы.

Группы крови. В антропологии признано, что изучение групповых факторов крови и их географическое распределение среди современных народов имеет важное историческое значение в установлении прямых генетических связей между различными этническими образованиями, а также в определении генезиса популяций методом генохронологии. Изучение этнической общности казахов в популяционно-генетическом аспекте также нашло отражение в антропологии Казахстана[2].

Соответственно среди современных казахов произведены генетико-демографические оценки и популяционно-генетические изыскания. Как показал генеалогический анализ, среди них среднее популяционное значение коэффициента инбридинга, полученное по традиционной для генетики человека методике, представляется умеренным (F=0,00213+0,0006).

По серологии современных казахов накоплено более 25 тыс. образцов крови, которые географически так же, как соматологические данные, перекрывают основную территорию изученного этнического массива (см. рис. 1). При

этом распределение частот генов определялось, главным образом, по системам групп крови AB0, MN, Rh_0(D), а также фиксировалось ощущение вкуса фенилтиокарбамида (PTC) у современных казахов.

Среди них в целом можно считать установленным преобладание аллеля 0 (34,0%). Процентное содержание аллелей A (28,9%) и B (29,5%) равномерное, а концентрации генных частот p (A=0,204) и q (B=0,208) достаточно близки между собой (A≥B). Основным вариантом соотношения в этой системе факторов крови для казахской популяции является 0>A≥B>AB.

В масштабе казахской популяции внутригрупповая изменчивость частот всех трех аллелей (p, q, r) по локусу AB0 у большинства локальных и комплексных групп казахов находится в достаточно близких друг к другу соотношениях. В целом вариабельность генных частот среди изученных микропопуляций (на родоплеменном уровне) несколько выше, чем между представителями трех субпопуляций (жузов) и других комплексных, региональных образований. Однако во всех малых и больших уровнях внутригрупповая дифференциация не достигает реальных статистических различий, что является ярким выражением генетической однородности антропологического состава казахского народа.

Свойственные современным казахам популяционно-генетические особенности довольно четко прослеживаются при сопоставлении с общим распределением генных частот по локусу AB0 у народов Евразии. Так, казахская популяция тяготеет к относительно средней величине колебаний частот фенотипов системы AB0 населения Центральной и Средней Азии, а в ряде случаев совпадает с таковыми вариантами у народов Восточной Европы и Передней Азии. По распределению фенотипа A казахи, находясь в пределах интервала частот, присущих населению Центральной Азии, приближаются к его верхней границе, а по отношению к народам Восточной Европы – к нижней границе свойственных им частот. Фенотип B у казахов имеет частоты, соответствующие цифрам частот у жителей Центральной Азии, несколько превышающие показатели, характерные для популяций Восточной Европы и близко подходящие к верхней границе интервала частот, свойственных населению Передней и Средней Азии. Соответственно этому частоты генов p (A) и q (B) у казахов в основном лежат в области пограничных значений, характерных для популяций Центральной Азии и Восточной Европы. Этот факт говорит о том, что в генетическом фонде казахов почти равномерно сочетаются исходные составные компоненты европеоидных и монголоидных групп по данному локусу. Несколько забегая вперед, можно сказать, что европеоидные черты у казахов восходят к аборигенному населению эпохи бронзы, а монголоидность была постепенно привнесена различными племенами азиатского происхождения, начиная с раннего железного века вплоть до XVIII в.

Рассмотрение распределения системы групп крови MN среди казахских популяций показало, что для них характерно преобладание аллеля M над N. Процент лиц с наличием обоих аллелей MN среди местных популяций значительно больше, чем с одним. По степени концентрации генных частот по данному локусу казахи обнаруживают относительно высокий процент m (M) и умеренно низкий n (N). Изучение внутригруппового распределения генных частот системы MN с учетом популяционной структуры казахов показало, что отдельные субэтнические группы в известной мере являются региональными популяционными образованиями, хотя и очень близкими между собой

в масштабе единого этнического массива. В сравнительном плане установленные по локусу MN частоты фенотипов и генотипов у казахов наиболее близко подходят к этим показателям у народов Средней Азии. По отношению к европеоидным группам выявленные частоты у казахов находятся на границе таковых у народов Восточной Европы. В целом казахи вполне определенно являются носителями смешанных особенностей по локусу MN.

По данным системы резус-фактора среди казахов исключительно преобладают лица с резус-положительной реакцией над резус-отрицательной. Для них характерно относительно высокое содержание аллеля D. На всей изученной нами территории показатели встречаемости резус-отрицательности стабильны, так как изменчивость генных частот по данному локусу у казахов невелика, и они представляют собой однородную естественно-историческую общность. В масштабе общей казахской популяции уровень концентрации гена d не достигает распространенности этого аллеля у населения Восточной Европы, но она несколько больше, чем у жителей Центральной Азии. В общем по данному генетическому маркеру результаты определенно свидетельствуют о смешанном происхождении казахов между европеоидами и монголоидами. Здесь в качестве краткой иллюстрации можно привести процентное содержание резус-отрицательного фактора у народов Евразии. Правда, при этом проценты предварительно переводятся в баллы. С учетом полярности генетической структуры сравниваемых популяций казахи стоят на четыре балла дальше от современных монголов, на пять баллов — от коренных народов Средней Азии и на десять баллов — от восточных славян.

Обобщенные генетические величины по изученным локусам эритроцитарных систем позволяют заключить, что на популяционном уровне у казахов вполне реально существует своеобразный комплекс генетических осо-

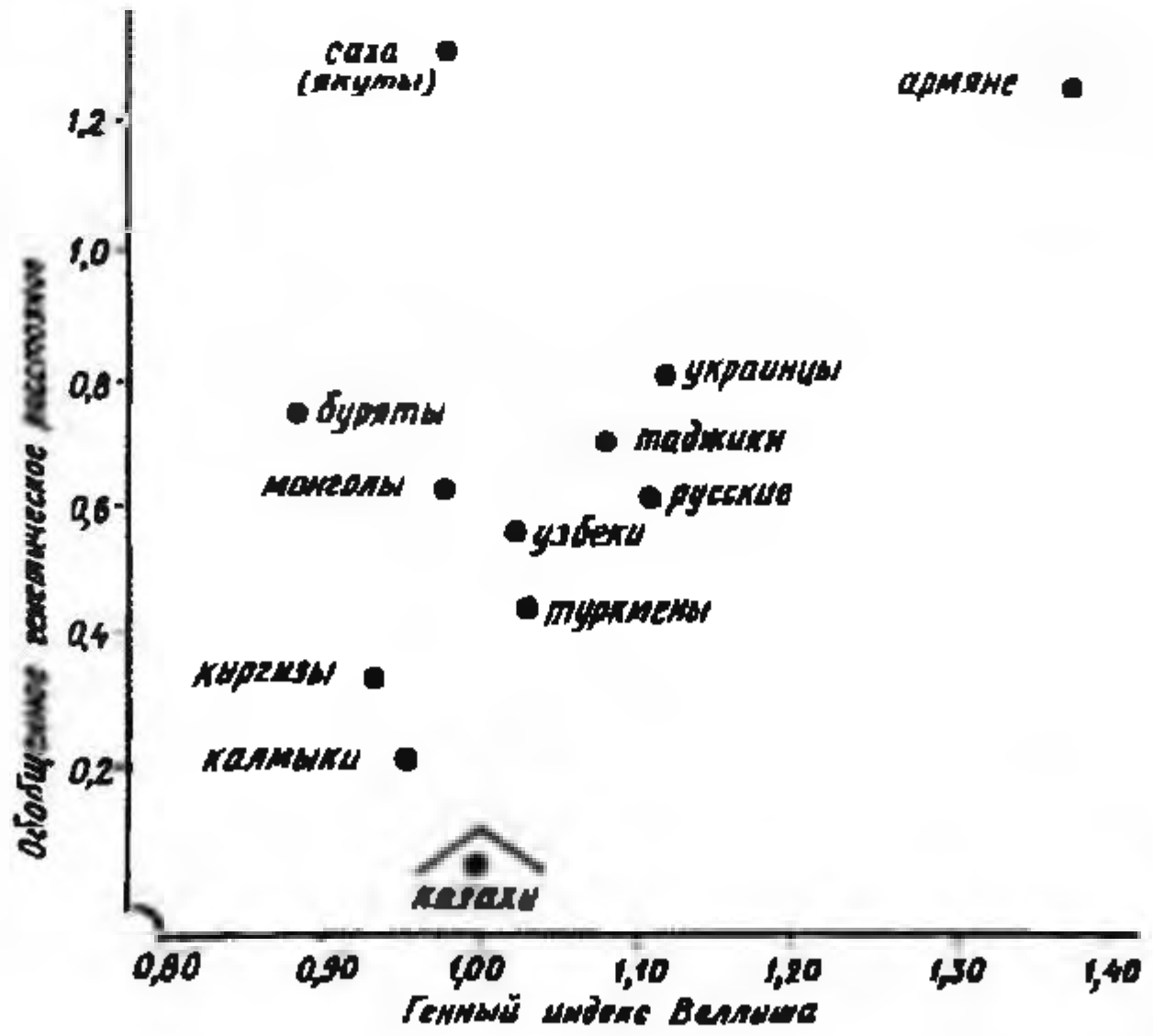

Рис.3. Суммарные генетические расстояния (по системам ABO, MN, Rh(D)) казахов от некоторых народов Азии и Восточной Европы

бенностей, составляющих общий генофонд. Его специфическая особенность наиболее ярко проявляется при межэтнических сопоставлениях, где в серологическом отношении наиболее типичные представители как европеоидного, так и монголоидного расовых типов существенно отличаются от обобщенного генетического показателя у казахов (рис. 3). Таким образом, проведенный серологический анализ отражает один из путей микроэволюционного развития современных казахов и одновременно демонстрирует, в каком соотношении у них сохранились исходные генетические особенности, а также показывает их условное расстояние в этноантропологическом развитии от популяций сопредельных территорий.

Вкусоощущение (PTC). В этноантропологическом аспекте по данной системе были изучены около 5 тыс. человек. Среди них ощущающие PTC индивидуумы в среднем составили 88%, остальные на этот тест не реагируют. Следовательно, казахи характеризуются сравнительно низкой концентрацией гена t (0,348) и высокой – T (0,652). В целом на генографической карте Казахстана по ощущению PTC выявлена слабая вариабельность генных частот указанной системы. Все это дает основание говорить о том, что коренные насельники республики достаточно однородны по данному тесту и по степени вкусовосприимчивости входят в зону относительно повышенной частоты вкусоощущения PTC. Такой уровень встречаемости фенотипа T лишь сближает современных казахов, а не отождествляет с некоторыми народами Азии.

Кожные рельефы пальцев и ладони. Как известно, специфическое сочетание кожных узоров кисти рук обладает высокой таксономической ценностью. Эти дерматоглифические данные по современным этническим группам сейчас широко используются в этногенетическом аспекте. Накопленные данные по кожным рельефам казахов составили более 10 тыс. человек, сбор которых осуществлялся синхронно с другими антропологическими материалами не только в масштабе республики, но и за ее пределами (см. рис. 1).

В полученных материалах весь комплекс дерматоглифических признаков свидетельствует об однородности региональных групп казахов и их гомогенности как популяции в целом. Полученные у казахов величины дельтового индекса и индекса Камминса лежат на верхних границах средних значений (DI_{10}=14,19 и I_c=8,02). Такая же тенденция прослеживается по величине осевого трирадиуса (78,4%). Показатели узорности гипотенара и дополнительного межпальцевого трирадиуса у казахов находятся на уровне средних значений (H_y=22,6%, DMT=15,7%). Что касается дерматоглифического обобщенного показателя у казахов, то полученная величина восточного комплекса представляется повышенной (ВК=62,9). При рассмотрении географической изменчивости основных фенов кожного рельефа среди изученных популяций в ряде случаев наблюдается относительная направленность расположения контрастных локальных групп. Такая картина среди местных популяций увязывается с повышенным содержанием условной доли монголоидного компонента, ослабленной на западе и возрастающей к югу республики. По основным свойствам кожных узоров кисти рук казахи, бесспорно, находятся на стыке монголоидно-европеоидных групп, т. е. относятся к популяции метисного происхождения. При этом у казахов прослеживается некоторое преобладание дерматоскопических особенностей монголоидных расовых типов (рис. 4). Итак, общие результаты дерматоглифических показателей, несомненно, обнаруживают параллели с другими системами антропологических фенов-маркеров у казахов.

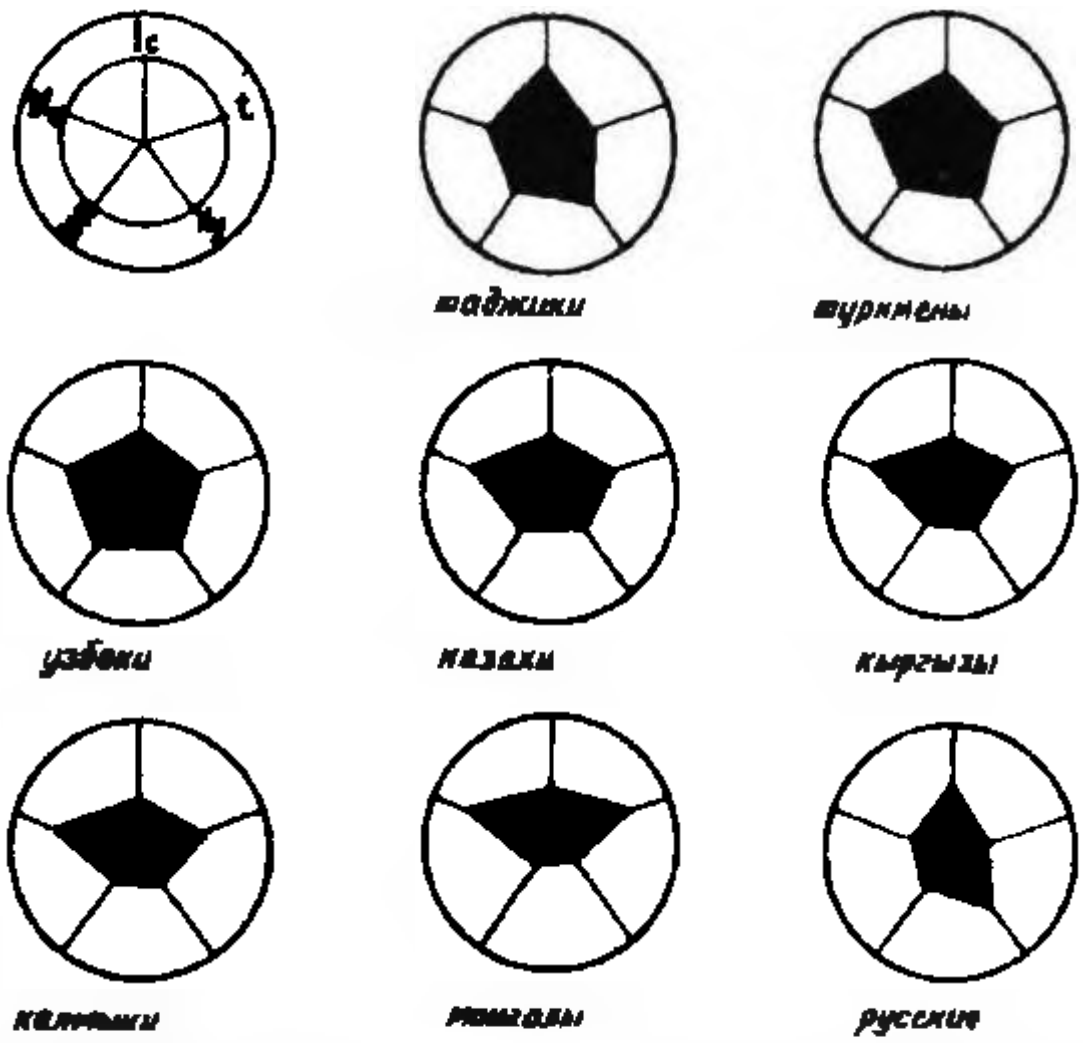

Рис.4. Комбинационные полигоны по комплексу дерматоглифических признаков у казахов и других народов Евразии

Зубная морфология. В современных антропологических исследованиях наряду с данными по расовой морфологии, серологии, дерматоглифике также изучаются особенности зубной морфологии человека в расо-этногенетическом аспекте. Как известно, морфологическое строение зубной системы является одним из важнейших источников биологической и исторической информаций, так как ряд важных черт зубного рельефа обладает высокой таксономической ценностью при дифференциации расовых типов и этнических групп.

Из целостного этнического массива казахов (см. рис. 1) непосредственно изучению зубной морфологии подверглись свыше 5 тыс. человек, которые дали возможность проанализировать более 30 тыс. коронок зубов. Полученные результаты по локальным группам казахов позволяют заключить, что по основным одонтологическим показателям они обнаруживают реальное внутригрупповое единство и образуют самостоятельную естественно-историческую общность. В одонтологическом отношении казахи характеризуются довольно высокой частотой лопатообразной формы верхних резцов (I^1=49,7%), среднеразвитым дистальным гребнем тригонида (DTC=20,4%), коленчатой складкой метаконида (DW=24,4%), бугорком Карабелли (25,2%), шестибугорковой формой нижнего моляра ($M_1$6=13,8%) и низкой частотой четырехбугоркового типа первого нижнего моляра ($M_1$4=2,3%), но очень высокой частотой второго четырехбугоркового нижнего моляра ($M_2$4=65,8%). Эти и другие одонтологические фены-признаки в целом свидетельствуют о том, что в зубной морфологии казахов черты «восточной» ориентации превалируют над особенностями «западной». Вместе с тем показатели некоторых фенов зубного рельефа «западного» ствола в известной мере убывают по мере продвижения с западной в восточную часть республики. Кроме того, обращает на себя внимание динамика распределения частот некоторых одонтологических признаков на изученной территории. В масштабе казахской попу-

ляции спектр изменчивости фенов-признаков «восточной» ориентации представляется довольно мобильным, в то время как частота распределения фенов-маркеров «западного» ствола носит относительно стабильный характер. На этом основании можно полагать, что выявленный «западный» стабильный компонент у современных казахов генетически уходит своими корнями к древнему местному субстрату.

Характерные казахам одонтологические особенности еще больше проступают, когда они сопоставляются с основными представителями «западного» и «восточного» одонтологических стволов методом суммарного таксономического расстояния. Яркой иллюстрацией тому могут служить комбинационные полигоны одонтологических признаков (рис. 5), где казахи обнаруживают ту же ориентацию (промежуточную) в системе расо-

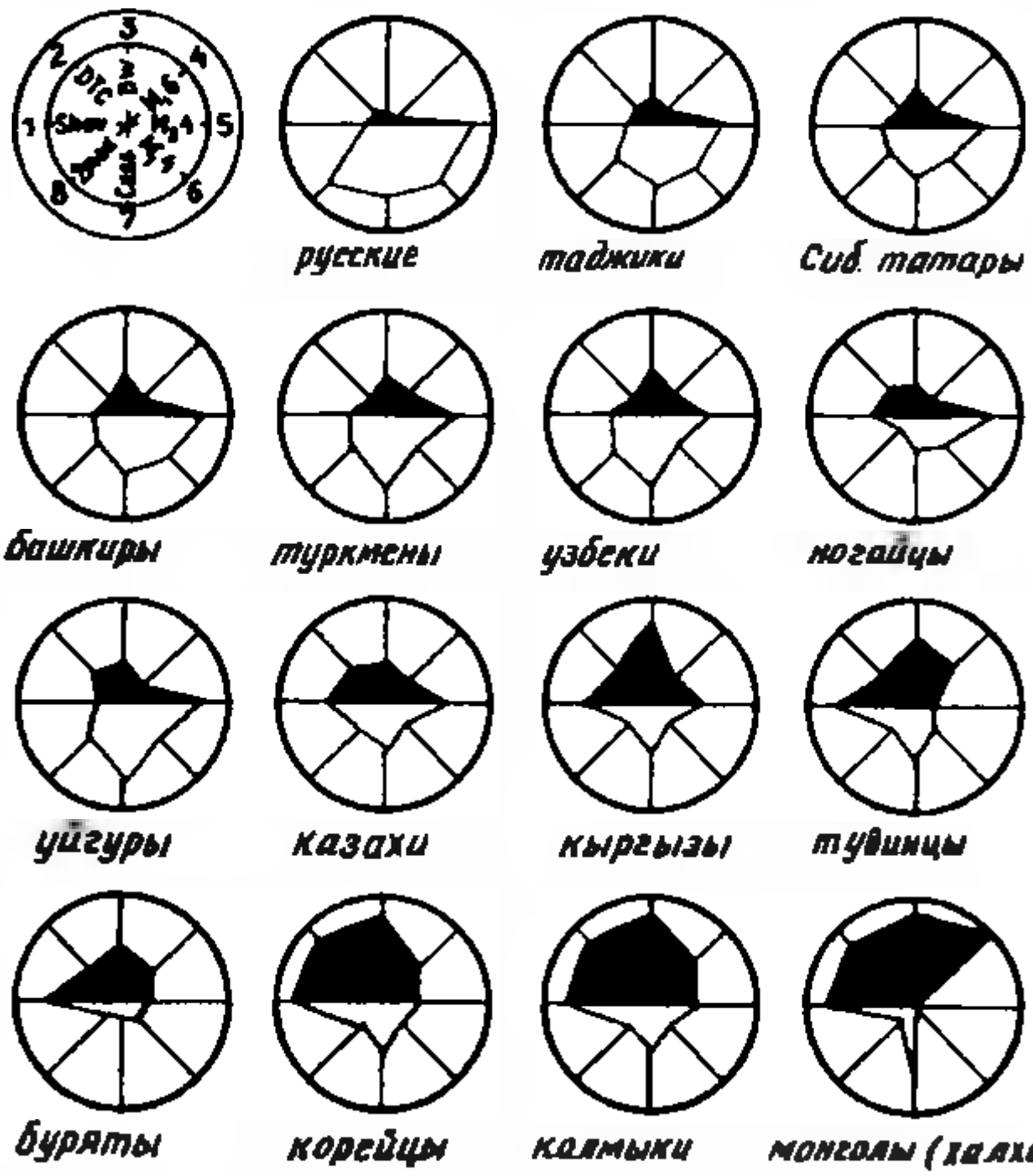

Рис.5. Комбинационные полигоны по комплексу фенов-признаков зубной морфологии «восточной» (закрашен черным цветом) и «западной» ориентации у казахов и других народов Евразии

вых типов Евразии, что и по другим системам антропологических фенов-маркеров. Вследствие этого свойственные казахскому варианту локальные одонтологические особенности реально выделяются в масштабе тураноидной расы. Итак, обстоятельный анализ зубной морфологии казахов несомненно указывает, что их одонтологический тип сформировался на базе древнего автохтонного генетического субстрата, принадлежащего к западному стволу, во взаимодействии с пришлыми комплексами «восточной» ориентации.

Краниология. Когда морфофизиологические исследования на живых непосредственно соотносятся с изучением черепов и скелетов современного населения, обычно создаются реальные методологические предпосылки для объективного сопоставления результатов обследования современных популяций с аналогичными остеологическими показателями древних насельников. В антропологии одним из таких «мостов» перехода от современности к древности могут служить черепа, посткраниальные скелеты и зубная морфология человека. В этом отношении надо признать, что усилиями специалистов республики в последние годы созданы весьма эффективные научные предпосылки для антропологического сопоставления краниологических черт современных казахов напрямую с черепами средневекового и древнего населения Казахстана.

В настоящее время со всех регионов Казахстана имеются репрезентативные краниологические серии, непосредственно относящиеся к современным казахам, общей численностью около 300 черепов, которые датируются XIX–XX вв. Изученные казахские серии черепов по основным краниометрическим показателям характеризуются умеренно низкой черепной коробкой (130,8 мм), сравнительно среднешироким лбом (96,3 мм), брахикранным черепным указателем (83,4), высоким лицом (75,1 мм), но очень широким скуловым диаметром (143,7 мм), среднепрофилированным в горизонтальной плоскости лицевым отделом (назомалярный угол – 144,3°, зигомаксиллярный угол – 134,4°), сравнительно высокими (35,3 мм) и широкими (от d=40,7 мм) глазницами, средневыступающим углом носовых костей (24,9°) и среднешироким по форме носом (26,6 мм). Эти и другие показатели черепов не оставляют сомнения в единстве основ краниологических и внешних физиономических черт казахов и в целом также идентифицируют их с казахстанским вариантом смешанной тураноидной расы. Что касается локальных краниологических различий, то среди них расхождения выражены несколько больше, чем среди живых групп по расовой соматологии. Тем не менее морфологическая целостность краниологических черт казахов остается статистически достоверной.

Таким образом, в масштабе казахской популяции приведенные в целом сравнительные морфофизиологические показатели по географическому, этнографическому и лингвистическому принципу свидетельствуют о том, что современные казахи образуют единый этноантропологический гомогенный сплав на всей территории своего расселения[3].

При сопоставлении на межгрупповом уровне краниологических особенностей казахов с другими синхронными сериями черепов сопредельных территорий, как и следовало ожидать, наша серия демонстрирует в целом совпадение основных результатов с предыдущими данными по соматологии, серологии, дерматоглифике и одонтологии в масштабе современных евразийских этнических образований (рис. 6).

Итак, главным итогом внутригруппового и межгруппового комплексных сопоставлений на современном уровне антропологических знаний является то, что вполне определенно и научно обоснованно демонстрируется генетическое единство и этническая целостность казахского народа на всей территории его компактного расселения. Поэтому попытка раздробить генофонд и этнический массив казахов на различные субэтнические группировки в виде жузов или орд абсолютно лишены научных основ.

Рис.6. Дендрограмма краниометрических признаков у современных казахов и других народов Центральной Азии

Кроме того, в многопрофильных исследованиях современного населения Казахстана мы находим довольно убедительную комплексную аргументацию относительно того, что в основе антропологического субстрата казахского народа лежит морфофизиологическая совокупность двух больших расовых компонентов – европеоидного и монголоидного. Удельный вес последнего превалирует в фенооблике казахов и условно он составляет около 2/3 части от общей совокупности. История образования такой монолитной и гомогенной антропологической общности как казахская популяция может быть всецело связана только с территорией Казахстана, в масштабе которого основным расообразовательным фактором была метисация. Антропологическое изучение истока этого процесса должно лежать в основе ретроспективного изыскания близких и дальних физических предков современного казахского народа. В целом весь комплекс источников указывает, что этнокультурный и антропологический статусы казахов, пути их формирования и развития исключительно были предопределены местными этно- и расогенетическими процессами, протекавшими на территории Казахстана.

Близкие физические предки казахов

Этноисторическая связь и генетическое родство казахов с населением предшествующих эпох, как уже отмечалось, лучше всего могут быть изучены на базе современных и древних краниологических материалов. С территории Казахстана эти материалы, как уже отмечалось, без особой хронологической прерывности охватывают от современности до эпохи бронзы включительно. Хотя в целом истоки культурно-исторического развития Казахстана уходят своими корнями к нижнему палеолиту.

Наиболее близко к современности в хронологическом плане примыкают поздние этапы средневековья (XV–XVI вв.). Согласно собственно историческим источникам этот период истории Казахстана ознаменовался упрочением государственного правления страной, казахскими ханствами с их обширной площадью, с однотипными хозяйственно-культурными традициями, с единой этноструктурной общностью и с одним лингвистическим наречием на всей его территории. При этом весь спектр общественно-политической жизни и этнокультурный уклад местных насельников основывается исключительно на исторической специфике тюркского мира. В целом исследователями этого периода истории Казахстана признано, что среди местных насельников четко выражена характерная казахам общеисторическая, этнокультурная и лингвистическая целостность в полном объеме на всей территории их основного расселения[4], которая простиралась почти между 46–90° широты и 40–56° долготы.

Аналогичная картина наблюдается в краниологических сериях Казахстана. Так, при непосредственном сравнении серии черепов XVI–XVII вв. из Бегазы (Центральный Казахстан) с краниологическими сериями современных казахов вполне определенно проступает их реальная генетическая близость, т. е. они в равной мере отражают краниологические черты казахстанского варианта тураноидной расы. Следовательно, население Казахстана этих двух периодов принадлежит также к одному и тому же физическому типу, так как их антропологическая близость базировалась на едином генофонде местных популяций.

В этом отношении большой интерес представляют краниологические материалы XIII–XV вв., а это более 60 черепов с территории Казахстана. Сопоставление современных казахских черепов с черепами насельников периода правления монгольских улусов в Казахстане показало, что по комплексу краниометрических признаков между сравниваемыми сериями улавливается больше сходств, чем различий. Несмотря на временную отдаленность протяженностью в 700 лет, между этими группами сохранилась тесная общность антропологических черт. Главная ценность этих краниологических наблюдений состоит в том, что еще с XIII в. в целом местные насельники обладали смешанным расовым типом с довольно устойчивым комплексом антропологических особенностей. В целом во время монгольского господства условная доля «восточного» компонента у местных насельников увеличилась примерно на 20% по сравнению с предыдущим периодом раннего средневековья. На этом основании можно утверждать, что монгольская экспансия не сопровождалась массовым переселением собственно центральноазиатских племен или полным вытеснением местных племен в другой регион. Антропологически ее основная роль свелась к очередному усилению метисационного процесса среди древних потомков края. Следовательно, основная часть монголоидных элементов в физическом облике местных популяций сложилась за счет более ранней волны, чем та, которая была привнесена собственно монголами в XIII–XIV вв. В расогенетическом плане начало ощутимой ассимиляции монголоидов следует связывать с ранним проникновением как гуннских, так и тюркских племен на территорию Казахстана. Вместе с тем следует указать, что не столь уж большой приток генов в монгольский период в масштабе всего Казахстана оказался достаточно эффективным, чтобы в фенооблике местных популяций формально стал превалировать «восточный» компонент

над «западным», т. е. за все время истории контактов доля привнесенного компонента достигла 2/3 части от общего генофонда этнического массива. Следует заметить, что поскольку наше антропологическое описание ведется от современности к древности, то здесь речь идет о наиболее ранних контактах двух больших рас на территории Казахстана, следы которых прослеживаются в основном с раннего железного века. При этом в разные исторические периоды Казахстана проникавшие из Центральной Азии группы по своим морфологическим чертам относились к различным расовым типам монголоидных групп, более детальное определение которых на современном уровне археологических и антропологических знаний не представляется возможным. В общем, установленное нами соотношение главных составных компонентов в антропологическом составе населения Казахстана остается относительно устойчивым от позднего средневековья до современности. Все это, несомненно, свидетельствует об антропологическом единстве и преемственности расообразовательного процесса в рассматриваемые периоды в истории Казахстана.

Это обстоятельство позволяет близких физических предков казахов искать на стыке I и II тысячелетий н. э., т. е. в так называемое предмонгольское время. Письменные источники гласят, что общеисторическая обстановка среднего средневековья степного пояса Евразии ознаменовалась созданием ряда этнополитических и государственных образований, в частности, в восточной, центральной и северной частях Казахстана сначала Кимекский, а затем Кыпчакский каганаты, в обширном регионе Жетысу господствовало Карлукское государство, в Сырдарьинском бассейне, Приаралье и Прикаспийской низменности развивалось Огузское государство, а самая западная часть Казахстана соседствовала с Хазарским каганатом Нижнего Поволжья[5].

Именно в тюркское время огромная территория Казахстана в силу своего исторического развития и географического положения на долгие века стала мостом между Востоком и Западом, а ее коренным насельникам суждено было тысячелетиями жить в самом центре миграционных путей Евразии. В целом такая естественно-историческая ситуация в древнем Казахстане на протяжении ряда веков в основном была по сути мирной и созидательной в плане хозяйственно-культурного развития, и гораздо реже мрачной и разрушительной, как это пытаются представить некоторые исследователи. Ибо в итоге пришлое население постепенно ассимилировалось в местных условиях, привнося и определенные хозяйственно-культурные новшества, а неужившаяся часть этнических групп оттеснялась в другие регионы. С этого времени обширная часть территории Великого степного пояса стала Туркестаном, т. е. страной тюрков.

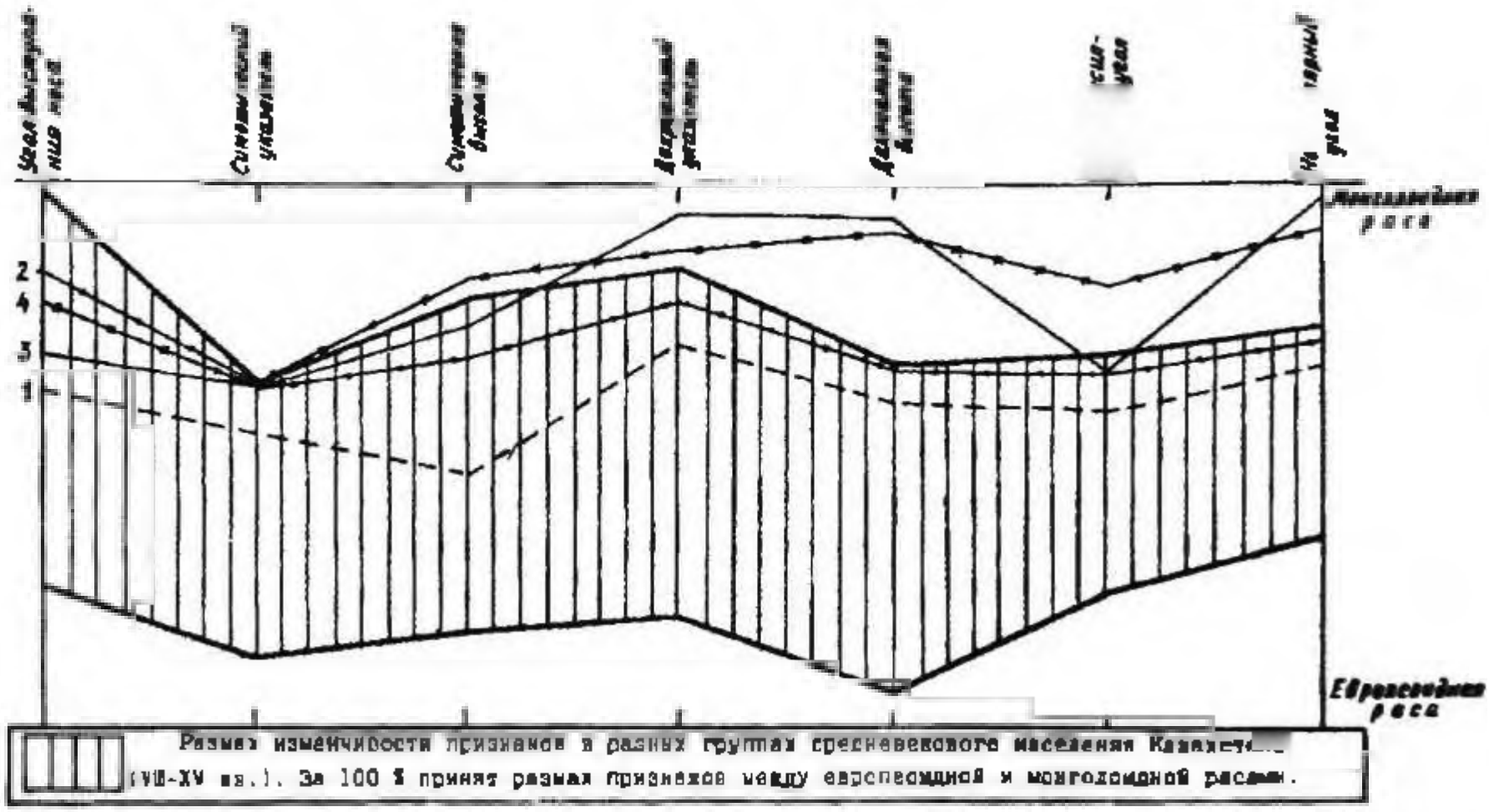
Как известно, в этот период генофонд местных популяций в целом, несомненно, подвергался неоднократной генетической «добавке» со стороны кочевых племен восточного происхождения. Согласно палеоантропологическим данным Казахстана, степень притока монголоидных генов была разной и, естественно, она оказала определенный эффект на фенообли к местных популяций в тех или иных регионах. Однако раскопанные памятники вместе с краниологическими данными большинством археологов относятся в основном к тюркскому времени без определения их племенной принадлежности. Лишь отдельные серии черепов предположительно связываются с некоторыми тюркскими племенами, как кимеки (Сросткинский памятник Алтая) и кимаки (Зевакинский могильник Восточного Казахстана).

В масштабе Казахстана среди локальных серий черепов наблюдается некоторая вариабельность в соотношении европеоидных и монголоидных элементов. Так, на основании сопоставления черепов VIII–X вв. из Притоболья (Северный Казахстан) нетрудно заметить, что в этом регионе жили люди, по внешнему облику вполне определенно принадлежавшие к казахстанскому варианту тураноидной расы[6]. Достаточно близкий к этому локальному варианту антропологический тип был обнаружен также среди черепов из некоторых могильников IX–X вв. Восточного Казахстана[7]. По нашим определениям, у них условная доля монголоидности, как у современных казахов, достигла 2/3 части от общей массы антропологических признаков. Так, впервые в конце I тысячелетия н. э. в северо-восточной части Казахстана фиксируются люди со смешанным монголоидно-европеоидным типом, физиономически похожие на современных казахов. Тем не менее, основная масса этнических образований тюркского времени продолжала оставаться европеоидной по физическому типу, т. е. сохранила при этом антропологические особенности предшествующих им древнейших племен Казахстана. По нашим наблюдениям, общее соотношение двух ведущих расовых компонентов в физическом облике местных популяций того времени находилось на таком уровне, что условная доля монголоидных элементов примерно образовала около половины, а в ряде случаев еще составляла 1/3 часть общего генофонда местного этнического образования.

Все это позволило средневековое население Казахстана, с тюркским этнокультурным обликом, тюркским миропредставлением, с европеоидно-монголоидными чертами, отнести к единственно физически близкой непосредственно предшествующей предковой форме казахского народа. Именно из недр этого мира с достаточным основанием можно считать вызревали общеэтническая основа, культурологическая специфика и антропологические черты казахской народности. Таким образом, антропологический анализ средневекового Казахстана не оставляет сомнения в том, что самые близкие генетические корни фенооблика казахов теснейшим образом связаны исключительно с местными насельниками, от которых они восприняли важнейшие этнокультурные и лингвистические новшества, выработанные племенами древнетюркского мира.

Основанием для такого рода антропологического заключения может служить непосредственное рассмотрение серий черепов современных казахов на широком фоне морфологической вариабельности ряда важнейших краниологических признаков лицевого отдела средневековых популяций Казахстана (рис. 7). При этом для наглядности из сопредельных территорий привлечены аналогичные краниологические показатели, в частности, по кыргызам, теленгитам и монголам, которые в историческом прошлом имели общие расогенетические контакты.

Из приведенной иллюстрации видно, что фундаментальность древней европеоидной основы у средневекового населения Казахстана представляется вполне очевидной, где антропологическая особенность казахов четко укладывается в масштабе вариабельности краниологических признаков местных популяций. В целом совокупность культурной, лингвистической и антропологической общностей субстратного и суперстратного этнических образований тюркского времени Казахстана послужила естественно-исторической стартовой площадкой для непосредственного формирования и окончатель-

Размах изменчивости признаков в разных группах средневекового населения Казахст… (VIII-XV вв.). За 100 % принят размах признаков между европеоидной и монголоидной расами.

Рис.7. Степень уплощенности лицевого отдела и носовых костей у средневекового населения Казахстана и некоторых современных народов Центральной Азии: 1 казахи, 2 - кыргызы, 3 - теленгиты, 4 - монголы

ного сложения казахской народности как реального самостоятельного этнического образования в средневековой исторической географии Евразии. Что касается генезиса этого этноантропологического массива в масштабе Евразии, то его корни в свою очередь уходят вглубь веков, т. е. в период древности к племенам эпохи бронзы, и они образуют самую раннюю фазу расообразовательного процесса среди древних насельников, которые имеют непосредственное отношение к фено-маркерам современных популяций. Есть все основания считать, что насельники Казахстана II и I тысячелетия до н. э. по своим антропологическим особенностям, судя по палеоантропологическим материалам, относятся к древним физическим предкам последующих поколений вплоть до современных казахов.

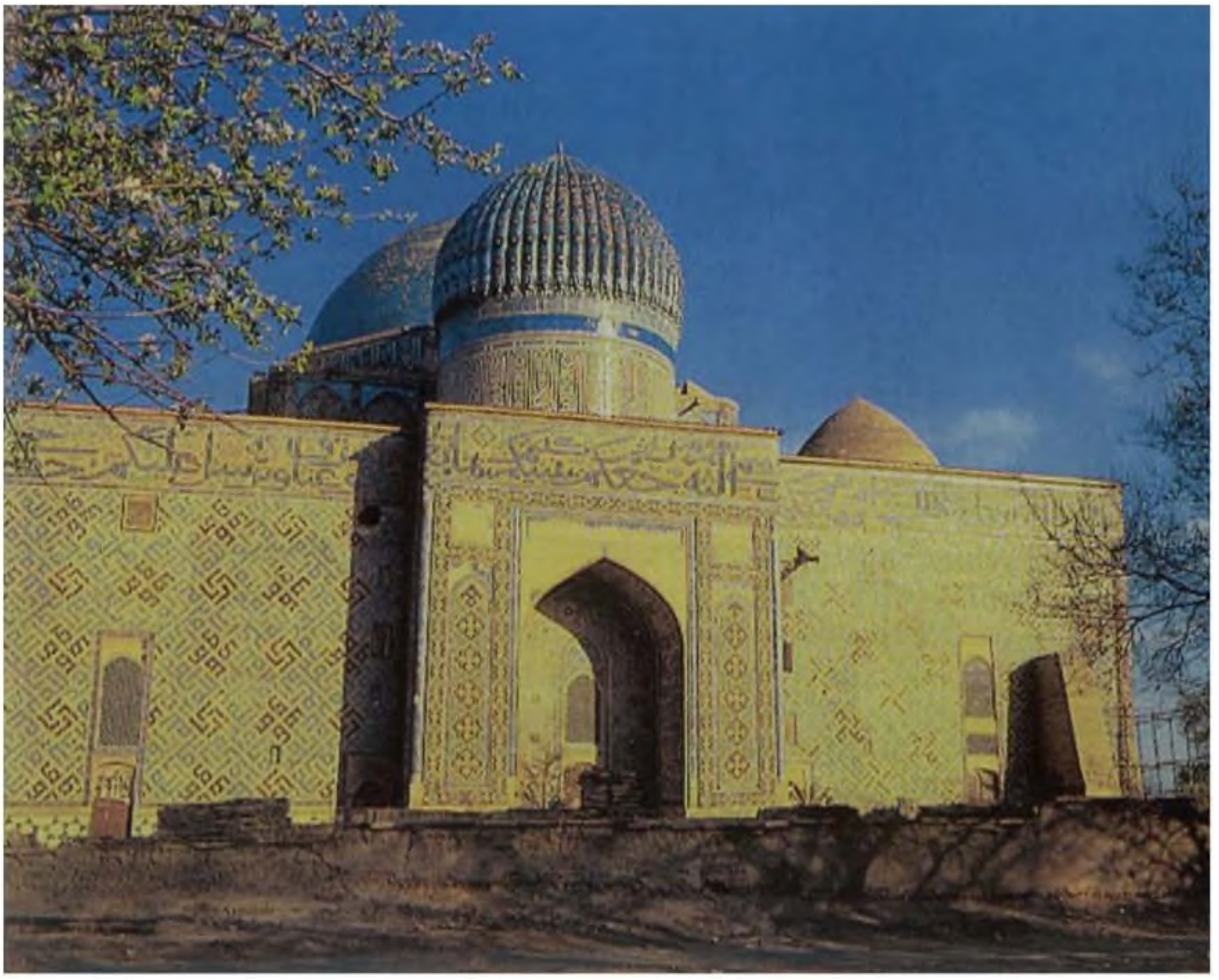
Дальние физические предки казахов

Как известно, на стыке двух тысячелетий до н. э. и нашей эры на территории Казахстана формируется новый этнополитический союз кочевых племен из Центральной Азии, вошедший в историю племен Великой степи как империя хуннов (гуннов). Действительно, она была первой центральноазиатской империей, которая окончательно положила конец древней хозяйственно-культурной и социально-экономической эволюции общества сако-усуньского образца. По образному выражению известного ученого, «Победа хунну была, таким образом, безраздельной победой железа над бронзой»[8].

Введенные гуннами важнейшие общественные и технические новшества поистине носили революционный характер. В результате чего они оставили глубокий след в историко-культурном развитии местных племен. Однако реальные масштабы их воздействия на древние племена Казахстана еще слабо отражены в археологических изысканиях. Тем не менее, собственный вклад гуннов в генофонд местного населения был довольно ощутим, т. к. примесь

Эмир Тимур (1336–1405)

Мавзолей Ходжа Ахмада Ясави

Казахские воины XV–XVIII веков

«восточных» элементов в фенооблике местных популяций несколько возросла по сравнению с предшествующей эпохой. В целом доля азиатского антропологического компонента после вторжения гуннов среди местных популяций, по нашим данным, уже составляла 1/4 часть от общей массы морфологических особенностей. В лингвистическом отношении, по мнению специалистов, гунны не только сумели заложить основу прототюркского наречия, но и в известной мере успели его внедрить среди аборигенного населения края.

Всему этому предшествовала сако-усуньская культурно-историческая общность, в которой уже была заложена этническая и антропологическая основа физических дальних предков казахской народности. В науке признано, что древние индоевропейские племена Казахстана и вся совокупность их хозяйственно-культурных традиций, этнолингвистической общности и генетического единства в конечном счете образовали единую предковую основу и предопределили последующее направление этно- и расогенетического развития местных союзов племен, в итоге включая казахскую народность в целом. Вместе с тем, при детальном антропологическом анализе черепных серий раннего железного века все же нельзя не видеть тенденцию, которая, несомненно, развивалась под воздействием фенов-признаков, привнесенных популяциями восточного происхождения (Центральная Азия). Судя по изученным палеоантропологическим материалам этого времени, удельный вес монголоидных элементов, как показали специальные расчеты, был еще незначительным в фенооблике древних популяций Казахстана. В целом у местных племен сакского времени 1/5 часть физических черт уже принадлежала «восточному» комплексу, представители которого впервые с этого периода фиксируются на территории Казахстана. На этом основании можно говорить, что середина I тысячелетия до н. э. явилась началом инфильтрации восточных популяций и одновременно становится начальной фазой метисационного процесса среди древних насельников Казахстана. Именно с этого времени элементы «восточного» расового ствола на рассматриваемой территории постепенно нарастают по мере приближения к позднему этапу средневековья (рис. 8).

Современниками и этнокультурно близкими к сакам племенами были савроматы, обитавшие в западной части рассматриваемого региона. Антропологически они обладали характерными чертами европеоидной расы. Главные морфологические различия между ними сводились к тому, что лицевой отдел савроматов в отличие от саков характеризовался сравнительно меньшими широтными и большими высотными размерами. Еще меньше были выражены антропологические отличия сарматов с усунями Юго-Восточного Казахстана, среди которых в физическом облике обнаруживается больше сходства, нежели различий. В целом этнокультурная близость между сакскими и савроматскими племенами нашла реальное отражение в археологических памятниках евроазиатских степей. В этом отношении наиболее классическими памятниками на территории Евразии признаны Аржан (Тува), Пазырык и Ак Алахаз(Горный Алтай), Иссык (Юго-Восточный Казахстан), «Толстая могила» (Украина) и другие курганы[9], где были захоронены элитные представители этих племен и находки из которых стали этнокультурными эталонами богатейшего сакско-савроматского мира от Керулена до Дуная.

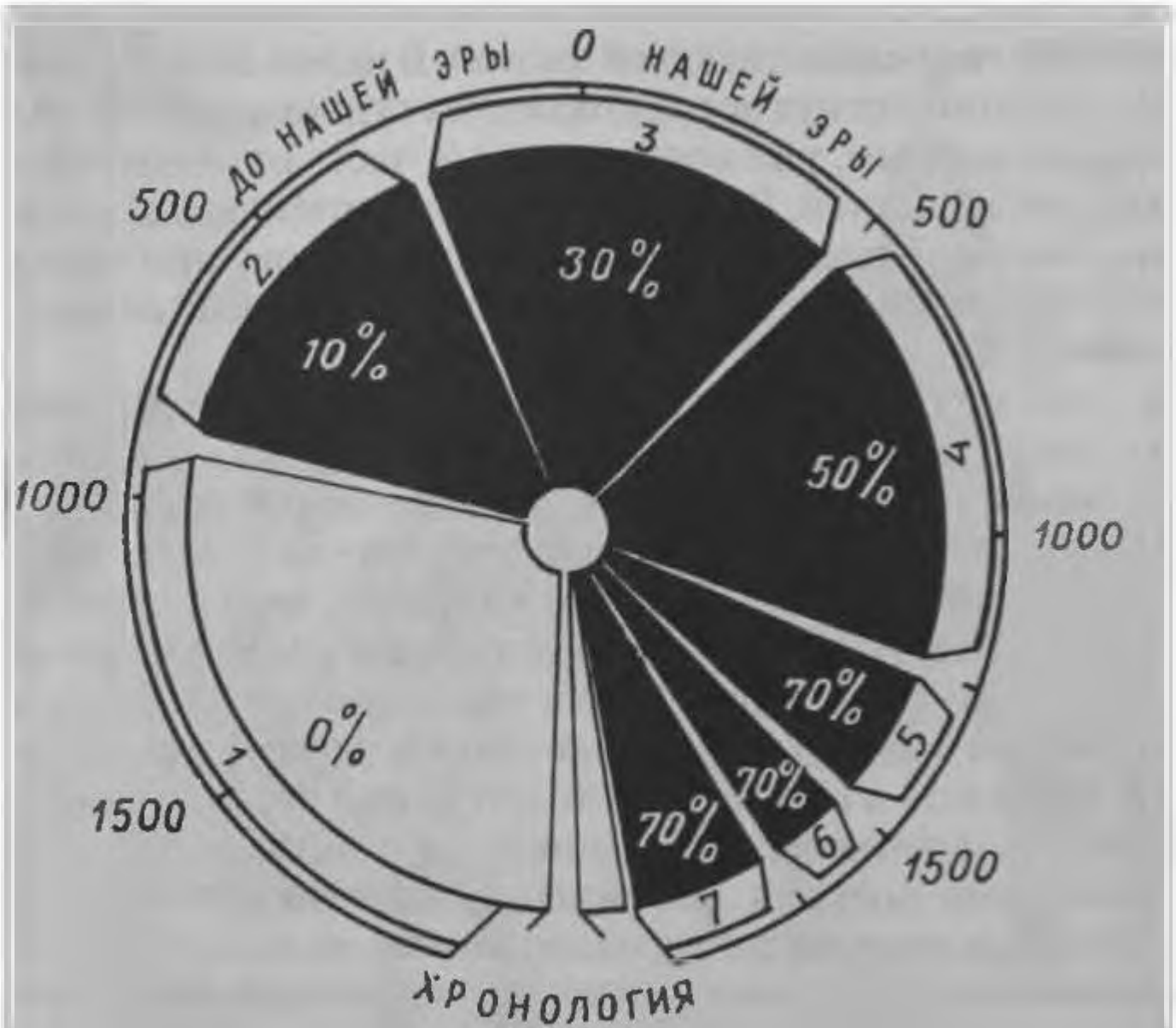

Рис.8. Условная доля монголоидных элементов у населения Казахстана в различные культурно-исторические периоды по данным краниологии

В масштабе Казахстана, как известно, культурогенез и расогенез этих племен в свою очередь восходят к насельникам эпохи бронзы Казахстана, где широкое распространение, в основном, получила так называемая андроновская этнокультурная общность, которая дала начало всему комплексу хозяйственно-культурного, этногенетического и расогенетического развития местных насельников. В то время в древнем Западном Казахстане, т. е. на запад примерно от реки Илек Актюбинской области синхронное развитие получила срубная культура. Обе эти региональные культуры в сущности обнаруживали между собой довольно близкие черты без особых коренных различий. В целом этнокультурные достижения племен эпохи бронзы Казахстана обладали выраженными региональными чертами, которые в свою очередь послужили важной основой для уклада жизни их потомков в виде номадизма и связанных с ним этнографических традиций. Вообще эпоха бронзы для многих провинций Азии и Европы была поворотным моментом в становлении и развитии крупных региональных культурно-исторических центров, которые в конечном счете послужили отправной точкой для возникновения отдельных культурных образований и для формирования ряда древних этнических и лингвистических общностей. Большинство исследователей считает, что «в древности область распространения иранских языков и племен простиралась от областей Юго-Восточной Европы до Восточного Туркестана»[10].

Надо признать, что для понимания сложной этнолингвистической ситуации в древней истории Казахстана важное значение имеет древнейшее повествование из Авесты, связанное с исторической географией степной зоны Евразии. Со времени первого чтения и перевода Авесты востоковедом Драмстетером и его последователями установлено, что «Арийские (иранские) и индоарийские (индийские) племена относились к той индоевропейской языковой и культурной общности, которая в начале II тыс. до н. э. обособилась в степной части Восточной Европы и Казахстана, где стали известны современной науке как носители срубной и андроновской культур»[11]. Среди исследователей нет особых расхождений относительно их общего самоназвания, которое известно в науке под этнонимом «арья»[12].

Согласно наблюдениям археологов андроновские и срубные памятники образуют единый географический и культурный ареал в обширном пространстве Евразии. Здесь весьма показательной и содержательной представляется археологическая карта степной бронзы, составленная Н. Л. Членовой[13], и в несколько измененном виде она приведена на рис. 9, где южная граница андроновской культуры простирается до северных областей Ирана и Афганистана. Столь широкое распространение степной культуры могло базироваться только на общем единстве культурного, лингвисти-

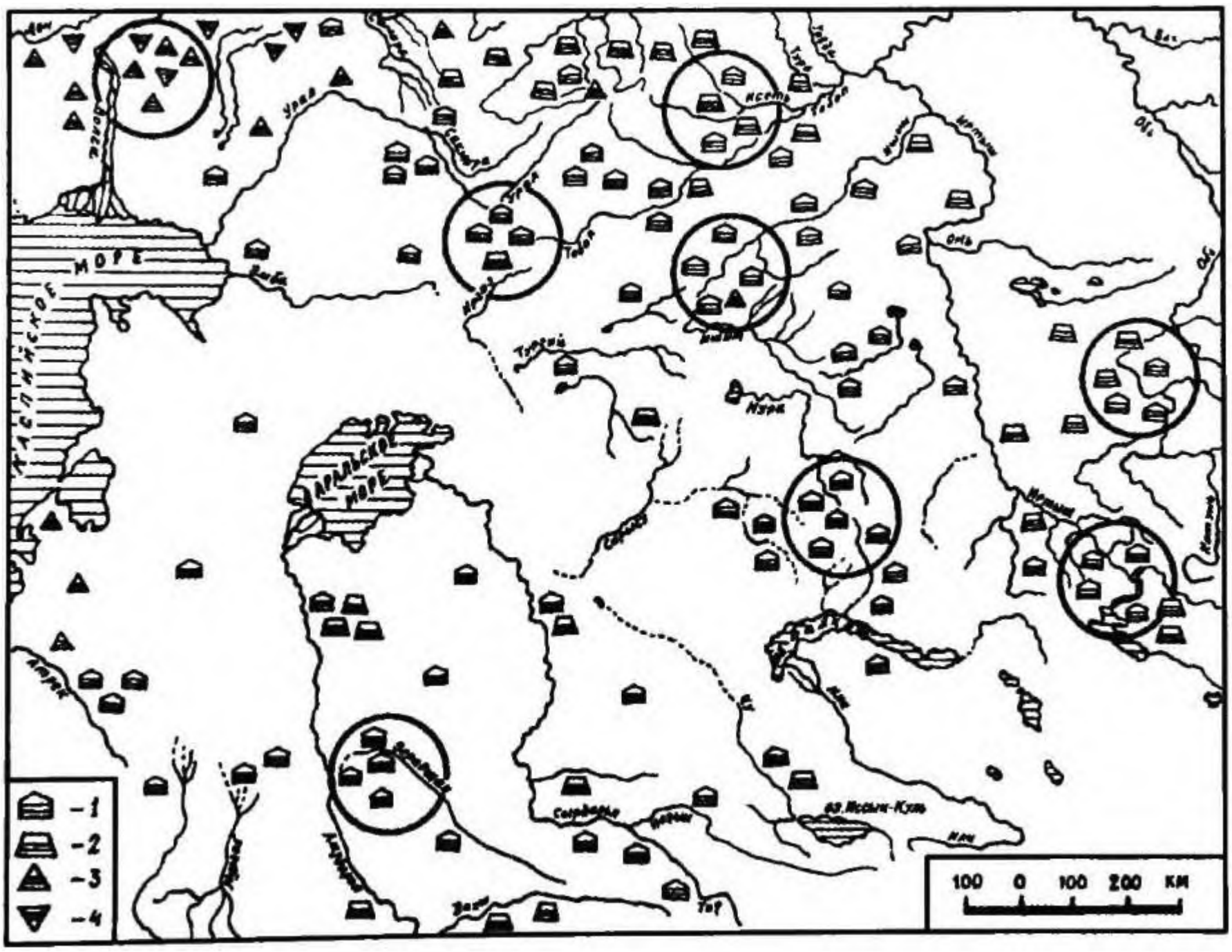

Рис.9. Схема-карта: условные места расположения археологических памятников эпохи бронзы на территории Евразии.
1 - андроновско-федоровские, 2- андроновско-алакульские, 3 - раннесрубные, 4- позднесрубные памятники. Круги обозначают места наибольшей сосредоточенности памятников

ческого и этнического образования племен эпохи бронзы в масштабе индоевропейской общности. Соответствующие гидрономические названия озер и рек на Евразийской территории помогают также сделать важные лингвистические представления о принадлежности к индоевропейской языковой системе автохтонного населения[14]. В целом вполне правомерным является утверждение исследователей о том, что в евразийских степях основными преемниками этнокультурных и этнолингвистических образований ариев, туров или туранов были саки и савроматы[15].

Вместе с тем, среди ученых существует и другая концептуальная теория, согласно которой лингвистическую основу насельников поздней бронзы и раннего железного века Казахстана составляла прототюркская языковая общность. В качестве доказательства лингвистами приводятся отдельные фрагментарные знаки идеографической письменности, обнаруженные на территории Казахстана среди различных бытовых предметов, изготовленных из металла, кости, керамики, а также на камнях. Несмотря на условность расшифровки знаков, все же специалисты рассматривают их как раннюю форму выражения тюркского наречия на территории Казахстана[16]. Следовательно, независимо от хронологии бытования этой лингвистической общности в древнем Казахстане, можно говорить о том, что индоиранское и прототюркское языковые наречия не только имели место, но они взаимодействовали на базе историко-культурных традиций местных насельников, а также служили важнейшими суперстратным и субстратным пластами в формировании специфических черт современного казахского языка.

Чтобы соотнести данные выводы с антропологическими изысканиями эпохи бронзы, обратимся к палеоантропологии Казахстана. Надо признать, что краниологические материалы бронзового века получены более или менее со всех регионов Казахстана. К сожалению, с рассматриваемой территории находки останков человека более ранних периодов, чем бронзовый век, пока очень фрагментарны. Тем не менее, есть все основания полагать, что неолитическое население древнего Казахстана обладало исключительно протоевропеоидными чертами.

Итак, вернемся к антропологической характеристике эпохи бронзы Казахстана. На основе суммарного изучения краниологических серий этой эпохи получены представления о физическом облике местных насельников, которые в основном имели мезокранные (среднеширокие) черепа, низкое, но широкое и хорошо профилированное в горизонтальной плоскости лицо, сильно выступающие носовые кости и низкие глазницы. Благодаря генетической устойчивости этих и других древних морфологических признаков, они в виде реликтовых элементов дошли до современности и содержатся в физическом облике казахов. Несколько отступая от хронологической рамки, можно сказать, что те европеоидные особенности, которые характерны для казахов, исключительно связаны с европеоидными чертами насельников бронзового века Казахстана[17]. В целом результаты палеоантропологического исследования позволяют охарактеризовать население Казахстана эпохи бронзы исключительно европеоидным без какой-либо примеси восточного расового ствола. В эпоху бронзы древний европеоидный субстрат Казахстана явился тем мощным антропологическим пластом, на базе которого происходила дальнейшая трансформа-

ция генофонда древнего населения края. Лучшей иллюстрацией тому служит рис. 10, где показано, как постепенно взаимодействуют европеоидный и монголоидный компоненты на территории Казахстана на протяжении более чем тридцати пяти веков. Кроме того, с помощью дендрограммы нами сделана также попытка уловить условный рубеж между дальними и близкими физическими предками казахов (рис. 10). Из рисунка видно, что население Казахстана II и I тысячелетия до н. э. в целом образует один кластер, а население I и II тысячелетия н. э., в свою очередь, составляет другой кластер. Следовательно, основной «водораздел» между дальними и близкими предками казахов лежит на рубеже н. э., предшествовавшем тюрк-

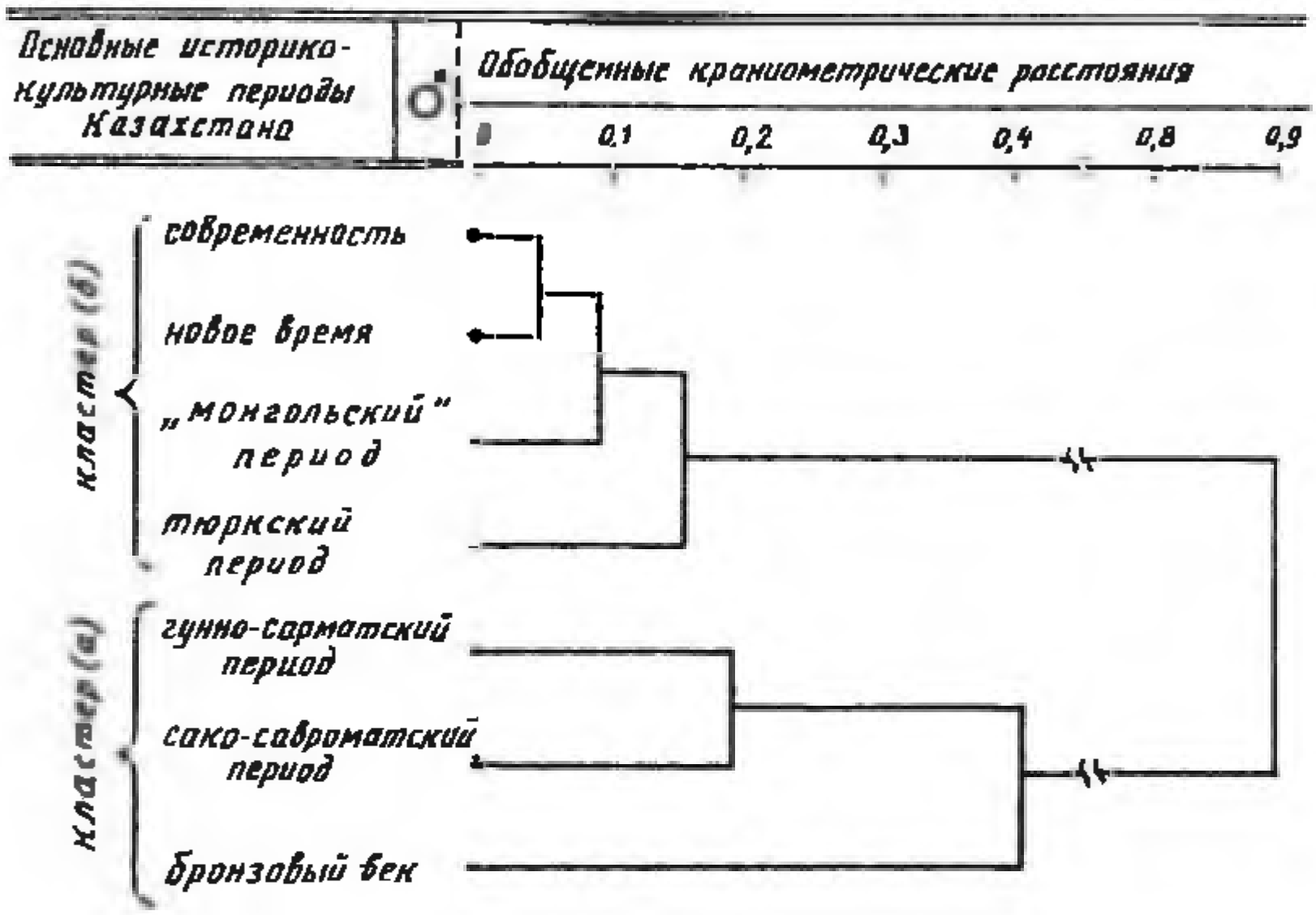

Рис. 10. Дендрограмма краниометрических признаков у современного и древнего населения Казахстана относительно условного рубежа между близкими и дальними физическими предками казахов

скому времени. Приведенные антропологические данные дают вполне достаточные обоснования для того, чтобы признать тюркские племена на территории Казахстана близкими генетическими предками казахского народа.

Таким образом, европеоидный облик древних популяций для рассматриваемого региона был изначально явлением исключительно автохтонным и важнейшие фены-признаки этой расы передавались из поколения в поколение. Итак, можно заключить, что древние племена бронзового века с андроновским этнокультурным обликом, индоевропейским языком, с европеоидными чертами физически являлись одной из дальних физических предковых форм казахского народа.

В качестве первого приближения к объективной картине всей истории развития казахского народа и его как дальних, так и близких предковых форм можно представить с помощью естественно-исторической шкалы времени. Для этой цели нами составлена специальная биосоциальная комплексная схема-шкала (рис. 11), где основные формы человеческой общности разделены

Хронология				I	Биосоциальная комплексная система *				Географическая среда
				Культурно-исторический период	Условная типология общностей				
					Социально-историческая	Лингвистическая	Этническая	Антропологическая	
					A	B	C	D	
2-ое тысячелетие		Новый эры	12	Современность (XX в.)	Новое время	Казахская	Казахстан		Природная среда
			11	Новое время (XVII – XIX вв.)					
			10	Позднее средневековье (XIII – XVI вв.)	Средневековая	Тюркская	Туркестан	Евразийско-монгольская	
			9	Среднее средневековье (VI – XII вв.)			Казахская		
1-ое тысячелетие			8	Раннее средневековье (II в. до н.э. – V в. н.э.)			Тюркская		
1-ое тыс.		До нашей эры	7	Ранний железный век (VIII – III вв. до н.э.)	Древняя	Индоиранская	Индоарийская	Европеоидная	
2-ое тыс.			6	Бронзовый век (XVI – IX вв. до н.э.)					
4-3 тыс.			5	Энеолит		Индоевропейская		Протосредиземноморская	
8-6 тыс.			4	Неолит	Предыстория				
40-10 тыс.			3	Мезолит					
200-50 тыс.			2	Верхний палеолит	Древнейшая	?	Протоевропеоидная		
700-400 тыс.			1	Нижний палеолит		?	?		

Рис.11. Стратиграфическая схема-шкала панорамной истории казахского народа с древнейших времен и до наших дней

* Данная схема является точкой зрения автора.

на четыре условных типа (A, B, C, D). При этом для них на всех этапах историко-хронологического развития остается неизменная единая территориальная основа, как важнейшая предпосылка реализации биосоциальной системы (от семьи до государства). Следовательно, на первый план в качестве постоянной естественной основы всех форм историко-культурного развития Казахстана выступает единая географическая среда, которая также несла следы жизнедеятельности людей во все времена. Наконец, в нашей стратиграфической шкале для лучшей ориентации во времени все этапы культурно-исторического развития рассматриваемого региона даны в хронологических рамках по тысячелетиям. Следует отметить, что нами несколько более детализирована известная нам историческая сторона, которая подразделена на 12 культурно-исторических периодов. Как известно, данный способ (I, 1–12) исторической дифференциации является наиболее распространенным. Кроме того, эти периоды свободно сопоставимы с синхронными этапами глобальной истории Евразии. В нашей схеме-шкале в дополнение к этнической общности мы отнесли также понятия Туркестан и Казахстан, т. к. они наряду с географической, в известной мере, несут и этническую нагрузку. В целом данная стратиграфическая схема-шкала, как нам представляется, может служить первой попыткой обрисовать панорамную историю развития казахского народа с древнейших времен по сей день. Именно такая панорамная схема, на наш взгляд, значительно облегчает понимание проблемы становления и сложения этнокультурной общности казахского народа, а также его физического облика и генофонда.

На основе этой стратиграфической схемы-шкалы можно установить важнейшие пласты генетических связей по ряду условных типологических общностей в панорамной истории казахского народа. Так, можно выделить следующую последовательную цепь развития общностей: A) в общеисторическом плане: древнейшую – древнюю – средневековую – новую – современную; B) в лингвистическом: древнеевропейскую – индоиранскую - прототюркскую – тюркскую – казахскую; C) в этническом: индоиранскую - тюркскую - казахскую; D) в антропологическом: европеоидную – европеоидно-монголоидную – монголоидно-европеоидную (см. рис. 11). Длительные направленные взаимодействия этих общностей на единой территории предопределили антропологическую гомогенность современных казахов. Начиная с позднесредневековья, ареал их основного расселения стал называться по этногеографическому признаку – Казахстан.

Тщательное рассмотрение основных итогов изучения краниологических серий древнего и средневекового Казахстана позволяет заключить, что свойственный современным казахам фенооблик окончательно сформировался не позднее XII–XIV вв. на основе местного и длительного взаимодействия двух больших рас – автохтонной европеоидной и привнесенной монголоидной. Все это теперь составляет единый монолитный морфофизиологический сплав антропологического состава казахского народа.

Из вышеизложенного видно, что генетические корни этого расообразовательного процесса, с одной стороны, последовательно восходят к далекой предковой форме, т. е. к древним местным племенам эпохи бронзы, с другой – к близкой предковой форме, т. е. носителям тюркской историко-культурной

общности – коренным насельникам края. Постоянная однонаправленная трансформация этих предковых форм на протяжении ряда тысячелетий на территории Казахстана позволила реально сформироваться физическому ядру самостоятельной антропологической общности, а также достичь этнокультурной целостности казахского народа, который, таким образом, следует рассматривать как единственный этнос, сложившийся естественноисторически в масштабе современной территории Казахстана. Поэтому казахский народ – исторически и антропологически единственный наследник, который не может входить в какие-либо федерации в пределах современных границ своего основного расселения, на чем и должна быть основана унитарность государственного устройства суверенной Республики Казахстан.

В целом результаты антропологических и популяционно-генетических исследований древнего и современного населения Казахстана вполне определенно соотносятся с основными итогами междисциплинарных изысканий относительно становления и формирования этнической, культурной и лингвистической общности казахского народа[18].

В заключение можно выразить надежду, что в нынешнем этнокультурном, лингвистическом и антропологическом статусе казахский народ перешагнет порог третьего тысячелетия и предстанет перед новым историческим развитием в кругу всего многообразия культурных контактов в единой системе человеческих цивилизаций, а также полиморфизма и относительной биологической устойчивости физических черт, присущих человеческим популяциям, что является важнейшей основой жизнедеятельности людей во все времена.

2. ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ПОСЛЕ МОНГОЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ. ИЗМЕНЕНИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ РАЗМЕЩЕНИИ, РОДОПЛЕМЕННОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ

В XIII в. этническая ситуация в Казахстане под влиянием этнополитических событий, связанных с образованием империи Чингиз-хана, претерпела существенные изменения. Огромное влияние на этнический состав населения и расселение племен на территории региона оказало включение его в состав Монгольской империи, вобравшей в себя многие другие народы и их территории в Азии и Европе. Монгольское завоевание изменило ход экономического и культурного развития всех покоренных народов. Само нашествие, а затем установленное монгольскими ханами правление сопровождались, особенно в первые десятилетия, опустошением земель, массовым истреблением и угоном населения, гибелью городов и оседлых поселений, очагов земледелия и ремесленного производства, разграблением и уничтожением материальных и культурных ценностей. Все это тормозило в одних или вовсе прервало в других районах объединительные этнические и политические тенденции в поступательном прежде развитии покоренных монголами народов.

В Казахстане, в частности, интеграционные тенденции в предшествующий монгольскому завоеванию период вполне определились на огромной территории от предгорий Алтая, Тянь-Шаня и Прибалхашья до речных долин Урала (Яика) и Волги, от южно-сибирской лесостепи до степных окраин Среднеазиатского междуречья, т.е. на территории восточной части Дешт-и Кыпча-

ка (или Восточного Дешт-и Кыпчака), Туркестана (Южного Казахстана) и Жетысу (Семиречья). Этому способствовали общность хозяйственно-культурного типа, многоукладность хозяйства, языковая, культурно-бытовая и духовная близость населения на всей территории, взаимосвязи и взаимодействие кочевых, полукочевых скотоводов и оседлых земледельцев, городского населения. Этническая интеграция племен и племенных объединений шла в направлении образования крупной тюркской народности, складывавшейся на базе тюркоязычного населения Казахстана, преобладавшего на этой территории уже с VI в. и вобравшего в себя потомков более древних ираноязычных европеоидов и монголоидов гуннской эпохи. Территориальным ядром ее формирования были земли Центрального и Южного Казахстана и Жетысу. Кочевые и полукочевые племена консолидировались в целом в домонгольский период на большей части степного Казахстана на кыпчакской основе, в Жетысу – усуньско-карлукской, т.е. в обоих районах на достаточно однородной этнической основе. Политическое взаимодействие, этнокультурное, социальное, хозяйственное продвижение кыпчаков и входивших в их политический союз тюркских родов и племен на юг и юго-восток, а жетысуйских, восточноказахстанских, алтайских племен на запад формировало исторические предпосылки для слоожения единой тюркской народности в пределах данного региона.

Монгольское завоевание резко изменило развитие этнического процесса, внесло коррективы в его движение и характер. Изменилась география размещения населения. Лавиной монгольского вторжения были сдвинуты со своих коренных мест и перемещены в другие районы, раздроблены на части многие тюркские этнические группы. На территорию Казахстана переместились новые этнические массивы, как монгольские, так и тюркские. Монголо-татарское нашествие способствовало дальнейшему усложнению этнической структуры населения Казахстана, усилению монголоидности его антропологического типа.

В исторических источниках завоеватели назывались по-разному. В арабских, персидских, русских, западноевропейских источниках войска Чингиз-хана и его наследников в Золотой Орде именовали «татарами»(а их государство – татарским), хотя этот этноним относился только к части восточно-монгольских племен. По имени этих племен все население Монголии называлось в Китае «татарами», а из китайских источников это название перешло в источники на других языках. Позднее широко распространилось в литературе наименование войск Чингиз-хана, обрушившихся на западные территории Евразии, «татаро-монголами», «монголо-татарами».Сам же Чингиз-хан и его окружение, как и его преемники, называли себя «монголами» и свое государство «монгольским»[19], т.е. этноним «монголы» был самоназванием ряда племен Центральной Азии, объединенных Чингиз-ханом в единое государство. Борьба между наиболее крупными племенами Монголии – монголами и татарами – закончилась победой монголов: «С каждой стороны [и татар, и монголов] выходили на другую, убивали и грабили [один другого], [пока] в конце концов... Чингиз-хан не сделал кормом [своего] меча все племена татар и китайских императоров...»[20]. Указания источников на эту беспощадную борьбу монгольского владыки против татар (на почве мести за убийство последними отца Чингиз-хана) позволили исследователям сделать вывод о том, что в войсках Чингиз-хана не было собственно татар[21]. Еще в прошлом веке высказано было мнение, что название «татары» (имеется в виду скорее не этнический, а

этнополитический термин) произошло не от монгольского племени татары, а от тюркских народов, которых монголы увлекли за собой в своем движении на запад[22]. В. Л. Егоров отмечает, что словосочетание монголо-татары (как и татаро-монголы) появилось столетия спустя после распада монгольских государств, его впервые применил в 1823 г. П. Наумов[23]. Было бы правильнее, по мнению исследователя, употреблять эти этнонимы только раздельно, как равноценные (так их применяли В. Н. Татищев и Н. М. Карамзин). Оба этнонима сохранились на века на территории бывших улусов Джучи и Чагатая в названиях этнополитических общностей и народностей татар (казанских, крымских, касимовских, сибирских и др.) и могулов (моголов) Могулистана и Восточного Туркестана.

Как было показано в первом томе настоящего издания, еще до выступления войск Чингиз-хана на запад на территорию Казахстана переместились многие из племен, обитавших на территории современной Монголии, а именно найманы, киреиты, меркиты, джалаиры. В ходе завоевания переместились на запад мангыты, кыяты, барласы, кунграты и другие племена. Упомянутое выше мнение, что среди переместившихся на запад войск не было татар, очевидно, не совсем точно. Во-первых, не все татары были истреблены Чингиз-ханом[24], а во-вторых, среди племен Восточного Дешт-и Кыпчака (т.е. Казахстана) последующих веков встречается название «татар». Любопытно, что Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани, упоминая о казахском войске, заметил, что «в минувшие времена» его называли татарским войском»[25].

О численности монголов, вторгшихся на территорию Казахстана, можно сказать лишь приблизительно. Войны Чингиз-хана переместили из глубин Центральной Азии на запад значительное число монголов. Часть монголов, ушедших в чужие края, была оставлена в разных странах для несения охранной службы, ведения дальнейших походов; постепенно они растворились в местной этнической среде.

Во время походов при Чингиз-хане в Китай и на Запад монгольских войск насчитывалось всего 129 тыс. человек[26] В походе на территорию Казахстана и в Среднюю Азию участвовало 111 тыс. только монгольских воинов. Кроме того, к ним были присоединены армии вассалов Чингиз-хана – уйгуров, карлуков, вместе с ними численность войск достигала 150 тыс.[27] Вассаф пишет, что ордынский хан Токтай потребовал у Газан-хана Хулагуида отдать ему Азербайджан, пригрозив ему силой: «Начиная от пределов Крыма и Каракорума [в низовьях Сырдарьи] до окраин Дербенда 10 туманов с лишним (т.е. более 100 тыс.) сторожевых войск нашей армии стоят так, что шатер прилегает к шатру и канат [шатровый] цепляется за канат»[28]. Эти сведения о монгольских войсках Золотой Орды, часть из которых размещалась и на территории Казахстана, относятся к рубежу XIII-XIV вв.

Есть данные о числе монголов в Казахстане в начальный период завоеваний. Рашид ад-дин сообщает, что Джучи, как и другим сыновьям, было выделено Чингиз-ханом в инджу 4 тыс. воинов (вместе с семьями это составляло до 20 тыс. человек)[29]. У Джучи были и другие воинские соединения, например, выделенные ему Чингиз-ханом во время осады Отрара в сентябре 1219 г. для взятия городов по нижнему течению Сырдарьи – Сыгнака, Дженда, Узгенда, Ашнаса, Барчынлыгкента и Янгикента[30]. Джучи не возвращался в Монголию; очевидно, что все его войска остались в его владениях (вместе с семьями). Ряд сведений источников о численности войск Джучидов[31] говорит о

том, что на территорию улуса Джучи, простиравшегося от Иртыша и Алтая до Днестра и Дуная переселилось монголов не 4 тыс., выделенных Чингиз-ханом этому сыну, а гораздо больше, хотя значительную часть войск составляли упомянутые выше тюркские войсковые части из Восточного Туркестана и Жетысу.

Данные, конкретизирующие численность монгольских войск на территории Казахстана, весьма противоречивы у разных авторов. Рашид ад-дин сообщает, что старший сын Джучи Орда-Еджен, получивший улус в Казахстане еще при жизни отца «был согласен на воцарение Бату, и на престол на место отца [именно] он его возвел» и «из войск Джучи-хана половиной ведал он, а другой половиной – Бату»[32]. Вассаф сообщает, что Бату «сделался наследником царства отцовского, а четыре личные «тысячи» Джучи... составлявшие более одного тумана (т.е. более 10 тыс.) живого войска, находились под ведением старшего брата Орду»[33]. Абулгази (XVII в.) привел данные, близкие данным Вассафа. Бату-хан передал Орда-Еджену во владение «народ, состоящий из десяти тысяч семейств», в том месте, говорил он, где «жил отец твой», т.е. на Иртыше»[34]. Получается, что личные четыре «тысячи» (хазара) не соответствуют этому числу, коль составляют более 1 тумана, т.е. более 10 тыс. В дальнейшем численность монгольского войска у Орды возросла:Рашид ад-дин сообщает, что Орда-Еджен выделил для завоевания Ирана 10 тыс. воинов в войско Хулагу-хана, исчисляя по два воина от каждого десятка[35], т.е. его, Орды-Еджена, войска составляли в то время 50 тыс. человек, а с семьями – 250 тыс. Эти данные дают представление о численности монголов, оставшихся на территории Восточного Дешт-и Кыпчака.

Территория Казахстана входила также в улусы Чагатая и Угэдэя. Как и Джучи, они получили от отца по четыре «тысячи» войска (около 20 тыс. человек) из племен барлас, кунграт, джалаир. Со временем численность этих «тысяч» выросла, аналогично тому, как это было в улусе-уделе Джучи, как за счет собственно монгольских, так и восточно-тюркских племен Южной Сибири, Алтая, Западной Монголии. В Притяньшанье переместились с Алтая и Прииртышья баарины вместе с толесами, тюленгутами и другими тюрками. В этот край, где состыковывались три монгольских улуса и находились ставки вождей с их многолюдными «орду», т.е. двором, свитой, с многочисленными войсками, в течение нескольких десятилетий стеклось не менее 200 тыс. кочевников, сохранивших свою форму хозяйства, требовавшую обширных земельных угодий[36].

Приведенные выше данные источников говорят о неоднократности притока монголов на территорию Казахстана из их коренных земель в XIII в., что отрицательно сказывалось на состоянии экономики и культуры и в собственно Монголии. Хотя в целом, учитывая обширность покоренного ими пространства только в Дешт-и Кыпчаке (включая Казахстан), общее число монголов, оставшихся на завоеванной территории, было невелико, и они постепенно растворились в массе местного населения.

Монгольское завоевание внесло значительные изменения в этническую структуру местного населения. Территория Казахстана оказалась первой на пути монгольского нашествия на запад, на пути миграции собственно монголов и увлеченных ими многих восточных тюркских родов и племен. Маршрут движения монгольских завоевателей в Мавераннахр в 1219 г. пролегал через самые заселенные и освоенные в хозяйственном отношении районы Казах-

стана – из Жетысу в район городов Средней и Нижней Сырдарьи. Через Казахстан из Нижнего Поволжья прошел в 1224 г. с запада назад в Монголию корпус Джэбэ и Субэдэя. Территория Казахстана к западу от Иртыша, Балхаша, Аральского моря, по сведениям ан-Нувейри, вошла в удел Джучи: «Летовья и зимовья от границ Каялыка [в Семиречье] и земель Хорезмских до окраин Саксинских и Булгарских, крайних пределов, куда доходили кони их полчищ при их набегах»[37]. Кочевые племена Казахстана оказались в числе подданных Джучи и его преемников. «Туши и Чагатай, – сообщает Джузджани в «Насировых разрядах», – управившись с делами Хорезмскими, обратились на Кыпчак и Туркестан, покорили и заполонили одно за другим войска и племена кыпчакские и подчинили все эти племена своей власти. Когда Туши, старший сын Чингиз-хана, увидел воздух и воду Кыпчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли, приятнее этой, воздуха, лучше этого, воды, слаще этой, лугов и пастбищ, обширнее этих»[38]

Джучи при жизни не успел покорить Саксин и Булгар (это отметил М. Г. Сафаргалиев[39]), не был за пределами территории Казахстана. В 1222-1223 гг. орды улуса Джучи кочевали у реки Яик (Урал). Только в 1229 г., уже после смерти Джучи (1227 г.), конница Бату перешла Яик и вытеснила кочевья половцев и саксинов (потомков хазар). Следовательно, упомянутая характеристика захваченных земель кыпчаков относится к восточной части Дешт-и Кыпчака. Упомянутый рядом с «Кыпчаком» топоним «Туркестан» подтверждает это. Приведенные Джузджани сведения о «покорении и заполонении войск и племен кыпчакских» не дают основания считать, что население кочевых районов Казахстана не испытало тяжести иноземного нашествия, не оказало сопротивления завоевателям. Тем не менее, попытки сопротивления были подавлены. Местная кочевая знать (преимущественно кыпчакская и огузская) стала верно служить монголам. Рядовые местные кочевники были использованы для формирования новых сотен, тысяч, туменов, которые раздавались монгольским царевичам и феодальной знати. Они были вовлечены в дальнейшие завоевательные походы монголов, сдвинуты со своих мест обитания, оторваны от производительного труда. Кыпчаки-кочевники и другие тюркские племена составили значительную часть монгольской армии, двинувшейся во главе с Бату в 1237 г. на покорение Восточной Европы, это усиливало военную мощь завоевателей. Вовлеченные в завоевательные походы кочевники из восточной части Дешт-и Кыпчака не всегда возвращались на прежние места, оставались в новых завоеванных краях (Поволжье, Южная Русь, Булгария). Часть кыпчаков под давлением монгольского нашествия переместилась в пределы Северного Казахстана и Западной Сибири. Туда же переместились частью родов найманы и киреиты[40]. Это вело к уменьшению численности населения в освоенных ими землях, ослаблению хозяйственного потенциала мест их обитания, изменило карту размещения этнических групп.

Особенно сильно монгольское завоевание нарушило сложившуюся этнополитическую и этносоциальную структуру в Жетысу. Выше упомянуты переместившиеся на территорию Жетысу новые этнические группы. Что касается коренного населения, то хотя непосредственного истребления местных жителей на этой территории при занятии монголами ее городов и селений не было, тем не менее они так же оказались сдвинутыми со своих мест в силу изменения самой структуры хозяйства. Разграбленные, хотя и не разру-

шенные штурмом, города Жетысу и их земледельческую округу захлестнула кочевая стихия. Городское и земледельческое население вынужденно покидало разоренные города и селения. Частью оно рассеялось, ушло в другие места, частью изменило тип хозяйства. Захват монгольскими феодалами лучших пастбищ, особенно в Восточном Казахстане и Жетысу, неизбежно вел к вытеснению местного населения, а раздел монгольской знатью захваченной ими территории на улусы разобщал этнически родственные группы.

В разное время в Восточном и Западном, Центральном и Северном Казахстане расселились переместившиеся сюда, помимо найманов и киреитов (киреев), также татары, мангыты, джалаиры, барласы, баарины и другие этнические группы.

В период монгольского завоевания произошло резкое сокращение и смещение населения из другого исторически обжитого района Казахстана – района присырдарьинских городов. Источники приводят названия трех южноказахстанских городов, население которых было уничтожено полностью, – Отрара, Сыгнака и Ашнаса. Шестимесячное сопротивление жителей Отрара и его 20-тысячного гарнизона было жестоко отмщено агрессорами – город был разграблен, большая часть жителей, оставшихся в живых после штурма, вырезана, а остальные уведены в «хашар» для использования при осаде Самарканда.[41] Семь дней обороняли Сыгнак городские жители – «злодеи», «чернь и бродяги» (шариран, оубаш ва рунуд) – по терминологии промонгольского автора. После взятия Сыгнака население было вырезано полностью[41]. Та же участь постигла жителей Ашнаса в низовьях Сырдарьи. Разграблены были, хотя и без поголовной резни, города Дженд, Барчынлыгкент, Узгенд в этом же районе[42]. Пострадало не только городское население, но и жители земледельческих округов присырдарьинских оазисов. Значительная часть местного населения была уничтожена, другие взяты в плен, третьи бежали, расселялись в разные стороны. Обезлюдели и скотоводческие районы. Вспомним свидетельство Плано Карпини о разорении земли кангитов: «В этой земле, а также в Комании мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащие на земле подобно навозу... Эти люди, как команы, так и кангиты, не обрабатывали землю, а питались только скотом. Они не строили также домов, а помещались в шатрах. Их также истребили татары и живут в их земле, а те, кто остался, обращены ими в рабство»[43].

Таким образом, монгольское завоевание на территории Казахстана явилось важнейшим политическим фактором, качественно изменившим ход развития политической истории и самих этносов, открыло пути к сложению новых государств и этносоциальных общностей. Прежний эволюционный путь сложения крупных народностей на территории Казахстана и смежных землях был прерван. Изменились в этническом плане многие стороны жизнедеятельности местного населения, в частности, претерпели изменения этнический состав населения, формы его этносоциальной организации, социально-экономические условия его жизни. Консолидационные процессы, четко обозначавшиеся уже в X–XII вв., получили стимул для дальнейшего продвижения лишь спустя столетие в процессе преодоления негативных последствий монгольского завоевания.

Изменение этнического состава населения Казахстана определилось перемещением части коренного населения в ходе вовлечения его в завоеватель-

ные войны Чингизидов на западе и юге, нового этнического компонента – монгольских родов и племен, передвинувшихся на территорию Казахстана (джалаиры, конграты, мангыты, барласы, баарины и др.). Захват монгольскими феодалами пастбищ также вел к вытеснению, перемещению местного населения. Феодальные войны и междоусобицы, политическое дробление улусов усилили процесс измельчания, разъединения, перемещения тюркских родов и племен, что разрывало старые родовые связи и отношения. Хотя численность монголов была относительно невелика по сравнению с покоренными народами, но они составляли правящий слой и ядро военных сил в каждом из образованных ими улусов-государств. Войско Бату-хана названо в источниках кыпчакским, так как оно на три четверти состояло из кыпчаков и других тюркских племен.

И постепенно монголы растворились среди многочисленного тюркского населения, приняли его язык и обычаи. Многие монгольские племена были отюречены еще в Центральной Азии. На огромной территории Золотой Орды, кроме кыпчаков, составлявших подавляющую часть населения, проживали канглы, найманы, киреиты, уйсуни, кенегесы, аргыны и многие другие. Арабский географ и путешественник XIV в. аль-Омари весьма образно отразил процесс ассимиляции в Золотой Орде: «В древности это государство было страной кыпчаков, но когда им завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными. Потом они смешались и породнились с ними и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их, и все они стали точно кыпчаки, как будто они одного (с ними) рода, от того, что монголы поселились на земле кыпчаков, вступили в брак с ними и остались жить на земле их (кыпчаков)»[44]. Это наблюдение относится и к восточной части Золотой Орды – территории Казахстана.

Изменились формы этносоциальной организации населения, они содействовали новым тенденциям в этнических процессах. С образованием Монгольской империи и формированием улусов ускорился процесс интеграции племен и народов, как ранее обитавших на этой территории, так и мигрировавших с востока. Новые общественные структуры, феодальные держания, улусы существенно изменили этническую карту региона. Распределив местное население по «тысячам» и «туменам», раздробив кочевые племена между улусами и уделами, монголы смешали население, переместили его крупные массивы на новые места обитания. Замена близкородственных связей территориальными содействовала ускорению процесса консолидации кочевого населения в народность. В западной части Золотой Орды этот процесс протекал быстрее, чем в восточной, на территории Казахстана, в связи с более благоприятными экономическими условиями – в части соотношения оседлых и кочевых зон, сохранения старых и строительства новых городов – и более интенсивным социальным развитием золотоордынского общества[45].

В то же время с установлением монгольского господства на территории Казахстана сложились особо трудные условия для этнополитического развития местного населения из-за исключительно неблагоприятных социально-экономических его последствий. Сокращение ареала городской и земледельческой культуры в монгольскую эпоху в силу сложившихся экономических условий, не способствовавших ее выживанию, усиление удельного веса кочевого скотоводческого сектора хозяйства, замедление социального развития, одним из основных проявлений которого было закрепление пережи-

точных форм общественной организации, – все это негативно повлияло на ход этнического развития в Восточном Дешт-и Кыпчаке и Жетысу.

Тем не менее, существенно изменив политическое, социально-экономическое и культурное развитие населения Казахстана и соседних стран, монгольское господство направило по иному руслу и развитие этнических процессов в регионе Евразии, оказало воздействие на ускорение формирования крупных стабильных этнических образований на этой территории – народностей позднего средневековья.

3. ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА

В XIV–XV вв. одновременно с наименованием «казак» в отношении населения территории Казахстана в источниках употреблялись и другие понятия: «узбек», «узбек-казак», «могулы», «ногаи». Эти термины относились к населению государств, функционировавших на территории Казахстана в этот период – Ак-Орды, Могулистана, ханства Абулхайра, Ногайской Орды. Они обозначали не народности, а этнополитические общности. Как известно, в историко-этнографической литературе население государства, образующегося в пределах той или иной историко-этнографической области, называется этнополитической общностью. На длительном пути своего становления та или иная формирующаяся народность нередко оказывалась разобщенной в рамках разных феодальных государств, составляя своими отдельными массивами, вместе с частями других народностей, различные этнополитические общности. В условиях кочевого общества границы государств, как правило, не совпадали с границами этнического расселения подвижных при кочевом и полукочевом скотоводческом хозяйстве родов, племен и иных этнических подразделений, консолидировавшихся в народности и в рамках этих государств составлявших этнополитические общности. Несовпадение границ возникавших и исчезавших государств и этнического расселения родственных племен осложняло этническое сближение, так как политическое разделение мешало поддержанию и упрочению издавна складывавшихся хозяйственных, культурных, этнических связей. Это обстоятельство в значительной степени сказалось и на завершающем этапе (XIV-XV вв., не говоря уже о XIII в.) формирования казахской народности. Оно особенно выявилось ко второй половине XV в., когда начался упадок государств, сыгравших в свое время большую роль в этническом, государственном развитии местного населения, и назрела объективная необходимость государственного объединения всех частей сформировавшейся народности.

Поскольку та или иная этнополитическая общность на территории Казахстана не охватывала весь формировавшийся народ, а лишь его часть, то история казахской народности связана с Ак-Ордой и ее этнополитической общностью узбеков, узбек-казахов, затем казахов, с ханством Абулхайра и его этнополитической общностью кочевых узбеков, с Ногайской Ордой и ее этнополитической общностью ногайцы и, наконец, с Могулистаном и его этнополитической общностью могулы.

Этническое сплочение в Ак-Орде (и ханстве Абулхайра) и внешне, и по существу протекало более отчетливо, чем в Могулистане. Нагляднее отражено оно и в источниках, поскольку первое государство – Ак-Орда – осно-

вывалось, главным образом, на базе этнически близких родов и племен кыпчакского союза, тогда как второе – Могулистан – на политическом объединении двух общностей, казахской и киргизской, а временами и трех, включая уйгурское население Восточного Туркестана. Это затрудняло этническое развитие этих групп. В имеющихся источниках население Могулистана названо могулами, под которыми исследователи видят то этническую общность, то союз племен, а то и народность[46]. Однако под этим именем скрывались ведь и казахи Жетысу, и киргизы Тянь-Шаня, о чем свидетельствует не только родоплеменной состав могулов, но и прямое указание Мухаммад Хайдара, что киргизы тоже из племен могулов[47]. Отсутствие прямых указаний на то, что в Жетысу жили до откочевки Жаныбека и Гирея казахи, привело к тому, что казахи по отношению к району Жетысу долгое время считались в литературе как бы пришельцами, которые «прикочевывали» в этот район со стороны[48], в чем сказывалось традиционное ошибочное следование за термином «казах» в поисках сложившейся народности, а не за этническими компонентами, составившими ее. В действительности же весь ход этнополитической истории XIV-XV вв. на территории Казахстана был связан не только с политической, хозяйственной и социальной жизнью Ак-Орды и ханства Абулхайра, но и Могулистана, составными частями населения которого, особенно района Жетысу, были племена, известные чуть позже как ведущие в казахском Старшем жузе.

Развивавшиеся параллельно Ак-Орда и Могулистан уже в XIV в. обеспечили политическое обособление формировавшихся в народность племен из конгломератных монгольских улусов. На своем этапе развития они содействовали преодолению отрицательных последствий монгольского завоевания, ускорили этнический процесс на территории Казахстана. Не без влияния этих государств казахская народность формировалась в трех жузах.

Политическая разобщенность отдельных частей складывавшейся казахской народности в государствах Могулистан, Ак-Орда, Ногайская Орда повлияла на ход этнической истории казахов – она закрепила издавна определившееся в силу географической обособленности территорий древних этнических центров[49] разделение формировавшейся народности на жузы.

Обособившись на территории древних историко-этнографических областей – на территории расселения племен Кыпчакского и Уйсуньского союзов, Ак-Орда и Могулистан в XIV-XV вв. сохранили основной этнический состав местных племен древнего Казахстана. Этнической основой этих государств Среднего и – соответственно – Старшего жузов казахов были одни и те же местные тюркские племена, занимавшие определенную этническую территорию, вокруг которых в течение веков в результате сложных этнических взаимосвязей сгруппировались местные и пришлые, родственные и неродственные, целые и осколочные, тюркские и тюркизированные (ассимилированные) племена, роды и их подразделения. Это говорит о закономерности возникновения Ак-Орды и Могулистана именно на отмеченных выше территориях древних этноисторических областей Казахстана, о том, что определяющей этнической основой этих государств было местное тюркское население.

Этнические ядра племенных объединений отличались большой устойчивостью и пребывали на своей исконной территории и в период Ак-Орды и Могулистана. Так, кыпчаки постоянно были основным населением обшир-

ной степной части средневекового Казахстана, оставаясь цементирующей основой формировавшейся на протяжении веков народности. Они были таковыми не только в кыпчакском государственном объединении XI–XIII вв., но и на обширных пространствах Золотой Орды, а также в Ак-Орде, объединившей в XIV в. улусы Орда-Ичена и Шайбана. Источники называют кыпчаков и среди племен государства кочевых узбеков – ханства Абулхайра[50], наконец, они составили значительную часть населения казахского Среднего жуза[51] Не случайно на протяжении веков огромная территория во всех восточных источниках называется Кыпчакской степью (Дешт-и Кыпчак). Тот факт, что почти все племена, зафиксированные позже в составе Среднего жуза, входили в состав кыпчакского войска Бату (Махмуд бен Вали называет их: аргун, огуз, найман, буйрак, уйрат, карлык, кошчи, усун, минг, кунграт, кераит и барлас)[52], говорит о том, что во многих случаях под именем кыпчак нужно видеть не только собственно племя кыпчак, но и воспринимать этот термин в собирательном значении, относящемся к союзу племен, этнополитической общности во главе с кыпчаками.

Многовековая устойчивость названных племенных объединений говорит, во-первых, об автохтонности составлявших их частей, родов, племен и, во-вторых, о поступательном движении, непрерывности в целом (несмотря на все внешние помехи в виде агрессий, войн, разрывов сложившихся связей) процесса формирования казахской народности.

Устойчивость Ак-Орды объясняется тем, что в ее основе лежала этническая прочность фактически сформировавшейся народности в одной из ее крупных частей – Среднем жузе, вычленение которого можно видеть уже в Ак-Орде. Многочисленность улусов, государственных новообразований, неустойчивость границ даже наиболее крупных из них – не столько результат отсутствия этнической общности населения, сколько слабости феодального государства, следствие феодальных усобиц, децентрализаторской политики удельных правителей, недостаточности хозяйственных связей в средневековом, особенно кочевом, обществе.

Политические объединения Восточного Дешт-и Кыпчака XV в. – многие мелкие улусы первой четверти XV в. и крупные, такие, как Ак-Орда, ханство Абулхайра, Ногайская Орда, и соответственно Средний и Младший жузы Казахского ханства, – имели фактически одинаковый этнический состав. В них входили в тех или иных пропорциях части одних и тех же тюркских и тюркизированных племен, почти не различавшихся в культурно-бытовом, языковом, хозяйственном отношениях. В источниках среди подданных различных Джучидов, нередко враждовавших между собой, упоминаются эмиры, беки и другие представители феодально-кочевой верхушки, родоплеменная принадлежность которых была одной и той же. Наиболее часто в источниках называются представители таких крупных племен, как кыпчак, найман, кунграт, карлук, уйсин (уйсун, уйшин), керей, мангыт. Упоминаются также выходцы из менее значительных племен и родов: буркут, кыят, кошчи, утарчи, джат, чимбай, кенегес, дурман, курлаут, тангут, уйгур, хитай, таймас, шадбаклы, шункарлы, уйрат, маджар и др.[53]. Все это – тюркские и тюркизированные племена и роды, общие для тюркских народов Средней Азии и Казахстана, известные по позднейшим спискам 92-х кочевых «узбекских» племен[54], разбросанные и перемешанные на огромной территории Среднеазиатско-Казахстанского региона бурными событиями XIII-XIV столетий

(монгольским нашествием и междоусобицами в Джучидском и Чагатайском улусах).

С 50-60-х годов XIV в. племена, населявшие Ак-Орду, т.е. территорию Восточного Дешт-и Кыпчака, стали все чаще называться вместо кыпчаков узбеками. В исторической литературе последних лет определилось вполне обоснованное мнение, что название узбеки употреблялось в то время, в XIV и XV столетиях, как собирательное, политическое имя для обозначения местных тюркских и ассимилированных монгольских племен Восточного Дешт-и Кыпчака, а не как этноним[55]. То, что название узбеки не было в этот период в Восточном Дешт-и Кыпчаке этнонимом, отчетливо видно из объяснения, данного весьма информированным автором начала XVI в. Ибн Рузбиханом Исфахани[56]. Он относил к узбекам «три народа», три группы племен (таифе), разделенных не только политической ориентацией, но и давней традицией обособленности этнического развития: Шайбанидов, т.е. часть восточно-кыпчакских племен, или их подразделений, вожди которых подчинялись Мухаммаду Шайбани, и собственно «казахов», под которыми он понимал подданных казахских ханов, кочевавших на огромных просторах от Итиля (Волги) до Сырдарьи[57], т.е. без казахских племен Жетысу. К узбекам же автор «Михман-наме» отнес и мангытов – ту часть населения Ногайской Орды, которая жила на территории Западного Казахстана, и предводители которой на рубеже XV-XVI вв. вмешивались в борьбу казахских ханов и Шайбанидов за власть в Дешт-и Кыпчаке. Впоследствии длительное время сохранялось традиционное название этой части казахских племен как ногайлы, а время союзных отношений «двух родных орд ногаев и казахов» при Жаныбек-хане, по сообщению Ч. Ч. Валиханова[58], воспевалось в эпосе как «золотой век». Среди ногайских племен исследователи называют более десятка племен общих не только для «узбеков» ханства Абулхайра, казахов Среднего жуза, но и киргизов. Важнейшие из них – найманы, кыпчаки, конграты, канглы, ктай, катаган и др.

По сути дела, за этими тремя группами племен узбеков, упомянутых Рузбиханом Исфахани, который констатировал сложившееся ранее положение, но как выразитель политики Мухаммада Шайбани хотел бы по-прежнему аттестовать жителей степи как подданных узбекского хана-Шайбанида, просматриваются этнополитические группировки, вычленившиеся в два казахских жуза – Средний и Младший, и группу племен и родов (или их части), поддерживавшую Мухаммада Шайбани, ушедшую с ним в Мавераннахр и унесшую туда название узбек. Число его сторонников было невелико, и как раз это обстоятельство долгое время не давало возможности Мухаммаду Шайбани захватить власть в бывших владениях Абулхайр-хана в Дешт-и Кыпчаке. Казахский Старший жуз, судя по географической ориентации кочевий упомянутых Ибн Рузбиханом Исфахани казахов, был вне рассматриваемых им сведений (на казахов Жетысу собирательный термин «узбек» никогда не распространялся).

В целом в той этнополитической общности населения Ак-Орды и ханства Абулхайра, которую называли узбеками, можно видеть складывавшуюся большую ветвь тюркоязычной народности. В ходе завершения процесса формирования этой ветви в XIV-XV вв. постепенно выяснилось – через трансформацию собирательных этнополитических терминов кыпчак, кибчак, узбек, узбек-казак, казак – и утвердилось этническое название казахи (казак). Ме-

нялись династии, каждая из которых утверждала свою джучидскую линию правления, поддерживаемую той или иной группой родовичей и племенных вождей, но, по существу, в Ак-Орде и ханстве Абулхайр-хана уже была государственность формировавшейся казахской народности. Эти государства, как и Могулистан в Юго-Восточном Казахстане и Кыргызстане, возникли на местной основе; каждое из них охватывало большую или меньшую часть этнической общности. При этом население часто переходило из одного династийного подданства в другое. Особенно легко это осуществлялось в условиях кочевого и полукочевого хозяйства, что мешает видеть фактически сложившуюся этническую целостность населения. Уход части (или частей) племен и родов Восточного Дешт-и Кыпчака на рубеже XV–XVI вв. в Мавераннахр, присоединение отдельных родов в середине XVI в. (после падения Астраханского и Сибирского ханств), возвращение в 20-30 годах XVI в. отдельных групп, уведенных в Кашгарию в 1514 г. из Жетысу (об их огромном желании вернуться на родину много пишет Мухаммад Хайдар[59]), лишь изымали или доставляли отдельные группы, а основной контингент сложившейся народности оставался на месте и был вполне определившимся уже ко второй половине XV в.[60]

Сочинения Мас'уда бен Усмана Кухистани, Камала ад-дина Бинаи, Шади, Мирзы Мухаммад Хайдара, Махмуда ибн Вали и других авторов, повествующих о событиях середины XV – начала XVI вв., насыщены сведениями о борьбе ханов различных джучидских линий (Шайбанидов, потомков Орда-Ичена, Тука-Тимура и др.) за власть над одним и тем же населением Восточного Дешт-и Кыпчака и Туркестана, называемым в источниках то узбеками, то узбек-казахами, то казахами, но фактически сложившимся в народность в одной из ее крупных частей – Среднем жузе. И если в источниках начала XVI в. к населению Восточного Дешт-и Кыпчака все более определенно применяется имя казахи, то это говорит не о том, что только к этому времени сложилась народность, и не о «возвращении» «казахов» из Жетысу после ухода «узбеков» в Мавераннахр (ведь узбеками, узбекским войском – «кошунат-и узбак» – называли источники[61] и уходивших к Жаныбеку и Гирею в Жетысу, т.е. подданных Абулхайр-хана), а всего лишь о переходе политической власти над населением Восточного Дешт-и Кыпчака и Туркестана к ханам ак-ордынской линии Джучидов, получившим уже до этого скорее политическое, чем этническое имя казахов. Поскольку в Мавераннахр ушла не основная масса подданных Абулхайр-хана, среди которых Мухаммад Шайбани так и не смог утвердить свое влияние, население после всех этих династийных перемен, по существу, не изменилось со времени Ак-Орды и ханства Абулхайра. Отличием было лишь то, что расширился контингент подданных ханов победившей линии Джучидов, нашедших опору в населении большей части Жетысу, которое до того было в подданстве ханов Могулистана.

4. ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ КАЗАХСКОЙ НАРОДНОСТИ

Образование казахской народности происходило на базе общих закономерностей формирования народностей, как этносоциальных организмов, в связи со становлением и укреплением феодальных отношений, сложением общности территории, языка, материальной и духовной культуры. Образо-

ванию народности также содействовали возрождавшееся в XIV–XV вв. на территории Казахстана традиционное хозяйство, взаимодействие кочевого и полукочевого скотоводства с оседлым земледелием. При этом, как уже отмечалось, в силу преобладания на территории Казахстана такого хозяйственно-культурного типа, как экстенсивное кочевое и полукочевое скотоводческое хозяйство, феодальные отношения здесь (как и у многих других народов Азии) переплетались с патриархальными, сложившаяся народность еще сохраняла многие элементы родоплеменной структуры и в источниках наряду с этнонимом «казак» отмечены наименования многих племен, племенных объединений, родовых групп.

Известная разобщенность интенсивно складывавшейся народности и вместе с тем линия на объединение нашли свое отражение в многочисленных легендах о происхождении казахов и казахских жузов. В одной из них, например, рассказывается, что около 780–790 гг. хиджры (т.е. в конце XIV в.) у одного из ханов 32 племен, говоривших по-тюркски, под властью которого находились 500 или 600 семейств, от пленницы родился сын, названный «ала» («пестрый» или «пегий»). По наущению старшей жены хан решил избавиться от ребенка, отвез его за Сырдарью, где тот был усыновлен каким-то бедняком. Впоследствии юноша прославился своими богатырскими подвигами, вести об его успехах дошли до хана, и он решил вернуть сына домой. Советники хана Котан-бай и Майкы-бай посоветовали послать за ним сотню джигитов, во главе ее поставили старшего сына Котана – Уйсуна.

Прибыв на место и подружившись с ханским сыном, Уйсун с джигитами отказался возвратиться домой. На следующий год за юношей был послан другой сын Котана, Булат, также с сотней джигитов, на третий год – младший сын Котана Алчин. И тот и другой не вернулись. Объединившись, три сотни джигитов стали нападать на своих соседей, угонять у них скот, и те назвали их «казак», что означало по-тюркски – «свободный», «вольный». Затем джигиты договорились избрать хана и предводителей. Уйсуна с его сотней поселили в верхнем течении Сырдарьи, Булата – в среднем, а третьего брата Алчина с его сотней – в нижнем течении реки. Ханского сына провозгласили ханом, подняв его на белой кошме. Поэтому, говорится в легенде, казахов называют детьми Уш-жуза (трех сотен)[62]. Примечательно, что в легенде имена Уйсун и Алчин совпадают с названиями крупных племен Старшего и Младшего жузов.

Этнополитическая ситуация складывалась так, что одни и те же племенные группы оказывались на время в разных государственных образованиях (Ак-Орда, Могулистан, ханство Абулхайра, Ногайская Орда и другие), территория их расселения изменялась под давлением извне или под влиянием феодальных войн, усобиц, откочевок, но главная линия к объединению все-таки пробивала себе дорогу, сознание принадлежности к народности в конечном счете возобладало над сознанием племенным. Входя в разные государственные образования, население территории Казахстана в массе своей пользовалось одним языком[63]. В то же время исследователями отмечается преемственность языка у большинства племенных групп и племен в до- и послемонгольских государствах на этой территории. Характерные особенности языка закрепились на протяжении этого времени, и они соотносятся исследователями с языком памятников кыпчакской литературы XIV–XV вв. Историческая память народа концентрировалась в фольклоре – эпосе, пес-

нях, легендах. Продолжали развиваться особенности хозяйственного и общественного быта, материальной и духовной культуры складывавшейся народности. Антропологический материал, относящийся к этому времени, говорит о единстве в основном антропологического типа населения, идентичного казахам последующего времени[64].

Длительное вхождение населения в систему отдельных государств в XIV–XV вв., как и прежде в монгольские улусы, усилило воздействие отмеченных выше факторов, в силу которых на территории Казахстана возникло несколько узлов этнической консолидации в виде трех жузов. Племена каждого из казахских жузов были связаны общими маршрутами кочевания, имели общую этническую территорию, совпадавшую с основной частью территорий упомянутых государств. Старший (Большой) жуз занимал территорию Жетысу до Сырдарьи; в его состав входили уйсуни, канглы, дулаты (дуглаты), албаны, суаны, сргели, ысты, ошакты, шапрашты, жалаиры и др. Средний жуз занимал районы Центрального и Северо-Восточного Казахстана; в его составе – кыпчаки, аргыны, найманы, конграты, киреиты, карлукские роды и др. Младший жуз занимал Западный Казахстан, земли от низовьев Сырдарьи, Аральского моря, северную часть Прикаспийской низменности. В его составе племенное объединение алшын и такие племена, как адай, алаш, байбакты, жаппас, тазлар, кара-сакал, кара-кесек и др.[65]. Время и механизм образования жузов остаются неисследованными. Сведения источников о жузах относятся к позднему времени XVII–XVIII вв., однако появление составных частей жузов, т.е. наиболее крупных из упомянутых племен, на территории Казахстана происходило в течение многих веков. Конкретное время и обстоятельства были зафиксированы выше при изложении исторических событий в древности и средневековье.

Основное содержание этнической истории Казахстана послемонгольского времени заключается в завершении формирования народности, вычленении состава племен казахских жузов, продвижении племен и родов, дополнивших древние этнические ядра, на их позднейшие территории, зафиксированные источниками XVII–XIX вв. К рубежу XV–XVI вв. жузы пришли уже сложившимися как в их родоплеменном составе, так и занимаемой территории, но их формирование и перераспределение, поляризация племен происходили в предшествующие столетия вместе с длительным процессом сложения народности, через этнополитические общности кыпчаков, узбеков, ногайцев, могулов и одновременно с вхождением отдельных родов и племен в другие формировавшиеся тюркские народности. Окончательное завершение процесса этнической консолидации замедлялось разобщенностью отдельных, исторически складывавшихся ее частей, входивших в состав нескольких государственных образований. Следует отметить, что в XIV–XV вв. продолжались многочисленные миграции. Так, во время войн Тимура переместились могульские группы из Жетысу в Среднюю Азию. При Абулхайр-хане откочевали к нему из Могулистана племена калучи и булгачи; на каком-то этапе переместились из Жетысу киреи в Средний жуз, мангыты (ногайцы) переместились с запада на Сырдарью; на исходе XV в. ушли в Среднюю Азию с Мухаммедом Шайбани-ханом многие роды и племена из Восточного Дешт-и Кыпчака. Все это дестабилизировало политическое положение и затрудняло этническую консолидацию населения обширной территории Казахстана.

Государственное объединение во второй половине XV–XVI вв. основных этнических групп казахской народности и ее этнической территории ускорило процесс завершения консолидации народности. В отличие от ханства Абулхайра и Ак-Орды, а также Могулистана, Казахское ханство имело более прочную этническую основу – уже сложившуюся казахскую народность. Впервые после монгольского завоевания были объединены в одно государство почти все тюркские роды и племена Восточного Дешт-и Кыпчака, Туркестана и Жетысу.

Особо важной является проблема этнической общности населения юга Казахстана и остальной территории расселения казахского этноса. Письменные и археологические материалы подтверждают связь населения этого района с обитателями Восточного Дешт-и Кыпчака и Жетысу не только традициями хозяйственно-политического и культурного развития, но и этногенетическим родством, общими этнополитическими судьбами. На территории Южного Казахстана и Юго-Западного Жетысу издавна был стык двух главных этнических узлов формирования казахской народности, двух крупных этнополитических общностей древнего Казахстана – Кыпчакского союза племен в Центральном, Северном и Южном Казахстане и Усуньского союза племен в Юго-Восточном Казахстане, ставших основой Среднего и Старшего жузов казахов. Их этнические территории простирались к северу и северо-востоку от бассейна Средней Сырдарьи и Каратау. От низовий Сырдарьи на северо-запад и на север простирались земли казахского Младшего жуза. Фактически все три жуза выходили на территорию средневекового Туркестана, т.е. на значительную часть современной Юж.-Казахст. области[66]. В Туркестане (области присырдарьинских городов и ареала Каратау) в XIV–XV вв. жили кыпчаки, канглы, конграты, аргыны, дуглаты, мангыты, жалаиры, представители других казахских и узбекских родов и племен. Одни из них (кыпчаки, канглы) жили на этой территории с древних времен; другие (конграты, жалаиры) переселились при монгольском завоевании, хотя и включили в себя массу местных родов и осколков племен, передав им свое имя; третьи (дуглаты, аргыны, мангыты и др.) попали сюда в период войн и миграций при Тимуре и Бараке, Абулхайре и Жаныбеке, могульском хане Юнусе и Мухаммеде Шайбани. Источники фиксируют и совместное проживание казахов, узбеков, каракалпаков на территории Туркестана в это время. В вакфной грамоте конца XVI в. в составе жителей Сыгнака и его округи названы казахи, тюрки (узбеки), арабы (потомки древних завоевателей), каракалпаки[67]. Длительное пребывание на территории Туркестана различных родов и племен, входивших в состав казахов и узбеков, мангытов и могулов, приводили к этнической пестроте местного населения, появлению особого этнического компонента в составе казахской народности, характерного только для Южного Казахстана.

Вместе с укреплением Казахского ханства и ускорением процесса консолидации народности в ее состав вошли казахские роды и племена, находившиеся в подчинении правителей Могулистана, Сибирского ханства, Ногайской орды. Распад Ногайской орды, территориальная и этническая близость ногайцев к казахам послужили предпосылками присоединения восточной группы ногайских улусов к Казахскому ханству и вхождения этой части ногайцев в казахский этнос в составе Младшего жуза.

Сложившаяся народность со второй половины XV в. известна среди соседей и в письменных источниках, отражавших современные тому периоду со-

бытия, под именем «казахи» (қазақ). Происхождение этнонима қазақ долгое время являлось предметом дискуссий исследователей, отражено в многочисленных легендах народа, сложенных им относительно своего происхождения[68]. В тюрко-персидских источниках этот термин употреблялся изначально в социальном смысле и означал человека, отделившегося от своего рода, племени, вынужденного вести жизнь скитальца, изгоя. Вынужденные «казаковать» часто поступали на военную службу к другому, чужому правителю. По «Тарих-и Рашиди» и другим источникам, термин «казахи» применяется для обозначения политической группировки во главе с Жаныбеком и Гиреем, откочевавшей в Жетысу, сначала в форме «узбек-казахи» (узбек-қазақ), затем «казахи» (қазақ). В XV в. термины «узбеки» и «казахи» не имели четкого этнического значения. Приведем упомянутые выше сведения Фазлаллаха ибн Рузбихана полностью: «Три племени относятся к узбекам, кои суть славнейшие во владениях Чингиз-хана. Ныне одно [из них] — шибаниты и его ханскос величество после ряда предков был и есть их повелитель. Второе племя — казахи, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью, и третье племя — мангыты, а [из] них цари астраханские»[69]. С укреплением ханства Жаныбека и Гирея казахами стало называться все подвластное им население. Постепенно термин «казахи» приобрел этнический смысл[70]. Он стал применяться как этноним для обозначения давно уже сложившейся единой тюркской народности, этнической территорией которой были земли Восточного Дешт-и Кыпчака, Жетысу и Южного Казахстана.

Реальным историческим следствием развития казахской государственности в политических рамках Казахского ханства явилась единая казахская народность. В эпоху Казахского ханства, в XV—XVII вв. закрепились основные, практически общие для населения огромной территории Казахстана черты и особенности материальной и духовной культуры казахского этноса. Сознание своего этнического единства народ отразил в эпических произведениях.

В упорной борьбе с Шайбанидами и Аштарханидами Мавераннахра, сибирскими и русскими властями в Прииртышье и на Алтае, джунгарскими тайшами в Жетысу и на землях Восточного Казахстана отстаивал казахский народ свои коренные этнические территории, еще в XVI в. названные в письменных источниках (Зайн ад-дин Васифи «Бадаи' ал-вакаи'») термином Казахстан[71]

Сложение народности — процесс длительный, время окончательного ее сложения трудно привязать к какому-то строго датированному отрезку времени. Однако совокупность исторических, археолого-этнографических, антропологических и лингвистических источников позволяет утверждать, что процесс образования казахской народности в XIV—XV вв. в основном завершился.

5. О ТЕРМИНЕ «ҚАЗАҚ»

На протяжении почти двухсот лет исследователи пытаются объяснить происхождение и раскрыть семантику термина «қазақ». Спектр высказанных точек зрений весьма широк — от довольно убедительных научных гипотез до весьма вымученных этимологий. Однако, пожалуй, пока никому не удалось вынести окончательное суждение, объясняющее это слово.

В последнее время с обретением Казахстаном своей независимости значительно возрос интерес к истории и культуре казахского народа вообще и к термину «казак» в частности. На страницах научных и газетно-журнальных изданий появились публикации, так или иначе касающиеся этого термина. Изложенные в них мнения, за редким исключением, основаны на высказанных в прошлом воззрениях.

При решении вопроса о происхождении названия «казак» значительная часть исследователей встала на путь поиска терминологического совпадения в имени племени. Забегая вперед, следует отметить, что данный методический прием, как показывает исследовательская практика, еще далеко не достаточен для более определенных выводов о степени близости сопоставляемых понятий. Созвучные слову «казак» термины ученые нередко находили в значительном отдалении от территории Казахстана. При этом не учитывалась необходимость выяснения системных совпадений историко-культурного характера, способных показать глубину их этнических связей. Относительно принятых идентификаций в историографии существуют следующие основные гипотезы.

Исследователи чаще всего, вслед за Н. М. Карамзиным и А. Вамбери[72], привлекают сведения византийского императора Константина Багрянородного (сер. X в.) об упоминании им «страны Казахия», находившейся на северо-западе Кавказа. На основании близкого созвучия авторы усматривают отражение этнонима «казак» в термине «Казахия», в связи с этим делается вывод, что казахский народ был известен с X в. В отношении правомерности чтения «Казахия» необходимо сделать поправку, заключающую в том, что в оригинале (с греческого) во втором слоге дана «сигма» (с), а не «дзета» (з). Следовательно название страны должно читаться как «Касахия». В. Минорский, интерпретируя информацию К. Багрянородного, совершенно четко показал, что под Касахией имеются в виду касоги[73].

Идентификация названия «Казахия» и народа казак расширила возможности историков в привлечении дополнительных материалов, в частности, из письменных источников мусульманского круга. Так, в сочинении «Китаб ат-танбих ва-ль-ишраф» арабского историка и географа аль-Масуди (X в.) среди названий кавказских народов и племен в районе реки Кубани отмечается этническая общность кашак и аль-касакия[74]. Видный немецкий востоковед И. Маркварт показал, что эти два термина передают название одного и того же этноса – касогов[75]. В рамках рассматриваемой тематики укладываются и сообщения анонимного персоязычного географического труда «Худуд ал-алам» (X в.) об области аланов, где приводятся данные о городе Касаг[76], расположенном на берегу Черного моря, именно городе, а не этнической общности, как пишут в литературе. О касогах повествуют также русские летописи. В «Повести временных лет» содержится информация о войнах, происходивших на р. Кубани между русскими князьями Святославом (965 г.) и Мстиславом (1022 г.) с касогами[77]. Термин «касог» впервые упоминается в сочинении монаха Епифания в конце VIII – начале IX вв. Из этой сводки следует, что названия казах, касахия, касак, кашак, касог являются различными формами передачи одного и того же раннесредневекового немногочисленного кавказского племени (или объединения племен). Кавказоведы давно сближают касогов (в древнегрузинских памятниках известны в форме кашаг) с малоазиатским этнонимом хетто-неситской эпохи каска/кашка. Отсюда встает законо-

мерный вопрос, насколько оправдана и доказательна точка зрения о сопричастности касогов к казахам. Мнение о связи этнонима казак с названиями касог, касахия (казахия?) носит сугубо декларативный характер, основанный на созвучии слова (такого же порядка, как тюрки хазары и хазаре Афганистана, корси Корсики и корсь Прибалтики), хотя исторически никакого соответствия между ними не было. Касоги входили в особую подгруппу абхазско-адыгейской группы, говорящей на одном из автохтонных кавказских языков. По своему происхождению, языку, укладу жизни и особенностям физического типа они резко отличались от казахов и их тюркоязычных предков. Процессов этнического разделения касогов и связанных с ними миграций из Кавказа на территорию Казахстана в эпоху средневековья не наблюдалось. Они не сыграли той роли, которая предназначалась на исторической арене соседям касогов тюркоязычным булгарам, переселившимся на Балканы и давшим имя современной Болгарии.

Таким образом, мнение о связи касогов с казахами не выдерживает никакой критики.

В литературе существует также точка зрения (со ссылкой на З. В. Тогана), по которой слово «казак» упоминается, якобы, арабским историком Ибн Асам аль-Куфи. Интересующий нас термин упоминается в историческом сочинении «Китаб аль-футух» (конец IX— начало X вв.), посвященном арабскому полководцу Марвану, который вел войну с хазарами в Арране и Дагестане. В оригинале труда написано следующее: «В 736 г. Марван зазимовал в местности, именуемой Касак (а не казак – Б. К.), переправился через реку Кур и направился к городу Шаки»[78]. Из контекста вытекает, что в произведении аль-Куфи нет термина «казак», но значится название местности Касак, расположенной в горном районе Большого Кавказа, на Западе Азербайджана. Сопоставление терминов «касак» и «казак» неприемлемо не только в силу хронологических проблем VIII в., но и по комплексу взаимоконтрастирующих исторических, географических и хозяйственно-культурных параметров.

Можно еще привести суждение, восходящее к финскому алтаисту Г. И. Рамстедту, который возводил термин «казак» к монгольскому словосочетанию «хасаг-терген». Это двусложное понятие, упомянутое в «Сокровенном сказании» (XIII в.), обозначало повозку[79]. Данное воззрение, поддержанное иранистом А. А. Семеновым, никак не аргументировано[80]. Оно не убедительно в силу того, что ни в синхронном срезе, ни в исторической перспективе термин «хасаг-терген» как название повозки у населявших Казахстан тюркоязычных народов не получил отражения[81]

В Енисейском древнетюркском памятнике VIII в. В. В. Радловым была прочитана фраза «казғакым оғлым» (мои приемные сыновья)[82]. На основе не только внешнего сходства, но и близости значений терминов «казғак» и «казак» В. П. Юдиным сделана попытка сопоставить эти слова. По мнению исследователя, звук «ғ» в понятии «казғакым» вполне мог употребляться в устной речи тюрков VII—VIII вв., а позже, вероятно, выпал, и это слово приобрело форму казах. Термин «казак» в форме «казғак» рассматривался им в политическом значении, который позже приобрел этнический смысл[83]. Это воззрение не получило дальнейшей поддержки в кругу специалистов ввиду того, что оно не корреспондирует с закономерностями исторической фонетики тюркских языков.

Вместе с тем на основе других материалов нарративных источников было сделано несколько сопоставлений по признаку этнических названий, локализующихся в пределах территории Казахстана. Одним из них является мнение, высказанное И. Марквартом[84], по поводу наименования трех карлукских племен как «хасаки» /хаски/, последние были сопоставлены исследователями с казахами. Хотя этой точке зрения и следует в настоящее время ряд авторов, ее нельзя считать доказанной. Предложенные Марквартом прочтения названий девяти карлукских племен по явно искаженному тексту антологии «Джавами аль-хикаят ва лавами ар-риваят» персоязычного литератора XIII в. Ауфи носили предварительный, реконструктивный характер. Рассматриваемые сведения о карлукской конфедерации, обитавшей в Жетысу и Южном Казахстане, относились к IX–X вв. В. Минорский путем тщательного текстологического и сравнительно-исторического анализа материалов из более ранних письменных памятников, в частности, из арабского географического труда аль-Марвази внес существенные коррективы в дешифровку контекста по племенному составу карлуков. В данном случае вместо «хасаки» внесена обоснованная конъюнктура «баскиль»[85].

Явно несостоятельным следует признать мнение о том, что в сочинении арабского путешественника Абу Дулафа упоминается этноним «казак» в форме «казлак». В середине X в. через территорию Казахстана с запада на восток пролегал путь Абу Дулафа в Китай. Воспоминания о путешествии, изложенные в «Рисала», посвященные тюркским племенам, были переведены на русский язык Н. Н. Пантусовым. В тексте перевода упомянуто этническое название «хазлак»[86], которое стало прототипом для искомого «казлака», затем, якобы, трансформировавшегося в форму «казак». Необходимо вместе с тем указать на неверное чтение Н. Н. Пантусовым слова «хазлак» вместо «харлук», так передавалось написание названия карлуков в арабской средневековой литературе. Тем самым ставился знак равенства между карлуками и казахами, что не совсем корректно.

Образование казахского народа некоторые ученые относят к X в. на основании утверждения А. Левшина об упоминании в «Шахнаме» Фирдоуси (935–1020) о казахах и казахских ханах[87]. Между тем востоковеды неоднократно указывали на то, что в исторической поэме персидского автора никакой информации о термине «казак» не имеется. Это недоразумение объясняется тем, что А. Левшин, при всех его обширных знаниях истории казахов и их среды, не знал однако персидского и арабского языков.

Таким образом, в большинстве случаев в выдвигаемых гипотезах сопоставлялись несопоставимые названия. Далее, этнонимы рассматривались изолированно, а не во всей совокупности конкретно-исторического подхода. Не учитывались собственно этнические процессы – изменения в этносе во времени. Появление в источниках этнонима, как обычно, не совпадает со временем образования народности (ср. этноним киргиз и киргизская народность, этноним туркмен и туркменская народность, русы и русские и т. д.). В исследовательских работах понимание необходимости разработки проблем соотношения этнонима и этноса в конкретно-исторических условиях далеко не всегда присутствует. Между тем один и тот же этноним мог обозначать различные состояния этноса (племя, союз племен, народность, нация). Так, при одном и том же этнониме (кыпчак) этнос кыпчак с III до XIII в. находился в пяти различных состояниях этнического развития – от племени во Внутрен-

ней Азии до едва ли завершающего этапа формирования кыпчакской народности на территории Казахстана. В XIII в. монгольское нашествие прервало наметившийся процесс образования кыпчакской народности. В дальнейшем, в отличии от домонгольского периода, развитие исторического процесса в кыпчакском обществе пошло не по линии их собственного оформления, а потекло по руслу раздробления, участия их в образовании прежде всего казахского народа, а также целого ряда иных тюркоязычных народностей. На этом этапе кыпчаки пребывали уже на другом таксономическом уровне этнического развития. Исторически сложившиеся этнические общности кыпчаков складывались в динамике и трансформации при одном и том же этнониме кыпчак. Таким образом, сопоставление одного этнонима с другим неизбежно предполагает не простое декларирование, а проведение скрупулезного исследования.

Имеются все основания считать, что само слово «казак» возникло в регионе обитания кыпчаков. По мнению ряда тюркологов, первоначальный ареал распространения термина «казак» был связан с Восточным Дешт-и Кыпчаком. Появление этого слова в данном фонетическом оформлении, характерном для кыпчакского языка, А. Н. Самойлович относил ко времени не ранее XI в.[88]. Принято считать, что впервые термин «казак» в письменном источнике употреблен в арабо-кыпчакском словаре, составленном в кыпчакской среде Мамлюкского государства Египта в 1245 г. В нем слову «казак» придается значение «свободный, скиталец»[89]. Данная семантика позволила считать, что в термин «казак» вкладывался социальный смысл и означал индивида, людей, отделившихся от своего рода, племени, государства, добывавших средства к существованию участием в военных предприятиях, и он связывался с институтом казакования. Правомочно также полагать, что возникновение понятия «казак» относится ко времени, более раннему, нежели XIII в., однако никаких прямых данных, уточняющих хронологию, в письменных памятниках не содержится. Впрочем, на этот счет имеются косвенные сведения.

Казакование как институт носил всеобъемлющий, стадиальный характер. Он имел место как в среде тюркских племен, так и в обществах арабского Востока (су'лук), Восточной Европы (норвежские викинги), Руси (бродники) и т. д. И в каждом случае наблюдалось терминологическое своеобразие при единой сущности этого социального явления.

Весьма интересные сведения для характеристики и времени функционирования института казакования содержатся в сочинении арабского географа X в. Ибн аль-Факиха, где он приводит рассказ огузского царевича Балкика ибн Джабгу следующего содержания: «Один из моих предков, говорит Балкик, рассердился на своего отца, который был в то время царем, и отделился от него. Он избрал себе в спутники своих клиентов, дружинников и других, из тех, кто любил разбойничество. Он отправился, идя по востоку страны, нападая на людей и ловя то, что попадалось ему и его спутникам»[90]. В этом, пожалуй, классическом описании казакования, относящемуся, вероятно всего, к IX в., Ибн аль-Факих в качестве синонима термина казак использовал арабское слово «су'лук». Понятие «салака» означало у бедуинов людей бедных и предприимчивых, не находивших себе места в племени, и поэтому составлявших отряды и отправляющихся искать счастья путем разбоя. При различиях в термине рельефно обнаруживается совпадение по содержанию института казакования в двух различных кочевых обществах.

Описанный рассказ царевича Балкика ибн Джабгу, очевидно, был связан с историей огузских правителей джабгу на Сырдарье, историческая канва которой, по опосредованным данным, датируется IX в. Ибн аль-Факих, к сожалению, не приводит огузского синонима арабскому термину «су'лук». Впрочем, таким понятием у огузов уже мог быть термин «казак», усвоенный кыпчакской средой. Такая посылка проистекает не только из объективного факта теснейших многовековых этнополитических и этнокультурных взаимосвязей огузов и кыпчаков, в результате которых сложилась генетическая, языковая, социальная и хозяйственно-культурная близость, но и основана на дополнительных материалах письменных источников. Так, в среде хорасанских туркменов XIII в. в составе антропонима отмечен термин «казак». В помете к колофону одной рукописи библиотеки «Данишкеде-и Маккул у Манкул» ясным почерком написано: «Эту рукопись приобрел Билял ибн Жабраил бин Мухаммед Али ат-Туркмани аль-Казаки, год 660 хиджры»[91], (т. е. 1262 г. н. э.). В этом личном собственном имени слово аль-казаки следует воспринимать, очевидно, в качестве нисбы в парном сочетании с другой нисбой, указывающей на этническую принадлежность (туркмена). Совмещение термина аль-казак с этнонимом туркмен позволяет полагать, что данное понятие не носило, как обычно, социальное значение, а имело этнический оттенок.

В рассматриваемом собственном имени, по мнению З. В. Тогана, имеется в виду представитель кыпчакских казаков в обществе хорасанских туркмен. Казаки в этом регионе составляли определенную группу, судя по тому, как в последующее время в письменном документе «Вакф-наме» Рашид ад-дина Раби-Рашиди, относящемся к хорезмийско-хорасанской переписке, встречаются имена «казахлу», «казахлар», которые имеют несомненную этническую окраску. Примечательно, что для туркмено-огузской среды был закономерен термин в написании «казах», в то время как форма «казак» соответствовала кыпчакским языковым нормам.

Изложенный материал позволяет сделать заключение о бытовании в IX–X вв. в обществе кыпчаков Восточного Дешт-и Кыпчака социальных, а в XI–XII вв. этносоциальных группировок под названием казак. Однако из этого не следует вывода об образовании в предмонгольское время этноса казак, тем более о формировании казахской народности. Между тем ясно другое: консолидация в XI–XII вв. кыпчакских племен была важнейшим этапом в сложении казахской народности. На базе развития этнических процессов в Кыпчакском ханстве XI–XII вв. складывается этническое ядро казахского народа.

Монгольское завоевание рассеяло за пределы Дешт-и Кыпчака значительные группировки кыпчакских племен. Миграция кыпчаков способствовала распространению термина «казак» и универсализации его значения. Слово «казак» употреблялось в целом для обозначения разного рода вольниц. Казаками в это время становились безотносительно к этническим и государственным преградам. Мусульманские источники отмечали широкое распространение института казакования-казаклык у тюркских народов. В начале XIV в. в ходе постепенного возобладания автохтонных традиций над монгольскими образовалась Ак-Орда – первое крупное государство на местной этнической основе, с консолидирующей ролью кыпчакских племен. Ак-Орда по своему этническому составу была казахской, но само название народа определилось и вошло в источники позднее. Лишь после образования казахской на-

родности термин «казак» обретает этническое значение, очевидно, во второй половине XV в., что является одной из специфик сложного процесса этногенеза казахского народа и термина «казак».

6. КАЗАХСКИЕ ЖУЗЫ. ЭТНИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Любой этносоциальный организм (ЭСО) обладает определенной общностью экономических связей в пределах своей территории. Одной из высших категорий ЭСО являлись жузы – крупные этнотерриториальные объединения (или союзы) племен, сложившиеся на основе определенного хозяйственно-культурного типа (ХКТ)[92], этнополитических процессов в эпоху формирования, сложения казахской народности и ее этнической территории. Такими объединениями в истории казахов были Старший, Средний и Младший жузы.

Основным занятием населения жузов было кочевое скотоводство – своеобразный ХКТ, сложившийся еще в древности в степях Евразии. Если же говорить об этнополитических процессах, то они связаны с историей государственных образований на территории Казахстана, сменой одних другими.

О причинах возникновения жузов существует обширная литература, самое раннее упоминание о них относится к началу XVII в., но более всего – к концу XVIII в.[93]. Историей жузов занимались и занимаются многие исследователи, и мнения по этому вопросу различные. Например, С. А. Аманжолов считает, что деление протоказахской территории на три жуза произошло в домонгольскую эпоху – в X–XII веках[94]. Н. А. Аристов относит этот процесс к эпохе джунгарского нашествия[95]. Ч. Ч. Валиханов деление казахов «на три сотни – юз» относит к «смутному времени» (периоду распада Золотой Орды – М. М.), когда «...для обеспечения своих прав в местах своего кочевья составляли союзы...»[96]

Мнение Ч. Ч. Валиханова о причинах, времени возникновения жузов наиболее приближено в истине, к нему близки и взгляды последующих историков. В. В. Бартольд видит причину возникновения жузов в различии условий ведения кочевого скотоводства в зависимости от окружающей природы. Одним из таких районов было Жетысу и среднее течение Сырдарьи, другим – р. Сарысу и нижнее течение Сырдарьи, третьим – современная территория Западного Казахстана[97]. Такое обособление и было, по мнению В. В. Бартольда, причиной образования жузов. Мнение В. В. Бартольда поддержал и развил далее М. Вяткин, говоря, что помимо географического фактора важную роль играли и политические процессы. «Оформление отдельных орд, как особых политических союзов...» М. Вяткин относит к концу XVI в.[98].

«Мы не имеем, – пишет Т. Султанов, – точных сведений о том, когда и как образовались жузы. Немногочисленные восточные источники о казахах единодушны в своем молчании»[99]. И далее Т. Султанов предполагает, что во второй половине XVI в. произошла последовательная смена одной формы организации казахского общества другой: улусной системы – жузами[100].

До сих пор нет утвердившегося мнения о происхождении термина «жуз» и согласованности в определении времени появления казахских жузов. Может быть, в этом сокрыта часть разгадки и решения этой сложной, но важной проблемы истории Казахстана. Некоторые исследователи соотносят казахский «жуз» с арабским словом «джуз» – «главная часть» чего-то, «ветвь»[101].

Однако в арабских источниках никаких сведений о жузах как части территорий союзов (объединений) племен нет. Отсутствуют они и в сочинениях Рашид ад-дина (XIII—XIV вв.), Фазлаллах ибн Рузбихана (XV—XVI вв.) — скрупулезных историков средневековья.

В сочинении Махмуда бен Вали, написанном в 1634—1641 гг., говорится: после смерти Шайбан-хана его сын Бахадур «стал главенствовать над этим элем и улусом». И далее: «...он выбрал для зимовок и летовок Ак-Орду, которая известная также как и Йуз-Орда»[102].

В. П. Юдин соотносит Йуз-Орду с современным казахским «жуз-орда» — «орда-сотня», делая оговорку, что здесь можно говорить о древнем бытовании термина «йуз», но никак нельзя связывать его со временем жузов[103]

Несомненно, что «йуз-орда» (жуз-орда) — «орда-сотня» отражала организационную структуру общества, и внимательный экскурс в прошлое позволит обнаружить ее корни в устройстве древних государств в пространстве степей Евразии. Державу гуннов, расцвет которой приходится на конец III в. до н. э. — начало II в. н. э., составлял союз 24 племен, подразделявшийся на две части — восточную и западную. Каждое племя имело свою территорию. Наиболее важные дела решались на общегуннском совете, избиравшем к тому же общего вождя. Уже в то время сложилось деление войска гуннов на десятки, сотни, тысячи[104].

Деление государства на две части, десятеричная система устройства войска гуннов были переняты мощным союзом племен жуан-жуаней[105], древним тюркским каганатом. Система толис-тардуш, двух крыльев западно-тюркского эля[106] легла в основу организации монгольского общества. Чингиз-хан в основу военной системы своей империи, включая и завоеванные земли, положил начало территориальности и родового быта: юрты составляли сотни, тысячи, десятки тысяч[107]. По старому монгольскому обычаю войско делилось на три части: центр — кэль, левое крыло или левая рука (восточная сторона) — зюнгар, правое крыло или правая рука (западная сторона) — бэрунгар.

Заслуживает внимания слово «темник» (командир десятитысячного корпуса войск) из ниже приводимых слов Чингиз-хана при назначении Богурчи на должность управителя правой руки (западной стороны): «...будь темником и управляй этой западной стороной до золотых гор», т. е. до Алтая. Мукали он назначил темником левой руки (восточной стороны)[108]

Здесь слово «темник» употребляется Чингиз-ханом не в буквальном его значении (крыло включало несколько корпусов), а в смысле военно-территориального чина.

Такое административно-территориальное деление с военным уклоном сохранилось и после распада Золотой Орды и, несомненно, в период этногенеза и образования казахской народности. Достаточно сказать, что в свое время Ак-Орда была левым крылом войска Джучидов. При Бахадуре она идентична Йуз-Орде — старая десятиричная система сохраняется.

Таким образом, примерная схема военно-территориальных образований в период распада Золотой Орды и образования новых ЭСО была такова (по убывающей градации): орда — крыло (сторона) — йуз-жуз (сотня — в смысле некая часть крыла). Со временем трехчленная военно-территориальная организация монголов уступает место этнотерриториальным образованиям, в которых организующим началом становятся экономико-географические и

этнополитические факторы, что видно на примере Йуз-Орды. Жузовый принцип лег в основу последующих государственных образований и Казахского ханства.

К. А. Пищулина пишет, что в период Ак-Орды и Могулистана (вторая половина XIV – первая половина XV вв.) шла этническая стабилизация племен этих государств и «население Казахстана становилось все более однородным в этническом отношении, в массе своей тюркским...»[109]. Традиции этнополитического и хозяйственно-культурного развития населения Казахстана, прерванные в XIII в. нашествием монголов, вновь возродились и стали центрами формирования двух казахских жузов: Старшего (Жетысу и главная часть Могулистана) и Среднего (Центральный и некоторые районы Южного Казахстана)[110]. К этому надо прибавить и третий центр – Западный Казахстан, где формировался Младший жуз.

После распада Золотой Орды значительный вес приобрел Мангытский улус, который при преемниках Едыге (XV–XVI вв.) стал именоваться Ногайской Ордой, ввиду роста численности ногаев в этой орде, что привело к окончательной тюркизации монгольского племени мангытов. Ядро Ногайской Орды составляли тюркские племена: кыпчаки, канлы, конграт, керейт, найман, аргын и др.[111], т. е. те же племена, что вошли в состав казахской народности. Не только языковая близость, но материальная и духовная культура роднит казахов и ногаев. И территории этих этносов были смежны: «А промеж Хвалынского моря и Астрахани казачьи орды и от верху Яика к Волге больших ногаев»[112]. Междоусобицы в Ногайской Орде во второй половине XVI в. привели к распаду Ногайской Орды[113], откочевке части их на Кавказ (Малая Ногайская орда или Кизиев улус), а оставшие на р. Урал ногаи (бывшие подвластными султану Измаилу, убитому в 1563 г. сыновьями князя Юсуфа), вошли в состав казахского народа и его этнотерриториальной части – Младший жуз.

Сообщения служилых людей, записанные со слов казахских родоуправителей, можно отнести к группе документальных источников и проецировать их на предшествующие века (например, на XVI–XVII в.), так как родоплеменная структура кочевого общества, даже в измененном виде, сохраняет свои основные характеристики, а внешнее их выражение – родовые схемы обладают свойством консервации основных таксономических уровней.

В «расспросочной речи» служилых людей Т. Петрова и И. Куницина о виденном во время поездки в Калмыцкую землю есть такие слова: «...поведяли, что в Колматцкой земле ныне в подданстве и в их послушанье казачья Большая орда да Киргизская орда...»[114]. Сообщение это относится к 1616 г. и является ранним упоминанием о Большой (Старшей) орде казахов. Если была Большая, то напрашивается ее антипод – Младшая. Примеры в истории были – вспомним хотя бы то, что при распаде Ногайской Орды образовались две: на р. Урал – Большие, а из ушедших на Северный Кавказ – Малые ногаи (Малая Ногайская орда или Кизиев улус по имени главы).

Переводчик М. Тевкелев, ездивший в конце 1731 г. в Младший жуз для переговоров о подданстве казахов, записал со слов Букенбай батыра: «...Киргис-кайсацкая орда состоит в трех частях, а именно: Улуюз, Оретаюз, Кичиюз (Большая орда, Средняя орда, Малая орда)»[115].

Общее представление о казахских жузах имеется в сообщении И. Кирилова, начальника Оренбургской экспедиции (1734 г.)[116]

Наиболее полные представления о казахских жузах имеются в документах конца XVIII в., которые можно привести, говоря о более ранних веках, так как сложение этнической территории казахов — длительный процесс, и шел он в течение ряда веков. Могли быть какие-то изменения на стыках границ племен, но регионы жузов, их очертания сохранились, ибо жузы есть хотя и относительные, но все же устойчивые этнотерриториальные образования, в совокупности своей представляющие единую территорию казахского народа.

Наиболее интересные сведения об этнической территории и населявших ее племенах содержатся в «Представлении о состоянии киргиз- кайсацких орд...»[117] оренбургского генерал-губернатора Г. Волконского и в «Выписке из описаний капитана Андреева о происхождении Средней орды...», относящихся к концу XVIII в.

Согласно сведениям Г. Волконского, Большая орда (Старший жуз) состояла из шести племен: дулат, сргели, сары-уйсын, жалаир, канлы и шанышклы[118]. У Г. Волконского нет сведений о крупных племенах Старшего жуза: албан, шапрашты, суан, ысты, ошакты. Это объясняется тем, что не все родоуправители желали вступить в подданство России и к тому же — сложной была военно-политическая обстановка на юго-востоке Казахстана. Несмотря на то, что Цинский Китай нанес сокрушительное поражение Джунгарскому ханству в 1745 г.[119], ойраты были еще сильны. Китайский историк Вэй Юань сообщил о четырех ханствах (вернее, уделах — М. М.), два из которых были на территории Старшего жуза: чоросов со ставкой на р. Или, хошоутов — в Урумчи. Изгнание джунгар растянулось на конец XVIII — начало XIX вв.

Согласно сообщению Г. Волконского, племя дулат в количестве 40 тыс. юрт кочевали около границы с Китаем, в районе Кульджа, Кашгар, Кукон, на землях Джунгарии (автор имеет в виду земли, захваченные джунгарами — М. М.), а также по рекам Талас, Ангрен, Чирчик, в горах Чингис-Чаган.

Племя сргели в составе 20 тыс. юрт кочует — летом от Туркестана к Акмечети, в верховьях Сырдарьи и Кувандарьи, в окрестностях озер Алакуль и Аунамаз. Зимовки кочевников этого племени были по рекам Сарысу и Карача. Племена сары-уйсын и жалаир в количестве 70 тыс. юрт кочуют смешанно с племенем сргели. Племена канлы и шанышклы в количестве 3 тыс. юрт кочуют от берегов Сырдарьи в сторону Ташкента[120].

Здесь следует сказать о племени катаган. Ч. Ч. Валиханов в «Записке о Кокандском ханстве» отождествляет племена шанышклы (у Валиханова «чанчклы») и катаган. Далее он пишет, что роды Большой орды катаган и канглы кочуют в окрестностях Ташкента и составляют «основу войск ташкентского наместничества», причем канглы платят зекет и в случае надобности дают вспомогательные войска[121]. Выходит, что катаганы были привилегированной частью войска, и это сыграло роковую роль в истории этого племени.

Еще в конце XVI в. казахи племени катаган во главе с Султан Гази-султаном ушли в Кашгарию. Потомки Гази-султана занимали важные государственные посты в Кашгарии, а катаганы принимали участие в войне кашгарцев против казахов во главе с Есим-ханом. В первой четверти XVII в. остатки казахов-катаганов были в подчинении Турсуна-Мухаммада, захватившего власть в Ташкенте. В 1628 г. Есим-хан умертвил Турсун-Мухаммада и перебил его катаганов[122]. Шанышклы, которых Ч. Валиханов отождествлял с катаганами, не составляли отдельной волости среди казахов, их единичные юрты

были вкраплены в общины других родов так же, как в случае кочевания их с племенем канлы.

Согласно сведениям Г. Волконского, в Большой орде (Старшем жузе) было 133 тыс. семейств[123]

Все шесть племен Среднего жуза упоминаются в сведениях Г. Волконского: это — аргыны, найманы, кыпчаки, кереи, уаки и конраты.

Найманы числом в 35 тыс. юрт кочевали по границе с Китаем, в горах Тарбагатая и по Иртышу, 900 юрт имели летовки в верховьях Ишима, а зимовки около Тургая, оз. Алаколь, в устье р. Жиланчик, 10 тыс. юрт кочевали по Тургаю и Ишиму, в горах Улутау, в Каракумах, на Сырдарье. 15 тыс. юрт найманов и конратов кочевали совместно в пространстве между реками Чажигай, Коксу, Каратал, в горах Актуартау, а на зиму уходили в окрестности Туркестана и Ташкента.

30 тыс. юрт аргынов имели зимовки в горах Баянаул, Кызылтау, Долба, Укита-казлык, Чингистау, Чаган, в верховьях Тургая, в горах Улутау, а на лето они уходили в горы Ерейментау и на реки Нура, Жиделису; 9 тыс. юрт кочевали по Иртышу, 4 тыс. юрт зимовали в песках Ич-кунгур и по р. Чу, а на лето уходили на р. Сарысу и в верховья р. Есиль. 11 тыс. юрт аргынов зимовало и кочевало по рекам Ишим и Есиль, в горах Кокшетау и Мукчатау. 80 тыс. юрт аргынов зимовали по р. Убаган, а летом кочевали по Тургаю и Тоболу, 6 тыс. юрт кочевали по р. Аят, а зимой — в тургайских степях по р. Сары-Бутан, в песках Тосуна.

Кыпчаки числом в 1 тыс. юрт кочевали по рекам Есиль, Убаган, 7 тыс. юрт — по рекам Тобол, Аят, а зимовки были по р. Уе и напротив казачьей линии от Степной крепости до Усть-Уйской. 3500 юрт кыпчаков летом кочевали к Оренбургской линии на урочище Аман-Карагай и Белибай, а зимой — на реках Чикияк и Тургай до середины Каракумов. 2 тыс. юрт кыпчаков кочевали летом по рекам Тургай, Муюнлы, в верховьях Убагана.

1 тыс. юрт кереев кочевали по рекам Уя, Тогузак, а зимовали при линии от Верхнеуральска до Степной крепости и против них в степи, 4 тыс. юрт кереев кочевали летом по восточному побережью Ишима, а зимовали — в степи против крепостей Звериноголовской и Пресногорьковской к реке Убаган.

Племена керей и уак Среднего жуза и жетыру Младшего жуза числом в 8 тыс. юрт кочевали по р. Есиль, около оз. Жайылма, а на зиму уходили на Иртыш[124].

В сведениях Г. Волконского не говорится о кереях, кочевавших по Иртышу от крепости Усть-Каменной до Семипалатинской, в горах Тарбагатая. Ничего не говорится об уаках, кочевавших по Иртышу между форпостами Талицким и Долонским и о других местах расселения кереев и уаков в Восточном Казахстане. Этот пробел восполняют сведения капитана Андреева, но, к сожалению, в них нет количества кочующих юрт[125].

Приводимые Г. Волконским казахи Среднего жуза составляли 159 тыс. юрт.

Меньшая орда (Младший жуз) состоял из трех крупных родовых объединений: байулы, алимулы и жетыру. 1200 юрт байулинцев имели летние кочевья в западной части Каракумов, а зимовали на Сырдарье, 7200 юрт — около Троицка и Орской крепости; 13 тыс. юрт байулинцев и 28 тыс. юрт племени жетыру кочевали по рекам Тургай, Караскай, а зимовали на левобережье Сырдарьи в урочищах Тумарлык, Кызылтал и по Жанадарье. 10 тыс. юрт адаев, 3 тыс.юрт рода маскар и других родов племени байулы числом 10 тыс.

юрт имели летние кочевья между реками Урал и Эмба, на реках Булдурты, Жусалы, Чингирлау и др. до реки Хобды. Зимовали они на Мангыстау, в устьях Урала, Эмбы, по Уральской казачьей линии и др. местах.

18500 юрт алимулинцев кочевали по р. Иргиз до гор Каратау, зимовали на Сырдарье, по Кувандарье и Жандарье, 11 тыс. юрт – за Каракумами при озерах Кулакши, Барбы-Кайракты и др., по р. Иргиз и др. местам. 22 тыс. юрт различных родов племени алимулы кочевали летом у урочищ Каспийского моря, по рекам Эмба, Темир, Сагыз, Уил, Хобда до р. Урал, а зимовали в урочищах по Сырдарье, по берегу Аральского моря, в камышах Каракумов, по Эмбе и др. местах. 2200 юрт рода шомекей (алимулы) кочевали летом в верховьях рек Илек и Ори, а зимовали по р. Урал до Верхнеозерной крепости.

300 юрт рода табын (жетыру) кочевали от Сырдарьи через Каракумы к рекам Тургай и Тобол, а зимовали на Сырдарье в урочищах Коркыт, Куат и др. 4 тыс. юрт рода кереит племени жетыру зимовали на Сырдарье, а летом уходили на р. Иргиз до гор Карашатау. 4 тыс. юрт табынцев зимовали по берегу Аральского моря и к Каспийскому морю, а на лето уходили на пастбища Эмбы. 12 тыс. юрт племени жетыру кочевали летом против Уральской линии, а зимовали в верховьях р. Урал до Оренбурга, а 7 тыс.юрт кочевали по р. Кумек, в горах Карашатау и р. Тобол, а зимовали от Верхнеозерной крепости вверх по Уралу до Верхнеуральской крепости. 300 юрт рода рамадан кочевали среди других родов Младшего жуза.

Всего в Младшем жузе было 165 700, а в трех жузах – до 458100 юрт[126].

Какова же численность казахов к концу XVIII в., со времени великого бедствия («Актабан шубырынды, Алкаколь сулама», 1723 г.) – нашествия джунгар и изгнания их, растянувшегося более чем на столетие и унесшего жизни многих казахов. Если принять коэффициент 3 человека на 1 юрту, то получим: в Старшем жузе – 399 тыс. человек, в Среднем жузе – 478 200, в Младшем жузе – 497100, а всего в трех жузах – 1 млн. 374 300 человек[127].

Однако сведения Г. Волконского нельзя причислить к разряду исчерпывающих. Нет сведений по таким крупным племенам, как албан, шапрашты и другим (Старшего жуза), неполны сведения по Среднему жузу и т. д. Несомненно, что количество юрт и проживающих в них казахов было больше и можно с уверенностью предположить, что ко времени сообщения Г. Волконского казахов было не менее 2 млн. человек.

[1]*Исмагулов О.* Этническая антропология Казахстана. Соматологическое исследование. Алма-Ата, 1982.

[2]*Исмагулов О.* Этническая геногеография Казахстана (серологические исследования). Алма-Ата, 1977.

[3]*Исмагулов О.* Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). Алма-Ата, 1970; *Он же.* Этническая геногеография..; Он же. Этническая антропология Казахстана..; *Исмагулов О., Сихимбаева К.* Этническая одонтология Казахстана. Алма-Ата, 1989.

[4]*Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI в. Вопросы политической и социально-экономической истории. Алма-Ата. 1977.

[5]История Казахстана с древнейших времен до наших дней (очерк). Алматы, 1992.

[6]*Гинзбург В. В.* Краниологические материалы из Северного Казахстана и вопросы происхождения ранних тюркских кочевников // Доклады советской делегации на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов. М., 1960.

[7]*Исмагулова А.* Краниологические материалы современных казахов Западно-Казахстанской области // Известия НАН РК. Серия общественных наук, 1994, № 1.

[8]*Грач А. Д.* Древние кочевники в Центральной Азии. М., 1980, с. 94.

[9]*Грязнов М. П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980; *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953; *Он же.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960; *Акишев К. А.* Курган Иссык. М., 1978; *Пьянов И. В.* Саки. Содержание понятия // Известия отделения общественных наук АН Тадж. ССР, 1968, № 3.

[10]*Гафуров Б. Г.* Некоторые проблемы этнической истории народов Центральной Азии в древнейший период // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981, с. 581.

[11]*Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алматы, 1992, с. 30.

[12]*Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан... С. 31, *Грантовский Э. А.* «Серая керамика», «расписная керамика» и индоиранцы // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981. С. 259; *Гришман Р.* Иран и миграция индоариев и иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981, с. 143; *Грозный Б.* Доисторические судьбы Передней Азии // Вестник древней истории, 1940, № 3–4. С. 43–45; *Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1972, с. 19, 42.

[13]*Членова Н. Л.* Археологические материалы к вопросу об иранцах до скифской эпохи и индоиранцы // Советская археология, 1984, № 1.

[14]Там же. С. 91–95.

[15]*Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан..., с. 31; *Фрай Р.* Наследие Ирана..., с. 67–68, 233.

[16]*Аманжолов Алтай.* Түркі филологиясы және жазу тарихы. А., 1996.

[17]*Гинзбург В. В., Дебец Г. Ф., Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Очерки по антропологии Казахстана // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, 1952. Вып. 16; *Гинзбург В. В., Трофимова Т. А.* Палеоантропология Средней Азии. М., 1972; *Исмагулов О.* Население Казахстана..; *Он же.* Этническая геногеография..; *Он же.* Этническая антропология..; *Исмагулов О., Сихимбаева К.* Этническая одонтология..; *Алексеев В. П.* География человеческих рас. М., 1974; *Он же.* Географические очаги формирования человеческих рас. М., 1985.

[18]История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 4-х томах. Том 1, 1996; Том 2, 1997.

Мункуев Н. Ц. Заметки о древних монголов. // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977, с. 378–385, 402 (прим. 7); Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, с. 114–115, 180; *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985, с. 156.

[20]*Рашид ад-дин.* Сборник летописей, т. I, кн. I, М.-Л., 1952, с. 105.

[21]*Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв., с. 158.

[22]Там же, с. 157-158.

[23]Там же.

[24]*Сандаг Ш.* Образование единого Монгольского государства и Чингиз-хан. // Татаро-монголы в Азии и Европе, с. 34.

[25]*Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йи Бухара. М., 1976, с. 123.

[26]*Рашид ад-дин.* Сборник летописей, т. I, кн. 2, М.-Л., 1952, с. 266; *Мункуев Н. Ц.* Заметки о древних монголах, с. 394-395.

[27]*Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. т. I, М. 1963, с. 471-472; *Мункуев Н. Ц.* Заметки о древних монголах, с. 396.

[28]СМИЗО, т. II, с. 82-83.

[29]*Рашид ад-дин.* Сборник летописей, т. I, кн. 2, с. 274-275.

[30]*Бартольд В. В.* Туркестан... с. 474, 481-484.

[31]Например, в походе на Русь Бату-хана 1235 г. участвовало до 139 тыс. человек, а в битве между правнуком Бату-хана Токта-ханом и внуком седьмого сына Джучи Бувала Ногаем - до 900 тыс. с обеих сторон. Подсчеты сделаны Н. Ц. Мункуевым. Указ. ст., с. 397.

[32]*Рашид ад-дин.* Сборник летописей, М.-Л., 1962, т. II, с. 66.

[33]СМИЗО, т. II, с. 84-85.

[34]Абулгази, изд. Демезона, т. I, 1871 г., с. 181. Изд. Саблукова Г. С. 1906, с. 159.

[35]*Рашид ад-дин.* Сборник летописей, т. II, с. 81.

[36]История Киргизской ССР, т. I, 1984, с. 382-383; *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л. 1971, с. 52.

[37]СМИЗО, т. I, с. 150. Саксин – город на месте хазарской крепости Итиль).

[38]СМИЗО, т. II, с. 14.

[39] *Сафаргалиев М. Г.*. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, с. 20.

[40]*Миллер Г. Ф.* История Сибири, т. I, М.-Л., 1937, с. 195 и др.

The Ta'rikh-i Jahan-qusha of Ala ud-din Ata Malik-i-Juwayni. Ed by Mirza Muhammad Qazwini. Leiden – London, 1912, pt. I, p. 62-66.

[42]Там же. С. 67-68; *Бартольд В. В.* Туркестан, с. 482-183.

[43]Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, с. 126.

[44]СМИЗО. Т. I. С. 235.

[45]*Феодоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, с. 171-177.

[46]*Юдин В. П.* О родо-племенном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами //Известия АН КазССР, 1965, вып. 3, с. 58-61.

[47]Та'рих-и Рашиди, л. 85 б; МИКХ, с. 216-217.

[48] См. об этом: *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI вв. С. 229, 236, 237.

[49]*Востров В. В., Муканов М. С.* Родо-племенной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX вв.). Алма-Ата, 1968, с. 22.

[50]Бахр ал-асрар, л. 132 б-133 а; *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии. М., 1958, с. 20-21, 39; *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М. 1965, с. 16.

[51]*Муканов М. С.* Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974, с. 53–58.

[52] Сведения Махмуда бен Вали приведены в кн.: *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков, с. 163.

[53]*Мас'уд бен Усман Кухистани.* Тарих-и Абу-л-Хайр-хани, л. 312 а, б, 315 а и др.; *Камал ад-дин Бинаи.* Шайбани-наме, л. 1 б, 3 а и др.; МИКХ, с. 96-98, 143-144, 146.

[54]Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973, вып. 1, с. 202, 210-216; *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. М. 1982, с. 7–51.

[55]*Семенов А. А.* К вопросу о происхождении и составе узбеков Шайбани-хана. МИТУСА, 1954, вып. 1, с. 22-31, *Ибрагимов С. К.* Еще раз о термине казах. - «Труды ИИАЭ АН КазССР». Алма-Ата, 1960, т. 8, с. 66-71; *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков, с. 11-17; *Гафуров Б. Г.* Таджики, с. 547-548.

[56]*Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йи Бухара, л. 22 б.

[57]Там же, л. 71 б; *Ибрагимов С. К.* Михман-наме-йи Бухара Рузбихана как источник по истории Казахстана XV–XVI вв. // ТИИАЭ АН КазССР, т. 8, 1960, с. 152-157.

[58]*Валиханов Ч. Ч.* Киргизское родословие. Собр. соч., т. I, с. 218.

[59]Та'рих-и Рашиди, л. 79 б-83 б; МИКХ. с. 214-216.

Пищулина К. А. Юго-Восточный Казахстан, с. 235.

[61]Бахр ал-асрар, л. 124 б; МИКХ, с. 353.

[62]*Потанин Г. Н.* Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки // Живая старина, II–III, 1916, Пг., 1917, с. 47–53.

[63] *Аманжолов С. А.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959; *Наджип Э. Н.* Казахский язык. – В кн.: Языки народов СССР. Т. VII. Младописьменные языки народов СССР. М., 1966.

[64] *Исмагулов О.* Население Казахстана от эпохи бронзы до современности; *Его же.* Этническая антропология Казахстана. Алма-Ата, 1982.

[65] *Муканов М. С.* Этническая территория казахов в XVIII – начале XX вв. Алма-Ата, 1991, с. 5–6.

[66] Там же, с. 5–7.

[67] Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений); Пищулина К. А. Письменные восточные источники о присырдарьинских городах Казахстана XIV–XVII вв. //Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983, с. 174.

[68] *Тыныштаев М.* Материалы по истории киргиз-казахского народа. Ташкент. 1925, с. 31 и др.

[69] *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йи Бухара. М., 1976, с. 251–252.

[70] *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий, с. 251–258.

[71] МИКХ, с. 180.

[72] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., т. 5, 1817, с. 396; *Vambery H.* Das Turkenvolk in Seinen ethnologischen und ethnograpischen Beziehungen. Leipzig, 1885.

[73] *Константин Багрянородный.* Об управлении государством. // Известия Государственной Академии материальной культуры. М.-Л., 1934, вып. 91, с. 21; *Minorsky V.* Hudud al-Alam. "The Region of the World" London, 1937. (GMS, XI), pp. 72, 161, 422.

[74] Kitab at-tanbih wa-l-ischraf auctore al-Masudi, ed. M.J.de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894.

[75] *Marquart J.* Osteuropaische und ostasiatische Streifzuge. Leipzig, 1903.

[76] *Худуд ал-алам.* Рукопись Туманского. Введение и указатель В. Бартольда. Л., 1930, л. 38а; *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963, с. 190.

[77] *Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, с. 20.

[78] *Буниятов З. М.* Ал-Куфи. Книга завоеваний. Баку, 1981; *Ал-Куфи.* Китаб ал-футух. Хайдарабад, 1968–1975, ч. 1–8.

[79] *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г., т. I. М.-Л., 1941; *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Л., 1934, с. 39.

[80] *Семенов А. А.* К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. // МИТУСА, вып. I (ТИИАЭ АН Тадж. ССР, т. XII), 1954.

[81] *Ибрагимов С. К.* Еще раз о термине «казах» //Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960, с. 69.

[82] *Radloff W.* Die altturkischen Inschriften der Mongolei. St. Peterbourg, 1895, S. 362.

[83] Дискуссия о термине «казах» //Известия АН КазССР, серия общественная, 1968, № 2, с. 93.

[84] *Marquart J.* Uber das Volkstum der Komanen. AKGWG, Bd. XIII, No. 1, 1914, S. 42.

[85] *Minorsku V.* Sharaf al-Zaman Tahir Marzazi on China, the Turks and India. London, 1942, p. 120.

[86] *Пантусов Н. Н.* Сведения арабских географов о Средней Азии. // Известия ОАИЭ при Императорском Казанском ун-те. Т. XXV, вып. 5. Казань, 1909, с. 135.

[87] *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. 2. СПб., 1832, с. 40; *Ибрагимов С. К.* Еще раз о термине «казах», с. 67; *Кляшторный С. К., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий, с. 250–260.

[88] *Самойлович А. Н.* О слове «казах» //Сб. «Казаки». Антропологические очерки». Л., 1927, с. 13.

[89] Ein turkisch-arabisches Glossar. Nach der Leidener Handschrift. Herausgegeben und erlautert von M. Hautsma. Leiden, Brill, 1894, p. 25, 86; *Курышжанов А. К.* Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII века. Алма-Ата, 1970.

[90] *Ибн ал-Факих.* Китаб ал-булдан. Фотокопия Мешхедской рукописи. ИВ РАН, ФВ-202, л. 170; Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1, М.-Л., 1939, с. 153.

[91] *Togan Z. V.* Londra ve Tahrandaki islami yazmalardan bazilarina dair //Islam Tetkikleri Enstitugu dergisi, qild III, quz 2-4. Istanbul, 1960, c. 156.

[92] ХКТ – комплекс особенностей хозяйства и культуры, исторически сложившийся у различных народов, находившихся на близких уровнях социально-экономического развития и обитавших в сходных естественно-географических условиях (подробно: *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы. Расы. Культура. М., 1985, с. 177–184, 205–213.

[93] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Т. II, с. 119–126; *Рычков П. И.* История Оренбургская. Оренбург, 1896, с. 70; *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. Ч. III, с. 4–18; *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1864. Ч. II, с. 334–335, 382; *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897, с. 45–46; Более подробно по историографии жузов см.: *В. В. Востров В. В., М. С. Муканов М. С.* Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX вв.), с. 9–23.

[94] *Аманжолов С. А.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка, с. 112–113.

[95] *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе..., с. 45.

[96] *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Алма-Ата: Наука, 1961. Т. I, с. 205.

[97] *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России. Л.: 1925, с. 217.

[98] *Вяткин М.* Очерки по истории Казахской ССР. М.1941, с. 97, 98–102.

[99] *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв., с. 83.

[100] Там же, с. 84–85.

[101] *Григорьев В.* Караханиды в Мавераннахре. СПб., 1847, с. 207; *Аманжолов С. А.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка, с. 111.

[102] Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар (Море тайн относительно доблестей благородных). Перевод К. А. Пищулиной // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (в дальнейшем: МИКХ). Алма-Ата: Наука, 1969, с. 347.

[103] МИКХ, с. 328.

[104] Всемирная история. М., 1959. Т. II, с. 440–441.

[105] Там же, с. 782.

[106] *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М.: Наука. 1967, с. 161.

[107] *Д-рЭренжен Хара-Даван.* Чингис-хан как полководец и его наследие. Алма-Ата, 1992, с. 88–89.

[108] Там же, с. 96.

[109] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI в., с. 222.

[110] Там же, с. 213.

[111] *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М.: Наука. 1971, с. 200–201.

[112] Книга Большому чертежу. М.-Л., 1950, с. 1476.

[113] *Гераклитов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов-Москва, 1923, с. 110–111; *Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.* М.: Ногайцы (историко-этнографический очерк). Черкасск: 1988, с. 23–25.

[114] Материалы по истории русско-монгольских отношений 1607–1636. Сб. документов. М., 1959, с. 53.

[115]Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961, с. 62.

[116]Там же, с. 107.

[117]Центральный государственный исторический архив России. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 23. (в дальнейшем: ЦГИА России).

[118]ЦГИА России. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 316. В тексте даются современные написания племен.

[119]*Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А.* Из истории Казахстана XVIII века. Алма-Ата: Наука, 1988, с. 32–40, 50–51, 53–54.

[120]ЦГИА России. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 23. Лл. 2–2 об.

[121]*Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Т. 1, с. 452.

[122]МИКХ. С. 326; *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992, с. 301.

[123]ЦГИА России. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 23. Л. 2 об.

[124]ЦГИА России. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 23. Лл. 2 об – 6 об.

[125]Там же. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 315. Лл. 4 об – 5,8 и др.

[126]ЦГИА России. Ф. 1291. Оп. 1. Л. 23. Лл. 6 об – 13 (у Г. Волконского неточность в подсчете – 393 100 юрт).

[127]Демограф М. Татимов приводит численность казахов: 1725 г. – 2.222 тыс., 1845 г. – 3600 тыс., т. е. прирост на 1378 тыс. человек (*Тәтімов М.* Қазақ әлемі. Алматы, 1993. С. 49).

Возможно ли такое за период гибели казахов в сражениях, смерти от голода и т. д.? Думается, что нет. М. Татимов не приводит источники, откуда взяты числа. Видимо, это его вольные расчеты. – (автор).

Глава шестая

КАЗАХСКОЕ ХАНСТВО В XV В.

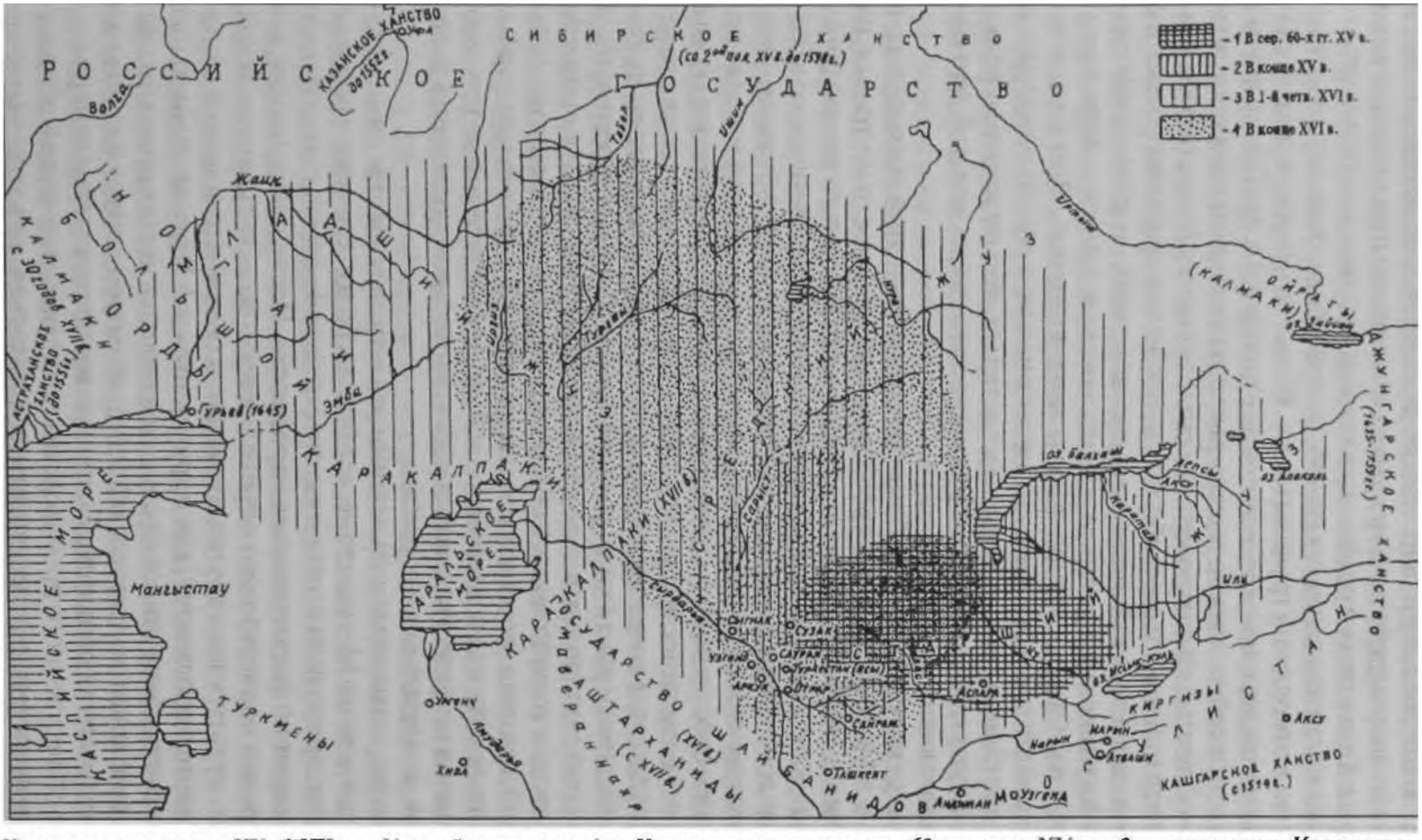
1. ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА

Становление и развитие казахской государственности в регионе средневекового Казахстана имело важнейшее значение для сложения национальной консолидации казахской народности, сохранения целостности казахского этноса на длительном пути его развития, особенно на этапе, в XV–XVII вв.

Возникновение Казахского ханства явилось закономерным итогом социально-экономических процессов на обширной территории Восточного Дешт-и Кыпчака, Жетысу и Туркестана. Формирование в XIV–XV вв. целостного экономического региона на базе естественной интеграции областей со смешанной экономикой, кочевой скотоводческой и оседло-земледельческой, городской культурой подготовило условия к объединению всех земель региона в одной политической структуре. Укрепление экономических, культурных, общественно-политических связей кочевого и оседлого населения региона способствовало этническому объединению казахских родов и племен, фактическому завершению длительного процесса сложения народности. Опыт развития государственности на местной этнической основе в предшествующий период в рамках Ак-Орды, Могулистана, ханства Абулхайра, Ногайской Орды способствовал осознанию необходимости политического объединения складывавшейся единой народности.

Эти обстоятельства явились объективными причинами и условиями образования собственно казахского государства. Стремление крупной этносоциальной общности к созданию собственной единой социально-территориальной, государственной организации характерно не только для позднего времени – времени формирования наций, но и для средневековья, когда сложились современные народы региона Центральной Азии. Известна роль государства в сохранении, воспроизводстве многих определяющих этническую общность элементов – языка, материальной культуры, быта, исторической памяти, обычаев населения, в собирании и защите его этнической территории.

Как показано выше, XIV–XV столетия были особо важным периодом в жизни позднесредневекового Казахстана. Это было время завершения формирования казахской народности, сложения ее государственности, основных контуров ее этнической территории. Складывалась государственность первоначально в виде политических структур упомянутых четырех ханств и орд – предшественников единого казахского государства. Восстановление в упомянутых выше государствах более или менее нормальных хозяйственных условий в послемонгольское время обеспечило поступательное движение вперед общественных отношений и в Казахстане, как это было в Средней

Казахское ханство в XV–XVII вв. Усл. обозначения: *1* – Казахское ханство в сер. 60-х годов XV в.; *2* – территория Казахского ханства в концу XV в.; *3* – расширение территории Казахского ханства в перв.четв. XVI в.; *4* – владения казахских ханов в конце XVI в.; *5* – откочевка части населения Ак-Орды в Жетысу в конце 50–60-х годов XV в. во главе с ханами Жаныбеком и Гиреем; *6* – переселение части племен Дешт-и Кыпчака в нач. XVI в. в Мавераннахр; *7* – походы казахских ханов; *8* – походы Шайбани-хана против казахов в нач. XVI в.; *9* – поход Абдаллах-хана на казахские земли в 1582 г.; *10* – походы могульских ханов в конце XV – 40-х годах XVI в.; *11* – набеги ойратов (калмаков) в XV–XVII вв.; *12* – переселение части ойратов (калмаков) на Волгу в перв. пол. XVII в.; *13* – маршруты посольств и путешествий; 14 – караванные пути.

Азии, в Иране, Закавказье, в русских землях. Все менее действенными становились родоплеменные атрибуты социальных отношений и родовые связи на всей территории Казахстана и особенно в южных районах, все более властной становилась политика ханов, султанов, эмиров, баев, биев, мусульманского духовенства в отношении трудовых масс. Известна недостаточность разработки проблемы социально-экономических отношений в Ак-Орде и других государствах, хотя и сейчас можно сделать вывод о некотором движении вперед в развитии общественных отношений в смысле постепенного освобождения их от патриархально-родовой оболочки, особенно в районах развитого оседлого земледелия. Раздача ханами удельных владений, наделов своим родственникам — джучидским султанам и знати кочевых племен — вела к распространению в Ак-Орде условной формы землевладения. При этом учитывались сложившиеся издавна пути перекочевок и право владения и пользования пастбищами и посевными участками, тем не менее нередко пожалованные суюргалы попадали в руки иноплеменных вождей, что нарушало родовые связи.

Дальнейшее развитие системы общественных отношений выражалось в Ак-Орде, как и в Могулистане, в укреплении собственности не только на скот, но и на землю. Это подтверждается и перманентной ожесточенной борьбой за пастбища, чему есть свидетельства в письменных источниках по истории упомянутых государств, равно как и в Узбекском ханстве Абулхайр-хана. Усиливалось экономическое и политическое могущество кочевой знати в связи с образованием собственной государственности. Развитие городов на юге Казахстана и рост возможностей эксплуатации городского населения правителями этих государств и кочевой знатью, получавшей города в уделы-суюргалы, а также рост поголовья скота, увеличение пастбищных территорий, а это последнее происходило как в ходе их захвата у соседей, так и в процессе постепенного ввода в хозяйственный оборот еще не использовавшихся естественных угодий, наконец (но не в последнюю очередь), путем захвата добычи в ходе успешных войн и междоусобий — все это определяло новые возможности для усиления могущества знати и роста социального угнетения рядовых кочевников, земледельцев и горожан.

Все эти явления, вызванные дальнейшим развитием общественных отношений в Ак-Орде, как и в Могулистане, все более и более разрывали родовые и племенные узы, приводили к этническому смешению отдельных этноколлективов, к ускорению формирования народности. Исследователи проблем этногенеза народов подчеркивают определяющую роль государственных, экономических, культурных и других социальных связей и отношений в процессе формирования народностей, как и других этносов[1]. Влияние социальных факторов на формирование этноса не сводится только к экономическим связям, опосредствовавшим этническое общение, оно проявляется и во многих других аспектах развития общества. Если само воспроизводство материальных благ в ходе общественного производства позволяет этнической общности прежде всего физически существовать и развиваться, то в ходе экономических связей различных групп населения происходит «обмен этнокультурной информацией», что духовно сближает эти группы, расширяет возможность освоения опыта других этносов. Экономические связи укрепляют «политическую общность составных частей соответствующих государственных образований»[2]. Огромное значение для этнического сплочения и сохранения

самой целостности народности имеет совместная борьба ее членов против завоевателей, совместная защита этнической территории.

Все эти проявления положительного воздействия социально-экономических факторов на формирование этноса можно видеть и в ходе сложения казахской народности.

На замедленности процесса ее сложения, на его длительной временной протяженности сказывались децентрализованность государств, возникших после монгольского завоевания на территории Казахстана, – сначала монгольских улусов, затем Ак-Орды, Могулистана, ханства Абулхайра, Ногайской Орды, а также замедленность развития общественных отношений кочевого и полукочевого общества, неблагоприятные внешнеполитические обстоятельства (монгольское завоевание, агрессивная политика Тимура и Тимуридов, набеги ойратских феодалов, опустошавшие Казахстан, физически уничтожавшие население, разрушавшие поселения, раскалывавшие, рассеивавшие родственные этнические группы). Не менее отрицательное влияние на сложение казахской народности имели такие факторы развития казахского общества, как внутренние постоянные усобицы и внешние войны самих казахских правителей на соседних территориях Средней Азии, Восточного Туркестана, Сибири, Джунгарии. Военные действия вновь и вновь разрывали объективно возникавшие хозяйственные, культурные и этнические связи. Определенное негативное влияние на процесс казахского этногенеза оказывала миграция населения, изымавшая из формировавшейся народности или вливавшая в нее пришедшие извне отдельные этнические группы. Тормозящее влияние этих перемещений этнических групп на процесс сплочения народности отмечается в исследовательской литературе[3]. Теми и другими фактами наполнена история Могулистана, Ак-Орды и ханства Абулхайра. Но в то же время миграции создавали возможность общения близких по этническому происхождению коллективов. В этом же направлении действовал, например, и такой результат развития кочевого общества казахстанских степей, как оседание кочевников и полукочевников. Разорение рядовых кочевников-скотоводов как следствие упомянутых выше войн и усобиц, джутов приводило их к необходимости оседания, особенно в районе сырдарьинских городов и Жетысу, т.е. в районах древней земледельческой культуры. Бывшие кочевники, осевшие на землях, вступали в хозяйственные, культурные и этнические контакты с местными жителями, принадлежавшими к иным этническим общностям, – тюркоязычным, арабоязычным и другим, образуя новые своеобразные этнические группы, характерные именно для населения этого района[4].

Усилить воздействие политических факторов, смягчить влияние негативных на ход этнического процесса в сторону консолидации народности могло единое государство, способное собрать в одно целое территории расселения составляющих ее этнических групп и обеспечить ей независимое хозяйственно-культурное развитие.

В связи с этим встает вопрос о государственности у кочевников. Не углубляясь в споры по этому вопросу, отметим, что часть исследователей придерживается мнения, что государственность могла быть достигнута лишь при завоевании ими земледельческих и городских обществ. Но историческая реальность состояла в том, что казахи, как и протоказахские племена, занимались не только чисто кочевым скотоводством, но знали и оседлое, и полу-

оседлое земледелие, и городскую культуру. В создании и укреплении казахской государственности важнейшую роль играли два наиболее развитых района – Туркестан и Жетысу.

Южный Казахстан и города среднего и нижнего бассейна Сырдарьи, в частности, вместе с Центральным Казахстаном – это один из трех крупнейших узлов казахского этногенеза и политогенеза, наряду с районами Западно-Центральной части Казахстана, а также Жетысу и Восточным Казахстаном. С историей этих крупных центров тесно связано и развитие казахской государственности, причем политический центр складывавшейся государственности местного населения еще на рубеже XIII–XIV вв. в условиях растущего противодействия засилию Золотой Орды стал тяготеть к Южному и Юго-Восточному Казахстану. Политическим центром Казахского ханства было сначала Западное Жетысу, несколько лет спустя – район северной части присырдарьинских городов и предгорий Каратау (главными городами были Сыгнак и Сузак), а с конца XVI в. столицей стал г. Туркестан. Не случайно в Казахском ханстве в вопросе выбора центра государства были продолжены традиции предшествовавших государств, существовавших на территории Восточного Дешт-и Кыпчака в XIV-XV вв., Ак-Орды и ханства Абулхайра («государства кочевых узбеков»). На этот же район Южного Казахстана нередко и вполне закономерно были направлены и интересы ногайской (мангытской) феодальной знати, в частности, из потомков эмира Едыгея.

Туркестан и Жетысу составили ядро казахского государства с самых первых десятилетий его существования. События именно на этих землях определяли его судьбы в это время, как и предпосылки его возникновения связаны с историей этого региона в предшествующее время, в XIV–XV вв. С историей Туркестана и Жетысу было тесно связано все развитие Казахского ханства, его политическая история, укрепление ханства, экономическая и культурная жизнь казахского народа. Большую роль играли Туркестан и его города в экономических, культурных, политических взаимоотношениях казахов с народами Средней Азии, а Жетысу – в отношениях казахов с киргизами и населением Восточного Туркестана. Нередко эти отношения проявлялись в феодальной борьбе, длительных войнах, но чаще немирные отношения сменялись мирными и дружественными.

Несомненно значение районов Туркестана и Жетысу в сложении казахской государственной, а равно и этнической (национальной) территории. В исторической литературе, однако, имеет место мнение о перемещении казахских этнических групп на эти территории со стороны как в XVI в., так и особенно в более раннее время.

Существовала общность типа хозяйства, одинаковая материальная культура и быт населения, отмечается языковая близость абсолютно преобладавших на территории Казахстана тюркоязычных племен и племенных объединений. Существовала общность территории населения как в Ак-Орде, ханстве Абулхайра, так и в Казахском ханстве.

Хотя в начале XV в. Ак-Орда ослабевает, но остаются владения Барака в Туркестане и прилегающей степной территории. Переход власти на большей части казахстанских степей в условиях феодальных усобиц и в связи с гибелью хана Барака в руки шайбанида Абулхайра – это всего лишь смена династий тех же Джучидов. Население же оставалось то же самое, в тех же территориальных рамках, его объединяли общие формы хозяйства, материальной

культуры и быта. Родственные в этническом отношении тюркские, а также давно отюреченные монгольские племена восточной части Дешт-и Кыпчака уже в представлении авторов исторических сочинений конца XV — начала XVI вв. являются неким единым этническим целым. Хотя еще до распада «государства кочевых узбеков» Абулхайра и особенно после этого события население Казахстана (кроме Жетысу) было разделено на два политических объединения, но они состояли из одних и тех же этнических групп. Единая государственность формировалась на территории Казахстана в противовес Золотой Орде на местной этнической основе, со времени обособления Ак-Орды и вплоть до возникновения и укрепления Казахского ханства. После распада ханства Абулхайра у того же самого сложившегося народа, на той же этнической территории, в тех же хозяйственно-экономических условиях происходит лишь смена правящей династии, восстановление у власти старой линии Джучидов.

Смена правящих династий путем свержения, происходившие в сфере политики изменения не затрагивали экономическую основу общества.

«Казахи» Жаныбека и Гирея ничем не отличались от «узбеков» Абулхайра — ни по этническому составу, ни по социально-культурному развитию, роду занятий, материальному быту, хозяйству. Поэтому представляется ошибочным мнение ряда исследователей, считавших узбеков (имеются в виду «узбеки», обитавшие в XIV—XV вв. на территории Восточного Дешт-и Кыпчака), тесно связанными с земледелием на Сырдарье, а казахов — чистыми кочевниками, жившими только в степных районах, не знавшими земледелия и оседлой жизни. Перемещение «узбеков» из Восточного Дешт-и Кыпчака в Мавераннахр эти исследователи объясняют земельной теснотой, которую они стали испытывать на Сырдарье.

Государство Ак-Орда, ханство Абулхайра, северную часть Могулистана (Жетысу) и Ногайскую Орду населяли крупные этнические группы казахской народности. Казахское ханство явилось прямым продолжением государственности Ак-Орды, ханства Абулхайра и других упомянутых выше государств. В рамках этих государств происходило завершение длительного процесса формирования казахской народности, а в Казахском ханстве — окончательная консолидация единого народа. Одновременно с этническими процессами происходят становление и развитие собственно казахской государственности, явившейся прямым продолжением развития феодальной государственности племен и народов, обитавших ранее на территории Казахстана (кимаков, кыпчаков, найманов и других тюркских народов).

Причины образования Казахского ханства, казахского государства заключаются в целом комплексе социально-экономических факторов, дальнейшем развитии общественных отношений. Интересы знати, потерявшей в лице Абулхайра защитника феодальных прав родоплеменной верхушки, заключались в поисках более могущественного покровителя не только в лице его внука Мухаммеда Шайбани, но и казахских ханов.

Откочевка стала связью двух пластов казахов — племен Среднего и Старшего жузов в одной государственности, поводом образования нового политического объединения. Ханство оформилось лишь 10 лет спустя после начала откочевки. Его образование явилось одной из причин падения власти Абулхайра и установления власти ханов ак-ордынской линии Джучидов на всей территории Казахстана и над всеми казахами, в том числе и Младшего жуза,

на территорию которого распространили свое влияние Жаныбек-хан, затем Бурундук и, особенно, Касым-хан.

В государствах Ак-Орды, ханстве Абулхайра, Ногайской Орде и Могулистане одновременно с постепенным преодолением отрицательных последствий монгольского завоевания в сфере государственного развития, хозяйства, культуры в XIV–XV вв. шел процесс дальнейшей консолидации, сплочения казахской народности.

Прогрессивность образования всех этих государств — предшественников Казахского ханства — несомненна. И Ак-Орда, и ханство Абулхайра, хотя и возглавлялись чингизидами, но они, в отличие от Золотой Орды, возникли на основе союза местных племен, в сущности — на основе сформировавшейся казахской народности. Ведь из ханства Абулхайра тоже ушли многие кочевники, в числе тех 200 тыс. казахов, что «собрались у Жаныбека и Гирея» (хотя они и назывались «кошунат-и узбек», т.е. узбекское войско). Многие из военных предводителей покинули преемника Абулхайра Шайх-Хайдара и присоединились к Жаныбеку и Гирею. В Среднюю Азию с Мухаммедом Шайбани ушли немногочисленные части родов и племен из бывшего ханства Абулхайра.

Власть татаро-монгольских завоевателей в XIII–XIV вв. в Казахстане была не прямой, как в западной части улуса Джучи, в Золотой Орде, а «опосредованной в значительной степени местной восточно-кыпчакской аристократией в силу неразвитости улусных держаний монголо-татарской аристократии в этих степях»[5]. Здесь улусы — это реальные владения местных феодалов. Таковы улус Едыгея и его потомков, Шайбани и его потомка Абулхайра, улус Жаныбека, Гирея — наследников улуса Урус-хана и Барака. Общественно-политическая роль независимой от ханов Золотой Орды местной феодальной знати была существенна в процессе сложения собственно казахской государственности.

Укрепление этнического самосознания, как известно, сочетается со стремлением этноса к собственной социально-территориальной (главным образом — государственной) организации. Именно она «обеспечивает устойчивое существование этноса, сохранение многих из определяющих этнос элементов, т.е. стабильных особенностей языка, материальной культуры и быта, сознание своей этнической близости, единства (этническое самосознание) и, прежде всего, территориального единства»[6].

Государство выступало в качестве важнейшей интегрирующей силы в жизни страны (как это было и в истории развития других народов Востока в докапиталистическую эпоху), объединяющей хозяйственно обособленные, этнические автономные части казахского общества. Задача укрепления казахской государственности стояла на протяжении всего периода преодоления последствий монгольского завоевания, периода существования на территории Казахстана Ак-Орды, ханства Абулхайра, Могулистана, Ногайской Орды.

Окончательное формирование, стабилизация состава племен жузов происходили параллельно с завершающим этапом длительного процесса сложения народности как раз в XIV–XV столетиях в период упрочения Ак-Орды и Могулистана, в период, характеризующийся определенным развитием государственно-политических, социально-экономических, этнокультурных связей казахских племен. Основное содержание этнической истории Казахстана

этого времени — окончательное завершение формирования народности, вычленение состава племен казахских жузов, продвижение племен и родов, дополнивших древние автохтонные этнические ядра, на их позднейшие территории, зафиксированные источниками XVII—XIX вв. Сложение народности, как отмечено выше, процесс длительный, отдельные его этапы, время завершения нельзя отнести к какому-то десятилетию, как нельзя отнести к определенному короткому отрезку времени и возникновение такой специфической черты этнической истории казахской народности, как деление ее на жузы.

Завершившийся этап многовекового процесса формирования казахской народности в XIV—XV вв. характеризуется объединением его частей, входивших в этнополитические общности кыпчаков, узбеков, ногайцев, могулов и одновременно с вхождением отдельных родов и подразделений многих племен Восточного Дешт-и Кыпчака и Жетысу в другие формировавшиеся тюркские народности. Так, например, происходит уход в Среднюю Азию части племен Казахстана в начале XVI в. с Мухаммад Шайбани-ханом, в Жетысу и прилегающих районах — отрыв от основных масс своих соплеменников отдельных групп дулатов, канглы, кыпчаков, найманов, киреитов и вхождение их в состав киргизов[7].

Однако вхождение отдельных частей сформировавшейся казахской народности в несколько политических образований — государств, возникших на развалинах монгольских улусов (в Ак-Орду, Могулистан, ханство Абулхайр-хана, Ногайскую Орду, Сибирское ханство), а также беспрерывные войны и усобицы Джучидов и феодальной верхушки родов и племен, приводившие к потере производительных сил, в том числе и людских резервов, к экономическому упадку, разобщению родственных этнических групп, разрыву политических и хозяйственных связей, сильно тормозили этот процесс. Со всей необходимостью вставала задача преодоления политической разобщенности этнически близких групп, государственного объединения казахских племен и родов, фактически уже сложившихся в народность. Решению ее реально могло способствовать образование единого государства.

Социально-экономическое, этнополитическое, культурное развитие населения в послемонгольское время (XIV — I-я половина XV в.) подготовило условия для политического объединения казахского народа в единое целое. Такой государственной структурой призвано было стать Казахское ханство, обеспечившее в последующие столетия консолидацию казахской народности, целостность ее этнической территории, развитие многовековой культуры народа.

2. ЖАНЫБЕК И ГИРЕЙ

Попытка преодоления раздробленности, политической разобщенности частей казахского народа в разных государственных объединениях выпала на долю Джучидов Жаныбека и Гирея. Их династийные интересы в противоборстве с другими Чингизидами (главным образом, Шайбанидами) за право властвовать в наследственных землях бывшего улуса Джучи объективно отразили стремление консолидировавшегося народа к созданию самостоятельного государства. Важно отметить, что казахские ханы собирали воедино земли, уже подготовленные к единой государственности и объединению долгим процессом взаимосвязанного этнополитического, хозяйственно-культурного

развития населявших территорию Восточного Дешт-и Кыпчака, Жетысу и Туркестана этнических групп.

В условиях ослабления и распада ханства Абулхайра и Могулистана наиболее влиятельные вожди родов и племен упомянутого обширного региона стремились к политической независимости или искали покровителя в лице кого-либо из Чингизидов. Многие из них поддержали действия первых казахских ханов, направленные на создание и упрочение единого государства.

Значительная часть казахских родов и племен сплотилась вокруг Гирея и Жаныбека еще в 40—50-х годах в южных землях Казахстана — в предгорьях Каратау, в низовьях Сырдарьи, северной части Туркестана. Пока Абулхайр-хан был занят борьбой за укрепление своей власти в степи, подавлением сопротивления многочисленных Джучидов и непокорных глав родов и племен, наследники ханов Ак-Орды обеспечивали на этой территории устойчивую власть.

В исторической литературе Урус-хана, а через него и Барак-хана и основателей Казахского ханства Жаныбека и Гирея принято считать потомками Орда-Еджена, хотя прямых данных об этом в источниках нет. По монетным данным и сведениям Му'ин ад-дина Натанзи в «Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини», генеалогия Урус-хана восходит к Сасы-Бука-хану: Сасы-Бука — его сын Эрзен-хан (у Лэн-Пуля Стенли вместо Эрзена упомянут хан Мубарак-Ходжа) — его сын Чимтай — сын Чимтая Урус-хан. Этот источник считает, однако, Сасы-Буку происходящим не от Орда-Еджена, а от эмира Золотой Орды Ногая, что не подкрепляется другими данными[8]. До Сасы Буки в Ак-Орде, согласно Рашид ад-дину, правили Орда (Орда-Еджен) — Сартактан (Сартак) — Куинджи (Кончи) — Байан[9]. Генеалогическая связь Сасы-Буки с этой линией потомков Орды не доказана, хотя по традиции Урус-хан считается восходящим к потомкам Орда-Еджена.

Другие источники, касающиеся генеалогий Джучидов (аноним «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», «Бахр-аль-асрар фи манакиб ал-ахйар» Махмуда ибн Амир Вали), возводят генеалогию казахских ханов к 13-му сыну Джучи Тука-Тимуру: Джучи—Тука-Тимур — Уз-Тимур—Ходжа—Бадик—Урус-хан—Каруджак (Куйручук) — Барак—Жаныбек-хан[10], носивший также имя Бу Са'ид. Махмуд ибн Вали называет Гирей-хана и Жаныбек-хана относящимися к «потомкам Тукай-Тимур-хана, сына Джучи-хана» («Жаныбек-хан, сын Барак-султана, — из султанов, [происходящих от] Тукай-Тимура»[11]. Потомком Тука-Тимура, 13-го сына Джучи, называет Урус-хана и Кадыргали Жалаири.[12] В генеалогиях, приведенных в этих сочинениях, содержатся имена казахских ханов и султанов последующего времени, подтвержденные рядом других источников XV в. Приведены имена сыновей и дочерей Барака, Жаныбека, Гирея, Бурундука; достоверность их не вызывает сомнения. Решение вопроса о родственных отношениях между ними имеет большое значение для понимания фактов политической истории государственных образований, существовавших на территории Казахстана XIV-XV вв. Не имеет принципиального значения, принадлежит ли Урус-хан и его потомки к линии Джучидов, происходившей от Тука-Тимура, или они связаны происхождением с Орда-Еджеком. Те и другие по традиции считались соправителями в Ак-Орде, так как Тука-Тимур был в числе тех четырех братьев (вместе с Удуром, Шингкумом и Шинкуром), которым были даны уделы в улусе их старшего брата Орды, и с которыми они составили левое крыло джучиевых владений и войс-

ка[13]. Тука-Тимуриды считались принадлежавшими еще в XIII в. к улусу Орда-Еджена[14]. Но в период распада Золотой Орды на рубеже XIV–XV вв.многие из них претендовали на ее трон в Сарае. Наиболее удачливыми в этом отношении были Улуг-Мухаммад-хан, утвердившийся в Сарае к 1428–29 гг., затем его брат Кичи-Мухаммад-хан, овладевший Сараем в 1438 г. Махмуд ибн Вали сообщает, что хан улуса Шайбана Абулхайр сразу же после захвата власти в улусе объявил независимость своих владений от этих потомков Тука-Тимура, т.е. независимость от Золотой Орды[15]. Удаляясь на запад, Тука-Тимуриды считали себя по традиции законными владетелями и на территории Ак-Орды, в том числе в улусе Шайбана.

Принадлежавшие к этой династии Ахмад-хан и Махмуд-хан (их генеалогия: Джучи–Тука-Тимур – Уз-Тимур–Абай–Томган–Кутлук–Тимур–Тимур-бек–Тимур-Кутлук-хан–Тимур–(Кичик) Мухаммад-хан-Ахмад-хан (и Махмуд-хан)[16] оказали большое сопротивление Абулхайр-хану. Воспользовавшись уходом в 1431–32 гг. шайбанидского хана с войсками в набег на Хорезм, Ахмад и Махмуд, претендовавшие на эти земли и кочевавшие в это время в Приаралье, активизировали свои действия, по словам Мас'уда Кухистани, «подняв знамя мятежа и бунта, находились на стоянке непокорности и непослушания»[17]. Боясь вторжения войск этих Тука-Тимуридов в свой улус, Абулхайр вернулся из Хорезма.

Среди тех султанов-джучидов, чье сопротивление не было сломлено Абулхайром до конца, историки называют и потомков Урус-хана и Барак-хана султанов Жаныбека и Гирея, хотя первые сведения о них появляются в «Та'рих-и Рашиди» Мухаммада Хайдар-мирзы Дуглата (а вслед за ним в некоторых других сочинениях, например, в «Хабиб ас-Сийар» Хондемира, в «Бахр аль-асрар») только для второй половины 50-х годов XV в. До этого времени они находились в той самой южной части Ак-Орды, где в 20-х годах наиболее прочной была власть Барак-хана и куда последующие два десятка лет не мог продвинуться Абулхайр-хан. Они унаследовали власть Барака на этой территории и, несомненно, являлись союзниками Ахмад-хана и Махмуд-хана в борьбе с Абулхайром против его притязаний на их наследственные земли. Возможно, что их действия были согласованными. Жаныбек и Гирей могли находиться не только в союзе, но и под опекой этих своих более могущественных, хотя и отдаленных родственников. П. П. Иванов считает, что прапрадед Жаныбека и Гирея «золото-ординский хан Урус, дед Барак-хана» является и «родоначальником астраханской династии», т.е. предком и Ахмад-хана и Махмуд-хана, сыновей Кичик-Мухаммада[18]. Но если Урус-хан и был из династии Тука-Тимуридов, то все же родство его с Кичик-Мухаммадом, как показывают приведенные выше генеалогии, было слишком отдаленное, чтобы считать его родоначальником.

Жаныбек и Гирей по возрасту могли быть не только современниками, ровесниками Ахмад-хана и Махмуд-хана, но и их соратниками (Гирей-хан и Ахмад-хан умерли примерно в один срок, первый около середины 70-х годов, второй в 1481 г.). Хотя точных данных о датах рождения Жаныбека и Гирея нет, но косвенные данные позволяют определить их возраст. Этому помогает, в частности, установление их отношений друг к другу по родству.

Основатели Казахского ханства Жаныбек и Гирей согласно родословным, помещенным в «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», были троюродными братьями, т.е. сравнительно неблизкими родственниками. Родословная Гирей-

хана («Кирай-хана» в источниках): Урус-хан – Тохта-Кыйа–Пулад–Кирай-хан. Родословная Жаныбек-хана: Урус-хан–Куйручук–Барак-хан–Жаныбек-хан[19]. В источниках, повествующих о действиях этих казахских ханов-соправителей во 2-й половине XV в. (60–70-е годы), нет точного разъяснения, кто из этих двух ханов был главным, их имена пишутся рядом не в строгом порядке. Жаныбек-хан был прямым наследником и преемником своего отца Барак-хана, ханом был и его дед Куйручук. Но Гирей-хан был старше по возрасту, чем Жаныбек, и он был внуком старшего сына и преемника Урус-хана Тохта-Кыйа, умершего, однако, сразу же после Урус-хана в 778 г.х. (1376–1377 гг.), тогда как Жаныбек был внуком четвертого сына Урус-хана, Куйручука. Но поскольку в государствах средневекового Казахстана наряду с постепенно утвердившимся уже с XIV в. принципом прямого наследования ханской власти (от отца к сыну) сохранялся еще старый тюрко-монгольский принцип преимущественного права на ханскую власть старшего в роде, т.е. дядя (брат хана) считался старше своего племянника (сына хана), то Гирей-султан тоже мог претендовать на титул хана, как и Жаныбек-султан.

Даже младший из них, Жаныбек, мог уже быть в числе противников Абулхайра задолго до их откочевки в Жетысу, т.е. в 30–40-х годах. Если Жаныбек-султан (или Жаныбек-оглан) родился за несколько лет до гибели его отца Барак-хана, например, в 1420 г., то уже в 1436 г. ему было 16–17 лет и он мог быть в числе противников Абулхайра (кстати, Абулхайр был поднят ханом в 17 лет; главное здесь зависело не от личности хана и его возраста, а от тех кругов знати, которые его поддерживали). В 1446 г. (когда Абулхайр-хан взял сырдарьинские города) Жаныбеку могло быть 26–27 лет, во время откочевки в конце 50-х годов – 38–40 лет. Умер Жаныбек-хан раньше Гирей-хана, до 1480 г., т.е. в возрасте 58–60 лет. Эти данные позволяют сдвинуть возраст (вернее, дату рождения) еще на 10 лет назад, и если, скажем, он родился около 1410 г., то во время битвы Абулхайра с Ахмадом и Махмудом в местности Икри-Туп Жаныбеку было 20–21 год. Гирей-султан был еще старше Жаныбека, т.е. оба они были сознательными противниками Абулхайр-хана уже с первых лет его правления (с 1428 г.).

В южных районах Казахстана Гирею и Жаныбеку подчинялась значительная часть родов и племен, вокруг них сплотились определенные круги родоплеменной кочевой знати и особенно та часть верхушки, которая поддерживала Барак-хана и была связана с городами на Сырдарье. Эти слои знати были заинтересованы в твердой ханской власти, обеспечивавшей их притязания на эксплуатацию оседло-земледельческого населения оазисов Присырдарьи и получение прибыли от торговли и ремесленного производства местных городов. Пока Абулхайр-хан почти два десятилетия был занят борьбой за укрепление своей власти в степи, подавлением сопротивления многочисленных Джучидов и непокорных глав родов и племен, эту сильную власть на юге Казахстана могли обеспечить наследники ханов Ак-Орды. К ним стекались многие недовольные Абулхайром вожди родов и племен со своими подданными. В руках Жаныбека и Гирея находились, очевидно, городские центры и крепости в предгорьях Каратау и на Сырдарье–Сузак, Сыгнак, возможно, Сауран и другие менее крупные крепости.

Это предположение вполне допустимо, поскольку источник не сообщает, у кого в 1446 г. отобрал эти города Абулхайр. Б. А. Ахмедов полагает, что в 40-х годах Гирея и Жаныбека в районе Сырдарьи не было, иначе, будь он в одном

из этих городов, относившихся к Ак-Орде, они оказали бы сопротивление Абулхайру, силы которого были ослаблены сражением с Мустафой-ханом[20]. Но, как уже говорилось выше, этот единственный источник, сообщающий о взятии городов Абулхайром, вообще ничего не сообщает ни о казахских ханах, ни об их сопротивлении Абулхайру, ни об откочевке, ни о походе Абулхайра в Могулистан против казахских ханов – вообще ни о чем, связанном с казахскими ханами. Не упоминаются их имена ни в одном подробном списке сподвижников Абулхайра. Очевидно, это сделано преднамеренно.

Фактическое пребывание потомков Урус-хана и Барак-хана владетелями южной части территории бывшей Ак-Орды – в северной части Туркестана, низовьях Сырдарьи, предгорьях Каратау, низовьях Чу и Таласа все это время вполне достоверно, и тот факт, что Жаныбек и Гирей признавались ханами частью родов и племен Дешт-и Кыпчака еще до ухода их в Жетысу, т.е. до конца 50-х годов XV в., находит отражение в источниках. Например, Махмуд ибн Вали подтверждает это: «Когда Абул-Хайр-хан одержал верх над сыновьями своих врагов в областях Дешт-и Кыпчака, некоторые из потомков Тукай-Тимур-хана, сына Джучи-хана, например, Кирай-хан и Жаныбек-хан... вышли из круга подчинения и повиновения и предпочли покинуть родину. Отказавшись от унаследованной (от предков) страны, они ступили на дорогу, ведущую (на чужбину). С группой людей, достойных признания, они выбрали путь в Могулистан»[21].

Мирза Мухаммад Хайдар Дуглат говорит в связи с этим, что Гирей-хан и Жаныбек-хан, уходя в Жетысу, отделились «от своего многочисленного народа»[22], т.е. современники вполне обоснованно считали их наследниками ханов, правивших в Узбекском улусе, владельцами части территории Восточного Дешт-и Кыпчака, правителями давно уже выделившейся части родов и племен кочевого населения.

Положение Гирея и Жаныбека в их владениях на юге Казахстана было, однако, весьма стесненным. В городах-крепостях северной части Туркестана они должны были постоянно отбиваться от тимуридских наместников, пытавшихся вернуть эти крепости в свои руки, а также и от могулов. Подданные Гирея и Жаныбека из числа кочевых племен были исключительно затруднены в своем положении из-за отсутствия возможности совершать традиционные сезонные меридиональные кочевки на весну–лето в степи Казахстана, занятые кочевыми подданными Абулхайр-хана. Эти последние, по крайней мере, значительная часть их, в свою очередь были лишены возможности прикочевывать на привычные места зимовок в районы Нижней и Средней Сырдарьи, вести торговый обмен, столь жизненно важный как для кочевого скотоводческого хозяйства, так и для оседло-земледельческого населения оазисов Туркестана, поскольку в районе городов находились враждебные им подданные казахских султанов. Но в целом страдали от этой политической разобщенности подданные и Шайбанидов, и казахских султанов, поскольку были нарушены традиционные экономические и культурные связи, этнополитическое взаимообщение. Не меньше, чем кочевые подданные Абулхайра и султанов Гирея и Жаныбека, теряло от этой вражды население городов Присырдарьи и земледельческое население оазисов Южного Казахстана. В районе Туркестана, как и прежде, в I-й половине XV в.,сплетались интересы большого числа претендентов на власть в них: их удерживали Тимуриды, отстаивали свое право на них потомки ханов Ак-Орды, притязали Абулхайр-хан и

мангыты, нападали могульские ханы и феодалы, а затем и ойраты (калмаки).

Еще более стесненным стало положение кочевых родов и племен, подчиненных Гирею и Жаныбеку после поражения Абулхайра от калмаков (ойратов) в конце 50-х годов, когда он принялся жесткими мерами наводить порядок в разгромленных улусах. Абулгази подчеркнул, что среди Чингизидов не было «ни одного человека, которого миновала бы ханская стрела или не коснулась бы ханская рука»[23]. Упадку государства способствовали многочисленные войны и набеги Абулхайра, которые он вел вне пределов подвластной ему территории, постоянное вмешательство в дела соседних улусов и государств. Все это ускорило разделение узбекских и казахских племен, откочевку части последних на юго-восточные земли. Действия Абулхайра, как и неспособность могулистанского хана оградить население Жетысу от ойратских набегов, привели к еще большему недовольству народных масс всего региона, разоренных войнами и усобицами. Характерной для средневекового кочевого общества формой сопротивления — уходом, откочевкой из-под власти правителя как в Восточном Дешт-и Кыпчаке, так и в Жетысу, — отвечало население на свое тяжелое положение.

В конце 50-х годов Жаныбек и Гирей возглавили такого рода откочевку.

Массы скотоводов и земледельцев Восточного Дешт-и Кыпчака, Туркестана и Жетысу в условиях постоянных разорительных войн и усобиц, отрывавших их от производительного труда, испытывали неисчислимые тяготы и лишения. Главной формой протеста против них в условиях средневековой степной вольницы была откочевка из-под власти правителей. Начиная с конца 50-х до начала 70-х годов XV в., в условиях то и дело вспыхивавших мятежей Джучидов, предводителей кочевых родов и племен, особенно участившихся в конце правления Абулхайр-хана, в обстановке поражения этого хана от калмаков (ойратов), из Восточного Дешт-и Кыпчака, оазисов Присырдарьи и предгорий Каратау переместилось в Западное Жетысу до двухсот тыс. человек, главным образом кыпчакских родов и племен.

Начало массовой передвижки населения было положено Жаныбеком и Гиреем, которые объединили вокруг себя других Джучидов и зависимых от них родоплеменных групп кочевого и полукочевого населения казахстанских степей и в 1458-1459 гг. увели их за пределы ханства Абулхайра, в Могулистан, на земли Западного Жетысу. Первым из средневековых авторов это событие зафиксировал Мирза Мухаммад Хайдар Дуглат. Он назвал и конкретную территорию размещения мигрировавших групп казахов: «В то время в Дешт-и Кыпчаке владычествовал Абу-л-Хайр-хан. Он причинял много беспокойства султанам джучидского происхождения. Жаныбек-хан и Кирай-хан бежали от него в Могулистан. Исан-Буга-хан охотно принял их и предоставил им округа Чу и Козы-Баши, которые составляют западную окраину Могулистана»[24]. Махмуд ибн Вали отмечает, что уход недовольного политикой Абулхайра кочевого населения из-под его власти был не единичным актом. Перемещение длилось в течение десятка лет, называется и общее количество мигрировавших кочевников. «Когда Жаныбек-хан и Кирай-хан сделали длительную остановку на той территории [т.е. в Могулистане], каждый человек [как] из правителей, [так] и из подданных, кто начинал питать отвращение к Абу-л-Хайр-хану, находил у них убежище»[25]. Особенно откочевка усилилась после смерти Абулхайра в 1468 г. и распада его государства: «В то время как они благоденствовали там, Узбекский улус после смерти Абу-л-Хайра-хана при-

шел в расстройство: (в нем) начались большие неурядицы. Большая часть (его подданных) откочевала к Кирай-хану и Жаныбек-хану, так что число (собравшихся) около них достигло двухсот тысяч человек»[26].

Откочевка части казахских племен и родов из Восточного Дешт-и Кыпчака в Жетысу в 50–60 годах была не исключительным случаем, хотя в этот период самой массовой. Время усобиц, развала одного государства и становления другого усиливало процесс этнической и политической дифференциации и концентрации населения, особенно подвижных масс кочевников и полукочевников. Недовольство народных масс гнетом использовали одни группировки знати против других. Такого рода перемещений кочевников от одного владетеля к другому в ханстве Абулхайра в период его борьбы с Джучидами было немало, но именно упомянутая откочевка во главе с Жаныбеком и Гиреем попала на страницы средневековых исторических сочинений. Кроме упомянутых авторов, о ней писали Мирхонд, Хондемир, Хайдар Рази и др. Не только потому, что она была наиболее массовой, но и потому, что она явилась катализатором нового государственного объединения казахов, важным фактором дальнейшей консолидации казахской народности. Этим действием народных масс было положено начало для последующего объединения разрозненных групп казахов, не только дешт-и кыпчакских, но и жетысуских, в одном государстве. Массовая откочевка населения из владений Абулхайра послужила одной из причин развала его государства. Откочевкой были внесены изменения в географию размещения населения, в политическую карту региона. Таковы важнейшие результаты этого социального и политического явления, имевшего место в Казахстане второй половины XV в.

Передвижка больших масс казахов во главе с ханами Жаныбеком и Гиреем из Южного и Центрального Казахстана именно в Жетысу, в долины Чу, Таласа была неслучайной. Этому способствовали давние дружественные связи Ак-Орды с Могулистаном, главным образом, с его владетелями северной части Жетысу; этническая близость населения, обитавшего на значительной части края, подданным Жаныбека и Гирея; наконец, слабость феодально-раздробленного Могулистана, неспособность его правителя удержать власть в Жетысу.

О связях населения Восточного Дешт-и Кыпчака, Туркестана и Жетысу говорят многие факты их исторического прошлого, например, их совместная борьба против грабительской захватнической политики эмира Тимура и Тимуридов, джунгарских феодалов. Политики взаимной поддержки придерживались правители Ак-Орды и Могулистана от Урус-хана, Тохтамыша, Барака до Жаныбека и Гирея, с одной стороны, и от дуглатского эмира Камар ад-дина, Хизр-хана, Вайс-хана до Есен-Буга-хана, с другой стороны.

Выше было сказано, что группы, упоминаемые в источниках под собирательным этнополитическим именем «могулы» («моголы»): дуглаты (дулаты), уйсуни, киреиты (киреи), канглы (бекчики), аргыны, жалаиры и другие, т.е. племена, известные в составе Старшего и Среднего жузов казахов, сыграли важную роль в завершавшемся процессе консолидации казахской народности. Казахские предводители Гирей и Жаныбек знали, что в Жетысу откочевавшие с ними родоплеменные группы встретят родственное им тюркское население. Племена скотоводов-кочевников Восточного Дешт-и Кыпчака и Жетысу были близки по языку, культурным традициям, образу жизни. Переход значительной массы родоплеменных групп из Центрального и Южного

Казахстана не мог вызвать особой сложности в отношениях с местным населением.

Политическое влияние правителей Могулистана в Жетысу в связи с общим ослаблением их государства к середине XV в. значительно уменьшилось. Ослабление Могулистана было вызвано целым рядом причин, и каждая из них проецировалась на исторические судьбы Жетысу. Феодальные войны и усобицы в Могулистане вели к распаду государства. Войны влекли за собой разобщенность этнических групп: затрудняли консолидацию входивших в могульскую этнополитическую общность казахов Жетысу, киргизов и уйгуров; вызывали потерю производительных сил, экономический упадок, физическое истребление населения.

Феодальная раздробленность делала ханство Есен-Бугислабым перед внешней агрессией. Все более ухудшалось внешнеполитическое положение Могулистана. С захватом присырдарьинских городов в конце 40-х годов XV в. к западным рубежам Могулистана вышел Абулхайр-хан. Возникла угроза отторжения им жетысуских владений Есен-Буги. Тем более, что сам могульский хан большей частью вынужден был находиться в Аксу, где он пытался ослабить противодействие ему в Кашгарии дуглатских эмиров. В начале 50-х годов Абулхайр-хан задумал большой поход на Могулистан и собрал с этой целью войска в районе Саурана и Сыгнака. Он рассчитывал отобрать у могульских владетелей земли по Чу, Таласу, Или, в Прибалхашье, населенные близкими племенами, откуда к нему, в свою очередь, переходили, по сообщению источников[27], мятежные могульские эмиры с подвластными им кочевниками из племен калучи, булгачи, канглы, уйшин (уйсун) и других.

Есен-Буга должен был также отражать претензии на могулистанский трон своего брата Юнуса, которого поддерживали Тимуриды в лице Абу Са'ида-мирзы: «Так как в то время Абу Са'ид-мирза вызвал из Ирака Йунуса-хана, брата вышеупомянутого хана (Есен-Буги) и, оказав ему покровительство помощью и поддержкой, послал его против брата, по этой причине в фундаменте правления Исан-Буга-хана обнаружилась трещина»[28].

Вновь участились набеги ойратов (калмаков) на Жетысу и другие восточные районы Могулистана. В 50-х годах они проникли через Жетысу, долины Чу и Таласа до туркестанских городов и под Сыгнаком разгромили войска Абулхайр-хана. Поражение Абулхайр-хана от калмаков Уз-Тимура-Тайши временно сняло угрозу вторжения узбекского хана в Могулистан, но набеги калмаков на Могулистан продолжались. Тяжелое внешнеполитическое положение Могулистана в 50—начале 60-х годов делало особенно шатким положение могульского хана в условиях его постоянной борьбы с внутренними неурядицами, смутами и усобицами, неповиновением крупных феодалов[29].

Таким образом, правитель Могулистана фактически не имел реальных сил воспрепятствовать переселению в Жетысу новых групп казахских родов и племен с их предводителями. Он давно уже потерял всякое влияние в этом отдаленном от Кашгарии крае, населенном к тому же тюркскими племенами, более близкими населению центральных и южных районов Казахстана, чем к его кашгарским подданным.

Таковы причины откочевки казахов Жаныбека и Гирея именно на территорию казахских земель в Западном Жетысу. Это событие привело к переме-

нам в политической истории всего региона и к переменам в судьбах местного казахского населения. Важно подчеркнуть, что прикочевавшие в 50–60-е годах XV в. в Жетысу казахские племена не занимали пустые пространства[30]. Они вступили в тесный контакт, выросший в политический союз в рамках одного государственного объединения, с местным казахским населением Жетысу. Что касается реакции могулистанского хана на прибытие Жаныбек-хана и Гирей-хана, то он, как сообщает источник, «с почетом и изъявлением согласия встретил августейшее прибытие царевичей» и предоставил прибывшим группам казахов западный край Могулистана, именно потому, что он был буфером между (владениями) Исан-Буга (хана) и иктой Йунус-хана[31], а также территорией ханства Абулхайра, т.е. хан Могулистана с помощью прибывших казахских предводителей пытался ослабить своих внешних и внутренних противников. Опора на казахов помогла Есен-Буге на время избавиться от притязаний брата: «Пока Исан-Буга-хан был жив, то благодаря помощи (ему) и поддержке, (оказываемой) вышеупомянутыми ханами, Йунус-хан ногу дерзости не ставил в стремя надменности»[32].

Махмуд ибн Вали сообщает, что казахи Жаныбека и Гирея сражались с калмаками и киргизами на окраинах Могулистана[33], т.е. Есен-Буга-хан стремился использовать казахов как реальную военную силу и для отражения ойратов. Опорой на многочисленные казахские роды и племена, объединенные Жаныбеком и Гиреем, Есен-Буга-хан стремился укрепить свое внутриполитическое положение. Он мог рассчитывать на поддержку казахских правителей, обязанных ему за покровительство. Хан надеялся увеличить и число своих подданных, налогоплательщиков и воинов-кочевников. Как известно, привлечение на свою сторону тех или иных контингентов войск (кочевников) применялось в средневековье часто. Богатство, сила, власть правителя кочевого государства заключалась не столько в подвластной территории, сколько в реальном подданстве, повиновении населения, поставлявшего в виде налогов главное содержание государственной казны и составлявшего основную военную силу его государства.

Оправдывать надежды могулистанского хана казахским предводителям пришлось недолго, они отнюдь не пребывали в Западном Могулистане в 60-х годах в роли беглецов или политических изгнанников, ожидавших счастливого случая, чтобы вернуться в Дешт-и Кыпчак и одолеть своего давнего противника из династии Шайбанидов. Пользуясь поддержкой родоплеменных вождей и масс рядовых кочевников, как пришедших с ними в Жетысу, так и местных семиреченских, выгодно используя ситуацию полного упадка ханства Абулхайра и Могулистана, они утвердили свою политическую самостоятельность.

3. ОБРАЗОВАНИЕ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА

Дальнейшее развитие и укрепление хозяйства, социальных отношений и на их основе все более усиливавшаяся этническая и политическая консолидация казахских родов и племен Дешт-и Кыпчака, Жетысу и Туркестана (Южного Казахстана), завершение длительного процесса сложения казахской народности и параллельного процесса формирования трех жузов явились объективными причинами, вызвавшими возникновение собственно казахской государственности в виде Казахского ханства.

Основателями его были потомки правителя Ак-Орды Урус-хана Гирей и Жаныбек. Борясь против Шайбанидов за восстановление власти династии ханов Ак-Орды в Восточном Дешт-и Кыпчаке, они воспользовались недовольством народных масс. Сами по себе они не могли бы поднять на переселение такую массу народа. Преследуя свои интересы, отстаивая право своей династии на политическую власть, Жаныбек и Гирей объективно отражали стремление части казахской родоплеменной знати и консолидировавшегося народа к созданию самостоятельного государства.

Усобицы приводили к разобщенности племен Казахстана, затрудняли процесс их этнической консолидации в единую народность, вели к потере производительных сил, в том числе людских резервов, к экономическому упадку. Задача преодоления раздробленности, политической разобщенности частей казахского народа была актуальной. Частично она решалась при образовании Ак-Орды и Могулистана, когда местная феодальная знать захватила власть в свои руки и тем самым способствовала государственному объединению тюркоязычных племен, возобновлению поступательного процесса формирования казахской народности. В рассматриваемом случае откочевка части казахских племен из Центрального и Южного Казахстана во главе с Жаныбеком и Гиреем также способствовала политическому объединению этих племен с племенами Старшего жуза, образованию Казахского ханства и в конечном счете — консолидации казахской народности.

Существуют несколько дат или событий, которые историками-исследователями, а также многими любителями старины принимаются за точку отсчета истории Казахского ханства. Прежде всего, понятно, принимались во внимание факт откочевки и дата, названия в «Та'рих-и Рашиди». Мнение считать началом этого государства откочевку Гирея и Жаныбека с частью родов и племен в Жетысу в конце 50-х годов XV в. не получило подтверждения в источниках, ведь и сама дата откочевки установлена по косвенным данным[34].

Время образования ханства и распространения власти казахских ханов на Восточный Дешт-и Кыпчак давно уже было предложено В. В. Вельяминовым-Зерновым на основании сообщения Мирзы Мухаммеда Хайдара Дуглата в «Та'рих-и Рашиди»[35] считать 870 год хиджры, середину 60-х годов XV в.

Приведем это сообщение полностью. «В то время в Дешт-и Кыпчаке владычествовал Абулхайр-хан. Он причинял много беспокойства султанам джучидского происхождения. Жаныбек-хан и Кирей-хан бежали от него в Могулистан. Есен-Буга-хан охотно принял их и предоставил им округ Чу и Козы-Баши, который составляет западную окраину Могулистана. В то время как они благоденствовали там, Узбекский улус после смерти Абулхайр-хана пришел в расстройство; в нем начались большие неурядицы. Большая часть его подданных откочевала к Кирей-хану и Жаныбек-хану, так что число собравшихся около них людей достигло двухсот тысяч человек. За ними утвердилось название узбеки-казахи (узбек-казак). Начало правления казахских султанов — с восемьсот семидесятого года, а Аллах лучше знает»[36].

Эта дата, 870 год хиджры — 1465/1466 г. от Р. Х. принята за дату образования Казахского ханства в пятитомной «Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней». Показано, что это событие связано с территорией западной части Жетысу. Именно сюда перемещалась на протяжении десятилетия часть казахских родов и племен из Восточного Дешт-и Кыпчака. В Жетысу в основном сложился казахский Старший жуз, фактически уже вы-

шедший из-под власти ханов Могулистана. После смерти упомянутого выше хана Могулистана Есен-Буги в 1462 г. в Жетысу не было реальных сил, способных противодействовать казахским правителям. Его брат Йунус-хан был в то время в Ташкенте. В этих условиях обособление нового политического образования – Казахского ханства – на этой территории было вполне осуществимым и объяснимым явлением. Для его возникновения, обособления казахским предводителям не нужно было ждать исхода событий в Деште, связанных со смертью Абулхайр-хана в 1468 г. В конце 60-х – начале 70-х годов и в последующие годы XV в. происходит постепенное расширение власти казахских ханов на другие земли и обитавшее там население, включение в Казахское ханство Туркестана (часть сырдарьинских городов Южного Казахстана) и степных просторов Восточного Дешт-и Кыпчака. Вопрос стоял не только о смене династии в Узбекском улусе, а о появлении самостоятельного государства сложившейся казахской народности[37].

Вопрос о дате образования Казахского ханства, первого государства с национальным именем его основного населения, – а он, этот вопрос, связан и с местом образования этого государства – постоянно вызывал интерес и споры в научной литературе[38], а теперь и в публицистике.

В более ранних изданиях по истории Казахстана время образования ханства и распространения власти казахских ханов на восточную часть Дешт-и Кыпчака определяется событиями, связанными с уходом кочевых узбеков во главе с Мухаммад Шайбани-ханом в Мавераннахр, что имело место после 1500 г. Определяется оно и более поздней датой – после гибели Мухаммада Шайбани в 1510 г.: «После смерти Шайбани его преемники, занятые борьбой за власть, оторвались от степных районов. Это привело к тому, что власть на территории узбекского ханства постепенно перешла в руки казахских ханов и султанов. Казахские ханы возвратились из Жетысу на запад, откуда 50 лет назад бежали Жаныбек и Гирей[39]. Получается, что до 1510 г. казахские правители не имели власти на основной этнической территории казахов, хотя источники не подтверждают этого.

А. П. Чулошников также писал, что Казахское ханство образовалось на рубеже XV–XVI вв., приблизив тем самым факт образования к началу XVI в.[40] С. К. Ибрагимов относил окончательное оформление самостоятельного государства к еще более позднему сроку – к 30–40-м годам XVI в., считая, что к концу XV в. выделилось лишь несколько феодальных владений во главе с сыновьями Жаныбека и Гирея, которые затем положили начало отдельному кочевому государству с новым названием, т.е. Казахскому ханству[41].

Заслуживает внимания мнение видного исследователя средневековой истории казахского народа Т. И. Султанова вопросу о времени образования казахского государства. Он справедливо считает, что «образование Казахского ханства не было единовременным актом», а продолжительным по времени процессом. Более конкретно Т. И. Султанов связывает факт «образования нового ханства» с возвращением Гирея и Жаныбека в Узбекский улус после смерти Абулхайр-хана и захватом там верховной власти, что имело место, по мнению автора, в начале 70-х годов XV столетия, конкретнее в 1470 г.[42].

Приведем дополнительные сведения из источников и суждения из литературы о месте и времени образования Казахского ханства, о событиях после откочевки.

В Жетысу откочевавшие родоплеменные группы встретили родственное им тюркское и тюркизированное население: канглов, кереев, дулатов и других, т.е. казахов. Племена Дешт-и Кыпчака и Жетысу были близки по языку, культурным традициям, образу жизни, и поэтому массовый переход родоплеменных групп из Центрального и Южного Казахстана не вызвал особой сложности в отношениях с местным населением.

Дату Мухаммед Хайдара автор не принимает, потому что писал тот свой труд, находясь в далеком Кашмире, и не мог знать о событиях в Казахстане. Но это событие было задолго до рождения Мухаммад Хайдара, во-первых, усилившиеся в связи с мощным притоком населения из Центрального и Южного Казахстана, а также за счет присоединившихся к ним групп некоторых местных родов и племен Жаныбек и Гирей недолго оставались исполнителями воли своего покровителя могульского хана. Около 870 г. х. (1465–1466 гг.) они основали на территории Западного Могулистана, в Чу-Таласской долине и прилегающих районах собственно Казахское ханство. Есть ли основания не принимать эту дату, названную Мухаммад Хайдаром? А во-вторых, в приведенном выше отрывке из «Та'рих-и Рашиди» слова Мухаммад Хайдара Дуглата о «Начале правления казахских султанов с восемьсот семидесятого года» совсем не констатируют временной период после кончины Абулхайра (874 г.х.–1468/69 или в год Мыши – осень 1468 г.). В том отрывке сказано, что после смерти Абулхайра «большая часть подданных его откочевала к Гирей-хану и Жаныбек-хану», именно к ханам. Они уже были ханами. Эти слова фиксируют то, что уже было, произошло раньше, а не в связи с кончиной Абулхайра. И начало их правления было задолго до смерти Абулхайра, до его похода против казахских ханов в 1468/69 г. в Моголистан, во время которого он и умер.

Многочисленные данные свидетельствуют об основании Казахского ханства именно в Западном Жетысу, а не в Дешт-и Кыпчаке. «После его, Абулхайр-хана, смерти его подданные пришли в состояние замешательства и разброда. Большое число людей присоединилось к Кирай-хану и Жаныбек-хану, казахам... Всякий, кто только мог, ища безопасность и благополучие, уходил к Кирай-хану и Жаныбек-хану»[43]. Очевидно, что казахские владетели воспринимались современниками в качестве правителей самостоятельного ханства еще до его смерти, до окончательного распада его государства и до перехода власти в Центральном и Южном Казахстане в руки казахских ханов в последней трети XV в. Более того, ханами Жаныбек и Гирей считались еще до ухода в Жетысу. Вспомним обстоятельства из истории Центрального и Южного Казахстана второй четверти XV в. Фактически власть потомков ханов Ак-Орды на части территории Казахстана (в Приаралье, в северной части Туркестана), не прерывалась после гибели Барак-хана в 1428 г. и захвата Абулхайром в том же году власти над частью племен Дешт- и Кыпчака. Борьба его с Джучидами многих линий не прекращалась на протяжении всего времени правления, и власть его не распространилась на всю территорию Ак-Орды[44] или Узбекского улуса.

О том, что в первой половине XV в. вряд ли существовал союз всех узбекских племен, т.е. не все так называемые узбекские племена были объединены в одном государстве – ханстве Абулхайре, писал еще А. А. Семенов[45]. Отмечается длительность борьбы Абулхайра с Джучидами, в том числе с потомками ханов Ак-Орды и родственников Барак-хана, Махмуд-ханом, Ахмад-ханом

– и С. К. Ибрагимовым[46]. Прошло почти 20 лет правления Абулхайра, прежде чем ему удалось взять некоторые южные города: Аркук, Сыгнак, Сузак, но у кого он их отвоевал – неизвестно. Именно в этот период еще более обострились его отношения с потомками ханов Ак-Орды. Кроме того, нет сведений о распространении власти хана Абулхайра в низовьях Сырдарьи и в Приаралье и после 1446 г. Возможно, и здесь, и в районе части присырдарьинских городов находились потомки Барака со своими подданными казахами, стесненными невозможностью совершать привычные перекочевки в меридиональном направлении из-за бесконечных войн Абулхайра с Джучидами. Откочевка казахов Жаныбека и Гирея из этих районов произошла спустя более чем десятилетие в конце 50-х годов.

Важно то, что Жаныбека и Гирея признавали ханами часть родов и племен Восточного Дешт-и Кыпчака еще до ухода их в Жетысу, и об этом прямо говорят источники. Махмуд бен Вали, как упоминалось выше, подтверждает это, называя казахских предводителей ханами и подчеркивая, что они, уйдя на чужбину, «отказались от унаследованной от предков страны»[47]. Автор «Бахр аль-асрар», говоря о изначальном периоде пребывания их в Могулистане, подчеркивает, что «в то время Кирай-хан был назван государем»[48].

Мухаммад Хайдар Дуглат говорит в связи с этим, что Кирай-хан и Жаныбек-хан, уходя из Дешт-и Кыпчака в Жетысу, отделились «от своего многочисленного народа», т.е. современники и вполне основательно считали их как наследников ханов Ак-Орды, законными правителями этого «многочисленного народа» в Восточном Дешт-и Кыпчаке[49]. Тем самым подтверждается не только прямая династийная, но и демографическая связь нового хана Казахского ханства в Жетысу с ханством Ак-Орда. Но тем самым и Ак-Орда должна быть признана Казахским государством.

Махмуд ибн Вали, широко информированный автор, имевший в своих руках многие не дошедшие до нас источники, неоднократно говорит о Жаныбеке и Гирее как о ханах, правителях особого государственного политического объединения, выступавших самостоятельно во внешнеполитических делах и связях: «Пока Исан-Буга-хан был жив, то благодаря помощи ему и поддержке, оказываемой вышеупомянутыми ханами (т.е. Жаныбеком и Гиреем), Йунус-хан ногу дерзости не ставил в стремя надменности»[50], т.е. уже до 1462 г. (год смерти Исан-Буга-хана) казахские правители воспринимались как правители независимого от Абулхайра части населения.

Сведения Мухаммад Хайдара, писавшего свой труд в 40-х годах XVI в. об образовании Казахского ханства в Жетысу нельзя считать единственными и самыми ранними (речь не идет об авторах, заимствовавших свои сведения из «Та'рих-и Рашиди»). Серия источников так называемого шайбанидского круга, написанная по велению или под непосредственным наблюдением противника казахских ханов в борьбе за власть в Восточном Дешт-и Кыпчаке и Туркестане Мухаммад Шайбани-хана, дает немало материалов для оценки обстоятельств, связанных с ранней историей Казахского ханства. Эти источники начала XVI в. («Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», «Шайбани-наме» Камал ад-дина Али Бинаи, «Фатх-наме» Шади, «Михман-наме-йи Бухара» Рузбихана Исфахани и другие), написанные на два-три десятилетия раньше «Та'рих-и Рашиди», упоминают Жаныбека и Гирея как ханов.

Говоря о междоусобицах в государстве Абулхайра, вспыхнувших с новой силой сразу после его кончины, шайбанидские авторы называют в числе вра-

гов его наследника Шайх-Хайдара-хана казахских предводителей именно как ханов: «Одному из них врагов имя было Ибак, другому — Жаныбек-хан, сын Барака. Третьим был Буреке и еще Муса»[51], Жаныбек-хан назван в списке противников Шайх-Хайдар-хана и в «Шайбани-наме» Бинаи[52], и в «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме». Т. И. Султанов отмечает, что прошайбанидские сочинения не упоминают о расколе в государстве Абулхайр-хана и «выделении из него нового политического образования»[53]. Но ведь все эти сочинения фактически и не пишут о времени Абулхайр-хана почти ничего, они начинают свои сочинения описанием событий сразу же после его смерти, т.е. на десятилетие-полтора после этого раскола. Однако и в этих сочинениях казахские правители сразу же выступают на арену политической деятельности именно как правители, владетели государства, как ханы.

Сочинения шайбанидского круга были призваны обосновать законность претензий Мухаммада Шайбани на власть в Дешт-и Кыпчаке и Туркестане как потомкам Абулхайр-хана, и авторам, разумеется, не было смысла (да и «заказчик» Мухаммад Шайбани не мог не требовать этого) писать о такой же «законности» прав казахских ханов как потомков Ак-Орды, до конца не побежденных его дедом-ханом. Тем не менее не упомянуть о ханах казахов уже в момент начала борьбы за власть в Узбекском улусе Мухаммада Шайбани им было нельзя, ибо вся его политическая борьба за власть над Восточным Дешт-и Кыпчаком велась именно с казахскими ханами.

По той же причине не писал о казахах и о «расколе в государстве Абулхайра» и единственный автор, специально повествующий об этом правителе и о его государстве, Мас'уд бен Усман Кухистани в труде «Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани». На факт умолчания Мас'уд бен Усмана Кухистани о казахах вслед за А. А. Семеновым обратил внимание С. К. Ибрагимов, также принимавший отсутствие материалов о казахах в «Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани» за доказательство того, что «откочевка не сыграла существенной роли в политической жизни племен, населявших как Узбекский улус, так и Могулистан»[54]. Но надо учесть, что Мас'уд бен Усман Кухистани, как и Мухаммад Хайдар-мирза, писал в 40-х годах XVI в. и, конечно, знал об откочевке и о последующих событиях, связанных с деятельностью казахских правителей Жаныбек-хана и Гирей-хана. Отсутствие сведений о них в его сочинениях можно квалифицировать как преднамеренное умолчание, так как, создавая труд во славу Шайбанидов и будучи на службе у сыновей Абулхайр-хана (Суйунч-Ходжа-хана и Кучкунчи-хана), Мас'уд бен Усман Кухистани мог ведь и специально не говорить о казахских ханах, находившихся в то время в непримиримой вражде с шайбанидскими правителями. Кроме того, автор «Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани» вообще скороговоркой упоминает о последних годах правления Абулхайр-хана. Этими обстоятельствами можно объяснить отсутствие фактов о казахах в «Та'рих-и Абул-Хайр-хани».

Наконец, подтверждение того, что казахские ханы были правителями самостоятельного ханства еще до возвращения из Жетысу в Восточный Дешт-и Кыпчак, есть у такого достоверного автора — хроникера и очевидца многих событий того времени в Казахстане и Средней Азии, каким является Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани. Когда Абулхайр-хан умер, «в стране узбекских ханов произошли большие беспорядки. Очередь правления Улусом Шайбанидов дошла до Шайх-Хайдар-хана, сына Абулхайр-хана. В Казахском Улусе султаны гордились тем, что они являются ханами. После того, как это высо-

кое положение перешло от одного к другому через нескольких лиц из них, очередь ханствования дошла до Бурундук-хана, а он — один из великих в улусе и из потомков славных ханов»[55]. Как видим, для автора «Михман-наме-йи Бухара» существование Казахского ханства, Казахского улуса как самостоятельного государства ко времени кончины Абулхайр-хана представляется само собой разумеющимся. Он, конечно, знал имена этих нескольких лиц, Гирей-хана и Жаныбек-хана, задолго до написания «Та'рих-и Рашиди» в Кашмире. Мухаммад Хайдар назвал имена и порядок правления («ханствования») этих и других лиц — казахских ханов, дважды отметив, что после Кирай-хана ханом стал его сын Бурундук[56].

Не менее показательно свидетельство Махмуда ибн Вали о владениях Кирей-хана и Жаныбек-хана в Могулистане, о том, что они выступали на этой территории в качестве самостоятельных правителей: «Буруди-оглан, также из султанов джучидского происхождения, присоединился к Шайбанидам и склонил царевичей к тому... чтобы приступить к набегу и разграблению некоторых местностей Могулистана, которые принадлежали Кирай-хану и Жаныбек-хану»[57].

Таким образом, данные источники XV—XVI вв. прямо и косвенно подтверждают сообщение «Та'рих-и Рашиди» о том, что Казахское ханство было основано в Западном Жетысу (долины Чу и Таласа), а не в Восточном Дешт-и Кыпчаке. Показательно, что именно к этой территории впервые в известных источниках отнесено название «Казахстан» (Зайн ад-дин-Васифи).

Начальный период истории Казахского ханства самым тесным образом связан с судьбами местного жетысуского населения, то есть с судьбами казахов Старшего жуза. Жетысу стало центром объединения в единую государственность казахских племен, как откочевавших из Центрального и Южного Казахстана (казахов Среднего жуза), так и казахов Юго-Восточного Казахстана (Старшего жуза), чему способствовали давно уже сложившиеся в предшествующий период традиции политического, хозяйственного, социального и этнического общения.

Приток жетысуских племен под власть Жаныбека и Гирея особенно возрос после смерти Есен-Буга-хана в 1462 г. в условиях еще более обострившейся в Могулистане междоусобной борьбы. Процесс постепенного включения жетысуских казахов в Казахское ханство продолжался и позже — в последней трети XV — начале XVI вв., по мере вхождения в это государство этнических территорий казахов. Так, в период борьбы за власть на Тянь-Шане и в Жетысу, т.е. в восточных районах распадавшегося Могулистана, Ахмад Алача-хану в 80—90-х годах XV в. пришлось неоднократно сражаться с казахами в Жетысу, которые перешли или переходили в подданство Жаныбека, Гирея и их преемников.[58] При оценке места и времени образования Казахского ханства нельзя не считаться с состоянием Могулистана, ослабленного феодальными усобицами.

Откочевка казахов Жаныбека и Гирея на территорию Западного Жетысу и последовавшее за этим образование Казахского ханства явились наиболее значительными политическими событиями внутренней и внешнеполитической истории Могулистана 50-х — начала 60-х годов, которые привели к переменам в политической истории этого района. Эти события явились переломным моментом в истории казахов Жетысу: впервые после установления монгольского господства местные племена получили возможность объединиться

в одной государственной организации с близкими этническими группами Центрального и Южного Казахстана. Давнее стремление тюркских племен Жетысу к объединению с населением этих районов Казахстана явилось благодатной почвой для образования Казахского ханства в этом районе, для объединения под одной верховной властью части племен двух жузов. Говоря о положительных результатах откочевки, нужно иметь в виду, что прикочевавшие в 50–60-х гг. XV в. в Жетысу казахские племена не занимали пустые пространства (в литературе иногда встречается мнение о «никем не занятом в этот момент Или – Иртышском междуречье»), а вступали в тесный контакт с местным казахским населением Жетысу, вскоре выросший в политический союз в рамках одного государственного объединения.

Таким образом, в Западном Могулистане в 60-х ггодах первые казахские ханы отнюдь не пребывали в роли беглецов или политических изгнанников, ожидавших кончины своего противника и развала его государства. Пользуясь поддержкой родоплеменных вождей и масс рядовых кочевников (как пришедших с ними в Жетысу, так и местных жетысуских), а также сложившейся ситуацией полного упадка ханства Абулхайра и Могулистана, они сумели образовать свое ханство на основе союза части племен двух жузов.

Какие факты из источников дают основание судить о том, что Казахское ханство уже в самом начале было основано на союзе казахов двух жузов? Источники не говорят о сопротивлении местного населения Жаныбеку и Гирею, зато говорят о последовавшем вскоре сопротивлении казахов в Жетысу могульскому хану Ахмаду[59]. Тот факт, что казахские правители имели значительные военные силы и прочный тыл в Жетысу в тот момент, когда они вступили в борьбу с Шайбанидами за власть в Восточном Дешт-и Кыпчаке и в Туркестане[60], говорит об отсутствии противоборствующих им сил в Жетысу, более того – о союзе с местным населением, который значительно упрочил казахских владетелей. Далее, Мирза Хайдар неоднократно отмечает, что уведенные Султан Са'ид-ханом в Кашгарию местные племена («жители Могулистана») беспрестанно рвутся назад в Могулистан, т.е. в Жетысу и на Тянь-Шань. Под этими «жителями Могулистана» нужно видеть часть давних обитателей Жетысу и Притяньшанья соответственно, стремившихся воссоединиться с основной массой своих народов, вошедших в состав казахского и киргизского политических союзов[61]. Объединение родственных племен и родов способствовало усилению казахских ханов и феодальной знати, что позволило им вступить в успешную борьбу за гегемонию в Восточном Дешт-и Кыпчаке, а в конечном счете за объединение этнических территорий казахов. Этому способствовало также благоприятное отношение правителей Могулистана.

Таким образом, время образования Казахского ханства может быть определено серединой 60-х годов XV в. Названная Мухаммад Хайдаром дата образования ханства 870 г.х. (1465–1466 гг.) вполне приемлема как единственно зафиксированная письменным источником, поскольку политическая ситуация в Могулистане (борьба Есен-Буга-хана в последние годы жизни за власть с братом Йунусом, его смерть в 1462 г., неудачные попытки Йунуса захватить власть в Могулистане, фактически полное безвластие в Могулистане в это время) вполне располагала к укреплению власти казахских ханов на северо-западной территории Могулистана и к возможности объявить себя самосто-

ятельными правителями, причем объявить не формально, а, по существу, создать самостоятельное политическое объединение.

Выше было показано, что нет основания считать местом образования Казахского ханства юго-западные районы Казахстана. Жаныбеку и Гирею не было смысла пассивно ожидать крушения государства Абулхайра. В связи с этим необходимо отметить также, что в 1468 г. незадолго до своей смерти Абулхайр-хан отправился в поход на Могулистан, во время которого и умер. В источнике не назван противник Абулхайр-хана, а сказано только, что он отправился, чтобы «завоевать Могулистан». Думается, поход был вызван как раз образованием и укреплением на его юго-восточных границах нового политического объединения. Об этом говорят, во- первых, отсутствие могульского хана Йунуса в то время в этих краях, а во-вторых, сам маршрут движения войска хана через долину Таласа, на Чу и далее — на северо-восток.

Относить образование Казахского ханства к концу первой четверти XVI в. также нельзя, так как это не подтверждается источниками. Нет оснований считать уделы — улусы сыновей Жаныбека и Гирея (Адик-султана, Махмуд-султана, Жаныш-султана, Таныш-султана, Бурундука и др.) самостоятельными владениями. Все они возглавляли отдельные казахские племена, составлявшие улусы, и владели их юртами — территориями их обитания — на правах удельных пожалований со стороны верховного хана, которому все они подчинялись. Источники, повествующие о событиях в Дешт-и Кыпчаке, борьбе казахских владетелей за присырдарьинские города в последней трети XV в., не раз указывают на единство действий главного казахского хана и султанов — владетелей улусов; они говорят об одном ханстве, не разделенном на удельные владения султанов-джучидов и кочевой верхушки. В письменных источниках Казахское ханство второй половины XV—XVI вв. выступает как одно государство. Все это снимает довод о столь поздней дате образования ханства и подтверждает правомерность названия этого государства для XV—XVI вв. как «Казахское ханство», а не «Казахские ханства».

Таким образом, как данные источников, так и сопоставление фактов и мнений говорят о том, что Казахское ханство образовалось в середине 60-х годов XV столетия в Западном Жетысу. Именно сюда мигрировала на протяжении почти десятилетия часть казахских родов и племен Среднего жуза, возглавили которые потомки ханов Ак-Орды, боровшиеся за восстановление власти династии ак-ордынских ханов над населением Восточного Дешт-и Кыпчака. Здесь были благоприятные условия для их прибытия — в основном сложился казахский Старший жуз, фактически уже вышедший из-под власти ханов Могулистана в связи с упадком этого государства. Союз части племен обоих жузов лег в основу Казахского ханства[62].

4. УКРЕПЛЕНИЕ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XV В.

Во второй половине XV — начале XVI в. впервые в послемонгольское время в рамках Казахского ханства население Южного, Юго-Восточного Казахстана, обширных степных зон, длительное время разобщенное политически, получило возможность единого государственного развития.

Задачи укрепления только что возникшего государства, расширения его границ с целью включения в его состав территорий, населенных казахами, а

также задачи обороны ханства от территориальных притязаний соседних государств встали перед казахскими правителями сразу же после обособления их государства, они определяли политику казахских ханов в последней трети XV в., их взаимоотношения с Шайбанидами и правителями Могулистана.

В последние десятилетия XV – начале XVI вв. Казахское ханство укрепилось экономически и расширилось территориально, включив в себя значительную часть этнической территории казахов. Укрепление Казахского ханства происходило в сложной обстановке войн, усобиц, больших и малых миграций населения в пределах казахстанско-среднеазиатского региона. В этот период сошло с исторической сцены в Восточном Дешт-и Кыпчаке ханство Шайбанида Абулхайр-хана, ослабленное войнами с ойратами, могульскими ханами и Тимуридами; ушла в прошлое военная и политическая мощь государства Тимуридов, на исходе XV в. и в самом начале XVI в. окончательно потерявших власть над Мавераннахром в борьбе с предводителем кочевых узбеков, внуком Абулхайр-хана, Мухаммадом Шайбани; фактически распался на несколько феодальных владений Могулистан.

Казахские правители уже с 70-х годов по существу не имели противодействующих сил в значительной части Юго-Восточного Казахстана. И это во многом определило уже в ближайшие годы их успешные действия по объединению казахских земель в Туркестане, регионе Каратау, Сарысу и других местах. Их деятельность, направленная на укрепление внешнеполитического положения молодого государства, объединение и защиту этнических территорий казахов, была независимой и самостоятельной[63]

В конце 60 – начале 70-х годов число казахских этнических групп подвластного Жаныбеку и Гирею населения расширилось за счет притока из Центрального и Южного Казахстана кочевников, бежавших после смерти Абулхайр-хана, государство которого было объято смутами и усобицами[64]. Мухаммад Хайдар подчеркивает усиление казахских вождей: «После смерти Абу-л-Хайр-хана в Узбекском улусе (т.е. в Восточном Дешт-и Кыпчаке) начались междоусобицы; всякий, кто только мог, ища безопасность и благополучие, уходил к Кирай-хану и Жаныбек-хану. Вследствие этого они значительно усилились».[65] Махмуд ибн Вали сообщает о большом числе воинов, бежавших из ханства Абулхайра к казахским владетелям: «Особенно после смерти Абу-л-Хайр-хана, когда в областях Дешт-и Кыпчака возникли беспорядки, большая часть узбекских воинов (кошунат-и узбак)[66] собрались под сенью знамени могущества царевичей (Жаныбека и Кирая)»[67]. Обладая к этому времени значительными военными силами и имея прочный тыл в Жетысу, поддержку местного населения, Жаныбек-хан и Гирей-хан не замедлили вступить в борьбу многочисленных султанов-джучидов за власть над населением Восточного Дешт-и Кыпчака. Главными их противниками были наследники Абулхайр-хана: его сын Шайх-Хайдар-хан и султаны-Шайбаниды внуки Мухаммад Шайбани и Махмуд-султан. В борьбе с ними казахские предводители вели совместные действия с давним своим союзником, потомком Джучида Тука-Тимура, сыном Кичик-Мухаммад-хана Ахмад-ханом, с Шайбанидами Ибак-ханом, Бурудж-огланом, мангытскими эмирами. Борьба за господство в степных районах Восточного Дешт-и Кыпчака и в городских центрах Южного Казахстана (Туркестана) была основным направлением в действиях ханов Жаныбека и Гирея и их преемника Бурундук-хана в 70–80-х годах XV в., причем основные события, зафиксированные письменными источниками,

происходили в Южном Казахстане. Это относится и к последнему десятилетию XV – началу XVI вв. Именно в регионе городов и земледельческих оазисов Южного Казахстана развернулась борьба сторонников двух династийных линий Чингизидов за власть и на этой территории и в Восточном Дешт-и Кыпчаке, борьба, определившая дальнейшие судьбы молодого государства, возможность политического объединения многочисленных родоплеменных групп, вошедших в казахскую народность, и этнической территории в одном государстве. И это не случайно. Этот район был ближайшим к владениям казахских ханов в Западном Жетысу. В свое время отсюда они откочевали в Жетысу. На территории этого района наиболее сильным было влияние правителей Ак-Орды еще в период правления Абулхайр-хана[68], до захвата последним сырдарьинских городов в 1446 г. Наследники Урус-хана и Барак-хана владели рядом южных территорий бывшей Ак-Орды в Приаралье, низовьях Сырдарьи, предгорьях Каратау задолго до этого успешного предприятия их постоянного противника – шайбанидского хана.

Но главной причиной того, что борьба ханов за власть над Восточным Дешт-и Кыпчаком развернулась не столько в степных районах, сколько на территории Туркестана, было экономическое и стратегическое значение этого района. И казахские ханы, и их основной противник Мухаммад Шайбани видели в присырдарьинских городах экономическую и военную базу для успешной борьбы за власть над кочевниками и скотоводами.

Южный Казахстан был традиционным экономическим и политическим центром предшествующих государственных образований на территории средневекового Казахстана, т.е. Ак-Орды – и в последние десятилетия его существования – государства Абулхайр-хана. Именно этот край мог стать (и стал впоследствии) средоточием экономической, культурной и политической жизни Казахского ханства, так как в Жетысу в XIV–XV вв. практически уже не было городской и лишь в небольшой степени существовала оседло-земледельческая жизнь[69]. В то же время на юге Казахстана во время Ак-Орды, в период вхождения этой территории в государство Тимуридов (XIV – I-я треть XV в.) как показано выше, происходил определенный хозяйственный подъем, постепенно восстанавливались города Отрар, Сыгнак, Сауран, Сайрам, Сузак, Аркук и другие, в них оживилось ремесленное производство, вырос торговый обмен. Продолжалось интенсивное развитие городской культуры в оазисах Туркестана и в последующий период[70]. Материалы письменных источников полностью соответствуют археологическим данным о развитии городского хозяйства юга Казахстана в XV–XVI столетиях, то есть во время сложения и укрепления Казахского ханства[71].

Восстановление и рост городов Туркестана были обусловлены возросшим спросом на предметы ремесленного производства и продукцию земледелия и скотоводства со стороны населения кочевых и полукочевых скотоводческих районов, где также в процессе укрепления государственности Ак-Орды, ханства Абулхайра, а затем и Казахского ханства, наблюдался хозяйственный подъем, росло поголовье скота, увеличивались возможности сбыта продукции животноводства. На основе роста городского хозяйства на юге и скотоводческого хозяйства в степи развивались хозяйственно-культурные контакты, торговый взаимообмен скотоводов степных районов Восточного Дешт-и Кыпчака с земледельческим и городским населением Южного Казахстана и Средней Азии. В орбиту влияния городского хозяйства Южного Ка-

захстана втягивалось и население Жетысу. Возникновение спроса на продукцию городов Присырдарьи явилось результатом хронической хозяйственной разрухи в этом крае, длившейся со времени монгольского господства и грабительских набегов Тимура, ойратских феодалов.

Земли нижнего и среднего течения Сырдарьи были необходимы подвластным казахским ханам кочевым племенам как ценные зимние пастбища. В силу географических особенностей казахстанских степей и сложившихся традиций кочевого скотоводческого хозяйства, требовавших перехода на зиму из кочевий отдаленных районов Восточного Дешт-и Кыпчака в южные районы, в долины Сырдарьи и ее притоков, в предгорья Каратау, эти территории были жизненно важными для степного населения, они имели большое хозяйственное значение в традиционно сложившемся производственном цикле. Однако использовать эти пастбища можно было лишь владея ключевыми пунктами этой территории – городами-крепостями Туркестана и Каратау.

Присырдарьинские города нужны были казахским ханам и в качестве оборонно-стратегических пунктов. В ходе борьбы за власть над степными районами обе противоборствующие стороны искали себе опору в ближайших к их кочевьям городах и поселениях региона Каратау и Туркестана, которые могли бы содействовать их упрочению в экономическом и военном плане, ведь южно-казахстанские города были неплохими для того времени крепостями и могли выдержать длительную осаду. Опираясь на города Туркестана, казахские ханы и султаны могли скорее утвердить свою власть над родоплеменной знатью степи. Все это объясняет упорство казахских ханов в борьбе за подчинение городов Туркестана.

Достижению намеченных целей, побудивших казахских ханов уже в самом начале после создания ханства вести борьбу за присырдарьинские города, за территорию Туркестана в целом, препятствовал их противник Мухаммад Шайбани на первом этапе его деятельности, когда он пытался восстановить власть Шайбанидов в Восточном Дешт-и Кыпчаке, оспаривая право на эту власть казахских ханов как наследников правителей Ак-Орды, у которых в свое время отобрал трон Шайбанид Абулхайр.

Тимуриды Мавераннахра отстаивали города Туркестана, захваченные ими когда-то у Ак-Орды и превращенные в оборонительные крепости против кочевников степных районов. Вмешались в борьбу и могульские ханы Юнус и его сын Султан Махмуд, пытавшиеся в условиях упадка Могулистана взять под свою власть земли распадавшегося тимуридского государства в районе Ташкента.

Борьба за власть в Восточном Дешт-и Кыпчаке и Туркестане, в том числе за присырдарьинские города, проходила в несколько этапов.

Казахские владетели и Мухаммад Шайбани сконцентрировали свои усилия на захвате городов Туркестана уже в самом начале их борьбы за власть в степи, вскоре после смерти Абулхайра, т.е. в 1469–1470 гг. Против наследника Абулхайр-хана – его сына Шайх-Хайдар-хана выступили объединенные силы Джучидов и мангытских эмиров. Шайбанидский источник сообщает имена союзников: «В тот век в юрте Абу-л-Хайр-хана появились враги. Они покушались [на жизнь Шайх-Хайдар-хана]. Имена этих врагов: сын Хаджи Мухаммад-хана Сайидек [и внук Хаджи Мухаммад-хана, сын Махмудек-хана] Ибак, сыновья (потомки) Барак-хана Джаныбек [и] Кирай, из сыновей (т.е. потомков) Араба (т.е. Арабшаха) – Буреке-султан, из мангытов Аббас-бек и Муса

[и] Йагмурчи[72]; во главе [с ними враги] собрались [и] покушались [на него] со всех сторон»[73]. Произошло несколько сражений, в ходе которых, по словам Камал ад-дина Али Бинаи, «погибло с обеих сторон много людей»[74]. Однако Шайх-Хайдар вскоре лишился поддержки со стороны немногочисленных приверженцев наследников Абулхайра. Бинаи отметил, что, в конце концов, хотя он, Шайх-Хайдар-хан, «многих людей послал [за помощью] во [все] стороны и края к своим эмирам и бахадурам, это ничего не дало: люди и войско не собрались».[75] Он был убит в одном из сражений Ибак-ханом, пришедшим с войском хана Большой Орды Ахмада (он правил ею с 1465 г.). Мухаммад Шайбани с братом укрылись у правителя Хаджи-Тархана (Астрахани) Касым-хана, потомка Тука-Тимурида Тимур-Кутлуг-хана. Город был осажден Ахмад-ханом, Ибак-ханом и правителем Ногайского улуса Аббас-беком. Мухаммад Шайбани с братом бежали в Туркестанский вилайет, надеясь найти здесь поддержку у тимуридского наместника Мухаммад Мазид-тархана и собрать своих приверженцев из числа бывших военачальников Абулхайр-хана. Мухаммад-Мазид-тархан согласился оказать Шайбаниду помощь. Это объясняется его стремлением найти союзников в среде кочевников с тем, чтобы, сталкивая соперников, использовать их вражду в своих интересах. Однако «зимой к Туркестану пришел врагом Кирай-хан»[76]. Откуда –источники не называют, но в числе осаждавших Хаджи-Тархан казахские ханы не названы.

К зиме 1470 г. казахские владетели значительно продвинулись в Туркестан. Старший сын хана Жаныбека Махмуд-султан занял в предгорьях Каратау Сузак. Другой сын, Иренчи-султан, стал владельцем Саурана, теперь сам Гирей-хан подступил к Туркестану. Активизация действий казахов на юге Казахстана заставила Мухаммада Шайбани срочно удалиться в Мавераннахр под покровительство Тимуридов. Посоветовав шайбанидским султанам покинуть Туркестан, Мухаммад-Мазид рассчитывал отвести от своих владений угрозу нападения казахов.

Во время бегства Мухаммада Шайбани под Саураном он столкнулся с военным отрядом нового владельца города казахского султана Иренчи. В битве у Саурана было убито несколько султанов из окружения Мухаммада-Шайбани.[77] Собравшиеся было вокруг него узбекские беки и султаны-джучиды оставили его, и он вынужден был бежать в Бухару. В итоге этого первого наступления на Туркестан казахские предводители закрепили за собой Сауран и Сузак и не дали возможности Мухаммаду Шайбани собрать рассеявшиеся после гибели Шайх-Хайдар-хана шайбанидские войска[78].

Авторы прошайбанидских сочинений Камал ад-дин Али Бинаи, Мухаммад Салих, Молла Шади, анонимный автор сочинения «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» и другие заведомо искажали суть событий. По словам этих авторов, Мухаммаду Шайбани буквально с несколькими десятками человек удавалось, якобы, одолеть или во всяком случае противостоять десяткам тысяч казахов. Явное преувеличение ими шайбанидских «побед» и необъективное отражение событий в степях Казахстана и в Туркестане не должно мешать восприятию результатов этого противостояния. Разные ветви Джучидов притязали на свою власть над Восточным Дешт-и Кыпчаком, над его кочевым и полукочевым населением, но объективно они влияли на ход этнического и политического процесса в регионе. Поддерживавшие их группировки кочевого населения, знати родов и племен казахстанских степей все более поляризовались на две части, на «казахов» и «узбеков». То, что Мухаммаду Шай-

бани не удалось подчинить земли и обитавших на них улусов бывшего государства Абулхайр-хана, что он не сумел восстановить Узбекское ханство на территории Казахстана, сыграло существенную роль в укреплении казахской государственности. Казахи стали грозной, организованной силой.

Но попытки восстановить власть Шайбанидов продолжались. Через два года Мухаммад Шайбани, получив военную помощь Тимуридов, появился в Туркестане и захватил ряд крепостей. Первой была занята крепость Аркук на левом берегу Сырдарьи. Опираясь на нее, Мухаммад Шайбани пошел на север, к границам Туркестанской области и Восточного Дешт-и Кыпчака и захватил Сыгнак. Предводителю Ногайского улуса Муса-мирзе удалось к этому времени, в свою очередь, продвинуться вплотную к Туркестану[79]. Из союзника казахских ханов он успел стать их недругом и оказывал ощутимое противодействие им в борьбе за власть над степью.

Наметившемуся союзу Мухаммада Шайбани с Муса-мирзой, который теперь пообещал поддержать внука Абулхайра и провозгласить его «ханом Дешт-и Кыпчака»[80], помешало спешное прибытие из Западного Жетысу к границам Туркестана, казахского войска во главе с Бурундуком («он пришел войной на мангытов»)[81]. Одним из предводителей войска был Касым, будущий казахский хан.

В источниках, сообщающих об этих событиях, Бурундук назван ханом. В «Бахр аль-асрар» сообщается, что он «приступил к царствованию» после смерти своего отца Гирей-хана[82].

Для казахских правителей союз Мухаммада Шайбани с мангытским предводителем грозил осложнениями. Подробности сражения описаны в «Шайбани-наме» Бинаи, хотя и не сказано, где была битва; очевидно, где-то у границ Туркестана и Восточного Дешт-и Кыпчака, так как в источнике отмечено, что после битвы Шайбани сразу пришел в Сыгнак.

Муса-мирза отговаривал Мухаммада Шайбани от сражения, так как у него было лишь 300 человек, а Бурундук-хан привел 50-тысячное казахское войско. Но шайбанидский султан не послушал совета и «одержал победу», обратив в бегство войско Касым-султана и вместе с мангытами разбив войско Бурундука. Это сообщение шайбанидских источников о разгроме Бурундук-хана и «победе» Мухаммада Шайбани явно преувеличено: уже вскоре после этих событий Бурундук с военными отрядами вновь пришел в этот район на помощь казахскому правителю Сузака Махмуд-султану. Ощутимый разгром казахских войск и победа Мухаммада Шайбани, казалось бы, должны были привести к укреплению его позиций в степи. Однако этого не произошло, поскольку победы фактически не было. Более того, после возвращения в Сыгнак самому Шайбани пришлось отражать новое наступление казахов на Туркестан.

Сузакский правитель Махмуд-султан, сын Жаныбек-хана, действовавший в согласии с Бурундуком, намеревался помешать упрочению влияния Мухаммада Шайбани в Туркестане и расширить свои владения здесь, о чем прямо говорит Камал ад-дин Али Бинаи: «Махмуд-султан... в вилайете Сузака ... собрал против вилайета Туркестана бесчисленное войско, [чтобы] пойти на завоевание вилайета Туркестана»[83]. По словам Бинаи и Шади, Мухаммад-Шайбани, узнав о намерениях казахского султана, поспешил опередить его и сам направился к Сузаку с сотней воинов[84]. Сражение произошло зимой, в морозные дни, у крепостного рва Сузака. Бинаи пишет, что, несмотря на

численное превосходство, войско казахского султана было рассеяно, а Мухаммад Шайбани взял большую добычу и вернулся в Сыгнак, не попытавшись взять крепость Сузак и закрепить за собой это стратегически важное в борьбе за степь владение казахского султана. Последнее свидетельствует о призрачности и этой победы Мухаммада Шайбани. Вскоре Махмуд-султан собрал свои войска, на помощь ему снова пришел хан Бурундук. Объединенное казахское войско было большим — «выходило за пределы исчисления», как пишет Молла Шади[85].

Узнав о прибытии в Сузак Бурундука и о соединении казахских войск, Мухаммад Шайбани поспешил выступить из Сыгнака в направлении к Сузаку. Встреча с казахскими войсками произошла у перевала Согунлук в горах Каратау. Хотя в сражении был убит сын хана Жаныбека сузакский владетель Махмуд-султан, но и Мухаммад Шайбани потерпел поражение, о котором не могли умолчать даже его будущие придворные историографы[86]. Мухаммад Шайбани вынужден был удалиться из Туркестана. Он ушел на Мангышлак (по «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» — в Хорезм)[87] Так окончилась вторая попытка Мухаммада Шайбани утвердиться в бывших владениях своего деда, также не принесшая ему успеха в Туркестане, тем более — в степных районах казахстанского Дешт-и Кыпчака. Бурундук-хан занял Сыгнак. Продвигаясь южнее вместе с сыновьями Жаныбека султанами Касымом и Адиком, он столкнулся с Тимуридами и появившимися во владениях последних могулами.

Таким образом, казахские ханы Жаныбек и Гирей, затем сын последнего Бурундук в 70-х годах XV в. значительно преуспели в своих попытках подчинить Восточный Дешт-и Кыпчак, сделав ставку на укрепление своих позиций прежде всего в южных районах Казахстана. Опираясь на свои владения в Жетысу, они стали в этот период реальной политической силой и в степях Центрального Казахстана, хотя и имели перед собой довольно сильный союз противников из Шайбанидов и мангытов.

В 80-х гг. продолжалось укрепление власти казахских владетелей в степи и оазисах юга Казахстана. В этот период и в начале 90-х годов военные действия со стороны Мухаммада Шайбани и со стороны казахов отличались большим упорством и ожесточенностью, в их отношения, помимо Тимуридов, вмешивались и могульские ханы. Появившись в Туркестанском вилайете, Мухаммад Шайбани вновь занял крепость Аркук[88]. Сузак и Сыгнак в это время были в руках у казахов, но как только хан или султан покидал с войском тот или другой город и уходил в степи, город оставался практически беззащитным и легко становился добычей другого претендента. Мухаммаду Шайбани удалось захватить Сыгнак. Бурундук-хан спешно прибыл из степи с большим войском, «с сыновьями Жаныбек-хана и с войском мангытов», с которыми к этому времени у него наладились союзные отношения. Осада Сыгнака казахскими войсками продолжалась три месяца, однако Мухаммад Шайбани твердо держал оборону, и осада кончилась, по сообщению источников, неудачей для казахов[89].

Но и Мухаммад Шайбани не смог продвинуться в степь; оставив часть своих людей в Сыгнаке, он ушел в Отрар. Бурундук-хан тотчас вернулся и осадил Сыгнак, жители сразу же сдали ему город по той причине, что «и прежде этот вилайет принадлежал Бурундук-хану». Горожане хотели отвести от себя невзгоды бесконечной «смены власти»: «Целесообразно передать нам этот вилайет Бурундук-хану, чтобы тем самым устранить неприятность»[90].

Мухаммад Шайбани, упорно рвавшийся к «воротам Дешт-и Кыпчака», как тогда называли Сыгнак источники, снова пришел к этой крепости, а казахи тем временем осадили сначала город Ясы, в котором находился брат Мухаммада Шайбани Султан Махмуд, а затем, переправившись через Сырдарью, осадили и Аркук, куда срочно возвратился из-под Сыгнака осаждавший эту крепость Мухаммад Шайбани.

Шайбаниды 40 дней оборонялись в Аркуке против объединенных сил казахов и тимуридского наместника. Неожиданный, казалось бы, союз Мухаммад Мазид-тархана с казахами объясняется настоянием Султана Ахмад-мирзы из Самарканда, стремившегося предотвратить захват кочевыми узбеками Мухаммада Шайбани туркестанских владений Тимуридов. Раньше тимуридский наместник в Туркестане поддерживал Мухаммада Шайбани, полагая, что тот преследует лишь цель захвата власти в степных районах бывшего государства Абулхайр-хана, и что столкновение его с казахами в Восточном Дешт-и Кыпчаке отвлечет тех и других от городов Туркестана. Теперь же, видя, что Мухаммад Шайбани стремится подчинить себе присырдарьинские города, Мухаммад Мазид-тархан изменил свою ориентацию и поддержал казахских претендентов.

Кроме того, тимуридские владения в Ташкентском вилайете привлекли внимание могульского хана Юнуса (1469–1487 гг.), почти потерявшего возможность утвердить власть в основных районах Могулистана и Кашгарии, кроме юго-западных владений, прилегавших к Фергане и Ташкенту до Аксу в Кашгарии и Ат-Баши в Южной Киргизии. В сложных отношениях с Тимуридами Юнус-хану, умело использовавшему усилившуюся в 70–80-х годах XV в. борьбу между самаркандским правителем Султан Ахмадом (1469–1494 гг.) и правителем Ферганы Омар-Шайхом (1461–1494 гг.), а также свои родственные связи с Омар-Шайхом, удалось в 1482–1485 гг. заполучить в свои руки Сайрам и Ташкент[91], т.е. войти вплотную в зону присырдарьинских городов и вмешаться в борьбу казахов и Шайбанидов.

Поражения в почти непрерывной трехлетней борьбе с казахами и их союзниками вынудили Мухаммада Шайбани покинуть Туркестан около 1486 г. и искать военной удачи в Хорезме[92].

В конце 80–начале 90-х годов правивший в Ташкенте и Сайраме могульский хан Султан Махмуд (его отец Юнус-хан умер в Ташкенте в 1487 г.) небезуспешно пытался расширить свое влияние в Туркестане, вмешавшись в борьбу казахских ханов и Шайбанидов за присырдарьинские города, поддерживая то ту, то другую сторону. В 1488 г. он изгнал из Отрара[93] тимуридского наместника Мухаммада Мазида. В захваченный Отрар Султан Махмуд-хан призвал Мухаммада Шайбани – в благодарность за оказанную ему ранее Шайбанидом помощь против Тимурида Султана Ахмад-мирзы в битве на реке Чирчик[94] и в надежде видеть в нем своего союзника против казахов в Туркестане. Получив поддержку могульского хана и опираясь на Отрар, этот важный стратегический пункт, Мухаммад Шайбани захватил еще два больших города-крепости – Сауран и Ясы (Туркестан).

Помощь могульского хана Шайбаниду в овладении отмеченными выше городами привела к обострению отношений могулов и казахов. Мирза Мухаммад Хайдар дуглат пишет: «По этой причине между сыновьями казахов Кирай-хана и Джаныбек-хана [и] Султан Махмуд-ханом издавна существовавшая искренняя взаимная дружба сменилась теперь враждой. [Сыновья

Кирей-хана и Джаныбек-хана говорили]: «Шахибек-хан (т.е. Мухаммад Шайбани) является нашим врагом. Как же ты ставишь его в Туркестане в противодействие нам?» Словом, в связи с этим конфликтом между Султан Махмуд-ханом и узбеками-казахами дважды происходили сражения. В обоих случаях поражение потерпел [Султан Махмуд]-хан»[95]. Очевидно эти сражения произошли также на территории Туркестана.

Сауран, в котором до того был правителем сын тимуридского наместника Кул-Мухаммад-тархан, оказался в руках брата Мухаммада Шайбани при следующих обстоятельствах. Как сообщается в «Таварих-и гузида-йи нусратнаме», город передали Шайбанидам сами горожане: «Все люди и муллы, и ходжи Сабрана посоветовались: «Отрар опять попал в руки Мухаммад Шайбани-хана. Изо дня в день его могущество увеличивается. Теперь он захватит весь вилайет», – послали человека, привели Махмуд-султана Бахадура (брата Мухаммада Шайбани) и отдали ему Сабран»[96]. Предвидя возможность разрушений, связанных с насильственным захватом города, сауранцы решили добровольно сдать город более сильному, как им казалось, в данный момент покровителю.

Любопытен в этой связи разговор братьев-шайбанидов по поводу позиции сауранской знати. Мухаммад Шайбани, прибывший к брату в Сауран, предупредил его, что коль скоро они, знатные люди города, предали своего предыдущего бека, наместника Кул-Мухаммад-тархана, то они также в любой момент поступят и по отношению к ним, и предложил: «[Во избавление от новой измены] давайте-ка теперь выселим их великих людей и будем как следует сами оберегать Сабран». В ответ Махмуд-султан Бахадур подчеркнул, что они, («великие люди») Сабрана – «мусульмане», что они призвали их, Шайбанидов, вместе со своими подданными горожанами (ра'ийатами), «заключили договор и условие», и поэтому нельзя их выселять из города. Мухаммад Шайбани не согласился с этими доводами[97].

В бесконечной, разорительной для самих городов борьбе, в непрерывных войнах на территории Туркестана между многочисленными противниками влиятельная верхушка горожан часто переходила на более сильную в данный момент сторону, обеспечивая тем самым себе большую или меньшую самостоятельность, или, на худой конец, предупреждая поголовное разорение, грабежи и другие бедствия. Длительная борьба в Туркестане пагубно отражалась на экономической жизни городов и особенно окрестных селений. Стремлением горожан как-то предотвратить разрушения во многом объясняются уже упоминавшиеся факты сдачи Сыгнака Бурундук-хану, Аркука – Мухаммаду Шайбани, Саурана – Махмуд-султан Бахадуру и другие.

Через три месяца после того, как Шайбанид Махмуд-султан утвердился в Сауране, к городу подошли объединенные войска Бурундук-хана, сыновей Жаныбек-хана Касыма и Адика и Мухаммад Мазид-тархана. Осаждавшие город вступили «в тайные сношения с тамошней знатью, вызвали восстание горожан против узбекского гарнизона»[98]. Очевидно, часть сауранской знати имела с казахскими ханами тесные связи, установившиеся еще в то время, когда город длительное время принадлежал казахам. Сауранцы выдали казахам брата Мухаммада Шайбани со всем его окружением. Касым-султан, которому поручили пленников, отправил их в Сузак, но вскоре Махмуд-султану удалось бежать, не без помощи самого Касыма, с участием отнесшемуся к

своему пленнику, родственнику по матери («Касым-султан по правилам назвал Махмуд-султан Бахадура своим аталыком»)[99].

Утвердившись в Сауране, Бурундук-хан и сыновья Жаныбек-хана «с огромным войском» отправились к Отрару, в котором находился Мухаммад Шайбани, и осадили вместе с Мухаммад Мазид-тарханом эту крепость. Но к Шайбанидам подоспела помощь из Ташкента от могульского хана Султан Махмуда, приславшего тысячу хорошо вооруженных воинов. Бурундук-хан вынужден был снять осаду и отойти к Саурану. Не добившись успеха под Отраром в союзе с казахским ханом, Мухаммад Мазид-тархан направился к г. Ясы. В свою очередь, могульский хан Султан Махмуд вскоре вступил «в мирные отношения»[100] с казахами, прерванные ранее, после передачи им Отрара Шайбанидам. Теперь уже Султана Махмуда начало беспокоить усиление Мухаммада Шайбани, он опасался за судьбы своих владений в Ташкенте и Сайраме.

Прекращение Бурундук-ханом осады Отрара позволило Мухаммаду Шайбани спешно броситься с двумя сотнями человек на защиту крепости Ясы, которую осадил Мухаммад Мазид-тархан[101]. Несмотря на прибывшую к Мухаммад Мазид-тархану из Самарканда помощь, он был разгромлен и попал в плен к Мухаммаду Шайбани.

Вместе с могульским войском Бурундук-хан и казахские султаны еще раз осадили Отрар, произошло несколько сражений в Туркестанском вилайете, но безуспешно — Ясы (Туркестан) и Отрар остались в руках предводителя кочевых узбеков.

Военные действия между казахскими ханами и Мухаммадом Шайбани происходили в последние десятилетия XV в. почти непрерывно и завершились к исходу столетия временным примирением. Бурундук-хан отдал двух своих дочерей замуж за шайбанидских султанов[102]. Территория оазисов Южного Казахстана была фактически разделена на части. Шайбанидам в упорной борьбе удалось укрепить свои позиции в городах Отрар, Ясы (Туркестан), Аркук, Узгенд, вытеснив из них тимуридского наместника. Кроме Аркука, Узгенда и небольших городов на левобережье Сырдарьи, которые вместе с Сыгнаком, Сузаком и Ак-Курганом были в свое время (в 1446 г.) заняты Абулхайр-ханом[103], остальные города и формально не могли считаться для Мухаммада Шайбани наследием его деда. В Ташкенте и Сайраме находился могульский хан Султан Махмуд.

Северная часть территории Туркестана с центрами в Сыгнаке, Сауране, а также прилегающий район Каратау с Сузаком и другими поселениями на его северных и южных склонах, в низовьях Сырдарьи, Приаралье оставались в руках казахских ханов.

Опираясь на свои владения в Жетысу, сплотив не только откочевавших из ханства Абулхайра (т.е. из Центрального и Южного Казахстана) казахов, но и часть жетысуских племен и родов, ханы Жаныбек и Гирей, Бурундук и Султан Касым в последней трети XV в. закрепились на значительной части Южного Казахстана и подчинили своей власти многие степные районы.

Фактически военные действия в борьбе за власть между двумя линиями Джучидов — Шайбанидами и казахскими ханами в течение трех последних десятилетий XV в. не выходили за пределы Туркестана и Каратау. Однако в целом борьба в этом регионе отражала борьбу за власть над населением степных районов Восточного Дешт-и Кипчака. Обладая ключевыми позициями в

Жетысу, северной части Туркестана, предгорьях Каратау, низовьях Сырдарьи, казахские ханы постепенно подчиняли себе многие степные роды и племена. Мухаммад Шайбани фактически не смог в эти годы выйти за пределы Туркестана, утвердившись к концу столетия лишь в его южной части.

К концу XV в. закончился, таким образом, важный этап в деятельности первых казахских ханов, имевший большое значение для укрепления Казахского государства в целом. В длительной борьбе с Шайбанидами они воспрепятствовали восстановлению их власти в рамках бывшего ханства Абулхайра. Мухаммад Шайбани в 1500 году с частью подвластных ему кочевых узбеков ушел в Мавераннахр, где, опираясь на завоеванные им города южной части Туркестана, направил свои завоевательные устремления на тимуридское государство[104].

Шайбаниды в последующем претендовали на земли Казахстана, но безуспешно, они окончательно потеряли власть над его населением.

Со временем из Восточного Дашт-и Кыпчака были вытеснены и многие другие Джучиды.

К концу XV в. государство казахских ханов значительно укрепилось, расширились его первоначальные границы. В него вошли, помимо Жетысу, отмеченные выше города и оазисы в Южном Казахстане, район Каратау с прилегающими степными территориями, низовья Сырдарьи и Северное Приаралье, значительная часть Центрального Казахстана. Расширялись владения и в Жетысу.

Упадок Могулистана на рубеже XV–XVI вв. (временно усилившийся Ахмад-хан вскоре потерпел вместе с братом поражение от Шайбани-хана и умер) способствовал окончательному уходу Жетысу из-под власти могульских ханов-чагатаидов, что создало возможность постепенного включения в Казахское ханство казахского населения этого района.

Мухаммад Хайдар писал, что «в продолжение времени до девятьсот сорокового года (1533–1534 гг.) казахи всецело владычествовали в большей части Узбекистана» (т.е. в Восточном Дешт-и Кыпчаке)[105]. Все более широкое распространение получал этноним «казахи», вбиравший в себя многие этнические группы присоединенных казахских территорий, фактически уже давно ставшие одной народностью. Однако это был лишь первый этап укрепления Казахского ханства. Борьба правителей этого государства с Мухаммадом Шайбани, уже правителем Мавераннахра, за Южный Казахстан продолжалась и в начале XVI в. Долгие годы в первой половине XVI в. повторялись и попытки могульских ханов, власть которых сосредоточилась в Восточном Туркестане (Кашгарии), отобрать у казахских ханов Жетысу.

Усиление Казахского ханства в конце XV в. было определенно связано с политической обстановкой того времени как в самом Казахстане, так и в соседних областях Средней Азии, Сибири, Поволжье: распадом ханства Абулхайра и Могулистана; ослаблением власти Тимуридов в Мавераннахре и открывшейся возможностью ухода туда части кочевых родов и племен, или частей племен во главе с Мухаммадом Шайбани; общим нестабильным положением на западных и северных границах казахских степей, где в результате окончательного распада Золотой Орды появились новые государства. Туда, в Астраханское, Сибирское, Казанское ханства удалились из Восточного Дешт-и Кыпчака искать военного счастья многие Джучиды: Шайбанид Ибак-хан, основатель Тюменского (Сибирского) ханства; Тука-Тимурид, сын Мухам-

мад-хана; Касым-хан, правитель Астрахани; хан Большой орды Ахмад (в 1480 г. он стоял на р. Угре против войск Ивана III, и это «стояние» стало последним актом ликвидации монголо-татарского ига на Руси, а в следующем году был убит своими противниками[106]) и другие.

Территориальный рост и возможности политического укрепления Казахского ханства базировались, несомненно, на внутреннем состоянии казахского общества, на процессах хозяйственного, социального, этнополитического развития средневекового Казахстана, по существу идентичных тем, что лежали в основе образования самого государства.

Следует подчеркнуть, что отмеченные выше определенные явления хозяйственного подъема в XIV—XV вв. в оседло-земледельческих центрах Южного Казахстана и скотоводческом хозяйстве степных районов усиливали рост хозяйственных связей между ними и создавали возможность объединения их в одном государстве. Хозяйственные связи и основанные на них культурные контакты населения отдельных районов средневекового Казахстана между собой (а также с населением соседних стран), воздействие этих контактов на общественную жизнь становились все более заметными и прочными. Издавна развивавшиеся оседло-земледельческое и городское хозяйства Южного Казахстана занимали значительное место в обеспечении потребностей населения районов кочевого и полукочевого скотоводства Казахстана продуктами земледелия и предметами ремесленного производства, хотя во многом хозяйство населения Восточного Дешт-и Кыпчака и Жетысу оставалось замкнутым.

Влияние экономического спроса и самой степной культуры на развитие ремесел, формы керамики, металлических и других изделий, на способы изготовления их, на формирование особых приемов в строительстве жилья, общественных зданий подтверждено многочисленными данными археологических исследований. Еще большее влияние оказывали городские центры юга Казахстана на жизнь в степи: на уровень развития скотоводческого хозяйства, обеспечивая спрос на его продукцию, домашние ремесла, на укрепление политической, государственной организации степного населения, на распространение среди степной феодальной верхушки письменности и книжного образования.

Казахские ханы, стремившиеся вслед за ханами Ак-Орды и Абулхайр-ханом объединить территории Восточного Дешт-и Кыпчака, Туркестана и Жетысу в рамках одного государства, отражали интересы не только степного, но и оседло-земледельческого населения Южного Казахстана.

Действия первых казахских ханов, направленные на упрочение их государств, были поддержаны знатью казахских родов и племен, они отразили интересы этого господствующего социального слоя казахского общества. В условиях развала ханства Абулхайра и Могулистана знать стремилась к укреплению государственной власти путем поддержки наиболее перспективного претендента на власть: таковыми оказались первые казахские ханы, и они оправдали надежды кочевой знати. Развернувшаяся в последней трети XV в. борьба вышла за рамки только междоусобной борьбы джучидских потомков различных линий. Эта борьба приняла характер экономического и политического соперничества как в Дешт-и Кыпчаке, так и в городах Туркестана двух группировок кочевой родоплеменной знати — казахской и узбекской, поддерживавших различные линии Джучидов. В этот период происходило

этническое разграничение разных политических группировок, отдельные представители которых переходили от одного хана к другому – противнику первого. Казахские ханы обладали несомненной реальной силой, имели прочную опорную базу в западной части Жетысу, вокруг них сплотились многочисленные массы кочевников. Даже по данным прошайбанидских источников, их военные силы превосходили силы Мухаммада Шайбани. И хотя указанные в источниках цифры неточны, явно преувеличены (известна характерная черта средневековых авторов – приуменьшать наличие военных сил у своих покровителей, во имя которых писались их сочинения, и преувеличивать силы их противников, дабы подчеркнуть величие «победы» первых), все же они в какой-то степени отражают истину. У Мухаммада Шайбани для борьбы за власть в степи фактически не оказалось реальной силы: на первом этапе борьбы, до его ухода в Мавераннахр, его поддержала незначительная часть кочевой знати и ему пришлось ограничиться только соперничеством за овладение присырдарьинской территорией.

Население Южного Казахстана было связано с обитателями обширных территорий Восточного Дешт-и Кыпчака и Жетысу не только традициями хозяйственно-политического и культурного развития, но и этногенетическим родством, общими этнополитическими судьбами. Здесь жили в XV–XVI вв., судя по данным письменных источников и археологическим материалам, кыпчаки, канглы, конграты, аргыны, мангыты, дуглаты, джалаиры, представители других казахских родов и племен.

Присоединение к Казахскому ханству территории региона Каратау и части сырдарьинских городов и их оазисов явилось ключом успеха казахских ханов к объединению страны в целом. Вся история становления Казахского ханства, его укрепления, дальнейшая судьба, история взаимотношений казахских правителей с южными среднеазиатскими соседями – Тимуридами в конце XIV–XV вв., а в последующее время с Шайбанидами в XV–XVI вв., Аштарханидами в XVII в., связана с присырдарьинскими городами. Включение территории этих городов Средней Сырдарьи в Казахское ханство имело первостепенное значение для его упрочения.

Однако, в условиях средневекового общества процессы объединения этнической территории народа осуществлялись в ходе длительных войн с правителями соседних государств, причинявших значительные бедствия простому народу. В частности, присырдарьинские города, расположенные на стыке степей Казахстана, населенных кочевыми и полукочевыми скотоводческими племенами, и оседло-земледельческими оазисами Средней Азии, были узлом не только мирных торговых связей, этнополитических и этнокультурных контактов населения, но и частых военных столкновений правителей Восточного Дешт-и Кыпчака, Мавераннахра и Жетысу, Могулистана в целом. Длительные войны на территории сырдарьинских городов вели к разорению местного населения, упадку городского хозяйства, разрушению ирригационной сети, сокращению земледелия. Единая в естественно-географическом, хозяйственном отношении и исторических судьбах территория городов бассейна Средней Сырдарьи и Каратау то и дело оказывалась разорванной между различными государствами, что тормозило экономическое и культурное развитие этих городов и их оазисов. Военные действия, грабительские набеги противников нару-

шали торговлю и отрицательно сказывались на экономическом положении и степных скотоводческих районов.

Тем не менее, действия казахских правителей, боровшихся за включение территории Южного Казахстана и Жетысу в Казахское ханство, объективно имели положительные последствия. В Казахском ханстве уже в последней трети XV в. впервые начался процесс политического государственного объединения многих этнических групп, составлявших казахскую народность и обитавших на значительной части территории Казахстана. В отличие от Ак-Орды, государства Абулхайра, Могулистана Казахское ханство имело более широкую и прочную этническую базу: впервые не только после монгольского завоевания территории Казахстана, но и с домонгольского времени в одном государстве началось объединение многих казахских родов и племен, в том числе и издавна населявших Жетысу. Процесс этот был продолжен в начале XVI в.

Хотя подвижность кочевых и полукочевых казахских племен, превратность их военно-политических судеб часто делали неустойчивыми границы их обитания, все же образование самостоятельного казахского государства способствовало значительной стабилизации положения в регионе, росту хозяйства, восстановлению контактов кочевого скотоводческого и оседлого земледельческого населения, что в совокупности содействовало процессу завершения длительного этапа этнической консолидации казахов и формирования их этнической территории.

Но образование и последующее укрепление Казахского ханства имело значение не только для исторических судеб казахов Восточного Дешт-и Кыпчака, Южного Казахстана (Туркестана) и Жетысу. Оно важно было и для киргизов Притяньшанья, уйгуров Восточного Туркестана, т.е. для народов Могулистана в целом. Появление в Западном Жетысу нового политического объединения ускорило отделение всего Жетысу от владений могульских ханов, а последующее укрепление Казахского ханства на рубеже XV–XVI вв., завершение этнического формирования Старшего жуза в составе казахской народности, формирование киргизской народности окончательно ликвидировали власть могульских правителей на территории Жетысу и Притяньшанья и фактически привели, наряду с другими причинами, к распаду Могулистана, оформлению самостоятельной государственности его народов: киргизской в Киргизстане, уйгурской в Восточном Туркестане.

5. УПРОЧЕНИЕ ВЛАСТИ КАЗАХСКИХ ХАНОВ В ЖЕТЫСУ

События последней трети XV в., рубежа XV–XVI вв. стали определяющими и в этнополитических судьбах той части кочевого «узбекского» населения Восточного Дешт-и Кыпчака, что переселилась в Среднюю Азию и унесла туда имя «узбек», передав его как этноним одной из наиболее крупных среднеазиатских народностей.

Объединение казахских родов и племен в составе нового государства – Казахского ханства – шло сложным путем, иногда мирным, чаще в столкновениях с правителями тех государств, в подданстве которых находились казахи до начала 2-й половины XV в.

Первым государством, с правителями которого основатели казахского ханства Жаныбек-хан и Гирей-хан вступили в тесные, причем союзные, дру-

жественные отношения, был Могулистан. Основа для этих отношений определилась еще до фактического образования ханства вскоре после прибытия казахов Гирея и Жаныбека в Западное Жетысу в конце 50-х годов XV в., и довольно длительное время они оставались весьма прочными. Мухаммад Хайдар пишет, что «дружественные и мирные отношения» между казахами и могулами поддерживались со времени Есен-Буга-хана (ум. в 1462 г.) вплоть до начала правления Абд ар-Рашид-хана[107], т.е. до 30-х годов XVI в. Хотя на самом деле они неоднократно прерывались войнами и усобицами, борьбой за земли в Жетысу и Туркестане, тем не менее, на первом этапе правители нового политического объединения в силу отмеченных выше причин не встретили противодействия со стороны могулистанского хана. Значительная часть территории Жетысу перешла под власть казахских владетелей фактически без его сопротивления.

Взаимосвязи и взаимоотношения казахских племен Жетысу с населением других районов средневекового Казахстана, т.е. с такими этнополитическими общностями, как узбеки-шайбаниды, узбеки-казахи (собственно казахи), мангыты (ногайцы), были, как правило, традиционно мирными и выступали как связи и отношения государств Могулистана и Ак-Орды, Могулистана и ханства Абулхайра. Эти государства имели довольно тесные политические контакты, интересы их во многом совпадали, особенно в отражении захватнической политики Тимура и Тимуридов, ойратских (калмакских) феодалов[108]. Со второй половину XV в., когда казахи Юго-Восточного Казахстана постепенно вышли из-под власти могулистанских ханов, объединились с казахами других районов в единое государство – Казахское ханство, внешнеполитические отношения казахов и населения остальной части Могулистана становятся межгосударственными и для казахов Жетысу. Общность этнического происхождения, исторических судеб, традиционность дружественных отношений объясняют, почему последующий переход населения Юго-Восточного Казахстана из-под власти ханов одной династии (Чагатаидов Могулистана) под власть ханов другой династии (Джучидов – потомков ханов Ак-Орды) не вызвал больших осложнений.

Образование Казахского ханства в Жетысу оказало огромное влияние на исторические судьбы местного населения Юго-Восточного Казахстана. Последующее быстрое укрепление этого государства, возникшего на базе казахских племен, как прибывших из Восточного Дешт-и Кыпчака и Туркестана, так и местных, жетысуских, отразило стремление населения этих районов и Юго-Восточного Казахстана к собственной государственности, отразило внутренние этнополитические и социально-экономические процессы развития кочевого, полукочевого и оседлого населения всего региона. Успешная деятельность первых казахских ханов по созданию самостоятельного политического объединения на территории Западного Жетысу и последующее его укрепление, постепенное включение в него этнических территорий казахов всего Жетысу (наряду с Восточным Дешт-и Кыпчаком и Туркестаном) отражали тяготение местных казахских племен Жетысу к родственным казахским племенам и родам остальной территории средневекового Казахстана. Об этом говорит и факт незатруднительного взаимного перемещения этнических групп из одного жуза в другой в пору завершения их формирования, таковы, например, упомянутые в источниках перекочевки из Могулистана в подданство Абулхайра-хана племен калучи и булгачи[109], появление явно из Жетысу сре-

ди подданных этого хана племенных групп под названием уйшин (ушун, уйсын, уйсун)[110], перемещение из Жетысу на каком-то этапе кереев в Средний жуз[111], перемещение подданных первых казахских ханов из Центрального и Южного Казахстана на Чу и Талас, обратное движение в «Могулистан», т.е. в Жетысу и на Тянь-Шань, племенных групп «могулов», уведенных в Кашгарию Султан Са'ид-ханом в 1514 г.[112] и многие другие факты.

Образование Казахского ханства обеспечило по существу мирный переход племен Жетысу под власть правителей казахов. Возникновение единой государственности казахов послужило одним из важных факторов завершения формирования казахских жузов, народности в целом. Как и в предшествующее время, во второй половине XV в. население Юго-Восточного Казахстана продолжало быть тесно связанным с населением других районов Казахстана узами хозяйственных, этнических и политических отношений, причем теперь уже не только внешних, но и внутригосударственных отношений. Имея в прошлом много общего в исторических судьбах, имея давние связи, население Юго-Восточного Казахстана вступило теперь в еще более тесные контакты с населением остальных районов средневекового Казахстана.

Завершение обособления племен Старшего жуза наряду с формированием казахской народности и образованием Казахского ханства в Западном Жетысу явились главной причиной ликвидации власти могулистанских правителей над Юго-Восточным Казахстаном. Это обособление можно видеть в борьбе казахских племен Жетысу против феодального гнета, засилья ханской власти могулистанских Чагатаидов, выражавшейся, конечно, в стихийных формах: откочевках, уходе под власть соседних правителей. В источниках эту борьбу можно также видеть в фактах неповиновения могульскому хану родовых вождей-феодалов, о чем не раз упоминает Мухаммад Хайдар.

Борьба местного населения за самостоятельное государственное, этническое, хозяйственное развитие в неразвитых общественных условиях средневековья, особенно в кочевом обществе, проявлялась опосредованно, например, в политической ориентации кочевого и полукочевого населения и его племенных и родовых вождей на того или иного крупного, сильного в данный момент хана. Простые труженики легко шли за вождями кочевых родов и племен, которые часто решались на смену своих верховных сюзеренов в поисках большей независимости или более прочного покровительства у более удачливого хана – в данном случае, вместо слабого могульского хана, к тому же потерявшего интерес к Жетысу, они переходили к предприимчивым казахским ханам. В условиях частых феодальных войн и усобиц, фактического распада Могулистана оставшееся по сути дела без верховного правителя Жетысу и населявшие его казахские племена легко перешли под власть ханов из другой, джучидской, линии Чингизидов. Для жетысуских казахских племен это была смена не только династийного подданства, но и, главное, объединение с этнически родственными группами казахов, прибывшими из Южного и Центрального Казахстана, а позднее – и с казахским населением всех других территорий Казахстана[113]

Важную роль в процессе ликвидации власти могульских ханов в Юго-Восточном Казахстане сыграл общий упадок и развал Могулистана во второй половине XV – начале XVI вв. Отмеченные выше факты, вызвавшие ранее, к середине XV в., ослабление государства, проявились еще с большей силой и

отчетливостью в этот период. Причины распада были самого различного характера, как внутренние, так и внешние, как социально-экономические, так и этнополитические, причем они часто настолько переплетались, что их трудно разделить на такого рода категории. Например, образование Казахского ханства было бы внешним фактором по отношению к распаду Могулистана, но оно связано и с внутренними процессами в самом Могулистане, а именно — с этническим формированием казахов Среднего жуза, киргизской народности, их стремлением к обособлению, а также с целым комплексом других социальных условий жизни местного населения.

Следует подчеркнуть, что говорить о распаде Могулистана — это значит говорить о ликвидации власти могульских ханов чагатайской династии на территории Юго-Восточного Казахстана и современной Киргизии, т.е. в Жетысу, в долинах Тянь-Шаня, в Прииссыккулье, так как эти явления равнозначны, поскольку указанные территории являлись основными районами Могулистана.

Процесс распада Могулистана, начавшийся за несколько десятилетий до образования Казахского ханства, особенно усилился с середины XV в. Он составил основное содержание истории Могулистана во второй половине XV—начале XVI вв.[114]. Распад этого государства обусловливался различными причинами и, прежде всего, постоянно нестабильным внутриполитическим положением Могулистана. Феодальная раздробленность, отсутствие прочного централизованного управления государством, фактически никогда не прекращавшиеся феодальные смуты и усобицы, рост экономической и политической независимости крупных представителей феодального класса, в частности дуглатских владетелей Кашгарии, противоречия и борьба между оседлой и кочевой феодальной знатью, а также усилившееся сопротивление народных масс гнету со стороны феодальных кругов — все это ослабляло позиции могульского хана. Основные усилия Есен-Буга-хана в последние годы его правления были направлены на подавление сопротивления феодальной верхушки, особенно правителей Кашгарии, а также на пресечение неоднократных попыток Тимуридов Мавераннахра утвердить правителем Могулистана своего ставленника (в лице брата Есен-Буги — Юнус-султана). Сложилось то самое положение, о котором Махмуд бен Вали писал, что «в фундаменте правления Есен-Буга-хана обнаружилась трещина»[115].

Фактически до последних лет своей жизни Есен-Буга-хан не смог одолеть многих отложившихся от него в самом начале его правления предводителей родов и племен — калучи и булгачи, чорас и барин, бекчиков-канглы и дуглатов, кончи и других[116]. Часть из них удалилась за пределы Могулистана (во владения Абулхайр-хана и к калмакам), другие же, хоть и признали со времени Есен-Бугу, но «все они не повиновались хану надлежащим образом», по словам Мухаммад Хайдара, и в последующее время[117]. Вторгавшийся неоднократно на территорию Юго-Западного Могулистана еще при жизни брата Юнус-султан не замедлил привлечь некоторых из мятежных феодалов на свою сторону. Среди них Мухаммад Хайдар называет Мир Ибрахима бекчика (канглы), Мир Хаджи кончи, Сансиз-мирзу Дуглата и других[118]. После смерти Есен-Буга-хана лишь небольшая часть эмиров Кашгарии осталась на стороне сына и наследника Дост-Мухаммад-хана (умер в Аксу в 873 г.х., 1468—1469 гг.) и еще меньше на стороне сына последнего — Кебек-султана (убит в Турфане около 1472 г.). Юнус, занявший в середине 60-х годов юго-западную часть

Могулистана (районы, прилегающие к Фергане и Ташкенту), к 1472 г. подчинил и Кашгарию с прилегающими территориями Могулистана[119], но практически неудачными оказались его попытки утвердить власть над населением Юго-Восточного Казахстана. На результатах действий Юнус-хана по подчинению северных областей Могулистана негативно сказывалось отношение к нему многих местных феодалов, за долгие годы фактического безвластия в стране привыкших к независимости и самостоятельной внешнеполитической ориентации. Многие из вождей жетысуских родов и племен постепенно перешли на сторону казахских владетелей.

Помимо отмеченных выше факторов обособления Жетысу от Могулистана, можно назвать еще одну из причин неудачи Юнус-хана в этом краю. Это, неоднократно подчеркиваемое автором «Та'рих-и Рашиди», нежелание Юнус-хана, получившего воспитание и долго жившего в городах Ирана и Средней Азии, жить в кочевой степи, по старому обычаю могульских ханов[120]. С приходом Юнус-хана к власти в Могулистане усилилась борьба оседлой и кочевой знати. Юнус-хан переносит свои интересы на территории к западу от Могулистана – на Ташкент, Сайрам, Фергану. В этом отчетливо проявились социально-экономические и политические мотивы, побудившие Юнус-хана, помимо его личного стремления, искать возможности утверждения в оседло-земледельческих и городских центрах. На Юнус-хана оказывала воздействие та часть могульской феодальной верхушки, которая стремилась обеспечить себе извлечение устойчивых доходов из постоянной эксплуатации оседло-земледельческого и городского населения путем взимания твердых, регулярных налогов, что не всегда было возможно осуществить среди кочевников-скотоводов. Стремление такого рода к захвату городов и извлечению из них прибыли было издавно присуще кочевой знати, так как земля в городе, в оседлых земледельческих районах приносила больше дохода, чем в кочевых[121]. Поэтому среди феодальной знати кочевых государств всегда находились группы, толкавшие ханов на прочное завоевание оседло-земледельческих районов и длительную эксплуатацию их населения; другая же часть знати стремилась к временным грабительским налетам, набегам и грабежам при сохранении кочевого образа жизни. Противоречия внутри господствующей феодальной верхушки ослабляли государство. Эти противоречия вылились в фактический раскол аристократии: часть ее перестала признавать Юнус-хана правителем и в 1484 г. вместе с его сыном удалилась в восточные районы государства, населенные киргизскими племенами[122]. В Кашгарии обособилось независимое владение Абу Бекра Дуглата (1480-1514 гг.). В северной части Могулистана все прочнее становилась власть казахских ханов, все большее число родов и племен со своей этнической территорией входило в состав их государства.

Несомненно, существенную роль в распаде Могулистана сыграла хозяйственная и политическая обособленность основных районов Могулистана – Жетысу и Притяньшанья. Обособление территорий казахского, киргизского Притяньшанья от населенной уйгурами Манглай-Субе – Кашгарии (чаще бывшей в зависимом положении от Могулистана, а нередко и самостоятельной, чем составлявшей единое политическое целое с Могулистаном) вызывалось различием естественно-географических условий, хозяйственных, этнополитических и этнокультурных традиций и связей населения составлявших Могулистан областей. Территориально обособленное Жетысу отличалось

от других районов Могулистана своеобразием хозяйственного развития, замкнутым производственным циклом, сочетавшим кочевое и полукочевое скотоводство в определенных рамках местных маршрутов сезонных кочевий с земледелием. Хозяйственное общение с Восточным Туркестаном хотя и существовало издавна, было все же ограниченно в силу географического положения областей. Район Жетысу в хозяйственном, торговом отношении, а через него – культурном, этнополитическом общении больше тяготел к Южному, Центральному и Восточному Казахстану и Средней Азии, чем через труднопроходимые горные перевалы – к Восточному Туркестану. Это общение шло через древний путь традиционных экономических связей Южного Казахстана, Средней Азии и Жетысу – через самый оживленный отрезок «великого шелкового пути» до поворота его к Иссык-Кулю.

То, что Могулистан основывался на двух, иногда на трех, хозяйственно и этнически обособленных частях (племена, составившие Старший жуз казахов в Жетысу, киргизы в долинах Тянь-Шаня и Прииссыккулье, уйгуры в Восточном Туркестане), делало его слабым на протяжении всей истории; особо важную роль сыграл этот факт на заключительном этапе существования Могулистана как государства. Тенденция дальнейшего этнического развития, формирования народностей в каждом из этих районов объективно вызывала необходимость образования самостоятельных государств, которые и обособляются во второй половине XV – начале XVI вв.; казахские племена Жетысу в виде этнополитического и этнохозяйственного объединения – Старшего жуза – в Казахском ханстве; киргизские племена – в политическом объединении Ахмад Алаша-хана и Мухаммад Киргиза; уйгуры Восточного Туркестана – в государстве Могулия, во главе с потомками ханов распавшегося Могулистана, но на местной этнической основе.

Что касается Казахского ханства, то оно постепенно укреплялось. В течение десятилетия после Есен-Буга-хана положение Жаныбека и Гирея в Жетысу значительно упрочилось. Кроме бежавших от засилья Абулхайр-хана и кочевых феодалов казахских родов и племен из Центрального и Южного Казахстана, им подчинялась и определенная часть местного населения. Именно в это десятилетие образовалось и стало набирать силу Казахское ханство, но уже первые шаги его основателей по укреплению государства проходили в сложной внешнеполитической обстановке. Хотя могульские правители уже в 60-х годах на некоторое время потеряли из-за своих внутренних неурядиц, главным образом, борьбы за власть в Кашгарии и юго-западных районах Могулистана, возможность вмешиваться в ход событий в Жетысу, но и помимо них у казахских владетелей оказались два сильных противника – Абулхайр-хан на западных границах нового политического образования и ойратские (калмакские) тайши – на восточных.

Зимой 1468 г., три-четыре года спустя после образования Казахского ханства, Абулхайр-хан предпринял поход на восток, чтобы «завоевать остальные земли Могулистана, которые находились во власти могульских султанов». Махмуд ибн Вали – он писал, правда, в XVII в., но имел в своем распоряжении более ранние источники, не дошедшие до нас, – сообщая об этом последнем предприятии некогда могущественного владыки Восточного Дешт-и Кыпчака[123], упомянутую выше цель похода Абулхайра-хана поясняет указанием, что он выступил «в сторону места кочевий (йуртгах) киргизов и калмаков»[124]. Однако, судя по маршруту движения огромного войска шайбанидско-

го хана из предгорий Каратау, через отроги Таласского Ала-Тау (холмы Кызыл-Адыр), долину р. Талас на Чу и далее на северо-восток, ближайшей его целью был разгром владений казахских предводителей. «Могульских султанов» в это время в Жетысу не было — Махмуд ибн Вали не учел того обстоятельства, что они были заняты делами престолонаследия в Кашгарии, где примерно в это же время умер хан Дост-Мухаммад. Ойратский предводитель Амасанджи-тайши был со своим улусом во время похода Абулхайр-хана, как это следует из подробных сведений Мухаммад Хайдара о взаимоотношениях этого предводителя калмаков с его сводными братьями Ибрахим-онгом и Ильяс-онгом, еще далеко от Жетысу, на восточных рубежах Могулистана[125].

Что касается киргизов, впервые упомянутых для XV в. в регионе Тянь-Шаня именно Махмудом ибн Вали[126], то их кочевья названы этим автором вместе с кочевьями калмаков. Возможно, в подданстве у калмакских властей находились те киргизы, что передвигались в это время с Южного Алтая в Притяньшанье[127], или те, что в разное время ушли из Могулистана, но еще не под именем киргизов, а под различными родоплеменными наименованиями (калучи, булгачи, барин, чорас и т.д.)[128], — ведь в состав этнополитической общности могулов, как свидетельствуют источники, входили многие этнические группы, влившиеся со временем в казахскую, киргизскую, уйгурскую народности[129].

К началу XVI в. этнический состав киргизской народности вполне стабилизировался[130], и киргизы активно участвовали в политической жизни Могулистана, Могулии и соседнего Казахского ханства под собственным именем и на территории современной Киргизии (в Прииссыкулье, верховьях Чу и долине среднего течения Таласа, в бассейне реки Нарын), что широко отразили источники[131]. В последние же десятилетия XV в. киргизов можно видеть и там, где источники упоминают отмеченные выше и другие этнические группы могулов. На территории Западного Семиречья от северо-восточных отрогов Каратау до Или, т.е. по маршруту движения войск Абулхайр-хана, в конце 60-х годов ни киргизских, ни могульских племен источники не упоминают. Здесь находились подвластные Жаныбеку и Гирею казахи, как пришедшие из Центрального и Южного Казахстана, так и некоторые местные этнические группы казахов, ранее входившие в состав этнополитической общности могулов (канглы, дулаты, киреиты, аргыны и другие)[132].

Абулхайр-хан был явно обеспокоен усилением своих давних противников — так и не подчинившихся его власти потомков ак-ордынских ханов, стоявших во главе казахских племен. Возникает вопрос, почему Абулхайр-хан не мог раньше совершить поход в Могулистан против бежавших казахских ханов, а предпринял его только через десятилетие, в конце жизни? Он намеревался предпринять такой поход, об этом в «Бахр аль-асрар» есть сведения, упомянутые выше, но не осуществил его. Причины заключаются в том, что его государство клонилось к упадку, оно было слабым, не было достаточной военной мощи, среди феодально-кочевой знати было много противников. Продолжались феодальные междоусобицы Джучидов из потомков Орда-Еджена, Туга-Тимура, Шайбана (в частности, среди его противников упомянуты в источниках Бурудж-оглан, Ибак-хан, Ахмад-хан и др.), мангытские эмиры и другие феодальные вожди родов и племен часто оказывали неповиновение. В сущности, эти причины в течение длительного времени удерживали Абулхайра против борьбы с Гиреем и Жаныбеком, когда они были еще в Туркеста-

не и районе Каратау. Кроме того, в 50-х — начале 60-х гг. на некоторое время усиливаются Тимуриды в Мавераннахре, в частности, Абу-Са'ид-мирза: он оказывает противодействие Абулхайру в Туркестане и вмешивается во внутренние дела Могулистана. Движение ойратов на юг Казахстана, сокрушительное поражение, нанесенное ими войскам Абулхайра в 1457 г., надолго ослабило ханство Абулхайра, от которого оно, пожалуй, не могло оправиться до самого конца. И, наконец, последнее, но, пожалуй, самое главное — казахские феодалы во главе с Гиреем и Жаныбеком достаточно усилились в Жетысу, имели внушительную военную силу и хорошие отношения с ханом Могулистана Есен-Бугой.

Поход 1468 г. Абулхайра в Могулистан был направлен, главным образом, против них, однако эта последняя военная акция Абулхайра оказалась безрезультатной. Источники не сообщают о столкновении противников: при приближении войск шайбанидского хана казахи рассеивались, отступая вглубь своей территории. Во время похода где-то в пределах местности Алматы[133] Абулхайр заболел и умер, и войска его повернули обратно.

Казахские ханы вскоре вмешались в борьбу за власть в Восточном Дешти Кыпчаке. Уходом главных сил казахов не преминул воспользоваться Юнус-хан, который к тому времени в очередной раз покинул Кашгар и ушел в Могулистан, понуждаемый к этому своими кочевыми подданными[134]. С большим войском и обозами он поспешил в северные районы бывших владений могулистанских ханов, но столкнулся здесь с Амасанджи-тайши, 300-тысячный улус которого двинулся в сторону Жетысу. Ойратский предводитель очевидно тоже хотел воспользоваться уходом казахских ханов в Восточный Дешт-и Кыпчак и Туркестан, где решались судьбы распадавшегося ханства Абулхайра.

Феодально-кочевую знать ойратов (калмаков) давно уже привлекали обширные территории Могулистана, в том числе и Жетысу. Как уже говорилось выше, здесь они стремились захватить прекрасные пастбищные угодья для подвластных им кочевых родов и племен, здесь проходили удобные торговые пути, а в те смутные времена феодальных войн и усобиц они же были и путями для набегов на оседло-земледельческие оазисы Южного Казахстана и северо-восточных окраин Средней Азии[135]. Набеги ойратов повторялись неоднократно, начиная с 20-х годов XV в. Они ослабляли Могулистан, и как раз для отражения ойратов Есен-Бута-хан намеревался, как говорилось выше, использовать прибывших в конце 50-х годов в Западное Жетысу казахов Жаныбека и Гирея. Фактически, особенно с середины 60-х годов, казахские ханы оберегали уже свои собственные владения, отбивая захваченные ойратскими тайшами кочевья и в свою очередь нападая на калмакские улусы и юрты (йуртгах).

Махмуд ибн Вали полагает, что как раз в связи с этими действиями Гирей-хана и Жаныбек-хана их подданные получили свое имя: «Так как в первое время [после] прибытия в Могулистан они проводили время в набегах на калмаков и киргизов и грабежах [их] и на окраинах областей занимались разбоем, к этому народу пристало имя «казак». В это время Кирай-хан был назван государем»[136]. Впрочем, об этом же периоде «набегов и грабежей» Мухаммад Хайдар высказался в совсем ином духе: «Так как они Кирай и Джаныбек сперва, бежав и отделившись от своего многочисленного народа, некоторое время пребывали в беспомощности и скитаниях, их назвали казахами и прозвище

это закрепилось за ними»[137]. Около 1469 г. или 1470–1471 гг. Юнус-хан потерпел жестокое поражение от Амасанджи-тайши где-то на Или, возможно в пределах Жетысу (о чем говорит бегство Юнус-хана на Сырдарью после битвы). В сражении погибли или попали в плен «многие могульские эмиры»; с остатком своего улуса, численностью в 60 тыс. семей (ханавар), по сведениям Мухаммада Хайдара[138], Юнус-хан ушел на Сырдарью, где «провел зиму», очевидно, 1469–1470 гг.[139], в местности Каратугай. Здесь, в смутное время ожесточенной борьбы за власть Шайбанидов – потомков Абулхайр-хана, Джучидов разных ветвей, в том числе и казахских ханов, Юнус-хан разбил и разграбил 30-тысячный улус одного из Шайбанидов – Бурудж-оглана (Буреке-султана), сына Ядгар-хана, потомка Арабшаха. Когда в 877 г.х. (1472–73 гг.) Юнус-хан после годичного плена у тимуридского наместника в Ташкенте вернулся снова «в Могулистан», интересы его, отмечает Мухаммад Хайдар, как и прежде, целиком сосредоточились на юго-западных территориях Могулистана и Кашгарии (здесь ему подчинился улусбек, Мухаммад Хайдар-мирза дуглат, дед автора «Та'рих-и Рашиди»)[140]. В северных районах Могулистана он уже не пытался утвердиться, хотя калмаки Амасанджи-тайши давно уже очистили их и вернулись в свои кочевья в верховьях Иртыша и Южного Алтая.[141] В дальнейшем, в течение нескольких десятилетий, ойраты не заходили так далеко на запад, до Жетысу, их агрессивные действия ограничивались восточными окраинами Могулистана и Восточного Туркестана.

Юнус-хан на территории Жетысу уже не появлялся, постоянно вмешиваясь в усобицы Тимуридов в Фергане и Ташкенте. Упадок могущества враждовавших между собой Тимуридов – в 70–90-х годах XV в., в частности, Султан Ахмад-мирзы, Омар-Шайха, Захир ад-дина Мухаммад Бабура – создавал возможность территориальных захватов для могульских ханов, а эти захваты могли увеличить (возродить) политический и экономический престиж правителя среди поддерживавшей его части феодальной знати. Могульские ханы, как ранее Есен-Буга, так и теперь Юнус и его сын Султан Махмуд, принимают самое деятельное участие в борьбе многочисленных претендентов – Мухаммада Шайбани, казахских ханов, мангытских эмиров и Тимуридов – за влияние в регионе присырдарьинских городов.

Таким образом, внутреннее положение в Могулистане, сложившееся во второй половине XV в. вследствие всех вышеотмеченных факторов, а также вся упомянутая выше совокупность военно-политических событий в регионе – все это создало почву для постепенного ослабления, а затем, в начале XVI в., для полной ликвидации влияния могульских ханов в Юго-Восточном Казахстане и ухода из-под их власти казахских племен этого края. На рубеже XV–XVI вв. Могулистан фактически перестает существовать как единое государство. На его территории образовалось несколько феодальных, фактически независимых владений: Султан Ахмад-хана, Султан Махмуд-хана, Хадид-султана, Мансур-хана и других. Жетысу полностью вошло в состав Казахского ханства.

[1] *Бромлей Ю. В.*. Этнос и этнография. М. 1973, с. 39, 138, 162.

[2] Там же, с. 162–171.

[3] *Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.* . К изучению роли переселений в формировании новых этнических общностей. «Советская этнография», 1968, № 2, с. 35–45.

[4] *Сенигова Т. Н.* Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, с. 210–217; Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969 (Далее МИКХ), с. 314–318; *Пищулина К. А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV–XVII вв. //Казахстан в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1969, с. 47–48. *Иванов П. П.* Очерк истории каракалпаков. «Материалы по истории каракалпаков», «Труды ИВ АН СССР». Т. VII, М.-Л., 1935, с. 35.

[5] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды,М. 1973, с. 38.

[6] *Бромлей Ю. В., Козлов В. И.* Этнические процессы как предмет исследования. – // Этнические процессы в СССР, М., 1975, с. 11.

[7] *Абрамзон М. С.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, Л. 1971, с. 26–27, 31, 33 и др.

[8] *Савельев П.* Джучиды Синей Орды. ТВО, ч. III, вып. 2, 1857, с. 355; СМИЗО, т. II, с. 129–130, 234; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950, с. 310–315; *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX вв.). М., 1958, с. 18.

[9] Рашид ад-дин Сборник летописей, т. II, М.-Л., 1960, с. 67.

[10] Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, л. 124а, 127а; МИКХ, с. 39–42.

[11] *Махмуд ибн Вали.* Бахр ал-асрар, л. 124а, 135а; МИКХ, с. 354, 362.

[12] *Кадыргали Джалаири.* Джами ат-таварих, л. 60б.

[13] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей, т. II, с. 66, 71, 77.

[14] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды, с. 165.

[15] Бахр ал-асрар, л. 118б.

[16] Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, л. 124а–125б; МИКХ, с. 39–40.

[17] *Мас'уд Кухистани.*Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани, Л., 321а,б.

[18] *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии, с. 35.

[19] Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, л. 124а, 127а; МИКХ, с. 39–42. Жаныбек-хан назван также своим мусульманским именем БуСа'ид ид (Абу-Са'ид). Прим. к «Муиззу» в кн.: СМИЗО, т. II, с. 63.

[20] *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков, с. 62.

[21] Бахр ал-асрар, л. 124а, МИКХ, с. 352.

[22] *Мирза Мухаммад Хайдар Дуглат.* Та'рих-и Рашиди, л. 177а; МИКХ, с. 222.

[23] *Абул-Гази.* Шаджра-и тюрк ва могул. Изд. Г. С. Саблукова. Казань. 1906. с. 159.

[24] Там же, л. 46а; МИКХ, с. 195.

[25] Бахр ал-асрар, л. 124б.

[26] Та'рих-и Рашиди, л. 46а, 51а, 51б; МИКХ, с. 196, 198.

[27] Тарих-и Рашиди, л. 45б.

[28] Бахр ал-асрар, л. 124а.

[29] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в сер. XIV – нач. XVI вв.Алма-Ата, 1977, с. 118–121, 124, 126, 264.

[30] Необоснованность имеющегося мнения в литературе по поводу демографического «вакуума» в Семиречье накануне прибытия в его западные районы казахов Жаныбека и Гирея см. в кн.: *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – нач. XVI вв., с. 236, 261 и др.

[31] Бахр ал-асрар, л. 124а; МИКХ, с. 352.

[32] Там же, л. 124б; МИКХ, с. 353.

[33] Там же.

[34] *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. А.-А. 1992, с. 233–234.

[35] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб, 1864, ч. П.

[36] МИКХ. С. 198 и др.

[37] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI вв., с. 246–264.

[38] Сводка мнений приведена в работе: *Султанов Т. И.* Некоторые замечания о начале казахской государственности. — «Известия АН КазССР, сер. обществ. наук», 1971, № 1, с. 54, 55.

[39] История Казахской ССР, т. I. Алма-Ата, 1957, с. 142.

[40] *Чулошников А. П.* Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских народов, ч. I. Оренбург, 1924, С. 200–203; *Он же.* К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII–XVIII вв. //«Известия АН СССР, отд. обществ. наук», 1936, № 3. М.-Л., с. 498.

[41] *Ибрагимов С. К.* К истории Казахстана в XV в. //«Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока», с. 172, 175, 180.

[42] *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. С. 238–240; *Его же.* О первом Казахском государстве. // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1995. Вып. 8–9. СПб., с. 31–37.

[43] Та'рих-и Рашиди. Л. 51а, 174а; МИКХ, с. 198, 222.

[44] *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков, М. 1965, с. 149.

[45] *Семенов А. А.* К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. //«Труды ИИАЭ АН ТаджССР», Сталинабад, 1954, Вып. I, т. XП, с. 36.

[46] *Ибрагимов С. К.* К истории Казахстана в XV в., с. 176, 177.

[47] Бахр ал-асрар, Л. 124а; МИКХ, с. 362.

[48] Там же, Л. 124б; МИКХ, с. 353.

[49] Та'рих-и Рашиди, Л. 177а; МИКХ, с. 222.

[50] Бахр ал-асрар, 124б; МИКХ, с. 353.

[51] *Шади.* Фатх-наме. Рук. СПб ЛГУ № 962, Л. 58б, 59б; МИКХ, с. 56, 57.

[52] МИКХ, с. 99.

[53] *Султанов Т. И.* Некоторые замечания о начале казахской государственности, с. 55.

[54] *Ибрагимов С. К.* К истории Казахстана в XV в., с. 175.

[55] *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йи Бухара. Рук. ИВ АН РУз, № 1414, Л. 73б. В издании Р. П. Джалиловой, с. 96.

[56] МИКХ, с. 195, 222.

[57] Бахр ал-асрар. Л. 135б; МИКХ, с. 364.

[58] Та'рих-и Рашиди, Л. 68а; МИКХ, с. 210.

[59] Та'рих-и Рашиди, Л. 68а; МИКХ, с. 210, 211.

[60] Бинаи, Шайбани-наме, Л. 7б; МИКХ, с. 103; Таварих-и гузиде..., Л. 10б; МИКХ, с. 38.

[61] Та'рих-и Рашиди. Л. 67а–68б.

[62] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI в., с. 246–264.

[63] *Пищулина К. А.* Казахское ханство во взаимоотношениях с Могулистаном и Шайбанидами в последней трети XV века // Казахстан в эпоху феодализма (Проблема этнополитической истории). Алма-Ата, 1981, с. 96–123.

[64] Та'рих-и Рашиди, л. 46а; Камал ад-дин Али Бинаи, Шайбани-наме, МИКХ, с. 99, 195.

[65] Та'рих-и Рашиди, л. 174а; МИКХ, с. 222.

[66] Т.е. казахов. См. разъяснение выше в гл. V, § 3.

[67] Бахр ал-асрар, л. 124б; МИКХ, с. 352–353.

[68] Та'рих-и Рашиди, л. 51а, 174а; Бахр ал-асрар, л. 124а; МИКХ, с. 198, 222, 352; *Семенов А. А.* К вопросу о происхождении и составе узбеков Шайбани-хана.

[69] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI в., с. 127–153.

[70] *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1977; *Их же.* Отрар в XIII–XV вв. Алма-Ата, 1982.

[71] *Пищулина К. А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств. // Казахстан в XV–XVIII вв. (Вопросы социально-политической истории). Алма-Ата, 1969, с. 5–49; *Ее же.* Письменные восточные источники о при-

сырдарьинских городах Казахстана в XIV–XVII вв. – В кн.: Средневековая городская культура Средней Азии и Казахстана. Алма-Ата. 1983.

[72] Муса и Йагмурчи – сыновья Ваккас-бия, внука Едыге.

[73] Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, л. 95б; Камал ад-дин Али Бинаи Шайбани-наме, л. 4а,б; *Молла Шади*. Фатх-наме. л. 58б, 59б; МИКХ, с. 19, 56, 57, 99, 100, 507, 508.

[74] Шайбани-наме, л. 4а; МИКХ, с. 99.

[75] Там же.

[76] Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, л. 97а; МИКХ, с. 21.

[77] Шайбани-наме, л. 5б–6а; МИКХ, с. 102.

[78] Там же, л. 4а; МИКХ, с. 99–103.

[79] Шайбани-наме, л. 7а–7б; МИКХ, с. 103.

[80] Там же, л. 7б, 8а.

[81] Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, л. 97а; МИКХ, с. 21.

[82] Бахр ал-асрар, Л. 124б; МИКХ, с. 353.

[83] Шайбани-наме, л. 9б; МИКХ, с. 105.

[84] Там же. л. 9б, 10а; Молла Шади. Фатх-наме, л. 75а–76б.

[85] Фатх-наме, л. 76а; МИКХ, с. 75.

[86] «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», л. 97б–98а, Почти все из немногочисленных приверженцев Мухаммада Шайбани («Эта одна сотня не может отразить их, [т.е. казахов]... – произнес он брату во время боя. – Необходимо привести в движение весь эль») пали в этом сражении. И хотя после сражения к нему присоединилось около четырехсот человек из «мужей и джигитов Дешт-и Кыпчака, он, «не утруждая вилайет Туркестана», удалился в Хорезм. Камал ад-дин Бинаи также объяснил поражение и бегство Мухаммада Шайбани из Туркестана неравенством сил – «поскольку численность противника [т.е. казахов] выходила за пределы исчислимого, поэтому убивать и защищаться было бесполезно»).

[87] Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, л. 99а.

[88] Там же. Л. 105б; Шайбани-наме, л. 13б; МИКХ, с. 28, 111.

[89] Шайбани-наме, л. 14а.

[90] Там же. Л. 14б; МИКХ, с. 112.

[91] Та'рих-и Рашиди, л. 62б–64б; МИКХ, с. 203–206; *Азимджанова С. А.* К истории Ферганы второй половины XV в. Ташкент, 1957, *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья, с. 88–89; *Ахмедов Б. А.* К изучению политической истории Киргизии XV в. // ОНУ, № 5, 1961, с. 32–33.

[92] Шайбани-наме, л. 15а; МИКХ, с. 113; *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков, с. 146.

[93] Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, л. 108а; МИКХ, с. 29; В Та'рих-и Рашиди (л. 66а, МИКХ, с. 206) – из Туркестана.

[94] Та'рих-и Рашиди, л. 64б, 65а; МИКХ, с. 205–206.

[95] Та'рих-и Рашиди, л. 66а; МИКХ, с. 206–207.

[96] Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, л. 108а, 108б; МИКХ, с. 29, 30.

[97] Там же, л. 108б.

[98] *Семенов А. А.* Шайбани-хан и завоевание им империи Тимуридов, – МИТУСА. Вып. I. ТИИАЭ АН ТаджССР. Т. XII, 1954.с. 48. У автора речь идет о Сайраме, что ошибочно, так как и другие источники (Фатх-наме, л. 111б–115б; Шайбани-наме, л. 18б–19б; МИКХ, с. 77–83, 115–117, 494), помимо «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», рассказывающие об этих событиях, называют город-крепость Сауран (в форме Сабран).

[99] Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, л. 109б; Шайбани-наме, л.19б; МИКХ, с. 31, 117.

[100] Шайбани-наме, л. 21б; МИКХ, с. 120.

[101] Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, л. 110а,б; Фатх-наме, л. 118б; Шайбани-наме, л. 20б; МИКХ, с. 31, 85–87, 118.

[102] Шайбани-наме, л. 22а; МИКХ, с. 121. Однако это перемирие тут же стало нарушаться. Перед уходом в Самарканд Мухаммад Шайбани вновь захватыва-

ет Сауран и потерянный было им накануне вилайет Ясы (Шайбани-наме, л. 22б–23а, б).

[103] *Мас'уд бен Усман Кухистани.* Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани, л. 326а; МИКХ, с. 159.

[104] *Мукминова Р. Г.* К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI в. // Изв. АН УзССР. 1954. № 1. С. 70–81; *Семенов А. Н.* Шайбани-хан и завоевание им империи Тимуридов. С. 38–83; История Узбекистана. Т. II. Ташкент, 1993.

[105] Та'рих-и Рашиди. Л. 46а; МИКХ, с. 195.

[106] *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии, с. 36.

[107] Та'рих-и Рашиди, л. 46б; МИКХ, с. 196.

[108] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI в. (Вопросы политической и социально-экономической истории). с. 72–74, 111–115, 210–218 и др.

[109] Та'рих-и Рашиди, л. 45б; МИКХ, с. 194.

[110] Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани, л. 312а–312, 315а; Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, л. 57б, 98а; МИКХ, с. 17, 22, 144, 146.

[111] *Муканов М. С.* Этнический состав и рассселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974, с. 32–33.

[112] Мирза Хайдар отмечает неоднократно, что уведенные из Могулистана в Кашгарию местные племена беспрестанно рвутся назад, в Могулистан, т.е. в Жетысу и на Тянь-Шань. Под этими «жителями Могулистана» можно видеть и часть автохтонных насельников Жетысу, стремившихся воссоединиться с основной массой своего народа, вошедшего в состав Казахского ханства. Та'рих-и Рашиди, л. 79б–80а; МИКХ, с. 214–215.

[113] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI в., с. 227–246, 254–264.

[114] Политическая история Могулистана на заключительном этапе его существования, выходящая в основном за рамки истории Юго-Восточного Казахстана, со второй половины XV в. связанной с историей Казахского ханства, на основе анализа данных сочинений Мирзы Мухаммада Хайдар Дуглата «Та'рих-и Рашиди», Захир ад-дина Мухаммад Бабура «Бабур-наме» и других исследована В. В. Бартольдом, М. Е. Массоном, С. Н. Азимджановой, Б. А. Ахмедовым, К. И. Петровым, поэтому нет необходимости здесь в ее подробном освещении.

[115] *Махмуд ибн Вали.* Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар, л. 124а; МИКХ, с. 352.

[116] Та'рих-и Рашиди, л. 45а–45б; МИКХ, с. 194.

[117] Там же, л. 46а; МИКХ, с. 195.

[118] Там же, л. 48а–50а; МИКХ, с. 196–197.

[119] Там же, л. 50а; МИКХ, с. 197.

[120] Там же, л. 50б, 52б–53а; МИКХ, с. 197, 200–201. *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья. Соч., т. II, ч. I, М., 1963, с. 88.

[121] *Беленицкий А. М., Бентович И. В., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 318–321.

[122] Та'рих-и Рашиди, л. 62б; МИКХ, с. 203.

[123] Бахр ал-асрар, лл. 132б–133б; МИКХ, с. 358–364.

[124] Там же, л. 133а; МИКХ, с. 359.

[125] Разрыв отношений между (сводными) братьями (Амасанджи-тайши, сыном Исан-тайши, и Ибрахим-онгом и Илйас-онгом, также сыновьями Исан-тайши от сестры могульского Вайс-хана) произошел до смерти Дуст-Мухаммад-хана. Дуст-Мухаммад-хан умер в 873 г.х. (1468–1469 гг.) Бегство Ибрахим-онга и Илйас-онга и уход их в Китай произошло вероятно до 910 г.х. (1509–1510 гг.)... Отделившись от Ибрагим-онга и Илйас-онга, Амасанджи-тайши пришел в Могулистан («Та'рих-и Рашиди, лл. 50б–51а). Поскольку Мухаммад Хайдар не дает уточнений, куда именно пришел «в Могулистан» калмакский предводитель, а территория Могули-

стана простиралась на востоке далеко от Жетысу (до Баркуля и верховий Иртыша, г. Хами и Турфана), то, возможно, он добрался до Жетысу не сразу, не в первый год. Год прибытия «в Могулистан» Амасанджи также неясен, во всяком случае не намного раньше 1468–69 гг., иначе от кого бы бежали братья в Китай в промежутке времени до 1509–10 гг., коль их уход связан с фактом ссоры с братом.

[126] *Ахмедов Б. А.* К изучению политической истории Киргизии XV века. «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 5, с. 31.

[127] *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногетические и историко-культурные связи,.

[128] Та'рих-и Рашиди, л. 45б, 67б; МИКХ, с. 194, 209.

[129] *Юдин В. П.* О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами. // «Известия АН КазССР, сер. общественных наук», 1965, вып. 3, с. 52–65; *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, с. 26, 27, 31–33; *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI вв., с. 14, 15, 192, 227–230, 236–245.

[130] История Киргизской ССР, т. I. Фрунзе, 1984, с. 408–441; *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи.

[131] Та'рих-и Рашиди, лл. 70а–85б; МИКХ, с. 211–217; *Бартольд В. В.* Киргизы. Исторический очерк. Соч., т. II, ч. I, М., 1963, с. 509–514. Введение в историю кыргызской государственности. Бишкек, 1994.

[132] История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В 5-ти томах. Т. 2, Алма-Ата, 1979, с. 246–247.

[133] *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков, с. 59.

[134] Та'рих-и Рашиди, л. 50б; МИКХ, с. 197.

[135] *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758 гг.). М., 1964, с. 100–102; *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII–XVIII вв., М., 1979,.с. 22–23. История Казахской ССР, т. 2, с. 179–181.

[136] Бахр ал-асрар, л. 124б.

[137] Та'рих-и Рашиди, л. 174а; МИКХ, с. 222.

[138] Там же, л. 51а–52а; МИКХ, с. 197–199.

[139] Или 1470–1471 гг. Повествующий об этих и вышеупомянутых событиях Мирза Мухаммад Хайдар Дуглат не сообщает их точных дат. Хронологию событий можно представить исходя из какой-либо приводимой им даты (также не всегда точной) и последующих замечаний типа: «в ту же зиму», «через год», «следующей весной». Некоторые даты для конца XV в. могут быть скорректированы по сочинению Захир ад-дина Мухаммада Бабура («Бабур-наме». Записки Бабура. Перевод М. Салье. Ташкент, 1958 г.).

[140] Тарих-и Рашиди, л. 53а.

[141] *Бартольд В. В.* Киргизы. Исторический очерк, с. 514; Тарих-и Рашиди. Л. 53а, МИКХ, с. 200–201.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

КАЗАХСКОЕ ГОСУДАРСТВО В XVI – НАЧАЛЕ XVIII ВВ.

Глава первая

КАЗАХСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.

1. КАСЫМ-ХАН. ВОЗВЫШЕНИЕ ХАНСТВА. РАСШИРЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ

Сын одного из основателей Казахского ханства Жаныбек-хана Касым родился около 1445 г.; осенью 1513 г., когда на берегу р. Чу произошло свидание между ним и Чагатаидом Саид-ханом, по словам их современника Мирзы Хайдара Дуглата, «возраст Касым-хана превышал шестьдесят лет и был близок к семидесяти». Его мать Джаган-бегим приходилась родной сестрой матери Махмуд-султана, брата Шайбани-хана. Как истинный сын степей, свято чтущий освященную временем традицию подчинения старшему, Касым-султан, по примеру отца, был сначала во всем послушным и покорным Бурундук-хану, пишет Мирза Хайдар. Впервые имя Касым-султана упоминается в источниках в связи с описанием войн Шайбани-хана с казахскими владетелями еще в 80-х годах XV в., где о нем говорится как об одном «из известных султанов и славных бахадуров» Кыпчака, предводителе конницы войска Бурундук-хана. Давно замечено: когда людская молва наделяет человека властью, власть сама зачастую приходит вслед. К началу XVI в. личная власть Касым-султана усилилась. Мирза Хайдар, связывающий время усиления Касым-султана со смертью его брата Адик (Атик)-султана, последовавшей вскоре после захвата Шайбани-ханом Ташкента в 1503 г., ничего не говорит о причинах, укрепивших положение сына Жаныбек-хана. Эти данные мы находим в «Бахр аль-асрар» Махмуда ибн Вали, который, описывая поход Шайбани-хана на Андижан в начале весны 1504 г., сообщает: «В это время Касым-хан с помощью и при поддержке мангытов завоевал господство над всей Кыпчакской степью и имел возможность совершать набеги и нападения на границы Ташкента и Туркестана»[1].

Хотя фактически власть в ханстве и инициатива находились в его руках, Касым-султан как дальновидный политик был осторожен, умел терпеливо выжидать там, где, казалось бы, положение позволяет ускорить решение вопроса. В 1510 г., когда Шайбаниды совершили набег на улус Касыма, он, по словам Мирзы Хайдара, «еще и не принимал титул хана, хотя власть его уже была настолько велика, что никто и не думал о Бурундук-хане. Но он (Касым) не хотел находиться поблизости от Бурундук-хана, потому что, если быть вблизи и не соблюдать должного уважения, означало бы возражать хану, а повиноваться же ему душа не лежала, поэтому он и старался держаться подальше от Бурундук-хана».

Соперничество двух влиятельнейших людей ханства закончилось в конце концов победой всесильного и энергичного султана и изгнанием потерявшего свой авторитет хана. Не ранее осени 1511 г. Бурундук-хан с кучкой прибли-

женных удалился в Мавераннахр. Верховная власть в ханстве перешла к потомкам Жаныбека, первым из которых воцарился наиболее даровитый из его сыновей – Касым-султан.

У Бурундук-хана было четыре сына – Шайхим, Санджар-Джахан, Джахан-Бахти, Кимсин – и несколько дочерей. Одна из его дочерей, по имени Дадим-ханым, была замужем за будущим казахским ханом Шигай-султаном, внуком Жаныбек-хана. Три другие в 90-х годах XV в. были выданы замуж за Шайбанидов: одна – за Мухаммада Шайбани-хана, другая – за Султан Махмуда, брата Шайбани-хана, третья – за Тимур-султана, сына Шайбани-хана. Последняя, по имени Михр Султан-ханым, жила в Самарканде и, как видно из сохранившегося вакфного документа, являлась крупной собственницей. Вот к ней-то и подался Бурундук-хан, покинутый своими подданными. О дальнейшей его судьбе нам ничего неизвестно; вероятно, он умер на чужбине.

Однако вернемся к событиям политической жизни Туркестана и Мавераннахра.

Жестокое поражение, понесенное Шайбанидами, и, главное, опасения ответного вторжения казахских владетелей вынудили Шайбани-хана держать для охраны пограничных с кочевьями казахов владений боевые отряды, не покидавшие вверенные им районы даже в минуты смертельной опасности для государства. Так, Шайбани-хан, находясь в Хорасане, получил известие о выступлении основателя новоперсидского государства шаха Исмаила и тотчас же отправил гонцов в Туркестан, Ташкент, Андижан и другие области, требуя, чтобы правители областей и султаны со своими отрядами незамедлительно прибыли в Мерв для подкрепления. «Согласно приказу каждый выступил из своего икта, – пишет автор «Бахр аль-асрар», – кроме Кучум-хана, который по причине опасности нападения Касым-хана казаха задержался в Туркестане».

Подробности гибели Мухаммада Шайбани-хана под Мервом (ноябрь 1510 г.), заманенного военной хитростью в ловушку шахом Ирана Исмаилом, и последовавший затем полный разгром войска узбекского хана кызыл-башами, переход власти в Бухаре, Самарканде и ряде туркестанских городов на некоторое время в руки Тимурида Бабура, удаление потомков Абу-л-Хайр-хана в Ясы хорошо известны.

Касым-хан не преминул воспользоваться этими обстоятельствами для укрепления своей власти в Южном Казахстане. Вскоре под власть казахского хана перешел самый южный из городов Присырдарьи Сайрам, и он предпринял попытку овладеть Ташкентом. Это произошло при следующих обстоятельствах. В 1512 г. племянник Шайбани-хана Убайдулла-султан в битве при Куль-Мелике одержал верх над Бабуром; Бабур вернулся в Кабул, оттуда двинулся с войском в Индию, где им было основано государство «Великих Моголов» . Наместник бежавшего Бабура в Сайраме, Катта-бек, оказал сопротивление шайбанидскому войску, однако, бессильный удержать город, решил передать его казахскому хану. Ранней весной 1513 г., когда Касым-хан находился на Каратале (в Жетысу), к нему прибыла группа знатнейших горожан Сайрама и призвала его от имени Катта-бека вступить в город. Предложение было принято. Касым-хан, снявшись со своей стоянки «у границ Моголистана», спешно выступил в Туркестан через Таласскую долину, а вперед послал одного из своих приближенных, которому Катта-бек и сдал Сайрам. Катта-бек убедил Касым-хана выступить против правителя Ташкента Шай-

банида Суюнджи-Ходжи. «Касим-хан, — пишет далее Мирза Хайдар в своем «Тарих-и Рашиди», — с бесчисленным войском направился к Ташкенту. Суйунчик-хан укрепился в крепости Ташкента. Касым-хан, подступив к крепости Ташкента, простоял перед ней одну ночь. Потом он ушел, разграбив окрестности Ташкента и захватив с собой все, что только мог найти. Затем, подойдя к окрестностям Сайрама, он занялся подсчетом имущества и скота»[2].

Иную версию столкновения Касым-хана и Суюнджи-Ходжа-хана приводит прошибанидский автор «Зубдат аль-асар». Касым-хан, пишет он, был властителем Дешт-и Кыпчака. Он с войском казахов и мангытов совершил поход на Туркестан и Ташкент, захватил в плен несколько беззащитных людей. Когда Касым-хан подступил к Ташкенту, то Суюнджи-Ходжа-хан встретил его с войском. Произошла жестокая битва, Касым-хана свалили с коня, но в разгаре боя противники не узнали хана, и это обстоятельство спасло ему жизнь. Нукеры быстро подвели ему коня, и Касым-хан повернул поводья в сторону Дешт-и Кыпчака.

По рассказу Мухаммада Хайдара Дуглата, хан моголов Султан Саид, узнав о выступлении Касым-хана на Ташкент, поспешил к городу, чтобы действовать с ним вместе. Но, получив у горного прохода Кендерлик, что «между вилайетом Фергана и Ташкент», весть о том, что Касым отступил, Саид-хан не решился идти один на Ташкент и повернул обратно. На исходе лета того же 1513 г. он отправился к Касым-хану на р. Чу, чтобы убедить хана казахов в необходимости нового похода на Шайбанидов. Но Касым вежливо отказал.

В ходе событий, последовавших после мервской катастрофы, на месте обширного государства Шайбани-хана образовались два государства: одно в Мавераннахре, с главным городом Самаркандом, а затем Бухарой, и независимое от потомков Абу-л-Хайр-хана ханство потомков Арабшаха (тоже Шайбанида) с центром вначале в Ургенче, а затем в Хиве. Верховным правителем Мавераннахра после гибели Шайбани-хана и кратковременного ханствования Суюнджи-Ходжа-султана был провозглашен престарелый Кучум-султан, сын Абу-л-Хайр-хана, не отличавшийся никаким талантом и бывший «ханом только по имени».

Весной 1514 г. Чагатаид Султан Саид-хан покинул Жетысу и с отрядом численностью примерно 5000 человек вторгся в Кашгарию. Там в борьбе с дуглатскими эмирами он одержал верх и основал в Восточном Туркестане новое государство с центром в Яркенде, получившее в исторических хрониках местных авторов название Могулийе, Мамлакат-и могулийе — Могольского государства.

Изменившаяся таким образом политическая обстановка в Средней Азии отразилась, естественно, и на положении Казахского ханства. Во втором десятилетии XVI в. Касым-хан окончательно утвердил свое господство над обширными степными пространствами казахской территории. В это время границы ханства на юге выходили на правобережье Сырдарьи и включали часть городов Туркестана, на юго-востоке они охватывали предгорья и долины значительной части Семиречья, на севере и северо-востоке проходили в районе гор Улу-Тау и оз. Балхаш, доходя до отрогов Каркаралинских гор, на северо-западе достигали бассейна р. Яик.

Казахское ханство постепенно вовлекалось в международные отношения того времени. Одним из первых государств, вступивших в дипломатические связи с Казахским ханством, было Московское государство при правлении

Великого князя Василия III (1505–1533). История Казахского ханства периода правления Касым-хана примечательна еще и тем, что именно в те годы казахи как самостоятельная этническая общность стали известны в Западной Европе: о казахах оставил свои записи австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, посетивший несколько раз Москву (в 1517 и 1526 гг.).

Что касается взаимоотношений казахских правителей и Шайбанидов в последние годы правления Касым-хана, то они продолжали оставаться напряженными и далеко не мирными. Судя по источникам, основная борьба происходила вокруг Ташкента; правителю этого вилайета Суюнджи-Ходжахану несколько раз приходилось сражаться с казахами. Впрочем, не только ему. По сообщению Васифи, против казахов был предпринят совместный поход шайбанидских султанов во главе с Кучум-ханом, который состоялся, очевидно, зимой 1516-1517 гг.

Этот объединенный поход Шайбанидов в Кипчакские степи, по-видимому, последнее по времени сообщение, относящееся к периоду правления Касым-хана.

По данным поздних авторов – аль-Гаффари, Хасан-бека Румлу, Мунаджжим-баши и других, Касым-хан умер в 930 году хаджры (1523-1524 гг.). Согласно сообщению Мухаммада Хайдара, современника Касым-хана, этот правитель умер в 924 г. х. (1518 г.). По сведениям автора начала XVII в. Кадырали-бека, Касым-хан скончался в г. Сарайчуке; «там и поныне находится его гробница». Последнее утверждение требует, однако, комментария. Город в долине Яика (р. Урал) Сарайчук действительно имел значение для Джучидов как второй центр и являлся местом погребения ханов из рода Джучи: там, по словам Абу-л-Гази, взошли на престол ханы Золотой Орды Жаныбек, Бердибек; там похоронены золотоордынские ханы Менгу-Тимур, Токтагу, Жаныбек (не путать с Жаныбек-ханом – одним из основателей Казахского ханства в XV в. – Т. С.). Однако около 1580 г. город этот был захвачен и разрушен до основания русскими казаками, причем были извлечены даже мертвецы из могил. Так что когда Кадырали-бек писал свою книгу (начало XVII в.), уже не было ни самого города, ни гробниц Джучидов. Кадырали-бек, живя в то время со своим патроном в России, не знал или не захотел поведать об этом акте вандализма.

Известны имена двух сыновей Касым-хана – Мамаш и Хакназар; оба были ханами. Одна дочь, согласно фольклорным материалам, была замужем за знатным ногайским мурзой Шайх-Мамаем. Другая его дочь (имя ее тоже не приводится) была замужем за Шайбанидом Убайдулла-султаном.

Касым-хан, по отзывам современников – Бинаи, Ибн Рузбихана, Бабура, Хондамира, Мирзы Хайдара, – любил хороших лошадей, был их большим знатоком, отличался военным талантом, личной отвагой и способностью вести за собой других; на основе их высказываний создается образ человека с высокими моральными качествами, достойными подражания. Пожалуй, никогда больше ханская власть не была так прочна, как при нем, и ни один из казахских ханов не объединял под своею властью такое число людей, как Касым-хан, среди подданных которого современники называли более миллиона человек. Народное предание казахов связывает с именем Касыма создание узаконений, известных как «Касым ханнын каска жолы» («Чистая дорога хана Касыма»), которые, очевидно, никогда не были записаны и до нас не дошли.

Несмотря на значительное упрочение при хане Касыме, Казахское ханство не стало, однако, централизованным государством. Это обнаружилось сразу же после его смерти, когда остро проявился сепаратизм султанов и других феодалов и начались усобицы. Отрицательные последствия усобиц на положении ханства особенно резко сказались в условиях неблагоприятной внешнеполитической обстановки. Против казахских владетелей сложился союз могольских и узбекских ханов.

2. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПРАВИТЕЛЕЙ КАЗАХСКОГО ГОСУДАРСТВА С УЗБЕКСКИМИ ХАНАМИ МАВЕРАННАХРА В НАЧАЛЕ XVI В.

Укрепление Казахского ханства, объединение в его составе этнической территории связаны в начале XVI в. со временем правления ханов Бурундука и Касыма. При них происходит расширение государственной территории до почти полного совпадения ее с этническими границами расселения казахов. В последующее время происходит определенный упадок государственной власти и сокращение подвластной казахским ханам территории. Значительные массивы казахских этнических территорий попадают под власть правителей соседних государств – ногайских мурз на западе, продвинувших своих подданных до Сарысу и Сырдарьи, джунгарских тайшей на востоке и юго-востоке Казахстана, постоянно нападавших на казахские пастбищные земли. Сложными были отношения с владетелями Сибирского ханства и особенно с Русским государством, в середине XVI в. продвинувшем свои владения к территории Казахской степи. Вторая половина XVI в. вновь характеризуется расширением территории Казахского государства, как и ранее, в пределах казахской этнической территории, однако, объединяя ее не полностью. В XVI, как и в XVII в. проблемы укрепления государственности и расширения подвластной территории были связаны, главным образом, с борьбой за города Южного Казахстана и земли Жетысу. Последние особенно интенсивно подвергались давлению могульских ханов из Восточного Туркестана – в XVI в. и Джунгарского государства – в XVII в. Направленность этого усилия казахских ханов на отстаивание и собирание земель казахских родов и племен, объяснялась прежде всего экономическими причинами. Для кочевого населения казахстанских степей большое значение имели хозяйственные связи с оседло-земледельческими районами Средней Азии, связи, которые осуществлялись через присырдарьинские города. В Жетысу отстаивались казахскими правителями земли их кочевых подданных.

Двухвековая борьба казахов за туркестанские (присырдарьинские) города сначала с Тимуридами, затем с Мухаммад-Шайбани-ханом и его преемниками, отличалась большим упорством и настойчивостью как со стороны казахских ханов, так и правителей Мавераннахра. Присырдарьинские города переходили из рук в руки. Казахским ханам эти города были нужны для укрепления их власти в Восточном Дешт-и Кыпчаке в качестве опорных пунктов в их борьбе с внутренними усобицами, за стенами этих городов они находили себе укрытие во время поражения от своих противников. Они нужны были им как центры для укрепления экономической мощи подвластного им ханства: через эти города из Средней Азии и Восточного Туркестана шли в степь нужные кочевникам продукты ремесла и земледелия, сюда они сбывали скот и продукты скотоводства. Большую роль играли налоговые поступ-

ления, взимавшиеся владельцами городов с земледельцев, ремесленников, пошлины с торговцев, караваны которых шли через эти торговые центры транзитом в Среднюю Азию. Исторически сложившиеся условия и географические особенности мест обитания казахов были таковы, что сырдарьинская долина, особенно низовья Сырдарьи, предгорья Каратау были местами размещения их зимних кочевий, использовать которые можно было, лишь обладая ключевыми пунктами этой территории – городами. Все это объясняет настойчивость казахских владетелей в борьбе за сырдарьинские города.

Для правителей Мавераннахра эта территория с ее крепостями всегда служила защитным рубежом против набегов кочевников Восточного Дешт-и Кыпчака. Владея этими пограничными пунктами, размещая в них гарнизоны, они старались не допускать кочевников к оседлым областям Мавераннахра.

Эти направленные друг против друга агрессивные устремления двух соседних государств вели к упорной борьбе, в которой неудачи одной стороны сменялись ее победами и наоборот. Казахским правителям на протяжении двух веков сопутствовал успех, им удавалось на время забирать в свои руки земли и города Южного Казахстана.

Владение городами усиливало казахских ханов и в степи. Особенно удачливыми в XVI в. были Касым-хан, Хакназар-хан и Тауекель-хан, при котором не только города Туркестана, но и Ташкент прочно вошли в состав Казахского ханства. Туркестан был столицей Казахского ханства.

Взаимоотношения Казахского ханства со среднеазиатским государством Шайбанидов в XVI в. оставались по-прежнему сложными. Причиной этого была длительная борьба за обладание присырдарьинскими городами. Но не одной этой борьбой определялась история этого района в рассматриваемое время. Существовали мирные связи населения средневекового Казахстана с соседним оседло-земледельческим населением Средней Азии. Добрососедские отношения поддерживались мирными экономическими связями. Их необходимость была обусловлена и особенностями экономического уклада соседних народов. Казахи, преимущественно кочевники, испытывали потребность в изделиях городского ремесленного производства и продуктах труда оседлых земледельцев, которые, в свою очередь, нуждались в излишках скота и продуктах, производившихся в кочевом скотоводческом хозяйстве. Хозяйственные, торговые связи населения соседних областей Казахстана и Средней Азии были обычным явлением, основанным на взаимной заинтересованности.

Хозяйственные связи вели к культурному обмену, заимствованию элементов материальной культуры, быта, хозяйственных навыков, обычаев, законов, уклада общественной жизни, форм государственного устройства, военного искусства и т.д. Взаимная заинтересованность кочевого и оседлого населения Казахстана и Средней Азии в средневековье в хозяйственных и культурных контактах нашла отражение в источниках, сообщавших о торговых караванах, о необходимости получения товаров. Одним из таких свидетельств первоисточников являются сведения Рузбихана Исфахани о целенаправленной политике Мухаммад-Шайбани-хана, стремившегося ради своих политических целей прервать мирные торговые контакты населения Средней Азии и Казахстана. Взаимные набеги войск узбекских и казахских ханов нарушали мирные хозяйственные связи, являлись тормозом развития хозяйства в их государствах, ослабляли устойчивость самих государств. Еще более

отрицательно сказывались эти бесконечные войны на экономическом положении самого района, где осуществлялись эти мирные контакты и происходили военные действия, — на положении сырдарьинских городов Южного Казахстана.

Частые переходы из рук в руки, отсутствие единой власти, политической устойчивости, грабежи, продовольственные реквизиции, осуществлявшиеся теми, в чьи руки временно попадал тот или иной город, — все это ослабляло эти города экономически, замедляло развитие их хозяйства, тормозило социальное и культурное развитие местного населения, снижало эффективность централизующей роли этих городов в Казахском ханстве, ослабляло государство политически. Казахские правители понимали необходимость подчинения Южного Казахстана для укрепления ханства и вели длительную борьбу со среднеазиатскими правителями, используя для этого все возможности, в том числе и вмешательство во внутренние дела, в междоусобицы у соседей. Владение Южным Казахстаном имело важное значение для укрепления государственности казахов, для развития этнических и социальных процессов. Переход присырдарьинских городов на протяжении ряда столетий в руки то одних, то других правителей, более или менее длительное господство на этой территории казахов и узбеков, могулов и мангытов приводили к этнической пестроте населения этой территории, смешению многих этнических групп, к появлению особого этнического компонента в составе казахской народности, характерного только для Южного Казахстана. Особенностью взаимоотношений и связей Казахского ханства со среднеазиатскими государствами являются социальные контакты, их влияние на динамику социальных отношений у казахов. Здесь можно отметить, в частности, более ускоренное развитие феодально-земельных отношений на юге Казахстана, заимствование многих форм социального общения (а также терминов, обозначающих формы собственности, зависимости, подчинения, налоги и т.д.). Переход к оседлости казахов, живших в районе присырдарьинских городов, происходил более интенсивно, чем в каких-либо других местах, не только под воздействием местных традиций и навыков, но и под влиянием соседних районов Средней Азии.

Обладание Туркестаном способствовало и расширению и укреплению власти казахских ханов среди кочевников региона.

Позже, когда казахские ханы в конце XVI в. утвердились в сырдарьинских городах, их сырдарьинские владения — города Туркестан, Сайрам, Отрар, Сыгнак и др., а также Ташкент, — явились для них опорными пунктами для активного вмешательства в дела среднеазиатских правителей.

В начале же века наиболее активным в противодействии казахам в регионе Туркестана был новый правитель Мавераннахра Мухаммад Шайбани-хан. Он старался военными и экономическими мерами всячески противодействовать продвижению казахов в туркестанские города, чтобы тем самым отстоять свои владения на этой территории, а главное — не допустить их в Мавераннахр. Принятые Шайбани-ханом меры по ограждению доступа казахам в Туркестан и Мавераннахр были нацелены как на экономическое, так и на политическое ослабление его противников. Ибн Рузбихан Исфахани подробно объясняет в своем сочинении экономические причины, заставившие Мухаммад Шайбани-хана предпринять эти меры: «Коли казахи воочию увидят украшения, благоденствие, предметы вооружения и преимущества узбеков, как

бы это наблюдение благоденствия не привело их к решению вступить на путь войны и распри с узбеками, не породило желания завоевать эти страны, как бы они не вынули мечей из ножен вражды и побоищ, чтобы овладеть этими украшениями и сладостями, и тогда изгнать их было бы очень трудно... Следовательно, лучше, чтобы общение и всякого рода сношения между обеими сторонами были прерваны и совершенно исчезли следы их, казахов, странствия по этим землям. Очень мудро, что его величество великий хан изволил высказать мнение относительно запрещения казахам посещать страны Туркестана и Мавераннахра»[3].

Стремясь оградить свои владения в Мавераннахре от набегов казахов, Мухаммад Шайбани-хан в начале XVI в. пытался отстоять присырдарьинские города, по крайней мере, в южной части Туркестана.

Политика превращения туркестанской территории в барьер, отделяющий Мавераннахр от кочевых районов Восточного Дешт-и Кыпчака, которую осуществлял Мухаммад Шайбани-хан в начале XVI в., была не новой. Подобного же рода политика проводилась и раньше, при Тимуре и Тимуридах в их отношениях с ханами Ак-Орды и Золотой Орды, а затем и с Абулхайром. В свою очередь, правители Восточного Дешт-и Кыпчака, как показано выше, всегда видели в присырдарьинских городах экономическую и военную опору своей власти над населением кочевых районов. В своем стремлении подчинить эти города они сталкивались с интересами среднеазиатских правителей в этом регионе.

Взаимоотношения со Средней Азией в XVI в. определялись, как и во второй половине XV в., борьбой за сырдарьинские города. Захватнические набеги, грабительские походы как казахских султанов на среднеазиатские оазисы, так и Шайбанидов на присырдарьинские города и прилегающие владения казахов в степи заполняют страницы исторических сочинений.

Верховным ханом казахов в первом десятилетии XVI в. был Бурундук. Ибн Рузбихан пишет, что он мог выставить до 400 тыс. войска, что люди его, казахи, кочуют в Дешт-и Кыпчаке. Называя степи Восточного Дешт- Кыпчака «местом летовки узбеков-казахов», Рузбихан в отношении описываемого им времени (1508–1509 гг.) говорит, что «летом, когда наступает время июльской жары и пора сильного зноя, казахский улус размещается по окраинам и сторонам его» (Восточного Дешт-и Кыпчака) и что «по причине большого количества скота и нужды в пастбищах они целиком овладевают этой обширной степью»[4]. Автор «Михман-наме» подчеркивает, что «каждый из султанов держит в руках обладания и власти одну из областей (нахийа) этой страны»[5], что казахские владетели с великим ханом во главе и с отдельными султанами в улусах, например, Жаныш-султаном, Таныш-султаном и другими, господствовали в Восточном Дешт-и Кыпчаке. Однако Туркестан с его городами Сыгнаком, Отраром, Туркестаном (Ясы), Саураном и другими остается важнейшей целью внешней политики казахских ханов в южном направлении, а обладание ими, хотя бы временное, – существенным фактором укрепления экономической мощи правителей Казахского ханства в начале XVI в.

На зиму, пишет Ибн Рузбихан, казахи перекочевывали из Дешт-и Кыпчака на юг, на берега Сырдарьи, доходя до Сыгнака[6]. Зимние кочевья в низовьях Сырдарьи – это принадлежавшие казахам земли, тянулись до района Туркестана: «Когда (казахи) прибывают к месту кочевья, они размещаются вдоль реки Сырдарьи. Длина занимаемой ими (площади) по берегу реки Сырдарьи,

вероятно, составит более 300 фарсахов. Когда они прибывают на берег Сырдарьи, они подходят близко к области Туркестан. Она также расположена на берегу Сейхуна»[7]. Другим центром зимнего кочевья Рузбихан называет местность Кара-Абдал за Сыгнаком: «Шайбани-хан, выступив из Самарканда с бесчисленным войском, направился в сторону Туркестана. Когда он достиг пределов казахских земель (билад-и казак), он прошел Сыгнак и дошел почти до Кара-Абдала, который является центром их зимнего кочевья»[8]. Прошайбанидский автор не мог с удовлетворением говорить об успешном продвижении казахов на юг, поэтому у Рузбихана заметны противоречия в определении территории, занимаемой казахами в северной части Туркестана, хотя, по сообщению этого автора, Сыгнак входил в пределы владений казахских ханов. Но эти противоречия в сведениях автора ««Михман-наме» отражали истинную картину состояния южной границы Казахского ханства, которая в первых десятилетиях XVI в., как и ранее, не была устойчивой. Если раньше, в XV в., борьба казахов с узбеками-шайбанидами за присырдарьинские города иногда в союзе с могулами, мангытами, Тимуридами, а временами, и в борьбе с ними, служила и для казахских ханов и для шайбанидских султанов целям захвата власти над кочевым населением Восточного Дешт-и Кыпчака, то теперь, когда ханы Жаныбек и Гирей, Бурундук и Касым прочно объединили в Казахском ханстве степные районы, оседло-земледельческий район Южного Казахстана с его городами мог служить главной экономической базой и для укрепления внутреннего положения ханства и для активной внешней политики по отношению к южным соседям. Мухаммад Шайбани-хан стремился не допустить усиления Казахского ханства и всячески препятствовал, как и в конце XV в., утверждению власти казахских правителей в Присырдарье.

Как различными экономическими мерами, в частности, запрещением допуска торговцев из казахов в области Туркестана (Присыдарьи), Мавераннахра и Хорезма, запрещением торговать с казахами населению ближайших к степи городов («чтобы жители Туркестана не производили никаких торговых сделок с казахами-купцами и чтобы между ними, [т.е. казахами] и жителями этих городов не было общения и посещения купцов»[9], так и военными походами против казахов, стремился Мухаммад Шайбани-хан приостановить движение казахов на Туркестан и Мавераннахр. Казахские ханы, со своей стороны, настойчиво добивались выхода на территорию Южного Казахстана, стремились наладить регулярные торговые отношения с городами.

Во время своих походов с целью завоевания тимуридских владений на юге Шайбани-хан не раз прерывал свой путь в Хорасан и Иран и спешно возвращался на север, в Мавераннахр и далее в Туркестан, для того, чтобы отразить очередной натиск казахов.

О наличии этой постоянной опасности «набега и нападения того народа [т.е. казахов] на земли (билад) Туркестана и Мавераннахра», беспокоившей Шайбани-хана во время его походов на Иран, пишет автор «Михман-наме». В 909 г.х. (1503–1504 гг.) Шайбани-хан, пройдя через Туркестан, двинулся в степь на казахов, которые отступили вглубь Дешта, бросив свои обозы и скот. С большой добычей, захваченной войсками, узбекский хан вернулся назад, на этот раз все обошлось без сражения. Через год, сообщает Рузбихан, Мухаммад Шайбани-хан предпринял новый поход на казахов, чтобы обеспечить себе тыл для осуществления своих захватнических целей на юге Средней Азии и в Хорасане. Этот поход на казахов Бурундук-хана в 910 г.х. (1504–1505

гг.) также привел к отступлению казахов вглубь степи, но, как это явствует из рассказа Рузбихана, Шайбани-хану не удавалось в сколько-нибудь значительной степени разбить казахов: как только он удалялся на юг, казахи снова шли в Туркестан и далее в Мавераннахр, сообщает Рузбихан.

Во время набегов казахские султаны не довольствовались только захватом добычи и уводом пленных, но стремились и к территориальным приобретениям. К концу первого десятилетия XVI в. Туркестан был частично захвачен Жаныш-султаном, сыном Жаныбека: «Они [казахи Ахмад-султана, сына Жаныш-султана] переправились [после набега на Самарканд и Бухару] через реку Сырдарью напротив крепости Узгенд и прибыли в Туркестан, во владения Жаныш-султана, которые являются ближайшими владениями казахов»[10].

Этот набег Ахмед-султана из пределов владений Жаныш-султана в Туркестане на Самарканд и Бухару состоялся осенью 1508 г. Узнав о спешном возвращении Шайбани-хана из Хорасана, казахи отступили за Сырдарью в Туркестан, уводя с собой более тысячи пленных. Так как к моменту возвращения Шайбани-хана казахи уже ушли за Сырдарью, а хорасанские дела требовали немедленного возвращения, узбекский хан отложил поход на казахов и выступил против них лишь через год, в 914 г.х. (28 января 1509 г.). Участник этого похода Ибн Рузбихан Исфахани наиболее подробно сообщает обстоятельства именно этого похода. Представляет интерес его мнение об истоках вражды казахов и узбеков, сведения о подготовке похода 1509 г., о порядке снабжения войск Мухаммада Шайбани продовольствием в туркестанских городах.

Первой крепостью в Туркестане на пути узбеков был находившийся во владении Шайбани-хана Аркук, где он остановился на три дня для пополнения запасов продовольствия, и где к нему присоединились узбекские султаны и эмиры со своими войсками: его сын Мухаммад Тимур-султан прибыл из Самаркандского вилайета с более чем 30-тысячным войском, пришли также и другие «именитые узбекские эмиры» и султаны. Как в самом Аркуке, так и других местах Туркестана было собрано большое количество продовольствия и фуража, необходимого для похода на казахов: «Последовал августейший приказ, чтобы войска различных областей и окраин, отправляющиеся на битву, взяли [необходимое] на один месяц снаряжение (йарак), продукты и продовольствие из Туркестанского вилайета, фураж для верховых и вьючных животных и отправились в сторону узбеков (казахов) ... чтобы было собрано большое количество снаряжения, предметов вооружения, продуктов для всех состоящих в победоносном войске... в пределах восточных земель Туркестана»[11].

Пройдя Узгенд, крепость на берегу Сырдарьи ниже Аркука, войска Шайбани-хана переправились в феврале 1509 г. по льду через Сырдарью, на правом берегу которой к нему присоединились остальные «великие султаны Туркестана, Ташкента, Андижана и эмиры городов Ходжента, Шахрухии и других стран»[12], в частности, правитель Туркестанского вилайета Кучим-султан (Кучкун[illegible]и-султан), правитель Ташкента Суюндж-Ходжа-хан.

Оставив основной лагерь в Ясы (Туркестане), Шайбани-хан прошел до Кара-Абдала, где располагались зимние кочевья Жаныш-султана, и куда он отступил из Туркестана, услышав о приближении Шайбани.

По сведениям Рузбихана, весь улус Жаныш-султана составлял 100 тыс. человек, из которых боеспособных было 30 тыс. воинов. Потерпев пораже-

ние, казахи бежали к Бурундук-хану, вглубь Восточного Дешт-и Кыпчака. Сын Жаныш-султана Ахмад попал в плен и был убит. Улус бежавшего Жаныш-султана был разграблен полностью. Приведенные Рузбиханом сведения о количестве и разнообразии захваченной добычи – в ее числе больше десяти тысяч казахских передвижных домов (юрт) с домашней утварью, имуществом, верховые лошади, коровы, верблюды, овцы, количество которых «не поддается исчислению и счету»[13], – которую пришлось перевозить потом в течение нескольких месяцев, позволяют судить как о значительном экономическом могуществе казахов, так и о больших потерях, которые несли им бесконечные войны.

Во время этого же похода подверглись разграблению узбеками Мухаммад Шайбани-хана и другие казахские улусы, в частности улус Таныш-султана. После разгрома Жаныш-султана Шайбани двинулся к месту расположения Бурундук-хана, но казахи отступили вглубь степей. Шайбани с большой добычей направился в Сыгнак. Вся многочисленная добыча была свезена в г. Ясы, а затем переправлена в Мавераннахр. Основные силы казахов, к этому времени сосредоточившиеся в руках Касым-султана, Шайбани-хан не задел в походе 1509 г. В результате трех набегов Шайбани против казахов ему удалось вытеснить казахских правителей за пределы оазисов Туркестана. Уже в следующем году Мухаммад Шайбани снова идет на казахов. Об этом его последнем походе рассказывается в «Та'рих-и Рашиди» Мухаммад-Хайдара и «Зубдат аль-асар» Абдаллаха ибн Мухаммеда ибн Али Насруллахи[14]. Поход был организован зимой 915 г.х. (21 апреля 1509 г. – 12 марта 1510 г.). На этот раз Мухаммад Шайбани-хан направился против нового казахского владетеля, султана Касыма.

Султан Касым, сын хана Жаныбека, стал к этому времени наиболее сильным среди казахских султанов, он с успехом оспаривал власть хана Бурундука. Улус Касым-султана при Бурундуке занимал Жетысу. Всего лишь год спустя Касым-султан станет видным казахским ханом (1511–1518). Мухаммад Хайдар особо подчеркивал могущество нового казахского правителя: «Он распространил свою власть над Дашт-и Кыпчаком. Подданных (лашкар) у него было более миллиона человек. После Джучи-хана в этом юрте не было хана более могущественного, чем он»[15]. Эти слова относятся к следующему десятилетию, когда Касым-хан станет беспрерывно тревожить Шайбанидов в пограничных районах Туркестана и Ташкента. Но и на этот раз, зимой 1509–1510 гг., Мухаммад Шайбани-хан вынужден был организовать этот свой новый поход на казахов именно в ответ на их продвижение в Туркестане. Как отмечает Мухаммад Хайдар, целью узбекского хана было дать отпор казахам, «чтобы со стороны соседей не было угрозы его владениям».

Этот поход Мухаммад Шайбани-хана на казахов оказался неудачным, он кончился его полным разгромом. Узбекский предводитель дошел до окрестностей Сыгнака и расположил свою ставку в Кок-Кашане, а войско во главе с Тимур-султаном и Убайдаллах-султаном послал дальше. Где-то в районе Улу-Тага узбеки напали на ставку Касым-хана. Казахский хан с основными силами отсутствовал. Однако через несколько дней узбеки, расположившиеся в лагере врага, подверглись нападению небольшого отряда, посланного Касым-ханом во главе с Муйунсиз-Хасаном[16]. Не оказав сопротивления, узбеки бросились бежать. Касым-хан преследовал их. Побросав оружие и потеряв многих убитыми, узбеки добрались до ставки Шайбани-хана, и тот в панике от-

ступил. В конце зимы 1510 г., «разбитые и разрозненные», возвратились они в Самарканд, «в очень незавидном состоянии»[17].

Гибель Мухаммад Шайбани-хана в конце 1510 г. и последовавшая за этим борьба правителей узбеков-шайбанидов с Тимуридом Бабуром отвлекли внимание постоянных соперников казахов от Туркестана. Это дало возможность Касым-хану упрочить свое положение в южных районах.

3. КАЗАХСКИЕ ВЛАДЕТЕЛИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVI В. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ

Согласно Мухаммаду Хайдару, после смерти Касым-хана на престоле утвердился его сын Мамаш. События правления этого хана неизвестны. Мамаш-хан стал жертвой войны — слепой, неразборчивой: он умер от удушья из-за тяжести боевого доспеха в одном из сражений. По сведениям Хайдара Рази, который называет его Камаш-ханом, это случилось в 928/1522 г.

После смерти Мамаш (Мумаш, Камаш)-хана в Казахском ханстве вновь началось «большое несогласие: султаны Дешт-и Кыпчака, известные как казахи, много воевали друг с другом». В конце концов ханом был провозглашен Тахир-султан, сын Адик (Атик, Айтик)-султана, сына Жаныбек-хана. Это событие имело место не позднее 930/1523—24 гг., когда Тахир уже именуется ханом.

Тахир-хан не пользовался тем влиянием, как его дядя Касым. Он отличался крайней жестокостью и не обладал ни дипломатическими, ни военными талантами, о чем свидетельствует его неоднократные военные поражения и дипломатические неудачи. Принятый ханом внешне- и внутриполитический курс губительно отозвался на ханстве и судьбе самого Тахира. Вслед за возвышением Казахского ханства в начале XVI в. наступили годы бедствий и смуты.

И без того трудное внутреннее положение в ханстве усугублялось внешнеполитической обстановкой. Во внешней политике сравнительно непродолжительного ханствования Тахира основной линией была борьба, причем борьба неудачная, с правителями мангытов и узбеков Средней Азии, и именно интересами этой борьбы диктовались и определялись отношения Тахира-хана к могулам и кыргызам, в лице которых можно было найти союзников.

После Касим-хана, который поддерживал мирные отношения с мангытами, которые даже составляли часть его войска, взаимоотношения казахских владетелей с племенами и родами Ногайского улуса резко ухудшились. И хан Тахир, не имея возможности отстоять в начавшейся войне соседние с мангытами территории, перекочевал с 200-ми тысячами своих подданных, пошедших за ним, в Могулистан. В середине зимы 930/1523—24 гг. Тахир прибыл в Кочкар. Хан могулов Султан Саид, ставка которого в то время находилась там, оказал ему прием, который превзошел все ожидания; сестра Тахира была выдана замуж за Абд ар-Рашид султана, сына Саид-хана, и таким образом между казахами и могулами как бы был заключен формальный союз. Однако в том же 1524 году между ними произошел разрыв, так как Тахиру удалось склонить на свою сторону часть кыргызов, которые тогда были подданными могульского хана. Казахский хан ушел «на противоположный конец Могулистана».

Но это было лишь началом тех больших политических невзгод, которые выпали на долю Казахского ханства при первых преемниках Касым-хана. Как

показывают источники, неудачными были не только войны Тахира с мангытами, но и Шайбанидами, причем и в этом случае последствием поражения явилась потеря части основных владений казахов. Так, Махмуд б. Вали, излагая события, имевшие место вскоре после смерти правителя Ташкента Шайбанида Суюнджи-Ходжа-хана (ум. в июле 1525 г.) пишет следующее. «В это время Тахир-хан, сын Адик-хана, который после Касым-хана стал править над всей Кыпчакской степью и некоторыми областями Могулистана, по причине грубости своего характера отвратил от себя сердца племен и воинов, был покинут начальниками войска и знатными людьми страны и обратился за помощью» к Келди-Мухаммад-султану. Сын и преемник Суюнджи-Ходжа-хана согласился оказать ему помощь, и они несколько раз обменялись послами, которые были приняты с обеих сторон со всеми почестями. «Когда известия о том, что (казахский) хан обратился за помощью к его величеству султану, и о том, что тот обещал ему дружбу и заключил с ним союз, достигли ушей его недругов, их обуял великий страх», и они, выразив Тахир-хану покорность, снова собрались под его знаменем. Когда Келди-Мухаммад узнал об этом упрочившемся положении и «новой удаче» хана, он послал с поздравлениями посольство в Дешт-и Кыпчак. Но движимый неблагодарностью и непостоянством, пишет Махмуд ибн Вали, как бы осуждая поступок казахского хана,Тахир арестовал послов Шайбанида и, распахнув врата бедствия и несчастья, распустив знамя мятежа и бунта, выступил походом на владения султана. «Когда эта печальная весть распространилась в царственном лагере», то, несмотря на суровую зиму и сильные морозы, Келди-Мухаммад выступил против Тахир-хана. Через несколько дней караулы правого крыла войска султана захватили несколько воинов казахского хана, которые после пыток и истязаний сообщили: «Сегодня прошло четыре дня с тех пор, как мы покинули Тахир-хана и направляемся в свои обиталища (уйртгах), а Тахир-хан отправился в Туркестан через Карналык». Узнав направление движения хана, Келди-Мухаммад быстрым маршем прошел через Тульки-Баши и р. Айша и возле (современного города) Туркестана настиг казахского хана. Увидав издали войско Тахира, султан построил свое войско. Командование правым крылом он поручил одному из своих приближенных, а левым крылом — сыну Кучум-хана Абдаллах (Абдулла)-султану, а сам занял место в центре. Тахир-хан тоже стал готовить к бою свое войско, «большая часть которого состояла из кыргызов». После кровопролитного сражения Тахир-хан был разбит и с «некоторыми из знатных и простых людей выбрался из водоворота несчастья и пучины смерти на берег спасения и, раненный, поспешил прочь»; некоторые районы его владений перешли в руки победителей. Поручив управление ими Абдаллах-султану, Келди-Мухаммад возвратился в Ташкент.

Дата похода у автора «Бахр аль-асрар» не указывается; судя по всему, сражение между Тахир-ханом и Келди-Мухаммадом имело место в начале зимы 1525—1526 гг.

Правда, и после этого поражения Тахиру удалось склонить на свою сторону часть кыргызов и казахов и даже подчинить своему влиянию Жетысу. Вот что об этом рассказывает современник и участник тех исторических событий Мухаммад Хайдар Дуглат.

Зимой 1525—26 гг. Тахир (очевидно, после своего поражения) прибыл в Моголистан и расположился лагерем недалеко от Кочкара; половина близлежащих кыргызов присоединилась к нему. Сын Саид-хана Рашид-султан,

опасаясь Тахира, в середине зимы ушел с Кочкара на Ат-Баши. «Когда эта весть достигла высокого слуха» Султан Саид-хана, в конце зимы 1526 г. он сам отправился из Кашгара на Ат-Баши. Весной казахи во главе с Тахиром ушли в восточную часть Могулистана и расположились около Хасса и Кункаша. Тогда Саид-хан обратился к Мирза Хайдару, будущему автору «Тарих-и Рашиди», и сказал ему: «Иди и приведи в Моголистан мою высокопочтенную тетку Султан-Нигар-ханым (мачеху Тахир-хана – Т.С.), чтобы она была посредницей между мной и Тахир-ханом и уладила дело дружелюбно». «Я поехал в Яркенд, – пишет Мирза Хайдар, – и вывез ханым с собой в Моголистан». Саид-хан находился в Аксае. О результатах этих переговоров известий нет. Саид-хан решил наказать кыргызов и отправился против них. Скоро достигли Ак-Куяша; хан отправил войско во главе с Рашид-султаном и Мирза Хайдаром на Арышляр, где находились кыргызы. Прибыв к месту, моголы увидели «мертвых людей и множество трупов коней» и выяснили, что несколько дней тому назад здесь произошло большое сражение и, что кыргызы разбили отряд Бабачак-султана из Кусана. На дальнейшем пути могулы обнаружили около 100 тыс. баранов, принадлежащих кыргызам и угнали их, вследствие чего поход у народа получил название «поход за баранами» (кой-черики).

Вскоре после этих событий могулы разом покинули Юго-Восточный Казахстан и ушли в Кашгарию; Жетысу и Прииссыкулье остались в руках казахов и кыргызов.

Переход Жетысу в руки казахов явился началом столкновений казахских владетелей с могульскими ханами и калмаками, которые спустя несколько лет выросли в упорную кровопролитную борьбу за обладание этим краем. Прежде чем перейти к этим взаимоотношениям, следует вкратце изложить политическую обстановку в ханстве в 30–40-х годов XVI в.

Личная судьба хана Тахира складывалась драматично, подчас трагически: в 1526 г. брат Тахира, Абу-л-Касым-султан, был умерщвлен, а сам хан покинут большинством своего народа. Вместе с сыном (имя его не указывается) и некоторым числом казахов он опять удалился к кыргызам; в ряде случаев кыргызы оставались более верными его подданными, чем казахи. По Мирза Хайдару, Тахир-хан и умер среди кыргызов в бедственном положении. Это случилось не раньше 938/1531–32 гг., что явствует из сообщения, содержащегося в «Тарих-и Хайдари».

По словам автора «Тарих-и Рашиди», после смерти Тахир-хана во главе казахско-кыргызского объединения стал его брат Буйдаш (Буйлаш)-султан. Он издавна был связан с кыргызами и действовал на территории Жетысу; в его подчинении было «тысяч до тридцати человек». Из этого сообщения видно, что Буйдаш был не единственным тогда ханом казахов и, что его власть распространялась лишь на часть ханства. Следует заметить, что история Казахстана 30–60-х годов XVI в. слабо отражена в источниках. Недостаток сведений об этом периоде ощущался уже на рубеже XVI–XVII вв. и, например, Кадырали-бек, автор-летописец начала XVII в., писал, что кроме Буйдаша «были в стране той и другие, мелкие ханы, которых даже имена с точностью неизвестны».

Из казахских султанов тех лет, носивших приблизительно в одно и то же время титул хана,здесь следует назвать Ахмад-хана и Тугум-хана. Тугум-хан был сыном Джадик (Йадик, Джаук)-султана, а не Адик (Атик, айтик)-султа-

на, как это принято писать в исторической литературе. Джадик и Атик – имена соответственно четвертого и девятого сыновей Жаныбек-хана, одного из основателей Казахского ханства.

Тугум-хан, видимо, погиб в 944/1537–38 гг. в местности Чагат; вместе с ним пали 37 казахских султанов – все потомство Тугум-хана (а их звали «Тогуз сары») и его племянник Башибек-султан. Поражение казахов было настолько серьезным, что оно породило разного рода толки. Мирза Хайдар, писавший свой труд «Тарих-и Рашиди» в начале 40-х годов XVI в., например, утверждал, что в 930/1523–24 гг. казахов было миллион человек, а после 944/1537–38 гг. «от этого сообщества племен на земле не осталось и следа». В сочинении Махмуда ибн Вали «Бахр аль-асрар», где соответствующие сведения о казахах излагаются по «Тарих-и Рашиди», эта фраза опущена. Оно и понятно: Махмуд ибн Вали писал в 40-х годах XVIII в., он знал и видел, что казахи не исчезли. Мирза Хайдар Дуглат заблуждался. У каждого заблуждения своя причина. Причина заблуждения автора «Тарих-и Рашиди» легко устанавливается. Судьба Мирзы Хайдара сложилась таким образом, что в 1533 г. он вынужденно покинул родину и переселился в Кашмир, где и написал свою знаменитую историю. Так что автор «Тарих-и Рашиди» наблюдал события в Средней Азии и Казахстане после 1533 г. издали, часто пользуясь информацией из вторых и третьих рук, а подчас и просто передавал непроверенные слухи. К такому роду слухов относится и его сообщение о якобы полном исчезновении казахов после 944/1537–38 гг. Такова история одного ложного мнения Мухаммада Хайдара – в целом добросовестнейшего историка.

4. КАЗАХИ, МОНГОЛЫ И КАЛМАКИ В 30–50-Х ГОДАХ XVI В.

Что касается казахско-монгольских отношений до 30-х годов XVI в., то, по словам Мухаммада Хайдара Дуглата, начиная с Есен-Бука-хана (1429–1462) до времени Рашид-хана (1533–1560) между моголами и казахами существовали дружественные отношения. Те небольшие стычки, которые имели место при Махмуд-хане (ум. в 1508 г.) и Ахмад-хане (ум. в 1504 г.), были, по-видимому, несущественными для их взаимоотношений; между ними существовали родственные связи, а это, по словам Мирзы (Мухаммада) Хайдара Дуглата, «было делом серьезным». Однако со вступлением на яркендский престол (июль 1533 г.) Абд ар-Рашид-хана, старшего сына Саид-хана, во взаимоотношениях моголов и казахов наступила резкая перемена.

Молодой могольский хан (родился в 915/1509–1510 гг.) едва ли не с первых лет своего правления выработал своеобразную политику, основанную не на родственных чувствах и воспоминаниях былого, а на расчетливом соображении конкретных обстоятельств своего времени. Основное острие этой политики было направлено на удаление казахов с территории Жетысу, которую Рашид-хан рассматривал как свой наследственный йурт и распространение на эту территорию своего преобладающего влияния. Руководствуясь такой политикой, могольский хан, по словам Мирзы Хайдара, «заложил основы дружбы и мира с узбек-шайбанами, что были исконными недругами (моголов), как об этом говорилось, и стал истреблять узбек-казахов, что были искони друзьями».

Такое резкое изменение политической ориентации правителем Яркендского ханства было связано, по-видимому, с одной стороны, с ослаблением

Казахского ханства в результате целого ряда неурядиц, с другой стороны, – с усилением Шайбанидов, которые в 30-е годы XVI в. представляли из себя сильный политический фактор в Средней Азии. Как умный правитель и искусный дипломат Рашид-хан не мог не видеть, что это подходящее время для того, чтобы удалить казахов с территории, принадлежавшей могульским ханам, а лучшим партнером в данном предприятии, направленном против традиционных прежде союзников, могли быть только Шайбаниды. К тому же это было выгодно и Шайбанидам, которые разрушали давние союзнические отношения между могульскими и казахскими правителями и совместными усилиями еще больше ослабляли казахских владетелей, представлявших до этого грозную и опасную для них политическую силу.

Так, руководствуясь своей политикой, основанной на искусном использовании конкретной обстановки, Рашид-хан, пренебрегая установившимися традициями, объявил казахам беспощадную войну и, в союзе с узбекскими правителями, провел с ними несколько крупных сражений. Подробный их анализ, а также анализ взаимоотношений казахов с могулами при правлении Абд ар-Рашид-хана и его преемников приводится в весьма содержательной и основанной на данных первоисточниках статье крупнейшего ираниста О. Ф. Акимушкина. Ряд важных соображений о казахско-могольских взаимоотношениях в 30–50-х годах XVI в. высказал во вступительных статьях-справках и примечаниях к «Материалам по истории Казахских ханств XV–XVIII веков» один из руководителей группы составителей этого сборника В. П. Юдин[18].

В свете имеющихся источников и исследований взаимоотношения казахов с могулами в 30–50-х гг. XVI столетия представляются в следующем виде.

Абд ар-Рашид-хан был гибким и сообразительным правителем. С переменой конкретных обстоятельств он изменил прежнее отношение к казахским владетелям и, заключив между 1533–1537 гг. союз с узбекским ханом Убайдуллой, выступил, по-видимому, в 944/1537–38 гг. походом на казахов, что зафиксировано в объемистом труде Зайн ад-дина Васифи.

В первый день священного месяца мухаррама (год не указывается), пишет современник этих событий Васифи, Убайдулла-хан, готовясь к походу на казахов, сосредоточил у подножия горы Казкурд (в верховьях р. Бадам в районе Сайрама) свои войска. В это время от могульского хана прибыл гонец с посланием, в котором Абд ар-Рашид предлагал узбекскому хану на основании договора о совместных действиях, заключенного ранее у подножия горного прохода Ак-Богуз, выступить против казахов объединенными силами. Предложение было принято, и Убайдулла-хан, снявшись с берега реки Сайрам, двинулся «в сторону Казахстана». 16 сафара, когда воины Убайдуллы находились на берегу реки Узункулак, пришло известие о походе Рашид-хана, а 17 сафара в местности Сан-Таш, в районе Иссык-Куля, оба войска соединились. Вечером того же дня узбеки и могулы настигли неприятеля у широкого и глубокого рва, который казахи превратили в свое убежище и пристанище. В разыгравшемся на утро следующего дня жестоком сражении казахи потерпели поражение «и все виды их имущества и утвари из коней, и скота, и челядя, и сидящего, и стоящего, и бессловесного, и свободно пасущегося перешли во владение победного войска».

Так, с заключением договора и соглашения между Абд ар-Рашид-ханом и Убайдулла-ханом о совместных действиях, политическому объединению казахов и кыргызов, сложившемуся в 20-х годах XVI в., был противопоставлен

союз могулов и узбеков Мавераннахра, и хан могулов получил таким образом возможность выступать против «исконных друзей» не только своим мечом, но и мечом своих «исконных недругов» и бывших сородичей казахов. Этого внешнеполитического курса Абд ар-Рашид придерживался, по-видимому, все время своего правления. По крайней мере, имеются сведения о нескольких походах могульского хана совместно с Шайбанидами против казахов.

Так, автор начала XVII в. Хайдар ибн Вали, описывая совместный поход могулов и узбеков в район Иссык-Куля, направленный против казахских владетелей, сообщает следующее. «Сначала, – пишет он, – (Барак-хан) по причине соседства и территориальной близости вступил в мирные переговоры с Абд ар-Рашид-ханом, правителем Кашгара, чтобы (в случае заключения союза) со спокойной душой заняться затем завоеванием других вилайетов, и благодаря стараниям Мир-Мухаммад Барласа между ними был заключен мир». Свидевшись на перевале Ак-Богуз, они уселись на одном ковре и заключили между собой договор и соглашение, скрепленные клятвой. При этом Барак-хан (в тексте Будан-хан) взял в жены сестру Абд ар-Рашид-хана и возвратился назад. Барак-хан властвовал в Туркестане и Мавераннахре. В 951 году (1544–45 гг.) Барак-хан вместе с Абд ар-Рашид-ханом, правителем Кашгара, вступили в войну с казахами. Встретившись на Иссык-Куле, они сошлись на том, что Абд ар-Рашид-хан во исполнение договоренности стремительно ринулся вперед, настиг казахов и после победоносного сражения бросился их преследовать. Будан-хан (т.е. Барак-хан) подошел следом. Все имущество и скот казахов, брошенные во время битвы, попали в руки их воинов. После победы Абд ар-Рашид-хан повернул обратно, «и каждый из них отправился восвояси»[19]. По мнению О. Ф. Акимушкина, хотя все сообщения Хайдара б. Али выглядят исключительно правдоподобно, тем не менее они не представляются, особенно в свете «Реляции» Васифи, достоверными. Скорее всего речь идет здесь о сражении 944/1537–38 гг., во время которого пали, видимо, хан Тугум и 37 казахских султанов. Хайдар б. Али «либо не располагал проверенными данными, либо сознательно «подновил» Васифи, потому что только этим можно объяснить как более позднюю дату, которая приводится Хайдар б. Али, так и замену Убайдаллах-хана Барак-ханом, который отмечен как один из победителей».

Если даже и так, то и в таком случае сражений было несколько. Сведения о новом походе могульского хана на казахов содержатся в нескольких поздних источниках, авторы которых передают подробности сражения далеко неодинаково.

О. Ф. Акимушкин, ссылаясь на ряд конкретных исторических фактов, относит эту битву могулов с казахами и кыргызами к периоду между 959/1551–52 и 963/1555–56 гг. и устанавливает для всех сообщений источников следующие сходные элементы: 1) поход Абд ар-Рашид-хана был вызван известием о гибели сына; 2) сражение имело место где-то в Могулистане; 3) победа досталась могулам; 4) поражение потерпели объединенные силы казахов и кыргызов; 5) во главе этих сил стоял казахский хан (Хакназар или Буйдаш).

Итак, новое столкновение и новое поражение от могулов. Впрочем, в Жетысу казахи столкнулись не только с могулами, но и с продвинувшимися к тому времени значительно на запад калмаками. Что касается казахско-калмакских отношений вообще до перехода Жетысу в руки казахских владете-

лей, то о них мало что известно. Казахское ханство в начале своего образования было прикрыто от калмаков соседним Могулистаном, и все внешние удары с юга-востока падали на могулов. Но такое положение продолжалось сравнительно недолго. Косвенные данные о непосредственных столкновениях казахских владетелей с калмаками относятся к периоду 20-х годов XVI в. Мы имеем в виду постройку казахским ханом Тахиром «у подножия одной горы, крепости Джатан для отражения калмаков», о которой мимоходом сообщает в своих мемуарах Зайн ад-дин Васифи. Более подробно описание военных действий калмаков и казахов встречаем в сочинении автора XVI в. Сейфи, но они относятся к 50-м годам XVI в. Эти сведения никем не приводились полностью, у В. В. Бартольда о них только упоминается. В связи с этим мы приводим раздел в переводе. «По другую сторону Кашагарского края расположилось племя, носящее имя казак. Они кочевники, у них нет ни городов, ни селений. Число их составляет два раза по сто тысяч семейств (эв.). У них есть хан по имени Таваккул (Таукель). Казахи однажды произвели набег и разграбили часть владений калмаков и возвратились к себе. Об этом доложили предводителю калмаков. Он направил одного из своих везиров в погоню за казахами и повелел: «Возвращайся непременно с головой Таукеля или принеси свою голову». Тот отправился вслед за казахами и прибыл в местность, которая была йуртом Таукеля, увидев огромное войско калмаков, счел всякое сопротивление бесполезным и бежал в сторону Ташкента. Калмаки, преследуя его, дошли до окрестностей Ташкента и, нагнав его, перебили половину его войска. Таукель с некоторым числом оставшихся людей подался в Ташкент. Как говорят, Ташкент в древности был столицей Афрасиаба; это очень обширная область. В то время правителем Ташкента был Науруз Ахмад-хан, по прозванию Барак-хан; он из потомков Чингиза. Словом, Таукель подался в Ташкент, калмаки разграбили его эль и вернулись в свою страну. Таукель отправил человека к Барак-хану со словами: «Я пришел и отдал себя под твою защиту. Мы оба потомки Чингиза, связаны узами родства. Кроме того, оба мы мусульмане, единоверцы. Окажи мне поддержку, и мы отправимся вместе и отомстим этим кафирам». Барак-хан направил ему [такой] ответ: «Если даже десять ханов, таких, как я и ты, объединятся вместе, то и они смогут противостоять им, ибо они – племя йаджудж»[20]. «И в самом деле они походят на племя йаджудж своей многочисленностью», – пишет Сейфи и дальше описывает обычаи калмаков.

Учитывая упоминание в данном рассказе Алтан-хана и Барак-хана, это событие следует датировать периодами между 1552–1556 гг., то есть периодом от покорения калмаков туметским предводителем до кончины правителя Ташкента. Однако Таукель еще в 1580 году, по словам сочинителя «Шарф-намей шахи», состоял в числе служивых султаном узбекского хана Абдуллы. Ханом казахов он стал не раньше 1583 г. Разгрому калмаков в таком случае подвергся не улус Таукель-хана, а молодого (скорее, даже юного) Таукель-султана. Однако здесь возможно и другое допущение. Сочинение османского автора Сейфи Челяби было написано в 1590 г., считается, что сам Сейфи не путешествовал по тем странам, о которых он пишет, и его сведения основаны исключительно на устных рассказах купцов и путешественников. Могло случиться и так: Сейфи связал события, имевшие место в 50-х годах XVI в., с именем современного ему хана казахов – Таукеля (ср. его слова: «У них есть хан по имени Таукель. Однажды казахи произвели набег...»), а в действитель-

ности водил войска против калмаков и обращался за военной помощью к Бараку другой казахский хан (Буйдаш? Хакназар?).

Таким образом, водворившись в Жетысу, казахские владетели положили начало политическому объединению казахских племен с кыргызами, о чем свидетельствует как состав войска Тахир-хана, так и упоминание кыргызов, наряду с казахами, почти во всех описаниях походов Рашид-хана против казахских владетелей. Переход Жетысу в руки казахских ханов и их союз с кыргызами определили дальнейшие отношения между казахскими и могульскими правителями. Прежние традиционно мирные отношения сменились постоянными военными столкновениями: Абд ар-Рашид-хан в союзе с Шайбанидами предпринял ряд походов для упрочения своей власти в Жетысу и Прииссыккулье, занятыми казахами и кыргызами. Однако союз могульского хана с Шайбанидами и их совместные действия против казахов и кыргызов не привели к восстановлению могулов в Жетысу, в лучшем случае Рашид-хану удалось превратить в сферу своего влияния лишь районы, непосредственно прилегающие к территории современного Кыргызстана, которые, однако, впоследствии также были потеряны, и там окончательно укрепились кыргызские племена, продолжавшие выступать совместно с казахами.

Военные действия между казахами и калмаками еще не носили тогда характера организованных войн, как впоследствии, когда казахам пришлось вести упорную и кровопролитную борьбу с калмаками за обладание Жетысуским краем: на ранних этапах это были скорее лишь грабительские набеги. Однако уже в эти годы нападения джунгар заставляли иногда казахских владетелей искать сильного покровителя среди соседних правителей, каковыми наконец и явились Шайбаниды. Видимо, именно незавидная перспектива оказаться в одиночестве против трех сильных противников – могулов, узбеков, калмаков – и угрозы вести длительную борьбу на три фронта вынудили казахских владетелей во второй половине XVI в. выступить на стороне узбекских правителей Мавераннахра.

[1] *Махмуд ибн Вали.* Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар. Т. 6, ч. 3, л. 178б.
[2] *Мирза Мухаммад Хайдар Дуглат.* Тарих-и Рашиди. Рукопись СПб филиала ИВ РАН. В. 648.
[3] *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* «Михман-наме-йи Бухара». Рук. ИВАН РУз № 1414. Л. 84б.
[4] Там же. Л. 72б.
[5] Там же.
[6] Л. 73а, б.
[7] Там же.
[8] Там же, л. 86а.
[9] Там же.
[10] Там же, л. 94б.
[11] Там же, л. 49а.
[12] Там же, л. 62, 62б.
[13] Там же, л. 102 а, б.
[14] *Мирза Мухаммад Хайдар Дуглат.* «Та'рих-и Рашиди». Рук. ИВ АН Узб. № 1430. Л. 119б–150а; с. 217–218, 133–134.
[15] Та'рих-и Рашиди, рук. 1430, л. 46б, 174б.
[16] *Абдаллах Мухаммад ибн Али Насраллахи.* Зубдат ал-асар, л. 93б; МИКХ, с. 133.
[17] Та'рих-и Рашиди, л. 145б; Зубдат ал-асар, л. 93б.

[18] *Акимушкин О. Ф.* К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства с узбеками и казахами в 30-х гг. XVI в. – 60 гг. XVII в. – Палестинский сб., М.-Л., 1970, вып. XXI; *Юдин В. П.* Вступительная статья к «Таварих-и Кашгар» // Материалы по истории казахских ханств.

[19] *Хайдар ибн Вали.* Тарих-и Хайдари. Л. 417б; Акимушкин О. Ф. Ук. раб. С. 237–238.

[20] *Сейфи Челяби.* Таварих. Рукопись Лейденского ун-та, № 917, л. 14б–15б.

Глава вторая

КАЗАХСКОЕ ГОСУДАРСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII ВВ.

1. ХАКНАЗАР-ХАН. УКРЕПЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.

Сообщение Мирзы Мухаммад Хайдар Дуглата об уничтожении казахов Чагатаидом Абд ар-Рашидом на территории современного Кыргызстана, после чего, якобы, исчезло имя этого народа, дало основание для утверждения о «возрождении» Казахского союза со второй половины XVI в. при Хакназар-хане. Это объясняется тем, что в источниках почти отсутствуют сведения по истории казахов середины XVI в. Поэтому до сих пор не выяснена полностью история казахских ханств этого периода. Все это вызвало в историографии постановку вопроса о «возрождении» Казахского союза. Судя по всему, мнение о «возрождении» этого союза является ошибочным.

Говоря о «совершенном исчезновении» казахов, Мухаммад Хайдар, по-видимому, имел в виду только владения Тахира и его брата Буйдаша. По сведениям Кадыр-Али-бия, автора «Джами ат-таварих» («Сборника летописей»), кроме Буйдаша в стране той были и другие мелкие ханы, имена которых с точностью неизвестны. В то же время, 940–944 г. х. (1535–1538 г. н. э.), среди казахских султанов, носивших титул хана, в источниках упоминаются Тугум-хан, Ахмат-хан, Хакназар-хан, Науруз-Ахмад-хан.

В 1535 г. в донесении государственного посланца Данилы Губина, находившегося у ногаев, сообщается: «А казаки, Государь, сказывают – добре сильны, а сказывают Государь, Ташкент воевали и Ташкентские царевичи, сказывают, с ними дважды бились, казаки их побивали».[1] В другом донесении от 2 мая 1535 г. Данила Губин писал: «А сказывают, Государь, что казаки сильны, и калмыки им перелися, и Ших Мамай и Исуп и иные мырзы, кои с ними кочуют, стоят в заставе за Яиком на реке Еме, всю зиму берегутся от казацкой орды».[2]

Еще В. В. Бартольд обращал внимание на то, что после 1537 г. Абд ар-Рашид, вероятно, еще несколько раз воевал с казахами; а если это действительно так, то казахи не могли быть уничтожены. Более того, В. В. Бартольду же принадлежит утверждение, что «ни казахи, ни киргизы не были на долгое время ослаблены этим поражением».[3] В последнее время этот вопрос получил дальнейшую разработку: исследователями приведены новые убедительные доказательства, подтверждающие ошибочность сведения Мухаммад Хайдар Дуглата об «уничтожении» казахов Абд ар-Рашид-ханом.

Как известно, особенно тяжелое поражение было нанесено казахам в 1537 г., когда вместе с ханом Тугумом, братом Тахира, погибли 37 султанов. О

гибели их сообщает только Кадыр-Али-бий, автор «Джами ат-таварих». Ввиду того, что Кадыр-Али-бий не приводит ни даты сражения, ни имен противников и победителя, это сообщение впоследствии вызвало различные интерпретации. Так, В. В. Вельяминов-Зернов высказал мнение, что Тугум-хан погиб в сражении с чагатом; он рассматривал слово «чагат» как сокращенное от «чагатай». Таким образом, исследователь пришел к выводу о том, что Тугум-хан погиб в бою с Чагатаидами; а так как Чагатаиды в XVI в. владели только Восточным Туркестаном то он отождествил битву Тугум-хана с казахско-могульским сражением в 1537 г. В. В. Бартольд также отнес это событие к казахско-могульскому сражению 1537 г.[4] В. П. Юдин считал, что под «чагатом» следует понимать народ, в сражении с которым и погиб Тугум-хан (кочевья его, вероятно, находились на сибирских рубежах). Однако, по мнению О. Ф. Акимушкина, Чагат – определенная местность, и сообщение автора «Джами ат-таварих» он толкует следующим образом: «Хан Тугум и 37 султанов погибли в местности Чагат-и только».[5] Скорее всего, эта битва Тугум-хана была одним из сражений, в котором казахи потерпели поражение, но она не имеет отношения к казахско-могульскому сражению 1537 г.

Вскоре после этого события в источниках говорится (без точного обозначения даты) о поражении могулов в битве с Хакназар-ханом, «ханом казахским и киргизским». Сообщение о набеге Абд ал-Латифа, сына Абд ар-Рашид-хана, на казахов и киргизов и о последующей его гибели имеется в ряде персо- и тюркоязычных сочинений: в «Хронике» Шах Махмуд Чураса, «Тарих-и Кашгар» анонимного автора, «Бахр аль-асрар» Махмуд ибн Вали и др. Из этих сочинений также известно, что Абд ал-Латиф, которого Абд ар-Рашид-хан назначил наместником в Аксу и Уч, потерпел полное поражение в битве с казахами и киргизами по возвращении из очередного похода. Однако в восточнотуркестанском тюркоязычном сочинении неизвестного автора «Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф» казахи не упоминаются вообще, там речь идет о нападении на Абд ал-Латиф-султана киргизов (о киргизах же сообщается, что они жили в Кара-Тегине) и о том, что в сражении с ними султан потерпел полное поражение и был убит. По-видимому, сражение произошло около 1556 г.

Узнав о смерти своего сына, Абд ар-Рашид обратился за помощью к Науруз-Ахмад-хану и стал готовиться к походу. Местом последующей за этим событием битвы Махмуд ибн Вали называет Иссык-Куль, Шах Махмуд Чурас – Эмиль и анонимный автор «Тарих-и Кашгар» – Иртыш, где, по мнению этих авторов, Абд ар-Рашид настиг казахов с киргизами. Имена казахских ханов, упомянутых в этих сочинениях, не совпадают. По рассказу Шах Махмуда Чураса, ханом у казахов в то время был Хакназар, который якобы и погиб в этой битве. Однако это известие, по-видимому, не соответствует действительности, поскольку имя Хакназар-хана упоминается Хафиз Танышем много позднее – в 1580 г., тогда как сам Абд ар-Рашид-хан, победитель при Эмиле, умер в 1559 г. Очевидно, что если Хакназар-хан и принимал участие в упомянутом сражении с Абд ар-Рашид-ханом, то был убит не он, а какой-то другой казахский хан. «Тарих-и Кашгар» в связи с этими событиями также называет ханом казахов Хакназара, но, вместе с тем, добавляет, что ханом казахов был и Науруз-Ахмад, он же Барак.

По «Бахр аль-асрар», предводителем казахов в этом сражении был Буйдаш-султан. Между тем, по «Тарих-и Рашиди», Буйдаш сходит с истори-

ческой арены после 1533–1534 гг. Выше было сказано, что Буйдаш-хан погиб во время нашествия казахских султанов на Мавераннахр в 967 х./ 1557 г., что,возможно, больше соответствует действительности. К тому же, по мнению автора «Джами ат-таварих», Буйдаш-хан погиб в битве с ташкентским правителем Дарвиш-ханом, сыном Науруз-Ахмад-хана. Как известно, во всех выше названных источниках не указана точная дата этого сражения, в них лишь отмечается, что: 1) победа в нем была одержана Абд ар-Рашид-ханом; 2) разбиты были объединенные силы казахов и киргизов; 3) во главе этих сил стоял Хакназар-хан (по Махмуд ибн Вали, Буйдаш-султан). Но последующие авторы, располагая определенными известиями о сражениях Абд ар-Рашид-хана с казахами, происходивших в различных географических пунктах, отождествили эти сражения с битвой, упомянутой в «Тарих-и Рашиди», и допустили при этом большой разнобой в собственных и географических именах и названиях. Следует, таким образом, признать, что Абд ар-Рашид несколько раз сражался с казахами, а источники свели все эти сражения в одно.

В 50-х гг. XVI в., как полагают некоторые исследователи, началось «возрождение» Казахского союза во главе с сыном Касым-хана Хакназаром. О происхождении Хакназар-хана имеются следующие сведения. Так, Гаффари в «Джахан-ара» сообщает: «Касым-хан, сын Сайидак-хана, сына Жаныбека, сына Берди-хана, стал царем Дешта. Он [Касым-хан] умер в месяце 1, 930 г. (–10 XI 1523 – 28 X 1524. – М. А.). Хакназар-хан, сын Касым-хана, после отца сел на царство и теперь является повелителем Дешта»[6]. Однако следует отметить, что во-первых, Касым-хан неправильно назван потомком Сайидак-хана. В действительности он был сыном Жаныбека. По-видимому, под именами Сайидак (Абу-Саид) и Жаныбек автор имел в виду двух лиц вместо одного, в то время как по другим источникам, Жаныбек – он же Абу-Саид (Сайидак). В. В. Вельяминов-Зернов в «Исследовании о Касимовских царях и царевичах» отмечает, что Сейдак ошибочное написание имени Жаныбек[7]. Во-вторых, сообщение, что после смерти Касыма ханом стал Хакназар, не соответствует действительности, ибо тогда Хакназар был еще малолетним, и власть перешла в руки сына Касыма Мамаш-хана, который, как было выше сказано, умер от удушья в одном из сражений. После этого у власти встал Тахир-султан, сын султана Джадика, старшего брата Касыма. Аналогичные сведения мы находит в «Раузат ат-тахирин» Тахир-Мухаммада, только здесь упоминается не Сайидак-хан, а Сеид-хан. Эта же иранская традиция отмечается и у автора XVI в. Хасан-бека Румлу, который использовал это сведение в своем сочинении «Ахсан ат-таварих»[8].

Правление Хакназар-хана продолжалось более 30 лет. По преданию, в годы господства Тахира и Буйдаша Хакназар жил у одного из ногайских мурз. Это вполне вероятно, так как не противоречит той политике, которую проводил Касым по отношению к ногайскому улусу, в то время политически раздробленному. Отдельными районами ногайских степей управляли независимые владетели-мурзы, враждовавшие между собой. Поэтому многие ногаи часто целыми селениями бежали из-за непрекращавшихся междоусобиц под покровительство казахского хана; Касым же охотно оказывал им поддержку.

Самое раннее известие о Хакназаре (о его сражении с туркменами) относится к 1549 г. Оно содержится в «Ахсан ат-таварих» Хасан-бека Румлу и является, вероятно, оригинальным, так как не встречается ни в одном другом из известных нам сочинений. Сообщается, что Хакназар (-оглан) в

955 г. х. — 1548/1549 г. н. э., переправившись за Амударью, имел сражение с Казаком[9] под Пул-и Хатун, сражение закончилось поражением Хакназара[10]. Далее, там же сказано, что он перешел Амударью с группой узбеков, но так как в источниках этой поры термины «узбек» и «казак» еще не получили этнического значения и часто смешивались, то при определении политической принадлежности кочевников мы должны исходить из контекста источника. В данном случае из контекста можно было бы заключить, что речь идет о казахских племенных группах.

Ко второй половине XVI в. Казахское ханство было сильно ослаблено в связи с бесконечными войнами, междоусобицами. В период правления Хакназар-хана наблюдался определенный подъем во внутренней и внешнеполитической жизни этого государства, который впоследствии вновь сменился спадом.

С конца 50-х гг. XVI в. Казахское ханство представляло серьезную угрозу для ногаев, сибирского ханства Кучума и среднеазиатских ханств. Так, английский купец А. Дженкинсон, посетивший в 1558—1559 гг. Среднюю Азию, отзывался о «кассаках магометовой веры», как о весьма сильном и многочисленном народе[11]. Он сообщал, что перед его приездом казахи уже три года теснили Ташкент и своими нападениями препятствовали свободному ходу караванов. Это были отряды Хакназар-хана, державшие Ташкент под постоянной угрозой.

Хасан-бек Румлу в «Ахсан ат-таварих» сообщает, что после смерти Барак (Науруз-Ахмад)-хана в 963 х./1556 г. Хакназар совершил набег на Ташкент, что, очевидно, опровергает утверждение Шах Махмуда Чураса о гибели казахского хана в сражении с Абд ар-Рашид-ханом в 1556 г.

Особенно упорная борьба развернулась в 1560 г. с правителями Могулии. Отметим, что при Хакназар-хане казахско-могульские отношения оставались напряженными, и нередко могульские ханы в этой борьбе получали перевес. В середине XVI в. казахи занимали не только среднее течение Сырдарьи, но и кочевали в Могулистане. Стремление могульского хана Абд ар-Рашида вытеснить их из Могулистана и послужило причиной казахско-могульской борьбы. Описание этих событий содержится в «Хронике» Шах Махмуда Чураса. Как он сообщает, Абд ал-Латиф-султану, сыну Абд ар-Рашид-хана, удалось нанести поражение Хакназар-хану и захватить много добычи и пленных. Но вскоре Хакназар-хан соединенными силами казахов и киргизов разбил войско Абд ал-Латифа. Последний при этом погиб. Тогда против казахов с большим войском двинулся Абд ар-Рашид-хан. На Эмиле Хакназар был разбит. Махмуд Чорас, вероятно, ошибочно сообщает о гибели в этом сражении Хакназара, который на самом деле, видимо, отступил из Могулистана и откочевал в район Сары-су. Преемник Абд ар-Рашид-хана Абд ал-Карим (1559—1591 гг.) в это время поддерживал отношения с Шайбанидами. Согласно Махмуду ибн Вали, он много раз воевал с казахскими и киргизскими предводителями и добивался успеха во всех сражениях[12].

При Тауекель-хане, однако, налаживаются союзные отношения казахских ханов с Чагатаидами Могулии. В связи с этим любопытно упоминание Шах Махмуд Чураса об участии Тауекеля в политических делах Могулии, в частности в Чалыше и Турфане, где позиция Тауекель-хана была определяющей в решении вопроса, кому быть на троне этого владения.

О казахах часто писали в Москву сами ногайские мурзы. В 1537 г. ногайский мурза Юсуф в грамоте Ивану IV сообщал: «А хотел есми воевати Казац-

кую орду, и яз ныне кочую на реке Елеке за Яиком»[13]. Ногайские мурзы сообщали об отпадении улусов от Ногайской орды и присоединении их к казахам. Например, в 1557 г. ногайский мурза Исмаил жаловался царю Ивану IV: «Да племянники ж мои нас отстали ныне за Яиком, и приложилися к козацкому царю, со мною завоевалижся, да надо мною времени ищут»[14]. Это сообщение свидетельствует о возросшей политической активности казахов во главе с Хакназаром. Следует отметить, что в это время между мурзами Ногайской орды шла борьба, в результате которой возникли две партии. В основе этой борьбы лежали причины экономического характера: одна часть ногайских улусов (западная) имела более тесные торговые связи с Москвой, другая – со Средней Азией. Представители последней партии группировались, главным образом, в восточной части Ногайской орды на побережье р. Яик и на восток от нее. В случае неудачи в борьбе с московской партией противники ее всегда имели возможность переместиться со своими улусами на восток, в казахские степи, как это случилось в 1557 г.

Дженкинсон в записках о своих путешествиях приводит некоторые подробности из жизни ногайских улусов. Он сообщает, что из-за междоусобных войн все ногаи доведены были до крайней степени разорения, следствием чего явились голод и повальные болезни, от которых погибло около 100 тысяч человек. Несмотря на обилие хороших пастбищ, страна, через которую проезжал Дженкинсон, казалась ему необитаемой.

В это же время велась борьба с сибирским ханом, Шайбанидом Кучумом, в которой не всегда Хакназару сопутствовала победа. Для Кучума же Хакназар тоже был весьма серьезным противником. Так, в беседе с послом московского царя Иваном Поздеевым Кучум высказывался о своей власти очень неуверенно: «Ныне деи дань собираю Господарю вашему царю и великому князю послов пошлю, а нынеча деи мне война с казацким царем, и одолеет деи меня царь казацкий и сядет на Сибири, ино и тот Господарю дань учнет не давати»[15].

В это время Кучум-хан (при непосредственном участии и поддержке Абдаллах-хана) стремился идеологически обосновать свою власть путем усиления роли ислама. Однако не только этим объяснялась политика Кучум-хана, направленная на установление самых близких отношений со Средней Азией, а еще и тем, что после присоединения к России Казанского и Астраханского ханств (в 50-х гг. XVI в.) Сибирское ханство было изолировано от них. Поэтому Кучум-хан ориентировался на поддержку и помощь правящих кругов Средней Азии. При всем этом установление близких отношений со Средней Азией обеспечило бы развитие торговли, что было жизненно важным для Сибирского ханства».

В башкирских преданиях сообщается, что Хакназару были подчинены и башкиры. Основываясь на этих преданиях, Рычков писал: «Сей Акназар, учинившись ханом, в великое усилование пришел и владел не только одними теми ногайцами и Башкириею, но сверх того Казанское, Сибирское и Астраханское царство, Бухарию, Хиву, Ташкент и другие многие города под власть свою покорил и дань с них собирал... В башкирском же народе до того Акназар-хана владели зауральскими сибирский Кучум-хан, бельскими и яицкими, т. е. по реке Белой и Яику жившим, казанские; а горскими, ногайские ханы, которых потом означенный Акназар-хан всех один в своей власти имел; и усмотра их непостоянства и разные воровства, всячески их изнурял, и в

бессилие приводил; ибо на три двора по одному токмо котлу иметь допушал, и как скот и пожитки, так и детей их к себе отбирал, и землями владеть також и через реку Белую переходить не допущал, а кои звероловством промышляли, принуждены были платить ему за это ясак с каждого человека по лисице, бобру и кунице, от чего наконец пришли они в самое крайнее истощение и убожество»[16].

Во второй половине XVI столетия, после присоединения Казани (1552 г.) и Астрахани (1556 г.), стали налаживаться связи России со среднеазиатскими ханствами, в частности, укрепились и расширились казахско-русские отношения. Именно в это время устанавливается среднеазиатско-русская торговля. Сохранились документальные данные о русско-бухарской, хивинской и персидской торговле. В 1569–1573 гг. в Казахском ханстве побывали русские послы Семен Мальцев и Третьяк Чебуков. Различные сведения о казахах доставляли в Москву и иностранцы. Как известно, в то время Англия в поисках новых рынков старалась завязать торговые отношения с Персией и другими государствами Азии. С этой целью английский купец Антони Дженкинсон и был направлен в Россию в 1557 г. Путешествие его в Среднюю Азию имело большое значение для дальнейшего развития сотрудничества Москвы со Средней Азией, так как Дженкинсон имел специальную грамоту Ивана IV и был, таким образом, первым официальным представителем Московского государства в среднеазиатских ханствах. В 1559 г. вместе с Дженкинсоном прибыли посольства из Бухары, Балха и Ургенча.

При Хакназар-хане были установлены торговые связи и политические сношения Казахского ханства с Москвой. Через посредничество Казахского ханства последняя наладила контакт с узбекскими ханствами Туркестана. Хакназар-хан в отношениях с Россией следовал примеру своего отца Касыма. В описи царского архива зафиксировано существование связей Ивана III с ханом Касымом, но характер их исторической науке пока неизвестен.

Политическая обстановка в Средней Азии вынуждала казахов искать сильного и верного союзника. Они все больше убеждались, что таким союзником может стать Россия. В свою очередь, и Россия искала союзника для борьбы с Кучумом, отношения с которым особенно обострились в 70-х гг. XVI в. Таким союзником России в то время могло стать Казахское ханство.

Известно, что во второй половине XVI в. крупные торговые операции в Средней Азии проводили братья Строгановы, экономические интересы которых требовали установления связей с казахскими владетелями. Поэтому Иван IV стремился заключить союз с последними. С этой целью и был отправлен к казахам посланец Третьяк Чебуков. Но он не выполнил своей миссии, так как был взят в плен в июле 1573 г. племянником Кучума Магметкулом. Спустя некоторое время (30 мая 1574 г.) Иван Грозный вручил Строгановым грамоту на беспошлинную торговлю с казахами. О предметах внутренней торговли XVI–XVII вв. в казахских степях известный путешественник П. И. Рычков сообщает следующее: «Азиатские купцы, яко то: Хивинцы, Бухарцы, Ташкентцы и им подобные к Российской стороне далее Киргиз-кайсацких орд никогда не приближались, а торговали только в улусах... оных орд... да и торг их весь состоял токмо в мене бумажных их холстов и сделанного по их обыкновению платья, на которые вещи выменивали они от Киргизцов лошадей и баранов, и отгоняя их в Хиву и в другие места, где их не довольно, продавали с прибылью»[17].

В конце 70-х гг. отношения с Россией уже были налажены, и Хакназар-хан мог считать, что он «с царем и великим князем в миру». Об этом свидетельствует русский посол «в Ногаи» боярский сын Борис Доможиров, который доносил Ивану Грозному в 1577 г.: «Да, сказывал, Государь, татарин Асан Иллибабаев, что приходили сее весны Казачьи орды люди на Ак-Мирзу да на Бек-Мирзу, а у них отогнали многие стада, да у них же взяли пять человек. И они, Государь, отпустили пятого человека к Тинехмату князю и к Урус-мирзе, и велели им говорити, что де царь наш Акак Назар с Царем и великим князем в миру и с Таксицы и с Юргенцы в миру же, а нашему де царю Акак Назару вас воевати, по Яике и по Волге не дать кочевати»[18]. Из этого донесения видно, что Хакназар-хан пользовался авторитетом и влиянием не только у соседних народов, и что к этому времени уже были достигнуты определенные успехи в установлении отношений между Россией и Казахским ханством. Не случайно в 1573 г. при направлении к Хакназару по настоятельной просьбе братьев Строгановых русского посольства во главе с Третьяком Чебуковым Иван Грозный поставил перед послами цель не только установить непосредственный контакт с Казахским ханством, но и заключить с ним военный союз против Сибирского хана Кучума.

К середине XVI в. по территории Казахстана проходили торговые пути. Известно, что русские купцы доходили до Караганского пристанища: «...от Астрахани итти налево на Караганское пристанища, а от Караганского пристанища итти до Камени до Илитиря». В статейном списке Григория Васильчикова указывается, что Караганское пристанище находилось «на Мышлаке», т. е. на полуострове Мангышлак. Согласно Дженкинсону (в описании 1558 г.), на Мангышлак плыли из Астрахани вдоль северо-восточного берега Каспия. В XVI в. на полуострове были известны четыре пристани, через которые проходил главный путь по Каспийскому морю в направлении с северо-востока на юго-запад, и откуда начинались караванные пути в Хиву и Бухару. Дженкинсон сообщал, что одна из пристаней находится на северном побережье Тюб-Карагана, в «I-лигах внутри залива». Эту гавань, где он собирался пристать, Дженкинсон называл Мангышлаком. Кроме того, на северном берегу Тюб-Карагана находились еще две пристани. Григорий Васильчиков в своем статейном списке отмечал: «А на Карагани в трех местах на пристанищах стоят турские бусы торговых лиц»[19]. Отметим, что уже с середины XVI в. дважды в год от Караганской пристани на Мангышлак отходили парусные суда, на которых хивинские и бухарские купцы приплывали в Астрахань.

Русское правительство всем своим послам давало задание уточнить положение дел в Казахском ханстве, выяснить, в каких взаимоотношениях находится хан со среднеазиатскими ханствами. И русские послы в своих «Статейных списках» много внимания уделяли военному положению в казахской степи. Все эти сведения необходимы были правительству для установления регулярных дипломатических отношений с Казахским ханством.

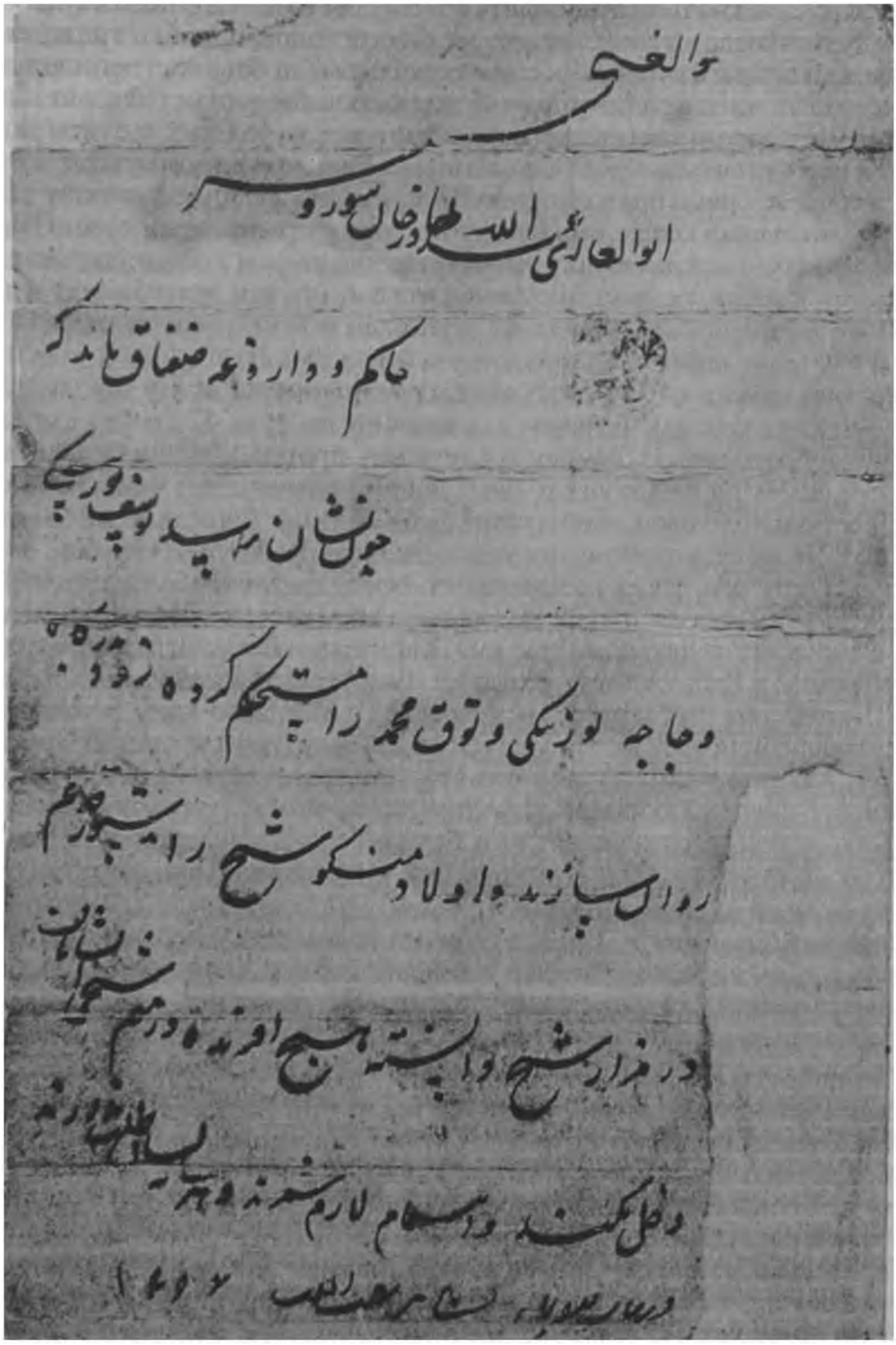
Характер взаимоотношений казахов с Шайбанидами в указанное время существенно не отличался от тех, которые имели место в первые десятилетия XVI в. Эти связи были достаточно тесными и разносторонними. Военные конфликты перемежались периодами сотрудничества и дружбы, заключались брачные союзы. Наибольшую заинтересованность в сближении и союзе с Хакназар-ханом проявил Шайбанид Абдаллах-хан II. В 1561 г. Абдаллах возвел на ханский престол своего отца Искандера и от его имени успешно вел

борьбу со своими противниками, правителями отдельных уделов, а в 1583 г. после смерти отца он сам занял ханский престол и оставался на нем до своей смерти в 1598 г. Правление Абдаллах-хана характеризовалось усилением ханской власти, что явилось результатом не только успешных завоевательных походов, но и его победы над всеми враждовавшими с ним родственниками: почти все они были истреблены. В период правления этого хана представители узбекской племенной знати вынуждены были занять положение «служилых людей», хотя и обладавших определенным весом на ханской службе, но лишенных самостоятельной политической роли. Абдаллах-хан видел в казахах военно-политическую силу, которую он стремился использовать и для укрепления своей власти, особенно в районах, где обосновались его соперники – Шайбаниды. С этой целью он заключил с Хакназар-ханом «клятвенный союз», по которому обе стороны обязались поддерживать друг с другом мирные отношения. Точное содержание договора остается неизвестным, но выражение «Мы и теперь верны тому договору и союзу, которые мы заключили с его величеством»[20] позволяет думать, что тесные связи казахов с бухарским ханом существовали и до 1579 г.

К концу 70-х гг. XVI в. разыгрались крупные события, принесшие казахам неудачи. В это время завязалась борьба между Абдаллахом и Баба-султаном, сыном Барака (Науруз-Ахмада). Поводом к войне послужило то, что Баба, овладев Ташкентом, убил своего старшего брата Дарвиша, которого Абдаллах посадил там в качестве правителя. Абдаллах-хану очень важно было знать, какую же позицию займут в этой борьбе казахи, так как он, во-первых, опасался того, что казахи могут перейти на сторону Баба-султана, и, во-вторых, не мог надеяться только на свои силы. До Абдаллах-хана уже доходили слухи, что мятежники, сговорившись с казахами, замышляют поход против своего законного государя. Однако Хакназар-хан поддерживал Абдаллаха, так как в данном случае он руководствовался не только «клятвенным договором», но и собственными интересами. Отметим также, что Ташкент, как и другие города, расположенные по среднему течению р. Сырдарьи, с XV в. служил предметом борьбы между Шайбанидами и казахскими ханами. Присырдарьинские города привлекали казахского хана как объект военной добычи и как надежное укрытие на случай поражений; они имели жизненно важное значение для экономики казахских ханств. Итак, казахские ханы и султаны оказали активную поддержку Абдаллах-хану.

К Абдаллаху приезжал посланец от казахского хана, чтобы передать уверения в дружбе и преданности ему. Хакназар предложил выдать Абдаллаху пленных «из сыновей Баба-султана Убайдаллах-султана, из его эмиров Джан-Мухаммад-аталык-наймана и Шах-Гази-бий дурмана вместе с некоторыми вельможами (Баба-султана)». Тогда Абдаллах-хан вместе с этим послом отправил к казахам могущественного эмира Сурхун-аталыка со следующим посланием: «Всем тамошним хаканам после вознесения высоких молитв сообщаем, что мы жалуем (им) четыре селения в Туркестанском вилайете»[21]

По нашему мнению, это пожалование четырех селений Туркестана являлось одним из пунктов упоминавшегося выше «клятвенного договора». Поддержка казахов сыграла решающую роль в подавлении мятежа Баба-султана. В середине 1579 г. близ Ташкента он потерпел поражение. В августе 1579 г. Абдаллах-хан заключил мир с Баба-султаном. Однако последний, «поскольку он не имел возможности и силы противостоять бесчисленному войску

Указ Абдаллах-хана 997г. х./1588-89 г. Адресован в Сыгнак.

казахских [султанов], поднял знамя совещаний (и) заключил с ними союз. [Баба-султан] отдал в качестве союргала этой толпе, подобной яджуджам, вилайеты Йассы и Саурана»[22]. Эта уступка помогла Баба-султану склонить казахских султанов к совместному нападению на бухарские владения. Он на совете с мятежными казахскими султанами решил, что Сарбан-султан-казах должен переправиться через Сырдарью и напасть на туманы Бухары, а Бузахур-султан с прочими братьями отправиться в Самаркандский вилайет. Действительно, первым выступил Бузахур-султан: переправился через Сырдарью и, предавая все на своем пути разрушению и разграблению, дошел до местности Кенбай, где захватил огромную добычу, после чего вернулся назад. В это же время Сарбан-султан с огромным войском перешел через Сырдарью и устроил набег на Бухару, откуда угнал весь скот.

Но союз казахов с Баба-султаном был непрочным. Когда в апреле 1580 г. ташкентский владетель направил в казахам посла Джан-Кули-бия с предложением собрать силы и совместно выступить против Абдаллаха, казахские султаны, в том числе Хакназар-хан, Джалим-султан, отец жены Баба-султана, составили заговор, чтобы убить Баба-султана. Случайно заговор был раскрыт. Человек, которому поручено было убить Джан-Кули-бия, из жалости отпустил его, дав ему возможность предупредить Баба-султана. Между тем Джалим-султан ничего не знал обо всем этом и вместе с двумя своими сыновьями и двумя сыновьями Хакназар-хана, с огромной толпой людей пошел к Баба-султану. Когда казахские султаны съехались на берегу р. Шарабхане, чтобы оттуда отправиться к Хакназар-хану, воины Баба-султана перебили всех их. В то же время Баба-султан дал приказ Бузахуру настичь Хакназар-хана и умертвить его. Однако ни один из источников не сообщает о смерти Хакназара. Известно лишь, что Бузахур, узнав о намерении Баба-султана расправиться с ним, бежал. Тогда Баба-султан послал за ним в погоню Дустум-бия, сына Бултурук-бия. «Неожиданно они настигли отряд войска Бузахур-султана, который, захватив имущество и скот Хакназар-хана, преследовал последнего». Все эти события произошли не позже мая 1580 г., так как с этого времени исчезают всякие известия о Хакназаре и казахским ханом называется уже двоюродный брат его Шигай-султан.

Необходимо отметить некоторые особенности внешнеполитической истории Казахского ханства во второй половине XVI в. Несмотря на то, что в начале второй половины XVI в. Казахское ханство обладало значительной политической и военной силой, тем не менее к концу XVI в. оно испытывало серьезные трудности и было оттеснено своими соседями (джунгарами, ногаями, узбеками и др.) от оседло-земледельческих районов Жетысу, южнее линии Сарысу, т. е. Восточный Дешт-и Кипчак для него был потерян. Несмотря на очевидность этого события, оно не привлекло внимания историков и не было исследовано. Можно согласиться с тем, что Казахское ханство было сильным и могло наносить своим врагам очень ощутимые удары, что соседи не могли не считаться с ним. Но следует также признать, что в конце XVI в. казахские ханы и султаны вместе с тем терпели неудачи и сдавали свои позиции. Было бы крупной исторической ошибкой принимать за границы Казахского ханства предельные пункты походов Хакназар-хана, а в его победах видеть непобедимость казахов. Границы Казахского ханства и отдельных его улусов-владений часто изменялись в зависимости от военных успехов или неудач, от перемен внешнеполитической обстановки.

После присоединения к России Казани и Астрахани под власть Русского государства перешел весь бассейн р. Волги. В течение XVI в. к России были присоединены башкиры, Сибирское ханство. И вследствие этого Ногайские (Мангытские) орды отступили на юг и восток. Во второй половине XVI и XVII в. их кочевья простирались от Волги до Иртыша. Потеснили их также отхлынувшие в казахские степи башкиры и сибирские татары, которые имели с ними столкновения еще до включения Башкирии и Сибирского ханства в состав Русского государства. Известно, что в конце XVI в. Абдаллах-хан II состоял в союзе с Кучумом, и эти два хана координировали свои действия против Казахского ханства. При непосредственном участии Абдаллаха Кучум стремился путем распространения ислама среди своих подданных идеологически обосновать свое правление и тем самым укрепить свою власть. Из документов о казахско-русских отношениях следует, что в это время союз Абдаллаха с Кучумом представлял серьезную угрозу. Поэтому в переговорах с Московским правительством в 1594–1595 гг. казахский хан Тауекель стремился установить военный союз с Россией для борьбы с противниками. По целому ряду причин этот союз не был заключен. Казахское ханство же подвергалось все более частым нападениям со стороны соседних государств. «Уже в конце XVI столетия киргизы (казахи. – М. А.) оказались в непосредственном соседстве с русскими и в то же время окруженными кольцом враждебных им кочевых народов: с запада и северо-запада – башкирами, калмыками и ногайцами, с востока – джунгарами, с юга – тюркскими народами Хивы, Бухары, Коканда и др.»[23].

Многие факты подтверждают, что в конце XVI в. казахские степи были заняты ногаями. В 1604 г. глава Больших ногаев Иштерек сообщал астраханскому воеводе Степану Годунову: «Как Исмаил убил Юсуфа князя (потомок Едигея, старший бий ногаев, убит в 1555 г. – М. А.) и Смаил князь с мурзами и улусными людьми учали кочевать по Яику и за Яиком, по Иргизе и по Сыр реку...»[24]. В 1582 г. Шайбанид Абдаллах-хан II в погоне за правителем Ташкента и Туркестана Баба-султаном, который спасся бегством к мангытам, т. е. ногаям, отправился на север со среднего течения Сырдарьи, из района городов Йассы, Сауран, Сыгнак, пересек р. Сарысу, дошел до гор Улуг-Таг, т. е. Улу-Тау, и прошел вдоль них на север. Но при этом он нигде не встретил казахов. Часть казахских племен в это время находилась на его стороне. Во главе с ханом Шигаем и его сыном султаном Тауекелем они вошли в состав войска Абдаллаха и приняли участие в этом походе. Маршрут похода в земли мангытов говорит сам за себя. По «Шараф-наме-йи шахи» – это Центральный Казахстан. И действительно, войска Абдаллаха искали мангытов в этом районе, к северо-востоку от Аральского моря, около оз. Ак-Куль и некоторых находившихся там же пунктов. Именно здесь они обнаружили отдельные группы сторонников Баба-султана, которые ушли, как сообщается в «Шараф-наме-йи шахи», к мангытам.

С. Е. Толыбеков на своей карте к югу от Сарысу фиксирует расположение Казахского ханства с 60-х гг. XVI в. и до 20-х гг. XVIII в.[25]. На этой карте указано также, что территория Казахского ханства несколько выходила за Сарысу к северу и северо-востоку от Аральского моря, но в этом факте, вероятно, нашло отражение положение Казахского ханства, засвидетельствованное в «Книге Большому Чертежу»: «...В Синее море с востоку пала река Сыр, а в Сыр реку пала река Кендерлик, а река Кендерлик вытекала из

Улутовой горы двема протоки. А от горы Кендерлика реки протоку 330 верст; а другая река Кендерлик из тое же горы пала в реку Сарсу.

А реке Сарса пала в озеро, а не дошел до Сыра реки, от усть реки Кендерлика 150 верст, а от Карачатовой горы за 70 верст; а вдоль Карачатовой горы 250; а от Сыра реки та гора 80 верст. А от усть реки Кендерлика 150 верст, с левые сторон реки Сыра, город Сунак, против Карачатовой горы; а промеж озеро Акбашлы, и реки Саук, и озера Анколь, и по обе стороны реки Зеленчика, и реки Кендерлика, и реки Сарсы, и песков Каракум, на тех местах, на 600 верстах, кочевье Казацкие орды»[26].

Во второй половине XVI в. в Центральном Казахстане и в низовьях Сырдарьи появляются каракалпаки. В предании, относящемся к этому времени, говорится, что «40 представителей каракалпакских родов «по решению Совета стариков» обратились к казахскому хану Тауекелю с просьбой выделить для каракалпаков, не имевших своих угодий, земли в урочище Улу-Тау. Тауекель исполнил эту просьбу, прислав, однако, каракалпакам в правители своего сына. Когда же каракалпаки через несколько лет убили казахского хана-правителя, Тауекель отобрал у них дарованные земельные угодья и каракалпаки разбрелись в различные стороны»[27]. Из этого предания следует, что какое-то время каракалпаки находились в зависимости от казахских ханов и султанов.

Нам почти ничего неизвестно о внешнеполитической истории каракалпаков XVI в., но источники сообщают, что в конце этого века и в самом начале XVII в. (в 1603–1605 гг.) каракалпаки на время овладели бассейном р. Сырдарьи и Ташкентом и оттеснили казахов. Так, в «Мусаххир аль-билад» сообщается, что «после смерти Абдаллах-хана и Абд ал-Мумин-хана каракалпакский народ в Туркестане нарек Абд аль-Гаффаром человека, имевшего некоторое сходство с султаном Абд аль-Гаффаром, и посадил его на престол правления. Бахадур-хан и Ишим-хан, и казахские султаны, прибыв с войсками из Ташкента и Сайрам, двенадцать дней сражались с Абд аль-Гаффар-султаном. На тридцатый день казахи потерпели поражение, а Абд аль-Гаффар захватил в свои руки вилайет Туркестан и Сайрам, и Ташкент, и Ахсыкент, и Андиган и сделал столицей Ташкент. В 1012 (1603) году, соответствующим году барса, осенью, он выступил. В 1013 (1604) году, соответствующем году зайца, весной, он оставил Ташкент и разбил шатер на поляне Кара-Камыш, находившейся в пол-фарсахе от ворот (города). Бахадур-хан и Ишим-хан подошли из Ала-Тага к Ташкенту с большим числом мужей с целью (нападения) на Абд ал-Гаффара, захватив одного человека, они расспросили у него об обстоятельствах Абд ал-Гаффара, и он рассказал обо всем. После того они спешно поскакали и на рассвете нагрянули на его шатер в Кара-Камыше. Абд ал-Гаффар спал. От конского топота он проснулся и в испуге выбежал из шатра. В тот миг появился Ишим-хан и громадной саблей пронзил ему брюхо»[28]. Видимо, в конце XVI – начале XVII вв. каракалпаки были активны в своих внешнеполитических акциях.

Необходимо отметить также, что во второй половине XVI в. оседло-земледельческие районы с городами Отрар, Сауран, Сыгнак, Сузак, Йассы и др. по среднему течению Сырдарьи, т. е. область Туркестана, находились во власти Шайбанидов. Если в конце XV и в первой половине XVI в. казахские ханы и султаны вели подчас успешную борьбу за обладание этими городами с Тимуридами, Шайбанидами и Чагатаидами (в результате которой Могули-

Указ Таукель-Мухаммад-хана. Дата на печати — 1086/1675–76 г.

стан и некоторые из городов на какое-то время переходили под их власть), то после создания государства Шайбанидов казахи были оттеснены от городов, хотя и продолжали совершать набеги на эти области и вели постоянную борьбу за них. Даже в период раздробленности государства Шайбанидов после смерти Мухаммад Шайбани-хана (1510 г.) и до объединения его Абдаллах-ханом II города Туркестана прочно удерживались Шайбанидами. Так было, например, при Барак (Науруз-Ахмад)-хане и его преемниках. В «Тарих-и Кашгар», например, как было сказано выше, Барак-хан, упоминается даже как хан, который правил казахами одновременно с Хакназар-ханом. В связи с этим сообщением в литературе существует категорическое утверждение, что «здесь явная ошибка, так как Науруз-Ахмад, он же Барак, не был казахским ханом». Существует, однако, и другое мнение, что сообщение это вполне правдоподобно, так как Барак-хан долго правил Ташкентом и некоторыми присырдарьинскими районами. Вполне вероятно, что некоторые группы казахов, кочевавшие в близлежащих районах, признавали над собой власть Шайбанидов, как это было позднее с ханами Шигаем, Тауекелем, Турсун-Мухаммадом, Абулай-султаном и другими казахскими владетелями». История казахских ханств в XVI в., общая тенденция и частные факты убеждают нас в том, что второе мнение, т. е. предположение о распространении юрисдикции Барака на какую-то часть казахов (возможно, независимую от Хакназар-хана), является более достоверным.

Однако состояние источников таково, что окончательный ответ на этот вопрос сейчас дан быть не может, но вполне вероятно также и то, что вовлечение в оборот новых источников сможет прояснить этот вопрос. Как бы то ни было, но если исходить из того, что сообщение «Тарих-и Кашгар» соответствует действительности, то придется признать, что отдельные группы населения Казахского ханства в условиях, когда невозможно было силой решить спор из-за обладания присырдарьинскими городами, и, по-видимому, в результате действия центробежных тенденций внутри Казахского ханства, признавали над собой власть присырдарьинских Шайбанидов и действовали исходя из их интересов, что естественно, не способствовало их усилению. Таким образом, к концу XVI в. Казахское ханство было оттеснено от линии оседло-земледельческих районов в Туркестане, т. е. по сравнению с началом XVI в. территориальное положение казахов в этом районе ухудшилось. И эта потеря богатых земледельческих, ремесленных торговых центров Туркестана должна была пагубно сказаться на экономике Казахского ханства.

Помимо указанных, действовал и еще один немаловажный фактор. С востока, из-за Балхаша, в Центральный Казахстан и в Жетысу началось встречное движение джунгаров. Во второй половине XVI в. были широко развернуты военные действия их против Казахского ханства. Известно, что они продвигались в Центральный Казахстан и Жетысу. К этому времени важную роль играло как стремление обеих сторон расширить свои пастбищные территории за счет соседа, так и стремление ойратских феодалов захватить в свои руки присырдарьинские города. По сообщению Сейфи Челеби, в конце XVI в. Тауекель-хан совершил набег на джунгаров (калмаков), вследствие этого страна казахов подверглась опустошительному нашествию неверных. Джунгары преследовали Тауекеля до Ташкента, разгромили его, разграбили его эль и затем ушли. Тауекель предлагал правителю Ташкента Шайбаниду Барак-хану пойти походом на врага, на что тот ответил отказом ввиду невоз-

можности, по его мнению, одолеть их. Иногда казахские ханы получали перевес в этой борьбе. Так, прибывшее в 1594 г. в Москву посольство Тауекель-хана заявляло, что он «учинился на Казатцкой орде, а брата своего Шахмагметя-царевича посадил на калмаках, а кочюют-де поблиску и все в соединенье...»[29]. Таким образом, казахскому хану Тауекелю в то время удалось поставить своего брата над небольшой частью калмаков, кочевавших в непосредственной близости от казахов. Это могла быть та часть калмаков, которые обитали в районах Центрального и Северного Казахстана. Вероятно, в это время некоторые кочевья их, граничившие с казахскими, в результате военных поражений вынуждены были признавать власть казахских ханов. Но как только в Казахском ханстве возобновлялись раздоры между ханами и султанами, так джунгары под предлогом мести за прежние набеги устремлялись на казахов. Так, они после смерти Тауекель-хана начали вытеснять последних из Жетысу при Ишим-хане. При этом, по сведениям Я. Гавердовского, «одна часть зюнгорцев теснила и истребляла, и преследовала их с востока от вершин р. Нижний Иртыш и от гор... зюнгорских за горы Буглы-тага и реки Сариса (Сарысу. – М. А.) в глубину степи, а другая, наводнив Большую Бухарню, Хиву, разорив Урганчю и пробравшись между Каспийским и Аральским морями также к степям киргисским, завладела окрестностями р. Эмбы и нижнею частью Урала, начала делать набеги на киргисцев с запада»[30].

Итак, воздействие джунгар на казахов во второй половине XVI в. было мошным, и поэтому казахско-джунгарские отношения этого времени требуют тщательного исследования.

Таким образом, Казахское ханство, занимавшее ранее огромные степные пространства, к концу XVI в. оказалось ограниченным в своих кочевьях степями и горами Жетысу, в том числе территорией современного Кыргызстана. Киргизы нередко в это время действовали вместе с казахами, что в какой-то мере усиливало Казахское ханство. Между тем Туркестан находился под властью Шайбанидов. Отсутствие городов пагубно сказывалось на экономическом состоянии ханства, с одной стороны. С другой – следует отметить разобщенность и независимость правителей местных владений, которые все более углубляли раздробленность государства. Эти обстоятельства вынуждали казахских ханов во второй половине XVI в. вести ожесточенную борьбу за присырдарьинские районы. Овладеть ими казахам удалось лишь в 1598–1599 гг., в момент, когда узбекское государство переживало период внутренней неустойчивости, а потому оказалось ослабленным и на внешнеполитической арене.

2. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ШАЙБАНИДАМИ И АШТАРХАНИДАМИ СРЕДНЕЙ АЗИИ НА РУБЕЖЕ XVI–XVII ВВ. ТАУЕКЕЛЬ-ХАН. ПОИСКИ ПУТЕЙ СБЛИЖЕНИЯ С РОССИЕЙ.

История Казахского ханства с 90-х гг. XVI в. до начала XVII в. отмечена такими событиями, как переход Шигая к Абдаллаху[31], уход Тауекеля от него, Ташкентское восстание 1588 г., в котором казахские султаны принимали участие, казахско-русские переговоры 1594–1595 гг., военные события 1598–1599 гг., когда Тауекель овладел Туркестаном, Ташкентом, Ферганой, Самаркандом. Включение этих областей в состав Казахского ханства имело важное историческое значение, знаменовало смену одного исторического периода

другим. События эти имели серьезные последствия не только для Казахского ханства, но и для Шайбанидского государства, так как с ними в прямой связи оказалась смена династий в Средней Азии.

После 1580 г. в источниках отсутствуют какие-либо упоминания о Хакназар-хане, а казахским ханом назван его двоюродный брат Шигай. О происхождении Шигай-хана имеются следующие сведения. Так, в родословных о казахских ханах, он представлен как сын Джадика. Сыном Джадик-султана он назван и в родословной Ураз-Мухаммада: «Урус-хан, (его) сын Куйручук-хан, [его] сын Барак-хан, [его] сын Жаныбек-хан, [его] сын Ядик-хан, [его] сын Шигай-хан, [его] сын Ондан-султан, [его] сын Ураз-Мухаммад-хан».[32] Матерью Шигай-хана была Абайкан-бикем. Согласно сообщению Мухаммад Хайдара, Джадик умер вскоре после 1503 г. Самое позднее по времени упоминание о Шигае в связи с событиями в 1582 г. содержится в «Шараф-наме-йи-шахи» Хафиза Таныша.

Шигай-хан прожил очень долгую жизнь, около 80 лет, однако о его жизни сохранились лишь отрывочные сведения.

В 1569 г. Семен Мальцев, посланный к ногайским мурзам, сообщал царю Ивану IV, что «казацкие орды» Ак-Назара царя, Шигая царевича и Челыма царевича, а с ним 20 царевичей приход был в Ногаи и бой был»[33]. Г. Ф. Миллер приводит старое татарское предание о том, что Ахмад-Гирей, брат сибирского хана Кучума, был женат на дочери Шигая, «князя Бухарии». Однако Шигай находился с ним во вражде и однажды подослал людей, которые, хитростью заманив Ахмад-Гирея, убили его на берегу Иртыша[34]. В. В. Вельяминов-Зернов полагает, что этим «князем Бухарии» был не кто иной, как казахский владетель Шигай, сын Джадика[35]. Важные сведения о Шигай-хане имеются в «Шараф-наме-йи-шахи» Хафиза Таныша и «Мусаххир аль-билад» Мухаммадийар ибн Араб катагана. В «Шараф-наме-йи-шахи» сообщается также о том, что «Шигай в течение многих лет был повелителем степей и пустынь». Возможно, что Шигай-хан возглавлял определенную часть казахов до того, как достиг ханского титула. По-видимому, он держался в стороне от других казахских ханов. Так, его имя не упомянуто в описаниях войны Хакназара с Баба-султаном и в других описаниях военных действий.

После смерти Хакназар-хана Шигай самостоятельно выступил против Баба-султана, чтобы доказать свою преданность Абдаллах-хану, с которым он, по-видимому, и связывал свои надежды на будущее. Вероятно, между Шигаем и Абдаллахом существовали какие-то связи, так как, по сообщению Хафиза Таныша, Шигай-хан «с давних пор проявлял себя как сторонник его величества государя [Абдаллах-хана]»[36].

Одним из заметных политических событий Казахского ханства второй половины XVI в. был переход казахского хана Шигая на сторону Шайбанида Абдаллах-хана II, правителя Средней Азии, хотя, как известно, казахские ханы были давними и непримиримыми врагами Шайбанидов в борьбе за власть в Дешт-и Кипчаке.

В июне 1581 г. Шигай-хан со своими сыновьями Тауекелем-султаном и другими прибыл в лагерь Абдаллаха. «Через посредство некоторых столпов государства и вельмож (Абдаллах-хана) он удостоился чести встретиться со справедливым ханом. Его величество со свойственной ему милостью и великодушием усердствовал в проявлении почтения и уважения к [Шигай-хану]. Оказав [Шигай-хану] исключительный почет и всякого рода милости, [Аб-

даллах-хан] отдал ему в качестве икта[37] земли Ходжента. Он обнадежил наставлениями и [обещаниями] верной помощи [и] устроил царский пир»[38]. Причины удаления Шигай-хана в Мавераннахр до недавнего времени были не совсем ясны. Одни исследователи (М. П. Вяткин) объясняют это тем, что рост могущества Абдаллаха и сознание собственного бессилия заставили Шигай-хана искать покровительства Абдаллах-хана. Другие же (А. П. Чулошников) считают, что сильное поражение казахов на берегу р. Талас (в борьбе с Баба-султаном) ослабило их во внешнеполитическом отношении, так что они оказались под двойной угрозой: мятежного Баба-султана и могульских ханов-чагатаидов. По-видимому, уход Шигай-хана был вынужденным: его вытеснили другие казахские ханы. Скорее всего, причин ухода Шигая к Абдаллаху было несколько, и только в комплексе они могут объяснить этот политический шаг казахского хана. Причины эти должны были быть чрезвычайно серьезными. Мы не должны забывать, что в конце XV—XVI вв. Шайбаниды и казахские ханы вели в степях Дешт-и Кыпчак борьбу не на жизнь, а на смерть за военное превосходство и в конечном счете за верховную власть над кочевниками Дешт-и Кыпчака. Поэтому решение Шигая подчиниться в политическом отношении Шайбаниду на первый взгляд представляется фактом почти невероятным. Ранее было сказано о том, что в XVI в. в степях для казахов сложилась крайне неблагоприятная обстановка: продвижение русских в Сибирь и по Волге до Астрахани, распространение кочевий ногаев (мангытов) почти на все казахские степи до Иртыша, смещение на юг башкир, встречное движение ойратов с востока на запад, давление могульских ханов-чагатаидов с юга, владычество Шайбанидов в Туркестане и, возможно, стремление киргизов к независимости — все это, вместе взятое, оттеснило казахов в Жетысу. Создавшаяся обстановка порождала междоусобицы, к которым прибавлялись внешнеполитические трудности. Казахские владетели вынуждены были искать выход из создавшегося положения, и они обращали свои взоры в сторону Средней Азии.

Следует отметить также, что, во-первых, на сторону Абдаллаха перешли не все казахи, а только та их часть, которая находилась под властью Шигая, «отряд единодушных и единомыслящих людей из войска казахов». Остальные племена казахов оставались под властью другого хана (ханов) или султанов. Очевидно, что после Хакназар-хана оставшуюся часть казахских племен возглавили его сыновья Мунгатай-султан и Дин-Мухаммад-султан. В связи с этим представляет интерес упоминание Хафиз Таныша об этих султанах, участвовавших в Ташкентском восстании 1588 г. Следует отметить, что в это время между казахскими владетелями происходила внутренняя борьба. Вероятно, среди них выделялись сторонники совместных действий с Абдаллах-ханом и их противники. Дополнительными причинами этой борьбы были, таким образом, экономическая разобщенность, раздробленность казахов, слабая зависимость султанов от хана, что обусловливало сепаратизм султанов, их стремление к автономии.

Кроме того, переход Шигая к Абдаллаху произошел в 1581 г., а, как известно, Абдаллах официально стал ханом всех узбеков только в 1583 г., т. е. уже после того, как к нему перешел Шигай-хан. У Абдаллаха было много соперников в борьбе за престол, способных в любое время овладеть верховной властью, поэтому он был заинтересован в переходе на его сторону Шигай-хана, чтобы заручиться его поддержкой. Тауекель, находясь на службе у

Абдаллах-хана, во главе казахских отрядов принял активное участие в его борьбе против других Шайбанидов и в их истреблении. Следует отметить, что характерным для политической жизни Средней Азии XVI–XVII вв. было стремление главы того или иного сильного рода распространить свою власть на других узбеков, восстановить единство государства в свою пользу, устранить сначала фактическую, потом и номинальную власть ханов и положить начало новой династии.

Заинтересованность Абдаллах-хана в своих новых союзниках проявилась в пожаловании Шигай-хану и Тауекелю-султану союргальных[39] владений и селений в Мавераннахре. Сначала, как уже отмечалось, в борьбе с Баба-султаном Абдаллаху оказывал помощь Хакназар-хан, после смерти последнего Абдаллах возлагал большие надежды на Шигай-хана. И действительно, с помощью Шигая, Тауекеля и других казахских султанов ему, наконец, удалось уничтожить Баба-султана.

Безусловно, что Шигай-хан с своими людьми имел большой авторитет среди остальных узбекских султанов. Так, Хафиз Таныш сообщает, что когда «Абдаллах-хан прибыл в Дизак, то с толпою казахов и храбрых воинов к его победоносному войску здесь присоединился Шигай-хан, пользовавшийся его «особенным расположением». Абдаллах-хан назначил в авангард отряда, находившегося на правой стороне, одного из казахских султанов Шигай-хана, который вырос в степи и пустыне, видел трудности при совершении великих дел, на протяжении многих лет вкушал со стола времени и сладкое и горькое. [Туда же хан назначил] и его сына Тауекель-султана, который по храбрости, смелости и мужеству является единственным во [всем] мире (букв. - в горизонтах) и славится в Дешт-и Кыпчаке[40].

В начале 1582 г. Абдаллах-хан предпринял очередной Улуг-Татский поход против Баба-султана и его сторонников, на этот раз увенчавшийся успехом. Шигай-хан также принял участие в этом походе, оказавшемся для него последним. От преследований Шигая и Тауекеля Баба-султан бежал к ногаям. Там он подготовил заговор с тем, чтобы убить ногайских мурз и захватить их земли. Этот заговор был раскрыт, и Баба-султан направился в сторону Туркестана с целью возобновить борьбу за обладание Ташкентом. Об этом случайно узнал Тауекель-султан: его воины поймали двух калмаков, тайно посланных Баба-султаном в Туркестан, они и рассказали о Баба-султане и его возвращении. Тауекель быстро собрал войска против него. В происшедшем столкновении Тауекель убил Бабу и доставил его голову Абдаллаху, а Латиф-султан, сын Баба-султана, и некоторые эмиры были взяты в плен. В награду помимо богатых подарков, Тауекель получил в удел Африкентский вилайет.

После смерти Шигай-хана в 1582 г. ханом стал Тауекель. Вассальная зависимость от Абдаллаха сохранилась и при нем. Но уже в начале 1583 г. «во время возвращения из похода на Андижан и Фергану, Тауекель заподозрил хана в недоброжелательстве, покинул его и удалился к себе в Дешт-и Кыпчак»[41].

Причины, которые побудили Тауекеля предпринять такой шаг, источники не объясняют. Некоторые суждения по этому поводу, однако, могут быть высказаны. Известно, что Абдаллах стал ханом не на «законном» основании престонаследия, а лишь благодаря своей дипломатической ловкости и воинскому счастью, он не только устранил соперников, но и поголовно их истре-

бил. Значительную часть претендентов Абдаллах-хан уничтожил руками Тауекеля. Когда же Абдаллах, наконец, объединил весь Мавераннахр под эгидой Шайбанидского государства, уничтожив при этом всех возможных соперников – Шайбанидов, небезопасным, вероятно, стало и положение Тауекеля. Ведь он также был Джучид и мог претендовать на власть в Средней Азии, как и Абдаллах (события 1598 г. доказывают, что он и стремился к этому). И, по-видимому, подозрения Тауекеля были обоснованны. Возможно также, что Тауекель не получил от Абдаллаха того, чего ожидал. Как известно, Абдаллах обещал казахам четыре города в Туркестане, но после устранения соперников своего обещания так и не выполнил.

Тауекель начинает борьбу за присырдарьинские города. В 1586 г. он предпринимает попытку овладеть Ташкентом. Узнав, что войска Абдаллах-хана сосредоточены на юге, Тауекель напал на северные области Мавераннахра. Его нападение поставило под угрозу такие центры, как Туркестан, Ташкент и даже Самарканд. Он разгромил ополчение Ташкента, но когда против него выступил из Самарканда брат Абдаллаха Убайдаллах, Тауекель не принял сражение и поспешно отступил. Так, первая попытка Тауекеля овладеть Ташкентом закончилась неудачей.

К числу важных событий истории казахского народа этого периода относится восстание 1588 г., которое произошло в Ташкентской области. Интересные сведения и подробности о нем приведены в трудах Хафиза Таныша в «Шараф-наме-йи шахи» и «Зафар-наме» Мукими. Ташкентское восстание до сих пор не привлекало внимания исследователей, хотя оно в значительной степени повлияло на ход истории среднеазиатско-казахстанского региона.

Согласно Хафизу Танышу, это восстание было поднято против Абдаллах-хана и его двоюродного брата Узбек-султана, сына Рустама, правителя этой области. В то время как Абдаллах-хан сражался в Герате, воспользовавшись его отсутствием, «группа богатых и почитаемых людей Ташкентской области и окрестностей Шахрухии и Ходжента вместе с отрядом неблагородной черни, питая несбыточные надежды и неосуществимые желания, устроила великое сборище в Пскенте и, заключив между собой договор и скрепив его верой, начала совещаться»[42]. Во главе восставших, таким образом, были знатные люди, эмиры Абдаллах-хана. Это и понятно: ведь уже вскоре после вступления Абдаллаха на престол среди шайбанидской знати возникло недовольство его правлением. Известно, что всех ханов, правивших до Абдаллаха, избирали шайбанидские султаны (об этом постоянно упоминает Хафиз Таныш, говоря о вступлении на правление того или иного государя), но в возведении на престол Абдаллаха участвовали одни эмиры. Абдаллах, не имея законного права на престол и боясь, как бы султаны, узнав о смерти Искандара, не провозгласили правителем претендента старше его по возрасту, поспешил со своим избранием, и в возведении его на престол участвовало лишь небольшое число преданных лиц. Абдаллах сумел взять верх над всеми своими родственниками из ханского дома и подчинил себе наиболее видных представителей узбекской племенной знати. В борьбе за власть как с той, так и с другой группой своих противников Абдаллах опирался также на наиболее влиятельную часть мусульманского духовенства, среди которого к середине XVI в. довольно видную роль играли джуйбарские шейхи, владевшие значительной земельной собственностью и пользовавшиеся в связи с этим большим влиянием.

Итак, влиятельная часть шайбанидской знати, оказавшаяся в оппозиции, подняла мятеж. Мятежники провозгласили ханом казахского султана Джан-Али, похожего внешне на Баба-султана. Как только распространилось это известие, кочевые племена и войска (аймак ва ахшам) целыми отрядами стали переходить в лагерь мятежников. Вскоре число их увеличилось до 30 тысяч человек. Повстанцы решили сделать своим предводителем Шах-Назар-бия, и из Пскента они направились в Ходжакат, являвшийся союргалом последнего. Однако Шах-Назар отказался участвовать в смуте, и тогда «враги заставили его заключить с ними договор, погубили несколько [человек] из наместников Узбек-султана, которые ходили к Назар-шаху для сбора золота»[43]. В первых числах месяца раджаба мятежники направились в Ташкент, где в то время правил брат Абдаллах-хана Узбек-султан, и окружили город. Узнав об этом выступлении, Узбек-султан без промедления послал людей в Фергану за Асфандйар-султаном, в Ахсикат за своим сыном Хазаре-султаном, в Самарканд за Хаджи-бием, в Сагирдж и Дизак за Ишим-бием жалаиром и Гандж Али-бием и просил их прибыть к нему на помощь. Он направил гонца также в Герат к Абдаллах-хану с вестью о сложившихся обстоятельствах и с просьбой оказать ему помощь. «Его высочество, узнав об этом значительном событии, смыл каплями прощения и водой источника благодарства пыль разногласий... Следы обиды, которые отпечатались на скрижали (его) разбитого сердца, тоже стер (соскоблил) [и] обласкал его руками беспредельной благосклонности. Брату он послал [особый] знак и почетную грамоту о передаче всей области Согд и направил в Мийанкаль Пулад-султана, за ним — Йар-Мухаммад-султана»[44].

Хотя до вступления Абдаллаха на престол между ним и Узбек-султаном были разногласия (еще в 1551 г. Узбек-султан претендовал на власть в Бухаре, а его соперником выступал его брат Абдаллах), но из-за мятежа небезопасным стало и положение Абдаллах-хана, поэтому он решил оказать помощь Узбек-султану. Осада Ташкента продолжалась почти месяц. Узнав, что к нему идет помощь, Узбек-султан прорвал окружение и обратил противника в бегство. Шах-Назар бежал со своим отрядом в Сайрам, Турсун Дараз Дурман — в сторону Кара-Саман, еще один отряд — в Кара-Таг. Прибывшие в Ташкент войска Асфандиар-султана, Хазаре-султана, Ишим-бия, Гандж-Али-бия начали преследование противника. Узбек-султан настиг неприятеля в окрестностях Сайрама, после сильных боев мятежники бежали в Дешт-и Кыпчак. Так, Узбек-султану удалось отразить первый натиск своих противников, однако восстание окончательно еще не было подавлено.

Спустя некоторое время к мятежникам присоединились казахские султаны Мунгатай-султан и Дин-Мухаммад-султан, сыновья Хакназар-хана, которые в это время с частью казахов кочевали до Дешт-и Кыпчака. Казахские султаны, видимо, ждали удобного момента, чтобы выступить против Абдаллаха. Узнав о смуте и численности мятежников, они отправили к ним гонца и потребовали их к себе. Как сообщает Хафиз Таныш, «поскольку в Дешт-и Кыпчак не было никого (равного) по отваге упомянутым выше султанам, а у них к тому же не было достойного предводителя, эмиры повиновались им и пожелали отбыть в сторону султанов»[45]. В окрестностях Сыгнака мятежники примкнули к казахским султанам и изъявили им свою покорность, и вместе с ними из Угуз-Тага направились в Йассы и затем в Сабран.

Для султанов, не согласных с правлением Абдаллаха, настал удобный для выступления час. В «Шараф-наме-йи-шахи» сообщается, что «сыновья Амин-султана — Адил-султан и Хади-султан, которые еще до этих событий бежали из победоносного войска [Абдаллах-хана] и укрывались у киргизов, теперь вместе с Хусейн-бием, киргизом, восстали и дошли до Фаракатского вилайета и селения Ходжката». Когда Узбек-султан узнал о восстании этих султанов, он сам встал во главе войска. В это время от Шах-Назара и других эмиров прибыл Тангри-Берди-татар для того, чтобы вывести мятежных султанов из окружения и вступить в войну на их стороне. Однако еще до начала сражения расстроился союз мятежных султанов, они разбежались в разные стороны: Хади-султан вместе с Хусейн-бием снова вернулся к киргизам, Адил-султана спас Тангри-Берди-татар и повел к войскам, находившимся в Дешт-и Кыпчаке, Шах-Назар с остальными мятежными эмирами прибыл в окрестности Йассы.

В это время казахские султаны, узнав, что Ишан-Кельди-аутарчи, правитель Сабрана, и Науруз-бий кушчи готовят против них заговор, выступили навстречу узбекскому войску. Однако Ишан-Кельди-бий победил в этой борьбе, казахские султаны и мятежные эмиры понесли поражение.

Так закончилось восстание, длившееся около трех месяцев, носившее характер военной смуты. В восстании наряду с мятежными эмирами и казахскими султанами принимали участие и кочевые племена (аймак ва ахшам). Восстание было серьезным и носило массовый характер. События 1588 г. явились предпосылкой последующих событий 1598—1599 гг., в частности такого значительного, как смена Шайбанидской династии на Аштарханидскую.

В этом восстании не участвовал Таукель, который еще в 1586 г. самостоятельно выступал против Абдаллаха. Он не примкнул к этой борьбе, которую вели другие казахские султаны, хотя победа сулила ему определенные выгоды. По всей вероятности, это объясняется, во-первых, тем, что после перехода Шигай-хана, Таукеля и их сторонников к Абдаллаху (как сказано выше, этот уход был вынужденным, так как их вытеснили другие султаны) во главе оставшихся казахских племен стояли султаны (на наш взгляд, это были Мунгатай-султан и Дин-Мухаммад-султан). Во-вторых, после ухода Таукеля от Абдаллаха в конце 1582 г. ему пришлось долго и упорно бороться за верховную власть, и, по-видимому, его противниками были те же сыновья Хакназара. Хотя и в 1596 г. он носил титул хана, однако его он получил не на законном основании. Так, еще Искандар Мунши, описывая набег Таукеля на Ташкент в том же году, сообщает, что «Таваккул-султан, казах, присвоивший себе титул хана, подступил к Ташкенту с многочисленным войском».[46] Отсюда становится очевидным, что положение хана завоевано было Таукелем лишь в результате длительной и упорной борьбы, происходившей между 1586 и 1594 гг., после которой он выступил как действительный хан при налаживании отношений с Москвой.

В 1594 г. Таукель послал посла Кул-Мухаммада к царю Федору с целью «вызволить из русского плена Ураз-Мухаммада», племянника Таукеля, который был захвачен в 1580 г. во время войны с Кучумом.

Казахские послы передали русскому царю ряд интересных сведений о состоянии Казахского ханства. Так, Кул-Мухаммад сообщал: «А с бухарским царем теперь в миру на время, а и с ногаи со шти браты в миру, и с Тинехматовыми детьми да с урусовыми — ни так ни сяк»[47]. В деле об этом посольстве

Таукель-хан назван также «царем казацким и калмыцким», из чего можно заключить, что ему подчинились некоторые джунгарские роды, кочевавшие в непосредственной близости от казахов и обитавших в районах Центрального и Северного Казахстана[48].

Итак, перед казахским посольством были поставлены задачи: добиться возвращения Ураз-Мухаммада и заручиться помощью Москвы в борьбе с Абдаллахом. В марте 1595 г. послу была вручена ответная царская грамота, в которой Московский царь сообщал Таукелю, что принимает Казахское ханство «под свою царьскую руку» и обещает прислать «царю и царевичам огненного бою», и далее высказывалось желание, чтоб Таукель, «будучи под нашею царьского рукою и по нашему царьскому повелению, будет воевать бухарского царя и изменника нашего Кучума-царя сибирского изымав, к нашему царьского величества порогу пришлете»[49].

Одним словом, Таукель должен был сам смирить Абдаллаха и Кучума. Что касается племянника Таукеля, то царь согласился отпустить его лишь при условии, что Таукель «взамен пришлет в аманаты своего собственного сына Усейна-царевича». Но далеко не все условия Московского царя были приемлемы для казахского хана. По материалам русско-казахских переговоров в Москве видно, что новые отношения с Москвой Таукель представлял себе не в форме утраты Казахским ханством политической независимости, а лишь как военный союз для борьбы с Абдаллахом.

Послы Таукеля узнали о пребывании в Москве посланца иранского шаха Аббаса I Дарвиш-Мухаммада и стали просить отпустить иранского посла вместе с ними к Таукелю с тем, чтобы достичь соглашения о совместной борьбе казахов и иранцев против Абдаллаха. Просьба послов была уважена.

В ответ на посольство Кул-Мухаммада в марте 1595 г. из Москвы к Таукель-хану был направлен переводчик Вельямин Степанов.

Таким образом, хотя при сложившихся обстоятельствах оказалось невозможным прийти к согласию по вопросу о покровительстве, дипломатические отношения, а также и торговые связи с Московским государством продолжались и в последующие годы XVI столетия. Развитие казахско-русских дипломатических отношений способствовало дальнейшему расширению караванной торговли. Казахи доставляли на рынок свои товары: скот, скотоводческие продукты и т. д. Через территорию Казахского ханства проходили пути из России в Среднюю Азию и Сибирь. Торговый путь из Тобольска в Среднюю Азию шел через р. Иртыш к верховьям р. Ишим, а оттуда мимо гор Улуг-Тага на Сарысу до Туркестана, затем через р. Сырдарью к Бухаре.

Известен также и другой маршрут, который вел в среднеазиатские ханства через Казахское ханство. Краткое его описание имеется в отписях русского посла Вельямина Степанова царю Федору от 20 мая и 3 октября 1595 г. Эта дорога вела от Казани на р. Каму и через землю башкир на г. Уфу или же, минуя последний, к верховьям р. Яик. Далее она шла к р. Иргиз и по безводным степям Казахстана – к Пегим горам (сейчас Таласский Ала-Тау – М. А.). «И шел, государь, я от Казани до Пегих гор 9 недель, и лошади, государь, многие померли з безводицы и с пути немногие дошли до Казацкой орды», – сообщал Вельямин Степанов царю[50].

В 1598 году Таукель предпринимает новый набег на государство Шайбанидов, достаточно описанный в труде Искандара Мунши «Тарих-и алама-ра-йи Аббаси»[51]. Поводом к выступлению Таукеля послужила ссора Абдал-

лаха с его сыном Абд аль-Мумином. Как сообщает Искандар мунши, Абдаллах-хан, не сочтя Тауекеля за достойного для себя противника, выслал против него войска султанов, эмиров пограничных областей и часть своих войск. В местности, расположенной между Ташкентом и Самаркандом, произошло сражение. Войску Абдаллаха было нанесено жестокое поражение. Это заставило его быстро мобилизовать новое войско и самому встать во главе его. Подготовившись к выступлению, он послал в Герат за эмиром Кульбабой-кукельташем. Узнав о приближении Абдаллаха, Тауекель решил уйти в степь, выждать там некоторое время. Развернувшиеся вслед за тем события 1598 г. оказались благоприятными для казахов. «После того, как явился Кульбаба и собрались воины, Абдаллах-хан выступил в направлении Самарканда, чтобы покончить с Тауекелем и отомстить ему, однако, здоровье его, вследствие неприятностей, причиненных ему враждой и неповиновением сына, а также дерзости казахов, ухудшилось и вскоре он умер»[52].

После смерти Абдаллаха ханство вступило в полосу политического кризиса. Власть перешла к его сыну Абд аль-Мумину. Положение нового хана оказалось, однако, весьма неустойчивым, и вскоре он был убит мятежными эмирами в 1599 г. После его гибели из мужских представителей Шайбанидов остался в живых лишь дядя Абдаллах-хана Пир-Мухаммад, ведь «остальных уничтожили Абдаллах-хан и Абд-аль-Мумин-хан, которые видели в их лице опасных для себя соперников.

С гибелью Абд аль-Мумина прекратилась династия Шайбанидов. Как известно из источников и научной литературы, эта династия завершается правлением Абд аль-Мумин-хана. В одном из исследований так и сообщается: «Династия Шайбанидов прекратила свое существование в 1599 г. вместе со смертью Абд аль-Мумин-хана. Бухарский трон перешел к Аштарханиду Баки-Мухаммаду, сыну Джана и наследницы Шайбана»[53]. Однако в последнее время устоявшийся исторический факт конкретизирован и дополнен следующим любопытным сведением из «Тарих-и Кыпчак-хани»: «После события (т. е. гибели) Абд аль-Мумин-хана бухарцы пригласили (Пир Мухаммад-хана) из Балха и лета тысяча седьмого (1598—1599) посадили на ханский престол... Он правил три года»[54]. Из этого сообщения следует, что династия Шайбанидов прекратила существование не в 1599 гг., как принято считать, а в 1601—1602 гг.

Правители, стоявшие во главе различных частей государства Шайбанидов, быстро сходили со сцены, не сумев объединить под единой властью государство. В Бухаре, например, воцарился Пир Мухаммад-хан. По «Тарих-и аламара-йи Аббаси», он был родственником Абдаллаха и «царевичем из рода Жаныбека», и преемником Абд аль-Мумина в Бухаре, его узбекская знать провозгласила ханом; она сплотилась вокруг него, чтобы дать отпор Тауекелю.

Нашествие Тауекеля на Среднюю Азию в 1598 г. получило отражение в нескольких персоязычных нарративных трудах («Тарих-и аламара-йи Аббаси» Искандара Мунши, «Зийа аль-кулуб» Мухаммад Аваза, «Мусаххир альбилад» Мухаммадийар ибн Араб катагана, «Тарихи Кыпчак-хан» и др.). Возможно, что дальнейшее изучение источников по истории Средней Азии XVI в. приведет к выявлению новых сочинений, повествующих об этих событиях. Наиболее перспективными в этом отношении являются среднеазиатские агиографические сочинения. Наличие нескольких источников дает возмож-

ность полнее восстановить внешнюю сторону событий и глубже вникнуть во внутренние причины походов казахов на Среднюю Азию, а также уточнить некоторые подробности этих событий. Так, например, известия «Зийа аль-кулуб», приводимые Мухаммад Авазом, совпадающие с сообщением Искандара мунши, вместе с тем уточняют географические координаты разыгравшихся событий и содержат ряд других существенных подробностей.

Итак, узнав о гибели Абд аль-Мумин-хана, Тауекель в августе 1598 г. развернул активные действия против Шайбанидов. Исходный пункт его действий, как указано в источниках, – горы Алатау, где он сосредоточил крупные военные силы[55]. По Искандару Мунши, численность войска обоих братьев, Тауекеля и Ишим-султана, составляла около ста тысяч человек. Такое же число людей у Тауекеля называет и Мухаммад Аваз, автор «Зийа аль-кулуб», добавляя, что при Тауекеле находилось 120 его сыновей-султанов. Ход событий описывается Искандаром Мунши следующим образом: «Тауекель-хан, овладев вилайетами Туркестана и Мавераннахра, прежде всего Ахси, Андижаном, Ташкентом и Самаркандом вплоть до Мийанкала, оставил своего брата Ишим-султана с двадцатью тысячами человек в Самарканде, а сам с семьюдесятью-восемьюдесятью тысячами человек направился [дальше] с целью покорения Бухары. Так как в то время в Бухаре было не более десяти-пятнадцати тысяч человек [войска], то Пир-Мухаммад-хан и эмиры Бухары предпочли не выходить из города и не встречаться в открытом бою, а укрепили башни и стены города и сосредоточили усилия [на приготовлении] к отражению громадного войска. Тауекель-хан осадил огромный город... Одиннадцать дней полыхало пламя боев и сражений между обеими сторонами. На двенадцатый день вся рать Бухары и отважные витязи и бахадуры сплоченно вышли [из города], и от восхода солнца и до захода между обеими сторонами продолжалось великое сражение. В тот день бухарцы склонили победу на свою сторону, а поражение стало уделом казахского войска... Ишим-султан, разгневанный этим обстоятельством, послал к брату гонца [передать], что, де, великий позор, что несметное войско, которое находилось при [его] высоком стремени, терпит поражение от ничтожного отряда Бухары и ударяется в бегство. И если хан, спасаясь бегством, придет в Самарканд, то может (статься так), что самаркандцы распахнут ворота противодействия и закроют перед ним двери согласия. Лучший выход из положения состоит в том, чтобы хан вернулся назад, а он сам, в свою очередь, присоединился бы с [находящимся при нем] войском к величайшему стремени. Тауекель-хан поступил в согласии с советом брата и повернул поводья, [а] Ишим-султан присоединился к нему, и они вновь стали готовиться к боям.

Пир Мухаммад-хан и его приверженцы после бегства Тауекель-хана выступили из Бухары с целью преследовать его и отбить местности, которые подпали под власть названного [хана]...

В Узун-Сакале [Мийанкал] они встретились с противником, и вспыхнул огонь войны. В это время к Пир-Мухаммад-хану прибыл брат Дин-Мухаммад-хана Баки-султан, который под ударами победоносного кызылбашского войска бежал с поля Пул-и Салар... Баки-султан принял участие в боях с людьми Тауекеля, и в большей части сражений победа была на его стороне. На протяжении примерно месяца между обеими сторонами пылал огонь войны. Баки-султан, свидетельствуя свою приверженность Пир-Мухаммад-хану, являл образцы доблести и преданности, пока Тауекель-хан не истощил силы в

боях и не предпринял большой ночной атаки на войско Пир-Мухаммад-хана. Но и люди Пир-Мухаммад-хана, в свою очередь, отважно устремились в бой, оказав упорное сопротивление врагу, так что между ними завязалась тяжкая битва. Хотя во время ночной атаки воинами Тауекеля были убиты Сайид-Мухаммад-султан, родственник Пир-Мухаммад-хана, и Мухаммад Баки аталык-диванбеги, однако и Тауекель был ранен и не смог добиться успеха. Он отступил в Ташкент. Там недуг сломил его организм, и он ушел в мир вечности».[56]

Итак, в короткий срок Тауекель овладевает Туркестаном, Ташкентом, Ферганой. По «Мусаххир аль-билад», Фергана была передана Тауекелю местными деятелями: «Йусуф-ходжа Сайид-Атайи с шайкой неверных людей... вышел из Андижана и взял в плен Мухаммад-Кули-султана. И, отвезя к Тауекель-султану, бросил того высокородного шахзаде в вертеп погибели»[57]. Йусуф-ходжа Сайид-Атайи, судя по его имени, был потомком знаменитого шейха Сайид-Ата и, скорее всего, духовным лицом.

Предпринимая свой поход на Среднюю Азию, Тауекель строил свои расчеты не на силе одного оружия; он опирался на определенные социальные слои населения Средней Азии, которые должны были оказать и в нужный момент действительно оказали ему поддержку. О стремлении Тауекеля завоевать расположение среднеазиатских суфийских пиров ордена Накшбандийа с тем, чтобы в дальнейшем заручиться их поддержкой, рассказывает и Мухаммад Аваз. Возможно, связи Тауекеля с духовными кругами Средней Азии восходят еще к тому времени, когда он вместе со своим отцом Шигаем находился на вассальной службе у Абдаллах-хана II.

Многие специалисты считают, что в XV—XVI вв. в среде казахов еще сохранились шаманизм и различные языческие культы, а ислам не был распространен широко. Это в целом справедливо, но следует уточнить, что ислам прививался прежде всего в среде казахских ханов и султанов, которыми он и насаждался. Принятие ислама не может не свидетельствовать в пользу того, что казахские ханы искали себе прочную социальную опору в лице влиятельного мусульманского духовенства и суфийских корпораций. Исламизация казахов способствовала укреплению на идеологической основе казахской знати с духовными и светскими представителями городов Туркестана и Мавераннахра[58].

Известно, например, что в 1512 г. будущий знаменитый джуйбарский шейх Ислам бежал от Бабура и кызылбашей не куда-нибудь, а к казахскому хану Касыму и довольно долго пользовался его гостеприимством. Однако после того как Бабур потерпел поражение, а остатки кызылбашей бежали из Мавераннахра, когда уже слухи о них стали затихать, Ходжа Ислам собрался возвратиться в Бухару. В это время от племянника Мухаммад-Шайбани-хана, победившего Бабура и кызылбашей, прибыли послы к Касыму сватать его дочь за своего хана, тогда утвердившегося правителем Бухары. Касым-хан согласился и под поручительство Ходжи Ислама отдал отправляемую в Бухару дочь. Ходжа Ислам тогда вернулся на родину.

В литературе высказывалось мнение об активной роли казахских ханов и султанов в распространении ислама среди кочевников-казахов на основе общности идеологических интересов казахских ханов и среднеазиатского духовенства. В «Зийа аль-кулуб» сообщается, что суфийские пиры были заинтересованы в расширении источников доходов, вели активную пропаганду своих догматов среди кочевников-казахов и вовлекали их в число своих мюридов.

Об успехах их пропаганды среди казахов говорит, например, тот факт, что в числе учеников накшбандийского шейха Лутфуллы Чусти (убит в 1571/72 г.) был казах Мухаммад, который являлся проповедником суфизма среди казахов и киргизов. Сообщение об этом содержится и в житии Лутфуллы Чусти. Эти земные заботы и заставляли духовных предводителей суфийских корпораций налаживать добрые отношения с казахскими ханами и султанами и помогать им.

Но Тауекель-хан опирался в Средней Азии не только на духовенство. Исключительный интерес для нас представляет сообщение Искандара Мунши о том, что в составе войска Тауекеля находились воины «из племен Туркестана и степняков-узбеков», в их число, вероятно, прежде всего входили казахи. Тауекель включил в состав своего войска и узбеков, проживавших в Туркестане. Судя по описанию военных действий, они активно сражались на его стороне, и источники не отмечают их перехода на сторону Пир-Мухаммад-хана и Баки-Мухаммад-султана, что, видимо, имело бы место, если бы их участие в походе Тауекеля было принудительным. Ведь Искандар Мунши не упустил возможности упомянуть о переходе отдельных представителей воинского сословия от Пир-Мухаммад-хана и Баки-Мухаммад-султана во время их сражения под Самаркандом. Наоборот, Искандар Мунши говорит о переходе на сторону ТауекеляАбд-ал Васи-бия, одного из активных деятелей Шайбанидского государства периода правления Абдаллах-хана II, «который был соучастником убийства Абд-аль-Мумин-хана и (который), отплатив черной неблагодарностью этой династии, ушел на служение к Тауекель-хану, подстрекал и побуждал того на завоевание Мавераннахра»[59]. Не только Абд-ал-Васи-бий, но и некоторые влиятельные Шайбаниды, имевшие по меньшей мере равные права с Абдаллахом на верховную власть в Шайбанидском государстве, согласны были разделить власть в Туркестане и Мавераннахре с Тауекелем. Так, по «Мусаххир аль-билад», Узбек-султан вступил с Тауекелем в заговор против Абдаллаха, отправив к нему своих сыновей, чтобы спасти их от мести Абдаллаха. Тауекель обещал ему, «что если он овладеет каким-либо вилайетом Туркестана или Мавераннахра, то поровну поделит»[60]. Выше уже говорилось о том, что еще в 1551 г. Узбек-султан претендовал на власть в Бухаре, а соперником выступал его брат Абдаллах-султан, будущий Абдаллах-хан II. Большая часть знати и главы мусульманского духовенства не поддержали Узбек-султана. Ему не удалось заручиться поддержкой и всемогущего Ходжа Мухаммада Ислама. По сведениям Мухаммада Талиба и Бадр ал-дина Кашмира, биографов джуйбарских шейхов, балхский правитель Пир-Мухаммад-хан пытался посадить на бухарский престол своего человека — Умаргази-султана, более известного под именем Узбек-хана, сына Шайбанида Рустам-султана. Автор «Раузат ар-ризван» сообщает: «Однажды видные эмиры с ходатайством за Узбек-хана обратились к его высокопреосвященству (Ходжа Мухаммад Исламу. — М. А.), сославшись на йаса Чингиз-хана, но тот ответил им: «Дервиши не повинуются законам Чингис-хана, а подчиняются только воле Аллаха». На напоминание эмиров ишану, что Пир-Мухаммад-хан поддерживает Узбек-хана, [на] то, что он старше других, решителен и храбр, Ходжа Мухаммад Ислам строго ответил: «Если Узбек-султана возвеличивал Пир-Мухаммад-хан, то Абдаллах-хана превозносит Аллах»[61]. Следовательно, воцарению Тауекеля в Средней Азии не препятствовала высшая шайбанидская знать.

Итак, поход Тауекеля в Среднюю Азию не был неожиданным и случайным. Его ждали в Мавераннахре, обещали помощь и оказали ее в действительности. При этом он пользовался поддержкой самых различных кругов – духовенства и служилого сословия, и даже Джучидов шайбанидской линии. Таким образом, можно говорить о существовавшей в тот период тенденции (правда, только в высших социальных слоях среднеазиатского общества) к замене династии Шайбанидов в Мавераннахре династиями казахских ханов. Отдельные Шайбаниды были согласны на раздел власти, на соправление. Мы думаем, что дальнейшее изучение источников позволит выявить эту политическую тенденцию более отчетливо. Однако уже сейчас могут быть сделаны определенные выводы.

Поход Тауекель-хана и Есим-султана на Среднюю Азию в 1598 г. нельзя рассматривать в ряду многих других набегов кочевников, которые смуты в Мавераннахре использовали в качестве удобного момента для опустошения оседло-земледельческих оазисов и захвата «живого товара». Этот поход был заранее спланирован. Он был подготовлен многолетней предшествующей деятельностью Тауекеля и имел далеко идущие цели. Была предпринята попытка основать новое государство, которое включило бы в свой состав и земли, входившие в государство Шайбанидов. Только так Тауекель мог преодолеть относительную хозяйственно-экономическую и социально-политическую изолированность Казахского ханства. За сто лет до этого события Мухаммад Шайбани-хану удалось установить свою власть над всем Мавераннахром. Имели место аналогичные события и в предшествующей многовековой истории Средней Азии. Длительные войны между казахскими и бухарскими ханами за обладание сырдарьинскими городами тормозили развитие производительных сил края, губительно сказывались на хозяйстве земледельцев и кочевников. Анализируя события 1598–1599 гг., нельзя ограничиться лишь констатацией того известного факта, что кочевники вновь выступили как грозная, разрушительная сила; нельзя в анализе этих событий исходить также лишь из агрессивности хана Тауекеля и его окружения. В данном случае за ханом стояло кочевое общество с его политико-экономическими потребностями. Как побудительная причина действий казахских ханов в Туркестане и Мавераннахре эти экономические потребности казахского общества проанализированы в работе о роли присырдарьинских городов в истории казахских ханств[62].

Поставленную перед собой задачу Тауекелю выполнить не удалось – Мавераннахр под власть казахских ханов не перешел. Однако Туркестан, Ташкент и Фергана на определенное время вошли в состав Казахстана. Их вхождение было закреплено миром между казахскими и среднеазиатскими ханами, заключенным при посредничестве шейхов суфийского ордена Накшбандийа, которые, собственно, и благословили казахских ханов на правление в Туркестане (нельзя при этом не вспомнить, что Тауекель был мюридом-накшбанди).

Таким образом, включение новых областей в состав Казахского ханства не только определило исторические судьбы этих областей, но и ознаменовало начало другого исторического периода. События 1598–1599 гг. имели серьезные последствия для Казахского ханства: они способствовали смене правящей династии в Средней Азии. В «Тарих-и аламара-йи Аббаси» отмечается, что лишь заслуги Баки-Мухаммад-султана, Аштарханида, в борьбе против

Таукель-хана и Есим-султана позволили ему получить власть над Самаркандом и Самаркандским вилайетом.

Но зная характер взаимоотношений среднеазиатских Джучидов, нельзя принимать на веру сообщение Искандара Мунши о том, что Шайбанид Пир-Мухаммад-хан передал Самарканд Баки-Мухаммад-султану в благодарность за помощь. Баки-Мухаммад-султан был силен, и Пир-Мухаммад-хан вынужден был считаться с ним. Кроме того, после победы над Таукелем возле удачливого и деятельного Баки-Мухаммад-султана собралось, вероятно, значительное число служилых людей. Он щедро использовал доходы подвластных ему областей для широкого привлечения на свою сторону племенной знати и служилого сословия, переманивая их к себе даже от Пир-Мухаммад-хана. Баки-Мухаммад-султан присоединил значительное количество «окраинных» областей к Самаркандскому владению и усилился за этот счет. И в силу упомянутых своих качеств он, видимо, представлялся влиятельным кругам Средней Азии тем правителем, который больше всех способен был дать отпор казахам. Все это, вероятно, и позволило ему основать Аштарханидскую (Джанидскую) династию.

По «Тарих-и аламара-йи Аббаси», Баки-Мухаммад был первым ханом новой династии. Это, однако, противоречит данным нумизматики. Е. А. Давидович на местном материале Аштарханидов доказала, что первым ханом новой династии был Джани-Мухаммад, отец Баки-Мухаммада. «Сейчас известны 7 типов монет Джани-Мухаммада, сохранились наименования трех важнейших дворов (Самарканд, Бухара, Ташкент) на монетах с его именем и даже дата – 1009 г. х. – 1600/1601 г. н. э. Следовательно, первым ханом новой династии был именно Джани-Мухаммад, царствовавший несколько лет»[63]. В литературе существовало мнение, что Джани-Мухаммаду был предложен трон, но тот от него отказался. Возможно, однако, что Джани-Мухаммад был таким же номинальным ханом при своем сыне Баки-Мухаммаде, как Искандар при Абдаллахе.

Потеря Туркестана, Ташкента, Ферганы была очень ощутимой для Аштарханидского государства. Поэтому Аштарханиды в первые десятилетия XVII в. постоянно совершали походы в эти области, чтобы вернуть их под свою власть, но они в целом не приводили к успеху. Возвращена была лишь Фергана. Выше мы уже упоминали о существовании договора между казахскими владетелями и Аштарханидами, по которому Туркестан, Ташкент и Фергана оставались за казахскими ханами на условии невмешательства Аштарханидов в дела Ташкента. Более об условиях договора ничего неизвестно. Тем не менее по этому поводу могут быть высказаны кое-какие дополнительные соображения. В тексте «Тарих-и аламара-йи Аббаси» казахский правитель Ташкента, с которым Аштарханиды заключили договор, назван «вали», т. е. правителем вилайета. Из этого можно сделать заключение, что Ташкент, который перешел под власть казахских ханов и в дела которого Аштарханиды обязывались не вмешиваться, на самом деле был на положении вилайета, т. е. области Аштарханидского государства. Это доказывается, в частности, тем фактом, что в 1600–1601 гг. в Ташкенте была вычеканена монета с именем Аштарханида Джани-Мухаммада. Известно, что помещение имени хана в легенде монеты означало признание его власти, в данном случае признавалось распространение аштарханидского суверенитета на Ташкент. Из документов также известно, что в своей титулатуре Аштарханиды подчеркивали свои

суверенитет над Туркестаном, Ташкентом. В «Имамкули-хан-наме» Сухайла содержатся сведения, что первым из казахских ханов начал чеканить от своего имени монету в Ташкенте Турсун-Мухаммад (убит Есимом в 1629 г.), при этом он одновременно отказался отправлять Аштарханиду Имам-кули-хану (1611—1642 гг.) бадж и харадж, т. е. налоги с Ташкентского вилайета, и провозгласил в хутбе свое имя как суверенного государя[64]

Из всего этого можно сделать следующие выводы относительно условий договора о передаче казахским ханам Ташкента, распространявшихся и на другие области: 1) Ташкентский вилайет считался составной частью Аштарханидского государства и на него распространялся суверенитет Аштарханидов; 2) на монетах Ташкента помещалось имя аштарханидского хана; 3) в хутбе в Ташкенте поминалось имя последнего; 4) Аштарханиды обязывались не вмешиваться во внутренние дела Ташкентского вилайета; 5) казахские ханы собирали в Ташкенте налоги (бадж и харадж) и какую-то часть их отправляли аштарханидскому хану.

Казахские ханы стремились отвоевать завоеванные ими области у Аштарханидского государства, и поэтому нарушали условия договора. Последнее послужило поводом для Аштарханидов начать военные действия против казахских владетелей в Ташкенте, Фергане и Туркестане, о чем содержится немало известий в сочинениях, освещающих историю Средней Азии и присырдарьинских областей в XVII в. Со временем казахские ханы потеряли Фергану, но сумели закрепиться в Ташкенте и Туркестане и уже без каких-либо условий включить их в состав Казахского ханства.

Таким образом, в 1598—1599 гг. была сделана последняя попытка кочевников Восточного Дешт-и Кыпчака овладеть Мавераннахром. Утвердить свою власть над всей Средней Азией Тауекелю не удалось, но с этого времени в состав Казахского ханства на двести лет вошли Ташкент, на определенное время Фергана и весь Туркестан, т. е. оседло-земледельческие районы по обоим берегам среднего течения Сырдарьи, которые до того принадлежали Шайбанидам.

Присоединение названных областей оказало значительное влияние на экономику, общественный и политический строй Казахского ханства, способствовало стабилизации государственных границ, обусловило и систему казахско-среднеазиатских политических и экономических взаимоотношений, определенное расселение племен и народностей в бассейне р. Сырдарьи.

[1] *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., т., 1832, ч. 2, с. 47.

[2] Там же.

[3] *Бартольд В. В.* Киргизы. Соч., Т. 2, ч. I. М., 1963, с. 516.

[4] *Шах Махмуд Ибн Фазил Чурас* – Хроника. М., 1976, с. 267.

[5] *Юдин В. П.* Вступительная статья к «Тарих-и Кашгар». – В кн.: МИКХ, с. 406; *Акимушкин О. Ф.* К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства с узбеками и казахами в 30-х годах XVI в. – 60-х годах XVII в. – Палестинский сборник. М.-Л., 1970, вып. XXI, с. 233—242.

[6] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из персидских сочинений. М.-Л., 1941, т. 2, с. 212.

[7] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. – ТВОРАО. СПб., 1864, ч. X, с. 262.

[8]*Хасан-бек Румлу.* Ахсан ат-таварих. Рук. ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, каталог Б. А. Дорна, № 287.

[9]Казак – сын Мухаммад-хана Шараф ад-дин оглы (умер в 964 г. х. – 1558 г. н. э.), правителя Герата. После его смерти шах Тахмасп передал должность градоправителя его сыну Казаку (сл.: Ахсан ат-таварих, л. 38 а).

[10]Ахсан ат-таварих, л 38 а.

[11]Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937, с. 135.

[12]*Махмуд ибн Вали.* Бахр ал-асрар, India office, № 575. Л. 82 а.

[13]Продолжение древней российской вивлиофики. СПб., 1793, ч. VI, с. 29–30.

[14]Там же. СПб., 1795, ч. IX. с. 283.

[15]Там же, с. 240.

[16]*Рычков П. И.* История Оренбургская. Оренбург. 1896, с. 69.

[17]*Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887, с. 225.

[18]Продолжение древней Российской вивлиофики, XI, с. 186.

[19]*Веселовский Н.* Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1892, т. I, с. 106.

[20]*Хафиз Таныш.* Шараф-наме-йи шахи. Рук. Д-88. л 264 б.

[21]Там же, л. 262 а.

[22]Там же, л. 278 а.

[23]*Румянцев П. П.* Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910, с. 13.

[24]ЦГАДА. Ногайские дела за 1609 г., № 3, с. 67–66.

[25]*Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII – начале XX в. Алма-Ата, 1971, с. 241.

[26]Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950, с. 95.

[27]Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, с. 105.

[28]*Мухаммадйар ибн Араб катаган.* Мусаххир ал-билад. Рук. ЛОИВ РАН СССР, с. 465/574; Рук. ИВ АН РУ, инв. № 1605.

[29]Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. Алма-Ата, 1961, с. 3.

[30] *Гавердовский Я.* Обозрение киргиз-кайсацкой степи. Архив Санкт-Петербургского отделения Института истории РАН, ч. 2, кол. 15, ч. 2(Собр. рукописных книг, № 495, л. 52).

[31]Абдаллах-хан – внук Жаныбека, правнук Абулхаир-хана, родился в 1538 г. В 1561 г. провозгласил верховным ханом узбеков своего отца Искандара. В 1583 г. после смерти отца официально занял ханский престол и сосредоточил в своих руках всю власть во всей Средней Азии, Хорасане, а в конце своей жизни и в Хорезме, умер в 1598 г. (МИКХ, А-Ата, 1969).

[32]*Кадыр Али-бий Джалаири.* Джами ат-таварих. Рук. Казанского гос. ун-та, № 5028.

[33]Прошлое Казахстана в источниках и материалах: Сб. IV в. до н. э. – XVIII в. н. э. М.; Алма-Ата, 1935, с. 93.

[34]*Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.-Л., 1937, т. I, с. 57.

[35]*Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. ТВОРАО. СПб., 1864, ч. X, с. 324.

[36]Мусаххир ал-билад, л. 180 а.

[37]Икта (араб «отрезок», «надел») – система земельных пожалований служилой военной знати. Во второй половине XVI в. термин икта в Средней Азии встречается не только в значении военного лена, но и в смысле условно-ленного владения вообще. (*Иванов П. П.* Хозяйство джуйбарских шейхов: К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI–XVIII вв. М.-Л., 1954, с. 8).

[38]Шараф наме-йи шахи, л. 475б.

[39]Союргал – буквально «пожалование». В некоторых случаях союргал был пожизненным, в других нуждался в постоянных (погодовых) подтверждениях. При Шайбанидах союргал обозначал различного рода ленные пожалования, в том чис-

ле и земельным представителям ханской фамилии родовой знати.

[40]Шараф наме-йи шахи, л. 466 б.

[41]Там же, л. 467 а.

[42]Там же, л. 475 б.

[43]Там же, л. 476 а.

[44]Там же, л. 476 б.

[45]Там же, л. 476 б.

[46]*Искандар Мунши.* Тарих-и аламара-йи Аббаси. Тегеран, 1314 г. х. – 1896/97 г. н. э. Литограф. издание, с. 379: То же. Исфахан, 1334–1335 г. х. – 1956 г. н. э. Наборное издание, с. 553.

[47]Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв., с. 3.

[48]Там же, с. 3.

[49]Там же, с. 9.

[50]Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. Л., 1932, с. 193.

[51] *Абусеитова М. Х.* Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985.

[52]*Искандар Мунши.* Тарих-и аламара-йи Аббаси, с. 379.

[53] *Rene Grousset.* The Empire of the Steppes: f history of Central asia. New Brunswick; New dersey. 1970, p. 486.

[54]*Хуршут Э. У.* «Тарих-и Кыпчак-хани» – важный источник по истории Средней Азии и Северного Афганистана XVI–XVII вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ташкент, 1982, с. 9.

[55]Генеральное сражение между казахским и узбекским войсками произошло, но «Зийа ал-кулуб» под Сар-и Пулом, по «Мусаххир аль-билад» и «Бахр аль-асрар», – в Уч-Кара.

[56]Тарих-и аламара-йи Аббаси, с. 408.

[57]Мусаххир ал-билад, л. 114 а (петербургский список); Л. 79 б (ташкентский список).

[58]*Юдин В. П.* Известия «Зийа ал-кулуб» Мухаммад Аваза о казахах XVI века. Вестник АН КазССР, Алма-Ата, 1966, № 5, с. 71–76.

[59]Тарих-и аламара-йи Аббаси, с. 408.

[60]Мусаххир ал-билад, л. 113 а (л. с.), л. 78 б (т. с.).

[61]Раузат ар-ризван, л. 60 аб; Матлаб ат-талибин, л. 61 а.

[62] *Пищулина К. А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV–XVII веках. // Казахстан в XV–XVII веках. Алма-Ата, 1969.

[63]*Давидович Е. А.* История монетного дела Средней Азии XVII–XVIII вв.: (Золотые и серебряные монеты Джанидов). Душанбе, 1964, с. 12.

[64]*Бурнашева Р. З.* Клады медных монет из города Туркестана: (Предварительное сообщение). – Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана, Алма-Ата, 1969, с. 67–68.

Глава третья

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЗАХСТАНА В XVII В.

1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В НАЧАЛЕ XVII В. УСОБИЦЫ. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С БУХАРСКИМ ХАНСТВОМ

Конец XVI–XVII вв. – особый период в истории Казахстана, время укрепления казахской государственности, активных военно-политических, торговых и культурных отношений казахов с соседними странами и народами. В это время власть казахов распространялась на Ташкент, Туркестан, Сауран, Андижан, за которые происходили постоянные войны между казахскими правителями и Аштарханидами. Аштарханидам, правившим Мавераннахром после Шайбанидов (1500–1598 гг.) более полутора столетия (1598–1743 гг.), посвящен ряд сочинений среднеазиатских авторов: «Имамкули-хан-наме» Сухайла, «Матлаб ат-талибин» Мухаммад Талиба, «Ламахат мин нафахат алкудс», «Тарих-и Муким-хани» Мухаммад Юсуф Мунши и др. Немалое место в сообщениях этих сочинений уделено участию казахов в политических делах Аштарханидов при Имамкули-хане (1020/1611 – 1051/1642 гг.)[1]. Смутным временем был период правления Имамкули-хана.

В первой половине XVII в. среди казахских султанов существовало несколько соперничавших между собой группировок, возглавляемых султанами Есимом (официально наследовал титул хана в 1598 г. после Тауекеля, правил в Туркестане), Турсуном, Абулаем, Хан-заде. Важными представляются сообщения о малоизвестных и неизвестных казахских ханах и султанах конца XVI – начала XVII вв.: Абу-Лайс-султан («Мусаххир ал-билад»), Назар-хан («Имамкули-хан-наме»), Мурат-султан («Ламахат мин нафахат ал-кудс»). Политические события XVII в., в которые были втянуты казахские правители и Аштарханиды, способствовали нестабильности их взаимоотношений, столкновения между ними сменяются временными союзами. Так, в 1611 г. Есим-хан[2] во главе с 5 тысячами казахов из Туркестана и Ташкента оказал помощь Имамкули-хану в борьбе с Ираном и Вали-Мухаммадом[3]. Однако этот союз носил временный характер, и Имамкули-хан неоднократно совершал походы против казахов. В «Тарих-и аламара-йи Аббаси» описываются два похода Имамкули на Ташкент против казахов: один в начале 1020/1611 г., а второй – в начале 1022/1613 г. В первом походе Имамкули-хан, дойдя до Самарканда, помирился с казахами и признал за ними право господства над Ташкентом и его областью. В 1613 г. Имамкули-хан вместе с Надир-Мухаммадханом, возглавившим балхские войска, совершили поход на Ташкент и одержали победу над казахами. После этой победы он назначил своего сына Искандар-султана правителем Ташкента[4]. Вскоре ташкентцы убили Искандара,

и тогда Имамкули-хан, снова овладев Ташкентом, учинил страшную резню[5]. Ташкент недолго оставался во власти бухарского хана. Подробности взаимоотношений казахских владетелей с Бухарским ханством описываются в «Тарих-и аламара-йи Аббаси», «Бахр аль-асрар» и в «Статейном списке» Ивана Хохлова. Эти источники сообщают о войне (1030/1620—1621) между Имамкули-ханом и казахским ханом Турсун-Мухаммадом[6], сидевшим в Ташкенте. По словам Искандара Мунши, Имамкули, два раза разбитый наголову, вынужден был помириться с казахами[7]. Более подробные сведения об этом имеются в «Статейном списке» Ивана Хохлова: «у бухарского Имамкули царя... был бой с ташкентским с Турсун-салтаном за то наперед сего тот Турсун-салтан от людей своих был изогнан и бил челом Имамкулию царю; и Имамкули царь за него вступился и на государство его посадил; а государство его город Ташкент, а люди у него кочевые, а словеть Казачья Орда, а в Казачьей де Орде многие царевичи; а Турсун был большой, и по их (мусульманскому) закону дошло царство до него»[8].

В 1613 г. Имамкули-хан объявил казахского султана Турсуна правителем Ташкента. Позже Турсун-хан отказался признавать сюзеренитет Аштарханида Имамкули-хана, начал чеканить свою монету и взимать в свою пользу бадж (пошлину) и харадж (поземельный налог)[9]. После этих событий и междоусобной борьбы с Турсун-султаном Есим-хан вместе с подвластными ему казахскими и киргизскими улусами вынужден был уйти в Киргизстан. Источники, повествующие о событиях XVI—XVII вв., упоминают о союзных отношениях казахов и киргизов. В одной легенде о предках киргизов упоминается пришелец Даир, отправившийся затем к казахам и ставший родоначальником казахской группы жалаир (по другим — албан). Это имя вполне согласуется с исторической личностью — казахским ханом Тахиром, которому удалось объединить и казахов и киргизов и отстоять политическую и экономическую самостоятельность в борьбе с Султан Саид-ханом, его сыном Абд ар-Рашид-султаном. После того как Мухаммад-киргиз сошел с исторической арены, киргизы вплоть до середины XVIII в. признавали власть казахских ханов Тахира, Хакназара, Тауекеля, Есима, которые в источниках часто назывались как «государи казахский и киргизский».

В начале XVII в. отмечаются совместные действия казахов и киргизов в политических делах Аштарханидов. В 1621 г. состоялось одно из самых крупных сражений между войсками Аштарханидов и объединенными силами казахов и киргизов. Турсун-хан собрал около 100 тысяч воинов, из которых 10 тысяч было выставлено правителями киргизских племен. По сообщениям Махмуд ибн Вали, численность войска Имамкули-хана достигла 160 тысяч[10]. К тому же к Аштарханидам присоединился со своим войском казахский султан Абулай, правитель Андижана и ставленник Имамкули-хана. Противники сошлись близ крепости Шахрухийа. В тот момент сражения, когда воины под началом Абулай-султана стали покидать поле боя, в бухарском войске поднялась паника, и Имамкули-хан отступил.

К началу XVII в. относятся союзные отношения казахских ханов с чагатаидами Могулии: Турсуна с ханом Яркенда и Кашгара Абд ал-Латиф (Апак)-ханом; Есима с правителем Чалыша и Турфана Абд ар-Рахим-ханом[11]. Более того, в тот период, когда Есим-хан, видимо, не был признан всеми единственным ханом казахов, он вынужден был уйти к Абд ар-Рахим-хану и более пяти лет принимал участие со своими отрядами в борьбе на его стороне.

Махмуд ибн Вали весьма детально освещает активное участие Есим-хана в районе Аксу и Бая. «Тем временем Абд ар-Рахим-хан из Чалыша и Есим-султан из Ташкента отправились на Аксу. В местечке Чинтимур-оглан они встретились друг с другом. Во время этого похода Абд ар-Рахим-хан и Есим-султан скрепили и связали нить дружбы (отношениями) сватовства и близкого родства: Абд ар-Рахим-хан сочетался узами брака с дочерью Кучик-султана, брата Есим-султана, а Есим-султан вступил в брачную связь с дочерью Абд ар-Рахим-хана»[12]. Как видно, политические союзы между казахами и могулами закреплялись династическими браками. В «Хронике» Чораса отмечается, что матерью Абд ал-Латиф-хана была Ханым-падишах, сестра Турсун-хана.

Междоусобные распри казахских султанов все более усугублялись, возникла вражда между правителями Есимом и Турсун-Мухаммадом. Об этом подробные сведения мы находим у Абулгази, автора «Родословной тюрок», который, убежав из Хорезма от своего брата Исфандийара, в 1625/26 г. нашел приют в г. Туркестане у Есим-хана, «...где провел три месяца. В это время в Ташкенте был правителем Турсун-хан. Есим-хан отправился повидаться с ним. Возвратившись после свидания с Турсун-ханом, Есим взял меня с собою, повез к хану, представил ему и сказал: «Это сын Ялгар-хана — Абулгази. До сих пор еще никто из членов этого дома не приезжал гостить к нам, наших же пребывало у них много. Не хотите ли вы взять Абулгази к себе?» Я перешел жить к Турсун-хану. Через два года Есим умертвил Турсун-хана и перебил множество людей его. Тогда я обратился к Есим-хану: «Я приехал к вам, в надежде, не будет ли мне от вас, обоих ханов, какой-либо пользы, а у вас вот что вышло. Пустите меня к Имамали-хану (в Бухару)». «— Хорошо, ступай», — ответил Есим. Я отправился к Имамкули-хану»[13].

Однако в «Ламахат мин нафахат аль-кудс» имеется другая версия убийства Турсун-хана. В этом сочинении приводятся любопытные известия о том, как однажды Турсун-хан воспрепятствовал среднеазиатским шейхам в получении доходов с мюридов на Сырдарье, за что был проклят Хазрат Азизаном и впоследствии за это поплатился жизнью[14].

Махмуд ибн Вали в «Бахр аль-асрар» подробно описывает войну казахских султанов и гибель Турсун-хана. В то время (1036—1628/27), когда Есим-султан совершал набег на калмаков, Турсун-султан, воспользовавшись ситуацией, отправил отряд в Туркестан, ставку Есим-хана для захвата и истребления его людей. Воины перебили множество людей, захватили жен и детей Есим-султана. Турсун-султан решил покончить с Есимом. Тем временем казахский султан Абулай, владетель Андижана, объединился с эмирами бухарского хана Имамкули и они напали на подвластный Ташкенту Бискент; после боев отняли его у Иш-Кара-султана казаха. Затем направились в Шахрухийю и выгнали оттуда Мурад-султана казаха. Когда эти обстоятельства стали известны Есим-султану, он тоже направился на Ташкент[15].

В окрестностях Ташкента состоялось сражение казахских ханов Есима и Турсуна. По сообщению «Бахр аль-асрар», Турсун-султан погиб: его умертвили его же приближенные. После этого бухарский хан передал Есим-султану грамоту о вручении ему бразды правления Ташкентом, Туркестаном. В 1628 г. вместе с убийством Турсуна Есим-ханом были истреблены остатки казахов-катаганов, находившихся в подчинении Турсуна.

Сохранились интересные сведения из преданий и исторических рассказов об участии киргизов в войне казахских ханов Есим и Турсуна, происходив-

шей в первой четверти XVII в. Сообщается, что хан Турсун был убит и его войско разгромлено. По преданию, это – кара, которую он заслужил, нарушив клятву, данную Есиму. В казахской истории засвидетельствовано, что при Тауке-хане киргизами управлял Кокым-бий Карачорин. Ч. Ч. Валиханов приводит легенду[16] о том, что Есим-хан (живший около 1630 г.) имел в своем распоряжении киргизского родоначальника, бия Кукема, при помощи которого ему удалось низвергнуть Турсуна катаганского и чанчклинского (шанышклы). В память союза киргизов и казахов Есим построил в Ташкенте башню, которая существует до сих пор и называется «Көкемнің көк кумбезі» – Синий купол Кукема[17].

Согласно известиям Махмуда ибн Вали Есим-хан умер в 1628 г. Имеются и другие сведения о том, что Есим-хан правил до 1643 года. Есим-хан похоронен в г. Туркестане, подле мечети Ходжа Ахмада Ясави. До настоящего времени сохранилось предание, которое связывает с его именем создание Уложения, известного как «Есім ханның ескі жолы». После Есим-хана Казахское ханство раздирали усобицы. Ташкентом и его окрестностями правил Абулай-султан, казах, владевший Андижаном. Власть перешла к сыну Есима – Жангиру.

2.КАЗАХСКОЕ ХАНСТВО В 30–50 ГОДАХ XVII ВЕКА

История борьбы казахского народа за создание своей государственности – процесс многовековой и сложный. Вопрос этот возник с момента сложения казахского народа и постоянно сопутствовал всю его историю. Сложение Казахского ханства, внутреннее его развитие, горизонтальные и вертикальные связи, иерархические отношения, своя система ценностей, особенности склада народного характера неоднократно должны были выдержать испытания на прочность.

В 30–50 годы XVII века определенную роль в развитии государственности у казахов сыграли более тесное сочетание взаимосвязи различных регионов, развитие городов, изменения характера некоторых сословий в структуре общества, возвышение ханской власти, организация отпора различным посягательствам на казахскую государственность. Главную значимость приобрели города Туркестан, Джанкет, Сауран, Сайрам, Яны-Курган, Сузак, Чулак-Курган и другие.

Казахстанская знать активно включалась в процесс управления городов, в регламентацию их положения. Сфера влияния казахов росла.

Изменения происходили и в социальной структуре казахского общества. Наряду с султанами активизируется институт биев, поднимается социальное сословие батыров. Возрастала роль султанов как категории казахской государственности. Важную роль начало играть не только происхождение, но и личные качества и «если кто-либо из них и достигал влияния, так что мог увлекать за собой толпы, то достигал этого не в силу своей «белой кости», а в силу личных достоинств; но личными достоинствами точно такое же влияние приобретали между своими и простые киргизы, «черная кость»[18].

Наряду со старой феодальной знатью «белой костью» – потомками Чингизидов в общинах и родах поднималось значение новых социальных категорий. Такими были бии. Если Чингизиды ставили себя выше всех остальных групп населения, имели право владения землей, то бии выдвинулись из коренных

казахских родов в качестве старейшин и духовных наставников. Издревле это тоже шло от знатности происхождения. Однако с XVII века все большую роль у биев играли знания, жизненный опыт. Они распоряжались родовыми кочевьями и должны были занятие своей должности доказать деловыми качествами. О биях XVII–XVIII веков писал Чокан Валиханов[19].

Изменения коснулись и института батыров. Это особая социальная группа военного сословия. Батыром мог стать аристократ султан или бий, кто-либо из приближенных хана. Сам термин «батыр» чрезвычайно распространен в казахском фольклоре. Этот термин известен с XIV века. В русской кальке он известен как «богатырь». Благодаря своим личным качествам в число батыров начали выдвигаться и рядовые общинники, потомки «черной кости».

Между биями и султанами шла борьба за политическое влияние в казахских общинах. Власть отдельных биев была значительной, и они не считались с султанами. Внутри господствующих сословий в казахском обществе существовали резкие противоречия. И это тормозило Есим-хана в росте его власти. Можно предполагать, что время от времени при хане Есиме собирались съезды биев с участием родовой знати. На эту мысль наводит тот факт, что в конце XVII в. это было зафиксировано уже как норма в уложении законов «Жеты-Жаргы».

В общих чертах таким было казахское ханство во второй четверти XVII века. Казахскому народу было что защищать и было кому защищаться.

В годы своего правления Есим-хану пришлось постоянно считаться с джунгарским фактором. Он был основной заботой Есима во внешнеполитической деятельности и оказывал значительное влияние на внутреннюю жизнь казахского общества.

По различным данным, например, русским летописям, с конца XVI века джунгарские владения оказались по левобережью Иртыша, в верховьях Ишима и Тобола.

К началу XVII века джунгарские кочевья были разбросаны по среднему и верхнему Иртышу, Камышлову, верховьям Тобола, Ишима, некоторые из них были в междуречьях Эмбы, Урала и Волги.

Среди них были представители разных племен – чоросы, дербеты, торгоуты, хошоуты. Движение джунгар из верховьев Иртыша, Тарбагатая на северо-запад диктовалось притязаниями на пастбища. Казахи в этих условиях создавали для джунгар серьезную опасность. Процесс передвижения джунгар к Уралу и Волге шел очень медленно. На него влияли различные и противоречивые обстоятельства. И длилось это более трех десятилетий. Иногда совершали они набеги на Урал, на Большую ногайскую орду. Но затем опять возвращались к верховьям Тобола, Ишима, к Иртышу. Они образовали разрозненные анклавы. Такие примеры, относящиеся к началу XVII века, были не редкостью[20]

Джунгары создали коридор между казахскими кочевьями и российской территорией.

Состояние джунгарских общин было воинственным – они воевали против казахов, против башкир, против ногаев, против русских. Они сломали внутреннее равновесие, складывавшееся на землях Дешт-и Кыпчака, в большом регионе бывшей Золотой Орды, вытесняли отсюда различные тюркоязычные этносы.

В 1629 году после поражений от казахов и киргизов и внутренних распрей в пределах Алтая и Джунгарского Алатау джунгары во главе с Хо-

Урлюком двинулись на север[21]. На этот раз переселение около двух тысяч хозяйств в районы верховьев Ишима, Тобола, Иргиза, Тургая, Эмбы укрепило положение джунгарских общин.

Медленное продвижение и заселение большого количества джунгар к Тоболу, Эмбе, Уралу, Волге нарушало сложившийся уклад в пользовании земельными угодиями казахами, башкирами, ногайцами, хивинцами, русскими. Двигались в известном направлении: через верховья Ишима и Тобола к Эмбе и Уралу. Здесь уже было небольшое количество калмыков, однако вполне значительное для того, чтобы противостоять казахам и ногайцам, башкирам[22]. Причем в этом продвижении джунгары опирались на поддержку потомков кучумовичей[23].

По этому поводу востоковед В. В. Григорьев заметил: «Таким образом монголы, в самый короткий промежуток времени, снова сделались повелителями стран от Сибири до Индии и от Китая до Кавказа. Орда Хо-Урлюкова простиралась до 50.000 кибиток и могла выставить в поле до 30.000 хорошо вооруженных всадников, а за нею тянулись, в том же направлении к Волге, толпы других калмыков»[24].

Вскоре после откочевки большого количества джунгар на Запад скончался казахский хан Есим[25]. Еще в период правления хана выдвинулся его сын Жангир (Джихангер). Он заставил часть ойратских кочевий признать свою власть над ними. По замечанию А. И. Левшина, Жангир принимал участие вместе с отцом в войнах с джунгарами[26]. Однако он не был избран в ханы. И это сильно осложнило политическую обстановку в Казахском ханстве. На какой-то период сепаратистские стремления казахских владетелей одержали верх.

Однако у джунгар произошло важное политическое событие. В 1635 году оформляется Джунгарское ханство. Джунгарский хан Хара-Хула накануне умер, во главе ханства стал его сын Батур, принявший титул хунтайши.

Теперь казахам противостояли не просто кочевые общины, а более организованная политическая сила, охватившая огромные пространства от Урала до Алтая, хотя само Джунгарское ханство занимало только предгорья Алтая. Однако Казахское ханство с трех сторон оказалось замкнутым отдельными анклавами джунгарских владетелей. По сравнению с разбросанностью джунгар Казахское ханство было намного компактнее.

В том же 1635 году началась казахско-джунгарская война. Нападающей стороной было Джунгарское ханство во главе с хунтайши Батуром. Казахи вынуждены были отбиваться от натиска конных дружинников джунгар. Однако среди различных султанов преобладали разные мнения и предложения о создавшейся ситуации. Необходим был человек, способный возглавить борьбу с джунгарами, который мог бы объединить казахских ополченцев и встать во главе их. На такой рискованный и смелый шаг события выдвинули Жангира. Казахские ополченцы под предводительством Жангира приняли бой джунгарских тайш. Об этих событиях современники – сибирские татары свидетельствуют: «Черные колмаки тайши, Талай-тайша, да Контайша, да Кужи-тайша, да Тоургоча-тайша, со всеми черными колмаки сее зимы ходили на Казачью орду, а Казачьи орды люди пошли было на черных калмаков. И как де черные колмаки сошлись Казачьи орды с людьми, и был до у них бой великий. И черные – де колмаки Казачьи орды людей побили и взяли у них царевича Янгыра Ишимова сына, а Ышим в Казачьей орде был царь, и тот де

царевич в черных колмаках»[27]. Таким образом, Жангир был один из первых казахских ханов, кто испытал джунгарский плен и унижение от своих противников. Однако в том же документе есть приписка «и иные черные колмаки, те же тайши Талай-тайша с товарыщи пошли опять войною на Казачью орду». Так что военные действия начались в 1635 году и в последующие годы имели продолжение.

Казахские дружинники в одних случаях терпели поражения, в других случаях им сопутствовала удача. В один из таких удачных исходов из плена был освобожден Жангир. Возвращение Жангира из плена поставило его в еще более сложное положение. Позор пребывания в плену, унизительное освобождение, междоусобные раздоры казахских феодалов, отсутствие внутреннего равновесия в казахском обществе, усиление джунгарских притеснений — все разом навалилось на Жангира. Однако авторитет его отца и личные качества спасали Жангира. Он удачно строит свои отношения с батырами и биями, обращает особое внимание на взаимоотношения с Бухарскими и Хивинскими ханами. Авторитет Жангира быстро поднимался. Большую часть времени он проводил в городе Туркестане — надо было находиться в центре общественной жизни и контролировать ситуацию о положении своих соперников и движении джунгар. Важны были не только энергия, но и ум. Жангир проявлял себя активно.

У Жангира устанавливаются хорошие отношения с Жалантосом, известным деятелем Бухарского ханства, строителем дворцов Самарканда[28]. Впрочем, казахи были тесно связаны с Бухарским ханством, часть их проживала здесь постоянно. Среди бухарских правителей играл заметное положение Абдул-Васи. Важную роль играл и Жалантос Бахадур (1576–1656 гг.). По преданию родился он в низовьях Сырдарьи среди казахов рода алим, племени торткара, Младшего жуза. Но вместе с аулами хана Шигая семья Жалантоса откочевала к горам Нурата, в район Бухары. Бухарский хан Иманкул с целью поддержания дружбы и согласия с Казахским ханством в 1612 г. назначил Жалантоса правителем г. Самарканда, эмиром которого он оставался до своей кончины. Жалантос еще в молодости был признан батыром. За ратные подвиги в борьбе с джунгарскими калмыками в 1625 г. он наделен почетным званием «аталык». В 1640 г. Жалантос-бахадур во главе 30-тысячного войска дал отпор значительному войску джунгар под предводительством Батур-хонтайши. Жалантос проявил себя не только как видный военачальник, но и оставил заметный след в истории архитектуры и искусства. При нем были возведены в Самарканде величественные мечеть Тилля-Кори и медресе Шир-дор, являющиеся «шедевром Самаркандского зодчества», и занимающие важное место в культурном наследии народов Центральной Азии. Имя Жалантоса увековечено в надписи на внутренней стороне портала Шир-дор.

Жангир поддерживает отношения и с правителями Восточного Туркестана. Причем в этом участвовал и сын Жалантоса — султан Тауке. В «Истории Шах Махмуд бен Мира Фазил Чураса» сказано о переговорах Жангир-хана с ханами Восточного Туркестана в период, когда туда вторглись джунгары: «В то время от Джахангир-хана пришел посол по имени Йунус-ходжа из потомков Шайх Хаванд Тахура. С этой стороны послали Суфу-ходжу, сына Ходжа Сеиид Мухаммед-халифы, — да пребудет над ним милость (Аллаха). Джахангир хан вместе с Суфи-ходжой послал своего сына Тауке-султана. Хан обласкал его царскими милостями, монаршей благосклонностью и отправил вместе

с ним Кочкарбека. Джихангир-хан в то время убил Ахунд Молла Йакуба и Вафа-ходжу, сына Ходжи Джанходжи, – да пребудет над ними милость и прощение (Аллаха). (Джихангир-хан) послал к хану с Кочкар-беком своего старшего сына Абак-султана. Йолбарс-хану послал свою дочь»[29].

Жангир даже снаряжал посольства в соседние страны. В сентябре 1640 года послы Жангира находились в ставке хунтайши Батура. В это время там находились и российские послы. В своем статейном списке Меньшой-Ремезов писал: «А были у контайши в те поры, как он, Меньшой, отдавал государево жалованье, Ильден-тайжа Урлюков сын да четверы послы бухарские, Казачьи орды Янгира-царевича, да Далай-лабы»[30].

Эти данные свидетельствуют, что политическая деятельность Жангира началась еще до того, как он был провозглашен ханом. Более того, его имя и его деятельность были известны джунгарским хунтайши Хара-Хуле, Батуру и другим.

Джунгарское ханство успешно вело борьбу против маньжурских притязаний, было принято «Степное положение» 1640 года. Джунгарские тайши угрожали сибирским воеводам, усиливали свое влияние на южных соседей. Надвигалась новая угроза и для казахов различных регионов.

Жангир об этом знал и предпринял необходимые меры. Необходимо было собрать казахское ополчение и попросить помощи у соседних правителей.

И в свою очередь хунтайша Батур создал коалицию для наступления на Жетысу. К этой коалиции примкнул сын халхасского Алтын-хана – Омбо-Эрдени, зять Батура-хунтайши Огирту-Цэцен-хан, хан Аблай – младший брат Очирту, тайша Чокур, тайша Солтан (холтский) и множество мелких тайш.

Началась новая казахско-джунгарская война 1643–1647 годов. Она была подготовлена предшествующим ходом событий, устремлениями джунгарских феодалов и Батура хунтайши. В целом Батуру удалось собрать войско в 50 тысяч человек. Сюда вошли в основном джунгары различных групп и союзники – монгольские народы Центральной Азии. В 1643 году Батур захватил часть земель в южных отрогах Тянь-Шаня, взял в плен несколько тысяч казахов и киргизов[31]

Тогда Жангир обратился за помощью к эмиру Жалантосу. Была достигнута договоренность и с владетелями тянь-шаньских киргизов. Они обещали свою помощь.

Обстоятельства требовали срочных действий. С собранным ополчением Жангир направился в Джунгарский Алатау, в местность Орбулак. Здесь в засаде казахский хан упредил продвижение джунгар.

У султана Жангира было 600 вооруженных всадников. Это были отборные дружинники. Здесь были батыры Шапрашты Карасай, Аргын Агантай, Алшын Жиембет, Канлы Сарбук, Найман Коксерек, Дулат Жаксыгул, Суан Елтинды.

В борьбе против джунгар Жангир принял остроумный и правильный маневр. Так его описывает А. И. Левшин: «Не смея вступить с сею горстью людей в открытый бой, он поместил одну половину оной между двух гор в ущелье, которое окопал глубоким рвом и обнес высоким валом, а с другой половиною скрылся, сам за горою. Зюнгары, подойдя к укреплению, напали на оное, и в то время, когда они теряли множество людей в сражении весьма невыгодном для осады, по причине узкого пространства. Джангир устремился на них с тыла. Неожиданность сего удара, отважность воинов, избранных

для оного, и отличные ружья, которыми все они были снабжены, нанесли Багатуры (Батуру – В. Г.) сильный урон»[32].

Столь малочисленное по количеству войско Жангира может быть объяснено двумя обстоятельствами. Первое обстоятельство приводил М. Тынышпаев. Он писал, что «власть Джангера еще не успела окрепнуть»[33]. Не зная точно год смерти Есим-хана, М. Тынышпаев считал, что это было время, предшествующее выбору хана. Однако с 1628 года по 1643 год это достаточно длительный срок. Скорее всего незначительное количество воинов у Жангира может быть объяснено только чрезвычайными обстоятельствами. К сожалению, точной даты провозглашения Жангира ханом у нас не имеется. Известно, что к 1635 году он все еще был только султаном. Налицо обстоятельства, свидетельствующие об имевшихся разногласиях и спорах, связанных с провозглашением Жангира ханом. На это звание претендовали и другие лица. В таком случае вполне вероятно, что и к периоду битвы при Орбулаке Жангир все еще не был провозглашен ханом.

В результате военных столкновений с джунгарами в первой трети XVII века в конечном счете джунгары надвигались на казахские кочевья. Возникали панические настроения. Жангир шел на рискованный шаг при такой незначительной поддержке. Затянувшийся спор с выбором хана тоже подталкивал на рискованное, но продуманное решение. Им стала Орбулакская битва.

Малочисленность войск Жангира, думается, объясняется намного проще. Имеется более реальное объяснение. Для действия в горах, для участия в засаде нет необходимости в большом числе воинов. Лишние люди могли только помешать в осуществлении замысла. Ведь это не сражение на местности. Конечно, определенную роль играла и оперативность. Ожидать подкрепление не было возможности.

Изложение событий в Джунгарском Алатау в наши дни нашло подтверждение в архивных документах. В них идет речь о том, что Жангир разместил половину своих людей в горах, построив сеть небольших окопов или редутов. В источниках они именуются шанцами.

Русский посол в Джунгарию, казачий атаман Гаврил Ильин из Тобольска рассказывал: «И Янгир де покопав шанцы меж камней, и в те шанцы посадил 300 человек с вогнанным боем, а сам с тремя стами став в прикрытье за каменем. И он тайша с воинскими людьми приступил к шанцам и ис шанцов до у Контайши побили многих людей»[34]. В узкой горловине среди скал джунгары потеряли несколько тысяч человек. И обстоятельства сложились так, что сражение повторилось рядом на пересеченной местности. Джунгары предчувствовали полную победу, однако к казахским дружинникам подошло большое подкрепление. В решающий и ответственный момент прибыл из Самарканда казахский батыр Жалантос с 20-тысячным войском. На помощь к Жангиру подошли и киргизские ополченцы. Известно, что рядом с казахскими воинами приняли участие киргизские батыры Котен и Табай. В новом сражении казахские ополченцы под предводительством Жангира одержали победу.

Таким образом состоялось два больших сражения. Одно в горах, где джунгары попали в засаду, другое на местности с участием большого количества войск. Об этом в документе того периода сказано: «И с другую де сторону на нево ж Контайшу, приходил с воинскими людьми сам Янгир и побил де у контайши на тех дву боях людей тысяч з 10»[35].

По данным казахских шежире и народных преданий, сражение состоялось в Джунгарском Алатау, в местности Орбулак. Это подтверждают и карты более позднего времени. Орбулакская битва наряду с крупными событиями вошла в историю казахского народа. Жангир получил прозвище Салкам («Внушительный»). По этому поводу Чокан Валиханов писал: «Во второй четверти XVII в., при том же хане Ишиме, загорелась борьба киргиз-казаков с усилившимися калмыцкими (джунгарскими властителями; о войне сына Ишимова Джегангира с Батор-хан-тайцзием в 1643 году повествует Фишер»[36]. Действительно, вопрос о борьбе казахского ханства во главе с Жангиром затрагивался в историографии, начиная с XVIII века.

Батур-хунтайши предпринимает усилия для борьбы с казахским ханством, началась подготовка похода в казахскую степь. В последующие годы война продолжалась.

В 1646 году Батур предпринял новый поход для отмщения за свое прежнее поражение. Об этом тобольский боярин Данила Аршинский сообщал: «А до их де, Данилова с товарыщи, приезду ходил комтайша войною в Казачью орду на Янгира царевича и многих людей побил, да и брата Янгирова с женою и з детьми и со многими людьми в полон взял»[37]. В 1647 году Джунгарский посол Хорохай Далдин сообщал томским властям: «была де контайши войны черными ж колмаками с Кунделеном-Убашою. Да он же бился с Казачью ордою и после же с ними помирился докаместа от них задору не будет»[38]. На этом военные действия завершились, война закончилась. Установился мир. Видимо правильно предполагает В. А. Моисеев: «Возможно, что определенное давление на Батура оказал Хунделен-тайша, связанный узами дружбы с Джангером»[39].

Казахско-джунгарская война 1643–1647 годов имела важное значение для казахского общества. В общественном сознании укреплялась идея о том, что правильная организация ополченцев, централизованного руководства, взаимовыручка необходимы в затянувшейся борьбе против джунгарских завоевателей. Однако эта война имела свои последствия и для ойратского общества. В нем началась новая вспышка междоусобной борьбы. Явственно выступили старые внутренние межфеодальные противоречия.

Таким образом, вторжение джунгар на территорию казахских кочевий в первой половине XVII века нарушило сложившиеся хозяйственные районы казахов, киргизов, башкир, ногайцев, каракалпаков. Казахский Есим-хан много сил вложил в решение взаимоотношений с джунгарскими тайшами. Во второй четверти XVII века борьбу казахского народа против джунгарских завоевателей возглавил Жангир-хан. Ему удалось добиться единства различных казахских родов в борьбе против общего врага. Дипломатическая деятельность хана была направлена на заключение союза с правителями Восточного Туркестана, Бухары, тянь-шаньских киргизов. Военные действия 1643–1644 годов показали военное искусство Жангира, умение правильно ориентироваться в обстановке, воодушевить воинов в решительный момент, личным участием способствовать успеху в военных действиях. Все эти качества ярко проявились в битве при Орбулаке. Казахские воины своей храбростью и самоотверженностью доказали способность защитить свободу и независимость своей земли.

3. УКРЕПЛЕНИЕ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ ПРИ ТАУКЕ-ХАНЕ. «ЖЕТЫ-ЖАРГЫ»

В 1680 г. престол Казахского ханства перешел к сыну Жангира, хану Тауке. Новый правитель был достаточно сильным ханом, дальновидным политиком и умным дипломатом. Тауке-хан в отличие от своих предшественников стремился укрепить свою власть с помощью представителей степной аристократии – биев, составлявших значительную элитарную социальную группу в ханстве. Институту биев в казахском обществе традиционно отводилось большое значение. Бии играли значительную роль в отправлении обычно-правовых, хозяйственных, военных и идеологических функций. Они, однако, не принадлежали к ветви Чингизидов. Окружив себя биями, Тауке через посредство «совета биев» повел борьбу против сословия Чингизидов, открыто выступавших против ханской власти. Совет биев существовал задолго до Тауке-хана, по народным преданиям с легендарных времен Майкы-бия. Это высокое собрание созывалось не часто, по мере особой необходимости при решении важных вопросов. Тауке предпринял серьезные попытки в упорядочении деятельности бийских советов. Он установил места проведения советов и время созыва съезда биев. Как важнейший орган хана совет биев проводился всегда в той или иной ставке Тауке-хана: в Битобе около г. Туркестана, Мартобе около г. Сайрама и Культобе вблизи г. Ангрена Сырдарьинской области[40]

Тауке-хан совет биев превратил в важнейший орган, подчас с совещательными функциями, при этом значительно расширив права биев в судебном производстве. Вскоре совет биев стал постоянным учреждением, в задачи которого входило решение важнейших вопросов внешней и внутренней политики Казахского ханства.

Решения совета биев имели обязательную силу. Ни одно из его решений и постановлений никем не отменялось до следующего высокого собрания.

Тауке повел политику, направленную на привлечение наиболее влиятельных биев к делам ханского двора и государства путем уступки им части ханских полномочий. Хан Тауке начал успешно созывать совет биев, прежде всего с участием наиболее влиятельных трех казахских жузов. В Старшем жузе был непоколебим авторитет Толе-бия, в Среднем – Казыбек-бия, в Младшем – Айтеке-бия. Их мудрость и решимость были направлены на преодоление тяжких испытаний ханства, в частности, на объединение сил казахского народа против ойратского нашествия.

В этом плане вряд ли можно переоценить значение совета биев в таком важнейшем политическом акте, как объединение трех жузов. Наряду с этим Тауке-хан перешел к расширению «бийско-батырской базы» своей политики и власти. На созываемые советы стало приглашаться множество средних биев и военачальников – батыров родовых структур.

Защищая интересы бийских групп, Тауке вместе с тем укреплял свою власть. Все это давало возможность усилить влияние верховной власти на казахские племена и кочевые коллективы. Таким образом, предпринятые им преобразования во внутренней политике казахского общества представляли собой целеустремленную попытку централизации ханской власти.

Значительная группа казахской знати во главе с ханом Тауке была заинтересована в развитии торговли со Средней Азией. Примерно с 1687–1688 гг.

Тауке вел переговоры с бухарским ханом Субханкули по поводу Ташкента. В Присырдарье ханская власть Тауке была достаточно прочной, и г. Туркестан был его столицей.

Упорно и настойчиво хан Тауке добивался русско-казахского сближения. Лишь в 1686–1693 гг. он отправил в Сибирь пять посольств. При этом Тауке совершенно реально определял свою заинтересованность в укреплении русско-казахских связей на началах равенства. Несмотря на трудности, связанные со взаимными нападениями, сопровождавшимися грабежами и убийствами мирных жителей, угоном скота и взятием в плен сотен людей, мирные отношения между Россией и Казахским ханством в целом сохранялись. Обмен посольствами на рубеже XVII–XVIII вв. расширил политические и торговые связи между двумя странами.

В период правления Тауке-хана обострились казахско-ойратские отношения. При правлении Галдан-Бошокту (1670–1697), в особенности после прихода к власти его преемника Цеван-Рабтана (1697–1727) казахско-калмакские отношения вновь резко обострились. С 1698 г. началась новая полоса вооруженных столкновений между ойратскими и казахскими правителями. Джунгарская военная знать стремилась овладеть Южным Казахстаном, территорией, по которой проходили важные торговые пути и где находились значительные торговые центры. Казахские города Сыгнак, Туркестан, Отрар, Сайрам, в особенности Сузак, превратились в своеобразные стратегические пункты в борьбе с Джунгарией. Отдельные удачи хана Тауке в борьбе с ойратами не принесли ему большого успеха в войне, инициатива в которой принадлежала ойратам. Калмакско-казахские сражения следовали одно за другим. Наиболее значительные из них имели место в 1711–12, 1714, 1717 гг. Джунгария несла серьезную угрозу казахам.

В 1718 г. умер Тауке-хан, последний из казахских ханов, чья власть распространялась на все три казахских жуза. При Тауке функционировало относительно централизованное Казахское государство.

«Жеты-Жаргы». В правление хана Тауке были кодифицированы и дополнены нормы обычного права казахов. Составленные законы известны под названием «Жеты-Жаргы», что буквально означает «семь установлений». В них были закреплены основные принципы и нормы патриархально-феодального права средневекового казахского общества. В научной литературе этот юридический документ именуется «Уложением хана Тауке», или «Законами хана Тауке». В источниках нет сведений о том, кто был автором «Уложения». По историческим преданиям, его творцом принято называть хана Тауке, который будто бы собрал в урочище Культобе биев – представителей трех жузов, и они соединили «старые обычаи ханов Касыма и Есима» в нормы, называемые «Жеты-Жаргы».

Трудно сказать что-либо определенное об источниках «Уложения хана Тауке»; некоторые ученые ищут их в Ясе Чингиз-хана, другие говорят о полной независимости «Жеты-Жаргы» от Ясы. Поскольку Яса представляла собой продукт обычного права, то, естественно, что его традиционные нормы, вошедшие в свое время в состав Ясы и не потерявшие своего значения в условиях казахского общества конца XVII в., были учтены составителями «Жеты-Жаргы», но в соответствии с требованиями своего времени. Очевидно, в качестве основного источника «Жеты-Жаргы», скорее всего, следует рассматривать старое обычное право казахов, а также неписаные законоположения

Сей законной актъ, о которомъ воспоминаютъ они со вздохами, есть царствование знаменитаго Хана ихъ Тявки а), который, если вѣрить преданіямъ, былъ дѣйствительно въ своемъ родѣ Геній, и въ дѣяніяхъ Казачьихъ долженъ стоять на ряду съ Соломонами и Аякургами. Усмиривъ волновавшіеся долго роды и поколѣнія, онъ не только ввелъ въ нихъ устройство, порядокъ, но и далъ имъ многіе законы.

Киргизы Большой и Средней Ордъ утверждаютъ, что народные законы ихъ гораздо древнѣе Хана Тявки.

Не останавливаясь на мнѣніяхъ о томъ, кому принадлежитъ первенство законодательства Киргизъ-Казачьяго, положимъ краткій сводъ онаго.

Первое мѣсто въ немъ занимаетъ *законъ кольчуги*: за кровь мстишь кровію, за увѣчье такимъ-же увѣчьемъ. (Droit du taillon)

За воровство, грабежъ, насиліе, предосудѣяніе казнить смертію.

По симъ постановленіямъ, родственникъ убитаго имѣетъ право лишать жизни убійцу, а отрубившій руку, ногу, ухо и проч.

а) См. Исторію описан.

Первая публикация «Жеты-Жаргы»

должен быть лишен той-же части тѣла. Впрочемъ, наказанія могутъ быть смягчаемы по приговорамъ судей, или согласію истцовъ, и иногда преступникъ наказывается только установленною за всякое преступленіе платою а). Убійца возвращаетъ себѣ жизнь, платя Куа, т. е. отдавая за каждаго убитаго мужчину 1000, а за женщину 500 барановъ. Изувѣчившій, или отрубившій другому какой нибудь членъ, платитъ равнымъ образомъ опредѣленное число скота. Большой палецъ стоитъ 100 барановъ, мизинецъ 20, и такъ далѣе.

Кто убьетъ Султана или Ходжу, тотъ платитъ родственникамъ убитаго Куа за семь человѣкъ. Обида Султана, или Ходжи словами, наказывается пенею въ 9 скопинъ; а за побои 27 скопинъ.

Если жена умертвитъ мужа, то она непремѣнно предается смертной казни, отъ

а) Законъ, изъятый отъ Магометанъ ибо онъ основанъ на Коранѣ, помѣщенномъ въ главѣ 1-й, глава подъ словомъ *тѣлица* (Русск. перев.), сказано: *кто убьетъ вольнаго человѣка, тотъ обязанъ возвратить родственникамъ его такою-же вольную душу (за убитаго)..... но если братья простятъ кровь брата своего: то съ преступника можно взыскать другое какое удовлетвореніе.*

в записи А. Левшина (1842 г.)

казахских ханов, предшественников Тауке. В законы вошли в основном установления, отвечавшие потребностям военно-политической и социальной жизни казахского общества XVII в. Создание «Жеты-Жаргы» преследовало цель приспособить существовавшие нормы обычного права к новым потребностям казахского феодального общества. В «Уложении» хана Тауке, таким образом, были юридически закреплены социальные и правовые нормы казахского общества того времени. «Жеты-Жаргы» содержат нормы административного, уголовного, гражданского права, а также положения о налогах, религиозных воззрениях, т.е. в нем охватывались все стороны жизни казахского общества.

Административно-правовые нормы и уголовное право. Верховная власть, по «Жеты-Жаргы», должна быть сосредоточена в руках хана. Судя по отдельным статьям законов, хан был верховным судьей, он судил и наказывал за преступления и проступки, разбирал иски, устанавливал порядок налогообложения. Одним из пунктов «Жеты-Жаргы» уточнялся порядок управления ханством посредством султанов и родоплеменных старейшин: «Чтобы сам хан, равно как и все султаны, старейшины и правители родов собрались осенью в одно место, в середине степи, для рассуждения о делах народных»[41]. При этом все они должны были являться на «собрания народные» с оружием. Это требование было настолько строгим, что явившийся на курултай безоружный не имел права голоса, и младшие, в нарушение всех обычаев, могли не уступать ему места.

«Жеты-Жаргы» узаконивали различные сборы в пользу хана и биев. Одно из положений законов гласило: «Чтобы всякий, могущий носить оружие, кроме султанов, платил хану и правителям народным в подать 20-ю часть своего имущества, ежегодно».

Как и в других правовых памятниках средневековья, основное место в «Жеты-Жаргы» отводилось уголовно-правовым нормам. В перечень преступлений включались: убийство, увечье, изнасилование, побои, оскорбление, несоблюдение правил сыновней почтительности, воровство, прелюбодеяние и другие. В «Жеты-Жаргы» предусматривалась ответственность за преступления против личности, против имущественных отношений, за преступления в области семейно-брачных отношений и религии и т.д.

За совершение преступлений виновные подвергались различным наказаниям. В «Жеты-Жаргы» сохранился закон «за кровь мстить кровью, за увечье таким же увечьем». Но наказания могли быть смягчены по приговорам судей или по согласию истцов, тогда преступник наказывался только установленной за всякое преступление платой. Возможность откупа, однако, предоставлялась не всегда. В четырех случаях узаконивалась смертная казнь: 1) если жена умертвит мужа и родственники не простят ее; 2) если «женщина умертвит от стыда младенца, незаконно прижитого»; 3) если муж становится свидетелем прелюбодеяния своей жены; 5) если установлен факт богохульства. Смертная казнь была двух видов: повешение и побивание камнями (за богохульство).

Самым распространенным видом наказания был выкуп – кун. Уплатой куна даже убийца с согласия истцов мог сохранить себе жизнь. Размер куна, варьировавший в зависимости от социальной принадлежности преступника и потерпевшего (знатный – незнатный, господин – раб), свидетельствует о классовом характере «Жеты-Жаргы». Так, за убитого рядового мужчину убий-

ца платил его родственникам 1000 баранов, за женщину – 500, а за убийство султана и ходжи кун взимался как за семь человек; стоимость раба приравнивалась к стоимости беркута или охотничьей собаки. За членовредительство также платили определенным числом скота: большой палец стоил 100 баранов, мизинец – 20 и т.д.

При совершении воровства хозяину «трижды девять раз» должна была быть возмещена стоимость украденного. Если совершалась кража скота, то виновный должен был «придать к верблюдам одного пленного, к лошадям – одного верблюда, к овцам – одну лошадь. Сто верблюдов равняются 300 лошадям или 1000 овцам».

Кроме смертной казни и выкупа в «Жеты-Жаргы» предусматривались и другие наказания: конфискация имущества, остракизм и предание публичному позору. Первый вид наказания применялся по отношению к людям, принявшим христианскую религию; второй – к беременным женщинам за убийство мужей, третий – за несоблюдение правил сыновнего пиетета (оскорбление или избиение родителей).

Совершение одновременно двух преступлений (воровства и убийства) влекло за собой простое суммирование наказаний, и виновный нес ответственность за оба преступления.

Хотя по «Жеты-Жаргы» уголовная ответственность обычно распространялась лишь на непосредственного виновника, однако сохранялся и принцип коллективной ответственности родственной группы (ближайшие родственники, сородичи, свойственники) за своего члена. Если, например, ответчик к суду не являлся или не мог заплатить положенного куна, то пеня взыскивалась с его родственников или с его «аула». В таком случае сородичам и жителям аула предоставлялось право поступать с преступником по своему усмотрению.

Субъектом права мог быть только свободный, раб не признавался юридическим лицом. «Жалоба раба на господина нигде не приемлется», – гласил один из пунктов закона. За владельцем признавалось неограниченное право над жизнью принадлежавшего ему раба. Но личная свобода, которой обладала основная масса членов казахского общества, не всегда представляла собой юридическое равноправие, в ряде случаев ущемлялись права и свободных лиц, в первую очередь, женщин: например, женщины, «равно как работники, слуги и рабы», не могли выступать на суде в качестве свидетелей. Полноправным юридическим лицом мог быть только взрослый, «могущий носить оружие» мужчина – хозяин дома, глава семьи. Права, которыми обладал или которых лишался каждый свободный мужчина, устанавливались в прямой зависимости от его социального статуса в обществе.

Семейно-брачное право. Наследование. Гражданские отношения не получили в «Жеты-Жаргы» достаточной разработки. Это объясняется, вероятно, не только и даже не столько фрагментарностью имеющихся текстов «Жеты-Жаргы», сколько тем, что многие отношения между согражданами регулировались обычным правом и были общеизвестны, а потому «Уложение» хана Тауке касалось их лишь отчасти.

В области семейно-брачных отношений утверждалось право родителей над жизнью своих детей, закреплялось неравноправное положение женщины. «Родители за убийство детей своих ничем не наказываются», – гласил закон. Жена и дети, знавшие о преступлении мужа или отца и не донесшие на

него, не подвергались никакому наказанию, «ибо на старшего в семействе не позволено доносить».

В вопросах наследственного права «Жеты-Жаргы» подтверждали, по-видимому, нормы обычного права. После смерти отдельно проживавшего бездетного сына его имущество поступало к отцу. После смерти родителей дети отдавались под опеку ближайшим родственникам, а в случае их отсутствия — «посторонним надежным людям».

Суд. Право творить суд признавалось только за ханом, биями и родоначальниками: «Разбирать ссоры и произносить приговор над виновным должен если не сам хан, то правители или старейшины тех аулов, к которым принадлежат истец и ответчик, приглашая к разбирательству еше и избранных обеими сторонами двух посредников». Судьям и посредникам за решение дела полагалось отдавать десятую часть возмещения. Для обвинения по подозрению в преступлении без очевидных улик требовалось от двух до семи свидетелей (например, четыре для обвинения женщины в супружеской неверности, семь для обвинения в богохульстве и т.д.). В случае отсутствия свидетелей требовалась присяга, но присягать должен был не истец, не ответчик, а известный своей честностью человек. За обвиняемым, если он имел «подозрение на судей», сохранялось право просить их замены.

Исполнение судейского приговора возлагалось на выигравшую тяжбу сторону. Такой прием, порожденный отсутствием исполнительных органов власти и применявшийся как один из распространенных методов принуждения виновного и его сородичей к выполнению судебного приговора, приводил на деле к тому, что барымта (угон скота) рассматривалась в «Жеты-Жаргы» не как самоуправное деяние, а как правомерное явление жизни казахского общества того времени. «Если осужденный не исполняет приговор суда, или начальник аула умышленно уклоняется от разбирательства дела и тем покровительствует преступнику, то истец получает право, с позволения своего старейшины, произвести баранту, т.е. с родственниками или ближайшими своими соседями ехать в аул ответчика и тайно отгонять к себе скот его; но, возвратясь домой, должен объявить о том своему начальнику, который наблюдает, чтобы количество возмездия соразмерно было иску». Из этого также следует, что судебная и административная власть на местах не были отделены. Бий сочетал в себе по меньшей мере три функции: это был и родоначальник, и судья, и представитель административной власти на местах.

В ряде случаев, вероятно, в порядке практики применения норм обычного права, правами на наказание пользовались отдельные лица: хозяин в отношении раба, мать в отношении дочери, муж в отношении жены.

Характер расследования преступлений и судебных процессов в «Жеты-Жаргы» не отражен совсем. О том, что судебный процесс носил публичный характер, можно судить только по другим источникам.

Таково в общих чертах содержание дошедшего до нас текста «Жеты-Жаргы». Основная направленность «Уложения» хана Тауке — это охрана привилегий казахской феодальной верхушки, ее политического господства, защита феодальной собственности и господствовавших в патриархальной семье порядков, поддержка мусульманской религии. Всякому нарушителю феодальных прав грозили жестокие репрессии. Судя по тому, что в составлении «Жеты-Жаргы» участвовали представители всех казахских жузов, можно заключить,

что санкционированная в нем совокупность правовых норм действовала в пределах всего Казахского ханства.

Содержание «Жеты-Жаргы» Тауке-хана:

«– За кровь мстить кровью, за увечье таким же увечьем.

– За воровство, грабеж, насилие, прелюбодеяние казнить смертью.

– По сим постановлениям, родственники убитого имеют право лишать убийцу; а отрубивший руку, ногу, ухо и проч. должен быть лишен той же части тела. Впрочем, наказания могут быть смягчаемы по приговорам судей, или согласию истцов, и тогда преступник наказывается только установленною за всякое преступление платою. Убийца возвращает себе жизнь, платя кун, т.е. отдавая за каждого убитого мужчину 1000, а за женшину 500 баранов. Изувечивший, или отрубивший другому какой-нибудь член, платит равным образом определенное число скота. Большой палец стоит 100 баранов, мизинец – 20 и так далее.

– Кто убьет султана или ходжу, тот платит родственникам убитого кун за семь человек. Обида султана или ходжи словами наказывается пенею в 9 скотин; а за побои 27 скотин.

– Если жена умертвит мужа, то она непременно предается смертной казни, от которой не может спасти заплата куна, если родственники не простят ее. Из правила сего исключаются беременные жены, которые за убийство мужей не наказываются; но навсегда предаются презрению и почитаются бесчестными. Если муж убьет жену, то он может избавиться от казни, заплатив кун.

– Родители за убийство детей своих ничем не наказываются; но женщина, умертвившая от стыда младенца, незаконно прижитого, предается смерти.

– Самоубийцы погребаются в отдельных местах.

– Ежели женщина будет сбита с ног всадником и изувечена, и от того родит мертвого младенца, то с виновного взыскивается плата по следующему расчету: за младенца до пяти месяцев, за каждый месяц по одной лошади; а за младенца от 5-ти до 9-ти месяцев, за каждый месяц по одному верблюду.

– Изнасилование равняется убийству, и потому подвергает виновного смертной казни, или заплате куна мужу за жену, и родственникам за девицу; но женитьба на изнасилованной девице и уплата за нее калыма избавляет преступника как от смертной казни, так и от куна.

– Муж, заставший свою жену в прелюбодеянии, может ее убить и, если сделает сие тотчас по открытии преступления, остается безнаказанным. Во всяком другом случае он может просить судей о приговоре к смертной казни неверной жены и ее соблазнителя, если преступление их доказано; если же 4 благонадежные человека присягнут за них в невинности, то суд не подвергает их никакому взысканию.

– Увезший чужую жену, без ее согласия, наказывается смертью или взысканием куна; а если похищение последовало с согласия увезенной, то похититель может удержать ее, заплатив мужу калым, и доставив ему сверх того девицу, без калыма.

– Обидевший женщину обязан просить у нее прощения, а в случае отказа в оном, платить бесчестие.

– Кровосмешение подлежит смертной казни; но она заменяется наказаниями по приговору семейства, ибо преступления сего рода не передаются на рассмотрение сторонним людям.

– Богохульника, изобличенного семью свидетелями, должно убивать каменьями.

– Ежели кто примет христианскую веру, у того родственники отнимают все его имение.

– Над рабами владельцы имеют неограниченное право жизни и смерти. Жалоба раба на господина нигде не приемлется.

– Сына, осмелившегося злословить или бить отца или мать свою, сажают на черную корову, лицом к хвосту, с навязанным на шею старым войлоком: корову сию водят вокруг аулов и сидящего на ней бьют плетью; а дочь связывается и предается матери для наказания по ее произволу.

– Изобличенный в воровстве возвращает трижды девять (27) раз украденное, и наказание сие называется айбана. Если покража состоит в скоте, то виновный должен придать к верблюдам одного пленного, к лошадям одного верблюда, к овцам одну лошадь. Сто верблюдов равняются 300 лошадям и 1000 овцам.

– Кто сделал и воровство и убийство вместе, тот платит за два преступления.

– Жена и дети, знавшие о воровстве мужа или отца и недонесшие на него, не подвергаются никакому взысканию, ибо на старшего в семействе не позволено доносить.

– За убитую охотничью собаку или беркута хозяин может требовать невольника или невольницу.

– Ежели сын, отдельный от отца, умрет бездетен, то имение его поступает к отцу его. Малолетние дети отдаются в опеку ближайшим родственникам, а если их нет, посторонним надежным людям.

– Духовные завещания делаются при родственниках и муллах.

– Лошади, коровы и овцы, бывшие в чужих руках, взыскиваются с приплодом, какой был, кроме скота, барантою угнанного; а для удостоверения в том, что нет утайки, требуется от передержателя присяга.

– Разбирать ссоры и произносить приговор над виновным должны, если не сам хан, то правители или старейшины тех аулов, к которым принадлежит истец и ответчик, приглашая к разбирательству еще и избранных обеими сторонами двух посредников.

– Если ответчик имеет подозрение на судей, он может их устранить.

– Если ответчик к суду не явится или присужденной пени заплатить не может, то оная взыскивается с его родственников или с его аула, предоставляя оному право возвратить свою потерю совершением над виновным судебного приговора.

– Для удостоверения в преступлении требуется не менее двух, и иногда трех, свидетелей. За отсутствием свидетелей, позволяется прибегать к присяге; но давать оной ни истец, ни ответчик сами за себя не могут: за них должны присягать люди, известные своею честностью. Если же никто за обвиненного не присягает, то он осуждается. Женский пол, равно как работники, слуги и рабы, к свидетельству не допускаются.

– Судьям и посредникам, за решение дела, положено давать 10-ю часть всего иска.

– Если осужденный не исполняет приговора суда, или начальник аула умышленно уклоняется от разбирательства дела и тем покровительствует преступнику, то истец получает право, с позволения своего старейшины,

произвести баранту, т.е. с родственниками или ближайшими своими соседями ехать в аул ответчика и тайно отгонять к себе скот его; но, возвратясь домой, должен объявить о том своему начальнику, который наблюдает, чтобы количество возмездия соразмерно было иску.

В дополнение к сим законам, должны быть присоединены следующие достопамятные постановления хана Тауке:

– Чтобы сам хан, равно как и все султаны, старейшины и правители родов, собирались осенью в одно место, в средине степи, для рассуждения о делах народных.

– Чтобы ни один киргиз не является в собрания народные иначе, как с оружием. Безоружный не имел голоса, и младшие могли не уступать ему места.

– Чтобы всякий, могущий носить оружие (кроме султанов), платил хану и правителям народным в подать 20-ю часть своего имущества, ежегодно.

– Всякому поколению, роду и отделению иметь свою собственную тамгу (знак, заменяющий герб). Тамги сии тогда же и розданы, с обязанностью накладывать их на весь скот и имущество, для различения что кому принадлежит»[42]

4. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С РОССИЕЙ И СОСЕДНИМИ НАРОДАМИ

Казахское ханство в XVI в. представляло собой сложный этногосударственный организм, во внутренней жизни которого шли процессы укрепления межрегиональных социально-экономических и культурных связей. Наряду с этим происходило расширение территории и активизация торговых и внешнеполитических связей с сопредельными народами и государствами.

Связи Казахского ханства с Русским государством в тот период были непостоянны, к тому же слабая документальная обеспеченность не позволяет делать серьезные политические оценки. Первые связи Казахского ханства с Русским государством, по-видимому, имели место уже в конце XV века[43]. Торговые и дипломатические связи между двумя государствами установились в XVI веке. Тщательное ознакомление Русского государства с внутренним и внешнеполитическим положением Казахского ханства предшествовало непосредственным контактам. Имеются отрывочные сведения такого рода: это донесения Данилы Губина своему государю. Так, в 1534 г. промелькнуло его сообщение, что «казаки» намеревались начать войну с ногаями[44]. В следующем своем донесении в 1535 г. он сообщал: «А казаки, государь, сказывают добре сильны и сказывают, государь, Ташкент воевали и Ташкентские царевичи сказывают с ними дважды бились, а казаки их побивали»[45].

К середине XVI в. на огромной территории степей Центральной Азии и в прилегающих районах происходили бурные этнические и политические события, которые оказали решающее влияние на формирование этнополитических границ в известных пределах народов Центральной Азии, Поволжья и Приуралья. Спонтанно шло этносоциальное формирование каждого из народов, при этом весьма размытыми оказались как территориальные границы, так и этнические различия. «При наличии кочевой жизни и массовых передвижений целыми родами на тысячи верст невозможно представить себе замкнутость и резко очерченные этнографические различия отдельных провинций»[46]. Так, в 1557 г. Измаил Ногайский сообщал Ивану IV о том, что племян-

ники его «приложились к казацкому царю», и хотя как владельцы своих улусов они затем возвратились в номинальное подчинение к Измаилу, некоторые ногайские роды остались с казахами. При этом надо отметить, что и впоследствии русские источники считали Казахское ханство вполне независимым и сильным государственным объединением.

Кратковременный подъем Казахского ханства при Хакназар-хане и усиление центральной ханской власти нашло отражение в сообщении Семена Мальцева Ивану IV: он писал о том, что «казахские орды Акназар-царя и Шигая царевича и Челыма-царевича, а с ними 20 царевичей приход был в Ногай и бой был»[47]. По сведениям XVIII в., в этот период Хак-Назар властвовал над частью ногаев и башкир[48]. Английский путешественник Дженкинсон, весьма точно описавший события того времени, писал, что к 1558 г. «казаки, народ сильный и могущественный, уже три года теснили Ташкент и препятствовали грабежами своими свободной езде караванов»[49]. Он имел специальные грамоты от Ивана IV в Центральноазиатские ханства, что можно рассматривать как попытку установить политические связи с этим обширным регионом.

В 1573 г. в Казахское ханство было направлено русское посольство во главе с Третьяком Чебуковым, следствием чего стало получение Строгановыми грамоты на закрепление за ними земель на Тоболе, Иртыше и Оби, а также ведение беспошлинной торговли, в том числе и с казахами «... почнут к ним в те новые места приходить торговые люди и казацкие орды и из иных земель с лошадьми и со всяким товаром, а и к Москве, которые не ходят и им у них торговати всякими товарами беспошлиною»[50].

В 1577 г. посол к ногаям Б. Доможиров сообщал о казахах, «...что де царь наш Акназар с царем и великим князем в миру»[51]. Из этого сообщения следовало, что Хакназар-хан совершил набег на ногаев и стремился овладеть низовьями Волги и Яика.

Первые политические контакты между Московским государством и Казахским ханством в отдельные периоды отмечались и как поиск союзников для решения своих внешнеполитических задач. Таковы были контакты Хакназара и Ивана IV по отношению к хану Кучуму через Мальцева и Чебукова, когда обе стороны старались вовлечь Кучума в свою политическую орбиту.

Дальнейшее развитие внешнеполитические связи между Казахским ханством и Русским государством получили в период ханства Тауекеля. Торговые контакты и рост авторитета обоих государств позволили в конце XVI в. провести переговоры на более высоком уровне. Этому способствовали следующие обстоятельства. Султан Ураз-Мухаммед, племянник хана Тауекеля, был взят в плен тобольским воеводой Данилой Чулковым и отправлен заложником в Москву, где снискал своими качествами глубокое уважение, а могущество русского государя и благожелательное отношение к Ураз-Мухаммеду превратили пленника в авторитетного сановника. Сам Ураз-Мухаммед остался на службе русского государя в качестве видного военачальника. Для вызволения своего племянника хан Тауекель снарядил посольство во главе с Кул-Мухаммедом. Целью посольства было также установление более тесных политических связей. Сохранились записи бесед Кул-Мухаммеда с Ураз-Мухаммедом и с царем Федором Иоанновичем. Посольство попало в Москву в 1594 году. По имеющимся источникам, Кул-Мухаммед вел переговоры не только с Москвою, но и встречался с персидским послом, находившимся в то вре-

мя в Москве. В беседе Кул-Мухаммед рассказал о дяде Ураз-Мухаммеда хане Тауекеле как о могущественном государе: «Ныне дядя твой Тевкель-царевич царь учинился на казацкой орде, а брата своего Шахмогамета-царевича посадил на калмаках, а кочуют-де по блиску и все в сое[illegible]ненье, а бухарским царем теперь в миру на время, и с ногаи со шти братья в миру»[52].

В послании хана Тауекеля обговаривался также вопрос о принятии подданства с его стороны при определенных условиях «...только государь пожалует, примет царь и царевичей под свою царскую руку и похочет только пожаловать тебя отпустить и я то истинно говорю, что Тевкель-царь пришлет в заклад царевича. И пожалует государь, только даст царю и царевичам огненного бою и царь Тевкель и царевичи однолично станут воевать...»[53].

Надо отметить, что подданство вполне самостоятельного и могущественного хана понималось в то время как военно-политический союз с конкретными обязательствами, а положение Ураз-Мухаммеда как пленного сановника вынуждало хана Тауекеля идти на такие формы политического союза. Как известно, такую форму союза приняли Иван IV и хан Сибирского ханства Кучум; вообще подобные политические союзы были распространены среди других властителей Центральноазиатского региона. В 1595 г. было отправлено к хану Тауекелю в ответ посольство Вельямина Степанова на 2 года «... что послом есмя к нему, к Тевкелю царю и к царевичам Вельямина Степанова и как он у них будет и о наших делах учнет говорить и они б ему во всем верили, и выслушав, у него нашим и своим делом промышляли и его б не задержав, со всем полным делом к нам отпустили»[54]. То есть Московский царь все-таки признавал за Тауекелем установление новых политических отношений, однако выдвигал свои условия «... говорити Тевкелю-царю: чтоб Тевкель-царь и братья его царевичи все были под царскою рукою, а государь-царь и великий князь учнет их ото всех их недругов уберегати и стояли бы они на бухарского и на Кучума-царя. И для своей правды Тевкель бы царь послал ко государю царю и великому князю сына своего Усеина, а государь царь и великий князь к ним брата их Ураз-Магомета царевича отпустить велей»[55]. Была даже составлена грамота на имя хана Тауекеля и его сыновей о принятии в подданство, а прием посла Вельямина Степанова у Тауекеля был очень почетным. Условия Московского государя были неприемлемы для Тауекеля, так как, попадая под политическую зависимость, Тауекель должен был вести серьезную вооруженную борьбу, в ответ же не получал ничего определенного.

В XVII в. в силу обстоятельств Казахское ханство прервало политические сношения с Русским государством.

В документе 1609 г. томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцова есть упоминание о Казахском ханстве как о государстве беспокойном и воюющем. Когда один из сибирских князей принимал российское подданство, ему было вменено защищать рубежи Сибири от казахов и калмаков: «... велишь их оберегать от Алтын царя и от Казацкой орды и (от) черных калмыков»[56], а сами казахи в это время, как показывает другой документ, воевали с калмыками: «... черные калмыки от них откочевали далече и воюютца с Алтын царем и с Казачьей ордою»[57].

Политическая борьба казахских ханов на южных рубежах, непрекращающаяся борьба с ойратами на юго-востоке Казахстана и с калмаками на западном и северном рубежах, династийные усобицы из-за политических амбиций каждого из владельцев того или иного улуса и юрта длились на

протяжении всего XVII века. Политическая обстановка и в Российском государстве не представляла собой единой и целостной картины. Период смутного времени и утверждения новой династии во главе государства, а вместе с этим и появление новых политических и идеологических доктрин не способствовали укреплению долговременных и взаимовыгодных политических отношений между Казахстаном и Россией. Оживление их политических связей происходит в самом конце XVII в., когда у руля власти в обоих государствах оказались выдающиеся политические деятели – Тауке-хан и Петр I. Сближение России и Казахского ханства происходило на почве единых политических интересов борьбы с джунгарами. «А ныне Галдан в степи, что шайтан объявился, друг к другу не стали ездить... многие лета дороги залегли»[58].

В 1687 г. было направлено казахское посольство во главе с батыром Ташимом в Тобольск. Главная задача этого посольства заключалась в установлении более прочных связей между обоими государствами: «... Ныне подданным людям надобно покой и послы и торговые люди меж ними ездили, добрая слава меж нами хорошая будет ... на свете»[59], т.е. предполагалось установление связей между двумя государствами. Следующее посольство в Тобольск в конце 1689 – начале 1690 гг. возглавил Туманчи-батыр. Оба эти посольства остались без последствий.

Исследователи отмечают, что Тауке, стараясь наладить серьезные прочные политические связи в 1686-1693 гг., направил пять посольств в Россию, которые, однако, безрезультатны. «Худое дело на ветер бросим, что при (нас) было, и впредь того не будет, только мы будем в совете»[60]. Следующее посольство, уже через посредников, которое возглавили влиятельные казахи Сары и Кильдей, так же ни к чему не привело, как и новые посольства 1690 г. во главе с Туманчи и Кабаем. Наконец, для улаживания дел между Сибирской администрацией и Тауке-ханом в июле 1692 г. было направлено в Туркестан к Тауке-хану посольство, включавшее Андрея Неприпасова, Василия Кобякова, переводчика Шаманаева, однако политические разногласия были настолько сильны, что и послы Сары и Кильдей и люди Неприпасова с обеих сторон содержались как заложники. В октябре 1693 г. с целью освобождения Кильдея Тауке-хан направил в Тобольск Тайкомура Тулубая Аталыкова, и вместе с ним уехала часть русских посланников, в ответ на прибытие Тайкомура в Тобольск Кильдей и его люди были освобождены. Вместе с Кильдеем в 1694 году в ставку Тауке-хана выехали Ф. Скибин и М. Трошин. Все они были вместе с Л. Неприпасовым задержаны ханом Тауке в марте 1695 г. В октябре 1695 г. Скибин и Трошин бежали в Бухару и уже в начале 1697 г. они возвратились в Тобольск. Неприкасов же умер в Туркестане. Их сообщения содержат много интересных сведений о Казахском ханстве. Непризнание со стороны Тобольской администрации казахских посольств привело к обострению отношений между Казахстаном и Россией и послужило одной из причин сближения России с джунгарами в конце XVII – начале XVIII вв.

Со времен Великого Шелкового пути территория Казахстана представляла собой район обширной транзитной торговли. Еще в период единой Ногайской орды в первой половине XVI в. для Русского государства «целью сношений с князьями ногайскими и индейским ханом Бабуром были дела торговые»[61]. Во взаимной торговле были заинтересованы как само Русское государство, так и соседние народы, и когда в 1524 г. русским купцам было запрещено ездить на ярмарку близ Казани, это стало сильным ударом по торговле

с Востоком[62]. Обмен товарами был весьма широк; как отмечал С. М. Соловьев, «купцы чагатайские доставляли шелковые ткани, татарские – лошадей и превосходные белые материи не тканые, а свалянные из шерсти, из которых делались япанчи, красивые и защищавшие от дождя»[63]. В среднеазиатские же пределы доставлялись седла, узды, сукна, кожи, полотно, ножи, топоры, стремена, зеркала, кошельки[64].

Торговля шла несколькими путями. Один шел из среднеазиатских пределов морским путем от пристани Мангышлака и Астрахани, далее сухопутным путем через Эмбу на Яик, выше Сарайчика, затем на Самару через Башкирию «Старой Казанской дорогой». В конце XVI в. товарообмен осуществлялся по следующему маршруту: от Казани (как города, находившегося в подчинении Русского государства) на Каму, оттуда Башкирским краем, минуя Уфу, на Яицкие верха, пересекая р. Яик между устьями рек Сакмары и Солкаша шла на р. Иргиз, затем по степи к бассейну р. Сарысу и заканчивалась в предгорьях Таласского Алатау – этот путь покрывался в течение 9 недель[65]. Еще один путь пролегал через степи Казахстана на Тару, Тюмень и Тобольск, а затем вдоль Иртыша пересекал Барабинские степи. Торговля велась как со стороны властей, так и купцами, при этом царская и ханская торговля, а также посольские дары освобождались от пошлин. Как отмечается в литературе, с 1583 по 1600 гг., в пределы Московского государства проследовало 8 бухарских, 3 хивинских и 2 казахских посольства, русских же послов с 1578 по 1600 гг. проследовало не более четырех. Торговля купцов облагалась пошлиной с пуда товара, при этом еще бралось 11 денег с рубля мягкого товара и по 18 денег с «весчего». В торговле был запрещен вывоз золота, ограничен вывоз серебряных денег, запрещался вывоз доспехов и панцирей, сабель, топоров, ножей, вина, меда, беличьих шуб, юфтей, воска. Запрещалась также торговля пленными, т.е. ясырем.

В XVII в. важное значение приобрела дорога из Тобольска вверх по Иртышу на Атабашский острог, оттуда до Каменного брода на Ишиме, затем через степь на город Туркестан, и не доходя до него 6 дней, разветвлялась на две: одна к казахским владениям, другая на калмыцкие (ойратские) владения. Все это расстояние покрывалось тихим ходом в 9 недель, средним – в 2 месяца, а скорым – в 30 дней[66]. От этой дороги ответвлялась еще «Ордынская дорога», которая петлей через казахские степи шла к Ишиму и соединялась с предыдущей – этой дорогой путь к Туркестану занимал примерно 40 дней. В Таре, Тюмени и Тобольске осуществлялся уже льготный бухарский торг; торговлю вели купцы-тезики (т.е. таджики). Важное значение имела Ямышевская ярмарка, проходившая ежегодно во время успенского поста в течение 2-х или 3-х недель. «А в то время, как русские люди собирают соль у озера, учинится ярмарок. И приходят многие тысячи людей калмыки и бухарцы и татары и торгуют с русскими людьми. И они продают лошади и ясырь и иные китайские товары»[67]. В целом же среднеазиатский экспорт в Московское государство через казахскую территорию составлял 40–50 тыс. руб. ежегодно, а сами торговые караваны включали от 300 до 400 возов и телег.

Вопрос о взаимоотношениях казахов и башкир в XVI в. предельно усложнен, во-первых, как уже отмечалось выше, в это время проходит формирование этнополитической истории современных народов Поволжья, Приуралья и всего Центральноазиатского региона, во-вторых, обозначилась неоднозначность политических событий в жизни каждого из этносов. Исследователь

этнической истории башкир Р. Г. Кузеев отмечает: «Будучи связаны традиционными узами и происхождением с тюркским степным миром, башкиры оказались в орбите сильного и многостороннего влияния совершенно иного мира»[68]. Таким миром было русское государство, когда, начиная с середины XVI в., башкирские родоплеменные объединения попадают под его начало. Точно установленная этническая близость башкир и казахов всех жузов позволяет говорить о тесных исторических связях между двумя народами.

В первой половине XVI в. важнейшим фактором политической жизни обоих народов было Ногайское государство, которое претерпевало сложные изменения во внутренней жизни и во взаимоотношениях с соседями. Будучи объединением различных тюрко-монгольских кочевых племен, оно инкорпорировало большие группы своего этнополитического элемента в составы казахского и башкирского этносов, причем данный процесс шел не плавно, а в соответствии с резкими колебаниями политической истории.

В результате междоусобиц к середине XVI в. Ногайское государство включало в себя три объединения, одно из которых под властью Ших (Шейх)-Мамая занимало часть Сибири и современной Башкирии. Дети Ших-Мамая после его смерти в 1549 г. ушли на р. Эмбу и образовали Алтаульскую (Джембойлукскую) орду, в составе которой были племена кыпчаков и табынцы.

В первой четверти XVI в. непосредственно территорией современной Башкирии владел Акназар-хан, подчинивший часть ногайцев, башкир и часть Сибирского ханства. По-видимому, казахский кочевой элемент во владениях Ших-Мамая и его детей, а также Акназар-хана, играл заметную роль, так как и кыпчаки и табынцы стали одним из главных субстратов при формировании Младшего и Среднего жузов. Известно, что табынцы кочевали в верховьях Яика до Тобола и Иртыша. Неразрывное единство башкирских и казахских табынцев косвенно подтверждается в русских документах: «А Ших-Мамаевы дети Касай-мурза с братьею кочуют по реке Сыре к Казацкой орде»[69]

Подчинение башкирских родов и племен Русским государством с середины до конца XVI в. постепенно прервало братские узы между казахами и башкирами и уже с конца XVI в. башкиры, находившиеся на службе Московских государей, во взаимоотношениях с соседями придерживаются политической линии Москвы. Несмотря на это, часть башкир, не вынеся угнетения со стороны властей, перекочевывают или в пределы Сибирского ханства, или в пределы владений Ногайских властей, т.е. на территорию современного Казахстана. Так, в 1600 г. четыре сына Кучума – Али, Канай, Азим и Кубей-Мурат находились в верховьях Ишима, при них было с женами и детьми человек 300 табынцев и сынрянцев»[70]. О такой же перекочевке табынцев вместе с Кучумовичами Канаем и Азимом между реками Ишимом и Обаги примерно в 150 человек подтверждали послы Уфимского воеводы[71].

Использование башкир на службе у московского государя при[illegible]т к враждебным отношениям с сибирскими царевичами, так, в 1635 г. русские и башкирские отряды разбили сибирских царевичей Аблая и Тявку (Тевкеля), подступивших под Уфу. В 1661 г. были разгромлены улусы Сибирского царевича Девлет-Герея на берегах реки Железинской, где были и служилые башкиры. Однако при восстании башкир в 1662–1664 гг. к повстанцам Ногайской дороги присоединился правнук Кучума – Кучук. Насильственная христианизация башкир привела к новому восстанию в 1680–1683 гг., в ходе которого к восставшим присоединились «иноверцы», и осенью 1682 г. в верховьях Яика про-

изошло крупное сражение, в котором принимали участие башкирцы и с иными иноверцами»[72].

Историческая судьба казахов и калмаков столкнула их еще в XVI в., когда западные монголы-ойраты покидали Могулистан. Уже в XV в. ставка ойратского правителя Улджей-Тимура находилась в Бешбалыке. К XVI в. набеги ойратов доходили до Иссык-Куля и даже до Сырдарьи. В середине XVI в., когда казахи обосновались в долинах рек Чу и Талас, начались непрерывные столкновения с ойратами, главной причиной которых была борьба за постепенно сужающиеся и разваливающиеся владения Могулистана. Этому способствовали и другие обстоятельства. Как отмечал В. В. Бартольд «Мусульманскими были и все государственные образования последующего времени... ханства казашкое, узбецкое и другие в Средней Азии»[73]. Противоречия хозяйственные, политические, идеологические приводят к тому, что часть ойратов — торгоуты и дербеты откочевывают в Прииртышье и постепенно продвигаются на север. Уже к 1607 г. к русским границам (в Прииртышье) прикочевало 12 санов, т.е. примерно 120 тыс. человек, всего же прикочевало около 8 тыс. воинов и 200 тыс. остального калмыцкого населения[74]. В 1608 г. отряды калмаков появились на Эмбе и оттеснили ногаев. В 1613 г. калмаки впервые перешли Яик. В последующие годы калмыки приняли подданство России и втягивались в политическую орбиту России. В этот же период происходит столкновение торгоутов с «дальними калмыками», т.е. с правителями Джунгарии. В 1635 г. в союзе с казахским ханом Джангиром правитель торгоутов Далай-тайша дважды нападал на правителя дербетов Урлюк-тайшу, который кочевал в Прииртышье. В 1642 г. он перешел с Сибирских кочевий на Яик. В 1649 г. началась еще одна откочевка «дальних калмыков» в пределы России численностью примерно в 20 тыс. воинов и вследствие этого другие калмыцкие улусы продвинулись в районы Эмбы и Сырта. В 1671 г. наблюдается новый приход калмаков в пределы России, а уже при хане Аюке упрочились отношения калмаков с Джунгарией. Все эти перекочевки масс кочевого населения не могли не вызвать недовольства казахских ханов, которые на протяжении всего XVII в. вели борьбу за свои исконные земли в степных районах Казахстана. Это нашло отражение в казахской устной поэзии и преданиях, когда самый сильный противник казахов назывался «калмак». При этом, как подчеркивал В. В. Бартольд, термин «калмак» или «калмык», каково бы ни было его происхождение, употребляется мусульманскими авторами в несколько более обширном значении, чем ойрат[75].

Наряду с этим русское правительство, постоянно опекая и поощряя службу калмыков царю, использовало их против казахов. Академик И. И. Лепехин писал в XVIII в.: «В них мы имеем кроме других военных служб, хороших и многочисленных оберегателей наших предков от набегов киргиз-кайсаков и кубанцев»[76].

С древности сохранились многочисленные свидетельства о контактах Китая со среднеазиатским регионом. В последних исследованиях отмечено, что в период династии Юань (1271—1368 гг.) эти связи оказали заметное влияние на многие сферы жизни Китая. Так, прослежено влияние «Западного края» в цветовой гамме фарфоровых изделий, в блюдах китайской кухни. В период династии Мин (1368—1644 гг.) наблюдалось проникновение даже деталей одежды в Китай, например, люхэмао — круглая шапочка из шести клиньев, напоминавшая среднеазиатскую тюбетейку. В исследованиях А. Ш. Кадырбаева,

К. Ш. Хафизовой и других ученых отмечается заметный тюркский элемент в политической, военной, культурной жизни Китая. Однако уже в период Минской династии связи Китая со Средней Азией постепенно слабели и начиная с XVI в., сходит на нет почти вся торговля Китая с регионом. Часть выходцев из стран Западной Азии, а также среднеазиатского региона, составила особую этническую общность – китайских мусульман. Районом, где происходили тесные политические и иные контакты с цивилизацией Китая, стал Восточный Туркестан, где в XV–XVI вв. происходило становление и развитие Могульского государства, которое к XVII в. приобрело черты, аналогичные среднеазиатским государствам. Почти вся огромная территория Могулистана к середине XVI в. подпала под власть узбеков казахов и киргизов, а Чагатаиды, правящая династия Могулистана (Э. В.), почти на два века закрепилась в Восточном Туркестане. При этом племенное объединение дулатов владело собственно Восточным Туркестаном. В первой четверти XVI в. в Восточном Туркестане закрепился султан Саид-хан из племенного объединения узбек-казаков и с этого времени «союзниками моголов часто были узбеки», совместная коалиция которых вела борьбу с казахами и киргизами за Жетысу и Прииссыккулье, в эти районы часто направлялись военные отряды, контролировавшие их как часть сферы влияния могульских ханов до 90-х годов XVI в. Правда, казахский хан Тахир в 1524 г. попытался сблизиться с могульскими ханами, но потерпел неудачу. Весной 1527 г. он увел с собой и киргизов, с этого времени до 1545 г. могулы в союзе с Шайбанидами пытались отвоевать Жетысу и Западный Тянь-Шань, казахов и киргизов[77]. Именно тогда уже совсем ослабевшие связи Средней Азии и более отдаленных регионов с минским Китаем окончательно прервались. Во второй половине того же столетия ослабли связи самих могулов с Китаем. В период правления Цинов с 1694 г. до событий, связанных с джунгарской агрессией, эти связи не возобновлялись. Вместе с тем, в дела могульских ханов казахи вмешивались начиная с 1609 г., когда хан Абу-ар-Рахим начал 40-летнюю борьбу за Яркендский престол. В 1639 г. Яркендские ханы сменились Турфанскими. В события борьбы за Яркендский престол вмешивались Есим-хан и Турсун-хан, противоборство которых привело к гибели последнего в 1628 г. Привлечение ойратов к борьбе за власть в Могулистане самими могульскими ханами привело к ослаблению Могулистана и, наконец, к окончательному его подчинению джунгарами, которые вели борьбу с казахами и союзными им киргизами. В течение почти всего XVI в. казахи и киргизы вели совместную борьбу за обладание территориями Жетысу и Западного Тянь-Шаня. Основатель киргизского государства Мухаммед-кыргыз, по-видимому, это легендарный Тогай-би, для укрепления киргизского государства искал поддержки у Казахского ханства в борьбе против могульских владетелей[78]. В свою очередь казахский хан Тахир в 1524 г. в борьбе против могульских ханов, Шайбанидов и ногайцев заложил начало казахско-киргизского союза. В период правления хана Хакназара этот союз укрепился, так как в источниках он упомянут как хан казахов и кыргызов.

Хакназар в борьбе против могульских ханов опирался на киргизов как на верных союзников. При столкновении с Абу аль Латыф-султаном – правителем в Аксу, его поддержали киргизы, а при разгроме самого Хакназара в 1581 г. на его стороне были киргизы. Союзнические обязательства киргизы сохранили и при преемнике Хакназара-хана, Шигай-хане в его борьбе с Абдаллах-ханом. Сын Шигай-хана Таукель в 1582 г. разбил Баба-

султана при поддержке ряда северо-киргизских родов около города Ясы (Туркестан), они же активно поддерживали его в борьбе за овладение земледельческими районами Ферганы, Ташкента и Самарканда.

В 1598 году при овладении городов по правому берегу Сырдарьи и Ташкентско-Андижанского оазиса киргизы оказали ему поддержку. В начале XVII в. эта же поддержка была оказана при борьбе казахов с Аштарханидами в 1603 г. и в 1611 г. против Имамкули-хана за Ташкент. В борьбе Есима с Турсуном киргизы поддержали и приняли у себя Есима. В 1621 г. при обострении отношений с Аштарханидами киргизы приняли сторону Турсун-султана и в сражении около города Шахрухия выставили войско в 10 тысяч человек. Противоборство Турсуна и Есим-хана привело к гибели Турсуна, а подчиненные ему катаганы окончательно вошли в состав киргизского народа. Эти же союзнические обязательства по отношению друг к другу сохранились и в борьбе с ойратами в XVII в. В документах 1616 г. сообщалось, что и киргизы находились в подчинении у калмаков в районе Прииртышья. Они в 1617 г. вели переговоры с калмаками о выкупе своих пленных. По сообщениям Г. Ильина, в феврале 1644 г. упоминалось о походе Батура-хунтайши на «Янгира-царевича Казачьей орды, да на Ялангуша, да на алитов — киргизов. А ходило де с ним воинских людей 50 тысяч», при этом были взяты «две землицы алатай-киргизов да токмаков тысяч з 10». И далее, как сообщает документ «и Янгир де к контайше пошел навстречу с войском и побил де у контайши не тех дву боях тысяч з 10. И в ту же пору на тот бой Янгиру царевичу пришли на помощь Ялантуш, а с ним пришло воинских людей тысяч з 20»[79] Однако пленные казахи и киргизы были уведены Батуром. Земли, которые были взяты Батуром, — это, по-видимому, земли в районе Таласа и соседних районов Чу. В 1652 г. Батур-хунтайши вновь вел войну с тянь-шаньскими киргизами и казахами, и они были вынуждены отойти: казахи — в отдаленные районы Жетысу, а киргизы — в высокогорные районы Иссык-Куля, Таласа; часть из них двинулась на Памиро-Алай. В следующем году коалиция казахов и киргизов начала вести успешную борьбу с ойратами, и уже к 1655 г. восточная часть Жетысу была освобождена от ойратов.

В XVI в. Казахское ханство на протяжении почти всего столетия вело борьбу за присырдарьинские города (из 30 крепостей) и за некоторые другие оазисы юга и юго-востока нынешнего Казахстана.

Политическая борьба носила династийный характер, сердцевиной которого стали генеалогические предания, и в то же самое время этногенетическое размежевание все более оказывало свое влияние на исход политического противостояния. В какой-то степени правы некоторые исследователи, когда они отождествляют приход Мухаммеда Шайбани к власти с постепенным формированием государственности у оседлых узбеков. Однако на всем протяжении XVI в. этот процесс не шел в однолинейном измерении. Вследствие этого взаимоотношения казахского и узбекского народов рельефно вырисовываются преимущественно в развитии торговых связей.

К началу XVI в. одним из крупнейших торговых центров в Дешт-и Кыпчаке был город Сыгнак. Как сообщал Ибн-Рузбихан: «Производимые в Дешт-и Кыпчаке товары прямо поступают сюда из Туркестана, Мавераннахра, Кашгара и Хотана. В силу этого Сыгнак является все время местом средоточия всех купцов. Здесь всегда в достаточном количестве имеются товары всех стран»[80]. О весомых торговых связях свидетельствует тот факт, когда для

выкупа попавших в плен подчиненных ему султанов Мухаммад Шайбани приказал отправить казахским султанам караваны верблюдов, груженных тюками бязи (карбаса)[81]. При осложнении взаимоотношений между султанами действовало право оружия, несмотря на это торговые караваны беспрепятственно проходили к своим пунктам назначения. Кочевники-казахи поставляли в города Средней Азии скот, войлок, переметные сумы, арканы, мешки. В большом количестве велась торговля лошадьми, немаловажное значение приобрела торговля пленниками. Из Самарканда и Бухары вывозилась писчая бумага, бархат ярко-красного цвета – «михмали кирмизи», бухарские луки. Многие товары получали название «бухари», хотя могли быть произведены в соседних государствах и городах[82]. В Мавераннахр широким потоком шли кафтаны из выделанной овечьей шкуры. Из ташкентского оазиса приобрел большое значение экспорт цитварной полыни (дармина), попадавшей и в Западную Европу[83]. В XVII в. одним из крупных транзитных центров стала Бухара, где выделывалась высококачественная материя – сакарлат, основой для ее получения была высококачественная шерсть Дешт-и Кыпчака. Главным поставщиком сырья для выделки грубошерстных тканей стали кочевые районы Центральной Азии.

Формирование собственной территории этносов, в том числе казахского, позволило проводить широкий обмен между городами и кочевым населением. Как отмечает Р. Г. Мукминова, в этот период действовали крепко спаянные хозяйственные связи между кочевниками и оседлым населением.[84] Этому способствовало закрепление Ташкента за казахскими султанами с 1598 г. почти на два века, а также периодическое пребывание казахских султанов у власти в других районах Средней Азии. Интересные сведения приводит Х. Досмухамедов: в 1619 г. знаменитые медресе Тилля Кари и Шир-дора в Самарканде были построены по указанию Жалантос батыра (Ялантуш бахадура), происходившего из родового объединения алшинов, рода алим, его внучатым племянником был знаменитый би Младшего жуза Айтеке[85]. Есть сведения о том, что медресе Когельдаш в Бухаре было построено по указанию Коге из рода тама, с потомками которого в начале XX в. встречался Х. Досмухамедов[86].

Эти факты свидетельствуют о близких и тесных связях между узбекским и казахским народами, о кочевом строе казахов как высокоорганизованном общественном организме.

[1]Имамкули-хан (1611–1642) – четвертый представитель аштарханидской (джанидской) династии, правившей в Мавераннахре. Первый хан этой династии – Джани-Мухаммад (1599–1601); второй – Баки-Мухаммад (1601–1605); третий – Вали Мухаммад (1605–1611). В 1642 г. Имамкули-хан был свергнут с престола, некоторое время спустя отправился с пышной свитой в хадж через Иран и умер в 1642 г. в Медине.

[2]Есим-хан – сын Шигай-хана. Он стал ханом после смерти Тауекеля в 1598 г.

[3]*Искандер Мунши.* Тарих-и аламара-йи Аббаси. Тегеран, 1314/1896–97, с. 525.

[4]Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636. М., 1959, с. 49.

[5]*Мухаммад Талиб Матлаб ат-талибин.* Рукопись Санкт-Петербург. отд. ИВ АН В. 2504, л. 113 б (С. 253 – примечание).

[6]Происхождение казахского хана Турсуна (убит в 1628 г.) остается пока неизвестным.

[7]*Искандер Мунши.* Тарих-и аламара-йи Аббаси, с. 678.

[8]Сборник князя Хилкова. СПб., 1879, с. 421.

[9]*Сухайла.* Имамкули-хан-наме. Рук. ИВР АН Уз., № 89, л. 138 а-147 а.

[10]*Махмуд ибн Вали.* Бахр ал-асрар. Рук. ИВ АН Уз. № 7418. Л. 237 а.

[11]Абд ар-Рахим-хан-Чагатаид, сын Абд ар-Рашид-хана, хан в Чалыше и Турфане.

[12]*Шах Махмуд Чорас.* Хроника. Критический текст, перевод, комментарии и указатели О. Ф. Акимушкина. М., 1976, с. 252.

[13]*Абул-Газы-Багадур-хан.* Родословное древо тюрков. Перевод и предисловие Г. С. Саблукова. Казань, 1906 г., с. 306.

[14]Ламахат мин пафахат ал-кудс. Рук. Санкт-Петербург. отд. РАН. С. 1602, л. 132 а.

[15]Бахр ал-асрар, л. 238 б: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан: Летопись трех тысячелетий, А-Ата, 1992, с. 302.

[16]*Валиханов Ч. Ч.* Записки о киргизах. Собр. соч. в 5 т. Алма-Ата, 1985, т. 2., с. 77.

[17]Согласно киргизским преданиям, самым знаменитым вождем племени багыш был Кеклом-бий, а его предком – Кара-Чоро – один из сыновей легендарного Тагая.

[18]*Григорьев В. В.* Русская политика в отношении к Средней Азии // Сборник государственных знаний. Т. I. СПб., 1874, с. 249.

[19]*Валиханов Ч. Ч.* Записка о судебной реформе // *Ч. Ч. Валиханов.* Соб. соч. в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата, 1985, с. 87–90.

[20]*Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. М., 1983, с. 84–85.

[21]*Богоявленский С. К.* Материалы по истории калмыков первой половины XVII века // Исторические записки. Т. 5. М., 1939, с. 64–65; *Бичурин Н. Я.* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста. 1991, с. 38.

[22]*Веселовский И. И.* Передовые калмыки на пути к Волге // Записки восточного отделения рус. археол. об-ва. Т. 3. Вып. 4. СПб., 1889, с. 389.

[23]*Витевский В. Н.* Н. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Т. II. Казань, 1897, с. 498.

[24]*Григорьев В. В.* Русская политика в отношении к Средней Азии // Сборник государственных знаний. Т. I. СПб., 1874, с. 241.

[25]*Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). М., 1982, с. 120.

[26]*Левшин А. И.* Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-кайсачьих орд и степей. Ч. 2. СПб., 1832, с. 57–58. *Howorht H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th century, Part II. The so-called tatars of russian and Central Asia. L., 1880. S. 639.

[27]Русско-монгольские отношения 1607–1634. Сб. документов. М., 1959, с. 278.

[28]*Досмухамедов Х. А.* Родословная Жалантус батыра (Яламтуш-Бахадура), строителя медресе Тилля-Кары и Шир-дор в гор. Самарканде // Год работы казахского высшего педагогического института. Ташкент, 1928, с. 83–88.

[29]Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. Извлечения из персидских и тюркских сочинений. Алма-Ата, 1969, с. 385.

[30]Русско-монгольские отношения 1636–1654. Сб. документов. М.: ГРВЛ, 1974., с. 207; *Златкин И. Я.* История джунгарского ханства 1635–1758. М., 1983, с. 129.

[31]Русско-монгольские отношения 1636–1654. Сб. документов. М.: ГРВЛ, 1974., с. 239.

[32]*Левшин А. И.* Указ. работа, с. 59.

[33]*Тынышпаев М.* Великие бедствия (Ақтабан-шұбырынды). Алма-Ата, 1992, с. 88.

[34]Русско-монгольские отношения 1636–1654 гг. Сб. документов. М., ГРВЛ, 1974. С. 239; *Левшин А. И.* Указ. раб., с. 60. Несколько слов о дальнейшей судьбе Жалан-

тоса. В 1649 году разгорелась война из-за Хорасана и Балхаша между бухарским ханом Абдул-Азизом и иранским ханом. Жалантос возглавил бухарские войска, иранские войска были разгромлены. В этой войне казахи принимали участие на стороне бухарского хана. По сведениям «Тарихы Кыпшак» Хожамкули-бек Балхи, Жалантос выставил в этой войне 100-тысячное войско. Похоронен в 12 км от Самарканда в местечке Дагбит.

[35]Русско-монгольские отношения..., с. 239.

[36] *Ч. Ч. Валиханов.* Собр. соч. в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата, 1985, с. 200.

[37]Русско-монгольские отношения 1636–1654, с. 277.

[38]Там же. С. 306.

[39]*Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи в XVII–XVIII вв. Алма-Ата, 1991., с. 46.

[40] *Зиманов С. З., Усеров Н.* Несколько слов о Жеты-Жаргы // Известия АН КазССР, серия общественная, 1975, № 4.

[41] Здесь и далее ссылки на статьи Жеты-Жаргы даются по книге Левшина А. «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей». Ч. 3. СПб., 1832. См. также: Материалы по казахскому обычному праву. Алма-Ата, 1948, с. 18–22.

[42] Законы хана Тауке не дошли до нас в полном объеме. Исследователям истории и юридических обычаев казахов приходится черпать сведения исключительно из сочинения А. Левшина, где приводятся 33 фрагмента статей «Уложения». Запись А. Левшина не представляет Жеты-Жаргы в первоначальном виде. Он записал «Уложение» спустя более ста лет после его составления, что, конечно, не могло не отразиться на точности его передачи. При устной передаче от поколения к поколению «Уложение» претерпевало определенные изменения. Левшин А. Указ. работа, с. 170–178.

[43] История Казахской ССР. Т. 2. Алма-Ата, 1979, с. 290.

[44] *Левшин А. И.* Описанис киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Спб. 1832, ч. 11, с. 47.

[45]Там же, с. 47.

[46] *Тынышпаев М.*. Материалы к истории киргиз-казакского народа. Ташкент. 1925. Репринт. Алма-Ата, 1990, с. 44.

[47] *Лебедев В.* Из истории сношения казахов с Россией в XVIII в //Красный архив, 1936, т. 5(78), с. 187.

[48] *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Спб. 1843. т. 11. с. 245.

[49] Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937, с. 172.

[50] *Миллер Г. Ф.* История Сибири т. 1, М., 1937, с. 340.

[51]История Казахской ССР, т. 2, 1979, Алма-Ата, с. 292.

[52] Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. Алма-Ата, с. 3.

[53] Там же, с. 3.

[54]Там же, с. 6.

[55]Там же, с. 7.

[56]*Миллер Г. Ф.* История Сибири, т. 1. М., 1937, с. 425.

[57]Там же, с. 427.

[58] *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1971, с. 103.

[59] Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1960, с. 5.

[60] *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1971, с. 107.

[61]*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1989, т. 5, кн. 11, с. 270.

[62] Там же, с. 314.

[63] Там же, с. 314.

[64] Там же, с. 314.

[65] *Чулошников А. П.* Торговля Московского государства со Средней Азией в

XVI–XVII вв. //Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. 1, Л., 1932, с. 78.

[66] Там же, с. 79.

[67] Записки Русск.геогр.общества по отд. этнографии. Т. X, Спб. 1888, с. 43.

[68] *Кузеев Р. Г.* Задачи исторической этнографии в изучении древней и средневековой истории башкир //Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа. 1971, с. 6.

[69] *Кочекаев Б. Б.*. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988, с. 107.

[70] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1, М., 1937, с. 167.

[71] Там же, сс. 369, 371.

[72] *Акманов И. Г.* Башкирия в составе Российского государства в XVII – в пер. пол. XVIII вв. Свердловск, 1990, с. 84.

[73] *Бартольд В. В.* История турецко-монгольских народов. Соч. в 9-ти т., т. V, с. 213.

[74] Очерки истории Калмыцкой АССР. М., 1967, с. 87-88.

[75] *Бартольд В. В.* История турецко-монгольских народов. Соч. в 9-и т., т. V, с. 214.

[76]Очерки истории Калмыцкой АССР. М., 1967, с. 106-108.

[77]*Крюков М. В., Малявин-Софронов В. В.* Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987, с. 45.

[78] *Зотов О. В.*. Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв. М., 1991, с. 73.

[79] История Киргизской ССР, т. 1. Фрунзе. 1984, с. 443.

[80] *Джамгерчинов М. Б.* Из истории взаимоотношений Киргизстана с калмыками в пер. пол. XVII в. //Из истории дореволюционного Киргизстана. Фрунзе. 1985, с. 144.

[81] Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Алма-Ата, 1935, с. 108.

[82]Позднефеодальный город Средней Азии. Ташкент. 1990, с. 91.

[83] Там же, с. 92.

[84] *Мукминова Р. Г.* Позднефеодальные Бухара и Самарканд – центры связей Средней Азии с сопредельными странами, Россией и Европой.

[85] *Досмухамедов Х.* Аламан. Алматы. 1994, с. 43.

[86] Там же, с. 47.

Глава четвертая

ЭКОНОМИКА И БЫТ КАЗАХОВ

1. ХОЗЯЙСТВО И БЫТ

Основным занятием казахов было пастбищное скотоводство. Скот, главное богатство казахов, доставлял им продукты питания, материалы для одежды и жилища, а также служил им транспортом и средством обмена на предметы первой необходимости с соседними народами. Кажется, нельзя с большей точностью указать на важность скота в жизни кочевников, чем это сделал Ч. Ч. Валиханов, который писал, что «кочевой степняк ест и пьет, и одевается скотом, для него скот дороже своего спокойствия. Первое приветствие киргиз, как известно, начинается следующей фразой: здоров ли твой скот и твое семейство? Это забота, с какой наперед семейства осведомляются о скоте, характеризует быт кочевников более, нежели целые страницы описаний»[1].

Казахи разводили в основном овец, лошадей и верблюдов; крупный рогатый скот занимал в хозяйстве казахов незначительное место, так как он не приспособлен к условиям круглогодичного выпаса и особенно к добыванию корма зимой из-под снега. При этом ведущее место по хозяйственному значению у казахов занимали овцы. По словам Шайбани-хана (ум. в 1510 г.), стада овец составляли главное богатство кочевников Кыпчакской степи. Мясо и молоко овец служили пищей, кожа и шерсть шли на изготовление одежды, обуви, посуды и многих других предметов хозяйственного обихода. Из бараньего сала и золы пахучих трав казахи изготовляли хозяйственное мыло, которое имело черноватый цвет и свойство выводить с белья всякого рода пятна.

Степные кыпчакские овцы, по свидетельству очевидцев, отличались выносливостью, крупными размерами и хорошими мясо-молочными качествами. Так, И. Барбаро, венецианский купец XV в., несколько лет проживший в Тане, писал об основных видах скота, разводимого дештскими кочевниками, — «Четвертый вид животных, которых разводит этот народ, — огромнейшие бараны на высоких ногах, с длинной шерстью и с такими хвостами, что некоторые весят до двенадцати фунтов каждый. Я видел подобных баранов, которые тащили за собой колесо, а к нему был привязан их хвост. Салом из этих хвостов татары заправляют свою пищу: оно служит им вместо масла и не застывает во рту»[2]. Посетивший в середине XVI в. степные просторы Приаралья англичанин А. Дженкинсон также отмечал, что тамошние бараны очень крупные, с большими курдюками, весом в 60—80 фунтов. В письменных источниках постоянно отмечается, что у кочевников Кыпчакской степи «много баранов». Тем не менее, число людей, занятых выпасом и охраной мелкого рогатого скота на пастбищах, было весьма незначительно. Для обозначения пастухов овец мусульманские авторы средневековья обычно употребляют

персидско-тюркское слово «чупан» или «чобан» (у казахов более употребительно слово «койшы»). В основном пастухами овец были невольники из числа пленников, дети-сироты. Пастухи овец традиционно составляли самый низший слой в кочевом обществе. В жизни кочевника исключительную роль играла лошадь. Кочевники использовали лошадь не только для верховой езды и гужевой перевозки, благодаря ей они питались и одевались. Без конных состязаний не обходился ни один праздник; на досуге жители степи любовались табуном свободных лошадей с несущимся впереди долгогривым красавцем-жеребцом. В этом отношении весьма примечательны слова, которые Мухаммад Хайдар Дуглат вкладывает в уста казахского хана Касыма (ум. в 1518 г.): «Мы – жители степи; у нас нет ни редких, ни дорогих вещей, ни товаров, – говорил он предводителю моголов Султан Саиду, – главное наше богатство состоит в лошадях; мясо и кожа их служат нам лучшею пищею и одеждою, а приятнейший напиток для нас – молоко их и то, что из него приготовляется, в земле нашей нет ни садов, ни зданий; место наших развлечений – пастбища скота и табуны коней, и мы ходим к табунам любоваться зрелищем коней»[3].

Степные лошади отличались большой выносливостью, неприхотливостью и сравнительно легко переносили суровые условия круглогодичного содержания на подножном корму. По свидетельству И. Барбаро, дештские лошади низкорослы, с большим брюхом и не едят овса.

Лошади разделялись на вьючных (упряжных, рабочих), верховых и скакунов-аргамаков. Страна Дешт-и Кыпчак производила также очень породистых лошадей, и чистокровные скакуны с длинной шеей издавна были известны в Кыпчакских степях. В рассказе могульского хана Саида о его поездке в ставку казахского Касым-хана в 1513 г. говорится так: когда мы приехали, рассказывал он будущему автору «Тарих-и Рашиди», хан показал нам весь свой скот и лошадей и сказал: «У меня есть два коня, которые одни стоят всего табуна». Их привели, и Султан Саид-хан неоднократно рассказывал Мирзе Хайдару, что никогда в жизни не видел коней, подобных этим двум. Касым, когда привели лошадей, обратился к Саид-хану и сказал: «Людям степей без коня и жизнь не в жизнь; эти два коня для меня – самые надежные и достойные. Обоих подарить не могу: но так как вы гость дорогой, выберите себе любого, который вам по душе – я буду доволен, только другого оставьте мне»[4]. Касым-хан описал достоинства обоих коней. Султан Саид-хан взял себе одного. Этого коня звали Огланг-Торук. По признанию Мухаммада Хайдара Дуглата, ему также никогда не приходилось видеть подобного коня.

Для кочевого скотоводства характерно табунное содержание лошадей. Табунная лошадь называется жылкы, в отличие от ат – лошадь верховая, вьючная, и вообще лошадь. Гурт кобылиц (обычно числом 12–15) непременно с одним жеребцом составляет косяк (уйир). Жеребец служит в гурте кобыл вместо строгого пастуха и сгоняет их вместе. Если какая-либо кобыла отделится от него и поймется с другим жеребцом, то прежний уже больше не подпускает ее к своему косяку. Несколько косяков (обычно три, то есть три жеребца и 40–50 кобылиц) составляют конский табун. При перегоне из нескольких (обычно трех) малых конских табунов формируется большой табун. Для каждых 40–50 лошадей – малый табун – выделяется один пастух. Судя по письменным источникам, пастуха коней называли по-разному: келе-

бан, улакши, йамши; в современном казахском языке пастух при конском табуне называется жылкышы.

Значительное место в хозяйстве казахов занимало верблюдоводство: верблюды были незаменимы при перекочевках и перевозках грузов. По свидетельству Ибн Рузбихана, эти животные, равно как и быки, использовались казахами для перевозки домов-кибиток, поставленных на колеса. Кроме того, с верблюдов снимали шерсть, а калорийный и вкусный напиток из верблюжьего молока (шубат) ценился наравне с кумысом. Казахи, как и все кочевники Дешт-и Кыпчака, разводили мохнатых двугорбых верблюдов.

Наряду с овцеводством, коневодством и верблюдоводством, казахи занимались также разведением крупного рогатого скота и коз. Но разведение этих животных имело наименьшее значение в хозяйстве казахов.

Скот был частносемейной собственностью. Зато право общинного пользования пастбищами (отлаг) принадлежало всем свободным членам кочевого общества. Однако общинное пользование территорией выпасов не нарушало обычаев потомственного владения пастбищами родов и племен, составлявших население улуса, и каждый улусный султан со своим народом пребывал в какой-либо местности, старинном йурте, располагаясь и занимая места на территории ханства. Перекочевывали только владельцы стад, а бедняки, у которых почти не было скота, отказывались от перекочевок и обычно оставались круглый год на берегах рек. Правила перекочевок, выработанные многовековым опытом, основывались на учете травяного покрова в том или ином районе в соответствии с сезонами года. Вся территория выпасов делилась на четыре типа сезонных пастбищ: зимние (кыстау), весенние (коктеу), летние (джайляу) и осенние (кузеу). Так что жители Кыпчакской степи не были скитальцами, в течение круглого года пассивно следовавшими за своими табунами и стадами с одного поля на другое в поисках свежей травы и воды, как их представляли себе иные мужи науки. Тогдашние жители современных казахских степей, в сущности говоря, вели полукочевой образ жизни: они были скотоводами, которые, соблюдая выработанную веками скотоводческую культуру, перекочевывали с известной летовки на знакомую зимовку.

Места для зимовок чаще всего выбирались возле рек. Это объясняется преимущественно тем, что на берегах рек находились густые заросли камыша и кустарника, служившие в суровую зимнюю пору кормом для скота и хорошо защищавшие его от снежных метелей и пурги, к тому же поставлявшие кочевникам топливо. Чем богаче пастбищами было побережье реки, тем большее число кочевников располагалось вдоль него и тем дольше они оставались на берегах реки. По сведениям Ибн Рузбихана, некоторые реки пользовались особенною привязанностью кочевников. Такой рекой у казахов была Сырдарья, особенно богатые зимними пастбищами были долины и степи ее среднего и нижнего течения. Зимовки казахов в XVI в. располагались также в Кара-Кумах, на берегах оз. Балхаш, р. Яик и т.д.

Зимой казахи-кочевники размещались как можно более просторно, чтобы около каждой зимовки была достаточно обширная кормовая площадь для выпаса скота. Зимние стойбища кочевников Дешт-и Кыпчака – это обычно поставленные на небольшие углубления-ямы и занесенные снежными сугробами юрты и кибитки, в которых беспрерывно разводится огонь. Для скота заранее строились загоны, чаще всего из камыша, чия.

В декабре кочевники занимались согумом – забоем скота для снабжения себя продовольствием на зиму. Величина согума зависела от состояния, и человек хорошего достатка забивал на зиму десять лошадей и более, не считая баранов. Дни согума были днями зимних игр и развлечений, пиров и взаимных угощений. Но затем наступали самые трудные для хозяйства и самые тревожные для кочевников месяцы январь и февраль: скотина теряла в весе, ослабевала и требовала большего присмотра, а морозы усиливались и достигали апогея, начинался сезон бурана – степной метелицы. Зима была не только трудным для хозяйства кочевников временем года, но и самым опасным в военном отношении, насколько можно судить по сведениям источников, походы против кочевников обычно предпринимались именно зимой, когда улусы размещались, по выражению Ибн Рузбихана, «вразброс» и расстояние между зимними стойбищами составляло, «должно быть, дней пятнадцать пути».

С наступлением весны, которую кочевники всегда встречали с радостью, казахи откочевывали на весенние пастбища. Здесь, в отличие от зимних стойбищ, юрты и кибитки размещались большей частью на сопках и возвышенностях; здесь весь световой день кочевники проводили вне жилых помещений, под открытым небом; здесь отощавший за зиму скот набирал вес, приносили приплод овцы, кобылицы и верблюдицы. Производилась весенняя стрижка овец, верблюдов, двух- и трехлетних кобылиц.

«В летние дни, когда наступает зной таммуза и время множества пожаров и сгорания, – пишет Ибн Рузбихан, – казахский народ занимает места по окраинам, по сторонам и рубежам степи». На летовках жили более сплоченно, чем зимой, и жизнь на джайляу была самым привольным временем. Тут справлялись свадьбы, проводились игры, конные скачки на приз (байга), устраивались состязания борцов, певцов, музыкантов и сказителей.

С наступлением осени скотоводы уходили на осенние пастбища, которые в большинстве случаев совпадали с весенними. С осенних пастбищ кочевники обычно совершали дальние набеги на соседей. Осенью же проходили народные собрания, на которых решались важные для страны дела.

Расстояния между зимовками и местами сезонной кочевки исчислялись сотнями километров и составляли путь длиною в несколько месяцев. Столь огромное расстояние определяло и некоторые особенности быта жителей Дешт-и Кыпчака, заключавшиеся, в частности, в том, что тогда кочевали целыми улусами, то есть одновременно по степи медленно двигались десятки и сотни тысяч людей и животных. Поскольку и народу было много, и животных огромное число, приходилось двигаться широким фронтом, чтобы идущие впереди не уничтожили всю траву и кустарники, необходимые для тех, которые шли сзади. Промежуток между флангами «движущегося народа» составлял, по свидетельству И. Барбаро, по 120 миль (190 км и более).

Другая особенность быта кочевого населения Дешт-и Кыпчака заключалась в том, что их перекочевка – это было передвижение на колесах целыми домами. Вот что писал о способе передвижения казахов в XVI в. Ибн Рузбихан: Так как на пути следования казахов к зимовкам иногда не бывает достаточно воды для их огромных стад, они по необходимости пускаются в путь тогда, когда дороги покрываются снегом; «их жилища построены в форме арб и поставлены на колеса, а верблюды и лошади перевозят их от стоянки к стоянке, вытягиваясь наподобие каравана; если они идут непрерывно один за

другим, то растягиваются на расстояние ста монгольских фарсахов, а промежуток между ними будет не более шага»[5]. Их арбы были вполне пригодны для передвижения по степям и даже для того, чтобы пройти по снежному насту, в противном случае казахам угрожала бы опасность погибнуть от жажды и безводья.

Арбы кочевого населения Дешт-и Кыпчака были двух родов: двуколка и телега на четырех больших колесах. Смотря по тяжести груза, арбы возили лошади, волы и верблюды. Остов и колеса арб делались обычно из березы: заготовки производились в апреле и мае, когда дерево легко гнется. Сама же постройка производилась летом. Прочные и крепкие арбы имели по меньшей мере двоякое назначение: при обороне кочевники образовывали укрепление, окружив свой лагерь поставленными в ряд арбами; на них помещалось жилище степняков — «шатры», которые в сочинении Шараф ад-дина Али Йазди названы тюркским словом «кутарме». Жилищем степняков в этой безграничной пустыне, писал он, описывая поход Тимура в Дешт-и Кыпчак в 1391 г., являются «шатры кутарме», которые делают так, что их не разбирают, а ставят и снимают целиком, а во время передвижений и перекочевок едут, ставя их на телеги.

Эти «дома на колесах», крытые повозки жителей Дешт-и Кыпчака описывали многие авторы средневековья. «Ах, какие шатры! — восклицает, например, Ибн Рузбихан. — Замки, воздвигнутые высоко, дома, построенные из дерева в воздушном пространстве»[6]. Согласно описанию И. Барбаро, остов таких домов-повозок строили следующим образом: брали деревянный обруч диаметром в полтора шага и на нем устанавливали несколько полуобручей, пересекающихся в центре; промежутки застилали камышовыми циновками, которые покрывали либо войлоком, либо сукнами, в зависимости от достатка. Когда они хотят остановиться на привал, пишет далее И. Барбаро, кочевники Кыпчака снимают эти дома с повозки и живут в них.

Спереди и сзади этих «подвижных домов», как их называет Ибн Рузбихан, делали решетчатые оконца: окошечки зашторивались «войлочными занавесками, очень красивыми и искусными». Величина, обстановка «домов-повозок» и их количество отражали знатность и богатство хозяев. «Дома-повозки», принадлежавшие султанам и знати, были искусно и красиво обставлены и могли вместить одновременно человек двадцать или более. Такой большой шатер укрепляли на повозке, в которую впрягали несколько верблюдов, и везли. «Дома-повозки» простых казахов «делались продолговатой формы». Они также были сделаны с подлинным мастерством, но отличались значительно меньшими размерами, их вез один, иногда несколько верблюдов. Эти подвижные, «стоящие на высоком основании дома», были до того превосходны, что «разум поражается и кружится голова от красоты, мастерства и изящества».

По утверждению очевидцев, кочевники Кыпчакской степи ездили на своих телегах «с уверенностью, не знающей страха», хотя обитателями шатра на колесах были, в основном, женщины. Тот, кто заправлял большой арбой, садился верхом в седло на одну из везущих ее лошадей (верблюдов). В руках у него были плеть для погонки и большой шест, которым он направлял арбу, когда необходимо было сворачивать с пути. Арбы обычно сопровождали верховые, которые, в частности, при подъеме, привязав веревки к оглоблям арб, помогали тащить их в гору, а при спуске тормозили колеса, обеспечивая та-

ким образом безопасность и покой обитателей шатров. Они же обеспечивали переправу через реки. Это было, по словам путешественника А. Контарини, красивое и быстрое предприятие, но весьма опасное, заключает он.

Дома-повозки, как основной вид жилища и транспорта, вышли из обихода кочевников Дешт-и Кыпчака в XVII в., к началу которого относятся последние по времени известные сведения об использовании жителями Дешта домов-повозок, а в более поздних источниках упоминаются только двухколесные арбы и содержатся лишь описания, хотя нередко и больших по размерам, но разборных юрт и переносных кибиток. Повсеместный переход от кочевания в кибитках на колесах к разборным юртам был крупным изменением в быту кочевого населения Дешт-и Кыпчака, и можно полагать, что причины этого изменения надо искать в процессах социально-экономической истории. Экономический упадок в условиях кочевого хозяйства может быть вызван прежде всего уменьшением пастбищ и количества скота. В истории казахов этот период падает как раз на XVII столетие и связан в первую очередь с их ожесточенной борьбой с ойратами из-за обладания пастбищами.

Издавна казахи занимались и земледелием. Но в разных регионах Казахского ханства оно было распространено крайне неравномерно, в большинстве из них земледельческое хозяйство занимало небольшое место или вовсе отсутствовало. В то же время в других районах, где издавна существовали очаги земледельческой культуры, и именно в Жетысу и Южном Казахстане земледелие имело важное хозяйственное значение.

Казахи в основном выращивали просо (тары). О традиционности этой культуры в хозяйстве кочевников Дешт-и Кыпчака свидетельствуют многие средневековые авторы. Аль-Омари писал: «Посевов у них мало, и меньше всего пшеницы и ячменя, бобов же почти нельзя отыскать. Чаще всего встречаются у них посевы проса; им они питаются»[7]. И. Барбаро отмечал, что когда дештский кочевник собирается в долгую дорогу, он берет с собой «небольшой мешок из шкуры козленка», наполненный просеянной мукой из проса, размятой в тесто с небольшим количеством меда. Запасы этой еды позволяли как отдельным наездникам, так и сторожевым отрядам удаляться от «своих людей на расстояние добрых десяти, шестнадцати, а то и двадцати дней пути».

Переход кочевников к земледелию совершался везде под давлением экономической необходимости, и к оседлости переходили прежде всего бедняки, не имевшие возможности кочевать. Для обозначения оседлых, лишившихся своих стад скотоводов, в источниках употребляется тюркское слово «джатак» (букв. лежащий) или «отурак» (букв. сидящий). Характерно при этом, что обедневшие кочевники при первой же возможности обзавестись необходимым количеством скота легко оставляли вынужденное «землепашество» и охотно принимались за привычное им скотоводство. Возможность кочевать всегда считалась у номадов признаком благополучия.

Необъятные просторы Дешт-и Кыпчака с разнообразным животным миром давали кочевникам большие возможности для индивидуальной и коллективной охоты. Хорошо знавшие эту страну средневековые авторы отмечают, что дештские кочевники «прекрасно умеют охотиться, употребляя преимущественно луки». Об этом же пишет и Ибн Рузбихан в разделе «Описание отрады страны Туркестана»: «Все пустынные степи той многоблагословенной страны полны дичи. Сайгаки от изобилия луговых пастбищ той степи, подобно жирным коровам, не в силах бегать, и охотник в той области, пресле-

дуя дичь, никогда не погонял коня старания. От многих надежных людей, которые были вестниками, заслуживающими доверия, пошел слух в тех местах, что в этой области бывает, когда у кого-либо в доме уважаемый гость делается кунаком и хозяин дома по отношению к нему исполняет правила соблюдения гостеприимства и угощения — что является обычаем жителей Туркестана, — то, если возникла нужда в мясе, хозяин тотчас же, закинув за плечо могучий лук с несколькими стрелами, выходил на охоту, чтобы приготовить ужин для гостя. Он отправлялся в степь и сразу же искусным большим пальцем делал жирного кулана мишенью своей охотничьей стрелы. Из жира и мяса его достойным образом приготовив дозволенную пищу для угощения гостя, он с обильной дичью возвращался домой»[8]. Там же говорится о пасущихся на степных просторах стадах джейранов, на которых охотились кочевники.

Существовало несколько видов охоты: с ловчими птицами, с борзыми собаками, охота загоном и т.п. Из охотничьих птиц использовались ястребы, беркуты, кречеты, соколы и др. Охота с ловчими птицами широко практиковалась в Казахстане вплоть до начала XX в. Описание охоты казахов загоном на сайгаков мы находим у А. Левшина. На местах водопоя сайгаков охотники устраивали полукруглую изгородь из камыша, втыкая камышины так, что часть их была направлена острием внутрь изгороди. Охотники прятались в засаду. Как только сайгаки приходили на водопой, их пугали. Животные бросались в проход, оставленный в изгороди со стороны водопоя, и, пытаясь перескочить ограду, натыкались на заостренные камышины. Раненых сайгаков добивали ножами.

У кочевников Дешт-и Кыпчака охота не составляла, однако, самостоятельного занятия, а была лишь подспорьем скотоводству, хотя в натуральном хозяйстве степняков она имела, видимо, немалое значение. Вместе с тем охота подчас использовалась с целью военной подготовки юношества.

Значительное место в хозяйстве казахов занимали различные ремесла и домашние промыслы, большинство из которых было связано с обработкой продуктов скотоводства. Казахи издавна умели выделывать кожу и войлок и окрашивать их в разные цвета, искусно владели они техникой тиснения, аппликации и узорного шитья. По свидетельству Ибн Рузбихана, казахи «производили разноцветные войлоки с необыкновенными узорами и нарезные ремни, очень красивые и изящные». То, что домашнее ремесло казахов XVI в., как, например, выделка кожи, стояло на высокой ступени развития, подтверждают, в частности, данные османского автора XVI в. Сейфи Челеби. «У них много баранов, лошадей и верблюдов, — пишет Сейфи о казахах, — их жилища помещаются на арбах. Их кафтаны сделаны из овечьей кожи, они окрашиваются в разные цвета и становятся похожими на атлас. Их привозят в Бухару, где продают по той же цене, что и кафтаны из атласа, настолько они изящны и красивы. У них есть также удивительные накидки, сделанные из той же овечьей кожи. Они совершенно непромокаемы и не боятся сырости: это происходит от свойств некоторых растущих там трав, которые служат для обработки кожи»[9].

Трудоемкие и физически тяжелые работы: катание войлока, обработка шкур, выделка кож, шитье кожаных изделий и т.п. — в кочевом обществе целиком выполнялись женщинами. Вместе с тем женщины участвовали в выпасе овец и коз, ставили и разбирали юрты, занимались дойкой скота, переработ-

кой животноводческой продукции, приготовлением пищи и другими домашними делами; на женщинах лежала также забота о малолетних детях. Словом, у кочевников доля участия женщин в хозяйственной деятельности значительно превышала трудовой вклад мужчин. Такое соотношение мужского и женского труда в быту объясняется тем, что у кочевников, как правило, физический труд, связанный с обработкой продуктов скотоводства и ведением домашнего хозяйства, считался недостойным свободного мужчины и поэтому целиком возлагался на женщину, а по возможности и на рабов. Однако сказанное не означает, конечно, что в быту мужчины вовсе ничего не делали. Свободные мужчины кочевого общества изготовляли предметы вооружения, сбрую, седла, арбы, строили дома, шили сапоги и для самих себя и для женщин, «имели отчасти попечение о стадах», упражнялись в стрельбе, охотились на зверя и птицу.

2. НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛА

Культура жизнеобеспечения казахского народа во многом определялась народными промыслами и ремеслами. Любое производящее хозяйство, скотоводство или земледелие, в своем развитии немыслимо без изделий ремесленного производства: для скотоводства были необходимы седла, конская сбруя, приспособления для ловли, привязи животных и т. д., для земледелия — орудия пахоты и боронования, уборки и обработки зерна и т. д. Поэтому в среде казахов были профессионалы по различным отраслям: деревообделочники, кузнецы, кожевники, каменщики и т. д. В этой области ремесленного производства, связанного более с хозяйственной стороной жизнедеятельности человека и требующего значительных физических затрат, были заняты в основном мужчины.

Что же касается домашних промыслов, то они обеспечивали в той или иной степени каждую семью общества необходимыми вещами для своего проживания: это изделия внутреннего убранства жилища, составлявшие значительную часть домашних производств, а также различные виды одежды.

Домашние промыслы были тесно связаны с декоративно-прикладным искусством, почти каждая вещь, помимо своего утилитарного назначения, имела орнаментальное оформление. Производство предметов быта требовало терпения и развитого эстетического чувства и этими качествами издревле владела прекрасная половина человечества. Поэтому в домашних промыслах казахов в основном были заняты женщины.

Народные промыслы и ремесла казахов имели свои особенности и они являлись следствием хозяйственной деятельности и образа жизни народа. Подавляющая часть населения вела скотоводческое хозяйство, в основе которой был принцип сезонной сменяемости пастбищ, что и было причиной кочевого образа жизни.

Хозяйство кочевника было натуральным, и народные промыслы — частью его: скот давал шерсть, овчину, кожу, кость, из которых производили различные изделия, шедшие на внутреннее потребление, и только незначительная часть реализовывалась между семьями, аулами, в местах массового съезда (например, на жайляу) в форме обмена — товар за товар (в XV–XVII вв. еще отсутствовало паразитическое сословие скупщиков, наводнившее степь позднее в период проникновения товарно-денежных отношений).

Домашние промыслы имеют тенденцию превращения в ремесло и мелкое товарное производство, но в условиях кочевого скотоводства казахов последнее сдерживалось многими причинами: экстенсивной формой хозяйства, пережитками патриархально-родового быта, неразвитостью форм собственности. Но основным тормозом, несомненно, было отсутствие в Казахстане центров ремесленного производства, ибо ремесло может успешно развиваться в условиях оседлой культуры – в городах и крупных селениях. Например, в XVI в. Бухара и Самарканд были экономическими и торгово-ремесленными центрами Средней Азии, и в ремеслах этих городов были цеховые организации с разделением труда[10]. Таких центров в Казахстане не было. Правда, существовала специализация некоторых регионов по различным производствам, например, выделкой деревянных частей юрт занималось население в районе Кокшетау и Менгисерских лесах Северного Казахстана с глубокой древности[11]. Но это ремесло было подспорьем основному виду трудовой деятельности – скотоводческому хозяйству. Ремесло у казахов все же не выделилось из натурального хозяйства скотовода, и хотя труд ремесленника требовал определенного профессионализма, он не обладал главным признаком производителя – не обеспечивал существование ремесленника за счет реализации изделий своего труда. Ремесло у казахов было в начальной стадии своего развития, для которого характерен товарообмен: за свои изделия ремесленник получал плату натурой, в большинстве своем – скотом.

Таким образом, домашние промыслы и ремесла казахов в XV–XVII вв. в условиях господства кочевого скотоводческого хозяйства были частью натурального хозяйства каждой экономической ячейки, удовлетворяли потребности ее в изделиях быта. Однако, указанная форма хозяйствования не обходилась без товарообмена между кочевой и оседлой цивилизацией. Одним из таких торговых центров в XVI в. был Сыгнак, который по словам средневекового сочинителя, «...является местом пребывания купцов из (разных) стран, и добра и товаров всех стран там в изобилие»[12]. Несомненно, что торговля вела к разрушению устоев натурального хозяйства, давала стимул для развития ремесел, но не в такой степени, которая в корне бы подрывала господство кочевого скотоводческого хозяйства. В свою очередь такой тип хозяйства давал стимул для развития народных промыслов и ремесел – мастерство каждого поколения совершенствовалось, создаваемые изделия улучшались качественно, ибо без новых веяний в любой культуре начинается застой, а затем и вырождение. Свой вклад в мировую культуру внесли и кочевники Евразии, что можно проследить на многих примерах.

Жилище. Сложный и длительный путь до своего совершенства прошла юрта – основной вид переносного жилища казахов. Она, по мнению многих ученых, была изобретением тюркских кочевников Евразии, пройдя длительный и сложный путь развития и совершенствования, получив основные конструктивные решения в середине I тысячелетия[13].

Многих путешественников средневековья поражали юрты кочевых тюркских племен. Аль-Якуби (IX в.) с восхищением писал о ребристых шатрах тюрков, покрытых войлоком[14]. Ибн-Фадлан, проезжая в X в. территорию нынешнего Западного Казахстана (река Эмба), упоминает о куполообразной тюркской юрте из войлока[15]. Анонимный автор «Худуд аль-алам» («Границы мира», X в.), сообщал о кимаках, живущих по Иртышу: «Люди живут в юртах летом и зимою, кочуют в поисках пастбища и воды»[16]. Наконец, в XVI

в. Рузбихан, никогда до этого не видевший юрт (шатров) и участвуя в одном из военных походов Шайбани-хана, цель которого – чтобы «...предводители и военачальники славных ханов Кипчакской степи...» проглотили «щербет мести из чаши нашего могущества...» – был свидетелем» богатой добычи – захвата около десяти тысяч юрт казахов с имуществом...»[17].

Юрта как высшая форма переносного жилища более всего соответствовала образу жизни казахов, она – результат взаимодействия человека с природой, адаптации его к окружающей среде. Наряду с этим на существование жилища оказывает большое влияние ресурсная среда, т. е. те природные и производимые трудом человека компоненты, из которых сооружается его жилище.

Для ведения кочевого хозяйства необходимо было быстро сооружаемое и собираемое, легко перевозимое жилище. Этими качествами обладает юрта, а сырье для ее изготовления было доступно каждому: лесного материала для каркаса было достаточно по речным долинам и горным зонам, а шерсть для войлочного покрытия каждый кочевник получал от настрига шерсти своих овец. Таким образом, казахская юрта состоит из деревянного каркаса и войлочного покрытия. Сопоставив самое раннее детальное описание юрты конца XVIII в.[18] и современное, можно прийти к выводу, что различий в ее детализации нет. Поэтому вполне допустима характеристика юрты и по сведениям авторов XIX в.[19] и проецирование этих сведений на более ранние века – на XVI–XVII.

«Первое и главное в рукоделии (ремеслах казахов – М. М.), – писал И. Г. Андреев, – есть построение своих кибиток, которые делаются из тонкого талу...»[20].

Производством деталей деревянного каркаса юрты занимались специалисты мастера (үйші). Деревянный каркас состоит из четырех частей: 1) сборно-раздвижных секций – решеток (канат), из которых составляется стенка юрты (кереге), 2) купольных жердей (уык), 3) кругового навершия (шаңырақ), 4) двери (есік, сықырлауық). Каждой части деревянного каркаса соответствует определенное войлочное покрытие, создаваемые руками казашек-мастериц: 1) туырлык (туырлық) закрывает кереге, их несколько, 2) узюк (үзік) – покрытие купола, их два; 3) тундик (түндік) – квадратное полотно, прикрывающее шанырак, 4) кииз есик (киіз есік) – войлочная полость, прикрывающая дверной проем юрты.

Канат, решетка которого образуется из соединенных кожаными ремешками по диагональным осям жердочек, набор уыков делают из стволов тала (ивы) – легких и упругих, хорошо поддающихся обработке. Шанырак в форме круга сколачивают из двух березовых полукружий, а есик (дверь) – двустворчатая с косяком – из сосновых досок.

По числу канатов (секций) определялся размер юрты: 6-ти, 7-ми, 8-ми и т. д. канатная юрта, т. е. чем больше канатов, составляющих кереге, тем больше юрта. Деревянный остов юрты покрывается сверху войлоками и обвязывается веревками. Зимой для сохранения тепла юрта обкладывается двойным слоем войлока, снизу присыпается землей или снегом, а кереге одеваются снаружи между ним и кошмою еще чием – тонким степным тростником, обмотанным разноцветной шерстью. Пол юрты обычно покрыт войлоком, шкурами, коврами. В центре войлочного дома кочевника располагается очаг, создающий тепло и уют в осеннее ненастье и зимнюю стужу.

Убранство юрты — это многочисленные изделия домашних промыслов, юрту можно считать их концентрацией. Многочисленные войлочные и тканые ковры, подвесные сумки и переметные сумы, тюки для хранения вещей, узорные ленты различного назначения и многое другое — все это изделия народных промыслов.

По словам Ибн Рузбихана, казахи «производили разноцветные войлоки с необычайными узорами», которыми украшали свои юрты[21].

Во времена Ибн Рузбихана (XVI в.) встречалось и другое жилище казахов — та же юрта, но поставленная на повозку. Ими пользовались во времена кочевок и военных походов довольно часто. Вот что писал Ибн Рузбихан: «Какие преогромные шатры я увидел, поставленные на колесах! Узрел я обширные дома с окошками, прикрытыми войлочными занавесками, очень красивыми и искусными.

...Казалось, что вся ставка наполнена этими превосходными, стоящими на высоком основании домами, так что разум поражается и кружится голова от красоты, мастерства и изящества»[22]. В другом месте Ибн Рузбихан пишет, что «верблюды и лошади перевозят их от стоянки к стоянке, вытягиваясь наподобие каравана»[23].

Такие «дома на колесах» встречались в быту казахов и в более позднее время и назывались они «куйме» (күйме). Вспомним хотя бы лиро-эпос «Кыз Жибек», в котором говорится о подобном доме главной героини[24].

В районах земледельческой культуры строились стационарные дома. Например, в Южном Казахстане, начиная с XV—XVI вв., строили заглубленные в землю (полуземлянки и землянки) наземные строения. Круглые юртообразные полуземлянки или же поставленные на землю кругообразные строения, напоминающие в плане юрту, а также наземные жилища (одно-, двух- и даже трехкамерные) строились из имевшегося природного материала: из сырцового кирпича, из каменного плитняка[25].

Изделия народных промыслов и ремесел. Помимо предметов внутреннего убранства юрты и оседлого жилища казахские мастерицы рукоделия и ремесленники производили массу вещей, жизненно необходимых и полезных. Домашняя промышленность была поставщиком значительной части того, во что одевались и что носили степные жители.

Ибн Рузбихан писал, что казахи кочуют из пределов Кыпчакской степи и Итиля на берега Сырдарьи на зимние пастбища, «передвигая кибитки среди снегов, в собольих, беличьих и других шубах, в шелковых одеждах со множеством украшений...»[26]

В другом месте он пишет:

«...вследствие частого общения, в эту страну привозят красивые и изящные товары, особенно хорошие платяные и ковровые изделия, серебряные и золотые украшения... Из шерсти ее (овцы — М. М.) шьют сначала (себе) рубашку, а под конец делают саван и завертывают в него тело...»[27].

Сообщения Ибн Рузбихана говорят о труде многих мастеров и мастериц: кожевников по обработке меха и пошива шуб; ткачих платяных и ковровых изделий; мастеров (зергер) по обработке драгоценных металлов в украшения и других.

Многообразие изделий, указанных Ибн Рузбиханом, подтверждают и дополняют авторы второй половины XVIII в. и приводить их высказывания возможно потому, что хозяйственный и бытовой уклад казахов XVIII в. мало чем отличался от таковых XV—XVI веков.

Доктор медицины, профессор натуральной истории и член Российской императорской академии наук и Санкт-Петербургского Вольного экономического общества, член Римской императорской академии испытателей естества и Королевского Английского ученого собрания П. С. Паллас совершил в 1769 г. путешествие по землям казахов Оренбуржья, Урала, Южной Сибири и по Иртышу до Семипалатинска. Он писал, что казахи обрабатывают «меха на тулупы и выделывают кожи, также ткут толстые камлоты или армяки, валяют войлоки из овечьей шерсти и умеют хорошо расцвечивать крашеною шерстью; сверх того делают всякую посуду из кожи...»[28].

П. С. Паллас был первым, кто дал сведения о природных красителях, вываривaемых казахами и окраске ими кож[29]. Интересны сведения П. С. Палласа о казахских кузнецах, серебренниках и производимых ими красивых вещах, о мужской одежде, оружии и др. изделиях[30].

О многом, что описал П. С. Паллас, говорит и капитан Андреев – инженер-строитель, начавший службу в крепостях по Иртышу в 1766 г. и наблюдавший жизнь казахов с этого времени. Он в общих чертах описал части деревянного каркаса юрты, войлочные покрытия юрты, «которые обтягиваются для укрепления разных манеров тканными тесьмами»[31].

Большой интерес представляют сведения И. Г. Андреева о точильном станке для производства деревянной посуды, среди которых были чаши величиной до трех футов»[32]

Кузнецы делали ножи, шилья, копья, наконечники для стрел[33]. Это говорит о том, что самодельное вооружение, как и во времена Ибн Рузбихана[34], имело распространение в жизни казахов.

Таким образом, народные промыслы и ремесла, были частью натурального хозяйства кочевников-скотоводов. Сырье, получаемое в хозяйстве, перерабатывалось в различные изделия бытового назначения, главным образом, по устройству внутреннего убранства, жилища и на различную одежду.

3. ВОЕННОЕ ДЕЛО И ВООРУЖЕНИЕ

Военные традиции имели большое значение в жизни кочевников; воинская повинность являлась одной из самых важных и общих повинностей в степи. Население степей, по существу, представляло собой вооруженную массу людей. Кочевники Приаралья, пишет английский путешественник и дипломат XVI в. Антоний Дженкинсон, никогда не выезжают без лука, стрел и меча, «будь то на охоту или для какого-нибудь другого увеселения»[35]. Ношение оружия было не только законным правом свободного скотовода, но даже обязанностью, и, к примеру, на народном собрании безоружный мужчина не имел права голоса, а младшие могли не уступать ему места.

У казахов-кочевников постоянное войско отсутствовало, а было только родоплеменное ополчение, собиравшееся по мере необходимости. Родоплеменной отряд представлял собой самостоятельную войсковую единицу: во главе его стоял предводитель рода, каждое ополчение имело свой боевой стяг и свой уран – боевой призывный клич. Несколько таких автономных отрядов составляли улусное войско. Глава улуса одновременно являлся и главой улусного войска; улусное войско имело свое главное знамя, свой единый уран. Верховным руководителем объединенных войск являлся хан; он лично возглавлял воинов в сражении, делил с ними тяготы и опасности. Вспомним здесь

ранение во время сечи Бурундук-хана и Касыма, гибель в бою Буйдаш-хана и смерть Тауекель-хана от полученной в одном из сражений раны во время похода на Шайбанидов в 1598 г.

Независимые друг от друга источники показывают, что верховный повелитель казахов мог выставить в случае всеобщей мобилизации 300—400 тысяч человек. Так, по словам Ибн Рузбихана, когда старший хан казахов Бурундук посылал во все стороны улуса приказ: «Садитесь на коней для набега», то в тот же час являлись «четыреста тысяч колчанов (т.е. богатырей)»[36]. По свидетельству Бабура (1483—1530 гг.), в армии преемника Бурундука – Касым-хана современники «насчитывали около трехсот тысяч человек». В действительности, конечно, ни один казахский хан никогда не имел под своим командованием такого числа воинов. Анализ числовых данных источников показывает, что численность конных бойцов казахских владетелей в среднем составляла 30—50 тысяч всадников. Лишь в тех редких случаях, когда военный поход

Шлем и сабля

не представлял собой рядового набега, казахские ханы для усиления своего воинства привлекали ополчение, собранное в близлежащих к владениям казахов районов. Так, по сообщению Бинаи, когда потерпевший поражение от Шайбани-хана казахский султан Махмуд направился к Бурундук-хану и попросил его помощи, Бурундук-хан удовлетворил его просьбу и с войском в сопровождении Махмуд-султана направился в вилайет Сузак. Собрав «пешие и конные войска» из людей Сузака и окрестностей Кара-Куруна, соединил их в одно большое войско и выступил навстречу Шайбани-хану. В другом сочинении говорится о том, что во время похода Тауекель-хана на Мавераннахр в 1598 г. в составе его войска, кроме собственно казахов были также «султаны Ташкента и Туркестана, кыргызы и кыпчаки». Общее число войска казахского хана во время этого похода составляло 90—100 тысяч человек. Согласно Махмуду ибн Вали, казахский хан Турсун-Мухаммад (ум. в 1627 г.) водил против Аштарханида Имамкули-хана 100-тысячное войско, из которых около 10 тысяч составляло ополчение кыргызских племен.

Основным оружием казахов рассматриваемого периода были сабля и лук. Из других видов боевого оружия упоминаются секира, кистень, одноручная булава, двуручная палица, длинные копья, украшенные кистью из конских волос и снабженные крюком для стаскивания противника с седла. В источниках шайбанидского круга сражающийся султан из Дешт-и Кыпчака описывается так: на груди у него синяя, как небо, кольчуга, на голове сверкающий шлем с подшлемником, а талия перепоясана перевязью, на которой висит меч. Казахи сами изготавливали основные предметы вооружения. Стрелы они делали из березового дерева, тетиву для лука из кишок овец, а «из желудка ее делали обвертку для наконечников стрел». Огнестрельное оружие было распространено мало, но казахи умели делать «доброй порох», а также плавить свинцовую и медную руду, которую добывали в районе Улутау и других регионах страны.

Непременной принадлежностью военного снаряжения кочевников были боевые знамена (туг, бунчук). Знамена выполняли по меньшей мере две функции: они были важным священным символом и одним из эффективных средств управления войсками на марше и в бою. Знамя имел каждый род, каждый улусный султан и, разумеется, хан. По установившейся традиции, высшее число знамен, которое могло быть у одного хана, – девять. Когда говорили о «хане с девятью знаменами» (токуз тундук хан), то это вызывало представление о могущественном правителе. По свидетельству средневековых авторов, первые казахские владетели были «ханами с девятью знаменами». Знамя являлось не только внешним знаком власти, но оно также было символом воинской славы и чести военачальника и войска. Главное знамя, как государственная святыня, тщательно хранилось в мирное время и выносилось только на войну. Хранителем войскового знамени в походах обычно назначался один из султанов или влиятельных биев, который, после верховного руководителя воинства, являлся первым лицом в войске. Знамя охранял особый отряд. Во время боя шла настоящая охота за знаменами противника. Смерть воина-знаменосца (тугчи) всегда производила смятение в рядах воинов, а падение, исчезновение главного знамени означало поражение войска.

Военный быт кочевников имел специфические особенности. Скотоводы-кочевники совершали свои отдаленные походы на соседей-земледельцев обычно с осенних пастбищ, то есть тогда, когда их боевые кони были в теле и способны были выдержать быстрые и большие перегоны, а дехкане собрали весь свой урожай.

При мобилизации каждый воин должен был выступить в поход минимум с двумя боевыми конями и со своим военным снаряжением. Легкая конница степняков-кочевников отличалась большой подвижностью, и в любой момент в любом месте они могли сосредоточить крупные силы для нападения. К бою готовились тщательно: кормили коней, расчесывали им гривы, точили сабли и копья, проверяли луки и стрелы, готовили боевые значки. Перед битвой воины надевали на боевых коней латы, сами облачались в кольчуги, навязывали себе на руки одинакового цвета со своим воинским знаменем повязки, чтобы отличать своих и чужих. В назначенный час воин-знаменосец поднимал главное знамя и армия в боевом порядке выступала навстречу врагу. По рассказам очевидцев, среди кочевников Дешт-и Кыпчака «есть много таких, которые в случаях военных схваток не ценят жизни, не страшатся

опасности, но мчатся вперед и, не раздумывая, избивают врагов, так что даже робкие при этом воодушевляются и превращаются в храбрецов»[37]

Источники сообщают немало сведений о военном искусстве тюрко-монгольских кочевых племен и народностей. Вот несколько примеров. Если военачальники не считали разумным в данной конкретной ситуации сражаться с противником в конном строю, то войско по необходимости спешивалось и, привязав поводья лошадей к своим поясам и пустив по врагам дождь стрел, ударами копий преграждало им путь. Если люди неприятеля напали врасплох и выстроить ряды войска было невозможно, то старались сомкнуть фланги и образовать круг, а затем, сражаясь, кружились круг в круге «по монгольскому обычаю». При нападении кочевники Дешт-и Кыпчака использовали способ, который имел свое особое название — тулгама, или тулгамыш. Обе эти формы образованы от тюркского глагола «тулгамак» — окружить, обвернуть, обратить, кружить, крутить. Тулгама как способ ведения боя, соответственно, — оборот, фланкирование, нападение во фланг или в тыл противника. Бабур в своих записках характеризует тулгама как «великое искусство в бою»[38] кочевых узбеков Дашт-и Кыпчака и подробно описывает его. Вот отрывок из описания боя Бабура с Шайбани-ханом в 1501 г. Когда ряды двух враждующих армий приблизились один к другому, пишет Бабур, край правого фланга войска Шайбани-хана обогнул его (Бабура) левый фланг и зашел к нему в тыл. «Тут я повернулся к ним фронтом и наш авангард... оказался на правой руке». «Так как наш авангард остался на правой руке, то наш фронт оказался оголенным. Люди неприятеля теперь напали на нас спереди и сзади и начали пускать стрелы». По словам Бабура, у жителей Кыпчакской степи ни одного боя не бывает без тулгама. Здесь же Бабур сообщает еще о другом приеме боя кочевников Дешт-и Кыпчака: беки и нукеры, все вместе, мчатся во весь галоп в сторону неприятеля, пускают стрелы, резко осаживают коней; отходя, скачут врассыпную, опустя поводья.

Воинская доблесть высоко ценилась, и тот, кто больше других «рубил головы, проливал кровь», пользовался общим уважением в кочевническом государстве. За личную храбрость в сражении и за умелое руководство военными действиями присваивался почетный титул батыр (бахадур, багатур). Особо выдающиеся бойцы, многократные герои поля брани получали, как свидетельствует источник XV в., титул или прозвание толубатыр (толубахадур) — собственно, «полный богатырь», то есть человек безмерной отваги, стойкости, силы. Как титул слово «батыр» прибавлялось к собственному имени храбреца. Этот почетный титул мог получить за свою воинскую доблесть любой свободный член кочевого общества, будь он рядовым воином или принцем крови. В частности, титул батыра носил, судя по личной печати, казахский хан Тауке. Подвиги батыров прославляли степные певцы-импровизаторы — акыны.

[1] *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. Алма-Ата, 1985, с. 28.
[2] Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971, с. 149.
[3] *Мирза Мухаммад Хайдар*. Тарих-и Рашиди. Таш., 1996. с. 352.
[4] Там же.

[5] *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). М., 1976, с. 94.

[6] Там же, с. 93.

[7] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884, с. 233.

[8] *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме йи Бухара, с. 75.

[9] *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992, с. 334.

[10] *Мукминова Р. Г.* Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в. Ташкент: ФАН, 1976, с. 37, 42, 43; *Сухарева О. А.* Бухара. XIX – начало XX в. М.: Наука, 1966, с. 187–188.

[11] Полевые материалы этнографических экспедиций.

[12] *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). 1976, с. 117.

[13] *Вайнштейн С. И.* Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // Советская этнография. 1976. № 4, с. 46–56.

[14] Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.-Л., 1939, с. 150.

[15] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии под редакцией академика И. Ю. Крачковского. М.-Л., 1939, с. 65.

[16] Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. I. Алма-Ата, 1935, с. 29.

[17] *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме..., с. 133, 138.

[18] *Андреев И. Г.* Описание Средней орды киргиз-кайсаков // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1796. Ч. СХУ, с. 54–57.

[19] *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Алма-Ата, 1964. Т. II, с. 26–29; Медведский П. Внутренняя киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении // Журнал Министерства государственных имуществ. 1862. Ч. 80. Август. С. 300–302 и др.

[20] *Андреев И. Г.* Описание Средней орды..., с. 54.

[21] *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме... , с. 128.

[22] *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме..., с. 129.

[23] Там же, с. 94.

[24] Казахский эпос. Алма-Ата, 1958, с. 560.

[25] *Жолдасбаев С.* Жилище казахов Южного Казахстана XV–XIX веков по данным археологии // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978, с. 205–206, 208.

[26] *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме..., с. 94.

[27] Там же, с. 102, 103.

[28] *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. I, с. 569.

[29] *Там же.*

[30] Там же, с. 571–572.

[31] *Андреев И. Г.* Описание Средней орды..., с. 54.

[32] Там же, с. 55.

[33] Там же.

[34] *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме..., с. 103.

[35] *Дженкинсон А.* Путешествие в Среднюю Азию// Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937, с. 89.

[36] *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йи Бухара, с. 92-93.

[37] Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971, с. 146.

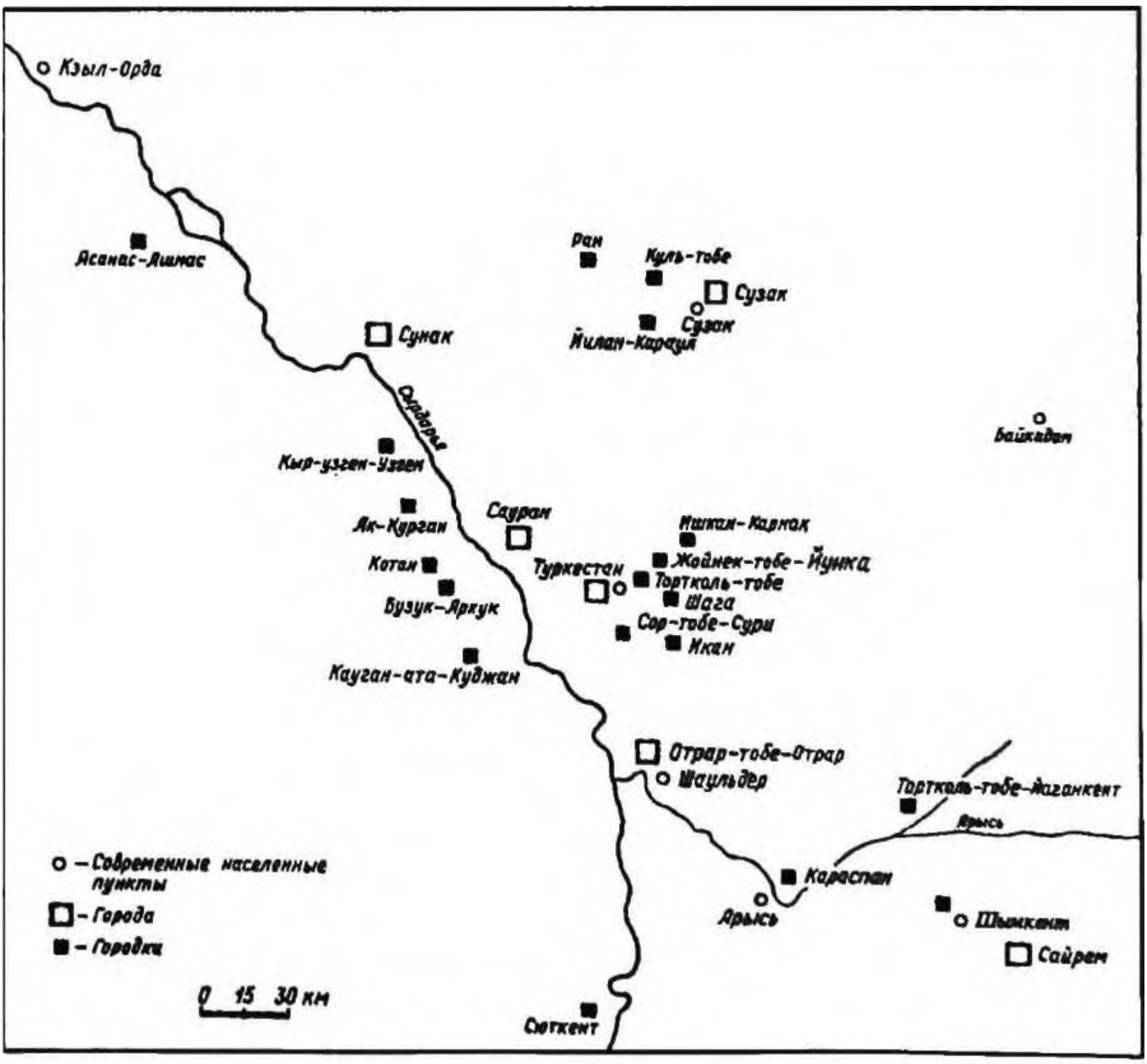
Бабур-наме. Записки Бабура. Таш., 1958; Бабыр Захир ад-дин Мухаммед. Бабыр-наме. Алматы, 1990.

Глава пятая

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА И ПОСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА

1. ГОРОДА ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА (ТУРКЕСТАНА) В XVI–XVII ВВ.

Как и в предшествующий период, южные районы Казахстана в XVI–XVII вв. являлись важнейшим ареалом исторического развития казахского народа. С древнейших времен племена и народы бассейна Сырдарьи, предгорий Каратау, Северного Приаралья, междуречья Таласа и Чу были

Карта городов Южного Казахстана XVI–XVIII вв.

тесно связаны между собой и населением Восточного Дешт-и Кыпчака и Жетысу общими этногенетическими корнями, едиными этническими процессами, идентичными условиями исторического развития – политическими, военными, социальными событиями и процессами, сходными формами хозяйственно-культурной жизни. Население городов Южного Казахстана находилось под сильным воздействием кочевой степи, культуры кочевников-скотоводов, в свою очередь оказывая развивающее влияние на жизнь степняков.

Южный Казахстан, города и оазисы бассейна Средней и Нижней Сырдарьи были издавна одним из крупнейших узлов казахского этногенеза и политогенеза, наряду с регионами Западной и Центральной части Казахстана, Жетысу, Северным и Восточным Казахстаном, составной частью казахской этнической территории. С историей всего этого крупного региона тесно связано развитие собственно казахской государственности, причем политический центр жизни населения Восточного Дешт-и Кыпчака в условиях укрепления местных правителей еще на рубеже XIII–XIV вв. переместился в Южный Казахстан. Сюда, в город Сыгнак, перенесена столица ханов Ак-Орды. Центром Казахского ханства в силу конкретных обстоятельств времени его возникновения стало сначала Западное Жетысу[1], но уже несколько лет спустя он переместился в район северной части региона присырдарьинских городов и предгорий Каратау (города Сузак, Сыгнак, Сауран), а с конца XVI в. столицей Казахского государства стал город Туркестан. Закономерно, что в Казахском ханстве в вопросе выбора центра государства были продолжены традиции предшествующих государств Восточного Дешт-и Кыпчака, как были восприняты и развиты другие стороны их жизни. С историей Южного Казахстана были тесно связаны все развитие Казахского ханства, его политическая история, укрепление ханства, экономическая и культурная жизнь казахского народа. Именно в этом единственном районе казахской этнической территории сохранилась в позднее средневековье городская и оседло-земледельческая культура. Огромно значение этого региона в сложении казахской государственной и этнической, национальной территории.

Большую роль играли этот регион и его города в экономических, политических взаимоотношениях с соседними народами – узбеками, каракалпаками, калмыками, ногайцами (мангытами), могулами, киргизами. Нередко эти отношения проявлялись в военном противостоянии, длительной борьбе, но чаще немирные отношения сменялись мирными, становились дружественными. Важность этого региона казахской этнотерритории заслуживает более подробного рассмотрения его экономического, культурного, исторического значения в истории казахского народа[2].

Южный Казахстан широко представлен в письменных источниках XIV–XVI вв. («Мунтахаб ат-таварих-и Муини» Муин ад-дина Натанзи, «Зафар-наме» Шараф ад-дина Йезди, «Михман-наме-йи Бухара» Ибн Рузбихана Исфахани, «Шайбани-наме» Камал ад-дина Бинаи, «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммад Хайдара Дуглата, «Шараф-наме-йи шахи» Хафиз-и Таныша, «Бадаи' ал-Вакаи'» Зайн ад-дина Васифи и др.)[3], в них он называется Туркестаном.

Этот историко-географический термин относится в средневековых источниках к территории бассейна Средней Сырдарьи, лежавшей между Мавераннахром (так называлось междуречье Сырдарьи и Амударьи) и Восточным

Дешт-и Кыпчаком (степными просторами к северу от Каратау, низовий Сырдарьи и Арала), т. е. Туркестаном назывались земли, тянувшиеся узкой полосой вдоль левого берега Сырдарьи и широкой – вдоль правого берега, ограниченной водоразделом долин Чирчика и Бадама, южнее города Сайрама (в районе Шымкента) – на юго-востоке и горным хребтом Каратау на северо-востоке[4]. Первой крепостью Туркестана или «пограничной заставой Туркестана» на пути с юга из Самарканда или Бухары в эту область называет автор XVI в. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани город Аркук, а Сыгнак он считает «пограничным пунктом Туркестана»[5] на севере, где начинаются пределы Дешт-и Кыпчака.

Объединяющим стержнем региона являлась р. Сырдарья («Сейхун» – по источникам того времени). Ибн Рузбихан зафиксировал и появившееся в XVI в. древнее название Сыр: «Узбеки и монголы ее называют «рекой Сыр»[6]. Сырдарья была основным источником водоснабжения региона, наряду с многочисленными речками, стекавшими со склонов Каратау. Ибн Рузбихан Исфахани засвидетельствовал, как очевидец, посетивший регион, высокий уровень развития городской и земледельческой жизни в регионе в начале XVI в.: «Страна Туркестан является одним из известных краев и местностей...Туркестан состоит из тридцати крепостей, которые расположены вдоль берега реки Сейхун... Из притоков и рукавов ее ответвляются большие каналы и ими орошаются возделанные земли... Высокие крепости, наподобие высочайших замков, так возвышаются на берегах каналов, выведенных из реки Сейхун, будто рассказывают об отраде рая, по которому текут реки[7]. Много других восторженных слов посвятил Ибн Рузбихан Исфахани плодородию оазисов Туркестана, обилию воды и зелени, прекрасному климату «с мягким бодрящим воздухом».

Наиболее крупными из упомянутых Ибн Рузбиханом «тридцати крепостей Туркестана» во время посещения им этого региона и «страны казахов», а именно на рубеже XV–XVI вв., в эпоху укрепления Казахского ханства, были города Ясы (Туркестан), Отрар, Сайрам, Сауран, Сыгнак, Икан – на правобережье Сырдарьи и ее притоков; Аркук, Узгенд, Аккурган, Куджан – на ее левом берегу; Сузак, Кумкент – на северных склонах Каратау. В источниках этого времени упоминаются наименования более двадцати городов и городков, крепостей и селений (число городищ, обнаруженных археологами, превосходит это количество). Так, в большом земледельческом оазисе вокруг города Ясы средневековыми авторами упоминаются города и селения Икан, Карнак, Йунка, Карачук, Сури. В округе Отрара до XV в. было известно селение Чилик. Близ Сайрама поднимался среди многочисленных селений городок Чимкент (Карийа Чимкент упомянут в «Зафар-наме» на исходе XIV в.)[8], ниже на Арыси – город-крепость Халадж-Карасман (известный с XIV в., позднее, в XVI в., назван именем Карасман), Яканкент (Йаканкент). На склонах Каратау письменные источники упоминают поселение Кара-Курун и крепость Йилан-Караул[9]. Средневековые авторы зачисляют эти населенные пункты, существовавшие на территории южных земель Казахстана в прошлые века, то в разряд городов, то селений[10]. Одни и те же поселения авторы того времени называли то терминами, обозначающими в персоязычных и тюркоязычных источниках город или крепость («шахр», «кала» – последнее слово более соответствует местному тюркскому говору), то терминами, более применимыми к небольшому городку или селению (касаба, балада, карийа, дих). Эта нечеткость в определении статуса населенных пунктов Туркестана XIV–

XVII вв. объясняется как небольшими размерами даже наиболее значительных из них, так и неразграниченностью хозяйственных функций между городом и селением[11]. Лишь первые пять-шесть из перечисленных выше «крепостей Туркестана» действительно можно назвать городами, культурными и экономическими центрами региона. Что, впрочем, немало для их небольшой территории, если принять во внимание неразвитость средневековой экономики, натуральный характер хозяйства, недостаточность введенных в пользование природных ресурсов, в частности пашни, источников водоснабжения, да и относительной малочисленности населения.

В периоды преодоления хозяйственного упадка и разрухи, вызванных чаще всего политическими событиями (войнами Чингиз-хана, Тимура, ойратов), восстанавливался и выдвигался на первый план то один, то другой город, а нередко и несколько одновременно. В разное время это были Сыгнак, Сауран, Ясы, Отрар, Сузак, Сайрам, в зависимости от политической обстановки. Ведь чаще всего территория Туркестана со всеми этими городами находилась в руках не одного правителя, а двух или нескольких: Ак-Орды, ханства Абулхайра, Казахского ханства, с одной стороны, государства Тимура и Тимуридов, Шайбанидов, Могулистана, с другой. Присырдарьинские города играли в жизни региона многозначную роль. Сыгнак, например, был «торговой гаванью» для Дешт-и Кыпчака, он был и столицей ханов степных государств. Ясы (Туркестан) был известным торговым пунктом, центром крупного земледельческого округа, административным центром тимуридских и шайбанидских наместников, затем столицей Казахского ханства, но он был и главным религиозным центром для всего Туркестана и прилегающей степи.

Отрар сложился в крупный торгово-ремесленный центр южноказахстанских земель[12]. Он также долгое время был местом пребывания тимуридских, затем шайбанидских наместников в Туркестанском вилайете, укрывавшихся от своих степных недругов за прочными стенами отрарской крепости. Доминирующее положение Отрара хорошо понимали современники. Владение Отраром обеспечивало власть над всей областью: «Отрар опять попал в руки Мухаммад Шайбани-хана»... — сообщает автор «Таварих-и гузида», — теперь он захватит весь вилайет»[13].

Сауран был известен целой системой оборонительных сооружений, среди которых Хафиз Таныш называет высокие крепостные стены с башнями, крепостной вал, глубокий ров, «подобный реке». Этот город упомянут в другом источнике в связи со строительством в нем в XVI в. медресе — «выдающегося архитектурного сооружения», а также строительством и эксплуатацией особых оросительных сооружений — кяризов, устройством на одном из них чахарбага — загородной усадьбы с садами и виноградниками[14].

Сайрам был хорошо укрепленной крепостью, крупным торгово-ремесленным центром на юге Казахстана, на стыке торговых и военных путей из Мавераннахра в Туркестан и Жетысу; этот город являлся административным центром самостоятельного вилайета, упоминающегося в источниках наряду с Туркестанским вилайетом.

Сузак на северных склонах Каратау постоянно был главной опорой, стратегическим пунктом правителей восточной части Дешт-и Кыпчака, сначала ханов Ак-Орды, затем Казахского ханства, как в борьбе за власть в степных районах, так и за города в Туркестане[15]. Он был не только хорошей крепос-

тью, но и торговым, ремесленным центром, выдвинутым в степь. В районе Сузака отмечены источниками и исследованы археологами другие оседлые поселения казахов: городище Культобе (с ним соотносят упомянутый выше Кара-Курун), Ран, Тастобе, Таскорган, Коктобе. Одни из них были крепостями, другие – земледельческими поселениями[16].

В хозяйственной жизни населения крупных и мелких городов Туркестана большую роль играли занятия сельским трудом. Полуаграрный характер городов исследователи отмечают по археологическим материалам и данным письменных источников. Города были окружены садами и огородами, бахчами и виноградниками, полями и пастбищами. Земледелием и животноводством занимались не только жители ближних и дальних окрестных селений, но и сами горожане, как это было и в соседнем Мавераннахре, других странах Востока. О больших запасах зерна (источниками зафиксировано производство пшеницы, ячменя, проса) и других сельхозпродуктов у них и, в частности, у торговцев, говорят упомянутые выше авторы средневековых сочинений, материалы жалованных грамот из городов Южного Казахстана[17]. Обрабатываемые горожанами земли, орошаемые участки находились за пределами города, в предместье и в прилегающей округе. Характерно, что городское население облагалось поземельным налогом – хараджем, что свидетельствует о его причастности к земледелию. В жилищах горожан археологи выявили не только наличие больших емкостей-хранилищ для зерна, других продуктов земледелия, но и специальные помещения для скота[18].

Каждый из городов был центром обширного земледельческого района с развитым поливным земледелием, товарным производством зерна и другой сельскохозяйственной продукции. Искусственное орошение, известное в регионах среднего и нижнего течения Сырдарьи и ее притоков, северных и южных склонов Каратау с рубежа новой эры, было восстановлено после разрушения в период монгольского завоевания и в XIV – первой половине XV вв. продолжало развиваться в больших размерах, чем это было прежде[19]. В Сыгнаке оно основывалось на выведенных из Сырдарьи крупных каналах Тумен-арык и Бузгил-Узак, а также многочисленных арыках из горных речек, стекавших с Каратау (как и раньше действовали арыки Мын-Булак, Чулак, Кызыл-Тал, Арсланды, источники Хараш, Тохтамыш, Хисарчук и др.)[20]. В Сауране, кроме упомянутой кяризной системы, отмечен и наземный магистральный канал[21]. О мерах по исправлению оросительных каналов и восстановлению земледелия в окрестностях Саурана, предпринятых Шайбанидом Абдаллах-ханом после взятия им города в 1582 г., сообщает Хафиз Таныш[22]. В Ясы (Туркестане) и его окрестностях подтверждались грамотами новых правителей переданные в вакф участки земли вместе с орошавшими их арыками. Сохранялись их названия: Мир-Карасу, Сыгнак, Чорнак, Кара-Булак, Сазат-Булак, Бохарчук, Шат, Дарваза, Ташанак, Кош-Курган и другие. В оазисе Отрара изучена позднесредневековая ирригационная система на русле Арыси, магистральный канал Темир-арык. Обширные площади обрабатываемых земель вокруг Сайрама орошались при помощи арыков, стекающих с юго-западных склонов Каратау и Таласского Алатау. Хафиз Таныш среди этих рек называет Арысь, Аксу, Сайрамсу, Бугунь, Чайан, Арсланлык и другие.

По сведениям Ибн Рузбихана, Зайн-ад-дина Васифи, Хафиза Таныша и других авторов, земледельческие районы Ясы, Сыгнака, Сайрама, Саурана,

Аркука, Узгенда славились богатством, благоустройством, производством зерна и другого продовольствия. Как сообщает автор «Михман-наме-йи Бухара», для сбора месячного запаса продуктов для войска и фуража перед походом «в страну узбеков» (т. е. степную часть к северу от Туркестана) по указу Мухаммад Шайбани-хана «диванские чиновники и есаулы» отправились в восточные владения Туркестана (а к ним автор относил «Йасы, Сабрам и другие владения»), чтобы «нагрузить на арбы принудительно собранный хлеб (тагар) и переправить его на судах через реку Сейхун, дабы все победоносные воины были вооружены, снаряжены и в изобилии снабжены продовольствием (так, чтобы) о питании никакой тревоги в сердцах не возникало»[23]. Сюда же, в Сайрам в конце XVI в. посылал за зерном Абдаллах-хан, который осаждал Сауран и очень нуждался в хлебе. В Сайрам «воины приводили катары (караваны) верблюдов и мулов и увозили зерно. Вновь и вновь приходило все больше и больше людей, которые предлагали взять зерно». Одной из главных целей осады Сайрама Абдаллах-ханом в 1582 г. было также намерение «довольно легко взять из этого города продовольствие (азук)»[24]. Фазлаллах ибн Рузбихан подчеркнул изобилие сельскохозяйственной продукции в Аркуке: Мухаммадом Шайбани решено было взять на месяц с лишним продовольствия для похода узбеков на казахские улусы, а «город Аркук с помощью других незначительных селений, находящихся на западном берегу Сейхуна, полностью обеспечит войска хлебом и продуктами. Несмотря на то, что была середина зимы, время дороговизны хлеба и скудости продуктов питания... заготовили все необходимое для всего войска... воины выходили из домов жителей, обремененные ношей. Их обозы и верблюды [были] перегружены всяким добром». Автор отмечает, что «большинство селений Туркестана по благосостоянию подобны крепости Аркук и даже еще более цветущи»[25]. Возможно, Ибн Рузбихан преувеличивал добровольность продажи зерна в Аркуке («без того, чтобы кто-либо пожаловался на войско за несчастье или просил заступничества от насилия его») и тем более поставки его в виде тагара в таком большом количестве (месячное довольствие 60-тысячного войска), тем не менее эти его свидетельства о развитии земледелия и благоустройстве туркестанских оазисов не могут не быть приняты во внимание.

Археологические материалы явились ценнейшей основой для характеристики экономики средневекового города Южного Казахстана, состояния развития земледелия, ремесленного производства, торговли, денежного обращения[26].

В городах развивались строительное дело и связанные с ним ремесла (изготовление кирпича, стекла). Письменные источники также упоминают о строительстве в разные периоды в городах Туркестана. Известны сведения Му'ин-ад-дина Натанзи о строительстве в Отраре, Сауране, Дженде, осуществленном ханом Ак-Орды Ерзеном. Многочисленны материалы о строительстве эмиром Тимуром величественного сооружения рубежа XIV–XV вв. мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане, который и в XVI в. поражал воображение людей. По словам Ибн Рузбихана, это «высоковозведенное куполообразное строение» – «одно из достопримечательных построенных в мире зданий и удивительных творений сынов человеческих»[27]. Барак-хан, по сведениям Абд ар-Раззака Самарканди, в 20-х годах XV в. предъявил Тимуриду Улугбеку свои права на Сыгнак, мотивируя свои притязания тем, что его дед, Урус-хан, осуществил в городе строительство. Источники сообщают о раз-

витой фортификационной системе городов Туркестана XV—XVI вв. Крепостные сооружения, способные выдержать длительную осаду, во время войн подвергались разрушениям и вновь восстанавливались трудом мастеров. Тот же Барак-хан, по сообщению Абд аль-Тамдахи, повел к Сыгнаку «бесчисленные войска, хорошо вооруженные и снабженные осадными орудиями — камнеметами»[28]. Для осады «сильно укрепленной твердыни» — крепости Сауран Абдаллах-ханом также были применены доставленные из Бухары камнеметательные орудия. С их помощью осаждавшие крепость узбеки, «метая тяжелые камни, разрушали жилища жителей крепости, строения и срубы колодцев», под стенами крепости были сделаны подкопы, выпушена вода из крепостного рва. Тем не менее, сауранцы смогли отстаивать крепость еще длительное время. Между прочим, при осаде, по сообщению Хафиза Таныша, наряду со стенобитными и камнеметательными орудиями применялось и огнестрельное оружие, а для поджога крепостных сооружений использовалась нефть. Стрельцы из ружей (туфакандазы, атешбазы) были как среди осаждавших крепость узбекских войск Абдаллах-хана, так и среди осажденных в крепости. Камал ад-дин Бинаи пишет о долгой, но безуспешной осаде в конце XV в. казахским ханом Бурундуком крепости Отрара, находившейся в руках Мухаммада Шайбани-хана. Ибн Рузбихан отметил, что Бурундук-хан, имевший тридцатитысячное войско, «отчаялся завоевать эту неприступную крепость»[29].

Приведенные факты говорят об определенном подъеме городской жизни Казахстана в XIV—XVI вв., о преодолении упадка после монгольского завоевания. Как упоминалось выше, тогда города и поселения были лишены стен и укреплений. Запрет монгольских властей на их строительство в Средней Азии и на юге Казахстана был снят только при эмире Тимуре. И дело не в одних крепостных сооружениях. Вместе с ними и под их прикрытием в то неспокойное время средневековья в городах строились жилые постройки, культовые и общественные здания — мечети, медресе, мазары, бани, дуканы, крытые рынки, караван-сараи. Об этом свидетельствуют археологические и письменные источники.

Подробные описания военных сражений в исторических сочинениях Захир ад-дина Бабура, Мухаммада Салиха, Камал ад-дина Бинаи, Моллы Шади, Мирзы Мухаммад Хайдара, Хафиза Таныша дают представление о вооружении войск, осаждавших города Туркестана. Хотя в XIV в. и появилось огнестрельное оружие, конные воины в основном были вооружены мечами и кинжалами, пиками и копьями, луками со стрелами; воины были защищены доспехами (кольчуга, латы, шлем, щит). Производство холодного и огнестрельного оружия было сосредоточено в крупных городах Средней Азии[30] Через присырдарьинские города оно поступало и на вооружение воинов-кочевников. Какая-то его часть изготавливалась и на месте, во всяком случае в источниках отмечается, что проходящие войска пополняли здесь запасы не только продовольствия и фуража, но и вооружения (йарак). С другой стороны, источник сообщает о луках и стрелах из Дешт-и Кыпчака на рынках этих городов.

В городах и оазисах Южного Казахстана в позднее средневековье существовал емкий и стабильный рынок, основанный на постоянном и взаимном спросе на продукцию земледельцев и ремесленников как внутри самого региона, между обитателями городов и селений, так и между ними, с

одной стороны, и кочевниками-скотоводами, с другой. Торговля была одной из наиболее существенных сторон жизнедеятельности крупнейших туркестанских городов, таких, как Сыгнак, Ясы, Сайрам. Как факт благоустроенности Туркестанской области, отмечает Ибн Рузбихан в своем рассказе о Сыгнаке, наличие в ней «города, городских властей, основание мечети и рынка». Впрочем, отсутствие рынка не мешало оживленной внутренней торговле, например, в Аркуке, где «нет лавок и базаров», но тем не менее «большая часть купли-продажи производится в домах жителей»[31]. Это, кстати, весьма примечательное понимание средневековым автором параметров цивилизованного развития общества, имеющего городскую культуру, законную власть, религию и торговлю. О развитии торговли, как и ремесла, свидетельствуют упоминаемые в источниках многочисленные налоги, взимавшиеся с торговцев и ремесленников (тамга, закят, бадж, хардж, пишкеш, саугат и др.)[32].

Весьма развитую местную торговлю обеспечивали мелкой медной монетой с середины XVI и в XVII вв. монетные дворы в Сауране, Туркестане, Сыгнаке и, возможно, в Отраре. Регион Туркестана (присырдарьинских городов) по данным нумизматики составлял с Мавераннахром единую экономическую область[33]. Значение присырдарьинских городов в международной торговле было исключительно важным из-за их географического, политического положения в контактной зоне степи и оседлого мира. Ибн Рузбихан отмечает важность Сыгнака для торговли «обитателей Дешта» с Востоком: «Купцы владений и местностей Дешт-и Кыпчака до пределов реки Адил (Волга)... сделали город Сыгнак местом складов своих [и] привозят сюда торговые товары. Купцы областей Туркестана, Мавераннахра и с Востока до пределов Кашгара, Хотана привозят в Сыгнак товары этих стран и совершают с людьми Дешта торговые сделки и обмен. Поскольку эти торговые сделки совершаются в Сыгнаке, то это владение постоянно является местом пребывания купцов из [разных] стран, и добра и товаров всех стран там в изобилии»[34]. Источники упоминают о торговых караванах, приходивших в города Сауран, Аркук, Ясы во время военных действий[35].

На рынки городов Туркестана кочевники-скотоводы пригоняли скот (по словам Ибн Рузбихана, «жирных овец, коней, верблюдов»), доставляли продукты скотоводческого хозяйства — кожу, шерсть, изделия из них, а также холодное оружие, изделия из дерева, главным образом из березы, в частности арбы, тахты и посуду; продавали пушнину, меховые шубы и шапки. В Сыгнак, пишет тот же автор, для продажи свозились такие ценные товары, как «шубы из соболя и белки, тугие луки и стрелы из белой березы, шелковые ткани и другие драгоценные изделия»[36]. «Из березового дерева (казахи) весьма искусно делали прочные и крепкие стрелы и тахты с украшениями и производили разноцветные войлоки с необычайными узорами»[37]. Такого рода сведения Ибн Рузбихана о ремесле казахов в XVI в. многочисленны и весьма ценны. Они показывают, что обитателям степи было что предложить на рынки городов Туркестана. Упомянутые выше сведения другого автора XVI в., Сейфи Челеби, показывают, что часть изделий казахских ремесленников готовилась именно для продажи[38].

В обмен на продукты своего труда скотоводы получали в городах Туркестана разнообразные товары: хлопчатобумажные и шелковые ткани, изделия гончарного и металлического производства, готовые изделия из тканей и кожи

— халаты, шали, головные уборы, обувь, детали конского убранства, а также разную домашнюю утварь, оружие, украшения из драгоценных металлов, зеркала и многое другое. Эти товары были как местного изготовления, так и привозимые из других районов Средней Азии и соседних стран Востока: «...в эту страну [Мавераннахр] привозят красивые и изящные товары, особенно хороши платяные и ковровые изделия, серебряные и золотые украшения...»[39]. В торговле участвовали казахи: Фазлаллах ибн Рузбихан неоднократно упоминает о «казахских купцах, торгующих в городах Средней Азии»[40]. Самым постоянным и массовым был у кочевников спрос на зерно (пшеницу, просо, ячмень и другие продукты земледелия и скотоводства) и ткани. Тот же Ибн Рузбихан специально отметил, что когда мирные торговые связи прерывались во время войн и усобиц, предводители кочевников — «ханы Дешта», вынуждены были организовывать вторжения в города Туркестана и Мавераннахра и силой добывать хлопчатобумажную ткань карбас, в которой особенно нуждалось кочевое население (эта ткань была распространена и среди населения Средней Азии)[41]: «На самом деле они [ханы] так заявили, что вследствие крайней нужды в платье и одежде, главную часть которой составляет карбас, — ведь одежда и саван для людей необходимы, — они вторгнутся в пределы владений ханского величества [Мухаммад Шайбани хана]»[42]. Но дело в том, что заявили-то казахские ханы о своем вторжении, как раз в ответ на преднамеренные действия Мухаммада Шайбани, направленные на разрыв торговых связей с казахами и даже запрет на доступ их купцов в находившиеся в его руках города южной части Туркестана и Мавераннахра. «Несколько раз был издан августейший указ, чтобы население Туркестана никаких торговых сделок с казахскими купцами не совершало, и чтобы между ними и жителями этих земель не было взаимных посещений и поездок купцов. Так что несколько раз в некоторых городах Туркестана и городах Хорезма было приказано ограбить казахских купцов. У ханского величества при издании этого указа были в виду разного рода и мудрые соображения», — заключает автор «Михман-наме-йи Бухара»[43] и поясняет, в чем заключались эти соображения. Главным из них было желание не допустить вторжения казахов в Среднюю Азию. Захватив на рубеже XV—XVI вв. у Тимуридов Мавераннахр, узбекский предводитель опасался, что его давние соперники в борьбе за власть в Дешт-и Кыпчаке и Туркестане — казахские ханы и султаны теперь вознамерятся завоевать его новые владения. Полагая, что запретом на торговлю можно будет «пресечь взаимное соприкосновение обеих сторон [т. е. казахов и узбеков] и общение между ними», тем самым оставить казахов в неведении[44] о радостной жизни, благоденствии и довольстве узбеков» в городах и оседло-земледельческих районах Туркестана и Мавераннахра, а значит, лишить их соблазна «ступить на путь старания и усилия ради завоевания этих областей»[44]. Другой целью этой своего рода экономической блокады Мухаммада Шайбани было стремление нанести удар по экономике казахов, в определенной степени зависевшей от взаимовыгодной торговли с оседлым населением Туркестана и Мавераннахра, хотя от этой блокады страдали хозяйственные интересы и его подданных — торговцев и ремесленников этих областей, также заинтересованных в экономических связях с кочевниками.

Тем не менее, несмотря на эти запреты, общения, мирные торговые контакты населения продолжались, как продолжались и войны, принимавшие характер взаимных грабительских набегов. Торговый взаимообмен скотоводов степных областей Восточного Дешт-и Кыпчака с земледельческим и городским населением Южного Казахстана и Средней Азии положительно воздействовал как на рост городского и земледельческого хозяйства на юге, так и скотоводческого в степи. В орбиту влияния городского и земледельческого хозяйства Южного Казахстана втягивалось и население Жетысу. Возникновение спроса с его стороны на продукцию присырдарьинских городов и оазисов явилось результатом хронической хозяйственной разрухи в этом крае, длившейся там со времени монгольского господства и грабительских войн эмира Тимура.

Выгодное положение региона Южного Казахстана на стыке оседло-земледельческого мира с кочевой степью, на перекрестке магистральных торговых путей сделали его центром хозяйственно-культурных, экономических контактов соседних народов. Устойчивая взаимозависимость кочевого и оседлого населения Казахстана и прилегающих районов Средней Азии в средневековье, обоюдная заинтересованность в хозяйственных и культурных связях существовали объективно, что подтверждается многочисленными свидетельствами источников, показывающих ошибочность существовавшей в литературе точки зрения о якобы извечной враждебности кочевников и оседлых народов, представлявшей отношения казахов с земледельческим населением Средней Азии, постоянной чередой военных столкновений, набегов «агрессивных» кочевников на «мирные» оазисы. Хозяйственные, торговые связи населения соседних областей Казахстана и Средней Азии взаимно способствовали укреплению экономического положения, росту городов и развитию земледелия, скотоводческого хозяйства. Они способствовали взаимному ознакомлению кочевников и земледельцев с различными сторонами жизни друг друга: материальной культурой, бытом, хозяйством, военным искусством и оружием. Мирные добрососедские контакты влияли на распространение среди аристократической элиты степной зоны мусульманской культуры, письменности и элементов научных знаний, а в среднеазиатских, иранских и других краях знакомили с жизнью и бытом казахов политических деятелей, историков и хронистов, отразивших в их сочинениях разные аспекты истории казахского народа.

Население Южного Казахстана было связано с обитателями обширных территорий Восточного Дешт-и Кыпчака и Жетысу не только традициями хозяйственно-политического и культурного развития, но и этногенетическим родством, общими этнополитическими судьбами. На землях Южного Казахстана и юго-западной части Жетысу сходились этнические территории и всех трех жузов[45].

В присырдарьинском регионе в XIV—XVI вв., судя по данным письменных источников и археологическим материалам, жили кыпчаки, канглы, конграты, аргыны, мангыты, дуглаты, жалаиры, представители других казахских и узбекских родов и племен. Со второй половины XV в. и в последующие века население этой территории, как и всего Казахстана, источники все чаще называют не родовыми или племенными именами, а общим этнонимом – «казахи». И это связано с фактическим завершением длительного процесса сложения казахской народности к этому времени.

В течение XV—XVI вв. в условиях сложных политических событий периода становления и укрепления Казахского государства (ханства), в ходе хозяйственного освоения земель завершалось формирование этнической территории казахов. Существенной ее частью была территория Южного Казахстана с ее городами, торгово-ремесленными центрами и земледельческими оазисами, к которым тяготело население кочевых степей. Источники зафиксировали принадлежность казахам этой важной для хозяйственной деятельности степного населения территории. Земли нижнего и среднего течения Сырдарьи использовались кочевыми племенами и как превосходные зимние пастбища. Сложившиеся традиции кочевого скотоводческого хозяйства приводили многие казахские роды и племена на зиму из кочевий отдаленных районов Восточного Дешт-и Кыпчака в долины Сырдарьи и ее притоков, в предгорья Каратау и Приаралье. «Когда наступает осенняя пора, погода в той стране становится холодной и выпадают обильные снега, то, разумеется, казахи для зимовки направляются из степи на зимние пастбища»... Местом их зимовья является побережье реки Сейхун, которую называют рекой Сыр»[46].

В другом месте Ибн Рузбихан поясняет, что центром зимних кочевий казахов («мамлакат-и кыпчак») была местность Кара-Абдал, где-то за Сыгнаком (речь идет, разумеется, об одной группировке казахов), причем Сыгнак был в этот период (конец первого десятилетия XVI в.) в границах «страны казахов» («билад-и казак»)[47]. Бесспорно, низовья Сырдарьи в этот период, как и раньше, были в пределах владений казахов: «Когда казахи прибывают в места зимовья, то располагаются на протяжении реки Сейхун, и может быть длина берегов Сейхуна, на которых они обитают, превышает триста фарсахов. Когда они достигают берегов Сейхуна, то оказываются вблизи областей Туркестана, который тоже доходит до берегов Сейхуна»[48]. Отметив, что даже «у наиболее бедных из казахов число лошадей, верблюдов и овец исчисляется тысячами», Ибн Рузбихан пояснил, в чем для кочевников заключалась ценность сырдарьинских земель: «Все окрестности Сейхуна покрыты зарослями ная, который по-тюркски называется камыш, богаты кормами для скота и топливом»[49].

Естественно, что казахов-кочевников привлекали не только пастбища в низовьях Сырдарьи, но и земли в ее среднем течении, в предгорьях Каратау. Пахотные орошаемые и богарные земли располагались, в основном, вблизи городов и селений. Остальные — степные, предгорные и прибрежные оставались свободными, пригодными для выпаса скота. В источниках неоднократно упоминаются пастбища в районе присырдарьинских городов: таковы пастбища в районе Сыгнака, на которые претендовал Барак-хан, Сайрама, Ак-Кургана, пастбища (курук) недалеко от Ясы. Однако, эти пастбища и обрабатываемые земли были под контролем владельцев городов-крепостей Туркестана.

Сырдарьинские города нужны были степным правителям и в качестве опорных военных пунктов. В ходе борьбы за власть над степными районами многочисленные противники искали себе опору в ближайших к кочевьям их подданных (казахов, узбеков, могулов, мангытов и др.) городах и поселениях региона Каратау и бассейна Сырдарьи. Владение присырдарьинскими городами, которые были неплохими для того времени крепостями, могло содействовать упрочению военной и экономической мощи их

правителей. Последнему способствовали не только выгоды от торговых связей, от контроля над торговыми путями, но и непосредственная эксплуатация многочисленного торгово-ремесленного населения городов, как в виде прямого отчуждения продукции земледельческого и ремесленного труда при временном захвате этих городов, так и в виде регулярного налогового обложения ремесленников, торговцев и земледельцев – в случае длительного владения этими городами и окружающими их оазисами.

На небольшом отрезке древней городской и земледельческой цивилизации в регионе Южного Казахстана, как и в предшествующие столетия, в XVI–XVII вв. постоянно сталкивались противоположные интересы правителей соседних феодальных государств Восточного Дешт-и Кыпчака, Средней Азии и Жетысу. Письменные источники насыщены подробнейшим материалом о политическом положении сырдарьинских городов на протяжении всего позднего средневековья. Единая в естественно-географическом, экономическом отношении и в исторических судьбах территория городов бассейна Средней Сырдарьи и Каратау то и дело оказывалась разорванной между различными государствами и это тормозило ее экономическое и культурное развитие. Характерно, что когда в тот или иной период политическое положение в регионе стабилизировалось хотя бы на несколько десятилетий, письменные источники и археологические материалы сразу же фиксируют подъем хозяйства, строительство в городах, оживление торговли – независимо от того, в чьи руки попадали города: степных правителей Ак-Орды, Ханства Абулхайра, Казахского ханства или в руки Тимуридов (конец XIV–XV вв.), Шайбанидов (XVI в.), Аштарханидов Мавераннахра (XVII в.). Регион Туркестана, особенно его северная часть, был традиционным политическим и экономическим центром всех государственных образований на территории Казахстана. Правители Средней Азии в свою очередь с целью обезопасить свои владения к югу от Сырдарьи от воинственных кочевников стремились удержать в своих руках и Туркестан, превращая его города в оборонные пункты.

В то же время на территории Южного Казахстана (Туркестана) формировались традиции дружественных связей казахского, узбекского, каракалпакского народов, имевших, как известно, много общего и в своей этнической основе и в сложных поворотах этнополитической истории, здесь они обменивались опытом хозяйственной и культурной жизни. Источники фиксируют их совместное проживание на территории Туркестана в позднее средневековье. В документальном источнике жителей Сыгнака и его округи названы казахи, тюрки (выше были перечислены многие из тюркских племен, составлявших коренное население городов и оазисов), арабы, каракалпаки. Естественно, что среди упомянутых тюрков были роды и племена, входившие и в состав узбеков. В источниках XVII в. также отмечается проживание в городах Южного Казахстана казахов, каракалпаков, узбеков.

Территория расселения казахского этноса, как и государственная территория Казахского ханства от времени выделения ее первоначального ареала и вплоть до ликвидации ханств в XIX в. после вхождения территории Казахстана в состав Российской империи, не всегда совпадали, а точнее, долгое время не совпадали. Государственная территория не оставалась постоянной, так как развитие самого государства не было последовательным и непрерывным, оно пережило время становления, подъема и упадка. Соответственно и государственная территория ханства неоднократно

меняла свои очертания на политической карте региона, то расширялась, то сужалась под влиянием как внешних акций соседних государств, так и в зависимости от последствий внутренних междоусобиц знати. Процесс развития, изменения государственной территории Казахского ханства заключается в ее количественном изменении в тот или иной период. Но изменялась она всегда в пределах расселения казахского этноса, на обширных пространствах, простиравшихся от Иртыша и Ишима, Тарбагатая и Каратала до Яика и Мангышлака, Приаралья и Сырдарьи, Чу и Таласа.

Одной из таких древних зон формирования и расселения казахского этноса являлись южные земли Казахстана, в позднее средневековье называвшиеся в источниках Туркестаном.

2. КОЛИЧЕСТВО ГОРОДОВ, ТОПОГРАФИЯ И ТИПОЛОГИЯ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДИЩ

Рассматриваемый период в истории Казахстана достаточно подробно, по сравнению с предшествующими, освещен письменными источниками[50]. Они дают представление о некоторых сторонах жизни городов, в первую очередь, Ясы-Туркестана, Отрара, Сыгнака, Саурана, Сузака, Сайрама.

По сравнению с предшествующим временем количество городов (2-я половина XIII–XIV вв.), упоминаемых в источниках, сократилось до 20, а городищ, датируемых второй половиной XV – началом XVIII вв., – до 23. Во второй половине XV в. в письменных источниках уже не встречаются названия северокаратауских городов – Уросогана, Сугулкента, Кумкента. Городища, отождествленные с этими городами, как показывают археологические исследования, пустеют к концу XV – началу XVI в. В низовьях Сырдарьи прекращают существование городища Кыз-кала, на Бугуни – Бузук-тобе (Чилик), на Средней Сырдарье – Куйрук-тобе и Оксус. На новое место переносится город Карасаман, известный в источниках конца XVI в. как Халадж Карасаман. Теперь ему соответствует городище Карасаман II на окраине с. Обручевка.

В целом же, по сравнению с IX–XII вв., временем наивысшего расцвета городской культуры, число известных по письменным источникам городов Южного Казахстана уменьшилось почти в 3 раза, а число городищ – в 6 раз.

В Отраре с середины XV в., как показали археологические исследования, пустеет пригород. К XVI в. его территория занимала чуть больше гектара и вся городская жизнь сконцентрировалась только на центральном бугре. Сокращение городской территории отмечено также для Сайрама, Сыгнака, Узгенда, Сузака. Пустеют их рабады, городская жизнь сосредоточивается в пределах центральной, наиболее укрепленной части.

В XVI–XVII вв. важную роль в политической и экономической жизни региона стали играть города левого берега Сырдарьи, такие, как Аркук, Кувджан, Аккурган, Узгенд. На северных склонах Каратау роль главного города переходит к Сайраму.

Происходит быстрое возвышение Ясы-Туркестана до ранга столицы всего Южного Казахстана. Бурный рост города наблюдается после того, как по приказу Тимура здесь возвели мавзолей над гробницей Ахмада Ясави, и город превратился в официальный идеологический центр региона. С этого времени город становится центром тимуридских, шайбанидских наместников края, а затем столицей казахских ханов.

Столичное положение города подчеркивается и активной работой его монетного двора, возобновившего чеканку монет в 60-х годах. XVI в.[51], а также сменой в конце XVI в. его названия, превращения из Ясы в Туркестан. Город как бы отождествляется таким образом со всей территорией области, или, как ее называют, «вилайет Туркестан», который включает в себя территорию Южного Казахстана, объединенную в одно целое Сырдарьей. Именно так описывает Ибн Рузбихан: «Течет [река] на расстоянии более трехсот фарсахов по Туркестану... Из притоков ее и рукавов ответвляются большие каналы и ими орошаются возделанные земли... Река... протекает среди крепостей Туркестана. Высокие крепости, наподобие высочайших замков, так возвышаются на берегах каналов, выведенных из реки Сейхун, будто рассказывают об отраде рая...»[52].

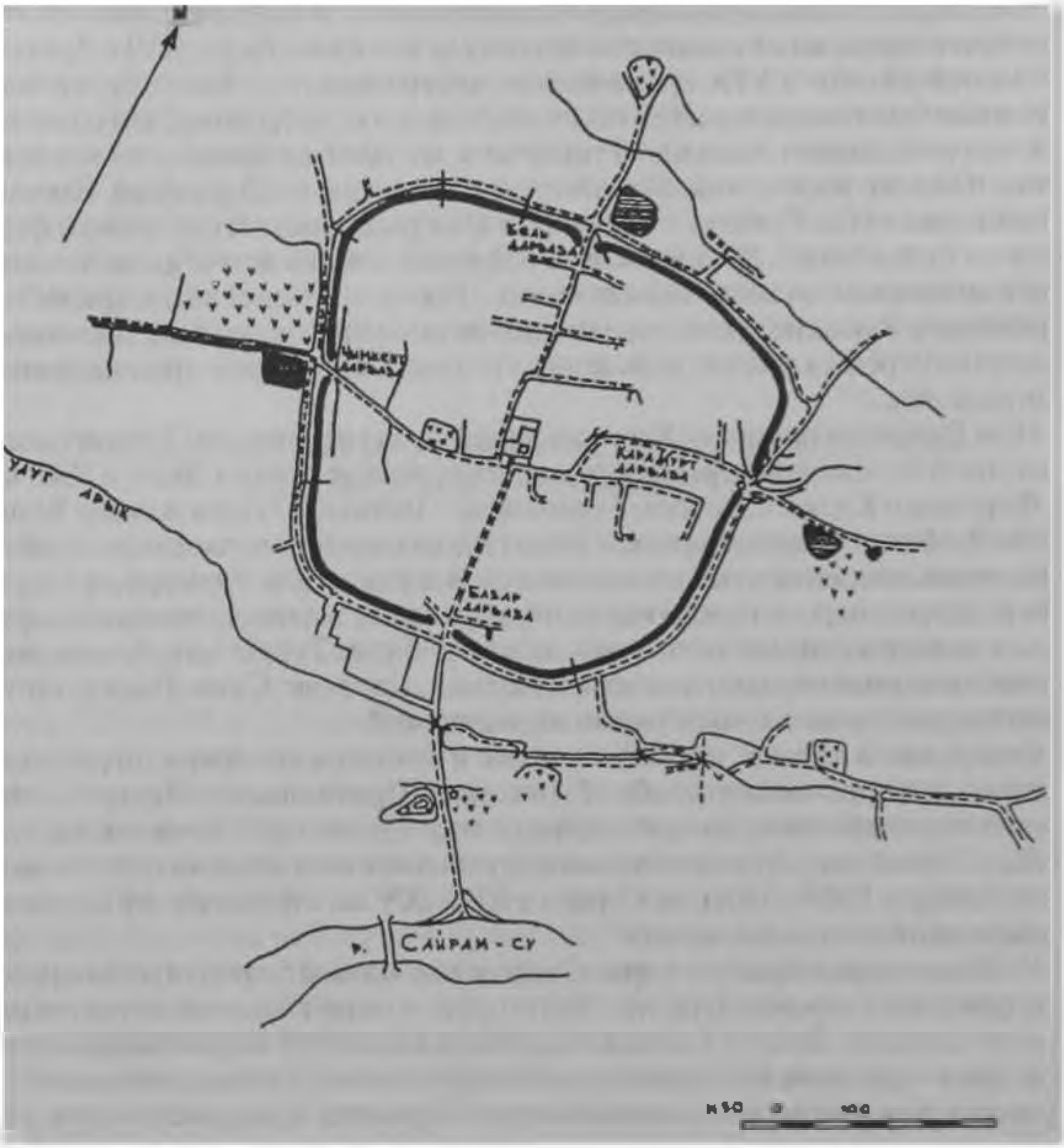
Ибн Рузбихан называет Ясы «столицей (тахт) правителей Туркестана», здесь, по его словам, центр, [где] сходились торговые пути из Дашт-и Кыпчака, Ферганы и Китая. Святыню Туркестана — мавзолей Ходжа Ахмада Ясави — Ибн Рузбихан называет «редкостным среди памятников населенной части мира чудом творенья рук человеческих». Все владетели Туркестана старались поддержать роль города как центра духовной жизни, стремились заручиться поддержкой местного духовенства[53]. Вблизи Туркестана находились многочисленные городки и селения: Карнак, Карачук, Сури, Йунка, которые отождествлены с конкретными городищами[54].

Отрар, как и прежде, в домонгольское и монгольское время, играл важную роль в исторических судьбах Туркестана. Притязание на Отрар означало в глазах современников притязание на весь Туркестан[55]. Здесь так же, как и в Ясы-Туркестане, функционировал крупный идеологический центр – мавзолей Арслан-Баб[56]. В центре Отрара в XIV–XV вв. строилась, но осталась незавершенной большая мечеть[57].

Рузбихан характеризует город Сыгнак как «конец благоустроенных земель северной стороны области... Этот город, – пишет он, – является пограничной заставой Дешт-и Кыпчака и славится по всему миру обширностью площади и наличием безопасности и спокойствия»[58]. Сыгнак, согласно источникам, был крупным торговым центром Туркестана, местом ярмарок, где совершались сделки с кочевниками. Город был также центром богатых земельных угодий, орошаемых горными реками и каналами, выведенными из Сырдарьи[59].

Сайрам, известный еще с VII в. и бывший в IX–XII вв. столицей Южного Казахстана, оставался в XV–XVIII вв. одним из крупнейших центров Туркестана. Он был также важным стратегическим пунктом, за который постоянно шла борьба претендентов на господство в области, а также своеобразной житницей Туркестана. Как и в пору расцвета, он был центром сельскохозяйственных земель, орошаемых горными реками. Рядом с Сайрамом находились многочисленные городки и селения, среди которых выделялись Чимкент на Бадаме, Караспан на Арыси, Йаканкент на Боролдае[60]

Относительно недалеко, в 35 км северо-восточнее Туркестана, находился город Сауран, который подробно описывается в источниках. Ибн Рузбихан пишет, что, прибыв в Сауран в середине марта 1509 г., нашел его необыкновенно приятным городом. «Построен (он) в открытой, ровной степи. Он чрезвычайно веселый, светлый, с мягким бодрящим воздухом, который придает

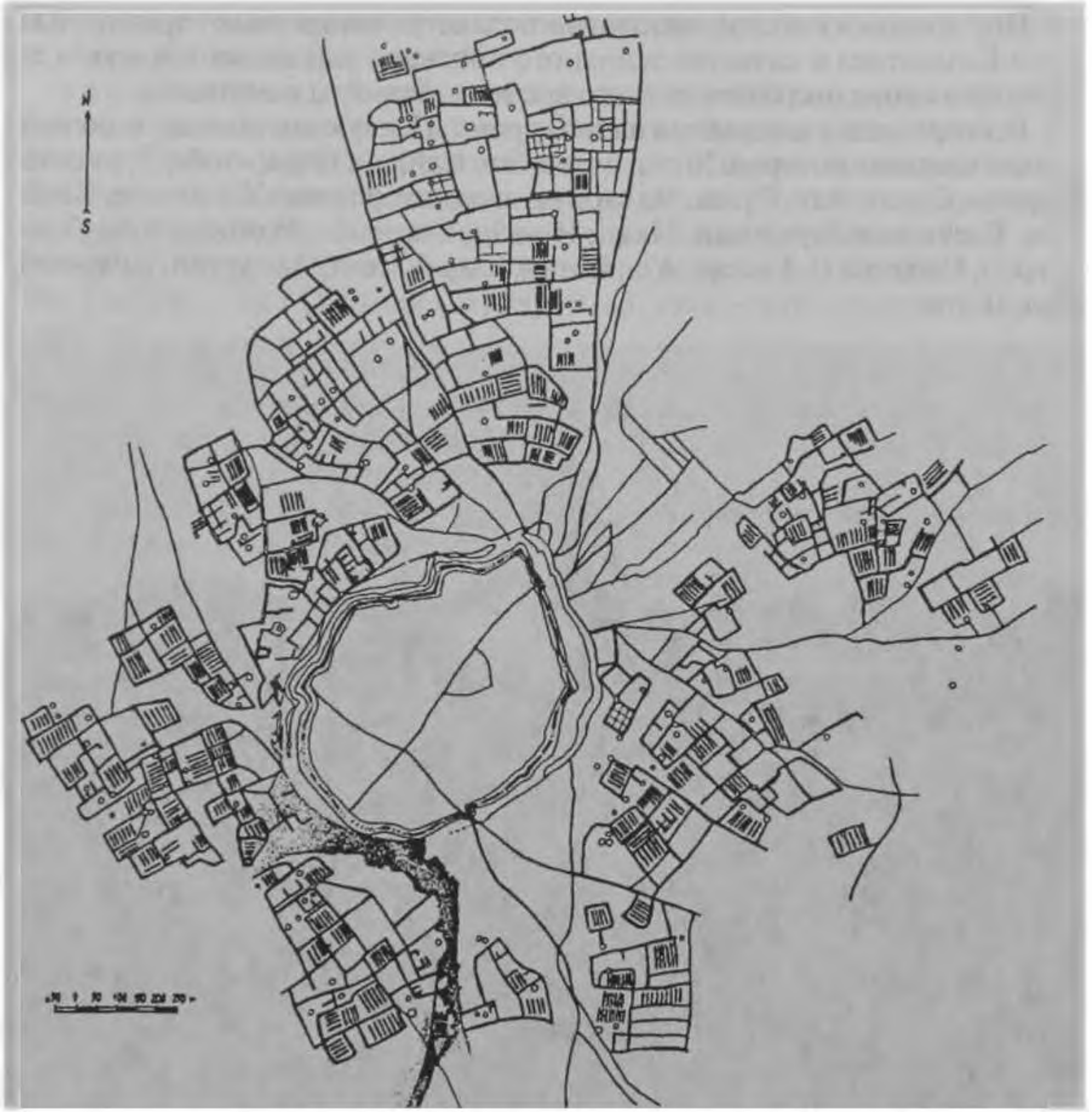
План города Сайрам. XVI–XVIII вв.

разуму радость и силу... Самый город окружен высокой стеной, которую нельзя быстро взять властной рукой, а вокруг нее неприступный ров...»[61]. Город имел обширную сельскохозяйственную округу, орошенную каналами, горными речками и кяризами, о постройке которых сообщает Васифи, живший в городе в 1515–16 гг.[62].

На северных склонах Каратау продолжал оставаться крупным городом Сузак. Это была значительная крепость, окруженная рвом[63]. Рядом с ней находились многочисленные крепости и селения, среди которых выделялась крепость Йилан-Караул[64]

О многочисленных селениях в горных ущельях Каратау сообщает Филип Назаров[65]. Их остатки обнаружены археологами[66]. Определено местонахождение и позднесредневековых городов левобережья Сырдарьи – Аркука, Куджана, Узгена, Аккургана, упоминаемых в письменных источниках[67]

Установлено, что почти все позднесредневековые города Казахстана наследуют планировочную структуру городов предшествующего времени. В

План городища Сауран. XVI–XVIII вв.

топографии позднесредневековых городов различаются «хисар» – центральная часть города, обнесенная стеной, и пригородные районы. Термин «хисар», «хисор» понимается как «город», «укрепление» и как «городская стена»[68]. Хисар, по определению исследователей, – это «густонаселенная укрепленная часть города, в которой концентрировались правительственные здания, казармы, соборная мечеть, главные рынки и ремесленные мастерские, жилые дома основных городских слоев»[69]. Территория со следами застройки за стеной, за хисаром, была пригородом, сельской зоной, и жизнь ее, как свидетельствуют поздние этнографические материалы, резко отличалась от жизни хисара, собственно города[70]. Обычно в Средней Азии хисару старались придать прямоугольную в плане форму или же повторяли в его контурах очертания «старого города».

Позднесредневековые города Южного Казахстана наследовали планировку домонгольских, имевших в большинстве своем округлые очертания. Те же города, которые имели традиционно подпрямоугольный план, сохраняли его и в позднее время – таким был Сайрам.

При археологической типологии позднесредневековых городищ Южного Казахстана в качестве основного признака используются, как и для типологии городищ более раннего времени, размеры памятника.

Все городища разделяются на две группы. Первую составляют городища, общая площадь которых 20 га и более. Это Сайрам, Отрар-тобе, Туркестан, Сауран, Сунак-Ата, Сузак. Во вторую входят городища Узун-тобе, Караспан, Бузук левобережный, Икан, Ишкан, Сор-тобе, Жойнек-тобе, Тортколь II, Сюткент II, Кавган-Ата, Котан, Кыр-Узгент, Аккурган, Куль-тобе, Ран. Шага.

Городище Сузак

Как установлено, авторы письменных источников редко употребляют по отношению к казахстанским городам термин «шахр» (персидское «город»), который прилагался к административному центру вилайета, крупному населенному пункту, обнесенному стеной. Этот термин применялся лишь по отношению к Сайраму и Ясы-Туркестану. Чаще для центров вилайета употреблялся термин «кала» – для Ясы, Сайрама, Отрара, Саурана, Сыгнака, Сузака. Этим же термином иногда назывались и более мелкие населенные пункты – Аркук и Куджан. По отношению ко всем поселениям применялись также термины «балада» – «городок», «местечко» и «маузи» – «местность», «земледельческое поселение»[71]

Несмотря на неустойчивое применение терминов авторами восточных сочинений по отношению к одним и тем же населенным пунктам, ими же

подчеркивается их торговая значимость, наличие ремесел, мечетей, медресе, оборонительных сооружений[72].

Уже отмечалось, что в Туркестане функционировал монетный двор. Имеются данные о чеканке монеты Отраром. Все это вместе взятое позволяет считать первую группу городищ остатками позднесредневековых городов. Каждый из этих городов являлся традиционным центром историко-культурного района: Сайрам для предгорной зоны Таласского Алатау, Отрар – для низовьев Арыси, Сауран – для Средней Сырдарьи, Сыгнак – для Нижней Сырдарьи, а Сузак – для северных склонов Каратау.

Памятники второй группы были остатками городков и селений. Археологические исследования на этих городищах свидетельствуют о развитии здесь ремесел, в первую очередь, судя по находкам, гончарного, железоплавильного, кузнечного, ювелирного.

В то же время они, по свидетельству письменных источников, имели ярко выраженный сельский характер.

Уличная сеть, составляющая скелет города, была, судя по топографии городищ, достаточно сложной. В Отраре, например, зафиксировано, помимо центральной магистрали, соединявшей южный и северный въезды, еще 6 сквозных улиц, тянувшихся в меридиональном направлении. Центральная магистральная улица соединяла северные и южные ворота; кольцевая улица опоясывала город по периметру вдоль стены.

В Отраре раскопано свыше 30 кварталов XVI–XVII вв., из которых 21 попал в площадь раскопок целиком, другие – частично. Каждый квартал состоял из 6–12 домов. Площадь, занимаемая одним кварталом, в среднем не превышала 1500 кв. м, а среднее число домов в квартале – 11. Внутриквартальные улочки шириной до 2 м начинались от магистральных улиц и объединяли все домовладения кварталов. Они, как правило, немощеные, имели плотную, утрамбованную поверхность. Для благоустройства иногда использовались вымостки участка улицы перед домом и отмостки вдоль улиц из жженого кирпича и его обломков. Улочки имели «карманы» – расширения, видимо, служившие загонами для скота. Иногда внутриквартальная улочка переходила во дворик – площадь. Такой дворик мог использоваться как загон для скота всех жителей квартала.

Аналогичная застройка кварталами характерна и для структуры городищ северных склонов Каратау: Рана и Куль-тобе, датированных XVI–XVIII вв.[73]. Такая же структура прослеживается в Сауране, Котане, Бузуке, где на аэрофотоснимках просматриваются магистральные внутриквартальные улицы, массивы кварталов.

Интересны сопоставления «археологических» кварталов с «этнографическими» кварталами, хорошо изученными в среднеазиатских городах и, особенно, в Бухаре XIX в. Дома кварталов Бухары, как в Отраре, были обращены входами на внутриквартальные улицы, а на фасад выходили глухими стенами.

Улица соединяла живших на ней людей и была главным фокусом квартала. Замкнутость квартала гарантировала его жителям защиту, которая обеспечивалась наличием ворот, закрывающих улицу и делающих квартал совершенно изолированным. Со временем подчеркнутая замкнутость исчезла вместе с воротами[74]

Городище Отрар. XVI–XVIII вв. Участок раскопок

Квартал был не только ячейкой города в территориальном отношении, но и административной единицей, с которой имели дело городские власти, действовавшие через старшин кварталов[75].

Данное обстоятельство заставляет обратить внимание на одну из особенностей отрарского квартала: в каждом из них имеется один или два дома, отличающихся от других присутствием двух тандыров в центральном помещении. Из источников известно, что еще при монголах существовал налог «хона-шумора» – сбор с жилища или усадьбы, соответствующий, по мнению исследователей, подымному налогу на Руси[76]. Наверняка, он существовал и в более позднее время. Возможно, освобождение от побора за «второй» дым был своего рода привилегией квартальных старшин иметь в доме две печи.

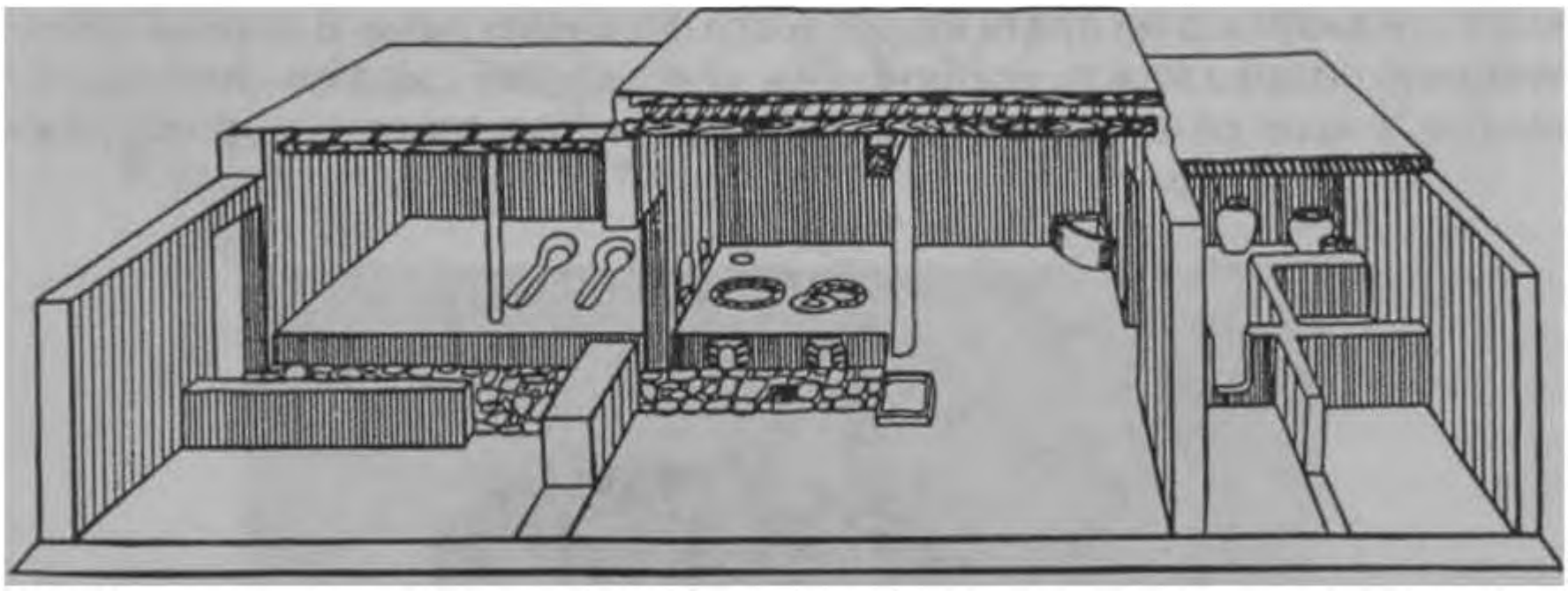
Дома с двумя тандырами не обязательно самые большие в квартале. Это можно понять, если учесть, что и в Бухаре квартальные старшины-аксакалы обычно не выбирались из богачей или людей знатных. Это был почетный пост, старшина считался слугой общества[77]

Социальная картина в кварталах, воссозданная на основе археологических материалов (как было отмечено и для более раннего времени), однородна. Нет кварталов «богатых» и «бедных». В каждом квартале есть два-три больших многокомнатных дома, один-два маленьких – одно-, двух- и трехкомнатных, остальные – приблизительно одинаковы по площади.

Этот факт объясняется этнографическими параллелями. В Бухаре, например, в одном и том же квартале, в одной и той же квартальной общине имелись и богачи, и бедняки. Причем социальное неравенство не нарушало издревле сложившегося бытового уклада. Напротив, для богатых и знатных

семей такое соседство предоставляло много удобств, ибо им легко было найти людей для услуг[78].

Представляет интерес вопрос о специализации кварталов по роду деятельности проживающих в нем людей. В Отраре лишь один квартал может быть охарактеризован как «квартал гончаров»[79]. Все другие кварталы разнородны по профессиональному составу жителей. В них встречаются дома гончаров, кузнецов, специалистов по обработке камня, ткачей. Такое положение было характерно и для позднесредневековой Бухары, где также отмечен большой разнобой хозяйственной деятельности жителей кварталов. Обувщики, к примеру, жили в 32 кварталах, во многих кварталах обитали строители[80].

Графическая реконструкция жилого дома, XVIII в. (Отртобе)

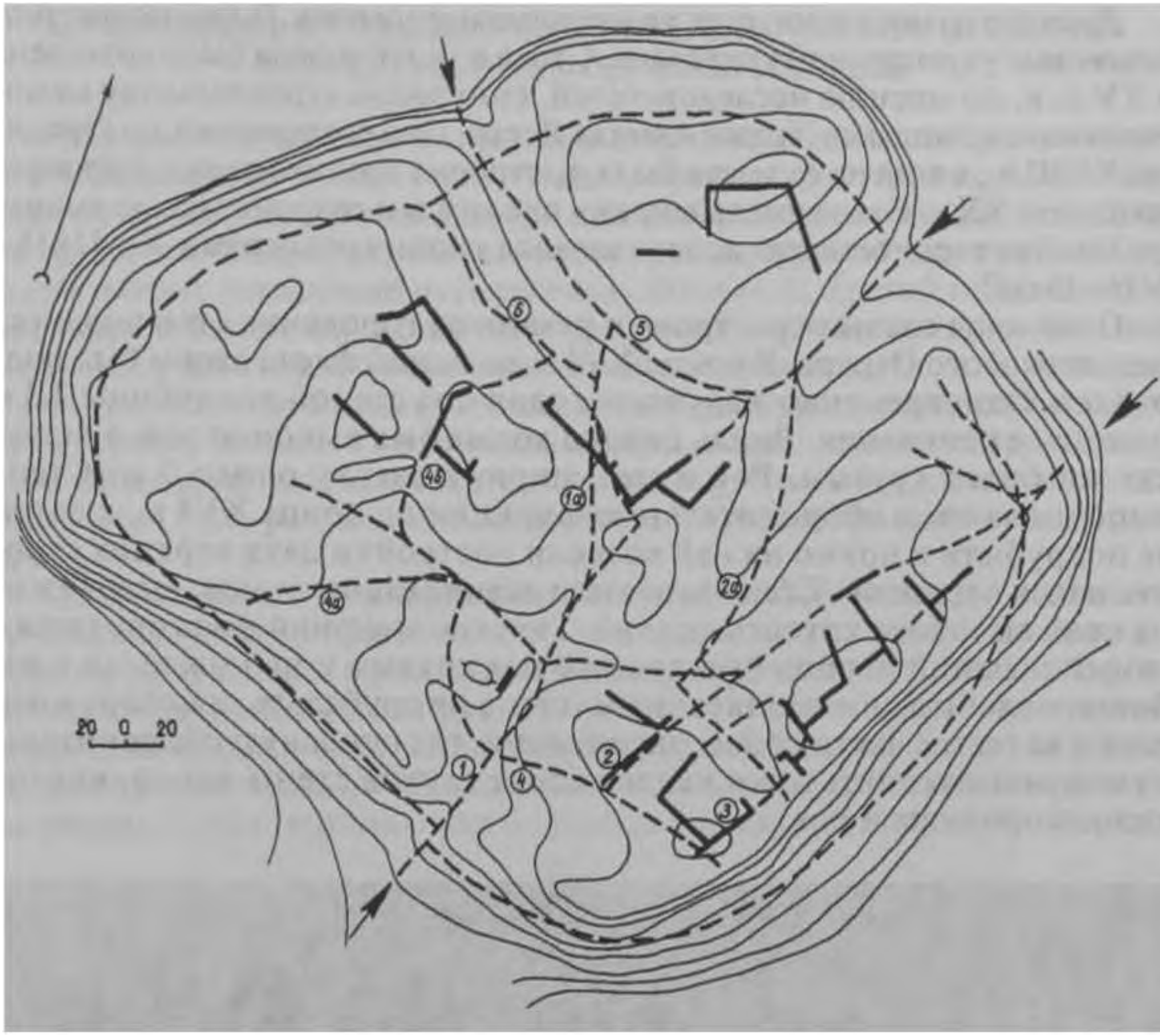
Интерьер жилого дома XVI в. Городище Отрар

В ряде случаев удается проследить рост числа домовладений в кварталах Отрара. Поскольку территория города была застроена крайне плотно и свободных участков практически не было, то увеличение числа домовладений происходило за счет дробления участков. Часто можно видеть, как бывшие склады и дворы перестраивались в жилье. Иногда дом возводился за счет сокращения площади внутриквартальных дворов. Такой путь роста города был распространен и в позднее время.

По мнению исследователей, в историческом прошлом кварталы были территориально крупнее, а их измельчение произошло в результате дробления[81]. Материалы Отрара свидетельствуют о сложности процесса, в ходе которого происходило, с одной стороны, увеличение числа домовладений в кварталах, с другой, отмечена тенденция роста площади городского квартала на протяжении всего средневековья. В период ожесточенной борьбы между правителями за обладание сырдарьинскими городами, в ходе которой, в первую очередь, страдали сами города, каж-

Очаг в доме XVI в. Городище Отрар

Уличная сеть Отрара XIII–XV вв.
——— - раскопанные участки улиц
-------- - улицы, проложенные по данным «аэрофото»
——— - места въезда в город.
① - условные номера улиц

дый из них должен был иметь мощную систему укреплений. Не случайно стены городов, их высота и неприступность, глубина рвов столь красочно описываются в сочинениях позднесредневековых историков. Характеристику городских укреплений Саурана последней четверти XVI в. оставил Хафиз-и Таныш. В их числе он называет крепостные стены с башнями, «входами и выходами», крепостной вал (баре), ров (хандак). «Берега крепостного рва, – пишет он о Сауране, снаружи были так глубоки, что походили на реку... От этого рва до вершины крепости около пятидесяти гязов...»[82].

Остатки крепостных сооружений Саурана до сих пор производят внушительное впечатление. Стена Саурана построена из пахсовых блоков, чередующихся с кладкой из сырцовых кирпичей. Ее сохранившаяся высота и сейчас достигает 6 м. На ней прослеживаются остатки 4 круглых башен. За стеной находился ров глубиной до 3 м, шириной от 20 до 50 метров. К воротам ведут двадцатиметровые узкие проходы, образованные выступающими отрезками стен.

Достаточно мощными, судя по материалам раскопок, были позднесредневековые укрепления Туркестана. Стена вокруг города была возведена в XV в. и, по мнению исследователей, синхронна строительству мемориального комплекса Ходжа Ахмада Ясави. Она сохранялась до середины XVIII в., когда на ее месте была выстроена поздняя стена, стоявшая до начала XX в. Стена имела ширину около 6 м и сохранилась на высоту до 3 м. В ее строительстве использовался кирпич размерами 36–41х18–24х6–13 см[83]

Отмечены следы перестроек и ремонтов городских стен позднесредневекового Отрара. В конце XVI в. внешний фасад стены был подрублен. Одновременно вырублены слои под стеной до глубины 2,3 м и ниже ее основания. Вдоль склона холма был выкопан ров, а склон сделан более крутым. Ров имеет ширину вверху около 5 м. Стена выполняла свои оборонительные функции до конца XVI в., а затем ее подрубили и прямо на ней возвели постройки двух верхних строительных периодов. Стену заменили задние стены домов, выходящие на край высокого крутого склона. Там, где внешний фас городища в самый поздний период был достаточно крутым и не нуждался в работах, подобных вышеописанным, стена не срубалась, а использовалась в качестве части общих укреплений, где основную оборонительную функцию опять-таки несли задние глухие стены домов, крутой склон городища и ров.

Ворота городища Сауран. XVI–XVIII вв.

3. ГОРОДСКОЕ И СЕЛЬСКОЕ ЖИЛИЩА. ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И ДЕМОГРАФИИ ГОРОДОВ

Городское жилище продолжает линию развития предшествующего времени. Выделяются 4 типа жилищ[84]. Для первого характерна осевая (анфиладная) планировка, когда два, три или четыре помещения расположены на одной оси. Второй характеризуется крестообразной планировкой четырех и более помещений на пересекающихся осях. Третий тип имеет «Г»-образную планировку, когда одно из помещений, обычно прихожая или кладовая, расположено к остальным помещениям под углом. К четвертому типу относятся большие многосекционные дома, состоящие из двух, трех и, реже, большего количества секций, объединенных общим двориком. Обычно общий план такого дома прямоугольный, а планировка секций может быть различной — анфиладной, крестообразной и «Г»-образной.

По сравнению с жилищем второй половины XIV – первой половины XVвв., следует отметить появление некоторых новых элементов во внутреннем оформлении помещений. Тандыр переносится из дальнего угла ближе ко входу. Площадка ташнау как бы «стягивает» второе помещение, дворик, либо айван, либо жилое помещение и кладовую. Ташнау не обязательно принадлежность только жилых помещений, есть они в кладовых и во дворах. Суфа, занимающая большую площадь центрального жилого

Ворота городища Большая Кызкола. XVI–XVIII вв.

помещения, приподнята над полом на 30–40 см. В нее вмазан тандыр с устьем, выходящим на край суфы. Дымоход начинается с круглого отверстия в стенке тандыра, он проложен в суфе по самому короткому отрезку до стены или угла. Дымоход соединялся с вертикальным колодцем в стене дома.

Тандыр имел стандартные размеры: диаметр 0,3–0,45 м при высоте до 0,5 м. Стенки его покрывались процарапанными линиями, образующими рисунок волнистых полос. Если в XIII–XV вв. еще встречаются тандыры без дымохода и с топкой сверху, то в домах XVI–XVIII вв. таких тандыров уже нет. Тандыры закрывались крышками. На углу суфы, обычно напротив тандыра, устраивалась прямоугольная тумба размерами 0,5–1,0х0,5–1,0 м,

Кладка городской стены XIII–XV вв. Городище Отрар

служившая площадкой для жаровых углей. В общем интерьере помещения тандыр и площадка ташнау перед ним формируют хозяйственную зону. Здесь на суфе, рядом с тандыром обычно стояла глиняная посуда. На борту или на площадке ташнау лежали жернова от мельничного постава. Встречаются и специальные круглые тумбы для стационарного постава.

В углах жилого помещения устраивались секторальные закрома, вкапывались сосуды типа хумчи, кувшины. Иногда в центральном же помещении, ближе к углу, находился щелевидный погреб. В стенах помещения делались ниши для хранения утвари. Суфы застилались сплетенными из камыша или чия циновками, сверху которых расстилались кошма, ватные одеяла. Отпечатки и тлен циновок, а также куски кошм и ватных одеял обнаружены при раскопках. Кладовые предназначались для хранения запасов зерна, жидких и сыпучих продуктов.

В некоторых домах, их насчитывается до 20%, есть перекрытые навесами дворики двух вариантов. Для первого характерно перекрытие над одной стороной (половиной двора), тогда как другая остается открытой. Под навесом находились суфы с одним или двумя овальным либо грушевидным земляным очагом, а также закрома для продуктов. Второй вариант двора имеет перекрытие с двух сторон, а середина его остается открытой. Открытая часть застилалась обломками жженых кирпичей, а для талых и дождевых вод предусматривались сливные устройства – ташнау.

Кроме двориков, у части домов имелся айван, открытый в сторону внутриквартальной улочки. Он, видимо, использовался в качестве загона для скота. Скот, кроме того, как удалось установить, содержали в специальных помещениях домов или в загонах между домами. На полах таких помещений обычен толстый слой гумуса коричневого цвета. Некоторые помещения для скота имели кормушки.

Планировка и характер сельского жилища мало отличались от городского, но зато в сельской зоне оно входило в состав усадьбы, состоящей из собственно жилого дома, двора и земельного участка. Сельские усадьбы наиболее хорошо сохранились и были изучены в округе Саурана. Они концентрировались в радиусе 1400–1600 м от центральных развалин, образуя застройку с разной системой плотности. Каждая усадьба состояла из дома и участка, окруженного стеной и занятого посевами зерновых, бахчей, виноградником. Площадь усадеб различна. Наиболее крупные из них имеют площадь до 2–2,5 га, средние – 1,0–1,5 га, малые – 0,5 га. Преобладают средние усадьбы. По приблизительным подсчетам, сделанным на основе дешифровки аэрофотоснимков, в округе Саурана было около 350 сельских усадеб[85]

Анализ позднесредневекового жилища показывает его связь с жилищем предшествующего времени. Так, центральное помещение, как и прежде, объединяло в себе жилую и хозяйственную функции. В нем четко выделяются различные зоны: жилая, занимающая всю поверхность суфы, и хозяйственная, расположенная в пределах площадки ташнау участков суфы рядом с тандыром и в углах комнаты.

Однако, наряду с сохранением традиционных черт, в планировке и облицовке позднесредневекового жилища появляются новые черты. В домах увеличивается число помещений (до 5–6), назначение которых не всегда удается определить. Появляется новый тип полузакрытых двориков.

Городское позднесредневековое жилище Южного Казахстана находит достаточно широкие аналогии в соседних регионах. В Хорезме, Ургенче открыты дома XV—XVII вв., обнаруживающие близкое сходство с позднесредневековыми домами Отрара[86]

Заслуживает внимания сходство позднесредневекового жилища с жилищем казахов XIX – начала XX вв.

Изучение быта казахов показало, что на зимовках (кстау) существовали однокамерные жилища, разделенные сырцовой стеной-перегородкой на 2–3 комнаты: жилая половина, кухонная и кладовая. Перегородки высотой до 1,5 м, как правило, не доходили до потолка помещения. Особенность их состоит в том, что они обогревали помещения, так как приставленная к торцу стены глинобитная печь – «казандык» была снабжена дымоходами, которые шли внутри перегородок и выводили дым наружу.

Наряду с этим устраивались обычные печи – казандык с прямым дымоходом. Их использовали в полуземлянках, где дымоход также выводился наружу в виде отверстия в грунте[87]. Видимо, в наличии перегородок с дымоходами и специальных каналов для вывода дыма можно видеть отголоски традиций позднесредневекового жилища[88]

Планировки вытянутых домов типа «коржин-уй» на казахских зимовках близки планировке позднесредневековых жилищ – так называемой «линейной» или «анфиладной». В углах зимних жилищ казахов устраивались зернохранилища и закрома, хозяйственные ямы. В стенах имелись ниши «ойык» для посуды, мелкого инвентаря и светильников[89].

В строительстве и там и здесь использовались «дерновые» кирпичи[90].

Позднесредневековое жилище, как удалось относительно недавно установить, почти без изменений сохранилось вплоть до современности в городах и селах Южного Казахстана, как раз в том регионе, где существовала средневековая городская культура. Достаточно характерен список населенных пунктов, где были зафиксированы такие жилища: Туркестан, Карнак, Икан, Сузак, Чимкент, Сайрам, Манкент, Карабулак, Карамурт[91]. Культуру городского населения этого времени Южного Казахстана надо, видимо, считать сколком средневековой городской культуры, которая являлась одним из составных компонентов культуры казахского народа[92].

Материалы по Отрару, относящиеся к периоду XVI – начала XVIII вв., дают возможность поставить вопросы о социальной структуре городского населения и его численности.

Основным количественным показателем статуса городской семьи является площадь дома, а также такие качественные критерии, как характер кладки стен, использование жженого кирпича, применение в интерьере художественной отделки (плиты для оформления устья тандыра, вымостки ташнау) и, конечно, наличие обнаруженных при раскопках монет, изделий из бронзы, набора поливной керамики. Это обоснованно, поскольку этнографы отмечали, что в XIX – начале XX в. жилища зажиточной части населения по принципу своего устройства не отличались от жилищ людей среднего достатка. Об этом пишут, в частности, исследователи жилища таджиков[93]. В туркменском ауле «дома, в которых живут ханы и ишаны.., отличаются от обыкновенных жилищ только размерами»[94]. При этом нельзя забывать, что каждый дом стоял на городской земле, которая, как отмечают источники, стоила очень дорого и не случайно исследователи внутренней организации жизни средневе-

кового города отмечают, что частная собственность на землю и высокая стоимость земли в городе – ключ ко многим сторонам городской жизни в Средней Азии[95].

Таким образом, следует подчеркнуть, что уже сама по себе общая площадь дома (участка городской земли под ним) – важный показатель общественного положения домовладельца.

Были использованы данные по 231 раскопанному и изученному жилищу Отрара[96]. Выделены четыре группы домовладений: 1-я – свыше 70 кв. м; 2-я – от 50 до 70 кв. м; 3-я – от 30 до 50 кв. м; 4-я – менее 30 кв. м. Принадлежность домов к какой-то из этих групп позволяет определить социальное положение его обитателей. Выясняется, что из 231 дома 78 домов относятся к первой группе, 71 – ко второй, 52 – к третьей, 21 дом – к четвертой.

Первая группа домов характеризуется правильной кладкой стен, качественной обмазкой стен и полов, наличием кирпичных вымостков-двориков, более широким, чем в других домах, использованием жженого кирпича. Мало чем, кроме общей площади, отличаются от домов первой группы жилища второй и третьей, тогда как для четвертой группы домовладений характерна небрежность кладок стен, отсутствие вымосток из жженого кирпича, меньшее количество поливной керамики.

Все это дает возможность интерпретировать дома 1-й группы как жилища зажиточной части горожан; 2-й и 3-й группы – дома среднего слоя городского населения и 4-й группы – как бедной части горожан. В процентном отношении это выражается так: 34% горожан относились к зажиточной, наиболее обеспеченной части городского населения; 56% составляла средняя прослойка и 10% горожан относились к бедной части жителей.

При определении количества городского населения в каждом из населенных пунктов и в целом регионе периода позднесредневековья основную роль играют демографические подсчеты, сделанные для Отрара конца XVI – 80-х годов. XVII вв., которые можно экстраполировать на другие города.

Для исчисления жителей Отрара был избран тот же метод, который применялся для подсчетов городского населения в более раннее время. Цепочка цифровых построений выглядит следующим образом: определение числа домовладений в квартале и численности жителей квартала; определение количества кварталов в городе и число жителей всего города. Площадь жилого квартала Отрара составляет 1200–1300 кв. м (1500 кв. м – средняя). Территория города XVI–XVII вв. равна 20 га, или 200 тыс. кв. м. Четвертая часть ее, согласно общепринятому в науке коэффициенту[97], была занята зданиями общественного пользования, площадями, магистральными улицами. Тогда на оставшейся селитебной площади в 150 тыс. кв. м размещалось 100 жилых кварталов.

В каждом квартале насчитывалось от 6 до 12 домовладений, принадлежавших отдельной семье, состав которой, по общепринятому мнению, равен 5–7 человекам. Что касается многосекционных домов, то в них четко выделяются секции отдельных семей, и, следовательно, в зависимости от количества секций количество людей в них будет в 2–3 раза больше. В квартале проживало в среднем от 45 до 63 человек, а всего в городе насчитывалось 4500–6300 человек или в среднем 5500 жителей.

Такое же количество жителей имели Сыгнак (20 га) и Сузак (22 га). В Туркестане, площадь которого 35 га, насчитывалось 170 кварталов, а в них

проживало 9180 человек. Сауран был вдвое больше по площади Отрара, в нем должно было быть 11000 человек. Сайрам, имевший площадь 28 га, насчитывал 7560 жителей, а всего в центрах вилайетов обитало чуть более 44000 населения.

В Карасамане (6 га), Икане (6,7 га), Карнаке (4,5 га), Карачуке (5 га), Сюткенте (6 га), Аркуке (7 га), Котане (7 га), Узгенте (9 га), Аккургане (8 га) проживало от 1500 до 2000 жителей при числе кварталов от 20 до 40.

В Йаганкенте, Сури, Йункенте, Куджане, Каракуруне и неотождествленных городищах типа Ран, имевших площадь от 1 до 2 га, проживало от 800 до 1000 человек.

Таким образом, число городского населения в период XVI – первых трех четвертей XVII в. в Казахстане не превышало 70 тыс. человек.

4. АРХИТЕКТУРА И СТРОИТЕЛЬСТВО

Письменные источники свидетельствуют о наличии в городах монументальных построек культового и светского характера. К первым относились мечети, медресе, ханака, мавзолеи, которые являлись своеобразными доминантами в городской застройке.

Зайнаддин Васифи оставил яркое описание сауранского медресе, возведенного в городе в XVI в. Оно славилось своими качающимися минаретами: «На плечах его айвана, – пишет Васифи, – поставлены два высоких минарета, необычайной высоты и крайнего благородства, так, что один из поэтов уподобил тот айван «Закхаку со змеями». У «гульдаста» тех минаретов прикреплена цепь, а под куполами каждого минарета пристроено бревно, так, что когда кто-либо с силой приводит бревно в движение, цепь колеблется, и тому, кто находится на противоположном минарете, представляется, что минарет рухнет, и это одно из чудес мира»[98]. Эти минареты стояли еще в середине XIX в. и были зарисованы[99]. Сейчас на месте великолепного ансамбля лежит груда битого жженого кирпича, но до сих пор можно проследить сложную планировку некогда монументального архитектурного сооружения.

Анализ рисунков показывает, что они фланкировали входной портал. Сами они членились на два яруса. Первый завершался выше рамы портала сталактитовым карнизом «гульдаста», а второй венчался куполом «кубба».

«Качающиеся» минареты известны в архитектуре Востока и в более раннее время, например, мечети в Аштарджане (Иран). Тип портала с минаретами «на плечах» известен по сохранившимся памятникам Ирана и Азербайджана. Однако архитектурным прототипом портала Сауранского медресе могли послужить постройки восточно-тимуридской архитектурной школы, возможно, сооружения Самарканда[100].

Археологические раскопки на Отраре вскрыли остатки мечети XVI–XVII вв. Она находилась в юго-восточной части городища, имела прямоугольный план и ориентирована строго по линии запад – восток. Площадь мечети 135,6 кв. м. Фасадом мечеть выходила на небольшую площадь, где сходились три магистральные улицы. Комплекс мечети состоял из зала размером 87,1 кв. м и примыкающими к нему с восточной стороны 6-ю помещениями. Центральный вход, видимо, находился в западной стене, со стороны площади[101].

Понять характер Отрарской мечети позволяет сравнение ее с мечетями позднесредневековой Бухары. В бухарских мечетях имелись специальные

Остатки мечети XVI–XVIII вв. Городище Отрар

помещения для частичных и полных омовений, зимой для омовений готовили теплую воду[102].

Эти помещения были и в Отрарской мечети. Так, одно из помещений служило, видимо, для частичных омовений, а другое – для полных. В последнем имелся очаг для поддержания необходимой для этой процедуры температуры. Здесь же, на очаге, могли варить особую обрядовую еду «халиса», которую раздавали жителям города или квартала. Два помещения, видимо, служили жильем для духовного лица или человека, который обслуживал мечеть.

Не ясно, какой статус имела раскопанная Отрарская мечеть, но, поскольку она единственная на три десятка кварталов, то может быть интерпретирована для этого времени как соборная. Обычные же молитвы жители могли совершать в одном из жилых домов своего квартала, используемого в качестве квартальной мечети.

В числе общественных построек в застройке города, как и раньше, были общественные бани. Такая баня, построенная в XVI–XVII вв., сохранилась в Туркестане до сих пор. Это сложенное из жженого кирпича многокупольное сооружение площадью 400 кв. м. Высота бани от современного уровня поверхности 5 м, баня заглублена в землю на 3 м. Баня имеет 8 помещений: зал для раздевания, предбанные коридоры, центральный моечный зал с суфой для массажа, горячая моечная, еще одна моечная, два санитарных помещения. Водоснабжение бани осуществлялось из колодца. Сточные воды отводились в отстойник, сделанный в 15 м от восточной стены бани. Обогрев бани осуществлялся при помощи воздушных теплопроводов, соединенных с топкой[103]. По своему устройству баня ничем не отличалась от отрарских бань более раннего времени, что вполне согласуется с выводами исследователей, согласно которым искусство возведения бань – одно из основных и

Баня XIII в. Городище Отрар

наиболее традиционных направлений зодчества. В банях столетиями сохранялись неизменными строительные приемы и архитектурные формы[104]

Все постройки XVI–XVIII вв. возведены, в основном, из сырцового кирпича прямоугольной формы различных размеров: 32х25, 25х15, 23–25х20 см при толщине 8–10 см. Кирпичи, как правило, с обильной примесью соломы, но широко использовался и кирпич, который нарезался из дерна. Жженый кирпич квадратной формы (24–26 см при толщине 4–6 см) применялся, в основном, для мощения полов, укрепления бортов суф, устья печей и т. п. Встречаются также глинобитные стены и перегородки. В строительном деле использовались каркасные конструкции в виде одно- или двухрядной опалубки с внутренней перевязкой. Впрочем, насколько широко употреблялся каркас, судить трудно, ибо дерево сохраняется плохо. Система кладки кир-

Интерьер бани XIII в. Городище Отрар

пичей: плашмя с перевязкой, комбинированная кладка из рядов горизонтально положенного кирпича и на ребро с наклоном, встречается также кладка в «елочку». Кирпич связывался глиняным раствором, стены неоднократно штукатурились. В строительстве бань широко использовался водонепроницаемый раствор – кыр, которым обмазывались полы помещений. На него настилали жженый кирпич. Из кыра изготавливались лепные детали – розетки, фигурные плитки, используемые в качестве украшения интерьеров богатых домов, как это было отмечено при раскопках слоев Туркестана XVII–XIX вв. В Отраре была обнаружена мастерская по изготовлению кыра.

Фундаменты стен отсутствуют. В некоторых случаях удается проследить камышитовые прокладки для изоляции стен от почвенных солей.

Известную трудность представляет реконструкция перекрытий. Тщательная зачистка остатков дерева, камыша на полах помещений позволила представить перекрытия следующим образом. В центральных помещениях с печью и суфой находилась массивная деревянная плаха длиной до 1,5 м и толщиной 15–20 см, целиком вмазанная в суфу у борта, напротив прохода в помещение. Положение плахи, которую можно представить в виде опорной базы деревянной колонны, всегда строго определено – это центральная точка помещения. На опорную базу ставился столб, который поддерживал прогонную балку с помощью подбалки трапециевидной формы. На прогонную балку укладывались поперечные жерди и камышитовая кровля, обмазанная глиной. Редко встречаются варианты: в небольших помещениях опорная база в виде плахи отсутствует, колонна устанавливалась в углубление в суфе с прокладкой из жженого кирпича или использовалась каменная база, вмазанная в суфу. Судя по углублению-пазу, основание опорного столба могло быть круглым или квадратным. Одиночными или парными столбами снабжались и фасады айванов, судя по остаткам ямок в полу или каменным подставкам. Дерево и камыш использовались не только в перекрытиях домов. Нередко встречаются деревянные пороги и рамы дверей, камышитовыми циновками выстилалась поверхность суфы.

5. РЕМЕСЛЕННАЯ ЖИЗНЬ

Наибольшее количество данных получено для характеристики гончарства – самого массового вида ремесленной деятельности городского населения.

На Отраре был раскопан квартал гончаров конца XVI – первой половины XVII вв. Наиболее крупная мастерская в нем занимала площадь 105 кв. м. В ее производственной части было 5 помещений. В одном из них находились тандыр и гончарная печь. Печь двухъярусная, со сводчатым подом, в нем расчищено 7 овальных отверстий – жаропроводов. Огневая камера имеет диаметр 1,1 и высоту 0,9 м. В правой стенке топки на глубине 0,4 м от топочного устья был расчищен горизонтальный канал, служивший для подачи дополнительного воздуха в огневую камеру. Дым из огневой камеры выводился через вертикальный дымоход, устроенный в стыке стен дома. Смежное помещение площадью 18 кв. м являлось кладовой, в которой у северо-восточной стены располагались три отсека для хранения сырья. Эта часть мастерской с отоплением функционировала зимой.

Летнее помещение было частично перекрыто легким навесом. В помещении имелось две печи. Одна из них хорошей сохранности. В центре пода жаропровод в виде квадратного отверстия. Топочное отверстие округлой формы, расположено под углом к поверхности двора. Печь, находившаяся в западном углу, сохранилась плохо; ее под крупными кусками обрушился в огневую камеру.

Та часть пола, которая находилась под навесом, вымощена жженым кирпичем. Здесь расчищена диаметром около 1,5 м яма, предназначенная для установки гончарного круга. В мастерской имелись еще два помещения. Можно полагать, что одно из них использовалось для вымешивания гончарного теста, на что указывает ровная утрамбованная круглая в плане площадка, отделенная от остальной части помещения невысоким бортиком и канавкой. При раскопках мастерской были найдены нижняя платформа каменного жернова, каменный тигель с поташными шариками, стекловидные шлаки, наковаленки для формовки сосудов и глиняная «палитра» для красок. Мастерская, видимо, принадлежала двум или даже трем владельцам, дома которых расположены напротив мастерской в этом же квартале. То, что владельцы трех домов были связаны с керамическим производством, доказывают находки инструментов во всех домах и наличие ямы-склада с посудой, расчищенной в помещении одного из домов.

Вторая мастерская расположена рядом с вышеописанной, она состоит из трех помещений общей площадью 56,5 кв. м. Первое помещение открыто на внутриквартальную улочку – это открытый дворик. Еще одно помещение имеет суфу с вмазанным в нее тандыром и было предназначено для производственных операций. В третьем располагалась гончарная печь, занимавшая почти половину площади. Владелец этой мастерской, скорее всего, занимал жилой дом, находившийся напротив, через внутриквартальную улочку.

В квартале была еще одна мастерская, аналогичная вышеописанной. Площадь ее около 77 кв. м. Печь, находившаяся в углу одного из помещений, разрушена, от нее сохранился развал кирпичей. Мастерская могла принадлежать мастеру, дом которого также находился напротив.

Отдельные гончарные мастерские обнаружены в других кварталах Отрара XVII в. Самая большая по площади (около 215 кв. м) мастерская находилась в квартале «V». В ней различаются жилая и производственная части. Производственная состояла из 5 помещений, в двух из которых находились гончарные печи. Назначение других по сохранившимся остаткам интерьера выяснить трудно, можно лишь предположить, что они использовались для хранения сырья, производственных операций, сушки изделий. Одна из гончарных печей была разрушена полностью, вторая, двухъярусная, имела подчетырехугольную форму. Топка соединялась с обжиговой камерой овальным отверстием, расположенным в центре пода. На четыре угла камеры выходят продухи, которые служили вытяжками для дыма и терморегуляторами.

Наряду с крупными мастерскими отмечено мелкое ремесленное производство, когда небольшая гончарная печь устраивалась во дворе дома. Так, в квартале «А» печь стояла в яме овальной формы во дворике двухкомнатного дома. Печь двухъярусная соединялась серией продухов с обжиговой камерой. Загрузка ее производилась через два отверстия сверху. Печь служила для производства небольших стандартных поливных кесе, которые обнаружены

в заполнении печи в виде стопки слипшихся при обжиге изделий и в обломках, вынутых из расчищенных здесь же ям[105]

В квартале «Ф» два небольших домика, состоявшие из небольшого айвана и жилой комнаты, совмещенной с кладовой, имели во двориках маленькие гончарные печи, предназначенные для изготовления малых форм посуды.

Сравнение устройства отрарских гончарных мастерских со среднеазиатскими мастерскими, описанными этнографами, показывает близость их устройства и оснащенности, доходящую до тождественности. Вот описание мастерской Хорезма. Производственное помещение площадью 41 кв. м, темное, с одним оконцем, через которое в мастерскую подавали глину. Рядом с оконцем находился гончарный станок, установленный в яме и состоявший из двух деревянных кругов на вертикальном стержне: нижний служил для вращения, верхний – для формовки изделия. Здесь же рядом устанавливался котел с водой и лежала мокрая тряпка для очистки рук мастера от глины[106].

Гончарные станки и в отрарских мастерских, где расчищены круглые ямы для установки гончарного круга, а рядом вкопаны сосуды для воды, скорее всего, имели аналогичное устройство. В углу хорезмской мастерской, рядом со входами, устраивался навес для сушки изделий, рядом находилась площадка для вымеса глины. Печей в мастерских обычно две, та, которая работала зимой, находилась в помещении, летняя – во дворе. Такое же разделение печей на летние и зимние прослежено в крупных мастерских Отрара. Аналогичен набор гончарных инструментов на протяжении от позднего средневековья к новому времени. Это глиняный черепок (в Отраре встречены костяные пластины) для выравнивания краев сосуда, нож, грибовидные наковаленки различных размеров, каменные ладьевидные сосуды для плавки поливы, пестики для размельчения глазури[107]

Хозяева больших мастерских Отрара могли иметь одного или нескольких учеников и подсобных рабочих. Известно, что в Самарканде XVI в. в ремесленной мастерской были заняты мастер – «устад», ученик – «шагирд» и рабочий – «коргар»[108]. Мастеру подчинялся подмастерье («халпа», «шарик», «зиризаст») – закончивший срок обучения ученик, имеющий опыт самостоятельной работы[109]. В этой связи обращает на себя внимание наличие в мастерских квартала керамистов XVII в., помещений с тандыром, аналогичных жилым комплексам отрарских домов. Здесь, непосредственно в мастерских, могли жить ученики и подмастерья.

Крупная мастерская квартала «Л» могла принадлежать трем хозяевам. Они, видимо, были совладельцами. Кроме них, по крайней мере, две семьи владели двумя мастерскими. Видимо, это тот случай, когда наблюдается ремесленная специализация городского квартала, и предположение о том, что каждый квартал (махалла) в городе был занят определенным ремеслом, приобретает силу факта. Но такое совпадение квартала и его специализации в Отраре XVII в. – единичный случай. Наряду с концентрацией гончарного ремесла отмечено расселение гончаров в других кварталах города.

В квартале гончаров ремесленники, видимо, были объединены в цех, подобный тем, о которых известно по сохранившимся цеховым уставам «рисоля». По свидетельству этнографов, ремесленники Хорезма, принадлежавшие к одной профессии, называли себя «улпагар», что означает «товарищество по профессии». Главой цеха считался «калантар», избиравшийся на цеховом со-

брании. В Фергане старшина цеха назывался «бобо» и «аксакал»[110]. Такие же термины употреблялись в Самарканде[111]. Интересно, что при раскопках Туркестана в слое XIX в. были обнаружены обломки хумов с оттисками штампов, зафиксировавших, в одном случае, имя мастера Йунуса, в другом, его имя и звание: «кулоли калон» – старший гончар. Видимо, мастер Йунус был главой одного туркестанского цеха, так же как ими были калантары Хорезма, «бобо» и «аксакалы» Ферганы[112]. Обычно калантар выдвигался из высшего слоя гончаров[113] Например, калантаром кишлака Каттабаг в Хиве был потомственный усто, влиятельный и богатый бай Таджи-Палван. Он наблюдал за работой мастеров, следил за техникой производства, выступал в базарной торговле как аксакал гончарного ряда, регулировал отношения между мастерами и подмастерьями[114].

Традиции и обычаи цехового строя, зафиксированные рисоля, вырабатывались столетиями и, бесспорно, существовали у гончаров городов Казахстана позднего средневековья. Судя по богатству интерьера одного из домов квартала гончаров, он мог принадлежать главе цеха, который одновременно являлся старостой квартала, поскольку в доме зафиксировано два тандыра, что, на наш взгляд, было присуще домам квартальных старост.

Отмечается и специализация производства. В крупных мастерских Отрара производились в качестве основного товарного продукта изделия определенного характера – водоносные кувшины, двуручные горшки и хумы. Специализированный характер имели небольшие мастерские с печами во двориках. Они выпускали мелкую и неполивную посуду: чаши типа пиалы и кесе, тарелки.

Таким образом, можно отметить, что по сравнению с периодом раннего и развитого средневековья тенденция к специализации городских мастеров-гончаров прогрессирует по мере приближения к новому времени. Это явление подтверждается и этнографическими исследованиями гончарного производства в Средней Азии. Одни гончары делали посуду, другие – трубы для арыков, третьи – тандыры. В свою очередь гончары, изготавливавшие посуду, делились на тех, кто делал поливную керамику и вообще керамику на круге, а также гончаров, производящих крупные формы[115]. Повсеместно отмечалась специализация в производстве неполивной и поливной посуды; специализация на отдельных операциях в процессе изготовления поливной керамики[116].

Как известно, в средневековом городе не было четкого деления на ремесленников и торговцев, большинство мастеров продавало свои изделия прямо из мастерской. В позднее время в Хорезме отмечена частичная продажа товарной продукции на месте и базаре[117]. Продукция могла реализовываться и через скупщиков. Мастера, населявшие квартал гончаров Отрара, могли сбывать товар непосредственно на месте, через лавки, выходящие на магистральную улицу.

Итак, можно констатировать, что гончарное ремесло в позднесредневековом казахстанском городе развивалось в общем русле керамического производства среднеазиатско-казахстанского региона. И если в предшествующее время ответы на вопросы внутренней организации гончарного ремесла во многом гипотетичны, а его специализация только намечается, то во второй половине XIII–XV вв. и особенно в XVI–XVII вв., судя по материалам раскопок, можно оперировать понятиями «сотоварищество, цеховая организация». Наблюдается специализация мастеров на тех или иных видах керамической продукции.

Керамика. Продукция гончарных мастерских отличалась большим разнообразием форм, их вариаций, цветом поливы, красками и элементами росписей.

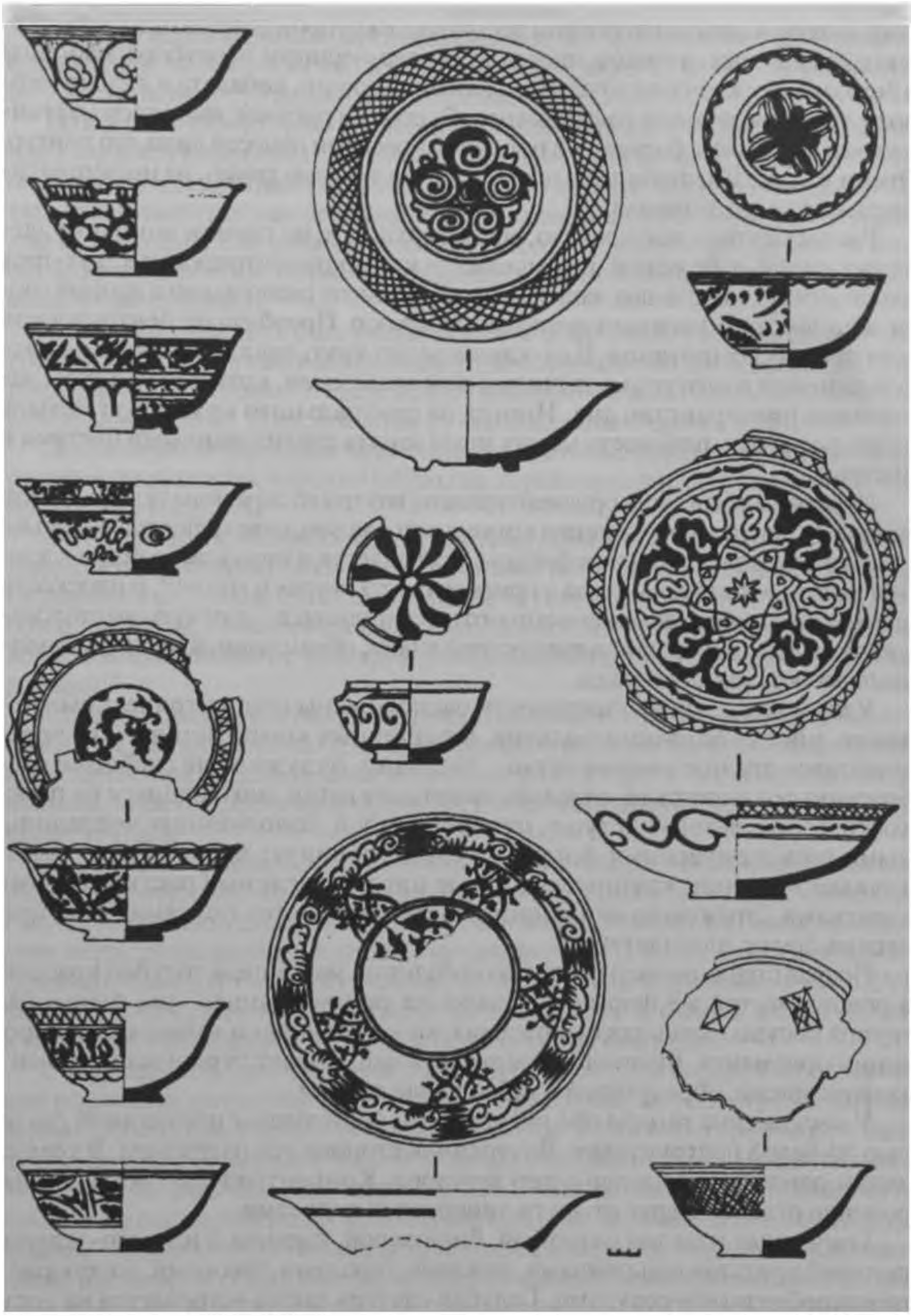
Так, керамика второй половины XV–XVI вв. представлена хумами и хумчами с овальным туловом и невысокой прямой или слегка расширяющейся горловиной. Закраина и основание горловины нередко профилированы глубокими врезными каннелюрами. Водоносные кувшины имеют стандартную форму – овально-удлиненное тулово с цилиндрической горловиной. Плоские петлеобразные ручки укреплены над закраиной и в верхней части тулова. Наиболее многочисленной группой являются горшкообразные сосуды.

Поливная керамика облицована поташными и свинцовыми глазурями поверх светлой ангобированной подгрунтовки. Встречаются бесцветные поливы (иногда грязноватых оттенков) и окрашенные в голубой цвет, более редки поливы кремового цвета, слегка зеленоватого, бирюзового и темно-зеленого. Наряду со свинцовыми поливами во второй половине XV в. широко распространяются щелочные поливы с преобладанием натриевых.

В XVI – первой половине XVII вв. в технологии гончарного производства произошли некоторые изменения. Щелочные поливы становятся ведущими типами глазурей. В качестве красителей для нанесения орнамента применяются окись кобальта, окиси марганца, натрия, калия, цинка, глинозема. Используется окись меди и совершенно исчезают окиси хрома, никеля, сурьмы[118]. Изделия с неокрашенной поливой орнаментированы двухцветной и одноцветной росписью.

Деталь поливного сосуда XVI в. Отрар.

Отрар. Керамика XVI–XVII вв.

Сосуды с двухцветной росписью в основном представлены высокими чашами, пиалами, блюдами. Отмечены также горшкообразные сосуды и крупные толстостенные изделия типа тагора. Сосуды покрыты глазурью по свет-

лому ангобу и орнаментированы росписью, в которой сочетаются цвета марганца (различных оттенков, иногда до лилово-черного) и голубого; марганца и бирюзового; кобальта и голубого или бирюзового, кобальта и лилово-черного; темно-зеленого и голубоватого. Основной рисунок выполнен марганцем или кобальтом, бирюзовой и голубой красками нанесен лишь его контур. Этими же цветами проведены прямые или волнистые линии, не имеющие самостоятельного значения.

Расписывались, как правило, обе поверхности, но главное внимание уделялось какой-либо одной. В композиции узор сконцентрирован в двух-трех плоскостях. У небольших чаш основной орнамент расположен в донной части, а по закраине проходит неширокий бордюр. Преобладает центрическая «статичная» композиция. В ее основе лежат круг, овал или спираль с расходящимися изогнутыми линиями или завитками, которые целиком заполняют пространство дна. Иногда от центрального круга идут четыре радиальные оси, плоскость между ними занята стилизованными цветами и листвой.

Изредка донная часть орнаментирована внутри до середины тулова. В этом случае от центра, очерченного кругом или овалом, ответвляются отдельно размещенные растительные фигуры. Встречается и иная композиция в донной части — «отвесная», когда у орнамента есть «верх» и «низ»[119]. В плоскости дна (иногда с добавлением вписанного шестигранника с изогнутыми сторонами) помещен один куст или цветок типа лилии, обрамленный мелкими завитками по окружности кольца.

Узоры на внешней поверхности расположены концентрическими поясами, иногда до самого поддона, в различных композициях. Это чередующиеся стилизованные ветви с листьями, окруженные свободно разбросанными завитками; отдельно «елочные» ветки, находящиеся на плоскости фестончатого картуша; цепочка овалов, дополненных неправильными геометрическими фигурами сверху и снизу; заполненные «звездочками» арочки; крупные овальные плоды с мелкими растительными завитками. Эти композиции иногда ограничиваются поясами геометрических фигур или плетений.

Посуда с одноцветной росписью кобальтом, марганцем, голубой краской, в основном, той же формы и с такой же орнаментацией, как описанная группа посуды. Здесь также преобладают «статичная» и «отвесная» композиции орнамента. Внешняя поверхность чаш бывает украшена поясами с заштриховкой, образующей ромбовидные ячейки.

У сосуда типа тагоры обе поверхности облицованы прозрачной глазурью по белой подгрунтовке. Внутренняя сторона вся расписана. В композиции орнамента выделены дно и тулово. Концентрически помещенные росписи отделены друг от друга линейными полосами.

Гончарные изделия с голубой, бирюзовой, кремовой и темно-зеленой поливой представлены чашами, пиалами, блюдами, тагорами, горшками и горшкообразными сосудами. Голубая глазурь также встречается на сосудах без росписи, но чаще она используется в сочетании с росписью черной краской и марганцем. Имеются изделия, покрытые слегка окрашенной в голубой или зеленоватый тон поливой с росписью кобальтом или марганцем. Мотивы росписей под окрашенными поливами подобны обнаруженным в предшествующей группе керамики.

В целом коллекция поливной керамики имеет аналогии со среднеазиатской керамикой XV–XVI вв., известной по сборам в Южном Туркменистане[120], Самарканде[121], Ташкенте[122], Хорезме[123], Фергане[124].

Для хумов характерно овальное тулово, покрытое косыми насечками или гладкое. На венчиках и туловах иногда нанесены потеки бурой и красной краски. Двуручные горшки, как и прежде, наиболее многочисленный тип неполивной посуды этого времени. Водоносные кувшины имеют овальное с покатыми плечиками тулово, невысокое горло. На стенках в ряде случаев есть потеки темно-коричневой краски или прорезной линейно-волнистый орнамент.

Чаши покрывались розовым или желтым ангобом. Тарелки имеют широкое дно и отогнутые под прямым углом прямые стенки или стенки с характерным перегибом. У столовых кувшинов – узкое горло, переходящее в округлое тулово. Пластинчатая ручка соединяет горло и плечики.

Для поливной керамики характерны также такие формы посуды, как чаши различных размеров, тарелки и блюдца, горшковидные сосуды, тагоры, миниатюрные сосудики.

В это время, особенно к концу XVII в., наряду с керамикой, покрытой высококачественной глазурью, с сочными росписями, распространяется керамика со слабым блеском поливы, «сухостью», «бугристостью», что объясняется не изменением в химическом составе полив, а техникой изготовления компонентов глазурей. Наблюдается застой в производстве керамики[125].

Спектр росписи состоит из черного, голубого, синего, зеленого, коричневого и красного цветов. Элементы росписи растительного и геометрического характера использованы в простых и сложных сочетаниях. По цвету поливы, спектру росписи и орнаменту поливная посуда делится на следующие группы.

Керамика с бесцветной поливой и одноцветной росписью синей краской различных оттенков: от темно-синего до почти черного и от светло-синего до голубого. Роспись представлена растительными мотивами. Керамика описанного типа, подражающая китайскому фарфору типа «кобальт», известного в Средней Азии в XV в., получает наибольшее распространение в XV–XVII вв[126]. В Ургенче, например, она встречена, в основном, в слоях XVII в.[127]. Есть и керамика с бесцветной поливой и полихромной росписью.

Следующую группу составляет посуда с бесцветной поливой и полихромной росписью, для которой характерно преобладание геометрических мотивов. Основным элементом является сетка, ячейки которой могут быть пустыми, а также заполненными точками или растительными завитками.

Керамика последней четверти XVII–XVIII вв. мало чем отличается от комплекса посуды более нижнего строительного периода. Для поливной керамики можно отметить изменения в профилировке поддонов, цветовой гамме и, главным образом, в элементах орнаментальных росписей. Распространяется керамика, основным орнаментальным мотивом которой является солнцевидный знак (басма). Знаки наносились на белый фон марганцевой или голубой краской, компоновались в различных вариантах.

В целом керамика начала XVIII в. характеризуется огрублением форм, тусклостью красок росписей, их упрощенностью, некачественными глазурями, что указывает на упадок керамического ремесла в это время.

Металлургия и кузнечное ремесло. Они, как и прежде, имели в городе широкое распространение. Находки на городищах криц и остатков железоплавильных печей для XVI–XVIII вв. многочисленны. Много таких находок на Отраре, на Бузук-тобе левобережном, Кауган-Ате, Сыгнаке.

Как и в предшествующее время, имелись специальные мастерские по производству сырого железа. В пользу этого свидетельствуют находки в одном из домов Отрара. В поздний период существования дома в конце XVII в. здесь жил мастер, металлург-кузнец, занимавшийся плавкой и обработкой железа. В одном из помещений был расчищен зольник, обломки оплавленных стен сыродутного горна и около 20 кг железа в крицах. В другом помещении расчищена яма, заполненная древесным углем, необходимым компонентом кузницы. В кладовой были найдены лемехи пахотных орудий. Наряду с коваными пахотными орудиями в слое XVII в. на Отраре обнаружены и литые.

Ремесленники также отливали чугунные котлы. Из чугуна делались втулки для колес, как правило, литые. Найдено несколько железных кетменей. Из железа изготавливались серпы и топоры-чоты.

Наиболее многочисленная категория изделий из железа – ножи и их обломки. Набор железных подков показывает, что они были достаточно разнообразны по размерам. Подковывали не только лошадей, но и мулов, и ослов. Из железа изготавливались и другие изделия, необходимые в быту: штыри, кольца от цепей, крючья, гвозди и т. д. Этнографические наблюдения свидетельствуют о специализации в производстве железа и изделий из него. Наибольшая специализация наблюдалась в кузнечном ремесле. В Самарканде XIX в., например, имелись три группы кузнецов – специалисты по мелким изделиям (дверные цепи, подковы, гвозди, удила); мастера, делавшие инструментарий для плотников и каменщиков; ремесленники, изготавливавшие ножи, ножницы, бритвы[128]. В Хорезме выделились группы мастеров, делавших лопаты и кетмени, теша и балта (топоры), подковы, гвозди. Имелись кузнецы, изготавливавшие только серпы (урак)[129].

Медницкое дело, как и раньше, играло большую роль в ремесленном производстве города. О нем известно по находкам бронзовой посуды. Многочисленную группу литых изделий из бронзы составляли различного размера бубенцы и колокольчики. При раскопках Отрара найдены формочки для отливки бубенцов и других изделий.

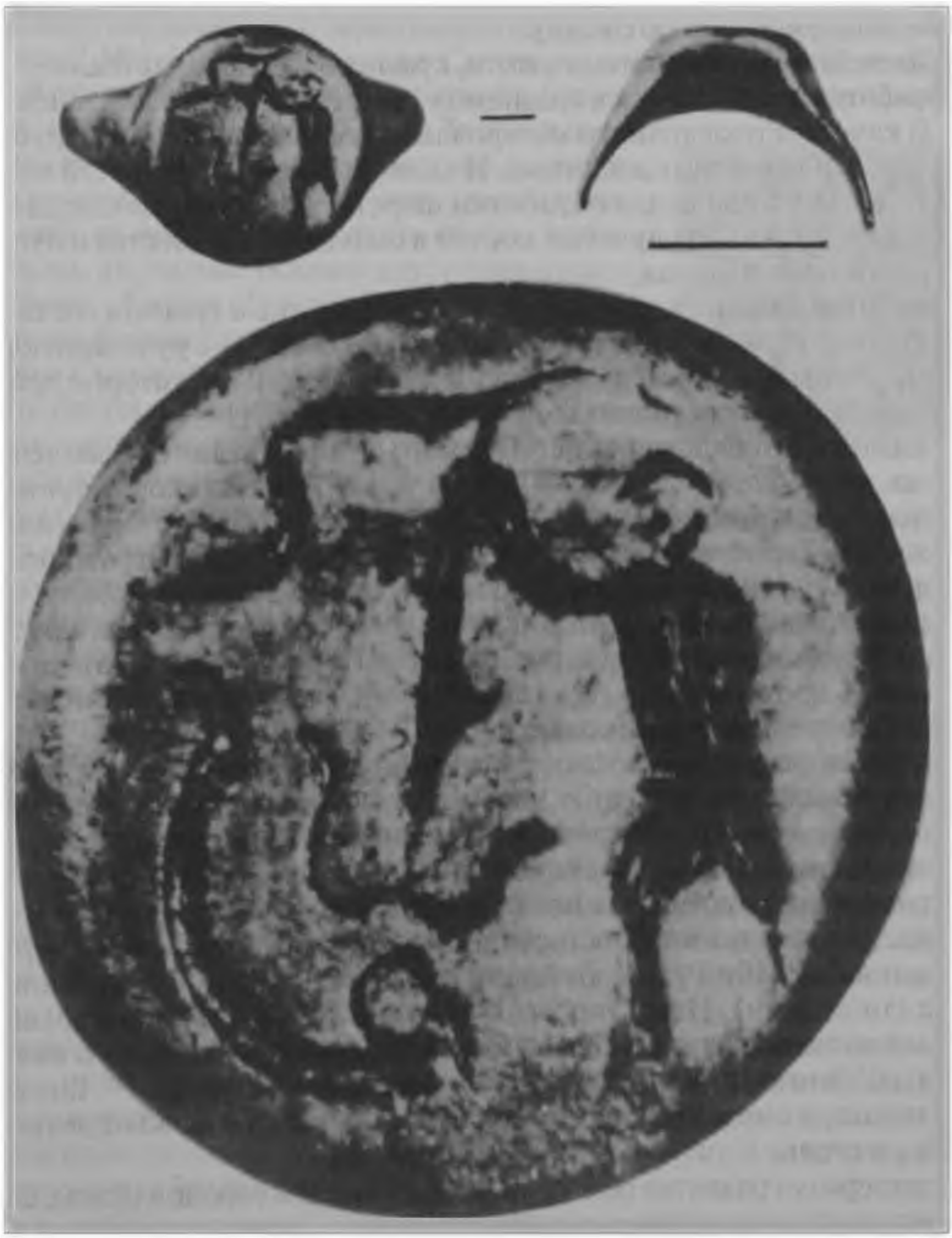
Ювелирное ремесло. Серьги, браслеты в своем большинстве найдены в обломках, но есть и целые экземпляры. Интересны браслеты, украшенные растительным орнаментом и точечной чеканкой. Концы браслетов иногда оформлялись в виде головок змей. Из серебра изготавливались перстни, серьги. На щитке одного из найденных перстней выгравировано изображение человека, убивающего змея. Ювелиры широко использовали в производстве цветной камень: сердолик, огненный опал, яшму, нефрит, агат, гагат, серпентинит, горный хрусталь. Камни применялись для изготовления бус, вставок в перстни, а также как поделочный материал для самих перстней.

Выделяется группа ромбовидных подвесок из серпентинита, яшмы, нефрита и лазурита. Бусы из цветного камня, главным образом, из сердолика и огненного опала, обычно многогранные, бипирамидальные, либо шестигранные удлиненные. В коллекции собранных бус есть многогранные и шести-

угольные бусы из лазурита, круглые из горного хрусталя, белого кварца. Две крупные бусины величиной со сливу и такой же формы изготовлены из серпентинита и песчаника.

Из цветного камня изготавливали также застежки, бляшки и другие вещи: таковы, например, фигурная нефритовая накладка пояса, агатовая застежка и нефритовая пуговица.

Ювелирное ремесло, как свидетельствуют обнаруженные при раскопках изделия, характеризовалось высоким уровнем развития. Мастера знали и применяли различные технические приемы: ковку, литье, чеканку, штамповку, гравировку, накладную скань, позолоту, насечку серебром. Им был знаком способ изготовления серебряной и бронзовой проволоки, гранение и шлифовка, сверление цветного камня.

Серебряный перстень XVI в. Городище Отрар

Традиции высокоразвитого ювелирного искусства сохранялись и развивались в Казахстане в XIX – начале XX вв. Зергеры – ювелиры – выделялись из массы других ремесленников. Их продукция успешно выдерживала конкуренцию с привозными изделиями[130]. Важно подчеркнуть самобытность многих украшений, их форм, типов узора, которые имеют архетипы в искусстве ремесленников средневековых городов Казахстана.

Стеклоделие. Из стекла изготавливали посуду и украшения (бусы, подвески). Стеклянная посуда представлена кружками, чашами, бокалами, графинами. Стекло белого и зеленого цвета. Стеклянные бусы изготавливались из голубой или синей рыхлой стекловидной массы. Наиболее многочисленными являются бусы из разноцветного стекла с инкрустацией в виде колечек, разводов, геометрических фигур. Встречены так называемые «пупырчатые» бусы. Они представляют собой гроздь мелких бус, наваренных на центральную крупную бусину.

Найден бисер из зеленого, желтого, красного и розового стекла.

Обработка кости являлась традиционным ремеслом в казахстанском городе. В качестве поделочного материала использовались рог и трубчатые кости диких и домашних животных. Из длинных берцовых костей лошадей и коров делали лощила для обработки шерсти, приспособления для детской люльки (сувак). Из лучевых костей в большом количестве изготавливались проколки и шилья.

Обработка камня. Ручные жернова из песчаника и гранита составляют при раскопках одну из наиболее частых находок. Наряду с ручными поставами обнаружены остатки жерновов диаметром от 1 до 1,5 м, которые приводились в действие усилием впряженного животного.

Из камня изготавливались песты самого разнообразного назначения, от крупных, длиной до 30 см и весом до 5 кг, до мелких пестиков. Крупные использовались для дробления руды, они обычно встречаются с ямами для выплавки железа. Терочки – каменные ядрища различного диаметра из песчаника, кварцита, судя по их обилию, широко служили в хозяйстве и быту, например, для растирания компонентов поливы, дробления песка. Многочисленны находки точильных камней различной формы и размеров. Можно отметить архаичность производимых из камня изделий, сохранявших свой облик на протяжении всего средневековья.

К сожалению, сохранилось очень мало изделий таких широко распространенных ремесел, как ткачество, ковроделие, производство изделий из кожи. То, что в городах имелись ткачи, производившие ткани, подтверждают находки напряслиц, отпечатки тканей на суфах, куски ватных одеял, обрывки сгоревшей хлопчатобумажной грубой ткани.

Известно, что ткани являлись одним из важных предметов торговли с кочевниками. Ибн Рузбихан пишет о спросе кочевников на ткань типа карбас (типа бязи). Известно, что из Бухары, Самарканда караванами отправляли ткани в казахстанские степи, а также «красивые и изящные товары, особенно хорошие платяные и ковровые изделия...»[131]. Вне всякого сомнения, и сырдарьинские города производили и вывозили ткани на продажу в степь.

Характеризуя развитие ремесла в средневековом городе в целом, следует отметить его поступательное развитие.

6. ТОРГОВЛЯ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Новым явлением в международной торговле второй половины XV–XVIII вв. явилось налаживание торговых отношений Средней Азии и России через казахстанские степи и туркестанские города. Торговля с Россией становится важным фактором в развитии экономики. К 90-м годам. XVI в. Россия пытается установить политические связи с казахстанскими ханствами[132]. Торговые и дипломатические отношения России и Средней Азии через Казахстан оживились в XVII–XVIII вв.[133]

Русское государство получало из Средней Азии бумажные ткани, хлопок, шелк-сырец, драгоценные камни, восточное оружие. Через Среднюю Азию в Россию попадали китайские товары. Россия вывозила в Казахстан и Среднюю Азию сукна, атлас, зеркала, меха, серебро[134].

Торговые караваны шли через казахстанские города – Сузак, Карачук, Туркестан[135]. Ибн Рузбихан называет Сыгнак торговой гаванью Дешт-и Кыпчака[136]. В эту страну, описывая Сыгнак, сообщает он, «...со стороны Дешта, из Хаджи Тархана доставляется множество благ, жирных овец и другие ценные товары, как то: шубы из меха, киша и тина, то есть соболя и белки, тугие луки, стрелы из белой березы, шелковые ткани и другие драгоценные изделия... Купцы областей Туркестана, Мавераннахра и с Востока до пределов Кашгара, Хотана привозят в Сыгнак товары этих стран и совершают с людьми Дешта торговые сделки и обмен»[137]. «В город Йасы, – отмечает тот же автор, – привозят товары и драгоценные изделия, и там происходит торг, и он (город) является местом развязывания грузов купцов и местом отправления толп путешественников по странам»[138].

Медная монета г. Ясы (Туркестан). XVI–XVIII вв.

Данные восточных источников подтверждаются археологическими находками. На городищах Отрар, Туркестан, Сайран найдены китайский селадон и фарфор XVI–XVII вв.[139]

Наряду с международной торговлей существует традиционная торговля сырдарьинских городов с кочевым миром и местная торговля. Из степи везли скот, кожи, шерсть, готовые изделия. Так, в сочинении Сейфи, написанном в 1582 г., есть интересные сообщения о торговле казахов. Он пишет: «У них много баранов, лошадей и верблюдов. Их кафтаны сделаны из овечьей кожи, они окрашиваются в разные цвета и становятся похожими на атлас, их привозят в Бухару и продают по той же цене, что и кафтаны из атласа, настолько они элегантны и красивы»[140]. Из сырдарьинских городов в степь шли хлеб, продукты городских ремесел, ткани.

Торгово-экономические связи имели для той и другой сторон важное значение, и не случайно, желая ослабить могущество казахов, Шайбани пытался запретить казахам торговать в городах. Стремление казахов обеспечить постоянство торговых связей с городами было одной из причин борьбы казахских и узбекских ханов.

Города снабжали окрестное земледельческое и кочевое население необходимыми товарами через базар. Базары представляли собой крытые ряды

улиц. Дукан-лавка обычно принадлежала мастеру-ремесленнику, и она часто служила и мастерской, и местом торговли. Среди документов архива хивинских ханов перечисляются ремесленники, платившие «тейджай» — пошлину за место на базаре. В городах, как отмечалось, имелась прослойка скупщиков ремесленных изделий — «ва-фуруш», специализировались на скупке по видам изделий[141]. Наличие дуканов в городе Туркестан подтверждается сведениями письменных документов, имеющих отношение к вакфам мавзолея Ахмада Ясави. На Отраре при раскопках выявлены торговые лавки, выходившие на улицу.

О размерах международной торговли и торговли городов с округой, между отдельными сырдарьинскими городами можно судить по нумизматическому материалу, главным образом, из раскопок Отрара, Туркестана, Саурана.

Из Отрара происходят многочисленные находки медных монет, которые можно условно разделить на две группы. К первой относится чекан Ясы (Туркестан) и Ташкента[142]. Вторая группа включает в себя монеты среднеазиатских городов (Бухара, Самарканд и др.). Медные монеты с указанием монетных дворов Ясы и Ташкента представляют собой типологически однородный комплекс и составляют основу монетных кладов из Туркестана и Отрара. Нередки и отдельные находки таких монет на городищах. На них не указаны имена правителей и годы чеканки. Однако, учитывая синхронный археологический материал, можно полагать, что монеты обращались в XVI–XVII вв.

К продукции туркестанского монетного двора относятся, возможно, и мелкие медные монетки. На них вместо надписей часто вбиты различные знаки, аналогичные тамгам, изображавшимся на керамической посуде[143]. В городе Ясы выпускалась серебряная монета от имени Искандар-хана, отца Абдаллаха II (1560–1583 гг.)[144]. Две монеты этого хана были обнаружены на городище Ран[145]. Абсолютное преобладание медного чекана в находках, датируемых XVI в., заставляет считать, что в этот период медь играла определяющую роль на городском рынке Отрара. Такое положение характерно для всей Средней Азии того времени.

Вопрос об обращении медной монеты периода XVII–XVIII вв. является малоизученным в нумизматике. Подавляющая часть позднесредневековой меди не имеет четких признаков. Медные монеты четырех кладов из Отрара делятся, в основном, на три группы, представляющие чекан Ташкента, Ясы и неопределенного пункта; медные заготовки без следов штемпеля, которые можно считать равноправным средством денежного обращения[146].

Самую многочисленную группу составляют анэпиграфные монеты. На одной их стороне изображен зверь, на другой – птица, у некоторых монет со зверем вторая сторона гладкая. Аналогичный чекан представлен в материалах с территории Ташкентской области. Вполне вероятно, что некоторые из названных типов монет можно отнести к ташкентскому и туркестанскому чеканам казахских ханов. Основание для датировки медных кладов дают содержащиеся в одном из них тридцать русских копеек с именами царя Алексея Михайловича, чеканенные в 1655–1663 гг.[147]

Безымянный чекан городов был практически лишен каких-либо политических и фискальных целей и предназначен только для обеспечения рыночной торговли, игравшей роль в жизни городов.

Время с конца XVII в. связано с угасанием жизни Отрара, Саурана, Сыгнака, Аккургана, Узгента, что отражено и в нумизматических находках с этих городищ[148].

7. ИРРИГАЦИЯ И ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

В жизни средневековых горожан подсобные занятия земледелием играли важную роль. Они имели за городом участки обрабатываемой земли, куда переселялись летом. Эта черта быта сохранялась в Казахстане на всем протяжении средневековья. Земледелие и скотоводство были основными занятиями селян. Письменные источники называют, в первую очередь, каналы, которые снабжали население водой и служили для орошения пашен.

Город Туркестан являлся центром обширного и богатого земледельческого округа.

В окрестностях Саурана в XVI в. существовала и действовала, как пишет Васифи, кяризная система орошения, остатки которой были обнаружены археологами. На местности следы кяризов представлены цепочками оплывших вентиляционных колодцев. Исток первого (восточного) кяриза находился в районе городища Мыр-тобе. Кяриз прослеживается на расстоянии 0,5 км. К его главному руслу идут два притока с восточной и западной сторон. Второй кяриз (западный) прослежен на участке в 1,5 км[149].

В Сыгнаке, сообщает Ибн Рузбихан, поля орошаются выведенными из Сейхуна арыками[150]. В грамотах из Сыгнака названы арыки Кызылтал, Чихил-Тургай, Ордакент, Калта-Джалгийа, Джулак, Жинг-Булак, Арсланды, а также источники Токтамыш, Хараш, Хисарчук[151].

Археологические исследования в районе позднесредневековых городов левого берега Сырдарьи Куджана, Аркука, Узгента, Аккургана свидетельствуют о том, что орошение здесь базировалось на магистральных самотечных системах, начинающихся в основном русле реки. Эти города также были крупными производителями сельскохозяйственной продукции и, прежде всего, зерна. Известно по сведениям Ибн Рузбихана о снабжении отрядов Мухаммеда Шайбани зерном и фуражом в Аркуке[152]

В предгорных районах для орошения использовались воды горных рек, а также широко практиковались посевы под богару.

Вблизи Сайрама находились массивы орошаемых земель. Вода на них поступала из Аксу, Сайрамсу, Бугуни. Письменные источники свидетельствуют о производстве в Сайраме пшеницы, ячменя, проса и овса. Как отмечают источники, Сайрам также давал зерно войску Шайбани-хана.

В конце XVI в. сюда же посылал за зерном для своей армии Абдаллах-хан, осаждавший Сауран[153].

Отрар, Отрарский оазис в XV—XVIII вв. получали воду из системы Тимур-Арык, голова которого находилась на Арыси. Общая протяженность магистрального канала свыше 40 км, при длине холостой части 10 км. Предположительная площадь орошения канала максимально достигала 250 кв. км, или 25 тыс. га[154].

Все эти данные свидетельствуют о большой роли земледелия в жизни городов и сел. Исследователи городской жизни, опирающиеся на сведения восточных источников, прямо указывают на полуаграрный характер городов,

особенно подчеркивая тот факт, что городское население облагалось поземельным налогом харадж и платило подати, связанные с земледельческими занятиями: «мардикар» – налог для работ по устройству и поддержанию в порядке оросительной сети и «тагар» – продовольствие для войск в виде хлеба и фуража для верховых и вьючных животных[155].

Археологические раскопки подтверждают важную роль земледельческих занятий горожан, которые в это время как никогда раньше становятся одной из важнейших функций городов. Так, в это время отмечен рост площади домовладений, который происходит за счет айванов, двориков, кладовых, помещений для скота. Это свидетельствует и о некоторых переменах в хозяйстве городского населения. Хозяйственные дворики, частично закрытые навесами, большие кладовые для зерна и сельхозпродуктов, появление специальных помещений для скота в позднесредневековом Отраре показывают усилившуюся в это время аграризацию города.

В кладовых держали зерно, сухофрукты. Для хранения зерна и муки использовались также хумы и зерновые ямы. В некоторых закромах обнаружены и плодоножки винограда (видимо, в них хранили сушеный виноград), в других, зачастую очень небольших, возможно, держали различного рода пряности. О возделывании хлопка свидетельствуют находки семян и коробочек этой культуры.

Палеоботаники смогли определить по остаткам зерен, мякины, соломы, найденных в раскопках, такие культурные растения, как пшеница, рис, ячмень, овес, просо, маш, тагар, анис, виноград, арбузы, дыни, урюк, яблоки.

Интересную информацию удалось извлечь, подсчитывая объем зерна, хранившегося в домах Отрара XVI–XVIII вв. Выяснилось, что, кроме годового запаса зерна на одну семью, в каждом третьем доме Отрара хранилось около 5–8 тонн зерна. Это заставляет предположить, что треть горожан была связана с товарным производством зерна[156].

Таким образом, и письменные источники, и археологические материалы свидетельствуют о возросшей аграризации позднесредневековых казахстанских городов, одной из функций которых становится не только роль посредника в продаже кочевникам зерна и хлопчатобумажных тканей, но и производство этой продукции: хлопка, зерна и других продуктов земледелия.

Важно, что особенностью материальной культуры второй половины XV–XVIII вв. является ее традиционность. Представляется особенно важным развитие этой традиции в культуре собственно казахов. Многое из того, что было создано в средневековом городе, является органической частью культуры казахов.

Характеризуя города и городскую культуру времени Казахского ханства, следует отметить сокращение числа городов, уменьшение их территории и количества населения. Продолжают жить и сохраняют свое значение те города, которые, начиная с раннего и развитого средневековья, были центрами историко-культурных и экономических районов в предгорьях Таласского Алатау, на Сырдарье и северных склонах Каратау. Они были политическими, административными и культурными центрами, выполняли ремесленные, торговые и земледельческие функции. Особую роль в их жизни играли экономические и культурные взаимоотношения с кочевниками. От этих связей во многом зависело и процветание городов.

Периоды подъема жизни городов приходятся на конец XV – начало XVI вв. и на XVII в. Это периоды усиления Казахского ханства. Полученные археологические материалы свидетельствуют о преемственности в развитии градостроительства, эволюции жилища, ремесел. Традиции городской культуры на юге Казахстана оказались очень прочными и живучими и может быть в этом и заключается феномен того, что сырдарьинские города, несмотря на монгольское нашествие, последующие феодальные междоусобицы и войны, оказались такими жизнеспособными.

Упадок городов в последней четверти XVII – начале XVIII вв. прослежен по материалам Отрара, Туркестана, Саурана. Пожарища, разрушенные дома, клады монет – следы набегов джунгар, которые становятся главной опасностью для Казахского ханства. Так, археологические данные подтверждают сведения письменных источников, повествующих о джунгарских погромах Туркестана и Сайрама.

Вместе с внутренними распрями, общим застоем феодальных отношений в позднесредневековой Средней Азии и Казахстане джунгарские нашествия послужили причиной глубокого упадка городской культуры Южного Казахстана.

[1]*Мирза Мухаммад Хайдар*. Тарихи-и Рашиди. Рук. ИВАН Узбекистана. № 1430. Л. 46 а, 174 а; *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI в. (Вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата. 1977, с. 210–272.

[2]*Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965.

[3]Часть их опубликована в отрывках в кн.: Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Составители: *С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин.* Алма-Ата. 1969. Другие, такие как сочинения Ибн Рузбихана Исфахани, Васифи, изданы в переводах и в оригинальном тексте.

[4]Материалы из источников о территории средневекового Туркестана см. *Пищулина К. А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV–XVII веках // Казахстан в XV–XVIII вв. Алма-Ата. 1969, с. 11–13.

[5]*Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йи Бухара. М., 1976, с. 73, 92.

[6]Там же. С. 73–74. Как известно, Ибн Рузбихан дал пояснение, кто назывался в его время узбеками в Дешт-и Кыпчаке: «Три племени относят к узбекам, кои суть славнейшие во владениях Чингиз-хана. Ныне одно [из них]– Шибаниты (Шайбаниды). Второе племя – казахи, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью, и третье племя – мангыты, а [из] них цари астраханские». Там же, с. 62.

[7]Там же, с. 74–75, 140 и др.

[8]*Шараф-ад-Дин Али Йазди.* Зафар-наме. Рук. ИВ АН Респ. Узбекистан. № 4472. Д. 128 а.

[9]Материалы по истории Казахских ханств. *С. 106, 293; Пищулина К. А.* Присырдарьинские города, с. 13–26.

[10]*Байпаков К. М.* По следам древних городов Казахстана. Алма-Ата. 1990, с. 101–107.

[11]*Пищулина К. А.* Письменные восточные источники о присырдарьинских городах Казахстана XIV–XVII вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983, с. 170.

[12]*Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар. Алма-Ата. 1970. Их же: Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата. 1981. Их же. Отрар в XIII–XV вв. Алма-Ата, 1987.

[13]Материалы по истории казахских ханств, с. 29–30, 117–119.
[14]Зайн ад-Дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи'. М., 1972. Т. II, с. 190.
[15]Материалы по истории казахских ханств, с. 103–106.
[16]*Сәйден Жолдасбайұлы.* Жетісу тарихы (XVI–XVIII ғғ.). Алматы, 1996. 103-б.; *Его же.* Материальная культура казахов XV–XVIII вв. Автореферат дисс. Алма-Ата. 1975, с. 23–27.
[17]Материалы по истории казахских ханств, с. 245, 313, 317–319 и др.
[18]*Ерзакович Л. Б.* Жилище Отрара и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на юге Казахстана в XIII–XVIII вв.// Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии, с. 93; *Байпаков К. М.* По следам древних городов Казахстана, с. 97–99.
[19]*Грошев В. А.* Ирригация Южного Казахстана в средние века. Алма-Ата. 1985, с. 147.
[20]Материалы по истории казахских ханств, с. 317–319.
[21]*Грошев В. А.* Ирригация Южного Казахстана, с. 98.
[22]См. *Бартольд В. В.* К истории орошения Туркестана. Соч. т. III. М., 1965, с. 226.
[23]Михман-наме-йи Бухара, с. 75, 77–78.
[24]Материалы по истории казахских ханств, с. 263, 296.
[25]Михман-наме-йи Бухара, с. 75–76.
[26]*Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Позднесредневековый Отрар; Байпаков К. М. По следам древних городов Казахстана; *Бурнашева Р.* К вопросу об экономическом положении позднесредневекового города Туркестана и области (XV–XIX вв.). // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии, с. 52–60.
[27]Михман-наме-йи Бухара, с. 141.
[28]*Ахмедов В. А.* Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра первой половины XV в. // Из истории эпохи Улугбека. Ташкент. 1965, с. 53–54.
[29]Материалы по истории казахских ханств, с. 117–118, 302–305; Михман-наме-йи Бухара, с. 100.
[30]*Мукминова Р. Г.* Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в. Ташкент. 1976, с. 114–126.
[31]Михман-наме-йи Бухара, с. 76, 117.
[32] *Пищулина К. А.* Присырдарьинские города, с. 39–41.
[33]*Бурнашева Р. З.* К вопросу об экономическом положении, с. 52–57.
[34]Михман-наме-йи Бухара, с. 117.
[35] Материалы по истории казахских ханств, с. 28, 306.
[36]Михман-наме-йи Бухара, с. 116–117, 128.
[37]Там же, с. 128.
[38] *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. М., 1982, с. 62.
[39]Михман-наме-йи Бухара, с. 102.
[40]Там же, с. 101–102.
[41]*Мукманова Р. Г.* Очерки по истории ремесла, с. 46–50.
[42]Михман-наме-йи Бухара, с. 101.
[43]Там же.
[44]Там же, с. 102.
[45]*Муканов М. С.* Этническая территория казахов в XVIII – начале XX века. Алма-Ата. 1991, с 5–6.
[46]Михман-наме-йи Бухара, с. 94.
[47]Там же, с. 103.
[48]Михман-наме-йи Бухара, с. 94.
[49]Там же.
[50]*Пищулина К. А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV–XVIII вв., с. 5–49; *Она же.* Письменные восточные источники о присырдарьинских городах Казахстана XIV–XVII вв., с. 165–176.
[51]*Бурнашева Р. З.* К вопросу об экономическом положении позднесредневекового города Туркестана и области (XV–XIX вв.) , с. 58.

[52]*Фазаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йи-Бухара (Записки Бухарского гостя). Перевод, предисловие и примечания Р. П. Джаликовой. – М., 1976, с. 74.

[53]*Пищулина К. А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств..., с. 19–21.

[54]*Байпаков К. М.* О локализации позднесредневековых городов Казахстана. // СА, 1977, № 2, с. 203–205.

[55]*Пищулина К. А.* Присырдарьинские города..., с. 21–22.

[56]*Есжанов А., Ходжаев М.* Арыстанбаб. – Алматы, 1992.

[57]*Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Отрар в XIII–XV вв. – Алма-Ата, 1986, с. 103–112.

[58]Ибн Рузбихан. Ук. Соч., с. 116–118.

[59]*Пищулина К. А.* Присырдарьинские города..., с. 13–17.

[60] Там же, с. 22–24; *Байпаков К. М.* О локализации средневековых городов Казахстана..., с. 201–203.

[61]Ибн Рузбихан. Ук. Соч., с. 140.

[62]*А. Н. Болдырев.* Зайнаддин Васифи. Сталинабад. 1957, с. 161.

[63]*Пищулина К. А.* Присырдарьинские города..., с. 26; Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (МИКХ). – Алма-Ата, 1969, с. 106.

[64]МИКХ. С. 293; *Байпаков К. М.* О локализации позднесредневековых городов Казахстана, с. 207–208.

[65]*Назаров Ф.* Записки о некоторых народах и странах средней части Азии. М., 1968, с. 32.

[66]*Акишев К. А.* Средневековые рабаты и курумы Каратау. // Известия НАН РК, № 5, 1994, с. 39–42.

[67]*Байпаков К. М.* О локализации позднесредневековых городов Казахстана, с. 205–207.

[68]*Сухарева О. А.* К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, 1958, с. 59–62.

[69]*Пугаченкова Г. А.* Зодчество Центральной Азии XV в. – Ташкент, изд. АН УзбССР, 1958, с. 59.

[70]*Сухарева О. А.* К истории городов Бухарского ханства, с. 59.

[71]*Пищулина К. А.* Письменные восточные источники о присырдарьинских городах Казахстана XIV–XVII вв. С. 170.

[72]Там же, с. 170–172.

[73]*Жолдасбаев С.* Материальная культура казахов в XV–XVIII вв. – Автореферат дис... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1975, ИИАЭ АН КазССР, с. 24–25.

[74]Сухарева О. А. Бухара XIX – нач. XX вв. (Позднесредневековый город и его население). – М., 1966, с. 86.

[75]*Сухарева О. А.* Квартальная община позднефеодального города Бухары. – М., 1976, с. 17.

[76]*Беленицкий А. М.* К вопросу о социальных отношениях в Иране в хулагуидскую эпоху. – СВ, V, 1948, с. 117–118.

[77]*Сухарева О. А.* Квартальная община позднефеодального города Бухары. С. 33.

[78]*Там же.* С. 18.

[79]*Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Позднесредневековый Отрар. – Алма-Ата, 1981. С. 87–96.

[80]*Сухарева О. А.* Квартальная община позднефеодального города Бухары... С. 33.

[81]Там же. С. 323.

[82]МИКХ. С. 651, 291.

[83]*Марьяшев А. Е., Мотов Ю. А.* Крепостные стены позднесредневекового Туркестана. // Изв. АН КазССР, сер. обществ., №. 1, 1982. С. 40–46.

[84]*Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Позднесредневековый Отрар... С. 150; *Жолдабаев С.* Раскопки городища Куль-тобе // АО 1973. – М., 1975.

С. 468–469; *Он же.* Городище Ран // АО-1975. – М., 1976. С. 520.

[85]*Байпаков К. М.* Городище Сауран // Памятники истории и культуры Казахстана. Вып. 4. – Алма-Ата, 1989. С. 56–60.

[86]*Федоров-Давыдов Г. А.* 1958. Раскопки торгово-ремесленного квартала XV–XII вв. на городище Таш-Кала в Ургенче // Тр. ХАЭЭ, т. II. С. 506–511.

[87]*Руденко С.* Очерк быта казахов бассейна рек Уила и Сагыза // Казаки. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. – Л., 1927. С. 11–13; *Глухов А. Н.* Зимнее жилище актюбинских и адаевских казаков // Казаки. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. – Л., 1927, вып. II. С. 110–118.

[88]*Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Позднесредневековый Отрар... С. 147.

[89]*Жолдасбаев С.* Жилище казахов Южного Казахстана XV–XIX вв. по данным археологии // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата, 1978. С. 211.

[90]*Руденко С.* Очерк быта казахов бассейна рек Уила и Сагыза... С. 112.

[91]*Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. – Казань, 1886. С. 22; *Юдахин К. К.* Некоторые особенности карабулакского говора. Ташкент, 1927. С. 404; *Жилина А. М.* Традиционные поселения и жилища узбеков Южного Казахстана // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1982. С. 143–144.

[92]*Байпаков К. М.* Некоторые социально-экономические и этнокультурные аспекты в изучении позднесредневекового жилища Южного Казахстана // Известия НАН РК, № 5, 1994. С. 28–29.

[93]*Кисляков Н. А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. – Л., 1969. С. 103.

[94]*Бачинский Н.* Город и аул эпохи Махтум-Кули. – М., 1960. С. 50.

[95]*Большаков О. Г.* Город в конце VIII – начале XIII вв. // *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. – Л., 1973. С. 311–323.

[96]*Байпаков К. М.* Некоторые социально-экономические и этнокультурные аспекты в изучении позднесредневекового жилища Южного Казахстана. С. 29–33.

[97]*Шишкин В. А.* Варахша. – М., 1963. С. 106.

[98]*Болдырев А. Н.* Зайнаддин Васифи. 1957. С. 160.

[99]*Лерх П. И.* Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. – СПб., 1870. С. 13–14.

[100]*Пугаченкова Г. А.* Сауранские башни // Тр. САГУ, вып. VII, 1954. С. 163–167.

[101]*Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Отчет о раскопках на городище Отрар в 1974 г. // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата, 1976, рис. 12.

[102]*Сухарева О. А.* Бухара XIX – нач. XX вв. (позднесредневековый город и его население). – М., 1966. С. 66, 68, 70.

[103]*Проскурин А. Н., Туякбаева Б. Т.* Средневековая баня на территории архитектурного комплекса Ахмеда Ясеви в Туркестане // Архитектура и строительство, вып. 4, 1975. С. 133–138.

[104]*Воронина В. Л.* Об узбекских банях // СЭ, 1951, № 1. С. 131.

[105]*Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Позднесредневековый Отрар... С. 29.

[106]*Екимова Е. Е.* Гончарное производство в Хивинском районе. По материалам поездки в Узбекистан в 1930 г. // Тр. ХАЭЭ, с. IV, 1959. С. 351–352.

[107] Там же. рис. 8, 18; *Джаббаров И. М.* Новые материалы к истории гончарного ремесла Хорезма // Тр. ХАЭЭ, т. IV, 1959, рис. 9; *Он же.* Ремесло узбеков Южного Хорезма в конце XIX – нач. XX вв. Историко-археологический очерк. // Занятия и быт народов Средней Азии. Среднеазиатский этнографический сборник. Тр. ИЭ, т. XCVII, рис. 10, 1971.

[108]*Беленицкий А. М.* Организация ремесла в Самарканде в XV–XVI вв. // КСИИМК, № 6, 1940. С. 46.

[109]*Джаббаров И. М.* Новые материалы по истории гончарного ремесла Хорезма... С. 380; *Пикулин М. Г., Шамансурова А. Ш., Рашидов Р. Т.* Ремесло и мелкая промышленность Афганистана. – Ташкент, 1966. С. 55.

[110]История народов Узбекистана. История народов Узбекистана с древнейших времен до начала XV в. – Ташкент, 1947, т. I. С. 32.

[111]*Пещерева Е. М.* Из истории цеховых организаций в Средней Азии // КСИЭ, т. VI, 1949. С. 34.

[112]*Смагулов Е. А., Настич К. Н.* Гончарные штампы с надписями XIX в. из Туркестана // ИАН КазССР, сер. общ., № 2, 1983. С. 45–50.

[113]*Джаббаров И. М.* Новые материалы к истории гончарного ремесла Хорезма... С. 379–385.

[114]*Екимова В. В.* Гончарное производство в Хивинском районе... С. 348–349.

[115] Там же. С. 347; *Джаббаров И. М.* Новые материалы к истории гончарного ремесла Хорезма... С. 394–395.

[116]*Рахимов М. К.* Художественная керамика Узбекистана. – Ташкент, 1961. С. 24.

[117]*Мукминова Р. Г.* Скупщики товаров и поставщики сырья в Средней Азии XVI в. // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. – М., 1980. С. 154–161.

[118]*Тепловодская Т. М.* Некоторые результаты изучения технологии позднесредневековой керамики Отрара // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. С. 200–205.

[119]*Пугаченкова Г. А.* Самаркандская керамика XV в. // Тр. САГУ. гуман. науки, кн. 3, вып. 17. С. 100.

[120]*Пугаченкова Г. А.* Глазурованная керамика Нисы XV–XVI вв. // Тр. ЮТКАЭ, т. I. С. 400–417, 1949.

[121]*Сухарев П. А.* Два блюда XV в. из Самарканда // Тр. ИИА АН УзССР, т. I, 1947. С. 47–64; *Пугаченкова Г. А.* Самаркандская керамика XV в. С. 91–120.

[122]*Вархотова Д.* Художественная керамика XV – нач. XVI вв. из Ташкента // ОНУз, 1969, № 8/9. С. 86–89.

[123]*Вактурская Н. Н.* Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Тр. ХАЭЭ, 1959, т. IV. С. 334–339.

[124]*Архаров И. Е.* Новые археологические материалы с городища Ахискент XIV–XVI вв. // СМУз, 1969, № 8/9. С. 79–81.

[125]*Тепловодская Т. М.* Некоторые результаты изучения технологии позднесредневековой керамики Отрара... С. 205–206.

[126]*Массон М. Е.* Городища Нисы в селении Багир и их изучение // Тр. ЮТАКЭ, 1949, т. I. С. 93; *Пугаченкова Г. А.* Глазурованная керамика Нисы XV–XVI вв. // Тр. ЮТАКЭ, т. I, 1949. С. 413–416.

[127]*Феодоров-Давыдов Г. А.* Раскопки торгово-ремесленного квартала XV–XVII вв. на городище Таш-Кала в Ургенче // Тр. ХАЭЭ, т. II, 1958. С. 511.

[128]*Джаббаров И. М.* Ремесло узбеков Южного Хорезма в конце XIX – начале XX вв. Историко-археологический очерк // Занятия и быт народов Средней Азии. Среднеазиатский этнографический сборник. Тр. ИЭ, т. XCVII, 1971. С. 82.

[129]Там же.

[130]*Масанов Э. А.* Кузнечное и ювелирное ремесла в казахском ауле // Тр. ИИАЭ АН КазССР, т. 12, 1961. С. 156–170.

[131]*Фазаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме йи Бухара... С. 101–102.

[132]*Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. – М., 1976. С. 32.

[133]*Халфин Н. А.* Россия и ханства Средней Азии. – М., 1974.

[134]*Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XVIII вв. – М., 1979. С. 29.

[135]Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. – Л., ч. I, 1973. С. 265.

[136]*Пищулина К. А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV–XVIII вв... С. 16.

[137]Фазаллах ибн Рузбихан Исфахани. Ук. соч... С. 116–117.

[138]Там же. С. 141.

[139]*Ходжаев М.* Гончарные изделия импортного происхождения из Отрара // Известия НАН РК, сер. общ. наук, № 5, 1995. С. 66–70.

[140]*Султанов Т. И.* Краткое описание сочинения Сейфи. // Известия АН КазССР, сер. общ. наук, № 1, 1970. С. 49.

[141]*Иванов П. П.* Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. – Л., 1940. С. 138–139.

[142]*Бурнашева Р. З.* Клады медных монет из Туркестана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата, 1969. С. 58–68.

[143]*Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар. – Алма-Ата, 1972. С. 199–200.

[144]*Давидович Е. А.* Нумизматические заметки (караханиды, Чингизхан, Шейбаниды) // Изв. АН ТаджССР, отд. общ. наук, № 3 (53), 1968. С. 70–84.

[145]*Бурнашева Р. З.* Монетные находки с городища Отрар-тобе за 1947 г. // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата, 1978. С. 167.

[146]*Бурнашева Р. З.* Монеты из Отрар-тобе (1973) // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата, 1977. С. 32.

[147]*Спасский И. Г.* Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. – Л., 1970. С. 129–132; *Настич В. Н.* К периодизации монетной чеканки Отрара и ее роли в денежном хозяйстве города и области // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. – М., 1980. С. 169.

[148]*Настич В. Н.* К периодизации монетной чеканки Отрара... С. 169.

[149]*Акишев К. А., Байпаков К. М.* Кяризы Саурана. // ВАН КазССР, 1973, № 4. С. 76–78.

[150]Фазаллах ибн Рузбихан Исфахгани. Ук. соч. С. 116.

[151]МИКХ. С. 318–319.

[152]*Пищулина К. А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV–XVIII вв... С. 24–25.

[153]*Там же.*

[154]*Грошев В. А.* Основные моменты динамики оросительной сети отрарского оазиса в XV–XVIII вв. // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата, 1973. С. 140–151.

[155]*Пищулина К. А.* Присырдарьинские города... С. 38–41.

[156]*Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Некоторые аспекты социально-экономической жизни позднесредневекового Отрара // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке. – М., 1979. С. 10–11.

Глава шестая

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

1. СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ И КАТЕГОРИИ

Казахское общество ханского периода состояло из двух основных противопоставленных друг другу социальных групп – ак-суйек (белая кость) и кара-суйек (черная кость), различавшихся не столько экономическими, сколько политическими и правовыми признаками. К ак-суйек относились только Чингизиды, которые назывались султанами, и ходжи, которые считались потомками сподвижников пророка Мухаммада (ум. в 632 г.). Все остальные группы и прослойки общества составляли кара-суйек. Принцип разделения общества на группы по сословному признаку и соединенные с этим признаком различия прав проводились строго последовательно.

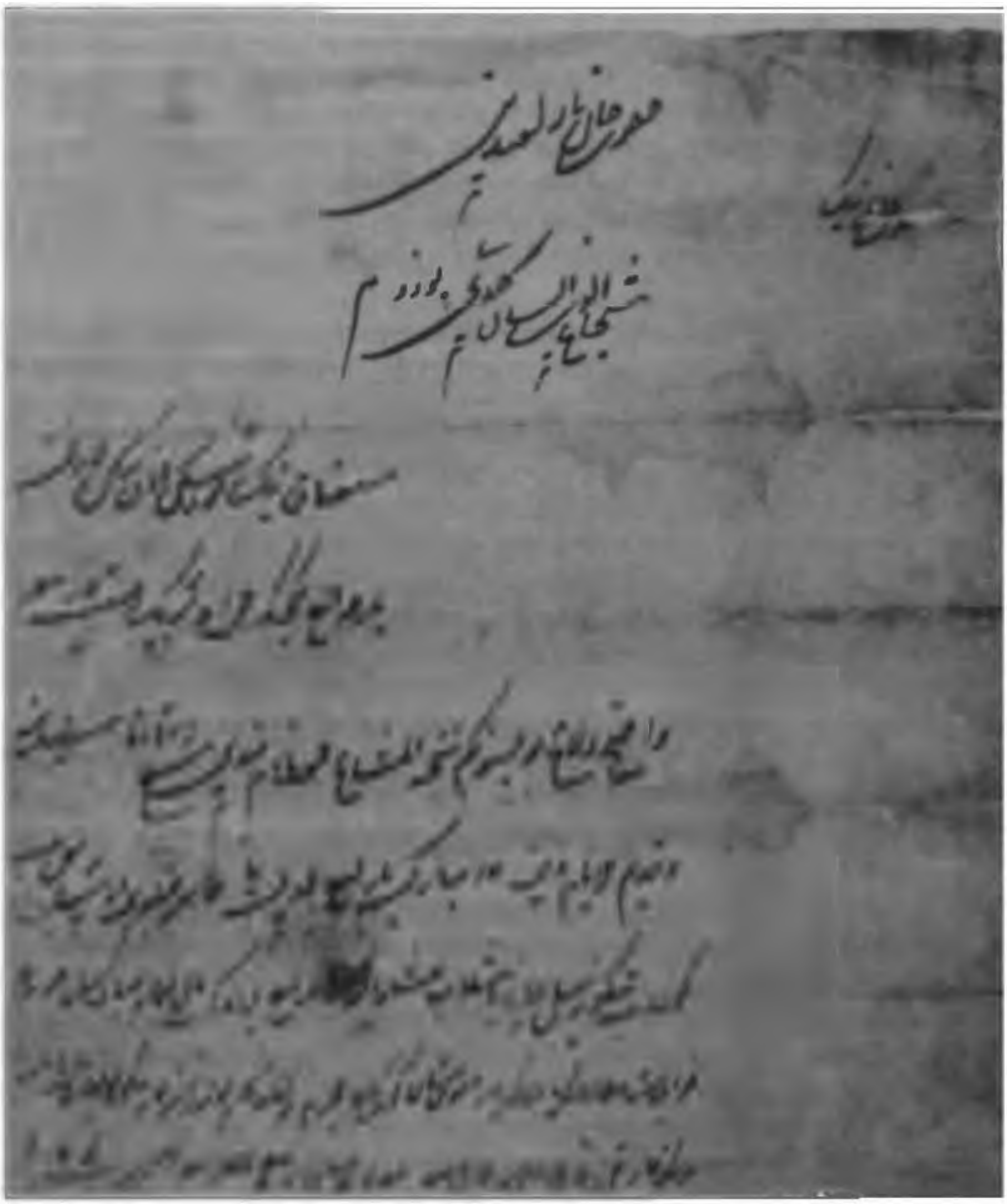
Султаны у казахов сделались аристократическим сословием и в рассматриваемое время представляли самую влиятельную политическую силу казахского общества. Словом «султан» первоначально обозначалось собирательное понятие о верховной власти – владычество, господство, а также власть, правительство. Не ранее середины X в. этот термин стали употреблять и для обозначения персонального носителя светской власти, государя: первыми, кто ввел это слово в официальный обиход и надписи на монетах, были сельджуки. В Османской империи султаном назывался государь. В Казахстане и Средней Азии, по крайней мере со времен кочевых узбеков (XIV в.), слово «султан» было титулом каждого члена династии, происходившей от Чингиз-хана.

Наряду с термином «султан» для обозначения нецарствовавших потомков Чингиз-хана по мужской линии употреблялись термины «торе» или оглан. Однако, слово «торе» служило не только для обозначения султанов, но и более широкого круга лиц, как видных и знатных людей вообще, так и чиновников и судей в частности.

Дети Чингизидов по праву рождения приобретали титул и вместе с ним права, потомственно принадлежавшие этой социальной группе, независимо от экономических обстоятельств, а также нравственных, умственных и физических качеств того или иного лица. Монопольное право на ханский престол сохранялось только за Чингизидами, для которых право правления в силу происхождения превращалось как бы в естественно присущий им атрибут. При этом сфера действия этого права Чингизидов не зависела от существовавших этнических или государственных границ: каждый Чингизид независимо от того, к какой именно династии потомков Чингиз-хана он относился, мог претендовать на ханский титул в любом месте, где со-

хранялись в какой-то мере традиции монгольской империи. Поэтому Чингизиды казахских улусов, например, оказывались то в роли падишаха каракалпаков и киргизов, то в роли подставных ханов Бухары и Хивы. Важно отметить при этом, что султаны сами не были ни казахами, ни узбеками, не относили себя ни к одному из тюрко-монгольских племен, не разделялись на колена. Они были по происхождению Чингизидами, то есть потомками Чингизхана по мужской линии с установившимися наследственными правами на правление. Политическая по своему содержанию и характеру власть Чингизидов, основанная лишь на генеалогическом праве, не имела национального значения.

Права участия в общегосударственном управлении султаны казахских улусов осуществляли, сообща являясь на ежегодно созываемый курултай – собрание, ведавшее делами, касавшимися всех слоев и прослоек казахского общества. Один из пунктов «Жеты-Жаргы» гласил: «Чтобы сам хан, равно

Указ Ишанкельды 995/1587 г. Адресован в Сыгнак

как и все султаны, старейшины и правители родов, собирались осенью в одно место, в средине степи, для рассуждения о делах народных»[1].

Казахи сохраняли традиции степной государственности и не отвергали установившиеся права потомков Чингиз-хана, вследствие которых каждый влиятельный султан претендовал на улус. В каждом известном улусе, описывал Ибн Рузбихан административно-политическое устройство казахов XVI в., есть свой полновластный султан, который со своим народом пребывает в какой-либо местности, «старинном йурте». Правление в улусах давало султанам как военно-политическую власть над улусными людьми, так и фактическое право распоряжения пастбищами, водными источниками и т.п.

Власть султанов имела, таким образом, определенное политическое и территориальное значение, но, согласно традиционным представлениям, власть каждого отдельного султана определялась единственно его принадлежностью к совместно правящему ханством царствующему роду, вне которого его власть не имела ни территориального, ни политического значения. Каждый улусный султан был прежде всего правителем улуса и командовал улусным войском, а не частным владельцем улусной территории на наследственном праве. Верховным собственником всей земли, согласно тогдашнему политическому мышлению, был царствующий род в целом, то есть земля составляла сословную собственность всех Чингизидов вместе взятых, но верховное управление в каждый данный момент осуществлялось одним из них — главой царствующего рода, то есть ханом, которому, если он был достаточно силен, принадлежало и право распоряжения, и право ограничения территории улуса, и даже право отчуждения и передачи улуса другому султану.

Политическая значимость Чингизидов, обусловленная их генеалогией, необходимо порождала ряд возведенных в юридический принцип преимуществ для всех султанов перед другими членами общества, и эти особые преимущества обнаруживались, в частности, в том, что по существовавшему в ханстве закону различно наказывались люди разных социальных слоев за одни и те же преступления, различно карались за нанесенные обиды и оскорбления. «Кто убьет султана или ходжу, — говорится в постановлениях «Жеты-Жаргы», — тот платит родственникам убитого кун за семь человек. Обида султана или ходжи словами наказывается пенею в 9 скотин; а за побои 27 скотин». Из этой неодинаковой в законе оценки ответственности различных слоев общества вытекали неодинаковые их обязательства: султаны не несли никаких (кроме военных) повинностей. Все султаны казахских улусов имели один особенный уран, выражаемый словом «Аркар», которого уже простой народ (кара-суйек) не мог употреблять.

Привилегии султанов перед другими членами общества состояли также в том, что они были избавлены от телесного наказания и не подлежали суду биев. Творить суд над Чингизидами мог только султан или сам хан. Простые люди в обращении не имели права называть их по имени, но вместо имени должны были употреблять слово таксыр (господин). При встрече с султаном всякий простолюдин сходил с лошади и, становясь на одно колено, приветствовал его. Султан в ответ на приветствие клал ему на плечо свою руку. Таким же образом поступали и в юртах. Одним из внешних признаков султанского достоинства считалась белая кошма. В общих собра-

ниях и во всех остальных торжественных случаях все представители белой кости садились только на белые кошмы. Если простой казах присваивал себе из тщеславия титул султана, то подвергался наказанию от 15 до 30 ударов нагайкою. Если же человек черной кости, выдавая себя за носителя султанской крови, женился на дочери или родственнице султана, его подвергали наказанию, выражавшемуся в выплате полного куна, то есть оплаты за убийство мужчины.

Для обозначения различных категорий простолюдинов, в отличие от султанов и ходжей, употреблялось несколько терминов: карачу (караджи), каракиши, кул-кутаны, шаруа, пукара (бухара).

Согласно сведениям источников, карачу – юридически свободное лицо, обладающее личными и имущественными правами. Лично свободный кочевник мог завещать по своему усмотрению имущество, давать свидетельские показания и т.д. Убийство рядового кочевника наказывалось, хотя закон и придавал неодинаковое юридическое значение правам лиц, различавшихся социальным и общественным положением. Но защита свободы личности и имущественных прав свободных лиц обеспечивалась не государственным аппаратом, а исключительно солидарностью членов рода; государство в лице бия только обеспечивало родственникам, например, убитого осуществление права кровомщения, ограбленного – права на баранту и т.д. Таким образом, отдельная личность имела значение только как часть рода, и только род был юридической единицей. Этот характерный для кочевого быта способ осуществления прав приводил к тому, что человек, от которого отступился его род, оказывался абсолютно беззащитным, оставался как бы вне закона.

В отличие от аристократического сословия у представителей кара-суйек прочно сохранялось деление на отдельные роды и племена. Все казахские племена были объединены в три жуза: Улы жуз(Старший жуз), Орта жуз (Средний или Серединный жуз) и Киши жуз (Младший жуз). В дореволюционной исторической литературе вместо жуз употреблялся давно вошедший в русский язык термин орда.

Жузы упомянуты здесь не случайно. В ханстве казахов одним из основополагающих принципов общественного устройства была иерархия родов и племен. Соответственно, общественное положение каждого отдельного представителя кара-суйек, будь он потомственным бием или рядовым кочевником, определялось степенью привилегированности его рода и племени. Наличие же трех жузов делало сообщество казахов глубоко ранжированным сообществом. Согласно этнографическим наблюдениям, порядок старшинства соблюдался: 1) при определении места в боевом порядке; 2) при дележе военной добычи; 3) при вступлении в дом и рассаживании по местам; 4) при открытии торжества; 5) при распределении по качеству кушанья, предлагаемого в гостях и на пирах.

В казахском обществе существовало, конечно, и деление лиц по имущественному состоянию: богатый (бай) – бедный (кедей). Баем, по словам Ибн Рузбихана, назывался всякий «влиятельный богач», владевший большим количеством скота и движимого имущества, включая «дома-повозки». Богатство представлялось тогда неотделимым от власти, и «люди степи», по рассказу Мухаммада Шайбани-хана, «прилагают большие усилия и заботы, чтобы в короткое время от размножения овец собрать огромные богатства и чтобы от разведения мелкого скота добыть в этой бес-

крайней степи большое состояние». Богатейшие из казахов имели десятки домов-повозок, сотни верблюдов, по многу десятков тысяч овец и насчитывали в табунах своих по 15, 18 и даже по 25 тысяч лошадей. Для скотовладельцев богатство служило предметом гордости и тщеславия.

У казахов-кочевников баи составляли довольно многочисленную прослойку общества. Однако здесь следует оговориться, что баи не составляли особое сословие: баи были и среди султанов, и среди биев, и среди рядовых кочевников. Иными словами, баи представляли собой социально неоднородную группу общества. Богатство, материальное благополучие, несомненно, давали огромные выгоды и определяли престиж в обществе. Тем не менее, с большим состоянием не соединялись особые политические права. Значение отдельных баев в обществе определялось значением сословия, к которому они принадлежали. Какой-нибудь султан, например, в имущественном отношении мог быть даже нищим, но он пользовался всеми правами и привилегиями, даваемыми законом этой социальной группе общества в постоянное совместное обладание.

Из социальной группы кара-суйек особыми правами обладали только бии – предводители родов и племен. Слово бий представляет собой позднее видоизменение старого бек и не встречается в источниках ранее XV в., а тюркское слово «бек» соответствует монгольскому «нойон» и арабо-персидскому «эмир».

Влияние биев (беков) определялось как их многочисленностью и силой, так и древностью происхождения и старшинством возглавляемых ими родов. Бии казахских улусов пользовались некоторыми правами: в пределах подвластных им родов только биям (кроме хана) принадлежала и судебная, и административная, и военная власть. Эта власть придавала биям определенный политический вес, который выражался в том, что бии наряду с султанами участвовали в решении общегосударственных дел, сообща являясь на ежегодно созываемое «народное собрание». Наиболее влиятельные родоначальники входили в «совет биев» при хане.

Бий, являясь важным звеном в системе управления ханством, сочетал в себе, таким образом, по меньшей мере четыре качества: военачальник, административное лицо, судья и представитель степной аристократии. Бии – наследники далекого прошлого, поэтому они так органично усвоили все функции управления. Ведь и впрямь бии (беки) Дешт-и Кыпчака древнее Чингизидов. Бии, в противоположность Чингизидам – «наднациональному» сословию, составляли, так сказать, «национальную» аристократию, элиту социальной группы кара-суйек.

Кроме аристократии и простых людей, богатых и бедных, но лично свободных, в обществе казахов-кочевников была категория лично несвободных мужчин (кул) и лично несвободных женщин (кюн) – рабов. Основными источниками пополнения рабов были: плен, работорговля, долговая несостоятельность. Юридически рабы представляли собой самую бесправную группу общества. Само состояние неволи лишало раба преимуществ правоспособного человека, ставило его наравне с вещью, скотом. Раб не мог выступать в качестве свидетеля, не мог жаловаться на хозяина, даже если тот обходился с ним крайне жестоко. Рабы не несли ответственности за свои преступления: она возлагалась на владельцев, которые обязаны были

вознаграждать потерпевшую сторону за убытки, причиненные рабом. В свою очередь, дела, касавшиеся рабов, не подлежали суду биев. За все виды проступка невольника меры наказания определялись хозяином провинившегося. Рабы не несли никаких государственных повинностей. Общая характерная черта всех рабов, которая отличала их от других слоев общества, – личная зависимость от хозяина. Причем зависимость эта была наиполнейшей, и, согласно «Жеты-Жаргы», только владелец раба был властен над его жизнью и смертью. Составляя таким образом собственность владельца, которым могло быть любое свободное лицо, раб служил только своему господину и получал от него известное вознаграждение в виде питания, одежды.

Таким образом, казахское общество ханского периода представляло собой иерархически организованную социальную структуру сословных групп и прослоек, находившихся между собой в тесных и неоднозначных связях. Высшую ступень социальной иерархии занимали султаны и ходжи. Ступенью ниже стояла родоплеменная знать, не принадлежавшая роду Чингизидов. Нижнюю ступень общественной лестницы занимали рядовые кочевники-скотоводы, объединенные в родовые общины. Особую группу составляли рабы.

Вершину всей социальной иерархии представляло лицо, облеченное титулом хана. Только султана можно было провозгласить ханом. Согласно обычаю, преимущественное право на ханское достоинство имел старший в роде, и, например, дядя, брат хана, считался старше всех своих племянников, сыновей хана. Но этот обычай часто нарушался. В действительности верховная власть переходила от отца к сыну. Однако и этот порядок не всегда столь уж строго соблюдался. Из-за отсутствия строго фиксированных законом правил о порядке престолонаследия частым явлением была борьба за верховную власть между несколькими султанами, и почти всякий раз после смерти хана в степи наступали смутные времена. Такими смутами в истории Казахского ханства характеризовались периоды после смерти Касым-хана, Тахир-хана, Шигай-хана, Есим-хана. Кроме того, нередко бывали случаи, когда еще при жизни царствующего хана ханский титул принимали также могущественнейшие из султанов. Поэтому у авторов, хорошо знавших положение в казахских улусах, можно встретить уточнение, что именно такой-то «сейчас является самым старшим из ханов и известнейшим из предводителей Дешта». Иногда даже верховная власть в ханстве в нарушение генеалогической традиции и наследственного принципа переходила от старшей ветви правящей династии к представителям младшей ветви.

При возведении на престол нового государя традиционно соблюдался древний обряд вознесения на войлоке: провозглашаемого ханом султана сажали на тонкий белый войлок, который должен был олицетворять чистоту его намерения, происхождения и богатство его рода, и наиболее влиятельные лица ханства из султанов и биев трижды приподнимали его за концы, провозглашая: «Хан! Хан! Хан!». Едва белый войлок с ханом касался степной травы, как он снова подхватывался подбегавшей толпой, которая вновь поднимала и опускала войлок на землю. Затем войлок, служивший как бы троном, разрывали на мелкие части, и всякий старался унести лоскуток в память о том, что он был участником торжественного провозглашения хана. Этот ритуал, начинавшийся торжественно и упорядоченно, завершался шумным многодневным пиршеством.

В общих чертах характер ханской власти в обществе определялся в средневековых источниках так: хан обязан заботиться о своих подданных, «как мать» о своих детях, а подданные должны считать хана «отцом для себя» и искренне ему повиноваться. Если говорить конкретно, то власть хана определялась известными правами и была связана с исполнением ряда функций. Этих прав и функций хана было по меньшей мере пять.

1. Хан как глава царствующего рода и верховный сюзерен всех казахских племен имел верховное право распоряжаться всей территорией ханства, всеми землями, принадлежавшими улусам, право, которое было следствием его основной функции и главной обязанности – вооруженной защиты страны от внешних врагов.

2. Хану принадлежало право объявления войны и заключения мира, бывшее следствием его функции верховного руководителя войск.

3. Хану принадлежало верховное право ведения переговоров с иностранными государствами, что являлось следствием его функции определять внешнеполитический курс государства.

4. Хану принадлежало право убить или оставить в живых своего подчиненного – право, бывшее следствием его функции верховного судьи. Это право и функции хана четко зафиксированы в памятнике права казахов «Жеты-Жаргы».

5. Наконец, хану принадлежало право издавать законы и обязательные для всех членов общества приказания – право, бывшее следствием его функции сохранять существующее общественное устройство и порядок.

Есть прямые свидетельства источников, где говорится о том, что степного властелина всегда окружала многочисленная группа помощников, советников, военачальников, а также дружина (обеспечивавшая охрану его самого, его семьи и имущества) и челядь (прислуживавшая хану в повседневном быту). Но в то же время в источниках ничего не говорится ни о ханских дворах, ни вообще о постоянном местопребывании казахских ханов до XVII в. Правительственная деятельность казахских ханов, по крайней мере в XV–XVI вв., протекала в разъездах по степи среди кочевий, как это бывало и раньше. «Нужно заметить, – писал, например, И. Шильтбергер о Дешт-и Кыпчаке XV в., – что в этой стране король и вельможи кочуют летом и зимой с женами, детьми и стадами своими, возя с собою все свое прочее добро, странствуя от одного пастбища к другому в этой совершенно ровной стране»[2]. О том, что и в XVI в. казахские ханы постоянно переезжали с одного пастбища на другое, буквально не слезая с седла, можно судить по следующему сообщению Мухаммада Хайдара: вдова Касым-хана жаловалась Тахир-хану, что состарилась и чувствует, что не в силах оставаться в степи. «Я хочу, – говорила она, – чтобы ты доставил меня к моему племяннику Султан Саид-хану, дабы остаток дней моих я могла прожить в городе и провести в спокойствии и без тревог на одном месте»[3].

Постоянный объезд ханом улусов диктовался как необходимостью исполнения им своих функций верховного судьи, главного охранителя и т.д., так и самим образом жизни основной массы тогдашних подданных Казахского ханства. Выше уже отмечалось, что характерной чертой экономики ханства являлось кочевое скотоводство; соответственно, налоговая система для кочевой части населения определялась натуральными видами поставок и взаимных расчетов. А поскольку ежегодный сбор в пользу хана

кочевники-скотоводы выполняли в натуральной форме, то главе кочевников приходилось посещать улусы хотя бы для того, чтобы тут же, на месте умножить свои стада, свое «прочее добро», употребить съестные припасы, перевозка которых в единый центр была невозможной из-за его фактического отсутствия. Описываемое здесь явление из жизни верховного главы кочевников замечательно метко характеризуется словами Шайбани-хана, предводителя кочевых узбеков Дешт-и Кыпчака, сказанными им в одной из бесед автору «Михман-наме-йи Бухара» Ибн Рузбихану: «Столица наша — наше седло».

Но положение постепенно менялось. На рубеже XVI—XVII вв. в руки казахских владетелей перешли Ташкент и Туркестан с прилегающими областями. Эти города по большей части оставались в их власти на протяжении полутора столетий и в XVII — первой половине XVIII вв. являлись местами пребывания казахских ханов и политическими центрами ханства. Там казахские ханы имели «особые дворы», а когда они отправлялись с ордой кочевать в степь, в столице оставались управлять «дядьки их».

Словом, облеченный титулом хана султан представлял собой верховного главу царствующего рода (ак-суйек) и всех подданных ханства (кара-суйек). Однако власть степного хана не соответствовала европейскому представлению о правителе. Эта власть лишь в редких случаях достигала той полноты, которая не допускает разделения ее с какими-либо другими политическими силами внутри государства. В истории Казахского ханства этот редкий случай приходится на период правления Касым-хана (ум. в 1518 г.): по свидетельству Бабура, Касым-хан держал свой народ в строгом повиновении. Тауке-хан также был достаточно сильным государем и, кстати заметить, последним из казахских ханов, чья власть территориально распространялась на все три казахские жуза. Вскоре после смерти Тауке-хана (около 1718 г.) во всех трех жузах появились свои ханы.

Батыры. К группе привилегированных особ казахского общества XVI—XVII вв. можно отнести и батыров. Тюрко-монгольское слово «батыр» (бахадур, багатур) первоначально означало храброго мужа, героя, перед битвой вызывающего врага на единоборство. Со времен Чингиз-хана батыр — один из титулов феодальной иерархии, присваивавшийся представителям «феодализированной военно-кочевой знати»[4], а также почетный титул, получаемый ханом или султанами за личную храбрость в сражении или умелое руководство военными действиями. Например, этот титул носил, судя по личной печати, казахский хан Тауке[5]. Как титул это слово прибавлялось к собственному имени. В некоторых тюркских источниках для обозначения отважных рубак, героев поля брани употребляется также слово алп[6]. Батыр, однако, не только титул храбреца, но и разряд лиц из числа профессиональных военных. Значение батыров — профессиональных военных определялось их ролью в военной жизни, а также близостью ко двору хана или влиятельного султана. Эти батыры в большинстве своем не имели иной власти в обществе, кроме той, которую дают им их личные качества, и потому чаще других выступали в роли узурпаторов права на управление родами. Слава батыров при этом зависела во многом от степных певцов-импровизаторов. В памятнике средневекового туркменского эпоса, например, говорится: «С кобзой в руке, от народа к народу, от бека к беку идет певец; кто из мужей

отважен, кто негоден, знает певец»[7]. Значение батыров усиливалось во время войн и обострения межродовой вражды.

Аксакалы. Аксакал – тюркское слово (букв. белобородый). По сведениям источников, играли определенную роль в политической жизни[8]. К сожалению, из сообщения Искандара Мунши не ясно, кого конкретно он называет аксакалами. По определению В. В. Бартольда, аксакалы – это «лица, фактически, без определенных юридических полномочий, пользовавшиеся почетом по своему возрасту, богатству и прежним заслугам»[9].

Кочевники-скотоводы. Письменные источники почти не упоминают об их жизни. В сводных трудах по истории Казахстана они названы словом шаруа[10] В нарративных и документальных источниках мы встречаем термин карачу (караджи), который употребляется в зависимости от контекста в двух значениях: для обозначения простолюдинов в противоположность аристократии и всего населения государства в противоположность ханскому роду Чингизидов[11].

Политический порядок, действовавший в казахском обществе, как и в любом развитом обществе, строился, надо полагать, на сложном сочетании прав и обязанностей. К сожалению, мы не знаем для рассматриваемого времени конкретных обязанностей лично свободных кочевников и соответствовавших этим обязанностям прав. О некоторых из них сказано выше на основании отдельных положений статей «Жеты-Жаргы».

Старинной по времени и главной по важности повинностью казахов-кочевников была воинская повинность, возложенная на всех свободных лиц в возрасте, дающем возможность нести ее. Мы не знаем, какие именно права вытекали из военных обязанностей (право участия в «народном собрании»?), хотя нам понятен экономический стимул к участию в военных операциях, но уже одна физическая способность нести эту повинность налагала на простых кочевников еще ряд дополнительных обязанностей. Так, по «Жеты-Жаргы», всякий, «могущий носить оружие» (кроме султанов и биев), должен был платить хану и биям двадцатую часть своего имущества ежегодно (ст. 33). Как называлась эта подать, в источнике указания нет. Также неизвестно, как отбывалась эта повинность.

Другой повинностью кочевников-скотоводов была постойная повинность, которую они несли в натуральной форме: население должно было продукты питания, нужные на содержание государя, его семьи и многочисленной свиты, отдавать во время объезда ханом улусов.

Приведем дополнительные сведения о рабах. Для обозначения рабов употреблялось тюркское слово «кул», встречающееся еще в памятниках древнетюркской письменности[12]

На существование рабов в Казахском ханстве XVI–XVII вв. определенно указывают как сведения из «Михман-наме-йи Бухара», так и положения «Жеты- Жаргы». Какой была эта категория улусных людей, до некоторой степени разъясняют, например, следующие положения «Жеты-Жаргы»: «За убитую охотничью собаку или беркута хозяин может требовать невольника или невольницу» (статья 21); «Жалоба раба на господина нигде не приемлется», – гласит статья 16 «Жеты-Жаргы».

2. ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ В ГОРОДАХ И ОАЗИСАХ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА. СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В XV–XVII ВВ.

В отличие от других среднеазиатских городов средневековья, история которых достаточно отражена в источниках и документах и которые сами сохранились до новейшего времени, по истории присырьдарьинских городов XV–XVII вв. имеется немного сведений как в исторических сочинениях, так и в документах (актах, вакфных грамотах, пожалованиях и пр.), а сами они превратились в развалины к концу этого периода. Особенно мало сохранилось материалов в письменных источниках для характеристики социально-экономических отношений в городах Южного Казахстана в позднее средневековье.

Имеющиеся документальные данные и сведения из исторических сочинений позволяют охарактеризовать присырьдарьинские города в XV–XVII вв., т.е. во время их последнего подъема, как типичные средневековые города, характерные для Востока. Они были не так велики и пышны, как столицы среднеазиатских государств – Бухара и Самарканд, как крупные центры удельных владений – Балх, Андижан и другие, но в социально-экономическом отношении они являлись такими же средневековыми городами, тесно связанными со всей системой общественных отношений восточного мира.

Одной из наиболее своеобразных черт феодализма на Востоке является полная зависимость города от феодалов. «Восточный город» приспосабливался к феодальной системе, а не вел с ней ожесточенной борьбы. Феодалы на Востоке господствовали в городе, как и в деревне, и «воздух города» здесь, в отличие от Европы, никого не «делал свободным»[13]. В силу исторически сложившихся условий на Востоке крупное феодальное землевладение (государственное ли, духовное ли, вакф или частная собственность – мильк) всегда сочеталось с мелким крестьянским землепользованием. Феодалы, как правило, не вели своего хозяйства на принадлежавшей им земле, а сдавали ее в аренду мелкими участками крестьянам-издольщикам. Сами же землевладельцы-феодалы жили в городах, в ставках правителей, составляя господствующую городскую верхушку. Феодальная знать подчиняла себе всю городскую жизнь, ремесло и торговлю.

Эта характерная черта восточных (и среднеазиатских в том числе) городов наблюдается и в Туркестане. Более того, именно небольшие размеры этих городов-крепостей, относительно слабое развитие ремесленного производства и тесная связь с земледельческой округой еще более усиливали их зависимость от небольшой кучки местных феодалов и от очередного правителя Туркестана. Одна и та же феодальная знать господствовала и над городом, и над его сельской округой – земледельческими поселениями (в перс. тексте мауза' – местечко, местность, подчиненная административному центру вилайета; дих – деревня, селение[14]); она же владела и окрестными пастбищами (кишлак, йайлак, курук).

Здесь следует подчеркнуть, что хозяйственные функции между тем и другим типом населенных пунктов (т.е. между городом и селением) в Туркестане средневекового периода не очень четко разграничены[15]. Особенно это касается вопросов земледелия. Выше уже отмечалась большая роль земледелия в

жизни городского населения, которое широко занималось им. Часто эти возделываемые земли вокруг города были защищены стеной. Судя по некоторым грамотам (1400–1543 гг. или 1548, 1634 гг.), городское население, занимавшееся земледелием, подлежало обложению поземельным налогом – хараджем, и это подчеркивает роль земледелия в жизни городов Туркестана.

Это сказалось и на терминах, которые применяют авторы нарративных сочинений в отношении присырдарьинских городов. Очень редко употребляется в отношении этих городов термин «шахр» (перс. город). Обычно в восточных средневековых источниках так назывался административный центр вилайета, отличавшийся от окрестных сельских населенных пунктов своими размерами; кроме того, такой центр был обнесен крепостной стеной. Таким термином Ибн Рузбихан называет сырдарьинские города Сайрам, Ясы (Туркестан), бывшие центрами вилайетов[16]. Подчеркивая значение этих городов, он иногда называет их и по-арабски медина – город. Впрочем, Ибн Рузбихан и другие авторы часто заменяют термин «шахр» более распространенным в тюркских языках словом «кал'а», обозначавшим не только собственно крепость, цитадель, но и город вообще, тем более, что средневековый восточный город, как правило, был обнесен крепостной стеной. Термином «кал'а» называются в источниках все крупные присырдарьинские города (центры вилайетов): Ясы, Сайрам, Отрар, Сауран, Узгенд[17]. Так они назывались, очевидно, и местным тюркским населением. В то же время наши авторы относят этот термин и к небольшим населенным пунктам, хотя и обнесенным крепостными стенами, таким, как Аркук, Куджан[18]. В тех же сочинениях крупные центры иногда называют «балада» – городок, местечко (араб. балад, множ.число билад страна, область, город); в форме билад этот термин часто применяется Рузбиханом в отношении Туркестана как области, страны[19]. Но одно дело, когда этот термин употребляется в отношении небольшого населенного пункта, например, Сыгнака, размеры которого уже во времена Рузбихана были незначительны, хотя он и оставался центром вилайета[20], и совсем другое дело, когда тот же Рузбихан применяет этот термин к довольно крупному в то время городу Сайраму («приятный городок Сайрам») или к городу Ясы[21], который он же сам называл столицей местных правителей и который Мас'уд бен Османи Кухистани характеризует как «одну из важнейших крепостей Туркестана»[22]. Иногда же к крупным населенным пунктам прилагался упомянутый выше термин «дих» (поселение, деревня), и В. В. Вельяминов-Зернов переводит его словом «город»[23].

Вариантов различных терминов, применявшихся средневековыми авторами к одному и тому же населенному пункту, можно приводить очень много. Так, Васифи[24] называет Сауран и шахр, и балада, и кал'а, и касаба, хотя последнее может означать как «небольшой городок», так и «большую деревню», «селение». В «Шараф-наме-йи-шахи»[25] г. Сайрам, как и Узгенд, назван, помимо уже указанного слова «шахр», также и термином «маузи'», который означал небольшую местность, земледельческое поселение. Возможно, это говорит о потере Сайрамом к концу XVI в. своего значения, как крупного центра.

Приведенные выше примеры применения различных терминов к одним и тем же населенным пунктам, наблюдающегося у авторов восточных сочине-

ний, и даже у такого сведущего автора, каким был Ибн Рузбихан, лишний раз подтверждает неразграниченность хозяйственных функций между городом и крупными селениями, большую роль земледелия (наряду с торговлей и ремеслом) в жизни городов Туркестана.

Эта существенная сторона в характере присырдарьинских городов способствовала еще большему укреплению в них политического и экономического господства феодалов. Владельцы земельных массивов, как пахотных, так и пастбищных, были одновременно и господствующей верхушкой в городе. В присырдарьинских городах, имевших столь тесную связь с земледелием, хотя и были в значительной степени развиты торговля и ремесло, однако они находились в полной зависимости от феодальных владетелей, извлекавших доходы из ремесленного производства и из торговли как путем тяжелых налоговых поборов, так и путем ограбления городского населения во время бесконечных войн.

Длительное время, как известно, за присырдарьинские города шла упорная борьба между правителями кочевого Дешт-и Кыпчака и оседлых районов Средней Азии. В течение XIV—XVII вв. города Туркестана попадали под власть ханов Белой и Золотой Орд, Тимура и мангытов, кочевых узбеков Абулхайра и Тимуридов, казахских ханов и могулистанских правителей, Шайбани-хана и его потомков, пока, наконец, в них не утвердились казахские ханы. Каждый из этих сменявших друг друга владетелей Туркестана старался выжать из богатого края все возможное, что, разумеется, отрицательно сказывалось на его хозяйственной жизни. Очередной правитель свободно распоряжался завоеванной территорией, превращал ее в целом или по частям в удел кого-либо из членов ханского рода или какого-либо представителя военно-кочевой феодальной знати[26]. В середине XV в. около двух десятилетий городами Сузаком, Сыгнаком и Узгендом правили назначенные Абулхайр-ханом его родственники и сподвижники: Бахтийар-султан, который был сыном двоюродного брата Абулхайра, Манедан-оглан и Ваккас-бий мангыт, оказавшие ему помощь при завоевании части Туркестанского вилайета. При Тимуридах Туркестаном управляли наместники или правители (хакимы). В конце XV в. хакимом Туркестана был известный Мухаммад-Мазид-тархан, сидевший в г. Ясы (Туркестане) и Отраре, а его сын Кул-Мухаммад-тархан правил в Сауране[27]

Так же раздавал завоеванные присырдарьинские города своим близким Мухаммад Шайбани-хан. В период борьбы за Туркестан крепость Отрар была передана им в управление его сыну Мухаммад-Тимур-султану, Сауран-брату Махмуд-султану, затем после ухода узбеков в Мавераннахр правителем всего Туркестана был назначен Шайбани-ханом его дядя Кучкунчи-султан[28]. Когда Кучкунчи стал ханом, Туркестан был отдан им в удел его сыну Убайдулле-султану.

С переходом сырдарьинских городов в руки казахских ханов правителями отдельных городов и вилайетов становились члены ханского рода — султаны. Так, в конце XV в., в период борьбы казахов с кочевыми узбеками Шайбани-хана, некоторое время правителем Сузака был сын Жаныбек-хана Махмуд-султан. Бинаи говорит, что весь Сузакский вилайет был в его «владении», а городом Саураном одно время владел Иренчи-султан, сын Жаныбек-хана. В дальнейшем (XVII в.), когда казахи подчинили Туркестан и Ташкент, также сохранилась удельная система владения теми или иными городами членами

ханского рода. Абулгази сообщает, что в 1625–1626 гг. казахский хан Есим правил в городе Туркестане, в это же время Ташкент принадлежал Турсун-хану.

Пожалования узбекских и казахских ханов в Туркестане их родственникам или представителям кочевой знати были пожалованиями сойургального типа, хотя в приведенных выше и других примерах из источников они не названы термином сойургал. В «Шараф-наме-йи шахи» этот термин встречается в отношении двух вилайетов, переданных в 1579 г. казахскому правителю Хакназар-хану Баба-султаном, который захватил некоторую часть Туркестана после бегства из Ташкента: «[Баба-султан] отдал в сойургал этой толпе, подобной яджуджам, вилайеты Йасы и Сауран»[29]. Но это скорее формальное применение известного автору термина, не отражающего в данном случае суть дела, поскольку здесь речь идет о временной уступке за военную помощь или за нейтралитет захваченных Баба-султаном земель правителю соседних кочевых племен, домогавшемуся той же территории. Хафиз Таныш говорит о том, что казахи теснили Баба-султана из захваченной им территории в Туркестанском вилайете и он вынужден был обратиться за помощью к своему противнику Абдаллах-хану: «Недавно казахские султаны пришли из Дешт-и Кыпчака и требуют землю (вилайет) в этих местах, а у меня нет возможности противостоять [им] и сил для борьбы с ними»[30].

Как известно, сойургал представлял собой форму наследственного земельного владения с налоговым и судебно-административным иммунитетом, широко распространившуюся в Средней Азии и Иране еще в XIV в. Сойургал в XVI в. был условным пожалованием земли членам правящей династии, крупным государственным деятелям и военачальникам с правом управления населением предоставленной территорией; пожалование было обусловлено военной или гражданской службой[31]. Земельные пожалования в Туркестане, которыми наделялись родственники ханов и родоплеменная знать, означали господство военно-кочевой верхушки над местным оседлым населением и рядовыми кочевниками. Раздавая в уделы целые районы с городами, с окрестными земледельческими селениями и прилегающими к ним пастбищами, ханы обеспечивали себе поддержку военно-феодальной знати, удовлетворяли ее не только разовой военной добычей, но и постоянными доходами, поступавшими в виде налогов и разного рода повинностей с городского торгово-ремесленного и сельского земледельческого населения. И. П. Петрушевский отметил сложность отношений кочевой знати и населения земледельческих районов при помощи сойургал, который «в Иране и Средней Азии был формой господства кочевого феодала-завоевателя, тюрка и монгола, над оседлыми земледельцами и формой эксплуатации этих последних»[32]. Владелец крупного сойургала, опиравшийся на подвластное ему кочевое племя как на военную силу, чувствовал себя полноправным владыкой всего района. Особо тяжелой эксплуатации подвергалось оседлое, городское и сельское, население. Приход кочевников в земледельческий район приводил к резкому столкновению интересов земледельческого и кочевого населения. Причиной этому были и нехватка земель для пастбищ, под которые кочевники занимали не только свободные участки, но и возделываемые, орошаемые земли, и прямое изъятие у местного населения продуктов ремесла и земледелия, в которых у кочевников всегда была потреб-

ность. Это противоречие в интересах кочевого и земледельческого населения нашло отражение в упомянутой выше вакфной грамоте Абдаллах-хана от 1598 г., сама необходимость выдачи которой была вызвана жалобой местного сыгнакского землевладельца, садр ал-ислама Маулана Камал ад-дина, на то, что подвластные Абдаллах-хану «кочевые племена» (илатийе) «наносят ущерб землям, [расположенным вдоль] его каналов». Переселение кочевников в земледельческий район приводило к сокращению обработанных земель, по крайней мере, в первое время, хотя в дальнейшем происходил процесс оседания некоторой части кочевников, а следовательно, и расширение посевной площади.

Эксплуатация местного земледельческого населения осуществлялась не без помощи местной городской знати, как светской, так и духовной. На протяжении длительной борьбы за присырдарьинские города дешт-и кыпчакских и среднеазиатских правителей она пользовалась определенной свободой и могла лавировать между противниками, добиваясь определенных привилегий от того правителя, которому в данный момент удалось одолеть своего противника. Примеров тому в источниках немало. Городская знать Сыгнака в лице местного духовного главы, садр ал-ислама Кази Сидик-шайха и бека Чикмак-йузбеги передала Сыгнак, захваченный было Шайбани-ханом в самом начале его появления в Туркестанском вилайете, казахскому хану Бурундуку[33]. В дальнейшем, когда Мухаммаду Шайбани удалось с помощью могульского хана Султан-Махмуда укрепиться на юге Туркестана, в частности в Отраре и Сайраме, «муллы и ходжи Сабрана» изгнали из города тимуридского наместника Кул-Мухаммад-тархана и призвали к себе правителем брата Шайбани-хана[34], спустя три месяца те же муллы и ходжи и старейшины Сабрана сдали крепость осадившим Сауран Бурундук-хану и Касым-султану, которым к тому времени удалось потеснить Мухаммад Шайбани-хана в завоеванных им районах. В источниках встречаются имена отдельных представителей местной знати, примкнувших к Мухаммаду Шайбани или к казахскому хану Бурундуку. Вышеупомянутый Чикмак-йузбеги, согласно источникам, был убит в битве при Согунлуке, где был убит и Эмир Бек-Ата бахадур «из йигитов Туркестана», бежавший из Отрара от тимуридского наместника к Мухаммаду Шайбани[35]. Одну из высоких должностей — садра занимал у Шайбани-хана выходец из Сайрама Шараф ад-дин Абд ар-Рахим[36]. К Шайбани-хану после завоевания им Мавераннахра присоединились многие представители знати Туркестанских городов, ранее удалившиеся по разным причинам в тимуридские владения[37].

Поддерживая завоевателей, местная знать сохраняла свою земельную собственность и получала от них различные привилегии: освобождение от налогов, институт тарханства, пожалование новых земель, оросительных каналов. Так, в благодарность за добровольную сдачу крепости Аркук местной знатью, возглавлявшейся одним «из самых старших здешних старейшин» Кази Бикчиком, и дальнейшую поддержку Шайбани-хана, последний предоставил им («жителям этой крепости») тарханство, освободив «от государственных [диванских] тягот и повинностей» (тархани аз тахмилат ва таклифат-и дивани)[38]. Предоставленным тарханством пользовалась в основном городская знать, так как именно в ее руках находились возделываемые земли и она должна была платить до получения прав тарханства налоги в

государственную казну Тимуридов. Крестьяне же (дехкане) арендовали землю у знати, и они ничего не получили от предоставления знати прав тарханства. Власть тарханов особенно усилилась в Средней Азии с конца XV в.[39].

Особые привилегии получали от ханов и удельных владетелей представители высшего мусульманского духовенства, пользовавшегося большим влиянием на местное население. Поддержка духовенства помогала им укрепить власть над Туркестаном. Влияние на городскую и сельскую жизнь, которым пользовалось мусульманское духовенство в этом районе, как и во всей Средней Азии, было основано «на чрезвычайно высоком удельном весе духовенства в местном феодальном землевладении»[40].

Мусульманская знать (шайх аль-ислам, садр аль-ислам, казии, шейхи, муллы, мутавалли), чтобы не лишиться своих владений и больших доходов при смене одного правителя другим, оказывала всяческую поддержку очередному претенденту на власть в регионе и склоняла к повиновению ему местное население. От каждого нового правителя, узбекского или казахского хана, она получала подтвердительные грамоты на давние вакфные земли, приобретала новые земли и прочие пожалования. Абдаллах-хан, например, подтвердил грамоту эмира Тимура о вакфах мавзолея Ходжи Ахмада Ясави в городе Туркестане. Грамотой 1598 г. он подтвердил права на вакф мазара Абу-ль-Хасана Зийа ад-дин-шайха Сыгнаки, а в 1634 г. этот же вакф был подтвержден новым удельным правителем Убайдаллах-ханом. Вакфные земли приносили большие доходы мусульманскому духовенству. За счет доходов от вакфных земель (в их числе посевные площади, бахчи, сады, пастбища) существовали многочисленные представители духовенства: мутавалли, хатибы, чтецы Корана (корра), другие лица. Большая часть дохода попадала попечителю вакфа – мутавалли, который распоряжался не только своей долей доходов вакфа (по вакфной грамоте Тимура, выданной мавзолею Ходжи Ахмада Ясави, десятую часть всех доходов получал мутавалли), но и контролировал расходование остальной части.

В оазисах Туркестана вакфы составлялись из значительных участков лучших орошаемых земель и представляли собой крупную категорию землевладения, на которую распространялся налоговый иммунитет. Только при Шайбанидах с вакфов некоторое время взимались налоги, затем они были отменены. Это нашло отражение и в грамотах, касающихся духовенства присырдарьинских городов. В грамоте Абдаллах-хана от 1598 г. нет указаний на освобождение вакфа мазара Зийа ад-дина Сыгнаки от налогов; в грамоте 1634 г., подтверждающей неизменность того же вакфа, говорится об освобождении его от всех налогов и о предоставлении прав тарханства всем шейхам – потомкам этого святого, которые исполняли при его мазаре должности чтецов молитв.

Помимо вакфных земель, которыми распоряжалось местное мусульманское духовенство, оно владело значительными площадями земель на правах собственности, собиравшихся как путем покупки, так и путем пожалований со стороны разных лиц, главным образом – ханов. Например, грамотой эмира Тимура о назначении Сирадж ад-дин-шайха шайх аль-исламом ему было пожаловано несколько участков орошаемой земли на четырех каналах, причем все эти участки освобождались от государственных и местных налогов, т.е. их владельцу были предоставлены права тархана.

Предоставление должности главного духовного судьи (кузат аль-ислам) Сыгнака, который был вторым по значению лицом после шайх ал-ислама[41], также сопровождалось, как видно из грамоты 1543 г., выданной от имени Абулгази Абд ар-Рахим-хана – бахадур-султана, пожалованием земли и прав тарханства, помимо других денежных доходов, определенных в жалованной грамоте. О наличии собственных земель у духовенства говорится и в грамоте от 1598 г. узбекского хана Абдаллаха, в частности, садр ал-ислам Камал ад-дин жаловался на ущерб, причиняемый кочевниками его «землям, [расположенным вдоль] его каналов». Грамотой 1617 г., выданной, очевидно, Имам-Кули-ханом (узбекский хан, Аштарханид) ишану Асадаллах-ходже был передан на правах дарубаста, т.е. с освобождением от налогов, оросительный канал под Сайрамом, а вместе с ним и орошаемая им земля[42].

К местному мусульманскому духовенству в Туркестане прибавилась еще и прибывшая с Мухаммад Шайбани-ханом духовная знать. В «Михманнаме» сообщается о некоем «великом сеиде» и «ученейшем муже», который прибыл вместе с туркестанскими «вельможами и знатными лицами» (акабир ва айан) в Аркук приветствовать Шайбани-хана. Этот «араб из Йемена» Саййид Шамс ад-дин более двадцати лет прожил в Мавераннахре и Туркестане, был близок к Шайбани-хану, оказал ему помощь при завоевании Туркестана и теперь «бросил посох постоянного местожительства в городе Сайраме»[43]. Здесь, в Сайраме, он «приобрел семью и слуг» (ахл ва йаал), скот и земельную собственность, весьма немалую, так как принадлежал к знатнейшим лицам Туркестана.

Из вышесказанного о землевладении мусульманского духовенства понятна огромная роль ислама и его культовых служителей в жизни населения туркестанских городов; экономическое могущество духовной знати было основой ее политической силы и идеологического влияния на народные массы.

Значительную часть городской (земледельческой) верхушки составляли, помимо духовенства, представители военно-феодальной знати, а также гражданской администрации. Таковыми являлись упоминающиеся в исторических сочинениях и жалованных грамотах беки (минбиги, или мирхазаре – «тысячники», йузбиги – «сотники») и другие, владевшие большими земельными массивами как на правах собственности, так и на правах условных пожалований. Это были, в основном, представители родоплеменной кочевой знати; помимо большого количества скота и обширных пастбищ, которыми они владели до прихода в Туркестан, в их руки попали земледельческие селения и орошаемые земли.

В числе представителей центральной и местной администрации названы различные должностные лица: вазиры, вакили (наместники), хакимы – правители области, губернаторы, назначавшиеся ханами и удельными правителями в городах и вилайетах. Сам удельный правитель, султан или бек, почти все время находился в ханской ставке или принимал участие в военных походах.

Кроме упомянутых выше, были также различные чиновники по сбору налогов, арбабы – служащие водного надзора. Так переводит встречающийся почти во всех грамотах термин арбаб (множественное число от рабб – владыка, господин: в форме множественного числа в перс. яз. означает – помещик, господин) И. И. Иванов со ссылкой на А. А. Семенова[44]. Но возможно,

что в данных грамотах термин «арбаб» обозначает именно крупного землевладельца. Категория лиц, именуемых термином «арбаб», в грамотах ставится рядом с «великими» и «почтенными» эмирами (грамоты 1543 и 1598 гг.) и высшей духовной знатью (грамота 1634 г.), сопровождается пышными эпитетами: «благородные» (грамоты 1543 и 1634 гг.) «великие» (грамота 1598 г.), что вряд ли могло иметь место по отношению к простым чиновникам. В то же время «должностные лица», к которым принадлежали и «служащие водного надзора», упомянуты в грамоте 1598 г. после всех других категорий лиц, относящихся к высокопоставленной верхушке, в том числе и арбабов[45].

Упоминаются в грамотах представители низшей администрации: калантар (начальник городской полицейской службы), кедхуда (сельский староста) и пр. Все они также или владели земельными участками как на правах условного пожалования, так и на правах собственности (мильк), или получали содержание за счет собранных с населения налогов, например, финансовые чиновники (амалдар). О существовании собственности на землю есть упоминание в грамоте Абдаллах-хана 1598 г.; ряд источников (чашме) и несколько оросительных каналов названы мильком жителей Сыгнака. Однако судить точно о размерах этих мильков (были ли они собственностью крупных землевладельцев или мелкой крестьянской собственностью, может быть, связанной и с общиной) на основании имеющихся данных не представляется возможным.

Сведений о землепользовании в Туркестане XV–XVII вв. в наших источниках почти нет. Крестьянство вместе с податным сословием горожан в источниках называется общим термином «ра'ийат» (мн. ч. ра'айа). В основном же этим термином обозначались крестьяне-земледельцы. На основании данных источников, а также по аналогичным сведениям из истории аграрных отношений в Средней Азии можно сделать вывод, что одна часть крестьянства владела землей на правах собственности, другая же часть, составлявшая основную массу крестьянства, арендовала ее на правах наследственной или временной аренды у крупных землевладельцев, которые, как правило, своего хозяйства не вели. Арендовали крестьяне небольшие участки земли у землевладельцев-держателей условных пожалований и собственников; арендовали они и участки вакфных земель. Несомненно, о сдаче в аренду вакфных участков идет речь в грамоте эмира Тимура, выданной мазару Ходжи Ахмада Ясави: «названный хатиб должен получить два коша земли с водою, сеять там хлеб или сдавать под посев».

В названных выше грамотах упоминаются два типа крестьян-арендаторов: шарик (перс., в буквальном значении — соучастник, товарищ, компаньон) и каранде (от перс. сеять, засевать)[46]. Оба эти термина имели техническое значение зависимого крестьянина-издольщика вообще[47]. Об условиях этой издольной аренды наши источники не сообщают. Но по отдельным данным можно понять, что крестьяне-издольщики были лишены многих прав. Так, например, в грамоте от 1617 г. указывалось, что крестьянам запрещается пользоваться водой пожалованного в дарубаст ишану Асадаллах-ходже арыка без ведома его владельца. Нарушение этого запрета могло навлечь на виновника проклятие ишана и лишение его заступничества за грехи. Крестьяне-издольщики (карандеха) окрестных селений отвечали за нарушение указа, за причиненный ущерб и порчу арыка изъятием у них их собственного имущества.

В вакфных грамотах, упомянутых выше, термин «шарик» стоит рядом с термином «ходжа». П. П. Иванов переводит это выражение как «крестьяне, арендующие (землю) у ходжей» и делает вывод о том, что ходжи владели на правах собственности большими участками земли, чем поддерживали свой духовный авторитет[48]. Непонятно только, при всей правильности этого вывода, почему в грамотах выделена категория крестьян-издольщиков, арендующих эту землю только у ходжей, тогда как они арендовали ее и у владельцев всех других категорий земельной собственности. В. П. Юдин перевел это выражение как «раийаты, (принадлежащие к категориям) ходжа (и) шарик»; крестьяне, таким образом, подразделяются на две категории: ходжи-собственники земли и арендаторы-издольщики[49]. Какая-то часть ходжей относилась, очевидно, к категории зажиточных крестьян-собственников, составлявших в это время и в поздний период (в XVIII–XIX вв.) иногда целые селения[50]. Но основная часть ходжей, потомков арабских завоевателей или причислявших себя к ним, входила в привилегированное сословие[51] и часто занимала высшие духовные должности. Из рода ходжей был, например, шайх аль-ислам Сайрама Камал ад-[illegible]н, ишан Асаддаллах-ходжа был крупным земельным собственником[52].

Самые общие сведения содержатся в источниках об эксплуатации городского торгово-ремесленного люда и крестьян-землевладельцев и скотоводов. В вакфных грамотах 1400, 1543 и 1634 гг. упоминается широко известный налог харадж – поземельная подать, также и в форме харджи-хараджат (от перс. расход, трата). Этот последний сложный термин мог обозначать и налоги, сборы вообще, как постоянные, так и случайные. В грамотах приводится сложный термин «алык ва салык» или алык ва салыг. Как полагает А. А. Семенов, этот термин означает «налоги», «подати вообще»[53] Термин «мардикар» (от перс. мард – человек и кар – дело, работа) также упоминается в грамотах 1400, 1543 и 1634 гг. По мнению исследователей аграрных отношений в Средней Азии, этим термином обозначались принудительные работы по рытью оросительных каналов, их очистке, строительству и ремонту мостов, дорог и пр.[54]. Очевидно, термин «мардикар» напоминает распространенный в средневековом Иране бигар, также означавший «принудительные работы»[55].

В грамоте Убайдаллах-хана от 1634 г. к упомянутым выше податям и повинностям добавлено несколько других. Налог мал-и джихад В. В. Бартольд определил как «деньги на войну за веру (с калмыками)»[56]. В. П. Юдин, комментируя грамоту 1617 г., предположил, что, возможно, в тексте надо читать малваджихат – известный термин, означающий «поземельную подать» (синоним термина «харадж»)[57].

Наконец, упомянутые в этой же грамоте термины «куналга и джамалга» означали тяжелую для городского и сельского населения повинность принимать на постой на определенное время «проходящие войсковые части» (куналга) и «следующих по службе административных чинов», гонцов, сборщиков налога, а также разных знатных лиц (джамалга)[58]. Раийаты обязаны были предоставлять всем им и их слугам помещение, средства по перевозке, кормить их и т.д.

Помимо указанных налогов и повинностей упомянуты в источниках и другие, в частности, обязательные по мусульманскому праву. Из них в грамоте 1543 г. говорится о зякете – подать с торговли и недвижимого имущества,

взимавшаяся с мусульман. Термином «тагар» назывался натуральный сбор с крестьян и горожан для снабжения войск продовольствием[59]. Размеры этих сборов неизвестны. Судя по сведениям Ибн Рузбихана Исфахани, в виде тагара собирали как продовольствие, провиант (азук) для войска в виде хлеба, так и фураж для верховых и вьючных животных (алык)[60]. Сбором тагара занимались чиновники дивана (диванийан) и ясаулы (йасавулан). Тагар являлся тяжелым налогом для крестьян, так как его размеры были неопределенными, и посланцы хана, опираясь на военные силы, могли «выколачивать» из населения столько, сколько было нужно, разоряя и опустошая целые районы. В частности, в упомянутом Ибн Рузбиханом случае, для войск Мухаммад Шайбани-хана, отправлявшихся в поход на казахов, «в восточных районах Туркестана» было собрано месячное (йекмахе) довольствие. Количество же войск исчислялось десятками тысяч. Только у Мухаммад Тимур-султана имелось более 30 тыс. конницы, у Суйндж-Ходжа-хана было более 10 тыс. конницы и около 30 тыс. пехоты, у Кучим-султана около 10 тыс. конницы и 20 тыс. пехоты[61]. Можно представить, как велики были размеры тагара и как тяжела и разорительна была эта подать для раийатов.

В источниках мало сведений для характеристики всей налоговой системы, посредством которой осуществлялась эксплуатация крестьян. Недостаточно данных и для характеристики положения основного городского населения — ремесленников, мелких торговцев и других категорий населения. Следует отметить, что вся жизнь туркестанского города была подчинена его феодальному владетелю. Тяжесть налогов, повинностей и разных поборов, упомянутых выше, распространялась не только на крестьян (земледельцев, рядовых кочевников), но и на городское торгово-ремесленное население. Освобождение от налогов в пользу центральной власти (хана), т.е. предоставление прав тарханства, о котором шла речь выше, служило обогащению только знати. Простой люд, городской и сельский, по-прежнему нес всю тяжесть налогов и арендной платы в пользу собственника земли или ее временного владельца, получившего землю в условное пожалование.

Еще более усиливалась эксплуатация раийатов с переходом торгово-ремесленных городов и селений земледельцев в руки кочевой знати. При этом возрастало экономическое могущество казахской элиты, так как в сфере ее управления оказывались уже не только массы рядовых кочевников-скотоводов, но и земледельческое и городское население. Феодальные отношения, эксплуатация народных масс все усиливалась. Возникла необходимость приведения норм обычного права казахов в соответствие с новыми потребностями общественного развития, что и было осуществлено в конце XVII в. ханом Тауке.

[1] *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992, с. 321.

[2] Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. Одесса, 1866, с. 55.

[3] *Мирза Мухаммад Хайдар.* Тарих-и Рашиди. Введение, перевод с персидского. Ташкент, 1996, с. 472.

[4] *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. М.-Л., 1960, с. 44.

[5] Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961, с. 15.

[6] *Ал-Хаджджс Абд-ал-Гафар Крыми.* Умдат ат-таварих. Стамбул, 1343 (1925), с. 93.

[7] *Бартольд В. В.* Турецкий эпос и Кавказ// Сочинения. Т. 5. М., 1968, с. 479.

[8] *Искандар Мунши.* Тарих-и аламарай-и Аббаси. Рукопись ИВ РАН, с 444, л. 670.

[9] *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана// Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963, с. 367.

[10] История Казахской ССР. Т. 2. Алма-Ата, 1979; Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 2, М., 1963, с. 330.

[11] *Мухаммед Салих.* Шейбани-наме. Джагатайский текст. СПб., 1908, с. 123; Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии// Сочинения. Т. 5, М., 1968, с. 452-453.

[12] Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 464.

[13] История и социология. М. 1964, с. 273.

[14] *Хафиз Таныш.* Шараф-наме-йи шахи лл. 261а, 308б, 323а // МИКХ, с. 246, 257, 261 и др.; Грамота от 1617 г. // *Иванов П. П.* Хозяйство джуйбарских шейхов, М.-Л. 1954, с. 341.

[15] Это характерно и для других стран восточного средневековья. См.: *Ашрафян К. З.* Городские движения в Делийском султанате в XIII–XIV вв. «Советское востоковедение». № 4, 1958, с. 62; *Ее же.* Делийский султанат. К истрии экономического строя и общественных отношений (XIII–XIV вв.). М., 1960, с. 161–162.

[16] Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани. Михман-наме, лл. 47а, 109б и др. Шараф-наме-йи шахи, л. 278а, Камал ад-дин Али Бинаи. Шайбани-наме, лл. 7а, 9а, 10б.

[17] Там же. лл. 47а, 57а, 78б, 109б и др.; Мас'уд бен Усман Кухистани. «Та'рих-и Абу-Хайр-хани», л. 328б; Шараф-наме-йи шахи, лл. 322а, 346б.

[18] Михман-наме, лл. 47а–б, 120а и др.

[19] Там же, лл. 104б, 106а и др.

[20] Там же, лл. 47а, 109б.

[21] Там же, лл. 47а, 109б, лл. 112а–б, 114б, 115а, 116а–б.

[22] «Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани», л. 328б.

[23] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб. 1864. ч. II, с. 282.

[24] *Зайн ад-дин Васифи.* Бадаи ал-вакаи, с. 337, 341, 342, 378.

[25] Шараф-наме-йи шахи, лл. 261а, 308б, 323а.

[26] *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX вв.). М., 1958, с. 54.

[27] Таварих-и гузида, л. 108а–б, здесь Кул-Мухаммад назван беком Саурана, а в «Фатх-наме» Шади – хакимом (л. 112а).

[28] Михман-наме, л. 62б, 78б; Таварих-и гузида, л. 108б; Шайбани-наме. л. 36а.

[29] Шараф-наме-йи шахи, л. 278а.

[30] Там же.

[31] История Узбекистана. Ташкент, 1993, с. 42–43.

[32] *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране, с. 274.

[33] Таварих-и гузида, л. 106а; Шайбани-наме, л. 14а–б.

[34] Таварих-и гузида, л. 108б; Фатх-наме, л. 112а–б; Шайбани-наме, лл. 18б–19а.

[35] Таварих-и гузида, л. 97б; Шайбани-наме, л. 9а.

[36] Михман-наме, л. 114б.

[37] *Мукминова Р. Г.* К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI в. // Известия АН УзССР, 1954, № 1, с. 77.

[38] Шайбани-наме, л. 7а; Михман-наме, лл. 47б, 48а.

[39] *Мукминова Р. Г.* Социальная дифференциация населения городов Узбекистана в XV–XVI вв. Ташкент, 1985, с. 20–21.

[40] *Иванов П. П.* Хозяйство джуйбарских шейхов, с. 29.

[41] *Семенов А. А.* Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. //Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии». Сталинабад, 1954, вып. 2, с. 31.

[42] *Иванов П. П.* Хозяйство джуйбарских шейхов, с. 314; *Абдурашмов М. А.* Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI – первой половине XIX вв. Т. I, ч. I, Ташкент, 1966, с. 281.

[43] Михман-наме. л. 48а.

[44] *Иванов П. П.* Очерк истории каракалпаков, ТИВАН т. VII, М.-Л., 1935, с. 34; *Семенов А. А.* Очерк поземельно-податного и налогового устройства Бухарского ханства. Труды САГУ, серия II, вып. I, Ташкент, 1929, с. 29.

[45] *Абдурашмов М. А.* Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве. с. 100, 295–296.

[46] Грамоты 1400 (1401 г.) 1938, 1543 (или 1548), 1634 гг.; *Иванов П. П.* Хозяйство джуйбарских шейхов. с. 341, (Дарубест 1617 г.).

[47] Об арендаторах-изольщиках Средней Азии, обозначившихся этими терминами, см. *Иванов П. П.* Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии, «Известия АН СССР», 1935, № 8, с. 755; *Его же.* Очерк истории каракалпаков. с. 35–36; *Семенов А. А.* Очерк поземельно-податного и налогового устройства..., с. 29–30.

[48] *Иванов П. П.* Очерк истории калакалпаков, с. 35.

[49] МИКХ, с. 283.

[50] *Семенов А. А.* Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства..., с. 14 и 65.

[51] Там же, *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана, с. 275–276.

[52] МИКХ, с. 285; Грамота 1617 г. В кн.: *Иванов П. П.* Хозяйство джуйбарских шейхов, с. 314.

[53] *Семенов А. А.* Очерк поземельно-податного и налогового устройства. с. 5–6.

[54] Там же, с. 6; *Кисляков Н. А.* Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX – начале XX вв. //Труды ИЭ т. LXXIV, М.-Л. 1962, с. 114; *Абдурашмов М. А.* Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве, с. 292; *Мукминова Р. Г.* Социальная дифференциация населения городов Узбекистана, с. 24 и др.

[55] *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране, с. 394.

[56] Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан, с. 268.

[57] МИКХ, с. 283, 420.

[58] *Семенов А. А.* Очерк поземельно-податного и налогового устройства..., с. 6.

[59] *Петрушевский И. П.* Указ. раб., с. 360, 383.

[60] Михман-наме, -йи Бухара, л. 47а.

[61] Там же, л. 46а, 61б.

Глава седьмая

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КАЗАХСКОГО НАРОДА

1. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Создание своего государства имело огромное значение для дальнейшего развития духовной культуры казахского народа. Она была многообразна по форме, тематике и содержанию и являлась логическим продолжением культуры прежних эпох. В ней полнокровной жизнью жили древние мифологические сказания и поздние фольклорные произведения, средневековая рукописная книжность и собственно казахская литература, историко-летописные и правовые сочинения и ораторское искусство, музыкальное и народно-драматическое творчество и народные увеселительные игры...

Своеобразие государственного устройства и жизни Казахского ханства, а также гармоничное сочетание кочевой и оседлой жизни, скотоводства и земледелия выработали оригинальные виды народной культуры и выдвинули на передний план духовной жизни общества поэзию жырау, творчество шешенов-биев и эпосы богатырского и исторического содержания.

Поэзия жырау. В условиях самостоятельной государственности, необходимости ее защиты и укрепления значительно возвысилась роль жырау, выступавшего одновременно как вещий поэт-импровизатор, как главный идеолог ханства, соратник и советник хана, воин-предводитель племени... В период становления ханства главенствующей в обществе и культуре была идея этатизма и сильной ханской власти, и она с особой силой воспевалась в поэзии жырау и в новых эпических и исторических фольклорных творениях. Жырау поставили поэзию на службу государству и правителю и сформировали литературу государственного служения. Они видели свое главное назначение в служении государству и повелителю, прославляли сильного властителя и государственность. Будучи советниками и идеологами хана, жырау выступали с импровизацией по важнейшим вопросам государственной жизни и адресовали свои слова непосредственно властелину. Их выступления происходили на ханском совете или всенародном собрании и имели форму поэтического размышления-толгау либо посвящения-арнау, в которых они в назидательно-философском плане говорили об эпохе своей и минувшей и сравнивали их, оценивали ситуацию в стране и излагали свое мнение о происходящих событиях, давали советы и рекомендации, нередко порицали.

В творчестве жырау иногда выражалась оппозиционная мысль. Порою в своих песенных обращениях к хану или султану они открыто высказывали свое отрицательное отношение к тому или иному решению либо поступку

повелителя, подвергали властителя критике. Это было возможно потому, что в своей критике жырау исходили из интересов государства и имели высокий авторитет в обществе, в котором придерживались принципа «можно лишить головы, но не слова» («бас кеспек болса да, тіл кеспек жок») и красноречие считалось верхом искусства («өнер алды – кызыл тіл»).

Главными темами поэзии жырау были вопросы сплочения и единства племен, составлявших Казахское ханство, укрепление государства и ее воинской мощи. Это привело к тому, что в поэзии жырау доминирующей стала героика, воспевались отвага и стойкость батыров, борющихся за независимость и возвышение своего государства. Жырау создавали идеальные образы правителя и общества, где люди живут в изобилии, не зная бедности. В своих поэтических монологах-толгау они, наряду с важными государственными проблемами, затрагивали вопросы этики и морали, чести и достоинства, излагали свои думы о жизни и смерти, об изменчивости и бренности мира.

Крупнейшими представителями поэзии жырау XVI–XVIII в. были Шалкииз (Шалгез) Тленшиулы (1465-1560), Доспамбет жырау (ок. 1490–1523), Жиембет жырау (XVII в.), Маргаска (XVII в.), Ахтамберды (1675–1768), Татикара (1705–1780), Умбетей (1697–1786), Бухар жырау Калкаманулы (1698–1778).

Выдающимся жырау периода становления Казахского ханства был **Шалкииз (Шалгез) Тленшиулы (1465–1560),** проживший долгую, интересную, но сложную, полную драматизма, жизнь. Он происходил из знатного рода (потомков Едиге), получил хорошее образование, был приближенным правителя Ногайской Большой орды князя Темира, в его свите бывал в Стамбуле и Крыму, на Дону и Северном Кавказе, затем попал в опалу. Последние годы жизни провел в Казахском ханстве.

Дошедшие до нас произведения Шалкииза (их около 30) характеризуют его как блестящего мастера поэтического искусства и поэта широкого диапазона. Его творчество полностью вбирает и отражает суть поэзии жырау тех времен. Здесь и непосредственные обращения к правителю, и панегирические стихи, философские размышления о бытии и думы о народе, правителе и о себе, дидактические толгау о добре и зле, о хорошем и плохом, о дружбе и вражде. И все это изложено языком высокохудожественной поэзии, с использованием метких сравнений, ярких метафор, синтаксических и психологических параллелизмов.

Наиболее показательными произведениями Шалкииза являются два его обращения к князю Темиру и несколько толгау о себе и идеале батыра. В первом обращении к Темиру жырау, который был в немилости, восхваляя повелителя, умело высказывает ему свою обиду за унижение, а во втором — так же будучи изгнанным из двора, он уже не говорит о личной обиде, а ведет речь о судьбе народа и отговаривает властелина от паломничества в Мекку. И добивается он этого очень искусно: прославляет Темира, рисует его идеальным правителем и затем говорит ему, что если дорогой всем князь уедет в паломничество, то что станет с его страной и народом в его отсутствие.

В этих двух обращениях во весь рост встают непокорная натура высокоодаренного поэта и могучая фигура высокородного батыра-воина. Поэтический талант Шалкииза нарисовал великолепный образ поэта-воина, который ни в чем не уступает правителю, даже превосходит его в мудрости и

благородстве, показал через этот образ эталон храбрости, мужества и великодушия. Его внешне панегирические стихи служат не столько восхвалению повелителя, сколько раскрытию образа самого жырау. Насколько он выше ставит властелина, скрытного противника, настолько жырау внутренне возвышает себя. Оппозиция «жырау — правитель» передана поэтическими средствами весьма тонко и мастерски. Тем не менее Шалкииз не отрицает выдающуюся роль справедливого правителя и хочет, чтобы его человеческие качества соответствовали бы его высокому положению, чтобы государство и народ, которыми он правит, не страдали бы из-за него. Вера в идеального властелина лежит в основе его верноподданических мыслей и славословий.

Одним из ярких поэтов-жырау XVI века был **Аймадет Доспамбет-жырау**. Точная дата его жизни не установлена. Одни исследователи считают, что он родился в середине 1490-х годов и погиб в 1523 году[1], другие же полагают, что жырау жил примерно в 1525—1596 годах[2].

Доспамбет-жырау родился, как видно из его произведений, в г. Азове, в семье знатного военачальника Малой Орды, которая была образована в XVI веке и занимала степи Нижнего Дона и окрестности г. Азова. Будущий жырау получил достойное своего происхождения воспитание и образование. Достигнув зрелого возраста, он побывал в Стамбуле и в Крыму, посетил Бахчисарай и многие места Дешт-и Кыпчака, участвовал в ряде военных походов против России. Погиб в одном из междоусобных столкновений между тюркскими правителями. Судя по его словам о том, что он «не сожалеет о гибели своей потому, как пал раньше Мамая», он погиб, вероятно, до 1549 года, когда ушел из жизни правитель Мамай.

Рано ушедший из жизни Доспамбет не успел проявить себя как классический тип жырау, являвшийся советником хана и идеологом ханства. Однако то поэтическое наследие, которое дошло до нас, позволяет говорить о нем как о талантливом поэте-воине, познавшем жизнь сполна и сумевшем в своих стихотворениях отобразить основные события своей жизни. В его поэзии нет традиционных для творчества жырау мотивов назидательности и философичности, хотя он тоже пел о жизни и смерти. Он говорит не как умудренный жизнью певец, который хладнокровно созерцает, размышляет и прорицает. Доспамбет пылает и горит, полон энергии и надежды. У него нет досады, что уходит из жизни рано. Наоборот, он уверен, что жизнь прожил достойно и ни о чем не жалеет. Его идеал — воин, погибающий в жестокой схватке в степях Сарыарки. По Доспамбету, «лишь тот не знает сожалений, кто жил в богатой водами и травами степи и ездил на чистопородном скакуне, кто облачался в воинские доспехи и обнимал ароматно пахнущую красавицу, кто устраивал пир и вдоволь угощался кумысом». Именно такой представляет он себе свою жизнь. Существующая действительность полностью устраивает его. Он идеализирует ее, восхищается ею.

Доспамбет-жырау в большинстве случаев поет от первого лица и преимущественно говорит о себе. Он показывает себя отважным джигитом, «который в тот момент, когда на город нападает враг и идет через каналы, вооружившись, садится на гнедого коня и бросается в бой так, что его друзья и недруги восклицают: «Ай да храбрый Доспамбет!».

Среди его произведений выделяется толгау, имеющий в некоторой степени биографический характер. Это — прощальная песня, которая отличается от подобных сочинений других жырау. В ней нет горести и сожаления,

плача и безысходности. Толгау лишен сентиментальности и нравоучения, что часто бывает в прощальных песнях, в нем сжато и емко повествуется о судьбе поэта. Стихотворение построено так, что автор ступенчато идет от частного к общему: сначала дает характеристику себе и говорит о том, как он был ранен, затем говорит о жене и детях и после этого прощается с родными местами. Все это излагается очень поэтично, с применением параллелизмов: то вспоминаются минувшие прекрасные дни, то перечисляются несбывшиеся мечты и дела. Причем, он вдохновенно объясняет, что нисколько не сожалеет о несбывшихся мечтаниях:

О прошлом, о будущем что мне жалеть!
Мне не о чем в жизни своей сожалеть.
Я пал перед Мамаем самим, храбрецом,
Я пал как герой – не жалею о том[3].

Ярким представителем поэтической традиции жырау является **Жиембет-жырау Бортогашулы,** живший в период с последней трети XV в. до середины XVI века. Происходил он из среды крупных феодалов, управлявших родом Тана племени Байулы, был наместником хана Есима в Младшем жузе. Жиембет играл заметную роль в жизни государства и самого хана, участвовал в числе тех, кто поднимал Есима на белом войлоке и провозглашал его ханом. Один из главных деятелей, сыгравших решающую роль в военных столкновениях казахов и ойратов (1620 г.), а также в подавлении мятежа ташкентского правителя Турсына (1627 г.). Жиембет, не смирившись с ролью наместника, стремился создать свое государство и отделиться от Казахского ханства. За сепаратистские настроения он был сослан в пограничные с ойратами районы ханства и, по одним сведениям, скончался в ссылке[4], а по другим, – после кончины хана Есима в 1645 г. возвратился на родину[5]

Из наследия Жиембета-жырау сохранились лишь три его толгау-обращения к хану и два лирических стихотворения о состоянии ссыльного поэта, тоскующего по родным местам и страдающего от невозможности изменить что-либо.

В толгау-обращениях к Есим-хану Жиембет показывает себя как настоящий жырау: вместе с ханом борется за возвышение государства и в то же время переходит в оппозицию к своему властелину и попадает в немилость.

Как видно из содержания произведений, Жиембет был очень влиятельным лицом, который в нужный момент мог говорить с правителем на равных и открыто высказать свое мнение по поводу его самоуверенности и недальновидности, ошибок в его поступках... В толгау жырау напоминает властелину о тех днях, когда он нуждался в нем и нисколько не пренебрегал его помощью. Мало того, жырау угрожает Есим-хану мщением за нанесенную ему и брату обиду и оскорбление. Такая смелость жырау обусловлена не только традицией. Жиембет говорит так потому, что он имеет большие заслуги перед ханом Есимом: с избранными биями и беками поднимал хана на белом войлоке, всегда был рядом с ним и поддерживал его, не раз выручал в боях и трудных ситуациях. Еще одной причиной такого поведения было то, что Жиембет являлся предводителем сильного и многочисленного племени, славившегося

своей воинственностью и батырами. К тому же Жиембет имел высочайший авторитет в орде, пользовался большой популярностью, слыл не только дерзновенным жырау и батыром, но и объективным бием и искусным оратором.

В его толгау образы хана и жырау создавались с использованием антитезы и сравнения хана в двух ситуациях: до разлада с Жиембетом и после разлада с ним.

В XVII в. жил и творил **Ахтамберды-жырау Сарыулы,** чья поэзия сочетает в себе героическое и лирическое, реальное и иллюзорное. Он родился в 1675 году в семье состоятельных феодалов, живших в горах Каратау на юге Казахстана. Ахтамберды рано потерял родителей и воспитывался у дальнего родственника, известного в округе батыра Бердике, который обучил будущего жырау секретам боевого искусства с раннего возраста. Уже в юношеские годы Ахтамберды участвовал в походах казахов на Могулистан и Джунгарию и завоевал славу отважного воина-батыра. В годы «великого бедствия – ақтабан шұбырынды» он как признанный батыр-певец и авторитетный родоначальник в Среднем жузе стал одним из организаторов борьбы против джунгарцев и принимал участие во многих боях. После разгрома Джунгарии Ахтамберды переселил свои племена на исконную родину, сам тоже поселился в тех местах и скончался там в 1768 году[6]. Известны двадцать шесть произведений, принадлежавших Ахтамберды-жырау. Они составляют три тематические группы и отражают соответственно три этапа жизни поэта-воина: отрочество, годы зрелости и славы, пожилой возраст.

Произведения первой группы созданы, очевидно, в тот период, когда юный Ахтамберды терпел лишения и испытывал нравственно-душевные переживания. В них отражены жалобы на судьбу, сетования на свое одиночество, бедность и слабость. Лирический герой одинок и беззащитен, терпит унижения, чувствует себя обделенным и покинутым. Он печалится и хочет скорее достичь такого возраста, когда сможет в полный голос заявить о себе и постоять за себя. Он лелеет надежду на лучшее и мечтает о том дне, когда с ним будут считаться... Наконец, герой достигает семнадцати лет, берет в руки меч и идет мстить недругам.

Ахтамберды большую часть жизни провел в походах, был очевидцем и свидетелем как блистательных побед казахов, так и их позорных поражений от врага. Видел бесстрашие батыров и малодушие трусливых соплеменников. Находясь в гуще событий и жестоких битв, поэт-воин не только участвовал в сече, но и пламенными песнями призывал воинов к смелости и отваге, укреплял в них веру в свои силы и сплачивал их на совместный отпор врагу:

Иной шагает важно, горд собой,
Но выдержат ли икры ход такой?
Иной готов похвастать: я батыр,
Но прав ли он, покажет только бой.
Старайтесь на врага скорей напасть,
Его жалеть – и самому пропасть.
Жигиты, смерти не страшась,
Лишь в битве жизни расточайте пыл,
Лишает жизни только Азраил![7]

Дух стойкости и героизма пронизывает произведения второй группы. В то же время здесь имеются стихотворения, в которых через лирического героя выражены чаяния Ахтамберды-жырау, его миропонимание и взгляды на жизнь. Лирический герой мечтает о тех временах, когда удалые жигиты одержат победу над врагом и возьмут красавиц неприятеля в добычу, в стране воцарится мир и спокойствие, и благодаря этому наступят дни, когда он сможет собрать народ воедино и расположить его на благодатной земле, когда люди зажили бы так богато, что рабы одевались бы как родные сыновья хозяина, когда лирический герой смог бы проводить дни за умными беседами с достойными людьми и устраивать пышные пиры, когда он щедро угощал бы гостей и прославился, подобно Атымтаю, когда он смог бы ездить на породистых гнедых скакунах и любить красавиц... и т. д., и т. п.

Так Ахтамберды-жырау создает в своих толгау утопическую страну всеобщего благоденствия, описывает идиллическую жизнь жителей созданного силой поэтического таланта и крылатого воображения своего идеального государства. В ряде стихотворений, относящихся, видимо, к периоду, когда жырау достиг преклонного возраста, много дидактики, афористических мыслей. Умудренный жизнью Ахтамберды говорит о том, что хорошо и что плохо, каков настоящий джигит и какими должны быть его жена и близкий друг, как ведут себя благородные и никчемные люди и т. п. Словом, здесь Ахтамберды-жырау размышляет вслух, назидает и советует. А это — одна из главных черт поэзии жырау.

В эпоху продолжительной борьбы казахов с джунгарскими завоевателями поэзия жырау, призывавшая народ к сплочению и отпору врагу, имела большое значение. Жырау достойно справлялись с этой задачей, они воспевали богатырские качества защитников родной земли, прославляли их подвиги и деяния, посвящали им свои произведения.

Одним из таких жырау был **Умбетей Тлеуулы.** Он родился в 1697 году в семье великолепного мастера-кобызиста, знатока народной старины и сказителя Тлеу, имевшего большой вес в своем племени. В юные годы Умбетей создает сатирические стихи, высмеивающие отрицательные поступки и пороки одноаульчан и сородичей, усваивает богатый эпический репертуар отца и поет героические сказания. Участвуя в походах, он видит отважные поступки батыров и начинает сочинять о них хвалебные песни, исполняет богатырские спевы и завоевывает популярность. Смелость в боях и пламенные песни-призывы приносят ему заслуженную славу дружинного певца-жырау, и он со временем попадает в число соратников Аблай-хана. В апогее славы Умбетей-жырау создает знаменитое причитание по батыру Богембаю и песенное извещение хана Аблая о гибели Богембая. Умер Умбетей-жырау в 1786 году в горах Ерейментау (на территории Акмолинской области).

Большинство произведений Умбетея, дошедших до нас, представляют собою посвящения конкретному человеку, созданные по поводу какого-либо конкретного случая («Бөкеге», «Жауқашарға», «Бұқарға», «Бекболат биге» и др.). В них нет самого события или факта. Автор не занимается их описанием, он песней решает спорный вопрос между людьми или предлагает свое мнение по нему. Это — признак, присущий творчеству биев-шешенов, которые, как правило, были поэтами и ораторами и щедро пользовались поэтическими приемами и строфами для решения тяжбы или спора. Умбетей в своих по-

священиях выражался, подобно биям-шешенам, нормативными афоризмами дидактического характера и использовал их в качестве аргументов для своих высказываний. В то же время Умбетей в этих посвящениях показывает себя и как акын-поэт, давая характеристику своим героям и их поведению не в традиционном для жырау стиле.

В творчестве Умбетей-жырау особо выделяются два сочинения: «Бөгембай өліміне» («На смерть Богембая») и «Бөгембай өлімін Абылай ханға естірту» («Извещение хана Аблая о смерти Богембая»). По древней традиции о кончине знаменитых или знатных людей сообщали властелину только общепризнанные, высокочтимые в народе люди, обычно—выдающиеся жырау, бии или шешены. Смерть таких людей оплакивалась всем народом, но официальное оплакивание поручалось достойному человеку. То, что обе эти функции выполнены Умбетеем, свидетельствует о всеобщем признании его таланта и заслуг перед обществом.

По форме «На смерть Богембая» – причитание, плач. Но по содержанию это – гимн батыру. В нем Богембай воспет как подлинно всенародный батыр. Автор перечисляет главные победы и подвиги батыра, называет земли, которые он освободил от захватчиков и вернул казахам: Баянаул, Кызылтау, Абыралы, Шынгыстау, Козыманрак и Койманрак.

«Извещение хана Аблая о смерти Богембая» – это не столько традиционное «естірту», сколько поэтическое повествование о значении деятельности батыров для родины и роли правителей в жизни государства, это – раздумье об эпохе Аблая и ее характеристика. В этом толгау Умбетей предстает как подлинный жырау, всевидящим оком обозревающий жизненный путь Аблая и его соратников-батыров. Здесь высок его статус, он наравне с ханом, порою выше его. Громко и уверенно звучит голос жырау, который заботится о народе и его благе, о хане и его государстве, беспокоится за судьбу страны. Он вспоминает крупные битвы, называет имена батыров и биев, внесших решающий вклад в победу, и неоднократно напоминает об этом хану: «Забыл ли это, Абылай?!» Впрочем, упоминаемые Умбетеем сражения и соответствующие действия Аблая, Богембая и всей дружины в известной степени соответствуют исторической действительности. В них нашли поэтическое отражение события, имевшие место в первой трети XVIII века, и важные для судьбы казахского народа победы тех лет[8].

Выдающимся жырау XVIII века был **Бухар Калкаманулы**, чье творчество вобрало в себя и обобщило всю предшествовавшую поэтическую традицию, а также сыграло огромную роль в духовной жизни своего общества и имело большое значение для дальнейшего развития казахской литературы в последующие эпохи.

Бухар-жырау родился предположительно в 1693 году[9] в семье батыра Калкамана, имел мусульманское образование. Как талантливый поэт и деятель он выдвинулся еще во времена правления хана Тауке, был в его дворе, но по каким-то причинам оказался в немилости. Уже в относительно пожилом возрасте Бухар-жырау был приглашен ханом Аблаем в свою ставку и стал его главным советником и идеологом. Хан Аблай ценил в Бухаре богатый жизненный опыт, мудрость и проницательность. Хан в критические моменты обращался к нему за советом и пророчеством, и Бухар не раз выручал своего властелина.[10] Он пережил своего кумира Аблая и умер, как полагают исследователи, в 1787 году.

Творчество Бухар-жырау делится на два периода: доаблаевский и аблаевский. Соответственно этому его произведения составляют две группы. Одна группа охватывает песни, сложенные Бухаром во времена изгнания, а вторая – это толгау, созданные им в пору, когда жырау был в числе ближайших соратников хана Аблая. Эти две группы отличаются также по тематике и содержанию, по характеру и поводу создания.

Произведения первой группы преимущественно философско-назидательного плана с обобщениями и наставлениями. Много повидавший в своей жизни Бухар хорошо знал, что самое дорогое – это жизнь человека, самая большая трагедия – это смерть человека, особенно смерть насильственная. Поэтому он советует людям, чтоб они «желали себе прежде всего не провиниться перед аллахом», и чтоб «не пришло войско вражеское и оно не превратило детей в сирот, а жену – во вдову». Бухар хочет, чтобы люди здравствовали, жили в мире и согласии. С этой целью он дает советы житейские и государственные, этические и политические.

Бухара как поэта-философа занимает общечеловеческий вопрос: как долго и достойно прожить жизнь и избежать безвременной смерти. На это сам дает ответ, который преподносится им в форме поэтических размышлений о смысле жизни, в форме вопросов и ответов, путем констатации непреходящей истины, а также сопоставления (иногда и противопоставления) человека и природы. В этих случаях даются глубокие обобщения жизненных ситуаций и поэтическими средствами, образами предлагаются общие заключения или рекомендации, как поступать в определенных ситуациях и что нужно предпринять, чтобы предотвратить беду («Не ставьте юрту над оврагом, бурей может смести. Не давайте бразды правления чужому, клеветою может вам голову снести» и т. д.). При этом Бухар-жырау нередко высказывает чисто философские мысли о диалектической сути жизни, о соотношении добра и зла в мире, о роли личности и публики в обществе[11]. Как он утверждает, в мире нет ничего постоянного, все в жизни чередуется, идет сосуществование и борьба добра и зла, хорошего и плохого («Не думайте, что освещающая весь мир луна не заходит никогда, что безбрежное озеро, если из него пить всегда, не засохнет никогда». «Не думайте, что у толстопузых богачей богатство не иссякнет никогда» и т. д.). Вообще, тематика доаблаевских произведений Бухара весьма разнообразна: жизнь человека, его судьба и чаяния, нравственность и установки шариата, бренность мира и обманчивость фортуны, старость и молодость, бедность и богатство, хорошие и плохие люди, жена и дети...

Творчество Бухар-жырау аблаевского периода отличается государственной актуальностью, общественной злободневностью и исторической значимостью. Произведения второй группы – это высокая поэзия государственного служения. Она выполняет прежде всего идеологическую функцию, пропагандирует и утверждает идею сильной государственности и ханской власти. Бухара как государственного деятеля и идеолога волнуют проблемы сохранения независимости страны, единства самих казахских племен и родов, мира и добрососедских отношений с другими государствами. Он беспокоится как о настоящем, так и о будущем казахского государства, чувствует приближение опасности со стороны России и Китая и предпринимает совместно с ханом Аблаем все меры, чтобы обезопасить страну и сохранить ханство. Поэтому его обращения к хану Аблаю содержат советы и наставления, прежде всего

имеющие целью сохранить мир и оградить народ от бедствий. Участвовавший во многих сражениях с врагами 93-летний Бухар великолепно знает, что такое война и внезапное нападение врага. Опытнейший политик, он хорошо усвоил повадки правителей соседних государств и советует Аблаю заблаговременно перебраться за Сырдарью, в край Жидели-Байсын, который он характеризует как обетованную землю. Свою эту идею Бухар обосновывает не только историей, но и священными книгами, в которых предсказано нашествие шуршутов. Бухар видел также, что Россия все более углубляется на Восток, как она построила десятки крепостей вдоль границ с Казахстаном, которые служили форпостами для дальнейшей экспансии, и это настораживало и тревожило поэта[12]. Бухар понимал, что рано или поздно Россия захватит весь Казахстан, ибо она имела мощное огнестрельное оружие и многочисленное войско, и поэтому он не рекомендовал Аблаю воевать против России. Аблай также сознавал это и не стал ввязываться в войну с Российской империей. Мудрый деятель Бухар как бы сидел на пульсе эпохи, зорко за нею наблюдал и следил за событиями и внутри страны и вне ее. Он активно вмешивался в ход событий, влиял на их процесс и конечное решение.

В своих толгау, адресованных Аблаю, Бухар создал образ идеального правителя, каковым он считал своего властелина, хотя временами поэт-жырау высказывал повелителю свои претензии, наставлял его, предупреждал и даже осмеливался угрожать ему. Здесь Бухар пользовался не только правом старшинства, он имел такое право потому, что многое видел и испытал, был современником предшественников Аблая на троне, знал его родителей, видел Аблая в пору, когда тот был беглым и еще не известным никому пастухом. В момент, когда Аблай стал ханом, Бухар был известным и авторитетным жырау, который уже побывал у прежних властителей и в фаворе, и в опале.

Для Бухар-жырау, у кого царистские иллюзии были сильны, хан – это правитель, от личного благополучия которого зависят судьбы людей («хан кисайса, бәрі оңбас» – «если хану станет худо, то всем будет плохо»). По Бухару, подданные обязаны чтить и боготворить хана, никто не должен восставать против него, иначе – все будут несчастны («жаулаған ханын қара оңбас» – «не будет счастлива чернь, свергнувшая хана»). Исходя из такого понимания личности правителя, Бухар-жырау рисует хана Аблая человеком без изъяна («дүниеден шықпай мініңіз»), справедливым и милосердным ханом («Жетім менен жесірге ешбір жаман қылмадың. Әділетпен жүрдіңіз. Әдеппен іске кірдіңіз»), сумевшим объединить воедино все три жуза («Алтын тақтың үстінде үш жүздің басын құрадың»). Он называет Аблая «мой хозяин» («хан ием»), «моя опора», «мой приют» («Кең Абылай, кең аям»).

Бухар, возвеличивая хана Аблая, в то же время при надобности открыто критикует его и требует, чтобы он заботился о народе («Еліңнің камын жегейсің»). Жырау выступает как бы посредником между ханом и народом и вопрос об их взаимоотношениях решает, исходя из интересов государства, из потребностей единения и независимости.

Бухар Калкаманулы был последним ярким представителем классической поэзии жырау, выступавшим одновременно и как поэт-импровизатор, и как государственный идеолог, советник хана. В связи с завоеванием Казахстана Российской империей Казахское государство прекратило свое существова-

ние, и поэты-жырау как носители идеи казахской государственности и деятели, влиявшие на идеологию и политику государства, ушли с исторической арены. Теперь на арену вышли акыны, которые прежде занимались импровизацией на семейно-бытовые и другие различные темы народной жизни, участвовали в поэтических состязаниях-айтысах, устраиваемых на свадебных пирах, годовых тризнах-поминках по умершим и прочих торжествах. Начиная с конца XVIII века, роль акынов начала повышаться, диапазон их функций расширялся, их поэзия постепенно становилась общественно значимой. Но она не имела государственной важности, как поэзия жырау, и никак не влияла на государственные дела. Так поэзия жырау, имевшая жреческий характер и являвшаяся литературой государственного служения, уступила место поэзии профессиональных акынов, которые освободили литературу от государственной идеологической функции и внесли в нее демократическую струю, спустили поэзию в юрту рядовых членов общества, в гущу народной массы.

Творчество биев-шешенов. Специфические особенности государственного строя Казахского ханства, своеобразные условия жизни народа и своеобычный общественный уклад породили оригинальный вид художественной культуры, который назывался «билер сөзі», «билер айтысы», «билер дауы», «төрелік айту», «шешендік сөздер». Творцами этого вида литературы были в основном бии, занимавшиеся главным образом судопроизводством в государстве XV–XVIII вв., а также в казахском обществе XIX века, хотя в это время Казахстан был в составе Российской империи. «Суд биев, – писал Ч. Валиханов, – несмотря на 40-летнее русское влияние, остался таким, каким был он за сотни, может быть, за тысячу лет до нас»[13].

В XVI–XVIII вв. бии занимались не только судопроизводством. Они являлись членами ханского совета и активно участвовали в государственных делах. Крупные бии одновременно были предводителями племен и родов, управляли их жизнью, выступали от их имени на собраниях, защищали их интересы во время тяжб[14].

Бии дороссийской эпохи заботились прежде всего о сохранности казахского государства и были заинтересованы в мирной жизни с соседними государствами и с этой целью участвовали в дипломатических миссиях или же сами направляли посольства в эти страны. Такая многогранная деятельность биев осуществлялась преимущественно словесно, в устной форме, а это требовало, чтобы бии были блестящими ораторами, хотя надо сказать, что все бии имели хорошее мусульманское образование, и некоторые из них знали иностранные языки. Говоря о биях, Ч. Валиханов писал, что «...только глубокие познания в судебных обычаях, соединенные с ораторским искусством, давали казахам это почетное звание. Чтобы приобрести имя бия, нужно было казаху не раз показать перед народом свои юридические знания и свою ораторскую способность»[15]

Помимо всего этого, бии обладали большим поэтическим талантом и были великолепными мастерами импровизации и словесно-поэтического состязания. Их публичные выступления на судебных разбирательствах или иных мероприятиях нередко облекались в стихотворную форму и представляли собой яркие образцы подлинной поэзии. Так, бии, говоря о государственных делах, либо аргументируя свои постулаты, объективно творили художественную литературу, их лучшие толгау или изречения запо-

минались народом и передавались из поколения в поколение. При этом в отдельных случаях повод, по которому были высказаны поэтические строки, забывался, и стихи, существуя отдельно, превращались в самостоятельные толгау или афористические изречения. Поскольку бии выступали непосредственно перед публикой, они старались излагать свои мысли красочно и поэтично, и такие выступления не только оказывали влияние на решение вопросов, но надолго оставались в памяти людей. Талантливых биев называли шешенами, признавая тем самым высокие ораторские и поэтические способности и заслуги.

Литературное творчество биев-шешенов своеобразно как по форме, так и по содержанию, поэтому в жанровом отношении оно синкретично: сочетает прозу с поэзией. Проза нередко бывает ритмичной, иногда внутренне рифмованной, вследствие чего слова биев обретают характер афористического изречения («Ой да көп, уайым да көп, – ойлай берсең, ой да жоқ, уайым да жоқ, – ойнай берсең» – «Если все время будешь в думах, то и мыслей и печалей становится все больше, если же все время будешь легкомысленным, то не будут тревожить ни мысли и ни печали!»).

Поэтические произведения биев-шешенов разнообразны по жанру, тематике и по поводу их создания. Подобно тому, как бии-шешены выполняли различные функции, а не только судебную, их произведения имели разные формы и назначения. При разбирательствах крупных тяжб или дипломатических миссиях обычно бывали песенно-прозаические дискуссионные партии, называемые исследователями «шешендік дау» или «билер айтысы»[16]. При обращениях к отдельным личностям бии-шешены импровизировали «шешендік арнау» (посвящения), «естірту» (песня-извещение о смерти), «көңіл айту» (песня-соболезнование), «жұбату» (песня-утешение), «қоштасу» (песня-прощание) и другие песни... Бии-шешены по различным жизненным ситуациям и отдельным спорам создавали «шешендік толғау» (песенные раздумья), в которых, наряду с конкретными рекомендациями, обобщали факты общественной жизни, описывали и сравнивали явления природы и состояния людей, давали наставление.

В возникновении «ораторских» (шешендік) толғау большую роль имели ситуативные моменты и конкретные события, находчивость биев и их способность логически и поэтически высказывать свою мысль. В таких случаях бии моментально произносили речь или импровизацию, мгновенно улавливали ситуацию и давали свои «рецепты», исходя из аналогичных историй в прошлом.

Тематика литературы биев-шешенов весьма широка, а проблемы, затрагиваемые ими, общественно важны и оппозиционны: справедливость – произвол, дружба – вражда, добро – зло, коллективность – эгоцентричность, верность – измена, милосердие – жестокость, правдивость – лицемерие, благоразумность – тупость, смелость – трусость и т. д.

В своем творчестве бии-шешены выражали не только свое отношение к жизни, к событиям и людям. Они воспевали и утверждали идеалы, к которым должны были стремиться жители ханства. В их толгау можно увидеть идеал мужчины, идеальную женщину и идеального сына (дочь), описанных в соответствии с тогдашними общественными представлениями об идеале.

Бии в своих поэтических произведениях широко использовали сравнения, ассоциации, антитезы и другие художественные тропы, благодаря чему им

удавалось сопоставлять несравнимое, делать близким далекое, приближать прошлое, увеличивать маленькое, а большое – делать маленьким. Лаконичность, немногословность и иносказательность – одно из основных свойств поэзии биев-шешенов.

Среди биев-шешенов XVI–XVIII вв. по значимости своей государственной и общественной деятельности, по силе ораторского искусства и поэтического мастерства особо выделяются Толе-бий Алибекулы (1663–1756), Казыбек Келдибекулы (1665–1765) и Айтеке Байбекулы (1682–1766), которые получили признание не только в Казахстане, но и в России, Хиве, Джунгарии и Цинской империи[17].

Толе-бий Алибекулы родился на территории нынешней Жамбылской области, в местности Жайсан. Получил хорошее для своего времени образование. С детства слыл знатоком народных изречений и поэтом. В возрасте 20 лет начал заниматься судебным разбирательством, при решении вопросов отличался справедливостью, благодаря чему становился популярным в народе. Получившего известность Толе тогдашний хан Тауке привлекает к государственной работе, и он вместе с другими биями становится советником хана, участвует в составлении свода законов Тауке «Жеті Жарғы». Со временем Толе-бий удостаивается звания «Төбе би» (главный бий). После смерти Тауке-хана, когда Казахское ханство раздробилось, он управлял Старшим жузом и некоторое время правил Ташкентом. Был одним из организаторов борьбы казахов против джунгаров. Похоронен в Ташкенте.

Устная традиция донесла до нас небольшое количество произведений Толе-бия в форме толгау, прозаических высказываний, бата (благопожелание), сынау (оценка достоинства), көңіл айту (соболезнование), накыл сөз (афористическое наставление) и т. п. В них Толе-бий поднимает вопросы и общественного, и житейского характера, говорит о положении народа и тревожится за его судьбу, подчеркивает необходимость сплочения и единства казахов, всех племен и родов, предупреждает об опасностях, подстерегающих Казахское ханство, если в стране разгорится раздор и междоусобица. Хорошо понимая общую ситуацию в государстве и учитывая враждебные действия джунгаров, Толе-бий не только говорил об актуальных проблемах и призывал народ к единению, но и предпринимал дипломатические меры по предотвращению беды и дважды направлял посольство в Россию[18]

В ряде своих поэтических толгау Толе-бий выступает в традиционном для тех времен стиле: подобно жырау, говорит об эпохе, о взаимоотношениях правителя и простолюдина, характеризует достойных и недостойных людей, их антиподов. При этом он применяет различные виды параллелизмов и строит свои толгау в форме сослагательного вопроса и авторского ответа на вопрос. Есть также формы определения достоинства человека путем метафоризации или ассоциации: «Атың жақсы болса – ер жігіттің пырағы, Балан жақсы болса – жан мен тәннің шырағы...» – «Если конь хорош, – это крылья для жигита, если сын хорош – это свеча для души и тела родителей...»[19].

Казыбек-бий Келдыбекулы родился на территории нынешнего Казыбекского (Егиндыбулакского) района Карагандинской области в семье правителя своего рода и знатного бия Келдибека, получил достойное для своего происхождения воспитание и образование. С юных лет он отличался острым умом и поэтическим дарованием и уже в отроческие годы прославился острасло-

вом и знатоком адата, шариата и поэтического наследия предков. Видя недюжинные способности юного Казыбека, старейшины и бии родов Среднего жуза привлекают его к судебным разбирательствам, и он своей находчивостью, объективностью и блестящей ораторской способностью заслуживает всеобщее признание. Завоевавший в народе большой авторитет Казыбек-бий становится, наравне с биями Толе и Айтеке, советником ханов Тауке, Самеке, а затем Абулмамбета и Аблая и принимает активное участие в управлении государством, оказывает влияние на внутреннюю и внешнюю политику ханства. Участвует в создании «Жеты-Жарғы». В период правления Аблая выполняет также дипломатическую миссию, организовывает борьбу против джунгаров. Является одним из главных деятелей, участвовавших в освобождении хана Аблая из джунгарского плена в 40-х годах XVIII в.[20], хотя не всегда ладил с ханом, который хотел его исключить из активной внешнеполитической деятельности[21]. Казыбек-бий прожил более ста лет и скончался в своем родовом «имении» близ Каркаралинских гор. Похоронен в г. Туркестане, в мавзолее Ходжи Ахмада Ясави.

Литературное творчество бия Казыбека, как и других биев-шешенов, неотделимо от его деятельности как предводителя Среднего жуза, судопроизводителя и дипломата, поэтому его речи на судебных разбирательствах или на переговорах-дискуссиях с джунгарским владетелем Галдан-Цереном имеют форму прозаических афоризмов и стихотворных обращений либо ответов на слова соперника. В его творчестве встречаются также поэтические отгадки мудрых загадок или намеков и иносказаний, произнесённых его партнерами либо собеседниками.

Выдающийся бий-шешен Казыбек искусно применял приемы ораторского искусства и поэтические образы, что делало его слово неотразимым. Эта способность особенно ярко проявилась во время его поездок к Галдан-Церену с целью освобождения своих сородичей, а затем и хана Аблая из плена. Сохранилось одно из его лучших поэтических выступлений перед джунгарским правителем:

Ты – железо, я – уголь,
Прибыл, чтоб расплавить.
Чтоб детей двух ланей,
Примирить я прибыл!
Если появится упрямый храбрец,
Склонить его я прибыл...

Детей казахов и калмыков
Примирить я прибыл!
Если не желаешь мира,
Укажи место нашей сечи!
Ты – леопард, а я – лев,
Я драться прибыл!..[22]

Как гласят предания, Галдан-Церен не мог возразить словам бия Казыбека и удовлетворил все его требования. Этим поступком Казыбека. его поэтическим даром восхищался в свое время хан Аблай. «Когда спросили у Аблая. кого из батыров он более уважает из всех трех орд, он отвечал: «Из предшествовавших мне мужей двое заслуживают удивления: Казыбек каракесековец, который возвратил от Галдана 90 своих пленных... и сам был у Галдана»[23]

В вышеприведенном тексте слова Казыбек-бия весьма поэтичны и отличаются большой экспрессивно-эмоциональной силой. Автор употребил художественные образы с целью оказать давление на противника. Метафорические образы самого автора и его соперника свидетельствуют о большом поэтическом таланте Казыбек-бия и совершенном владении им мастерством фигурального использования слова. Это обнаруживается и в других произведениях Казыбек-бия, созданных им при различных ситуациях, и их художественные достоинства говорят о том, что для Казыбека как бия и шешена важно было не только что и о чем сказать, но и как сказать.

Айтеке-бий Байбекулы. Сведения о его жизни и деятельности крайне скудны. Известно, что он происходил из рода Торткара племени алим Младшего жуза[24]. До Абулхаира он управлял всеми родами Младшего жуза. Как признанный бий и предводитель Младшего жуза Айтеке входил в совет при хане Тауке и вместе с Толе-бием, Казыбек-бием и другими биями принимал участие в составлении свода законов «Жеті Жарғы», в решении государственных дел, а также некоторых крупных споров между Старшим и Средним жузами, между родами Младшего жуза. Известно, что «султан Барак, один из сильнейших владельцев Средней орды, убив Абулхаира, хана Меньшей орды, избрал для суда над собою 4-х биев всего казахского народа. В числе его судей были Туле-бий от Большой орды и Айтек[е] – от Малой»[25].

Из наследия Айтеке-бия дошло до нас немного, но и это вполне достаточно характеризует его не только как бия-шешена, но и как импровизатора – мастера поэтического искусства. Его творчество тесно связано с судебными разбирательствами, поэтому очень мало стихов, созданных как самостоятельные толгау. Поэзия Айтеке-бия ситуативна по созданию, но глубока по содержанию. Его поэтические аргументы – выступления построены, как правило, на параллелизме и обобщениях. В них гармонично увязаны явления природы и ситуация, вернее – состояние спорящих в данный момент людей. Автор сравнивает природу и людей и на этой основе излагает свои мысли. В одном из преданий рассказывается о том, что истцом выступал Толе-бий, а ответчиком – Казыбек-бий. Судьей был Айтеке-бий. Суть тяжбы была в следующем: засватанная за джигита из Старшего жуза девушка сбегает с джигитом из Среднего жуза. В отместку люди Старшего жуза угоняют лошадей Среднего жуза. Старший жуз предъявляет иск о возврате законной невесты, а Средней жуз требует вернуть лошадей. Выслушав обе стороны, Айтеке произнес:

Гнев – это текущая вода,
Если расчистить путь, побежит.
Ум – это река,
Если запрудить, остановится.
Не надо быть родными,
А если родные, не надо наговаривать!
Кто займется наговором, на беду наткнется,
Кто выходит в путь, на добычу наткнется.
Толе, ты верни лошадей,
А ты, Казыбек, возврати девушку[26]

В наследии Айтеке-бия имеются отдельные толгау о смысле жизни, об изменчивости всего сущего на свете, встречаются мудрые иносказания и разгадки-ответы, раскрывающие темы морали и этики...

Таким образом, творчество биев-шешенов XVI–XVIII вв. явилось продуктом своего времени, и оно по-своему отобразило действительность той эпохи, отвечало запросам общества. Тем самым оно внесло большой вклад в культуру того периода. Творчество биев-шешенов ввело в литературу казахского народа первые образцы художественной прозы и диалогической формы повествования. В их прозаических выступлениях и толгау, наряду с показом конкретных событий, создавались образы людей, обобщались в художественных формах факты жизни.

Устное народное поэтическое творчество. Оно играло все еще большую роль в духовной жизни казахского народа и жило полнокровной жизнью. В нем происходили сложные процессы. Архаические жанры частью видоизменялись, частью разрушались и забывались. Наряду с этим возникали новые жанры, продиктованные потребностями эпохи и задачами духовной культуры того периода.

В это время шло активное взаимодействие с народной культурой восточных и соседних стран, продолжалась исламизация всей духовной жизни. Многие первобытные мифы и древние фольклорные жанры объявлялись языческими и подвергались преследованию, другие переосмысливались в соответствии с исламскими представлениями, иные – трансформировались и вошли в состав других жанров.

Особенно это коснулось архаических мифов творения и эсхатологических мифов. Мифы о сотворении мира и космоса, о духах-хозяевах природы, а также космогонические, тотемические, дуалистические и др. мифы, возникшие еще в эпоху первобытнообщинного строя, в результате преследования были вытеснены на периферию народной культуры. Этиологические мифы превратились в легенды и сказки о животных, своеобразно объяснявшие происхождение зверей и птиц и особенности их поведения и повадок. («Почему у ласточки хвостик рожками?», «О том, как возник мушель», «Откуда рождаются скакуны-тулпары» и другие).

Мифы о духах-хозяевах природы стали былички (хикая), рассказывающими о существах и демонах типа албасты (враг женщины-роженицы), жезтырнак (женщина с медными когтями), уббе (водяница), желаяк (ветроногий), көлтауысар (озероглотатель), таусоғар (горокат), сорель (леший) и др. Некогда игравшие положительную роль в первобытной мифологии, они переосмысливались и становились врагами людей. Их места теперь занимали исламские мифологические персонажи. В XVI–XVIII вв. в казахскую степь проникали многие сочинения средневековых мусульманских авторов и безымянные произведения, в которых воспевались первые пророки ислама, мусульманские ангелы и святые. Постепенно казахская устно-поэтическая традиция очищалась от элементов монгольской культуры и все более впитывала исламскую.

Несмотря на наступление, мусульманство не поколебало прочные традиции исконно тюркской культуры, в особенности народного поэтического творчества. Наоборот, тесное взаимодействие с культурами мусульманских и иных народов придало казахскому фольклору дополнительные черты, характеризующие его как самобытную устную культуру.

В этот период казахский фольклор значительно обогатился новыми произведениями историко-героического содержания. Произошла переработка старого богатырского эпоса, сформировался новый жанр – исторический эпос (тарихи жыр), бурное развитие получили предания и легенды об исторических личностях, особо проявивших себя в век борьбы за независимость родины. Классическую форму обрели сказки (волшебные, богатырские, о животных), появились их новые виды (новеллистические и сатирические). Народная культура пополнилась также театрализованными формами устного творчества[27]

Казахское государство со времени возникновения не знало мирной, спокойной жизни. Оно все время было объектом экспансии и отражало нападения со стороны враждебных государств. Особенно длительными и ожесточенными были войны с джунгарскими ханствами, которые фактически длились три века. В эту эпоху, наряду с поэзией жырау и биев-шешенов, фольклор широко разрабатывал героическую тематику и играл большую роль в повышении боевого духа воинов-ополченцев. Казахские жыршы-сказители эпоса, наравне с жырау и биями-шешенами, пели о богатырях прошлых времен и прославляли батыров-современников. Они прежде всего переработали старинные богатырские спевы в соответствии с запросами нового времени и общества. Это привело к исторической циклизации унаследованного эпоса. Основные события эпоса ранних времен были перенесены на современное сказителям время, в результате чего получалось, что и Алпамыс, и Кобланды, и Сайын, и Кокше, и Камбар и многие другие батыры, которые действовали в родоплеменном эпосе и воевали за счастье своего рода и племени с индусами (ындыс), с персами (кызылбас), теперь бьются с калмаками (калмақ) – реальными врагами того периода. Так произошло смещение исторического времени, событий и персонажей, а старые враги заменены новыми[28] Теперь древний эпос (как мифологический, так и родоплеменной) подвергся также различным видам циклизации (биографической, генеалогической и географической) и обрел форму классического героического эпоса эпохи феодального государства.

В этот период создавались новые эпические произведения (тарихи жырлар) и предания (аңыздар) о батырах и ханах, организовавших и ставших во главе освободительной борьбы казахов. («Есім хан», «Олжаш», «Абылай хан», «Бөгембай батыр», «Қабанбай батыр», «Өтеген батыр» и другие). Они создавались путем использования поэтики и мотивов прежнего эпоса. Но они, поскольку создавались по следам самих событий, были более историчны и более правдиво отображали жизненные факты и боевые события. В них значительно ослаблены фантастическое начало и гиперболическое изображение действий персонажей, разработаны новые сюжеты и мотивы и употреблены свежие поэтические приемы и образы.

В большом количестве возникали исторические предания и песни о ханах Есиме, Тауке, Турсыне, Аблае, о биях Толе, Казыбеке, Айтеке, Сырыме, о батырах Богембае, Кабанбае, Карасае и других. В преданиях рассказывалось об отдельных случаях из жизни реальных людей, их взаимоотношениях и совместных боевых действиях, об их поведении и поступках во время битвы и прочих приключениях[29]. Выдающиеся батыры и ханы воспевались и в исторических песнях, но, в отличие от историчекого эпоса, образы их менее идеализированы, и поэтому более близки к своим прототипам. Основная тема песен

– битвы казахов с калмыками в разные годы. Среди них особо выделялись события времен «великого бедствия» («ақтабан шұбырынды»), которые легли в основу многих песен. Из них необычайной силой лиризма и эпичности отличаются песни «Қаратаудың басынан көш келеді» («С вершины Каратау идет кочевка») и «Күншығыстан ызғарлы жел келеді» («С востока дует пронизывающий ветер»).

Кроме историко-эпических жанров, в устном народном творчестве и в повседневной жизни людей была велика роль обрядовых и лирических песен, сказок, пословиц и поговорок. Особенно обрядовая поэзия являлась неотъемлемой частью народного быта, который не мыслился без обрядов и песен. Она сопровождала все важные мероприятия и церемонии (и радостные, и траурные) в жизни и рядового, и знатного казаха. «По обычаю, сородичи оплакивали умершего в *жоқтау* (причитаниях), а если он окончил свой век в походе, сообщали семье погибшего об утрате в форме *естірту*. На смертном одре родители обращались к детям, старейшие к молодым с *осиет* (поэтическим заветом). Песней *қоштасу* прощался отъезжающий с родиной, со своим аулом. На свадьбах слышались *беташар, жар-жар, сыңсу* и другие песни невесты, ее подружек и джигитов. Песня сопровождала воина в походе. На судах все – от судьи до обвиняемого – сыпали пословицами, присловьями, поговорками, приводили притчи, ссылались на песни. Все это употреблялось как доказательство правоты, как «аргумент чрезвычайной древности». При разборе тяжб и родовых споров на советах собирались старейшины и аксакалы, их речь была насыщена изречениями и наставлениями старых времен. Прибегали к назиданиям, к песням и послы, когда правили посольство»[30].

Поэзия использовалась также при лечении от болезней и от укусов ядовитых насекомых (*арбау, шақыру*). Вера в магическую силу слова способствовала возникновению замечательных поэтических образцов, которые импровизировались и исполнялись народными лекарями и баксы-шаманами (*бақсы сарыны*). Устная традиция сохранила немало песен баксы, отмеченных высокой художественностью и печатью авторской индивидуальности. Известны песни таких знаменитых в свое время баксы-шаманов, как Шакар, Жамансарт, Берикбай, Досмырза, Жаман и др.[31]. Песни баксы – это большой поэтический монолог, содержащий призыв духов, их характеристику, обращение и приказ-повеление духам. По духу и стилю песни баксы сближаются с героическим эпосом, иногда в них встречаются целые строфы эпоса, описание духов напоминает восхваление богатырей.

Духи предков, духи отцов,
Ко мне летите на зов!
Древний пращур, явись ко мне,
Укажи мне дорогу вновь.
Ты, водивший святых на земле,
Ты, источник пламенных слов,
Пособи ты мне, Акшора,
Воскресивший семь мертвецов!..[32]

Шаманы-баксы применяли самые разные виды сравнения, определения и ассоциации для характеристики своих духов и их противников, подробно описывали каждого духа, подчеркивая его особые свойства и

перечисляя его предыдущие заслуги. Они призывали духов к активным действиям, требовали, чтобы они быстро и безжалостно расправлялись с болезнью, с ее злыми духами[33]. При этом шаманы, наряду с традиционными, нередко использовали собственные поэтические находки. Каждый баксы, который профессионально занимался камланием (баксы ойыны), имел свою песню, поэтому в их творчестве обнаруживается индивидуальное начало.

В духовной жизни общества XVI–XVIII вв. немаловажное значение имели сказки и легенды. Древние повествования, основанные на первобытных религиозных верованиях, оформились в классические волшебные сказки и сказки о животных, которые рассказывались в народе в воспитательно-развлекательных целях. Популярными стали сказки богатырского содержания, что соответствовало духу неспокойного времени, в эти сказки проникали мотивы борьбы казахов с джунгарскими завоевателями. Хождение в народе имели новеллистические сказки, восходящие в большинстве своем к древним индо-иранским и арабским сборникам и средневековым произведениям. Заметное развитие получили сатирические сказки, часть которых была связана с повествовательным фольклором родового строя и подверглась обновлению.

Сказки не только сохранили и переосмыслили древние сюжеты и религиозные верования (анимизм, магия, тотемизм и др.). Они в своеобразной форме отражали феодальную действительность эпохи Казахского ханства и выражали думы и чаяния простого люда. Особенно показательны в этом отношении сказки о Жиренше, «Аяз-би», «Балтеке-би», «Ер-Тостик», «Кендебай», «Жалайдар хан и Сагат», «Махума» и другие.

По сравнению со сказками более оперативно откликались на события тех времен легенды, в которых причудливо сочетались историческое и эпическое, реальность и вымысел.

В этот период появились социально-утопические легенды о давно прошедшем золотом веке, когда «жаворонки вили гнезда на спинах овец» («Кой үстіне бозторғай жұмырткалаған»), о поисках счастливой земли под названием Жеруюк и Жидели-Байсын[34]. Для появления таких легенд были свои причины. Ведь известно, что «социально-утопические идеи, настроения, движения возникают особенно активно и играют наиболее значительную роль в периоды кризисов общественных систем, на сломе исторических формаций»[35], во время крупных социально-экономических потрясений и политической борьбы в обществе. Жизнь Казахского ханства была полна драматизма, и фольклор по-своему отобразил ее и выразил мечту народа об улучшении социальной жизни.

Кроме социально-утопических легенд, бытовали также историко-топонимические и религиозно-книжные легенды. Легенды историко-топонимического характера обычно повествовали о выдающемся историческом лице, жившем в отдаленную эпоху, или истории какой-либо (нередко вымышленной) местности, населенного пункта, озера, реки и т. п. («Легенда об Иссык-куле», «Легенда о Коркуте», «Окжетпес», «Атасу», «Дети Токпана» и др.). Религиозно-книжные легенды были в основном заимствованными и рассказывали о жизни и деятельности исламских пророков либо местных святых. В них прославлялась исламская религия, для чего широко использовалась вместе с мусульманской древняя исконно казахская (шаманская) мифология, а

также умело употреблялись фольклорные художественно-стилистические приемы изображения персонажей и описания событий.

В период возвышения Казахского ханства сформировался еще один новый фольклорный жанр – романический эпос, включающий произведения о трагической судьбе полюбивших друг друга двух молодых людей, разлученных либо злой волей безжалостных родителей, либо коварным, предательским убийством жениха, либо родоплеменной распрей, либо неравенством социального положения влюбленных. Естественно, новый жанр возник не сразу. Отдельные мотивы, сюжеты или повествования любовно-лирического содержания зарождались и раньше, в эпоху родового строя, но они подвергались сюжетной и другим формам фольклорной циклизации и стали цельным эпическим произведением только в этот период. Как показывает история фольклора многих народов, такой романический эпос активно возникает и расцветает в эпоху феодального общества, когда в нем все большую активность начинают приобретать социально-личностные вопросы.

Именно такими были первые классические любовно-лирические произведения казахского фольклора «Козы Корпеш – Баян Сулу» и «Кыз-Жибек», время окончательного сложения которых в эпос романического характера исследователи относят к XVII–XVIII векам[36].

Эпос «Козы Корпеш – Баян Сулу», возникший на основе общетюркского сказания[37], повествует о том, как у молодых людей зарождалась любовь, как она крепла и превращалась в сильное чувство и как за нее боролись влюбленные. В эпосе точно изображены кочевой быт казахов и сложные взаимоотношения между родами, между людьми, в роду и семье, а также цельно очерчены образы, правдиво и убедительно показано зарождение любви у героев.

Эпос «Кыз-Жибек», время окончательного сложения которого относится в XVII веку[38], состоит из двух частей, разрабатывающих два сюжета. Содержание первой части составляет история любви между Толегеном и Жибек и гибель Толегена от руки коварного соперника Бекежана. Вторая часть рассказывает о дальнейшей судьбе красавицы Жибек, которая после гибели Толегена выходит замуж за деверя, Сансызбая – младшего брата Толегена.

Первая часть эпоса, как считают исследователи, создана раньше второй и бытовала как самостоятельное произведение сугубо романического характера на тему несчастной любви, тему любовного треугольника: она–он–соперник. Вторая же часть является эпилогом, где героем выступает младший брат погибшего богатыря. Введение в повествование такого эпилога – следствие генеалогической циклизации, присущий эпосу, и оно продиктовано реальностью казахско-джунгарских столкновений в XVII–XVIII веках[39].

Народное драматическое творчество. Духовная культура Казахского ханства не была однообразно поэтической. В ее составе богато были представлены различные виды театрально-зрелищных представлений, игры и увеселительные мероприятия. Одни из них были непосредственно связаны с бытом и хозяйством, другие представляли собой специальные развлекательные действа, забавы и затеи[40].

К первой группе относятся различные действия и устно-поэтические произведения, сопровождающие всевозможные бытовые и хозяйственные обря-

ды, свадебные и похоронные ритуалы. Это – календарно-трудовые и обрядовые формы народного драматического творчества. Они приурочены к определенным периодам народного календаря. Большинство народных праздников и игр проводилось в весенне-летний период, когда суровая зима была уже позади, окот прошел, а аулы перебрались на летние стоянки-жайляу. Существовали игры и ритуалы, приходившиеся на зиму и раннюю весну. Некоторые увеселения устраивались осенью.

Особенно большое значение придавалось празднованию Нового года, называвшегося в древности «Ұлыстың ұлы күні» («Главный день общества»), а позже – Наурыз. В первый день Нового года люди устраивали праздничные игры и веселье. В играх «Қалтырауық қамыр кемпір» («Тестовая старуха-мерзлячка» и «Ақ боран» («Белый буран») имитировалась борьба зимы и лета. Зима символически изображалась старушкой из теста, которая должна была передать движениями состояния уходящей (умирающей) зимы.

Группа обрядов и игр была связана с трудовой деятельностью казаха-скотовода. Летом, на жайляу, когда начиналось первое доение кобылиц, устраивалось ритуальное угощение «Қымыз мұрындық» («Первый кумыс»). Оно сопровождалось весельем «Сейіл» («Развлечение»), во время которого пелись песни в честь покровителя лошади «Жылқышы ата». Такие же увеселения и ритуальные угощения устраивались и в конце лета и ранней осенью, когда прекращали доить кобылиц.

Своеобразной игрой, связанной с хозяйственной жизнью и имевшей обрядово-магический характер, был «Бәдік» («Бадик»). Бадик представлялся злым духом, насылающим на скот различные болезни. Игра проводилась летом. Молодежь собиралась в одну юрту и в песенной форме высмеивала мнимого духа болезни – бадика и требовала, чтобы он покинул аул, угрожая расправиться с ним, если он ослушается. При этом исполнялись различные комические номера, связанные с процессом изгнания злого духа. В сценах изгнания духов главную роль играл баксы (шаман), выступавший в качестве жреца. Участники игры поддерживали действия баксы криками, подпеванием и телодвижениями. В игре имело место разделение на корифея и хор, с одной стороны, и мнимого духа – с другой, между которыми и происходила борьба.

Сочетанием обрядовых и театральных элементов отличалась игра баксы (баксы ойыны), т. е. камлание шамана. Именно здесь проявлялось жреческое назначение баксы, которого считали способным вступать в контакт с иным миром и знающим способы борьбы (или дружбы) с его представителями. Игра баксы проводилась в юрте больного в присутствии публики, и она представляла собой моноспектакль, состоявщий из нескольких частей и соединявший в себе пение, танец, игру на музыкальном инструменте, акробатические трюки и иллюзионистские номера. Имея театрализованную форму, такая игра баксы оказывала сильное эмоциональное воздействие на присутствующих и на самих больных.

Из всех обрядовых форм народного драматического творчества наиболее близка была к театральному искусству свадебная традиция. В средневековье казахская свадьба включала в себя три части (или этапа): сватовство, промежуточный (предсвадебный) период и свадебный пир. Каждая из этих частей состояла из ряда эпизодов. Сватовство включало приезд сватов–родных и друзей жениха в аул будущей невесты, договор о сватовстве и размере калы-

ма, о времени проведения свадебного пира и отъезд сватов. Промежуточный (предсвадебный) период охватывал время, за которое полностью или наполовину уплачивался калым, и жених имел право встречаться с невестой. В это время встреча молодых происходила часто, и она называлась «калындық ойнау» («игра в женитьбу») или «ұрын келу» («тайное посещение»). Сам свадебный пир состоял из двух этапов: а) пир в ауле невесты и проводы ее, б) приезд свадебного поезда в аул жениха и свадьба.

Каждая из трех частей свадебной традиции сопровождалась соответствующими обрядами, играми и весельем. Весьма зрелищным было само сватовство с его подчеркнуто важным этикетом, строго регламентировавшим поведение сватающих сторон, особенно приехавших: у них строго распределены роли и обязанности каждого человека. Это было условным диалогом--состязанием двух групп людей.

Большим количеством игр (ритуалов) отличался второй (предсвадебный) промежуточный период, во время которого жених приезжал в аул невесты. Каждый его приезд отмечался различными обрядами и играми, некогда имевшими, вероятно, сакральное значение. Жених обязан был пройти к невесте через такие игровые препятствия, как «есік ашар» («вход в юрту»), «кол ұстатар» («рукопожатие»), «шаш сипатар»» («поглаживание по волосам») и т. п.

Чрезвычайно зрелищным и театрализованным был третий этап свадьбы, начинавшийся в ауле невесты и завершавшийся в ауле жениха.

На свадебном пире в ауле невесты пелись глубоко эмоциональные песни «Жар-жар» («Друг-супруг») и «Сынсу» («Плач невесты»), которые не только имели ритуально-бытовое значение, но и доставляли людям также эстетическое наслаждение. Песня «Жар-жар» имела установленную музыкальную форму и текст, и она исполнялась двумя хорами парней и девушек по отдельности. Эти песенно-хоровые партии различались по содержанию и тону. Мужской хор в шуточно-развлекательном тоне утешал невесту, а женский хор был грустный и пел об утрате девичьей вольности, о предстоящей разлуке с родными и отъездом на чужую сторону.

Не менее зрелищной и трогательной была сцена прощания невесты с родным домом, с родственниками и родной землей. В сопровождении подружек и других женщин она обходила весь аул, песней прощалась со всеми. Ее песня «сынсу» была полна грусти и тревоги, в ней она с сожалением говорила о быстротечности счастливой девичьей поры, прощалась с нею, обращалась к родителям, сородичам и природе с просьбой помнить ее и не забывать.

На свадебном пиру в ауле жениха наибольшей театральностью отличалась сцена представления невесты родственникам жениха и всей собравшейся публике. Для этой цели исполнялась песня «Беташар» («Открывание лица»), которая имела обрядовое и эстетическое значение и носила одновременно и торжественно-серьезный, и шутливый характер. Во время этого обряда невеста стояла в отведенном месте с закрытым лицом и поддерживалась с двух сторон молодыми женами братьев или родственников жениха. Песня «Беташар» состояла из двух частей: первая часть включала: а) восхваление невесты и б) перечисление ее обязанностей; вторая часть содержала: а) характеристику родителей и родственников жениха и б) требование подарков невесте (көрімдік). Каждому из охарактеризованных родных жениха невеста

делала поклон. К концу второй части исполнитель песни или почетный сородич открывал лицо невесты.

При исполнении песни «Беташар», чтобы не наскучить людям, певец, знакомя родственников жениха, воссоздавал их образы жестами и позами, вставлял шутки и прибаутки, мимикой подражал тем, о ком говорил, и вызывал всеобщий смех и веселье.

В народно-драматическом творчестве казахов большую группу составляли развлекательно-игровые формы, которые имели установку на развлечение как самих исполнителей, так и собравшейся публики. Это – различные игры, состязания и турниры, устраивавшиеся во время народных праздников, особенно на свадебных тоях и годовых поминках по умершим (ас). По своему характеру, назначению и составу участников они являлись подлинно народными представлениями с участием большого количества людей, поскольку преследовали цель развлечь собравшихся и устраивались для зрителя[41]. Такими многолюдными представлениями, в которых участвовали десятки (и даже сотни) людей, были увеселения, исполнявшиеся на больших тоях-пирах и тризнах-асах и носившие спортивно-игровой характер («бәйге» – «скачки коней«, «жаяу жарыс» – «состязание в беге», «жамбы ату» – «сбивание слитка золота или серебра», «қыз қуу» – «погоня за девушкой», «көкбар» – «козлодрание», «күрес» – «борьба» и другие).

Наряду с ними существовала еще одна группа народных увеселений, которые устраивались не только в торжественно-праздничные, но и в обычные дни и преследовали иную, чем предыдущие игры, цель: развлечение самих исполнителей. Это – молодежные игры, и они устраивались не для зрителей. От многолюдных представлений для публики они отличались также и тем, что в них играли не только днем, но и по вечерам, как в поле, так и в помещении. К ним относились игры: «ақ сүйек» («белая кость»), «алтыбақан» («качели»), «хан» («хан»), «көрші» («сосед»), «орамал тастау» («прятание платочка»), игро-хороводные танцы: «айгөлек» («лунный круг»), «кара құлан» («черный кулан»).

Некоторые из них представляли собою своеобразный спектакль, поставленный в виде молодежной игры («Хан», «Хан жақсы ма?» – «Хорош ли хан?», «Қыз ойнақ» – «Девичье веселье»). В них показана действительность эпохи Казахского ханства: участники игры избирали хана, ханшу, его везирей. Хан повелевал, разбирал жалобы, казнил либо миловал. Подданные – другие участники игры – во всем повиновались хану, беспрекословно выполняли его волю. Такие игры были и на любовно-бытовую тему.

Письменная литература. Казахское ханство в это время имело постоянные контакты с соседними государствами, со странами Среднего и Ближнего Востока, в нем все глубже шло распространение арабо-мусульманской культуры и науки, создавались мектебы и медресе, в которых обучение велось на арабо-персидском и тюркском языках, давались знания по различным отраслям науки (богословия, математики, логики, философии), знакомили с классическими творениями великих поэтов Востока. Придворная знать, крупные феодалы, беки и другие состоятельные люди отправляли своих детей на обучение в Бухару, Самарканд, Багдад и другие культурные центры мусульманского мира. Все это оказывало благотворное влияние на общее развитие ментальности ханства, на духовную жизнь и культуру всего общества.

В эту эпоху духовная культура казахского народа характеризовалась не только устно-поэтической традицией. В ней развивалась также письменная литература, которая творилась главным образом в придворной среде и преимущественно в форме исторических сочинений. Следует отметить, что в средние века литературные жанры не дифференцировались, и художественная проза не была самостоятельным жанром. Под литературой понимали в основном поэзию, а прозой писали исторические и иные сочинения, которые в то время рассматривались не только как исторические труды, но и как источники художественного наслаждения для читателей. Поэтому в таких произведениях обильно встречаются различные литературные приемы, невероятные гиперболы, яркие описания событий, поэтические строки с сочными сравнениями, с невообразимыми эпитетами и другими признаками художественной литературы.

История сохранила немало таких сочинений, которые имеют значение не только как летописные или нарративные источники, но и как памятники художественной литературы тюркских народов Средней Азии и Казахстана позднего средневековья. Среди них особо можно выделить «Бабур-наме» Захриддина Бабура, «Шайбани-наме» Камаледдина Бинаи, «Тарих-и Рашиди» Мухамеда Хайдара Дуглата, «Тарих-и Кыпчаки» Ходжамкули-бека Балхи, «Жами-ат-тауарих» Кадыргали-бека и другие. Эти авторы не только описывали события и излагали историю генеалогии правителей. Они свои описания сопровождали художественными образами и тропами, порою давали литературные картины боев или других событий, украшали свой слог всевозможными фигуральными тропами, вставляли в повествования стихотворные строки, свидетельствующие об их незаурядном поэтическом таланте и широкой эрудиции. В первую очередь это относится к Бабуру.

Захриддин Мухаммед Бабур (1483–1530). Он родился в Андижане и происходил из тимуридов. Прожил чрезвычайно сложную, полную войн и тревог жизнь. Очень рано вступил в перипетию династийной вражды. Уже в 12 лет, потеряв отца, сел на трон Ферганы. Вел борьбу с Шайбанидами. Потерпев поражение от них, Бабур покинул родину и в 1525 году предпринял поход на Афганистан и Индию. Победив индийского султана Ибрагима, занял г. Лахор в долине Пенджаба, а затем захватил Дели и Агру и создал новое «Государство Великих моголов», которое просуществовало до английского завоевания Индии в XIX веке. Бабур имел тесные контакты с Казахским ханством, состоял в родстве с ханом Касымом и Мирзой Мухаммед Хайдаром Дуглатом, которого даже приютил в трудное для него время[42] Он умер в Агре и похоронен в Кабуле.

Бабур был человеком разностороннего дарования: выдающийся полководец и государственный деятель, талантливый ученый и великий поэт. Им созданы ценные труды по истории музыки, по этике и военному делу. Но до нас дошли лишь его замечательная книга «Бабур-наме», небольшое количество блестящих газелей и рубаи, а также великолепный теоретический труд «Трактат об арузе»[43]

Широко известна его книга «Бабур-наме», написанная в жанре мемуарной литературы и во многом имеющая автобиографический характер. Книга охватывает все основные события, происходившие в Средней Азии и Казахстане в конце XV – начале XVI вв., когда Бабур был на родине, а также историю его пребывания на чужбине. В соответствии с этим она условно может быть

разделена на две части: изложение фактов и событий, имевших место в промежутке между 1494—1508 годами. В это время он вел ожесточенную, но безуспешную войну с Шайбанидами с целью возрождения империи Тимура. Вторая половина книги посвящена истории завоевания им Индии и создания своего государства.

В этой книге Бабур предстает как талантливый полководец и выдающийся государственный деятель с энциклопедическими знаниями в области истории и политики, государственного и военного строительства. Здесь он и блистательный аналитик, умеющий из сонма фактов выделять самое главное и делать точные выводы. Язык «Бабур-наме» лаконичен, стиль изложения легкий, отдельные описания довольно красочны и детальны, и все это делает книгу замечательным памятником письменной литературы.

Захриддин Бабур был также высоко одаренным поэтом и теоретиком поэзии. Его газели и рубаи, хотя и написаны в традициях витиеватой средневековой восточной поэзии, несут на себе печать индивидуальности. Он тоже, как и автор «Мухаббат-наме», восторженно говорит о своей возлюбленной, с которой находится в разлуке, и обращается к ней с жалобой на свою незавидную участь. В то же время поэт Бабур четко выражает свое «я», исходящее из его жизненного опыта и психологии человека, оказавшегося на чужбине. Его судьба наложила отпечаток на его лирику:

Каких страданий не терпел и тяжких бед Бабур?
Каких не знал измен, обид, каких клевет Бабур?
Но кто прочтет «Бабур-наме» — увидит, сколько мук
И сколько горя перенес царь и поэт Бабур![44]

Бабур был не только поэтом. Он занимался также теорией стиха и оставил великолепный «Трактат об арузе». В нем излагается теория арабо-персидского аруза. В то же время Бабур разрабатывает вопросы тюркского аруза, когда он свои тезисы об арузе подтверждает примерами из тюркской поэзии. При этом он специально останавливается на тюркских поэтических формах, которые не входили в канонический аруз (олен, тархани, тюрки, кошук, туют). Примечательно, что имеется описание формы «өлең», которая является одной из главных в казахской поэзии и по сей день.

Мирза Мухаммед Хайдар Дуглат (1499—1551). Его литературный псевдоним — Аяз. Он родился в Ташкенте. Его дед Мухаммед Хайдар-мирза был правителем Кашгара, но в 1480 году был свергнут своим племянником Абу-Бакром. Изгнанного правителя приютил друг Султан Иунус-хан, который впоследствии выдал одну из своих дочерей замуж за его сына Мухаммеда Хусайна (от этого брака рождается Хайдар Дуглат), Хусайн был в хороших отношениях с отцом Бабура — Омаром Шайхом и правителем Ташкента Султан Махмуд-ханом, при ком находился долгое время. После взятия Ташкента узбеками он бежал в Кара-Тегин, к Хусрау-шаху. Там в Кабуле он примкнул к заговорщикам против Бабура, но Бабур из родственных чувств не стал его казнить. Махмуд-Хусайн после этого вынужден был вернуться в Фергану, где Мухаммед Шайбани приказал убить его.

После гибели отца Хайдару Дуглату было опасно оставаться в Фергане и он некоторое время укрывался в Бухаре. Затем бежал в Бадахшан, а оттуда перебрался в Кабул, к Бабуру—двоюродному брату по матери[45]. Вместе с Бабуром участвовал в нескольких военных походах и в 1512 году с разреше-

ния Бабура присоединился к другому двоюродному брату по отцу – Султан Саид-хану, с которым возвратился походом в Кашгар и изгнал узурпатора Абу-Бакра.

Мирза Мухаммед Хайдар Дуглат находился при Саид-хане, занимал крупные государственные и военные должности, являлся воспитателем сына своего повелителя – Абд ар-Рашид-хана, которому впоследствии посвящена рукопись «Тарих-и Рашиди». Хайдар Дуглат в 1573 году участвовал в походе Саид-хана на Тибет, но Саид-хан погиб во время похода, и на престол сел его сын Абд ар-Рашид, который устроил гонения на всех приближенных отца, и Хайдар Дуглат удалился из двора. Он долго скитался по Бадахшану, а затем ушел в Индию, к Камран-миру. Там он сумел отвоевать престол и стать правителем Кашмира. Хайдар Дулати погиб в одной из военных стычек с горными племенами Индии в 1551 году.

Мирза Мухаммед Хайдар Дуглат как выходец из знатного рода получил блестящее образование, великолепно знал тюркские, арабский, персидский языки. Судя по стилю и языку изложения событий, книга «Тарих-и Рашиди» – не единственное его сочинение. Как полагают, имеется его поэма «Джахан-наме», написанная на тюркском языке. Сюжет ее сказочный. Рукопись поэмы находится в Берлинской городской библиотеке [46], и она еще не стала достоянием широкой научной общественности.

Научный мир хорошо знаком с сочинением Хайдара Дуглата «Тарих-и Рашиди». Оно написано в два этапа и состоит из 2-х частей. Раньше написана вторая часть – в 1541–1542 гг. Первая же часть завершена в 1546 году. «Тарих-и рашиди» является произведением, вобравшим в себя фольклорные предания и устные генеалогии правителей, письменные сочинения разных авторов и собственно авторские наблюдения и воспоминания. По этой причине отдельные части книги выглядят как рассказ очевидца событий.

«Тарих-и Рашиди» – не только историческое сочинение. Это – талантливо написанное литературное произведение, в котором имеются правдиво описанные картины боя, показаны действия людей при сражениях, поведение их во время битвы, обрисованы образы реальных лиц (Саид-хана, Бабура, Касым-хана и др.), раскрыт драматизм событий, точно переданы настроения людей в определенных ситуациях. Автор увлекательно рассказывает о том, что сам видел, зримо рисует то, что происходило в прошлом. В его повествованиях герои показаны в действиях, в поступках и диалогах, что делает рассказы экспрессивными. Например, весьма красочно и занимательно описана встреча в 1512–1513 году уже далеко немолодого Касым-хана, которому, как пишет автор, под 70 лет, и молодого Саид-хана, которому не было ещё и 30 лет. В их поступках и речах четко обнаруживается благородство героев, их взаимное уважение и теплое отношение друг к другу... Во всем этом дает себя знать поэтический талант Хайдара Дуглата. Неслучайно свое возмущение поведением бывшего своего воспитанника Абд ар-Рашида он выразил в письме к нему четверостишием:

Условие нашего договора о преданности и любви, –
Удивительно, как все это ты предал забвенью!
В твоем представлении, оказывается, коварство
было милостью,
Да благословит тебя аллах! Удивительную милость ты мне оказал![47]

О том, что Хайдар Дуглат был незаурядным поэтом, можно понять и по словам Бабура: «Теперь он (Хайдар Дуглат – С. К.), говорят, остепенился и встал на хороший путь. К писанию, к рисованию, к изготовлению стрел, наконечников стрел и колец для натягивания лука – ко всему его руки ловки. Дарование к стихам у него тоже есть. Ко мне пришло от него прошение: слог его недурен»[48] (подчеркнуто нами – С. К.). Великий поэт Бабур мог дать такую оценку Хайдару Дуглату потому, что у Хайдара было художественное видение мира и своя независимая оценка всего того, что он видел и кого он описывал в своих творениях. В нем Бабур видел, очевидно, творчески гордую личность, для которой честь и верность были превыше всего.

Кадыргали-би Косымулы Жалаири. Родился предположительно ок. 1555 г. и умер ок. 1607 г.[49]. Был одним из образованных людей своего времени, некоторое время являлся советником (караши) хана Кучума. В начале 1580-х г. покинул Кучума и поступил на службу к султану Ондану, который доверил ему воспитание и обучение юного султана Ураза-Мухаммеда. В 1587–1588 гг. он вместе с султаном Уразом-Мухаммедом попал в плен в Россию и до 1600 года находился в Москве, разделяя судьбу своего молодого повелителя. Вместе с Ураз-Мухаммедом, занявшим в 1602 году по решению русского царя Бориса Годунова престол касимовского ханства, жил в г. Кермане. Его судьба после предательского убийства Ураз-Мухаммеда в 1610 году неизвестна.

Сочинение Кадыргали Жалаири, условно названное И. Н. Березиным «Жами ат-тауарих», состоит из трех частей: первая – восхваление царя Бориса Годунова, вторая – сокращенный перевод труда Рашид ад-дина «Жами ат-тауарих» с персидского, третья – история династии Чингизидов до Ураз-Мухаммеда, рассказ о правителе Золотой Орды Едиге, повествование о восшествии Ураз-Мухаммеда на касимовский престол весной 1602 года[50].

Этот труд ценен во многих отношениях. Он может считаться и историческим источником, и памятником литературы и языка XVI–XVII веков, и панегирическим произведением во славу Бориса Годунова и Ураза-Мухаммеда. В нем, наряду с изложением историко-легендарной хроники царей тюрко-монгольских народов и событий, связанных с их деятельностью, описывается быт и хозяйство ханского двора, дается характеристика не только самим правителям, но и их противникам. В книге также довольно точно передается поведение людей двора и приближенных султана Ураз-Мухаммеда. Как литературное произведение эта книга дает полное представление о нравах касимовского общества, о глубоком проникновении в жизнь мусульманской веры, о благосостоянии царской знати. Автор детально описывает процесс «инаугурации» Ураз-Мухаммеда, показывает, как султан сел на трон в мечети, кто читал молитву (хутб), и какие люди присутствовали на этом торжестве:

«Все, и стар и млад, мулла и калхуддей, весь исламский люд присутствовали. Был прочитан молитвенный намаз. Караши и аталыки кидали шашу над высокочтимым ханом. Все собравшиеся поздравили высокочтимого хана. Несколько дней, до истечения этого месяца, день и ночь давались угощения и подарки. В те дни был устроен очень большой пир, было выпито бесчисленное количество меда и вина, зарезано большое число лошадей, овец и коров. Хан созвал очень большое собрание. Каждому из собравшихся опре-

делил должность и звание. Муллам и хафизам, сиротам и вдовам, беднякам и нищим дал подарки и милостыни»[51]

Описание пира, щедрости радостного правителя дано в фольклорном стиле, в то же время лаконично и конкретно. Литературно изображен образ Ураз-Мухаммеда, который представлен правителем справедливым и милосердным, как это бывает в утопических сочинениях: «Бездомным и неимущим оказывал милосердие и благосклонность. Правой рукой правил дела по шариату, а левой – безжалостно наказывал воров-разбойников и недостойных людей согласно указам царя Бориса Федоровича»[52]. Действительно, «это – замечательный памятник панегирики»[53].

Основная идея сочинения Кадыргали Жалаири была монархистско-этатической. Он ставил целью проследить историю всех правителей от Нуха до Огуза, от Огуза до Хижрата, от Хижрата до Чингиза, от Чингиза до Ураз-Мухаммеда и показать их роль в истории и тем самым доказать божественную законность царствования всех упомянутых им правителей и Ураза-Мухаммеда. Автор, вероятно, предполагал в дальнейшем написать историю царствования Ураз-Мухаммеда в г. Кермане и изобразить его как справедливого правителя, создавшего в своем царстве идеальное общество, которое, как он пишет, «было [самое] спокойное во всем государстве царя Бориса Федоровича»[54].

Абулгази Бахадур (1603–1664). Родился в семье Джучида Араб Мухаммед-хана в г. Ургенче. Его мать Мехрибану-ханум также была из Чингизидов. Абулгази в 6 лет потерял мать и воспитывался у мачехи. Он учился в медресе Арысхан, построенном отцом. С юных лет проявлял склонность к литературе и наукам, изучал историю и сочинения предшественников, обучался военному искусству и участвовал в государственных делах, к старости отца между его детьми началась борьба за трон Хивы. В одном из сражений в 1621 году Абулгази получает тяжелое ранение и, переплыв Амударью, укрывается у туркмен Мангышлака, а затем уходит к казахским ханам Есиму и Турсыну. Однако в 1628 году он был пойман и сослан в Иран. Целых десять лет он провел в Исфахане, и, наконец, в 1638 году ему удалось бежать из ссылки. Некоторое время он жил у калмыцкого хана Хо-Урлюка, но вскоре перебрался к приаральским казахам и возглавил их восстание против хивинского хана Спандияра – своего брата, но потерпел поражение. В 1643 году приаральские казахи объявляют его своим ханом. Он неустанно вел войну с ханом Хивы и в 1645 году завоевал трон. В 1663 году добровольно уступил правление страной сыну Ануш-Мухаммеду и занялся писанием книги «Шежре-и тюрк». Но Абулгази через год скончался, и книгу завершил его сын[55].

Книга «Шежре-и тюрк» написана в традициях средневековой исторической прозы Востока и представляет собою изложение генеалогии династии Чингизидов, начиная от Адама до самого Абулгази. Состоящая из предисловия и девяти глав, она основана на библейско-кораних ческих сюжетах и древней мифологии, на ранних сочинениях такого характера («Огуз-наме», «Алтан-тобчи», «Зафар-наме» и др.), которые использованы автором по-своему и переложены творчески на тюркский язык.

Стиль изложения показывает, что Абулгази был одаренным человеком и обладал хорошим слогом. В предисловии к книге он пишет, что «в совершенстве овладел поэтическим искусством и создавал на тюркском языке

месневи, касыду, газели и рубаи»[56]. Следовательно, он писал стихи, которые еще не обнаружены. В книге же встречается несколько бейтов, подтверждающих его слова и нашу мысль о том, что Абулгази был одновременно и поэтом.

При описании интересных в историческом отношении событий, особенно военных действий, Абулгази проявляет себя подлинным мастером художественного слова, он умело применяет литературные приемы изложения, точно и лаконично передает ситуацию, показывает характер полководцев в критические моменты, зримо рисует картину боя, тонко подмечая иногда детали. Вот как показан эпизод боя Толуя с китайцами: «Укудай-каган отправил Толуя с десятью тысячами людей вперед, а сам медленно последовал за ним. Тогдашний китайский царь Алтанхан, услышав об этом, отправил к ним навстречу двух эмиров со стотысячным войском. Сто тысяч воинов окружили Толуя, и Толуй осознал свое бедственное положение. Тогда он приказал шаманам пустить в ход колдовство. Те три дня и три ночи колдовали. В знойный летний день пошел дождь со снегом. Стало очень холодно, люди не смели вынуть руки из-под мышек. Видя, как китайцы мерзнут и чувствуют себя неуютно, Толуй-хан дал приказ своим воинам вступить в бой. Монголы напали на китайцев с разных сторон. Китайцы потерпели поражение. Из ста тысяч войск спаслись бегством только пять тысяч, остальные все погибли»[57].

Эпизод боя и сцена битвы описаны весьма сжато и экспрессивно. Несколькими словами показана решительность и находчивость Толуй-хана, точно схвачено чувство растерянности в китайском войске, правдиво показано состояние людей, попавших летом в морозную ситуацию. Описание природных явлений, использование приема контраста и противопоставления двух войск и их полководцев, все это выполнено в истинно литературном стиле и говорит о том, что «Шежре-и тюрок» может быть изучено и как произведение литературы XVII века. Рассказов, подобных вышеприведенному, в книге немало, и они придают сочинению Абулгази занимательность и художественность.

Таким образом, в XVI–XVIII вв. духовная культура казахского народа представляла собою закономерное продолжение культурных традиций предыдущих эпох и развивалась в нескольких направлениях. В ней активно функционировали циклизированные древние мифы и архаические повествования. Фольклор переживал обновление, некоторые старые жанры исчезали, иные видоизменялись и приспосабливались к новым условиям. Старинные сказания, основанные на первобытных верованиях, подвергались исламизации или же вытеснялись на периферию духовной культуры.

В связи с создавшимися в ханстве внешнеэкономическими ситуациями актуальность приобрели героико-патриотические и исторические темы. Возникли новые жанры в эпосе (тарихи жыр), в песне (тарихи өлең), в сказке (новеллистические и сатирические), новые предания о реальных людях и событиях.

Главенствующей стала поэзия жырау, выполнявшая главным образом идеологическую роль и воспевавшая идею сильной казахской государственности и ее защиты от иноземных захватчиков. Поэзия жырау и творчество биев-шешенов служили государству и поддерживали ханскую власть. Вместе с тем в их творчестве и действиях проявлялись признаки оппозицион-

ности к хану. Однако при посягательстве на независимость государства разногласия уходили на второй план, и литература, и устное творчество, и музыкальное искусство призывали к единству и к борьбе с завоевателями.

В середине XVIII века поэзия жырау уступает место акынской профессиональной поэзии. Казахстан был включен в состав России и потерял свою государственность, в связи с чем ушли с исторической арены идеология и ее идеологи. Это привело к тому, что, с одной стороны, в духовной жизни стали активную роль играть акыны со своими демократическими мотивами и литература отошла от прямого служения государству и правителю, с другой стороны, тема героики и защиты родины от внешних врагов отпала и ее место стала занимать лирика. В обществе и его духовной культуре литература стала самостоятельной частью, и наравне с акынами продолжали ее развивать поэты, придерживавшиеся традиций классической восточной поэзии (Софы Аллаяр, 1630–1723; Сайкали, ок. 1730–1799). Наряду с этим в казахской литературе вызревала и формировалась повстанческая поэзия, которая вместо темы защиты родины разрабатывала антиколониальную тему. Особенно бурное развитие она получила с конца XVIII века, когда в разных местах Казахстана вспыхивали восстания против российской колонизации.

2. КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК

Современный казахский язык, являющийся государственным языком Республики Казахстан, сложился на рубеже XV-XVI вв. в процессе консолидации ряда близкородственных родоплеменных объединений и образования на их основе в XIV-XV вв. казахского народа и его государственности[58]

По существующей классификации современный казахский язык, образуя вместе с ногайским одну подгруппу, относится к кыпчакской группе тюркских языков западной ее ветви и находится в самых близких родственных отношениях с каракалпакским, киргизским, татарским, крымскотатарским, башкирским, карачаево-балкарским и др. языками этой группы.

История формирования казахского языка своими корнями уходит в далекое прошлое. Если проследить непрерывно развивающийся процесс становления казахского этноса в преемственной связи с историей составляющих его основу этнических компонентов древних усуней, канглы, адаев, дулатов, найманов, кыпчаков и др. родоплеменных объединений, то он образует три периода — древний, средневековый и новый, которые в силу различных исторических обстоятельств и др. факторов в свою очередь распадаются на этапы, характеризующие различное состояние языка казахского этноса. С этой точки зрения древний период истории языка казахского этноса охватывает время с II в. до н. э. по V в. н. э. Родоплеменные объединения усуней, канглы явились преемниками сакского этнокультурного наследия, имели свою государственность и находились в тесных политических контактах и этнических связях с хуннами (гуннами), юечжами, аланами, древними китайцами и с другими сопредельными и отдаленными этносами. Состояние праказахского языка на этом этапе истории почти не изучено вследствие крайней ограниченности фактологического материала, равно как и недостаточного совершенства методики исследования.

Второй этап истории становления языка казахского этноса падает на раннесредневековый период (с VI по IX вв.) и связан с эпохой образования и расцвета Тюркских каганатов и создания орхонских, енисейских и таласских рунических памятников[59]. Если о первом этапе истории, из-за отсутствия засвидетельствованных письменных источников, можно было говорить априори, то о втором этапе этого периода истории изучаемого языка можно говорить уже более конкретно, сопоставляя его данные с фактами дошедших до нас и хорошо изученных, опубликованных памятников древнетюркской письменности[60]. В составе общего для всех тюркских племен древнетюркского языка VI-IX вв. не только рунических памятников, но и других исторически засвидетельственных источников на территории Западно-Тюркского каганата отмечается также «джекание», как важный элемент кыпчакской группы тюркских языков.

В истории казахского языка, как и многих других тюркских языков, исключительно важное значение имел период развитого и позднего средневековья (X-XVII вв.). Этот этап характеризуется сложностью и многообразием исторических событий, наложивших отпечаток на этнолингвистическую ситуацию на всем евразиатском пространстве, в котором компактно и вразброс (дисперсно) проживало множество тюркских племен, племенных союзов, народов и народностей, ведущих кочевой, полукочевой или оседлый образ жизни и имевших подчас неодинаковый уровень социально-политического развития.

С точки зрения истории казахского языка и его носителей вышеуказанный период сложился из двух довольно своеобразных этапов развития: с X по первую половину XV вв. и со второй половины XV и до начала XVIII вв. Если рассматривать первый этап средневекового периода истории казахского языка с точки зрения его состояния и развития, то он прежде всего характеризуется процессом интеграции разрозненных этнических групп в сфере общекыпчакской языковой общности с последующим образованием на исконно географическом пространстве их обитания самостоятельного общенародного казахского языка. Второй же этап средневековья завершается сложением единого и монолитного казахского языка в его устной и письменной разновидностях[61]. Такое состояние языка достигается не только консолидацией прежде разбросанных, дисперсных родоплеменных групп, но и внутренней интеграцией и сближением, стиранием межплеменных диалектных различий уже в рамках кыпчакской языковой общности, сложившейся на огромной территории Средней Азии и Казахстана.

Весьма значима особенность каждого из этих периодов и их роль в историческом и геополитическом процессах формирования и развития казахского языка.

Говоря о раннесредневековом периоде истории казахского языка, следует отметить, что языки известных нам племен и племенных объединений, вошедших затем в этническую структуру казахского народа, имели немало схожих черт с общетюркским литературным языком как в устной, так и в письменной формах функционирования в VI-IX вв. Древнетюркское койне представляло собой синтез живых языков и диалектов множества тюркских племен, живших в тот период на огромных просторах Центральной Азии, в том числе и Казахстана. Это был живой и богатый язык, в котором изобиловали народные эпитеты, образные формулы и модели художественных

средств, содержащих в себе народные назидания, восхищения, олицетворения, прощания, оплакивания, живые диалоги и монологические повествования о жизни и героических подвигах таких выдающихся государственных деятелей и военачальников, как Тоньюкук (716 г.), Культегин (732 г.), Бильге-каган (735 г.) и многих др. Так что многие образцы казахских эпических произведений и устно-поэтического творчества по образности языка и моделей художественного повествования являются преемственно связанными с традициями древнетюркского языка.

С падением Тюркского каганата и расширением сферы политического и культурного влияния мусульманского мира в Средней Азии и Казахстане происходят значительные перемены, которые оказали заметное влияние на языковую ситуацию в этих регионах. Образование новых культурных центров и государственных структур, а также распространение ислама и связанное с ним широкое распространение арабской письменности составляют важнейшие атрибуты той эпохи.

К наиболее значимым историческим событиям, имевшим прямое отношение к народам Средней Азии и Казахстана, можно отнести завоевание и правление Караханидов тюрками-мусульманами государства Саманидов, распространивших в IX в. свое политическое влияние на ряд городов в Южном Казахстане[62]. Проникновение и распространение мусульманской религии в среде кочевой аристократии внесли определенные изменения прежде всего в ее духовную жизнь, в вековые обычаи и традиции. С переходом на арабскую письменность, начиная с VIII в., постепенно отходят на задний план устные и письменные традиции древнетюркского литературного языка.

В рамках созданного в X в. могучего государства Караханидов, делопроизводство велось на общетюркском языке, но на основе арабской письменности. Функционировавший в государственном масштабе тюркский язык представлял собой синтез всех живых языков и диалектов родоплеменных объединений, вошедших во владения этой державы. Этот язык стал постепенно отходить от традиции и канонов не только навязанного Саманидами арабского языка, но и древнетюркского литературного языка, хотя в отдельных регионах и культурных центрах тюркского мира (например, в канцеляриях Золотой Орды и т. д.) продолжали функционировать древнетюркские письменные традиции.

Говоря о средневековом периоде истории тюркских языков, следует сказать и о других крупных исторических событиях, явившихся причиной серьезных сдвигов, как в государственной и этнической структуре, так и в языке и общественно-культурном укладе жизни многих кочевых народов. К таким событиям, например, относится и завоевание Чингиз-ханом и его потомками (с начала XIII в.) Средней Азии и Казахстана. Это событие, помимо прочего, сыграло определенную роль в общей консолидации прежде разрозненных этнических групп и локальных объединений тюркских родов и племен в рамках кыпчакской языковой общности[63], в которой они подвергались дифференциации и интеграции по общим признакам. И это совпало с периодом распада Золотой Орды, Джучиева и Чагатайского улусов, что привело к образованию ряда самостоятельных языков, в том числе и казахского[64]. Поэтому следует особо остановиться на характеристике кыпчакской языковой общности (или союза), как факторе, сыгравшем на протяжении всего ранне-

го и позднего средневековья (X-XVII вв.) исключительно важную роль в выработке общих типологических черт десятка близкородственных тюркских языков и наречий, образовавшем в конечном счете «кыпчакскую группу», которая в силу своей структурной компактности большого количества носителей и широкого распространения на всей территории Евразии, заняла доминирующее положение среди других языковых групп.

Действительно, судьба распорядилась так, что среди множества родоплеменных языков и наречий, генетически восходящих к общему истоку, но приобретших уже немало собственных структурных черт, кыпчакский компонент к XIV-XV вв. стал подавляющим, и кыпчакская группа языков в средние века широко функционировала как в Средней Азии и Казахстане, так и в Поволжье и Закавказье, как в Венгрии, так и Мамлюкском Египте и Сирии. Все это в дальнейшем привело к дифференциальной интеграции и формированию региональных и локальных языков. И это обычно происходило вокруг крупных культурно-административных центров. Уже тогда можно было говорить не только о языке тюрков Дешт-и Кыпчака вообще, но и о языке кыпчаков Мамлюков, о языке кыпчаков Поволжья, Средней Азии и Казахстана, в частности. Именно эта тенденция в историческом процессе развития языков и привела к образованию ряда самостоятельных языков кыпчакской группы: казахского, ногайского, татарского и др.

Таким образом, кыпчакская языковая общность (X-XV вв.) как бы играя роль аккумулирующей и интегрирующей среды, смогла объединить вокруг себя множество близкородственных языков и наречий и выйти при этом из сложившейся тогда языковой ситуации, сформировав типологически компактную, структурно цельную, лексически богатую по своей природе самобытную группу тюркских языков.

Именно в этом историческом контексте и следует рассматривать этногенетический и этнолингвистический процессы сложения казахского народа и его языка. С этим процессом связано этническое самосознание: цельность этнического понятия «казах» (қазақ), общность его психологии, материальной и духовной ценностей, территории и т. д. Эти процессы по времени совпали с образованием государственности на казахской земле.

Средневековый период истории казахского народа, как и других народов Средней Азии и Казахстана, примечателен еще и тем, что в этот период общественная жизнь этих народов была насыщена культурными событиями, являющимися как бы самовыражением их духовных, материальных ценностей, что, естественно, имело огромное влияние на языковую ситуацию, на судьбу конкретного языка.

В этой связи нельзя не отметить создание целого ряда художественных, эпистолярных, филологических, исторических, религиозных, географических, агиографических и др. произведений на разных (общих, региональных, конкретных) кыпчакских и смешанных кыпчакско-огузских языках. Анализ языка этих письменных памятников дает возможность ученым определить между ними вертикально-горизонтальные связи, типологические сходства и расхождения и другие особенности, что весьма важно для определения как общих (для своей кыпчакской группы), так и частных (для конкретных языков) признаков.

Известно, что в обширном владении Золотой Орды, простиравшемся от Дешт-и Кыпчака до пределов Мамлюкского Египта и Сирии в XIII–XIV

вв., функционировал общий кыпчакский литературный язык, имевший в разных регионах свои локальные разновидности, отличавшийся диалектной пестротой. Это объясняется, во-первых, местной тенденцией разных культурно-административных центров, обособленных естественно-географическими условиями, во-вторых, тенденцией образования собственно кыпчакского литературного языка, с одной стороны, и сохранения в этом процессе местных особенностей каждого из кыпчакских языков, составивших в совокупности основу этого литературного языка, с другой. Как бы то ни было, основным ядром формирования этого средневекового общекыпчакского литературного языка в географическом представлении был Дешт-и Кыпчак, а в языковом отношении собственно кыпчакско-куманский диалект, который выступал в тот период как бы доминирующим компонентом всей кыпчакской группы тюркских языков[65]. Что же касается казахского языка, то он с этим компонентом имел прямую этногенетическую и этноязыковую связь через посредство кыпчакского родоплеменного объединения, вошедшего в состав казахского народа, хотя геополитическая среда, в которой окончательно сформировался казахский язык (в XV в.), оказалась фактором решающим.

Учеными выявлен и изучен круг письменных памятников средневековья, имеющих прямое или косвенное отношение к истории казахского языка. Среди этих трудов наибольший интерес представляют следующие филологические сочинения:

1. Это старокыпчакский письменный памятник XIII в. (1245 г.) «Тюркско-арабский словарь» (Китаб маджму тарджуман турки ва аджами ва магули ва фарси). По мнению ученых, это сочинение «по своим языковым показателям является значительным памятником для исследования истории казахского языка в эпоху средневековья»[66].

2. Известный всему миру памятник кыпчакского языка (конец XIII–начало XIV вв.) – «Кодекс куманикус». Язык этого сочинения представляет собой собственно кыпчакско-куманский диалект, претендовавший в свое время на базисную основу сложившегося кыпчакского литературного языка в период Золотой Орды.

3. Дошедший до нас пока еще в списках словарь языка канглы ''Таби аль-лугат ат-туркия ала-лисан аль-кангли» (начало XIV в.). Как сообщает известный турецкий ученый-языковед проф. М. Ф. Копрюлю, автором этого лексикографического сочинения в списке числится ученый-филолог Мухаммед ибн Кайс (полное имя Шамс-аддин Мухаммед ибн Кайс ар-Рази) из огузов, живший при господстве Хорезмшаха. Он же является автором грамматического сочинения какого-то тюркского языка под названием «Большая книга». Надо сказать, что язык племени канглы, как и языки других казахских племен кыпчак, кимак, керей, найман и др., как уже отмечалось выше, до образования общенародного казахского языка сохраняли свою автономность, одновременно приобретая общие с кыпчакским литературным языком признаки.

4. Определенный интерес представляет арабо-кыпчакский словарь Джамал ад-дина ат-Турки «Булгат аль-муштак фи лугат ат-турк ва аль-кыпчак» (первая половина XV в.). В массе тюркоязычных сочинений данный словарь представляет непосредственно кыпчакскую лексику.

Имеющиеся в научном обиходе старокыпчакские письменные памятники

средневековых (разных по национальности: турков, арабов, иранцев и др. и выходцев из разных регионов: Дешт-и Кыпчака, Египта, Средней Азии, Казахстана, Ирака, Малой Азии и т. д.) авторов в одном случае посвящались изучению лексико-грамматического строя или обучению этому языку, а в другом – созданию художественных произведений разных жанров и описанию морально-этических норм, эстетических представлений, а также толкованию канонов шариата и т. д.[67]. К примеру, сочинение Абу Хайяна «Китаб аль-идрак ли-лисан аль-атрак», написанное в 1313 г., является практическим пособием по изучению кыпчакских языков средневековья. Из сочинений арабских филологов в Египте (XV в.), посвященных изучению кыпчакских, огузских и др. языков, можно назвать грамматический трактат «Аль-Каванин аль-куллия ли дабт аль-лугат ат-туркия», а также филологический труд «Китаб ат-тухфат аз-закия фи-ль-лугат ат-туркия» и др.[68].

Обращают на себе внимание не только географическая локализация этих сочинений и указание на язык изучаемого произведения, но и наличие сведений об авторах. составителях и переводчиках, а также о городах и местах их проживания. Среди них немало авторов из Средней Азии и Казахстана, из городов – Фараб, Сыгнак, Сауран, Ясы, Барчинкент и др. Так, известный для своего времени ученый (XIII в.) Хамиди аль-Асими Барчинлиг был выходцем из гор. Барчинкент, что находится на нижней Сырдарье. Другой ученый, его современник, Хусам-ад-дин из этих же краев, свои произведения писал на трех языках – на красноречивом арабском (фасих), на остроумном персидском (малих) и на правдивом тюркском (т. е. кыпчакском – А. К.) (сахих). Целая плеяда ученых из Фараба (Отрара) творили свои произведения в самых различных направлениях науки.

Имеется целая серия литературных произведений авторов из Дашт-и Кыпчака и после золотордынского периода, а также таких культурных центров, как Поволжье, Хорезм, Крым и т. д. Например: «Гулистан би-т-турки» Сейфа Сараи (XV в.)[69], поэтическое сочинение Кутба «Хусрау и Ширин»[70]. Стихотворное сочинение «Мухаббат-наме» Хорезми, выходца из Восточной части улуса Джучи[71]. Как считают ученые, язык «Мухаббат-наме» и «Гулистан» является смешанным огузо-кыпчакским[72]. Сюда же относятся из памятников на мамлюкско-кыпчакском языке – «Китаб Мукаддима» Абиль-Лайт ас-Самарканди, который ныне хранится в Стамбуле (Рук. № 1451 Айя София) и в свое время имел широкое распростронение не только в государстве Мамлюк, но и за его пределами. Одно из самых древних поэтических произведений – поэма «Кисса-и Юсуф» Кул Галия (1183–1236) – рассказ из Корана о делах пророка Якуба и его сына – праведного Юсуфа, ставшего жертвой своих братьев-завистников. Это была самая популярная поэма религиозного содержания на кыпчакском языке, переиздававшаяся более 70 раз только после 1839 г.[73].

Перечень письменных памятников позволяет в достаточной степени составить представление о том, в каких сложных ситуациях и условиях складывался казахский язык, сохранив при этом только присущий ему собственный облик.

В этой связи, в каких бы сложных исторических условиях и этнолингвистических ситуациях ни сложился казахский язык, особо важное значение в этом акте имеют три фактора, на которых базируется весь процесс его становления и развития. Это:

а) собственная природа родоплеменных языков, составивших его основу;

б) признание фактора преемственности его с древнетюркскими языками;

в) факторы влияния окружающей его языковой и этнокультурной среды.

Остановимся на характеристике каждого из этих факторов.

1. Родоплеменные языки, на базе которых сложился казахский язык в силу известных исторических условий, являются основой основ, и она не конгломератна и не гомогенна. Иначе говоря, казахский язык, в отличие от некоторых тюркских языков и диалектов (напр., узбекского, туркменского и др.), опирается на близкие между собой, тюркские по происхождению, родоплеменные языки и этим, пожалуй, объясняется одна из причин относительно быстрого его сложения и структурной монолитности. Этногенетическая гомогенность структуры этого языка объясняется также тем, что родоплеменная основа этноса, во всяком случае, на обозреваемом историческом пространстве между X и XV веками на территории Средней Азии и Казахстана не подвергалась смешению и ассимиляции и не включала в свой состав иноэтнических (нетюркских) компонентов. Оставаясь относительно «чистыми», родоплеменные языки в рамках кыпчакской языковой общности продолжали развивать общие для нее «кыпчакские черты». Именно этими обстоятельствами следует объяснить значительное сходство казахского языка со многими кыпчакскими языками и диалектами, наличием немало общих и идентичных структурных (фонетических, лексических и грамматических) черт.

2. Структурная преемственность казахского языка с древними языками до IX–X вв. объясняется рядом факторов: во-первых, мобильностью образа жизни кочевых племен древности, обуславливающей интенсивностью их общений и тесных контактов, во-вторых, языковой, духовной, религиозной, этнокультурной их близостью; в-третьих, общностью устно-поэтических традиций и художественно-изобразительных средств языка, что передавались из поколения в поколение народными сказателями – жырау (в др. тюрк. – «жырагу»).Мотивы художественных повествований, приемы словесной характеристики образов и деяний их персонажей в самых красочных выражениях, которыми изобилуют казахские эпические, народно-поэтические произведения, – все это перекликается с языковыми приемами дошедших до нас древних памятников, в том числе и орхонских, енисейских и таласских надписей на каменных стеллах. Надо оговориться, что речь идет здесь в основном о языковой, художественно-литературной традиции, а не о конкретных словах и выражениях, которые за этот исторический период, естественно, подвергались серьезным структурным изменениям. Тем не менее, и в этой области можно обнаружить немало корневых лексических единиц и славообразовательных моделей, схожих и идентичных с таковыми в казахском языке.

3. Исторические события, этнокультурная среда и языковое окружение – все это, взятое в целом, было одним из главных факторов в становлении конкретного языка, в его функционировании и поступательном развитии на всем протяжении его истории. Но в структуре его формирования наиболее важную роль имеют все же языковое окружение и контакты с другими языками. В этом отношении казахский язык – не исключение, ибо в мире нет ни одного «чистого» языка (без примеси иноязыковых элементов).

Этноязыковое окружение, в котором пребывал казахский язык в самые различные исторические периоды — в древности, средневековье и на современном этапе, — оказывало на его структуру (особенно на лексический состав, фонетическую систему и морфологический строй) определенное влияние. Причем, результаты этого влияния зависят от степени влияющих (или взаимовлияющих) факторов, к которым относятся: типологическая разновидность контактирующих языков, длительность и интенсивность процесса контактирования, количественное соотношение и социально-политическое положение их носителей, наличие или отсутствие их государственности и др. Исходя из этих объективных факторов и условий языковых контактов, можно определить и состояние казахского языка в разные периоды его истории.

Во-первых, современный казахский язык, если считать его как конечный результат длительного исторического процесса сложения различных родоплеменных языков в одно целое, то на этом пути он постоянно — и в древний, и в средневековый, и в современный периоды своей истории — контактировал с другими языками или находился в их окружении, что, естественно, не прошло бесследно.

Во-вторых, круг контактировавших с казахским языком можно разбить на две группы: родственные, т. е. языки тюркского происхождения, и неродственные, т. е. языки нетюркского происхождения, куда можно отнести, например, китайский, иранские, арабский, монгольские, тунгусо-маньчжурские, славянские и другие языки.

При этом следует отметить, что характер и результаты контактирования казахского языка с родственными (тюркскими) и неродственными (разноструктурными) языками далеко неодинаковы. Контакты с близкородственными языками в рамках кыпчакской языковой общности обычно приводили к взаимопроникновению их структурных элементов и выработке общих типологических черт. Контакты же родственных, но не кыпчакских языков, как правило, приводят также к их взаимодействию и взаимовлиянию, но с последующим внесением собственного элемента. На этом основании приходится говорить о влиянии и привнесенных в казахский язык элементах карлукских, огузских, сельджукских и других языков.

Говоря о возможных влияниях на казахский язык в далеком историческом прошлом через посредство исконных казахских племен канглы, уйсун и др., мы часто ссылаемся на их реальные контакты с древними хуннами (гуннами), саками. Однако, наука пока еще не располагает данными об их языковой принадлежности, и усматривать в этих контактах преемственность развития казахского языка пока преждевременно.

Контакты казахского языка с нетюркскими языками, происходившие в разные эпохи, оставили заметный след в структуре казахского языка. Здесь можно априори говорить и о контактах с китайским языком в древний и средневековый периоды истории казахского языка, о чем свидетельствуют не только китайские летописи и ханские хроники, но и элементы китайского языка, бытующие в казахском и других тюркских языках.

Приходится особо отметить и о значительном влиянии на лексическую структуру казахского языка иранских (персидского, частично таджикского) и арабского языков. Это в основном произошло в период правления Саманидов в Казахстане (VIII–IX вв.), что, кстати, сыграло исключительно важ-

ную роль в дальнейших судьбах многих тюркских народов, занимавших огромную территорию от Кашгарии до Сырдарьи[74]. В связи с арабским завоеванием (VIII–X вв.) в регионах между Сырдарьей и Или получило широкое распространение исламская религия. В этот период арабский язык, а в ряде культурных центрах – и персидский, стал языком не только религии, но и государственного делопроизводства, вытеснив исконный древнетюркский литературный язык и принизив роль языка устнопоэтического творчества народа.

Влияние арабского и персидского языков было настолько, что оно внесло (в разной степени) серьезные изменения в лексическую структуру тюркских языков, и это ощущается по сей день. Так, из общего числа активной лексики современного казахского языка арабско-персидские заимствования составляют примерно 15 процентов[75]

В лексической структуре казахского языка, как и др. кыпчакских языков, заметное место занимает т. н. «монгольский компонент», природу которого ученые объясняют двумя факторами: в одном случае – генетической общностью тюрко-монгольских языков (это – идея сторонников алтайской гипотезы), а в другом – результатом их продолжительных исторических контактов. В первом случае речь может идти об общности лексико-грамматического строя этих языков, а во втором – лишь о лексическом заимствовании.

Применительно к истории кыпчакских, в том числе и казахского языков в период нашествия и завоевания Чингиз-ханом Средней Азии, Казахстана и др. регионов, приходится говорить о результатах заимствований, т. е. о тюрко-монгольских языковых контактах. Надо сказать, что несмотря на продолжительность этих контактов как в военное, так и мирное времена, при массовом двуязычии и живом общении контактирующих сторон, доминирующее положение все же занимали местные тюркские языки. Малочисленность остававшейся части монгольских племен и их дисперсное (разбросанное) расселение среди массы тюркских народов, принятие ими ислама и давление на них обычаев и традиций – все это сделало «монгольское влияние» неглубоким, хотя в словарном составе казахского и др. языков появилось большое количество монгольско-тюркских лексических направлений или общей лексики, истоки которых надо искать. пожалуй, не только в этих контактах, но и и в генетическом их родстве[76]. Именно этими факторами следует объяснить наличие в казахском и монгольском языках многих общих исконных корневых лексем и лексико-грамматических моделей и заимствований в сфере бытовой, административной и военной лексики; особую группу составляют наименования топонимов и географических объектов на территории Казахстана. Все это в целом составляет монгольский субстрат казахского языка (XIII–XIV вв.).

В историческом процессе формирования лексической структуры казахского языка и кыпчакской группы тюркских языков определенную роль сыграли славянские языки, как и тюркские – в славянских языках. Дело в том, что тюркско-славянские языковые, этнокультурные и др. контакты, уходящие своими корнями в глубь истории, были самыми продолжительными и, пожалуй, глубокими.

Известно, что Русь с древних времен жила в тесном соседстве с «язычниками» из Дешт-и Кыпчака, и эта связь с тех пор не прерывалась и в пос-

ледующие периоды истории: и с Золотой Ордой, и со всеми вновь образованными ханствами: Казанским, Астраханским, Крымским, Сибирским, Ногайским и Казахским, которое выделилось из состава Белой Орды при Жаныбеке как самостоятельное государство (1466 г.). Казахско-русские языковые контакты после присоединения Казахстана в состав России (с 1731 г.) носили несколько иной характер, чем прежде, т. к. колониальная политика царизма преследовала цель ассимиляции казахского языка. Такая же политика, но несколько в иной форме, продолжалась и в условиях СССР (с 1917 г.).

Таким образом, тюркско-славянские (в широком плане) и казахско-русские (в конкретном плане) языковые контакты, занимавшие целую историческую полосу в судьбе казахского и др. тюркских народов, оставили значительный след в лексике контактировавшихся.

По данным исследований, словарный состав современного русского языка содержит более 12 тыс. тюркизмов (вместе с восточными напластованиями), а число лексических заимствований (включая и элементы европейских языков), вошедших в казахский и др. тюркские языки, оказалось значительно больше. Что же касается терминологической лексики, то она в советский период пополнилась настолько, что объем русско-интернациональных терминов в различных отраслях науки и техники значительно превышает объем собственно казахских терминов и номенклатур.

В истории становления современного казахского языка прослеживаются три стадии его поступательного развития, соответствующие трем уровням структурно-функционального состояния, что в вертикальном срезе выглядит так: первый уровень или состояние родоплеменных языков и диалектов до периода сложения общенародного языка; второй уровень или состояние общенародного языка до периода сложения литературного языка; третий уровень или состояние казахского литературного языка в двух его (устной и письменной) разновидностях.

Надо сказать, что казахский язык соответственно этим трем уровням и состоянием выработал множество присущих только ему структурных черт и особенностей.

Состояние родоплеменных языков и диалектов характеризуется прежде всего самостоятельным их функционированием в течение многих столетий. В силу природно-географических условий, геополитических факторов в дальнейшем происходит постепенное их сближение (а не расхождение) в рамках кыпчакской языковой общности. Этот процесс продолжается до тех пор, пока на рубеже XV–XVI вв. окончательно не сложился казахский общенародный язык во всех своих структурных звеньях. И это произошло не сразу, как результат разового исторического акта образования государственности, а постепенно путем консолидации вокруг себя всех родоплеменных языков и диалектов и в результате нивелировки их различий и выработки общих лексико-грамматических, произносительных, лексических и др. норм. И в этом историческом процессе внутреннего саморазвития казахский язык уже в первой половине XIX в. достигает относительно идеального состояния – своего единства и общности в функционировании, структурной целостности и монолитности, национальной самобытности[77].

Следовательно, есть полное основание считать, что литературный язык казахов, официальное функционирование которого относится ко II половине XIX в.,[78] по существу созревал в недрах общенародного языка. Устная форма казахского литературного языка благодаря творческой деятельности выдающихся казахских певцов-жырау, акынов-импровизаторов значительно опережала его письменные формы. Например, поэтические творения жырау Шалгез, Казтуган и др. еще в XV–XVI вв. имели широкое распространение в народе под названием «Шалгез сөзі» («Слово Шалгеза»), «Қазтуған сөзі» («Слово Казтугана»)[79]. Именно этот язык звучал в средневековье (XIV–XVI вв.) в ханских дворцах и на народных сборищах. В XVI–XVII вв. и в последующие эпохи начинают появляться отдельные письменные образцы этого литературного языка, самым лучшим из которых является творение Кадыргали Жалаири – «Жами ат-тауарих», язык которого, наряду с устной традицией, продолжает сохранять и книжные традиции общекыпчакского литературного языка предшествующих эпох.

В последующие эпохи (начиная с XVII в.) казахские акыны и жырау, Жиенбет, Маргаска, Бухар жырау, Татикара, Умбетай, Дулат, Шортанбай и др., обращаясь к гражданской тематике, в своих произведениях воспевали все важнейшие события в истории казахского народа, выступали против феодальной раздробленности, призывая народ против колониального гнета царизма, к сплочению и совместной борьбе против внешних врагов.

3. НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ И ТРАДИЦИИ

Духовную жизнь казахов в XV–XVI вв. отражают древние народные обычаи, обряды (әдет-ғұрып, жора-жосын) и традиции (салт-сана), дошедшие до наших дней. Они всецело были основаны на патриархально-феодальных отношениях, господствовавшие тогда у казахов. Многие обычаи были связаны с древними нормами обычного права казахов, основы которых были заложены в правовых установках знаменитых казахских ханов – Касыма (Қасым ханның қаска жолы) и Есима (Есім ханның ескі жолы), а в конце XVII в., во время правления хана Тауке, при участии многих казахских биев из трех казахских жузов, в числе которых были и знаменитые в памяти народной Толеби, Каздауысты Казыбек-би и Айтеке-би, были кодифицированы и составлены так называемые законы хана Тауке под названием «Жеты-Жарғы» (семь установлений).

Казахские народные обычаи и обряды часто проявлялись в различных ритуалах, соблюдаемых в повседневной хозяйственной деятельности кочевников-скотоводов. Так, весной, выезжая из зимовки, и осенью, возвращаясь обратно, в обязательном порядке соблюдались обряд очищения зимовки и скота огнем. Для этого возле зимовки разводили два костра и между ними прогоняли все поголовье скота, что было связано с домусульманским верованием в силу огня. Во время летних перекочевок каждый аул особое внимание уделял торжественности оформления кочевого каравана. Для этого к головному верблюду устанавливали четырехглавую каркару из длинных перьев фазана. Подобный караван в народе назывался «каркаралы көш» (кочевой караван с каркарой). Верблюда с каркарой вела за повод самая почетная женщина аула или самая молодая невестка. По представлению народа, красивые перья фазана, обращая на себя внимание наблюдающих, предот-

вращали кочевой караван от сглаза и от различных неприятных случайностей в пути.

Между летними пастбищами (жайлау) имелись кочевые пути с водопоями, и эти места обычно считались ничейными, т. е. общими для всех кочующих, поэтому ими пользовались с правом первого захвата. Для этого было достаточно оставить возле водопоя заметный след, что пастбище уже занято.

Весной, пока не загремит гром, разрешалось питаться плодами растений, после же грома можно было собирать горный лук и другие съедобные плоды. По представлениям народа, гром являлся предвестником спелости всей флоры, способствующей увеличению молока у маточного поголовья. Поэтому во время грома деревянным черпаком (ожау) для разливания кумыса осторожно били снаружи по решетке юрты, что называлось в народе «ожау қағу». При этом непременно произносили «Сүт көп болсын, көмір аз болсын» (пусть молока будет много, а угля мало). По космогоническим представлениям народа, это способствовало обилию молочных продуктов.

В самом начале лета, достигнув летних пастбищ (жайлау), казахи осуществляли привязь жеребят, чтобы организовать доение кобыл для кумыса. По этому поводу в рамках аула проводили небольшое пиршество, так называемый «қазық майлау» или «бие мұрындық». Смысл этого обряда заключался в том, чтобы жеребята и их матки были благополучны и кумыса было много. Угощая собравшихся одноаульцев кумысом и мясом, обряд завершали смазыванием кольев для привязи жеребят (желі) жиром. При этом белобородые старцы не скупились на добрые пожелания организаторам обряда.

Согласно домусульманским поверьям, некоторые орудия труда и предметы кочевого быта считались священными. Такими являлись, например, шест с петлей для ловли лошадей – «құрық», привязь для жеребят – «желі», привязь для ягнят – «көген», узда – «жүген», недоуздок – «ноқта», шест для поднятия купольного круга юрты – «бақан» и т. д., через которые нельзя перешагивать или наступать на них, особенно женщинам.

Народные обычаи наиболее полно раскрывались в различных ритуалах, соблюдаемых в семейно-брачных отношениях, которые хорошо сохранили пережиточные черты многих древних институтов – группового брака (левират и сорорат), родовой экзогамии, полигамии, большой патриархальной семьи, калыма и приданого и т. д.

Казахи знали различные формы брака, но самой распространенной и основной формой брака являлась женитьба путем сватовства и выкупа невесты за калым. Сватовство осуществлялось родителями или старшими родственниками молодых. До начала переговоров о сватовстве родители жениха узнавали все обстоятельства, свидетельствующие «за» или «против» предполагаемого сватовства. Лишь после подобной негласной «разведки» отец жениха посылал свое доверенное лицо «жаушы» к отцу девушки, чтобы официально сделать предложение. Если родители девушки принимали предложение, они назначали срок приезда сватов со стороны жениха и преподносили в подарок жаушы халат – так называемый «шеге шапан». Затем отец жениха в назначенный срок направлял сватов, которые вели официальные переговоры о размерах калыма и сроках его выплаты, о расходах на свадьбу, о приданом и времени самой свадьбы.

Обоюдное согласие о сватовстве закреплялось клятвой, для чего наполняли деревянную чашу (аяк) кровью жертвенного барана и преподносили главным сватам обеих сторон, которые макали в нее пальцы правой руки, а в более отдаленные времена опускали в нее наконечники пик или стрел, произнося при этом клятвенные слова о ненарушении договора сватовства. После совершения церемониала клятвы старейшины благословляли сговор чтением молитвы над чашей с кровью, что называлось у казахов «батаяк». В честь этого обряда главный сват со стороны жениха объявлял о подарке, преподносимом отцу невесты, под названием «батаяк» и о подарке невесте – «қарғыбау» или «үкі тағар» (мечение), означавшие, что девушка отныне засватана. После этого договаривающиеся стороны считались законными сватами и им преподносили специальное блюдо «құйрық-бауыр» из свежего сваренного курдючного сала и печени. Взаимное угощение сватов символизировало установление родственных отношений сторон на долгие годы. При отъезде сватов им преподносили подарки «кит».

После внесения отцом жениха основной доли обусловленного калыма жених наносил свой первый официальный визит невесте – «ұрын бару». Во время этого визита будущие супруги, как правило, встречались впервые, поэтому посещение имело большое значение в их дальнейшей судьбе, они могли узнать и полюбить друг друга. Иногда встреча предотвращала и неравный брак. Следовательно, казахский термин «ұрын» происходит, возможно, от древнетюркского слова «urun» (приникать, прижиматься). Существующее древнетюркское выражение – «bagirsaqni bulsa bagirqa urun» (Если найдешь милосердного, прижми к груди) явно свидетельствует в пользу такого предположения.

Родители жениха и невесты тщательно готовились к проведению первой встречи. Свиту жениха из 5–6 человек отправляли во главе опытного дружка (күйеу жолдас) со множеством различных подарков для родственников невесты. Для свиты жениха в ауле невесты ставили особую юрту, устраивали так называемый «ұрын той». У близкого родственника невесты на следующий день устраивали традиционный вечер «кыз кашар». К концу вечера замужние женщины, несмотря на сопротивление сверстниц невесты, уводили ее в юрту отца невесты, где заранее была приготовлена постель для молодых. Молодые женщины сюда же приглашали жениха, а другие женщины бросали под ноги жениха «бакан» (шест для поднятия купольного круга юрты), натягивали перед ним «желі» (веревку для привязи жеребят). По народному поверию эти предметы были священными, через них нельзя было перешагивать, а в данном случае и обходить. Поэтому жених давал женщинам выкуп (кәде) и они убирали препятствия с его пути.

Пожилая женщина, открывавшая дверь юрты отца невесты, получала за услугу особый подарок (есік ашар). В самой юрте жениха встречала мать невесты. Она помогала ему подлить немного жира в очаг (отка май құю), а затем подавала в чашке какой-либо молочный напиток под собирательным названием «ақ» (белый).

Затем молодые женщины, сопровождавшие невесту, получив от жениха подарки за то, что приоткрывали занавеску (шымылдық ашар), готовили постель (төсек салар), позволяли жениху пожать руку невесте (кол ұстатар) или погладить ее волосы (шаш сипатар), оставляли молодых наедине. В эту ночь жених и невеста могли до утра сидеть, разговаривать шепотом,

даже спать рядом, но не имели права на интимную близость. Рано утром, еще до пробуждения тестя и тещи, жених должен был уйти в свою юрту. После этой традиционной имитации первой брачной ночи в юрте отца невесты жених мог тайно встречаться с невестой (калындык ойнау) вплоть до самой свадьбы.

По завершении официального визита жениха «ұрын бару» отец невесты дарил жениху хорошего верхового коня с верховой сбруей (ер токым) и новую верхнюю нарядную одежду. Согласно обычаю на этом подаренном коне, в седле и в одежде жених должен приехать на свадебное пиршество в аул тестя за невестой. После урын тоя обе стороны начинали деятельную подготовку к свадебному тою. Отец жениха полностью вносил калым, готовил скот для свадебного тоя (той малы) различные подарки и т. д. Отец невесты готовил приданое, свадебную юрту (отау) и свадебный головной убор (сәукеле) для дочери.

Свиту жениха на свадьбу в аул невесты зачастую возглавляла его мать. Они везли с собой много подарков родственникам невесты. Среди них наиболее значительными были подарки, предназначенные в честь очага отца (отка салар), за молоко матери (сүт ақы) и подарки родным братьям невесты. В качестве подарков могли дать верблюда, хорошего коня, ловчую птицу, седло, ковры и т. д.

По прибытии свиты жениха в ауле невесты сразу же ставилась свадебная юрта (отау), и в ней готовилось брачное ложе для новобрачных. Через день поздно вечером устраивали свидание молодых в свадебной юрте. По сути дела, это свидание являлось началом их супружеской жизни, т. е. первой брачной ночью. Если невеста окажется нецеломудренной, жених мог отказаться от нее. В XV—XVII вв. в таких случаях дружки жениха распарывали живот коню, разрубали седло, рвали одежду жениха, подаренные тестем еще при первом визите жениха к невесте, что означало решительный отказ от свадьбы. Оскорбленный бесчестием отец невесты мог приговорить и дочь, и человека, лишившего ее девственности, к смерти.

Если невеста окажется девушкой, обе стороны, искренне радуясь, приступали к организации свадебного пиршества. На свадебном пиршестве устраивались различные игры: байге (скачки), күрес (борьба), сайыс (единоборство всадников), көкпар (козлодрание), айтыс (состязание акынов) и т. д. Сразу же после скачек, которые обычно завершали свадебные пиршества, исполнялась обрядовая хоровая песня «жар-жар». Джигит- импровизатор со своими друзьями поздравляли и утешали невесту, призывая к смирению с судьбой, а невеста, в свою очередь, при поддержке подруг выражала сожаление, что оставляет родной очаг, родные места и родственников.

Накануне отъезда невеста с подругами, сестрами и снохами обходила всех своих родственников (қыз танысу), прощаясь с их очагом и получая от них памятные подарки. Нередко в таких случаях ее носили из юрты в юрту на ковре. В день отъезда невесты сватам показывали приданое, разбирали свадебную юрту, готовили к отправке свадебный караван и преподносили подарки сватам, жениху и невесте. Затем в отдельной юрте переодевали невесту в костюм молодухи (келіншек), надевали свадебный головной убор (сәукеле) с особым покрывалом (желек), в котором она должна приехать в аул жениха. Свадебный караван сопровождала небольшая группа родственников невесты во главе с ее матерью. Навстречу свадебно-

му каравану выходили молодые женщины, девушки и вели невестку в аул жениха пешком, прикрывая лицо занавеской (шымылдық), чтобы ее не увидели старшие родственники жениха.

До начала свадебного пиршества в ауле жениха проходило торжественное знакомство невестки с родственниками жениха – «беташар». Для этого в юрту отца жениха, где собирались наиболее уважаемые люди аула, приводили невестку в полном свадебном наряде, и свекровь помогала ей подливать немного жира в очаг (отка май құю). После этой церемонии джигит-импровизатор начинал традиционную бытовую песню – «беташар» (открывание лица невестки). В начале песни представляется невестка, затем ей даются наставления и завершается она представлением сидящих в юрте родственников жениха.

Согласно обычаю, молодая женщина до рождения первого ребенка не имела права посещать своих родителей. После же рождения ребенка она обязана была поехать со своим первенцем к родителям (төркіндеу) и получить особый надел (енші). Этим визитом завершались все обычаи и обряды, связанные с бракосочетанием.

Как пережиток группового брака у казахов существовало право левирата (әменгерлік) и сорората (балдыз алу). Институт группового брака со времени первобытнообщинного строя до нового времени в силу глубоких перемен в общественных отношениях подвергся изменениям, сохранив лишь оболочку древнего права. Так, если групповое брачное право на девушек-сестер из другого рода было одной из основ ортодоксального брака в доклассовом обществе, то позднее левират и сорорат были тесно связаны с покупкой невесты за калым и с наследованием имущества, т. е. эти традиции тесно переплетались с существовавшим экономическим укладом.

Так, по левиратному праву у казахов вдова после годичной поминки должна была выйти замуж за брата или другого близкого родственника покойного мужа. Вместе с ней ее дети и имущество переходили по наследству новому мужу. Если вдова не соглашалась на это, то могли прибегнуть и к насилию, в лучшем случае оставив детей и имущество, она уезжала к своим родственникам. Левиратное право у казахов распространялось не только на вдов, но и на засватанных невест в случае смерти жениха.

В случае смерти жены или невесты, овдовевший муж или жених по обычаю сорората имел право жениться на родных младших сестрах покойной, но соблюдение сороратного права (балдыз алу), по сравнению с левиратным, не являлось во всех случаях обязательным.

Хотя генезис сорората и левирата уходит в далекую древность, видимо, сорорат дошел до наших дней в более слабом, изживающем себя виде. Так, при смерти жены муж мог изъявить желание жениться только на родной незасватанной младшей сестре покойной жены (балдыз), а тесть, не рискуя ничем, мог отказать просьбе зятя. Если левиратное право распространялось на вдов старших и на вдов младших братьев, то сороратное право, исключая старших, распространялось только на младших сестер покойной жены. Поэтому сорорат у казахов и называется «балдыз алу» (женитьба на младшей сестре жены). Сороратное право считалось обязательным в том случае, если невеста, за которую полностью уплачен калым, умрет в отцовском доме.

У казахов издревле существовали пережитки древнего института родовой экзогамии. Экзогамный запрет строго соблюдался в пределах седьмого колена от общего предка по мужской линии. Это значит, что кровнородственные связи у казахов прослеживались до седьмого колена, а с восьмого колена начинаются свойственные (құдандалық) связи. Для того, чтобы начиная с восьмого и последующего поколения от общего предка регулярно вступали в брак, старейшины собирались на сход, принося в жертву белую кобылицу, читали молитву и благословляли на брак одну пару молодых людей на 8–9 колене от общего предка.

Отец выделял наделы (енші) женившимся сыновьям, поселял их в отдельной юрте (отау). Все хозяйство, дом после смерти отца доставались по традиции минората невыделенному младшему сыну. Его очаг почитался как «үлкен үй» или «кара шаңырак» и пользовался уважением всех родичей. Владельцу отцовского очага регулярно преподносились традиционные дары (сыбаға). Этим, во-первых, отдавалась дань уважения памяти предков, во-вторых, в этом просматривается желание в какой-то мере сохранить отмирающие патриархальные отношения.

Среди казахов бытовало почитание старших, его нарушителей наказывали штрафом. Казахская женщина почитала старших родичей мужа, строго соблюдала обряд избегания отца и старших братьев супруга, не называла их собственными именами. Уважение и почтительное отношение со стороны невестки к родственникам мужа доходило до того, что она не имела права по обычаю «ат тергеу» всех родственников мужа называть собственными именами и должна была находить им какие-то новые, оригинально-остроумные имена и прозвища, что вполне отвечало морально-этическим требованиям общества.

Традиционным в степи было гостеприимство. Путник мог заночевать в юрте любого человека, даже ему не знакомого. Угощение и различные услуги оказывали гостю совершенно бескорыстно. Гость имел даже право потребовать лучшего обхождения с ним. Если хозяин плохо принимал гостя, то последний имел право обратиться в суд биев. По адату гость пользовался полной защитой хозяина юрты до своего отъезда. Это право распространялось на гостя даже в том случае, если он являлся врагом хозяина очага. Последний не мог мстить гостю до тех пор, пока тот находился под его крышей. Наоборот, хозяин был обязан защищать своего гостя от других его врагов.

Среди казахов издревле была широко распространена традиция дружбы-побратимства (тамыр болу). Такая крепкая дружба между различными лицами, независимо от их возраста, складывалась в различных обстоятельствах. Одних сводили их родители, других – общность их интересов в борьбе с общим врагом, а третьи сходились просто в результате различных житейских забот – облюбовав, скажем, друг у друга (калау) хорошего коня, ловчую птицу, охотничую собаку и т. д. Побратимство закреплялось торжественно, при свидетелях, целуя саблю или кинжал давали клятву в вечной верности. Клятвоотступничество в казахской действительности было довольно редким явлением, нарушение же клятвы строго каралось нормами обычного права.

Широко распространена взаимопомощь между родственниками, которая в зависимости от ее размеров, называлась «жылу», «немеурін» и «үме». Наи-

более древней формой взаимопомощи являлся «жылу». Обычай взаимопомощи родственников уходит своими корнями в далекую древность, в период родового строя, когда общественное положение людей было равным. Со временем, в связи с появлением частной собственности и классов, родственные отношения и взаимопомощь приобрели классовый характер.

Многочисленными у казахов были и погребально-поминальные обряды. По возможности в обязательном порядке соблюдалась традиция прощальной встречи (арыздасу) близких родственников с покойником перед самой смертью. Главный смысл этих встреч заключался в том, что стороны обычно просят друг у друга прощения за те или иные обиды, а умирающий человек устно делает завещание, которое безусловно выполняется всеми наследниками, как последняя воля покойника. Народ придавал большое значение традиции извещения близких родственников о кончине человека — «естірту». Бытовали многочисленные образцы «естірту», сложенные на основе ораторского искусства. Большое значение придавалось и искусству утешения близких родственников в связи кончиной близкого им человека — «көңіл айту», в котором содержались утешения и призыв к стойкости, пожелания им здоровья и счастья.

По обычаю, связанному с древними религиозными верованиями, женщины долго оплакивали покойника, в знак выражения скорби вдова царапала себе лицо (бет жырту), мужчины при приближении к юрте, где лежал покойник, пускали коней вскачь, раскачивались в седле из стороны в сторону, громко выкрикивая «ой бауырым» (о, брат мой), выражая глубокую скорбь. Поминки по умершему проводили на седьмой день (жетісі), сороковой день (қырқы) и годовщину (жылы или асы) после смерти. Вдова соблюдала траур по умершему мужу в течение года.

Казахи издревле веселыми празднествами ежегодно отмечали наступление Нового года «Наурыз», приходившееся на весеннее равноденствие 22 марта. К этому моменту обычно кончается тяжелая зима, начинается пробуждение природы, наступает весна, кончается окот домашних животных, начинается подготовка к севу у земледельцев. В этот день мужчины посещали соседей с поздравлениями, а женщины готовили традиционное ритуальное блюдо так называемый «наурыз көже» и угощали им всех посетителей. «Наурыз көже» обязательно состоял из 7 компонентов (вода, соль, мясо, молоко, лук, пшеница и пшено). Варили голову барана или четверть головы крупного скота (шеке) и кое-что из остатков зимнего согума. День празднования Наурыза в народе назывался «ұлыстың ұлы күні» (великий день улыса). В этот день независимо от возраста, пола и социального положения соблюдалось равенство людей, участвующих в гулянии. Все участники Наурыза празднично наряжались, по возможности одевали новые костюмы, особенно женщины и молодежь не ограничивали себя ничем. В связи с наступлением «Наурыза» старшее поколение, от души радуясь, не скупилось на добрые пожелания всему ликующему люду. В этот день наступало всеобщее согласие народа, даже между враждующими сторонами на время Наурыза устанавливался мир. В честь великого праздника люди прощали друг другу самые тяжкие обиды. Об этом свидетельствует народная поговорка «ұлыстың ұлы күні алдына келсе атаның құнын кеш» (если в день великого улыса придут с повинной, прощай кровную месть за отца).

Среди казахов широко практиковался древний обычай жертвоприношения религиозного свойства «құрбандық шалу». Подобного рода жертвоприношения осуществлялись в различных обстоятельствах: по случаю окончания войны, благополучного возвращения сына с поля битвы, рождения долгожданного сына, выздоровления от тяжелой болезни, по случаю засухи, с отменой экзогамного запрета на 8 колене от общего предка по мужской линии и т. д. В жертву приносили домашних животных – баранов, быков, жеребцов, кобыл и верблюдов. При любых жертвоприношениях приглашали много людей, даже из соседних аулов. Руководили жертвоприношением старейшины аула и представители мусульманского духовенства.

Таким образом, многочисленные обычаи, обряды, традиции отражали различные стороны материальной и духовной жизни казахского народа.

4. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА

В XVI–XVII вв. развитие экономических и культурных связей казахов со среднеазиатскими народами способствовали интенсивному распространению и усилению влияния ислама в Казахстане. Проводниками ислама в рассматриваемый период прежде всего выступали среднеазиатские миссионеры из Туркестана и Мавераннахра, Хаджи-Тархана и Дербента, Хорезма, Джурджании и Хивы, Астрабада, Хорасана и Ирана. В свою очередь казахские купцы посещали мусульманские страны, приобщаясь к исламскому вероучению. Многочисленные примеры из письменных источников свидетельствуют о массовом приобщении казахов к исламу. Казахи в этот период читали Коран, совершали молитвы, соблюдали пост, совершали мусульманский обряд бракосочетания, обучали своих детей в мусульманских школах[80]. Ислам в Казахстане, особенно в его южных районах, постепенно становится господствующей религией в казахском обществе. Кочевой образ жизни затруднял постройку специальных зданий для богослужения, организацию постоянно функционирующих религиозных учреждений и формирование постоянного духовенства. Молитвы могли совершаться в любом месте, а недоступность большинству населения Корана и книг на арабском языке компенсировалась тем, что казахи следовали каждому слову проповедника и под его руководством исполняли религиозные обряды, заучивали предписания исламского вероучения.

Конечно, языческие традиции у казахов в XVI–XVII вв. были еще сильны. Согласно письменным источникам, казахи одновременно совершали поклонение идолам и солнцу и в то же время становились на молитву в часы намаза. Вследствие этих поступков и действий они в глазах мусульманских авторов нередко считались вероотступниками[81]. Но со временем основы исламского вероучения и обрядности становились доступными все более широкому кругу казахского общества. Как отмечал Сейфи, «Соседи киргизов – казахи; их 200 000 семейств; они мусульмане, придерживаются толка Имама Изама (Абу Ханифы)»[82]. Народом «магометанской веры» называет казахов английский путешественник А. Дженкинсон, посетивший Центральную Азию в 1558–1560 гг.[83].

Наряду с крупными среднеазиатскими религиозными центрами – Бухарой, Ташкентом, Хивой – в распространении ислама у казахов значительную роль играли суфийские миссионеры, многие поколения которых занимались утверждением ислама среди центральноазиатских кочевников. Активной миссионерской деятельностью занимался известный среднеазиатский шейх Ходжа Искак Вали (ум. 1598 г.) – основатель черногорской линии ходжей внутри ответвления ордена накшбанди – ходжагон. Ходжа Искак Вали был сыном Ахмада Ходжаги-йа Касани (Махдум-и Азам), которому приписывается обращение в ислам языческих народов Восточного Туркестана. Ходжа Искак воспитывался учеником и преемником своего отца – Лутфуллой Чусти (ум. 1571 г.), известного в преданиях как подвижник и чудотворец, заботившийся о распространении ислама среди кочевников Средней Азии. Между Ходжа Исхаком Вали и его братом Мухаммадом Амином (Ишан-и Калан) велась борьба за право руководства мюридами их отца – шейха-муршида всего ответвления накшбанди – ходжагон. В результате этой борьбы внутри ордена возникли две группировки – белогорская (актаглик), возглавляемая Ишан-и Каланом, и черногорская (каратаглик), возглавляемая Ходжа Исхаком. Последователи Ишан-Калана назывались ишкиййа, а последователи Ходжа Исхака – исакиййа и отличались цветом шапок: белогорцы (актаглик) носили белые, а их противники (каратаглик) – черные, с чем и связаны названия этих партий. Образовавшиеся партии отличались не столько существом учения, сколько характером и качеством лиц, стоявших во главе их. Между духовными патронами-пирами этих, по существу религиозно-политических партий происходила борьба за светскую власть. Противоборство этих группировок охватило не только Среднюю Азию, но и казахские и киргизские степи. Эти партии продолжали существовать и во второй половине XIX в.[84].

В агиографических сочинениях, посвященных Ходжа Исхаку Вали, сообщается, что «Ходжа Исхак подолгу жил среди язычников, снес восемнадцать киргизских и калмакских капищ и обратил в ислам восемнадцать тысяч неверных»[85]. В одном из рассказов сообщается о вступлении хана Тауекеля со ста двадцатью сыновьями и султанами в число мюридов Ходжа Исхака. Поражение в сражениях и смерть Тауекеля, последовавшие вскоре, приписываются тому, что Ходжа Исхак проклял хана за отступничество от черногорского учения, а в конечном счете, за измену Ходжа Исхаку[86]. Ходжа Исхак Вали был крупным идеологическим и политическим деятелем XVI в., с именем которого в значительной степени была связана история распространения суфизма в Казахстане[87]. Деятелей, подобных Исхаку Вали, в разное время было много. Предполагается, что связи Тауекеля с духовными кругами Центральной Азии возникли еще в то время, когда он вместе со своим отцом Шигаем находился на вассальной службе у Абдаллах-хана[88]. Казахская светская знать была заинтересована в расположении и поддержке влиятельных суфийских шейхов. Не случайно бежавший в 1512 г. от Бабура и кызылбашей знаменитый джуйбарский шейх Ислам нашел прибежище у казахского хана Касыма[89].

В Казахстане широко известно имя Ходжа Ахмада Ясави, родоначальника тюркской традиции в суфизме, основавшего орден йасавиа (султанийа), от которого развились различные ответвления. Конгрегация йасавийа сыграла важную роль в исламизации тюркских народов, в том числе

и казахов. Характерной чертой учения йасавийа было то, что оно было учением странников, не имевшим самостоятельных ветвей и постоянных поселений, в котором существенная роль принадлежала религиозной практике[90], близкой древней религии тюрков. Так, в учении йасавийа получил развитие громкий зикр (джахр).

Считается, что духовным наставником Ходжа Ахмада был один из тюркских шейхов Арыстан-баба (Арыстан-баб). Ходжа Ахмад прошел сложный курс духовного совершенствования в Бухаре под руководством Ходжа Йусуфа ал-Хамадана. Уже при жизни он пользовался широкой известностью «за свое благочестие, аскетизм, и за высокие подвиги в суфизме, в котором он достиг вершин познания». Ахмад Ясави является автором известного сборника суфийских стихотворений, написанных на тюркском языке — «Диван-и Хикмат» («Премудрость»)[91] Умер он в 562 г. х. (1166—67 гг.).

Спустя годы по распоряжению эмира Тимура (1338—1405 гг.) над могилой Ходжа Ахмада Ясави началось строительство мечети (закончено в 801 г. х./1398 г.). Недалеко от цитадели средневекового города Отрар, в открытой степи, и ныне находится мавзолей святого Арыстан-баба. Это памятник позднейшего происхождения, древняя же мечеть, построенная Тимуром, была разрушена землетрясением.

Популярность святыни Ходжа Ахмада Ясави принесла широкую известность Туркестану, который вместе с близлежащими селениями вскоре превратился в крупнейший религиозный центр. Сфера его влияния охватывала многие районы Средней Азии, достигнув даже Сибири.

И в наши дни в Казахстане можно встретить потомков восточно-туркестанского суфия Хазрат Ишана, или иначе Хидайаталлах (Аппак)-ходжа (XVII в.), правнука знаменитого среднеазиатского суфийского деятеля Махдум-и Азама. Он был главой белогорской секты ишкиййа ордена накшбанди-ходжагон в Восточном Туркестане. «Народная традиция Кашгарии наградила его... чертами национального героя и защитника. Мазар его в Кашгарии до самого последнего времени пользовался громадной популярностью». Умер Аппак-ходжа в марте 1694 г. (1105 г. х.).[92].

Ислам, утверждавший в завоеванных странах новое религиозное мировоззрение, в борьбе с древними культами широко использовал имена пророков, деятелей раннего ислама, культ которых должен был вытеснить культ прежних доисламских божеств. В Средней Азии и Казахстане, как и в других регионах традиционного распространения ислама, широкой популярностью пользовались имена ближайших сподвижников Мухаммада — Абубекр, Омар, Осман, Али. Их имена, овеянные многочисленными легендами, глубоко проникли в народный быт. Погребение, будто бы принадлежащее Мухаммад ибн ал-Хана-фийа, сыну халифа Али и Хаулы[93], и по сей день привлекает внимание путника в окрестностях с. Сузак. В кругу местных святых особое место занимает святой Баба-ата (Исхак-баба), который, согласно преданию, является потомком Мухаммада Хана-фийа в седьмом поколении.

С эпохой распространения ислама связано немало святых имен. С именем Кара-хана, основателя династии Караханидов, способствовавшего распространению ислама, связан образ святого Аулие-ата, похороненного в

городе, названном его именем, — Аулие-ата (ныне Тараз). Мавзолей Аулие-ата, заново отстроенный, существует в наши дни.

Среди местных святых значительную группу составляют воины, будто бы погибшие за веру (Жаланаяк азер аулие, Жылтырак-баба аулие, Укаш-ата и др.).

Исламизация Казахстана, происходившая прежде всего в форме суфизма, свидетельствует о значительном влиянии мусульманского мистицизма на формирование местных образов святых. Таков, например, образ святого Хазрат Исмаил-ата, пира казахов из рода канглы. Среди многочисленных объектов почитания у казахов особое место занимает святыня Ходжа Ахмада Ясави, которая представляет собой центральное святилище из целого комплекса святынь, связанных с именем знаменитого святого, снискавшего г. Туркестану славу «Малой Мекки». Как отмечалось, недалеко от городища Отрар находится мавзолей святого Арыстан-баба, который, согласно преданию, являлся духовным наставником Ахмада Ясави. Эти святыни являются наиболее почитаемыми в Казахстане.

В процессе исламизации нередко местные доисламские божества-покровители обретали новые имена, с которыми связывались легенды, объясняющие причины их почитания. Так, популяризация суфизма привела к тому, что покровитель овец Шопан-ата оказался одним из учеников Ходжа Ахмада Ясави. Ему будто бы удалось отыскать посох знаменитого святого, чудесным образом оказавшийся на Мангышлаке. На этом месте возник некрополь, сохранивший имя Шопан-ата. Покровитель крупного рогатого скота Зенги-баба стал обладателем имени, точнее прозвища, популярного тюркского шейха, ученика одного из последователей Ходжа Ахмада Ясави — Хаким-ата. Имя покровителя верблюдоводства Ойсыл-кара — искаженное имя Ваиса аль-Карани, весьма популярной личности, деятеля раннего ислама, легенды о котором известны во всех мусульманских странах, хотя историческая достоверность этой личности вызывает сомнения[94] Некоторые исследователи связывают Ваиса аль-Карани с суфизмом. Имя дочери Мухаммада Фатимы оказалось тесно связанным с местными доисламскими верованиями. Фатима стала покровительницей женщин и детей.

У казахов, так же, как и у многих других народов, культ святых сложился под влиянием архаичных идей, связанных с традиционными доисламскими культами. В культе святых можно обнаружить проявления местной традиции почитания родоначальников племен и родов. В разных местах Южно-Казахстанской области находятся мазары святых Домалак-ана и Байдабек-ата, которых предание представляет родоначальниками трех казахских племен: албанов, суанов и дулатов. Дулаты (дуглаты), албаны, суаны, как известно, являются крупными племенами в составе населения Старшего жуза.

Объектами поклонения у казахов являлись многочисленные источники, вершины, деревья и т. д. Элементами традиции, восходящей к архаичным анимистическим воззрениям, отмечена святыня «Аулие бастау» («Святой родник») в Таразской области. У казахов выросшее на могиле дерево являлось свидетельством святости погребенного. Святое дерево обычно обвешивается разноцветными лоскутками. Ключ к пониманию исключительного отношения казахов к святому дереву на могиле кроется в круге архаичных представлений, связанных с образом дерева жизни.

Новую жизнь в исламском культе святых обрели и другие культы, бытовавшие у казахов в доисламское время. Так, например, с почитанием одной из гор в Южно-Казахстанской области – Казы-Курт связана исламская, точнее, библейская легенда о Ноевом ковчеге. Почитание этой святыни представляет собой один из примеров наложения мусульманской традиции на древний культ гор. Святынь, связанных с почитанием гор, на территории Казахстана много. Такова, например, святыня Жилаган-ата («Плачущий старец»).

В круг многочисленных казахстанских святых входят святые-покровители профессиональных занятий – патрон казахских шаманов, музыкантов и певцов знаменитый Коркут. Покровителем казахских батыров считается Баба-Тукты-Шашты-Азиз (Баба-Туклас – «Волосатый прадед»), в некоторых преданиях он выступает также мифическим родоначальником племени мангыт. Покровителем земледелия является Дикан-баба, пиром ветра – Джалангаш-ата, покровителем овцеводства – Кошкар-ата и др.

Круг святынь, почитаемых казахами, широк и разнообразен. Приведенные материалы подтверждают положение о том, что «поклонение мусульманским святым – одно из характернейших в Средней Азии явлений религиозной жизни – пожалуй, наиболее емкая в смысле сохранения домусульманских пережитков область культа, признанная частью официальной религии»[95]. Вместе с тем, культ святых, вобрав в себя множество элементов доисламских представлений и культов, по своим основным идеям выражает дух ислама, способствует его утверждению.

Таким образом, ислам в рассматриваемый период распространялся в форме суфийских учений, значительную роль в распространении ислама играли среднеазиатские суфийские деятели. В укреплении ислама среди казахов большую роль играла светская знать – ханы и султаны. В рассматриваемый период социально-политическая роль ислама в казахском обществе, бесспорно, была значительной. Утверждение ислама в казахском обществе способствовало укреплению верховной власти государственных институтов, дальнейшей консолидации народа, способствовало укреплению на идеологической основе союза казахской светской знати с духовенством и светской аристократией городов Центральной Азии.

Вместе с тем необходимо отметить, что в обыденной, практической жизни самых широких слоев казахского общества продолжали бытовать древние доисламские воззрения и обряды. Они играли значительную роль в общественной, семейной жизни, в семейно-родственных взаимоотношениях, которые по-прежнему определялись установлениями обычного права (адат). Переплетаясь и взаимодействуя, доисламские традиции казахов и ислам представляли собой синкретическую религию, которая на протяжении веков бытовала в жизни казахского общества.

[1] *Мағауин М.* Қобыз сарыны. А., 1968, 33–34-б.

[2] *Дербісәлин Ә.* XV–XVIII ғасырлардағы қазақ поэзиясы. //Кітапта: XV–XVIII ғасырлардағы қазақ поэзиясы. А., 1982, 37–38б.

[3] Поэты Казахстана. Л. 1978, с. 79. (Перевод Вс. Рождественского).

[4] *Сүйіншәлиев Х.* Қазақ әдебиетінің қалыптасу кезеңдері. А., 1967, 95–100-б.; Мағауин М. Қобыз сарыны. А., 1968, 56–61-б.

[5] *Дербісалин Ә.* XV–XVIII ғасырлардағы қазақ поэзиясы // Кітапта: XV–XVIII ғасырлардағы қазақ поэзиясы. А., 1982, 43–47-б.

[6] Могила Ахтамберды-жырау находится в Абайском районе Семипалатинской области, на холме «Жүрек жота» недалеко от населенного пункта «Кундызды».

[7] Поэты Казахстана. Перевод Вс. Рождественского. Л., 1978, с. 108.

[8] *Тілепов Ж.* Елім деп еңіреген ерлер жыры. А., 1995, 69–91-б.

[9] Даты жизни и смерти Бухар-жырау точно не известны. В одних исследованиях указываются 1693–1787 гг. (*Жумалиев К.* Қазақ эпосы мен әдебиет тарихының мәселелері. А., 1958, I-т., 261-б.), в других – 1693–1789 гг. (*Исмаилов Е.* Акыны. А.–А., 1957, с. 45). В новейшей работе М. Магауина даются 1668–1781 гг. (*Магауин М.* Ғасырлар белесі. А., 1991, 83–85-б.), в книгах Х. Суюншалиева показаны разные времена: 1668–1781 гг. (*Суйіншалиев Х.* Қазақ әдебиетінің қалыптасу кезендері. А., 1967. 110-б.) и 1684–1782 гг. (*Суйіншалиев Х.* VIII–XVIII ғасырлардағы қазақ әдебиеті. А., 1989, 217-б).

[10] *Мәшһур Жүсіп Көпеев.* Екі томдық. А., 1992, 2-т. 114-б.

[11] *Әуезов М.* Әдебиет тарихы. Изд. 2-ое. А., 1991, 202–204-б.

[12] *Әуезов М.* Там же; *Мұқанов С.* Қазақтың XVIII–XIX – ғасырлардағы әдебиетінің тарихынан очерктер. I-бөлім. А., 1942, 16–26-б.

[13] *Валиханов Ч. Ч.* Записка о судебной реформе. // Собр. соч. В 5-ти т. А.-А., 1961, т. 1. с. 507.

[14] *М. Ж. Көпеев.* Екі томдық. А., 1992, 2-т. 65–72-б; *Әуезов М.* Әдебиет тарихы. Қызылорда–Ташкент. 1927; 2-ое изд. А., 1991, 206-б.; *С. Сейфуллин.* Қазақ әдебиеті. Қызылорда, 1932, переизд.: *С. Сейфуллин.* Шығармалар. 6-том. А., 1964, 263–270-б.

[15] *Валиханов Ч. Ч.* Указ. работа, с. 505.

[16] *Әуезов М.* Әдебиет тарихы. А., 1991; Қазақ әдебиетінің тарихы. А., 1948, I-т; Қазақ әдебиетінің тарихы. 6 томдық. А., 1961. I-том, I-кітап.

[17] Подробнее см.: *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. А.–А., 1996 (переиздание); *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. В 5-ти т. А.–А., 1961, т. I.; *Тынышпаев М.* Материалы киргиз-казахского народа. Ташкент, 1925; Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. А.–А., 1961; *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М., 1983; *Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А.* Из истории Казахстана XVIII века. А.–А., 1988, и др.

[18] Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. А.–А., 1960, с. 101, 128; *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. А.–А., 1996. с. 173.

[19] Төле би. А., 1991, 14-б (Перевод подстрочный – С. К.).

[20] Қазақ Совет Энциклопедиясы. I-т., 399-б.

[21] *Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А.* Из истории Казахстана XVIII века, с. 99–100.

[22] Қазақ әдебистінің тарихы. А., 1948. I-т., 275-б. (Перевод подстрочный – С. К.). Имеются варианты. В преданиях рассказывается, что Казыбек-бий три раза был у Галдана-Церена. См.: Шешендік сөздер. А., 1967, 101–110-б.

[23] *Валиханов Ч. Ч.* Исторические предания о батырах XVIII в.//Собр. соч. В 5-ти т. А.-А., 1961. т. I., с. 222.

[24] *Тынышпаев М.* Материалы к истории киргиз-казахского народа. Ташкент. 1925, с. 58.

[25] *Валиханов Ч. Ч.* Записка о судебной реформе. с. 506.

[26] Шешендік жырлары. А., 1993, 93-б (Перевод подстрочный – С. К.).

[27] Подробно см.: История казахской литературы. А.-А., 1968. т. I; *Ауэзов М.* Мысли разных лет. А.-А., 1961; *Каскабасов С. А.* Казахская волшебная сказка. А.-А., 1972; *Его же.* Родники искусства. А.-А.,1986; *Его же.* Қазақтың халық прозасы. А., 1984; *Его же.* Колыбель искусства. А.-А., 1992 и др.

[28] Это и есть так называемый «фольклорный анахронизм».

[29] См.: *Валиханов Ч. Ч.* Исторические предания о батырах XVIII в.// Собр. соч. т. I, с. 220–227; *Мәшһур Жүсіп Көпеев.* Екі томдық. Ел аузынан жинаған әдебиет үлгілері. А., 1992, 2-т.; *Курбангали Хамид.* Тауарих хамса. А., 1992; *Әуезов М.* Әдебиет тарихы. А., 1991; *Его же.* Мысли разных лет. А.-А., 1959; Шешендік сөздер. А, 1967; Қазақ әдебиетінің тарихы. А., 1961, I-т., I кітап, История Казахской литературы. А.-А., 1968. т. I; *Каскабасов С. А.* Казахская несказочная проза. А.-А., 1990 и др.

[30] История казахской литературы. Т. I. с. 69.

[31] См.: *Әуезов М.* Әдебиет тарихы. А., 1991. 39–42-б.; Сейфуллин С. Қазақ әдебиеті // Шығармалар. А., 1964. 6-т. 158–170-б; Қазақ бақсы-балгерлері. А., 1993.

[32] Песни степей. Антология казахской литературы. М., 1940, с. 138. (Перевод П. Шубина).

[33] Подробно о поэзии баксы см.: *Уахатов Б.* Қазақтың халық өлендері. А., 1974; *Абылқасымов Б.* Телқоңыр. Қазақтың көне наным-сенімдеріне қатысты ғұрыптық фольклор. А., 1993.

[34] Более подробно о сущности и стадиальных видах социально-утопических легенд казахов см.: *Каскабасов С. А.* Казахская несказочная проза.А.-А., 1990.

[35] *Чистов К. В.* Русские социально-утопические легенды. М., 1967, с. 14.

[36] *Әуезов М.* Әр жылдар ойлары. А., 1959; Дүйсенбаев Ы. Қазақтың лиро-эпосы. А., 1973; *Каскабасов С. А.* Родники искусства. А.-А., 1986.

[37] *Дуйсенбаев Ы.* Указ. работа; *Смирнова Н. С.* Казахская народная поэзия. А.-А., 1967.

[38] *Әуезов М.* Әр жылдар ойлары, 301-б.

[39] М. Ауэзов пишет: «Вторая часть ее (имеет в виду эпос «Кыз-Жибек», который назван поэмой – С. К.) отражает именно калмыцкое нашествие». – См. *Ауэзов М.* Мысли разных лет. А. –А., 1961, с. 432.

[40] См. подробно: *Әуезов М.* Жалпы театр өнері мен қазақ театры//Әуезов М. Уақыт және әдебиет. А., 1962, 13–33-б.; *Муканов С.* Истоки казахского народного театра//журн.«Литература и искусство Казахстана». 1941, № I; *Хусаинов Ш., Дуйсенбаев Н.* Қазақтың ауыз әдебиеті мен халық ойындарындағы театр мен драма элементтері// журн. «Известия АН КазССР.» Серия искусствоведения. 1959, Вып. I; Қазақ театрының тарихы. Екі томдық. А., 1975, I. т.; *Кундакбаев Б.* Путь театра. А.-А., 1976; *Богатенкова Л. И.* Верность времени . А.-А., 1981; *Каскабасов С. А.* Театральные элементы в казахских обрядах и играх// Кн.: Фольклорный театр народов СССР. М., 1985. с. 115–137; *Кабдиева С.* Фольклорные традиции в казахском театре. А.-А., 1986.

[41] Здесь налицо разделение на исполнителей и зрителей, хотя исполнители не были профессионалами, а выходили из среды тех же многочисленных зрителей. Это в какой-то мере было присуще средневековому европейскому народному карнавалу и «площадному театру» в начальный период.

[42] Матери Бабура и Хайдара были родными сестрами, дочерьми султана Йунус-хана. Еще одна их сестра была замужем за Адик-султаном, старшим братом Касым-хана. После смерти брата Касым женился на ней по обычаю левирата (см.: Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. А.–А., 1969, с. 186, 188, 122). Об их взаимоотношениях пишет и Бабур в своей книге «Бабур-наме». (Ташкент, 1958, с. 21).

[43] «Бабур-наме» («Записки Бабура»). Перевод М. Салье. Ташкент, 1958. Захир ад-дин Мухаммед Бабур. Трактат об арузе. Факсимиле рукописи. Издание текста, вступит. статья и указатели И. В. Стеблевой. М., 1972; *Стеблева И. В.* Семантика газелей Бабура. М., 1982.

[44] Поэзия народов СССР IV–XVIII веков. М., 1972, с. 364. Перевод Л. Пеньковского.

[45] Об этом Бабур писал: «Сыном Хут Нигар ханум был Хайдар мирза. После убийства его отца узбеками он пришел и находился при мне три-четыре года. Потом он испросил разрешения и ушел в Кашгар к Хану.

Всякая вещь возвращается к своему началу –
И чистое золото, и серебро, и свинец».

(См.: Бабур-наме. Перевод М. Салье. Ташкент, 1958, с. 21).

[46] Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. А.–А., 1969, с. 189.

[47] Там же. с. 188.

[48] Бабур-наме. Ташкент. 1958, с. 21.

[49] Точная дата рождения и смерти Кадыргали Жалаири не установлена. Если учесть, что его сочинение написано в 1602 году, когда автору было под пятьдесят лет (Н. Березин), то можно предположить, что время его рождения соответствует к 1555 году. Что же касается времени его смерти, то исследователи считают, что он скончался раньше гибели Ураз-Мухаммеда, т. е. до 1610 года. Это обстоятельство и то, что сочинение Кадыргали заканчивается описанием сцены восшествия Ураз-Мухаммеда на престол, и ничего не говорится о дальнейшей жизни молодого хана и истории Лжедмитрия II, а также о смутном времени, дают основание считать датой смерти Кадыргали промежуток между 1605–1607 годами.

[50] История обнаружения рукописи, ее издания и изучения подробно описана в ряде работ. Из наиболее новых можно указать: Татар әдебияты тарихы. Алты томдык. Казан, 1984, I т., 333–356-б.; *Сыздыкова Р., Қойгелдиев М.* Қадырғали би Қосымұлы және оның жылнамалар жинағы. А., 1991.

[51] *Сыздыкова Р., Койгельдиев М.* Указ. работа, с. 262.

[52] Там же.

[53] *Валиханов Ч. Ч.* Извлечения из «Джами ат-тавариха»//Собр. соч.. т. I, 1961, с. 159.

[54] Кстати, о жизни и царствовании Ураз-Мухаммеда писателем М. Магауиным создан замечательный роман «Аласапыран», удостоенный Государственной премии в 1984 году.

[55] История обнаружения многочисленных изданий и изучения рукописи подробно изложена Б. Абилкасимовым, который перевел ее на казахский язык и издал отдельной книгой. См. Әбілғазы. Түрік шежіресі. А., 1992.

[56] *Әбілғазы.* Түрік шежіресі. Көне түрік тілінен аударған Б. Абылқасымов. А., 1992. 8-б.

[57] Там же, с. 95.

[58] История Казахской ССР. В пяти томах, т. 2., Алма-Ата, 1979, с. 230–238.

[59] *Бернштам А. Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII вв. Восточнотюркский каганат и киргизы. М. –Л. 1946, с. 82.

[60] *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.–Л., 1961, с. 121; *Айдаров Р.* Орхон ескерткіштерінің тексі. Алматы, 1990.

[61] *Сыздыкова Р. Г.* Қазақ әдеби тілінің тарихы (XV–XIX ғасырлар). Алматы. «Ана тілі», 1993.

[62] *Бартольд В. В.* Собр. соч., т. III, ч. I, с. 126.

[63] *Жубанов Е. Х., Ибатов А. М.* История народа и история его языка. //Вестник АН КазССР, 1987, № 8, с. 33–35.

[64] *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение.

[65] *Курышжанов А. К.* Язык старокыпчакских письменных памятников. Автореф. на соиск. ученой ст. доктора филолог. наук. А.–А, 1973, с. 51–52.

[66] История Казахской ССР. т. 2, с. 232.

[67] *Курышжанов А. К.* Указ. работа, с. 1–52.

[68] *Баскаков Н. А.* Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, с. 73.

[69] *Наджип Э. Н.* Тюркоязычный памятник XIV в. «Гулистан» Сейфа Сараи и его язык. Ч. I. Алма-Ата, 1975.

[70] *Бартольд В. В.* Двадцать лекций по истории тюркских народов Средней Азии. // Соч. т. V. М., 1968, с.

[71] *Шербак А. М.* Огуз-наме, Мухаббат-наме. Памятники древнетюркской и староузбекской письменности. М., 1959; *Наджип Э. Н.* Хорезми. «Мухаббат-наме».

[72] *Шербак А. М.* Грамматика староузбекского языка. М. –Л., 1962, с. 223.

[73] *Усманов М.* Кул Гали: восемь веков в народной памяти // «Новости». Информационный бюллетень ЮНЕСКО, № 5, 1983, с. 17–20.

[74] *Бартольд В. В.* Собр. соч., т. II, ч. I. с. 128.

[75] *Рустемов Л. З.* Қазіргі қазақ тіліндегі араб-парсы кірме сөздері. Алматы, 1982.

[76] *Кайдаров А. Т.* Тюркская этимология: проблемы и задачи. //Проблемы этимологии тюркских языков. Алма-Ата, 1990, с. 5–25.

[77] *Исаев С.* Қазақ әдеби тілінің тарихы. Алматы, 1996.

[78] *Абилхасымов Б.* Казахский литературный язык второй половины XIX в. (на материале казахской печати). Автореф. дисс. докт. филол. наук., Алма-Ата, 1983, с. 6.

[79] *Өміралиев К.* XV–XIX ғасырлардағы қазақ поэзиясының тілі. Алматы, 1976.

[80] *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йа Бухара (Записки бухарского гостя). Перев., предисл. и примеч. Р. П. Джалиловой. М., 1976, с. 106.

[81] Там же, с. 105–106, 108.

[82] Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. // Соч. Т. II. Ч. 1, с. 96.

[83] Там же.

[84] Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Под ред. проф. С. Д. Асфендиарова и проф. П. А. Кунте. Сб. 1 (V в. до н.э.–XVIII в. н.э.). Алма-Ата, 1935, с. 127.

[85] *Юдин В. П.* Известия «Зийа ал-кулуб» Мухаммад Аваза о казахах XVI века // Вестник Академии наук КазССР. 1966. № 5, с. 71–72; *Шах-Махмуд ибн Фазил Чурас.* Хроника. Критич. текст, пер., коммент., исслед. и указ. О. Ф. Акимушкина. М., 1976, с. 275, прим. 94, с. 276; *Вяткин В. Л.* Шейхи Джуйбари I. Ходжа Ислам // «В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели». Ташкент, 1927, с. 19; *Семенов А. А.* Уникальный памятник агиографической среднеазиатской литературы XVI века. Ч. I // Известия Узбекского филиала АН СССР. Ташкент, 1940, № 12, с. 55; *Валиханов Ч. Ч.* О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858–1859 годах //Собр. соч. в пяти томах. Т. 3. Алма-Ата, 1985, с. 127, 179.

[86] *Ворожейкина З. Н.* Доисламские верования киргизов в XVI в. (по рукописи «Зия ал-Кулуб») // Вопросы филологии и истории стран Советского и зарубежного Востока. М., 1961, с. 183; *Ее же.* Зийа ал-кулуб (пер. с перс. З. Н. Ворожейкиной) //Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973, с. 182–184.

[87] *Юдин В. П.* Известия..., с. 74–76.

[88] *Абусеитова М. Х.* Из истории казахско-среднеазиатских отношений: события 1598–1599 годов //Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, «Наука», 1981, с. 127.

[89] *Вяткин В. Л.* Шейхи Джуйбари. Ходжа Ислам, с. 6–7.

[90] *Тримингем Дж. С.* Суфийские ордены..., с. 58. О суфизме и культе святых в Казахстане см.: *Мустафина Р. М.* Представления, культы, обряды...

[91] *Боровков А. К.* Очерки по истории узбекского языка (Определение языка хикматов Ахмада Ясеви //Советское востоковедение. М.-Л., V, с. 229–250; *Кожа Ахмет Йасауи.* Диуани Хикмет (Акыл кітабы). Алматы, 1993.

[92] Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (далее – МИКХ). Алма-Ата, 1969, с. 371, примеч. 8; см. также: *Валиханов Ч. Ч.* О состоянии Алтышара..., с. 127–128; *Думан Л. И.* Аграрная политика Цинского (Манчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века. М.-Л., 1936, с. 220–221.

[93] *Ал-Хасан ибн Муса ан-Наубахти.* Шиитские секты. Пер. с араб., исслед. и коммент. С. М. Прозорова. М., 1973, с. 87, 132, 209, прим. 45.

[94] *Снесарев Г. П.* Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М., 1983, с. 80–100.

[95] *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 266. См. также Мустафина Р. М. Представления, культы, обряды...

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1206–1224	— Правление Чингиз-хана.
1219–1224	— Завоевание Казахстана и Средней Азии монголами.
1219–1220	— Осада и разрушение монголами Отрара.
1227–1242	— Правление хана Чагатая.
1227–1255	— Правление хана Батыя.
1228/29–1241	— Правление великого хана Угэдэя.
1236–1242	— Поход Батыя на Русь и в Восточную Европу.
1243	— Образование Золотой Орды.
1245–1247	— Путешествие Плано Карпини через территорию Казахстана в Монголию.
1253–1255	— Путешествие Вильгельма Рубрука через территорию Казахстана в Монголию.
1257–1266	— Правление Берке-хана (Золотая Орда).
1266–1280	— Правление хана Менгу-Тимура (Золотая Орда).
1269	— Образование государства Чагатаидов.
1271	— Денежная реформа Масудбека в Средней Азии и на юге Казахстана.
1271/72	— Начало выпуска серебряных монет в Отраре.
XIII век	— Время жизни Кетбуга (Улы жырши).
Начало XIV в.	— Обособление Ак-Орды.
1312–1342	— Правление Узбек-хана (Золотая Орда).
1321	— Денежная реформа Кебек-хана.
1342–1357	— Правление Жаныбек-хана (Золотая Орда).
1346	— Образование Могулистана.
Вторая четверть XIV в.	— Обособление Ак-брды от Золотой Орды.
1348–1362/63	— Правление хана Тоглук-Тимура.
1361–1376/77	— Правление Урус-хана (Ак-Орда). (По другим источникам начало правления — 1368/69 г.).
1365	— «Грязевая битва» («Джанг-и лой») между войсками Ильяс-Ходжи и Тимура.
1370	— Предположительная дата рождения Асана Кайгы жырау.
1370–1405	— Правление Тимура.
70–90-е годы XIV в	— Походы Тимура на территорию Ак-Орды и Могулистана.
1374/75	— Взятие Урус-ханом Сарая.
1380–1395	— Правление Тохтамыш-хана (Золотая Орда).
1380, 8 сентября	— Куликовская битва. Победа русских войск над татаро-монголами на Куликовом поле.

11395	— Разгром Золотой Орды Тимуром.
1396–1411	— Правление Едыге (Золотая Орда).
1397–1398	— Сооружение Мавзолея Ходжа Ахмада Ясави.
Конец XIV — вторая четверть XV в.	— Обособление Ногайской Орды.
XIV — первая треть XV вв.	— Возрождение городской культуры, земледелия, ремесла на юге и юго-востоке Казахстана.
XIV–XV вв.	— Расцвет историко-героического эпоса ногайлинского цикла.
1409–1449	— Правление Улугбека в Средней Азии.
1422/23–1428	— Правление Барак-хана (Ак-Орда).
1426–1440	— Правление Нур ад-дина (Ногайская Орда).
1428–1468	— Правление Абулхайра в Восточном Дешт-и Кыпчаке.
1433/34–1462	— Правление Есен-Буга-хана (Могулистан).
1457	— Битва войск Абулхайр-хана с ойратами.
50–60-е годы XV в.	— Отложение Гирея и Жаныбека от Абулхайр-хана.
XIV–XV вв.	— Завершение образования казахской народности.
1466	— Образование Казахского ханства.
1468	— Поход Абулхайр-хана в Могулистан.
1480–1511	— Правление Бурундук-хана.
Конец XV в.	— Образование Сибирского ханства.
Конец XV — начало XVI вв.	— Распад государства Могулистан.
Конец XV — начало XVI вв.	— Завершение сложения казахского общенародного языка.
1500–1508	— Завоевание Мухаммадом Шайбани—ханом Средней Азии. Падение династии Тимуридов.
1509–1510	— Поход Мухаммада Шайбани-хана на территорию казахов.
1510	— Битва под Мервом. Гибель Мухаммада Шайбани-хана.
1511–1518 (или 1523)	— Правление хана Касыма
1523–1532	— Правление Тахир-хана.
1532–1557	— Правление Буйдаш-хана.
1537	— Битва казахов и могулов на местности Санташ (район Иссык-Куля), закончившаяся поражением казахов.
1538–1580	— Правление хана Хакназара.
1557–1582	— Абдаллах-хан II.
1569–1573	— Русские посольства Семена Мальцева и Третьяка Чебукова в Казахское ханство.
580–1582	— Поход Ермака в Сибирь.
1581/82	— Правление хана Тауекеля.
После 1583	— Посольство Кул-Мухаммеда в Москву.
1594	— Прибытие русского посла Вельямина Степанова к Тауекелю.

1598	— Вхождение Сибирского ханства в состав Русского государства.
1598–1599	— Поход Тауекель-хана в Среднюю Азию.
1598–1599(1600–1601)	— Падение династии Шайбанидов в Средней Азии. Приход к власти Аштарханидов.
1598–1628	— Правление хана Есима.
1635	— Образование Джунгарского ханства.
1643	— Битва при Орбулаке.
1652	— Гибель Жангир-хана в битве с ойратами.
1680–1718	— Правление хана Тауке.
1681–1684	— Набеги джунгар на территорию Казахстана.
Конец XVII в.	— Кодификация законов хана Тауке «Жеты-Жаргы».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абай (Ибраһим) Кунанбаев 398
Абас 1, Сефевид 404
Абд аль-Карим ибн Мухаммад ат Тамдахи 137
Абд аль-Латиф, сын Абд ар-Рашид-хана 18, 21, 24, 384, 386
Абд аль-Мумин 394, 405, 406, 408
Абд ар-Раззак Самарканди 11,15,33,41, 89,108,133,138,153,185,467
Абд ар-Рахим-хан 16, 415, 416, 449, 530
Абд ар-Рашид-султан 14
Абд ар Рашид-хан 15,16,21,24,183,349, 374, 377, 379, 381, 383, 384-386, 393, 415,560
Абдаллах бен Мухаммад (Абдаллах Балхи)20
Абдаллах-хан II, Шайбанид 16, 19, 172, 387, 398, 390, 392-394, 396-405,407, 408, 440, 466, 468, 506, 507, 527-531, 582
Абдулла-хан 49
Абишка 76
Абрамзон С. М. 50
Абу Са'ид-мирза 146, 152, 326, 355
Абулай-султан 396, 416, 417
Абулгази, хан 22, 23, 30, 35, 42, 45, 79, 110–114, 128, 153, 167, 366, 416, 527, 562, 563
Абулхайр Суйнунч-Ходжа-хан 18
Абулхайр-хан (Абу-л-Хайр-хан) 16–19, 21, 22, 45, 46, 79, 104, 108, 130, 138, 139, 146,147–149, 150–152, 156,157, 171, 173, 178, 180-182, 184, 186-193, 230,250,290–293, 294,314–324,327–332, 334–338, 340, 342, 344–346, 348, 349, 351, 353, 354, 355, 356, 365, 370, 526, 549
Абусеитова М. Х. 19, 49
Агаджанов С. Г. 50
Адаб-бек буркут 156
Адам Омарий 29
Адик, сын Джаныбек-хана 341,343,363, 374, 376, 377, 398
Алгуй 76
Алексей Михайлович, царь 506
Али-бек эмир 135
Алике султан 151
Аль-Айни 11, 132
Аль-Асади 11
Аль-Калкашканди 25
Аль-Таффари 138
Акимушкин О. Ф. 40, 42, 49
Амасанчи (Амасанджи) тайша 146, 148
Амброджо Контарини 29
Амин Ахмад Рази 16
Анде де Лонжюмю 221
Андрианов Б. В. 53
Аполлова Н. Г. 39
Арслан-ходжа-тархан 136, 137, 144
Арсланова Ф. Х. 59
Ариг-Буга 76, 87
Аристов Н. А. 33, 35, 301
Асан-кайгы, жырау 231, 232, 233, 239
Асфендиаров С. Д. 35, 36, 37, 38
Аталыков Култубай 436
Ауэзов М. О. 39
Ахинжанов С. М. 59
Ахмад-Алача-хан, Султан Ахмад-хан, сын Юнус-хана 321, 333, 336, 342, 353,356
Ахмад Гаффари 133
Ахмад ибн Мухаммад ибн Арабшах II
Ахмад-султан 147,183, 372
Ахмад-хан (казахский хан) 376, 383, 384
Ахмад-хан, потомок Тука-Тимура, Джучид 132, 148, 150, 151, 321, 322, 330, 334, 339, 346, 354
Ахмад Ясави 14, 172, 240, 417, 474, 475, 484,506,529,531,582-584
Ахмедов Б. А. 14, 17, 42, 46, 47, 50, 52, 137, 322
Аюк-хан 439

Баба-султан, сын Барак-хана Шайбанида 390, 392, 393, 398, 399,

400, 402,440, 527
Бабаджанов С. 35
Бабур, Захир ад-дин Мухаммад 14, 20, 21, 31, 88, 89, 356, 364, 366, 374, 407, 458, 460, 468, 522, 558, 560
Багадур, Бахадур (сын Шайбана) 113, 114,149
Балагул-оглан 149
Байан, Баян 104, 115
Баки-Мухаммад-султан 406—410
Бальдуччи Петолетти 212
Барак-оглан 133, 136
Барак-хан, внук Урус-хана, Джучид 77, 99, 104, 109, 115, 132, 133, 136–139, 142, 149–151, 171, 185, 193, 294, 316, 317, 318, 320–323, 325, 330, 331, 332, 337, 338, 379, 380, 381, 396, 398, 468, 472
Барак-хан (Науруз-Ахмад-хан), Шайбанид 384—386
Бартольд В. В. 12, 13, 19, 31, 33, 35, 38, 45,56,77,84,88,89,111,117,138,139, 144, 174, 194, 301, 380, 383, 439, 532
Басин В. Я.49
Батур-хунтайджи 27,36,45,419,420,422, 423,441
Батый 27, 36, 45, 76, 78, 79, 99, 104, 106, 107, 109-111, 113, 114, 149, 180, 189, 283, 284, 289
Бахтийар-султан 147, 151, 182
Баян-хан 107, 115
Бердибек 98, 105, 136, 366
Березин И. 30, 32, 81, 461
Берке-хан 76, 78, 79, 110, 111, 189
Бернштам А. Н. 38, 59, 88
Бичурин Ичкинф 31
Борис Годунов 561, 562
Босворт К. 84
Бузунджар-бий кытай 177
Буйдаш-хан 16, 376, 379, 381, 383, 384, 385,458
Буреке-султан, внук Тимур-Шайха 151, 338
Бурундук-хан 21, 47, 318, 320, 333, 335, 336, 340, 341, 343, 344, 363, 364, 370, 371,373,458,468,528

Вайс-хан 88, 138, 142,145-148,170, 325
Ваккас-бий мангыт 150-154, 177, 182, 526
Вали-Мухаммад 414
Валиханов Ч. Ч. 31,32,154,290,301, 304, 417, 418,422,446, 545
Василий III 366
Васильев Л. С. 53
Вассаф 107, 283
Вельяминов-Зернов В. В. 31, 32, 45, 48, 328,384,385,398,525
Веселовский Н. И. 32
Вид А. 28
Висконти П. 28
Витсен Н. К. 29
Владимирцов Б. Я. 35, 37
Вомен С. Л. 33
Волынский В. 435
Востров В. В. 50
Вяткин М. П. 38

Газан хан 107
Гази-би, мангыт 390
Галдан Бошокту 425, 436
Ганс Шильтбергер 29
Георги И. Г. 30
Геродот 36
Гетум 211, 212
Гийас ад-дин Али Йазди 133
Гирей-хан 17, 21, 22, 31, 48, 80,100, 148, 150, 152, 156, 157, 231, 232, 288, 291, 295, 317–336, 338–344. 348. 349, 353, 355, 371, 372
Греков Б. Д. 38, 43
Греков И. Б. 43
Григорьев В. В. 32, 35
Грум-Гржимайло Г. Е. 113
Губин Данила 27, 383, 433
Гумилев Л. Н. 45

Давидович Е. А. 56, 194, 213, 410
Давлат-берды 137
Далай-тайша 439
Даниал-ходжа 23
Дарвиш-Мухаммед 404
Даулет -султан Саканж 140
Дегинь Ж. 32
Джадик, сын Жаныбек-хана 385, 398
Джалаири. см. Кадыр-Али Джалаири
Джалал ад-дин 133
Джалилова Р. П. 42
Джалым-султан (Челым-царевич) 398, 434

Джамал ад-дин ат-Турки 568
Джамаль Карши, Абу-л-Фазл ибн Мухаммад 15, 74
Джан-Мухаммед аталык-найман 390
Джани-Мухаммад 410
Джахангир, сынТимура 16,125,216,421
Джаханшах дуглат 144, 181, 184
Дженкинсон А. 28,386,387,388,389,434, 446,457,581
Джувейни 10, 15, 74, 80, 81
Джумадук-хан 149
Джурджани 14, 284
Джучи-хан, Джучи 10,14, 36, 74, 77, 78, 79, 82, 83, 87, 102, 103-106, 113, 114, 130, 132, 177, 179, 180, 192, 239, 282, 283, 284, 320, 321, 323, 330, 331, 345, 354, 366, 373
Джэбэ-нойон 284
Дин-Мухаммад 399, 402, 403, 406
Дмитрий Донской 125, 127, 131
Доможиров Б. 27, 389, 434
Досмухамедов Х. 442
Доспамбет-жырау 537, 538
Д'Оссон 32
Дост-Мухаммад-хан 351, 354

Егоров В. Л. 43, 44, 112–114, 282
Едыге 27, 29, 51, 100, 106, 108, 109, 128, 132, 133, 135, 150, 153, 154, 156, 177, 227, 228, 231, 303, 318, 393, 537, 561
Енге-тора 99, 127, 128, 167
Епифанова Л. М. 42
Еренов А. Е. 52
Ерзен-хан 99, 104, 105, 146–148, 169,171
Есен-Буга хан 47, 145, 191, 324, 325, 327–329, 331, 333–334, 349, 351, 353
Есен-тайша 147
Есим-хан, Ишим хан 7, 16, 19, 23, 304, 394, 397, 406, 409,410, 411, 414–419, 422, 423, 425, 440, 441, 520, 527, 539, 551, 562, 574
Есипов С. 27
Есу Мункэ 76

Жалантос батыр 420, 421, 422, 442
Жалгиз, см. Шалкииз
Жамаль Карши 24
Жан Батист Тавернье 29
Жангир-хан 167,417,419,420,422–424,439
Жаныбек-хан, сын Барак-хана 17, 21–23, 31, 47, 48, 98, 100, 102, 130, 132, 148, 150, 152, 154
Жаныбек, сын Узбек-хана, хан Золотой Орды 17, 21, 22, 31, 47, 48, 98, 100, 102, 130, 132, 148, 150, 152, 154, 156, 157, 231, 232, 236, 238, 288, 290, 291, 294, 295, 317-336, 338-344, 348, 349, 353-355, 363, 364,366, 371-374, 385, 398,405, 526, 573
Жаныш-султан, сын Жаныбек-хана 335, 372, 373
Жданко Т. А. 50
Жиембет-жырау 537, 539, 540, 574
Жиренше-шешен 553

Зайн ад-дин Васифи 18, 41, 295, 333, 336, 378, 380, 463, 466, 490, 525
Захир ад-дин Бабур см., Бабур Захир ад-дин Мухаммед
Зиманов С. З. 52
Златкин И. Я. 49, 52

Ибак (Ибак хан) 151, 156, 157, 336, 339, 345, 354
Ибн Арабшах 25, 153
Ибн аль-Асир 85, 229
Ибн Асам аль-Куфи 297
Ибн Фадлан 454
Ибн аль-Факих 30, 299
Ибн аль-Фурат 25
Ибн Баттута 25, 81, 166, 170, 242
Ибн Рузбихан, см. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани
Ибн Сина 236
Ибн Тангриберди 25
Ибрагимов С. К. 17, 40, 45, 46, 329, 331, 332
Ибрахим султан 12, 143, 144, 149
Ивак 27
Иван Хохлов 415
Иван IV 386–389, 433–435
Иванов П. П. 17, 45, 50, 187, 321, 530, 532
Иген 110
Ильбарс хан 21
Ильден-тайша 421
Ильин Г. 422, 441
Иософат Барбаро 29, 116, 168, 170
Иренчи-султан 47
Исабек 177
Исан тайша 146

Исин А. 49
Искандар хан, Шайбанид 506
Искандар Мунши 20, 42, 403–406, 408, 410, 415, 523
Искандар-султан, правитель Ташкента 414
Искандер, внук эмира Тимура 13, 140
Искандер Кара-Коюнлу 216
Ислам Ходжа 407, 408
Ислам, шейх 407
Исмаил, ногайский мырза 393, 433, 434
Исмаил Сефеви 17
Исфендияр 23
Ишим, см Есім хан
Иштерек 393

Йахши-бек-тархан 184
Йолбарс-хан 421
Йунус-хан 146, 148, 183, 188, 294, 326, 327, 329, 334, 335, 338, 342, 351, 352, 356, 420

Кабай 436
Кабанбай 551
Кадыр-Али Джалаири (Кадыргали) 22, 31, 32, 105, 153, 156, 320, 366, 376, 383, 384, 558, 561, 562, 574
Кадырбаев А. Ш. 51, 439
Казан-хан 78
Казбек-бий 424, 547–549, 551, 574
Кази Ахмад Гаффари Казвини 109
Кази-Бикчик 528
Қазтуған жырау 232, 233, 239, 574
Калмыков И. Х. 153
Камал ад-дин Али Бинаи 16, 17, 40, 291, 331, 339, 340, 366, 458, 463, 468, 526, 530, 558
Камар ад-дин Дуглат 13, 14, 99, 122, 125–128, 143, 184, 188, 193, 325
Карамзин Н. М. 45, 282, 296
Кармышева Б. Х. 50
Карпини, см. Плано Карпини
Касым-хан, Касым, сын Жаныбека 7, 20, 21, 49, 318, 340, 343, 344, 346, 363, 365–368, 373–375, 383, 385, 407, 425, 447, 458, 520–522, 558, 560, 574, 582
Катта-бек 364
Каэн Л. 32
Кебек-Тимур 123
Кебек-хан 50, 78, 83, 98, 133
Кельды-Мухаммед, сын Суйунч-ходжи 20
Кепек бек 177
Кепек-бий, мангыт 156
Кепек-ходжа-тархан 184
Керим-Берды 133, 145
Кетбуга 228–230
Кириллов И. 303
Кичик-Мухаммед-хан, Киши Мухаммад 29, 132, 150, 336
Клавихо, см Рюи Гонзалес де Клавихо
Кларе А. К. 55
Кобланды 230
Кобяков В. В. 436
Койричак, Койручук 104, 106, 132, 133, 322, 398
Кокым-бий 417
Коничи 79, 104, 107, 320
Константин Багрянородный 296
Контайша 419
Контарини А. 451
Корнелий де Бруин 29
Кочекаев Б.-А. Б. 46, 51, 153
Кубилай-каан, см. Хубилай
Кублук 115
Кужи-тайша 419
Кузеев Р. Г. 50, 153, 438
Куинджи, см. Коничи
Кул-Мухаммед 27, 343, 403, 404, 434, 435, 526, 528
Культегин 566
Кунте П. А. 36
Кунче оглан 135, 184
Кунчур-бай Кушчи 177
Кутб 107, 236
Кутлуг Бука 124, 321
Кучик султан 416
Кучум, хан 22, 23, 364–366, 375, 387, 388, 393, 404, 434, 435, 438, 561
Кылыч-бай бахадур 177

Латиф-султан 400
Левшин А. И. 31, 298, 419, 421, 452
Лерх П. И. 32
Лунин С. Б. 204
Лутфулла Чусти 408
Лэн Пуль Стэнли 107
Людовик IX 86

Майкы би 424

Макризи 25, 81
Малик аль-Ислам 144
Малов С. Е. 153
Мальцев Семён 27, 388, 398, 434
Мамай 27, 98, 125, 127, 228, 538
Мамаш, сын Касымхана 366, 374, 385
Манедан-оглан 151, 182, 526
Мансур мирза 156, 356
Манучахр Сутуде 18
Мар, из династин Тайбуги 157
Мар Ябаллахи III 210
Маргаска-жырау 537, 574
Маргулан А. Х. 39
Маркварт 296, 298
Марков Г. Е. 53
Марко Поло 107, 198
Маркс К. 37
Масанов Н. Е. 51, 53
Масуд аль-Хорезми 215
Масуд-бек, сын Махмуд Ялавача 56, 182, 192, 194, 213, 215
Масуд ибн Усман Кухистани 18, 40, 148, 150, 177, 291, 332, 525
Массон М. Е. 55, 248, 249
Масуди 296
Махмуд ибн Вали 16, 45, 79, 87, 111, 112, 113, 148–151, 289, 291, 302, 320, 321, 324, 327, 331, 333, 336, 353–355, 375, 377, 384, 386, 415, 416, 417
Махмуд Кашгари 42
Махмуд-султан, брат Мухаммада Шайбани 343, 344, 526
Махмуд-султан, сын Жаныбек-хана 339–341, 458
Махмуд-хан, Джучид, потомок Тука-Тимура 183, 321, 322
Махмуд Ходжа-хан 149, 150, 156
Махмуд Ялавач 81, 213, 215
Махмум (сын Жаныбека) 47
Менгу Тимур 79, 110, 113
Миллер Г. Ф. 30, 156, 398
Минг-Тимур 149
Мингулов Н. Н. 40
Минорский В. Ф. 296, 298
Мирза Мухаммед Хайдар, Дуглат Мирза Хайдар Дуглат 14–16, 31, 32, 42, 48, 88, 89, 110, 116–118, 122, 123, 138, 140, 141, 145, 147, 178, 182–184, 288, 291, 321–324, 328, 331–334, 342, 345, 349–351, 355, 356, 363, 365, 366, 373–377, 383, 398, 447, 455, 458, 460, 463, 468, 521, 558–561
Мирзоев А. М. 17, 41
Мир Ибрахим, Бекчик 185, 351
Мирмухаммедшах 146
Мир Хакк-Берды 145, 147
Мирхонд, Мухаммед бен Хаванд-шах 13, 14, 89, 143, 144, 167, 191, 325
Моисеев В. А. 49, 423
Молла Муса Айса 24
Мотрэ А. 29
Мубарак хан Мубарак-ходжа хан) 99, 104, 105, 107, 115, 171, 194
Муи'ин ад-дин Натанзи 12, 13, 33, 41, 45, 105, 107–109, 111–116, 122, 123, 134, 140, 153, 182, 320, 463, 467
Муи'унсиз-Хасан-бек 373
Муканов М. С. 50
Мукими 401
Мукминова Р. Г. 17, 442
Мулла Шараф ад-дин 20
Мунанджжим-баши 25, 366
Мункэ, Мункэ-каган 76–78, 81, 90, 114, 192, 211, 212
Мурид хан 105
Муртаза, отец Кучума 29
Муса Муса-мирза, мангыт) 154, 156, 340
Мустафа хан 149, 151, 323
Мутугэн 76
Мухаммед Авваз 42
Мухаммад-бек, конграт 177
Мухаммад бек, монгольский эмир 177
Мухаммад Гази 138
Мухаммад Джуки 137
Мухаммед ибн Араб Катаган 401, 405
Мухаммад ибн Кайс 568
Мухаммад из династии Тайбуга 157
Мухаммад-Мазид-тархан 339, 343–344, 526
Мухаммад-оглан 109, 140
Мухаммад Салих 16, 21, 468
Мухаммад Талиб 408, 411
Мухаммад-хан 13, 108, 133, 136, 140, 141, 145, 240
Мухаммад Хайдар, см. Мирза Мухаммад Хайдар, Дуглат
Мухаммад Шайбани-хан Шайбани, Шайбани-хан 16, 17, 20–22, 30, 99, 156, 157, 167, 170, 173, 174, 290, 293, 294, 317–319, 329–332, 336, 337, 339–347, 356, 364, 367–374, 396, 407, 409, 441, 442, 446, 465, 468, 470, 505, 507, 518, 521, 522, 526, 528, 530, 533, 559

Мухаммад Юсуф Мунши 20, 414, 415
Мухамедьяров Н. 43

Наджип Хамадани 107
Надир Мухаммад-шах 19
Назаров Ф. 476
Накш-Джахан 141
Науруз-Ахмад 396
Неприпасов А. 436
Низам ад-дин Шами 11, 14, 33, 41, 108, 125, 128, 182
Новосильцов М. 435
Ногай 108, 112, 115, 153, 434
ан-Нувайри 284
Нур ад-дин, Мангыт 153, 190, 193, 227
Нурмухамедов С. 35

Огуз хан 23
аль-Омари 24, 25, 83, 88, 89, 166, 168, 286, 451
Омар-шайхы 109, 127, 342, 356, 559
Ондан, сын Шыгай-хана 22, 398, 461
Орда, Орда-Ежен 36, 45, 74, 79, 80, 99, 104, 106–109, 111–115, 133, 134, 140, 148–151, 180, 283, 289, 291, 320, 354
Орда-Ичен, см. Орда-Еджен
Орда-Шейх 105
Оркына, Оркына-хатун 76, 77

Паллас П. С. 457
Панкратова А. М. 38
Пантусов Н. Н. 298
Перетяткович Г. 32, 45
Першиц А. И. 53
I Петр 436
Петров К. И. 45, 52, 113
Петрушевский И. П. 34, 527
Пир-Мухаммад-хан 405–408, 410
Пищулина К. А. 40, 46, 47, 51, 113, 303
Плано Карпини, Иоанн де 74. 86, 107, 166, 211, 285
Потапов Л. П. 11, 50, 52
Поладчи, дуглат 15, 99, 116–118, 122
Пулад (Пулад) 106, 132, 149, 322, 402

Раббан Саума 210
Рабтан, см. Цеван Рабтан
Рабгузи Насреддин 235
Радлов В. В. 32, 35, 297
Рамстедт Г. И. 297
Рашид ад-дин, Фазлаллах Рашид ад-дин 10, 11, 15, 22, 42, 74, 79, 87, 91, 99, 107–109, 114, 115, 117, 195, 282, 283, 300, 302, 561
Ремезов С. 28
Розен В. Р. 32
Ромаскевич А. А. 33
Ромодин В. А. 34, 41
Рубрук Вильгельм 86, 166, 168, 180, 195, 211
Рычков П. И. 30, 387, 388
Рюй Гонзалес де Клавихо 11, 29, 153

Саблуков Г. С. 30
Садр аль-Ислам 144
Са'ид-хан, см. Султан Са'ид-хан
Сайид Али дуглат 167, 181–183
Салахетдинова М. А. 40, 41
Самбат Спарапет 210
Самеке, хан 548
Самойлович А. Н. 299
Самюэль Коллинз 29
Сансиз мирза Дуглат 351
Сар-Буга 126, 136, 436
Сартак 104, 107, 211, 212, 320
Сартактай, см. Сартак
Сасы-Бука 104, 108, 115, 116, 194, 320
Сатук Богра хан 21, 145
Сафаргалиев М. Г. 43, 45, 284
Святослав 36
Сейдак (Сейил Ахмад), из рода Тайбуги 156, 385
Сейдалин Т. 35
Сейид Абдаллах (пр. Мир-и Араб) 19
Сейфи Челеби 19, 380, 396, 452, 469, 505, 581
Семенов А. А. 40, 45, 50, 330, 332, 530, 532
Семенов Ю. И. 53
Скибин Фёдор 28, 436
Соловьев С. М. 45, 437
Софы Аллаяр 504
Спандияр хан 562
Степанов Вельямин 28, 404, 435
Строгановы 388, 389
Субэдэй-нойон 284
Субханкули 425
Суйунч-бий 177
Суйунч-Ходжа, Шайбанид 332, 365, 366,

372, 375, 533
Сулейман Бакыгани, см. Хаким-Ата
Султан Ахмад-хан, см. Ахмад-Алача-хан
Султан Ахмад-мирза 341, 342
Султан Сайид-хан 15, 183, 334, 350, 363, 365, 374, 376, 377, 415, 440, 447, 560
Султан Махмуд, см. Султан Махмуд-хан, сын Йунус-хана
Султан Махмуд -хан, сын Йунус-хана 157, 321, 330, 338, 342–344, 356, 528, 559
Султан Увйай барлас 144
Султан Юнус 14
Султанов Т. И. 46–48, 50, 107, 112, 113, 115, 301, 329, 332
Суфи-бек, найман 156, 177
Суфи-бек, шат 117
Суфи-хан 149
Сухайл 411, 414
Сыбан, см. Шайбан
Сыпыра-жырау 228, 231

Табалдиев К. Ш. 59
Тайбуга 156
Талай-тайша 419, 420
Таныш -султан, сын Жаныбек-хана 335
Тарагай барлас 124
Тармаширин (Ала ад-дин) 77, 78, 98, 118
Татищев В. Н. 30, 282
Тауке-султан 16
Тауке-хан 7, 28, 417, 420, 424, 425, 428, 429, 431, 436, 460, 522, 542, 547–549, 551, 574
Тауэр 12
Тахир-хан 374–376, 380, 381, 383, 385, 415, 440, 520, 521
Тауекель 7, 16, 19, 27, 28, 49, 368, 380, 386, 393, 394, 397–401, 403–409, 414, 434, 440, 458, 582
Тевкелев М. 303
Темучин, см. Чингиз-хан
Тизенгаузан В. Г. 12, 32, 33
Тимур, эмир Тимур 7, 11–14, 18, 25–27, 29, 44, 58, 98–100, 102, 103, 106, 108, 115, 118, 122–140, 148, 149, 167, 172, 174, 175, 182, 190, 192, 193, 196, 199, 201, 212, 215, 216, 248, 252, 293, 294, 321, 337, 338, 341, 345, 370, 374, 450, 465, 474, 520, 531, 583
Тимур Кутлук (Тимур Кутлуг) 106, 128, 132, 135, 182, 184, 321, 339
Тимур-Малик-оглан 109, 125
Тогай-бий 440
Тоган З. В. 297, 300
Тоглук-Тимур-хан 12, 15, 99, 102, 116, 117, 118, 119, 122, 123, 17, 183, 186, 189, 193, 240
Тойнби А. Дж. 52
Тойча 182
Толе-бий 424, 547–549, 551, 574
Толстов С. П. 35, 38
Толыбеков С. Е. 52
Тоургоча-тайша 419
Тохтакия 125, 322
Токтамыш 27, 29, 44, 99, 100, 106, 109, 124, 125, 127, 128, 130, 131–135, 156, 182, 184, 193, 228, 231, 325
Трепавлов В. В. 44, 110, 113
Трошин М. 436
Тува-хан, Туве (Дува хан) 77, 88, 117
Тугум-хан 376, 377, 379, 383, 384
Туй-Ходжа-оглан 124
Тука-Тимур, Тукай-Тимур-хан, Джучид 36, 47, 104, 108, 111, 114–116, 132, 133, 140, 149, 150, 291, 320, 321, 336, 339, 345, 354
Туктимур, могульский эмир 191
Тулуй 74, 76, 563
Туманчи 436
Турсун-Мухаммад-хан 23, 304, 396, 411, 415–417, 440, 441, 458, 527, 539, 551, 562
Турсун султан 19
Тыныбек 80, 107, 108, 236, 237
Тынышбаев М. 35–37, 422

Убайдаллах, племянник Мухаммада Шайбани 24, 529, 532
Убайдолла-хан 18, 320, 364, 366, 373, 377–379, 401, 526
Угэдэй 10, 43, 74, 75, 77, 87, 98, 146, 179, 283
Узбек-султан, брат Абдаллаха II 401–403, 408
Узбек-хан, Джучид 80, 98, 107, 112, 130, 135, 189, 240
Уз-Тимур-тайшы 147, 148, 321, 326
Улджайту 143, 144
Улуг Мехмед 29, 137
Улуг-Мухаммад-хан 108, 132, 133, 231, 321
Улугбек 13, 14, 89, 102, 108, 133, 134, 136,

147, 151, 167, 171, 186, 193, 467
Умбетей 537, 541, 542, 574
Ураз Мухаммед 22, 398, 403, 404, 434, 435, 561, 562
Урлюк-тайша 439
Уртуб, Урту-Барак 116
Урукбаев А. 42
Урук-Тимур 135, 182
Урус-хан 11, 12, 99, 104–106, 109, 115, 122, 124, 125, 132–137, 139, 150, 171, 177, 182, 184, 189, 191, 320–323, 325, 327, 328, 337, 398, 467
Утемиш-хаджи 21, 42, 111, 112, 239

Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани 17, 18, 40, 42, 45, 103, 110, 153, 168, 170, 171, 173, 177, 282, 290, 295, 302, 331, 332, 366, 368–373, 441, 448–452, 454, 456–458, 463, 464–470, 472, 475, 505, 507, 517, 522, 525, 526, 533
Федор Иванович, царь 403, 404, 434
Федоров-Давыдов Г. Ф. 43, 52, 107, 113, 198, 245
Филипп Авриль 29
Филипп Иоганн Страленберг 30
Фишер 423
Фра Мауро 28
Фулад (Пулад) 108

Хаджи Барлас 119
Хаджи-бек аргинуд 123, 177
Хаджи Мухаммад-хан, Шайбанид 338
Хаджи Мухаммад-хан, Джучид 149
Хазанов А. М. 53
Хайдар ибн Али Рази 16, 33, 109, 133, 325,374
Хайдар ибн Вали 374
Хайду 76, 77, 79, 87, 88,91,98
Хакк-Берды бекчик 185
Хакназар-хан 7, 16, 24, 29, 49, 154, 366, 368, 379, 380, 383-387, 389, 390, 392, 396, 398-400, 402, 403, 415, 434, 438, 440,527
Халил-Султан 136, 193
Хамдаллах Казвини 15, 82
Хамид, могульский эмир 191
Хан-Мелек (жена Тыныбека) 108
Хара-Хула чорос 419, 421
Хасан-бек Румлу 20, 366, 385, 386
Хафиз-и Абру 13, 142, 174
Хафиз Таныш, ибн Мир Мухаммад Бухари 19, 31, 41, 398-402, 463, 465, 466, 468,483
Хафизова К. Ш. 440
Хизр-хан 105, 183
Хизр-Ходжа-хан 13, 123, 127, 128, 130, 188–190,248,325
Ходжа Ахмад Ясави, см. Ахмад Ясави
Ходжа Исхак 582
Ходжа Лак-бахадур уйгур 156
Ходжа Мухаммад Шариф 21
Холден Д. 257
Хондемир 13, 14, 325, 366
Хорду 107
Хо-Урлюк торгоут 418, 419, 562
Хубилай, великий хан 76, 77
Худайдад (Хусайни) дуглат 122,123,133, 136, 137, 140-142,178,181,182, 190
Худайдад Абдухалик 140
Хулагу 76
Хусайн, эмир 119, 122
Хызд-ходжа 99, 140, 141,145

Цеван Рабтан 425

Чагатай 10, 14, 23, 43, 74-77. 82, 87, 98, 99, 102, 103, 116, 177,179,192, 283
Чаку 133
Чан Дэ 210, 212
Чань-Чунь 210
Чапар, сын Хайду 77
Чебуков Третьяк 388, 389, 434
Черкасов А. А. 55
Чимтай 104, 194, 320
Чингиз-оглан 133, 136
Чингиз-хан 12, 18, 19, 21-23, 34, 36, 74, 75, 77–79, 81, 85, 86,91,104,111,133, 141, 154, 178, 179, 183, 210, 229, 239, 244, 280–282, 284, 295, 302, 408, 425, 465,515–517,562,566,572
Чорманов М. 35
Чулков Данила 22. 434
Чулошников А. П. 35, 329, 399

Шади Молла 16, 17, 291, 341, 468
Шадибек 106, 108,109, 132, 133
Шайбан, сын Джучи 110–113,115, 133 134,148–150,152,180,302
Шайбани, Шайбани-хан, см. Мухаммад

Шайбани-хан
Шайх Нур-ад-дин 133, 136, 140,141
Шайх-Хайдар, сын Абулхайр-хана 17, 318, 332, 336, 338, 339
Шакарим Кудайберды-улы 35
Шалгез, см. Шалкииз-жырау
Шалкииз-жырау (Шалгез, Жалгез, Тленши-улы) 537, 538, 574
Шаманаев 436
Шам'и Джахан 136,140, 141,146
Шамс ад-дин дуглат 122,123
Шаниязов К. 50
Шариф ад-дин Али Йазди 11,13–15,33, 41, 89, 108, 123, 125, 146, 173, 450, 463
Шах Джахан 140, 193
Шах Малик 136, 141
Шах Махмуд Чурас (Чорас) 16, 41, 384, 386,416
Шах-Назар-бий 402, 403
Шах Хайдар 156
Шахматов В. Ф. 39, 52
Шахрух 11–13, 109, 133, 137, 138, 140, 142,193
Шигай-хан, Шигай-царевич (Шигай-султан) 19,49,364,392,393,396-400, 403,407, 420, 434,440, 520, 582
Шильтербергер И. 521
Шир-Али 140, 141
Шир-Мухаммад-хан 140, 142, 144, 145, 147, 191
Шир-Мухаммад Аваз-бий (Мунис) 23
Ширавул 123

Эмир Бекчик 191
Энгельберт Кемпфер 29
Эрзен-хан 107,171, 320

Юдин В. П. 17, 40, 45, 51, 112, 133, 244, 297, 302, 384, 532
Юнус хан см. Йунус хан
Юсуф Баласагуни 42
Юсуф Кадыр-хан, см. Кадыр-хан Юсуф

Ягайло 112
Ядгар (Йадгар), из династии Тайбуги 17, 21, 416
Якубовский А. Ю. 35, 38, 45, 54, 112, 204
Ямгурчи 154, 156
Ян Стрейс 29
Янгыр (сын Ишима), см. Жангир-хан

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ[1]

Абиш, равн. 142, 144, 169
Абулхайра гос-во, см. Ханство Абулхайра
Азак, г. 128
Азербайджан 17, 79, 490
Азия 30
  Западная 129, 440
  Малая 213, 569
  Передняя 242, 262
  Центральная 118, 242, 258, 262, 263, 273, 275, 281, 282, 286, 312, 421, 433, 442,565,581,585
Азов, г. 102, 538
Ак-Курган (Аккурган), г. и г-ще 139, 151, 152, 193, 344, 464, 472, 474, 476, 478, 490, 507
Акмечеть, горы 304
Ак-Орда 7, 12, 13, 19, 44, 46, 79, 96, 98-115, 117, 118, 124-130, 132, 133, 137, 139, 140, 142, 148-151, 153, 156, 157, 170,171,175,176-178,180-182,184—194, 212, 236, 237, 287-292, 294, 300, 302, 303, 312, 314-317, 318-320, 321, 323, 325, 328, 330, 331, 332, 335, 337, 338, 346, 348, 349, 370, 463, 465, 473
Аксу, г. 116, 117, 140, 147, 182, 466, 507
Аксу.р. 144,466,507
Актепе (Ак-тегте), кан. 172
Актобе (Ак-тобе), г-ще 193
Алаколь, оз. 74, 107, 115, 211, 304, 305
Алаша-хана, мавз. 249
Алмалык, г. 24, 74, 76, 82, 88, 118, 125, 128,140,211-215,244
Алматы, г. и г-ще 31, 88
Алтай 43, 78, 101, 104, 128
  Южный 74
Алтун-куль (Улуг-Куль), оз. 144
Алтын-тобе, г-ще 196
Амударья (Джейхун), р. 74,78,117,122, 386,463
Анатолия, г. 84
Ангрен, г. 424
Андижан, г. 116, 134, 142, 145, 146, 215, 363, 364, 372, 400, 406, 407, 414, 524
Аральское море (Арал) 23, 28, 79, 104, 150, 168, 284, 293, 306, 397, 464
Аркук, г. и кр. 18, 55, 151, 330, 337, 341, 342-344, 464,467, 469,474, 476, 490, 507, 525, 528,529
Армения 212
Арслан-баба (Баб-Арслан), мавз. 250, 254, 475,582
Арсланды, кан. 466, 507
Арсланлык, см. Арыстанды
Арыстанды (Арсланлык), р. 466
Арысь, р. 55, 57, 173, 464, 466, 475, 479, 507
Асанас, г-ще 193
Аснас, см. Ашнас
Аспара (Ашпара), кр. и г-ще 134, 136, 140, 142-144,173,194
Астрабад, г. 216, 581
Асон, г. 193
Астраханское ханство 98,106, 132, 151, 154,291,345,386
Астрахань (Хаджи-Тархан) 28, 98, 102, 105, 108, 125, 128, 132, 150, 156, 303, 346, 388, 389, 393, 399, 437, 505, 581
Атбасар, р. 149, 151
Атбаши (Ат-Баши), г. и обл. 116, 126, 342, 376
Аулие-Ата, см. Тараз
Афганистан 15, 21,99,102,129,139,558
  Северный 78
Ахмада Ясави мавз.172,241,246,252,467, 474,475,483,484,506,529,548,582

[1] В указатель не включены названия «Казахстан» (со всеми подразделениями) и «Средняя Азия». Основные принятые сокращения: г. — город, гос. — государственный, гос-во — государство, г-ще — городище, кан. — канал (арык), кр. — крепость, мавз. — мавзолей, обл. — область (в т. ч. историческая), оз. — озеро, окр. — округ (вилайет), пос.— поселок (село), р. — река, сел. — селение (поселение), ур. — урочище, хр. — хребет.

Ахси, г. 406
Ахсикет (Ахсикент), г. 116, 134, 394
Ашнас (Аснас), г. 198, 211, 282, 285
Аштарджан, г. 490
Аштарханидов гос-во 19
Аягуз, р. 127
Аунамаз, оз. 304

Бузгил-Узак, кан. 172
Булгар, обл. 74, 253, 284
Бухара, г. и обл. 16,22, 25,28, 58,74, 82, 85, 127, 468, 479, 480, 481, 490, 504, 506,515,524,559,582

«Великий Улус», см. Улуг Улус
Венгрия (Венгерское княжество) 131, 230, 567
Верхнеозерная креп. 306
Верхнеуральск, г. 305
Византия 237, 249
Волга (Есиль, Итиль) 29, 78, 100, 101, 104, 128, 132, 134, 149, 153, 168,211, 232, 240, 280, 290, 303, 389, 393,399, 418,419,434
  Нижняя 74, 78
Волжская Булгария 25, 84, 245
Восток 7, 54, 84, 91, 118, 212, 437, 466, 469,470,505
  Ближний 33, 125,178, 210
  Средний 33, 125,178
  Дальний 36

Герат 401, 402,405
Гиндукуш, хр. 119
«Государство кочевых узбеков», см. Ханство Абулхайра
Гос-во калмыков 303

Дагестан 294
Дамаск 24
Дарваза, кан. 466
Дауд-бека мавз. 245
Дербенд, г. 282, 581
Дешт-и Кыпчак 19,22,25,44,45,50,102, 106, 108-112,114,123,125-129, 138, 148, 149, 151, 152, 157, 167-170, 189, 193, 225, 230, 231, 233, 235-238, 240, 281, 283, 284, 289, 290, 300, 321, 327, 329-332, 335, 341, 342, 346, 365, 370, 374, 375, 398, 418, 441, 442, 446, 447, 448,450,451, 459, 460,464,465,468–470, 471, 472, 475, 505, 519, 521, 522, 526, 527, 538, 567–569, 572
  Восточный 12–14, 17, 18, 21, 33, 41, 43, 45, 47, 74, 96, 98–100, 102–104, 107,109–113,115,124,130,131,133–139,149,150–152,154,156,157,165, 166,168,169,171,173,177,187,281–283,287,289–291,293–295,299,300, 312,316–318,320,323–325, 328,329, 332–334, 336, 340, 342 344–347, 348, 349, 353, 355, 367, 368, 370, 371, 379, 392, 411, 463, 464, 475
  Южный 29

Джакишман, г. 116
Джанкала, г-ще 193
Джанкет, г. и г-ще 193, 417
Джатан, кр. 380
Джейхун, см. Амударья
Дженд, г. 24, 57,77,79, 86,105,108,114, 467
Джете (вилайет) 12, 24,122, 134,144
Джиланчик (Жиланчик), р. 128, 305
Джунгария 24,27,32,42,49,148,304,315, 422,425, 439, 540, 547
Джунгарский Алатау 421-423
Джунгарское ханство26,49,304,367,419
Дизак, г. 402
Днестр, р. 283
Долба, г. 305
Долонский форпост 305
Домалак-ана, мазар 582
Дон, р. 132,537
Дунай, р. 36, 58, 78, 233, 273, 283

Европа 30, 34, 91, 210, 212, 274, 280,524
Восточная 78, 84,131,132, 262, 263,284, 299
  Западная 365, 442
Египет 17, 25, 84, 233, 236, 299, 569
Екиогуз, см. Ики-Огуз
Елец, г. 128
Енисей, р. 146
Ерейментау, г. 305

Жайылма, оз. 305
Жанадарья, р. 305
Жетысу (Семиречье) 12, 13, 15, 16, 20, 21, 25, 31, 33, 36,41,43,47,48, 51, 55, 56, 59, 74, 76, 77, 82, 86, 87–89, 96, 99, 100, 102–104,115,119, 123–127,130, 134,135,138,140–142,146,147,151, 152,157,165 167,169,170,174,175–

177, 180, 183, 184, 186, 192–196, 198, 199, 209–212, 215, 244, 245, 270, 281, 283–285, 287, 288, 290, 291, 293–295, 298, 301, 303, 312, 315, 317, 319–321, 324–334, 336–338, 341, 344, 345, 347, 348–356, 365, 367, 440, 441, 451, 463, 465,471,473
Западное 48, 148, 169, 178, 316, 324, 333, 335, 340, 348, 349, 354, 463
Северо-Восточное 179,182, 207
Юго-Западное 185
Жинг-Булак, кан. 507
Жойнек-тобе, г-ще 478
Жуздена, мавз. 126
Жусалы, р. 306

Заилийский Алатау, хр. 88
Закавказье 36, 115, 129, 132, 314, 567
Запад 212, 282
Западно-Сибирская низмен. 153
Зернук (Зурнух), г. 193, 212
Золотая Орда (Волжская Орда) 7,21, 25, 27,32,33,35,41,43,44,46,74,76,78–80, 82-85, 91, 98–102, 104, 108, 109, 112–115,122–125,127–129,131-135, 137, 148, 149, 151, 153, 154, 156, 170, 180, 181, 182, 184, 186, 193, 198, 212, 225, 227, 228, 233, 236, 239, 281, 282, 286, 289, 303, 316, 317, 318, 320, 321, 345, 366, 370, 567, 568

Икан, сел. 464, 478, 489
Ики-Огуз (Екиогуз, Эквиус), г. 88, 194, 211,212
Икри-Туп, местн. 150, 151
Илек, р. 110, 149, 274, 306
Или, р. 74, 77, 87, 88, 117, 125, 127, 128, 144, 145, 147, 174, 180, 183, 192, 196, 210, 304, 326, 334, 354, 356
Илибалык, местн. 88, 147, 194, 212
Илийская долина 86, 87, 194, 195, 211, 212
Иль-Аларгу, местн. 74
Имиль, см. Эмиль
Индия 15, 19, 20, 29, 129, 170, 202, 212, 384, 419, 558, 560
Ирак16,129
Иран 10, 11, 13, 17, 20, 29, 33, 76, 79, 83, 98, 107, 115, 123, 127, 129, 179, 181, 202, 212, 213, 216, 275, 283, 314, 364, 371, 414, 489, 527, 532, 569, 581
Иргиз (Иргиз-Сувук), р. ПО, 113, 149
Иргиз Сувук, см. Иргиз
Иртыш, р. 28, 74, 79, 104, 107, 110, 115 117, 127, 128, 146, 150, 152, 154, 157, 180, 211, 283, 284, 305, 334, 356, 3X4. 393, 398, 399, 404, 418, 434, 437, 438, 474
Верхний 74
Средний 114, 154
Нижний 397
Испиджаб (Исфиджаб), г. 173
Иссык-Куль, оз. 116, 126, 128, 136, 143, 144, 147, 169, 181, 244, 353, 378, 384, 439,444
Исфахан 17
Итиль, см. Волга
Ич-Кунгур, пуст. 305
Ишим, р. 149,154,305,404,418,419,437, 438,474
Ишимская степь 154

Йакакент, г. 475, 490
Йанги, см. Тараз
Йанги-Тараз, см. Тараз
Йасы, см. Туркестан (г.)
Йезд, г. 216
Йилан-Караул, креп. 464, 475
Йулдуз (Юлдуз), равн. 127,128,142,143, 169

Кабул 364, 558, 559
Кавган-Ата, г-ше 478
Кавказ 36, 127
Северный 43,78, 85,104,128,131,536
Казанское ханство 98, 106,132, 387, 345
Казань, г. 133,153,154, 388, 392, 404, 436, 437
Казахское ханство 8, 10, 18, 19, 20, 22, 30, 31, 38, 40, 43, 47–49, 85, 96, 100, 152, 177, 227, 231, 232, 289, 294, 295, 316, 317, 319–321, 328–330,332–337, 345–351, 353, 354, 363, 365–367, 369, 371, 374, 377, 378, 417, 419, 424, 425, 431, 433, 435, 440, 441, 463, 464, 465, 473, 474 508, 509, 519, 522, 536, 537, 539, 545, 547, 554, 557
Казачья Орда 28
Казкурд (Казы-Курт) 378, 585
Калта-Джалгийа, кан. 507
Кама, р. 29, 404, 437
Кара-Абдал, местн. 372, 472
Кара-Булак, кан. 172
Карабулак (Кара-Булак), местн. 128, 142, 466,488
Каракол, местн. 181

Каракорум, г. 74, 80, 114, 211
Карйкум (Кара-кум), пуст. 110, 305,306, 448
Карасаман (Кара-Саман), г. 141, 193, 402, 474, 489
Караскай, р. 305
Караспан, г-ще 193, 475, 478
Каратал, р. 108, 117, 125, 128, 305, 474
Каратау,хр. 55,79,114,126,127,135,139, 150, 152, 165, 167, 172, 173, 192, 193, 212, 294, 306, 316, 320, 321, 323, 324, 336, 337, 339, 341, 344, 345, 347, 354, 355, 368, 368, 462—466, 469,473—475, 479
Каратур, хр. 128
Караханидов гос-во 566
Карача, р. 304
Карачук, сел. 55,128,193, 464, 489, 505
Карашатау, г. 306
Карнак, г. 488, 490
Касимовское ханство 22
Каспийское море 28, 29, 211, 306, 389
Каттабаг, кишл. 497
Каффа, г. 128, 212
Качирский могильник 59
Кашан, г. 116,216
Кашгар, г. и обл. 21, 24, 116, 117, 134, 142, 147, 178, 210, 212, 304, 355, 375, 379, 415, 441, 469, 505, 559
Кашгария 15, 21, 99, 102, 116—118, 125, 129, 130, 135, 140—142, 147, 174, 176, 183, 186, 291, 304, 326, 334, 353, 342, 345, 350—352, 354, 356, 376, 572, 582
Кашкадарья, р. 78
Кашмир 15, 560
Каялык (Койлык), г. 74, 88,194, 211, 212, 284
Кельте-Чалгийа, кан. 172
Кенбай, местн. 392
Кенджде, обл. 57, 80, 82, 193, 215
Кенджек, см. Йанги
Керман, обл. 561
Керулен, р. 273
Кетмень, г. 143, 145
Кеш, г. и обл. 119, 210
Кзылсу, р. 143, 144
Киев, г. 211
Киргизия 13,14, 41, 45, 46,100,104,117, 123, 125, 127, 129, 130, 291, 342, 351, 354,381,383,397
Киргизская Орда 305
Китай 11, 13, 26, 27, 29, 42, 84, 91, 130, 134, 140, 142, 173, 174, 210, 212, 281, 282, 298, 304, 305, 419, 439, 440, 475
Кобук, р. 127
Кой-Суй, местн. 147
Коканд, г. 393
Кок-Кашан, местн. 147
Кок-Кесене, мавз. 250
Кок-Орда 45, 108, 109—115,189
Коксу, р. 305
Кок-Таш, родник 172
Кок-Тобе, местн. 128,143, 169
Кокшетау, г. 305, 454
Кокча-Тенгиз, см. Балхаш
Константинополь, г. 21
Котан, г. 479, 490
Кочкар-Баши, местн. 375, 376
Крым 25, 36, 43,57, 85, 98, 104, 125,128, 131, 132, 212, 213, 227, 245, 253, 282, 538,569
Крымское ханство 98, 106, 132
Куат, уроч. 306
Кубань, р. 296
Кувандарья, р. 304, 306
Куджан, г. 55,474,476,478,489,507,525
Куджан, р. 364
Кулакши, оз. 306
Куликово поле 131
Кульджа, г. 304
Культобе (Куль-Тобе), г-ще 200, 466, 478,479
Кумкент, г. 193, 464, 474
Кунгес, р. 127, 143, 169
Кунгур, р. 142
Кундуз, г. и обл. 58, 119
Кундурча (Кундузча), местн. 128
Кура, р. 127
Кусан (Куча), г. 116,140, 376
Куш-Курган, кан. 172
Куяш, местн. 74
Кыз-кала, г-ще 474
Кызылкум, пуст. 240
Кызыл-Тал, кан. 172, 466, 507
Кызыл-Тал, ур. 305
Кызыл-Тура, см. Тура
Кыпчакское гос-во 134, 153, 270, 300

Леонтьевский могильник 59

Мавераннахр 10,13,16—19,21,45,47,50, 74, 76, 77, 82, 89, 96, 98, 99, 102, 108, 115—118,122—127, 129,131, 133, 134, 136—143, 146, 151, 152, 173, 174, 187, 193, 212, 213, 215, 235, 283, 290, 291, 295, 317, 345, 347, 355, 364, 367, 369, 370, 371—373, 379, 381, 385, 399—401, 406, 408, 409, 411, 414, 441, 442, 458,

463, 465, 469, 470, 505, 526, 528, 529, 581
Мамлюкское государство 25
Манглай-Субе, обл. 182
Мангытская Орда, Мангытский улус (юрт), см. Ногайская Орда
Мангышлак (Мангыстау), п-ов 124,153, 166, 240, 241, 306, 341, 389, 437, 474, 561,582
Манкент, г. 488
Медина, г. 25
Мейрам-тобе, г-ще 193
Мекка, г. 25, 200, 537
Мерв, г. 204, 208, 364
Мин, империя 26
Мир-Карасу, кан. 172, 466
Младший жуз 36,101,154, 260, 289, 290, 292, 293, 301, 303, 305, 306, 317, 420, 424, 438, 442, 518, 539, 549
Могулистан, «Могульский улус» 7, 10, 12–16, 19, 23, 24, 26, 33, 45–47, 49, 51, 59, 78, 88, 89, 96, 98, 99, 100–102. 104,116–119,122-131,134,136,138–143,145-148,157,167,169,170,173–178, 180–193, 240, 282, 287, 288, 292, 293, 294, 303, 312–315, 317-320, 321, 323,324,325–329,331–336,338,345–354, 356, 374, 375, 376, 379, 380, 386, 394, 421, 439, 440, 465, 540
Западный 330, 334, 351
Могулия, гос. 15,16, 23, 26, 51, 353,354, 386,415
Молдавское государство 131
Монголия 10, 22, 27, 43, 74, 82, 91, 180, 210, 212, 281, 282, 284
Западная 283
Монгольская империя 7, 44, 51, 76, 77, 79–82, 90, 91, 114, 146, 179, 187, 189, 212, 280, 286
Москва, г. 27,366, 386–388, 397, 403, 404, 434, 435, 438, 560
Московское гос-во, см. Россия
Мосул, г. 211
Муюнлы, р. 305
Мынбулак, р. 147, 466

Нарын, р. 118,354
Ногайская (Мэнгытская) Орда, Ногайский улус 7, 23, 27, 28, 32, 45, 46,49,96,100, 101,131,132, 149,153, 154, 157, 176, 177, 184, 186, 189, 190, 192, 227, 232, 239, 287–290, 292, 294, 303, 312, 314, 317,319,340, 374, 386, 393, 418, 436, 438, 537
Нура, р. 305

Обь, р. 154, 156, 434
Огузское государство 270
Оксус, г-ще 474
Омыл, г. 211
Орбулак, местн. 421, 423
Орда-Кент, кан. 172, 507
Орду ал-Азам, см. Улуг Иф (Ив)
Орду-Базар, г. 152
Оренбург, г. 306
Орская креп. 305
Орхон, р. 74, 75
Орь, р. 110, 306
Османская империя 515
Отрар (Фараб), г. и окр. 17, 48, 55–58, 76, 82, 86,102,125,128,130,136,139, 142, 143, 151, 170, 173, 185, 186, 193, 194, 196, 197, 199, 200, 202, 204, 207, 208, 212-216, 250, 252, 253, 282, 285, 341–344, 369, 425, 464, 469, 474, 478, 479, 481, 482, 489, 494–497, 502, 505–507, 509, 525, 526, 528, 569
Отрарская мечеть 490
Отрарский оазис 173, 196, 198

Персия 13, 29
Поволжье 43, 57, 78, 84, 85, 96, 98, 104, 105, 128, 131, 132, 171, 180, 211–213, 233, 253, 284, 345, 433, 437, 567
Среднее 131, 132
Нижнее 28, 44, 74, 131,132, 245, 270, 284
Поднепровье 43, 131
Польско-Литовское гос-во 132
Польша 27
Приаралье 36, 43, 50, 101, 114, 149–151, 153, 166, 211, 232, 270, 330, 337, 446, 457, 472
Северное149, 150, 166, 462
Прибалхашье 152, 280, 326
Северо-Западное 150
Прииртышье 59, 154. 199. 283, 295, 441
Прииссыккулье 125. 351, 353. 354, 381,440
Прикаспий 79, 153, 270
Прикаспийская низменность 293
Присырдарья 136, 138. 150, 152. 321. 323, 324. 338. 364. 371. 425
Притоболье 157, 271
Притяньшанье 15. 26, 43. 89. 101. 127. 182,184, 283, 334. 348. 352–354

Северное 141
Приуралье 433, 437
Причерноморье 43, 84, 98

Рабига-Султан-бегим, мавз. 249, 250
Ран, пос. 466, 478, 479, 489
Россия (Русское, Московское гос-во, Русь) И, 27–29, 31,42,44,49, 78, 85, 106, 131, 132, 154, 157, 170, 284, 299, 304, 346, 365–367, 386, 388, 389, 393, 397, 404, 425, 433, 434, 436–439, 473, 480, 505, 538, 544, 545, 547, 560, 564
Рум, см. Византия

Сабран, см. Сауран
Сагыз, р. 306
Садыр-Курган, г-ще 173, 195
Сазат-булак, кан. 172, 466
Сайрам, г. и окр. 21, 24, 102, 105, 114, 118, 125, 130, 133, 134, 136, 139–142, 145–147, 151, 167, 170, 173, 185, 188, 193, 337, 342, 344, 352, 364, 369, 378, 394, 402, 417, 424, 425, 464–467, 469, 472, 747, 471, 478, 479, 488, 490, 505, 507, 509, 525,528–530
Сайрамский оазис 173, 196
Сайрамсу, р. 173, 196, 466
Сакмара, р. 128, 437
Саксин, г. и местн. 74, 284
Салоники, г. 25
Саманидов государство 566
Самара, г. 437
Самарканд, г. и обл. 16, 18, 20, 27, 58, 74,86,119,122,124,126–128,133,137, 138,151,152,182, 193, 208, 210, 213–215, 285, 342, 344, 364, 365, 372, 374, 397, 401, 402, 405, 406–408, 410, 414, 420, 441, 442, 454, 464, 496, 497, 498, 504, 506, 524
Самаркандская обл. 392, 410
Самгар, обл. 116
Сан-Таш, местн. 378
Сарай, г. 27, 84, 105, 106, 108, 109, 124, 132–134, 136,150
Сарай-Бату, г. 78, 211, 212
Сарай-Берке, г. 78,102,108, 128, 202, 212
Сарайчик, г. 98, 153, 208, 212, 437
Сары-Арка, степи 36, 167, 199, 538
Сарысу (Сары-Узен), р. 19, 74, 79, 110, 114, 128, 136, 149, 168, 301, 304, 305, 336, 367, 386, 392, 393, 404, 437
Сары-Уйгур, местн. 116
Сауран (Сабран), г. и окр. 17,18, 56, 57, 58, 102, 105, 124, 125, 128, 130, 134, 136, 139, 141, 142, 151, 170, 186, 193, 194,196, 212, 321, 326, 337, 339, 342-344, 370, 392. 393, 394, 402, 403, 414, 417, 463, 464-469, 474, 478, 483, 489, 506, 507, 509, 525, 526, 528, 569
Сауранский оазис 173
Саяно-Алтай, хр. 58
Сегиз Ягач (Сегиз-Йагач), местн. 108, 125
Сейхун см. Сырдарья
Сибирское ханство 22, 27, 30, 157, 291, 294, 319, 345, 367, 386, 393,435, 438
Сибирь30, 85,106,114,154,156, 209, 315, 345, 386, 399, 404, 419, 438
Западная 58, 96, 152–154, 156, 157, 284
Южная 43, 101,111, 283, 457
«Синяя Орда», см. Кок-Орда
Сирия 84, 567
Согунлук, пер. 341
Согд 402
Солкаша, р. 437
Сор-Тобе, г-ше 478
Средний жуз 36, 101, 260, 289, 290, 291, 293, 294, 301, 303–306, 317, 325, 333, 335, 351, 424, 438, 518, 549
Стамбул, г. 537, 538
Старший жуз 32, 36, 48, 101, 260, 288, 292–294, 301, 303–306, 317, 325, 328, 333, 335, 350, 353, 358, 424, 518, 549, 584
Страна узбеков (Дийар-и узбек) см. Ак-Орда
Сузак, г. и окр. 139, 151, 152, 182, 193, 316, 321, 331, 337, 339-341, 344, 417, 425, 458, 463-466, 474, 475, 478, 479, 488,489, 502, 526
Сунак-Ата, г-ще 478
Сури, сел. 55,193,464, 475, 490
Сыгнак, г. и окр. 17, 22, 57, 58, 86, 102, 104–108,114,115,125,134,136–139, 142, 147, 151,152, 165, 170–172, 180, 182, 183, 193, 194, 196, 198, 212, 236, 250, 282, 285, 316, 321, 326, 331, 337, 340–344, 369–371, 373, 393, 394, 402, 425, 441, 454, 463, 464–469, 472, 473, 474, 479, 489, 502, 505, 507, 526, 528, 569
Сыгнак, кан. 172
Сыр, р. 28, 110
Сырдарья (Сейхун) 10,19, 21, 22, 24, 28, 48, 55, 57, 77, 79, 86,104,105,111,115, 118, 119, 125, 127, 133, 134, 136, 137, 147–151, 153, 154, 165, 166, 168, 172,

187, 192, 196, 211, 212. 237, 282, 285, 290, 292-294, 299, 301, 304-306, 316, 317, 320, 321, 323, 337, 338, 340, 342, 344, 365, 367, 368, 420, 439, 441, 448, 462, 464, 466, 472, 473-475, 479, 507, 508, 572
Средняя 114,136, 137,139,147,151,192, 284, 323, 347, 463, 474, 479
Нижняя 137, 150, 284, 323, 463, 479, 569
Сугулкент (Сухулхан), г. и г-ще 193,474
Сюткент, г. 55, 489

Талай-хан-Ата, г-ще 208
Талас, г. и обл., см. Тараз
Талас (Талаш), р. 105, 133,140,141,143, 144, 171, 180, 184, 192, 195, 196, 211, 304, 323, 325, 326, 333, 335, 350, 354, 439, 441, 462, 474
Таласская долина 55, 125, 142, 143, 146, 168, 192, 194,195, 364
Таласский Алатау 173,192,196, 351, 401, 404, 437, 479, 508
Талаш, см. Талас
Талгар, г. и г-ще 207
Талицкий форпост 305
Тальхиз 212
Тана, г. 29, 212
Тангут, г. 210
Тара, см. Тура
Тараз (Йанги, Янги-Тараз, Талас), г. и окр. 57, 80, 88, 89, 173, 175, 185,194, 195, 210, 212, 215, 584
Тарбагатай, хр. 74,127, 211,305,418,474
Тарбухур, обл. 116
Тарим, г. 140
Тарсакент, сел. 194
Тары, р. 157
Таскорган, креп. 466
Тастобе, пос. 466
Татария 11, 29, 30
Ташанак, кан. 172, 466
Таш-Ариги, местн. 191
Таш-Буйнак, г. 143
Ташкент (Шаш), г. и обл. 14, 19, 20, 28, 31, 42, 49, 58, 82,117–119,136, 138, 142, 146, 182, 188, 193, 214, 235, 304, 305, 329, 338, 342, 344, 352, 356, 363–365, 367, 369, 372, 373, 375, 380, 383, 386, 387, 390, 393, 394, 396, 397, 400, 401, 402, 405–407, 409–411, 414–416, 442, 458, 498, 506, 522, 526, 527, 547, 559, 582
Тегеран 13, 18
Текелик, местн. 142
Текес, р. 127, 143, 144, 145, 168,169
Темир (Тимур-арык), кан., 306, 466, 507
Терек, р. 128
Тимура (Тимуридов) гос-во 7, 17, 20, 26, 58,118,131,136,139,173, 336, 465, 559
Тобол, р. 28, 79, 128, 149, 150, 154, 156, 157, 167, 305, 306, 418, 419, 434, 438
Тобольск, г. 28, 404, 422, 436, 437
Тогузак, р. 305
Токтамыш, ист-к 466, 507
Томь, р. 156
Тортколь Боронда́йский, г-ще 193
Тосун, пуст. 305
Троицк, г. 305
Тува 273
Тульки-Баши, местн. 375
Тумарлык, ур. 305
Тумен-арык, кан. 172, 466
Тура (Тара), г. 149, 150
Тура, р. 154, 156, 157
Тургай, р. 149, 305, 306, 419
Тургайская долина 167
Туркестан (Йасы, Ясы), г. и окр. 18, 56, 96, 103, 151, 170, 172, 185, 193, 196, 200, 212, 216, 252, 316, 342, 344, 364, 369, 370, 372, 373, 375, 393, 394, 402, 403, 409, 416, 417, 420, 424, 425, 437, 441, 463, 464, 466, 468, 472, 474, 475, 478, 483, 488, 489, 494, 497, 505, 506, 507, 509, 529, 530, 548, 569, 582
Туркестан, обл. 10,17,18-20, 22, 23, 31, 33,36,41,45,48,50,88,98, 100, 103,115,117,125,127,133,134–136, 138–141,145, 147,149,150, 152, 165, 171–173, 175, 177, 182, 186, 188,193, 241, 270, 279, 281, 284, 291, 294, 304, 305, 312. 316, 320, 323, 324, 327, 330, 332, 334, 336–346, 349, 355, 363–365, 368, 369–375, 379, 388, 390, 392–394, 396, 397, 399–401, 404, 406–411,414, 436, 441, 452, 458, 464, 465, 467–470, 472, 473, 479, 522, 524, 525–528, 581
Восточный 10, 13–16, 19–21, 23, 24, 27, 32, 41, 49, 57, 74, 76, 77, 96, 99, 101, 102, 116–118, 128, 129, 174, 182, 183, 187, 212, 213, 274, 282, 283, 288, 314, 316, 343, 353, 356, 365, 367, 384, 420, 423, 440, 582
Турфан, г. и обл. 15, 117, 142, 147, 188, 386

Туркменистан 498
Турдия 249
Тюмень (Чимги-Тура), г. 149, 152, 156, 157,437
Тюркский каганат 39, 225, 565
Тюрябек-ханым мавз. 250, 251
Тянь-Шань 12, 59, 124, 130, 288, 333, 334, 350, 351, 353, 354, 421, Западный 440

Убаган, р. 305
Угра, р. 346
Узбекистан 110, 118
«Узбекистан», см. Дешт-и Кыпчак Восточный
«Узбекский улус», см. Ханство Абулхайра
Узгенд, р. 464
Узгенд, г. и кр. 79, 86,151—153,182, 282, 285, 344, 372, 467, 474, 489, 507, 525, 526
Узун-Тобе, г-ще 478
Уил, р. 306 Уйгурия 10
Улуг-Иф (Улуг-Ив, «Большой Дом») 74
Улуг-Таг, горы 108, 154, 305, 365, 393, 404
Улус Бату, Улус Берке, Улус Джучи, см. Золотая Орда
«Улус-и могул», см. Могулистан
«Улус-и узбек», см. Ак-Орда, Ханство Абулхайра
Улус Орда-Еджена 11, 45, 79, 80, 104, 113,114,134,150,289,321
Улус Тоглук-Тимур-хана 189
Улус Угэдэя 43, 74, 87
Улус Узбека, см. Золотая Орда
Улус Урус-хана, см. Ак-Орда
Улус Хизр Ходжа-хана, см. Могулистан
Улус Шайбана (Шайбанидов) 99, 113, 114,134,140—152,189, 289
Улутау, хр. 79, 104, 167, 168
Улутауская степь 105
Урал (Яик) р. 27—29, 79, 100, 101, 104, 110, 113, 132, 149, 150, 152, 153, 168, 211, 232, 240, 280, 284, 303, 306, 365, 366, 383, 386, 389, 393, 397, 404, 418, 419, 434,437-439, 448,457,474
Урал, хр. 110
Ургенч, г. 22, 55,127,151, 212, 213, 388, 397,365,498
Ур-Йармиш, кан. 172
Уросоган, г. 474
Урумчи, г. 304
Усть-Каменная креп. 305
Уч, г. 384
Уч Фирман, г. 140

Фараб, см. Отрар
Фергана, обл. 20, 82, 88, 117, 136, 140, 141, 188, 195, 213, 342, 352, 356, 365, 397, 400—402, 407, 409—411, 475, 498

Хаджи-Тархан, см. Астрахань
Хазарский каганат 270
Хами, г. 147, 188
Ханбалык, г. 210, 212
Хангайские горы 146
Ханство Абулхайра («Узбекский улус», Государство кочевых узбеков) 7,19, 21,45,46,100,101,148,151,152,157, 176—178,180,181,184—192, 287—292, 294, 312, 314, 316-320, 323, 329, 330, 332, 336, 337, 346, 348, 349, 465, 473
Ханство Кучума 23
Хараш, ист-к 466, 507
Харчук, г. 193
Хива, обл. 23, 25, 28, 85, 365, 387-389, 393, 397, 497, 515, 547, 561, 581, 582
Хисарчук, ист-к 466, 507
Хобда, р. 306
Ходжа Ахмада Ясави мавз. см. Ахмада Ясави мавз.
Ходжа-Тумаси, кан. 172
Ходженд (Холжент), г. 78, 82, 136, 214, 372, 399
Ходжкат, сел. 403
Хорасан, обл. 122,139,151, 210, 216, 241, 364, 371, 372, 581
Хорезм 106, 107, 124—126, 129, 132, 139, 151—153, 198, 208, 211, 212, 245, 321, 341, 371, 416, 470, 488, 496, 498, 569, 581
Хотан, г. 116,134,140,142,178,183,441, 469,505
Хулагуидов гос-во 123

Цзинь, империя 304

Чага, кан. 172
Чаган, г. 305
Чагат, местн. 377, 384
Чагатаидов гос-во 76, 77, 78, 83, 89, 91, 131,174,178, 180
Чагатайский улус 10, 14, 19, 23, 24, 32,

33,45,74,76,77, 81, 82, 85, 87,98,99, 101,103, 186,189,192,282,283
Чажигай, р. 305
Чалыш, г. 117,128, 386, 415, 416
Чарын, р. 142, 144, 169
Чаян (Чайан), р. 173, 466
Чикияк, р. 305
Чилик, г. 193, 464
Чилик, р. 142, 144, 169
Чимги-Тура, см. Тюмень
Чингирлау, р. 306
Чингистау, г. 305
Чирчик, р. 304, 342, 464
Чихил-Тургай, кан. 507
Чорнак, кан. 172, 466
Чу (Чуйлик), р. 105, 118, 127, 142, 144, 147, 173, 180, 184, 195, 196, 305, 323, 325, 326, 333, 335, 350, 354, 363, 365
Чуйлик, см Чу
Чуйская долина 89, 192, 194, 195, 207
Чуйсу, р. 79, ПО
Чулак, кан. 466

Шайбана (Шайбанидов) улус 18,19,20, 27,40, 79, 99, 289, 398, 401, 408, 465
Шарвашлык, г. 195
Шарабхан, р. 417
Шат, кан. 466
Шат-Дарваза, кан. 172
Шахрисябз, г. 119
Шахрухия, г. 20, 143, 147, 215, 372,415, 416
Шаш, см. Ташкент
Шельджи, г. 195
Шираз, обл. 216

Эквиус, см. Ики-Огуз
Эмба, р. 149, 150, 151,168, 240, 306,397, 418,419,437-439,451
Эмиль, р. 28, 76, 77, 117, 384, 386
Эмиль (Имиль), г. 127, 213

Яик, см. Урал, р.
Яканкент, г. 464
Янги (Йанги), см. Тараз
Янги-Балык, г. 194
Янгикент, г. 172,211,282
Янги-Тараз, см. Тараз
Яны-Курган, г. 417
Яркенд, г. 365, 376,415
Ясы (Йасы), см. Туркестан, г.

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Адай 293, 305, 564
Алазоны 36
Аланы 296, 564
Алатай-киргизы, см. киргизы
Алаш 154, 293
Албаны 293, 304, 306, 415,584
Алим (алимулы) 305, 306, 420,442, 549
Алит-киргизы, см. киргизы
Алтайцы 50
Алчины (алшин) 33, 101, 154, 442
Арабы 294, 473, 530, 469
Аргинуд (аргинут) 118, 119
Аргыны (аргун) 33, 101, 154, 230, 286, 289, 293, 294, 303, 305, 325, 347, 354
Арии 275, 276
Арлаты78, 118
Асы 79, 101
Баарин (барин) 118, 126, 143, 144, 146, 283,285,286,351,354
Байбакты 293
Байулы 305, 539
Барласы 78, 101, 118, 124, 144, 184, 282, 283, 285, 286,289
Баскиль 298
Башкирт 28,43,50,101,393,399,418,419, 423,434,437-439, 447,454
Бекчикй 147, 351; см. также канглы Буйрак 79, 110,289
Булгары 79, 83, 84, 105, 297
Булгачи 101, 118,146, 293, 326, 349, 351, 354
Буркуты 111, 149,150,289
Бухарцы 437

Гунны (хунны) 272, 273, 302, 564

Дербеты 418, 438
Джалаиры Сжалаиры) 22, 78, 101, 126, 282, 283, 285, 286, 293, 294, 304, 325, 347, 415
Джаты (чаты) 289
Джунгары 49,304,306,392,393,396,397, 418-423,436,540,547,548; см. также ойраты
Дуглаты (дулаты) 14, 16, 46, 99, 101, 116–118, 122, 123, 131, 144, 146, 182–185, 191, 294, 325, 347, 351, 584
Дулаты 7, 33, 293, 304, 319, 330, 354, 440, 564, 584, см. также дуглаты
Дурман 150, 289

Жалаиры, см. джалаиры
Жаплас 293
Жетыру 305, 306
Жуань-жуани 302

Зюнгары, см. чоросы

Индусы (ындыс) 551
Йаджудж 380

Казак, см. казахи
Казахи 7,16–21,23, 24,26–29, 31–39, 42, 43, 49–52, 55, 58, 59, 101–103, 110, 115, 148, 152–154, 168, 189, 230, 232, 239, 240, 242–245, 257–272, 276, 277, 279, 287,288,290–301,304,306, 315– 318,324–327,329–351,353–355,364–381, 383–388, 390, 392, 393, 396–408, 410,414–421,423,425,433–442,446–459,464,466,469–473,488,505,515– 519, 526, 527, 533, 539–542, 545, 547, 548,551–554, 562, 567, 574,578–585
Калмаки 15, 22, 24, 33, 88, 117, 146– 148, 151, 152, 183, 227, 240, 324, 326, 327, 351, 353, 354, 376, 379-381, 383, 384, 393, 396, 397, 404, 419, 420, 423, 435, 437, 438, 441, 463, 532, 548, 551, 552; см. также ойраты
Калмыки, см. калмаки
Калучи 101, 146, 326, 349, 351, 354
Кангиты (хвалиссы) 27, 86, 285; см. также канглы
Канглы (канлы) 33, 39, 51, 84, 101, 118, 119, 150, 154, 286, 290, 293, 294, 303, 304, 305, 317, 325, 326, 330, 347, 354, 564, 568, 584
Каракалпаки 28, 30, 43, 50, 55, 85, 101, 294, 423, 463, 473, 516
Кара-кесек 293
Каракыпчаки 230
Кара-сакал 293
Карлуки 51,79,84,101,104, 110, 150,154, 282, 289, 293, 298
Касоги (аль-касакия, кашак) 36, 296, 297
Катаган 290, 304, 416, 441
Каучины 78, 110
Кенгересы 154
Кенегесы 101, 150, 286, 289
Кимаки (кимеки) 270, 317, 454, 568
Киргизы 15, 21, 29, 30, 32, 41, 43, 50, 51, 59, 85,101,148, 240, 260, 261, 271, 288, 298, 316, 319, 326, 327, 348, 353–355, 374–379, 381, 383, 385, 386, 393, 397, 399, 403, 408, 415–418, 421, 423, 440, 441,458,463,516,581
Киреиты (киреи) 27, 33, 50, 101, 104,118, 119, 125, 143, 144, 154, 282, 284–286,286, 302, 303, 419, 464, 472, 527, 563, 350, 354, 568
Китайцы 84, 147, 563, 564
Кият, см. кыйат
«Колмаки», см. ойраты
Команы (куманы) 86, 285; см. также кыпчаки и половцы
Конграты (кунграты, конраты) 17, 50, 51, 101, 150, 154, 226, 227, 282, 283, 290, 293, 294, 303, 305, 347
Кончи 146, 351

Кореи 297
Корсь 297
Кошчи, см. кушчи
Кулан-кыпчаки 154; см. также кыпчаки
Курлауты 17, 101, 150, 289
Кушчи (кошчи) 17,79, ПО, 150,156, 289
Кыйат (кият) 17, 101, 150, 227, 282, 289
Кыпчаки 7, 25, 33, 43, 46, 51, 58, 59, 74, 83,84, 101, 104, 126, 150, 154, 213,227, 233, 235, 281, 284, 286, 288–290, 293, 294, 298–300, 303, 305, 317, 319, 347, 438, 458, 564, 567, 568
Кытай (хытай) 101, 150, 289, 290
Кытай-кыпчак 150; см. также кыпчаки

Лобнорцы 51

Маджар (мадьяр)-кыпчаки 154; см. также кыпчаки
Маджар (мадьяр) 230, 289
Мангыты 7, 17, 46, 100, 101, 104, 106,131, 132, 149, 150, 153, 154, 156, 282, 285, 286, 289, 303, 324, 338, 340, 341, 347, 349, 363, 365, 369, 371, 374, 375, 393, 585, см. также ногайцы
Маньчжуры 26
Маскар 305
Меркиты 154, 282
Минг 289
Могулы (моголы) 15, 23, 24, 46, 50, 51, 89, 98, 101, 118, 122, 125, 138–141,143, 144, 146, 169, 188, 191, 282, 287, 288, 293, 294, 371, 323, 325, 342, 349, 350, 254, 365, 369, 371, 374, 376–381, 384, 416, 440, 447, 463, 472
Монголы 10, 32, 34, 44, 45, 49, 58, 79, 81, 82, 84, 86–91, 98, 102, 113, 116, 118, 123, 130, 146, 170, 171, 173, 179-181, 195, 198–211, 213, 263, 271, 280–284, 286, 302, 308, 419, 464, 472, 527, 563

Найманы 17, 33, 50, 79, 101, 104, 110,150, 154, 156, 282, 284–286, 289, 290, 293, 303, 305, 317, 319, 564, 568
Ногайцы, ногаи, ногайлы 15, 27–29, 32, 43, 46, 50, 51, 101, 168, 170, 227, 232, 287, 290, 293, 303, 319, 348, 385, 387, 392, 393, 399, 400, 418, 419, 423, 433, 434, 438–440, 463; см. также мангыты

Огузы (гузы) 227, 289, 300
Ойраты 15, 19, 27, 31, 145–148, 188, 304, 324, 326, 336, 355, 356, 399, 419, 420, 423, 425, 438, 440, 441, 451, 539; см. также калмаки
Онгуты 154
Ошакты 293, 304

Персы (иранцы) 84, 233, 551, 569
Половцы (команы, куманы) 84, 284; см. также кыпчаки

Рамадан 306
Русские 29, 44, 298, 418, 419, 437
Русы 79; см. также русские

Савроматы, см. сарматы
Сагал-кыпчаки 154; см. также кыпчаки
Сарматы (савроматы) 273, 276
Саки 273, 276
Саксины, см. хазары
Сальдузы 143, 144
Сары-уйсуни 304
Славяне 84, 263
Сргели (сиргели) 293, 304
Суаны 293, 304, 584

Табын 306, 438
Таджики 98, 437
Тазлар 293
Таймасы 289
Тама 154, 227, 442
Тана 539
Тангут 1580, 289
Татары 29, 43, 46, 101, 107, 112, 168, 170, 195, 281, 282, 286, 437
Татары, см. монголы
Татары крымские 43
Татары сибирские 43, 50, 101, 393, 419
Теленгиты 271
Тибетцы 84
Токмаки 441
Толесы 283
Торгоуты 418, 438
Торткара 420, 549
Торыайгыр-кыпчаки 154; см. также кыпчаки
Туркмены 22, 23, 30, 240, 298, 300, 385, 562
Туры (туране) 270
Тюленгуты 283
Тюрки 22, 25, 34, 35, 45, 84, 113, 191,244, 270, 283, 294, 297, 473, 527, 569, 583

Уаки 305
Угро-финны 84
Узбеки 14, 15, 18, 20, 21—23, 30, 32—34,40, 43, 45—47, 50, 88, 96, 101, 108, 110,115, 137, 138, 152, 153, 168, 193, 287, 289—291, 293—295, 317, 319, 329, 339, 344, 345, 348, 369, 370, 372, 373, 378, 379, 381, 386, 392, 399, 400, 408, 440, 441, 460, 463, 464, 470, 472, 473, 515, 516, 522, 559

Узбек-казах 34, 46, 50, 287, 290, 291, 328, 343, 349, 370, 377, 440
Узбек-шайбаниды 348, 370, 374, 377; см. также узбеки
Уйгуры 15, 32, 51, 74, 83, 84, 101, 150,156, 289, 326, 348, 352, 353
Уйраты 289
Уйсуни (уйсын, уйшун, уйшин, ушун) 101, 104, 118, 150, 289, 293, 325, 326, 350

Уйылуны 150
Украш-найманы 150
Усуни 39, 273, 289, 564
Ушун, см. уйсуни

Хазаре 297
Хазары 297
Хакасы 260, 261
Хакаси (хаска) 298
Хвалиссы, см. кангиты
Хивинцы 419
Хорезмийцы 84
Хошоут 304, 418
Хунны, см. гунны

Черкесы 36, 79
Чимбай (чинбай) 150, 289
Чорасы (чурасы) 16, 101, 145, 146, 351, 354
Чоросы (зюнгары) 304, 397, 418, 421
Чу, см. дулат

Шадбаклы 289
Шанышкалы (чанчклы) 304
Шапрашты 293, 304, 306
Шомекей 306
Шункарлы 289

Ысты 293, 304

Юечжи 564
Юзы 23

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИ	– Вопросы истории
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГПБ	– Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ИВ АН СССР	– Институт востоковедения АН СССР
ИВ АН УзССР	– Институт востоковедения АН Узбекской ССР им. Алишера Навои
КирФАН СССР	– Киргизский филиал АН СССР
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова
ЛО ИВ АН СССР	– Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МИКХ; МИТТ; МИТУСА; МИУТТ	– См. в сносках
НАА	– Народы Азии и Африки
ООН АН ТаджССР	– Отделение общественных наук АН Таджикской ССР
ПЛНВ	– Памятники литературы народов Востока
ППВ	– Письменные памятники Востока
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РГО (ИРГО)	– Русское географическое общество
СА	– Советская археология
СВ	– Советское востоковедение
СМИЗО	– См. в сносках
СТ	– Советская тюркология
СЭ	– Советская этнография
ТВОРАО	– Труды Восточного отделения Русского археологического общества
ТИИАЭ АН КазССР	– Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР им. Ч. Ч. Валиханова

ТКЛА	– Туркестанский кружок любителей археологии
ЦГАДА	– Центральный государственный архив древних актов
GMS	– E. J. W. Gibb Memorial Series
GMS, NS	– E. J. W. Gibb Memorial Series, New Series
JA	– Journal Asiatique
UAJ	– Ural-Altaische Jahrbucher
ZDMG	– Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 7
Источники и историография позднесредневекового Казахстана 10
1. Письменные источники 10
2. Историография позднесредневекового Казахстана 30
3. Историография археологического изучения Казахстана XIV — начала XVIII вв. 54

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. Сложение казахской народности. Становление и развитие Казахского государства. 73

Глава первая. **Золотая Орда 74**
1. Образование улусов 74
2. Политический и государственный строй 80
3. Последствия завоеваний 85

Глава вторая. **Государства на территории Казахстана в XIV — первой половине XV вв. 96**
1. Политическое положение и этнокультурное развитие в Восточном Дешт-и Кыпчаке и Жетысу в XIV — первой половине XV вв. 96
2. Ак-Орда в XIV веке 103
3. Юго-Восточный Казахстан в составе Могулистана 116
4. Войны эмира Тимура на территории Восточного Дешт-и Кыпчака и Жетысу 123
5. Восточный Дешт-и Кыпчак и Жетысу в 1-й половине XV века 130
6. Ханство Абулхайра («Государство кочевых узбеков») 148
7. Ногайская Орда, Северный Казахстан и Западная Сибирь в XIII–XV веках 153

Глава третья. **Экономика Казахстана в XIV–XV веках 165**
1. Состояние скотоводства и земледелия 165
2. Социально-экономические отношения 176
3. Государственно-административное устройство Ак-Орды, Могулистана, ханства Абулхайра, Ногайской Орды 189
4. Города, городские и сельские поселения 192
5. Ремесло 200
6. Караванные пути, торговля, денежное обращение 210

Глава четвертая. **Духовная культура. Религия. Искусство** 225
1. Духовная культура Казахстана в XIII–XV вв. 225
2. Религиозные верования. Ислам в XIV–XV вв. 239
3. Архитектура и искусство 245

Глава пятая. **Сложение казахской народности** 257
1. Этногенез казахского народа по данным антропологии 257
2. Этнические процессы после монгольского завоевания. Изменения в территориальном размещении, родоплеменном составе населения 280
3. Формирование этнополитических общностей на территории Казахстана 287
4. Завершающий этап формирования казахской народности 291
5. О термине «қазақ» 295
6. Казахские жузы. Этническая территория 301

Глава шестая. **Казахское ханство в XV в.** 312
1. Предпосылки образования Казахского ханства 312
2. Жаныбек и Гирей 319
3. Образование Казахского ханства 327
4. Укрепление Казахского ханства в последней трети XV в. 335
5. Упрочение власти казахских ханов в Жетысу 348

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. Казахское государство в XVI – начале XVIII вв. 362

Глава первая. **Казахское государство в первой половине XVI в.** 363
1. Касым-хан. Возвышение ханства. Расширение территории 363
2. Взаимоотношения правителей Казахского государства с узбекскими ханами Мавераннахра в начале XVI в. 367
3. Казахские владетели во второй четверти XVI в. Внутриполитические события 374
4. Казахи, монголы и калмаки в 30–50-х годах XVI в. 377

Глава вторая. **Казахское государство во второй половине XVI – начале XVII вв.** 383
1. Хакназар-хан. Укрепление государства во второй половине XVI в. 383
2. Взаимоотношения с Шайбанидами и Аштарханидами Средней Азии на рубеже XVI–XVII вв. Тауекель-хан. Поиски путей сближения с Россией 397

Глава третья. **Внутриполитическая обстановка и международное положение Казахстана в XVII в.** 414
1. Политическое положение в начале XVII в. Усобицы. Взаимоотношения с Бухарским ханством 414
2. Казахское ханство в 30–50 годах XVII века 417
3. Укрепление верховной власти при Тауке-хане. «Жеты-Жаргы» . 424
4. Взаимоотношения с Россией и соседними народами 433

Глава четвертая. **Экономика и быт казахов** 446
1. Хозяйство и быт 446
2. Народные промыслы и ремесла 453
3. Военное дело и вооружение 457
Глава пятая. **Позднесредневековые города и поселения Казахстана** 462
1. Города Южного Казахстана (Туркестана) в XVI—XVII вв. 462
2. Количество городов, топография и типология позднесредневековых городищ 474
3. Городское и сельское жилища. Вопросы социальной структуры и демографии городов 485
4. Архитектура и строительство 490
5. Ремесленная жизнь 494
6. Торговля и денежное обращение 505
7. Ирригация и земледелие 507
Глава шестая. **Социально-экономические отношения** 515
1. Социальные группы и категории 515
2. Формы собственности в городах и оазисах Южного Казахстана. Социальный состав городского населения в XV—XVII вв. 524
Глава седьмая. **Духовная культура казахского народа** 536
1. Духовная культура 536
2. Казахский язык 564
3. Народные обычаи, обряды и традиции 574
4. Религиозные верования. Распространение ислама 581

Приложения 591
Хронологический указатель 592
Указатель имен 595
Указатель историко-географических и топографических названий 604
Указатель этнических названий 613
Список сокращений 616

ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА

(с древнейших времен до наших дней)
в 5-ти томах

Том 2

Главный редактор *А. Пранов*
Зав. ред. *Н. Жиенгалиев*
Технический редактор *О. Рысалиева*
Художники *К. Турекулов, А. Искаков*
Компьютерная верстка *Н. Развинавичене*

ИБ № 021

Сдано в набор 20.02.2010. Подписано в печать 29.04.2010. Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс. Усл.-печ. л. 39 +0,125 вкл., + 0,125 форзац. Уч.-изд. л. 50,838 + 0,102 вкл., + 0,11 форзац. Тираж 3000 экз. Заказ № 3824

ТОО «Корпорация «Атамұра», 050000, г. Алматы, пр. Абылай хана, 75.

Полиграфкомбинат ТОО «Корпорация «Атамұра» Республики Казахстан, 050002, г. Алматы, ул. Макатаева, 41.